

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (54)

КОГНИЦИЯ,
КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС:
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Часть I

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 3 (54)

**КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС:
СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием**

20–21 апреля 2023 года

Часть I

Москва – Тамбов
2023

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52638 от 25 января 2013 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2023 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Новодранова В. Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Потанина Н. Л., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Моск. гос. лингв. ун-т, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 3 (54) : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 20–21 апреля 2023 года. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – 816 с.

ISBN 978-5-00078-707-6

В настоящем сборнике представлены такие актуальные направления исследований в области когнитивной лингвистики, как теоретико-методологические аспекты, проблемы когнитивной прагматики, когнитивной социолингвистики, а также когнитивные основы межкультурной коммуникации и профессиональной коммуникации. Среди рассматриваемых тем – обсуждение взаимодействия когниции и полимодальной коммуникации, а также особенностей когнитивных исследований текста и разных типов дискурса, лексики, фразеологии и грамматики.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области когнитивной, полимодальной, дискурсивной лингвистики, а также исследователям, интересующимся аспектами взаимодействия языка и когниции, языка и культуры, прагматики и коммуникации.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-707-6 (Вып. № 3 (54). Часть I)
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2023
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2023

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 3(54)

**COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE:
MODERN ASPECTS OF RESEARCH**

**Papers of All-Russian Scientific Conference
with International Participants**

20–21 April, 2023

Part I

Moscow – Tambov
2023

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscommadzor), Certificate of Registration PI No. FS 77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2023. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N. N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Demyankov V. Z., Doctor of Philology, Professor;
Furs L. A., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);
Novodranova V. F., Doctor of Philology, Professor;
Babina L. V., Doctor of Philology, Professor;
Vinogradova S. G., Doctor of Philology;
Panasenko L. V., Doctor of Philology, Professor;
Potanina N. L., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Kozlova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 3 (54) : Cognition, communication, discourse: modern aspects of research : Papers of all-Russian scientific conference with international participants 20–21 April, 2023. Part I / Volume's editor-in-chief L. A. Furs. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2023. – 816 p.

ISBN 978-5-00078-707-6

This volume presents such topical areas of research in the field of cognitive linguistics as theoretical and methodological aspects, problems of cognitive pragmatics, cognitive sociolinguistics, as well as the cognitive foundations of intercultural communication and professional communication. Among the topics under consideration is a discussion of the interaction of cognition and polymodal communication, as well as the features of cognitive studies of the text and different types of discourse, vocabulary, phraseology and grammar.

The collection of papers is meant for a wide range of specialists in the field of cognitive, polymodal, discourse linguistics, as well as researchers interested in aspects of the interaction of language and cognition, language and culture, pragmatics and communication.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Болдырев Н. Н.</i> Учет коллективного и индивидуального знания в бесконфликтной языковой коммуникации	21
<i>Гришаева Л. И.</i> Особенности коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации как фактор выбора средств и способов реализации коммуникативных стратегий.	27
<i>Гурочкина А. Г.</i> Когнитивно-регулятивный аспект метакоммуникативной деятельности в межличностном взаимодействии.	32
<i>Демьянков В. З.</i> Коммуникативное и когнитивное маневрирование.	36
<i>Заботкина В. И.</i> Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект	40
<i>Карасик В. И.</i> Аксиология артефактов низкого качества	44
<i>Кибрик А. А.</i> Исследование экзотического языка: когнитивные аспекты.	51
<i>Краева И. А.</i> Особенности полисемии английских прилагательных, номинирующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ	58
<i>Кузнецов В. Г.</i> Роль гипонимов в категоризации действительности (на материале французского и английского языков).	62
<i>Кшеновская У. Л.</i> Функциональный аспект лингвокреативности.	67
<i>Песина С. А., Комисарова Л. С.</i> Антропоморфизм в наивной картине мира носителей языка	71
<i>Подшибякина Т. А.</i> Когнитивная нарратология в предметном поле политической науки: адаптация методологии.	76
<i>Топорова В. М., Корнева Е. В.</i> Форматы пространственно-визуальной репрезентации ментального образа	80
<i>Ушакова А. П., Шишкина С. А.</i> Вербализация ценностей как объект лингвистического исследования	84
<i>Федяева Е. В., Тарабакина А. А.</i> Вторичная интерпретация знания как основание перехода от физического к абстрактному.	87
<i>Фурс Л. А.</i> Когнитивный мониторинг и эффективная коммуникация.	92
<i>Янь Кай.</i> Психолингвистическое описание значения слова <i>чувство</i> в языковом сознании носителей русской культуры	97

II. КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

<i>Абьякая О. В., Землякова К. В.</i> Когнитивный рефрейминг мифологических концептов	104
<i>Бабенко Л. Г.</i> Эмоциональный интеллект как проявление ментальной интеграции в лингвокогнитивном рассмотрении (на материале лексикографических данных).	109
<i>Багиян А. Ю.</i> Прагма-аксиологическое моделирование как основной инструмент концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности	114

<i>Беляевская Е. Г.</i> Критерии выбора метода в когнитивных исследованиях языка	119
<i>Берзина Г. П.</i> Категориально-матричный метод анализа модусной категории уступительности	123
<i>Блохина Е. Д.</i> Сравнение в сочетании с другими когнитивными механизмами формирования интерпретирующего смысла	128
<i>Борисенко Т. В.</i> Концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ в структуре концептуальных категорий	133
<i>Вестербейк А. Г. М., Коннова М. Н.</i> Нейролингвистические подходы к исследованию метафоры	137
<i>Горбунова Ю. С.</i> Концепт ПРОСТРАНСТВО в современном русском языке	142
<i>Гордиевская М. Л.</i> Русский пространственный дейксис и поле зрения наблюдателя	146
<i>Григорьева В. С.</i> Концептуальная валентность как основа создания лексикографических диалоговых словарей	150
<i>Донина О. В.</i> Использование психолингвистических маркеров при сопоставлении жанров интернет-дискурса	157
<i>Дудорова М. В.</i> Концептуализация роста живого существа в русском языке	161
<i>Жердева О. Н., Скубиёва Е. Н.</i> Когнитивный аспект речевого поведения участника диалогической ситуации	165
<i>Захарова А. Г.</i> Механизм концептуальной интеграции при формировании семантики отпрецедентных имён (на материале кластера Spongebob)	170
<i>Каганов А. Ш.</i> Внутридикторская вариативность: от теории распознавания слуховых образов к когнитивному анализу	175
<i>Кириллова Е. Д.</i> Когнитивные механизмы метафоры и метонимии в СМИ на примере имен собственных	180
<i>Колотнина Е. В., Олышванг О. Ю.</i> Метафорическая репрезентация образа больницы, персонала, пациентов в сознании студентов медиков	184
<i>Корнева В. В.</i> Вторичная репрезентация оронима MONTE в испанской языковой картине мира	188
<i>Куксова Н. А.</i> Содержательные признаки концептуальной области CLIMATE CHANGE в структуре когнитивной матрицы ECOLOGY	193
<i>Левецкий А. Э.</i> Еда и не только: вопросы когнитивной семантики и лингвокультурологии	197
<i>Манерко Л. А.</i> Концептуальная интеграция: структуры знания в терминологической номинации и научном дискурсе	201
<i>Панченкова М. Ф.</i> Ассимиляция русизмов в английском языке как когнитивный процесс (на примере концепта TSAR)	206
<i>Петрова И. М., Гостева Н. С.</i> Когнитивный анализ вариативности атрибутивных структур, описывающих лексему <i>небо</i> , в русском и английском языках	210
<i>Рябко О. П.</i> Когнитивные механизмы восприятия и переработки номинативной информации	214

<i>Саватеева И. А.</i> Прототипическое выражение категории поведения в английском языке	219
<i>Скрынникова И. В.</i> Экспланаторная функция метафоры в (ре)фрейминге климатических изменений	223
<i>Таймур М. П.</i> Концептуальная метафора в современном испанском языке	228
<i>Теплякова А. Б.</i> Метафтонимия в освещении политики и экономики в мультимодальном медийном дискурсе	232
<i>Файзуллина Н. И., Сюй Жун.</i> Учет когнитивного контекста как один из фокусов внимания при лингвокогнитивном анализе народной загадки	237
<i>Фомина М. А.</i> Экспланаторный потенциал фреймового подхода к когнитивной интерпретации семантики моделей типа <i>Крышу сорвало ветром vs. Ветер сорвал крышу</i>	240
<i>Цзинь Т.</i> Метафора как механизм генерации сознания	245
<i>Шевченко Т. И.</i> Когнитивные методы анализа в исследовании ударения и интонации	250
<i>Шемаева Е. В.</i> Когнитивные механизмы формирования семантики единиц парфюмерного сленга в русском языке	254
<i>Шестопалова А. М.</i> Субъектная перспектива в описании технических приборов и устройств	259

III. КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

<i>Адащик Д. Н.</i> Когнитивно-прагматические особенности англоязычного политического дискурса в период пандемии COVID-19 (на материале выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона)	265
<i>Макурова Д. А.</i> Между правдой и ложью: о проблеме верификации информации	270
<i>Мубаракшина А. М.</i> Вербализация концепта ОВЕН в современном русском языке (на материале ассоциативного эксперимента)	273
<i>Насибуллова Г. Р.</i> Прецедентные феномены в структуре языковой личности (на материале рассказов Л. Петрушевской).	277
<i>Немирова Н. В.</i> Прецедентность стратегии позитивной самопрезентации в газетном интервью	281
<i>Пивоварчик Т. А.</i> Избыточность как прагматическая норма публицистического медиатекста (на материале русских устойчивых сочетаний с местоимением <i>свой</i>)	286
<i>Попова Г. Е.</i> Речекогнитивная интенциональность и интегративная релевантность	291
<i>Сабирова С. Г.</i> Когнитивно-прагматическая интеграция в экономическом дискурсе таджикского, английского и русского языков	296
<i>Третьякова Т. П.</i> Когнитивные основы комментирующих высказываний – от коммуникативной идиомы к тексту	299

<i>Трубочкин А. В.</i> Нейросетевой метод в анализе прагматического соответствия синсетов концептуальному содержанию значения на материале английских фразово-глагольных конструкций <i>X out</i>	302
<i>Уженицева А. С.</i> Этнокультурная специфика концепта СЧАСТЬЕ в ракурсе ценностных доминант русской и американской культур	308
<i>Фань Юйвэнь</i> Когнитивно-прагматические характеристики речевого жанра «разговор взрослого с ребенком»	313
<i>Федюнина И. Э., Богачёв Р. Е.</i> Когнитивно-прагматический потенциал фразеологизмов, актуализирующих чувства и эмоциональные состояния (на материале русского и английского языков)	317
<i>Шимберг С. С., Рахманина А. М.</i> Когнитивно-прагматические аспекты реализации комического в интернет-мемах	322
<i>Шклярчук Е. Я.</i> Маркеры-ксенопоказатели в русской устной речи: опыт систематизации	327

IV. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

<i>Галактионова Н. А., Никулина Н. А.</i> Судьба чистописания и каллиграфии в контексте актуальных проблем когнитивистики: традиция, целесообразность или сегрегация	332
<i>Горбылева А. В.</i> Когнитивный и эмоциональный аспекты социального взаимодействия в диалоге	337
<i>Дроздова Т. В.</i> Вербальная репрезентация современных реалий жизнедеятельности социума в дискурсах научно-практических областей: интеграция социальной и экспертной картин мира	341
<i>Дубровская Е. М.</i> Лингвокультурный типаж «сказочник»: аксиологический аспект	346
<i>Ковалёва О. Н.</i> Аксиологические параметры социализации человека в прозе Алексея Варламова	351
<i>Косова К. О., Александрова О. И.</i> Номинации детей с ограниченными возможностями здоровья в дискурсе инклюзивного образования в России и Франции	355
<i>Курочкина М. А., Кушнерук С. Л.</i> Лингвокогнитивные маркеры потери идентичности личности в эпоху социальных сетей	360
<i>Мальшева О. П., Рябченко Н. А.</i> Конструирование и деконструирование мнений в онлайн-пространстве: новые методы когнитивной социолингвистики	365
<i>Мамонова Н. В.</i> Культурно-ценностная матрица как инструмент формирования языкового сознания в медиадискурсе	371
<i>Миронова Д. М.</i> «Мой язык в сладких тонах и тонкостях»: языковое самосознание Испании в зеркале художественной когниции поэтов Золотого века	376
<i>Ростовцева С. А.</i> К вопросу о понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург»	381

<i>Чжао Ц.</i> Спонтанные монологи-рассказы на родном и неродном языке в зеркале социо- и психолингвистики (на материале речи китайцев)	385
<i>Shiryayeva T. A.</i> Advertising slogan as a reflection of socio-cultural reality: socio-cognitive perspectives	390

**V. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

<i>Алтынбекова Б. А., Москвичева С. А.</i> Структурные причины переключения кода при выражении аффективного компонента значения в киргизском языке.	396
<i>Аракелян Н. С.</i> Экология языковой среды как компонент культурно-психологического языкового пространства	401
<i>Донскова Л. А.</i> Развитие эмпатии средствами иностранного языка как фактор успешной коммуникации.	404
<i>Дубровская О. Г.</i> Перевод как когнитивно-дискурсивная деятельность	408
<i>Карельская Ю. Ф.</i> Особенности категории «международное соглашение» Великобритании и США с различными государствами.	412
<i>Козлова Л. А.</i> Переход от этноцентризма к этнорелятивизму как одно из условий бесконфликтной межкультурной коммуникации.	416
<i>Комисарова Л. С., Песина С. А.</i> Способы перевода метафор в процессе межкультурного общения	421
<i>Корякина А. Е., Скороходова Е. Ю.</i> Преодоление когнитивного диссонанса при переводе метафор в художественном тексте	425
<i>Купцов А. Е., Милосердова Е. Е.</i> Дискурсивные и идиоматические единицы как средства межкультурной коммуникации в художественном дискурсе	430
<i>Накисбаев Д. В., Ли Сюэ.</i> Термин «языковая политика» в китайском и западном контексте: когнитивный подход	434
<i>Патиева М. М.</i> Концептуализация ценностей в языковой картине мира ингушского писателя-билингва Идриса Базоркина	439
<i>Рябых Е. Б., Кузьмина Е. А.</i> Национальные метафоры как маркеры стереотипов этнокультурного сознания.	442
<i>Секамова А. М.</i> Контрастивный анализ семантики прилагательных с общим значением <i>личный</i> в русском и английском языке.	447
<i>Сигарева Н. В.</i> Ольфакторная метафора в межкультурном пространстве	451
<i>Сидельникова Е. А., Яковлева Е. В.</i> Формы речевой репрезентации культурообусловленных ценностей в массмедиа	455
<i>Тимофеева Э. О., Борисова А. С.</i> Категоризация мира в английском языке аборигенов Австралии (микроркорпусное исследование).	460
<i>Чжао Ц.</i> Возможность установления универсальной модели вежливости.	465
<i>Юйфэй Цуй.</i> Категория китайских прецедентных имён божеств богатства (ЦАЙШЭНЬ) и понимание их характеристик в китайской культуре	469
<i>Яременко В. И., Чупрына О. Г.</i> Лингвострановедение как неотъемлемый когнитивный аспект в формировании лингвокультурной компетенции будущего лингвиста переводчика.	474

**VI. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

<i>Абросимова Е. А.</i> Пространственные ориентиры в ветеринарной анатомической терминологии (на примере прилагательных, указывающих на расположение частей тела)	481
<i>Аксенова М. В., Мерзлякова А. В.</i> Травелог: к проблеме термина в современном научном дискурсе	486
<i>Беляева И. В.</i> Роль фразеологических единиц в бесконфликтной коммуникации спортсменов	490
<i>Голованова Е. И.</i> Языки профессиональной коммуникации как полипарадигмальный научный объект	495
<i>Жданова Т. А.</i> Роль метафоры живой природы в формировании политехнической терминологии (на материале английского языка)	500
<i>Зайцева М. В., Шварцман О. С.</i> Параметрический признак как объект вторичной номинации (на примере составных терминов с компонентом <i>деньги</i>)	505
<i>Коваленко А. С.</i> Художественная литература как основа формирования медицинской терминологии.	509
<i>Коробова Е. А.</i> Роль концептуальных метафор в профессиональной коммуникации (на материале судебного дискурса)	513
<i>Лютянский В. М., Лютянская М. М.</i> Гносеологическая функция метафоры в анатомической терминологии (на материале терминосистемы «Анатомия ЦНС»)	518
<i>Маммадова Н. Р.</i> Лингво-прагматические особенности онлайн-дискурса преподавателя английского языка онлайн: организационный этап урока	522
<i>Миньяр-Белоручева А. П.</i> Поликодовость исторического дискурса в зеркале профессиональной коммуникации	527
<i>Панкратова С. А.</i> Когнитивные эффекты восприятия в профессиональной рекламной коммуникации.	531
<i>Petrosian M. M., Sharma Sh.</i> Nomination of diseases in medical discourse in English, Russian and Hindi	537
<i>Проконина Н. И.</i> Метафора и метонимия как способы создания терминологизмов (на примере грамматической модели Participle I + Noun)	542
<i>Розозина И. В., Бухнер Н. Ю.</i> Когниция и уровни адаптивности когнитивных систем обучаемых: экспериментальное исследование	547
<i>Рябова И. Ю., Соколова Л. А.</i> Перевод в аспекте синергетического мировидения	554
<i>Сергиенко П. И.</i> Особенности смысловой интерпретации терминологии PR	558
<i>Скнарев Д. С., Русакова М. М., Маерина Н. В.</i> Цифровая профессиональная среда. Религионимы.	563
<i>Сухарева О. В.</i> Роль когнитивных доминант в создании англоязычных эпонимических номинаций	568

<i>Убоженко И. В.</i> Сетевой проект как эффективная актуализация коллективной когниции в творческой профессиональной коммуникации	572
<i>Хрущева О. А.</i> Заимствования в профессиональной коммуникации	577
<i>Чжао Цихан.</i> Когнитивный аспект изучения терминосистемы при составлении терминологических словарей (на примере терминов биомедицинской инженерии)	580
<i>Шевченко О. Г.</i> Предредактирование текстов для машинного перевода: когнитивный подход	586

VII. КОГНИЦИЯ И ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Абакумова О. Б.</i> Пословицы в системе образов художественного кинодискурса	591
<i>Вашинина И. В., Зимица М. В.</i> Иллюстрирование текста как способ изменения его смыслового восприятия	595
<i>Воякина Е. Ю., Макеева М. Н.</i> Сравнение как когнитивный механизм интерпретации современной действительности (на материале интернет-мемов)	600
<i>Голубина К. В., Кумуржи Э. В.</i> Иконичность и метафоризация в естественных языках визуально-пространственной модальности: проблемы и перспективы для русского жестового языка	605
<i>Голубкова Е. Е.</i> Интернет-мемы как лингвосемиотические конструкции	610
<i>Зыкова И. В.</i> Лингвокреативность в полимодальном дискурсе: метод параметризации	615
<i>Иришанова О. К.</i> Концептуализация социальных действий в глаголах и жестах	620
<i>Канашина С. В.</i> Переключение кодов в англоязычных интернет-мемах: когнитивный и лингвосемиотический аспекты	627
<i>Киосе М. И.</i> Полимодальный метод исследования языкового конструирования	631
<i>Костюсова Э. Т.</i> Метаязыковое описание невербального поведения как формы проявления многоязычия художественного текста (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)	637
<i>Лаенко Л. В.</i> Лингвосемиотическая креативность в цветовом поле сферы FASHION	641
<i>Лату М. Н., Тагильцева Ю. Р.</i> Реализация когнитивной матрицы «Свой-Чужой» в поликодовых текстах конфликтной направленности	646
<i>Моргун В. Г.</i> Поликодовые тексты как средство конструирования отношения к деньгам в Китае	650
<i>Нахимова Е. А., Николаева Е. Ю.</i> Визуальная репрезентация метафорического образа Маргарет Тэтчер	654
<i>Немкина Н. И.</i> Мультимодальность в дискурсе СМИ	660
<i>Оприц Н. С.</i> Культурный компонент в мультимодальном тексте англоязычной наружной рекламы	664

<i>Парамонова М. И.</i> Трансформация смысловой интерпретации в мультимодальном заголовочном комплексе сетевого новостного текста (на материале веб-версий англоязычных газет)	669
<i>Петухова Т. И.</i> Прагма-коммуникативный потенциал вербального кода в автопортрете	674
<i>Проскурнич О. Д.</i> Репрезентация мимики людей с расстройствами аутистического спектра и извлечения ими эмоций: трудности интерпретации (на материале произведения Марка Хеддона «Загадочное ночное убийство собаки»).	678
<i>Троценкова Е. В.</i> Продвижение идеологических установок через мемы: марксистские мемы	683
<i>Цибуля Н. Б.</i> Полиmodalный характер кинематографической метафоры (когнитивный аспект)	689
<i>Чупахина А. О.</i> Языковая репрезентация полиmodalного восприятия природы слабовидящим художником.	694

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

<i>Алёшин А. С.</i> Шведские компаративные пословицы с рядоположенностью компонентов (когнитивно-прагматический подход)	699
<i>Бакина А. Д.</i> Лингвокогнитивные аспекты библейской фразеологии	703
<i>Бредис М. А.</i> Репрезентация концепта СКУПОСТЬ в пословицах разноструктурных языков	710
<i>Быкова О. И.</i> Фразеологизация как результат транспозиции категориального признака «количество».	714
<i>Долгова Е. В.</i> Английские фразеологизмы о неразумности: модели формирования и конфликтогенный потенциал	720
<i>Зеркина Н. Н.</i> Когнитивный потенциал английских фразеологических единиц: передача средствами русского языка	724
<i>Зиновьева Е. И.</i> Когнитивная структура стереотипных формул русского языка XVI–XVII веков	728
<i>Ильминская В. И.</i> Трансформации пословиц и их функционирование в художественном тексте	732
<i>Кармышева С. Г.</i> Концепт ВОДА в английской и русской фразеологии	736
<i>Королев С. В.</i> Специфика репрезентации оценки английскими устойчивыми словосочетаниями с сочинительной связью	741
<i>Ломакина О. В.</i> Ценностные константы русского мира: когнитивный анализ паремий	745
<i>Марабини А.</i> Когнитивный аспект номинации: к исследованию экономической фразеологической терминосистемы русского языка	750
<i>Милькевич Е. С.</i> О когнитивном подходе к изучению идиоматического значения (на примере идиомы со словом <i>mouth</i>)	753
<i>Монгуш Ш. В.</i> Роль паремий в репрезентации концепта ОХОТА в тувинской лингвокультуре	758

Содержание

<i>У Нань</i> . Функционирование формы-идиомы <i>в принципе</i> в русском устном дискурсе	763
<i>Нелюбова Н. Ю.</i> Репрезентация концепта ЕДА в русских и французских пословицах: лингвоаксиологический анализ	767
<i>Николаева М. Н.</i> Итальянские пословицы с компонентом «Одежда»: когнитивный аспект	772
<i>Онал И. О.</i> Концепт ДРУГ в турецкой лингвокультуре (на материале паремий)	777
<i>Полянчук О. Б., Черникова А. Э.</i> Особенности семантической и концептуальной интеграции единиц различных уровней.	782
<i>Рыжкина Е. В.</i> Динамика концептуальной метафоры при формировании фразеологических синонимов в английском языке.	787
<i>Сулейманова О. А., Галкина А. Г.</i> Семантика инфинитивных конструкций в русском пословичном дискурсе.	791
<i>Бохао Сюэ.</i> Стереотипные представления о количестве в китайской и русской фразеологии	796
<i>Хохлов А. А.</i> Репрезентация концепта ОБЩЕСТВО фразеологическими средствами в СМИ	801
<i>Чжао С.</i> Когнитивная модель пословицы: подходы к интерпретации	806
<i>Щербань О. В.</i> Концепты РАССТОЯНИЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ как источник семантической деривации в сфере английской фразеологии	810

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF COGNITIVE LINGUISTICS

<i>Boldyrev N. N.</i> Collective and individual knowledge consideration in conflict-free language communication	21
<i>Grishaeva L. I.</i> Features of collective identity of the subject of cognition and communication as a factor in the choice of means and methods of implementing communicative strategies.	27
<i>Gurochkina A. G.</i> Cognitive-regulatory aspect of metacommunicative activity in interpersonal interaction	32
<i>Demyankov V. Z.</i> Communicative and cognitive maneuvering	36
<i>Zabotkina V. I.</i> Cognitive mechanisms of sense development in discourse: Manipulative aspect	40
<i>Karasik V. I.</i> Axiology of low quality artifacts.	44
<i>Kibrik A. A.</i> Studies in an exotic language: cognitive aspects	51
<i>Kraeva I. A.</i> Features of the polysemy of English adjectives nominating the concept GRADUALITY	58
<i>Kuznetsov V. G.</i> The role of hyponyms in the categorization of reality (based on French and English).	62
<i>Kshenovskaya U. L.</i> Linguistic creativity in its functional aspect	67
<i>Pesina S. A., Komisarova L. S.</i> Anthropomorphism in the naive picture of the world of speakers.	71
<i>Podshibyakina T. A.</i> Cognitive narratology in the subject field of political science: Methodology adaptation	76
<i>Toporova V. M., Korneva E. V.</i> Formats of spatial-visual representation of mental image	80
<i>Ushakova A. P., Shishkina S. A.</i> Verbalization of values as an object of linguistic research	84
<i>Fedyayeva E. V., Tarabakina A. A.</i> Secondary interpretation as the basis for the transfer from the concrete to the abstract	87
<i>Furs L. A.</i> Cognitive monitoring and effective communication.	92
<i>Yan Kai.</i> Psycholinguistic description of the meaning of the word <i>feeling</i> in the linguistic consciousness of the speakers of Russian culture	97

II. COGNITIVE METHODS OF ANALYSIS IN LANGUAGE RESEARCH

<i>Abyyaykaya O. V., Zemlyakova K. V.</i> Cognitive reframing of mythological concepts.	104
<i>Babenko L. G.</i> Emotional intelligence as a manifestation of mental integration: linguo-cognitive approach (based on lexicographic data)	109
<i>Bagiyay A. Yu.</i> Pragma-axiological modeling as the main tool for conceptual linguistic projection of professional identity	114
<i>Belyaevskaya E. G.</i> On criteria of choosing methodology in cognitive research.	119
<i>Berzina G. P.</i> Categorical-matrix method for the study of modus category of concession.	123
<i>Blokhina E. D.</i> Comparison in combination with other cognitive mechanisms for the formation of interpretive meaning	128

Contents

<i>Borisenko T. V.</i> Concept MOTHER-HEROINE in conceptual categories	133
<i>Westerbeek A. G. M., Konnova M. N.</i> Neurolinguistic view on metaphor	137
<i>Gorbusnova Yu. S.</i> Concept SPACE in modern Russian	142
<i>Gordievskaya M. L.</i> Russian spatial deixis and the observer's field of view	146
<i>Grigorieva V. S.</i> Conceptual valency as the basis for creating lexicographic dialogues	150
<i>Donina O. V.</i> Using psycholinguistic markers to compare genres of Internet discourse.	157
<i>Dudorova M. V.</i> Conceptualization of the height of a living being in Russian	161
<i>Zherdeva O. N., Skubieva E. N.</i> The cognitive aspect of speech behavior of a participant in a dialogical situation.	165
<i>Zakharova A. G.</i> Conceptual integration in derivatives (based on Spongebob cluster)	170
<i>Kaganov A. Sh.</i> Intra-dictor's variability: from the theory of auditory pattern recognition to cognitive analysis	175
<i>Kirillova E. D.</i> Cognitive mechanisms of metaphor and metonymy of proper names in mass media	180
<i>Kolotina E. V., Olshvang O. Yu.</i> Metaphorical representation of the image of the hospital, staff, patients in the medical students' minds	184
<i>Korneva V. V.</i> Secondary representation of the oronym MONTE in the Spanish language picture of the world.	188
<i>Kuksova N. A.</i> Content features of the conceptual area CLIMATE CHANGE in the structure of the cognitive matrix ECOLOGY	193
<i>Levitsky A. E.</i> Meals and something else through the prism of cognitive semantics and culture.	197
<i>Manerko L. A.</i> Conceptual integration: knowledge structure in terminological nomination and scientific discourse	201
<i>Panchenkova M. F.</i> Assimilation of Russianisms in English as a cognitive process (a study of the concept TSAR).	206
<i>Petrova I. M., Gosteva N. S.</i> Cognitive analysis of the variability of attributive structures describing the <i>sky</i> lexeme in Russian and English	210
<i>Ryabko O. P.</i> Cognitive mechanisms of perception and processing of nominative information	214
<i>Savvateeva I. A.</i> The prototypical expression of the category of behavior in English.	219
<i>Skrynnikova I. V.</i> Explanatory function of metaphor in (re)framing climate change	223
<i>Taymour M. P.</i> Conceptual metaphor in modern Spanish	228
<i>Teplyakova A. B.</i> Metaphonymy in multimodal media discourse in the coverage of politics and economy	232
<i>Fayzullina N. I., Xu Zhun.</i> Taking into account the cognitive context as one of the attention focuses in the linguocognitive analysis of the folk riddle	237
<i>Fomina M. A.</i> The explanatory potential of the frame approach to the cognitive interpretation of the semantics of models such as <i>KRYSHU SORVALO VETROM VS. VETER SORVAL KRYSHU</i>	240
<i>Tszin T.</i> Metaphor as a mechanism generating co-knowledge.	245
<i>Shevchenko T. I.</i> Cognitive methods of analysis in stress and intonation research	250

<i>Shemaeva E. V.</i> Cognitive mechanisms in semantics formation of perfumery slang units in Russian.	254
<i>Shestopalova A. M.</i> Subject perspective in describing technical devices and appliances	259

III. COGNITIVE PRAGMATICS

<i>Adashchik D. N.</i> Cognitive-pragmatic features of the English political discourse in terms of the COVID-19 pandemic (based on the speeches of British Prime Minister Boris Johnson).	265
<i>Makurova D. A.</i> Between truth and lies: the problem of information verification.	270
<i>Mubarakshina A. M.</i> Verbalization of the concept ARIES in modern Russian (based on an associative experiment)	273
<i>Nasibullova G. R.</i> Precedent phenomena in the structure of linguistic personality (based on work by L. Petrushevskaya)	277
<i>Nemirova N. V.</i> The precedent of the positive self-presentation strategy in a newspaper interview	281
<i>Pivovarchik T. A.</i> Redundancy as a pragmatic norm of publicistic media text (based on Russian collocations with the pronoun <i>svoi</i>).	286
<i>Popova G. E.</i> Speech-cognitive intentionality and integrative relevance	291
<i>Sabirova S. G.</i> Cognitive-pragmatic integration in the economic discourse in Tajik, English and Russian.	296
<i>Tretyakova T. P.</i> Cognitive foundations of commentary utterances – from communicative idiom to text.	299
<i>Trubochkin A. V.</i> Neural network method in the pragmatic approach to synset study of the conceptualized meaning of <i>X out</i> constructions in modern English	302
<i>Uzhentseva A. S.</i> Ethnocultural specifics of the concept HAPPINESS highlighted by value dominants of Russian and American cultures	308
<i>Fan Yuwen.</i> Cognitive-pragmatic characteristics of the speech genre “conversation of an adult with a child”	313
<i>Fedyunina I. E., Bogachev R. E.</i> Cognitive-pragmatic potential of English and Russian idioms for feelings and emotions.	317
<i>Shimberg S. S., Rakhmanina A. M.</i> Cognitive and pragmatic aspects of comic effect in Internet memes	322
<i>Shkliaruk E. Ya.</i> Xeno-markers in Russian speech: systematization experience	327

IV. COGNITIVE SOCIOLINGUISTICS

<i>Galaktionova N. A., Nikulina N. A.</i> The fate of penmanship and calligraphy in the context of actual problems of cognitive science: tradition, expedience or segregation	332
<i>Gorbyleva A. V.</i> Cognitive and affective aspects of social interaction in a dialogue	337
<i>Drozдова T. V.</i> Verbal representation of social life current realities in the discourse of scientific and practical fields: integration of social and expert worldviews	341
<i>Dubrovskaya E. M.</i> The linguocultural type “storyteller”: axiological aspect.	346
<i>Kovaleva O. N.</i> Axiological parameters of human socialization in Alexey Varlamov’s prose	351

<i>Kosova K. O., Aleksandrova O. I.</i> Nominations of children with disabilities in the discourse of inclusive education in Russia and France	355
<i>Kurochkina M. A., Kushneruk S. L.</i> Linguocognitive markers of loss of personal identity in the era of social networks	360
<i>Malysheva O. P., Ryabchenko N. A.</i> Construction and deconstruction of opinions in the online space: New methods of cognitive sociolinguistics	365
<i>Mamonova N. V.</i> Cultural-value matrix as a tool for the formation of linguistic consciousness in the media discourse	371
<i>Mironova D. M.</i> “My language in sweet tones and subtleties”: the linguistic self-awareness of Spain in the mirror of the artistic cognition of the Golden Age poets ...	376
<i>Rostovtseva S. A.</i> Revisiting the conceptual component of a linguocultural type “doctor-surgeon”	381
<i>Zhao Z.</i> Spontaneous monologues-stories in native and non-native languages in the mirror of socio- and psycholinguistics (based on Chinese speech)	385
<i>Ширяева Т. А.</i> Рекламный слоган как отражение социокультурной действительности: социокогнитивные перспективы	390

V. COGNITIVE BASES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

<i>Altynbekova B. A., Moskvicheva S. A.</i> Code switching in expressing the affective component of meaning in Kyrgyz: Structural reasons.	396
<i>Arakelyan N. S.</i> Ecology of the language environment as a component of the cultural and psychological language space	401
<i>Donskova L. A.</i> Development of empathy by means of a foreign language as a factor of successful communication	404
<i>Dubrovskaya O. G.</i> Translation as a cognitive and discursive activity	408
<i>Karelskaya Yu. F.</i> Category features of the UK or USA “International agreement” ...	412
<i>Kozlova L. A.</i> Transition from ethnocentrism to ethnorelativism as a condition for conflict-free intercultural communication	416
<i>Komisarova L. S., Pesina S. A.</i> Ways to translate metaphors in the process of intercultural communication.	421
<i>Koryakina A. E., Skorokhodova E. Yu.</i> Managing cognitive dissonance in translating metaphors in a literary text	425
<i>Kuptsov A. E., Miloserdova E. E.</i> Discourse and idiomatic units as means of intercultural communication in artistic discourse	430
<i>Nakisbaev D. V., Lee Xue.</i> The term “language policy” in the Chinese and Western context: a cognitive approach	434
<i>Patieva M. M.</i> Conceptualization of values in the linguistic worldview of Ingush bilingual writer Idris Bazorkin.	439
<i>Ryabykh E. B., Kuzmina E. A.</i> National metaphors as markers of stereotypes of ethnocultural consciousness.	442
<i>Sekamova A. M.</i> Comparing semantics of Russian and English adjectives denoting personal space	447
<i>Sigareva N. V.</i> Olfactory metaphor in cross-cultural domain	451
<i>Sidelnikova E. A., Yakovleva E. V.</i> Forms of speech representation of culturally conditioned values in mass media.	455

<i>Timofeeva E. O., Borisova A. S.</i> Linguistic categorization in Australian aboriginal English (microcorpus study)	460
<i>Zhao Z.</i> The possibility of establishing a universal model of politeness	465
<i>Yufei Cui.</i> The category of Chinese precedent names of Wealth Deities (CAI SHEN) and understanding their characteristics in Chinese culture	469
<i>Yaremko V.I., Chupryna O. G.</i> Country-oriented language studies as an integral cognitive aspect in the formation of linguistic and cultural competence of translators/ interpreters	474

VI. COGNITIVE BASES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

<i>Abrosimova E. A.</i> Space references in veterinary anatomical terminology (by the example of adjectives indicating location of body parts)	481
<i>Aksenova M. V., Merzlyakova A. V.</i> Travelogue: the problem of the term in modern scientific discourse	486
<i>Belyaeva I. V.</i> The role of phraseological units in the conflict-free communication of athletes	490
<i>Golovanova E. I.</i> Languages of professional communication as a polyparadigmatic scientific object	495
<i>Zhdanova T. A.</i> The role of wildlife metaphor in the polytechnical terminology formation in English	500
<i>Zaitseva M. V., Shvartsman O. S.</i> Parametric attribute as an object of secondary nomination (by the example of compound terms with the <i>money</i> component)	505
<i>Kovalenko A. S.</i> Fiction as a basis for the formation of medical terminology	509
<i>Korobova E. A.</i> The role of conceptual metaphors in professional communication: a study of judicial discourse	513
<i>Lyutyansky V. M., Lyutyanskaya M. M.</i> The epistemological function of metaphor in anatomical terminology (based on the term system "Anatomy of the CNS")	518
<i>Mammadova N. R.</i> Linguo-pragmatic features of the EFL teachers online discourse: the organizational stage of the lesson	522
<i>Minyar-Beloroucheva A. P.</i> Historical discourse polycode nature within professional communication	527
<i>Pankratova S. A.</i> Cognitive effects of perception in the professional advertising communication	531
<i>Петросян М. М., Шарма Ш.</i> Наименования в медицинском дискурсе (на примере названий заболеваний в английском, русском и хинди)	537
<i>Prokonina N. I.</i> Metaphor and metonymy as ways of creating terminologisms (on the example of the Participle I + Noun grammar model)	542
<i>Rogozina I. V., Bukhner N. Yu.</i> Cognition and levels of learners' cognitive adaptability: experimental research	547
<i>Ryabova I. Yu., Sokolova L. A.</i> Translation in terms of synergetic worldview	554
<i>Sergienko P. I.</i> Features of semantic interpretation of PR terminology	558
<i>Sknarev D. S., Rusakova M. M., Mavrina N. V.</i> Digital confessional media. Religious terms	563
<i>Sukhareva O. V.</i> The role of cognitive dominants in creating English eponymous nominations	568

<i>Ubozhenko I. V.</i> Network project as an effective actualization of collective cognition in creative professional communication	572
<i>Khrushcheva O. A.</i> Foreign words in professional communication	577
<i>Zhao Qihang.</i> Cognitive aspect of studying the term system when compiling special dictionaries (based on biomedical engineering terms)	580
<i>Shevchenko O. G.</i> Text pre-editing for machine translation: a cognitive approach	586

VII. COGNITION AND POLYMODAL COMMUNICATION

<i>Abakumova O. B.</i> Proverbs in the system of artistic images in film discourse	591
<i>Vashunina I. V., Zimina M. V.</i> Illustrating a text as a way to change its semantic perception.	595
<i>Voyakina E. Yu., Makeeva M. N.</i> Comparison as a cognitive mechanism for interpreting modern reality (based on Internet memes)	600
<i>Golubina K. V., Kumurzhi E. V.</i> Iconicity and metaphorization in natural languages of visual-spatial modality: implications for the Russian sign language	605
<i>Golubkova E. E.</i> Internet memes as linguo-semiotic constructions	610
<i>Zykova I. V.</i> Linguistic creativity in polymodal discourse: the method of parameterization	615
<i>Iriskhanova O. K.</i> Conceptualizing social acts in verbs and gestures	620
<i>Kanashina S. V.</i> Code switching in English Internet memes: cognitive and linguo-semiotic aspects	627
<i>Kiose M. I.</i> Multimodal analysis of linguistic construal	631
<i>Kostousova E. T.</i> Metalinguistic description of non-verbal behavior as a form of manifestation of multilingualism of a literary text (based on L. N. Tolstoy's novel "War and Peace")	637
<i>Laenko L. V.</i> Linguo-semiotic creativity in the color field of FASHION sphere	641
<i>Latu M. N., Tagiltseva Yu. R.</i> "OWN-ALIEN" cognitive matrix in polycode texts of conflict nature	646
<i>Morgun V. G.</i> Polycode texts as a means of constructing attitude to money in China	650
<i>Nakhimova E. A., Nikolaeva E. Yu.</i> Visual representation of the metaphorical image of Margaret Thatcher.	654
<i>Nemkina N. I.</i> Multimodality in mass-media discourse	
<i>Oprishch N. S.</i> Cultural component in the multimodal text of English outdoor advertising.	664
<i>Paramonova M. I.</i> Transformation of semantic interpretation in a multimodal title complex of the online news text (based on web versions of English newspapers)	669
<i>Petukhova T. I.</i> Pragmatic and communicative potential of the verbal code in a self-portrait	674
<i>Proskurnich O. D.</i> Representation of facial expressions of people with autism spectrum disorders and the extraction of emotions: difficulties in interpretation (based on Mark Haddon's work "The Curious Incident of the Dog in the Night")	678
<i>Troshchenkova E. V.</i> Promoting ideological stances via memes: Marxist memes	683
<i>Tsibulya N. B.</i> Polymodal nature of cinematographic metaphor (cognitive aspect)	689
<i>Chupakhina A. O.</i> Language representation of the polymodal perception of nature by a visually impaired artist.	694

VIII. COGNITIVE STUDIES OF PHRASEOLOGY

<i>Alyoshin A. S.</i> Swedish comparative proverbs with equated components (cognitive-pragmatic approach)	699
<i>Bakina A. D.</i> Linguocognitive aspects of biblical phraseology	703
<i>Bredis M. A.</i> Representation of the concept COVETOUSNESS in proverbs of typologically different languages	710
<i>Bykova O. I.</i> Phraseologization as a result of the transposition of the categorical attribute “quantity”	714
<i>Dolgova E. V.</i> English phraseologisms about unreasonableness: models of formation and conflictogenic potential	720
<i>Zerkina N. N.</i> Cognitive potential of English phraseological units: translation into Russian	724
<i>Zinovieva E. I.</i> Cognitive structure of stereotypical formulas in Russian of the 16–17 centuries	728
<i>Ilminkaya V. I.</i> Transformations of proverbs and their functioning in a literary text	732
<i>Karamysheva S. G.</i> The concept WATER in English and Russian phraseology	736
<i>Korolev S. V.</i> Specifics of evaluation representation by English coordinating fixed phrases	741
<i>Lomakina O. V.</i> Value constants of the Russian world: cognitive analysis of paremia	745
<i>Marabini A.</i> Cognitive aspects of nomination: to the research of the economic phraseological terminological system of Russian	750
<i>Milkevich Ye. S.</i> On the cognitive approach to the study of idiomatic meaning (based on the idiom with the lexeme <i>mouth</i>)	753
<i>Mongush Sh. V.</i> The role of proverbs in the representation of the concept HUNTING in Tuva linguoculture	758
<i>Wu Nan.</i> The function of form idiom <i>v printsipe</i> in Russian oral discourse	763
<i>Nelyubova N. Yu.</i> The concept FOOD in Russian and French proverbs: linguo-axiological analysis	767
<i>Nikolaeva M. N.</i> Italian proverbs with the component clothes/clothing: a cognitive aspect	772
<i>Onal I. O.</i> The concept FRIEND in the Turkish linguistic culture (based on paremias)	777
<i>Polyanchuk O. B., Chernikova A. E.</i> Semantic and conceptual integration features of units of different levels	782
<i>Ryzhkina E. V.</i> Dynamics of conceptual metaphor and formation of English idiomatic synonyms	787
<i>Suleimanova O. A., Galkina A. G.</i> Russian proverbs: semantics of infinitive constructions	791
<i>Bohao Xue.</i> Stereotypical representations of quantity in Chinese and Russian phraseology	796
<i>Khokhlov A. A.</i> Representation of the concept SOCIETY by phraseological means in mass media	801
<i>Zhao S.</i> Cognitive model of the proverb: approaches to interpretation	806
<i>Shcherban O. V.</i> Concepts DISTANCE and TRAVEL as a source of semantic derivation in the sphere of English phraseology	810

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

*Н. Н. Болдырев (Россия, Тамбов)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

УЧЕТ КОЛЛЕКТИВНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЗНАНИЯ В БЕСКОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Бесконфликтная языковая коммуникация рассматривается как общение в норме, исключающее возможность двойственной интерпретации семантики используемых языковых единиц и механизмов формирования смысла, нежелательных импликаций и инференций, использование ненормативной лексики, нарушение грамматических правил организации высказываний и дискурса со стороны отправителя и получателя информации.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, знание, коллективное, индивидуальное.

Бесконфликтность любого вида языковой коммуникации обусловлена ее непосредственной соотнесенностью с нормой как в плане ее структуры и содержания, так и с точки зрения ее организации и оформления. В этом случае в фокус внимания исследователей попадает одна из ключевых проблем современного языкознания – проблема соотношения объемов коллективного (разделяемого) и индивидуального (специфического) опыта и знания о мире и языке, которыми владеют участники коммуникации. Нормонарушающий характер общения всегда связан с риском провоцирования конфликтных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

языковых ситуаций, т. е. конфликтов знаний, мнений, интерпретаций и вызванных ими коммуникативных неудач.

Структурно-содержательная нормативность бесконфликтного языкового общения предполагает взаимную ориентацию ее участников на систему знаний друг друга и ее структуру, которые представляют собой определенный объем усвоенных коллективных знаний о мире и конвенциональных способах их структурирования и передачи в языке. Это – общие знания об устройстве мира, в том числе языка, о естественных причинно-следственных отношениях между объектами, социальных и иерархических связях между людьми, ассоциативных связях в сознании человека, о системах ценностей и оценочных шкалах, о законах развития природы, общества и процессов познания. Нормативность организации и языкового оформления требует владения коллективным языковым опытом схематизации и передачи всех этих знаний.

В данном контексте **понятие нормативности общения**, которое обеспечивает бесконфликтный характер языковой коммуникации, **предполагает**:

1) нормативное использование лексических и грамматических единиц, форм вежливого обращения к адресату, правил орфографии (в письменной) и орфоэпии (в устной) коммуникации;

2) соблюдение норм построения высказываний и дискурса в целом, его коммуникативного членения;

3) ясность и конкретность передаваемых смыслов, а также когнитивных и языковых механизмов их формирования;

4) четкость используемых определений и формулировок, логичность и простота их языкового оформления;

5) прозрачность деривационных отношений между первичными и вторичными концептуальными и языковыми структурами, в том числе деривационных отношений интерпретирующего плана;

6) четкую соотнесенность индивидуальных знаний с коллективными, устоявшимися базовыми знаниями и их языковыми обозначениями;

7) использование уточняющих формулировок, нейтрализующих возможное нежелательное осмысление языковых единиц и формулировок.

Одновременно **понятие нормативного общения исключает**:

1) использование ненормативной лексики;

2) грубые ошибки в произнесении слов или в их написании;

3) использование языковых единиц, допускающих нежелательные импликации и инференции;

4) разноразрешенность процессов фокусирования, когда внимание участников коммуникации фокусируется на разных объектах или элементах высказывания и его смысла;

5) злоупотребление абстрактными и умозрительными формулировками, непонятными за пределами определенной профессиональной области или социального контекста;

6) чрезмерное использование сокращений и немотивированных иноязычных заимствований;

7) манипулирование смыслами за счет двойного осмысления языковых единиц или их разной интерпретации (см. также: [Болдырев 2022]).

Коллективное знание предполагает разные уровни его стандартизации, т. е. признания (разделения) тем или иным сообществом, использующим один и тот же или разные языки в процессах коммуникации в рамках одной культуры или на межкультурном и межнациональном уровне. Другими словами, **стандартизация знания в качестве коллективного** может происходить на межкультурном, национальном, территориальном, социокультурном уровнях, включая широкие и малочисленные объединения людей на основе общественных, досуговых или профессиональных интересов, партийной или религиозной принадлежности, принадлежности к определенной гендерной, возрастной, субкультурной группе. При этом коллективное знание включает в себя не только базовые, общепринятые представления о мире и языке, но и общепринятые, разделяемые тем или иным сообществом, схемы и модели их интерпретации на основе базовых ценностей, например: *христианские заповеди, партийный устав, государственная политика, международное / национальное право, правила внутреннего распорядка, этика научного общения, редакционно-издательская политика журнала, клятва Гиппократа, законы криминального мира* и т. п.

Индивидуальные различия, которые препятствуют бесконфликтному языковому общению в силу перечисленных выше факторов, **проявляются в механизмах, схемах и типах языковой интерпретации**: первичная vs вторичная; селективная, классификационная, оценочная интерпретация (см. подробнее: [Болдырев 2017; 2018]). **Первичная языковая интерпретация** имеет непосредственное отношение к коллективному знанию, поскольку связана с формированием общих базовых знаний о мире и языке, хотя в ней также могут присутствовать элементы селекции, классификации и оценки, но обязательно коллективного уровня. В первую очередь эти функциональные типы (в основе их выделения лежат соответствующие функции языковой интерпретации: селекции, классификации, оценки) свойственны **вторичной языковой интерпретации**, имеющей ярко выраженный индивидуальный характер. **Бесконфликтность языковой коммуникации** в этом случае **обеспечивается** степенью прозрачности деривационных отношений между коллективным и индивидуальным знанием как определенной интерпретацией первого в рамках второго,

которая должна быть очевидна не только для отправителя, но и для получателя информации.

Из этого следует очевидный вывод, что эффективность любой языковой коммуникации прежде всего определяется степенью ее осмысленности (в том числе в плане совпадения индивидуальных интерпретаций) как со стороны отправителя, так и со стороны получателя информации, и в этом заключается ее бесконфликтность. Рассмотрим некоторые примеры использования конкретных когнитивных и языковых механизмов формирования смыслов на основе реализации трех названных функциональных типов вторичной языковой (индивидуальной) интерпретации с позиции степени бесконфликтности передаваемых смыслов.

Примером избирательной, селективной, интерпретации событий и их характеристик может служить использование когнитивного механизма **разновекторного фокусирования** (фокусирование разных объектов, их характеристик и связей между ними в процессах их концептуализации и языковой репрезентации), ведущего к несовпадению выделяемых отправителем и получателем информации смысловых фокусов (**фокусный диссонанс**):

- *Доктор, помогите! Меня укусил шмель!*
- *Ничего, сейчас намажем мазью.*
- *Как вы его намажете?! Он уже улетел.*
- *Да, нет же, я намажу то место, где он вас укусил.*
- *А-а-а, это было в парке на скамейке, под деревом.*

Доктор, закатывая глаза: Нет, я помажу вам ту часть тела, куда вас укусил шмель, и все пройдет.

- *Так бы и сказали, доктор! Шмель укусил меня в палец.*
- *Какой именно?*
- *Откуда я знаю? По мне, так все шмели одинаковые (Интернет).*

Селективная интерпретация, вызывающая определенный диссонанс со стороны получателя информации, проявляется также в выборе определенных языковых средств репрезентации объекта или события, например, профессионального жаргона в ситуации общения с непрофессиональной аудиторией, например: *Продавец оперативно прекратил совершение административного правонарушения* (Вести. Местное время. Тамбов. 30.12.2022).

Для сравнения тот же механизм формирования смысла, но уже на основе классифицирующей интерпретации и с другим результатом – нейтрализацией конфликтной ситуации, используется в следующем примере дистантного общения компьютерного специалиста с обычным пользователем компьютера:

- Кликните правой кнопкой мыши.
- Это же не мышка, у нее хвоста нет. Думаю, это – хомяк.
- Прекрасно, сделайте правый клик хомяком.

Классификация как функция и тип вторичной языковой интерпретации непосредственно связана с процессами категоризации. Речевой конфликт возникает в том случае, когда отправитель информации использует малоизвестные или необычные, часто заимствованные, слова для обозначения тех или иных категорий, которые в силу этого характеризуются ограниченным уровнем стандартизации на коллективном уровне, например: *спикер, сламер, администратор управления, питчинг, воркшоп, компетенции, дейтинг, коворкинг, коливинг, чекиниться, хакатон, ассесмент, тимбилдинг* и т. п. Потенциальная конфликтность семантики данных обозначений в плане передачи смысла заключается в их непонимании или неправильном восприятии получателем информации из-за отсутствия связей с базовыми знаниями, базовыми концептами и категориями коллективного уровня и их общепринятыми обозначениями. Соответственно данные категории и процессы их формирования и обозначения оказываются лишенными смысла, «пустыми», непонятными с точки зрения их связи и деривационных отношений со структурой коллективного, базового знания.

Степень эффективности языковой коммуникации как фактор ее бесконфликтности во многом определяется совпадением или несовпадением оценочной интерпретации событий соответственно отправителем и получателем сообщения. Этот тип языковой интерпретации основан на индивидуальном выделении определенных характеристик объектов, акцентировании их связей с другими объектами, их соотношении с индивидуальной системой ценностей и оценочными шкалами, оценочными концептами и категориями.

В качестве когнитивного механизма реализации оценочной интерпретации и формирования смысла в подобных случаях часто используется разно-векторная стандартизация физических и ментальных объектов – так называемые «двойные стандарты» в оценке. Например, оценка в западных политических кругах и СМИ суверенитета и права наций на самоопределение, определенная избирательность в праве поддерживать или осуждать однотипные события в мире (борьба за автономию в Косово, на Тайване, с одной стороны, и в Донбассе, Северной Ирландии – с другой), навязывание собственного видения мирового порядка, базовых ценностей, выгодного для определенного круга лиц понимания демократии, свободы и справедливости. В частности, в западных странах наиболее справедливой признается автоматизированная система отбора участников научной конференции на основе кратких тезисов и без учета профессионального статуса и опыта исследований в заявленной

области, что, впрочем, часто копируется и некоторыми отечественными организаторами конференций, привлекающими к отбору присылаемых материалов в том числе малоопытных рецензентов, часто с завышенной самооценкой собственного профессионального уровня и знаний.

На языковом уровне это проявляется в использовании оценочной лексики, категоричных суждений, свойственных эгоцентрическим средствам коммуникативного членения и грамматической организации высказываний, типа: *Мы так считаем; Для западной публики это будет неинтересно; Я ничего не поняла, поэтому заявку следует отвергнуть; Нет ссылок на ...* [фамилии конкретных малоизвестных авторов] (из рецензий западных «экспертов»).

Подводя краткий итог, следует еще раз подчеркнуть, что учет уровня владения коллективным знанием и способами его вторичной интерпретации в индивидуальном сознании участников языковой коммуникации является одним из главных показателей ее эффективности и средств обеспечения ее бесконфликтности.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 25–30.

*N. N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

COLLECTIVE AND INDIVIDUAL KNOWLEDGE CONSIDERATION IN CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION

The article addresses the problem of conflict-free language communication in the context of norms-of-speech-oriented verbal interaction that avoids the possibility of dual interpretation of semantics of the language units. The author argues that this mismatch in interpretation largely depends upon undesirable implications and inferences, evoked by incorrect use of mechanisms of meaning construction (interpretation), the use of foul language, violation of grammatical rules of structuring statements and discourse on the part of the sender or the recipient of information.

Key words: conflict-free language communication, knowledge, collective, individual.

*Л. И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ И КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СРЕДСТВ И СПОСОБОВ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Основное внимание уделяется соотношению универсальных и культурно специфических проявлений коллективной идентичности носителей языка и культуры при их выборе средств и способов решения разнообразных коммуникативных и когнитивных задач. В качестве наиболее значимого изучается влияние фактора, обуславливающего выбор средств реализации коммуникативных стратегий, социопсихологической доминанты в структуре коллективной идентичности субъектов познания и коммуникации как носителей языка и культуры. Вследствие этого изменения способов решения конвенциональных для языковой культуры коммуникативных задач объясняются переструктурированием таких ментальных образований, как личностная и коллективная идентичности субъектов.

Ключевые слова: субъект познания и коммуникации; коммуникативные и когнитивные задачи; структура личностной и коллективной идентичности субъекта; трансформация идентичности.

Весь комплекс актуальных дискурсивных практик, пожалуй, правомерно охарактеризовать сегодня как очевидно трансформирующиеся под влиянием разнородных социокультурных факторов. И хотя степень очевидности подобных преобразований в разных дискурсивных пространствах, естественно, не может быть по определению тождественной, трансформации как таковые наблюдаются практически при реализации любой коммуникативной стратегии, при решении разнообразных когнитивных задач разными категориями носителей языка и культуры. Это проявляется прежде всего в высокой степени вариативности дискурсивных практик, что, в свою очередь, сказывается на разнообразии и/или однообразии способов решения традиционных и инновативных для языковой культуры коммуникативных и когнитивных задач и как следствие – на более или менее выраженном преобразовании того или иного формата дискурса, а также, соответственно, и на семантической, синтаксической и функциональной организации текстов разного типа.

Прежде всего обращают на себя внимание такие особенности реализации дискурсивных практик, как: (1) разнообразие решаемых коммуникативных и когнитивных задач и постоянное расширение коммуникативного репертуара в том или ином дискурсивном пространстве; (2) множественность проявлений

личностной идентичности единичных субъектов при ограниченности вариативности коллективной идентичности в пределах одной языковой культуры на том или ином этапе бытования культуры; (3) разная степень вариативности социокультурных доминант в структуре коллективной идентичности коллективного субъекта в определенный период бытования языковой культуры.

Наиболее чувствительным к разного рода трансформациям дискурсивных практик по понятным причинам оказывается медиaproстранство с его разнообразнейшими дискурсивными форматами и многочисленными типами текста, требующими от коммуникантов при порождении и рецепции коммуникативной и когнитивной гибкости, динамичности, аттрактивности, экспрессивности, эмоциональности и подлинной или мнимой формальной и содержательной креативности.

Упомянутые характеристики легко распознать в первую очередь по номинативным стратегиям, при реализации которых излюбленными средствами становятся, как показывает анализ разных коммуникативных продуктов, вторичные номинативные средства, эвфемизмы, прецедентные феномены, мемы, концептуальные метафоры, коннотированные единицы и иные номинативные средства, даже нередко нарушающие едва ли не все и всяческие нормы и конвенции; например, *принц обиженный* (ср. *принц Монако*), *Монтесситские* и пр. (ср. ставшую прецедентной номинацию *Иоанн Безземельный*). Ср. конвенциональное *объемный текст* со ставшим привычным *написал много букв* или вместо *трабант (Trabant) / выборы (Wahlen) / квартира (Wohnung) / гражданин ГДР (DDR-Bürger)* – соответственно *Kosakenmercedes, Arbeiter-und-Bauern-Volvo / Zettelfaltveranstaltung / Arbeiterschließfach / Russedeluxe* (примеры на немецком языке заимствованы из книги: Lange, Bernd-Lutz. *Esbleibtallesganzanders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart-Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000).

Поиски ответов на вопрос о причинах отмеченного положения дел приводят исследователя к необходимости обратить внимание на характеристики, имманентные нашему информационному веку и неизбежно обуславливающие политеологичность дискурсов разных форматов, а также заинтересованность коммуникантов в их по возможности беспроблемной ориентации в информационном потоке, умении его членить на знания и информационный шум, структурировать и переструктурировать этот поток.

Следствием этого можно признать и такие тенденции в организации дискурса разных форматов и текстов различных типов, выявленных исследователями на гетерогенном эмпирическом материале, как гибридизация, карнавализация, эвфемизация, креолизация, метафоризация, экспрессивизация, эмотивизация, образность и др. Названные тенденции в разных сочетаниях совстречаются в отдельных дискурсивных практиках и фиксируются

средствами культурных кодов, которые носители языка и культуры разными способами аранжируют при реализации своей дискурсивной деятельности как при порождении, так и при рецепции коммуникативных продуктов.

Подобная трактовка позволяет интерпретировать разнородные средства культурных кодов – вербального и невербальных – на едином теоретическом фундаменте как средства реализации определенных коммуникативных стратегий при решении носителями конкретного языка и культуры некоторой коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных дискурсивных условиях. Это предполагает естественную и закономерную вариативность выбора средств и способов реализации коммуникативных стратегий из-за нелинейности связей между когнитивными, номинативными и коммуникативными стратегиями. В каждой языковой культуре между упомянутыми стратегиями, тем не менее, прослеживаются довольно устойчивые связи. Так, аксиологические стратегии реализуются преимущественно – но, естественно, не только – аксиологически нагруженными и/или коннотированными гетерогенными средствами; например, в одном из своих текстов, написанных в том числе и для чтения в кабаре, Б.-Л. Ланге приводит несколько обозначений автомобиля «трабант», используемых в людической коммуникации: *Rennrappe, Babbe, Zwickauer Flüchtlingkoffer, Gehhilfe, Cartondeblamage, Sachsenporsche, Arbeiter-und-Bauern-Volvo, Mercedes Krenz, Rosquietsch, Kosakenmercedes* и др.

Номинативный потенциал и механизмы вербализации языковых средств обнаруживают довольно определенную специализацию на тип коммуникативной и когнитивной задачи в известных дискурсивных условиях, из-за чего носителями языка и культуры мотив для номинации становится прозрачным. Ср., например, номинативные стратегии прямой идентификации объекта внеязыковой действительности с разнообразными вторичными номинативными средствами (написаны ниже курсивом), использованными Б.-Л. Ланге, внутреннюю форму и механизмы вербализации сведений о мире:

- функция: *der VEB Horch und Guck* (= Staatssicherheit),
- внешний вид: *Pornoshop* (Kaufhalle – комментарий: *nackte Schaufenster und enblöbte Regale*),
- пародия: *das Land mitbegrenzten Unmöglichkeiten* (= die DDR – намек на лозунги, привычные в официальной коммуникации),
- метафора: *Frühgurke* (= Person, die besonders schnell befördert wird),
- метонимия: *die Lackschuhe* (= Beamte), *der Wasserkopf* (= Leitung im Betrieb),
- сравнение: *Bonbon* (= SED-Abzeichen), *der Knitterfreie* (= Stahlhelm),
- когнитивный потенциал: *Tal der Ahnungslosen* (= Dresden und seine Umgebung), *Rotlichtbestrahlung* (= Weiterbildung),
- ирония: *Arbeiter-und-Bauern-Volvo* (= Trabant),

- сарказм: *EDV (Ende der Versorgung)* (= Grenze Ostberlins zu Westberlin),
- эвфемизм: *der sozialistische Industrienebel* (= Smog),
- игра слов: *bohnenlose Gemeinheit* (= Kaffee) (vgl.: *bodenlos*), *Miß Bildung* (= Margot Honecker) (ср. *Mißbildung*),
- комплекс мотивов и механизмов вербализации: *Jahresendefrucht* (= Apfelsine), *Erichs Ziehkind* (= Egon Krenz), *Rüsseltraktoristen* (= Panzersoldaten), *Fichtelbergziege* (= Walter Ulbricht), *die Knirpskolonne* (= Mitarbeiter der Stasi), *Spielgeld* (= Landeswährung der DDR), *Mumienexpress* (= Express zwischen der BRD und der DDR, mit dem Renter ihre Verwandten besuchten), *Dreifarbenfisch* (= Aal – комментарий: Grüngefangen, braungeräuchert, schwarzgekauft),
- квазицитация: *sozialistische Wartegemeinschaft* (=Schlange).

Очевидно, что раскрыть суть обсуждаемых процессов можно только тогда, когда и если описывать средства и способы решения коммуникативной и когнитивной задачи в терминах стратегий и средств их реализации, т. е., иначе, при холистическом подходе к порождению и рецепции коммуникативных процессов и их результатов, поскольку носители культуры выбирают для решения своих коммуникативных задач средства культурных кодов из комплекса, которым языковая культура располагает на тот или иной период своего существования.

Выбор средств и способов решения коммуникативной и когнитивной задачи обусловлен однако не только характером коммуникативной стратегии и/или особенностями дискурсивных условий, но и диалектикой коллективной и личностной идентичности субъекта, порождающего текст. С этой точки зрения очевидно, что особенности коллективной идентичности субъекта познания и коммуникации играют в таком случае решающую роль, поскольку коллективная идентичность предполагает наличие у каждого носителя культуры знаний, общеизвестных в культуре и разделяемых всеми.

Осознание сказанного требует при анализе исследуемой проблематики учитывать соотношение между собой ментальных структур картины мира, коллективной идентичности, личностной идентичности. Структуры гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных знаний «картина мира», «коллективная идентичность» у коллективного субъекта образуют знания языковые, интеракциональные и разнородные знания о мире. Эти сведения не тождественны, весьма сложно организованы, и при своей актуализации подпадают под влияние социокультурных доминант в конкретной языковой культуре. Последние однако обуславливают активизацию и со-активацию сведений из ментальных структур «коллективная идентичность», «личностная идентичность», «Я-концепция (Я-концепт)» единичного субъекта.

Названные процессы в силу сказанного не могут не быть тесно связанными с ипостасями человека: *homofaber – homosapiens – homoloquens –*

homoludens – homocogitans – homopoliticus – homo ..., поскольку соответствующие ипостаси максимально полно и ярко проявляются в определенном виде деятельности. И если ранее справедливо было вычленять одну ипостась, то сегодня явно доминируют несколько и прежде всего homoludens&homosapiens / homofaber / homopoliticus / homocogitans. Правомерность предложенной интерпретации основывается на наблюдениях над такими форматами дискурса, как ток-шоу (политические, кулинарные и др.), докудраны, викторины, а также процессами гибридизации, карнавализации, креолизации, экспрессивизации и др. в организации текста (см. примеры выше). Данный аспект анализа релевантен в силу того, что от обсуждаемых особенностей личностной идентичности зависит (1) количественный и качественный состав названных выше ментальных образований, (2) степень детализации соответствующих сведений о мире, (3) конфигурация сведений в ментальных структурах на разных уровнях иерархии и др.

Диахронический взгляд на дискурсивные практики и типологию текста побуждают исследователей обратить внимание на трансформации, с одной стороны, общие для любой языковой культуры и, с другой, на те, которые появляются в конкретной языковой культуре. Кроме того, в зависимости от степени выраженности обсуждаемых трансформаций и их значимости для семантической, структурной и функциональной организации интеракций (коммуникативных событий) различного типа анализируемые явления можно условно разделить на две разновеликие и разнозначные группы. К первой можно отнести универсальные преобразования в том смысле, что они выявляются в любом формате дискурса и/или типе текста. Во вторую группу следует включить те трансформации дискурсивных практик и типов текста, которые специфичны для определенного формата и/или типа текста.

*L. I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

**FEATURES OF THE COLLECTIVE IDENTITY
OF THE SUBJECT OF COGNITION
AND COMMUNICATION AS A FACTOR
IN THE CHOICE OF MEANS AND METHODS
OF IMPLEMENTING COMMUNICATIVE STRATEGIES**

The main attention is paid to the correlation of universal and culturally specific manifestations of the collective identity of native speakers and members of culture in their choice of means and methods of solving various communicative and cognitive

tasks. The influence of sociopsychological element in the structure of collective identity of subjects of cognition and communication as native speakers of language and members of culture is studied as the most significant factor determining the choice of means of implementing communicative strategies. As a result, changes in the ways of solving communicative tasks that are conventional for a particular culture whose members speak the same language are explained by the restructuring of such mental formations as personal and collective identities of subjects.

Key words: subject of cognition and communication, communicative and cognitive tasks, structure of personal and collective identity of the subject, transformation of identity.

*А. Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный университет
им. А. И. Герцена
i.arkhipov@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-РЕГУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАКОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В статье рассматриваются разновидности когнитивно-регулятивной деятельности субъектов межличностного общения, в процессе которого участники не только ориентируют друг друга на более комфортное приспособление к среде обитания, но и вносят определенные корректировки, уточнения в организацию, координирование и контроль вербального взаимодействия.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, метакоммуникативная деятельность, адресант, адресат, речевое поведение, координирование, контроль.

Суть межличностного взаимодействия, как утверждают современные когнитологи, заключается в «вовлечении партнера в сферу своих взаимодействий с миром с целью оказать на этого человека ориентирующее воздействие, т. е. изменить в той или иной степени состояние среды, в которой находится адресат, так, чтобы это изменение вызвало со стороны адресата ту или иную поведенческую реакцию» [Кравченко 2008: 90]. Поведенческая реакция адресата может быть предсказуемой и в достаточной степени эффективной, то есть соответствовать запланированной адресантом, если он хорошо знает как своего партнера по общению, так и те условия и обстоятельства, которые могут оказать влияние на его (партнера) реакцию,

а также, если они оба (адресант и адресат) разделяют общую консенсуальную область взаимодействий.

Будучи целенаправленной деятельностью, межличностное взаимодействие неизменно регулируется говорящим субъектом с целью достижения им запланированного перлокутивного эффекта. В этой связи сущность регулятивной деятельности в межличностном взаимодействии заключается прежде всего в организации общения участников, при котором передача информационного содержания, установление когнитивного взаимопонимания между партнерами, подчинена задаче – организации успешного взаимодействия в рамках определенного социального контекста [Романов 1988].

Регулятивная деятельность как один из видов человеческой деятельности представляет собой сложную совокупность процессов и предполагает как минимум двух субъектов – адресанта и адресата, каждый из которых выступает одновременно и как субъект, и как объект регулятивного воздействия. При этом каждый из них получает возможность регулировать не только свое собственное речевое/неречевое поведение, но и поведение другого и испытывать регулятивное воздействие со стороны этого другого с целью обеспечения бесконфликтного хода процесса общения и успешного достижения общего результата, соотносимого в той или иной степени с частными целями каждого участника интеракции.

В зависимости от ситуации общения, социального статуса коммуникантов и преследуемых ими целей регулятивная деятельность может носить прямой или скрытый (косвенный) характер и подвергаться корректировке в ходе взаимодействия. Как целенаправленная деятельность регулятивная деятельность охватывает все основные сферы человеческих отношений – социальную, нравственную, предметно-деятельностную, идеологическую и др., включая адресанта и адресата с присущими им как языковым личностям характеристиками. В диалогическом дискурсе регулятивная деятельность реализуется посредством регулятивных средств, функциональное назначение которых – создать условия, максимально способствующие успешности коммуникативного акта и минимально способствующие возникновению ситуации коммуникативной неудачи для одного или для всех участников взаимодействия. Подобные регулятивные средства получили различные наименования в работах отечественных и зарубежных исследователей: метакоммуникативные единицы (В. Techtmeier), фатические метакоммуникативные единицы (Г. Г. Почепцов), фатическая коммуникация (В. Malinowski), метаязык, метатекст (А. Вежбицка). Вместе с тем все исследователи отмечали, что в любом акте диалогического взаимодействия помимо уровня собственно

коммуникативного, на котором осуществляется сообщение или запрос той или иной информации, существует уровень метакоммуникации, на котором участники общения осуществляют регулятивную деятельность, посредством высказываний о способе и форме воздействия друг на друга и на слушателя, при наличии такового, об эксплицитной или имплицитной форме изложения партнером материала сообщения, о потенциальных темах обсуждения и их адекватности/неадекватности в определенной фазе актуальной ситуации общения и др.

Регулятивная деятельность может носить разнообразный характер и проявляться в следующих своих разновидностях:

– Регуляция внутрисоциальных отношений, установление нормативов и правил взаимодействия индивида с микро- и макросоциальной средой. В этом случае метакоммуникативная деятельность актуализируется в виде различных этикетных клише.

– Регуляция эмоциональных отношений участников взаимодействия. В этом случае метакоммуникативная деятельность реализуется в виде фатической коммуникации.

– Регуляция «вертикальных» связей, восходящих к этическим табу, изначально мотивируемых неосознанным страхом наказания со стороны «высших сил», а впоследствии основанных на попытках познания высшего разума. В этом случае метакоммуникативная деятельность реализуется в виде ритуальных текстов.

– Регуляция, разворачивающаяся в плоскости «человек – окружающая среда» Данная разновидность регулятивной деятельности направлена на познание объектов и их свойств и передачу опыта адаптации к среде другому, на основе ранее изученных и осознанных свойств объекта. Метакоммуникативная деятельность в этом случае проявляется в форме совета, рекомендации, предписания.

– Регуляция, направленная на реализацию регламентного компонента коммуникативной ситуации, которая сводится к управлению чередованием диалогических ходов, выбору коммуникативных шагов, соответствующих типовой структуре диалога, использованию различных коммуникативных сигналов, эксплицирующих этапные моменты межличностного взаимодействия – фазы начала и конца коммуникативной интеракции.

– Регуляция, способствующая реализации информативного компонента коммуникативной ситуации. Данная разновидность регуляции заключается в использовании метакоммуникативных средств, способствующих восприятию адресатом информации в том ключе, последовательности и эмоциональной тональности, которая, по мнению адресанта, наиболее адекватна и соответствует задачам и цели актуальной коммуникации.

Подобные метакоммуникативные единицы характеризуются персуазивной направленностью, убеждающей психологической установкой и используются адресантом с целью принудить адресата модифицировать как свое ментальное пространство (нишу), так и свое потенциальное речевое/неречевое поведение.

Таким образом, будучи связанной с процессом межличностного взаимодействия регулятивная деятельность представляет собой систему, включающую целый ряд регулятивных речевых действий, которые осуществляют организацию, координирование и контроль речевого взаимодействия с целью достижения успешной, с точки зрения говорящего, интеракции.

Литература

- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // НЗЛ. Вып.8. М., 1978. С. 402–424.
- Кравченко А. В.* Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008.
- Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Пособие по теоретическим курсам. М.; ИЯ АН СССР, Калининский СХИ, 1988.
- Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефа бук, К.: Ваклер, 2001.
- Malinowski. B.* The problem of meaning in primitive languages // С. К. Ogden, J. A. Richards. *The Meaning of Meaning: 2nd e.* N. Y., L., 1953. P. 297–332.
- Techtmeier B.* Form und Funktion von Metakommunikation im Gespräch // *Text und Gesprächslinguistik: ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung (Linguistics of text and conversation).* Berlin; New York: de Gruyter, 2001. S. 1449–1464.

A. G. Gurochkina (St. Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

COGNITIVE-REGULATORY ASPECT OF METACOMMUNICATIVE ACTIVITY IN INTERPERSONAL INTERACTION

The article discusses the varieties of cognitive-regulatory activity of the subjects of interpersonal communication, in the process of which the participants not only orient each other to a more comfortable adaptation to the environment, but also make certain adjustments, clarifications to the organization, coordination and control of verbal interaction.

Key words: interpersonal interaction, metacommunicative activity, addresser, addressee, speech behavior, coordination, control.

В. З. Демьянков (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

КОММУНИКАТИВНОЕ И КОГНИТИВНОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ¹

Рассматриваются понятия коммуникативного и когнитивного маневрирования при подаче частных мнений, приводящих к сосуществованию различных перспектив изложения. Реконструкция стратегий и тактик подачи мнений в СМИ позволяет моделировать результат воздействия на аудиторию. Личная, безличная и «надличная» подача сообщений обладают различной действенностью.

Ключевые слова: когнитивные науки, коммуникативное маневрирование, когнитивное маневрирование, эпистемическая гарантия, личное мнение, безличное мнение, надличное мнение, конкуренция мнений.

1. Лицо и личность, истина и правда

Обыденная мудрость гласит: «Скажи мне, кто, когда и как тебе это сказал, и я скажу, прав ли ты». Наученные горьким опытом, люди проявляют чудеса бдительности, даже когда данайцы говорят чистую правду и выкладывают все, что знают. «Правда» прорицателя, прогноза погоды и экономического комментатора биржи, жонглирующих «необязательными возможностями», не та же, что в ответе на вопросы: «Который час?» и «Кто взял Бастилию?» Коммуникативное маневрирование может придать респектабельность даже самому ненадежному, много раз скомпрометированному источнику, от лица которого сообщение доставляется. Убедив других в своей правдивости, манипулятор маневрирует и когнитивно, меняя свои и чужие убеждения. Так функционирует «коллективный интеллект», подобно муравьиному сосуществующий с индивидуальными, «личными» интеллектами. Оценивая надежность, «истинность» и «правдивость» суждения, особенно в мире взаимоисключающих предположений, учитывают не только пропозициональное содержание сообщения, но и то, кто автор «мнения» и кто его разносчик. Цель когнитологического исследования коммуникативного маневрирования – установить, какие стратегии и тактики подачи информации при личностных

¹ Раздел 1 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

свойствах данного информатора дают желанный результат в аудитории, обладающей заданными параметрами. «Эпистемическая гарантия» (epistemic warrant) результата – оценка правдоподобия мнения при учете статуса личности, которой мнение приписывается с некоторой степенью истинности, правдивости и/или на худой конец правдоподобия (см.: [Демьянков 2022]).

В философии, в психологии и в лингвистике слова *лицо* и *личность* употребляются не одинаково. Этимологически термины *личность* и *персона* имеют в виду не самого человека, а то, как его воспринимают другие люди. При этом не все на лице, что и на душе. И не все на душе, что и на языке.

Личность является посредником между Истиной (тем, как обстоит дело в «реальном» мире) и человеком, довольствующимся правдивыми (сообщенными прямо) или неправдивыми (околичными) мнениями об этом мире. Это придает дополнительную интригу своеобразной игре «веришь – не веришь».

Придирчиво удостоверяя личности автора и «курьера», выясняют правдоподобие разных точек зрения. Эпистемическими гарантиями обладают культивируемые расхожие мнения, «эпистемически ценные» для конкретной культуры (национальной или жанровой) и даже цивилизации. Но это еще не означает абсолютной истинности суждений. Даже «огромное большинство» может искренне заблуждаться, поэтому опираются не только на статистические, но и на статусные параметры авторитетной личности, ср.: «– *Мне сам папа сказал... – Мне сама мама сказала... – Но ведь папа самее мамы... Папа гораздо самее*» (Чуковский К. И. От двух до пяти, 1928).

Подход лингвистов связан только с частью этой проблемы, с выявлением эпистемических гарантий по языковой форме высказывания в опоре на репертуар и парадигматику таких форм, устанавливаемые из наблюдений над корпусом текстов и над взаимодействием фактов с оценками личности сообщаемого и аудитории. Создание и воздействие броских сообщений СМИ уподобляют – «когнитивно моделируют» (т. е. описывают в локалистских терминах трехмерного пространства) – то как товарооборот, то как пандемию и военные действия, то как праздник урожая новых знаний и убеждений. На первом плане при этом находятся:

– ценность конкретных «торгуемых» мнений и «спекуляции» на валютном рынке; в фокусе внимания оказываются «продажная стоимость» и «себестоимость» мнений;

– переубеждаемые акторы обмена информацией, когда внушение и манипуляция чужим мнением представляются как заражение «вирусом»; в фокусе внимания находятся «пострадавшие» от заражения «зомбированные» носители инфекции, заболевшие сами и передающие заразу дальше; тогда тематизируются пути распространения информации;

– информационные «территории», завоевываемые и утрачиваемые участниками информационной операции в результате реализации стратегий и тактик; тогда живая сила и вооружение «противника» несут репутационный ущерб, выводятся из строя, но после реабилитации и ремонта возвращаются в строй;

– почва, на которой мнения и знания произрастают в результате использования информационных «семян», «удобрений», «полива и ухода» и др.; акторы-мишуринцы культивируют знания и мнения, выпалывают информационные сорняки и рапортуют о всхожести новых сортов знаний.

Опираясь на такие «модели», события в СМИ представляют в рамках «расплывчатой логики» (fuzzy logic) по лекалам экономической конкуренции, борьбы за выживание, вооруженного конфликта и/или тихого вызревания общественного мнения на любовно унавоженных новостных грядках.

Логически допустимо сосуществование нескольких таких взглядов на одни и те же предметы, подобно тому, как сосуществуют корпускулярная и волновая теории в физике: частица, столкнувшись с препятствием, продолжает красиво рассекал эфир, но в образе бурной волны.

2. Личное – безличное – надличное мнение

Эпистемические гарантии бывают не только первого порядка, для собственно информации, но и второго, третьего и т. д., характеризуя надёжность самих гарантов. Эпистемическая гарантия второго порядка «подпирает» веру в содержание высказывания на основе не непосредственного знакомства с первоисточником, а указания на эпистемическую репутацию того или иного лица – носителя мнения. Эпистемические предисловия *насколько я знаю и по-моему* сродни прощупыванию с помощью риторического вопроса, обращенного к адресату: *Ты меня уважаешь?* Открыто возражать таким суждениям – что плюнуть в лицо.

Когда указывают, какой конкретно человек является автором мнения, говорят о личном мнении, а когда автор неизвестен, имеем дело с безличным («общим») мнением. Роскошь передать чье-либо личное мнение допускается, если личность известна своей правдивой мудростью. Но всегда уместен вопрос: «А почему я должен ему/ей верить?» Поэтому автора часто упоминают вместе со служебной характеристикой, ср.: «Опытный дипломат Киссинджер сказал...».

С «надличным» (transpersonal, suprapersonal) мнением имеем дело, когда частное суждение «эпистемического одиночки» преподносится как расхожее мнение большого коллектива и по принципу «эпистемического демократического централизма» может подавить конкурентов. Так, говоря

от лица организации или страны, претендуют на роль «главной личности», ср. надзаголовок: «Пентагон заявил о решающем моменте в конфликте на Украине», в тексте после которого говорится: *Глава Пентагона заявил о «переломном моменте» на Украине* (https://news.rambler.ru/army/50062521/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=corylink). В то же время, локативные неопределенно-личные выражения типа *В Германии встревожились, В Пентагоне заявили* и т. п. навязывают представление об авторитетном, но не обязательно главенствующем «надличном» мнении.

Этот часто используемый прием состоит в неподсудном преувеличении: в качестве субъекта мнения называют большое сообщество, а имеют в виду всего лишь одного, не всегда самого главного, представителя.

Главные эпистемические гаранты «вещают» истину, а кто попроще – хорошо если хоть не запутаются в деталях и правду скажут. Ср. *Во Франции считают Англию полуостровом*, когда реально имеется в виду *Мой знакомый француз Вася считает Англию полуостровом*. На этом основан юмор такого обмена репликами: *«Слушай, Джон, оказывается, Англия не полуостров, а остров!»* – *«Ну что ты, Майкл, это было бы известно!»*

В кристально честной детсадовской ментальной культуре требуют говорить только то, на что имеются гарантии первого, а не второго порядка, ср. укоризненное: *«А не знаете, так и не говорите!»* Из этого укора, вдохновившего когда-то Л. Витгенштейна («Если не можешь сказать точно, тогда молчи»), выводят: говорящий всегда что-то знает. Или, ещё проще: если говорит, значит, знает.

Предусмотрительный автор, предвидя конфуз опровержения («эпистемического дефолта»), употребляет вводные слова типа *возможно, вероятно* и т. п. Или глагольную форму не изъявительного наклонения, а субъектнктива (как в романских языках). Или иной технический приём (скажем, кавычки), и тогда элементарная пропозиция будет описывать положение дел не в «реальном мире» (достоверность которого обеспечена, подобно золото-валютному запасу, когнитивными накоплениями автора), а в «возможном» или «невозможном» мире, в духе семантической теории возможных миров.

3. Заключение

Предохраняясь от фейка, выясняют вероятность эпистемического дефолта, для чего реконструируют траекторию суждений от камуфлируемого мнения личности к наигранной уверенности «надличности». По коммуникативным маневрам опознаются и когнитивные маневры в поисках истины.

Литература

Демьянков В. З. Об эпистемических гарантиях в тексте // Управление наукой: теория и практика. 2022. Том 4. № 3. С. 218–228.

*V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences*

COMMUNICATIVE AND COGNITIVE MANEUVERING

Investigation of communicative and cognitive maneuvering results in coexistence of several narrative and discursive perspectives in texts of mass-media. Reconstructing these perspectives may be used for modeling communicative effects. Personal, impersonal, and transpersonal ways of transferring information have different impact on audience.

Key words: cognitive sciences, communicative maneuvering, cognitive maneuvering, epistemic warrant, personal opinion, impersonal opinion, transpersonal opinion, opinion concurrence.

*В. И. Заботкина (Москва, Россия)
Российский государственный
гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ: МАНИПУЛЯТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

В статье рассматриваются когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе. Особое внимание уделяется манипулятивным аспектам новых смыслов, которые вызывают когнитивные искажения у читающего/слушающего. Мы полагаем, что в основе смыслопорождения в манипулятивном дискурсе лежит общий принцип концептуального проецирования между фреймами ложь – правда – манипуляция, а также механизмы концептуального расширения, сужения, концептуальной метафоры.

Ключевые слова: манипуляция, концептуальное проецирование, когнитивный механизм, фрейм, концептуальное расширение/сужение.

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Статья посвящена рассмотрению когнитивных механизмов смыслопорождения в дискурсе. Мы концентрируемся на манипулятивном аспекте новых смыслов, которые оказывают деформирующее воздействие на формирование концептуальной модели мира слушающего-читающего, что может привести к когнитивным нарушениям и искажениям (*cognitive distortions*). В свою очередь данные искажения влияют на восприятие действительности и, в конечном счете, вызывают иррациональное поведение человека [Авдотьев и др. 2022].

Мы полагаем, что в основе смыслопорождения в манипулятивном дискурсе лежит общий механизм концептуального проецирования. Как известно, когниция основывается на сети взаимосвязанных концептуальных проецирований между различными доменами знаний [Sweetser 2017, Заботкина, Боярская 2022]. В данной статье мы ставим вопрос о том, каким образом наше сознание осуществляет проецирование между концептуальными доменами в процессе смыслопорождения манипулятивного характера. Механизм проецирования является основным в иерархии когнитивных механизмов нескольких уровней. Он определяет такие механизмы нижестоящего уровня как концептуальное расширение, концептуальное сужение, концептуальная метафора, концептуальная метонимия. Все перечисленные механизмы являются проявлением вторичной концептуализации [Болдырев 2021].

Мы рассматриваем концептуальное проецирование на основе анализа взаимодействия нескольких ментальных пространств как комплексов смыслов (концептов и концептуальных признаков), которые мы исследуем с точки зрения динамического многоуровневого взаимодействия, т. е. с точки зрения динамической концептуальной семантики.

Как известно, любое ментальное пространство структурируется фреймом. Рассмотрение манипуляции с точки зрения когнитивного подхода позволило проанализировать фрейм «манипулятивное воздействие» (*Manipulation*), который напрямую коррелирует с фреймами «событие» (*Event*), «контроль» (*Being in control*), а также с фреймами «ложь-правда» (*Lie-Truth*). Анализ фреймов «ложь-правда», лежащих в основе бинарной аксиологической оппозиции, представляющей концептуальную платформу для манипуляции был представлен нами в нашей предыдущей публикации [Заботкина, Боярская 2023]. Структура манипулятивного действия носит событийный характер, поскольку большинство слотов фрейма «манипуляция» коррелирует со слотами из фрейма «событие». Основная конкретизация происходит в ведущих слотах: агент (манипулятор) и пациент (манипулируемый). Таким образом, в статье рассматривается единое пространство манипуляции, отражающее взаимодействие дискурса, когнитивных моделей, когнитивных механизмов и инструментов как единый смыслопорождающий организм (ср. с идеей Бахтина о непрерывной смыслопорождающей функции диалога, 1987).

Одним из инструментов манипулятивного воздействия является многозначность, ведущая к порождению двусмысленности, что в свою очередь создает смысловую неясность, которая ведет к когнитивному искажению в восприятии дискурса и реальности.

Мы попытались рассмотреть процесс генерирования двусмысленности в нескольких ракурсах: А) с точки зрения событийной референтной неоднозначности, когда происходит отсылка к двум и более событиям в одном контексте или к нескольким возможным интерпретациям одного события в зависимости от точки зрения [Zabotkina, Boyarskaya 2018, Zabotkina, Bottineau, Boyarskaya 2021]; В) с точки зрения креативности языковой личности (наряду с креативностью языковой системы) (см.: [Кубрякова 1987, 2009]). Креативность может привести к так называемой «конструктивной двусмысленности», когда неясность смысла, выраженного в новом значении слова, позволяет достичь консенсуса при принятии решения (например, в дипломатии). Двусмысленность может носить и деструктивный характер. И в том, и в другом случае речь идет о манипулятивном воздействии агенса на пациенса (слушающего/говорящего); С) с точки зрения конкретных механизмов концептуального расширения, сужения, метафор и метонимий. Анализ новых концептуальных метафор манипулирования показывает, что манипулятор может концептуализироваться в качестве «охотника или рыбака», что лежит в рамках концептуальной метафоры MANIPULATION IS FISHING/HUNTING. Например: *likebaiting, clickbaiting, phishing* и т. д.

Таким образом, мы попытались определить когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе в аспекте манипулятивного воздействия. Мы приходим к выводу о том, что в основе процесса генерации манипулятивных смыслов лежит сеть взаимосвязанных концептуальных проецирований нескольких уровней.

I. На уровне взаимодействия между фреймами «манипуляция», «контроль», «событие», «ложь» и «правда» происходит проецирование между наиболее активно вовлеченными в процесс манипулятивного воздействия слотами. К таким слотам относятся агенс и пациенс.

II. На уровне концептуальной структуры, лежащей в основе значения слова, функционирует концептуальный механизм концептуального расширения, т. е. добавления еще одного нового значения со своей собственной концептуальной структурой.

III. На уровне отдельно взятого значения слова происходят проецирования в рамках механизмов концептуального сужения, расширения, концептуальной метафоры, метонимии.

Многозначность полисеманта позволяет агенсу-манипулятору достичь желаемой инферентной реакции со стороны пациенса (читающего/слушающего) и держать его под контролем.

В процессе манипуляции задействован также такой механизм как unconscious bias (неосознаваемое предубеждение), что является, однако, предметом отдельной статьи.

Литература

Авдоткин В. П., Кононов А. А., Авдоткина Ю. С. Дискурсивные стратегии парирования навязываемых когнитивных предубеждений и искажений // Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс: Коллективная монография / Под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М.: Худ. лит., 1972.

Болдырев Н. Н. Производность как феномен культуры языка // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 3. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2021 С. 10–13.

Заботкина В. И., Боярская Е. Л. Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции истина – ложь // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 1. С. 126–136.

Кубрякова Е. С. Размышления об аналогии. Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987.

Кубрякова Е. С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009.

Sweetser E. “Opening commentary: Conceptual mappings” // Dancygier B. (ed.). The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 379–384.

Zabotkina V., Bottineau D., Boyarskaya E. Cognitive Mechanisms of Ambiguity Resolution // В. М. Velichkovsky, Р. М. Balaban, V. L. Ushakov (Eds.) Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics. Cham: Springer Nature, 2021. P. 201–212.

Zabotkina V. I., Boyarskaya E. L. Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. V. 5. Issue 3.6. P. 142–148.

V. I. Zabotkina (Moscow, Russia)

Russian State University for the Humanities

COGNITIVE MECHANISMS OF SENSE DEVELOPMENT IN DISCOURSE: MANIPULATIVE ASPECT

The article concentrates on cognitive mechanisms of sense development in discourse. Special emphases are on manipulative aspect of new senses which result in cognitive distortions. We argue that the general principle of conceptual frame to frame

mapping (lie – truth – manipulation) is the key mechanism of new sense development. Apart from it the mechanism of conceptual widening, narrowing, conceptual metaphors are also at work.

Key words: manipulation, conceptual mapping, cognitive mechanism, frame, conceptual widening/narrowing.

В. И. Карасик (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка

им. А. С. Пушкина;

*Московский государственный
лингвистический университет*

vkarasik@yandex.ru

АКСИОЛОГИЯ АРТЕФАКТОВ НИЗКОГО КАЧЕСТВА

Рассматриваются оценочные характеристики артефактов низкого качества на материале современного русского языка. Выделено пять классов таких объектов: 1) негодные предметы домашнего обихода, 2) непонятная речь, 3) продукция низкого качества, 4) плохая пища, 5) предметы, созданные с целью обмана. Охарактеризована оценочная мотивация этих концептов.

Ключевые слова: аксиология, ценности, артефакты, низкое качество, оценочная мотивация.

Оценочная квалификация, осмысление чего-либо как хорошего или плохого, является важнейшим индикатором освоения и преобразования реальности и поэтому находит множественное и вариативное воплощение в языке. Различные характеристики ценностей неоднократно привлекали к себе внимание исследователей [Арутюнова 1998; Баранов 1989; Болдырев 2002; Вольф 1985; Воркачев 2014; Дементьев 2013; Демьянков 2022; Пищальникова 2020; Радбиль 2017; Романова 2019; Слышкин 2004; Смирнов 2003; Степанов 1997; Стернин 2017; Rokeach 1973; Schwartz 1992]. В работах лингвистов освещены способы выражения положительной и отрицательной оценки в лексике и фразеологии, типы оценочной мотивации, связи оценочного, образного и понятийного компонентов в содержании концептов, особенности оценочной коннотации и оценочных имплицатур. Доказан тезис об асимметричности оценочного знака (отрицательный опыт более важен для выживания). В ряду оценочно маркированных объектов выделяется класс артефактов низкого качества. Единицы, составляющие этот класс, весьма многочисленны и распада-

ются на определенные разновидности, еще недостаточно освещенные в лингвистической литературе.

Артефакты низкого качества получают отрицательную оценку, поскольку в сознании носителей языка есть представление о должном состоянии соответствующих объектов. Во многих случаях эти объекты называются словами сниженного разговорного стилистического регистра. Можно выделить следующие разновидности различных вещей низкого качества.

Первый класс образуют объекты, которые считаются старыми и ненужными: *барахло, хлам, шмотки, манатки, ветошь, старьё, бибехи, хурда-мурда, скарб, рухлядь, шарабора*. В словарных определениях мы видим, что этими словами обозначается старая одежда и пришедшие в негодность вещи домашнего обихода:

Барахло – Старье, старые вещи, а также (пренебр.) вообще вещи (во 2 знач.). *Хлам* – (разг.). Негодные старые вещи, всё бесполезное, ненужное. *Шмотки* – (разг.) одежда, тряпки, вещи. *Манатки* – (разг.) подержанная, ношенная одежда. *Ветошь* – в переносном значении ненужные вещи, не представляющие ценности. *Бибехи* – (прост., пренебр.) всякие домашние вещи. *Хурда-мурда* (прост., шутл.) мелкий скарб, пожитки (вещь, не имеющая цены). *Скарб* – (разг.) пожитки, имущество, домашние вещи. *Рухлядь* – (сбир. разг.) О старых, пришедших в негодность вещах домашнего обихода, всякий старый домашний скарб, пожитки. *Шарабора* – хлам, рухлядь.

Оценочная мотивировка этих концептов сводится к констатации того, что со временем все вещи обихода приходят в негодность и подлежат замене, а их владельцы являются бедными людьми либо обнаруживают привязанность к негодным вещам, подобно гоголевскому Плюшкину. В метафорическом расширении значения этих слов характеризуют все ненужные и устаревшие вещи или явления и людей, которые придерживаются устаревших взглядов. Вместе с тем эта группа слов противопоставляется единицам, не только обозначающим новые вещи, но и относящимся к важным смысложизненным объектам. Антонимическое осмысление этих слов приобретает идеологический смысл, имеющий религиозное обоснование. В церковном лексиконе есть слово «мшелоимство» – порочная или болезненная страсть к накоплению хлама.

Второй класс артефактов низкого качества образуют объекты, представляющие собой нечто несостоятельное, не заслуживающее внимания. Это обозначения речи, не имеющей смысла. Список таких слов в русском языке насчитывает более 200 единиц. Приведу основные: *чушь, чепуха, вздор, дичь, ересь, муть, мура, ерунда, дребедень, ахиня, отстой, окоlesiца, бодяга, нелепица, галиматья, белиберда, байда, лабуда, тарабарщина*. В словарных дефинициях мы видим круговые определения:

Ерунда – вздор, пустяки, чепуха. *Чепуха* – нечто бессмысленное, глупое. *Вздор* – (разг.) нелепость, глупость, ерунда. *Чушь* – (разг.) вздор, чепуха, нелепость. *Дребедень* (разг.) – вздор, чепуха. *Галиматья* – (франц.) – бестолковщина, бессмысленность, нелепость, чепуха. *Ахинея* – напыщенная, сумбурная речь, бессмыслица. *Муть* – (разг.) ерунда, чушь. *Мура* – (прост.) нечто неважное, бессмысленное, чепуха. *Ересь* – нечто ложное, вздор, чепуха. *Белиберда* – (разг.) вздор, бессмыслица, чепуха. *Лабуда* – (разг.) ерунда, чушь, чепуха.

Оценочная мотивировка этих слов сводится к требованию наличия смысла в речи. Речь должна быть понятной. Значительное количество этих лексических единиц свидетельствует о распространенности глупого и бессмысленного коммуникативного поведения. Осуждается глупая, сумбурная и бессвязная речь. Отметим заимствования в этом списке слов: различные версии происхождения слов «галиматья» и «ахинея» следует принять во внимание, но нужно обратить внимание на употребление этих лексических единиц в речи именно образованных людей. Заслуживает внимания и этимология слова *ерунда* – принято считать, что это слово сначала использовалось в жаргоне семинаристов, обозначая латинский герундий, который трудно было понять, хотя высказано мнение, что в Симбирской губернии ерундой называли безвкусный напиток (<https://rg.ru/2006/04/14/koroleva.html>).

К третьему классу артефактов низкого качества можно отнести любые объекты, которые сделаны неумело и/или без должного старания: *лажа*, *мазня*, *халтура*, *туфта*, *фуфло*. Обратим внимание на то, что отрицательная оценка таких вещей изначально давалась со стороны специалистов (музыкантов, художников, семинаристов), с одной стороны, и, с другой стороны, осуждается обман в использовании такой продукции:

Халтура – (разг.) небрежная и недобросовестная работа, обычно без знания дела; вещь, сделанная таким образом. Из семинарского аргю (от лат. *chartularium* – поминальный список, перечень умерших, изначально – дары священнику за поминовение, и отсюда даровое угощение на похоронах). *Лаж* – (жарг.) чушь, ерунда, обман, выдумка, ложь; фальшь, неточность в исполнении музыкального произведения. *Мазня* – (разг.) неумелое рисование, плохой рисунок; плохая, небрежная работа. *Фуфло*, *фуфел* – (разг.) нечто недостоверное, обманчивое, фальшивое. Оценочная характеристика кого-либо или чего-либо как очень плохого, скверного. *Туфта* – (разг.) заведомо ложные показания в официальных показателях, отчётах или в сообщениях; подделка, несостоятельная имитация правды.

Оценочная мотивировка этих лексических единиц состоит в безоговорочном осуждении тех людей, которые компрометируют творчество или профессиональное отношение к своей деятельности, а также обманщиков.

Отдельную группу единиц составляют слова, обозначающие некачественно приготовленную пищу: *похлёбка*, *баланда*, *варево*, *стряпня*, *бурда*, *бурдомага*, *пойло*.

Похлёбка – (разг., пренебр.) Жидкая пища, которую хлебают, суп (но не щи; обл. прост.). Картофельная похлёбка. || Плохой суп. *Бурда* – (разг.) О невкусном, плохо приготовленном (обычно мутном) жидком кушанье, питье; баланда. *Бурдомага* – (диал.) плохо приготовленное, невкусное питьё или жидкая, невкусная пища. *Варево* – варёное (обычно жидкое) кушанье. *Стряпня* – (неодобр.) То, что состряпано, кушанье. О грубом, неискusstvenном или предосудительном сочинении, пьесе, картине и т. п. *Баланда* – Любая пища невысокого качества (обычно о еде в предприятиях общепита). *Пойло* – (пренебр.) Питье для скота, обычно с прибавлением отрубей, муки. || Невкусный напиток.

Оценочная мотивировка этих слов характеризует невкусную пищу, сваренную кое-как. Отметим критический отзыв о предприятиях общепита (столовые иронично назывались «тошниловка» – забегаловка, где часто продают испорченную, невкусную или некачественную еду). Отсюда следует пресуппозиция: хорошая пища готовится дома любящими руками. «Баланда» ассоциируется с лагерным бытом заключенных, «пойло» – с питьем для скота (отметим, что в русском языке нет аналога немецкому глаголу *fressen* – есть (о животных или в сниженном стиле о человеке)).

С некоторыми оговорками можно включить в класс рассматриваемых концептов и выражающих их слов те объекты, которые обозначают подделку чего-либо: *фальшивка*, *подделка*, *липа*, *подлог*, *подгонка*, *подтасовка*, *фальсификат*, *контрафакт*, *фабрикация*, *фейк*. Их смысл состоит в обозначении объекта, который является имитацией чего-то ценного, но выполнен на низком уровне с целью обмана.

Фальшивка – фальшивый, подложный документ. *Подделка* – вещь, выдаваемая за настоящую. *Липа* – (жарг.) нечто фальшивое, поддельное. *Подлог* – подделка чего-либо с целью обмана. *Подгонка* – подделка, компьютерное преступление, при котором данные модифицируются, чтобы скрыть хищение или присваивание денег. *Подтасовка* – перемешивание фактов для ложных выводов. *Фальсификат* – поддельный продукт. *Контрафакт* – материальный носитель, использование которого влечет за собой нарушение прав автора или правообладателя. *Фабрикация* – создание чего-либо плохого, предосудительного, неблагоприятного. Обратим внимание на юридически релевантное уточнение семантики некоторых слов – это нарушение закона, состоящее в предумышленном намеренном обмане с целью получения выгоды. Заметим, что в противопоставлении оригинала и копии не содержится отрицательная оценка копии, такая оценка появляется, когда копия выдается

за оригинал. Обычно подобные копии бывают более низкого качества, чем оригиналы. Отметим, что в ряде случаев подделка может быть выполнена на высоком уровне, фальсификат имплицитно подразумевает низкое качество, контрафакт не имеет такой импликации. Известно, что перед вторжением Наполеона в Россию во Франции было изготовлено большое количество российских поддельных ассигнаций с целью подрыва экономики страны. Эти банкноты были выпущены на хорошей бумаге с хорошей краской и по ряду признаков даже превосходили отечественные ассигнации, хотя граверы допустили несколько ошибок, перепутав буквы, в частности вместо слова «*государственная*» было написано «*госуларственная*». О фальсификатах в наше время часто говорят применительно к фармацевтике, о контрафактах – применительно к одежде или обуви. Фабрикация в этом списке слов относится к намеренному обману публики, состоящему в распространении недостоверных сведений, выдаваемых за реальность. Применительно к научной деятельности имеется в виду использование придуманных фактов, подгонка тех или иных данных под какое-либо объяснение. В наше время получил широкое распространение термин «фейк», понимаемый как распространение заведомо ложной информации в массмедиа.

Общей характеристикой всех оценочных слов, обозначающих объекты низкого качества, является смысловой сдвиг от частной оценки к общей. В первом случае мы видим оценочную мотивировку, например, *чушь* – нечто чужое – непонятное – нелепое. Этот смысловой сдвиг соответствует общей модели развития концепта в теории Ю. С. Степанова [Степанов 1997]. На первом этапе осмысления чего-то непонятного четко видна мотивация, на втором этапе оценка становится важным компонентом этого смыслового образования, на третьем этапе происходит вытеснение понятийного компонента концепта, и оценка становится единственным его содержанием, а мотивировка теряется. Общеоценочные слова, как известно, выражают только личное отношение говорящего к чему-либо или кому-либо, в то время как частнооценочные уточняют причину соответствующей оценки. Мы не знаем, в чем именно виноват *негодяй*, но понимаем, почему мы осуждаем *жадину* или *неряху*. Помимо этого смыслового сдвига наблюдается и олицетворение как воплощение отрицательных качеств той или иной вещи в поведении человека, о котором можно сказать, что он – *барахло* или *фуфло*, но такая персонализация характерна только для некоторых слов рассматриваемого класса. Следует отметить, что в коммуникативной практике носителей русского языка объекты низкого качества часто именуется нецензурно.

Языковое осмысление артефактов низкого качества в когнитивном плане иллюстрирует диалектику семантического и прагматического под-

ходов к освоению реальности. Исходным моментом в таком освоении мира является коммуникативная потребность обозначить нечто (прагматический аспект) и установить смысловое содержание этого фрагмента реальности (семантический аспект). Затем интерпретативный компонент значения, связанная с денотатом коннотация, начинает расширяться и становится основным содержанием передаваемой информации (прагматический аспект). Нейтрализация семантической специфики слова приводит к коммуникативной потребности нахождения новых обозначений для соответствующего объекта. Именно этим объясняется большое количество эквивалентов в жаргонной и сниженной речи. Их основное назначение – своеобразный эмоционально-оценочный дейксис, выражение отношения говорящего к предмету речи. В ряде случаев можно установить некоторую семантическую специфику исходного обозначения. Например, мы используем слово «белиберда» преимущественно для обозначения бессмысленной устной речи, а слово «галиматья» – для квалификации письменного текста. Но на определенном этапе развития значения слов это различие нейтрализуется.

Таким образом, артефакты производятся для получения пользы, и поэтому их концептуализация включает утилитарную оценку. Артефакты низкого качества оцениваются отрицательно. По их функциональной предназначённости эти объекты делятся на пять классов: 1) негодные предметы домашнего обихода, 2) непонятная речь, 3) продукция низкого качества, 4) плохая пища, 5) предметы, созданные с целью обмана. Основные оценочные мотивировки применительно к этим классам объектов сводятся к следующим предписаниям поведения: 1) следует обновлять вещи домашнего обихода, 2) следует изясняться понятно, 3) следует качественно выполнять свою работу, 4) следует готовить вкусную пищу, 5) следует знать, что за изготовление подделок нужно будет отвечать. В русском языковом сознании особенно остро переживается отклонение от норм понятного общения. В значении слов, обозначающих артефакты низкого качества, происходит семантический сдвиг от частной оценки к общей.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Школа «Яз. рус. Культуры», 1998.
- Баранов А. Н.* Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–89.
- Болдырев Н. Н.* Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. С. 360–369.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. Волгоград: Парадигма, 2014.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал ком, 2013.

Демьянков В. З. О креативности обыденной мудрости // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов, посвященный юбилею М. Л. Ковшовой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. С. 45–51.

Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3(832). С. 20–35.

Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004.

Смирнов Л. М. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 16–26.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Стернин И. А. Знания и мифы обыденного языкового сознания // Коммуникативные исследования. 2017. № 3 (13). С. 47–56.

Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: The Free Press, 1973.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social Psychology. Vol. 25. 1992. P. 1–65.

V. I. Karasik (Moscow, Russia)

*Pushkin State Russian Language Institute;
Moscow State Linguistic University*

AXIOLOGY OF LOW QUALITY ARTEFACTS

The paper deals with evaluative characteristics of low quality artefacts on the material of the Russian language. Five classes of such objects have been singled out: 1) shabby clothes and junk, 2) incomprehensible speech, 3) hack-work, 4) bad food, 5) fraud. Evaluative motivation of these concepts has been characterized.

Key words: axiology, values, artefacts, low quality, motivation.

А. А. Кибрик (Москва, Россия)

*Институт языкознания РАН;
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
aakibrik@iling-ran.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭКЗОТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ¹

Всякое реалистическое исследование человеческого языка включает те или иные когнитивные аспекты. Настоящая работа представляет собой побочный результат исследования верхнекускоквимского языка – исчезающего языка Аляски. Рассматривается ряд релевантных для когнитивной лингвистики вопросов, таких как концептуализация событий, аффордансы, пространственная ориентация, лексические и культурные заимствования и интерференция английского языка у современных носителей. Выдвигается точка зрения, что расширение когнитивной лингвистики на малоизученные языки и языковое разнообразие полезно в целом ряде отношений.

Ключевые слова: малые языки, атабаскские языки, Аляска, концептуализация событий, аффордансы, пространственная когниция, заимствования.

1. Введение

Настоящая работа является побочным результатом исследования в области описательной лингвистики – комплексного исследования одного из исчезающих языков Аляски. Это верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim) – язык центральной Аляски, относящийся к языковой семье на-дене (к ее атабаскской ветви). В настоящее время верхнекускоквимский язык имеет очень малое число носителей, и их число постоянно уменьшается. Я занимаюсь полевым исследованием верхнекускоквимского языка с 1997 года. Главная цель этого исследования – создание грамматического описания языка. Однако исследование включает также и социолингвистический анализ языкового сообщества, билингвизма, языкового сдвига в сторону английского языка и т. д.

Естественно, поскольку язык является когнитивным феноменом, различные вопросы, связанные с когнитивной системой, возникают при исследовании любого языка на каждом шагу. В этой работе я рассмотрю выборку таких вопросов, представляющих интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

2. Концептуализация событий

Языки различаются степенью конкретности лексической семантики глагола. Эту степень можно оценить при помощи количества морфем, «расходуемых» на описание базового события. В списке базовых глаголов, полученном на основе работы М. Томаселло [Tomasello 1992], почти все английские глаголы являются первичными, то есть включают ровно одну корневую морфему. В соответствующих глаголах верхнекускоквимского языка и близкородственного языка коюкон эти глаголы содержат в среднем 2,5 лексические морфемы, включая корень и словообразовательные префиксы. Например, смыслы ‘видеть’ и ‘охотиться’ основаны на абстрактном корне ‘действовать’ и содержат один и два словообразовательных префикса, соответственно, а их буквальные значения – ‘действовать при помощи округлых объектов’ и ‘действовать при помощи деревянных объектов в непрозрачной среде’. Инвентарь глагольных корней является относительно небольшим, корни семантически довольно абстрактны, а концептуализация событий чаще всего осуществляется при помощи дополнительных операций, реализуемых посредством словообразовательных префиксов (подробнее см.: [Kibrik 2012]).

На более общем уровне это означает, что языки очень по-разному членят эмпирический опыт, а пространство возможностей такого членения интересно для понимания человеческой когнитивной системы и ее вариативности.

3. Аффордансы

Несмотря на высокую степень абстрактности глагольных корней, отмеченную выше, в одном отношении глаголы верхнекускоквимского языка (как и других атабаскских языков), наоборот, семантически более конкретны по сравнению с глаголами более привычных языков. А именно, имеются целые серии классифицирующих глагольных корней, различающихся только классом абсолютного аргумента, то есть единственного аргумента одноместных глаголов и пациентивного аргумента двухместных глаголов. Например, смысл ‘лежать’ выражается разными глагольными корнями, в зависимости от того, о лежании какого типа объекта идет речь – округлого, продолговатого, плоского и т. д. Верхнекускоквимский язык в данном случае эксплицирует явление, известное в когнитивной науке как аффордансы, то есть свойства объектов с точки зрения способа их манипулирования человеком [Gibson 1977, Norman 2013]. В частности, небольшой камень можно охватить раскрытой ладонью, мелкий предмет – взять в щепотку, длинный и тонкий – зажать в руке и т. д.

Таблица 1 иллюстрирует несколько классов абсолютных аргументов, которым в верхнекускоквимском языке соответствуют совершенно разные глагольные корни.

<i>Класс абсолютного аргумента</i>	<i>Пример</i>	<i>'лежит'</i>
одномерный, продолговатый	ружье 	zi-tonh
двухмерный, плоский	тряпка 	gha!-nech
трехмерный, компактный	камень 	zi-'onh
бесформенный	тесто 	'isdi-tlak'
многочисленный	дробь 	zi-dlo
открытый контейнер	вода в ведре 	zi-konh
закрытый контейнер	ягоды в мешке 	zi!-tonh

Эти наблюдения в Таблице 1 помогают поместить конкретно-языковые факты в общекогнитивный контекст и, с другой стороны, показывают, как естественные языки могут проявлять смысловые категории, скрытые в более привычных языках и выявляемые психологами при помощи сложных экспериментальных процедур.

4. Концептуализация манипулируемого движения

Верхнекускоквимский язык уделяет большое внимание пространственным явлениям, в том числе концептуализации местонахождения и перемещения. Есть две различные серии глагольных корней, обозначающих местонахождение / пребывание в покое (см. раздел 3) и самопроизвольное движение, например 'падать'. Представляет интерес концептуализация манипулируемого движения, проявляемая в глаголах со значением 'нести'. С точки зрения объективистского подхода, можно было бы ожидать, что эти глаголы будут использовать те же корни, что и глаголы движения (по логике 'нести' = 'каузировать перемещение'). Однако в реальности глаголы 'нести' образуются от корней серии местонахождения / пребывания в покое. Объяснение этого явления основано на понятии системы координат (frame of reference). При акте несения несомый объект находится в системе координат агенса. Агнс движется, а несомый объект неподвижен в рамках его системы координат. Таким образом, для атабаскских языков характерен релятивистский подход к концептуализации движения (подробнее см.: [Kibrik 2017]).

5. Пространственная ориентация

Верхнекускоквимский язык сформировался в экстремальных природных условиях, где само выживание человека зависит от его способности ориентироваться в пространстве. Верхнекускоквимский дискурс изобилует дирекционалами – наречиями, указывающими на параметры местоположения и движения. Среди дирекционалов особенно интересны осевые дирекционалы, которые описывают местоположение или движение относительно оси «выше/ниже по склону» и «выше/ниже по течению реки». Имеется более 100 наречных форм, образуемых от соответствующих четырех корней. На примере дирекционалов, обозначающих движение относительно уклона местности, рассмотрим проблему масштаба. Уклон можно рассматривать в локальном масштабе, например на территории поселка у реки. В этом случае смысл ‘дальше от реки’ концептуализируется как ‘выше’. Однако уклон можно рассматривать и в глобальном масштабе, относительно гор Аляскинского хребта, представляющего собой важнейший геоморфный ориентир в мире верхнекускоквимцев. Возможны интересные рассогласования; например, человек, идущий от реки, идет вверх, а летящий у него над головой ворон, движется вниз, т.к. удаляется от Аляскинского хребта. Мы вновь сталкиваемся с релятивистской концептуализацией пространства (подробнее см.: [Кибрик 2021]).

6. Русские заимствования

Верхнекускоквимский язык, как и другие атабаскские языки, содержит очень малое число лексических заимствований из неродственных языков. Некоторым исключением являются заимствования из русского языка, относящиеся к XIX веку, когда верхнекускоквимцы попали в сферу влияния русской цивилизации. В верхнекускоквимском языке насчитывается около 80 субстантивных заимствований, обозначающих почти исключительно европейские артефакты (инструменты, типы еды и т. д.) и культурные понятия (деньги, икона и т. д.). Поскольку верхнекускоквимская территория была на дальней периферии Российско-американской компании, прямые контакты между верхнекускоквимцами и русскими были редки, а большинство русских по происхождению слов несут отпечаток посредничества других языков – соседних атабаскских и/или эскимосского языка центральный юпик, распространенного ниже по течению реки Кускоквим. Однако есть некоторое количество заимствований, которые таких следов не содержат, а выглядят как прямые заимствования из русского, например *suhale* ‘сухари’. Встает вопрос о том, как такие заимствования могли проникнуть в верхнекускоквимский

язык. В современных теориях языковых контактов (см., например: [de Bot and Bülöw 2020; Matras and Adamou 2020]) справедливо предполагается, что заимствования попадают из одного языка в другой главным образом через билингвальный мозг конкретных людей. Однако у нас нет сведений о том, что среди верхнекускоквимцев в какой-либо степени был распространен верхнекускоквимско-русский билингвизм. Это и не удивительно, учитывая что носителей русского языка на верхнекускоквимской территории было крайне мало. Фактически они присутствовали лишь в поселении Винасале на западной границе верхнекускоквимского ареала. Возникает предположение, что прямые заимствования из русского языка могли возникать в остенсивном контексте прямого предъявления при контакте между, например, торговцем и покупателем-верхнекускоквимцем. Эта возможность усвоения новой информации соответствует феномену *explicit encoding* или *single shot contextual learning*, описанному в современной когнитивной нейронауке [Shtyrov et al. 2022].

7. Песнопения на церковнославянском языке

Помимо заимствований в лексиконе, верхнекускоквимская культура также содержит значительные элементы русского влияния. В XIX веке все верхнекускоквимцы приняли православие и соблюдают эту религиозную традицию по настоящее время. Верхнекускоквимцы, родившиеся вплоть до 1920-х или даже 1930-х гг., наизусть выучивали многочисленные молитвы и песнопения на церковнославянском языке. Несомненно, они не обладали никаким собственно языковым пониманием этих текстов, то есть не понимали конструкций, слов или морфем, содержащихся в них. Однако они хорошо знали контексты, когда песнопения должны были исполняться, и исполняли их фонетически вполне узнаваемым образом. Этот факт свидетельствует, что языковые произведения могут использоваться на основании прямого отображения «прагматическая ситуация → звук», без посредства таких языковых уровней, как синтаксическое или фонологическое представление, и даже без возможной семантической интерпретации. Это наблюдение расширяет наши знания о возможностях когнитивных процессов использования языка.

8. Языковой сдвиг и интерференция английского языка

До середины XX в. сообщество верхнекускоквимцев было в основном одноязычным, хотя отдельные представители сообщества начали коммуницировать с англоязычным миром в предшествующие десятилетия. После

открытия американской школы в 1948 г. произошел быстрый языковой сдвиг, и к концу 1960-х гг. верхнекускоквимский язык почти перестал использоваться, за пределами узких контекстов. В итоге поколение родившихся в 1960-х имеет лишь частичную языковую компетенцию, а более молодые верхнекускоквимцы не знают этнического языка вовсе.

В разделе 5 была кратко описана система осевых дирекционалов – в том виде, в котором она была характерна для традиционных носителей верхнекускоквимского языка. Термины «выше/ниже по склону» и «выше/ниже по течению реки» в глобальном масштабе относятся к крупнейшим геоморфным ориентирам территории, где проживают верхнекускоквимцы – к Аляскинскому хребту и к реке Кускоквим (в европейских терминах и хребет, и река расположены с севера-востока на юго-запад). Например, при назывании типичных ветров используются обозначения ‘с гор’ или ‘с верховьев реки’.

У некоторых современных носителей, с которыми мне довелось работать, эта система подверглась модификации под влиянием понятийной системы английского языка. Так, один из носителей языка, переводя с верхнекускоквимского языка на английский, для направления «ниже по течению реки» использовал эквивалент «к западу», вместо более правильного «к юго-западу». Таким образом, он переинтерпретировал традиционные дирекционалы через призму английской системы магнитных топологических осей, как европейские стороны света, и полагал, что Кускоквим течет с востока на запад. Так языковой контакт влияет на когнитивную структуру носителей угасающего языка.

9. Заключение

Когнитивная лингвистика как «официальное» направление первоначально сформировалась как исследование лексической семантики и грамматики, а в дальнейшем это научное направление было расширено в целом ряде отношений (см.: [Болдырев 2014: 27–32]). Стал изучаться онлайн-аспект языка – дискурсивные явления. Помимо вербального компонента, исследуются теперь и визуальные каналы коммуникации, в частности, жестикуляция. В данной работе представлены еще два расширения когнитивной лингвистики – переход от наиболее известных, крупных языков к экзотическим языкам и языковому разнообразию, а также взаимодействие между когнитивной и социолингвистической проблематикой. Полагаю, что все эти расширения когнитивной лингвистики полезны и для самого этого направления мысли, и для науки о языке в целом, поскольку мы таким образом движемся к более объемному и многомерному исследованию языковой реальности.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2014.
- Кибрик А. А.* Пространственная ориентация в верхнекускоквимском языке: традиционная система и контактная реинтерпретация // Родной язык. 2021. Вып. 1. С. 324–338.
- de Bot K, Bülow L.* Cognitive factors of language contact // *The Routledge Handbook of Language Contact* / Ed. by E. Adamou, Y. Matras. London and New York: Routledge, 2020. P. 168–184.
- Gibson J.J.* The theory of affordances // *Perceiving, Acting, and Knowing: Toward an Ecological Psychology* / Ed. by R. Shaw, J. Bransford. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. P. 67–82.
- Kibrik A. A.* Toward a Typology of Verb Lexical Systems: A Case Study in Northern Athabaskan // *Linguistics*. 2012. Vol. 50.3. P. 495–532.
- Kibrik A. A.* Conceptualization of movement in upper Kuskokwim Athabaskan // *Each Venture a New Beginning. Studies in Honor of Laura A. Janda* / Ed. by A. Makarova, S. M. Dickey, D. Divjak. Bloomington, Indiana: Slavica, 2017. P. 127–138.
- Matras Y, Adamou E.* Borrowing // *The Routledge Handbook of Language Contact* / Ed. by E. Adamou, Y. Matras. London and New York: Routledge, 2020. P. 237–251.
- Norman D. A.* The design of everyday things: revised and expanded. New York: Basic Books, 2013.
- Shtyrov Y, Filippova M., Perikova E., Kirsanov A., Shcherbakova O., Blagovechtchenski E.* Explicit encoding vs. fast mapping of novel spoken words: electrophysiological and behavioural evidence of diverging mechanisms // *Neuropsychologia*. Volume 172, 29 July 2022. 108268.
- Tomasello M.* First verbs: A Case Study of Early Grammatical Development. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

*A. A. Kibrik (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics RAS;
Lomonosov Moscow State University*

STUDIES IN AN EXOTIC LANGUAGE: COGNITIVE ASPECTS

Any realistic study of human language involves certain cognitive aspects. This paper is a by product of a study of Upper Kuskokwim, a moribund language of Alaska. A range of issues is considered that are relevant for cognitive linguistics, such as event conceptualization, affordances, spatial orientation, lexical and cultural borrowing, and interference of English in modern speakers. I argue that extending cognitive linguistics to less known languages and linguistic diversity is useful in various ways.

Key words: minor languages, Athabaskan, Alaska, event conceptualization, affordances, spatial cognition, borrowing.

И. А. Краева (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
irinakraeva@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИСЕМИИ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ ГРАДУАЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается вопрос о развитии семантической структуры английских частотных качественных прилагательных, имплицитно выражающих определенную степень признака. Особое внимание уделено соотношению и взаимосвязи эмпирических и рациональных признаков.

Ключевые слова: градуальность, концепт, модусная категория, полисемия, эмпирический признак, рациональный признак.

В современной когнитивной парадигме лингвистического знания градуальность рассматривается как модусный концепт. Ранее мы отмечали, что для описания модусного концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ наиболее удачным является представление его в виде когнитивной матрицы (методика Н. Н. Болдырева), поскольку данный вид представления концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ, как и других модусных концептов, открывает доступ к нескольким концептуальным областям различного уровня сложности и позволяет выявить и продемонстрировать различные связи изучаемого концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания [Краева 2022].

Полагаем, что в качестве источников-компонентов матрицы для концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ могут рассматриваться такие концептуальные области, как «сравнение», «признак», «степень проявления признака», «норма», «количество», «качество», «оценка», «языковая репрезентация».

Очевидно, что исследование концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ связано с изучением целого ряда важных теоретических вопросов лингвистики, в том числе проблемы полисемии прилагательных.

Известно, что семантическая информация признаковых слов, в частности, прилагательных, беднее, чем у предметных, стремится к моносемности [Арутюнова 1976: 342].

Объяснение данному феномену дала еще в 1970-е гг. Е. М. Вольф: «Прилагательные легко приспособляются к существительным разной семантики, допуская при этом самые разнообразные сдвиги в значении» [Вольф 1978: 4]. В настоящее время Л. М. Лещёва пишет в этой связи:

«Эта характеристика прилагательных является следствием их ономаσιологической особенности, которая заключается в том, что они называют, в отличие от классических существительных, не предмет с присущим ему многообразием признаков и свойств, каждое из которых может стать основой для вторичной номинации, а отдельный признак» [Лещёва 2014: 177].

На протяжении нескольких десятилетий исследователи пытаются выявить *причины* высокой степени полисемии адъективных слов, рассматривая данный вопрос с разных позиций. Например, Л. М. Лещёва в результате проведенного исследования семантики всех английских существительных и их отдельных лексико-семантических групп сделала целый ряд теоретически важных выводов. Один из основных заключается в том, что словами-донорами в ходе вторичной деривации выступают в большинстве случаев названия *эмпиричных* признаков, т. е. признаков, воспринимаемых с помощью органов чувств. При вторичной деривации английские прилагательные именуют преимущественно *рациональные* признаки. Это внутренние, не постигаемые непосредственно с помощью органов чувств ощущения, характеристики человека, животных, предметов, явлений, а также разнообразные отношения. Ср. *bright* → *intelligent*, *clever*; *slim* → *adroit*, *crafty* и др. Другими словами, «семантическая деривация в области признаковых имен <...> используется преимущественно для именования более обобщенных и абстрактных понятий, чем понятия слов-доноров. В результате семантические структуры прилагательных <...> обнаруживают тенденцию развития от более конкретных значений к более абстрактным, которая, однако, не становится жестким правилом» [Лещёва 2014: 178], поскольку существует множество случаев развития семантических структур полисемантических слов от более абстрактного значения к более конкретному.

В русле рассматриваемой проблемы для проводимого нами исследования важен вопрос о тематической вариативности английских часто употребляемых качественных прилагательных, имплицитно выражающих определенную степень проявления признака. Был проведен анализ их использования в ходе вторичной номинации с целью выяснить, идет ли развитие их семантической структуры от более конкретных значений к более абстрактным или имеет место обратный процесс.

Материалом для исследования послужили 217 английских частотных качественных многозначных прилагательных, имплицитно выражающих градуальность. В ходе исследования было установлено, что прилагательные рассматриваемой группы, первично обозначающие эмпиричные признаки, при вторичной номинации редко служат словами-донорами для обозначения более абстрактных понятий, т. е. названия рациональных признаков (12%).

В качестве примера можно привести прилагательное *brehtaking*, обозначающее очень высокую степень эмпиричного признака воспринимаемого с помощью зрения – «extremely impressive or beautiful = FABULOUS» / чрезвычайно впечатляющий или красивый = СКАЗОЧНЫЙ: *The scenery along the coast was just breathtaking* / Пейзажи вдоль побережья были просто захватывающими (здесь и далее перевод наш. – И. К.). В ходе вторичной деривации у данного прилагательного появилось новое значение «extremely bad or shocking = OUTRAGEOUS» / чрезвычайно плохой или шокирующий = ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ, в котором оно стало характеризовать человека: *I find her rudeness quite breathtaking* / Я нахожу ее грубость совершенно возмутительной [MED: 175].

Или: в литературном английском языке что-то очень приятное, доставляющее человеку наслаждение (высокая степень рационального признака) часто описывают при помощи прилагательного *delicious* – «very pleasant or enjoyable = DELIGHTFUL» / очень приятный, доставляющий наслаждение = ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ: *She felt a delicious floating sensation* / Она испытала совершенно восхитительное ощущение. Данное значение является вторичным по отношению к первому значению этого прилагательного, которое описывает тоже высокую степень, но эмпиричного признака – «with a very pleasant taste or smell» / с очень приятным вкусом или запахом: *This sauce is delicious with fish and vegetables* / Этот соус очень вкусный с рыбой и овощами; *The cheese is soft and white and quite delicious* / Сыр мягкий, белый и довольно вкусный [MED: 390].

В рассматриваемой группе английских прилагательных еще более редкими являются случаи, когда в ходе вторичной номинации у прилагательного на базе рационального признака формируется значение, номинирующее эмпиричный признак.

Например, прилагательное *angry* изначально употреблялось в английском языке в значении «very annoyed» / очень раздраженный, сердитый, злой: *Are you angry with me?* / Ты сердись на меня?; *There's no point in getting angry* / Нет смысла злиться. Но со временем при помощи данного прилагательного стали описывать, например, болезненные раны красного цвета, полученные при порезе кожи – *an angry wound* (= cut in your skin) is very red and painful; хмурое потемневшее небо перед бурей (*an angry sky*) или темное море во время / перед штормом (*an angry sea*), т. е. эмпиричные признаки объектов, воспринимаемые зрением человека [MED: 51].

Однако подавляющее большинство английских частотных качественных прилагательных (79%), имплицитно выражающих определенную степень признака (обычно высокую или очень высокую) и первично называющих один из рациональных признаков, продолжают номинировать признаки данной

группы в ходе всего развития своей семантической структуры. Различие заключается лишь в том, обозначают ли они в своих значениях рациональный признак одной и той же категории, или рациональные признаки, относящиеся к разным категориям.

Так, например, ряд прилагательных рассматриваемой группы описывает рациональные признаки и предметов, и людей: *awful* (ужасный), *beautiful* (прекрасный), *brilliant* (блестящий), *brutal* (грубый), *charming* (очаровательный), *contrary* (противоположный), *competent* (компетентный), *core* (основной), *pure* (чистый), *significant* (важный), *smooth* (гладкий), *splendid* (великолепный), *stunning* (ошеломляющий), *utter* (абсолютный).

Другие прилагательные обозначают только людей и всё, что с ними связано: *annoyed* (раздраженный), *arrogant* (высокомерный), *capable* (способный), *shocked* (шокированный); *absolute opinion / feeling / statement / moral values* (абсолютное мнение / чувство / утверждение / моральные абсолютные ценности), *political system* (политическая система), *amazing story / job / time* (удивительная история / удивительное время), *actual events* (реальные события) / *experience* (реальный опыт). Некоторые прилагательные дают рациональные характеристики только предметам: *annoying* (раздражающий), *antique* (античный), *appalling* (ужасающий), *basic* (основной, базовый), *shocking* (шокирующий), *spectacular* (впечатляющий), *superb* (превосходный).

Важно и то, что в ходе вторичной номинации нередко расширяется действие прилагательного в плане описываемого им объекта. Например, лексемы, описывающие рациональные признаки человека, начинают описывать подобные признаки предметов: *competent worker* (компетентный работник) – *competent piece of work* (компетентная работа); *slim girl* (стройная девушка) – *slim gold watch* (тонкие золотые часы) / *long slim skirt* (длинная узкая юбка).

Полагаем, что одна из причин столь значительного превалирования рациональных признаков среди тех, что называются с помощью частотных качественных прилагательных, имплицитно выражающих градуальность, заключается в том, что процесс градации, как известно, происходит в ходе умственной операции сравнения, а именно рациональные признаки формируются в сознании человека в результате сопоставления воспринимаемых органами чувств человека признаков друг с другом и последующего сравнения их с нормой / эталоном.

Литература

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Наука, 1976.

Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М.: Наука, 1978.

Краева И. А. Градуальность: концептуальные основания и специфика изменений // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 323–337.

Лещёва Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014.

MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012.

I. A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

FEATURES OF THE POLYSEMY OF ENGLISH ADJECTIVES NOMINATING THE CONCEPT *GRADUALITY*

The article considers the issue of the semantic structure development of English frequently used qualitative adjectives implicitly expressing a certain degree of attribute. Special attention is paid to the correlation and interrelation of empirical and rational features.

Key words: graduality, concept, modus category, polysemy, empirical attribute, rational attribute.

В. Г. Кузнецов (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
vgk. avamo@mail.ru

РОЛЬ ГИПОНИМОВ В КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (на материале французского и английского языков)

Цель статьи – выделить гипонимы, вербализующие следующие категории: видовая, пространство, часть целого, гендерная, возраст. Исследована автосемантия гипонимов, обусловленная их узкозначной, конкретной референцией. Установлено, что в английском языке гипонимы шире употребляются в категоризации действительности, чем во французском. Материал статьи имеет лексикографическую и дидактическую значимость.

Ключевые слова: категоризация, категория, гипероним, гипоним, автосемантия, языковая картина мира.

В лингвистической литературе распространено определение гиперогипонимических отношений, ограниченное родо-видовыми, например, *цветок* – гипероним, *роза, фиалка, ландыш* и др. – гипонимы. Подобное определение является таксономическим. Оно должно быть дополнено определением лингвистическим, основанным на видо-видовых отношениях. Так, в английском и французском языках существует однословный гипоним, обозначающий вид фиалок: *альпийская фиалка – cyclamen*.

Определение гиперонимов и гипонимов должно основываться на понятии широты и узости референтной и номинативной базы. Это позволит расширить и дифференцировать традиционное таксономическое определение гиперогипонимических отношений. **Гиперонимы – это лексические знаки с обобщающим родовидовым значением и широкой номинацией. Гипонимы представляют собой лексические знаки с видо-видовым значением, характеризующиеся конкретной, детальной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу.** Гипонимы представляют собой сочетание, комбинацию нескольких означаемых при одном означаемом. Например, эквивалентами словосочетания *оконная рама* во французском и английском языках являются гипонимы *huisserie f.* и *sash*. С семиологической точки зрения гипонимы являются имплицитными знаками.

Категоризация представляет собой когнитивное расчленение реальности, результатом которой является выделение различных категориальных областей, объединяющих сходные явления. Таким образом, категоризация имеет целью объединение, группировку подобных или тождественных единиц в более крупные разряды, классы, группы.

Категория – это наиболее фундаментальное понятие классификации и структуризации предметов объективной действительности. Категория представляет собой выделение общих свойств, особенностей предметов путем их обобщения. Н. Н. Болдырев отмечает, что функция категоризации – деление мира, реальности на категории – представляет собой важнейшую функцию человеческого сознания, которая лежит в основе всей познавательной деятельности человека [Болдырев 2006]. Понятие категоризации является одним из ключевых в когнитивной лингвистике. На важности категоризации как главного способа придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать результаты этого восприятия акцентировала внимание Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1997: 327].

В статье рассматриваются следующие виды категоризации: часть целого, пространство, видо-видовая, включающая ряд предметных областей, гендерная, возраст.

Категория часть целого

В английском языке имеется гипоним *hob* – полка в камине для подогревания пищи, отсутствующий во французском, в котором передается словосочетанием *plaque chauffante latérale (de la cheminée)*. Примеры гипонимов французского языка, не имеющих однословных эквивалентов в английском: *carène f.* – подводная часть судна – *bottom of a ship*, *chas m.* – игольное ушко – *eye of a needle*, *hure f.* – кабанья голова – *head of a wild boar*.

Категория пространства

Положение в пространстве

Гипонимы французского языка, отсутствующие в английском: *écart m.* – отдаленный населенный пункт – *remote spot*, *lagon m.* – атолловая лагуна – *lagoon in the center of atoll*.

Особенности перемещения в пространстве

Гипонимы французского и английского языков: *embardée f.* – *lurch* – резкое изменение направления движения, *chavirement m.* – *capsizing* – опрокидывание судна, автомашины и др., *daudinement m.* – *waddle* – походка вразвалку.

Видо-видовая категоризация

Этот тип категоризации является самым многочисленным, поскольку он отражает сущность гиперо-гипонимических отношений и включает разные предметные области.

Посуда

Примеры гипонимов французского и английского языков: *pocheuse f.* – *roacher* – сотейник для варки яиц без скорлупы в кипящей воде, *dame-jeanne* – *demijhon* – большая оплетенная бутылка.

Пища

Capsicum – *piment m.* – стручковый перец. Многие гипонимы французского языка этой предметной области не имеют однословных эквивалентов в английском языке: *chapelure f.* – *bread-crumb topping* – панировочные сухари, *marée f.* – *fresh fish* – рыба свежего улова, *cabillaud m.* – *fresh cod* – свежая треска, *merluche f.* – *dried unsalted cod* – вяленая несоленая треска, *touiron m.* – *almond past* – миндальная халва, *gigot m.* – *leg of mutton* – баранья задняя ножка.

Инструменты

Во французском языке имеются отсутствующие в английском гипонимы предметной области «инструменты», которые передаются либо словами с общим значением, либо словосочетаниями: *cisaille f.* – *shears* – механические ножницы, *cognée f.* – *axe* – топор лесоруба; *entoir m.* – *grafting knife* – нож для прививки деревьев, *canif m.* – *penknife / pocket knife* – перочинный нож.

Видо-видовое разграничение животных

Renne f. – reindeer – северный олень, *hanneton m.* – May-beetle / May-bug, *U. S. June bug* – майский жук.

*Номинация сходных денотатов,
относящихся к человеку и животным*

В английском языке имеются гипонимы, обозначающие ус животного и насекомого: животного *wiskers*, на французский язык передается словом с общим значением – *barbes*, а для уса насекомого *feeler / antenna* во французском есть эквивалент-гипоним *antenne f.* Эквивалент гипонима английского языка *wattle* – борода птицы во французском слово с общим значением *barbe f.* В обоих языках имеется гипоним для обозначения оперенья на шее петуха – *hackle* и *camail m.* Французский язык имеет гипонимы, отсутствующие в английском *lainage f.* – шерсть овец, *fiel m.* – желчь животного, *chanfrein m.* – лошадиная морда ото лба до ноздрей, которые передаются словами с общим значением, соответственно *gall* и *forehead*. С другой стороны, в английском есть гипоним, отсутствующий во французском *lap* – жидкая пища для собак – *soupe f. pour les chiens*. В обоих языках имеется гипоним, обозначающий следы зверя и животного – *foulée f. / passée f., foil / slot*.

Гендерная категоризация

Англ. *monk-nun*, фр. *moine-nonne* – монах-монахиня. В английском языке имеются, отсутствующие во французском, гипонимы, обозначающие мужской и женский монастырь: *monastery / friary* и *nunnery / covent*. Этим гипонимам во французском языке соответствуют слова с общим значением *monastère m.* и *cloître m.* В качестве гендерного можно рассматривать гипоним английского языка *bob* – короткая женская стрижка, который передается на французский образным словосочетанием *coiffure à la Jeanne d'Arc*. Гендерные гипонимы английского языка, относящиеся к животным: *buc* – самец антилопы, кролика, зайца; *doe* – самка оленя, зайца, кролика; *pen* – самка лебедя. Эти гипонимы передаются на французский язык описательно: *mâle de l'antilope, du lapin, du lièvre; femelle du cerf, du lièvre, du lapin; cygne femelle f.*

Категоризация возраста

Гипонимы, имеющиеся в английском и французском языках: *filly* – *pouliche f.*, – молодая кобыла, *fawn* – *faon m.* – олененок, *samlet / parr* – *saumoneteau m.* – молодь лосося. Гипонимы, не имеющие однословных эквивалентов во французском языке: *toddler* – *enfant faisant ses premiers pas* – ребенок, начинающий ходить, *teg* – *brebie f. dans la deuxième année de vie* – овца на втором году.

Гипонимы в силу их природы характеризуются узкой субъектно-объектной сочетаемостью. Так, с конкретным субъектом употребляются следующие гипонимы английского и французского языков: *spawn – frayer – метать икру* (о рыбе), *bell-bramer – пронзительно кричать* (об олене, лани); англ. *swim*, фр. *nager* – *плавать*, англ. *drown*, фр. *se noyer* – *тонуть* употребляются только с одушевленными существительными, а англ. *float*, фр. *flotter*, англ. *sink*, фр. *couler* – с неодушевленными. Русскому глаголу с общим значением «кусать» в английском и французском языках соответствуют гипонимы, употребляющиеся с разными субъектами: *bite – mordre* (чаще о животных, имеющих зубы), *sting – piquer* (о насекомых). Примеры глаголов-гипонимов английского языка, употребляющиеся с определенным объектом: *kidnap – похищать* (обычно детей), *abduct – похищать* (женщину), *hijack – угонять самолет*. Примеры узкозначных гипонимов английского языка, имеющих эквиваленты во французском: *dub – adouber – посвящать в рыцари*, *top / pollard – écimer – обрезать верхушку дерева*, *pen – parquer – сгонять скот в загон*.

В целом в английском языке гипонимы играют бóльшую роль, чем во французском, в категоризации действительности. Это не обусловлено характером мышления – абстрактным или конкретным, а объясняется аналитическим строем и особенностями эволюции лексико-семантической системы английского языка.

Семантика слов с узкозначной, конкретной референцией – гипонимов денотативно обусловлена, характеризуется с номинативной точки зрения высокой дифференциацией денотативного значения, малым объемом понятийного содержания и автосемантичностью. С этим свойством гипонимов тесно связана языковая экономия, которая выявляется в процессе сопоставительных исследований. Носители языка не осознают наличие в их языке гиперо-гипонимических отношений. Овладение гипонимами имеет важное значение для эффективности межкультурной коммуникации.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что различия языковой картины мира обусловлены не только несовпадением значений слов, но и несоответствием категоризации предметных областей. Материал подобных исследований имеет лексикографическую и дидактическую значимость.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997.

V. G. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**THE ROLE OF HYPONYMS
IN THE CATEGORIZATION OF REALITY
(based on French and English)**

The paper aims to single out hyponyms verbalizing the following categories: species-species, space, a part of the whole, gender, age. The autosemantic status of hyponyms due to their narrow, concrete reference is studied. It has been revealed that English uses hyponyms to categorize the reality more frequently than French. The material of the paper has lexicographic and didactic value.

Key words: categorization, category, hyperonym, hyponym, autosemantic status, language world view.

У.Л. Кшеневская (Новосибирск, Россия)
*Новосибирский государственный
педагогический университет
sj@ngs.ru*

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ**

Лингвокреативные единицы реализуют номинативную, коммуникативную, когнитивную, аккумулятивную, эстетическую и экспрессивно-эмотивную функции, способствуя передаче и хранению нового знания, обеспечивая успешность коммуникативного взаимодействия автора и реципиента, акцентируя значимую информацию в дискурсе, а также выступая средством интеграции текстов.

Ключевые слова: лингвокреативность, дискурс, функциональный аспект, когнитивно-дискурсивный подход.

Актуальность исследования определяется интересом лингвистов к вопросам лингвокреативности в различных аспектах, в частности, необходимостью изучения функций лингвокреативных единиц в различных типах дискурса.

Материалом исследования для данной статьи послужили 1522 лингвокреативные единицы, выделенные методом сплошной выборки из 250 художественных произведений художественной литературы XX–XXI в. британских и американских писателей, статей медийного дискурса, а также текстов политического дискурса общим объемом около 2000 страниц.

Лингвокреативность как творческая способность языковой личности создавать в ходе дискурсивной деятельности инновационные единицы из заложенных языковой системой средств по аналогии с существующими моделями или отступая от них для передачи посредством языкового знака ментальных конструкторов знания о реальной или конструируемой действительности, является целенаправленным действием лингвокреативной личности для достижения определенных целей. Лингвокреативные единицы, следовательно, выполняют определенные функции в дискурсе в процессе реализации авторской установки. Следует отметить, что под функцией в лингвистике рассматривается «предназначение какого-либо языкового элемента или языковой системы в целом для выполнения какой-либо задачи, а также, иногда обозначение самой этой задачи, выполняемой каким-либо субъектом (говорящим, пишущим) для достижения определенной цели» [Заложных 2016: 6]. При этом важно учитывать также тип дискурса, национально-культурную специфику, исторические, политические, социально-экономические и другие условия, в которых осуществляется лингвокреативная деятельность для успешного декодирования лингвокреативных единиц реципиентами.

Когнитивно-дискурсивный подход к процессам лингвокреативности позволяет проследить и описать механизмы взаимодействия языковой и концептуальной систем сознания лингвокреативной личности в ходе передачи языковыми средствами ментальных конструкторов знания о действительности как реальной, в том числе подвергшейся изменениям, поскольку действительность постоянно изменяется, так и конструируемой автором намеренно (например, в художественном, особенно сказочно-фантазийном, дискурсе). Механизм передачи языковыми средствами ментальных конструкторов знания о действительности показан на рис. 1.

Таким образом, лингвокреативные единицы лексической подсистемы языка реализуют номинативную функцию для наименования объектов реальной, изменившейся или конструируемой автором действительности. Порождение и восприятие лингвокреативной единицы в дискурсе сопровождается образованием когнитивной модели результата словотворчества, которая, коррелируя с существующей словообразовательной моделью, представляет собой результат взаимодействия репрезентированных формантами слова семантических пространств. Когнитивная структура лингвокреативной единицы может наполняться различными видами знаний, которые на языковом уровне интегрируются в значение слова. Следует отметить, что как автор, так и реципиент должны разделять это знание (виды знаний) для успешной коммуникации, за исключением тех случаев, когда внутренняя форма слова или сам акт словообразования

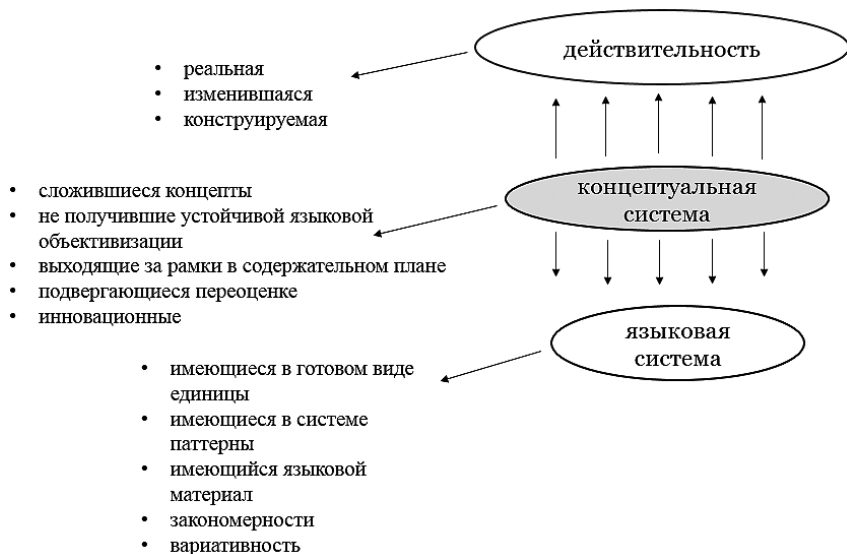

Рис. 1. Механизм передачи языковыми средствами ментальных конструкторов знания о действительности

с присутствием мотивирующего слова, или прозрачность морфологической структуры полностью обеспечивают адекватное понимание лингвокреативной единицы. Таким образом, лингвокреативность выступает средством передачи новой информации, новых структур знаний, переосмысления традиционного опыта, выполняя когнитивную функцию. Дискурс при этом выступает полем апробации лингвокреативного опыта, его передачи и распространения.

Помимо вышеперечисленных функций (номинативной, коммуникативной, когнитивной, аккумулятивной) лингвокреативные единицы могут реализовывать прагматические установки автора, в частности, установку на эстетическое воздействие (преимущественно в художественном дискурсе), побудительное воздействие (в медийном, в частности, рекламном дискурсе и политическом, преимущественно, агитационном дискурсе), позволяя автору не только собственно означить объект или явление действительности, но и передать субъективное отношение, оценочное суждение или эмоциональное состояние. За счет стилистически нагруженных креативных единиц автору удастся выделить наиболее значимые смысловые компоненты для реализации идейно-концептуального содержания сообщения.

Следует отдельно отметить текстообразующий потенциал лингвокреативных единиц в медийном, политическом (в частности, агитационном) и художественном (преимущественно в поэтическом и драматургическом) дискурсах. Количественный объем, частотность употребления креативных языковых единиц способствуют содержательно-смысловой и формальной организации текста для достижения коммуникативного намерения автора.

Таким образом, лингвокреативные процессы являются одновременно когнитивными и коммуникативными, при этом в процессе лингвокреативной деятельности языковой личностью, с одной стороны, осуществляется выбор и конструирование инновационной номинации, с другой – реализация определенной речевой интенции, реализуемой в конкретном дискурсе. Дискурс при этом выступает не только коммуникативным событием, но и трансфером нового знания. Лингвокреативные единицы реализуют номинативную, коммуникативную, когнитивную, аккумулятивную, эстетическую и экспрессивно-эмотивную функции, способствуя передаче и хранению нового знания, обеспечивая успешность коммуникативного взаимодействия автора и реципиента, являясь средством акцентирования наиболее значимой информации в дискурсе, а также выступая средством интеграции текстов.

Литература

Бабина Л. В. Лингвокреативность как проявление ориентирующей функции языка (на примере словообразования) // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы Всерос. науч. конф. 28 мая 2010 г. Тамбов, Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 160–164.

Бекетова Н. А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореф. дис. ... кан. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2014.

Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 82–157.

Заложных В. В. Базовые понятия в функциональной лингвистике // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 81–88.

Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2s (18). С. 121–128.

Колесов И. Ю. Проявления интерпретирующей функции языка в номинациях пространства и восприятия // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Козловой / под науч. ред. И. Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 59–79.

U. L. Kshenovskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University

LINGUISTIC CREATIVITY IN ITS FUNCTIONAL ASPECT

Linguo-creative units realize their nominative, communicative, cognitive, accumulative, aesthetic and expressive-emotive functions, transferring and storing novel knowledge, ensuring successful communication between the author and the recipient, emphasizing significant information in the discourse, and contributing to text integration.

Key words: linguistic creativity, discourse, functional aspect, cognitive-discursive approach.

С. А. Песина, Л. С. Комисарова
(Магнитогорск, Россия)

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
spesina@bk.ru, lyudmila-komisarova@mail.ru*

АНТРОПОМОРФИЗМ В НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА¹

Антропоморфизм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, в том числе, научным углом зрения, через который человек смотрит на окружающий мир. Он «отвечает» за то, как полученная извне информация об окружающем мире структурируется в сознании человека по образу и подобию того, как устроено и функционирует его сознание и тело.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, антропоморфизм, анимизм, аниматизм, метафора.

Как тип мировоззрения антропоморфизм являет собой одно из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. Его можно трактовать как реальную форму освоения человеком окружающего его мира, при которой то, что было ранее далеким и чуждым становится ближе и роднее. Как и антропоцентризм, антропоморфизм задействует такие когнитивные механизмы, как соотнесение параметров своего тела с параметрами окружающих

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

объектов, артефактов и явлений, наделение свойствами своей психики и духа как животных, так и неживых объектов.

Тем не менее, приходится констатировать, что антропоцентризм и его воплощение в языке – антропоморфизм в долгосрочной исторической перспективе трактовались как стопперы научного прогресса, поскольку упрощали мир и предлагали ненаучное обиходное объяснение природных и иных явлений. Так, на протяжении многих столетий и даже не одного тысячелетия мифы являлись культурной формой мышления человека (в некоторых культурах и до сих пор). Поэтому в науке антропоморфизм зачастую предстает как «приращенная форма сознания», как некоторое искажение процессов и объектов действительности.

Следует признать, что даже если носители языка владеют терминологическим аппаратом той или иной отрасли науки, тем не менее, предпочитают пользоваться упрощенной наивной картиной мира. Последняя предполагает использование, например, глагольных метафор в составе терминов, профессионализмов и сленгизмов, таких как *ток течет по проводам, небесное тело сходит с орбиты, синапсы ломаются, тело поглощается черной дырой, электроны обмениваются* и т. п., субстантивных метафор, типа *leg of a triangle, coat of a pipe, sleeve of a pipe, cheek of a vice, hood of a furnace, дверной глазок* и т. п. Антропоморфные номинации широко распространены в компьютерной терминологии: *интеллектуальные сети, компьютерная память, компьютер запрашивает, завис* и т. п. Интересен также и обратный феномен: *мне надо перезагрузиться, я завис, мне оперативки не хватает, чтоб запомнить* (о людях) и т. п.

Насколько наивные термины-антропоморфы тормозят научный прогресс – это открытый вопрос не только для лингвистов, но и философов. Возможно, упрощение сложнейших процессов в физике, астрофизике, нейробиологии и других науках до сведения их к функциям человеческого тела не позволяют исследователям достичь высоких степеней абстракций. Так, по мнению математиков, не каждый доктор наук сегодня способен понять формулы пятого уровня понимания математических абстракций, если представить математику в виде пятиэтажного здания. Школьная математика в ее продвинутой форме позволяет «дотягиваться» в среднем до второго этажа импровизированной шкалы сложности. Во всяком случае, важнейший вопрос о том, насколько антропоморфизм «уживается» с абстракциями максимальной степени сложности, ждет своих исследователей.

Помимо терминологии, в современном мире можно повсеместно обнаружить антропоморфизм, который стал привычен в нашей повседневной современной речи и изобилует в ней [Юсупова, Песина 2016] («яростный/неистовый ветер», «жестокий мороз», «ласковое/приветливое солнце»),

«слепой дождик» и т. п.). Употребляемые в обиходе, литературе и научной среде подобные вербализованные антропоморфные образы зачастую уже не осознаются как метафоры (за исключением «свежей» антропоморфизации объектов в поэзии).

Чтобы детальнее разобраться в феномене антропоморфизма, выделим в качестве важнейших следующие его составляющие:

– антропоморфичность является мыслительной и, следовательно, языковой универсалией, поскольку свойственна человеку независимо от его языковой, расовой, политико-экономической или какой-либо другой принадлежности;

– антропоморфизм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, углом зрения, под которым человек смотрит на окружающий мир и как бы «просеивает» все знания о нем сквозь сито своего эго; особенно ярко языковой антропоморфизм проявляется в детстве;

– антропоморфический характер человеческого мышления вполне оправдан логически и вполне закономерно имеет глубинные родовые черты, отражает ход и итог мировой истории, представляя собой результат социальных явлений того общества, в котором индивид живет; итог мировой истории укоренен в глубинных архетипических чертах современного человека и отражает результат социальных и политико-экономических воздействий;

– антропоморфизм – это явление, которое затрагивает системные свойства мышления, воссоздающие стереотипы человеческого поведения, в том числе речевого;

– в то же время в любой исторический период особую роль играют индивидуальные качества человека, ищущего все смысловые и жизненные ориентиры в себе и живущего по законам, которые создал сам и по которым судит о своей собственной жизни; антропоморфичность возникает не потому, что с гуманизмом, как считают некоторые исследователи, рождается субъективность как особое свойство человека, антропоморфичность мышления свойственна человеку с тех пор, как он начинает осознавать себя человеком.

Особой разновидностью очеловечения объектов мира в языке можно назвать и социоморфизм, предполагающий перенесение различных характеристик общественных организаций на объекты окружающей природы. Речь идет о приписывании им семейных, возрастных иерархических, производственных и т. п. отношений и особенностей конкретной социальной общности [Песина, Дружинин 2016].

Следует признать, что немногочисленные исследования по проблемам антропоморфной семантики все же проводились в рамках лингвистики. Однако, таким смежным явлениям, как анимизм, аниматизм и персонификация менее повезло: ни со стороны аналитической философии, ни со стороны

современной лингвистики они не получили должного осмысления. Так, термин *анимизм* был предложен Г. Шталем и в том или ином виде фигурирует в ряде направлений аналитической философии, связанных с религиозным дискурсом. В рамках данных исследований *анимизм* понимается как вера в одушевленность всей природы или отдельных ее частей (например, *природа дремлет/притаилась, водопад ревет, подснежники выглянули из-под снега*).

Аниматизм как лингвистический объект исследования представляет собой переосмысление, предполагающее одушевление предметов и объектов окружающего мира и приписывание им человеческих качеств, коими они, естественно, не обладают. Речь идет о целеполагании, воле, креативности, сострадании и др. Из двух наиболее часто используемых тропов – метафоры и метонимии – анимизм превалирует, по всей видимости, в метонимическом переносе, хотя и в метафоре он популярен.

Эффектные антропоморфные метафоры отличаются яркостью и оригинальностью. Так, в ключевой речи о коронавирусе в мае 2020 года премьер-министр Великобритании Борис Джонсон говорил о коварстве вируса и, вместе с тем, о том, что пик его опасности миновал: “...shining the light of science on this invisible killer”, “Its coming down the mountain...” («...проливая свет науки на этого невидимого убийцу», «Его спуск с горы часто бывает более опасным...»).

Сегодня подобные актуализации кажутся привычными, поскольку отражают массовое обыденное сознание и опираются на практический опыт многих поколений, накопленный в результате наблюдений за объектами или явлениями невооруженным глазом [Песина, Юсупова, Пулеха 2019; Песина, Зимарева, Баклыкова 2019].

В наши дни антропоморфная метафора способствует постижению объектов и явлений действительности «по образу и подобию» человека и тем самым пересекается с одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики – понятием телесности, «воплощенности» (embodiment) как проявлением антропоморфизма в языке и мышлении. Одним из главных разделов антропоморфизма в лингвистике должна быть *антропоморфическая семантика*, выдвигающая на первый план задачу моделирования образа человека по данным языка. Однако, чтобы вплотную к ней подойти, следует разобраться в смежных понятиях и явлениях [Песина, Юсупова, Пулеха 2019].

Перечисленные явления свидетельствуют об онтологической связи между особенностями восприятия и отражения человеком окружающего мира и самим миром. Последний наделяется теми же физиологическими и духовными свойствами, что и сам человек в силу потребности в создании собственного комфортного психологического пространства и объяснения законов и механизмов функционирования зачастую враждебной окружающей среды. При этом человек как центр мироздания приспосабливает

свою среду обитания под себя, задействуя, по всей видимости, врожденные механизмы антропоморфной категоризации действительности [Зимарева, Песина 2016; 2019].

Даже если у экспертов и имеются точные сведения о каком-либо явлении или понятии, то на уровне «народного» сознания они зачастую игнорируются, и используются ненаучные приблизительные понятия. Такое соотношение позволяет создать основу для системного представления антропоморфизма как важнейшей категории лингвокогнитивной антропологии в ряду смежных понятий.

Литература

Дружинин А. С., Песина С. А. Антропоцентрические факторы лексической многозначности (на примере полисеманта arm) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 199–203.

Зимарева О. Л., Песина С. А. Антропоцентрический подход в когнитивном описании семантики многозначных слов // Когнитивные исследования языка. 2016. С. 570–576.

Зимарева О. Л., Песина С. А. Кластерная семантика и антропоцентрическая парадигма // Когнитивные исследования языка. Интергративные процессы в когнитивной лингвистике. Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ. 2019. Вып. XXXVII. С. 95–100.

Песина С. А., Юсупова Л. Г., Пулеха И. Р. Антропоморфизм в языке сквозь призму воплощения // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 115: Филологические науки. 2019. № 1 (423), С. 106–123.

Песина С. А., Зимарева О. Л., Баклыкова Т. Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 34–38.

Юсупова Л. Г., Песина С. А. Антропоцентризм как источник пополнения словарного состава языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 1083–1089.

S. A. Pesina, L. S. Komisarova (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ANTHROPOMORPHISM IN THE NAIVE PICTURE OF THE WORLD OF SPEAKERS

Anthropomorphism is the leading vector of profiling a person's knowledge about the world, including the scientific point of view by which a person looks at the surrounding world. In accordance with anthropomorphism, information about the surrounding world received from the outside is structured in the human mind in the image and likeness of how his mind and body function.

Key words: cognitive linguistics, anthropomorphism, animism, animatism, metaphor.

Т. А. Подшибякина (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
tan5@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ НАРРАТОЛОГИЯ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: АДАПТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ¹

Целью данного исследования является анализ методологического потенциала когнитивных направлений нарратологии в предметном поле политической науки. Дается оценка применения данной методологии для построения теоретико-методологического конструкта исследования идеологических установок. Описывается метод исследования идеологических концептов с опорой на концепцию речевых жанров М. Бахтина.

Ключевые слова: нарратология, когнитивная нарратология, идеологические установки, речевые жанры, методология.

Актуальность содержания научных концепций бывает сложно оценить из-за влияния определенных факторов, способствующих ее имитации, таких как научные моды или необъяснимый рост популярности некоторых научных понятий в публицистических дискурсах. Наиболее показательным проявлением востребованности концепций и теоретических моделей является запрос на использование их методологических возможностей при изучении практических социально-политических проблем. В настоящее время растет интерес к междисциплинарному подходу, который может придать новый импульс исследованиям в разных научных областях, конечно, при условии сохранения неприкосновенности предметного поля каждого научного направления.

Политическая наука особенно нуждается в адаптации междисциплинарных методологических новаций, так как у нее практически отсутствуют собственные прикладные методы, что является «ахиллесовой пятой» ее научной парадигмы. В предметной области политической науки среди прочих явно ощущается дефицит методов, связанных с изучением ценностных ориентаций личности. Рассмотрим частный случай исследования идеологических нарративных практик, требующий проникновения на ментальный уровень индивидуального и группового сознания, непосредственно связанный с когнитивными способностями личности.

¹ Статья написана в рамках проекта ЮФУ «Цифровой атлас политических и социально-экономических угроз и рисков развития Южнороссийского приграничья: национальный и региональный контекст («Цифровой Юг») № СП-14-22-06.

Интерес представляют методологические возможности когнитивных направлений нескольких научных подходов, таких как нарратология, когнитивистика, лингвистика. Прежде всего необходимо упомянуть собственно когнитивную нарратологию постклассического периода, принципиально отличающуюся от научных разработок структуралистской нарратологии (Е. М. Форстер), которая в основном работала с текстом и не включала читателя в коммуникацию. Когнитивная нарратология (М. Ян, М. Флудерник, Д. Герман) в настоящее время становится самостоятельной областью знаний о когнитивных структурах сознания, агрегируя наработки лингвистики, филологии, социальной психологии, философии. В. И. Тюпа, один из самых авторитетных российских нарратологов, подчеркивает междисциплинарный характер современной нарратологии. «Теперь это сфера общегуманитарного познания, направленного на когнитивные механизмы и разномедиальные (не только вербальные) возможности формирования и ретрансляции событийного опыта» [Тюпа 2021: 122]. Актуальной тенденцией нарратологии в гуманитарных науках является смещение фокуса исследования с текстов на изучение когнитивных процессов, сопровождающих их восприятие и репрезентацию [Current 2011]. Предметом исследования когнитивной нарратологии являются «ментально значимые соотношения в повествовательных практиках» т. е. нарративные репрезентации и «когнитивные артефакты» – ментальные объекты, обеспечивающие познание (Д. Герман); разум персонажей, мыслительная деятельность читателя (зрителя, игрока и т. д.), нарратив как способ мышления (М. Л. Райан) [Ryan 2011]; фреймы как когнитивная модель, используемая в процессе чтения нарратива (М. Ян). Однако методология когнитивной нарратологии как четкая парадигма исследования в настоящее время отсутствует (Д. Герман) [Narrative 2003].

Не сложилась и лингвистическая теория нарратива в России, заметное влияние на ее становление может оказать когнитология (Л. В. Татару) [Татару 2008: 38]. Когнитивно-ориентированный подход позволит развить прагмалингвистическое направление и даст возможность построения «междисциплинарной общегуманитарной теории нарратива» (Т. Б. Радбиль) [Радбиль 2008: 38]. Наиболее близка к когнитивной проблематике исследований когнитивная лингвистика и прагмалингвистика, предлагающие свой категориальный аппарат. Д. Герман, работающий в направлении когнитивной лингвистики и социолингвистики, ввел понятие нарратива как особого когнитивного стиля, «атомарного нарратива», т. е. «серии предложений, содержащих начало, середину и конец, причинные отношения между которыми управляются общим законом когнитивной логики» [Herman 2002: 54]. Прагмалингвистика интерпретирует язык с учетом социальной и духовной культуры и когнитивной структуры диалога, определяющей речевой жанр.

Предлагаем результаты небольшого исследования идеологических установок с использованием концепций М. Бахтина, которые являются классикой нарратологии и имеют большой потенциал для дальнейшего развития когнитивной нарратологии. М. Бахтин, как известно, не использовал понятие «нарратива», однако по признанию многих представителей этого направления, в частности, Поля Рикера, его работы обладают большой ценностью для нарратологии. Интерес к научному наследию М. Бахтина был вызван не «нарратологическим поворотом» в политической науке, а поиском надежного метода исследования идеологических концептов в индивидуальном и групповом сознании. Нужен был метод, позволяющий распознать «ценностные установки» и описать имплицитные процессы их зарождения от докогнитивных форм до преобразования в идеологемы и идеологические когнитивные состояния. Отправной точкой послужила гипотеза о роли личного опыта человека в формировании у него ценностных установок, или идеологических аттитюдов. Методологически решить проблему инструмента исследования помогла бахтинская трактовка нарративности как формирования и распространения событийного опыта. Концепцию возникновения идеологических установок на периферии взаимодействия когнитивно-идеологической матрицы с внешней (социальной) средой можно описать следующим образом: нарратив как ментальная модель социального опыта превращается в идеологические концептные нарративы, затем в идеологемы и идеологические концепты.

Другим методологическим основанием, позаимствованным у М. Бахтина, является металингвистика, которой была посвящена его работа «Проблема речевых жанров» (1953) [Бахтин 1996]. М. Бахтин использовал данную категорию для обозначения явления вербализации нарративных структур и обозначения металингвистического феномена «диалогических отношений между высказываниями» [Бахтин 1979: 293]. Содержание нарративного дискурса по Бахтину может быть представлено следующими статусами, каждый из которых связан с соответствующим жанром: знания, убеждения, мнения, понимания. Речевые жанры разделяются М. Бахтиным на «первичные» (практика обыденного общения) и «вторичные» (литературные, публицистические, научные). Метод нарративного анализа на основе речевого жанра может быть определен как анализ текста с точки зрения темы, композиции и стиля [Бахтин 1996]. Для исследования идеологических установок методологическую ценность представляет принцип взаимосвязи языка, идеологии и мировоззрения.

Когнитивный аспект анализа нарративных текстов в контексте исследования аттитюдов заключается в сфокусированности на когнициях – рецепции и репрезентации идеологем и идеологических концептов. Апробация метода проводилась в форме написания эссе студентами-политологами, результатом

стало выявление идеологических установок, не во всех случаях совпадавших с их самопрезентацией [Подшибякина 2019]. Практическое значение подобного рода исследований индивидуального и группового сознания заключается в возможности экспликации неявных идеологических установок, в том числе националистических, радикальных, экстремистских, несущих в себе потенциал рисков политической нестабильности.

Литература

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Подшибякина Т. А. Нарративная методология в междисциплинарном поле когнитивистики: практика применения // Логика, методология науковедение: интеллектуальные практики, стратегии и паттерны: материалы всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 16–19 мая 2019 г. Таганрог, 2019. С. 69–72.

Радбиль Т. Б. Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании // Коммуникативные исследования. 2017. № 1(11). С. 23.

Татару Л. В. Когнитивная логика нарратива // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2008. № 9. С. 38–50.

Тюна В. И. Бахтин и нарратология // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 120–133.

Current trends in narratology / ed. by G. Olson. Berlin; New York, 2011.

Herman D. Story Logic: Problems and possibilities of narrative. USA: University of Nebraska Press, 2002.

Narrative Theory and the cognitive studies / ed. D. Herman. Stanford: CSLI Publications, 2003.

T. A. Podshibyakina (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

COGNITIVE NARRATOLOGY IN THE SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE: METHODOLOGY ADAPTATION

The purpose of this study is to analyze the methodological potential of cognitive directions of narratology in the subject field of political science. The assessment of the application of this methodology for the construction of a theoretical and methodological construct for the study of ideological attitudes is given. The method of research of ideological concepts based on the concept of speech genres by M. Bakhtin is described.

Key words: narratology, cognitive narratology, ideological attitudes, speech genres, methodology.

В. М. Топорова, Е. В. Корнева (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный университет
vtoporova@mail.ru; el_korneva@mail.ru*

ФОРМАТЫ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА

В работе рассматриваются форматы пространственно-визуальной репрезентации ментальных образов на уровне обыденного, научного и художественного знания (визуальные перцептограммы, графики и диаграммы); характеризуются вербальные и невербальные (графические) способы актуализации ментального образа. Описываются приемы концептуальной визуализации на основе графической схематизации, синестетического совмещения перцептивных элементов различных модальностей и реализации визуальной метафоры.

Ключевые слова: восприятие, визуализация, визуальный образ, репрезентация, визуальная перцептограмма, инструментально-опосредованная репрезентация, концептуализация.

Исследование и концептуальное осмысление процесса визуализации входит в круг актуальных задач когнитивной науки. Следует отметить возросшую роль когнитивной графики и концептуальную значимость явления визуализации, широко используемой во всех областях жизнедеятельности человека [Kress 2006]. Пространственно-визуальные образы выполняют важную когнитивную функцию на всех уровнях сознания современного человека (научного, обыденного, художественного). В аспекте функциональной значимости визуализация выступает: как средство научной аргументации, как способ представления исследовательских данных, как способ моделирования процесса поведения объекта; как широко используемое в интернет-коммуникации эмоционально окрашенное средство невербального общения.

В задачу настоящего исследования входит рассмотрение процесса визуализации в когнитивном аспекте. Основным предметом описания являются форматы и способы вербальной и невербальной репрезентации визуальных образов.

Структура визуального образа определяется сложной структурой процесса зрительного восприятия в целом, обусловленного многими факторами физиологического и психологического плана. Зрительный образ есть результат ментальной обработки поступающей в мозг информации. Мы видим, по определению Б. Раушенбаха, «мозговую картинку». С этой точки зрения визуальный образ является опосредованным. Это одна из форм нейрофизиологически опосредованной репрезентации зрительного образа.

[Гибсон 1988; Раушенбах 2012]. Наряду с естественной физиологической и психологической обусловленностью зрительного восприятия существует социокультурная обусловленность интерпретации визуальных образов, отражающая степень владения человеком принятой в данной культуре системой пространственно-визуальных кодов.

Большой удельный вес в процессе графической визуализации имеют эталонные пространственно-геометрические конфигурации (*квадрат, куб, круг, спираль*), а также такие строительные элементы формы, как *линия и точка* и их композиции. В число эталонных входят также предметно маркированные конфигурации, фиксирующие контуры и особенности пространственной структуры (*ёлочка, груша, профиль лица, физиогномические маски смеха, плача* и т. п.). Эталонные геометрические и предметно маркированные конфигурации и структурные схемы выступают в роли когнитивно значимых паттернов визуализации [Топорова, Корнева 2022].

Можно говорить также о концептуально-конструктивной форме опосредования зрительного образа путем конструирования зрительного восприятия с учётом оптических эффектов, например, цвета и вида освещённости, или с применением эффекта динамизации воспринимаемого зрительно объекта на основе изменения ракурса восприятия. Так, изображённый на картине стол как бы наезжает на зрителя, а изменение ракурса восприятия зрительно увеличивает передние фрагменты круговой диаграммы.

К пространственным конструктивам можно отнести графические образы, создаваемые на основе определенного вида трансформации эталонной конфигурации, например, *схемы куба* с одной отсутствующей гранью, симболизирующего бесконечное пространство.

Особый вид визуальных образов представляют образы абстрактного искусства, рисующие картины топологического развёртывания пространства и пространственных объектов любого рода. В связи с этим можно выделить концептуально-художественный (стилистический) тип визуализации (опосредования визуального образа в контексте художественного мышления).

Интересный тип концептуально-художественного опосредования визуального образа представляют, на наш взгляд, *визуальные перцептограммы*. Визуальная перцептограмма представляет собой определенный вид записи, визуальной репрезентации перцептивного образа той или иной модальности восприятия и может рассматриваться как сложный визуально-пространственный текст, организующий процесс восприятия, позволяющий, с одной стороны, «выносить вовне зрительный образ, строящийся в восприятии или представлении художника, а с другой – задать программу построения перцептивного образа у зрителя» [Чертов 2003: 54; 2014]. В отличие от естественно складывающихся и неосознанно используемых в ког-

нитивных процессах средств перцептивного кода, перцептограмма включает сознательно отобранные средства. Ярким примером визуальной графической перцептограммы является *нотная запись*. Визуальная перцептограмма как совокупность динамических и эмоционально окрашенных элементов может воплощаться в трехмерном скульптурном образе.

Особый вид представляет инструментальное опосредование визуального образа. К таковым можно отнести графические образы – записи органических процессов человеческого организма в виде фиксируемых электромагнитных волн и репрезентируемых в виде *кардиограмм, энцефалограмм, эхограмм*.

Важной характеристикой графических образов является их соотношенность и с рационально-логической, и с эмоционально-чувственной сферой человека. Характерно, что перцептограмма, по количеству актуализируемых сенсорных признаков, становится «сенсограммой», но может быть редуцирована к минимальному набору категориальных признаков, превращаясь в «пиктограмму» [Чертов 2003]. Графические образы обладают особой когнитивной значимостью в аспекте реализации механизма схематизации как важного механизма мыслительной деятельности [Болдырев 2016]. Они являются важной составляющей концептуальной визуализации. Так, графические композиции представляют структурные соотношения исследуемых объектов. Особенностью графических схем выступает при этом визуализация числовых соотношений на основе визуального восприятия представляемых по величине (по количественному параметру) данных.

Вместе с тем важной характеристикой визуальных образов различного типа является их богатый концептуально-образный потенциал, составляющий базу семантического развития пространственных номинаций и определяющий когнитивную значимость пространственной метафоры и визуальной метафоры, как вида концептуальной метафоры [Болдырев 2018].

Метафорическая визуализация абстрактных непространственных смыслов на основе визуально-пространственных образов широко представлена в художественной семантике. В этом контексте мы можем говорить о вербально опосредованной актуализации визуального образа, как ментального, мысленного образа сознания [Sima 2013]. Средствами актуализации выражаемого смысла здесь часто выступает фразеологический контекст, пространственная метафора, метафоризация терминологического значения: *читать по диагонали, линия судьбы, кривая мечтаний ученой братии*.

Следует отметить также формат визуализации ментального образа при семантическом взаимодействии и взаимодополнении вербальных и невербальных средств (реклама, комиксы, коллажи).

Особую функционально-метафорическую значимость имеет концептуальная визуализация на основе синестетического совмещения перцептив-

ных элементов различных модальностей. Ярким примером визуализации звучания могут служить визуальные перцептограммы, выступающие как семантические единства графических и акустических объектов (нотная запись, эмодзи крика (ужаса), графическая композиция из повернутых друг к другу профилей коммуникантов).

Представленные в данном обзоре форматы визуально-пространственной репрезентации объектов ментальной сферы и виды опосредованной актуализации визуальных образов свидетельствуют о разнообразии когнитивных механизмов, структурирующих процесс визуализации в целом и разнообразии аспектов концептуальной обработки перцептивной сферы. Выявляются в качестве наиболее функционально значимых следующие приёмы концептуальной визуализации: на основе графической схематизации, на основе синестетического совмещения перцептивных элементов различных модальностей и на основе реализации визуальной метафоры.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования. 2018. Вып. 32. С. 26–36.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / пер. с англ. под общей ред. А. Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988.
- Раушенбах Б. В.* Геометрия картины в зрительном восприятии. М.: Аграф, 2012.
- Топорова В. М., Корнева Е. В.* Семантико-когнитивная вариативность средств графической визуализации // Когнитивные исследования языка. 2022. С. 104–108.
- Чертов Л. Ф.* Визуально-пространственные коды в изобразительном искусстве // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2003. Сер. 6. Вып. 1 (№ 6). С. 51–59.
- Чертов Л. Ф.* Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014.
- Kress G., Leeuwen van T.* The Grammar of visual design. New York: Routledge, 2006.
- Sima JF., Schultheis H., Barkowsky T.* Differences between spatial and visual mental representations // Front. Psychol. 2013. Vol. 4. P. 1–15.

V. M. Toporova, E. V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

FORMATS OF SPATIAL-VISUAL REPRESENTATION OF MENTAL IMAGE

The paper considers the formats of spatial-visual representation of mental images at the level of everyday, scientific and artistic knowledge (visual perceptograms, graphs and charts); verbal and non-verbal (graphic) ways of actualizing the mental image are

characterized. Conceptual visualization techniques are described based on graphic schematization, synesthetic combination of perceptual elements of various modalities, and the actualization of a visual metaphor.

Key words: perception, visualization, visual image, representation, visual perceptogram, instrumentally mediated representation, conceptualization.

А. П. Ушакова (Тюмень, Россия)

*Тюменское Высшее военно-инженерное командное училище
инженерных войск имени маршала А. И. Прошлякова
apushakova@rambler.ru*

С. А. Шишкина (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
raddoc@rambler.ru*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются подходы к исследованию вербализации ценностей в аксиологической лингвистике, лингвоперсонологии, теории межкультурной коммуникации и психолингвистике.

Ключевые слова: ценность, аксиологическая лингвистика, лингвоперсонология, языковая личность, теория межкультурной коммуникации, кейс-метод, психолингвистика.

Ценности занимают важнейшее место в жизни человека и общества. Именно они определяют наш образ жизни и являются неким ориентиром, который указывает путь. В настоящее время существует множество областей знания, которые изучают ценности в различных ракурсах. Это, в первую очередь, философия, а также психология, социология, культурология и педагогика. Современная лингвистика также обратилась к этому вопросу, что привело к возникновению новой отрасли знания – аксиологической лингвистики, идеи которой особенно активно развивают представители волгоградской лингвистической школы [Карасик 1996, 2004].

Одной из проблем аксиологической лингвистики является определение ценностей и антиценностей, их классификация, выявление соотношения субъективности и объективности в процессе оценки, а также место оцениваемых явлений в языке и мышлении и их вербализация. Термин «вербализация» используется в нашей статье для обозначения механизмов использования языка для именованья и структурирования различных единиц человеческого опыта.

Основным способом аксиологического анализа в лингвокультурологии является выделение значимых смыслов текста/дискурса и определение их ценностного содержания. В аксиологической лингвистике была выделена особая область языковой картины мира – ценностная.

Также ценности как языковое явление рассматриваются в рамках такой отрасли лингвистики, как лингвоперсонология – наука о языковой личности. Основной метод лингвоперсонологии – метод структурного моделирования, разработанный Ю. Н. Карауловым в монографии «Русский язык и языковая личность». Приоритет в разработке концепции языковой личности в лингвистике принадлежит также Ю. Н. Караулову, который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)». Эти речевые произведения различаются «степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определённой целевой направленностью», что определяет особенности каждой индивидуальной языковой личности [Караулов 2019]. В содержание понятия «языковая личность» включаются три компонента: ценностный – содержит систему ценностей, жизненных установок и взгляд на мир, выражаемые посредством языка в процессе общения; культурологический – свидетельствует о формировании навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации; и личностный компонент – представляет индивидуальный набор характеристик личности человека.

Теория межкультурной коммуникации изучает ценности с целью облегчить взаимодействие с представителями других лингвокультур. В процессе межкультурных контактов обнаруживается огромная разница между тем, как одни и те же вещи, события, поступки оцениваются людьми разных культур. Так, в конце мая 2022 г. пользователи сети по всему миру обсуждали культурный обычай шведов, которые не угощают гостей, после того, как один из пользователей интернет-форума Reddit оставил комментарий про необычную культурную практику в Швеции.

«Помню как однажды, когда был маленьким, я навестил своего друга в Швеции. Мы играли в его комнате, как вдруг его мама крикнула, что обед готов. Представьте, какого было мое удивление, когда он меня попросил подождать в комнате, пока все не поедят?!», – рассказал юзер.

Позже многие другие пользователи подтвердили то, что сталкивались с таким приемом в стране, а комментаторы из Швеции подтвердили, что это действительно так. При этом, они сообщили, что шведы не кормят гостей не потому что негостеприимны, а всегда стараются заранее рассчитать количество порций.

Скриншот сообщения с Reddit быстро распространился в соцсетях, а хэштег #Swedengate стал популярным в Twitter, появилось множество публикаций на развлекательных Интернет-порталах и в газетах, включая Independent и New York Post. Вскоре тысячи пользователей поделились своими историями о том, как скандинавы не кормили их в гостях. Некоторые шведы встали на защиту этого обычая, в то время как жители других стран начали критиковать страну за ее культуру питания [Clark URL].

Здесь налицо разное отношение к ценности гостеприимства у представителей различных лингвокультур. Для кого-то не накормить гостя считается неправильным и даже постыдным. А представители более индивидуалистичных культур не видят в этом ничего плохого.

Теория и практика межкультурной коммуникации использует кейс-метод (case study) для изучения подобных случаев конфликтов ценностей.

Психолингвистика изучает ценности, используя научную базу,работанную психологией. Например, для анализа вербализации ценностей может использоваться концепция ценностных ориентаций личности Милтона Рокича, теория базовых индивидуальных ценностей Шаломы Шварца, методика изучения ценностных ориентаций Д. А. Леонтьева. Распространены такие методы, как метод свободных ассоциаций, ранжирование списка, проективные методики. Так, исследователи выделяют средства, с помощью которых вербализуются наши представления о ценном, т. е. те самые слова-ценности и их характеристики [Федосюткина 2006]. В результате можно определить иерархию ценностей отдельных людей и социальных групп, типичные ассоциаты, связанные с теми или иными ценностями, выявить системный характер знаний, стоящих за словами.

Таким образом, в современной лингвистике нет единого подхода к изучению вербализации ценностей. Каждая из упомянутых в статье отраслей науки изучает какую-либо часть этого многогранного явления, используя собственные методы и подходы.

Литература

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996.

Карасик В. И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 25.05.2022).

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2019.

Федосюткина Н. С. Психолингвистический подход к изучению ценностных представлений // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru>.

ru/article/n/psiholingvisticheskiy-podhod-k-izucheniyu-tsennostnyh-predstavleniy (дата обращения: 01.06.2022).

Clark M. What is #Swedengate? How the internet turned on Sweden for not feeding house guests. URL: <https://www.independent.co.uk/life-style/sweden-gate-feeding-guests-debate-b2091397.html> (дата обращения: 01.06.2022).

A. P. Ushakova (*Tyumen, Russia*)

*Tyumen Higher Military Engineering Command School
Engineering Troops named after Marshal A. I. Proshlyakov*

S. A. Shishkina (*Tyumen, Russia*)

Tyumen State University

VERBALIZATION OF VALUES AS AN OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH

The article analyzes approaches to the study of verbalizing values in axiological linguistics, linguistic personology, the theory of intercultural communication and psycholinguistics.

Key words: value, axiological linguistics, linguistic personology, linguistic personality, theory of intercultural communication, case method, psycholinguistics.

E. B. Федяева, А. А. Тарабакина

(Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный
технический университет*

fedyeva_lena@mail.ru,

anastasiyalowe@gmail.com

ВТОРИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ ФИЗИЧЕСКОГО К АБСТРАКТНОМУ

В статье анализируется вектор эволюции от физического к абстрактному как одна из универсальных закономерностей, определяющих развитие концептуальной системы человека, семиотических систем и языковых значений. В качестве частного случая реализации данной тенденции рассматривается вторичная интерпретация знания, мотивированного сенсомоторным опытом, в процессе осмысления явлений ментальной сферы.

Ключевые слова: сенсомоторный опыт, абстрактное знание, вторичная интерпретация, embodied mind, биологическая релевантность.

Одной из исходных теоретических установок современной парадигмы лингвистических исследований является рассмотрение естественного языка как системы репрезентации знаний человека о мире, что обуславливает растущий интерес исследователей к механизмам формирования разных типов знания и роли языка в этом процессе. Одним из наиболее дискуссионных вопросов в этой связи остается проблема конструирования абстрактного знания. Многообразие существующих точек зрения, как представляется, связано с диффузностью границ самого понятия «абстрактное знание» (см. подробнее: [Borghì et al. 2017]). Тем не менее большинство исследователей признает в качестве базового свойства, характеризующего абстрактные концепты, их нереперентность, отсутствие материально выраженных коррелятов в онтологической реальности, что позволяет говорить о вторичном, производном статусе этого типа концептуальных структур. Исходя из того, что физический, сенсомоторный опыт предшествует развитию обобщающей, абстрагирующей деятельности человеческого мышления, следует предположить, что именно знание, сформированное вследствие непосредственного контакта с окружающим миром, выступает в качестве мотивирующей основы для конструирования некоторых видов абстрактных концептов.

В целом, вектор развития от *непосредственного, физического к отвлеченному, абстрактному* представляет собой универсальную закономерность, которая в процессе становления наук гуманитарного цикла использовалась для описания эволюции разных объектов исследования. Так, с семиотической точки зрения данный принцип характеризует общее направление развития знаковых систем, а с позиций когнитивизма, как уже было отмечено, находит свое отражение в процессе формирования концептуальной системы человека и отчасти объясняет механизмы генезиса абстрактного знания.

Эволюция разного рода семиотических систем, по мнению Ю.С. Степанова, сопровождается уменьшением энергетической силы знака, что обуславливает переход от «сильно энергетических, физических взаимодействий» к «знаковым, информационным системам» [Степанов 1998: 127]. Собственно информация, как пишет автор, «постепенно вычленяется из общего объема биологически существенной (биологически релевантной) информации» [Там же: 90]. Иными словами, в отношении знаковых систем уместно говорить о развитии по линии *значащее физическое явление → язык как система конвенциональных, условных знаков*, и в этом эволюционном процессе предлагается выделять несколько этапов. На первом этапе знак представляет собой непосредственное воздействие, или «акт», вследствие чего первая ступень характеризуется тождеством знака и означаемого, биологической существенностью знака и его непосредственным влиянием на функционирование живого организма. На втором этапе семиозиса энергетическая

нагрузка знака снижается: тождество означаемому сменяется подобием, а непосредственный физический акт редуцируется до его имитации, или «жеста». Третий же этап эволюции семиотической системы представлен условным знаком, биологически не существенным, функционирующим за счет разделенного всеми членами речевого коллектива знания конвенциональных схем языковой интерпретации окружающей действительности [Там же: 134–135].

В рамках когнитивной парадигмы лингвистических исследований проблема производности абстрактного знания от конкретного, мотивированного непосредственным опытом взаимодействия со средой, получила подробную разработку в концепции “embodied mind” (см. например: [Johnson 1987; Lakoff 1987]). Ссылаясь на исследования Дж. Грейди [Grady 1997], М. Джонсон отмечает, что сложная, разветвленная система метафорически структурированных абстрактных концептов складывается на базе ограниченного набора «первичных метафор» (primary metaphors). В основе данного вида метафор лежат ассоциативные связи (cross-domain associations) между концептуальными областями, мотивированными телесным опытом, и концептуальными областями, репрезентирующими отвлеченное знание, которое часто связано с субъективными впечатлениями и оценками и является закономерным следствием активации т. н. «высших» когнитивных функций. Установление подобного рода ассоциаций осуществляется за счет последовательной реализации двух основных стадий развития метафорического мышления: стадии отождествления (conflation stage), предполагающей одновременное переживание телесного опыта и субъективного впечатления, и стадии дифференциации (differentiation stage), на которой то или иное субъективное впечатление осмысливается как самостоятельная абстрактная сущность. Вместе с тем структурирование представлений об этой сущности происходит по аналогии с телесно обусловленным знанием, ранее неразрывно с ней связанным [Johnson 2017: 111–114].

Учитывая универсальный характер рассмотренной выше закономерности *физическое* → *абстрактное* и ее релевантность для характеристики эволюции разнородных явлений, представляется естественным, что в аналогичном направлении протекает и развитие вторичной метафорической семантики языковых форм с прототипическим значением прямого физического воздействия:

1) *Grandfather's been dead for all these years, but if you lifted my skull, by God, in the convolutions of my brain you'd find the big ridges of his thumbprint. He touched me. As I said earlier, he was a sculptor* (Bradbury R. Fahrenheit).

В анализируемом контексте возможность повлиять на мировосприятие человека, привить ему определенные ценности и установки представлена как способность буквально прикоснуться к его внутреннему миру, оставить в нем «след». Экспликация данного метафорического смысла способствует и упо-

минание рода деятельности дедушки, сыгравшего важную роль в развитии личности героя. Скульптура, являясь пластическим видом изобразительного искусства, как известно, предполагает непосредственный физический контакт с материалом, придание ему определенной формы и пространственной конфигурации, при этом конечной целью творческого процесса является эстетическое удовольствие воспринимающего, неосозаемое и воплощенное, представленное только в ментальной сфере. Следовательно, профессия скульптора в данном случае символически репрезентирует неразрывную взаимосвязь материального и духовного начал.

2) *Do you know whether you believe in the church or not, Ethan? ...Let's say that when I was a little baby, and all my bones soft and malleable, I was put in a small Episcopal cruciform box and so took my shape. Then, when I broke out of the box, the way a baby chick escapes an egg, is it strange that I had the shape of a cross? Have you ever noticed that chickens are roughly egg-shaped?* (Steinbeck J. The Winter of Our Discontent).

В приведенном фрагменте таинство крещения, знаменующее обращение человека в веру и оказывающее значительное влияние на становление личности, мировоззрения и системы ценностей, редуцируется до физического процесса приобретения формы креста. Важно обратить внимание на то, что в рамках христианской теологии таинство трактуется как непосредственное обращение к духовному, «глубинному» миру человека и в этом смысле противопоставляется религиозному обряду, который представляет собой внешнюю, «поверхностную» манифестацию сакрального. Следовательно, сведение *духовного* перерождения к *физическому* акту насильственного придания формы указывает на отнесение крещения к миру «профанного» и отражает процесс десакрализации религиозного таинства для героя, лишённого права сознательно выбрать веру в более зрелом возрасте. Отметим также, что в данном случае, в противоположность первому рассмотренному контексту, подчеркнутый буквализм в осмыслении влияния, оказанного на внутренний мир человека, имплицитно отрицательную оценку и обуславливает стилистическую маркированность высказывания, придавая ему ярко выраженную саркастическую окраску.

В целом, проекция *непосредственное физическое действие* → *явление ментальной сферы*, выступая в качестве одной из универсальных схем метафорического структурирования переживаемого опыта, характеризуется высоким оценочным потенциалом, что на уровне языковой интерпретации приводит к систематическому возникновению положительных или отрицательных коннотативных значений. Так, во фрагменте (1) редуцирование ментальных процессов до прямых физических актов (чему в семиотическом смысле соответствует возврат к эволюционно более ранней ступени знаковости) обуславливает формирование таких инферентных смыслов,

как ‘понимание’, ‘близость’, ‘доверие’. В другом контексте подобная форма интерпретации явлений, принадлежащих ментальной сфере, напротив, указывает на механизацию духа, обесценивание говорящим качественного, сущностного различия между сферой материального и сферой духовного.

В заключение отметим, что процессы развития концептуальной системы человека, коммуникационных систем, функционирующих в человеческом сообществе, а также языковых значений обнаруживают определенную степень изоморфизма. Обращает на себя внимание одна из универсальных тенденций, характеризующих все перечисленные эволюционные процессы – вторичность абстрактного по отношению к физическому. Как показывает анализ фактического материала, частным случаем реализации данной закономерности является осмысление процессов, протекающих в сфере человеческого сознания, посредством вторичной метафорической интерпретации концептуального содержания, мотивированного физическим, сенсомоторным опытом.

Литература

Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: «Языки русской культуры», 1998.

Borghi A., Binkofski F., Castelfranchi C. et al. The Challenge of Abstract Concepts // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. № 3. P. 263–292.

Grady J. Foundations of Meaning. Primary Metaphors and Primary Scenes. California: University of California, Berkeley, 1997.

Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Johnson M. Embodied Mind, Meaning, and Reason. How Our Bodies Give Rise to Understanding. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

E. V. Fedyaeva, A. A. Tarabakina

(Novosibirsk, Russia)

Novosibirsk State Technical University

SECONDARY INTERPRETATION AS THE BASIS FOR TRANSFER FROM THE CONCRETE TO THE ABSTRACT

The article details the grounding of abstractness in physical acts of perception and movement. This universal principle is claimed to underlie the formation of the human conceptual system, semiotic systems and meanings of the linguistic units. Specifically,

this trend leads to the secondary interpretation of body-based conceptual domains while reasoning about mental processes.

Key words: sensorimotor experience, abstract concepts, secondary interpretation, biological relevance, embodied mind.

Л. А. Фурс (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ МОНИТОРИНГ И ЭФФЕКТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ¹

В статье рассматриваются условия эффективной коммуникации, такие как способность доносить правильную информацию до собеседника для получения нужного результата и учет обратной связи. В процессах обработки информации с последующей ее репрезентацией важную роль играет принцип когнитивного мониторинга как аспекта процедурного знания, включающего оценку условий коммуникации с целью достижения наибольшего коммуникативного эффекта. В результате анализа ряда комплиментарных высказываний установлено, что активизация стратегии противопоставления приводит к двусмысленности, что может вызвать конфликт. В этих процессах активизируются линейный и нелинейный стили мышления.

Ключевые слова: линейное мышление, нелинейное мышление, процедурное знание, когнитивный мониторинг, стратегия противопоставления, комплимент.

С выдвижением когнитивной парадигмы знания в фокус исследовательских интересов особое внимание стали обращать на то, как конструируется, перерабатывается и интерпретируется информация в процессах речемыслительной деятельности человека с целью достижения эффективной коммуникации. При этом эффективная коммуникация определяется не только как способность доносить правильную информацию до собеседника для получения нужного результата, она включает также и учет обратной связи. Иными словами, результативность коммуникации предполагает, что в ней не должно быть двусмысленных высказываний, так как это может привести к неожиданной реакции воспринимающего данное сообщение. Если сообщение интерпретируется отлично от ожидаемого, то такую ком-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

муникацию следует считать неэффективной. Особенно это имеет значение для комплиментарных высказываний. Неслучайно в этой связи используется метафора «a backhanded compliment», указывающая на двусмысленность комплимента (a backhanded remark seems pleasant but may really be a criticism or mean something unkind [CD]). Бесспорно, такие комплименты приводят к конфликтам и свидетельствуют о неэффективной коммуникации. Целью данного исследования является рассмотрение когнитивных основ неэффективной коммуникации, что позволит выявить причины появления когнитивного диссонанса в восприятии комплимента, а также показать условия устранения этого диссонанса.

В зарубежной лингвистике отмечают попытки ученых связать конструирование эффективной коммуникации с разграничением линейного и нелинейного стилей мышления. Как отмечают Р. Костиган и К. Бринк [Costigan, Brink 2015], динамическая среда требует как линейных, так и нелинейных мыслительных процессов для успешного достижения поставленных целей. При этом внимание направлено на достижение баланса между рациональным и интуитивным стилями мышления. Модель стиля мышления была разработана такими исследователями, как Ч. Вэнс, К. Гроувс, Й. Пайк, Х. Киндлер, указавшими, что мышление опирается на две составляющие: линейное мышление и нелинейное мышление. Если линейное мышление – это «система, равная сумме своих частей, которые могут быть проанализированы и поняты по отдельности и сложены вместе, чтобы сформировать понятную и предсказуемую целостную систему», то процессы нелинейного мышления представляют собой многогранные альтернативы рациональному линейному подходу. К ним относятся творческое мышление, интуитивное мышление, интегративное системное мышление и эмоциональное мышление. В линейном мышлении задействованы, как правило, разум, логика, рациональность, аналитическое мышление и дедукция [Vance, Groves, Paik, Kindler 2007: 168]. В дальнейшем К. Гроувс и Ч. Вэнс на основе результатов проведенных ими экспериментов отметили, что нелинейный стиль мышления состоит из семи отдельных, но взаимосвязанных измерений: интуиция, креативность, ценности, воображение, гибкость, понимание и эмоции [Groves, Vance 2015].

Важной является и мысль У. Пирса о выделении в преломлении к когнитивной и коммуникативной функциям языка трех типов метакогнитивного знания: 1) декларативное знание (фактическая информация, то, что мы знаем и что необходимо передать посредством языка); 2) процедурное знание (знание операций как передать фактическую информацию) и 3) знание условий (когда использовать ту или иную операцию для более эффективной реализации целей коммуникации) (см. подробнее: [Peirce 2003]). Фактически, линейное мышление опирается на декларативное знание в виде концептов,

категорий, фреймов, когнитивных областей и их характеристик, а нелинейные процессы мышления связаны как с декларативным, так и с процедурным знанием. Декларативное знание является статичным, оно может быть вербализовано. Процедурное знание определяется как знание динамического типа, оно представлено в виде когнитивных стратегий и процедур, направленных на обработку уже освоенного знания, оно не может быть вербализовано. За счет активизации процедурного знания создаются более сложные многоаспектные структуры, как правило, интегративного типа. При активизации процедурного знания особое значение имеет **принцип когнитивного мониторинга**, сущность которого заключается в оценке условий коммуникации и обработке знания с целью достижения наибольшего коммуникативного эффекта (подробнее см.: [Фурс 2018, 2019, 2020]).

Рассмотрение конкретных примеров комплиментарных высказываний с опорой на принцип когнитивного мониторинга позволит выявить насколько эффективно они сконструированы. Появление когнитивного диссонанса при их восприятии будет свидетельствовать о конфликтности коммуникативного общения. Понятие когнитивного диссонанса было рассмотрено Л. Фестингером, указавшем на его появление в случае с двумя несовместимыми точками зрения, что приводит к необходимости осуществления определенных действий для уменьшения этого ощущения и установления консонанса. В качестве причин когнитивного диссонанса выделяются такие ситуации, когда наблюдается логическая несовместимость элементов, нарушаются культурные нормы, имеет место несоответствие прошлого опыта человека той ситуации, в которой он оказывается, а также необходимость выражать общее мнение социальной группы, хотя человек этого мнения не разделяет [Festinger 1957; Фестингер 2000]. Таким образом, в случае с выражением комплимента, вызывающим диссонанс, когнитивный мониторинг должен быть направлен на установление логической несовместимости репрезентируемых структур знания и тех процедур, которые лежат в основе такого конструирования знания. Иными словами, в анализ должны быть вовлечены как линейные, так и нелинейные мыслительные процессы. С опорой на принцип когнитивного мониторинга, предполагающего анализ и оценку стратегий обработки информации, обратимся к рассмотрению конкретных примеров:

Oh you're smarter than you look [RD].

В конструировании этого комплиментарного высказывания задействована стратегия противопоставления по признаку постоянства качества «постоянное качество – качество в данный момент». Это противопоставление, несмотря на отсутствие лексем с отрицательной коннотацией, приводит к созданию двусмысленности в интерпретации сообщения. За счет ассо-

циации «вы не всегда выглядите умным» высказывание отражает критику наблюдателя.

Your child is so good-looking. Who did he get that from? [RD].

Стратегия противопоставления по внешнему признаку «привлекательный – непривлекательный» также приводит к формированию отрицательной оценки за счет выведения явно не выраженного смысла об отсутствии привлекательных черт у родителей ребенка. Референция словосочетания *your child* и вопросительное предложение создают основу для инферентного вывода «если такой вопрос задается, значит ребенок унаследовал привлекательность не от родителей».

Those earrings are so nice. My grandma would love them [RD].

В этом случае также отсутствуют лексемы с отрицательной коннотацией, но за счет стратегии противопоставления по возрастному признаку «юный – пожилой» передается неодобрение наблюдателя. При этом критика осмысливается на основе выводимой ассоциации «такие серьги больше подойдут для пожилых людей».

You look so professional with your hair straight [RD].

Данное комплиментарное высказывание является двусмысленным за счет противопоставления деталей внешности «прямые волосы – непрямые волосы». Инферентно создается ассоциация «с непрямыми волосами вы выглядите непрофессионально».

You're a really good driver... for a woman! [RD].

Стратегия противопоставления по гендерному признаку «женщина-водитель – мужчина-водитель» является еще одним способом сделать общение конфликтным, так как реализуется отрицательная оценка «для мужчины такой стиль вождения был бы неприемлем».

That is such a cute car. I had the same model for my first car when I was 16 [RD].

В результате активизации стратегии противопоставления по темпоральному признаку «сейчас – много лет назад» создается ассоциация «в этом возрасте можно было бы купить и получше автомобиль».

I love when you wear your makeup natural, so pretty! [RD].

Данный пример комплиментарного высказывания репрезентирует стратегию противопоставления деталей макияжа «легкий/ естественный – чрезмерный/ неестественный». Отрицательная оценка конструируется за счет ассоциации «вы непривлекательны с чрезмерным макияжем».

Анализ примеров свидетельствует, что двусмысленность комплиментов раскрывается только с привлечением нелинейных мыслительных процессов за счет выдвижения в фокус когнитивного мониторинга стратегии противопоставления. В результате разъяснения процедур обработки информации выяв-

ляется неодобрение наблюдателя, что является основой для коммуникативного конфликта, а значит указывает на неэффективность коммуникации. В ходе обработки информации фокус когнитивного мониторинга направлен на такие аспекты, как признак постоянства качества, признак привлекательности, возрастной признак, детали внешности, гендерный признак, темпоральный признак. Противопоставление разных, как правило, полярных характеристик вызывает когнитивный диссонанс при восприятии комплиментарных высказываний. Устранение этого диссонанса достигается посредством отказа от стратегии противопоставления при обработке информации, репрезентируемой комплиментарным высказыванием. Иными словами, такое высказывание должно быть прототипическим, то есть однозначно интерпретируемым как положительная оценка различных качеств, например: Oh, you are smart; Your child is so good-looking; Those earrings are so nice; You look so professional; You're a good driver; That is such a cute car; I love your makeup.

Таким образом, эффективная коммуникация не предполагает двусмысленных высказываний. В процессах обработки информации с последующей ее репрезентацией важную роль играет принцип когнитивного мониторинга как аспекта процедурного знания, включающего оценку условий коммуникации в процессах обработки информации с целью достижения наибольшего коммуникативного эффекта.

Литература

- Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. СПб.: Речь, 2000.
- Фурс Л. А.* Доминантный принцип формирования смысла предложения и его связь с метакогницией // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 167–187.
- Фурс Л. А.* Метапамять, когнитивный мониторинг и когнитивный контроль // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 21–25.
- Фурс Л. А.* Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.
- CD – Cambridge Dictionary.* URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed November 10, 2022).
- Costigan R. D., Brink K. E.* On the prevalence of linear versus nonlinear thinking in undergraduate business education: A lot of rhetoric, not enough evidence // Journal of Management & Organization. 2015. 21(4). P. 535–547.
- Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. Evanston, IL: Row Peterson, 1957.
- Groves K. S., Vance C. M.* Linear and Nonlinear Thinking: A Multidimensional Model and Measure // Journal of Creative Behavior. 2015. 49(2). P. 111–136.
- Peirce W.* Metacognition: Study Strategies, Monitoring, and Motivation. 2003. URL: <https://www.academic.pg.cc.md.us> (accessed December 10, 2022).

RD – Reader’s Digest. URL: <https://www.rd.com/list/compliments-as-insults> (accessed November 10, 2022).

Vance C. M., Groves K. S., Paik Y., Kindler H. Understanding and measuring linear-nonlinear thinking style for enhanced management education and professional practice // *Academy of Management Learning & Education*. 2007. 6. P. 167–185. doi: 10.1177/1052562906294752

*L. A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

COGNITIVE MONITORING AND EFFECTIVE COMMUNICATION

The article discusses the conditions for effective communication, such as the ability to convey the correct information to the interlocutor to obtain the desired result and taking into account feedback. In the information processing with its subsequent representation, an important role is played by the principle of cognitive monitoring as an aspect of procedural knowledge, which includes an assessment of the conditions of communication in order to achieve the greatest communicative effect. As a result of the analysis of a number of complimentary statements, it was found that the activation of the opposition strategy leads to ambiguity, which can cause a conflict. In these processes, linear and non-linear styles of thinking are activated.

Key words: linear thinking, non-linear thinking, procedural knowledge, cognitive monitoring, opposition strategy, compliment.

*Янь Кай (Чжухай, Китай)
Университет имени Сунь Ятсена
ky_710@outlook.com*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ЧУВСТВО В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена описанию значения слова *чувство* в языковом сознании носителей русской культуры в рамках психолингвистических исследований. В статье выделяются основные лексические и психологические значения слова *чувство* по данным лексикографических источников русского языка. Все полученные в ходе анализа результаты актуальны для развития психолингвистики и эмотивной лингвистики.

Ключевые слова: чувство, лексическое и психологическое значение, языковое сознание.

Анализ единиц языка и речи с точки зрения эмотивных смыслов традиционно проводится в рамках исследований семантики, эмотивной лингвистики, когнитивной лингвистики и др. Однако проблема содержания эмотивной лексики и ее анализа по данным лексикографических источников и ассоциативных экспериментов ещё недостаточно изучена, что подчеркивает *актуальность* настоящей работы. *Предмет* данной работы – лексические значения и ассоциативно-образные смыслы слова *чувство* в русском языке. *Объектом* работы является слово *чувство* в исследуемом языке.

Для анализа фактического материала в работе применяется теория психолингвистического значения слова, сформировавшаяся на базе теоретико-методологических положений Московской психолингвистической школы: культурно-исторической теории Л. С. Выготского, общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории речевой деятельности А. А. Леонтьева и концепции этнокультурной специфики языкового сознания Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, В. А. Пищальниковой. Следует отметить, что теория психолингвистического значения слова в современном языковедении разрабатывается в трудах З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. В. Рудаковой и представляет собой «описание значений лексических единиц по результатам психолингвистических экспериментов с разной степенью детализации в соответствии с поставленными целями» [Рудакова, Стернин 2016: 264]. А. А. Леонтьев [Леонтьев 1969] писал о применении метода ассоциативного эксперимента в качестве одного из эффективных способов изучения ассоциативных данных слова и его лексического значения, т. к. «семантика слова не может быть сведена к её описанию в словарях, к т. н. лексикографическому значению слова – там семантика представлена всегда не полностью, в основном в своих ядерных компонентах» [Рудакова, Стернин 2016: 194]. При этом И. А. Стернин, А. В. Рудакова подчёркивают, что значение, которое было выявлено психолингвистическими экспериментами, «практически всегда оказывается намного объемнее и глубже, чем его представление в толковых словарях» [Стернин, Рудакова 2011: 178]. Иначе говоря, *психолингвистическое значение слова* – это реально функционирующее в сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психологических экспериментов [Рудакова, Стернин 2016: 196]. В данной работе языковое сознание рассматривается как «совокупность образов сознания, формируемых и овеществляемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2004: 36].

Работа посвящена выявлению лексического и психологического значения слова *чувство* в русском языке по данным ассоциативных экспериментов и с опорой на концепцию И. А. Стернина и А. В. Рудаковой. В данном

случае психолингвистический эксперимент для анализа семантики слова выступает в качестве метода, позволяющего установить психологически живые, актуальные ассоциативные связи слова в исследуемых языках. *Материалом* для анализа послужили: 1) лексикографические данные лексемы *чувство* из словарей русского языка; 2) ассоциативные данные на стимул *чувство* из Русского ассоциативного словаря (далее РАС); 3) результаты анализа контекстов, содержащих слово *чувство*, из Национального корпуса русского языка (количество проанализированных контекстов: около 3000 единиц).

Лексикографические данные слова *чувство* в русском языке

В Толковом словаре русского языка Д. Н. Ушакова (1935–1940) можно найти следующие толкования слова *чувство*: ‘1) способность живого существа воспринимать внешние впечатления, ощущать, испытывать что-нибудь с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; 2) психофизическое состояние живого существа, то, что оно испытывает, ощущает; 3) любовь, испытываемая кем-нибудь к кому-нибудь [ЭР: Словарь Ушакова]. В Словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1949) отражено следующее значение слова *чувство*: ‘1) способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние воздействия, а также само такое ощущение; 2) состояние, в котором человек способен сознавать, воспринимать окружающее; 3) эмоция, переживание; 4) осознанное отношение к чему-н.; 5) то же, что любовь’ [ЭР: Словарь Ожегова и Шведовой]. В Малом академическом словаре русского языка (1999) (далее: МАС) отмечаются следующие значения слова *чувство*: ‘1) способность ощущать, воспринимать явления объективной действительности; 2) состояние, в котором человек способен сознавать окружающее; 3) психофизическое ощущение, испытываемое человеком; 4) внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание; 5) способность переживать, отзываться душой на жизненные впечатления; 6) способность воспринимать, осознавать что-л. на основе своих ощущений, впечатлений; 7) любовь, испытываемая кем-л. к кому-л.’ [ЭР: МАС]. В Толковом словаре русского языка Д. В. Дмитриева (2003) значение слова *чувство* определяется следующим образом: ‘1) пятью чувствами называется способность человека или животного слышать, видеть, обонять, осязать, ощущать вкус; 2) чувством называется физическое ощущение чего-либо, которое возникает как реакция органов чувств на внешние воздействия, раздражители и т. п.’ [ЭР: Словарь Дмитриева]. В Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой

(2000) выделяется следующее значение слова *чувство*: '1) способность живого существа воспринимать внешние впечатления; 2) сам процесс ощущения, восприятия чего-либо.; 3) психофизическое состояние живого существа, то, что оно испытывает, ощущает; 4) внутреннее, психическое состояние человека, то, что входит в содержание его душевной жизни; 5) любовь, испытываемая кем-либо к кому-либо.; 6) волнение, душевный подъём, порыв' [ЭР: Словарь Ефремовой].

На основе обобщённых выше данных лексикографических источников, согласно методике компонентного анализа Л. О. Чернейко, можно выделить основные повторяющиеся значения слова *чувство*, которые, возможно, входят в формирование психосемантических смыслов данной единицы в русском языковом сознании: '1) способность живого существа воспринимать внешние впечатления, ощущать, испытывать что-нибудь с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; 2) психофизическое состояние живого существа, то, что оно испытывает, ощущает; 3) любовь, испытываемая кем-л. к кому-л.'. Образ *чувство* в русском сознании может выражаться с помощью таких языковых единиц: 1) существительных: *ощущение, состояние, впечатление, переживание, восприятие, испытание*; 2) глаголов: *воспринимать, ощущать, испытывать* и др. С психофизиологической точки зрения, понятие «чувство» в русском языковом сознании связано с такими человеческими способностями (или человеческими действиями), как *слышать, видеть, обонять, осязать, ощущать вкус*. Понятие «чувство» в русской культуре непосредственно связано с проявлениями любви.

Ассоциативные данные слова *чувство* в русском языке

Для выделения психологического значения слова в сознании носителей русского языка было построено ассоциативное поле (подробнее см. табл. 1) на стимул *чувство* по данным РАС (всего реакций на данный стимул: 104, различные реакции на стимул: 58, одиночные реакции: 46, отказов: 2) [ЭР: РАС].

Как видим, в зону ядро входит слово-реакция *юмора* (12, 11.53%), в зону центра входят слова-реакции: *любовь* (9, 8.65%), *долга* (7, 6.73%), *любви* (6, 7.69%) *меры* (5, 4.8%), *вины* (4, 3.84%), *сильное* (4, 3.84%), *долга* (3, 2.88%), *гордости, страха, счастья* (2, 1.92%), в зону периферии входят следующие единицы: *апатии, большое, бред, верности, веселый, вещь, вызывать, высокое, глаз, глубокое, голода, горячее, жалости, жизни, запаха, лени, локтя, луны, нежное, любовное, нежности, неотесанности,*

Таблица 1

Ассоциативное поле слова чувство в русском языковом сознании

Структура	Ассоциативные данные на стимул <i>чувство</i>	Частота и частотность	Общая сумма
<i>ядро</i>	юмора 12;	12, 11,53%	104
<i>центр</i>	любви 9, долга 7, любовь 6, меры 5, вины 4, сильное 4, долга 3, / 2, гордости 2, страха 2, счастья 2;	46, 44,23%	
<i>периферия</i>	апатии, большое, бред, верность, веселый, вещь, вызвать, вызывать, высокое, глаз, глубокое, голода, горячее, дума, жалости, жизнь, запах, лень, локтя, луна, нежное, любовное, нежность, неотесанности, нет, нравственности, обида, ответственность, отупения, ощущение, прекрасно, радости, ревности, ревность, родное, романтика, седьмое, слова, слуха, собственного достоинства, страха, суматохи, удовлетворения, успокоенности, холода, языка [РАС].	46, 44,23%	

нет, нравственности, обиды, ответственности, отупения, ощущения, прекрасное, радости, ревности, родное, романтики, седьмое, слова, слуха, собственного достоинства, страха, суматохи, удовлетворения, успокоенности, холода, языка (1, 0.96%). На основе построенного ассоциативного поля можно отметить, что в русской культуре понятие «чувство» связано с эмоциональными представлениями: ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, ВИНА, РАДОСТЬ, СТРАХ, ЖАЛОСТЬ, НЕЖНОСТЬ, РЕВНОСТЬ и др. Понятие «чувство» в русском сознании может выражаться с помощью таких глаголов, как *вызвать* и *вызывать*. Кроме того, понятие «чувство» может выражаться через интеллектуальную способность человека – *юмор*.

С опорой на результаты проведенного предварительного анализа соотнесем лексикографические данные лексемы *чувство* с его описанием в ассоциативных экспериментах и выделим некоторые психологические значения слова *чувство* в русском языковом сознании: '1) интеллектуальная способность живого существа воспринимать окружающую действительность, ощущать, испытывать что-нибудь с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; 2) психофизическое состояние живого существа, то, что оно испытывает, ощущает; 3) положительные и отрицательные эмоции, ис-

пытываемые кем-л. к кому-л.'. Например: *63% детей испытывают чувство неполноценности в семье* (Захирина Л. А., Бережная Н. Ф. Особенности развития старших дошкольников при перинатальной патологии ЦНС). *Такое чувство, что он ощутил себя старше, взрослее...* (Павлова Е. Вместе мы эту пропасть одолеем!). *Монолог, который в конце обращает прямо в зал жена Сталкера (Алиса Фрейдлих), – может быть, самое сильное место фильма, его кульминация, ибо, в отличие от незадачливых искателей смысла жизни, ею движет простое, существенное и непреложное чувство – любовь* (М. Туровская).

Отметим, что результаты проведенного анализа подтверждают научную гипотезу И. А. Стернина и А. В. Рудаковой о том, что значение слова, которое было выявлено в ходе ассоциативных экспериментов, глубже и объемнее, чем в его словарных дефинициях. Использование сочетания данных лексикографических и ассоциативных источников дает больше возможностей выявить живое коммуникативное значение слова в сознании носителей языка.

Литература

- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
- МАС* – Малый академический словарь русского литературного языка. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 10.03.2022).
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).
- РАС* – Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/index.php> (дата обращения: 10.09.2021).
- Рудакова А. В., Стернин И. А.* Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. № 27. М.: Институт Языкознания РАН, 2016. С. 194–208.
- Стернин И. А., Рудакова А. В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. Ламберт, 2011.
- Словарь Дмитриева* – Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева. URL: <https://rus-dmitriev-tolk-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.03.2022).
- Словарь Даля* – Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 10.03.2022).
- Словарь Ефремовой* – Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 10.03.2022).
- Словарь Ожегова* – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 10.03.2022).
- Словарь Ушакова* – Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 10.03.2022).
- Тарасов Е. Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. № 2. М.: Институт языкознания РАН, 2004. С. 34–47.

Yan Kai (Zhu Hai, China)

Sun Yat-Sen University

**PSYCHOLINGUISTIC DESCRIPTION
OF THE MEANING OF THE WORD *FEELING*
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF THE SPEAKERS OF RUSSIAN CULTURE**

The article is devoted to the description of the meaning of the word *feeling* in the linguistic consciousness of the speakers of Russian culture in the framework of psycholinguistic research. The article highlights some significant lexical and psychological meanings of the word *feeling* according to lexicographic sources of the Russian language. All the results obtained during the analysis, in our opinion, are relevant for the development of psycholinguistics and emotive linguistics.

Key words: feeling, lexical and psychological meaning, linguistic consciousness.

II. КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

О. В. Абыякая, К. В. Землякова
(Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича

olesya_vik@mail.ru, ksu-zemlyakova@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ РЕФРЕЙМИНГ МИФОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

Статья посвящена описанию движения концептуальных характеристик внутри мифологем *русалка, леший, ведьма* в результате рефрейминга их слотовой структуры. Выдвижение одного из слотов в качестве первостепенного в структуре мифологических концептов приводит к актуализации характеристик, смещающих содержание фрейма в сторону положительно нагруженного.

Ключевые слова: фрейм, мифологема, ситуационный фрейм, когнитивный анализ, слот, фреймо-слотовая структура, когнитивные признаки.

Фрейм как одна из методик концептуального представления знаний о мире показала свою состоятельность в описании концептов самой разной природы, в том числе мифологических концептов. Сдвиг в теории фреймов и представление о фрейме как о ситуационном фрейме позволяет продвигаться в решении проблемы выбора лексических единиц в ходе порождения высказывания [Беляевская 2021: 18]. Мифологические концепты представляют собой переходный тип концепта между мыслительной «картинкой» и сценарием [Бабушкин 1997, Абыякая 2009: 240]. Вслед за О. А. Плаховой мы будем считать, что мифоним и мифолексема являются полными синонимами и обозначают референты вымышленной действительности [Плахова 2013: 31]. Мифологемы являются единицами мифологической картины мира и составляют мифологическую концептосферу [Питина 2002: 15].

Подробный концептуальный анализ слов-мифологем был ранее представлен в работах О. В. Абыякой [Абыякая 2007, 2009]. На базе контекстов из художественной и публицистической литературы НКРЯ автор составил описание русских мифологем *домовой, русалка, ведьма, леший, кикимора* и др.

как имен концептов в национальной концептосфере. С учетом новых данных когнитивной лингвистики и разработанных за последние десятилетия процедур анализа (таких как метафорическое моделирование, фрейминг) стало возможным описать когнитивные основы формирования мифологических концептов как ячеек сознания, а также показать движение понятийных характеристик внутри них.

О когнитивном рефрейминге исследователи говорят в контексте политической риторики, в медиасреде; рефрейминг является эффективным средством аргументации и манипулятивного воздействия [Молчанова 2017; Беляевская 2021]. В результате рефрейминга слово может сменить принадлежность к ценностной категории. Действительно, в политическом, в новостном и медиадискурсе посредством перепрограммирования, переориентирования восприятия сообщения создатели текста добиваются цели склонить читателя на свою сторону.

Г. Г. Молчанова описывает процесс рефрейминга следующим образом: в ментальном пространстве адресата фрейм создает новые фрагменты ментального мира и изменяет старые, а также формирует новые межфреймовые связи на основе этнокультурной специфики слотов и терминалов [Молчанова 2017: 11]. Это обусловило выбор материала нашего исследования: мифологическая лексика как этноспецифичный фрагмент национальной концептосферы демонстрирует способность к трансформации содержимого.

Фрейм «перепрошивается», а точнее, перезаполняется его слотовая структура, в результате языковые репрезентанты фрейма могут менять частные коннотативные значения, а сам фрейм – аксиологическую нагруженность в целом. В процессе рефрейминга трансформации подвергаются не все слоты, а лишь один или несколько. «При задействовании одного из элементов (терминалов) фрейма активизируются все элементы, но для актуализации выбирается какой-то один из них» [Молчанова 2017: 11]. Динамика слотового состава затрагивает наиболее релевантные для говорящего понятийные характеристики, при этом целый образ номинанта-мифонима по-прежнему сохраняет связь с новым содержимым. Собственно, благодаря указанию на свое происхождение и первоначальный состав слотов, новая слотовая структура и помогает говорящему реализовать коммуникативную интенцию.

Несмотря на тот факт, что мифологемы обозначают элементы вымышленного мира и не имеют денотата в объективной действительности [Питина 2002], мысленные конструкты, стоящие за ними, структурированы из элементов, соотносимых с реальными явлениями объективного мира [Плахова 2013: 30]. Мифологемы отражают соединение нескольких слотов внутри одного концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Если представить когнитивные

схемы слов-мифологем, составленные на базе проведенного исследования актуализации их признаков [Абыякая 2007, 2009; Плахова 2013], можно выделить следующие.

I. БИОМОРФНЫЕ ПРИЗНАКИ:

Среда обитания: *русалка* – связь с водой, реке – с лесом; *домовой* – связь с домом, хозяйством; *леший* – связь с лесом.

II. АНТРОПОМОРФНЫЕ ПРИЗНАКИ:

A) Портретологические характеристики.

– **внешний образ:** *русалка* – молодая привлекательная девушка, длинные красивые волосы, глубокие печальные глаза и рыбий хвост вместо ног; *леший* изображается обычно с рогами и копытами; *ведьма* – старая и безобразная, с седыми растрепанными волосами, крючковатым носом, костлявыми руками, иногда с телесными недостатками (горбатость, хромота) и т. д.

– **черты характера:** *леший* – дух-хозяин леса, представляет опасность для человека, встречи с ним надо избегать; *ведьма* – злая, сварливая, неприступная, обладающая тайным знанием и злой силой женщина, сочетает в себе черты демона и человека и т. д.

B) Поведенческие характеристики / ролевые функции.

В результате концептуального анализа выявлены следующие: *русалка* соблазняет человека с целью погубить; *ведьме* приписывается способность насыпать порчу на людей, домашних животных, растения, продукты и т. п.

О. А. Плахова отмечает динамичность, способность мифологических концептов к изменению, а также очень важную для нашего исследования особенность – «отражение когнитивными признаками характеристик разнообразных объектов и явлений, дисперсированных в реальном мире, при отсутствии в действительности референтов, обладающих всей совокупностью признаков» [Плахова 2013: 30]. Соответственно, ментальные операции при актуализации концептов затрагивают действия над конкретными составными характеристиками, и их изменение приводит к рефреймингу. Слоговая структура фрейма *русалка* реализует представление ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ, но современные употребления привели к изменению внутри набора когнитивных признаков мифонима. «Рефрейминг наблюдается в контекстах, где проявляется противоречие стереотипным пресуппозициям» [Соловьева 2022: 141]. Проиллюстрируем, как происходит рефрейминг в когнитивной структуре концепта *русалка*. Считаем, что перекомпановка характеристик внутри фрейма, выдвигание на передний план менее выраженных, но релевантных для ситуации, и ведет к рефреймингу со смещением аксиологического содержания, в частности, перемещения мифологемы из фрейма ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ в сторону фрейма НЕ-ОПАСНОСТЬ. По мысли С. А. Питиной, вторичная номинация приводит к разрушению

стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою подъемную силу, что приводит к демифологизации [Питина 2002: 19]. Иными словами, на когнитивном уровне за счет смены ведущего слота меняется пресуппозиция: *Золотые русалки: шесть ОИ кряду российские синхронистки – лучшие в мире* (sport25.pro).

И мы ждем очередной золотой медали от наших русалок (sport25.pro).

Наши русалки. Золотые русалки! (news.sportbox.ru).

«Непобедимые русские русалки» – документальный фильм о сборной России по синхронному плаванию (1tv.ru).

В начальный перечень характеристик мифологемы *русалка* входят привлекательный внешний образ и поведение, несущее для человека опасность. В современных употреблениях актуализирован смысл «свои» (*наши русалки, русские русалки*), на первый план выдвигается слот «живет в воде» (биоморфный признак) и усиливается значение «хорошо плавает». Интенция новостных репортеров передать читателю чувство гордости, единения строится на привлекательности внешнего образа русалки: длинные ноги, длинные волосы, красивая, привлекательная. Новостной дискурс, в частности, медиадискурс, не только имеет информирующую функцию, но и отличается воздействующей силой. Определение *золотые русалки* реализует смысл «самый-самый, лучший».

В структуре фрейма *леший* в современных употреблениях актуализируется биоморфный признак «связь со средой обитания – лесом», но меняется пресуппозиция: *Интернет-магазин «Голодный леший» – Косметика и бытовая химия, безопасные для людей и природы. Получать письма из леса: рассылка с новостями, рассказами о косметике, историями из жизни команды «Голодного лешего»* (<https://golodniyleshiy.ru>) – выдвижение биоморфного признака содержит указание на экспертность, экологичность, осознанное производство, высокое качество продукции данного магазина, то есть обнаруживает связь с фреймом НЕ-ОПАСНОСТЬ. Кроме того, новое содержание перемещает мифологему из концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ в концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ, меняя принадлежность к сфере иррационального на отнесенность к миру артефактного, создаваемого человеком.

Содержательный минимум мифологемы *ведьма* – это «женщина, обладающая особыми знаниями и колдовскими способностями». Отрицательные коннотации мифологемы обеспечиваются портретологическими и поведенческими характеристиками, как было показано выше. Сравним:

– *Я могу 2 глаза ровно накрасить и еще я ем и не толстею.*

– *Вот скажи честно – ты ведьма?* (диалог на форуме <https://otvet.mail.ru/>).

Если ты хоть раз задавалась вопросом, как понять, что ты ведьма, наш тест придет на помощь. Возможно, с помощью магии ты умеешь всегда, даже в самые неудачные дни, оставаться красивой. А может, ты вечно

молода. Не исключено, что именно волшебство помогает тебе готовить приворотные пироги и коктейли, попробовав которые, человек полюбит тебя навеки. Пройти тест «Какая ты ведьма?» (<https://www.thevoicemag.ru>).

Вследствие выдвигания слота «обладание особыми знаниями» концепт из сферы СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ переходит в рациональную сферу, сферу человеческих способностей, то есть вербализует представления о знаниях, доступных человеку. В данных контекстах до сих присутствует элемент мифичности, поскольку перечисленными способностями обладают не все люди, такие достижения, знания, способности, таланты доступны не каждому человеку. Таким образом, через изменение слота, который в свою очередь влечет сдвиг эмоционально-оценочной составляющей, рефрейминг приводит, на наш взгляд, к ценностной трансформации концептов, в том числе лингвокультурных. Происходит сдвиг фреймов из сферы ИСТОЧНИК ОПАСНОСТИ в сторону фрейма НЕ-ОПАСНОСТЬ, а также из концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ в сторону фрейма ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ.

Литература

Абыякая О. В. Актуализация признаков концептов-мифологем (на материале Национального корпуса русского языка) // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007. С. 129–135.

Абыякая О. В. Концептуальный анализ слов-мифологем // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. Севастополь, 2009. С. 236–241.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997.

Беляевская Е. Г. Фрейм? Фрейм... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17–24.

Леонтьева Т. В. Рефрейминг слова *вдохновлять*: от опции к миссии // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 158–182.

Молчанова Г. Г. Когнитивный рефрейминг как эффективное средство предвыборной аргументации (сопоставительный аспект) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 7–15.

Плахова О. А. Мифоконцепт, мифологема, мифоним, мифолексема: к вопросу об унификации терминологического разнообразия // Карельский научный журнал. 2013. № 2(3). С. 30–33.

Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира [моногр.]. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002.

Соловьева М. А. Рефрейминг стереотипных представлений в художественном дискурсе // LXXV Герценовские чтения. Сборник научных статей международной научной конференции. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022. С. 138–142.

O. V. Abyyakaya, K. V. Zemlyakova

(Saint Petersburg, Russia)

*The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University
of Telecommunications*

COGNITIVE REFRAMING OF MYTHOLOGICAL CONCEPTS

The paper describes the movement of conceptual characteristics within the mythologemes *mermaid*, *wood spirit* and *witch* as a result of reframing their slot structure. Moving one of the slots forward as paramount in the structure of mythological concepts leads to the actualization of characteristics that shift the content of the frame in the direction of positively loaded.

Key words: frame, mythologeme, situation frame, cognitive analysis, slot, frame-slot structure, cognitive attributes.

Л. Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)

Уральский федеральный университет

имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

lgbabenko@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ (на материале лексикографических данных)¹

Эмоциональный интеллект рассматривается с позиций лингвopsихологии – подхода, направленного на выявление и интерпретацию арсенала языковых единиц и речевых приемов, отображающих внутренний мир человека с целью познания когнитивных механизмов, лежащих в их основе. Взаимодействие интеллекта и эмоции, отображаемое в лексической семантике и фиксируемое лексикографически, исследуется в свете теории ментальной интеграции как особый способ выражения нового знания о них.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, ментальная интеграция, когнитивная лингвистика, лексикографический аспект.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00352).

Термин «Эмоциональный интеллект» (далее – ЭИ) в последнее время стал модным и популярным, использование его впервые было зафиксировано в конце XX в. преимущественно в зарубежных трудах по психологии (Дж. Майер, Д. Карузо, П. Саловей). В русской психологической традиции рассмотрением соотносительности эмоций и интеллекта занимались Л. С. Выготский, Е. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев. Психологический «переворот» в изучении данного вопроса произошел в конце XX в., когда и был предложен указанный термин, символизирующий взаимодействие двух генерализующих психологических констант в структуре внутреннего мира человека. Был пересмотрен также тезис о самостоятельности и независимости друг от друга этих базовых констант, и на смену пришло представление о их взаимодействии, порождающем особое интеллектуально-эмоциональное состояние, которое в дальнейшем стало обозначаться как «эмоциональный интеллект». При этом интерпретация ЭИ в настоящее время преимущественно исходит из представления о большей значимости в его когнитивной структуре интеллектуальных качеств и процедур: интеллектуальных способностей, анализа переживаемых собственных и чужих эмоций, их регуляции пр. Это отражается и в структуре термина, в котором главным словом является *интеллект*, а зависимым – *эмоциональный*, хотя с точки зрения логико-семантических отношений, связывающих эти два компонента, эмоции чаще являются первопричиной, а их мыслительная интерпретация – следствием. Этот факт, возможно, допускает в качестве обозначения рассматриваемого феномена использование термина «Рациональная (варианты: интеллектуальная, рефлексивная) эмоция», который точнее соответствует его реальному содержанию, отображая особое внутреннее состояние человека, проявляющееся в эмоциональном переживании, сопровождаемом интеллектуальной рефлексией. Результаты исследования данного феномена с позиций лингвопсихологии, с учетом общей теории ментальной интеграции в языке, разрабатываемой в трудах Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, В. И. Заботкиной, О. К. Ирисхановой и др. ученых, а также концепции ментальных слияний в области эмотивной семантики [Бабенко 2019, 2022; Ионова, Штеба 2019 и др.] подтверждают возможность именно такого взгляда на статус главных когнитивных компонентов ЭИ. Цель проводимого исследования – лингвистическая интерпретация взаимосвязанных и взаимодействующих психологических констант ИНТЕЛЛЕКТ и ЭМОЦИЯ, формируемых по определенным когнитивным стратегиям ментальной интеграции и воплощаемых в вербальных репрезентациях разного типа. Ранее, занимаясь изучением подобных стратегий и вербальных репрезентаций сложных и комплексных эмоций, мы выделили четыре их разновидности, некоторые из которых имеют прямое отношение к рассматриваемому в данной статье вопросу. При их дифференциации учитывались следующие параметры:

во-первых, отнесенность когнитивных признаков комплексных номинаций к одному общему ментальному пространству: внутрипарадигматическое сопряжение (см.: *злорадство*) или к разным ментальным пространствам: межпарадигматическое сопряжение (см.: *злонамеренность, злоречие*). Во-вторых, логико-семантические отношения, лежащие в их основе и организующие модели их объединения в одну комплексную структуру: конъюнкция, инкорпорирование, оппозитивность и др. [Бабенко 2022: 709–711]. На их основе были выделены три частных варианта ментальной интеграции эмоций и интеллекта в семантике отдельного слова или группы слов.

Комплексные интеллектуально-эмотивные вербальные репрезентации. Они основаны на ментальной интеграции лексем, содержащих когнитивные признаки разных концептуальных пространств: эмотивного и интеллектуального, сопрягаемых в один межпарадигматический лексический комплекс на основе принципа их противоположности, контраюнкции, так называемый синонимико-антонимический комплекс (далее – САК), особенность которого – объединение в одно множество лексем, одновременно противоположных друг другу на уровне категориальной семантики и в то же время схожих, порой тождественных, по когнитивной структуре, по набору конкретных когнитивных признаков. В обыденном наивном сознании они обычно противопоставляются как разные сферы внутреннего мира человека, вербализуемые по отдельности как противоположные ментальные сущности: *разум ↔ чувство; интеллект ↔ эмоция; рациональный ↔ эмоциональный* и др. Приведенные оппозиции передают идею взаимодействия рационального и эмоционального в предельно обобщенном виде, без их конкретизации, но в общем синонимико-антонимическом лексическом фонде достаточно широко в количественном отношении представлены интегративные слияния конкретных когнитивных признаков эмоций и интеллекта. В Большом толковом идеографическом словаре синонимико-антонимических комплексов в словарных статьях антонимов соблюдается принцип зеркального, однотипного структурирования их дефиниций с указанием тождественных и противоположных признаков. Приведем пример описания базовой оппозиции САК из сферы «Интеллект»:

РАЗУМ ↔ ЧУВСТВО

Разум, рассудок, ум	Чувство и чувства, эмоции, <i>перен.</i> сердце
Склонность человека к преимущественно рациональному, аналитическому, логичному восприятию, оценке чего-л. без влияния чувств.	Склонность человека к преимущественно эмоциональному восприятию, переживанию чего-л. без опоры на анализ, логику.

Анализ приведенных словарных дефиниций антонимических синонимических рядов обнаруживает наличие в их составе следующих тождественных когнитивных признаков: суперклассификатор (*склонность*), субъектность (*о человеке*), интеллектуальный процесс (*восприятие*). Противоположными являются признаки аспекта способов восприятия: в одном случае они свойственны интеллекту (*рациональное, аналитическое, логичное*) / в другом – эмоции (*эмоциональное, переживание, без опоры на анализ, логику*). Результат анализа показывает что интегративный САК «РАЗУМ ↔ ЧУВСТВО» отображает аналитически интеллектуально-эмоциональный процесс восприятия, имеющий общую когнитивную основу и диаметрально противоположные варианты способов осуществления, что способствует формированию его целостного представления, оформленного по принципу дополнительности оппозитивных компонентов интеллекта и эмоции. Это особый вариант ментальной интеграции интеллекта и эмоции, не приводящий к их слиянию и растворению, который вряд ли можно обозначить термином ЭИ.

Сложные интеллектуально-эмотивные вербальные репрезентации. Они основываются на ментальной интеграции когнитивных признаков, свойственных разным концептуальным пространствам: эмотивному и интеллектуальному, сопрягаемым в семантике отдельного лексического значения на основе принципа их противоположности, контраюнкции. К подобным репрезентациям относятся слова сложной морфемной структуры, содержащие корневые морфемы из сферы ЭМОЦИИ и ИНТЕЛЛЕКТА. Например, ряд слов с повторяющимся корнем *зло-* и вариативными корнями слов интеллектуальной семантики: *злокозненный, злонамеренность, зложелание, злопамятность, злоыхательство, злоумышленный* и др. Их комплексные ментальные структуры формируются на совмещении категориальных когнитивных признаков, базирующихся на конъюнкции, соположении в формате одной лексемы, что способствует выражению знаний о сложных эмоционально-интеллектуальных состояниях, качествах и пр.

Усложненные вербальные интеллектуально-эмотивные репрезентации. Это отдельные самостоятельные лексемы, усложнение семантики которых возникает за счет ментальной интеграции когнитивных признаков, свойственных лексике эмотивного и интеллектуального концептуальных пространств, сопрягаемых в семантике отдельного лексического значения. Эти признаки могут быть разного внутрисловного ранга: категориального и дифференциального, что приводит к различию логико-семантических оснований их ментальных слияний и принципов сопряжения: конъюнкции (соположения) или инкорпорирования (включения). Например: **Раскаяние.** *Состояние осознания своей вины, сожаление о совершенном ошибочном или*

дурном проступке, желание искупить его; **сомнение**. Состояние душевного разлада, опасения, подозрений, колебаний, мысль о возможном несоответствии чего-л. действительности; **козни** ‘тайные, злые, коварные умыслы’; **обезуметь** ‘утратить способность соображать, стать безумным или как бы безумным (от возбуждения, сильного потрясения и т. п.)’.

Словарные дефиниции приведенных слов воплощают единство, взаимодополнительность эмоционального и рационального как факт бытия, который находит отображение в их лексической семантике, которая точно соответствует представлению об эмоциональном интеллекте. Усложненность структуры значений возникает за счет характера соположения когнитивных признаков, относящихся к разным ментальным категориям. Например, в слове *раскаяние* это *сожаление, желание, вина* – чувства, *осознание* – мышление, *ошибочный, дурной* – оценка, которые подаются в дефиниции как равноправные. В то же время они могут быть иерархически организованы, например, в слове *козни*, в котором категориально-лексический смысл *умыслы* репрезентирует интеллектуальную семантику, включенные определительные дифференциальные признаки – эмотивную: *злые, коварные*. В структуре глагола *обезуметь* включенные эмотивные признаки уточняют категориально-лексический признак с семантикой утраты интеллектуальной способности в причинном аспекте: ‘от возбуждения, сильного потрясения’. Следует отметить, что в данном лексическом множестве наблюдается разнообразие логико-смысловых отношений, определяющих когнитивные стратегии формирования эмоционального интеллекта: субъектные, объектные, образа действия, причинно-следственные, цели и др.

Литература

Бабенко Л. Г. Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 32–37.

Бабенко Л. Г. Вербальные репрезентации сложных и комплексных эмоций: типы и когнитивные стратегии // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 30–35.

Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: [материалы словаря] / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Москва: Кабинетный ученый, 2021.

Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 63–77.

БТИССАК – Большой толковый идеографический словарь синонимико-антонимических комплексов: [материалы словаря] / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Москва: Кабинетный ученый, 2021.

L. G. Babenko (*Yekaterinburg, Russia*)
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

**EMOTIONAL INTELLIGENCE
AS A MANIFESTATION OF MENTAL INTEGRATION:
LINGUO-COGNITIVE APPROACH
(based on lexicographic data)**

Emotional intelligence is considered from the standpoint of linguo-psychology, an approach aimed at identifying and interpreting an arsenal of linguistic units and speech techniques that reflect the inner world of a person in order to cognize the cognitive mechanisms underlying them. The interaction of intelligence and emotion, displayed in lexical semantics and fixed lexicographically, is considered in the light of the theory of mental integration as a special way of expressing new knowledge about them.

Key words: emotional intelligence, mental integration, cognitive linguistics, lexicographical aspect.

A. Ю. Багиян (*Ессентуки, Россия*)
Ставропольский государственный
педагогический институт (Филиал в г. Ессентуки)
alexander.0506@mail.ru

**ПРАГМА-АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

В статье обосновывается необходимость прагма-аксиологического моделирования для проведения адекватной процедуры концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. На основе сложной дискурсивной матрицы описывается каждый этап моделирования вместе с обоснованием используемого в нем методологического инструментария.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, концептуальное лингвопроектирование, моделирование, дискурс, прагма-аксиология, методология исследования.

Прагма-аксиологическое моделирование является одним из ключевых аспектов комплексной методики концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности (далее – ПИ) [Багиян, Ширяева 2018],

поскольку именно ценностная доминанта любого профессионального (институционального) дискурсивного пространства (далее – ПДП) представляет собой когнитивно-аксиологический базис идентификационной матрицы профессионала и обладает наибольшим потенциалом при формировании его ПИ. Поскольку в центре внимания данного вида моделирования находится анализ языкового содержания определенного дискурса с целью выстраивания доминантных аксиологических концептов, полученные в результате данные могут также использоваться как ретрансляторы профессионально-обусловленной национальной культуры, определяющие систему ценностей данного профессионального сообщества, его мировоззренческие установки, морально-нравственное состояние и модели поведения [Форофонтова 2008: 141]. Под аксиологическими (ценностными) концептами мы понимаем оперативные мыслительные единицы, которые «раскрывают универсальные и национальные особенности общения и деятельности людей и отражают сущность ментальной аксиологии» [Ерофеева 2010: 26].

В силу обозначенных причин, особый упор при формировании ПИ будущего специалиста должен делаться на соответствующую организацию ПДП в аспекте того, трансляция каких именно ценностей установок имеет место через произведение соответствующего дискурса. От этого, в свою очередь, зависит уровень амелиоративного или пейоративного суггестивного воздействия на потенциального адресата [Bagiyan, Ayvazyan 2019].

Учитывая, что духовные ценностные доминанты каждого культурного пространства закреплены на глубинном уровне коллективного сознания определенного социума и являются системообразующим элементом соответствующего менталитета, они «генетически устойчивы». Из этого можно сделать вывод, что ориентация на ядерные ментальные ценности в профессиональном дискурсивном пространстве представляет собой универсальный и наиболее эффективный метод позитивно формирующего воздействия» [Ерофеева 2010: 25].

Если представленные когнитивный и аксиологический аспект составляют ядро рассматриваемого вида моделирования, то его прагматическая составляющая направлена именно на выявление разнообразных отношений используемых языковых знаков с интерпретатором. Наиболее существенной из этих характеристик знаков является вложенная в них программа их декодирования. В теории лингвосемиотического моделирования ценностей В. И. Карасика это явление называется «культурно-смысловым геном передаваемой переживаемой информации» [Карасик 2012: 49]. В рамках исследования прагматика рассматривается нами как составляющая когнитивной науки, ведущая учет и исследующая характерные особенности реально

используемых психологических и языковых механизмов коммуникативной деятельности и различных коммуникативных ситуаций [O'Keefe, Clancy, Adolphs 2019].

Поскольку любая исследуемая социокультурная общность во всем своем разнообразии сводится к набору ценностных установок, которые эта общность практикует, индивид должен изначально вобрать в себя данные установки, чтобы выработать впоследствии навык адекватного понимания иного культурного кода. Так как язык – единственно безопасное для использования «окно» к ментальной и духовно-психической природе индивида [Jackendoff 2007], оправданным является использование именно лингвокогнитивных методов анализа прагматических и аксиологических установок любого ПДП.

Процедура проведения прагма-аксиологического моделирования ПДП основывается на специальном отборе, анализе, упорядочивании и преобразовании элементов лексической языковой системы и включает в себя следующие этапы.

1. Корпусный метод отбора и систематизации материала. Несмотря на более организационную, нежели научно-исследовательскую составляющую данного этапа, он является существенным звеном при моделировании ПДП, поскольку именно в сформированной базе данных (корпусе) аккумулируется весь фактический материал и исследовательские находки, необходимые для адекватной процедуры моделирования.

2. Метод сплошной выборки. На данном этапе происходит сбор прагма-аксиологически заряженного фактического материала (лексических единиц) для формирования в корпусе части лингвистических и экстралингвистических данных.

3. Дискурсивный, контекстуальный и контент-анализ. Обозначенный набор качественных аналитических методов используется при выявлении отраженных в рассматриваемом ПДП контекстуальных значений, а также выявлении смежной тематики [Deroo, Ponzio 2019]. Основной целью данного этапа также является сегментирование дискурсивных языковых элементов, несущих прагма-аксиологических заряд. Выявленные данные также фиксируются в исследовательском корпусе, структурируя его и давая возможность более четко смоделировать структуры базовых аксиологических концептов рассматриваемого ПДП. 4. Когнитивно-семантический и дефиниционный анализ. Поскольку «концепт может быть реализован... целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта» [Попова, Стернин 2007: 15], данный этап необходим для верификации полученных ранее исследовательских данных, а также

для более четкого выстраивания лингвоаксиологической структуры базовых ценностных концептов ПДП.

Для большей объективности научного исследования и разграничения данных, полученных на разных этапах моделирования, выстраивание каждого доминантного аксиологического концепта сопровождается разделением элементов ядерной зоны на выявленные когнитивно-семантическим и дефиниционным анализом и выявленные дискурсивным, контекстуальным и контент-анализом (их схематическое изображение отличается). Подобные разграничения затрагивают как ядерную зону выстраиваемого концепта, так и его ближнюю и дальнюю периферию.

5. Лингвоаксиологический анализ. Данный этап способствует выявлению языковых единиц, непосредственно способствующих формированию аксиологического компонента рассматриваемого ПДП и финальному реконструированию доминантных аксиологических концептов.

6. Прагма-коммуникативный анализ. Данный этап необходим не только для структурирования исследуемой аксиологической сферы, но и для выявления прагмалингвистических и социопрагматических типов знаний на различных уровнях трансфера знаний. Здесь очерчивается функциональный диапазон выявленных лексических единиц с прагма-аксиологическим зарядом. Здесь также учитывается взаимозависимость антропоцентров коммуникации в рамках каждого дискурсивного элемента, поскольку основная цель когнитивной прагматики заключается, в частности, в попытке описать ментальные состояния участников в коммуникативном взаимодействии [Bara 2011: 443].

7. Квантитативный анализ. Важный этап, способствующий выявлению частотности корреляционных зависимостей и закономерностей в анализируемом ПДП. 8. Метод лингвистического наблюдения и дескрипции. Этап, на котором происходит фиксация выявленных закономерностей и их интерпретация, категоризация, обобщение.

Так происходит реконструирование каждого доминантного аксиологического концепта и, впоследствии, выстраивание общей аксиологической концептосферы исследуемого ПДП, на основе чего и строится его прагма-аксиологическое моделирование.

Мы полностью согласны с мнением И. В. Ерофеевой относительно того, что «в стратегической перспективе реконструкция ключевых традиционных ценностей есть когнитивная основа выживания нации. В аспекте тактических действий, сохранение самобытности – это действенная альтернативная парадигма вертикальной глобализации» [Ерофеева 2010: 4]. Таким образом, прагма-аксиологическое моделирование ПДП имеет важное значение для адекватного формирования ПИ индивида, социума и, впоследствии, нации.

Литература

Багиян А. Ю., Ширяева Т. А. Методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности: подходы к разработке, сущность и перспективы // Вестник Волгоградского Государственного Университета. Серия 2 «Языкознание». 2018. Т. 17. № 4. С. 214–228.

Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре: репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2010.

Карасик В. И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Москва: Издательство «Истоки», 2007.

Форофонтובה Ю. Л. Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта *Судьба*) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 8 (64). С. 141–146.

Bagiyani A. Y., Avvazyani N. B. Terminological space as a core element of special knowledge transfer: structure, content, functional scope (a case-study of popular science IT discourse) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 19–28.

Bara B. G. Cognitive pragmatics: The mental processes of communication // Intercultural Pragmatics. 2011. Vol. 8. № 3. P. 443–485.

Deroo M. R., Ponzio C. Confronting ideologies: A discourse analysis of in-service teachers' translanguaging stance through an ecological lens // Bilingual Research Journal. 2019. Vol. 42. № 2. P. 214–231.

Jackendoff R. Language, Consciousness, Culture: Essays on Mental Structure. MIT Press, 2007.

O'Keeffe A., Clancy B., Adolphs S. Introducing Pragmatics in Use. New York: Routledge, 2019.

A. Y. Bagiyani (Essentuki, Russia)
Stavropol State Pedagogical Institute (Essentuki Branch)

PRAGMA-AXIOLOGICAL MODELING AS THE MAIN TOOL FOR CONCEPTUAL LINGUISTIC PROJECTION OF PROFESSIONAL IDENTITY

The article justifies the need for pragma-axiological modelling to carry out an adequate procedure for conceptual linguistic projection of professional identity. Based on the principle of a complex discursive matrix, each stage of modelling is described together with the justification of the methodological toolkit used in it.

Key words: professional identity, conceptual linguistic projection, modelling, discourse, pragma-axiology, research methodology.

Е. Г. Беляевская (Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет
bellgeorgelena@gmail.com

КРИТЕРИИ ВЫБОРА МЕТОДА В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЯЗЫКА

При всем несходстве методологии структурной и когнитивной лингвистической парадигмы между ними прослеживается явная связь и преемственность, Однако изменились критерии выбора метода: в когнитивной лингвистике фокус внимания перешел на объект анализа – тип текста (дискурса), под который подбирается конкретная исследовательская процедура.

Ключевые слова: методология, метод анализа, структурная лингвистика, когнитивная лингвистика, текст (дискурс), объект исследования.

Центральным моментом любой научной парадигмы в лингвистике является вопрос о методах изучения языкового материала, которые соответствуют концептуальным схемам постановки проблем и моделям их решения, принятым на соответствующем этапе развития лингвистической науки [Кубрякова 2003]. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что и сравнительно-историческая научная парадигма, и структурная лингвистика сформировались благодаря необходимости разработать новую методологию анализа языкового материала, адекватную поставленным задачам.

Так, стремление установить объективные основания существования родственных связей между разными языками обусловило обращение лингвистов к поиску тех характеристик фонетического строя языка, его грамматики и лексики, которые могли бы объективно (и, насколько это возможно, однозначно) приводить исследователей к выводу о существовании (или об отсутствии) генетического сходства языков, внешне даже не похожих друг на друга. В результате совместными усилиями многих ученых был разработан *сравнительно-исторический метод* анализа языкового материала.

В свою очередь, структуралисты ставили своей основной целью обеспечить такое описание языковой системы, которое позволяло бы максимально полно представить ее внутреннюю уровневую структуру с выделением единиц каждого уровня и фиксацией закономерностей перехода от более простых уровней к более сложным. При этом в научной парадигме структурной лингвистики во главу угла ставилось еще одно условие – описание в максимальной степени должно было исключать «произвол» исследователя и его субъективное мнение. Соответственно разрабатывались и методы

структурной лингвистики, такие как *дистрибутивный анализ, анализ по непосредственным составляющим, по грамматикам зависимостей*, а также *метод генеративных грамматик*. Эти методы разрабатывались применительно к каждому уровню языковой системы, причем каждая предлагаемая процедура обсуждалась и отрабатывалась в деталях.

Предлагаемый в рамках некоторой научной парадигмы или в рамках некоторого научного течения метод неотделим от теоретического базиса, для обоснования которого он используется, а также от объекта, для изучения или для описания которого он предназначен. В этом плане можно утверждать, что в тех двух научных парадигмах лингвистического знания, которые мы упоминали выше, *теория, метод и объект* исследования, хотя и выступали как неразрывно связанные сущности, но все-таки были относительно независимы друг от друга. Это означало, что одни и те же исследовательские процедуры могли быть применены к разному языковому материалу. В частности, одни и те же модели дистрибуции использовались на фонетическом, на морфологическом и на лексическом уровне языковой системы для решения одной и той же исследовательской задачи – определения того, является ли тестируемый языковой объект отдельной самостоятельной единицей или же разновидностью какой-либо другой единицы. При этом теория позволяла внести коррективы и уточнения в процедуру исследования, не меняя уже отработанный (и общепринятый) метод кардинально. Таким образом, в качестве *критериев выбора методологии* выступали: исследовательский *материал, цель, объект* исследования и прогнозируемый *результат*, точнее *значимость получаемого результата для разрабатываемой теории*. И определяющую роль здесь играл последний параметр, поскольку все исследование должно было обеспечивать доказательство и развитие центральной гипотезы лингвистической парадигмы.

При переходе к новой (на тот момент) структурной лингвистической парадигме от методологии предыдущей, сравнительно-исторической, парадигмы лингвистического знания, по логике вещей, следовало бы отказаться, поскольку она не соответствовала новым исследовательским задачам. Но в действительности новые методы не только учитывали особенности прежних методов, но и во многом основывались на них. Интересно отметить, что первым признаком зарождения структурной научной парадигмы в лингвистике стала модификация сравнительно-исторического метода, предложенная Ф. де Соссюром, которая впоследствии обеспечила появление метода внутренней реконструкции в компаративистике.

Прежде чем перейти к методологии когнитивной лингвистики, необходимо сделать важную оговорку. Сравнительно-историческое языкознание и структурная лингвистика отработывали свои методы на фонетическом

и морфологическом уровнях языковой системы, проблемы семантики, и также тексты разных видов в качестве объекта анализа (особенно в период становления научной парадигмы) не выдвигались. В противовес двум предыдущим парадигмам в лингвистической науке когнитивная лингвистика сформировалась вследствие стремления решить проблемы семантической амбивалентности в коммуникации, проблемы формирования текста, а также проблемы понимания текста и неоднозначности интерпретации текста разными реципиентами.

Сам момент зарождения когнитивной парадигмы лингвистического знания очень трудно (если вообще возможно) зафиксировать, однако совершенно очевидно, что очень важную роль в этом процессе сыграла идея фреймовых семантик, предложенная Ч. Филлмором. **Фреймы исходно рассматривались не как новая лингвистическая теория, а как исследовательский прием или метод анализа**, который давал возможность описать семантические различия между близкими по смыслу словами или высказываниями [Fillmore 1982]. Полученные далее результаты показали, что использование фреймов как метода анализа оказывается эффективным применительно к любому языковому материалу, то есть к любому уровню языковой системы – от фонологического до дискурсивного. Причина подобной «универсальности» фреймового анализа, по-видимому, заключается в том, что, по сути, он представляет собой рассмотрение объекта лингвистического исследования на фоне схематического представления о той ситуации, в которой этот объект реализуется, или на фоне, т. е. в сравнении с другими аналогичными объектами во всем их многообразии [Беляевская 2021]. В этом плане фреймы генетически связаны не только с семантическими полями (это сходство отмечали многие лингвисты), но также и с дистрибуцией (т. е. с фиксацией речевого окружения некоторого объекта) – основой дистрибутивного анализа в структурной лингвистике. С другой стороны, фрейм как схематизированное представление о некоторой ситуации предполагает разложение крупного объекта на более мелкие составляющие, что ассоциируется со структурными аналитическими процедурами, а также с компонентным анализом в семантике. В определенном смысле можно сказать, что фреймовый анализ вбирает в себя многие лучшие аспекты методов структурной лингвистики, но при этом он лишен той жесткости и ограничений, которые были характерны, например, для методов американского дескриптивизма [ОНС1964].

Особую роль в разработке методологии когнитивной лингвистики играет ее обращение к тексту и шире – к изучению дискурсивной деятельности человека в разных коммуникативных ситуациях. Текст (дискурс) представляет собой самый сложный в лингвистике объект исследования, и в конце XX века стало очевидно, что методология структурной лингвистики не дает

удовлетворительного ответа на вопрос о том, как формируется текст и как читатель декодирует заложенные в тексте смыслы. Во многом это было связано с тем, что методология структурной лингвистики отражала ее базовую идеологию, когда сама модель «организации» языковой системы строилась от низших уровней к высшим. При этом предполагалось, что по мере продвижения «вверх» от одного уровня языковой структуры к другому принципы устройства «верхних» уровней будут становиться все прозрачнее и понятнее. Однако этого не произошло, и оказалось, что не только низшие, но и верхние уровни языковой системы имеют свои, присущие только им, закономерности строения, которые скрыты от исследователя, подлежат изучению и к каждой закономерности нужно подобрать свой аналитический ключ. В когнитивной парадигме лингвистического знания, которая ориентирована на моделирование дискурсивной деятельности человека, прежде всего, с точки зрения изучения смысловой стороны сообщений, передаваемых в процессе коммуникации, исследователи естественно уделяют особое внимание дискурсу/тексту. Поскольку текстовые сообщения бесконечно разнообразны по форме и содержанию и обладают высокой степенью вариативности, и при этом недостаточно полно изучены и описаны, в когнитивной лингвистике конкретная методика анализа «подбирается» под избранный для изучения тип текста. Иными словами, **критерием выбора методологии становится соответствие метода особенностям объекта исследования.** По-видимому, именно поэтому в общих описаниях когнитивного подхода к анализу языка раздел «Методы» обычно отсутствует и его заменяет перечисление проблем когнитивной лингвистики и сфер ее реализации при изучении языкового материала [Croft, Cruse 2007]. Обсуждение методологии проводится только тогда, когда рассматриваются «базовые» проблемы когнитивной лингвистики – концептуализация и категоризация [Болдырев 2008].

Когнитивная лингвистика уже внесла в область изучения речевой деятельности и текстового уровня языковой системы свой вклад – методика концептуальной интеграции, в частности, позволяет раскрыть ментальные модели формирования текста, если в нем участвуют несколько сюжетных или тематических составляющих. Однако важность текста (дискурса) для современной науки о языке свидетельствует о необходимости разработки специальной методологии, что, по нашему мнению, и происходит на современном этапе развития когнитивистики, хотя этот процесс еще далек от своего завершения.

Литература

Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. С. 11–29.

Беляевская Е. Г. Фрейм? Фрейм ... Фрейм! // Когнитивные исследования языка № 4 (47), 2021. С. 17–24.

Кубрякова Е. С. Парадигмы лингвистического знания и их строение // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 3–10.

ОИС – Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964.

Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.

Fillmore Ch. J. Frame semantics // Linguistics in the morning calm / ed. by The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.

E. G. Belyaevskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

ON CRITERIA OF CHOOSING METHODOLOGY IN COGNITIVE RESEARCH

Though essentially different from structural linguistic methodology cognitive linguistic methodology is closely related to the former, and might be viewed as its further elaboration to ensure application to new research problems. However, the basic principles underlying the choice of a research procedure have changed: unlike structural linguistics in cognitive research the basic criterion which shapes a research program seems to be the type of text (or discourse) to be studied.

Key words: methodology, research procedure, structural linguistics, cognitive linguistics, text (discourse), the object of analysis.

Г. П. Берзина (Новосибирск, Россия)
Новосибирский ордена Жукова военный институт
имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии РФ
bgp55@mail.ru

КАТЕГОРИАЛЬНО-МАТРИЧНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ МОДУСНОЙ КАТЕГОРИИ УСТУПИТЕЛЬНОСТИ

В данной статье речь идёт о категориально-матричном методе исследования модусных категорий на примере категории уступительности. Категориально-матричный метод совмещает в себе принципы концептуального, категориального

и когнитивно-матричного анализов. Описывается последовательность анализа модусных категорий.

Ключевые слова: когнитивная матрица, категориально-матричный, модусная категория, уступительность, когнитивный контекст.

К настоящему времени в рамках когнитивной парадигмы исследований когнитивные структуры можно описывать с помощью теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и Д. Джонсона, фреймовой семантики Ч. Филлмора и М. Минского, сценариев Р. Шенка и Р. Абельсона, когнитивных прототипов Э. Рош и Дж. Лакоффа. Кроме того, можно выделить и ряд специфических методов когнитивного анализа, таких как метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, концептуально-таксономический анализ, анализ скетч-фреймов, концептуально-репрезентативный анализ, когнитивно-матричный и др., которые подробно описаны Н. Н. Болдыревым [Болдырев 2019: 344–395].

Как отмечает Н. Н. Болдырев, целью когнитивно-матричного анализа является стремление исследователя выявить и свести воедино в виде когнитивной матрицы различные когнитивные контексты, в рамках которых та или иная языковая единица может получать необходимое осмысление [Болдырев 2019: 390]. Согласно определению Н. Н. Болдырева, когнитивная матрица – «это единая, вербально-интегрированная концептуальная структура, единица многоаспектного знания, представленная в сознании человека одним словом, сложный тематический концепт, включающий знание разных концептуальных областей, и разных омонимов или синонимов, и их отдельных значений» [Болдырев 2019: 92; 2009: 49].

Когнитивно-матричный анализ может быть использован в отношении языковых категорий модусного типа, которые обеспечивают возможность передачи отдельных смыслов на основе различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания. К категориям модусного типа, как полагает Н. Н. Болдырев, относятся категория отрицания, аксиологические (оценочные), диалектные, этнокультурные категории, категории аппроксимации, эвиденциальности, экспрессивности, тональности и т. п., в основе формирования которых лежат соответствующие модусные концепты-функции [Болдырев 2019: 152].

Категория уступительности также может быть отнесена к модусным категориям, так как она имеет вторичный статус, функциональный характер, связь с модусными категориями отрицания, оценки, нормы, прототипический характер, что и подтверждает её модусный характер. В плане концептуализации и категоризации мира категория уступительности представляет собой *многоаспектный формат знания*, представля-

ющий собой совокупность концептуального содержания (уступительный концепт и его характеристики), и разноуровневые языковые единицы его репрезентации.

Из сказанного следует, что специфика модусной категории уступительности, имеющая сложный, многоаспектный характер категориально-матричного формата знания с концептуальным основанием в виде уступительного концепта матричного типа, накладывает определённые ограничения на использование традиционных методов категориального и когнитивно-матричного анализов и требует разработки специального метода исследования. С целью исследования интерпретирующего потенциала модусной категории уступительности был использован категориально-матричный метод.

Категориально-матричный анализ предполагает исследовать модусную категорию с использованием следующих приёмов анализа:

1) выявление общего концептуального основания для объединения языковых единиц в категорию;

2) выделение с помощью концептуального анализа основных характеристик концепта;

3) описание связей характеристик концепта с определёнными концептуально-тематическими областями;

4) построение на основе выделенных концептуально-тематических областей когнитивной матрицы как концептуального основания категории;

5) определение принципа объединения языковых единиц в категорию и её внутренней структуры;

6) описание выделенных концептуальных областей как системы когнитивных контекстов, определяющих формирование соответствующих интерпретирующих смыслов;

7) реконструирование и описание когнитивных механизмов, формирующих соответствующие языковые значения и смыслы;

8) анализ языковых механизмов реализации конкретных характеристик рассматриваемого концепта на функциональном уровне.

Уступительный концепт как концепт модусного типа, имеющий матричный и тематический характер, служит основой для формирования категории уступительности, так как сводит разнообразие наблюдаемых и мыслимых нормонарушающих связей между событиями под единую рубрику и определяет характер, специфику внутренней организации категории уступительности как формата многоаспектного знания. Важно подчеркнуть, что каждая характеристика уступительного концепта задаёт концептуальную область или когнитивный контекст осмысления, на фоне которых происходит формирование и понимание языковых единиц.

Анализ структуры и содержания уступительного концепта даёт основание предположить, что данный концепт представляет собой единицу многоаспектного знания матричного типа (когнитивную матрицу), которая объединяет несколько концептуальных областей в единый формат. Перечень данных областей определяется перечнем характеристик уступительного концепта: *die Verletzung* / нарушение, *die Inferenz* / инферентность, *der Wechsel* / замена / смена, *die Abtrennung* / отделение / противопоставление, *das Hindernis* / препятствие, *der Zwang* / принуждение / вынужденность, *die Einräumung* / допущение. Соответствующие области служат когнитивным контекстом уступительного осмысления связи между событиями и обуславливают структуру категории уступительности и её интерпретирующий потенциал. Из этого может следовать вывод о том, что категория уступительности представляет собой категориально-матричный формат знания.

Формирование уступительных смыслов определяется использованием когнитивных механизмов профилирования / фокусирования / дефокусирования, перспективизации, спецификации, ориентации на норму, инференции и интеграции. Когнитивные механизмы формирования уступительного смысла соотносятся с языковыми механизмами номинации, формирования антонимических рядов, сочетаемости языковых единиц, фразеологизации, словообразования, использования лексико-грамматических средств, определённых типов синтаксических конструкций и речевых стратегий и тактик.

В результате проведённого исследования интерпретирующего потенциала категории уступительности в немецкой языковой картине мира было установлено, что уступительный концепт имеет обширный арсенал языковых средств репрезентации: лексические (лексические единицы, фразеологизмы), лексико-грамматические (предлоги, союзы, частицы), грамматические (словосочетания, простые, осложнённые, сложные синтаксические конструкции), словообразовательные, текстовые. Фактологические данные немецкого языка свидетельствуют о том, что структура сложного высказывания, как наиболее протяжённая и максимально эксплицитная, является универсальной для репрезентации уступительного концепта.

Интерпретирующий потенциал категории уступительности определяется возможностями разного осмысления связей между событиями, способностью отражать нормонарушающий тип событий в различных сферах жизни. Богатый арсенал языковых средств категории уступительности помогает выразить многочисленные оттенки уступительного смысла, демонстрирующие интерпретирующий потенциал уступительного концепта.

Таким образом, *категориально-матричный метод* совмещает в себе принципы концептуального анализа (концептуально-дефиниционный), ка-

тегориального анализа с такими приёмами анализа, как выявление общего концептуального основания для объединения языковых единиц в категорию, определение принципов объединения языковых единиц в категорию, и принципы когнитивно-матричного анализа. Категориально-матричный анализ позволяет изучить, выявить и описать интерпретирующий потенциал модусной категории, представляющей собой многоаспектный категориально-матричный формат знания, так как когнитивная матрица позволяет отразить различные связи модусного концепта с теми концептуальными областями, которые служат источником его содержания и формирования категориального смысла и выявить языковые средства его репрезентации.

Категориально-матричный анализ модусной категории расширяет возможности применения когнитивного подхода в плане изучения и описания языковых единиц, социокультурного контекста, условий формирования и понимания на основе анализа полученных знаний субъекта, представленных в языковых единицах модусной категории уступительности.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

G. P. Berzina (*Novosibirsk, Russia*)
*Novosibirsk Military Zhukov's Order Institute
named after General of the Army I. K. Yakovlev
of National Guard Troops of Russian Federation*

CATEGORIAL-MATRIX METHOD FOR THE STUDY OF MODUS CATEGORY OF CONCESSION

In this article we are talking about the categorical-matrix method of studying modus categories on the example of the category of concession. The categorical-matrix method combines the principles of conceptual, categorical and cognitive-matrix analysis. The sequence of analysis of modus categories is described.

Key words: cognitive matrix, categorical matrix, modus category, concession, cognitive context.

Е. Д. Блохина (Тамбов, Россия)

*ТГУ им. Г. Р. Державина
sed-90@mail.ru*

СРАВНЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ С ДРУГИМИ КОГНИТИВНЫМИ МЕХАНИЗМАМИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО СМЫСЛА¹

В статье рассматриваются различные когнитивные механизмы и их сочетания с механизмом сравнения с целью определения специфики таких сочетаний и их роли. Изучаются сочетания сравнения и инференции, сравнения и метафоры, сравнения и метонимии, сравнения и метафтонимии. На основе анализа примеров сочетания различных когнитивных механизмов со сравнением выделяются их функции – формирование нового смысла за счет выделения какой-либо характеристики.

Ключевые слова: сравнение, когнитивный механизм, инференция, метафора, метонимия, метафтонимия.

Когнитивное направление в лингвистике рассматривает сравнение как один из важных источников и механизмов вторичной интерпретации мира и знаний о мире, позволяющий создавать и по-новому конструировать языковую картину мира. Сравнение является когнитивным механизмом формирования нового смысла на основе вторичной интерпретации знаний о мире, оно сопоставляет концепты разных объектов одной и той же или разных концептуально-тематических областей с целью выделения или акцентирования внимания на какой-либо дополнительной характеристике за счет ее нового осмысления и языковой репрезентации (см. подробнее: [Boldyrev, Blokhina 2022]).

Когнитивный механизм сравнения может реализоваться как автономно, так и одновременно с другими когнитивными механизмами формирования нового смысла, среди которых самыми распространенными, помимо сравнения, являются профилирование, метафора, метонимия, метафтонимия. Для того, чтобы понять, какими особенностями в аспектах формирования нового смысла обладают сочетания сравнения с другими когнитивными механизмами, рассмотрим примеры таких сочетаний.

Действие когнитивного механизма профилирования состоит в выделении на фоне определенной концептуальной базы одной или нескольких концепту-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

альных характеристик, называемых профилями [Langacker 1991: 3]. Профиль выводит на передний план наиболее актуальные и важные характеристики концептуальной базы в данной ситуации. Механизм профилирования задействован во всех случаях сравнения. Здесь под профилированием следует понимать мысленное выдвигание на передний план одной или нескольких общих характеристик сравниваемых концептов с целью их акцентирования. Например:

(1) *В плечах широк, в талии тонок, и алый бешмет как пламя* (Шишков В. Угрюм-река).

(2) *Il avait les cheveux coupés droit sur le front, comme un chantre de village, l'air raisonnable et fort embarrassé* (Glaubert G. Madame Bovary).

Пример (1) иллюстрирует, каким образом сравнение профилирует определенную характеристику объектов сравнения. Алый цвет сравнивается с цветом пламени, таким образом выделяется основание сравнения и профилируется характеристика цвета бешмета (стеганного полукафтана у татар и кавказских народов). В примере (2) высвечивается характеристика прически через сравнение с прической деревенского певчего.

Метафора, как и сравнение, является связующим элементом между уже известной информацией и новой, обеспечивая понимание нового знания через старое, абстрактного явления в более конкретных терминах. О сходстве сравнения и метафоры говорят некоторые отечественные исследователи – И. В. Арнольд, Е. Н. Зарецкая, Б. В. Томашевский [Арнольд 2002; Зарецкая 2002; Томашевский 1999]. Они определяют метафору как скрытое или сжатое сравнение, в котором обороты с наречиями *как, как будто, союзом словно* и др. отсутствуют, но подразумеваются [Зарецкая 2002: 67]. Существует и другая точка зрения, согласно которой понятия *сравнение* и *метафора* не отождествимы. Из отечественных исследователей такого мнения придерживаются Н. Д. Арутюнова, И. Р. Гальперин, М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев и др. [Арутюнова 1999, Гальперин 1958, Кузнец, Скребнев 1960]. Мы также придерживаемся мнения, что сравнение и метафора являются разными языковыми сущностями и когнитивными механизмами.

Н. Д. Арутюнова говорит о метафоре и сравнении, противопоставляя их. Автор отмечает различие этих двух типов логических отношений: «*Эта девочка как кукла*» или «*Эта девочка настоящая кукла*» [там же: 353]. Сравнение выделяет конкретную характеристику или набор характеристик сравниваемых концептов – *яркие черты лица, красивое платье*. Метафора приписывает характеристики эталона объекту сравнения – внешность, по-

ведение и т. д. Нередки случаи присутствия метафоры в эталоне или в обозначаемом сравнения. Рассмотрим примеры:

(3) *...разливным морем бурлила вольная жизнь – услада* (Шишков В. Угрюм-река).

(4) *Juliette se sentait comme une minuscule goutte d'eau emportée par le torrent d'une foule disparate...* (Musso G. Sauve-moi).

Пример (3) представлен конструкцией творительного сравнения. *Бурление вольной жизни* сравнивается с *бурлением разливного моря*. В первом объекте сравнения заключена онтологическая метафора, которая переносит свойства физического мира (*бурление*) на абстрактные предметы (*жизнь*). В примере (4) для характеристики ощущения человека *потерянность* сравниваются два концепта ОЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА и КАПЛЯ, СМЫТАЯ ПОТОКОМ ТОЛПЫ. Здесь в эталоне сравнения присутствует структурная метафора – структура движения потока воды проецируется на движение толпы. Природный объект представлен в качестве активно действующей силы, способной контролировать действие.

Когнитивный механизм метонимии основывается на отношениях замещения. Одна сущность используется для ссылки на другие, которые с ней связаны [Лакофф, Джонсон 2004: 61–67]. В отличие от метафоры, метонимия основана на взаимодействии концептов внутри одной концептуальной области – концепт-средство замещает концепт-цель. Они связаны между собой отношениями смежности [Бабина 2009: 143]. Одним из самых распространенных видов метонимического переноса является перенос «часть вместо целого» [Лакофф, Джонсон 2004]. Были выделены и другие типы метонимии, построенные по принципам «целое вместо части», «вместилище вместо содержания», «материал вместо предмета», «производитель вместо продукта», «название места вместо организации», «название места вместо события», «причина вместо следствия» и др. [Ungerer, Schmid 2006: 116]. Рассмотрим примеры комплексного использования когнитивных механизмов сравнения и метонимии.

(5) *В сущности, их натуральная природа одна и та же, но моральные навыки принадлежат двум разным планам, как нож хирурга и нож разбойника* (Шишков В. Угрюм-река).

(6) *La vie est comme un long week-end à boire des bourbons-Coca en écoutant Barry White* (Beigbeder F. L'Égoïste romantique).

В примере (5) эталоном сравнения выступает отличие предназначений ножа хирурга и ножа разбойника. Объектом сравнения является различие

между моральными обликами двух людей. В эталоне сравнения обнаруживается метонимическая модель, которая строится на аналогии по смежности по принципу «инструмент действия вместо действия»: *нож – действие*. Концепт-средство представлен знанием о том, что хирург с помощью ножа спасает жизни, а разбойник – грабит и убивает людей. Концепт-цель – деятельность хирурга является объектом положительной оценки, а разбойника – отрицательной. В примере (6) метонимия присутствует и в эталоне сравнения – *выходные дни*, и в объекте сравнения – *жизнь*. ВЫХОДНЫЕ ДНИ, ЖИЗНЬ являются концептами-средством. Концепт-цель в этом случае представлен концептами ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕЧЕНИЕ ВЫХОДНЫХ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ соответственно.

Случаи взаимодействия метафоры и метафтонимии Л. Гуссенс объединил одним названием – метафтонимия. Автор говорил о существовании трех типов метафтонимии: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры, метафора внутри метонимии [Goossens 2002]. Рассмотрим примеры сочетания сравнения и метафтонимии:

(11) – *И этот отряд... – сказал было Иуда и умолк, как язык прикусил: говорить дальше – значит, проговориться о той встрече в Париже* (Маркиш Д. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля).

(12) *Le 4x4 toussota comme s'il avait soudain perdu de son souffle* (Musso G. La fille de Brooklyn).

Пример (11) иллюстрирует сравнение, внутри эталона которого *прикусить язык* обнаруживается метафтонимия типа «метонимия внутри метафоры». *Прикусить язык* – это метафорическое выражение с метонимическими корнями. СПОСОБНОСТЬ ГОВОРИТЬ в целом (концепт-цель) представлена путем активации смежного элемента целого – ЯЗЫКА (концепт-источник). Образное действие *прикусить язык* метафорически проецируется на реальное лишение способности говорить. В примере (12) в обозначаемом сравнения присутствует метафтонимическая модель: аналогия по смежности по принципу «целое вместо части» – *4x4* вместо *мотор внедорожника*, и метафорический перенос *4x4 покашливал*. Область-источник – звуки, которые издает человек при кашле. Область-цель – звуки, которые появляются при поломке мотора машины.

Таким образом, следует отметить, что нередко такие когнитивные механизмы, как инференция, метафора, метонимия, метафтонимия, сочетаются со сравнением с целью формирования нового смысла и акцентирования внимания на какой-либо отдельной характеристике.

Литература

- Арнольд И. В.* Стилистика. 5-е изд. М.: Флинта, 2002.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Бабина Л. В.* Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 128–149.
- Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958.
- Зарецкая Е. Н.* Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002.
- Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М.* Стилистика английского языка. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М.: Едиторал УРСС, 2004.
- Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Boldyrev N. N., Blokhina H. D.* Comparative constructions as a mechanism for secondary interpretation of world knowledge // Journal of Siberian Federal University. Humanit. soc. sciences. 2022. 15(11). 1713–1722.
- Goossens L.* Metaphonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. P. 349–377.
- Langacker R. W.* Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. L., N.Y.: Longman, 2006.

E. D. Blokhina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

COMPARISON IN COMBINATION WITH OTHER COGNITIVE MECHANISMS FOR THE FORMATION OF INTERPRETIVE MEANING

The article discusses various cognitive mechanisms and their combinations with the comparison mechanism in order to determine the specifics of such combinations and their role. Combinations of comparison and inference, comparison and metaphor, comparison and metonymy, comparison and metaphonymy are studied. Based on the analysis of examples of the combination of various cognitive mechanisms with comparison, their functions are distinguished – the formation of a new meaning by highlighting any characteristic.

Key words: comparison, cognitive mechanism, inference, metaphor, metonymy, metaphonymy.

Т. В. Борисенко (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
tatiana-tv11@yandex.ru

КОНЦЕПТ МАТЬ-ГЕРОИНЯ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

В статье рассмотрен принцип, на основе которого, по мнению автора, происходит объединение концептов в категории. В качестве примера проанализирован концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ, который включён в структуры нескольких концептуальных категорий. Материалом для исследования послужили толковые словари и национальный корпус русского языка.

Ключевые слова: категориальный концепт, концептуальная категория, мать-героиня, семья, герой, женщина.

Введение

Наше исследование посвящено изучению принципов организации концептов в категории. Цель данной статьи – изучение особенностей установления связей между элементами концептуальной категории и между различными концептуальными категориями. В качестве примера проводится анализ концепта МАТЬ-ГЕРОИНЯ. Применены концептуальный, лексикографический и описательные методы исследования. Актуальность статьи обусловлена тем, что современная политика ориентирована на закрепление и установление таких ценностей как семья, материнство, детство. Кроме того, считаем актуальным исследование организации концептов, что подтверждено необходимостью решения этого вопроса и большим интересом к данной проблеме многих современных лингвистов и психологов.

Концептуальная категория

Категория представляет собой познавательную форму мышления человека. Благодаря ей индивид имеет возможность обобщать уже имеющийся опыт, осуществлять классификацию [Кубрякова 1997: 45]. Концепт определяется как «ментальное образование с актуальными признаками, внутренней формой, общенациональными, индивидуальными и другими составляющими – образной, оценочной и ценностной значимостью» [Малинович 2011: 19].

Проведя анализ современных работ по когнитивной лингвистике (Н. Н. Болдырева, А. Н. Доборович, В. А. Кузьмичева, Е. И. Головановой, М. В. Малинович и др.), мы пришли к выводу, что концепты организуются

в определённые ментальные структуры. Эти структуры, объединяющие концепты мы считаем концептуальными категориями, а концепт, стоящий во главе такой категории – категориальным концептом.

Особенностью концептуальной категории, очевидно, является её многослойность ввиду содержания большого количества смыслов в каждом элементе. Каждый слой/плоскость, по нашему мнению, содержит свой набор элементов, а совокупность слоёв представляет собой объёмную концептуальную категорию. Так, возможно выделить общекультурный, рекламный, религиозный, поэтический слои (см.: [Борисенко 2022]), научные (биологический, социологический, психологический и т. п.) слои и др.

Часть элементов, входящих в эти плоскости могут быть идентичными. Это происходит тогда, когда один и тот же концепт представлен в нескольких областях. Другие элементы становятся уникальными для одного (нескольких) слоёв. Мы считаем, что таким образом реализуются категориальные принципы континуально-когнитивной относительности и контекстно-когнитивной детерминированности. Е. В. Дзюба указывает, что данные принципы предполагают наличие важных отличий в различных сферах человеческого знания [Дзюба 2015: 84–86].

Мы убеждены, что связи между концептами образуются посредством их признаков. Наличие общих признаков в концептах позволяет включать их в структуру одной категории.

Концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ

Согласно указу Президента РФ звание «Мать-героиня» присваивается женщине, гражданке Российской Федерации, родившей и воспитавшей десять и более детей, являющихся гражданами Российской Федерации [Указ от 15.08.2022 № 558]. Таким образом, с официальной политической точки зрения концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ содержит следующие признаки: **женщина – гражданка РФ, женщина, имеющая 10 и более детей, женщина, воспитывающая 10 и более детей.**

Концепт актуализируется не только в политическом дискурсе. В общекультурной среде он приобретает дополнительные расширяющие признаки. Рассмотрим их.

МАТЬ-ГЕРОИНЯ – двухкомпонентный концепт. Сам способ вербализации указывает на наличие сочетания нескольких признаков внутри концепта.

В словаре Д. Н. Ушкова зафиксировано 5 значений лексемы *мать*: «женщина по отношению к её детям», «самка по отношению к её детенышам», «то, что является источником, давшим жизнь кому-нибудь/чему-нибудь, откуда черпают силу, энергию, жизненность», «ображение, присоединяемое к имени

или званию монахини» [Ушаков 2014: 291]. Также выделено 2 значения лексемы *герой* – «исключительный по смелости или по своим доблестям человек», «главное действующее лицо литературного произведения [там же: 95].

Сочетание двух лексем исключает некоторые признаки из каждого отдельно взятого вербализуемого ими концепта. Таким образом, согласно лексикографическому анализу, МАТЬ-ГЕРОИНЯ содержит такие признаки как **женщина/самка с детьми, женщина/самка исключительная по смелости, женщина/самка исключительная по доблести.**

Рассмотрим актуализацию концепта в текстах. Для анализа используем национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). В рамках данной статьи используем основной и газетный корпуса. По запросу «мать героиня» в основном корпусе 47 примеров, в газетном – 218. Это тексты о присвоении звания или присуждении ордена: *Мама его была награждена орденом «Мать-героиня»* [НКРЯ].

В части примеров говорится о том, что женщина имеет (может родить) много детей, поэтому достойна (будет достойна) звания матери-героини: *Живи Анна Тимофеевна в советское время, она бы получила орден «Мать-героиня»* [там же]. Данные примеры реализуют признак «женщина, имеющая 10 и более детей».

Другие примеры в списке отражают признак «женщина исключительная по смелости, женщина, готовая на всё ради своего ребёнка»: *О том ли, что она мать-героиня и потеряла старшего сына на фронте, что ей пришлось вынести блокаду с ребенком на руках ...* [там же]. *Мать-героиня покинет больницу уже через неделю. Для нее и Александра начнется новая жизнь: воспитать пятерых детей – не шутка* [там же].

Такие примеры показывают, что признак «наличие большого количества детей (10 и более детей)» не является необходимым для концепта. Геройство женщины может проявляться и в других ситуациях.

Отмечается также негативная оценка по отношению к женщинам, несоответствующим званию матери-героини, но требующим к себе особенного отношения: *Содержит двух оболтусов. Мать-героиня, действительно* [там же], *Вот именно. У них там окопалась одна наша мать-героиня. Настрогала себе четверых и думает, что из-за этого с ней должны носиться, как с писаной торбой* [там же].

Обнаружены также примеры признака «самка с детьми»: *Мать-героиня вела за собой четырех выстроившихся в ряд медвежат* [там же]. *Эта тигрица в Красноярском зоопарке получила неофициальное звание – «мать – героиня»* [там же].

Концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ содержит также необязательный признак «женщина – гражданка РФ», т. к. актуализируется, в том числе, в примерах с иностранными гражданами: *Голливудская звезда Анджелина Джоли теперь настоящая мать-героиня* [там же].

Итак, следующие семь признаков включены в концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ: женщина – гражданка РФ; женщина, имеющая много/10 и более детей; женщина воспитывающая много/10 и более детей; женщина/самка с детьми; женщина/самка исключительная по смелости; женщина/самка исключительная по доблести; женщина, готовая на всё ради своего ребёнка.

Место концепта МАТЬ-ГЕРОИНЯ в структуре категорий

Наличие выделенных признаков в концепте позволяет предположить его принадлежность нескольким концептуальным категориям: категории СЕМЬЯ (через признак «женщина с детьми»), категория ГЕРОЙ (через признаки «женщина/самка, исключительная по смелости»; «женщина/самка, исключительная по доблести»; «женщина, готовая на всё ради своего ребёнка»), категория ЖЕНЩИНА (через признак «женщина с детьми»). Для верификации утверждения определим признаки концептов, организующих перечисленные выше категории.

Концепт ГЕРОЙ проанализирован выше. Очевидно, что он напрямую связан с концептом МАТЬ-ГЕРОИНЯ.

Семья – «группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе» [Ушаков 2014: 619]. Следовательно, категориальный концепт СЕМЬЯ имеет признак «наличие родителей и детей», что соотносится с признаком «женщина с детьми».

Женщина – лицо, противоположное мужчине по полу, которая рождает детей и кормит их грудью [Ожегов]. Следовательно, концепт ЖЕНЩИНА обладает признаками «имеющая детей», что также соотносится с признаком «женщина с детьми».

Выводы

Итак, концепты связаны между собой через схожие/идентичные признаки, поэтому принадлежность их к той или иной категории возможно определить по наличию общих/схожих признаков. Концепты могут быть включены в несколько категорий, объединяя категории между собой в сознании носителей языка. Концепт МАТЬ-ГЕРОИНЯ – субкатегориальный по отношению как минимум к трем категориальным концептам.

Литература

- Борисенко Т. В.* Организация структуры концептуальной категории // Казанский лингвистический журнал. 2022. Том 5. № 4. С. 523–535.
- Дзюба Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании: монография. Уральский государственный пед. ун-т. Екатеринбург, 2015.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997.
Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка / Концепты. Категории. Языковая реальность. Коллективная монография. Иркутск, 2011. С. 10–41.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Электронный источник. URL: <https://guscorpora.ru/> (дата обращения: 27.01.2022).

Ожегов С. И. Толковый словарь онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=7696> (дата обращения: 27.01.2022).

Указ Президента Российской Федерации от 15.08.2022 № 558 «О некоторых вопросах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации».

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

T. V. Borisenko (*Chelyabinsk, Russia*)
Chelyabinsk State University

CONCEPT MOTHER-HEROINE IN CONCEPTUAL CATEGORIES

The article deals with the mechanism that works to unite concepts into categories. Concept MOTHER-HEROINE is analyzed on the material of dictionaries and the Russian National Corpus. It is shown that the concept is included into at least three conceptual categories.

Key words: categorical concept, conceptual category, mother-heroine, family, hero, woman.

A. G. M. Westerbeek, M. N. Konnova
(*Калининград, Россия*)
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
anikawesterbeek@gmail.com, mkonnova@kantiana.ru

НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕТАФОРЫ

Рассматриваются нейролингвистические механизмы обработки и порождения метафорической речи. Излагаются основные положения нейрональной теории метафоры, теории грубого семантического кодирования, сетевой модели состояний семантической памяти.

Ключевые слова: когнитивная нейронаука, образное мышление, нейролингвистические теории метафоры.

Метафора, как универсальное свойство естественного языка и фундаментальный мыслительный механизм, является традиционным объектом анализа гуманитарных дисциплин. В последние десятилетия она оказалась в центре и естественно-научных, в частности, нейрофизиологических исследований, как явление, постижение природы которого способно пролить свет на сложнейшие процессы функционирования человеческого сознания. В настоящей статье рассматриваются основные тенденции нейролингвистического изучения метафоры.

Сопрягая достижения нейрофизиологии с данными когнитивной лингвистики, Дж. Лакофф, сформулировавший в 1980 г. теорию концептуальной метафоры, предлагает 28 лет спустя нейрональную теорию метафоры (the Neural Theory of Metaphor), в которой уподобляет метафору нейронной цепочке (neural circuit). В основе этой новой, скорректированной теории лежит утверждение, что в момент порождения метафоры происходит одновременная активация двух областей мозга, первая из которых соотносится с концептуальной областью источника, вторая – с областью цели. Дж. Лакофф апеллирует здесь к теории нейронных ансамблей Д. Хебба (D. Hebb), доказавшего, что одновременная активация нервных клеток (нейронов) приводит к выраженному увеличению синаптической силы между ними. Устойчивые нейронные связи, возникающие при многократном продвижении одинаковых сигналов по одной и той же группе нейронов, приводят к возникновению цепочек нейронного картирования (neural mapping circuits), в рамках которого сопрягаются две взаимодействующие области, участвующие в междоменном метафорическом проецировании [Lakoff 2008].

Верификация нейрональной теории метафоры связана, в частности, с определением тех областей мозга, которые отвечают за понимание и порождение образной речи. Традиционно считается, что буквальный и иносказательный язык обрабатываются по-разному, что объясняет и их качественную гетерогенность. Существуют две ключевых гипотезы, характеризующие этапы понимания метафорических высказываний. Согласно первой, языковая метафора на начальном этапе воспринимается в своем прямом значении, отклонение которого как неподходящего позволяет затем мозгу перейти к поиску потенциальных переносных прочтений слов. С точки зрения второго подхода, сформулированного в рамках гипотезы параллельной обработки значений (The Parallel Hypothesis), расширение буквального и образного значений происходит одновременно [Benedeck 2014].

В настоящее время отсутствует единое мнение о характере латерализации когнитивных функций при обработке метафор. Существует устойчивое,

основанное на экспериментальных данных минувшего столетия, убеждение, что «носителем метафорического сознания» является правое полушарие, которое «необходимо участвует в дешифровке метафор, пользуясь при этом не поэлементным, лингвистическим анализом, а целостным, комплексным, гештальным восприятием» [Черниговская, Деглин 1987]. Вместе с тем данные нейровизуализации, полученные в ходе МРТ-сканирования, свидетельствуют о том, что области мозга, активируемые во время обработки образной речи, находятся в левом полушарии головного мозга и включают левую нижнюю лобную извилину, левую среднюю и верхнюю височные извилины, левую нижнюю теменную кору и парагиппокампальную извилину [Benedeck 2014; Coulson, Lai 2016].

Объяснение возможных причин подобного противоречия содержит теория грубого семантического кодирования (Coarse Semantic Coding Theory) (см., в частности: [Beeman 1998; Kounios, Beeman 2014]). Её автор, М. Биман, отмечает, что в левом полушарии головного мозга в момент восприятия речевых стимулов активируется ограниченное по объёму семантическое поле, связанное с устойчивой интерпретацией или с конситуацией речи. Это позволяет ему отвечать за обработку тесных семантических связей, существующих между единицами смежных смысловых сфер, например, между словами *money* и *lottery* в предложении *All his money is from lottery* (букв. «Он заработал все свои деньги на лотерее»). В правом полушарии возбуждаются нейроны, ответственные за широкое семантическое поле, охватывающее признаки, лишь отдаленно связанные с контекстом или ключевым словом. Размытость активируемой смысловой сферы, известная как грубое семантическое кодирование, позволяет вовлекать ассоциации с потенциально несопоставимыми словами и понятиями, и интерпретировать окказиональные метафоры, например, предложение *Respect is a precious gem* (букв. «Уважение – это драгоценный камень»), в котором слово *respect* не обладает общими семами с субстантивом *gem* [Schmidt, Seger 2009; Шелепин 2019: 97].

Латерализация когнитивных функций в момент восприятия метафор обусловлена, прежде всего, степенью новизны языкового выражения. Элементы узуальных метафор, между которыми уже успели сформироваться устойчивые ассоциативные зависимости, воспринимаются сознанием реципиента как обладающие тесными семантическими связями. Закреплению смысловых связей содействует регулярное совместное воспроизведение элементов в процессе линейного развертывания речи. В этом случае образное высказывание воспринимается целостно, как единая синтагма, и обрабатывается левым полушарием. Новые и окказиональные метафоры, компоненты которых не связаны укорененными синтагматическими и ассоциативными

отношениями, приводят к активации правого полушария, а именно, его нижних лобных и средних лобных извилин, и различных височных областей [Schmidt, Seger 2009].

Эта закономерность, по мнению нейрофизиологов Й. Н. Кеннета и М. Фауст, связана с типом так называемой сетевой модели состояний семантической памяти, характерным для каждого из полушарий. Левое полушарие отождествляется с чрезмерной косностью или жесткостью (rigidity) семантической памяти, формируемой сетью узлов (node), каждый из которых способен соединиться лишь с одной небольшой группой других узлов [Kenett et al. 2014]. Так, результаты нейрофизиологических исследований дают основание предположить, что информация о пространстве и времени обрабатывается единой междоменной системой величин (cross-domain magnitude system), нейрональный аппарат которой расположен в коре головного мозга. Эта система вовлекается в процесс обработки пространственных, временных и числовых величин, организованных по принципу «более чем/ менее чем», а именно длины, места, объема, количества и продолжительности во времени. Это общее для областей пространства, времени и числа нейрональное основание способствует адаптации к окружающей среде, поскольку улучшает координацию величин, значимых для человеческой деятельности [Winter et al. 2015: 210–211].

Свойством правого полушария является хаотичное и излишне гибкое состояние семантической памяти, которое возникает в результате деятельности тесно взаимосвязанных сетей, способствующей быстрому установлению связей между семантически далекими понятиями. Сети левого полушария активируются при рецепции устойчивой, узуальной метафоры, сети правого полушария – в момент считывания смысла новых незнакомых образных выражений. Максимально точная интерпретация речи достигается при условии равновесия между хаосом и косностью, достигаемого благодаря межполушарному взаимодействию [Kenett et al. 2014].

Нейролингвистические особенности производства образной речи изучены в ещё меньшей степени, чем процесс её восприятия. Исследования, проведенные нейропсихологами Р. Бити, П. Сильвией и М. Бенедекком, позволили установить, что в производстве метафор задействованы несколько крупных сетей (систем) мозга, ответственных за исполнительный контроль, семантическую интеграцию и самостоятельное генерирование мыслей. Сети мозга, вовлеченные в когнитивный контроль и самостоятельное генерирование мыслей, именуются, соответственно, сетью по умолчанию и сетью исполнительного контроля (the default and executive control networks).

Предполагается, что указанные системы функционируют как противоположности друг друга: бездействие сети по умолчанию сопровождается подавлением спонтанных мыслей, не связанных с выполняемой сложной когнитивной задачей. Напротив, активация сети по умолчанию, связанной с работой воображения, приводит к интенсификации творческого, импровизационного начала [Beaty et al. 2017].

Представленный в настоящей статье краткий анализ нейролингвистических подходов к изучению метафоры свидетельствует о том, что нейронаука, несомненно, открывает новые перспективы исследования образного мышления и способствует более глубокому уяснению его природы.

Литература

Черниговская Т. В., Деглин В. Л. Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Труды по знаковым системам. Тарту, 1986. Вып. 19. С. 68–84. URL: <https://textarchive.ru/c-1180087-pall.html> (дата обращения: 1.02.2023).

Шелетин К. Ю. Нейрофизиологические механизмы инсайта: дис. ... канд. мед. н. СПб., 2019.

Beaty R. E., Silvia P. J., Benedek M. Brain networks underlying novel metaphor production // *Brain and Cognition*. 2017. Vol. 111. P. 163–170.

Beeman M. Coarse semantic coding and discourse comprehension // *Right hemisphere language comprehension: Perspectives from cognitive neuroscience*. N. Y.: Psychology Press, 1998. P. 255–284.

Benedek M., Beaty R., Jauk E., Koschutnig K., Fink A., Silvia P. J., Dunst B., Neubauer A. C. Creating metaphors: The neural basis of figurative language production // *NeuroImage*. 2014. Vol. 90. P. 99–106.

Coulson S., Lai V. T. Editorial: The Metaphorical Brain // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2016. Vol. 9. P. 1–3.

Kenett Y. N., Faust M. Rigidity, chaos and integration: hemispheric interaction and individual differences in metaphor comprehension // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8. URL: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00511> (дата обращения: 1.02.2023).

Kounios J., Beeman M. The Cognitive Neuroscience of Insight // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 71–93.

Lakoff G. The neural theory of metaphor // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 17–38.

Schmidt G. L., Seger C. A. Neural correlates of metaphor processing: The role of figurativeness, familiarity and difficulty // *Brain and Cognition*. 2009. Vol. 71 (3). P. 375–386.

Winter B., Marghetis T., Matlock T. Of magnitudes and metaphors: Explaining cognitive interactions between space, time, and number // *Cortex*. 2015. Vol. 64. P. 209–224.

A. G. M. Westerbeek, M. N. Konnova

(Kaliningrad, Russia)

Immanuel Kant Baltic Federal University

NEUROLINGUISTIC VIEW ON METAPHOR

The paper discusses neurolinguistic mechanisms of processing and generating metaphorical language. The focus is on the main provisions of the neuronal theory of metaphor, the theory of coarse semantic coding and the network model of semantic memory.

Key words: cognitive neuroscience, figurative thinking, neurolinguistic theories of metaphor.

Ю. С. Горбунова *(Ростов-на-Дону, Россия)*

Южный федеральный университет

julialychkina@yandex.ru

КОНЦЕПТ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматривается один из значимых концептов русского языкового сознания. Установлена связь языковой реализации концепта ПРОСТРАНСТВО и базисных систем восприятия мира. Выдвинуто и доказано предположение, что метафора является одним из фундаментальных способов реализации данного концепта в русском языке. Проанализированы типовые пространственные метафоры, выявлены семантические особенности их вербализации.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лингвокультурология, языковая картина мира, метафора.

В человеческой культуре существует ряд концептов, которые обладают универсальным толкованием и отображают в своем составе объективную действительность, составляя концептуальный образ мира в сознании обитателей этой культуры. К числу таких важнейших концептов относится концепт ПРОСТРАНСТВО. Именно восприятие пространства и его дифференцирование является необходимым и универсальным при языковом функционировании человека, что находит отражение в языковой картине мира. Такой позиции придерживается и исследователь В. А. Маслова, утверждая в своей работе «Когнитивная лингвистика» следующее: «Пространство как важнейшая форма мира и жизни в нём человека многолико представлена в языке, сознании и культуре» [Маслова 2005: 80].

Принимая восприятие пространства как одного из основополагающих когнитивных механизмов человеческого существования, важно отметить, как повлияли на процесс их организации принципы восприятия мира. Так, по мнению Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2000: 84–92], в ходе эволюции были сформированы две автономные системы восприятия мира: «What – System» (Что – система) и «Where – System» (Где-система). «Что – система» в большей степени обладает описательно-номинативным значением и служит для идентификации предметов в окружающей среде и их взаимоотношений. «Где – система» выполняет обстоятельственно-номинативные функции, выделяя в свой спектр задач определение расстояния предметов и их соположение в пределах пространства. Таким образом, «Где – система» является основой для формирования концепта ПРОСТРАНСТВО в языковом аспекте, однако благодаря синергии с «Что – системой» мы можем наблюдать, как существенные параметры концепта ПРОСТРАНСТВО отражены в структурах обыденного языка.

Так, в рамках реализации концепта ПРОСТРАНСТВО можно говорить о важности относительного соположения предметов согласно «Где – системе». Базисным противопоставлением является оппозиция «верх-низ». Однако, даже в рамках этого базиса существует категориальная структура, которая дифференцирует доминирующие роли «Где-» и «Что-» систем. Так, Р. Гжегорчикова [Гжегорчикова 2000: 78–83] предлагает следующую категориальную структуру оппозиции «верх-низ»:

1) категория «Вертикальность», которая реализует систему координат относительно вертикальной плоскости с обозначенной точкой отсчета, чаще всего уровень земли или моря. Доминирующее значение эта категория имеет в предложной системе русского языка (например, локативные предлоги *под, над*), а также в описательной системе прилагательных со значением размера (*низкий, высокий*).

2) Категория «Поверхность», которая реализует систему координат горизонтальной плоскости с возможным описательным значением.

3) Категория «Внутренность», которая реализует систему объема и глубины предметов как емкость. Имеет варианты реализации в среде локативных предлогов (например: *в урне, вне сада, из коробки*). Также обладает первостепенной важностью в описательной системе некоторых объектов и категории глубины, так как категорией глубины способны обладать только предметы с характеристикой «внутренность».

4) Категории «Передняя поверхность» и «Задняя поверхность», которые реализуют систему отсчета в рамках одного предмета путем противопоставления «впереди» и «сзади». Данные категории обладают равно как антропологическим значением, так и природно-прагматическим. Как результат,

могут быть реализованы как субъективно-эстетическое, так и объективно-пространственное значения.

Концепт ПРОСТРАНСТВО на уровне семантики русского языка тесно связан с использованием разнообразных метафорических и метонимических моделей. Так, Е. В. Падучева [Падучева 2000: 230–254] в своих работах утверждает преобладание метонимического переноса как способа реализации этого концепта в рамках обыденной речи. Отдельно стоит упомянуть «время – пространственный» метонимический перенос. В рамках данного переноса, слова, обозначающие отрезок времени, начинают приобретать значения события происходящего на этом промежутке времени, тем самым занимая определенное пространство. Например: *Расскажи про вторник* в значении «расскажи про то, что происходило в определенном месте во вторник».

Метафора, на наш взгляд, также является одним из фундаментальных способов реализации концепта ПРОСТРАНСТВО в русском языке. Пространственная метафора охватывает главные понятийные сферы концептосферы языкового сознания. Так, О. П. Ермакова [Ермакова 2000: 289–298] по итогам своих исследований предлагает следующие виды метафор, которые реализуют концепт ПРОСТРАНСТВО:

1. Представление одного пространства через другое. Например: *бугры волн, море тайги, снежное море, песчаное море, морская пустыня*.

2. Метафора переноса характеристик и наименований природных явлений пространственного вида и ландшафта на человека. Например: *гора* в значении «огромный»; *айсберг* в значении «холодный» и «нелюдимый».

3. Перенос временных критериев и состояний в разряд пространственных. Например: *время ушло в никуда, достиг вершины дней, затхлое время, час не за горами* и др.

Однако стоит отметить, что вербализация пространственных метафор с точки зрения семантики обладает рядом особенностей:

1. При реализации структуры представления одного пространства через другое в большинстве случаев метафора не утрачивает пространственную сему. Например: *горы мусора, море снега* сохраняют значение пространственной протяженности. Стоит отметить, что некоторые пространственные семы в рамках подобного метафорического переноса также сохраняют связь с семантикой движения. Например: *у края бездны, на волоске, на дно* и т. п.

2. Эмоционально-оценочный компонент в пространственной метафоре может выражаться при помощи семантической структуры оппозиции «верх-низ», «лево-право», «вперед-назад». Например: *сходил налево, низкий жест* и т. п.

3. Пространственные метафоры обладают большей актуальностью в рамках физических отношений материального мира. Однако пространственная метафора может выражать и ментальный уровень вербализации душевных состояний, действий и характеристик. Так, в наивной картине мировосприятия души ее пространство представлено в виде «замкнутого пространства» по отношению, к которому часто применимы пространственные действия порядка: «влезть», «закрыть», «распахнуть», «войти» и т. п.

Таким образом, в рамках вопроса вербализации пространственных отношений и концепта ПРОСТРАНСТВО, в частности, мы можем наблюдать, что основными методами и средствами его репрезентации в русском языке являются не только лексемы, составляющие семантическое поле «Пространство», но и пространственные метафоры и метонимии, а также система противопоставления пространственных координат.

Литература

Гжегорчикова Р. Понятийная оппозиция верх-низ (пол. 'wierzch' – 'spyd') и языковая модель пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000.

Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000.

Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ТетраСистемс, 2005.

Падучева Е. В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000.

J. S. Gorbunova (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University

CONCEPT SPACE IN MODERN RUSSIAN

The article considers one of the most significant concepts of the Russian language consciousness. The connection between the linguistic realization of the concept SPACE and the basic systems of perception of the world is established. The assumption is put

forward and proved that metaphor is one of the fundamental ways of implementing the concept SPACE in Russian. Typical spatial metaphors are analyzed, semantic features of their verbalization are revealed.

Key words: concept, conceptosphere, linguoculturology, linguistic picture of the world, metaphor.

М.Л. Гордиевская (Москва, Россия)
*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
margord@mail.ru*

РУССКИЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ДЕЙКСИС И ПОЛЕ ЗРЕНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ

Статья посвящена рассмотрению характеристик русского пространственного дейксиса, связывающих его с таким внелингвистическим понятием, как поле зрения говорящего/наблюдателя. В статье отмечена связь дейксиса представления с категорией неопределенности; даны дефиниции статического и динамического дейксиса.

Ключевые слова: пространственный дейксис, статический/динамический дейксис, категория определенности/неопределенности.

Большинство исследований дейксиса относится к области семантики, прагматики и грамматики [Апресян 1986; Арутюнова 1982, 1985; Бондарко 2005, 1993; Кибрик 1983, 1992; Крылов 1984; Кобозева 2000; Падучева 1986; Плунгян 2000; Рахилина 2000; Шмелев 2002; Якобсон 1975 и др.]. Поскольку пространственный дейксис отражает осознание субъекта и объектов восприятия в пространстве и отвечает за построение особой конфигурации картины мира, он, безусловно, должен быть включен в орбиту когнитивных исследований. Одна из проблем установления статуса пространственного дейксиса как семантической или грамматической категории заключается в неодинаковом восприятии пространства как такового в языках мира.

Являясь шифтерной категорией, пространственный дейксис не только выражает соотношение субъекта речи/наблюдения и координат наблюдаемого объекта в пространстве, но и тесно связан с направлением взгляда говорящего. Взгляд наблюдателя (1) может быть прикован к физически существующей точке на линии взгляда (*Вот этот холм/Вон тот холм*), (2) способен описывать некоторую зону или сектор (*Вон тут сколько людей*), (3) наконец, быть

устремлен к воображаемой точке (*Идем скорее вон отсюда*). По К. Бюлеру, следует различать видимый дейксис и дейксис представления. Видимый дейксис (примеры 1 и 2) находится в поле зрения говорящего, т. е. является точкой или зоной, к которой устремлен взгляд, дейксис представления – указывает на то, что не находится в поле зрения (пример 3).

Описывая нахождение наблюдаемого объекта в пространстве, говорящий на русском языке включает в поле зрения то, что лежит непосредственно перед его взором. Пространственные координаты располагаются как бы перед лицом говорящего/наблюдателя, в направлении его движения/взгляда. И эти «вехи» на воображаемой линии взгляда уходят в далекую перспективу, где объект наблюдения, по сути, невидим и недостижим. Самая дальняя точка на линии взгляда теряется в неопределенном, расплывчатом пространстве. По этой причине все *далекое* в языке характеризуется как *неопределенное*. Эта «дальняя точка» на воображаемой линии уходит за горизонт, что согласуется, в частности, с наблюдением за русским фольклором. Так, герой русских сказок, отправляясь за тридевять земель, оказывается «между небом и землей», там, где «красно солнышко из синя моря восходит». Как пишет В.Я. Пропп, тридевятое царство «связано с горизонтом», а само это «указание больше относится к пути, чем к царству» [Пропп 2021: 419]. Соотношение дальности и неопределенности хорошо демонстрирует и русская фразеология: *у черта на куличках, за тридевять земель, куда глаза глядят*. Все эти фразеологизмы не только обладают семей 'далеко', но и включают сему 'неопределенность'. 'Приблизительность', 'неопределенность' и 'удаленность' в наивной картине мира носителей языков «идут нога в ногу». В соответствии с этим же принципом взаимодействия дальности и неопределенности в русском языке употребляются и дейксисы. Так, например, демонстратив *вон* (показатель дальнего дейксиса) в сочетании демонстративами ближнего дейксиса часто обозначает неопределенность, приблизительность пространственного указателя:

Ср. *вот сюда* – указывается конкретное место; *вон сюда* – приблизительное место, скорее даже направление движения (недалеко, примерно где-то здесь). С движением в неопределенном направлении от говорящего связано частотное в русском языке грубое требование: *Вон отсюда!* Ср.: *Вон отсюда, вон, что здесь торговая баня или кабак?* (Герцен А. И. НКРЯ); *Отец ...изменился в лице и сделал знак, который мог означать только одно: пошел вон отсюда!* (Шварц Е. НКРЯ).

Категория пространственного дейксиса во многих языках мира задает дихотомию двух граммем – 'близко' и 'далеко' по отношению к говорящему/наблюдателю. Большее число граммем ('удалено', 'близко/далеко от меня', 'близко/далеко от тебя' и пр.) является, скорее, реликтом, хотя и представ-

лено в некоторых современных языках. В русском языке пространственный дейксис прошел эволюцию от древнерусской трехчленной структуры (*сь/тъ/онь* ‘*близко от меня*’/‘*близко от тебя*’/ ‘*далеко*’) к двухчленной (*этом/ тот; тут/там; отсюда/оттуда* и др.) [Борковский, Кузнецов 2004: 221]. Несмотря на устоявшуюся двухчленную дейктическую структуру, в русском языке пространственный дейксис обладает способностью детализировать смыслы ‘*близко*’ и ‘*далеко*’, оперируя сочетаниями демонстративов ближнего и дальнего дейксиса (см. описание системы настраиваемых координат русского дейксиса: [Гордиевская 2022: 42–46]). Координаты наблюдаемого объекта как бы проецируются на «линию взгляда». Рассмотрим примеры, которые показывают, что в языке различаются смыслы, выходящие за пределы дихотомии:

1. *Вот тут калитка* (объект находится рядом с говорящим, в том же месте).

2. *Вон тут калитка* (близкая перспектива, но объект размещается не в том месте, где находится говорящий).

3. *Вот там калитка* (дальняя перспектива, объект размещается на значительном, но вполне достижимом расстоянии от говорящего).

4. *Вон там калитка* (далеко от говорящего, для достижения объекта потребуются усилия: его нужно рассмотреть вдалеке, добраться до него).

Эффект смещения наблюдаемого объекта на линии взгляда в этих примерах достигается за счет комбинации демонстративов *вот, тут*, выражающих идею ‘*близко*’, и *вон, там*, воплощающих идею ‘*далеко*’.

Для описания поля зрения наблюдателя важны еще некоторые характеристики: статику и динамику субъекта наблюдения по отношению к объекту, и при условии динамики центростремительное или центробежное перемещение. В связи с этим имеет смысл выделить статический и динамический дейксис и, соответственно, в рамках динамического дейксиса – центробежный и центростремительный дейксис.

Статический дейксис отмечает точку расположения неподвижного объекта, а динамический указывает на направление предполагаемого перемещения в пространстве.

(1) Статический дальний дейксис выражает значение: ‘наблюдаемый объект находится на большом расстоянии от наблюдателя/говорящего, принимаемого за точку отсчета’ (*вон тот дом*).

(2) Статический ближний дейксис выражает значение: ‘наблюдаемый объект находится на близком расстоянии от наблюдателя/говорящего, принимаемого за точку отсчета’ (*вот этот дом*). Расстояние между объектом и наблюдателем может быть ничтожно малым, тогда используется хронотопический дейксис – *здесь* и *сейчас* (*Я уже у подъезда. Жду тебя здесь*).

Однако, как отмечает К. Бюлер, *здесь* «не следует понимать как не имеющую протяжение математическую точку» [Бюлер 1993: 120]. Наречия *здесь* так же, как и наречия *тут*, могут указывать на достаточно обширный сектор, открывающийся взору наблюдателя (*Здесь очень красиво*).

(3) Динамический дальний дейксис указывает на центробежное перемещение или направление взгляда от наблюдателя к видимой точке (*иди туда, положи вон туда*).

(4) Динамический ближний дейксис указывает на центростремительное перемещение к дейктическому центру – позиции наблюдателя (*иди сюда, положи сюда*).

Таким образом, мы видим, что пространственный дейксис, благодаря его взаимодействию с воображаемым полем зрения говорящего, характеризует не только координаты местоположения наблюдаемого объекта, но и связан с построением особой языковой картины реальности.

Литература

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модельмира // Семиотика и информатика: сборник научных статей / ред. А. И. Михайлов, АН СССР, Всесоюзный ин-т науч. и техн. информ. Вып. 28. М.: ВИНТИ, 1986. С. 5–33.

Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции) / ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Радуга, 1982.

Борковский В. И., Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993.

Гордиевская М. Л. К вопросу о расширенных вариантах системы ближнего и дальнего дейксиса в русском языке // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Монография памяти профессора Ф. А. Литвина. Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, «Каргуш». 2022. С. 42–46.

Кибрик А. А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении // Разработка и применение лингвистических процессов: сб. науч. трудов / ред. А. С. Нариньяни. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1983. С. 107–129.

Кибрик А. А. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова; Едиториал УРСС, 2000.

Крылов С. А. К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования: типология, диалектология, этимология, компаративистика / ред. В. И. Подлесская. М.: Наука, 1984. С. 138–148.

- Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: ruscorpora.ru*
Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Издательство АСТ, 2021.
Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: ЛКИ, 1985.
Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2000.
Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.
Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / пер. с англ. А. К. Жолковского // Принципы типологического анализа языков различного строя / ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1975. С. 95–113.

M. L. Gordievskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

RUSSIAN SPATIAL DEIXIS AND THE OBSERVER'S POINT OF VIEW

The article is devoted to the consideration of the characteristics of Russian spatial deixis, linking it with such an extra-linguistic concept as the point of view of the speaker/observer. The article notes the connection of the representation deixis with the uncertainty grammatical category; the definitions of static and dynamic deixis are given.

Key words: spatial deixis, static/dynamic deixis, category of certainty/uncertainty.

V. S. Grigorieva (Tambov, Russia)
*Tambovskiy gosudarstvennyy
texnicheskii universitet
grigorieva@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВЫХ СЛОВАРЕЙ

Статья посвящена вопросу о том, как с помощью фреймовой семантической модели подготовить лексикологическое и лексикографическое описание стандартных речевых ситуаций в соответствии с их использованием в повседневной коммуникативной практике, какие структуры знаний лежат в их основе. Предлагается исследование бытовых разговоров на основе концептуальных фреймовых моделей с указанием

основных и факультативных валентных элементов. Целью данной работы в конечном итоге является предоставление ориентированного на практику приложения – словаря диалоговых структур, создание онлайн-платформ для обучения и изучения ведения диалогов, развития способности человека к устному общению и ведению беседы, формирования коммуникативных навыков. Основное внимание уделяется разработке структуры диалогов, включающих такие речевые действия как *просьба, предложение, совет, предупреждение, требование, угроза*.

Ключевые слова: фрейм, диалогический дискурс, валентность, модель, лексикографическое описание.

В отличие от «традиционных» специализированных словарей, в качестве основы диалогового словаря представляется возможным осуществление анализа семантического корпуса фреймов, содержащих записи, обеспечивающих доступ для конкретного пользователя и предоставляющих иллюстративные мультимодальные примеры для каждой семантической группы. Теоретическая и методологическая направленность представленного исследования базируется на теории Ч. Дж. Филлмора, основателя семантики фреймов [Fillmore 1975, 1977], М. Мински [Minsky 1977, 1980], Л. В. Бабиной [Бабина 2003, 2008], Н. Н. Болдырева [Болдырев 2000, 2019: 374–377]. В нашем исследовании под фреймом мы понимаем структуру данных, набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний о стереотипной ситуации, которая включает данные о существенном, типичном и возможном для этого ситуативного концепта (более подробно о фреймовом анализе см.: [Зайцева, Григорьева 2010: 75]).

Валентные вакансии нашли свое отражение, прежде всего, в описании семантики и синтаксиса глагола в виде падежного каркаса. Диалоговая валентность определяется по принадлежности высказывания к тому или иному диалоговому концепту. Предполагается, что сходные по своим синтаксическим и семантическим валентным образцам выражения вызывают в сознании слушающего общий фрейм, т. е. одно и то же фоновое понятие (так сказать «шаблон понимания»). Создание когнитивного шаблона интерпретации осуществляется в ходе поиска так называемых реперных точек. Слово «репер» в переводе с французского означает «метка». Этот термин применяется в нескольких науках. В языкознании реперными точками называют лексические единицы, являющиеся в определенной степени когнитивно репрезентативными, вызывающими в сознании определенный фрейм (см.: [Cruse 1986: 23]). Например, согласно проекту FrameNet государственного исследовательского университета США в Беркли, штат Калифорния, лексические единицы *покупка* и *покупатель* вызывают в сознании слушающего ситуативный концепт ПОКУПКА и репрезентирую-

ший его соответствующий сценарный фрейм. ПОКУПАТЕЛЬ, ТОВАРЫ, ПРОДАВЕЦ и ДЕНЬГИ являются структурными составляющими, точнее, элементами данного фрейма. Поскольку лексические единицы этого фрейма обозначают перспективу покупки, а не, например, продажи, элементы фрейма ПОКУПАТЕЛЬ и ТОВАР выделены как основные, реперные элементы. Дополнительные элементы, вносящие вклад в конституцию фрейма, являются непрофильными. Дополнительная информация к тексту может обозначать факультативные семантические элементы, встречающиеся в многочисленных фреймах, такие, например, как ВРЕМЯ, МЕСТО и СПОСОБ (см.: [<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal>]).

ПРОДАВЕЦ является одним из основных элементов фрейма ПРОДАЖА, противоположного фрейму ПОКУПКА. С помощью дополнительных лексических единиц, называемых непрофильными, говорящий вносит вклад в конституцию фрейма, показывающих место, способ продажи, стоимость товара.

Предполагается, что одной из возможностей изучения каркаса речевых действий в диалоге и демонстрации их реализации специализированными лексикографическими средствами является исследование и анализ лежащих в их основе фреймов. При этом основным принципом настоящего исследования является положение о том, что семантика фрейма есть теория репрезентации знания в нашей языковой картине мира. «Фрейм – это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29]. Это знание можно систематически демонстрировать с помощью синтаксического и семантического (валентность и зависимость) анализа контекстов использования выбранных речевых действий. Пример семантической лексикографии фреймов на примере предикативных высказываний повседневного языка представлен, например, в проекте Berkeley FrameNet (см.: [<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal>]). Однако метод анализа FrameNet основан на не беспроblemной концепции валентности Л. Теньера [Tesnière 1959], недостатки которой проявляются, прежде всего, в анализе непредикативных существительных, не имеющих валентности. При определении валентности в диалоге возникает необходимость найти подходящий, теоретический и эмпирически обоснованный метод лексикографического анализа. Представляется, что в качестве такого метода может служить дискурсивно-матричный метод анализа и презентации бытовых и офисных разговоров. Дискурсивно-матричный анализ позволяет представить преимущества фреймово-семантического подхода в выбранных доменах, описать дидактический и научно-практический потенциал лексикографических диалоговых моделей, показать, как с помощью структурных

составляющих осуществлять записи фреймов для разговорной лингвистики, а также показать лексикографический результат.

Основы семантики фреймов, заложенные Ч. Дж. Филлмором [Fillmore 1975] и М. Мински [Мински 1977, 1980], имели своей целью установить рамки как схемы для объяснения фундаментальных процессов человеческого познания и использовать их для развития искусственного интеллекта. Концепция синтаксических рамок предложения, впоследствии расширенная за счет включения когнитивных лингвистических процессов Ч. Дж. Филлмора, в конечном счете, приводит к крупномасштабному корпусному лексикографическому проекту по (преимущественно предикативным) выражениям повседневной английской лексики в выше упомянутой FrameNet. В начале 1990-х Л. В. Барсалоу развивает теорию фреймов как фундаментальных форматов представления человеческого знания [Barsalou 1992]. Л. В. Барсалоу фокусируется (в основном) на номинальных понятийных фреймах. Д. Буссе, пионер семантики фреймов в Германии, в своем всеобъемлющем сборнике семантики фреймов [Busse 2012], рассматривает множество различных рамочных семантических теорий и моделей времени. В рамках семантической эпистемологии фреймов он предлагает интегративную рабочую модель, в которой он пытается объединить как предикативные, так и концептуальные фреймы (о целостности и неразделимости исследования языка и знаний о мире, представленных во фреймах см. также: [Бабина 2003; Болдырев 2019: 374–377; Ziem 2008]). Общим для всех теоретиков и их моделей является мнение о том, что фреймы представляют собой базовые структуры знаний и являются рациональным инструментом анализа для представления и описания этих структур в языковой реальности.

Интегративный подход к анализу диалогического дискурса базируется на общих знаниях и когнитивных моделях собеседников. Фреймовые модели диалога представляют собой первичные конструкты памяти, которые говорящий в состоянии производить, а слушающий активизировать релевантные фрагменты моделей, необходимые для понимания. Производство, понимание и интерпретация речевых действий опирается на соответствующую ситуационную фреймовую модель, включающую общий социально-культурный и конкретный ситуативно-коммуникативный контекст. Так, речевое действие *просьба* сопровождается, как правило, ее обоснованием или каузацией. В случае отказа адресант может настаивать или уговаривать собеседника. Собеседник, в свою очередь, выслушав просьбу, может: а) согласиться выполнить просьбу; б) выполнить просьбу при определенном условии; в) выполнить просьбу частично; г) отказать в выполнении просьбы, д) отказать в выполнении просьбы, сославшись

при этом на объективные или субъективные причины; е) поменять тему разговора, выразив, таким образом, косвенный отказ. Рассмотрим следующий пример:

А однажды к нему приехал его учитель, профессор Потемин.

Супруга, отозвав Долгова на кухню, строгим голосом сказала, что никакие заезжие профессора из провинции ей здесь даром не нужны. Пусть убирается прочь.

Долгов ничего не понял.

– Постой, но ведь он и тебя учил, заговорил он, уверенный, что все это не всерьез. – Не выставят же они пожилого человека среди ночи на улицу! Да и не чужого, своего! – И ему ночевать негде.

– Ах, ну что за глупости! – сказала супруга с досадой. – Он что, именно к тебе ехал? Ты его звал? Ждал?

Нет, но...

– Дим, ты завтра уйдешь на работу, и я тоже уйду! Дома останется мама! И что она должна за ним ухаживать?

– Да чего за ним ухаживать?!

– Поддай, принеси, убери, завтраком накорми, еще небось он курит!..

– Ну что ты на меня уставился, Дима?! Тебе никакого дела нет до того, что происходит в доме! Ты все время на своей работе, а мама тут вкалывает за троих! И готовит, и стирает, и убирает, и с девочкой сидит!

– Я тоже работаю, – сказал Долгов, будто оправдываясь. – Не только мама, но и я!

– Ах, Дима, что толку от твоей работы! И давай, отправляй его куда-нибудь, нечего ему здесь делать! Да и негде у нас ночевать! [Устинова 2008: 252–253].

В приведенном примере просьба Долгова приютить профессора вызывает возражение со стороны его жены. При этом аргументы адресанта о том, что профессор их учил, и что ему негде ночевать, не приводят к успешному решению вопроса. Отказ в приюте профессору аргументируется риторическим вопросом, обоснованием занятости тещи и заканчивается побудительным предложением отправить профессора куда-нибудь. Таким образом, репрезентирующий данный диалог фрейм включает просьбу, аргументацию просьбы со стороны адресанта, отказ и его аргументацию со стороны адресата (схема 1).

Аргументация речевых действий сопровождается, как правило, не только просьбу, но и предложение, и совет, и требование. При этом форматы соответствующих диалогов включают помимо аргументации и другие речевые действия, например, угрозу при отказе выполнить требование, настаивание при отказе выполнить просьбу и прочие.

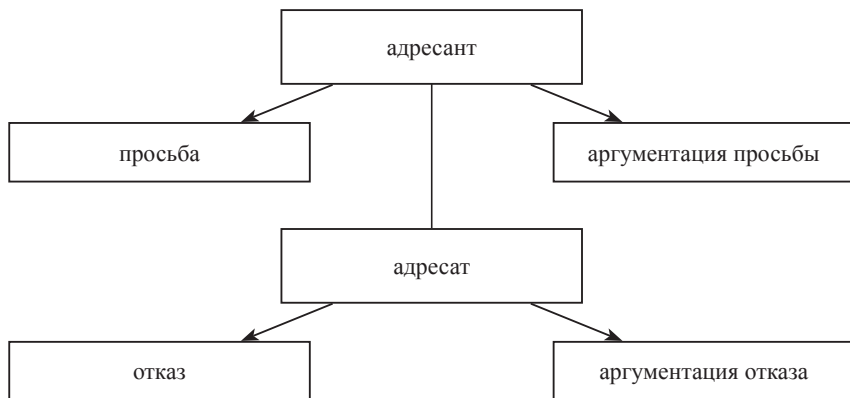

Схема 1. Фрейм ситуационного концепта ПРОСЬБА, сопровождающейся отказом

Таким образом, попытка представить диалоговые образцы ситуационных концептов некоторых речевых действий показывает, что семантика фреймов как теория представления смысла языка и знания о мире пригодна не только для концептуального описания лексики, но и для сбора информации и представления о синтаксически-ориентированном анализе валентности и зависимостей более крупных речевых единиц. Возможность их синтаксической реализации заключается в виде валентных паттернов, являющихся факультативными для того или иного диалога. Основные элементы фреймов, их форматы и, следовательно, условия их конституции могут быть переопределены и разработаны в результате специального лексикографического анализа.

Литература

Бабина Л. В. Теория фреймов и термин «скетч-фрейм» // Принципы и методы когнитивных исследований языка: Сб. науч. трудов. Тамбов: Тамбовск. Гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2008. С. 156–167.

Бабина Л. В. Вторичная репрезентация концептов в языке: автореф. дисс. доктора филол. наук. Тамбов, 2003.

Болдырев Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. I. Мичуринск: Мичуринск. гос. пед. ин-т, 2000. С. 37–45.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Зайцева В. В., Григорьева В. С. Фреймовая структура допроса как одного из видов юридического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40. С. 75–78.

Устинова Т. От первого до последнего слова. М.: Эксмо, 2008.

Barsalou L. W. Frames, Concepts and conceptual Fields // Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 21–74.

Busse D. Frame-Semantik: ein Kompendium. Berlin, Boston: De Gruyter 2012.

Cruse D. A. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge Univ. Press., 1986.

Fillmore Ch. J. An alternative to checklist theories of meaning // Cogen C., Thompson H., Thurgood G. u. a. (Hrsg.) Proceedings of the first annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 1975. P. 123–131.

Fillmore Ch. J. Scenes-and-frames semantics // Dirven R., Radden G. A. (Hrsg.) Fillmore's case grammar: a reader. Heidelberg, 1977. P. 79–88.

Minsky M. Frame-system theory // Johnson-Laird P., Wason P. C. (Hrsg.) Thinking: Readings in Cognitive Science. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1977. P. 355–376.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // Frame (Conceptions & Text Understanding. Berlin, N. Y., 1980. P. 1–25.

Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. Paris: Klincksieck, 1959.

Ziem A. Frames und sprachliches Wissen. Berlin: De Gruyter (Sprache und Wissen), 2008.

<https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>

V. S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

CONCEPTUAL VALENCE AS A BASIS FOR CREATING LEXICOGRAPHIC DIALOGUES

The article is devoted to the question of how to prepare a lexicological and lexicographic description of standard speech situations using a frame semantic model in accordance with their use in everyday communicative practice, what knowledge structures underlie them. A study of everyday conversations based on conceptual frame models is proposed, indicating the main and optional valence elements. The goal of this work is ultimately to provide a practice-oriented application – a dictionary of dialogue structures, the creation of online platforms for learning how to conduct dialogues, develop a person's ability to communicate orally and conduct a conversation, and form communication skills. The main attention is paid to the development of the structure of dialogues, including such speech actions as *a request, an offer, advice, a warning, a demand, a threat*.

Key words: frame, dialogical discourse, valence, model, lexicographic description.

О. В. Донина (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
olga-donina@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ ЖАНРОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Данная работа посвящена изучению психолингвистических маркеров и эффективности их применения при сравнении текстов блогов, форумов и электронных СМИ. Результаты проведенного исследования показывают, что психолингвистические маркеры могут применяться для усовершенствования автоматических классификаторов жанров Интернет-дискурса.

Ключевые слова: психолингвистические маркеры, медиалингвистика, цифровая коммуникация, атрибуция текста, психолингвистические характеристики текста.

В настоящее время психолингвистические маркеры широко применяются в психолингвистической диагностике для выявления различного рода заболеваний [Скрипко 2007]. В лингвистических исследованиях данные маркеры используются для анализа эмоционального состояния пользователей сети Интернет. Так, в работе «Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств» [Гудовских 2015] авторами использовались психолингвистические маркеры для отслеживания уровня обеспокоенности пользователей. В других исследованиях психолингвистические маркеры использовались также для выявления психологических характеристик авторов [Ковалёв 2019] и определения личностных черт у пользователей социальных сетей [Станкевич 2019].

Целью данной работы является исследование возможности применения психолингвистических маркеров для разграничения жанров цифровой коммуникации. Объектом исследования выступает выборка из 300 текстов (93 665 словоупотреблений) (по 100 для каждого из трех анализируемых жанров), написанных в период с 2016 по 2021 гг. Тексты были отобраны из электронных новостных источников (РИА Новости), блогов (социальная сеть «Telegram») и форумов (Большой Воронежский Форум).

В современном лингвистическом научном пространстве используют различные маркеры для изучения психолингвистических параметров текста определенного жанра. Так, в работе «Нейросетевое моделирование и машинное обучение на основе экспериментальных и наблюдательных данных» такой выборкой стали тексты блогов, микроблогов, новостей и социальных

сетей, посвященные одной теме [Сбоев 2021]. В рамках нашего исследования, вслед за А. Г. Сбоевым [Сбоев 2013], мы сосредоточили внимание на следующих маркерах: коэффициент Трейгера; коэффициент определенности действия; коэффициент агрессивности; лексическое разнообразие; синтаксическое разнообразие; коэффициент логической связности; коэффициент эмболии. При сравнении полученных результатов был использован критерий Стьюдента [Балдина 2012; Батура 2016; Гмурман 2012; 1979], где уровень статистической значимости отклонения, с учетом нашей выборки, равен 2 и более (5% и более). Рассмотрим полученные для каждого маркера результаты более подробно.

При помощи коэффициента Трейгера измеряют соотношение количества глаголов и прилагательных в речи или тексте испытуемого. Данные, полученные в результате измерения, могут свидетельствовать о балансе между действием (количество глаголов) и рефлексией (количество прилагательных). При сравнении средних показателей коэффициента Трейгера по жанрам «Новости» и «Форумы» отклонение по критерию Стьюдента составило 7,1, отклонение для жанров «Блоги» – «Форумы» составило 3,23, а «Новости» – «Блоги» – 9,13. Такие показатели являются статистически значимыми, что говорит о том, что жанры в каждой паре демонстрируют отдаленность друг от друга. Интересен тот факт, что отклонение среднего значения блогов и форумов от нормы [Сбоев 2021] также является статистически значимым: для блогов этот показатель равен 10, а для форумов – 8,31, что может свидетельствовать о сильной эмоциональной возбужденности авторов при написании текстов, в связи с чем тексты получили сильную эмоциональную окраску.

При помощи коэффициента определенности действия измеряется соотношение количества имен существительных и глаголов, используемых либо в речи испытуемого, либо в исследуемом тексте. Сопоставление средних значений коэффициента по каждому жанру с помощью критерия Стьюдента показало, что жанры в каждой паре демонстрируют отдаленность друг от друга: так, данный показатель для пары «Новости» и «Форумы» составил 10,03, для пары «Блоги» – «Форумы» – 3,15, а для пары «Новости» – «Блоги» – 14,47.

Используя коэффициент агрессивности, исследователи измеряют соотношение глаголов и глагольных форм во всем тексте к общему количеству слов, использованных для составления данного текста. Сравнение средних значений этого коэффициента по каждому жанру также оказалось статистически значимо в каждой паре, что указывает на их отличия: отклонение показателей коэффициента новостей и форумов составило 5,42, блогов и форумов – 3, а новостей и блогов – 9,19.

Для измерения коэффициента лексического разнообразия устанавливают соотношение между количеством лексем в данном тексте и общим количеством слов. В рамках этого коэффициента статистически значимыми оказались отклонения между новостями и блогами (8,34), а также новостями и форумами (7,54). Однако отклонение между средними значениями блогов и форумов оказалось статистически незначимо, то есть данные жанры по коэффициенту лексического разнообразия демонстрируют близость, и не смогут быть автоматически распознаны на основании показателей этого коэффициента. Стоит отметить, что в работе «Жанровые особенности интернет дискурса» [Федорова 2014] блоги и форумы отнесены к коммуникативному жанру интернет-дискурса, в то время как электронные СМИ – к информационному. Анализ лексического разнообразия нашей выборки показал, что тексты блогов и форумов объединяет меньшая лексическая наполненность, по сравнению с текстами новостей.

Для измерения коэффициента синтаксического разнообразия следует из единицы вычесть отношение между количеством предложений и количеством слов во всем тексте: чем выше значение коэффициента, тем более многословны предложения данного текста. Результаты сравнения средних показателей коэффициента по трем рассматриваемым типам текстов указывают на статистическую незначимость отклонения и близость средних значений выборок по критерию Стьюдента. Стоит отметить, что все три анализируемых жанра имеют высокие показатели данного коэффициента, что характеризует анализируемую текстовую выборку, как выборку с обилием разнообразных синтаксических отношений между словами.

Для измерения коэффициента логической связности устанавливают соотношение между количеством служебных слов, использованных для создания того или иного текста, и количеством предложений. Сравнение средних значений коэффициента с помощью критерия Стьюдента показало, что статистически значимыми являются отклонения между новостями и форумами (4,84), новостями и блогами (5,36). Показатель отклонения блогов и форумов находится в пределах нормы и составляет 0,17, что указывает на близость средних значений выборки данных жанров по критерию Стьюдента. Интересен тот факт, что у всех трех жанров отмечаются высокие значения этого коэффициента, что может означать достаточно негармоничное сочетание служебных связующих слов.

Для измерения коэффициента эмболии устанавливают соотношение между количеством эмбол, то есть слов, не несущих семантической нагрузки, и общим количеством слов в тексте [Балин 2000]. Жанры в парах новости и форумы (отклонение составило 16,41) и новости и блоги (отклонение – 20,06) демонстрируют отдаленность друг от друга, так как откло-

нения между ними статистически значимы. Стоит отметить, что несмотря на то, что отклонение между «Блогами» и «Форумами» составляет 2,1 и также является статистически значимым, это отклонение значительно меньше, чем между другими жанрами. Данный результат обусловлен высокими значениями коэффициента эмболии у блогов и форумов, что свидетельствует о наличии большего количества ненужных повторений, вульгаризмов и междометий.

Таким образом, проведенное исследование показало, что психолингвистические маркеры позволяют разграничивать различные жанры и могут быть использованы для усовершенствования автоматизированных средств классификации и атрибуции текстов. В рамках нашей работы было показано, что следующие маркеры могут наиболее эффективно разграничивать жанры Интернет-дискурса: коэффициент Трейгера; коэффициент определенности действия; коэффициент агрессивности; синтаксическое разнообразие; коэффициент эмболии; при этом коэффициент лексического разнообразия и коэффициент логической связности показали высокую близость блогов и форумов, и не могут быть рекомендованы для разграничения различных типов текстов.

Литература

- Балдина К. В.* Математика для гуманитариев. М.: Дашков и К, 2012.
- Балин В. Д.* Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии. СПб: Питер, 2000.
- Батура Т. В.* Математическая лингвистика и автоматическая обработка текстов на естественном языке. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016.
- Гмурман В. Е.* Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике. М.: Высшая школа, 1979.
- Гмурман В. Е.* Теория вероятностей и математическая статистика. М.: Высшая школа, 2002.
- Гудовских Д. В.* Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 92–97.
- Ковалёв А. К.* Методы выявления по тексту психологических характеристик автора (на примере агрессивности) // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4 (32). С. 72–79.
- Сбоев А. Г.* Нейросетевое моделирование и машинное обучение на основе экспериментальных и наблюдательных данных: автореф. дис. ... д-ра физико-математических наук. Москва, 2021.
- Сбоев А. Г.* Автоматическое выделение психолингвистических характеристик текстов в рамках концепции Big Data // Современные информационные технологии и ИТ-образования. 2013. № 9. С. 433–438.

Скрипко Л. В. Практикум по экспериментальной психологии. Севастополь: «Рибэст», 2007.

Станкевич М. А. Выявление личностных черт у пользователей социальной сети Вконтакте // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4. С. 80–87.

Федорова С. А. Жанровая особенность интернет-дискурса // Вестник Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Сер. Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. С. 330–335.

O. V. Donina (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

USING PSYCHOLINGUISTIC MARKERS TO COMPARE GENRES OF INTERNET DISCOURSE

This work is devoted to the study of psycholinguistic markers and the effectiveness of their use when comparing the texts of blogs, forums and electronic media. The results of the study show that psycholinguistic markers can be used to improve automatic classifiers of some genres of Internet discourse.

Key words: psycholinguistic markers, media linguistics, digital communication, text attribution, psycholinguistic characteristics of the text.

М. В. Дудорова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
primrose81@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОСТА ЖИВОГО СУЩЕСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассмотрена концептуализация телосложения живого существа относительного параметра роста («высокий-невысокий»); выделены когнитивные признаки, профилируемые в лексике и фразеологии денотативно-идеографической группы «Особенности телосложения живого существа». Материалом исследования являются данные, полученные при работе над универсальным словарем-тезаурусом русского языка.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивные признаки, русская лексика и фразеология, идеографический словарь.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

Исследование выполнено в рамках работы над универсальным словарем-тезаурусом русского языка, в котором воплощен «новый подход к описанию системы русской лексики, при котором она рассматривается как межчласстеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной чласстеречной принадлежности, включая наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия» [Бабенко 2015а: 7]. Рассматриваемые лексемы относятся к денотативно-идеографической группе «Особенности телосложения живого существа», представляющей шестой классификационный уровень в составе денотативно-идеографической сферы «Живая природа» (Живое существо – Живое существо (человек и животное) как организм – Форма и строение организма живого существа – Особенности внешнего строения организма живого существа – Особенности телосложения живого существа) (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральского семантической школы [Бабенко 2015б: 24]).

Номинации телосложения живого существа структурируются вокруг нескольких базовых параметров, одним из которых является протяженность тела по вертикали, данный параметр осмысляется только в оппозитивных параметрах «высокий-невысокий», в отличие от других базовых параметров (например, объем/вес, где присутствует понятие о норме), однако номинации указывают на существование такого параметра в сознании носителей языка, о чем свидетельствует сочетание «средний рост». Таким образом, номинации по параметру роста лексически представлены только крайними точками шкалы «выше нормы – ниже нормы».

Семантика рассматриваемого параметра представлена 48 лексемами различных частей речи: существительные (*рост, высота, великан* и синонимы, *верзила* и синонимы, *коротышка* и синонимы), прилагательные (*высокий* и синонимы, *невысокий* и синонимы), глаголы (*вырастить/вырасти* и синонимы), а также значительным фразеологическим рядом.

Рассмотрим когнитивные признаки, профилируемые в лексических и фразеологических единицах.

1. Степень проявления признака представлена оппозитивными единицами, однако демонстрирует внутреннюю градуируемость:

– максимальное проявление признака «высокий рост»: *разг. высоченный, разг. долговязый; великан, богатырь, гигант, книжн. исполин, устар., разг. гренадер; разг., шутл. верзила, разг., шутл. или пренебр. верста, разг., шутл. каланча, разг.-сниж., груб. дылда, разг.-сниж. жердь, разг.-сниж., груб. орясина; пожарная каланча; с коломенскую версту; ростом под потолок; баскетбольного роста; до неба достанет; дядя достань воробушка; дядя*

Степа; ростом с Ивана Великого; телеграфный столб; в косую сажень ростом;

– нормативное проявление признака «высокий рост»: *высокий, высокорослый, рослый, устар. великорослый, разг. длинный; высокого (большого) роста;*

– нормативное проявление признака «низкий рост»: *невысокий, маленький, малорослый, низкий, низкорослый, приземистый, разг. короткий; ростом не вышел; от горшка два (три) вершка;*

– максимальное проявление признака «низкий рост»: *коротышка, разг. коротыш, разг. крохотуля, разг., шутол. малыш, разг.-сниж. маломерок, разг.-сниж. недоросток; с ноготок; чуть от земли видно; от земли не видно (не видать).*

Отметим, что крайние точки шкалы располагаются между землей (*чуть от земли видно; от земли не видно (не видать)*) и небом (*до неба достанет*) / потолком (*ростом под потолок*).

Высокий и низкий рост номинируются также через исторические единицы измерения расстояний: *разг., шутол. или пренебр. верста, с коломенскую версту; в косую сажень ростом – от горшка два (три) вершка.*

2. Приобретение признака представлено глагольным рядом с семантикой «становиться/стать выше ростом», члены которого указывают на:

– небольшое изменение роста (*подрастать/подрасти*),
– нормативное изменения роста (*вырастать/вырасти*),
– значительное изменения роста (*разг. вытягиваться/вытянуться*),
– значительное и быстрое изменения роста (*разг. вымахивать/вымахать*).

3. Сочетание признака с другими внешними/внутренними признаками:

– высокий рост и худощавое телосложение: *разг. долговязый, разг. длинный;*

– высокий рост и нескладное телосложение: *разг.-сниж., груб. дылда;*

– высокий рост и недостаточные умственные способности: *разг.-сниж., груб. орясина;*

– высокий рост, крупное телосложение и физическая сила: *великан, богатырь, гигант, книжн. исполин, устар., разг. гренадер;*

– низкий рост и хрупкое телосложение: *миниатюрный, разг. крохотуля, разг., шутол. малыш; разг. пигалица.*

4. Носитель признака маркируется следующим образом:

– рост: *высокий; невысокий, маленький, низкий; баскетбольного роста; высокого (большого) роста;*

– человек мужского пола: *великан* и синонимы, *верзила* и синонимы, *коротышка, разг. коротыш, разг. крохотуля, разг., шутол. малыш, разг.-*

сниж. маломерок, разг.-сниж. недоросток; дядя достань воробушка; дядя Степа;

– человек женского пола: *коротышка, разг. крохотуля, разг. невеличка, разг. пигалица, разг., шутол. фитюлька, разг.-сниж. маломерка;*

– ребенок: *от горшка два (три) вершка* (указание на ребенка возникает по ассоциативному принципу: детский горшок как отправная точка измерения роста);

– животное: *высокий, разг. высоченный; невысокий, маленький, низкий.*

5. Оценка признака возникает в единицах, относимых к человеку – носителю признака, шкала оценок представлена крайними точками:

– *разг., шутол. верзила, разг., шутол. каланча – разг.-сниж., груб. дылда, разг.-сниж., груб. орясина;*

– *разг., шутол. малыш – разг. пигалица, разг. фитюлька* (оценочность представлена в лексическом значении семей ‘невзрачный’).

6. Образное осмысление роста представлено большей частью фразеологизмами и связано с рядом предметов/действий.

Высокий рост уподобляется вытянутым по вертикали предметам: *разг.-сниж. жердь; пожарная каланча; телеграфный столб*; маркируется прецедентными именами исторического периода (*ростом с Ивана Великого*) и советской литературы (*дядя Степа; дядя достань воробушка (птичку)*); номинируется через исторические отсылки к типу войск, требующих для кандидата определенный рост (*гренадер*); высокий рост связан с гиперболическим образом преодоления значительных расстояний (*до неба достанет*); высокий рост маркируется единицей, демонстрирующей пересекаемость сферы физиологии со сферой «Спорт» по ведущему внешнему признаку представителей определенного вида спорта (*баскетбольного роста*); увеличение роста осмысляется через физическое воздействие на объект (*разг. вытягиваться/вытянуться*).

Низкий рост осмыляется через небольшую часть тела (*с ноготок*), а также через единицы, указывающие на слишком маленький размер, такой, что невозможно быть воспринятым при помощи зрения (*чуть от земли видно; от земли не видно (не видать)*) или такой, который может быть измерен в минимальной метрической единице (*от горшка два (три) вершка*).

Таким образом, рассмотренный признак в русской лексике номинируется единицами разных частей речи, а также фразеологизмами. В семантике лексем отражены следующие когнитивные признаки: степень проявления признака, появление признака, сочетание признака с другими внешними/внутренними признаками, носитель признака, оценка признака, образное осмысление признака.

Литература

Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва-Екатеринбург: Каб. ученый, 2015а. С. 6–21.

Бабенко Л. Г. Синопис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва-Екатеринбург: Каб. ученый, 2015б. С. 22–42.

*M. V. Dudorova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University*

CONCEPTUALIZATION OF THE HEIGHT OF A LIVING BEING IN RUSSIAN

The article considers the conceptualization of the physique of a living being related to the height parameter (“high-short”); the cognitive features profiled in the vocabulary and phraseology of the denotative-ideographic group “Physique features of a living being” are highlighted. The research material is the data obtained while working upon the universal dictionary-thesaurus of the Russian language.

Key words: conceptualization, cognitive features, Russian vocabulary, ideographic dictionary.

*О. Н. Жердева (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
vigrijanova@mail.ru*

*Е. Н. Скубиёва (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный университет
Nikoles_16@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКА ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена анализу интерпретационной деятельности языковой личности как участника ситуации диалога. Речевые произведения носителей языка являются ответными репликами, создаваемыми в ходе развёртывания диалога. Под интерпретацией авторы понимают когнитивную деятельность языковой личности, направ-

ленную на осознание текста с целью его реконструкции. Материалом исследования служат тексты комментариев, опубликованные на сайте информационного агентства «Банкфакс».

Ключевые слова: интерпретация, диалогическая коммуникация, когнитивная деятельность, языковая личность.

В центре внимания современных лингвистических исследований стоит личность носителя языка, которая раскрывается путём исследования её речевых произведений. Язык связан со всеми умственными процессами человека и становится центром когнитивной деятельности человека, а таким образом, и репрезентантом его когнитивных процессов и возможностей.

Поскольку когнитивистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении, познании действительности, а также виды и формы их ментальных репрезентаций, интерпретация воспринимаемой информации является одной из актуальных проблем современной лингвистики и когнитивной лингвистики, в частности. Актуализирует проблему интерпретации речевого произведения также и то, что ключевым понятием когнитивной лингвистики является информация и её репрезентация в сознании языковой личности.

Цель статьи заключается в реконструкции холистической и элементаристской модели интерпретации в ответных речевых репликах, актуализирующих интенции реплицирования ответа и комментирования.

Данное исследование связано с разработкой структурной модели языковой личности как участника диалогической ситуации [Скубиёва, Шпильная, 2022]. Модель связана с процессами порождения диалогического высказывания и включает в себя уровень поверхностного понимания речевого произведения и отбора его для создания ответного текста, интерпретационный, модусный и интертекстуальный уровни.

В зоне нашего внимания находится интерпретационный уровень созданной модели языковой личности. Выделение названного уровня обусловлено: во-первых, способностью текста интерпретироваться, а во-вторых, утверждением того, что понимание и порождение речи, по сути, являются актами интерпретации, которую В. З. Демьянков трактует как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении речевых и/или неречевых действий» [Демьянков 1989].

Языковая личность как субъект познания интерпретирует текст на основе своего жизненного опыта, который она в процессе этой деятельности расширяет, не только осваивая новые знания, но и приобретая определённое эмоционально-ценностное отношение к фрагменту реальной жизни. Поэтому в процессе интерпретации происходит не просто актуализация авторского

текста, а создание его варианта, соответствующего системе личностных ценностей адресата-интерпретатора. Таким образом, суть интерпретации определяется как мнение адресата речевого произведения о самом высказывании на основе его представлении о последнем [Ким 2009]. Для данной когнитивной процедуры адресат речевого произведения совершает ряд действий – интерпретационных стратегий [Ким 2009].

В данной статье мы обратимся к двум стратегиям интерпретации – холистической и элементаристской. При использовании первой – интерпретация осуществляется по направлению от общего содержания текста к отдельным его элементам, а при второй – происходит актуализация отдельных компонентов (предложений, мыслей, идей, каких-либо смыслов) интерпретируемого речевого произведения [Ким 2009].

Нами была предпринята попытка реконструкции интерпретационного уровня в структуре языковой личности участника диалогической коммуникации. Предварительный анализ фактологического материала позволил предположить, что в данной реконструкции возможны изменения, которые происходят внутри структурного уровня и касаются реализации интерпретационных стратегий.

Интенции реплицирования в данном случае, согласно Н. Н. Шпильной, являются «реализацией речемыслительной деятельности адресата (ответающего) как самостоятельного процесса, относительно независимого от инициальных реплик адресанта» [Шпильная 2022: 72].

Для нашего исследования актуальными являются интенции ответа и комментирования. Выделение названных интенций обусловлено, в первую очередь, фактологическим материалом проводимого исследования, поскольку комментарии к новостным статьям из глобальной сети, рассматриваемые нами как ответные реплики, зачастую актуализируют интенцию комментирования, которая выражается в желании языковой личности выразить своё мнение. Условием актуализации интенции ответа, по мнению Н. Н. Шпильной, выступают две ситуации: 1) инициальная реплика адресована конкретной языковой личности, которая это осознаёт, и 2) языковая личность принимает решение ответить на инициальную реплику, которая адресована не ей конкретно. Вторая ситуация как раз имеет место при диалогическом взаимодействии на информационном портале, который служит источником языкового материала для настоящего исследования [Шпильная 2022].

Для реконструкции были проанализированы более 50 реплик 8 языковых личностей, создавших речевые произведения в ответ на текст интервью «Угроза лишиться поста сохраняется по сей день», опубликованного на сайте информационного агентства «Банкфакс».

В большинстве проанализированных ответных реплик на смену интенции комментирования в ответе на инициальную реплику (текст интервью) приходит интенция ответа при реакции на инициальные реплики других языковых личностей. При такой смене интенций реплицирования происходит изменение стратегий интерпретации. Ответные реплики различных носителей языка демонстрируют реализацию элементаристской интерпретационной стратегии при актуализации интенции комментирования, и проявление холистического пути интерпретации при актуализации интенции ответа.

Проиллюстрируем выше сказанное примерами речевых произведений, опубликованных на сайте информационного агентства «Банкфакс». Отобранные для анализа ответные реплики являются реакциями как на инициальную реплику – текст интервью, так и ответами другим носителям языка. В предложенной реконструкции в качестве примеров приведены по две реплики каждой языковой личности, одна из которых ответ на инициальную реплику – текст интервью, другая – ответ другому носителю языка.

Для реконструкции речевого поведения языковой личности с ником **догадавшийся** было проанализировано 5 ответных реплик. Первая ответная реплика является реакцией на инициальную реплику – текст интервью, остальные – на инициальные реплики других языковых личностей.

Первая ответная реплика:

[http://www.bankfax.ru/in_blogs/104189/ куда идешь, партийный вождь Мария?](http://www.bankfax.ru/in_blogs/104189/) (ИА Банкфакс, 24.01.2017)

Интенция реплицирования – интенция ответа, о чём свидетельствуют слова *партийный вождь Мария*, которые являются обращением к автору инициальной реплики.

Также языковая личность использует холистическую интерпретационную стратегию, обращаясь к общему содержанию интервью.

Ответная реплика, являющаяся реакцией на реплику другой языковой личности:

Вместо того чтобы разгонять наиболее способных и профессиональных, Маше следовало бы перевести их на свою сторону. Но она делает лишь то, что советует ей <...>, у которого одна задача: постоянно вносить раскол и раздразнить в партию с целью её ослабления. Ему это удастся. А Машиным дружкам не удастся эту ситуацию развернуть: тяму не хватает (ИА Банкфакс, 24.01.2017).

На наш взгляд, автор ответной реплики актуализирует интенцию комментирования, поскольку проявляет желание высказать своё мнение по поводу деятельности интервьюируемой личности.

Также автор ответной реплики реализует элементаристскую стратегию интерпретации, на что указывает то, что языковая личность обращает внимание на одну из проблем, затронутых в интервью, – проблему команды.

Таким образом, интерпретационная деятельность участника диалогической ситуации зависит не только от степени способности адресанта-интерпретатора сопоставлять имеющиеся в его сознании ментальные модели с их языковым воплощением, но и от интенций реплицирования, актуализирующихся в процессе создания ответного речевого произведения. В частности, это относится к реализации двух основных принципов интерпретации – холистического и элементаристского: при актуализации интенции комментирования интерпретационный процесс происходит в холистическом направлении, а при актуализации интенции ответа – в элементаристском.

Поскольку проанализированы только две интерпретационные стратегии, представляется возможным дальнейшее исследование зависимости стратегий интерпретации от интенций реплицирования, используемых языковой личностью как участником диалогической коммуникации.

Литература

Демьянков В. З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Издательство Московского университета, 1989.

Ким Л. Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 29–36.

Скубиёва Е. Н., Шпильная Н. Н. Модель языковой личности как участника диалогической ситуации // Реплицирование в диалогической речи: коллективная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2022. С. 43–59.

Шнякина Н. Ю. Когнитивная интерпретация в сфере изучения конструирования мира средствами языка // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 180–183.

Шпильная Н. Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге // Филологический класс. 2022. Том 27. № 2. С. 68–76.

Z. O. Zherdeva (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University

E. N. Skubieva (Barnaul, Russia)
Altai State University

THE COGNITIVE ASPECT OF SPEECH BEHAVIOR OF A PARTICIPANT IN A DIALOGICAL SITUATION

The article is devoted to the analysis of the interpretative activity of a linguistic personality as a participant in a dialogue situation. Speech products of native speakers are response remarks created during the deployment of the dialogue. The authors understand

interpretation as a cognitive activity of a linguistic personality, whose aim is the comprehension of the text in order to reconstruct it. The subject of the study is text comments published on the website of the Bankfax news agency.

Key words: interpretation, dialogic communication, cognitive activity, language personality.

*А. Г. Захарова (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
un_bello_gesto@mail.ru*

МЕХАНИЗМ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СЕМАНТИКИ ОТПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН (на материале кластера Spongebob)

Настоящая статья посвящена анализу семантики отпрецедентных имён на примере кластера с опорным прецедентным именем Spongebob и роли концептуальной интеграции в построении каждого нового значения. Подчёркивается, что второй словообразовательный элемент в составе деривата от прецедентного имени определяет семантическую траекторию слова, высвечивая в прецедентном имени нужные для контекста слоты.

Ключевые слова: отпрецедентное имя, слот, фрейм, концептуальная интеграция, ментальное пространство, эмерджентное пространство.

Отпрецедентные имена, такие как Spongebobian, Robin Hooder, Scrappy Doo syndrome – это новые слова в лексическом арсенале английского языка, которые приобретают всё большую популярность у носителей языка и у изучающих английский язык как иностранный в силу своей необычной структуры, некомпозиционного значения и словообразовательных особенностей. В структурном плане эти слова представляют собой производные от прецедентных имен (далее – ПИ). Дериваты от ПИ функционируют как микротексты, сообщая в сжатой форме большой объем информации. Для того, чтобы «вычислить» значение того или иного деривата от ПИ нужно актуализировать в памяти весь событийный фрейм сказки, мультфильма или комикса, к которому отсылает данное отпрецедентное имя

[Захарова 2020]. Отметим, что за одним и тем же отпрецедентным именем может стоять разная по объему и свойствам информация. Благодаря механизму аттенционального сдвига (Л. Тэлми), или (де-)фокусирования (в терминах О. К. Ирисхановой) в разных контекстах каждый раз могут профилироваться различные признаки ПИ. Опираясь на когнитивный аппарат исследования, данная статья продолжает серию работ, посвященных анализу семантических процессов, которым подвержены производные от ПИ, и в частности, словообразовательный кластер вокруг ПИ *SpongeBob*, желтой морской губки, оптимистичного и энергичного героя популярного детского мультсериала.

Рассмотрим примеры использования производных от ПИ, взятые из корпуса *News on the Web* [NOW Corpus (News on the Web)]: *But the SpongeBob-like sponge in the image, Mah said, belongs to the genus Hertwigia. He was surprised by its bright yellow color, which is unusual for the deep sea. That far down, most things are orange or white to help them camouflage in the dimly lit environment.* Судя по картинке, которая приводится в статье, морская губка, которую нашли исследователи в Атлантическом океане, точь-в-точь напоминает мультипликационного героя Губку Боба Квадратные Штаны – и по размеру, и по форме, и по цвету. Следовательно, когнитивный анализ отпрецедентного имени *Spongebob-like* указывает на фокусирование на этих трёх прототипических чертах героя *Spongebob*. В другом примере с этим же дериватом профилируется только одна черта прецедентного персонажа – мягкость рук: *I felt comfortable having her by my side as my Spongebob-like arms hoisted as much as they could manage.* По мнению Е. Е. Голубковой и А. Л. Братцевой, ПИ выполняет в дискурсе английского языка оценочно-прагматическую, компрессионную и настраивающую функции. Последняя означает, что даже при условии сильного искажения или модификации инвариантного сюжета сказки или образа героя, когнитивный механизм распределения внимания позволяет читателю настраивать внимание на необходимый фрагмент сценарного фрейма и правильно интерпретировать высказывания [Голубкова, Братцева 2015]. В вышеприведенных примерах второй компонент “like” указывает на схожесть с прецедентным персонажем; в сложном слове *Spongebob-like* второй элемент как бы «вытягивает» из первого определенные слоты, высвечивает их. Однако в первом случае подобие основывается на трех признаках прецедентного героя, а во втором – только на одном, а именно, мягкой текстуры губки. Для объяснения данного феномена мы рассмотрим роль механизма концептуальной интеграции при формировании комплексной семантики отпрецедентного имени.

Согласно Ж. Фоконье и М. Тернеру, смысл концептуальной интеграции заключается в том, что исходные признаки интегрируемых ментальных пространств отображаются на новое конструируемое гибридизированное пространство не полностью, а выборочно [Fauconnier, Turner 2002]. На нижеприведённых примерах мы попытаемся показать, каким образом происходит интеракция двух ментальных пространств, выраженных ПИ *Spongebob* и вторым элементом, которым может служить полуаффикс, причастие или словообразовательный формант. Так, в примере из корпуса *News on the Web* мы встречаем любопытный дериват *Spongebob-dom*: *The perky Nickelodeon sponge gave some people a headache but still made his case for his being the most original and heartfelt show on Broadway, breaking establishment rules and coaxing us all to believe in the Bikini Bottom way of life. The first anarchic Broadway kid's show in a long while, SpongeBob now looks set to soak up some business from Disney. Director Tina Landau's production will, for sure, please the true believers, for it takes a deep dive into the altered state of reality that is SpongeBob-dom. And it showcases its most formidable asset – the young actor Ethan Slater, fully game for saving anyone and everyone's day.* Малопродуктивный суффикс *-dom* со значением состояния (*boredom*) или обладания (*kingdom, dukedom*) фокусирует наше внимание целиком на фрейме мультфильма о Губке Бобе, а не на конкретных слотах фрейма. В итоге в эмерджентное пространство в процессе концептуальной интеграции проецируется сложная ментальная структура, которая обретает значение «изменённое состояние реальности, мир Губки Боба», определённый образ жизни. Структура вбирает в себя все слоты фрейма мультфильма.

Другой интересный пример мы также находим в корпусе: *The king's right-hand man (or fish, rather) is the Chancellor, voiced by Reggie Watts, who, by his own admission, has kind of been living under a SpongeBob-less rock for the past two decades.* В этом примере речь идёт про третий мультфильм по мотивам сериала о Губке Бобе «*Sponge on the run*», слово *Spongebob-less* употреблено в прямом значении. Словообразовательный формант суффикс *-less* в данном случае строит семантику деривата от ПИ таким образом, что удаляет из фокусной зоны практически все слоты фрейма мультфильма, кроме самого Агенса. Необычная словообразовательная структура перекликается с неординарной семантикой: «безгубочная скала». Суффикс указывает на отсутствие признака, в данном случае отсутствие самого персонажа. Этот словообразовательный формант «вытягивает» слот Агенса из фрейма ПИ.

Не менее показателен следующий пример из корпуса *News on the Web* [NOW Corpus (*News on the Web*)]: *After extinguishing and regaining my composure, I sliced one up and gave it a try. With the whipped texture and sunny*

fresh fruit, it's a cheerfully weird and springy experience, like eating SpongeBob SquarePants. It is awful, but far superior to the previous two. It would be improved by more nuts and fruit to balance the mouthfeel. If you decide to inflict this one on your guests, freeze it solid. It's easier, slices just fine, cuts down on the prominence of the mayo, and makes the texture less SpongeBob-y. Don't forget to garnish for that extra special presentation! В данной выдержке из кулинарного рецепта фокусируется такая черта Губки Боба Квадратные Штаны, как «рыхлость, мягкость, как у губки». Адъективный аффикс -у высвечивает самую прототипическую черту прецедентного героя. В процессе концептуальной интеграции эмерджентное результирующее пространство SpongeBob-у включает в себя признаковость от аффикса -у и указание на самую релевантную черту героя.

Имеется другой контекст с этим же отпрецедентным именем: *So here comes the bad news for NZ fans. You often wonder if a team's attack is great or if the opponent's defence is shoddy. Considering that Australia lost the ball 12 times while on attack, or 26% of all the times they tried, their attack was not as accurate as many want to believe. So, this leaves only one explanation: New Zealand's defence was a bit Spongebobby.* Данный контекст взят из спортивной статьи об игре регби, в которой говорится о том, что защита у новозеландских регбистов была мягкой, как губка, ее легко было прорвать. Как и в предыдущем случае, в процессе концептуальной интеграции происходит взаимодействие двух ментальных пространств – Spongebob и суффикса -у, который высвечивает прототипическую черту Губки Боба Квадратные Штаны (мягкость, рыхлость, как у губки). В свою очередь эта черта переосмысливается метафорически, переносится в спортивный пространственно-временной контекст. Итоговое эмерджентное пространство, получающееся в результате интеракции двух исходных ментальных пространств, содержит признаковость от аффикса -у и агентивный слот, похожесть на главного героя, а именно на текстуру его тела. Производное слово звучит очень нетривиально, необычно, приковывает к себе внимание. К такого рода словам часто прибегают журналисты.

Во фразе из корпуса News on the Web [NOW Corpus (News on the Web)] *what kind of SpongeBob-watching child liked Squidward?* второй элемент *watching* метонимически акцентирует внимание на фильме о Губке Бобе, происходит некое абстрагирование значения; слоты фрейма прецедентного произведения выводятся из фокуса, тогда как профилируется абстрактное целостное значение и название главного героя метонимически заменяет название всего сериала. Таким образом, как и в вышеприведённых случаях, второй компонент сложного слова направляет построение семантики.

Итак, при образовании отпрецедентных имён от ПИ *SpongeBob* на структурном уровне протекают процессы аффиксации, блендинга и словосложения. На когнитивном уровне этот процесс можно описать как процесс концептуальной интеграции – два исходных ментальных пространства взаимодействуют, интегрируя выборочно отдельные признаки из каждого пространства, проецируя их в эмерджентное результирующее пространство. В процессе концептуальной интеграции именно второй компонент деривата вытягивает из первого компонента, активирующиеся в каждом данном контексте слоты или фрейм целиком, выравнивая значимость признаков. В итоге создается очень яркое, необычное по системным характеристикам слово, порой насыщенное разными коннотациями и ассоциациями.

Литература

Голубкова Е. Е., Братцева А. Л. «Сказка о руководящей золушке» или механизм распределения внимания в прецедентном феномене как источник его полифункциональности в дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 90–100.

Захарова А. Г. Лингвокогнитивное моделирование семантики производных слов, образованных от прецедентных имен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2020.

Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. NY: Basic Books, 2002.

NOW Corpus – News on the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 22.01.2023).

A. G. Zakharova (Moscow, Russia)
MGIMO University

CONCEPTUAL INTEGRATION IN DERIVATIVES (based on Spongebob cluster)

The article is devoted to the role of conceptual integration in the construal of semantics of derivatives from precedent names which can be illustrated by the cluster with the reference precedent name *Spongebob*. It is emphasized that the second element within the derivative defines the semantic trajectory of the word, highlighting the required semes and slots in the precedent name.

Key words: derivative from precedent name, slot, frame, conceptual integration, mental space, emergent space.

А. Ш. Каганов (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
a.sh.kaganov@mail.ru

ВНУТРИДИКТОРСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ РАСПОЗНАНИЯ СЛУХОВЫХ ОБРАЗОВ К КОГНИТИВНОМУ АНАЛИЗУ

В статье обсуждаются вопросы внутридикторской изменчивости идентификационных признаков говорящего, которые могут быть выявлены в результате инструментального анализа речевого сигнала. Рассматриваются вопросы внутридикторской вариативности параметров частоты основного тона голоса и формантных характеристик речи фигуранта идентификационной криминалистической экспертизы. Прослеживается связь этой задачи прикладной лингвистики и судебной экспертизы с теорией распознавания слуховых образов и вопросами когнитивного анализа звучащего текста.

Ключевые слова: внутридикторская вариативность, голос, звучащая речь, криминалистическая идентификация, когнитивный анализ, прикладная лингвистика, теория распознавания слуховых образов.

Известно, что задачу криминалистической идентификации личности по голосу и звучащей речи можно рассматривать не только как задачу прикладной лингвистики и судебной экспертизы, но как задачу распознавания слуховых образов, т. е. в качестве одной из задач кибернетики [Каганов 2019: 25].

При таком подходе для успешного решения этой задачи целесообразно использовать объединение методов анализа речевых сигналов средствами современной цифровой вычислительной техники со статистическими методами теории распознавания образов, в частности, с тем важным ее приложением, которое относится к задачам классификации тех или иных объектов – кривых, лежащих на плоскости; геометрических фигур; параметров фонационных показателей диктора, поддающихся инструментальному измерению; артикуляционных характеристик речи фигуранта экспертизы, которые могут быть измерены или вычислены в ходе идентификационного исследования. Последние два из приведенных примеров можно соотнести с классификацией точек в пространстве идентификационных признаков диктора.

Функцию $g(z_1, \dots, z_n)$, с помощью которой принимается решение об отнесении голоса лица, подлежащего идентификации, тому или иному образцу из перечня образцов голоса и речи подозреваемых лиц, предо-

ставленного в распоряжение экспертов, называют *дискриминантной функцией* [Фукунага 1979: 11], а техническое устройство или компьютерную программу (которая в современных условиях заменила применявшиеся в первых системах аналоговые технические устройства), определяющую знак $g(z_1, \dots, z_n)$ – *блоком распознавания образов* или *классификатором*. Именно с помощью указанного классификатора и происходят 1) управление автоматическими и полуавтоматическими аппаратно-программными комплексами анализа речевых сигналов или 2) процесс принятия решения об индивидуально-конкретном тождестве (различии) голосов сравниваемых дикторов на заключительном этапе идентификационного исследования.

При такой постановке проблемы идентификации говорящего разграничение внутридикторской и междикторской вариативности является важнейшим фактором успешного решения этой задачи судебной фонографии. Говоря о внутридикторской изменчивости, Л. Р. Зиндер указывал, что «...*результаты* (измерений – А. К.), *даже если перед нами несколько произнесений одного и того же диктора, будут колебаться*» [Зиндер 1979: 35]. Насколько велик разброс таких колебаний, каковы их предельные значения, или рамки, будут ли указанные рамки одинаковы для всех характеристик (идентификационных признаков) инструментальной группы, что, наконец, может служить причиной возникновения таких колебаний?

Среди многочисленных факторов, обуславливающих внутридикторскую изменчивость, отметим здесь только изменчивость эмоционального состояния диктора, которая вносит значительный вклад во внутридикторскую вариативность в целом и связана с **когнитивно-физиологической теорией эмоций С. Шехтера** [Schachter 1971]. Е. С. Кубрякова указывала на особенности когнитивного подхода к языку, при котором «*все изучаемые явления и процессы*» следует рассматривать по их связи с другими когнитивными процессами [Кубрякова 2004: 9]. В этом положении для нас особый интерес представляет изменение эмоционального состояния диктора в качестве одной из причин внутридикторской изменчивости при продуцировании им того или иного звучащего текста.

Поясним, что в данной статье мы 1) рассматриваем только те идентификационные признаки диктора-фигуранта экспертизы, которые поддаются измерению, ибо, как указывал один из основателей современной криминалистики Э. Локар, «*распознать – значит измерить*» [Локар 1941: 450]; 2) остановимся только на вопросе внутридикторской изменчивости указанных признаков, поскольку вопрос междикторской вариативности требует отдельного рассмотрения.

С целью установления средних значений, а также пределов колебания внутридикторской изменчивости фонационных и артикуляционных характеристик говорящего была проанализирована выборка из 69-ти идентификаций, выполненных в рамках криминалистических экспертиз звукозаписей (далее – КЭЗ). Указанные экспертизы были назначены в процессе расследований уголовных дел или судебных разбирательств и входили в систему доказательств.

Далее из указанных 69-ти идентификаций были отобраны для дальнейшего анализа те, в которых фигурантами экспертиз выступали дикторы-мужчины (опыт экспертной практики показывает, что подавляющее большинство фигурантов таких экспертиз – это лица мужского пола). После этого из оставшихся 67-ми идентификаций из рассмотрения были исключены те, в которых в результате исследования не было установлено индивидуально-конкретное тождество между голосом и речью подозреваемого (полученными, например, в результате оперативно-разыскных мероприятий) и голосом и речью, предоставленными экспертам для сравнительного анализа. Таким образом, для последующего исследования была использована выборка из 52-х идентификаций с категорическим (термин теории судебной экспертизы) выводом об индивидуально-конкретном тождестве сравниваемых голосов.

При анализе фонационных характеристик диктора для суммарной оценки внутридикторской изменчивости были задействованы такие параметры основного тона голоса диктора, как среднее значение частоты основного тона (далее – ЧОТ); медианное, максимальное и минимальное значения ЧОТ; количество (в %) участков с возрастающей ЧОТ; относительный диапазон ЧОТ [Каганов 2012: 111]; средняя скорость увеличения тона (в %/с); средняя скорость уменьшения тона (в %/с); темп речи (количество слогов в секунду).

Суммарное среднеквадратическое отклонение (далее – СКО) параметров голосового источника исходной записи от параметров записи образца, представленного для сравнения, подсчитывалось по метрике [Каганов 2012: 46]

$$\delta_{\Sigma} = (\sum_j (1/|y_j|) \cdot (|x_j| - |y_j|) \cdot 100\%) / N \quad (1),$$

которая позволяет использовать т. н. метод «ближайшего соседа» при принятии решения о принадлежности голоса подозреваемого тому лицу, голос и речь которого предоставлены экспертам для сравнительного анализа, или, наоборот, об отличии от него. Таким образом, перечисленные выше параметры ЧОТ суть компоненты вектора $\mathbf{g}(z_1, \dots, z_n)$, или дискриминантной функции.

Поясним, что в формуле (1) x_j – это компоненты вектора идентификационных признаков неизвестного, подлежащего идентификации, а y_j – компоненты вектора соответствующих признаков того лица, голос и речь которого предложены экспертам для сравнения.

Посчитанное с помощью выбранной метрики (1) по результатам 52-х идентификаций среднеквадратическое отклонение параметров ЧОТ составило 14,86%, т.е. не выходит за пределы изменения ЧОТ, указанные в литературных источниках (см., например, [Рамишвили 1991: 31]). В то же время максимальное СКО по анализируемой выборке составило 24,1%, что на одну пятую превышает допустимый порог внутридикторской изменчивости. Наименьшее значение СКО по параметрам частоты основного тона составило на анализируемой выборке 7,5%, т.е. практически вдвое меньше среднего значения.

Рассмотрим теперь данные по внутридикторской изменчивости формантных характеристик, полученные в результате анализа указанных 52-х идентификаций. При исследовании артикуляционных характеристик диктора для суммарной оценки внутридикторской изменчивости формантных характеристик были задействованы не только абсолютные значения формант F_1, F_2, \dots, F_5 , но и формантные соотношения, так как в соответствии с теорией Л. А. Варшавского и И. М. Литвака [Варшавский, Литвак 1955] акустическое качество звуков определяется *соотношением* уровней сигнала в полосах спектра. При этом форманты (т.е. максимумы в спектре речевого сигнала) являются лишь доступным для речевого аппарата способом достижения необходимых полосных соотношений.

Посчитанное с помощью выбранной метрики (1) по результатам 52-х идентификаций среднеквадратическое отклонение формант и их соотношений исходных записей от предоставленных для сравнения образцов речи составило 4,8%, что более чем в три раза меньше соответствующего показателя для частоты основного тона. Интересно отметить, что максимальное СКО для формантных показателей по анализируемой выборке составило 11,6%, что более чем в два раза превышает среднее значение СКО для формантных характеристик. Наименьшее же значение СКО по формантам и их соотношениям составило на анализируемой выборке 2,2%, т.е. опять (как и в случае с ЧОТ) оказалось в два с лишним раза меньше среднего значения.

Таким образом, можно утверждать, что внутридикторская изменчивость, а значит и дискриминантная функция $g(z_1, \dots, z_n)$ для формантных показателей будут отличаться от соответствующих характеристик голового источника и лежат в гораздо более узких пределах. Полученные результаты необходимо учитывать при построении дискриминантной

функции, т. е. при принятии решения от принадлежности голоса и речи фигуранта экспертизы лицу, образцы голоса и речи которого представлены для сравнения.

Литература

Варшавский Л. А., Литвак И. М. Исследование формантного состава и некоторых других физических характеристик звуков русской речи // Проблемы физиологической акустики. М.-Л.: АН СССР, 1955. Т. 3. С. 5–17.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Каганов А. Ш. Криминалистическая идентификация говорящего. Монография. М.: Юрлитинформ, 2019.

Каганов А. Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2012.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Локар Э. Руководство по криминалистике / Пер. с франц. Познышева С. В., Терзиева Н. В.; под ред. С. П. Митричева. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.

Рамишвили Г. С., Чикоидзе Г. Б. Криминалистическое исследование фонограмм речи и идентификация личности говорящего. Тбилиси: Мецниереба, 1991.

Фукунага К. Введение в статистическую теорию распознавания образов. М.: Наука, 1979.

Schachter S. Emotion, Obesity and Crime. Academic Press, 1971.

A. Sh. Kaganov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, RAS

INTRA-DICTOR'S VARIABILITY: FROM THE THEORY OF AUDIO PATTERN RECOGNITION TO COGNITIVE ANALYSIS

The report discusses the issues of intra-speaker variability of the speaker's identification features, which can be identified as a result of instrumental analysis of the speech signal, i. e. intra-speaker variability of the frequency parameters of the fundamental tone of the voice and the formant characteristics of the speech of the person involved in the forensic examination. The connection of this task of applied linguistics and forensic examination with the theory of auditory pattern recognition and questions of cognitive analysis of the sounding text is traced.

Key words: intra-speaker variability, voice, sounding speech, forensic identification, cognitive analysis, applied linguistics, theory of auditory pattern recognition.

Е. Д. Кириллова (Москва, Россия)
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
kircatya@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В СМИ НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В настоящей статье рассматриваются когнитивные механизмы метафорического переноса и метонимического сдвига в семантике имен собственных в англоязычном массмедийном дискурсе. Особый интерес представляет возможность использования их с целью манипулирования общественным мнением.

Ключевые слова: имя собственное, когнитивный механизм, метафорический перенос, метонимический сдвиг, СМИ.

В связи со стремительным развитием информационных технологий, современный дискурс может рассматриваться как средство ментального воздействия. Особый интерес для интерпретации в дискурсе представляют имена собственные, обладающие широким интерпретирующим потенциалом.

С точки зрения когнитивных исследований при осмыслении имени собственного в фокус внимания попадают определенные характеристики онима, а нерелевантные для контекста сообщения значения дефокусируются.

Имена собственные – уникальные единицы языка: семантика онима отличается подвижностью и способностью закреплять новые смыслы и профилировать их в зависимости от контекста.

Из-за возможности потенциального расширения/развития внеязыкового компонента значения онимов их использование в дискурсе может быть затруднено – использование онимов в дискурсе отличается определенными признаками: возможны затруднения в понимании, а также преднамеренное искажение смыслов с целью манипулирования общественным мнением в СМИ [Робустова 2022: 281].

Одним из способов влияния на восприятие ситуации читателем является замещение определенных событий и явлений именами собственными. С точки зрения когнитивной науки этот процесс может быть связан с механизмами метафорического переноса и метонимического сдвига в семантике онима.

О. А. Калинин рассматривает концептуальный механизм метафоры как один из способов речевого воздействия в дискурсе. Согласно данной концепции, использование когнитивного механизма метафоры в дискурсе оказывает

непосредственное когнитивное воздействие, однако, оно реализуется имплицитно. Также автор обращает внимание на тот факт, что форма воздействия зависит от типа метафоры и её интенсивности. Например, конвенциональные метафоры способствуют более легкому усвоению текста, то есть связаны с рационально-оценочным когнитивным воздействием, в то время как новые метафоры выступают в речи как некая головоломка, увеличивающая эмоциональную привлекательность сообщения [Калинин 2022: 134].

Опираясь на известную работу «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, исследователи выделяют следующие три вида концептуальных метафор. Структурные используются в дискурсе для передачи одного концепта через другой, обычно являются непреднамеренными и приводят к трансформации семантики. Ориентационные метафоры связаны с базовым сенсомоторным опытом, отражают базовые представления в обществе. Онтологические метафоры используются для объяснения абстрактных понятий [Лакофф, Джонсон 1990: 135].

По мнению М. А. Самковой, метонимия в медиатексте обладает большим манипулятивным потенциалом и встречается наиболее часто в примерах, где конкретные люди замещаются топонимом, обозначающим страну проживания этих людей. В таких случаях выбор данного средства обусловлен желанием автора обозначить ситуацию как проблему масштабного характера, что способствует закреплению в сознании читателей отрицательного ассоциативного ряда с самой страной. Таким образом, можно утверждать, что в новостном сообщении когнитивный механизм метонимии может выполнять инструментальную функцию: «помогает домысливать информацию и создавать собственную картину происходящего, и прагматическую функцию» [Самкова 2019].

В данной статье мы рассматриваем особенности использования когнитивных механизмов метафоры и метонимии, реализованных в именах собственных с целью манипулирования в СМИ. В качестве практического материала нами используются новостные сообщения, представленные на портале информационного агентства «Reuters».

Когнитивный механизм метонимии представлен в следующих примерах:

Should Kyiv make concessions to end the war, or would that embolden the Kremlin?

В данном примере в топонимах *Kiev* и *the Kremlin* в результате метонимического переноса профилируются значения политических органов Украины и Российской Федерации. Семантика лексических единиц *concessions* и *embolden* способствует усилению эмоционального воздействия на читателя, сужая значение топонимов и выводя на первый план характеристики деятельности политических лидеров на международной арене.

Russia bombs Ukraine cities as Biden heads to Europe.

Топоним *Russia* при помощи концептуального механизма метонимического переноса перспективизирует значение военного органа РФ, а глагол *to bomb* способствует негативной эмоциональной окраске новостного сообщения, репрезентируя государство как агрессора.

Western officials tried to coax Russia into allowing Ukraine to ship its grain out to the world as the four-month-old war threatened to bring hunger to countries far away from the battlefields.

В данном новостном сообщении семантика глагола *to coax* профилирует значение политического органа у топонима *Russia*, создавая негативный образ государства, нежелающего урегулировать конфликт.

In a world where conflicts are still unabated, Japan is a proactive leader in peace.

В данном случае у топонима *Japan* при помощи механизма метонимического сдвига перспективизируется значение политического аппарата. Употребление имени собственного в данном новостном сообщении обусловлено желанием автора положительно оценить внешнюю политику Японии.

В качестве примеров использования когнитивного механизма метафорического переноса можем выделить следующие:

Hong Kong has overcome its challenges and “risen from the ashes”, China’s President Xi Jinping said, as he arrived in the former British colony to celebrate 25 years since its return to Chinese rule.

В примере присутствует конвенциональная метафора в отношении топонима *Hong Kong* – «*risen from the ashes*», которая использована с целью оказать эмоциональное воздействие на читателя. Автор умышленно подчеркивает бедственное положение в стране из-за пандемии коронавируса и успешные меры по восстановлению страны.

Italy is plunged into political turmoil.

В данном случае благодаря метафорическому переносу у топонима перспективизируется значение политической сферы, а лексические единицы *to plunge* и *turmoil* описательно передают стихийное возникновение общественных беспорядков.

Europe’s thirst for oil and gas to replace sanctioned Russian supply is reviving interest in African energy projects.

Russia deepens Europe’s energy squeeze.

Использование когнитивного механизма метафорического переноса в отношении топонима *Europe* обусловлено желанием автора новостного сообщения подчеркнуть энергетическую зависимость европейских государств от России и необходимость экстренных мер по устранению недостатка в поставках.

For virus-tamer Merkel, global alliances trumped nationalism.

В данном примере антропоним *Merkel* используется в одном контексте с лексической единицей *tamer*, которое способствует профилированию деятельности политика в сфере регулирования последствий пандемии коронавируса, а также выражает положительное отношение автора к принятым мерам.

Из приведенного анализа использования имен собственных можно сделать вывод, что когнитивные механизмы метонимии и метафоры используются в англоязычном массмедийном дискурсе с целью имплицитного влияния на восприятие новости читателем.

Литература

Болдырев Н. Н. Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как фактор ее динамики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 26–31.

Ефимова Т. Н., Идилова И. С. Когнитивные механизмы манипулирования в СМИ // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 281–287.

Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры как средства речевого воздействия // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 281–287.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

Робустова В. В. Ономастическая категоризация и динамика смыслового развития имени собственного // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3. С. 281–287.

Самкова М. А. Прагматика метафоры и метонимии в медиатексте // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-metafor-y-i-metonimii-v-mediatekste> (дата обращения: 27.01.2023).

E. D. Kirillova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE MECHANISMS OF METAPHOR AND METONYMY OF PROPER NAMES IN MASS MEDIA

This article discusses the cognitive mechanisms of metaphor and metonymy of proper names in the English mass media discourse. The possibility of using them to manipulate public opinions is of the utmost importance.

Key words: proper name, cognitive mechanism, metaphorical transfer, metonymic shift, mass media.

Е. В. Колотнина, О. Ю. Олышванг

(Екатеринбург, Россия)

Уральский государственный

медицинский университет

elena_kolotnina@mail.ru,

Olga020782@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БОЛЬНИЦЫ, ПЕРСОНАЛА, ПАЦИЕНТОВ В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Статья выполнена с учетом современных достижений когнитивной лингвистики и посвящена исследованию способов репрезентации образа больницы, персонала и пациентов, существующих в сознании современного студента, являющегося носителем российской ментальности и культуры. При анализе метафорического представления образов использована теория метафорического моделирования.

Ключевые слова: структурированность, метафорическая модель, зооморфная метафора, антропоморфная метафора, милитарная метафора, продуктивная метафора.

Настоящее исследование выполнено с учетом современных достижений в теории когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации, представляет анализ метафор, репрезентирующих образ больницы и медицинского персонала, вносит определенный вклад в сферу применения когнитивных методов изучения национальной картины мира.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей восприятия и репрезентации больницы, работающих в ней докторов, медицинского персонала и проходящих лечение пациентов. Теоретической базой исследования послужили фундаментальные работы современных ученых-лингвистов (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Ю. Д. Апресян, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелев и др.). Основными понятиями, используемыми авторами исследования, стали принципы построения тезауруса, выделенные А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым, а также теория метафорического моделирования, автором которой является А. П. Чудинов.

В качестве основного принципа построения тезауруса А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов выделяют иерархически-координативный принцип, что позволяет добиться логико-понятийной упорядоченности [Баранов 1991: 6].

При характеристике метафорической модели, ее составляющих в рамках данной работы используется методика анализа метафорической модели, предложенная А. П. Чудиновым. Метафорическая модель – это существующая

и/или складывающаяся в сознании носителей схема связи между понятийными сферами [Чудинов 2003: 70]. Система фреймов одной ментальной сферы служит основой для моделирования системы другой сферы.

Как отмечает А. П. Чудинов, при когнитивном анализе метафорических моделей элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнем языка [Чудинов 2001: 41].

Материалом для исследования послужили результаты проведенного эксперимента, участие в котором приняли студенты младших курсов медицинского университета. Целью проведения эксперимента стало выявление лингвокультурологических особенностей восприятия образа больницы, медицинского персонала и пациентов. Участников эксперимента не ограничивали оппозициями государственная – частная клиника, городская – районная – областная клиника, специализированная – многопрофильная и т. д., им была поставлена задача представить существующие в сознании образы в целом. Все участники эксперимента изучают предметы, имеющие отношение к медицине, обладают личным опытом посещения медицинских учреждений, проходят практику в медицинских учреждениях.

В начале эксперимента участникам были заданы вопросы о том, с кем или чем они могут сравнить современную больницу, медицинский персонал, пациентов. Полученные в ходе эксперимента материалы позволили сделать выводы об инвентаре моделей, существующих в сознании современных студентов-медиков.

Анализ полученных результатов показал, что наиболее значимой метафорой, репрезентирующей образ больницы, персонала и пациентов стала антропоморфная метафора, представляющая отношения между субъектами как отношения в семье с существующей в ней иерархией, взаимосвязями.

Больница может быть представлена как дружная, большая, заботливая, гостеприимная семья, пациенты как капризные, беспомощные, несчастные дети, требующие внимания, врачи и персонал – заботливые, требовательные, любящие родители. Иерархические принципы взаимоотношений между врачом и младшим персоналом или пациентом представлены в виде образов учитель – ученик. Главврач представляется в образе строгого отца семейства, обремененного грузом повседневных забот.

Среди образов, полученных в результате эксперимента, есть примеры зооморфной метафоры, представляющей больницу, персонал, пациентов в виде представителей животного мира.

Ср. Больница – это высокоорганизованный муравейник с множеством рабочих особей, которые используют все возможные ресурсы для его нормального функционирования. Большая больница – это гудящий улей, своим нектаром (знания, умения врачей) пчелы, живущие в улье, питают больных пациентов. Неблагодарные, скандальные пациенты – трутни, которые сами не хотят ничего делать (ограничивать себя в чем-либо, выполнять рекомендации), но паразитируют на ежедневном труде рабочих пчел.

Врачи и персонал, подвергающиеся перегрузкам, сверхурочной работе представлены в образах тяжеловозов, ломовых лошадей.

Пациенты лечебного учреждения чаще всего представлены в виде слепых котят, заблудших овец, нуждающихся в помощи и опеке, без которой они могут погибнуть. Пациенты детского возраста представлены в образе цыплят, птенцов, головастиков, лягушат, котят, которые нуждаются в защите, создании определенных условий и среды обитания.

В полученных ответах встречаются пейоративно окрашенные образы, метафорически представляющие пациентов лечебного учреждения. К упомянутому ранее образу трутня могут быть добавлены образы упрямых ослов (пациенты, противящиеся назначению, режиму учреждения), пиявок (пациенты, докучающие персоналу разного рода придирами), поросят (пациенты, не относящиеся бережно к имуществу, больничному оборудованию, местам общего пользования). Пациенты, отличающиеся особой способностью перечить, портить настроение, представлены в образе пираний.

Среди метафор, репрезентирующих образ врача, есть пример птицы, расправившей крылья, под которыми цыплята (пациенты) могут чувствовать себя в полной безопасности.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что зооморфная метафора широко употребляема, а модель с ее использованием детально структурирована и представлена фреймами «Животные», «Птицы», «Рыбы», «Насекомые», «Низшие животные», «Поведение животных» и содержит большое количество образов.

Больница репрезентируется и с помощью фитоморфной метафоры. Больница представляется в виде могучего, хорошо укорененного дерева, по стволу которого текут соки, питающие ветви больницы (отделения). Пациенты представлены в виде цветов, бутоны которых могут как цвести, так и увядать. Более низкая встречаемость фитоморфных образов, репрезентирующих образ больницы, позволяет сделать вывод о слабой структурированности модели.

Еще одной продуктивной метафорой становится военная метафора, с исходной сферой войны, представляющей работу больницы через метафору войны, где болезнь – враг, больной – жертва вторжения, а лечение – атака,

контратака. Такая метафора акцентирует внимание на «борьбе», «битве», «бое», «баталии», «походе против болезни», представляя пациентов «жертвами».

А. П. Чудинов справедливо отмечает, что военная лексика – это один из источников метафорической экспансии на самых разных этапах развития языка [Чудинов 2001: 104]. Этот тезис неоднократно подтверждался проведенными исследованиями. Врачи и персонал метафорически представлены в виде солдат на поле боя, защитников, воинов, главврачи – в виде генералов, руководящих битвой.

Пациенты – жертвы, некоторые выживают, но кто-то гибнет.

Больница – это место, обладающее арсеналом вооружений в борьбе с врагом, врачи на поле битвы сражаются с врагом, снаряды (методы лечения) попадают в цель, иногда требуется повторная атака. Жертвы (пациенты) могут выжить на поле боя, но могут и погибнуть.

Таким образом, модель представлена рядом фреймов: «Участники военных действий», «Виды вооружений», «Военные действия», «Исход военных действий».

В исследуемом материале есть заслуживающие внимания единичные случаи представления больницы персонала, пациентов при помощи менее продуктивных, но значимых метафор.

Больница и ее функционирование может представляться в виде хорошо работающего механизма, со множеством деталей, винтиков, шурупов. Нельзя допускать поломки узлов механизма. Персонал – роботы, вынуждены выполнять одно и то же действие, устраняют неполадки в работе.

Врачи и персонал больницы – это ангелы в белых халатах, только без крыльев. Больница – это спасательный корабль, без него можно погибнуть. Больница – это вселенная, она огромна, существует по своим законам, их нельзя нарушать. Больница – это галактика, лучшие врачи в этой галактике – звезды, худшие – звездная пыль.

Проанализированный материал позволяет сделать выводы о том, что наиболее продуктивной в репрезентации указанных образов становится антропоморфная, зооморфная и милитарная метафора, а модели, их содержащие более детально структурированы.

Литература

Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX. Вып. 6. 1971. С. 509–523.

Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. Москва: Наука, 1973.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

E. V. Kolotnina, O. Yu. Olshvang
(Yekaterinburg, Russia)
Ural State Medical University

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE HOSPITAL, STAFF, PATIENTS IN THE MEDICAL STUDENTS' MINDS

The article takes into account the modern achievements of cognitive linguistics and is devoted to the study of the ways of representing the image of hospital, hospital staff and patients that exist in the mind of a student, the bearer of the Russian way of thinking and culture. The authors use the theory of metaphorical modeling.

Key words: structuring, metaphorical model, zoomorphic metaphor, anthropomorphic metaphor, military metaphor, productive metaphor.

В. В. Корнева (*Воронеж, Россия*)
Воронежский государственный университет
korneva.valentina@mail.ru

ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОРОНИМА MONTE В ИСПАНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье рассматриваются когнитивные механизмы формирования испанской языковой картины мира. Подробно описывается концептуальная деривации композиционного типа как процесс и результат создания сложных когнитивных структур – производных, сложных и составных топонимов. Отмечаются также возможности концептуальной деривации метонимического типа в образовании антропонимов и экклезионимов. Делается вывод о значимости оронима *monte* для создания вторичных структур испанского языка.

Ключевые слова: концептуальная деривация, концептуальная деривации композиционного типа, концептуальная деривации метонимического типа, топоним, антропоним, экклезионим, испанский язык.

Исследования последних лет убедительно показали, что новое осмысление знаний о мире, их вторичная концептуализация приводят к порождению новых знаний на базе уже существующих концептов и, как следствие этого, к созданию в языке вторичных структур [Болдырев 2022: 21]. Разные формы и процессы вторичной концептуализации обозначают термином «концептуальная деривация», в которой в зависимости от задействованных когнитивных механизмов различают два основных типа: концептуальную деривацию метонимического типа и концептуальную деривацию композиционного типа [Бабина 2003; 2022]. При концептуальной деривации метонимического типа происходит перекатегоризация знания, схваченного телом знака языковой единицы. При концептуальной деривации композиционного типа в результате интеграции концептов создаются более сложные когнитивные структуры и, как следствие, более сложные языковые единицы.

Предметом нашего изучения являются возможности оронима *monte* ‘гора’ для порождения в испанской языковой картине мира вторичных структур. Материалом для исследования послужили данные испанских словарей.

Исторически имена собственные, в том числе топонимы, возникают, как известно, в результате онимизации – перехода имен нарицательных в имена собственные. Не является исключением в этом отношении и ороним *gora*, который широко представлен в топонимии Испании в названиях с протоиндоевропейским корнем *berg-* ‘гора’, сохранившийся в топонимах *Berge*, *Bergasa*, *Bergondo* [Celdrán 2009: 143], и названия *Berga*, *Vergaño*, *Bergara* с омонимичным корнем *berg-* кельтского происхождения (кельт. *berg* ‘гора’) [Celdrán 2009]. Однако эти древнейшие дошедшие до нас изосемичные названия населенных пунктов – ойконимы с оронимом *gora* не дошли до нас в «чистом виде» и являются производными единицами. Исследователи либо вычленяют в них суффиксы, например, в топониме *Abegondo* ученые выделяют суффикс *-gondo*, но при этом указывают на то, что его происхождение и значение не известны [Celdrán 2009: 2], либо указывают лишь топооснову названия. Известно также, что основной пласт испанских географических названий имеет латинское происхождение. Однако на карте современной Испании отсутствуют непроизводные топонимические единицы с лексемой *monte*, восходящей к латинскому этимону *mons*, *montis*, в то время как производные, сложные и составные названия с ней – отличительная черта испанского топонимикона. Сказанное означает, что названия такого рода есть результат концептуальной деривации композиционного типа, в связи с чем закономерно возникает вопрос: какие же концепты взаимодействуют при создании новой топонимической единицы?

Согласно полученным данным, в акте имянаречения задействованы концепты «форма», «размер», «цвет», «принадлежность», «флора», «фауна», «пространственная локализация», «принадлежность» и «оценка». Некоторые из них репрезентируются во вторичной топонимической единице только одним языковым средством, а другие – несколькими. В частности, концепт «цвет» в новой топонимии представлен исключительно прилагательными, независимо от того, является ли последняя сложной (обычно) или составной (в единичных случаях) по своей формальной словообразовательной структуре. В качестве примера приведем следующие названия: *Monroy* (лат. *mons + rubeus*) ‘красная гора’, *Montalbán* (лат. *mons + albanus*) ‘белая гора’, *Montovo* (лат. *montemalbum*) ‘белесая гора’.

Точно так же концепты «флора» и «фауна» вербализуются в сложном или составном топониме исключительно существительным, обозначающим тот или иной вид растения или животного. Например, в названиях *Montánchez* (лат. *monsanguis*) ‘змеиная гора’, *Montichelvo* (лат. *mons, montis + cervus*) ‘гора оленей’, *Montmeló* (лат. *mons, montis + nielonum*) ‘гора барсуков’, *Monsalipe* (лат. *mons, montis + lupus*) ‘гора волков’ гора предстает как место обитания определенных животных. Что касается флоры, то в топонимах чаще всего указывается не на ее наличие, а на ее отсутствие, причем отсутствие растительности репрезентируется метафорически путем использования либо прилагательного *белый*, *Montalbán* (лат. *mons + albanus*) ‘белая гора’, либо прилагательного *лысый*, *Montclar* (лат. *mons + clarus*) ‘лысая гора’. Точное название растения есть только в топониме *Cardiel de los Montes* (лат. *cardo* ‘чертополох, репейник’).

Концепты «форма», «размер» и «посессивность» представлены в поверхностной структуре топонима двумя языковыми средствами. В частности, концептуальный признак «форма» обычно объективируется прилагательным: *Monserrat* (лат. *mons + serratus*) ‘остроконечная гора’, *Monteagudo* (лат. *mons + ocurris*) ‘остроконечная гора’, *Monfragüe* (лат. *mons + fragosus*) ‘крутая гора’. При использовании зооморфной метафоры признак формы репрезентируется зоонимом, как в названиях *Montgat* (лат. *mons + cattus*) ‘кошачья гора’, *Montoro* (лат. *monstauri*) букв. ‘бычья гора’.

Объективация концептуального признака «размер» происходит с помощью иных языковых средств – диминутивного суффикса *-illus* и прилагательного *magnus* ‘большой’ в сравнительной степени: *Montilla* ‘маленькая гора, горка’, *Montiel* ‘маленькая гора, горка’, *Montemayor* ‘гора больше [других]’. Иными словами, здесь наблюдается дифференциация языковых средств для выражения большего или меньшего размера горы.

Концептуальный признак «посессивность» репрезентируется либо антропонимом, как в примерах *Mongay* (лат. *mons Gayii*) ‘гора Кайо’, *Belmonte*

(лат. *monsBeleni*) ‘гора Белено – кельтского божества’, либо прилагательным *real* ‘королевский, принадлежащий королю’: *Montreal* (лат. *mons regalis*) ‘гора короля’.

Максимальным разнообразием языковых средств отличается репрезентация концептуального признака «пространственная локализация», который объективируют и словообразовательные и словоизменительные аффиксы (префиксы и окончания), и слова разных частей речи (существительные, прилагательные, предлоги и наречия), и атрибутивные конструкции. Специализированные средства пространственной семантики в названиях населенных пунктов имеют только одно значение – «в верхней части / на вершине горы», которое вербализуется несколькими средствами: предлогом *super*: *Sobremunt* (лат. *supermontem*) ‘на горе / над горой’, окончанием существительного *mons, montis* в форме аблатива мн. числа, имеющего локативное значение: *Montánchez* (лат. *montanicis*) ‘над горами, на горах’ [Celdrán 2004: 210] и прилагательным *summus* ‘высочайший’: *Soniontín* (лат. *summus + mons, montis*) ‘на вершине горы’. Локативное значение часто выражается конструкцией *de + nombre*: *Monreal del Campo, Monreal de Ariza*.

В топонимах типа *Monsagro, Montejaque* (лат. *mons + sacrum*) ‘святая гора’) и *Mohorte, Monforte* (лат. *mons + fortis*) ‘сильная гора’ ученые также усматривают локативное значение. По мнению П. Селдрана, в топонимах с компонентом *sagrado* ‘святой’, возможно, нашел тот факт, что там были захоронения [Celdrán 2009: 212], тогда как названия с компонентом *fuerte* ‘сильный’ указывают на то, что на этом месте была крепость [Celdrán 2009: 501–502]. Таким образом, наличие в структуре топонимов определений типа *fuerte* или *sagrado* может быть средством косвенной номинации пропозиции локативного значения (место, где было/есть что).

Среди вторичных топонимов с оронимом *monte* отмечены также случаи концептуальной интеграции с аксиологическим концептом, как в следующих примерах: *Montehermoso* (лат. *mons + formosus*) ‘красивая гора’, *Montefrío* (лат. *mons + frigidus*) ‘холодная гора’.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в процессе вторичного семиозиса в испанской топонимии широко представлена концептуальная деривация композиционного типа. Вместе с тем в испанской языковой картине мира важное место принадлежит концептуальной деривации метонимического типа. Последняя проявляет себя в том, что многие из указанных выше топонимов становятся фамилиями, названиями церквей и монастырей, титульными номинациями Девы Марии, от которых в свою очередь образуются женские имена; отдельные топонимы дают номинацию винам (см. подробнее: [Корнева, Тужикова 2022]). Все ска-

занное выше свидетельствует о том, что ороним *monte* является важной частью испанской картины мира, он активно участвует в формировании вторичных языковых структур.

Литература

Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003.

Бабина Л. В. Интерпретирующий потенциал производных слов в языковой картине мира / Когнитивные исследования языка. Вып. № 1 (48): Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022. С. 159–201.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира / Когнитивные исследования языка. Вып. № 1 (48): Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А. В., 2022. С. 19–79.

Корнева В. В., Тужикова Д. Б. Имя собственное в национально-культурном пространстве: монография / Игнатьева Е. П. [и др.]. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022. С. 84–114.

Celdrán P. Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios: 5ª edición. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2009.

V. V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

SECONDARY REPRESENTATION OF ORONIM MONTE IN THE SPANISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article deals with the cognitive mechanisms of the formation of the Spanish language picture of the world. The conceptual derivation of the compositional type is described in detail as a process and result of the creation of complex cognitive structures – derivative, complex and compound toponyms. The possibilities of conceptual derivation of the metonymic type in the formation of anthroponyms and ecclesionyms are also noted. The conclusion is made about the importance of the oronym *monte* for the creation of secondary structures of the Spanish language.

Key words: conceptual derivation, conceptual derivation of compositional type, conceptual derivation of metonymic type, toponym, anthroponym, ecclesionym, Spanish.

Н. А. Куксова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
natalia6875@inbox.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ CLIMATE CHANGE В СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ ECOLOGY

В статье рассматривается один из компонентов структуры когнитивной матрицы ECOLOGY, а именно концептуальная область CLIMATE CHANGE, репрезентирующая знания об изменении климата. Описываются содержательные признаки данной концептуальной области, а также некоторые способы ее репрезентации в экологическом дискурсе.

Ключевые слова: когнитивная матрица, концепт, концептуальная область, экологический дискурс, изменение климата.

Проблема изменения климата, вызванного негативным влиянием человека, является одной из наиболее актуальных в настоящее время. Она широко обсуждается не только в научном сообществе, но и в средствах массовой информации. Экологическая тематика послужила основой изучения экологического дискурса, под которым понимается совокупность текстов (устных и письменных), принадлежащих различным функциональным стилям и жанрам, которые обусловлены ситуацией общения на экологические темы [Иванова 2007]. Изучение экологического дискурса с позиции когнитивной лингвистики позволяет выявить роль языка в описании взаимодействия человека и природы, а также особенности структурирования экологического знания в сознании людей.

Основой исследования экологического дискурса в данной работе послужил метод когнитивно-матричного анализа, предложенный Н. Н. Болдыревым [Болдырев 2019: 389]. Данный метод дал возможность выявить структуру когнитивной матрицы ECOLOGY. Данная когнитивная матрица представляет собой единицу структурированного многоаспектного экологического знания о взаимоотношении микроорганизмов, растений, животных и человека между собой и с окружающей средой. В процессе исследования было установлено, что концепт ECOLOGY объединяет несколько взаимосвязанных когнитивных контекстов, а именно, состоит из четырех концептуальных областей: ENVIRONMENT, HUMANS, WILDLIFE и CLIMATE CHANGE. Каждая из указанных областей является сложным форматом знания матричного характера. В данной статье будет рассмотрена концептуальная область

CLIMATE CHANGE в структуре когнитивной матрицы ECOLOGY и особенности ее репрезентации в английском языке.

Анализ языкового материала позволил выявить содержательные признаки концептуальной области CLIMATE CHANGE в англоязычной концептосфере:

- 1) причины изменения климата (reasons);
- 2) последствия для живой и неживой природы (consequences);
- 3) изменения (changes);
- 4) чувство тревоги за будущее (concerns about the future);
- 5) предсказание последствий (prediction of the consequences);
- 6) возможные пути решения (possible solutions).

Рассмотрим некоторые примеры репрезентации содержательных признаков концептуальной области CLIMATE CHANGE в английском языке.

(1) *Despite promises to invest in green energy, many governments still financially back the fossil fuel industry – emissions from which are one of the primary causes of global warming* [URL: <https://www.bbc.com/news/uk-59240244>].

В данном фрагменте экологического дискурса актуализируются такие содержательные признаки концептуальной области CLIMATE CHANGE, как «причина изменения климата» (reason) и «возможные пути решения» (possible solutions). Речь идет о том, что использование добываемого топлива приводит к выбросам в атмосферу, что является одной из основных причин глобального потепления. В то же время, правительства не хотят инвестировать в более экологичные источники энергии, что является одним из путей решения проблемы изменения климата. Использование слов и словосочетаний *fossil fuel, global warming, green energy, emissions, primary causes* способствуют репрезентации признака «причина изменения климата», в то время как выражение *to invest in green energy* актуализирует признак «возможные пути решения» концептуальной области CLIMATE CHANGE когнитивной матрицы ECOLOGY.

(2) *This mega-heatwave is being pumped up by climate breakdown, researchers say. “Currently, climate change has caused rare heatwaves to be 3 to 5 degrees warmer over most of the United States,” Michael Wehner, a climate scientist at Lawrence Berkeley National Laboratory, wrote in an analysis published Tuesday, adding that heatwaves are likely to get worse in the future* [URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jun/17/heat-wave-western-us-drought-fire>].

В данном примере актуализируются концептуальные признаки «изменение» (changes) и «предсказание последствий» (prediction of the consequences) концептуальной области CLIMATE CHANGE. В нем поднимается проблема продолжительных периодов сильной жары (*heatwave* – a period of time such as a few weeks when the weather is much hotter than usual [CDO]), вызванных

изменениями климата. Для репрезентации данного явления используется термин *climate breakdown* – very serious and harmful changes in the world's weather, in particular the fact that it believes to be getting warmer as a result of human activity increasing the level of carbon dioxide in the atmosphere [CDO]. Использование превосходной степени прилагательного (*worse*), а также префикса *mega-* в сочетании со словами экологической тематики (*heatwave*, *climate breakdown*) актуализирует идею ухудшения экологической обстановки в будущем, когда тепловые волны могут стать еще более частым явлением.

(3) *Raising livestock contributes significantly to carbon emissions, with animal agriculture accounting for 14.5% of the world's. Scientific reports have found that rich countries need huge reductions in meat and dairy consumption to tackle the climate emergency* [URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/sep/07/20-meat-and-dairy-firms-emit-more-greenhouse-gas-than-germany-britain-or-france>].

В приведенном выше примере описывается ситуация, когда разведение домашнего скота (*raising livestock*) приводит к увеличению выбросов парниковых газов (*greenhouse gas emissions*), поэтому богатым странам необходимо сократить потребление мяса и молочных продуктов (*reductions in meat and dairy consumption*), чтобы справиться с чрезвычайной климатической ситуацией (*to tackle the climate emergency*). *Climate emergency* – serious and urgent problems being caused by changes in the world's weather, in particular the world getting warmer as a result of human activity increasing the level of carbon dioxide in the atmosphere [CDO]. Таким образом, в данном фрагменте экологического дискурса актуализируются признаки «причины изменения климата» (reasons) и «возможные пути решения» (possible solutions) концептуальной области CLIMATE CHANGE концептуальной матрицы ECOLOGY.

Еще один фрагмент экологического дискурса демонстрирует репрезентацию признаков «причины изменения климата» (reasons) и «последствия для живой и неживой природы» (consequences) концептуальной области CLIMATE CHANGE.

(4) *The heatwave gripping the US west is simultaneously breaking hundreds of temperature records, exacerbating a historic drought and priming the landscape for a summer and fall of extreme wildfire. And the reason is linked directly to human caused climate change* [URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2021/jun/18/us-heatwave-west-climate-crisis-drought>].

Продолжительный период сильной жары (*heat wave*) усугубил засуху (*drought*) и привел к сильным лесным пожарам (*wildfire*). При этом отмечается, что это является следствием изменения климата, вызванного деятельностью человека (*human caused climate change*). То есть, исходные лексические значения лексем *drought* и *wildfire* в сочетании с выражениями *heatwave*,

breaking temperature records, human caused climate change способствуют репрезентации концептуальной области CLIMATE CHANGE концептуальной матрицы ECOLOGY.

Рассмотрим еще один пример:

(5) *Climate change has long been predicted to increase extreme weather incidents, and scientists are now confident these predictions are coming true. Scientists say the global warming has contributed to the scorching temperatures that have baked the UK and northern Europe for weeks* [URL: <https://www.theguardian.com/environment/2018/jul/27/extreme-global-weather-climate-change-michael-mann>].

В данном примере экологического дискурса описывается ситуация, когда давние прогнозы (*predictions*) о том, что изменение климата приведет к увеличению числа экстремальных погодных явлений (*extreme weather incidents*) начали сбываться, а глобальное потепление стало причиной повышения температуры воздуха (*contributed to the scorching temperatures*), от которых пострадали Великобритания и Северная Европа. Использование в данном контексте словосочетаний *climate change, extreme weather incidents, coming true, scorching temperatures*, глаголов *has long been predicted, come true, has contributed to*, а также метафорическое употребление глагола *bake*, которое в данном случае реализует значение «to be or become very hot» [CDO], способствуют репрезентации признаков «предсказание последствий» (prediction of the consequences), «причины изменения климата» (reasons) и «последствия для живой и неживой природы» (consequences) концептуальной области CLIMATE CHANGE когнитивной матрицы ECOLOGY.

Таким образом, исследование экологического дискурса позволило выявить содержательные признаки концептуальной области CLIMATE CHANGE в структуре когнитивной матрицы ECOLOGY. Экологический дискурс служит средством актуализации знания о причинах, последствиях изменения климата для живой и неживой природы, об изменениях, происходящих в окружающей среде, о чувстве обеспокоенности за будущее, о прогнозах последствий климатических изменений и предложениях возможных путей решения экологических проблем.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

BBC News [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/news> (дата обращения: 10.02.2021).

CDO – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения: 11.02.2021).

CD – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 11.02.2021).

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international/> (дата обращения: 17.06.2021).

*N. A. Kuksova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

CONTENT FEATURES OF THE CONCEPTUAL AREA CLIMATE CHANGE IN THE STRUCTURE OF THE COGNITIVE MATRIX ECOLOGY

The article considers one of the components of the structure of the cognitive matrix ECOLOGY, namely the conceptual domain CLIMATE CHANGE, representing knowledge about the changes in the climate. The content features of this conceptual domain, as well as some cases of representation of this conceptual domain in ecological discourse are described.

Key words: cognitive matrix, concept, conceptual domain, environmental discourse, climate change.

*А. Э. Левицкий (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
andrelev@list.ru*

ЕДА И НЕ ТОЛЬКО: ВОПРОСЫ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

В статье раскрываются семантические и лингвокультурные особенности концепта ЕДА, а также его взаимодействие с другими концептами. Анализ этого взаимодействия основан на лексикографических данных и результатах опроса носителей русского языка – студентов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, профилирование, взаимодействие, опрос информантов.

20-летие Российской ассоциации лингвистов-когнитологов – важная дата для ученых, занимающихся проблемами форматов знания, репрезентации знаний в языковых формах, аспектов концептуализации и категоризации передаваемой информации от человека к человеку различными каналами и другими вопросами, связанными с взаимодействием языка и мышления, языка и социума, языка и культуры. В рамках работы РАЛК за последнее время нашли отражение, в частности, точки соприкосновения когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации [КИЯ 2022], включившие проблемы концептуализации и категоризации в языке, когнитивные аспекты семантики, номинативные процессы в языке, проблемы теории и практики когнитивно-дискурсивных исследований языковых данных. Значительное внимание приковано к исследованиям отражения национального самосознания во взаимосвязи языковых и концептуальных картин мира, вербализации маркеров этнокультуры в сфере когнитивной лингвистики [там же]. Рамки интегративного лингвистического пространства позволили рассмотреть когнитивные механизмы формирования и восприятия языковых знаков как факторов культуры, высветив роль культурного компонента в семантике языковых знаков [КИЯ 2021].

Наш интерес к рассмотрению маркеров культуры с позиций когнитивной семантики позволил, в частности, определить языковую личность как лингвокультурный феномен [КИЯ 2021: 342–352], а также выявить роль семантики цветообозначений в русской и английской лингвокультурах (см., например: [КИЯ 2022: 699–704]) и ряд других вопросов на стыке когнитивной лингвистики и коммуникации с учетом фактора культуры.

Настоящая статья акцентирует внимание на вербализации концепта ЕДА как лингвокультурного явления в процессе взаимодействия с иными концептами на основе опроса информантов-носителей русского языка и словарных данных. Анализ языковых данных базируется на постулатах концептуальной семантики [Болдырев 2014], в частности, выявлении концептуальных признаков [КСКТ 1996: 73–74], а также подходах к изучению конструкций с сочинительной связью [Фурс, Королев 2021; Левицкий 2007].

Широкое распространение названий пунктов общественного питания и торговых точек в курортных зонах, к примеру, «Вода и еда» или «Еда и напитки» точно указывают ассортимент данных заведений. Названия однозначно и лаконично передают когнитивную перспективу. Вместе с тем, некоторые номинации типа «Тортики и еда» являются концептуально некорректными, поскольку каждый из двух компонентов выступают вербализациями концепта ЕДА. При этом первый выступает вербализатором

определенной части концепта, в то время как второй передает его семантику в полном объеме. Таким образом, номинация в концептуальной форме приобретает тавтологичную форму «ЕДА и ЕДА», что ставит вопрос о границах концепта ЕДА на материале современного русского языка. В семантике ядерного вербализатора данного концепта профилируется «пища», т. е. разговорная номинация того, что едят, например, *Еда на плите, разогрейте* [БАРС 2006: 506]. Концепт ЕДА кроме всего прочего вербализуется субконцептом КОНДИТЕРСКОЕ ИЗДЕЛИЕ (*торт* – «*пирог из бисквитного, песочного или слоёного теста, покрытый кремом, цукатами и т. п.*» [ССРЛЯ 1963: 698] и его разговорная, уменьшительно-ласкательная форма – *тортик* [там же]).

Казалось бы, что приведенная выше тавтологическая номинация является редким исключением. Однако обратимся к результатам опроса информантов, которыми были 80 носителей русского языка, студентов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова в возрасте 18–23 лет. Среди вопросов анкеты были следующие: 1. Дать определение слова «еда». 2. Начните словосочетание «...и еда».

В своих ответах информанты дали 67 разных определений еды. Среди наиболее распространенных метафорические, в частности, доказывающие её важность для человека: ЕДА – это ЖИЗНЬ. Отметим, что в ответах кроме конкретной формы, есть целый ряд так или иначе связанных с ЖИЗНЬЮ («ресурс, необходимый для жизни», «необходимый для жизни элемент», «топливо для жизни», «необходимый компонент для поддержания жизни», «то, благодаря чему мы можем жить», «то, благодаря чему живет и радуется человек», «источник жизненных сил» и др.). Важность еды для жизни человека соседствует с профилированием ЕДЫ как ПИЩИ («вкусная пища», «продукты натурального или искусственного происхождения, пригодные для употребления в пищу», «пища для употребления вовнутрь», «то, что мы употребляем в пищу, чтобы не быть голодным», «приём пищи», «продукты питания» и т. п.). К ним близко подходят конкретные продукты («мясо и фрукты», «пицца, блины», «смесь специй и разных продуктов», «мясо и гарнир», «хлеб, фрукты, овощи, молоко, злаки, мясо», «деликатес») и приём пищи («завтрак, обед, ужин»). Особое место занимает оценка еды («хорошо», «зло», «любовь», «удовольствие», «слабость»). Дан один ответ, который содержит отрицание: «Еда – это не вода».

Именно концептуальное отличие между едой и водой, используя структуру фрейма С. А. Жаботинской [Жаботинская 1997], можно представить следующим образом: «НЕЧТО, что можно ЕСТЬ» и «НЕЧТО, что можно ПИТЬ». Следовательно, использование в номинации магазинов и пунктов

общественного питания обоих концептов позволяет человеку корректно декодировать информацию о данных заведениях, где можно купить и употребить то, что можно есть и пить.

Опрошенные дали больше половины (42) ответов, в которых концептуализируется информация, удовлетворяющая базовые потребности людей («вода и еда», «напитки и вода», «кофе и вода», «вино и еда»). Вместе с тем, информанты также зафиксировали дублирование концепта ЕДА, которое позволяет отдельно профилировать концептуальный признак «сладкий» («десерт и еда», «карамель и еда»). Ассоциативная связь еды с «отдыхом, фильмами, домом, сериалами, сном и движением» позволяет информантам их объединить. Особая роль еды выявляется в комбинации еды с ответами «я, жизнь, любовь, культура, беда».

Итак, концепт ЕДА занимает важную роль в лингвокультуре этноса, что позволяет ему тесно взаимодействовать с другими концептами вне зависимости от их разной удаленности, если судить по их концептуальным признакам.

Литература

- БАРС – Большой академический русский словарь. Т. 5. М.–СПб: Наука, 2006.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ, 2014.
- Жаботинская С. А.* Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // *Лінгвістичні студії*. Черкаси: Сіач, 1997. № 2. С. 3–11.
- КИЯ – Когнитивные исследования языка. Вып. 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сб. научн. тр. / отв. ред. М. Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- КИЯ – Когнитивные исследования языка. Вып. 2 (49): Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация: сб. научн. тр. / отв. ред. Л. В. Бабина. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
- Левицкий А. Э.* Функциональные особенности немодифицированных композитных образований в современных английском и русском языках // *Культура народов Причерноморья*. 2007. Т. 1, № 110. С. 313–316.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Фурс Л. А., Королев С. В.* Конструирование знания в языке: на что опирается сознание человека? // *Когнитивные исследования языка*. 2021. Вып. 2 (44). С. 375–381.

*A. E. Levitsky (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

**MEALS AND SOMETHING ELSE
THROUGH THE PRISM
OF COGNITIVE SEMANTICS AND CULTURE**

The article covers semantic and cultural specifics of MEAL/YEDA as well as its usage next to other concepts. The analysis applied is grounded upon the lexicographic resources and questionnaires filled by the Lomonosov Moscow State University students native in Russian.

Key words: concept, conceptual feature, profiling, interconnection, informants' questionnaire

*Л. А. Манерко (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru*

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
СТРУКТУРЫ ЗНАНИЯ
В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ
И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**

Данная статья раскрывает основы теории концептуальной интеграции, известной как теория ментальных пространств (блендинга) Ж. Фоконье, которая была введена в лингвистику для понимания действительности, человеческого знания и отражения прагматических аспектов ситуативных особенностей речи в зависимости от семантики в дискурсе. Хотя многие ученые указывают, что теория концептуальной интеграции может быть применима в разных областях знания, автор данной статьи считает важным раскрыть именно роль концепции Ж. Фоконье для развития когнитивного терминоведения и профессионального дискурса. На международных конференциях по когнитивной лингвистике в США и Великобритании мне неоднократно приходилось интересно и продуктивно обсуждать методологические аспекты исследований с таким ученым, как Ж. Фоконье, которые плодотворно сказались на моей дальнейшей научной деятельности, поэтому данную статью, во многом основанную на его научных концепциях, хотелось бы посвятить его памяти.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, ментальные пространства, Жиль Фоконье, терминологическая номинация, научный дискурс.

Представление ученых о сущности и свойствах ментального лексикона, а также функционировании человеческого мышления было дополнено *теорией когнитивных моделей*. Ее предложил и развивал известный американский лингвист Ж. Фоконье (1944–2021) – специалист в области теории референции, описания метафоризации и концептуализации в рамках концептуального блендинга, а также и вопросов, связанных с рассмотрением прагматических аспектов семантики и синтаксиса. Ж. Фоконье написал множество интересных работ. Среди них монографии «Ментальные пространства» (*Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural language*, которая появилась сначала на французском языке в 1984 году, а затем на английском на следующий год) и «Коррелятивные проекции в мышлении и языке» (*Mappings in Thought and Language*, 1997) [Fauconnier 1998; 1999]. В своем исследовании, как указывалось ранее, Ж. Фоконье опирается на исследования Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Ч. Филлмора, И. Свитсер, в которых описывались разнообразные типы *идеализованных когнитивных моделей* (*idealized cognitive models*, известных как ИКМы) [Манерко 2002: 17].

Ментальные пространства представляют собой совокупности, которые помогают «конструировать то, как мы думаем и говорим для целей понимания и действия» [Fauconnier 2007: 351]. Эти пространства указывают на пакет информации, который существует в человеческом сознании, благодаря «долгосрочному схематическому знанию...», они могут «структурироваться фреймами и когнитивными моделями», потому что они содержат элементы, связывающие предыдущий опыт человека и новые конкретные события [Fauconnier 2007: 351]. Пример, приводимый ученым *Julie purchases coffee at Peet's coffee shop*, позволяет сформировать элементы, формирующие фрейм коммерческой транзакции, представленного субфреймом, столь важного для Джулии – покупка кофе в кофейне Пиита. Пространства формируются благодаря многим источникам событий, тем концептуальным областям, с которыми мы имеем дело в процессе общения и наблюдения за действительностью, например принятие еды или питья, продажа и покупка, общение в различных местах. Но существуют и дополнительные фреймы вне конкретного примера, которые также могут включать перерыв на работе, посещение места развлечения и ежедневные действия. Ближайший опыт, который помогает заполнить фрейм слотами в зависимости от существующих действий – это покупка кофе в конкретном месте и построение ментального пространства Джулии в кофейне Пиита. Ж. Фоконье считает, что необходимым условием является установление связи между действиями или переключение внимания с одного места на другое. Понимание ментального пространства «встраивается в рабочую память» на основе описания категоризации. Например, бокс (*boxing*) помогает вспомнить общий фрейм борьбы (*fighting*) и более общий фрейм

соревнования (competition). В данном случае речь идет о двух более высоких уровнях по отношению к базовому уровню категоризации.

Описание конкретных элементов событий опирается на совокупность следующих категорий в представлении жизненных ситуаций: Изменение (Change), Тожественность (Identity), Время (Time), Пространство (Space), Причина-эффект (Cause-Effect), Часть-Целое (Part-Whole), Репрезентация (Representation), Роль (Role), Аналогия (Analogy), не-аналогия (Disanalogy), Свойство (Property), Сходность (Similarity), Категория (Category), Интенциональность (Intentionality), уникальность (Uniqueness). При этом важны корреляции (mappings) между ментальными пространствами как часть общей организации мысли, хотя язык обеспечивает говорящего значительным набором для изучения этих проекций – они в целом не являются чисто лингвистическими. Ученый отмечает, что общие когнитивные операции представлены в ментальных пространствах и «универсально отражены в том, как мы думаем или в данном случае концептуальной интеграции» [Fauconnier 2007: 357].

Теория концептуальной интеграции (блендинга) была построена на идее взаимодействия ментальных пространств, которые имеют когнитивный статус и не существуют вне мышления. Эта теория интегрированных пространств была разработана Ж. Фоконье совместно с М. Тернером на основе описания аномалий, наблюдаемых в теории метафоры и в процессе рассмотрения проекции области-источника на область-цели (source-target projection) [Fauconnier, Turner 2002]. В концепции три основных вида ментальных пространств: 1) вводные ментальные пространства, содержащие фреймы соответствующих сфер и фоновую информацию. Эти два сопряженных участка связаны с генезисом и структурой когнитивных сфер человеческого опыта: один из элементов непосредственно отражает реальность, а другой опирается на индивидуальное «видение» ситуации, его оценку и отношение к действительности; 2) общее когнитивное пространство, объединяющее вводные пространства и 3) гибридное, или интегрированное, пространство, [Fauconnier, Turner 2002: 38–39].

Чрезвычайно важно, что теория когнитивных моделей Ж. Фоконье оказывается полезной при анализе композиционной семантики, например, сложных слов и словосочетаний, состоящих из двух элементов, типа Adj+N и N+N в терминологической номинации. Но они обязательно должны включать метафору или сочетание метафоры с метонимией. Обычные эндоцентрические композиты или терминологические словосочетания рассматриваются с точки зрения пропозициональной семантики, а не блендинга. Концептуальная интеграция в терминологических конструкциях с метафорой в составе модифицирующих компонентов фиксируется в ряде исследований, при этом метафорические компоненты могут иметь отношение к животному

и растительному миру, мифологическому и сказочному пространству, именам, связанным с легендарными и литературными образами. В некоторых случаях сложное слово полностью может использоваться как метафора. Ср., например *crocodile squeezer* «гибочный станок», *beavertail* «антенна» в языке техники [Манерко 2000]. Такие же процессы можно наблюдать в исследованиях в области терминологической системы стоматологии, где стадия прорезывания зубов называется «стадией гадкого утенка» (*ugly duckling stage*). В термине отражено формирование интегрированного ментального пространства на основе двух концептуальных структур: сказочного образа гадкого утенка и физиологического состояния развития зубов в период сменного прикуса у маленьких детей [Дудецкая 2007: 9]. Похожие примеры с метафорическим атрибутивным компонентом встречаются в каждой терминосистеме.

Более сложные случаи когнитивного анализа с применением концептуальной интеграции были выявлены в ряде LSP. Исследования в этой области описания конкретной терминологической области указывают на то, что базовые концепты постоянно претерпевают интеграционные изменения и могут выявляться в нескольких областях знания одновременно. Например, сфера «экономики» может интегрировать сферу юриспруденции, политологии, социальной сферы, технической оснащенности и образовательной области [Логунова 2011: 16–17], а сфера использования слова *environment* определяется такими областями как экологическая сфера, сфера материального мира, психология, информационные технологии, общественные отношения [Суханова 2022]. Важным аспектом построения фреймов, входящих во вводные ментальные пространства является ограниченное поле восприятия и использования фрейма (*viewing frame*), который ограничивается в момент речи (*usage event*) в дискурсе, когда происходит выделение тех или иных характеристик, актуализируемых от фокуса внимания и концептуальной точки референции [Langacker 2001: 147–155].

В специальном дискурсе важными являются элементы композиционной семантики с применением концептуальной интеграции Ж. Фоконье, которые помогают понять сопряженность отдельных ментальных пространств в зависимости от ситуации. В этом случае раскрываются определенные терминалы фреймов, которые дополняются своими характеристиками с каждым новым типом отношений с тем или иным элементом.

В выступлении планируется на конкретных примерах показать участие концептуальной интеграции при построении двусоставной или многосоставной терминологической единицы, построение отдельных областей знания, где происходит интеграция терминологических сфер. Кроме того, интересным является участие специального научного дискурса в формировании отдельных областей знания, где происходит участие концептуальной

интеграции при выделении определенных смыслов, важных для конкретной языковой личности. В качестве примеров таких видов научного дискурса будет использование академического дискурса, научных монографий из статей технического плана, из области юриспруденции, психологии, медицины и др.

Литература

Дудецкая С. Г. Метафоризация как способ терминообразования (на материале английской терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.

Логунова Е. А. Реализация интерактивности на интернет-сайтах экономических форумов (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2011.

Манерко Л. А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: Традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань: Изд-во РГПУ, 2002. С. 17–29.

Манерко Л. А. Язык современной техники: Ядро и периферия. Рязань: Изд-во РГПУ, 2000.

Суханова А. С. Способы концептуализации слова “environment” в различных типах дискурса в английском языке и их выражение средствами русского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

Fauconnier G. Mental spaces // The Oxford Handbook of Cognitive linguistics / Ed. by D. Geeraerts and H. Cuycens. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 351–378.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities. N. Y.: Basic Books, 2002.

Langacker R. W. Discourse in Cognitive grammar // Cognitive Linguistics 2001. Vol. 12, № 2. P. 143–188.

L. A. Manerko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTUAL INTERGRATION: KNOWLEDGE STRUCTURE IN TERMINOLOGICAL NOMINATION AND SCIENTIFIC DISCOURSE

This article reveals the basis of the theory of Conceptual integration known as mental spaces (blending) by G. Fauconnier, which was introduced in linguistic science for purposes of the understanding of reality, human knowledge and for the reflection

of pragmatic aspects of situational peculiarities of speech depending on semantics in discourse. Though many scholars indicate that the theory of conceptual integration may be applied to various domains of knowledge, the author of this article thinks of the importance of revealing of Fauconnier's conception for the development of Cognitive Terminology science and professional discourse. I discussed methodological aspects with Gilles Fauconnier with great interest and efficiently at different conferences on Cognitive linguistics in the USA and Great Britain. The discussed aspects fruitfully influenced my future scientific activities in the cognitive sphere. This article is based on the conception of Fauconnier and is devoted to him and his memory.

Key words: conceptual integration, mental spaces, Gilles Fauconnier, terminological nomination, scientific discourse.

М. Ф. Панченкова (Екатеринбург, Россия)
*Уральский государственный
университет путей сообщения
umk_kizt@mail.ru*

АССИМИЛЯЦИЯ РУСИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (на примере концепта *TSAR*)

В статье рассматривается процесс ассимиляции русизмов в английском языке в русле когнитивной семантики. Проводится концептуальный анализ русизма *tsar*. Выявлено, что данный концепт устойчив в англоязычной концептуальной системе и полностью ассимилирован в ней.

Ключевые слова: заимствование, русизмы, ассимиляция заимствований, концепт, концептуальный анализ.

Исследования в области языковых контактов и лингвистических аспектов процесса ассимиляции заимствований значительно активизировались в последние десятилетия. Тем не менее, они не всегда отражают диалектическую связь языка и мышления, языка и общества, взаимообусловленность когнитивных и коммуникативных аспектов языка. Проблема ассимиляции русизмов в английском языке является недостаточно разработанной. Именно в русле когнитивного подхода к языку мы получаем наиболее многоаспектное представление о вхождении иноязычного слова в язык-реципиент.

Когнитивная семантика изучает взаимодействие языков, при котором выстраиваются определенные структурные связи между их концептуальными системами, а именно, концептами как ментальными единицами, «квантами

структурированного знания» [Кубрякова 1988: 142]. Рассматривая ассимиляцию русизмов как когнитивный процесс, мы рассматриваем заимствованную языковую единицу не как лексему (и ее значение), а как концепт. Другими словами, как ментальное образование, представляющее собой знание, содержащее совокупность смыслов, оценок, способов взаимодействия в иноязычной концептуальной системе (языковой картине мира).

Термин «русизм» в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов имеет как общие толкования, так и некоторые расхождения в его интерпретации. Например, в русле лингвокультурологии под русизмами (ксенонимами), В. В. Кабакчи понимает как прямые заимствования из русской лексики (*tsar, balalaika, Kremlin, kulak*), так и опосредованные заимствования: лексические кальки (*Old Believer, Decembrist, peaceful coexistence*) и семантические кальки (*Young Pioneer, Thaw, fellow-traveller*) [Кабакчи 2021: 139]. В исследовании М. Подхалески проведен тщательный лексикографический анализ источников на английском языке, и русизмом называется заимствование исключительно из русского языка [Подхалеска 2005: 123–134].

Поскольку термином «заимствование» в языкознании принято обозначать «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. д.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [ЛЭС 1990: 158], то под русизмом мы понимаем слово, заимствованное иностранным языком из русского.

В качестве примера ассимиляции русизма в английском языке (как иноязычной концептуальной системы), проведем концептуальный анализ русизма *tsar*, представив лексические репрезентанты данного англоязычного концепта и его ментальные составляющие.

Русизм *tsar* стал часто употребляемым словом в английском языке к концу XX в. Первоисточником, указывающим на прямое заимствование из русского языка в процессе языковых контактов двух культур, является книга «Записки о московских делах» [Герберштейн 2008], написанная на латинском языке в 1549 г. бароном Сигизмундом фон Герберштейном, находившимся долгое время в Великом княжестве Московском в качестве посла Священной Римской империи.

Этимологический онлайн-словарь английского языка дает отсылку к 1660-м годам, указывая на заимствование из русского языка, т. к. впервые данный титул был присвоен Ивану IV в 1547 г. [Online Etymology Dictionary].

Концепт TSAR перформативно репрезентирован в английском языке словами *czar/tsar*. В Оксфордском словаре иностранных слов приводятся следующие толкования языковой единицы «*czar/tsar*»: первое историческое значение – *титул бывшего императора России/ титул некоторых других*

правителей восточной Европы («*The title of the former emperor of Russia/ (the title of) certain other eastern European rulers*»), второе – переносное, коннотативное значение – человек с большим авторитетом, деспот («*A person with great authority or power; a despot*») [The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases 1997: 444].

Другой авторитетный словарь современного английского языка приводит следующие значения русизма *tsar*: первое – мужчина, русский правитель до 1917 («*a male Russian ruler before 1917*»), второе – высокопоставленный чиновник («*a powerful official who makes important decisions for the government about a particular activity*») [Cambridge Dictionary]. В словаре Уэбстера приводятся схожие коннотации: первое значение – правитель России до революции 1917 («*the ruler of Russia until the 1917 revolution*»), второе – лицо, обладающее значительной властью или авторитетом («*one having great power or authority*»), а также отмечается синонимическая связь со словами *tsar, tsarevitch, tsarina, tsarism* [Merriam-Webster Dictionary].

Контекстный анализ данного русизма в корпусах английского языка COCA (Корпус современного американского английского языка) и BNC (Национальный корпус британского английского языка) дает нам возможность оценить частотность употребления русизма, и указать на его распространенность в английском языке.

В COCA наблюдается 2074 вхождения за период с 1990 по 2019 гг. Коннотативное значение русизма «*tsar*»/«*czar*» варьируется от своего «прямого» значения, встречающегося при упоминании «русского» мира («*Czar Nicholas II*», «*Mussorgsky's doomed czar Boris Godunov*», «*the revolutionary overthrow of the Czar*») или иронии в адрес государственного уклада России («*Putin, a new czar has emerged*»), до контекстов с явными признаками «семантической индукции» [Аристова 2006: 180–187] («*Obama's former Information Czar*», «*White House Drug Czar*», «*the self-appointed Royal Spelling and Grammar Czar*», «*casino czar*», «*former Homeland Security Czar*», «*science czar*», «*diversity czar*», «*gambling czar*», «*fitness czar*», «*health care czar*», «*climate czar*», «*new economy czar*», «*The Efficiency Czar*» и др.), в которых демонстрируется ироническая «привязка» к политическому или культурному контексту, фактам об американском правительстве, администрации, упоминание авторитетных лиц или исполняющих какие-либо обязанности [COCA].

В BNC языковая единица *czar/tsar* встречается 580 раз, преимущественно в прямом значении с типичной коллокацией *last, crowned, reign*, но можно обнаружить и дополнительные концептуальные характеристики. Например, в сочетании «*decency czar*» – *порядочный царь* на аномальность указывает выделение данного словосочетания кавычками, что следует трактовать как иносказательность, т. е. обратное значение. Другой пример относится

к политическому дискурсу, где словом *tsar* назван некто William Bennett, «бушующий» («thundered») перед Конгрессом [BNC].

Интересным представляется тот факт, что, являясь «историзмом» (или «архаизмом») в русском языке, употребляемым только в контексте отражающем реалии русской истории или культуры соответствующих периодов, в корпусе американского английского (а также, частично и британского английского) языка, мы видим довольно яркую и пеструю «семантическую картину», демонстрирующую непрекращающуюся популярность данного русизма в современном английском языке.

Анализ словарных толкований и контекстов дает возможность выявить в англоязычной концептосфере такие основные (базовые) когнитивные признаки концепта TSAR, как:

- 1) правитель российской империи до 1917 года;
- 2) высокопоставленный чиновник.

И также модально-оценочные (сопряженные) когнитивные признаки концепта TSAR:

- 1) лицо, обладающее значительной властью или авторитетом;
- 2) деспот, самодур.

Полученные результаты, хотя и отражают негативное или ироничное «новое» коннотативное значение в языке-реципиенте, тем не менее, свидетельствуют о «плотном» вхождении концепта TSAR в англоязычную концептуальную систему или о полной ассимиляции данного концепта.

Литература

Аристова М. В. Современные гендерно-ориентированные технологии достижения гендерного равенства // Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют сообщество: мат-лы Межд. конференции. М.: РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. С. 180–187.

Герберштейн С. Записки о Московии: В 2-х томах / Российская академия наук. Институт славяноведения. Т. 1. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко, с ранне-нововерхненемецкого А. В. Назаренко / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. ISBN 978–5–88451–242–9.

Кабакчи В. В. Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией // Исследования языка и современное гуманитарное знание, 2021. Т. 3, № 2. С. 138–152.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1998. С. 141–172.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/>

British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/tsar>
Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/Harper D. Etymology of tsar. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/tsar> (accessed October 27, 2022).

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/tsar>. Accessed 23 Jan. 2023.

Mirosława Podhajecka. Russian Borrowings in English: Similarities and Differences in Lexicographic Description. URL: <http://www.lingref.com/cpp/hel-lex/2005/paper1353.pdf>

The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases / Ed. by J. Speake. New York, Oxford: Oxford University Press, 1997.

M. F. Panchenkova (*Yekaterinburg, Russia*)
Ural State University of Railway Transport

ASSIMILATION OF RUSSIANISMS IN ENGLISH AS A COGNITIVE PROCESS (a study of the concept *TSAR*)

The paper is concerned with the process of assimilation of Russianisms in English within the framework of cognitive semantics. The conceptual analysis of Russianism *tsar* is carried out. It is revealed that this concept has consistent use in the conceptual system of English and its complete assimilation is proved.

Key words: borrowing, Russianisms, assimilation of borrowings, concept, conceptual analysis.

И. М. Петрова, Н. С. Гостева (*Москва, Россия*)
Московский городской педагогический университет
miinna@yandex.ru, nika_gosteva@bk.ru

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВАРИАТИВНОСТИ АТРИБУТИВНЫХ СТРУКТУР, ОПИСЫВАЮЩИХ ЛЕКСЕМУ *НЕБО*, В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты когнитивного анализа вариативности атрибутивных структур с определяемой лексемой *небо* в русском и английском языках. Использование поисковой системы Google как инструментария для проведения лингвистического эксперимента по изучению вариативности слотов структуры позволило установить, что степень экспрессии эмоционально-оценочного слота связана

с позиционированием слота цветообозначения. Снижение эмоционально-оценочной экспрессии повышает вероятность того, что слот цветообозначения будет помещен в позицию когнитивного фокуса структуры.

Ключевые слова: когнитивный анализ, грамматика конструкций, атрибутивная структура, вариативность структуры, характеристика объекта.

Исследование атрибутивных структур все больше привлекает пристальное внимание лингвистов-когнитологов, поскольку сама структура атрибутивного высказывания подразумевает определенный тип категоризации объекта [Ткаченко 2020; Баянкина 2021 и др.]. Порядок следования определений в традиционной структуре типа *прилагательное 1 + прилагательное 2 + определяемое существительное* рассматривается в современной когнитивной лингвистике как описание объекта, построенное на основе ранжирования релевантных признаков объекта. Данное ранжирование рассматривается в парадигме теории классов [Сулейманова, Петрова 2022], постулирующей, что наиболее релевантные характеристики занимают позицию когнитивного фокуса, т. е. располагаются в левой части цепочки [Петрова 2020].

Актуальным представляется исследование различных концептуально-значимых существительных с позиции когнитивного анализа вариативности элементов атрибутивной цепочки, поскольку такой анализ дает возможность изучить особенности категоризации объекта в разных лингвокультурных ментальностях. Более того, рассмотрение данных конструкций через призму «Грамматики конструкций» подтверждает когнитивную природу исследования вариативности структур, поскольку «Грамматика конструкций» включает в себя схему, состоящую из слотов, которые могут быть заполнены только определенными элементами.

Использование когнитивного анализа также служит целям выявления особенностей характеристики и категоризации объекта. Согласно Т. А. ван Дейку, для когнитивного анализа синтаксических структур важными представляются те, которые варьируются в зависимости от жанра и контекста, а также лексические единицы, используемые для обозначения и описания участников дискурса, их действий и характеристик [Dijk 1983].

Таким образом, все отмеченное выше позволяет сформулировать гипотетическое утверждение о том, что атрибутивные структуры, являясь своего рода схемой для описания объекта, содержат слоты, которые заполняются в зависимости от релевантности характеристик для описания объекта в конкретной ситуации, тогда как вариативность расположения этих характеристик позволяет говорящему представлять разное описание одного и того же объекта на основе процесса категоризации. Когнитивный анализ синтаксиса такой структуры дает возможность установить категориальные признаки объекта, актуальные для определенной лингвокультурной среды.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить особенности вариативности атрибутивной структуры, описывающей такую концептуально-значимую лексику, как *небо* в русском и английском языках.

Объектом исследования выступают трехкомпонентные атрибутивные словосочетания русского и английского языков, содержащие в своем составе два прилагательных и лексику *небо*.

Предметом рассмотрения служит вариативность когнитивного фокуса структуры в русском и английском языках. Материал исследования представлен атрибутивными структурами, включающими два слота, которые заполняют прилагательные, передающие: (1) обозначение цветовой характеристики объекта и (2) транслирующие эмоционально-оценочную реакцию, например, Фраза 1: *черное (1) мрачное (2) небо* и Фраза 2: *мрачное (2) черное (1) небо*. Фразы были отобраны методом сплошной выборки из художественной литературы. Объем эмпирического материала составил 44 единицы на русском и английском языках.

Данное исследование проводилось на базе корпусного подхода, где в качестве корпуса выступает поисковая система типа Google [Сулейманова, Демченко 2018; Suleimanova, Petrova 2020 и др.]. Полученные результаты были проанализированы на предмет фиксации когнитивного фокуса структуры. В Таблице 1 приведены результаты лингвистического эксперимента на основе поисковой системы Google.

Таблица 1

Вариативность атрибутивных структур, описывающих лексику *небо*, в русском и английском языках

Лексема	Фраза 1	Количество вхождений в Google	Фраза 2	Количество вхождений в Google
Небо	<i>голубое чистое небо</i>	11 300	<i>чистое голубое небо</i>	55 800
	<i>blue clear sky</i>	662 000	<i>clear blue sky</i>	8 410 000
	<i>синее бескрайнее небо</i>	736	<i>бескрайнее синее небо</i>	9 100
	<i>blue boundless sky</i>	956	<i>boundless blue sky</i>	2 788
	<i>черное мрачное небо</i>	111	<i>мрачное черное небо</i>	120
	<i>black gloomy sky</i>	2000	<i>gloomy black sky</i>	2 750
	<i>черное страшное небо</i>	34	<i>страшное черное небо</i>	193
	<i>black scary sky</i>	374	<i>scary black sky</i>	5 460

Дата обращения: 30.01 2023. Фильтр: «», Verbatim.

Анализ представленной таблицы показывает, что количество вхождений фраз, позиционирующих в первом слоте прилагательное, обозначающее цвет, значительно ниже по сравнению с количеством вхождений фраз, в позиции когнитивного фокуса которых находится специфицирующее или эмоционально-оценочное прилагательное. Этот факт свидетельствует о том, что при описании такого объекта, как *небо* актуальность цветовой характеристики снижается, поскольку более важным фактором выступает эмоциональная оценка объекта, см. например, данные фраз *черное страшное небо* (34) / *страшное черное небо* (193), а также их английский эквивалент, который показывает 374 вхождения для Фразы 1 и 5460 вхождений для Фразы 2. В приведенном примере прилагательное *страшный* выступает маркером класса объектов, вызывающих сильную эмоционально-оценочную реакцию, в данном случае – страх. Снижение интенсивности эмоциональной оценки ситуации приводит к тому, что разрыв между слотом цветообозначения и слотом эмоциональной оценки уменьшается. Эта тенденция прослеживается в ряде примеров, в частности, фразы в русском языке *черное мрачное небо* (111) / *мрачное черное небо* (120) и в английском языке *black gloomy sky* (2000) / *gloomy black sky* (2750) подтверждают это предположение.

Таким образом, когнитивный анализ атрибутивных структур русского и английского языков с определяемой лексемой *небо* показывает, что имеет место аналогичный процесс категоризации в двух лингвокультурах, а именно: релевантность слота цветообозначения сопряжена с отнесением описываемого объекта к классу ситуаций, вызывающих сильное чувство. Чем интенсивнее включен эмоционально-оценочный аспект в процесс категоризации объекта, тем менее значим слот цветообозначения и, соответственно, наоборот, снижение эмоционально-оценочной экспрессии повышает вероятность того, что слот цветообозначения будет помещен в позицию когнитивного фокуса структуры.

Литература

Баянкина Е. Г. Языковые средства представления когнитивных структур в тексте (на материале атрибутивных словосочетаний в тексте англоязычного патента) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 3 (27). С. 18–25.

Петрова И. М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков). М.: Языки народов мира, 2020.

Сулейманова О. А., Демченко В. В. Использование Big Data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466–472.

Сулейманова О. А., Петрова И. М. Отражение процессов языковой интерпретации в вариативности следования элементов атрибутивных словосочетаний // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3(50). С. 101–104.

Ткаченко А. В. Атрибутивные словосочетания в контексте форматирования знания (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 3(13). С. 158–162.

Dijk T. A. van., Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press, 1983.

Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using Big Data Experiments in Cognitive and Linguo-Cultural Research in English and Russian // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. 3 (13). P. 385–393.

I. M. Petrova, N. S. Gosteva (Moscow, Russia)
Moscow City University

COGNITIVE ANALYSIS OF THE VARIABILITY OF ATTRIBUTIVE STRUCTURES DESCRIBING THE SKY LEXEME IN RUSSIAN AND ENGLISH

The article presents the results of cognitive analysis of the variability of attribute structures with the lexeme *sky* in Russian and English. The use of the Google search engine as a tool for conducting a linguistic experiment to study the variability of the structure slots allowed us to establish that the degree of expression of the emotional-evaluative slot is associated with the positioning of the color designation slot. A decrease in emotional-evaluative expression increases the likelihood that the color designation slot will be placed in the position of the cognitive focus of the structure.

Key words: cognitive analysis, grammar of constructions, attributive structure, variability of structure, object characteristics.

О. П. Рябко (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный Федеральний Университет
o.ryabko@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕРАБОТКИ НОМИНАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье в рамках теории когнитивной номинации последовательно рассмотрены механизмы получения и обработки когнитивной информации посредством перцептивного восприятия объектов флоры. Номинация флоронимов происходит бессознательно при использовании неявного личностного знания человека, понятие образа целостно

характеризует продукт флоронимической номинации. Перцептивный процесс переходит в процесс идентификации объекта флоры и трансформации архетипической семантики в прототипическую по принципу «фигура – фон». Когнитивная информация при частотном употреблении в речи становится релевантной, закрепленной в конвенциональных формах и определенных типах номинации.

Ключевые слова: номинация, когниция, перцепция, идентификация, релевантность.

В методологии изучения разноуровневых составляющих языка, в целом, лексико-семантических и номинативных свойств, в частности, активно используется порождающий подход. Его целью является выявление познавательных предпосылок возникновения когнитивной номинации. Когниция рассматривается как новая парадигма номинативных процессов, поскольку она характеризует интуитивный процесс «мыслительных операций, обслуживающих восприятие и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [Демьянков 2005: 5].

В рамках теории познания дифференцируются научное/рациональное и обыденное/эмпирическое виды знаний. Первый вид знаний включает длительный, последовательный процесс сбора, систематизации и классификации научных фактов. Напротив, обыденное знание представлено индивидуальным опытом номинатора и фрагментарностью появления когнитивной информации в сознании человека.

Для познавательных исследований характерно изучение языковых форм в единстве с их категориально-концептуальными основами и описание неосознаваемых компонентов семантики как основы языкотворчества. Язык является примером неявного личностного знания, поскольку «действительная теория языка – это, с одной стороны, звук вообще, а, с другой стороны, – совокупность чувственных впечатлений и произвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершается с помощью языка» [Гумбольдт 1984: 70]. Неявное личностное знание – это предпосылочное знание, система неосознаваемых, наивных предпосылок, которыми руководствуется человек в своей практической деятельности [Полани 1985].

В когнитивных исследованиях рассматриваются вопросы взаимосвязи языка и мышления, как и взаимосвязи языка и сознания. В центре внимания находятся вопросы вербальных и невербальных механизмов переработки когнитивной информации. Понятие внутренней формы языкового знака предстает как когнитивное основание порождения номинативных единиц. Данное понятие обеспечивает переход от невербального мыслительного кода к коду вербальных элементов. Процесс перехода осуществляется на базе форм отражения окружающей действительности, закрепленных в значениях языковых единиц.

Антропоцентризм в теории языка прослеживает тесные парадигмальные связи в системе язык – речемыслительная деятельность, где когнитивные процессы отражают объективную реальность в сознании человека и закрепление результатов в языковом знаке. Корреляция внешней и внутренней форм языкового знака детерминирует многообразие языков мира и формирование наивной картины мира.

В процессе восприятия номинатором окружающего мира языковая номинация происходит одновременно, бессознательно в рамках образного мышления. Изучение ментальных репрезентаций определило их структуру, где общетеоретический смысл имеет понятие образа «как категории сознания, а не признака объекта, который не может совпадать с оригиналом, поскольку он живет в пространстве индивидуального сознания, а не в контексте действительной жизни» [Арутюнова 1999: 318].

Понятие образа характерно для определения целостно воспринимаемого продукта номинации, производного и от самой действительности, и от отношения номинатора к ней. Подобные установки изучаются на материале семантико-номинативных полей различных языковых картин мира, например, флоронимическое номинативное поле, имеющее параметрическое, прагматическое и локативно-темпоративное мотивационные основания как феноменологию названий растений [Рябко 2004: 43].

Данное гетерогенное поле исходно имеет фреймовую природу, где параметрические признаки наименований флоронимов представлены информационным/интуитивно-эмотивным фреймом. Образное мышление номинатора транслирует внешне наблюдаемый объект целостно на уровне перцепции, используя чувства обоняния и зрительные, вкусовые, тактильные и звуковые ощущения.

Наиболее активной перцепцией в номинировании объектов флоры является зрительная перцепция, с ее помощью зафиксировано наибольшее количество флоронимических признаков, таких как признак «форма растения», например, **umbrella – tree** “one of the various American magnolias, having the *leaves* arranged umbrella – wise at the end so the branches resemble an *umbrella*” или **hand-plant** “a Mexican tree with *flowers* spread in five *finger-like bundles*” [OED]; признак «внешний вид растения», например, **wheel-tree** “an Australian tree *flowers* in circular clusters and when cut transversely the section has the appearance of the rays of a wheel” [OED]; признак «цвет растения», например, **ink-berry** “a plant native of the Atlantic coast of North America, so called from its *purplish-red juice*” [OED].

Зрительная перцепция оформляет и признак «размер растения» во флоронимических наименованиях, например, **man-grass** с первым метафоризованным компонентом показывает величину растения ростом с человека

“the name in Barbadoes for the gramineous plant Eleusine Indica which is of *an exceeding greatness*” [OED]. Прямо номинативно этот признак представлен в бинарной оппозиции *large :: small* и *long :: short*. Приведем примеры первой оппозиции, **large – laurel** “*Rhododendron maximum, a plant with large leaves*” [OED] и **fig-banana** (первый метафоризованный компонент сложного образования) “*a small variety of the banana common in the West Indies*” [OED]. Вторая оппозиция представлена примерами: **long – leek** “*Alliumporrum has great length*” [OED] и **sprat – barley** “*a species of barley with short ears and long awns*” [OED].

Достаточно репрезентативной является percepция запаха, передающая бинарную позитивную оценку запаха, например, **sweet-scented fern** “*a name for two plants with aromatic scent*” наряду с негативной оценкой запаха, например, **stinkwood** “*a name to various trees the wood of which has a fetid smell*” [OED].

Percepция вкуса передает бинарную оппозицию сладкости, например, **sugar-melon** “*a sweet melon*” [OED] и горькости, например, **pepper-riot** “*any species of Dentaria, so called from the pungent-flavoured root*” [OED]. Этот мотивационный признак наименования флоронимов представлен и бинарной оппозицией кислотности, например, **sour – fruit** “*the fruit of the West Indian tree, sour in taste*” [OED] и солёности, например, **salt bush** “*any of the plants of the genus Atriplex which grow extensively on the plains of Australia, salt in taste*” [OED].

Менее репрезентативной является percepция звука при мотивации номинативных признаков флоронимических наименований, например, **rattle-bush** “*a West Indian plant with inclosed peas which being ripe make a rattling noise when shaking by the wind*” [OED].

Таким образом, получение когнитивной информации происходит посредством восприятия формы (иконизм), percepция затем переходит в идентификацию флоронимического объекта. При этом происходит трансформация архетипической семантики, имеющей историческую информацию, в прототипическую. Прототип находится в сознании номинатора как некая организация предшествующего индивидуального и коллективного практического опыта в социуме.

Изучение дефиниционного материала подтверждает факт производности параметрических флоронимических наименований, используя эмотивные отношения номинатора к природе и как культурные, так и исторические архетипы. Далее percepтивный процесс продуцирует идентификацию объектов флоры, где функционирует прототипическая семантика по принципу «фигура – фон».

Прагматические и локативно-темпоративные мотивационные основания флоронимической номинации имеют иной механизм номинации

с дискурсивно-логическим/ индуктивным фреймом. Индуктивная логика благодаря механизму эмпирического обобщения создает предпосылки для интерпретации флоронимического наименования как индуктивного понятия.

Полученная номинативная информация оказывается релевантной при частотном употреблении в речи языкового знака, закрепленного в конвенциональных формах номинации, таких как именные композиты и именные словосочетания, и представленных как прямой, так и косвенной номинацией. Следовательно, процесс получения и обработки номинативной информации включает несколько этапов, которые в процессе их слияния/блендинга интегрируют в единое номинативное образование.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
Повилинес Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль. 1983.
Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
Рябко О. П. Сложноструктурные флоронимы в английском языке: когнитивно-фреймовая и мотивационно-номинативная интерпретация. Автореф. ... дисс. докт. фил. наук. Пятигорск, 2004.
The Oxford English Dictionary. Oxford, 1933. Vol. 1–12 URL: <https://www.oxford-dictionaries.com>.

O. P. Ryabko (*Rostov-on-Don, Russia*)
South Federal University

COGNITIVE MECHANISMS OF PERCEPTION AND PROCESSING OF NOMINATIVE INFORMATION

In the article mechanisms of receiving and transmitting cognitive information by perceptive in-take of floranimic objects are viewed. Nomination of these objects in the frame of vague personal knowledge is taking place unconsciously and the notion of image presents the whole /non-partial nominative product. Perceptive process is referred by the process of floranimic object identification and transformation archetypal semantics into prototypical semantics in accordance with the principle “figure-ground”. As cognitive information is used frequently it becomes relevant and is packed in conventional forms and definite types of nomination.

Key words: nomination, cognition, perception, identification, relevance.

И. А. Савватеева (Иркутск, Россия)
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
savvrina@mail.ru

ПРОТОТИПИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье определяется сущность и прототипическая характеристика структуры категории поведения, в составе которой обнаруживаются два Наблюдателя: субъект восприятия и интерпретации (Наблюдатель_п) и субъект восприятия (Наблюдатель_л).

Ключевые слова: поведение, прототип, концепт, категория, Наблюдатель.

Целью исследования является более конкретное осмысление категории поведения с двумя Наблюдателями на основе теории прототипов [Cruse 1990; Geeraerts 2006], а также на основе когнитивных лингвистических исследований восприятия и оценки [Кустова 2001; Семенова 2007]. Исходя из этого, произведен отбор и анализ фрагментов лексической системы английского языка, имеющих отношение к категории поведения, с позиции лингвосомиотики и аксиологической лингвистики с использованием метакатегории Наблюдатель.

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена значимостью концепта и категории «поведение» как системных компонентов любой национальной картины мира и относится к видам социальных отношений и действий (вместе с победой, помощью, принуждением, подчинением, управлением и т. д.) [Плотникова 2009].

Языковая категоризация поведения в английском языке включает действие, маркируемое лексемами *act/ to act*. Данные лексемы практически всегда обнаруживаются в словарных определениях непосредственных вербализаторов концепта BEHAVIOUR, когда речь идет о поведении человека [Савватеева 2019].

Категория поведения выделяется из комбинации категорий действия, поступка и делания (*do, doing*), последнее, в свою очередь, является одним из первостепенных компонентов, входящих в семантику глагола *to act – to do something for a particular purpose...* [CDO].

Мы предполагаем возможность вычленения структуры прототипического поведения в самостоятельную категориальную рубрику опыта восприятия человека как физического и социального существа. В таком случае, категория поведения в прототипическом выражении предполагает «лучший» образец [Taylor 1989] поведения, без примеси родственных категорий. Э. Рош назвала

точками когнитивной референции (cognitive reference points) и прототипами (prototypes) те члены категории или подкатегории, которые имеют особый когнитивный статус – «быть наилучшим примером категории» [Rosch 1978: 36–37].

По мнению ряда исследователей, для категорий свойственно выделение ядра, в качестве которого может выступать прототипический член категории, и периферии, характеризующейся стертыми, переходными признаками [Taylor 1989; Болдырев 2000]. При обособлении категориального (концептуального) ядра и выделении прототипической структуры категории поведения можно обнаружить двух Наблюдателей. 1) Перцептор – субъект восприятия и интерпретации (Наблюдатель_П) поведенческих действий и 2) Агенс – субъект восприятия (Наблюдатель_А), который совмещает роли субъекта поведения и наблюдающего адресатов своих поведенческих действий в своем перцептивном пространстве. При рассмотрении поведения в таком ключе, можно обнаружить, что прототипическое поведение находится в сфере социально-межличностных отношений, которые обладают знаковостью и оценочностью. Например:

1) *He behaved as if he was still in command of a battleship, calling the floors “decks” and referring to the “captain’s state room”* [ludwig.guru.com].

2) *I will never forget seeing it for the first time in 1999 at the Edinburgh film festival- and seeing Albert Maysles on stage, a shy, self-effacing man who behaved as if he was merely a technician who just pointed the camera* [ludwig.guru.com].

В примерах прототипического поведения у глагола *behave* обнаруживается синтагматическая возможность указания на Наблюдателя_П. Это могут быть фразы с *as if/as though*, в содержании которых эксплицируются прототипическое поведение (см. выше приведенные примеры).

В следующем примере Адресат поведения, совпадающий с Наблюдателем_П, определяется в предложной *to*- фразе: 3) *My keeper, whose name was Sing Fou, and who, from a long exercise of magisterial authority, was rough and dictatorial, behaved to me somewhat harshly at first...* [inspirassion.com].

Конструкции с предлогом *to(towards)*, указывают на Адресата (возможно, одновременно и Наблюдателя) целенаправленных поведенческих действий. Подобные действия являются типичным контекстом прототипического поведения, подчеркивающим, социальные, межличностные отношения: 4) *He gave me my first lesson in how to make films and above all how to behave towards the people you work with and the actors* [cooljigator.com].

В примере поведение субъекта (Наблюдателя_А) является семиотическим комплексом, предназначенным для адресата(ов) в целях его «расшифровки», поскольку невозможно вести себя подобным образом, не видя адресатов

(наблюдателей) в своем перцептивном пространстве. Субъект поведения по необходимости становится Наблюдателем_A, поскольку, ему необходимо видеть и воспринимать в своем перцептивном пространстве людей, на которых направлено его поведение, в противном случае, действие так и останется действием, лишенным знаковости и целевой детерминации. Обратим внимание на то, что для действия, поступка и т. п. агенс и не должен быть Наблюдателем, поскольку его действия могут происходить и в отсутствие наблюдателей, в одиночестве, без какого-либо расчета «на публику». Например: 5) *But Lucy behaved like a child* [ludwig.guru.com].

В ситуациях же прототипического поведения реализуются два уровня когнитивно-оценочной интерпретации – со стороны Наблюдателя-перцептора и со стороны Наблюдателя-Агенса. «Поведение человека на людях всегда, так или иначе, адресуется наблюдателю/наблюдателям и воспринимается ими, «прочитывается», понимается и интерпретируется» [Мечковская 2008: 293]. Наблюдатель_п воспринимает действие/совокупность действий как знаковый феномен и, главное, оценивает его. Наблюдатель_п может играть двойную роль в формировании концепта BEHAVIOUR: он может быть адресатом (но не обязательно), на которого ориентирует свое поведение субъект поведения, и обязательно является тем интерпретатором поведения, который воспринимает его и оценивает в существующей системе ценностей. Таким образом, поведение как социальное знаковое явление возникает при обязательном присутствии Наблюдателя_п [Савватеева 2019].

В поведенческих действиях/ситуациях с двумя Наблюдателями наиболее четко можно проследить межличностно-социальные отношения. В центральном прототипическом понимании категории поведения комплекс двух Наблюдателей будет являться его отличительной семантической чертой. Метапонятие Наблюдатель как субъект восприятия и оценки/интерпретации Наблюдаемого [Верхотурова 2008] дает возможность определения сущности прототипического поведения и описания его структуры.

Итак, была предпринята попытка определить и обособить категориальное (концептуальное) ядро поведения, которое в наиболее эксплицитном виде выражает идею социальных отношений, в свою очередь, являющихся основополагающими факторами поведенческих действий.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000.
- Верхотурова Т. Л.* Фактор наблюдателя в языке науки: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008.

Кустова Г. И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка. Языки этики: сборник статей / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000.

Мечковская Н. Б. Семиотика: язык. Природа. Культура. М.: Издательский центр академия, 2008.

Плотникова А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола (на материале глаголов социальных отношений): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2009.

Савватеева И. А. Вербализация семиотического и аксиологического потенциала концепта BEHAVIOUR в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2019.

Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости: монография. Иркутск: изд-во ИГЛУ, 2007.

Cruse D. A. Prototype theory and lexical semantics // Meaning and prototype Studies in Linguistic Categorization / ed. by Savas and Tsohatzidis. L., N. Y.: Routledge, 1990. P. 382–402.

Geeraerts D. Prospects and problems of prototype theory // Cognitive linguistics: basic readings. New York: Mouton de Gruyter Berlin, 2006. P. 141–165.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / Ed. by E. Rosch, E. Lloyd. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.

CDO – Cambridge Dictionary: online version. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 23.12.2022).

Источники примеров

ludwig.guru.com [Electronic resource]. URL: <http://ludwig.guru.com>

[Inspirassion.com](http://inspirassion.com) [Electronic resource]. URL: <http://inspirassion.com>

[Coljugator.com](http://coljugator.com) [Electronic resource]. URL: <http://coljugator.com>

I. A. Savvateeva (Irkutsk, Russia)

Irkutsk National Research Technical University

THE PROTOTYPICAL EXPRESSION OF THE CATEGORY OF BEHAVIOR IN ENGLISH

The article defines the essence and prototypical characteristics of the structure of the category of behaviour, which includes two Observers: the subject of the perception and interpretation (the Observer_p) and the subject of perception (the Observer_a).

Key words: behaviour, prototype, concept, category, the Observer.

И. В. Скрынникова (Волгоград, Россия)
Волгоградский государственный университет
i.skrynnikova@volsu.ru

ЭКСПЛАНАТОРНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В (РЕ)ФРЕЙМИНГЕ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье анализируются проблемы экологической гиперкогниции и отсутствия адекватного фрейминга проблем окружающей среды в публичном и масс-медийном дискурсе, что влечет за собой ложные инференции относительно изменения климата и необходимости принимать неотложные меры. Выявлены доминантные экологические нарративы и обоснована необходимость рефрейминга в климатической коммуникации с опорой на концептуальные метафоры, обладающие мощным объяснительным потенциалом.

Ключевые слова: изменение климата, метафора, дискурс, (ре)фрейминг, объяснительный потенциал метафоры.

Подобно многочисленным сложным научным концептам, изменение климата и связанные с ним процессы недоступны непосредственно из нашего повседневного опыта, поскольку они абстрактны, имеют постепенный характер или по большей части невидимы. Что-то отдаленное и, следовательно, безопасное для нашего тела, вряд ли может считаться достойным беспокойства. Это означает, что мы имеем дело с экологической гиперкогницией, т. е. отсутствием адекватных представлений об окружающей среде, поскольку последняя пересекается с другими областями, такими как энергетика, продовольствие, здоровье, торговля и безопасность [Lakoff 2010]. Ввиду этого экологами, политикам и средствам массовой информации становится все сложнее сообщать широкой общественности о рисках изменения климата, поскольку им не хватает фреймов для отражения текущей ситуации. В таких насущных и деликатных вопросах, как изменение климата, выбор слов становится главной заботой ученых.

В продолжающемся поиске эффективной коммуникации об изменении климата использование метафоры и аналогии неоднократно подтверждалось как более предпочтительное по сравнению с буквальным языком, который перегружен научными терминами, непонятными для неспециалистов [Armstrong, Krasny, Schuldt 2019; Niebert, Gropengiesser 2013]. Применение метафорического языка может способствовать успешности кампаний по обмену сообщениями об изменении климата, побуждая людей занимать более ответственную позицию в своих отношениях с природой [Thibodeau, Frantz, Berretta 2017].

Рассматривая совокупность исследований научной метафоры в академическом, публичном и медийном дискурсах, настоящее исследование представляет собой попытку ответить на следующие вопросы: какие функции выполняют метафоры, подчеркивая риски изменения климата; каков текущий репертуар метафорических нарративов, используемых в дискурсе изменения климата в экспертном и непрофессиональном сообществах. Методологически исследование опирается на положения теории воплощенного познания и концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1999] в сочетании с критическим анализом метафор, объединяющим анализ критического дискурса, корпусную лингвистику, прагматику и когнитивную лингвистику для изучения имплицитных намерений говорящего и скрытых властных отношений посредством анализа метафорических выражений.

В настоящее время множество довольно известных модных словечек, большинство из которых метафоричны, систематически используются для описания изменения климата. В последние годы однако наблюдаются попытки изменить некоторые из этих выражений. Например, журналисты стали прибегать к терминам «климатическая катастрофа» ('climate catastrophe') или «климатическая авария» ('climate breakdown'). Однако даже они наводят на мысль о естественной силе природы, отсутствии ответственности со стороны человека или возможности обратить процесс вспять.

Термины «*изменение климата*» и «*глобальное потепление*» используются с 1970-х годов. Однако первый оказался предпочтительнее второго не только потому, что изменения подразумевают больше, чем потепление, но и благодаря позиции экоскептиков ('climate deniers') в США, поскольку он звучит менее пугающе и менее конкретно. Слово «*изменение*» в политическом дискурсе может иметь достаточно положительную коннотацию, чтобы победить на выборах [Levine et al. 2011], в то время как «*изменение климата*» может означать изменения во многих направлениях (нагрев, охлаждение и т. д.). Такой фрейминг позволяет задаться вопросом, есть ли вообще какие-либо изменения, или заявить, что изменение является естественным явлением, и никто не должен и не может сопротивляться. Научный термин «*изменение климата*» также расплывчат и размыт, чтобы допустить множество истинных и ложных интерпретаций. Исследователи пришли к выводу, что «*изменение климата*» и «*глобальное потепление*» означают для людей разные вещи и активируют разные установки, убеждения, эмоции и модели поведения. «*Глобальное потепление*» гораздо больше вовлекает человека в проблему, сообщая ему более четкое негативное ощущение реальности происходящего. Термин «*изменение климата*», напротив, снижает уровень вовлеченности [Maibach 2014].

Одной из распространенных в науке метафор о климате является метафора парника/теплицы, способствующая появлению термина «парниковый

эффект», при котором атмосфера Земли улавливает тепло из-за накопления CO₂, что приводит к опасному потеплению. Эта метафора также довольно проблематична по ряду причин. Настоящие теплицы представляют собой изящные конструкции, что делает концепцию довольно привлекательной. Она подпитывает ошибочное представление о том, что CO₂ можно удалить мгновенно через окно и что эффект нагрева может быстро рассеяться, способствуя выжидательной тактике в отношении его разрушительного эффекта для климата [Chen 2012]. Дополнительным проблематичным аспектом является то, что настоящие теплицы специально разработаны для улавливания тепла и борьбы с холодом, что может создать ложное впечатление, что нагрев – это цель. Эта метафора иногда дополнительно объясняется другой метафорой CO₂ В АТМОСФЕРЕ – ЭТО МЯГКОЕ ОДЕЯЛО, под которым задерживается тепло. Этот образ также вводит в заблуждение: CO₂ – это не одеяло, которое можно удалить, а одеяло, которое утолщается еще 30 лет после того, как выбросы сократились до нуля.

Если фрейм отсутствует, то его можно начать создавать, изобретая с нуля термины (например, «антропоцен»). Но более перспективным нам представляется создание аналогий с помощью метафор. Так, в научно-популярных статьях новая информация часто объясняется через выражения типа «*Океан теряет аппетит к углероду*». Особенно эффективно создание всеобъемлющей метафоры, которая вписывает новое знание во всем понятную бытовую ситуацию, такой как метафора об атмосфере как о протекающей ванне. Из нее даже непрофессионалу станет понятно, что эпизодическое сокращение выбросов не решает проблему, и CO₂ будет накапливаться в атмосфере до тех пор, пока «кран» не перекроют полностью.

Эмпирически доказано, что одни климатические метафоры работают лучше, чем другие [Russill 2011], но реальная опасность в том, что не следующее, а нынешнее поколение не понимает масштабность проблемы. Следует задействовать метафоры, которые могут эффективно пояснить то, как потепление, вызванное деятельностью человека, меняет вероятность наступления экстремальных метеорологических явлений: «*Удерживающие тепло газы действуют как стероиды в климатической системе, повышая вероятность экстремальной жары, проливных дождей и ряда других типов экстремальных явлений*». Подобная метафора позволяет объяснить, что, несмотря на естественное возникновение экстремальных явлений в природе, их частота и интенсивность в настоящее время растет в результате антропогенного воздействия. Аналогичным образом, глобальное потепление «*способствует тому, что на игральном кубике экстремальные явления выпадают все чаще*» (<https://public.wmo.int/ru/resources/bulletin/>)

Основываясь на анализе специально составленного корпуса метафор изменения климата, полученного из различных текстовых источников (корпусов, блогов эоактивистов, политиков, общественных деятелей, социальных сетей), автор выделяет четыре типа доминантных метафорических нарративов об изменении климата, продвигаемых своим репертуаром метафор, отражающих отношение к нему, а также подсказывающих тактику дальнейших действий:

1) нарратив безразличия/скептицизма:

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА – ТРЮК/МИСТИФИКАЦИЯ;

2) нарратив эоактивизма:

АТМОСФЕРА – ПРОТЕКАЮЩАЯ ВАННА;

3) нарратив разумного роста:

ПЕРЕХОД К ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ – ВОССТАНОВЛЕНИЕ/
РЕМОНТ ДОМА;

4) нарратив экомодернизма:

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПЛАНЕТЫ – ОПЛАТА УСЛУГ.

Нарратив безразличия/скептицизма не отрицает изменение климата и вину человека в нем, но указывает на умышленное преувеличение учеными масштабов климатических изменений. В рамках второго нарратива эоактивизма утверждается, что перенаселение и культ потребления ведут человечество к коллапсу, от которого спасут только радикальные меры: полный передел экономического и общественного уклада. Идеи нарратива разумного роста содержат призывы срочно остановить уничтожение экосистемы, но устойчивое развитие экономики без потери привычного стиля жизни вполне достижимы. Центральная идея нарратива экомодернизма в том, что наряду с инвестициями в технологии и «зеленую» энергию необходимо задуматься об адаптации к изменившемуся климату в долгосрочной перспективе.

Большая часть выявленных метафорических нарративов о климате помещается между сферой науки и сферой политики. В то же время в научных публикациях появляется все больше риторики, а по стилю они все больше приближаются к политическим выступлениям. Необходимо создавать адекватные нарративы о климате, отражающие реальное положение вещей, ведь именно они преподносят изменение климата как угрозу. Нарративный подход, основанный на метафоре, позволяет уложить научные данные в некую историю с завязкой, развитием, кульминацией, развязкой и моралью, а также присвоить основным действующим лицам черты классических персонажей: героя, злодея, жертвы, ложного героя, дарителя. Нам представляется, что использование набора когерентных метафорических нарративов может в конечном итоге привести к повышению осведомленности общественности и беспокойности рисками изменения климата.

Литература

Armstrong A. K., Krasny M. E., Schuldt J. P. Using metaphor and analogy in climate change communication // *Communicating Climate Change*. Cornell University Press, 2019. P. 70–74. URL: <https://doi.org/10.7591/9781501730801-013>

Chen X. The greenhouse metaphor and the greenhouse effect: a case study of a flawed analogous model // *Research Topics in Wind Energy*. 2012. Vol. 2. P. 105–114. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-642-29928-5_5

Lakoff G. Why it matters how we frame the environment // *Environmental Communication*. 2010. 4:1. P. 70–81. DOI: 10.1080/17524030903529749

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. Basic Books, 1999.

Levine K. J., Clark N., Haygood D. M., Muenchen R. A. Change: How young voters interpreted the messages sent during the 2008 presidential election season // *American Behavioral Scientist*. 2011. <https://doi.org/10.1177/0002764211398075>

Maibach E., Leiserowitz A., Feinberg G., Rosenthal S., Smith N., Anderson A., Roser-Renouf C. What's in a Name? Global Warming versus Climate Change, 2014. DOI: 10.13140/RG.2.2.10123.49448

Niebert K., Gropengiesser H. Understanding and communicating climate change in metaphors // *Environmental Education Research*. 2013. 19:3. P. 282–302. DOI: 10.1080/13504622.2012.690855

Russill C. Temporal Metaphor in Abrupt Climate Change Communication: An Initial Effort at Clarification // *W. Leal Filho (Ed.) The Economic, Social and Political Elements of Climate Change*. Springer Berlin Heidelberg, 2011. P. 113–132, <https://doi.org/10.1007/978-3-642-14776-0>

Thibodeau P., Frantz C., Berretta M. The earth is our home: systemic metaphors to redefine our relationship with nature // *Climatic Change*. 2017. P. 142. 10.1007/s10584-017-1926-z.

I. V. Skrynnikova (Volgograd, Russia)
Volgograd State University

EXPLANATORY FUNCTION OF METAPHOR IN (RE)FRAMING CLIMATE CHANGE

The paper analyzes the problems of ecological hypercognition and the lack of adequate framing of environmental issues in public and mass media discourse which entails false inferences about climate change and the need to take drastic measures. It identifies dominant environmental narratives and reveals the need to reframe climate change communication by employing conceptual metaphors that have a powerful explanatory potential.

Key words: climate change, metaphor, discourse, (re)framing, metaphor's explanatory potential.

М. П. Таймур (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова
mariataymour@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье ставится задача исследовать особенности феномена концептуальной метафоры в современном испанском литературном дискурсе. Проводится сравнительный анализ между идентифицированными метафорами и метафорами, выделенными в ранних исследованиях, и выделяются девять концептуальных метафор, характерных лишь для испаноязычной литературы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, испанская литература, концептуальная метафора.

Присутствие метафор в литературных произведениях, а также в повседневном языке эксплицитно указывает на естественную склонность коммуникантов к установлению самых различных связей и ассоциаций для понимания и описания окружающей их реальности. В ранних исследованиях феномен метафоры обсуждался, как правило, в рамках анализа поэтического дискурса, однако после возникновения и дальнейшего развития когнитивно-дискурсивной парадигмы широкое присутствие метафор и их вездесущий характер в повседневной жизни стали изучаться все чаще [Lakoff, Johnson 1980].

Настоящее исследование направлено на выявление ключевых концептуальных метафор, присутствующих в современной испаноязычной литературе, а также выявление (не)соответствий между концептуальными идентифицированными нами метафорами на материале испанского языка и концептуальными метафорами, выявленными Лакоффом и Джонсоном. Эмпирическим материалом послужили 20 современных литературных испаноязычных произведений и 125 концептуальных метафор, используемых их авторами. Основываясь на метафорах, первоначально описанных в англоязычных исследованиях, испаноязычные лингвисты также использовали категории структурных, ориентационных и онтологических метафор (работы Ibarretxe-Antuñano, in press; Meza 2010; Nubiola 2000; Barcelona 2012; Soriano 2003; Díaz 2006). Основные категории концептуальных метафор в испанском языке, несомненно, сохраняются:

Структурные метафоры: UNA DISCUSIÓN ES UNA GUERRA (СПОР – ЭТО ВОЙНА); EL TIEMPO ES DINERO (ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ);

Ориентационные метафоры: FELIZ ES ARRIBA (РАДОСТЬ НАВЕРХУ); TRISTE ES ABAJO (ГРУСТЬ ВНИЗУ); LO CONSCIENTE ES ARRIBA (СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ НАВЕРХУ); LO INCONSCIENTE ES ABAJO (БЕССОЗНАТЕЛЬНОСТЬ ВНИЗУ);

Онтологические метафоры: LA INFLACIÓN ES UNA ENTIDAD (ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО СУЩНОСТЬ); LA MENTE ES UNA MÁQUINA (РАЗУМ – ЭТО МАШИНА); LA MENTE ES UN OBJETO FRÁGIL (РАЗУМ – ЭТО ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ).

Однако, в испанском языке существуют определенные особенности, связанные с лингвокультурным багажом нации. Например, А. Барселона и С. Сориано особо выделяют концептуальные метафоры, связанные с грустью, депрессией, гневом и любовью [Barcelona 2012; Soriano 2012]. В своем сопоставительном исследовании современного испаноязычного литературного дискурса они подчеркивают частотность таких метафор, как ПЕЧАЛЬ – ЭТО ПРОТИВНИК, ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕСТЕСТВЕННАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА и ГНЕВ – ЭТО ТЕПЛО ЖИДКОСТИ В КОНТЕЙНЕРЕ. Данные концептуальные метафоры присутствуют и в английском языке, а вот исключительно для испанского языка характерны такие структурные метафоры, как ПЕЧАЛЬ – ЭТО МУЧИТЕЛЬ и ОБЪЕКТ ЛЮБВИ – ЭТО НЕБЕСА. В результате настоящего исследования были выделены следующие наиболее традиционные для испанской литературы когнитивные метафоры:

- EL AFECTO ES CALOR (ВЛЮБЛЕННОСТЬ – ЭТО ТЕПЛО);
- INMORAL ES SUCIO (АМОРАЛЬНО – ЭТО ГРЯЗНО);
- MORAL ES LIMPIO (МОРАЛЬ – ЭТО ЧИСТО);
- LAS EMOCIONES SON OBJETOS/SUSTANCIA (ЭМОЦИИ – ЭТО ОБЪЕКТЫ/СУБСТАНЦИЯ);
- EL CUERPO ES UN CONTENEDOR (ТЕЛО – ЭТО КОНТЕЙНЕР);
- LA INTENSIDAD ES CALOR (ИНТЕНСИВНОСТЬ – ЭТО ТЕПЛО);
- LAS ACTIVIDADES DE LARGA DURACIÓN CON UN OBJETIVO SON VIAJES (ДОЛГАЯ АКТИВНОСТЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ);
- LA IRA ES FUEGO (ГНЕВ – ЭТО ОГОНЬ).

При категоризации идиом, выявленных в отобранных для настоящей работы литературных произведениях, были отмечены закономерности, которые приводили к новым вербальным отображениям уже существующих концептуальных метафор [Таймур 2021, 2022]. Кроме того, в результате данного процесса было выявлено девять новых метафор, не отмеченных ранее в исследованиях на материале других индоевропейских языков:

1) LA TRANQUILIDAD ES FRESCA (СПОКОЙСТВИЕ – ЭТО ПРОХЛАДА), напр., *Quedarse tan fresco* (оставаться спокойным); *Tan fresco como una lechuga* (досл. спокойный как кочан салата, т. е. спокойный как удав);

2) EL ORGULLO ES ARRIBA (ГОРДОСТЬ НАВЕРХУ); LA HUMILDAD ES ABAJO (СКРОМНОСТЬ ВНИЗУ), напр., *Subirse a las barbas* (досл. лезть на бороду, т. е. лезть на рожон); *Subirse a la cabeza* (сходить с ума); *Caerse de su burro* (досл. слезать со своего осла, т. е. признать свою ошибку); *Rebajarse a* (смириться с чем-либо);

3) GORDO ES BUENO (ТОЛСТЫЙ – ЭТО ХОРОШО); FLACO ES MALO (ХУДОЙ – ЭТО ПЛОХО), напр., *Sacar el premio gordo* (досл. выиграть толстый, т. е. главный приз); *Ganar el gordo* (сорвать джекпот); *Sacarse el gordo* (досл. снимать жир, т. е. быть добытчиком в семье); *Pez gordo* (досл. толстая рыба, т. е. важная шишка); *Gordo* (дорогой, милый); *A perro flaco todo son pulgas* (досл. блохастой собаке все блохи, т. е. беда не приходит одна);

4) GORDO ES MALO (ЖИР – ЭТО ПЛОХО), напр. *Caerle gordo* (досл. быть как толстяк, т. е. быть неприятным, действовать кому-то на нервы); *Lo gordo* (сложная часть, задачи, ситуации); *Una mentira de las gordas* (ложь толстых; т. е. большая ложь);

5) EL CUERPO ES UNA MÁQUINA (ТЕЛО – ЭТО МАШИНА), напр. *Ponerse las pilas* (досл. вставлять в себя батарейки, т. е. зарядиться энергией); *Ser una máquina* (досл. быть машиной, т. е. работать очень быстро);

6) EL CORAZON ES UN OBJETO FRÁGIL (СЕРДЦЕ – ХРУПКИЙ ОБЪЕКТ), напр. *Tener el corazón hecho pedazos* (разбить сердце на куски); *Partirle el corazón* (быть с разбитым сердцем);

7) ESTAR CANSADO ES SER DE POLVO (БЫТЬ УСТАВШИМ – БЫТЬ СДЕЛАННЫМ ИЗ ПЫЛИ), напр. *Tener los huesos molidos*, *Estar hecho polvo* (досл. иметь кости из пыли, быть пылью, т. е. быть истощенным); *Hacer polvo* (изнашиваться);

8) LAS RELACIONES SON LAZOS (ОТНОШЕНИЯ – ЭТО СВЯЗИ), напр. *Cortar los lazos* (досл. перерезать ленты, т. е. обрывать все контакты); *Romper las amistades* (досл. разрывать дружбу, т. е. сориться); *Trabrar amistad con* (напр., работать над дружбой, т. е. подружиться);

9) AGOSTO ES ABUNDANCIA (АВГУСТ – ЭТО ИЗОБИЛИЕ), напр. *Agosto y septiembre no duran siempre* (досл. август и сентябрь не делятся вечно, т. е. все хорошее когда-нибудь заканчивается); *Hacer su agosto* (досл. сделать август, т. е. собрать урожай).

Наиболее интересно отметить, что концептуальная метафора ТОЛСТЫЙ – ЭТО ХОРОШО; ХУДОЙ – ЭТО ПЛОХО – это онтологическая метафора, которая меняет значение традиционной дихотомии ХОРОШО – ПЛОХО. Положительный взгляд на концепт «жир» в данной метафоре противоречит современным западным стандартам, в которых ценится худоба. Это связано,

возможно, с испанскими культурными ценностями прошлых веков. В отношении различных пословиц, связанных с полнотой, еще М. Сервантес писал: *la gordura realza la belleza física* (полнота подчеркивает физическую красоту); *puede resultar beneficioso tener unos kilos de más para ocultar algunos defectos* (может быть полезно иметь несколько лишних килограммов, чтобы скрыть некоторые дефекты). Это вполне объясняет положительную корреляцию между идеями «жир / жирный» и «хорошо», прослеживаемую в современном испанском языке.

Итак, результаты настоящего исследования показывают, что определенные концептуальные метафоры более продуктивны в идиоматических выражениях в испаноязычной литературе, в то время как другие популярные в различных языках метафоры практически не встречаются в употребляемых авторами выражениях. Кроме того, не все идиомы указывают на существование в них метафорической концептуализации, а некоторые даже противоречат ранее идентифицированным концептуальным метафорам. Исследования такого рода способствуют пониманию языка и его роли в отражении культурных ценностей. Несомненно, требуется более систематический анализ данного феномена, для чего видится необходимым проведение более глубинного исследования концептуальной метафоры на испанском языке на материале крупных корпусов литературных произведений.

Литература

Таймур М. П. Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Таймур М. П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. М.: РУСАЙНС, 2022.

Barcelona A. On the systematic contrastive analysis of conceptual metaphors: case studies and proposed methodology // R. Dirven, R. W. Langacker & J. R. Taylor (Eds.) *Cognitive Linguistics Research: Language Pedagogy*. Tübingen: Walter de Gruyter, 2012. P. 117–146.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

M. P. Taymour (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Plekhanov Russian University of Economics

CONCEPTUAL METAPHOR IN MODERN SPANISH

The article aims to explore the features of the phenomenon of conceptual metaphor in contemporary Spanish literary discourse. A comparative analysis between the identified metaphors and the metaphors discussed in earlier studies is carried out. Nine conceptual metaphors that are characteristic only of Spanish-language literature are singled out.

Key words: cognitive linguistics, metaphor, Spanish literature, conceptual metaphor.

А. Б. Теплякова (Москва, Россия)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
teplyakova.anastasia@lecturer.msu.ru

МЕТАФТОНИМИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В работе анализируется сочетание метафоры и метонимии в мультимодальных дискурсивных элементах медиатекстов. Метафтонимия реализует аналитическую и комментирующую функции медийной статьи благодаря компрессии информации, сужению целевого домена и механизму дефокусирования.

Ключевые слова: (де)фокусирование, медийный дискурс, метафтонимия, метонимия, мультимодальная метафора.

В современном разнообразии периодических цифровых изданий одной из задач журналиста становится привлечение внимания аудитории к статье. Согласно доминантному принципу организации концептуальной системы, ориентируясь в потоке информации, читатель руководствуется определенными знаниями и представлениями, то есть теми характеристиками, связями, точками референции, элементами и ценностями, которые несут

Рис. 1. Иллюстрация к заголовку статьи из интернет-издания The New York Times

коллективную и индивидуальную значимость [Болдырев 2019]. Заголовки статей, сопровождающиеся невербальным компонентом, реализуют аналитическую и комментирующую функции медиатекста и представляют собой пример компрессии информации высокого уровня. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы такие единые дискурсивные элементы, как краткий текст в сочетании с экстралингвистическими, в частности иконическими, элементами, позволяют более четко увидеть фрагмент ментального мира автора [Кубрякова 2000]. Мы предполагаем, что именно поэтапная инференция смысла, вложенного в заголовок и иллюстрацию, и вызывает интерес читателя.

В семиотически гетерогенных заголовках представлены мультимодальные смешанные метафоры и метонимии, в которых два и более домена-источника принадлежат различным семантическим областям. М. П. Таймур указывает на важную роль ментального механизма метафоро-метонимического переноса в процессе дешифрования смысла, вложенного в вербально-графические метафоры [Таймур 2020]. Метафоро-метонимический перенос также называется метафтонимией по Л. Гуссенсу [Goossens 1990]. Данная статья ставит целью проанализировать возможные когнитивные операции в метафтонимических мультимодальных заголовках. Из рассмотренных 112 лингвистических единиц в качестве наиболее яркого примера многоэтапных метафоро-метонимических переносов был выбран заголовок *Covid, Russia and Economy Put the 'China Model' to the Test* и иллюстрация к статье Ли Юань, опубликованной в онлайн версии газеты The New York Times 01.04.2022 (см. рис. 1) [The New York Times URL].

В заголовке *Covid, Russia and Economy Put the 'China Model' to the Test*, представляющем три влияющих на Китай фактора, упоминается некая «китайская модель», под которой может подразумеваться как политический строй, так и экономическая ситуация в стране. Исходя из того, что эпидемия и радикальная смена направления во внешней политике России – новые переменные, по сравнению с которыми политическая система Китая кажется устойчивым элементом, можно предположить, что первая когнитивная операция, происходящая при анализе заголовка, – сужение целевого домена «китайская модель» до «текущая экономическая ситуация в Китае».

В заголовке представлены онтологические метафоры ПАНДЕМИЯ / РОССИЯ / ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭТО СУЩНОСТЬ, поскольку пандемия, Россия и экономика подвергают Китай испытаниям, то есть олицетворяются. Семантика выражения «подвергать испытаниям» (*put to test*) позволяет сузить эти метафоры до онтологических метафор ПАНДЕМИЯ / РОССИЯ / ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНО-

МИКА – ЭТО ПРОВЕРЯЮЩИЙ. Эти три параллельные когнитивные операции приводят к следующему этапу анализа: метафора КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ – ЭТО СУЩНОСТЬ конкретизируется в КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ – ЭТО ИСПЫТУЕМЫЙ. Сама необходимость подвергать ее проверке концептуализируется в метафоре КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ – НЕСТАБИЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ. Так акцентируется неустойчивость китайской модели по отношению к внешним условиям и по принципу противопоставления конкретизируются метафоры ПАНДЕМИЯ / РОССИЯ / ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭТО СТАБИЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ, что может быть не очевидно при первом прочтении заголовка. Метафорический перенос может происходить как в традиционном направлении от конкретного к абстрактному, так и в обратном [Kövecses 2017]. В данном случае он так же происходит по двум направлениям: от ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭТО ПРОВЕРЯЮЩИЙ к абстрактному ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭТО СТАБИЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ и от противопоставления устойчивости Китая и мировой экономики на абстрактном уровне домена к пониманию «китайской модели» как чисто экономической. Целевой домен сужается как на первом этапе, базирующемся на общем представлении о том, что экономика быстрее реагирует на изменения в мире, так и при подробном когнитивном анализе.

Метонимическое проецирование реализует когнитивный механизм фокусирования. «Ковид» – метонимия с идентификацией по месту, поскольку имеются в виду последствия пандемии лишь для Китая. «Россия» также является метонимией: из всех направлений ее текущей политики значимым для Китая является проводимая спецоперация. В обоих случаях очевидно представление целого вместо части и метонимическое расширение.

Сочетание метонимизации и метафор на основе фрейма «испытание» приводит к пониманию зависимости китайской модели от трех факторов и к метафтонимии «китайская экономика – это часть глобальной экономики, зависящая от пандемии, политики России и глобальной экономики». Так метафтонимия в тексте заголовка сужает целевой домен до экономики Китая.

Доминанта визуального компонента – карусель, на которой катаются люди, внешне напоминающие председателя Еврокомиссии и президентов США и Китая. Игрушечная лошадь последнего вылетает из карусели, выломав опорные стойки. Объединяющим этих мировых лидеров элементом вербальной части заголовка может являться только слово «экономика», поскольку на иллюстрации не представлены Россия и пандемия. Следовательно, иконическая часть выделяет экономический аспект. Первыми когнитивными операциями, предположительно, явля-

ются понимание карусели как символа экономики, расширение до понятия «глобальная экономика» и его концептуализация в структурной метафоре ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЭТО КАРУСЕЛЬ и в ориентационных метафорах ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА – ЗАДАННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПО КРУГУ, а КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА – ОТКЛОНЕНИЕ ОТ ЗАДАННОЙ ТРАЕКТОРИИ. Во время первых этапов анализа иллюстрации целевой домен также сужается до экономики Китая.

Для понимания целевого домена важен яркий элемент рисунка – красный цвет лошадки китайского лидера, вносящий дополнительный смысл: красный традиционно символизирует коммунизм. Так, визуальная метафтонимия концептуализирует идею о том, что коммунистическому строю не место в мировой экономике, и меняет фокус целевого домена с экономики на политику.

Сочетание разных доменов-источников (понимания глобальной политики и экономики как карусели в иллюстрации и понимания политики и экономики Китая как испытываемого в вербальном компоненте) создает богатое ментальное пространство. При этом некоторые его элементы, представленные вербально, отброшены в визуальной части, что конкретизирует целевой домен «китайская модель». Визуальный компонент сужает фокус и привносит новые фреймы: других игроков, а также мысль о том, что глобальная экономика нарушена, если карусель сломана. Однако самыми важными операциями, обусловленными взаимодействием двух ментальных пространств, предположительно являются перефокусирование внимания реципиента с экономического аспекта на политический за счет метафтонимии и визуализация основного вывода статьи, неочевидного из текста заголовка, о том, что Китай испытание не выдерживает.

Лингвокогнитивный анализ показывает, что главной функцией метафтонимии в мультимодальных заголовках медиатекстов является привлечение внимания читателя. При приложении дополнительных ментальных усилий реципиент фокусируется на тех компонентах разномодальных дискурсивных элементов, которые вначале могут быть не замечены за счет компрессии информации в тексте и в иллюстрации. Сочетание разных фокусов и множество потенциальных интерпретаций обогащают содержание заголовка. При этом когнитивные операции могут быть направлены как от более абстрактного уровня целевого домена к более конкретным уровням концептуальных метафор, так и наоборот, что, в свою очередь, вносит дополнительные смыслы в полимодальную лингвистическую единицу. Первый этап инференции при прочтении заголовка и последующем взгляде на иллюстрацию состоит в сужении целевого домена и понимании «китайской модели» как «китайской экономики». Далее метафтонимия приводит к изменению фокуса целевого

домена на политический аспект в восприятии реципиента и добавляет идею неуместности и непрочности коммунистического строя Китая в текущих условиях. Так, наличие двух кодов в мультимодальной метафтонимии обогащает смысл заголовка статьи и реализует аналитическую и комментирующую функции медиатекста.

Литература

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 2019. № 37. С. 37–43.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сборник обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания / Отв. ред. Ромашко С. А. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–13.

Таймур М. П. Смешанные вербально-графические метафоры в рекламе (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2020. № 6 (835). С. 127–139.

Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive linguistics*. 1990. Vol. 1, № 3. P. 323–342. URL: <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323> (дата обращения 29.05.2022).

Kövecses Z. Levels of metaphor // *Cognitive Linguistics*. 2017. Vol. 28 (2). P. 321–347. <https://doi.org/10.1515/cog-2016-0052> (дата обращения 29.05.2022).

The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/31/business/china-covid-economy-russia.html?searchResultPosition=3> (дата обращения 31.05.2022).

A. B. Teplyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

METAPHONYMY IN MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE IN THE COVERAGE OF POLITICS AND ECONOMY

The study analyzes the combination of metaphor and metonymy in multimodal discursive elements of media texts. Metaphonymy implements the analytical and commentary functions of a newspaper article due to the compression of information, the mechanism of defocusing and the narrowing of the target domain.

Key words: (de)focusing, media discourse, metaphonymy, metonymy, multimodal metaphor.

Н. И. Файзуллина, Сюзь Жун

(Казань, Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Nelya7@mail.ru; xurongsss8@gmail.com

УЧЕТ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА КАК ОДИН ИЗ ФОКУСОВ ВНИМАНИЯ ПРИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ

В статье на примере работы с русской народной загадкой показана значимость учета лингвокогнитивного контекста, под которым авторы понимают учет культурных сведений определенного временного отрезка с характерными для него культурными коннотациями, условиями проживания.

Ключевые слова: народная загадка, лингвокогнитивный анализ, денотат, фольклор, экстралингвистические факторы.

Разрабатывая проблему систематизации методов когнитивного исследования языка учеными в первую очередь приводятся положения о необходимости рассмотрения языка как сложного многоуровневого образования, включающего не только собственно языковые элементы, но и ряд внешних, экстралингвистических факторов, поскольку зачастую именно экстралингвистические факторы определяют многоуровневость формируемого понятия или развиваемой коннотации, что влечет за собой «необходимость выхода за рамки собственно языковой системы в процессе изучения языковых значений и обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности в виде различных систем знаний о мире» [Болдырев 2004: 19]. Мы полагаем, что вычленение когнитивного контекста при анализе языкового материала позволяет более глубоко проанализировать тот или иной материал, поскольку в таком случае в исследование будут вовлечены довольно крупные культурные пласты информации, соответствующие определенному когнитивному контексту. Под лингвокогнитивным контекстом мы понимаем совокупность экстралингвистических факторов, определивших специфику развития того или иного языкового знака, понятия и т. д.

В качестве подтверждения можно привести размышления ученого начала 20 в. А. Г. Горнфельда, который резко высказывался относительно включения в современный ему русский язык нововведений, которые для нас (спустя почти 100 лет) уже кажутся вполне естественными [Горнфельд 2021]. Разница в 100 лет в данном случае позволяет довольно ярко восстановить протекавшие в то время культурные и исторические события, понять причину ввода того или иного языкового элемента.

Сложнее дело обстоит с анализом языкового материала, который был создан намного раньше. Сложность подобного анализа заключается в том, что мы как исследователи не можем в полной мере воспроизвести всех экстралингвистических факторов, послуживших актуализации того или иного языкового знака, что обусловлено как минимум утратой части «ушедшей» культуры. Это довольно ярко проявляется при работе со словарными статьями. Так, часто, читая словарные статьи, «ловишь» себя на мысли: «Почему так говорили?». Например, в словаре В. И. Даля имеется ряд пословиц, которые очень сильно походят на загадку. Однако это никак не комментируется. И вот тут возникает вопрос: «Почему так?» Мы сразу же исключаем субъективное влияние автора, поскольку в других примерах довольно легко встречаем вопросительный знак. Воспринималась ли загадка во времена В. И. Даля как некое паремиологическое образование, как самостоятельная единица, которая априори не требовала вопросительной интонации или же сам контекст снимал этот вопрос. И тогда возникает следующий вопрос: что позволяло народу дифференцировать загадку, которая требовала после себя поиска ответа, и пословицу, выполняющую функцию «кумулятивную», или же резюмирующую, если ее произносили уже как факт после определенного события.

В данной связи актуальным видится мнение Н. И. Толстого, который в рамках этнолингвистических исследований подчеркивал важность знания исходной культурной пресуппозиции, которая была изначально всем понятна [Толстой 1995: 289–317]. Подобная логика размышления коррелирует и с процессом разгадывания народной загадки, поскольку только знание «культурного кода» дает основание для правильной отгадки.

Рассмотрим загадку *Между двумя дубами завязла теля зубами (топор)* [Садовников 1995: 12]. В первую очередь предложенная загадка поражает современного исследователя полной метафоризацией описания происходящего, что довольно значительно осложняет работу по декодированию информации. Примечательно, что денотат представлен здесь как одушевленный предмет, который чуть ранее выполнял активное действие. И вот один из первых вопросов «современного отгадывающего»: что можно описать при помощи характеристики теля (теленка)? На что указывает данная номинация или же здесь не представлено каких-либо «подтекстов»? Следующий вопрос: почему топор в дереве описывается как предмет посреди двух других предметов? Естественно ли было подобное описание для авторов-составителей? Более того, подобные вопросы и логические размышления наведут на верный ответ лишь тех отгадывающих, которые воочию наблюдали действия топора, что в условиях современных реалий становится довольно редким зрелищем.

Более сложным видится процесс взаимодействия с загадками, денотаты которых просто ушли в небытие. Так, загадка о волоковом окне выглядит

на сегодняшний день довольно многозначно и затруднительно: *У нас в избушке все поползушки* [Садовников 1995: 19]. В данном случае для современного отгадывающего для начала важно представить некий предмет, который действует именно на основе некоторого действия, которое передано как «ползушка». И вновь мы обращаемся в проблеме отсутствия в современных реалиях описываемого денотата, соответственно, не можем восстановить и типичные характеристики загаданного предмета.

Мы убеждены, что учет когнитивного контекста – довольно важное понятие в условиях постоянно развивающегося и изменяющегося мира, в котором вещи довольно быстро приходят в негодность по причине изобретения более современного аналога. Однако мы понимаем, что утрата предмета влечет за собой и утрату целого комплекса представлений о денотате, культурно значимых примет и мыслей, связанных с ним, коннотаций, возможно, аксиологических составляющих, что подчеркивает необходимость актуализации лингвокогнитивного контекста при анализе в первую очередь фольклорного текста, который не просто передает информацию, но и сохраняет многовековой опыт национального познания окружающего мира.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Горнфельд А. Г. Новенькие словечки и старые слова: Жизнь языка и рождение новых слов. Чистота русского язык. М.: URSS, 2021.

Толстой Н. И. Культурная семантика славянского *vessel- // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 289–317.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М.: Славянский мир, 1995.

*N. I. Fayzullina, Xu Zhun (Kazan, Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University*

TAKING INTO ACCOUNT THE COGNITIVE CONTEXT AS ONE OF THE ATTENTION FOCUSES IN THE LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS OF FOLK RIDDLES

The article shows the importance of taking into account the linguocognitive context with the help of which the authors understand the accounting of cultural information of a certain period of time with its characteristics, cultural connotations, living conditions, by the example of working with a Russian folk riddle.

Key words: folk riddle, linguocognitive analysis, denotation, folklore, extralinguistic factors.

М. А. Фомина (Москва, Россия)
Московский городской
педагогический университет
marinafomina7@gmail.com

**ЭКСПЛАНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФРЕЙМОВОГО ПОДХОДА
К КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СЕМАНТИКИ МОДЕЛЕЙ ТИПА
*КРЫШУ СОРВАЛО ВЕТРОМ VS. ВЕТЕР СОРВАЛ КРЫШУ***

В статье рассматривается экспланаторный потенциал фреймового подхода к когнитивной интерпретации семантики русских моделей, описывающих природные процессы и явления, типа *Крышу сорвало ветром vs. Ветер сорвал крышу*. Приводятся некоторые результаты когнитивного анализа рассматриваемых единиц, позволяющие развести схожие, но не тождественные модели, описывающие одну и ту же денотативную ситуацию, но являющиеся результатом различного осмысления говорящим самой ситуации и соотношения между ее актантами.

Ключевые слова: фрейм, когнитивный, субъект, безличное предложение, модель предложения, агенс / каузатор, природные процессы и явления.

1. Введение

Как отмечает Е. С. Кубрякова, все многообразие школ, представленных в когнитивной лингвистике, «объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве **структур знания** отражают» [Кубрякова 2001: 9] (выделено нами – *М. Ф.*). А. Ченки, подчеркивая особую роль семантики в становлении и развитии когнитивной лингвистики, отмечает, что семантическая структура является «формой **концептуальной структуры**»; «интерпретация высказывания, то есть его значение, находится в уме» [Ченки 1996: 68]. По мнению Е. С. Кубряковой, концептуальные структуры как оперативные единицы нашего сознания способны замещать в мыслительной деятельности **структуры знаний** различной сложности.

Такое понимание природы человеческого сознания и способа организации знаний коррелирует и с идеями, высказываемыми в философских работах У. Селларса, Х. Патнема, Э. В. Ильенкова. Так, по мнению Э. В. Ильенкова, язык позволяет «выделить восприятия, значимые для других людей», и отсеять все прочее – «индивид, пользующийся языком,

начинает уже в самом акте индивидуального созерцания вести себя как активный субъект, то есть он начинает активно сосредоточивать свое внимание на тех сторонах явлений, которые существенны для всех взаимодействующих <...> индивидов, лишь на тех сторонах явлений, которые так или иначе важны для жизнедеятельности общественного человека» [Ильенков 2021: 166].

Таким образом, идея о том, что «знания организуются с помощью определенных **структур** – когнитивных моделей» – «лежит в основе объяснения общих познавательных процессов и того, что обеспечивает действие этих процессов» [Болдырев 2000: 37]. При этом, как отмечает Н. Н. Болдырев, следует различать общие термины «концепт» и «фрейм», которые используются для обозначения единиц знания: «в отличие от общего термина «концепт», который может выражать любую единицу знания, в том числе и неструктурированного (образы, представления, понятия, фреймы и пр.), общий термин «фрейм» используется только для обозначения структурированных концептов» [Болдырев 2004: 29]. Таким образом, под фреймом понимается «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Там же]. Подчеркивая особую значимость введения в когнитивную интерпретацию различных лингвистических явлений представления о фрейме, а также высокий экспланаторный и прогностический потенциал исследовательского подхода с опорой на фреймовый анализ, О. А. Сулейманова отмечает, что фрейм отражает ситуацию объективно, хотя и содержит «селективное знание о ситуации» – «структура фрейма неоднородна с точки зрения статуса его элементов и содержит по крайней мере его вершину (=обязательную составляющую – более релевантную или помещенную в фокус – *salient*) и слоты (=«сопутствующие» элементы)» [Сулейманова 2013: 108].

2. Крышу сорвало ветром vs. Ветер сорвал крышу

Рассмотрим возможности фреймового подхода к интерпретации русских моделей типа *Крышу сорвало ветром vs. Ветер сорвал крышу vs. Крыша была сорвана ветром*, описывающих одну и ту же денотативную ситуацию, но являющихся результатом различного осмысления говорящим самой ситуации и соотношения между ее актантами.

Описание природных состояний и процессов как проявлений стихийной силы вызывает постоянный интерес со стороны лингвистов (см., например, работы [Green 1980; Галкина-Федорук 2012; Сулейманова 1993, 2000;

Мустайоки 2006; Муйстайоки, Копотев 2005 и др.]). Как отмечают многие исследователи, вопрос, связанный с определением роли природных сил, является особенно актуальным при описании русского языка, в котором рассматриваемой семантической структуре может соответствовать целый ряд поверхностных структур, ср.: (1) *Он не успел испытать должной почительности – ветер сорвал с него шляпу*; (2) *Местами слой песка был сорван ветром* <...>; (3) *Подгнил забор, сорвало ветром черепицу, протекает потолок* <...> (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]).

Различные с точки зрения синтаксической структуры (действительная и страдательная конструкции в первом и втором примерах соответственно и модель, в которой квазиагенс выражается в творительном падеже, а объект – именем в винительном падеже, в последнем примере) соответствуют одной и той же семантической структуре с «природным каузатором» в роли актанта.

Как отмечает Н. Ю. Шнякина, «структура предложения является конкретным материальным выражением мыслительной деятельности человека, единством языкового и категориального членения мира» [Шнякина 2018: 71]. По мнению ученого, анализ семантики изучаемых единиц с последующим выделением концептуальных признаков «позволяет установить соотношения с категориальными узлами сознания» – «своеобразными координатами бытия», в качестве которых в выстраиваемой нами модели событийного фрейма выступают квазисубъект («стихийный агентс» в терминологии А. Мустайоки [Мустайоки, Сабитова и др. 2019]), объект, результат, пространство, время и пр. Как показал анализ рассматриваемых моделей, описывающих природные процессы и явления, в том случае, когда стихия (или объект-посредник) рассматривается говорящим как инструмент, осуществляющий действие «за счет силы, оторванной от своего создателя: это может быть либо энергия, существующая в природе, либо энергия, произведенная при помощи <...> искусственно созданных устройств» [Сулейманова 2000: 274–275], результатом вербализации рассматриваемой ситуации становится стихийная модель типа *Крышу сорвало ветром*. Если же стихия осмысляется говорящим как непосредственный источник силы, создатель энергии, который действует как бы напрямую, без объекта-посредника, который заряжается энергией движения, результатом такого осмысления становятся активные структуры типа *Ветер сорвал крышу*. Безусловно, этих представлений недостаточно для полного понимания различия между данными моделями. В докладе будет уточнено положение природных явлений, обозначения которых входят в состав анализируемых моделей, в системе актантов (семантических ролей) как каузаторов дей-

ствия или определенного положения дел (Р) с учетом содержания признака активности / неактивности.

При этом многие исследователи отмечают, что стихийная модель оказывается более предпочтительной, нежели действительная конструкция, в которой позицию подлежащего занимает обозначение стихии. Как отмечает О. А. Сулейманова, в русском языке стихийные силы обычно не представлены в роли деятеля [Сулейманова 2000: 271] – ср. *За сбором трав их застала гроза, и на опушке леса ее убило молнией / ?ее убила молния; <...> По дороге его чуть не убило осколком немецкой мины / ?не убил осколок немецкой мины*. По мнению ученого, низкие оценки личных высказываний связаны с тем, что «модели с глаголами в личной форме способствуют представлению денотатов слов типа *гроза, камень* как деятелей, прикладывающих силы, энергию для осуществления Р, тогда как более естественно представить камень как орудие каких-то сил» [Там же: 272].

Так, ветер, вода, снег, дождь и даже молния и гром могут быть осмыслены как участвующие в качестве инструментов, объектов-посредников природных сил, стихии в модели с природным каузатором, в то время как землетрясение, шторм, буря, вероятно, осмысляются говорящим не как орудие какой-то более масштабной природной силы, а уже как само по себе масштабное событие, которое сложно представить как двигающееся в каком-то определенном направлении [Фомина 2022: 133] – ср. приемлемое *Землетрясение унесло сотни жизней, Прошлым летом мужика молнией убило; Громом убило в городе двух человек* и вряд ли возможные **Землетрясением унесло сотни жизней, Бурю / штормом убило 10 000 человек*.

В докладе предлагается построенная идеализированная модель рассматриваемого событийного фрейма, приводится анализ таких его элементов, как объект, результат, пространство, время и пр., а также выявляются предпосылки, влияющие на формирование высказываний, описывающих природные процессы и явления, и позволяющие развести схожие, но не тождественные модели, описывающие одну и ту же денотативную ситуацию.

Литература

Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Болдырев Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. Мичуринск: Мичуринский государственный педагогический институт, 2000. С. 37–45.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Ильенков Э. В. Лекция о сознании // Философский журнал. 2021. № 1. С. 162–172.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Сер. лингвистики и межкультурной коммуникации. 2001. Вып. 1. С. 4–10.

Мустайоки А., Коптев М. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // Russian Linguistics. 2005. № 5–6. С. 1–38.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Мустайоки А., Сабитова З. К., Парменова Т. В., Бирюлин Л. А. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2019.

Сулейманова О. А. Еще раз о предложениях типа *Крышу сорвало ветром* // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. 1993. № 417. С. 62–76.

Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2000.

Сулейманова О. А. Фреймовая структура знания как основа лингвистических решений // Вестник ЗКГУ. 2013. № 4(52). С. 162–168.

Фомина М. А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4(48). С. 126–136.

Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 68–78.

Шнякина Н. Ю. Опыт моделирования событийного концепта (на материале вербализованной ситуации ольфакторной перцепции). М.: ФЛИНТА, 2018.

Green M. C. On the Syntax of Impersonal Sentences in Russian, a Study of the Sentence Type «*Vetrom uneslo lodku*». Cornell, 1980.

M. A. Fomina (Moscow, Russia)
Moscow City University

**THE EXPLANATORY POTENTIAL
OF THE FRAME APPROACH
TO THE COGNITIVE INTERPRETATION
OF THE SEMANTICS OF MODELS SUCH AS
KRYSHU SORVALO VETROM VS. *VETER SORVAL KRYSHU***

The paper focuses on the frame approach and its explanatory potential for a cognitive interpretation of the Russian models that convey information about elemental forces of nature and their effect. The paper makes a cognitive analysis of the models that makes

it possible to distinguish between synonymous yet not identical units that denote the same denotative situation conceived of differently by the speaker.

Key words: frame, cognitive, semantic subject, impersonal sentence, sentence model, Agent / Causer, elemental forces of nature.

Т. Цзинь (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

tszin_t@pfur.ru

МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ ГЕНЕРАЦИИ СОЗНАНИЯ

В статье, делая акцент на созидательной функции метафоры как когнитивного механизма и исходя из теории схемы внимания и энактивизма, обосновывается мнение о том, что наблюдаемая «предопределенность» метафор внутри языкового коллектива и их национальная уникальность обусловлены наличием и вариативностью «внутренней» позиции когнитивной активности.

Ключевые слова: метафора, когниция, акт осознания, предопределенность, вариативность, энактивизм.

Метафора как когнитивный механизм уже несколько десятилетий находится в фокусе лингвистов. Следы функционирования этого механизма обнаруживаются повсеместно в речевой деятельности человека. Но вопрос о том, как работает этот механизм, остается открытым.

Среди множества теоретических концепций в метафорологии наиболее широко известны теория концептуальной метафоры (ТКМ) и теория концептуальной интеграции (ТКИ). В модели ТКИ выделяются сфера-источник и сфера-цель, метафоризация рассматривается как проекция из одной области в другую. Сторонники ТКИ полагают, что такая проекция представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести два промежуточных пространства – общее пространство (generic space) и смешенное пространство (blended space) [Новицкая 2019].

Эти теории, если присмотреться, не выходят за рамки метафоры, благодаря которой возникло само понятие «метафора». Известно, что слово это происходит от древнегреческого *μεταφορά*, за которым стоят восприятие пространства (*μετά* «между, среди») и запечатление физического опыта (*φορέω* «несу»). Выделение сфер или ментальных пространств, а также

предположение о наличии связи между ними в виде направленной проекции или о «смешивании» деталей в принципе возможны тогда, когда мы рассматриваем метафору как состоявшийся акт познания, т. е. когда уже осознаем результирующие данные при совершении акта. «Перенос» – это когнитивная модель, пригодная для познания осознанного, а не самого акта осознания, ибо результирующие данные не могут быть задействованы в момент самого акта. Между тем «замысел метафоры – это интенция субъекта назвать осязаемое, но еще “недодуманное” им понятие (или новую вещь) путем использования уже вербализованного понятия» [Телия 1988: 36], т. е. метафора представляет собой не столько механизм репрезентации каких-то уже существующих в сознании идей, сколько механизм генерации этих самых идей. Любая укоренившаяся метафора в момент своего зарождения была новаторской. То, что мы осознаем сегодня как нечто концептуальное, возникло и стало достоянием сознания благодаря созидательной когниции.

Модерирование процесса понимания как «перехода» от исходного к результирующему, скорее, актуально для конструирования искусственного интеллекта. Естественный же интеллект способен спонтанно генерировать и мгновенно улавливать новые смыслы, соответственно, для познания метафоры как созидательного акта необходимо преодолеть представление о «переносе».

Уточним, прежде всего, отправную точку исследования. Исходные аксиомы в разных научных областях, включая и «точные» науки, априорны и интуитивны [Фейнбург 2004: 43–47]. Для нас аксиомой служит убеждение в том, что принцип работы метафоры как когнитивного механизма един для всех представителей человеческого рода. Его запуск обусловлен необходимостью расширения познаваемого и генерации нового знания по мере усложнения и развития деятельности социума. Метафора – это механизм, благодаря которому генерируется со-знание для определенного языкового коллектива.

Языковые материалы показывают, что, хоть и наблюдается определенная универсальность некоторых метафорических моделей, довольно сложно найти две единицы из разных языков, которые употреблялись бы метафорически абсолютно идентично. Если мы рассматриваем метафору как механизм генерации со-знания, то логически не состоятельным становится объяснение метафорической уникальности конкретного языка уникальностью культуры того социума, под влиянием которого данная языковая система формируется, ибо культура не что иное, как со-знание социума. Метафора как когнитивный механизм непосредственно участвует в формировании нематериальной части культуры, что неразделимо с языком.

Более логичным выглядит предположение, что вариативность со-знания – естественный результат работы естественного интеллекта. Не менее важно то, что вариативность со-знания познается только при сопоставлении разных языков, для членов же внутри одного языкового коллектива их со-знание и есть их естественный и единственный «мир», иными словами, со-знание интерсубъективно.

Любая метафора состоится при условии, если говорящие и воспринимающие признают применимость «знакового» к новой ситуации и при этом осознают НОВОЕ приблизительно одинаково, т. е. этот механизм работает, потому что в нем заложено условие, обеспечивающее конгруэнтность умозаключения у людей, вовлеченных в общую деятельность расширения познаваемого. На такую «предопределенность» метафор, их естество для пользователей языка обратили внимания разные исследователи, обозначая ее, опять же, с помощью метафор: «скрытая память» слова [Самигуллина 2009], «программирование» значения языка [Зыкова 2018]. При этом исследователи в большей степени едины во мнении о том, что базой для метафоры служит перцептивный опыт. В связи с этим обратимся к современным взглядам исследователей из других областей науки, относящимся к особенностям восприятия человека.

Прежде всего, это теория схемы внимания, сформулированная профессором психологии и нейронауки М. Грациано. Наш мозг не регистрирует поступающие от органов чувств сигналы сплошным образом, более того, в коре головного мозга постоянно происходит «предвзятое соревнование» между различными сигналами. То, что мы осознаем и принимаем за действительность, на самом деле лишь результат такого «предвзятого соревнования» [Грациано 2021: 50–51]. Нет сомнения, что вербализуется именно результат «предвзятого соревнования» сигналов. На причину «предвзятости» соревнования сигналов, на наш взгляд, может пролить свет энативизм, пришедший на смену классического репрезентационизма в когнитивной науке и философии познания. «Идея о том, что сознание может создавать правильное представление о внешней среде, предполагает наличие некой внешней контрольной точки, с которой можно судить о степени соответствия между представлением и реальностью. Сознание должно обладать способностью видеть и понимать мир с точки, находящейся вне его, что невозможно» [Князева 2013: 95]. Можно предположить, что «предвзятость» соревнования сигналов может быть обусловлена тем, с какой «внутренней» позиции при взаимодействии со средой совершается когнитивная активность.

Рассмотрим наше предположение на примере перцептивного опыта «действие над волосами с помощью специального артефакта». В русском

языке этот опыт, наряду с опытом «движения руки для облегчения зуда» и «действия для очищения и разравнивания льна, шерсти и т. п.» вербализуется одним и тем же словом *чесать*. На основе этого слова образуются названия артефактов – *чёска, расчёска*, а с помощью приставок опыт дифференцируется по направленности движения, по кругу объектов воздействия и по результату действия: *причесать, расчесать, вычесать, подчесать, зачесать, счесать, прочесать*. Среди них *прочесать* преимущественно применяется метафорически, генерируя идею о «тщательном обследовании местности». Примеры иных метафор: *чесать языком; расчесать в пух и прах; причесать мысли; причесать (всех, страны) под одну гребенку; причесать речь (текст); вычесать любовную чепуху из головы*. Несложно определить, что в данном случае победившим сигналом является специфичное моторное движение, что естественно, если взаимодействие со средой воспринимается с позиции **ДЕЙСТВУЮЩЕГО** человека. Этот моторный сигнал остается ведущим, когда **НОВОЕ** осознается за счет воображаемого «проигрывания» действия по отношению к иным объектам в новых ситуациях.

В китайском языке три вида опыта «*чесать*» изначально дифференцированы разными словами. Знак 梳 (shu) состоит из двух частей: левая часть происходит от имитации дерева, правая – от имитации формы «расчёски», т. е. в первую очередь это номинация артефакта, а «по совместительству» подразумевает и моторное действие, и состояние: 梳头 (shutou 梳 + голова – *причесать, расчесать, сделать причёску*); 梳长发 (shuchangfa 梳 + длинные волосы – *носить длинные волосы*). Метафорически генерируется идея о «приведении в порядок»: 梳理 (shuli 梳 + элемент, связанный с опытом определения наличия яшмы в горной породе по узорам и ее извлечения). Очевидно, что ведущим сигналом для китайцев служит «визуальный вид», что естественно, если субъект познания исходит из позиции **НАБЛЮДАЮЩЕГО**.

Слово 梳理 может быть корректным для перевода *причесать мысли*, но на этом и заканчивается сходство со словом *причесать* в метафорическом употреблении. Дело в том, что при воображаемом «проигрывании» действия над новыми объектами может активизироваться ощущение «преодоление сопротивления»: *причесать под одну гребенку* подразумевает «подавление чьей-то воли», а *причесать речь (текст)* – «удаление непригодных элементов и превращение чего-то в более уместную форму». При визуальном же восприятии важен сам факт упорядочивания: 梳理文件 (shuli wenjian 梳理 + документы) означает сортировку документов (по значимости, в хронологическом порядке или по иным критериям), устранение погрешностей.

Итак, «внутренняя» позиция когнитивной активности может быть рассмотрена как фактор, обуславливающий «предопределенность» и национальную уникальность метафор. Системное сравнение метафорического потенциала применяемых для вербализации схожего перцептивного опыта единиц из разных языков с учетом данного фактора может открыть новые возможности для дальнейшего развития метафорологии.

Литература

Грациано М. Наука сознания. Современная теория субъективного опыта / Пер. с англ. А. Петровой. М.: Альпина нон-фикшн. 2021.

Князева Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104.

Зыкова И. В. Перцептивное «программирование» значения языкового знака: методология изучения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 3. С. 27–40.

Новицкая И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) // Язык и культура. 2019. № 46. С. 76–101.

Самигуллина А. С. «Скрытная память» слова (на примере метафорических номинаций) // Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 110–118.

Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

Фейнбург Е. Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино: Век 2, 2004.

T. Tszin (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

METAPHOR AS A MECHANISM GENERATING CO-KNOWLEDGE

With an emphasis on the formative function of metaphor as a cognitive mechanism and based on the Attention schema theory and enactivism, the paper substantiates the view that the predetermination of metaphor meaning within a speech community and metaphors' national uniqueness caused by the presence and variability of 'inner' position of cognitive processes.

Key words: metaphor, cognition, act of awareness, predetermination, variability, enactivism.

Т. И. Шевченко (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет
tatashevchenko@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ УДАРЕНИЯ И ИНТОНАЦИИ

В статье рассматриваются когнитивные функции словесного ударения и интонации в коммуникации, а также современные методы их анализа. В соответствии с целями исследования избираются материалы и параметры, разделяемые на перцептивные и инструментальные. Результаты указывают на необходимость компьютерного обеспечения и экспертного знания для получения и интерпретации данных.

Ключевые слова: лексическое ударение, интонация, когнитивные методы, перцептивные, инструментальные.

Функции словесного ударения и интонации: когнитивный аспект

Роль словесного (лексического) ударения в процессе коммуникации состоит в обеспечении узнаваемой акцентной структуры, создающей звуковой каркас слова путем распределения силы, длительности и качества произнесения гласных и согласных, что обеспечивает идентификацию слова и понимание смысла высказывания [Cutler 2015]. Акцентная структура слов хранится в мозгу человека в лексиконе как часть звукового облика слова; особая роль принадлежит ударному слогу [McQueen, Cutler 2013]. В языках с фиксированным местом ударения хранится знание процедуры выделения определенного слога по его позиции: во французском языке, например, выделяется последний слог в акцентной группе. Не имея когнитивной задачи запоминания слов с разноместным ударением, французы оказываются «глухи» к изменению места ударения даже в знакомых им словах английского языка [Dupoux, Reppenkampf 2004].

В языках с фиксированным ударением выделяется инициальный, финальный или предпоследний слог, что определяется как демаркационная функция, обеспечивающая границу слова в потоке речи. Цельно-оформленность слова в других языках создается тем, что ударный слог создает кульминацию в произношении слова, его вершину, обладающую самой высокой степенью выделенности. Это утверждение относительно

более высокой выделенности одного слога по сравнению с другими справедливо даже применительно к языкам со слоговым ритмом, в которых наличие словесного ударения подвергается сомнению. Во всех языках мира существуют средства выделения одного слога по сравнению с другими, но эти средства весьма разнообразны. Наряду с длительностью и качеством гласных, которые определяют место словесного ударения в английском и русском языках, высота тона и направление его изменения, также как глоттальная смычка, длительность согласного или громкость могут быть единственным признаком ударности. В китайском языке, например, слоги в слове не столь значительно отличаются по длительности, как в английском или русском языках, но тон в полной мере реализуется только в одном из двух слогов слова.

Роль интонации в коммуникации состоит в выявлении намерения говорящего, что проявляется в связи с семантико-синтаксической структурой предложения, с одной стороны, и в эмоционально-экспрессивных средствах, с другой.

Методы и результаты анализа ударения

Методы обнаружения ударения в словах подразделяются на *перцептивно-слуховые*, которые устанавливают место субъективно воспринимаемого выделенного слога в слове, и *инструментальные*, которые дают объективные измерения акустических коррелятов, т. е. «акустических ключей», способствующих данному выделению. Выполняют анализ либо эксперты-фонетисты, либо «наивные» носители языка, т. е. не-лингвисты. Группа экспертов или носителей языка должна получить инструкции относительно способов фонетической нотации (британская система или американская система ToBI или просто подчеркивание), провести тренировочную разметку по образцу, а затем перейти ко всему объему материала. Данные разных экспертов сравниваются; их результат считается успешным при совпадении свыше 80%, например, 81,2% совпадений. Практикуется последующее совместное прослушивание и устранение противоречивых данных. Контрольное прослушивание совмещается с большой трудоемкой работой самого исследователя со всем корпусом.

Предъявляемые для анализа слова прослушиваются с интервалами *изолированно* или *в контексте*. Прослушивание в изолированной форме усложняется наложением на звучание слова интонации перечисления или сообщения; прослушивание в контексте находится в связи с акцентно-ритмическим интонационным контекстом всей фразы, который может влиять на постановку ударения в слове.

Результаты показывают, что при прослушивании слов знакомого родного (L1) или иностранного (L2, L3) языков человек сравнивает услышанное с ментальной репрезентацией этого слова, которая хранится в мозгу как эталон. Эта когнитивная процедура особенно заметна, когда реальное звучание отличается от эталона. Так, например, ударение в валлийском варианте английского языка отличается тем, что заударный слог звучит протяжно, с большей длительностью, чем ударный, что создает особенное распевное звучание валлийской речи. Некоторые русские аудиторы отражали эту особенность как дополнительное ударение, что соответствует опоре на длительность гласного.

Сопоставление аудиторской разметки аутентичного звучания текста, выполненного экспертами-преподавателями кафедры фонетики английского языка с тем, как это выполнили носители канадского варианта английского языка, показало, что носители чаще приближались в своей разметке к реальному акустическому выделению последнего ударного слога, что составляет специфику канадского варианта; различие в показателях экспертов и носителей составило 10% [Shevchenko, Pozdeeva 2017].

И, наконец, выявление когнитивной модели каждого искомого слова в лексиконе носителей канадского варианта английского языка оказалось возможно благодаря *экспресс-опросу в интернете* с помощью google-формы. Задание выбрать слово с акцентной моделью, приближенной к собственному произношению, сопровождалось образцом и тренировкой по образцу, а также анонимной анкетой, в которой респонденты указали свой первый язык (L1), английский, французский, билингвизм или язык иммигрантов. Корреляция с первым языком выявила, что англофоны верны национальной канадской специфике, билингвы с французским языком выбирают британский вариант, а иммигранты – американский вариант. Источниками таких разнообразных эталонов могут быть, соответственно, ежедневная разговорная практика, британское влияние в системе образования или средства массовой коммуникации, где американское влияние наиболее заметно.

Массовое обследование на основе *анкетирования в интернете* дало возможность Джону Уэллзу, автору словаря издательства Лонгман, узнать мнение 2000 носителей английского языка из Великобритании и США, рожденных в этих странах, о произношении около ста слов, что отразилось в виде статистических предпочтений в словаре. Мнения респондентов не всегда отражают их употребление в реальной разговорной практике, но важно для выявления ментального образца-эталона акцентной формы слова. Истинное звучание речи доступно в аудио- и видеозаписях, составляющих корпуса звучащей речи. Объективный акустический анализ выполняется с помощью компьютерных программ.

Методы и результаты изучения интонации

Для каждого исследования самыми важными вопросами являются: *цели и задачи, материал и методы*, включающие значимые *параметры* анализа. В современных условиях корпусы звучащей речи составляют ценный источник и материал для анализа акустических «ключей» ударения и интонации объективными методами компьютерного анализа. Анализирующая программа Praat постоянно совершенствуется авторами-составителями и становится доступной через интернет. Наряду с этим лаборатории используют машинное обучение (ML), основанное на «больших данных» (*big data*), которые обрабатываются в специально разработанных *нейросетях*, имитирующих архитектуру человеческого мозга.

В специально оборудованных лабораториях проводятся исследования методами *компьютерной томографии* для обнаружения зоны активации в мозгу человека при выполнении определенного задания, например, для обнаружения того, какое полушарие участвует в обработке просодической информации в китайском языке. Установлено, что оба полушария участвуют одновременно в распознавании тонов вследствие их лексической и эмоциональной загруженности.

Лабораторный эксперимент опирается на манипулирование с аудиозаписями с последующим предъявлением аудиторам для прослушивания при изучении двух основных функций интонации: семантико-синтаксической и эмоционально-экспрессивной. Роль высотного уровня в *дифференциации* утверждения и вопроса проверяется путем создания линейки предложений, каждое из которых отличается от другого на определенную величину, например, на 10 Гц. В случайном порядке их прослушивают носители языка для *идентификации*. Так устанавливается, на каком уровне утверждение становится вопросом. Кроме дифференциации аудиторы могут выполнять задание по *имитации* образцов. Имитация интонации показывает, какие интонационные модели сохраняются в памяти человека и где граница между двумя коммуникативными типами. Эмоциональное состояние говорящего и другие эмоционально-экспрессивные особенности речи устанавливаются с помощью метода *перцептивного шкалирования*, фиксирующего различную степень проявления состояния говорящего. Метод *энцефаллографии* обнаруживает активацию отделов мозга при производстве или восприятии речевых сигналов [Методы: 132–148].

Суммируя вышеизложенные когнитивные методы исследования, отметим важность компьютерного обеспечения и знания экспертов, которые планируют эксперимент, избирают материал, метод и параметры, проводят анализ и дают результатам лингвистическую интерпретацию.

Литература

Методы анализа звучащей речи: новые измерения и результаты / под ред. Е. А. Бурой, Т. И. Шевченко. Дубна: Феникс+, 2017.

Cutler A. Lexical Stress in English Pronunciation // *The Handbook of English Pronunciation* / Ed. by M. Reed, J. M. Levis. W. Blackwell, 2015. P. 106–124.

Dupoux E., Pepperkamp Sh. Fossil Markers of Language Development: Phonological ‘Deafness’ in Adult Speech Processing // *Phonetics, Phonology, and Cognition* / Ed. by J. Durand and B. Laks. Oxford University Press, 2004. P. 168–190.

McQueen J. M., Cutler A. Cognitive Processes in Speech Perception // *The Handbook of Phonetic Sciences. Second Edition* / Ed. by W. J. Hardcastle, J. Laver, F. E. Gibbon. Wiley-Blackwell, 2013. P. 489–520.

Shevchenko T., Pozdeeva D. Canadian English Word Stress: A Corpora-Based Study of National Identity in a Multilingual Community // *Speech and Computer. Lecture Notes in Artificial Intelligence.* 2017. P. 221–232.

T. I. Shevchenko (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE METHODS OF ANALYSIS IN STRESS AND INTONATION RESEARCH

The paper is concerned with the cognitive functions of lexical stress and intonation in communication, as well as their modern research methods. According to the goals of research certain materials and parameters are selected and grouped into perceptual and instrumental ones. The results suggest that developing technologies call for both soft and hardware as well as human expertise to explore and interpret the data.

Key words: lexical stress, intonation, cognitive methods, perceptual, instrumental.

Е. В. Шемаева (*Белгород, Россия*)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
shemaeva@bsu.edu.ru

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЕДИНИЦ ПАРФЮМЕРНОГО СЛЕНГА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию когнитивных основ процесса формирования семантики единиц парфюмерного сленга в русском языке. Данный процесс моделируется с опорой на основные положения современных когнитивных теорий. В качестве

основных когнитивных механизмов формирования семантики единиц парфюмерного сленга рассматриваются метонимия и метафора.

Ключевые слова: парфюмерный сленг, когнитивный механизм, метонимия, метафора, модель, концептуальная деривация.

Сленг часто избирают в качестве объекта лингвистических исследований. Несмотря на доскональное изучение сленга и его специфики, исследованию парфюмерного сленга и, в частности, когнитивных основ его формирования не уделялось должного внимания. Парфюмерный сленг постоянно пополняется новыми лексическими единицами, изучение которых представляет особый интерес. К их числу относятся следующие единицы: *аккорд* (аромат, образованный в результате соединения двух и более нот), *запой* (состояние непреодолимого желания использовать один и тот же аромат в течение некоторого времени, несмотря на наличие других ароматов), *компот* (легкомысленный цветочно-фруктовый аромат), *нос* (парфюмер), *сердце* (средние ноты, ядро парфюма), *шлейф* (ароматный след духов, чувствующийся на расстоянии от их обладателя) и другие. В данной статье предпринята попытка проанализировать когнитивные механизмы формирования семантики единиц парфюмерного сленга, а также смоделировать данный процесс с опорой на передовые когнитивные теории.

В когнитивной лингвистике метонимия и метафора традиционно имеют статус ключевых когнитивных механизмов, отвечающих за порождение и развитие новых концептов и концептуальных структур. Исследование специфики формирования единиц парфюмерного сленга в когнитивном ракурсе позволяет заключить, что в основе данного процесса лежат глубинные концептуальные трансформации, которые происходят, в первую очередь, благодаря действию когнитивных механизмов метонимии и метафоры. При этом в качестве вспомогательных механизмов формирования семантики рассматриваемых лексических единиц выступают профилирование и конфигурирование.

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих функционирование когнитивного механизма метонимии в процессе образования единицы парфюмерного сленга **нос**:

Подойди-ка сюда, ты, лучший нос Парижа! Подойди-ка сюда, к столу, и покажи, на что ты способен! Но смотри, ничего мне тут не разбей и не опрокинь! Не смей ничего трогать! [Зюскинд 2000: 127].

И мой нью-йоркский начальник сказал мне: «На собеседование пришел молодой нос, давай побеседуем с ним вместе, хочу знать твое мнение». Этим кандидатом оказался Оливье Польж, сын Жака. В итоге его приняли, мы занимали соседние офисы и много вместе работали [НКРЯ].

Недостаточно просто жить в маленькой комнатке одного из прекраснейших городов земли и творить. Впрочем, в парфюмерии несколько иная ситуация. Носы не обязаны быть лично известными. Хотя, без лишней скромности замечу, с тех пор, как я создал свою концепцию и стал на каждом флаконе писать имя его создателя, они тоже стали публичными фигурами [НКРЯ].

Они выбрали неправильный путь – не хотят создавать великие ароматы, а стремятся денег заработать. Это ужасно. Но совсем юные, начинающие носы, кажется, все же подают надежды. Они учатся у Жан-Клода Эллена, Пьера Бурдона, других больших парфюмеров, анализируют их работы, что-то перенимают [НКРЯ].

В первую очередь, необходимо проанализировать содержание концептов, репрезентируемых существительным **нос**. В словаре С. И. Ожегова дана следующая дефиниция существительного **нос**: «орган обоняния, находящийся на лице у человека и на морде у животных» [Ожегов 1986: 359]. Анализ данного словарного толкования позволяет выявить в содержании концепта, вербализуемого существительным **нос**, концептуальную характеристику «орган, используемый для распознавания запахов». Как единица парфюмерного сленга существительное **нос** имеет другое толкование: «парфюмер, специалист по запахам». Очевидно, что концепт, репрезентируемый существительным **нос**, обладает концептуальной характеристикой «специалист, в профессиональные обязанности которого входит распознавание запахов и создание парфюмерных композиций». На наш взгляд, процесс конфигурирования нового концептуального содержания подчиняется определенной когнитивной модели и состоит из нескольких этапов. В данном случае речь идет о когнитивной метонимической модели «инструмент деятельности – род деятельности». Рассмотрим эту модель подробнее.

На первом этапе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого существительным **нос**, активизируется концептуальная характеристика «орган (инструмент)». Далее активизировавшаяся концептуальная характеристика «орган (инструмент)» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метонимии активизировавшаяся и профилированная концептуальная характеристика «орган (инструмент)» замещается смежной концептуальной характеристикой «специалист, использующий инструмент в своей профессиональной деятельности». Конфигурирование концептуального содержания приводит к образованию производного концепта, определяющего семантику существительного **нос** при его употреблении в парфюмерном дискурсе. Формирование нового смысла «парфюмер» происходит на уровне предложения-высказывания и обеспечивается действием контекстуального фактора. В приведенных

примерах интерпретация смысла «парфюмер» происходит благодаря использованию препозитивных определений или именной части составного именного сказуемого, выраженных прилагательными, семантика которых указывает на лицо. В первом примере это препозитивное определение *лучший*, во втором – препозитивное определение *молодой*, в третьем – именная часть составного именного сказуемого *известными*, в четвертом – препозитивное определение *начинающие*. Кроме того, в первом и втором примерах существительное **нос** сопровождается глаголами движения *подойди-ка* и *пришел*, что также указывает на лицо.

В следующих примерах в качестве ключевого когнитивного механизма формирования единицы парфюмерного сленга **аккорд** выступает метафора:

*Сердцем аромата стал **аккорд** герани, шалфея и розмарина, после чего вас окутывает запах пачулей и фирменный штрих Armani – аромат ладана!* [НКРЯ].

*Собственно, тубероза и создает этот характерный, очень сексуальный, даже физиологичный и вместе с тем определенно цветочный **аккорд*** [НКРЯ].

*Открывает композицию «дух» крепкого черного кофе, затем проявляются **аккорды** арабского жасмина и цветов апельсинового дерева* [НКРЯ].

*Мужская версия включает в себя классические древесные и цитрусовые **аккорды**, среди которых ветивер, атласский кедр, немного мускуса, грейпфрут и померанский мандарин* [НКРЯ].

Проанализируем содержание концептов, вербализуемых существительным **аккорд**. В словаре С. И. Ожегова существительное **аккорд** имеет следующую дефиницию: «сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты, воспринимаемых как звуковое единство» [Ожегов 1986: 21]. В этом толковании заложены следующие концептуальные характеристики: «продукт музыкального творчества», «сочетание звуков», «единство». Используя в качестве единицы парфюмерного сленга, существительное **аккорд** получает иное толкование: «аромат, образованный слиянием двух или более нот, которые звучат как единое целое». В данном случае концепт, определяющий семантику существительного **аккорд**, обладает следующими концептуальными характеристиками: «продукт парфюмерного творчества», «слияние нот», «единство». Моделирование процесса конфигурирования концептуального содержания позволяет выделить определенные этапы, обеспечивающие закрепление за лексической единицей **аккорд** нового лексического значения.

На начальном этапе концептуальной деривации в содержании концепта, передаваемого существительным **аккорд** (область-источник), и концепта в пределах концептуально-тематической области ПАРФЮМЕРНОЕ ИСКУССТВО (область-мишень) одновременно активизируется сходная концептуальная характеристика «сочетание (слияние) звуков (нот)». На сле-

дующем этапе концептуальной деривации активизировавшаяся концептуальная характеристика «сочетание (слияние) звуков (нот)» профилируется, попадает в фокус внимания. В результате действия когнитивного механизма метафоры производный концепт (область-мишень) структурируется по подобию исходного концепта (область-источник). Закрепление метафорического значения существительного **аккорд** при употреблении в парфюмерном дискурсе основано на сравнении парфюмерного произведения с произведением музыкальным. Любое парфюмерное творение – это не просто механическое соединение ингредиентов. Мастера добиваются «созвучия», согласования нескольких звуков точно так же, как это происходит в музыкальном произведении. В духах этого достигают с помощью гармоничного сочетания компонентов, которые будут выделяться на фоне остальных элементов и создавать необходимое впечатление. Особенность всякого запаха заключена как раз в его доминантных аккордах. Например, некоторые женские ароматы отличаются аккордом сахарной ваты и пачули, что делает их изысканными, незабываемыми и завораживающими.

На уровне предложения-высказывания формирование нового смысла «аромат из двух или более нот» происходит за счет средств контекста. Как видно из приведенных примеров, во всех случаях существительное **аккорд** сопровождается препозитивным или постпозитивным определением, выраженным либо существительным, либо прилагательным, семантика которых отсылает к концептуально-тематической области РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР, тем самым указывая на происхождение ароматических веществ и парфюмерных ингредиентов. В первом примере это постпозитивные определения *герани, шалфея и розмарина*, во втором – препозитивное определение *цветочный*, в третьем – постпозитивные определения *арабского жасмина и цветов апельсинового дерева*, в четвертом – препозитивные определения *древесные и цитрусовые*.

Изучение когнитивных основ процесса формирования единиц парфюмерного сленга в очередной раз подтверждает тезис о весомой роли когнитивных механизмов метонимии и метафоры в обеспечении динамики концептуальных структур, лежащих в основе семантики лексических единиц.

Литература

- Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. СПб: Азбука, 2000.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1986.

*E. V. Shemaeva (Belgorod, Russia)
Belgorod National Research University*

COGNITIVE MECHANISMS IN SEMANTICS FORMATION OF PERFUMERY SLANG UNITS IN RUSSIAN

The article deals with the cognitive study of the process of semantics formation of perfumery slang units in Russian. The process is modeled relying on the principal assumptions of the modern cognitive theories. Metonymy and metaphor are treated as key mechanisms of semantics formation of perfumery slang units.

Key words: perfumery slang, cognitive mechanism, metonymy, metaphor, model, conceptual derivation.

*A. M. Шестопалова (Москва, Россия)
Московский городской
педагогический университет
anna-shestopalova@bk.ru*

СУБЪЕКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ОПИСАНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРИБОРОВ И УСТРОЙСТВ

В статье рассматривается проблема определения субъектной перспективы в квазисубъектных моделях типа *Конфорки легко включаются* на материале высказываний, отобранных из различных инструкций по применению технических приборов и устройств. В статье также предлагается описание количественного соотношения типов субъекта, реализуемых в данных моделях, позволяющее определить их место в языковой картине мира носителя языка.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, субъектная перспектива, тип субъекта, семантика, языковая картина мира.

На данном этапе развития лингвистики одним из динамично развивающихся направлений выступает изучение семантики различных языковых единиц, как отдельных лексем [Гордиенко 2015], так и целых синтаксических конструкций и их составных компонентов [Никитина 2021, Фомина 2022, Шестопалова 2022]. В данной статье рассматриваются такие русские квазисубъектные модели, как *Конфорки легко включаются* с точки зрения их субъектной перспективы применительно к описанию различных технических приборов и устройств. Данные конструкции ранее служили предме-

том исследования и рассматривались, например, с точки зрения залоговой перспективы [Пупынин 2001] и декаузативной деривации [Падучева 2001], однако субъектная перспектива данных моделей не получила на данный момент комплексного описания, что представляется актуальной задачей в рамках данной работы.

Материалом исследования послужили инструкции по применению различных технических приборов и устройств (плита, стиральная машина, др.), поскольку данный тип текстов принадлежит к официально-деловому стилю, который используется для оформления различной документации, включая инструкции. Отличительными чертами таких текстов является стереотипность, стандартность, объективность изложения, что позволяет обезличить текст. Иными словами, в текстах данного функционального стиля отсутствуют какие-либо указания на личность автора [Стилистические аспекты перевода 2010]. Вследствие того, что автор текста в данном случае не может выступать в качестве основного субъекта, который выполняет соответствующие действия, необходимо ввести в текст такие языковые средства, которые позволят объективно и точно представить информацию. Такими средствами могут служить квазисубъектные модели типа *Конфорки легко включаются*, которые позволяют имплицитно задать наличие активного субъекта, который наблюдает за реализацией описываемого события или прилагает некоторые усилия для ее осуществления. Вместе с тем, данные модели позволяют представить описываемую ситуацию в отрыве от действий имплицитно заданного субъекта, что способствует объективной передаче информации, характерной для текстов инструкций по применению различных технических приборов и устройств. Таким образом, на материале инструкций по эксплуатации плиты, стиральной машины, пылесоса, миксера был обработан текст объемом 188 страниц и отобраны высказывания, совпадающие с формой квазисубъектной модели (существительное + наречие + глагол), и высказывания, которые представляется возможным трансформировать в квазисубъектную модель. Например, исходное высказывание *Температура регулируется* можно потенциально перестроить в исследуемую синтаксическую конструкцию, добавив наречие *легко*: *Температура легко регулируется*. Так, было отобрано 187 высказываний.

В данной работе анализ субъектной перспективы исследуемых квазисубъектных моделей производится с опорой на классификацию типов субъектов, предложенной О. Н. Селиверстовой [Селиверстова 1982: 110–112]. Согласно данной классификации были выделены следующие типы субъектов, которые реализуются в рамках моделей типа *Конфорки легко включаются*:

– **неопределяющий агентивный субъект (далее – НА субъект)**, при котором субъект X прикладывает усилия для реализации описываемого действия P, однако выполнения данного действия зависит от влияния внешней

силы Z. Ср. *Продукты быстро варятся*, где субъект *продукты* прилагает определенные усилия для осуществления действия *вариться* (продукты могут быть хорошего качества, заранее подготовлены определенным способом, др.), однако окончательный результат действия *быстро вариться* будет зависеть от некой внешней силы или условий (включение определенного температурного режима на плите, толщина стенок емкости, др.);

– **неопределяющий неагентивный субъект** (далее – **НН субъект**), при котором субъект X выступает пациентом, а описываемое действие P выполняется лишь за счет внешней силы Z. Ср. *Ассортимент постоянно расширяется*, где действие *расширяться* не зависит от субъекта *ассортимент* и, напротив, реализуется за счет усилий некоего постороннего лица (продавец, поставщик, др.);

– **определяющий неагентивный субъект** (далее – **ОН субъект**) обозначает субъект X, который полагается только на внутренний источник энергии для осуществления действия P. Ср. *Индикатор ярко светится*, где определенные внутренние элементы субъекта *индикатор* позволяют ему продуцировать собственную энергию и, тем самым, реализовать описываемое действие *светиться* (см. также: [Шестопалова 2022]).

На основе работ, в которых поднимается проблема определения типа субъекта в высказывании [Падучева 2001, Пупынин 2001], далее разработана система семантических тестов, позволяющая выявить особенности исследуемых моделей с точки зрения их субъектной перспективы. Так, тесты «Субъект X возможно легко / быстро / др. подвергнуть действию P» и «Субъект X способен выполнять действие P сам по себе» позволяют определить, какой из типов субъекта, НН или ОН субъект, реализуется в исходном высказывании. Первый тест позволяет выделить в высказывании НН субъект (предикат *возможно* указывает на необходимость наличия внешней силы, усилиями которой будет реализовываться указанное действие). Ср.: *Температура легко регулируется – Температуру возможно легко регулировать; Жир легко устраняется – Жир возможно легко устранить*. Возможность построения данных высказываний показывает, что в данных предложениях реализуется НН субъект, т. е. субъект в данном случае выступает пациентом. Второй тест, напротив, будет указывать на ОН субъект, где компонент *сам по себе* указывает на то, что субъект обращается к своему внутреннему источнику энергии для реализации соответствующего действия. Ср.: *Шкала ярко светится – Шкала способна ярко светиться сама по себе; Нагревательный элемент редко отключается – Нагревательный элемент способен редко отключаться сам по себе*. Следует отметить, что если к вышеприведенным высказываниям применить тесты для НН субъекта, то в данном случае в качестве результата тестирования будут получен от-

рицательный языковой материал. Ср. *Духовка сильно пачкается* – **Духовка способна пачкаться сама по себе*; *Жир легко устраняется* – **Жир способен устраняться сам по себе*. Аналогичная ситуация наблюдается в случае применения теста для НН субъекта к высказываниям с ОН субъектом. Ср. *Шкала ярко светится* – **Шкалу возможно ярко светить*; *Нагревательный элемент редко отключается* – **Нагревательный элемент возможно редко отключать*.

Следует отметить, что в случаях, когда оба семантических теста одновременно выдают либо отрицательный результат, либо положительный, то в данном случае в высказывании будет реализовываться НА субъект. Ср. *Ручка дверцы быстро ломается* – *Ручку дверцы возможно быстро сломать* – *Ручка дверцы способна быстро ломаться сама по себе*. Положительный результат на оба теста можно объяснить особенностями НА субъекта: он прилагает усилия для осуществления действия, но необходима внешняя сила для окончательной его реализации (ручка обладает такими свойствами, которые делают ее непрочной, но она быстро ломается по причине постороннего воздействия: некое лицо слишком сильно надавило на ручку, неправильно повернуло и пр.).

Таким образом, анализ и тестирование собранного языкового материала позволили определить, что из 187 высказываний в 75 высказываниях реализуется НА субъект, в 65 высказываниях – ОН субъект, в 47 высказываниях – НН субъект (Рис. 1).

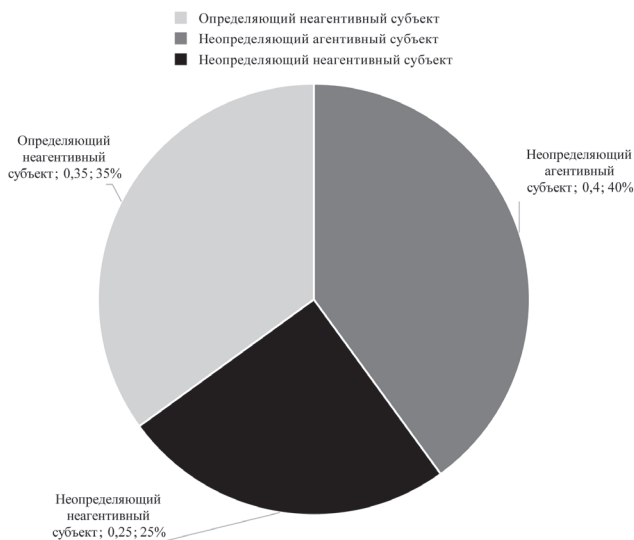

Рис. 1. Количественное соотношение типов субъектов

Преобладание НА субъекта можно объяснить следующим образом. В русскоязычной картине мира наблюдается устойчивая направленность на другого [Стилистические аспекты перевода 2010: 71–72], иными словами, в ситуациях, когда неодушевленному предмету приписывается способность самостоятельно выполнять какие-либо действия, ему необходима помощь постороннего лица, чтобы данное действие осуществить. Вместе с тем, применение человеком различных технических приборов и устройств подразумевает некоторую автоматизацию процесса, т. е. контроль за выполнением действия передается неодушевленному предмету, а приложение усилий со стороны человека (внешней силы) сводится к минимуму. Тем самым, с языковой точки зрения, в инструкциях по применению различных технических приборов самым частотным типом субъекта выступает НА субъект, поскольку он прилагает определенные усилия для осуществления действия, однако окончательный результат зависит от действий внешнего лица, т. е. полностью контроль за реализацией действия с человека не снимается. ОН субъект является вторым по частотности типом субъекта по схожим причинам, однако субъект полагается на внутренний источник энергии для осуществления действия и не нуждается в помощи извне, обеспечивая тем самым автоматизацию процесса.

Результаты данной работы в дальнейшем представляется возможным применить на языковом материале, отобранном из других типов источников для сравнения субъектной перспективы, что позволит определить место исследуемых квазисубъектных моделей в языковой картине мира носителей русского языка. Обращение к материалу на английском языке позволит в дальнейшем провести сопоставительный анализ субъектной перспективы данных моделей в обоих языках и выделить определенные сходства и различия.

Литература

Гордиенко А. Ю. К проблеме описания категории «пространство множества» в естественном языке // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 102–108.

Никитина В. В. Когнитивная интерпретация синтаксических моделей типа *X shudders to V* // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 191–194.

Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.

Путьнин Ю. А. О квалитативном пассиве в русском языке // Исследования по славянским языкам. 2001. № 6. С. 127–136.

Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982.

Сулейманова О. А., Беклемешева Н. Н., Карданова К. С. и др. Стилистические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2010.

Фомина М. А. Степень активности субъекта в моделях, описывающих природные процессы и явления // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 4 (48). С. 126–136.

Шестопалова А. М. Семантические компоненты квазисубъектных моделей типа *Книга легко читается* // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. № 2 (46). С. 189–195.

A. M. Shestopalova (Moscow, Russia)
Moscow City University

SUBJECT PERSPECTIVE IN DESCRIBING TECHNICAL DEVICES AND APPLIANCES

The article focuses on defining subject perspective in such quasi-subject constructions as *Konforki legko vkluchayutsja* based on the various instruction manuals for technical devices and appliances. The paper provides quantitative ratio of subject types featured in the constructions which helps define their place in the speaker's linguistic map of the world.

Key words: quasi-subject construction, subject perspective, subject type, semantics, linguistic map of the world.

III. КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

*Д. Н. Адащик (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
dmitry.adaschik@ya.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (на материале выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона)

Целью данного исследования является выявление и описание коммуникативных стратегий и тактик, используемых в официальных текстах выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона для сдерживания населения в период пандемии COVID-19. Автором выявлены наиболее частотные коммуникативные стратегии, тактики, а также проиллюстрированы языковые средства их реализации.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коронавирус, речевое воздействие, когнитивная прагматика.

Политический дискурс занимает центральное место в политической лингвистике – науке, занимающейся изучением воздействия языковых средств и приемов на массовое сознание. Общественное предназначение данного типа дискурса состоит во внушении адресатам необходимости политически верных, по мнению говорящего, установок и системы ценностей [Шейгал 2000]. С точки зрения когнитивной лингвистики и теории критического дискурс-анализа язык политики формирует общественное сознание и в конечном счете порождает действительность. С целью осуществления эффективной коммуникации у адресанта и адресата должно быть выстроено единое прагматическое и когнитивное пространство, обусловленное общей концептуальной картиной мира [Кубрякова 2000: 7–10]. Выстраивание моделей речевого и коммуникативного поведения в политическом дискурсе ориентировано на внушение определенных представлений и установок публике с целью изменения общепризнанных норм

и ценностей адресатов, чем и обусловлена необходимость использования коммуникативных стратегий и тактик [Калинин 2009: 21]. Именно корректное владение различными стратегиями и тактиками речевого поведения способствует не только результативному взаимодействию политических лидеров и аудитории, но также позволяет урегулировать различные кризисы в политической, социальной и экономической сферах жизни современного социума [Ширяева 2015: 211–217]. Как справедливо отмечает О. С. Иссерс, применение коммуникативных стратегий имеет под собой когнитивные основания, которые, в совокупности, предполагают процесс планирования речевого общения с учетом определенных факторов коммуникативного взаимодействия участников, а также реализацию интенций [Иссерс 2008: 54]. Коммуникативная стратегия, по мнению О. Н. Паршиной, подразумевает определенный характер речевого взаимодействия в конкретной ситуации общения нацеленный на достижение целей коммуникации [Паршина 2012: 11].

Целью данного исследования является выявление коммуникативных стратегий и тактик в текстах официальных публичных выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона в период пандемии COVID-19. Безусловно, одной из задач Б. Джонсона, как лидера государства, в данный кризисный период жизни страны и социума является сдерживание населения от совершения необдуманных действий, для чего ему приходится прибегать к использованию речевых стратегий и тактик. Материалом данного исследования послужили тексты официальных речей, опубликованных на официальном сайте правительства Великобритании [www.gov.uk] в 2020–2022 гг. В работе используется метод сплошной выборки эмпирического материала, контекстный анализ и описательный метод.

В ходе проведенного исследования нами были выделены пять коммуникативных стратегий, характерных для речевого поведения Б. Джонсона: информационно-интерпретационная, аргументативная, агитационная, самопрезентация и легитимация. На основе преобладания в официальных речах выступлений лидера государства Великобритании той или иной стратегии, были получены следующие количественные данные: аргументативная – 32%, агитационная – 26%, информационно-интерпретационная – 18%, легитимация – 12%, самопрезентация – 9%. По результатам количественного анализа было выявлено, что доминантной в речевом поведении британского премьер-министра выступает аргументативная стратегия, частотность которой составляет 104 случая употребления из 317.

Данная стратегия призвана оказывать влияние на поступки массового адресата с целью его побуждения к совершению определенного выгодного адресанту действия и реализуется в речевом поведении Б. Джонсона при по-

мощи следующих тактик: тактика обоснования, указание на перспективу, иллюстрирование и приведение примера. Под тактикой обоснования мы понимаем высказывания, используемые политиком для выражения объективного мнения касательно определенного события и обоснования своей оценки. На семантическом уровне данная тактика осуществляется установлением между частями аргументативного текста причинно-следственных отношений, что реализуется при помощи использования сложных предложений с придаточными причины (*because, since, as*) и следствия (*so that, so...that, so, such, that, that's why*), которые нацелены на аргументирование субъективного мнения адресанта:

– *So just as we are asking people already in the UK to isolate for 14 days when contacted by NHS Test and Trace, we're also asking those arriving from abroad to isolate so that they don't unknowingly spread the virus.* В данном примере Борис Джонсон прибегает к использованию союзов придаточных причины, при помощи которых обосновывает адресату важность соблюдения ограничительных мер, устанавливая уточняющие отношения между частями высказывания.

Тактика указания на перспективу позволяет выражать позиции и интенции говорящего. Оценивая ситуацию в стране, политики стремятся дать прогноз развития событий в будущем как в позитивном, так и негативном ключе. Тактика осуществляется посредством использования темпоральной лексики, атрибутивности и акциональности, т. е. системы глаголов – форм будущего времени, сослагательного наклонения, модальных глаголов, а также придаточных сравнительного типа предложений, как в примере ниже:

– *The more we can delay the peak of the spread to the summer, the better the NHS will be able to manage.* В данном случае политик прибегает к использованию сравнительных степеней прилагательных *many* и *good*, а также темпоральных лексем концептосферы времени года с целью указания на позитивную перспективу в борьбе с коронавирусной инфекцией.

Тактика иллюстрирования, как правило, реализуется, при помощи использования фактов, примеров и статистики, дискурсивных маркеров, создающих наглядность (*as we can see, for example*), как в данном примере:

– *We have now vaccinated 1.26 million people in England, 113,000 in Scotland, 49,000 in Wales, and 46,000 in Northern Ireland.* В приведенном высказывании премьер-министр Великобритании, прибегая к использованию числительных, наглядно демонстрирует адресату успехи в проведении мероприятий по вакцинации, тем самым, показывая государство с выгодной стороны, подчеркивая его возможность и способность позаботиться о здоровье населения.

Следующей не менее частотной стратегией в политическом дискурсе пандемии британского премьер-министра является агитационная, к которой прибегает Борис Джонсон с целью побуждения адресата к совершению выгодных государству действий. Данная стратегия реализуется при помощи следующих тактик: тактика обещания, призыва и кооперации. Тактика обещания в речи политика чаще всего реализуется при помощи глаголов будущего времени и совершенного вида. Реализуя агитационную стратегию, премьер-министр часто прибегает к обещаниям, которые выражаются при помощи глагола-перфоматива обещания «promise»:

– *That is why schools were the very last thing to close, as I have long promised they would be. And when we begin to move out of lockdown I promise they will be the very first things to reopen.* В данном примере Борис Джонсон использует глагол *promise* сначала в прошедшем времени, а затем и в настоящем, подкрепляя свое высказывание адвербиальной лексемой *very*, которая выполняет роль интенсивификатора, тем самым усиливая эффект обещания премьер-министра.

Тактика призыва в речевом поведении британского премьера реализуется при помощи повелительного наклонения, императивных конструкций *let's*, *I urge*, а также модальных глаголов, выражающих долженствование: *should*, *must*, *have to*, *ought to*.

– *I urge people, who think in view of what we're saying about their potential symptoms that they should stay at home.* Глагол *to urge* используется Б. Джонсоном для прямого побуждения адресата к обдуманым действиям, что подкрепляется использованием модального глагола *should*, тем самым реализуется призыв адресата «оставаться дома» и не подвергать риску окружающих.

Тактика кооперации позволяет говорящему конструировать образ адресата, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является:

– *The First Ministers of Scotland and Wales and the First Minister and deputy First Minister of Northern Ireland also attended and we agreed to continue to work closely in the weeks and months ahead.* Для реализации данной тактики политик прибегает к использованию топонимов, содержащих в себе наименования соседних стран Великобритании, тем самым указывая на готовность к сотрудничеству и национальному сплочению в период пандемии, что подкрепляется наречием *closely* в сочетании с глаголом *work*.

Итак, подведем предварительные итоги: результаты исследования демонстрируют, что Б. Джонсон, освещая события в официальных выступлениях, прибегает к речевым стратегиям, которые реализуются при помощи различных

речевых тактик. Наиболее частотными для речевого поведения британского премьер-министра в период пандемии являются аргументативная и агитационная стратегии, т. к. они позволяют премьер-министру Великобритании Б. Джонсону наиболее эффективным способом осуществлять запланированное воздействие на адресата и регулировать настроение населения в кризисные периоды жизни социума.

Литература

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Калинин К. Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсионного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональный и структурный аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. 3-е изд. М.: Либроком, 2012.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А. Прагматориторическая перспектива исследования англоязычного парламентского дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). С. 211–217.

D. N. Adaschik (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

COGNITIVE-PRAGMATIC FEATURES OF THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE IN TERMS OF THE PANDEMIC COVID-19 (based on the speeches of British Prime Minister Boris Johnson)

The purpose of this study is to identify and describe the communication strategies and tactics used in the official texts of the speech of the British Prime Minister Boris Johnson to implement population containment during the COVID-19 pandemic. The author singles out the most frequent communicative strategies, tactics, and also illustrates the language means of their implementation.

Key words: political communication, political discourse, communication strategy, communication tactics, coronavirus, speech impact, cognitive pragmatics.

*Д. А. Макурова (Россия, Санкт-Петербург)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
dmakurova@mail.ru*

МЕЖДУ ПРАВДОЙ И ЛОЖЬЮ: О ПРОБЛЕМЕ ВЕРИФИКАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

В работе рассматривается понятие истинности/истины с позиций современной лингвистики, а также проблема верификации информации в масс-медиа. Предлагается алгоритм идентификации фейков.

Ключевые слова: истина, ложь, информация, верификация, фейк.

Проблема истинности и ложности информации/сообщений по отношению к фактам действительности, определение критериев истинности/ложности уже многие годы является предметом лингвистических исследований и наиболее плодотворно изучается в русле лингвопрагматики и когнитивной лингвистики. Сложность в однозначной категоризации поступающих сообщений как правдивых или ложных подчеркивается, например, в работах когнитивистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Ученые замечают, что вопрос истины неразрывно связан с вопросами понимания: истина, как и понимание, всегда связана с понятийной системой человека, его коммуникативными целями, а также определенной ситуацией (контекстом), в которой произносится то или иное утверждение [Лакофф, Джонсон 2004]. Поскольку понимание ситуации или высказывания в терминах понятийной системы и картины мира всегда частично, у нас нет доступа ко «всей истине» или к какому бы то ни было точному представлению о реальности.

С точки зрения биологии познания, в частности, теории аутопоззиса когнитологов У. Матураны и Ф. Варелы, истинным может считаться только то, что идет во благо живой системы (человека). Соответствие смысла, получаемого в результате адекватной интерпретации поступающих извне сигналов/стимулов, реальной ситуации (объективной действительности), верифицируется ответной реакцией и поведением организма (живой системы), направленным на самосохранение [Матурана 1996]. Кроме этого, истина может изменяться в зависимости от изменения ситуации, и то, что актуально и истинно сегодня, может стать неприемлемым и ложным завтра.

Тезис об относительности истины получает также теоретическое осмысление в концепции пост-правды, согласно которой не существует явной границы между правдой и ложью, правда у каждого своя, «истина лежит посередине». Данные установки, по нашему мнению, значительно затрудняют возможность верификации истинности сообщаемого (например, в масс-медиа),

поскольку любое сообщение интерпретируется как потенциально ложное/неполное/вводящее в заблуждение. С когнитивной точки зрения, верификация информации в масс-медиа усложняется также тем, что адресат информации не имеет доступа к перцептуально воспринимаемым ситуациям или объектам, т. е. не является непосредственным наблюдателем или участником описываемых событий, поскольку он абстрагирован от реальной ситуации, что в свою очередь дает простор для манипуляций сознанием со стороны адресанта.

Эффективным средством манипулирования выступают фейковые новости (шире – фейки), которые на концептуальном уровне содержат как достоверную, так и недостоверную, сфабрикованную, выдуманную информацию. Фейковые новости формируются и используются либо для конструирования ложной (фиктивной) ментальной модели события [Семенова 2020], либо для конструирования псевдособытия в сознании реципиента. Кроме этого, маскировка ложных пропозиций правдоподобными, посредством определенных когнитивных механизмов и языковых средств, позволяет создавать видимость истинности. Являясь по сути имитацией информации о действительности, фейки мимикрируют под правдивую (правдоподобную) информацию, в связи с чем дифференцировать фейки от реальных новостей исключительно на языковом уровне довольно сложно.

Попытки в этом направлении были проделаны многими исследователями фейк-ньюз и дезинформации [Ильченко 2021; Стернин, Шестерина 2020]. Не претендуя на полноту, предлагаем «алгоритм», способствующий, как представляется, верификации информации на дискурсивном уровне:

1. Необходимо проверить источник информации: кто автор публикации, указан ли он, какое издание он представляет, можно ли ему доверять, является ли издание представителем качественной прессы, интересы какой группы представляет источник. Если это СМИ, то установить, дается ли исчерпывающая информация о редакции в разделе “About us”.
2. Внимательно изучить адрес ссылки, домен. Часто создатели фейков размещают их на сайтах, мимикрирующих под реальные новостные каналы.
3. Найти первоисточник новости, если это возможно.
4. Проверить информацию в разных источниках, найти альтернативную информацию, подтверждающую или опровергающую предыдущие сведения.
5. Обратит внимание на неточности, ошибки, опечатки, стиль изложения (например, соблюдены ли требования новостного стиля).
6. Оценить пространственно-временной контекст (дата и место публикации).
7. Проверить правдивость фото или видео, например, с помощью поисковых систем. Не стоит доверять скриншотам, снимкам экрана.
8. Не стоит доверять заголовкам. Как правило, они оформлены по правилам кликбейта, или заголовок содержательно не соответствует тексту.

9. Проверить цитаты, которые могут вырваться из контекста. Достаточно найти первоисточник и перепроверить, не искажено ли высказывание.

10. Обратит внимание на модальность высказывания. Убедиться, является ли информация констатацией фактов или же это комментарий и личное оценочное мнение.

11. Обратиться к ресурсам факт-чекинга (fact-checking). Эти ресурсы представляют собой результат работы специалистов из разных областей знания, с опорой, в том числе, на методы критического дискурс-анализа.

Знание способов идентификации фейков в значительной степени может способствовать развитию критического мышления у аудитории масс-медиа, повышению ее коммуникативных компетенций, значимых и актуальных сегодня. И пусть обнаружение лжи, по меткому замечанию П. Экмана, часто представляет собой всего лишь догадку, основанную на информации, «эта догадка все же значительно снижает возможность совершения ошибок веры лжи и неверия правде» [Экман 2010: 137].

Литература

Ильченко С. Н. Фейк-контроль, или Новости, которым не надо верить: как нас дурачат СМИ. Ростов-н/Д: Феникс, 2021.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996.

Семенова Т. И. Фейковые новости как лингвокогнитивный феномен // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: сборник научных трудов. Иркутск: Аспринт, 2020. С. 10–17.

Стернин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. Воронеж: ООО «РИТМ». 2020.

Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. Спб.: Питер, 2010.

D. A. Makurova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

BETWEEN TRUTH AND LIES: THE PROBLEM OF INFORMATION VERIFICATION

The paper deals with the concept of truth and the problem of verifying information in the mass media from the standpoint of modern linguistics. An algorithm for identifying fakes is proposed.

Key words: truth, lies, information, verification, fake.

*А. М. Мубаракишина (Казань, Россия)
Казанский федеральный университет
blondy010888@mail.ru*

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *ОВЕН*
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале ассоциативного эксперимента)**

В современном представлении знаков зодиака наблюдается трансформация мифопоэтического мышления в прагматическое, теряется связь с фольклорными образами. Минимизация объема гороскопического текста приводит к сужению ассоциативного поля концепта Овен в сознании носителей русского языка до следующих когнитивных составляющих: лидер, эмоционален, отличается умом, связан с образами барана и огня.

Ключевые слова: концепт, гороскопический текст, знаки зодиака, Овен, ассоциативное поле концепта.

Концептосфера человека и общества непрерывно изменяется под воздействием социально-политических, культурных, исторических и иного рода изменений. В нестабильные для общества времена у человека как никогда возникает потребность в поиске информационной точки опоры в виде оптимистичного прогноза или готового сценария поведения. Роль подобной «точки» во все времена выполнял гороскоп – компиляция математических расчетов даты рождения человека относительно расположения небесных светил.

Сакральные знания, представленные в обобщенных формулировках, верно подобранные коммуникативные тактики, обилие архетипических образов, вербализованных посредством ключевых слов, богатая палитра художественно-выразительных средств – все это позволяет оставаться гороскопическому тексту, одному из противостоящих энтропии «островков организованности» [Гальперин 2006: 19], актуальным и востребованным уже несколько тысячелетий.

Как любой текст, гороскоп имеет характерные черты, в числе которых отмечаются целостность, информативность, связность и закреплённость в конкретной знаковой системе. С точки зрения знаковости гороскопический текст представляет особый интерес для когнитивной лингвистики, поскольку в нем всегда заложено гораздо больше смысла, чем написано слов.

С точки зрения семантико-когнитивного подхода, гороскоп может отражать не только национальное, но и групповое мышление [Бабушкин, Стернин 2018: 9], поскольку в основе своей имеет набор архетипических образов – знаков Зодиакального круга, выполняющих роль универсального

предметного кода как «способа категоризации и концептуализации внеязыковой действительности» [Фаттахова, Кулькова 2015: 6]. Как правило, данный код в сознании носителей языка представлен характерными ассоциациями.

Как известно, традиционная астрология выделяет 12 знаков-образов, характеристики которых ментально закрепились в сознании даже самых ярких скептиков и противников «псевдонауки», поскольку перешли в разряд концептосферы носителей западной лингвокультуры.

Долгое время гороскоп оставался жанром, далеким от массовой аудитории, поскольку текст составлялся адресно, однако с развитием информационных технологий прогнозы стали неотъемлемой частью медиaproстранства, трансформируется объем текста, содержание, набор языковых средств и паралингвистических средств и, следовательно, концептуальное наполнение самих зодиакальных образов-символов. Целью данного исследования стало выявление вербальных ассоциаций концепта Овен в современном русском языке на основе ассоциативного эксперимента и дальнейшее построение его полевой модели.

Следуя классификации ведущих ученых-когнитологов, зодиакальные концепты, на наш взгляд, относятся к представлениям, поскольку представляются отражением совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков чего-либо [Болдырев 2018: 56]. Будучи по природе своей универсальными [Бабушкин, Стернин 2018: 15], они, однако, в каждом языке могут приобретать «национальность», поскольку «привязываются» вербально к носителям конкретного языка набором специфических национально-культурных и поведенческих особенностей.

В данном исследовании для анализа был выбран концепт Овен. Методом исследования стал ассоциативный эксперимент, проведенный среди студентов Казанского федерального университета, в котором приняли участие 156 человек. Возраст аудитории варьировался от 18 до 23 лет, контингент преимущественно женский, что соотносится с большинством читательской аудитории гороскопов. В качестве слова-стимула была предложена лексема *Овен*, предполагалось дать ответы только в виде имен существительных, однако 2 ответа оказались нестандартными: реакций – 156, из них повторяющихся – 21, одиночных – 25, фразеологизм – 1, описательный оборот – 1, отказов – 7.

Полученные реакции были распределены по следующим тематическим группам:

«Лидерские качества»: *упрямство (20), упертость (18), целеустремленность (9), сила (6), лидер (5), наглость (5), харизма (4), карьера/карьеризм (3), амбиции (3), энергия (3), упорство (3), ответственность (3), командир, амбициозность, интеллект, уверенность, решительность, успешность, независимость.*

«**Эмоциональное состояние**»: *вспыльчивость (10), импульсивность (5), агрессия (5), эмоции (2), экспрессия, отходчивость.*

«**Эгоцентрические качества и их проявление**»: *ложь (5), самолюбие (3), высокомерие (2), самодовольство, эгоизм, корысть, использование других ради своей выгоды.*

«**Интеллектуальные способности**»: *ум (6), интеллект (2), глупость.*

«**Стереотипные ассоциации**»: *баран (3), огонь (3), как баран на новые ворота.*

Не дифференцированы лексемы *papa*, *спорт* и *помощь*, которые, на наш взгляд, явились немотивированными спонтанными реакциями.

Исходя из постулата, что концепт может быть описан «через анализ средств его языковой объективации» [Бабушкин, Стернин 2018: 18] и на основании полученных реакций, представилась возможность построить ассоциативно-семантическое поле концепта Овен в современном русском языке.

Таким образом, **ядерная зона** представлена абсолютным большинством лексем, вербализующих **лидерские качества**, следовательно, когнитивные признаки описывают человека, способного везде и всегда быть первым. Этот факт коррелирует с тем, что Овен является первым знаком Зодиакального круга, что максимально обуславливает реакции реципиентов. **Околоядерная зона** представлена когнитивными признаками, вербализованными в наименованиях **ярко выраженных эмоциональных состояний**, большая часть в своей семной структуре имеет негативный компонент значения. К **ближней периферии** стоит отнести **интеллектуальные способности**, которые почти всегда являются выдающимися. На **дальней периферии**, что оказалось для нас неожиданностью, находятся ассоциации Овна с **бараном** (символом знака) и стихией **огня**, к которой данный знак традиционно относится. Недифференцированные лексемы при построении полевой модели не учитывались.

Анализ произвольно выбранных характеристик Овна в профильных сетевых изданиях [goroskop365.ru, goroskop.ru, dzen.ru, horoscopes.rambler.ru], имеющих максимальное количество запросов, подтверждают полученные нами выводы. Ключевые слова, встречающиеся чаще всего следующие: *первый, ум, энергия, воля, главенствовать, независимый характер, упорство, уверенность в себе*. Кротости или покорности, присущей библейскому агнцу, приносимому на заклание, или упрямству недалекого барана в характеристике Овна нет места, что говорит о стирании образов, с которыми изначально ассоциировались представители Зодиака. Эти качества противоречат огненной стихии знака, поэтому они отсутствуют в текстах гороскопа, как следствие, в сознании современной молодежи.

Таким образом, в результате проведенного экспериментального исследования нам удалось прийти к нескольким умозаключениям: во-первых,

практически все случайно выбранные реципиенты (более 150 человек) знакомы с гороскопическими текстами (зачастую только в формате аудио), в том числе благодаря федеральным телевизионным каналам и популярным радиостанциям, где ежедневно транслируются краткосрочные малоформатные прогнозы, число которых увеличивается в соответствии с запросом аудитории.

Во-вторых, полевая модель концепта Овен в современном русском языке имеет четкую структуру, состоящую из ядерного слоя, центральной части, ближней и дальней периферий.

Несмотря на явную связь референта и денотата, ассоциации с животным представлены минимально, а качества, характеризующие барана (*упрямство, упертость*), в настоящее время в сознании носителей языка связывают с успешным человеком: таким образом, можно считать, что метафоричность мышления нивелируется.

Наконец, в языке наблюдается тенденция к стиранию связи концепта Овен с национально-культурными фольклорными образами и стремление к универсальности ассоциаций и упрощению концептуальной структуры (первый лидер), что делает гороскопический текст массовым медийным жанром.

Литература

Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: ООО «Ритм», 2018.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотипное. М: КомКнига, 2006.

Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А. Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков): монография. М.: Флинта: Наука, 2015.

A. M. Mubarakshina (Kazan, Russia)
Kazan Federal University

VERBALIZATION OF THE CONCEPT *ARIES* IN MODERN RUSSIAN (based on an associative experiment)

There is a transformation of mythopoetic thinking into pragmatic thinking in the modern representation of the zodiac signs, the connection with folklore images is lost. Minimizing the volume of the horoscope text leads to a narrowing of the as-

sociative field of the concept “Aries” in the minds of native Russian speakers to the following cognitive components: leader, emotional, different mind, associated with images of sheep and fire.

Key words: concept, horoscope text, zodiac signs, Aries, associative field of the concept.

Г. Р. Насибуллова (Казань, Россия)

Казанский (Приволжский)

федеральный университет

Guz1983@mail.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (на материале рассказов Л. Петрушевской)

Данная статья посвящена исследованию языковой личности современного женского писателя в аспекте прецедентного феномена на материале рассказов Л. Петрушевской. При помощи лингвистического анализа художественного текста выявляются особенности использования прецедентных феноменов в тексте.

Ключевые слова: прецедентный феномен, языковая личность, современная женская проза, Л. Петрушевская.

В современной лингвистической науке возрастает интерес к антропоориентированному подходу исследования языка, что предъясняет необходимость изучения языковой личности. Актуализируются работы, посвященные исследованию человеческого фактора в языке, который тесно связан с проблемой изучения и описания картины мира. Специфика человека, его связь с миром, его существование основывается на антропометрическом принципе «Человек – мера всех вещей». Антропоцентричность картины мира носителя языка выражается в его представлениях об окружающем мире, в свою очередь, эта специфика отражается в лексической системе языка, оказывается в центре внимания многих современных исследований, которые посвящены раскрытию языковых явлений во взаимоотношении «Язык-человек».

В современной науке существует много исследований (М. М. Бахтин, А. Н. Васильева, А. Вежицкая, Ю. Н. Караулов), которые раскрывают и доказывают важность и актуальность проблемы изучения личности автора через специфику его языка. Однако современная женская проза, которая, несомненно, предоставляется особенным явлением русской культуры, на данном аспекте мало раскрывается. Художественные тексты женской

прозы представляют собой связный дискурс, основным элементом которого является особый язык (конструкции, выражения и пр.) и специфичный «женский» стиль.

Аспекты теории языковой личности оказываются в центре многих лингвистических исследований. На наш взгляд, полное и достоверное определение данному термину дает Ю. Н. Караулов: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [Караулов 1987: 3].

Специфику языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает исследовать по трехуровневой модели: вербально-семантический или лексикон личности, лингво-когнитивный, мотивационный, по-другому можно назвать прагматикон [Караулов 1987: 218].

В произведениях современных женских авторов отражается картина мира писателя, особенности языковой личности женщины-писателя. Ярким представителем современной женской прозы является Л. Петрушевская. В рамках данной статьи мы исследовали рассказы писательницы, вошедшие в сборник «Богиня Парка» [Петрушевская 2004] в плане прагматического аспекта прецедентных текстов. Содержание сборника составляют рассказы, в которых раскрывается женщина, ее познание окружающей действительности с разных сторон.

В научный обиход термин «прецедентный текст» ввел Ю. Н. Караулов. Лингвист их рассматривает на уровне прагматикона языковой личности. В структуре языковой личности писателя прецедентные тексты занимают особое место: с их помощью автор выделяет главные для него жизненные вопросы, выражает свое отношение к этим вопросам, свои ценностные ориентации, мотивы своего творчества. Прецедентные тексты также отражают черты индивидуального характера писателя и осуществляют успешную коммуникацию между автором и читателем [Караулов 1987: 218].

Изучая лингвокогнитивную специфику прецедентности, В. В. Красных вводит систематизацию разновидностей текстов под термином-гиперонимом «прецедентный феномен» [Красных 2003]. Согласно этой теории, прецедентные феномены разделяются на следующие типы: прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. Для изучения прецедентных феноменов на материале художественных текстов Я. В. Кузнецова дополняет данную классификацию категориями прецедентного портрета и прецедентного образа [Кузнецова 2002]. На наш

взгляд, дополненная классификация прецедентных феноменов более приемлема для изучения языковой личности в современной женской прозе, т. к. способствует более полному анализу особенностей языка писателя.

Под прецедентными феноменами в данной статье понимаются культурно обусловленные явления лингвоментального характера, разделяемые всеми представителями этнокультуры, восходящие к некоему прототипу (литературному или историческому), характеризующиеся определенным знаком оценки и подвергающиеся регулярному обращению со стороны представителей лингвокультурной общности.

Источником прецедентных феноменов могут быть цитаты, имена персонажей, название произведений, а также их авторы, исторические личности, библейские тексты, виды устной народной словесности (афоризмы, пословицы, поговорки, анекдот, притча и пр.).

В рамках данного исследования, основное внимание мы уделяли использованию литературных и мифологических источников, т. к. это является одним из основных особенностей отличия творчества Л. Петрушевской от современников. Следом за М. Липовецким можем утверждать, что произведения Л. Петрушевской культуроцентричны [Липовецкий 1994], что они насыщены литературными и мифологическими реминисценциями, аллюзиями, явными и скрытыми цитатами, что и доказывает данное исследование. Опора на «бродячие» сюжеты и образы в изображении современной реальности отражается и в самих названиях произведений Л. Петрушевской: «Новые Робинзоны», «Новый Фауст», «Бог Посейдон», «Новые приключения Елены Прекрасной», «Королева Лир», «Дама с собаками» и т. д. [Липовецкий 1994].

Л. Петрушевская обращается к прецедентным феноменам в повествовании от имени автора, т. е. в авторской речи. Основная их функция заключается в выражении отношения автора к описываемому предмету, ситуации или передаче дополнительной информации о персонаже или ситуации.

Рассмотрим несколько примеров прецедентных феноменов, которые встречаются в рассказах Л. Петрушевской.

Прецедентное имя:

1) *Я должна увидеть дом Томаса Манна, моего любимого писателя* (стр. 17). Этот пример из рассказа «Ветки дерева» можно отнести к референтному типу, который выделяет Ю. Н. Караулов, исследуя языковую личность. Такой тип прецедентного имени показывает окружающую среду языковой личности.

2) Следующие примеры из рассказа «Богиня Парка» способствуют раскрытию образа и активизации знаний о древней мифологии: *Две Пенелопы дуют чай и смотрят на вернувшегося странствий человека* (стр. 115); *Новый*

Одиссей убирается к себе (стр. 115); *Прекрасно, думает тетка Алевтина, как думала бы древняя богиня Парка, плетя нити человеческих судеб* (стр. 117). В этом рассказе прецедентный феномен вынесен в само название «Богиня Парка», который не только характеризует главную героиню рассказа, но также создает эмоционально-насмешливый тон.

Прецедентное высказывание

Проклятый приезд и проклятый отъезд, выражение уже из древности, слова Пушкина из его письма, конечно, и теперь портят всю картину, но это стоит того, чтобы разгрести наконец обыденную жизнь, сменить ее на нереальность, на дрожащее марево солнца и морское пространство – утром, днем, ночью (стр. 55) Источником данного высказывания из рассказа «Перегрев» является письмо А. С. Пушкина А. Н. Вульф, которое он пишет после встречи с А. Керн.

Прецедентный портрет

...мальчик из музыкальной школы с аккордеоном, красавец типа Элвиса Пресли – но тогда ни о чем подобном еще не знали у нас (стр. 20). Чтобы показать, насколько красив был мальчик, в рассказе «Горилла» Л. Петрушевская обращается к сравнению внешности героя с американским певцом и актером, который был эталоном красоты для многих девушек своего времени. Метафоричная отсылка заменяет описание внешности героя.

Прецедентная ситуация

1) *Наступает прощание, Монтекки и Капулетти ждут своих детей...* (стр. 170) из рассказа «Са и Со». Монтекки и Капулетти – две враждующие семьи, семьи Ромео и Джульетты. В рассказе Л. Петрушевской не описывается вражда между родителями. Ссылка на произведение Шекспира «Ромео и Джульетта» здесь оправдывается юностью двух влюбленных Со и Владика.

2) *Их почему-то не касается эта эйфория, восторг насчет вечной молодости, как вообще не касается человека свое и привычное, как Лувр и Джоконда не трогают парижан* (стр. 54).

Изучив рассказы Л. Петрушевской, мы можем сказать, что писательница часто обращается к прецедентным феноменам. При помощи прецедентных языковых единиц автор отражает свое отношение к изображаемой действительности в рамках рассказов, также эти единицы вносят дополнительный смысл, дают дополнительную информацию для читателя. В анализированных нами рассказах мы увидели, что Л. Петрушевская чаще обращается к зарубежной литературе и культуре, ссылки на единицы русской культуры встречаются реже. Но исследование на примере только одного сборника не дает нам оценивать все творчество писательницы. Данный аспект является перспективным для дальнейшего изучения творчества Л. Петрушевской.

Литература

- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Кузнецова Я. В.* Прецедентные феномены в цикле И. Северянина «Медальоны»: функционально-типологическая характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2002.
- Липовецкий М. Н.* Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. 1994. № 10. С. 229–232.
- Петрушевская Л. С.* Богиня Парка. Повести и рассказы. М.: Изд-во Эксмо, 2004.

G. R. Nasibullova (Kazan, Russia)
Kazan (Volga region) Federal University

PRECEDENT PHENOMENA IN THE STRUCTURE OF LINGUISTIC PERSONALITY (based on work by L. Petrushevskaya)

This study aims to investigate the linguistic personality of a modern female writer in the aspect of a precedent phenomenon based on the stories of L. Petrushevskaya. Using linguistic analysis of a literary text, the author reveals features of the use of precedent phenomena in the text.

Key words: precedent phenomenon, linguistic personality, modern women's prose, L. Petrushevskaya.

Н. В. Немирова (Сыктывкар, Россия)
Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
nvnemirova@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ СТРАТЕГИИ ПОЗИТИВНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ГАЗЕТНОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье рассмотрены прецедентные феномены как ретранслянты речевых ходов стратегии позитивной самопрезентации в ответных репликах интервью Ю. Башмета, Е. Водолазкина, А. Кончаловского. Анализ материала показывает, что структурирующими речевыми ходами являются прагматическая presupposition и приведение примеров.

Ключевые слова: речевая стратегия, речевой ход, прецедентный феномен, presupposition, интервью.

Проблема речевых стратегий и ходов коммуникации является одной из центральных в когнитивной прагматике. По определению Т. ван Дейка, речевая стратегия как «характеристика когнитивного плана общения» представляет собой «общую организацию некоторой последовательности действий» и включает «цель... взаимодействия» [Дейк 1989: 272–274]. Речевой ход определяется исследователем как «функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем... стратегии» [Дейк 1989: 274]. Т. ван Дейк выделяет такие ходы, как обобщение, приведение примера, поправка, усиление, уступка, повтор, контраст, смягчение, сдвиг, уклонение, пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт [Дейк 1989: 297–298].

В центре нашего внимания – газетное интервью-портрет, для которого характерно особое внимание к личности интервьюируемого, его оценкам различных явлений действительности.

Анализ интервью, являющегося «одной из форм диалогического взаимодействия в сфере массовой коммуникации» с позиций когнитивной прагматики, предполагает рассмотрение «изменения... ролей говорящих, линейной упорядоченности, использования различных стратегий» [Дейк 1989: 112].

Для анализируемого вида газетного интервью ведущей является стратегия позитивной самопрезентации, которая «направлена на осуществление таких ходов, при которых никакие негативные выводы не могут быть извлечены из того, что говорится в отношении личностной или социальной модели говорящего в коммуникативно-контекстной модели слушающего» [Дейк 1989: 277].

Материалом для исследования послужили ответные реплики в интервью альтиста и дирижера Ю. Башмета [Терентьев 2023], режиссера А. Кончаловского [Шигарева 2022], писателя и литературоведа Е. Водолазкина [Яковлева 2022].

Рассмотрим особенности использования прецедентных феноменов (ПФ) в структуре различных речевых ходов в текстах анализируемых интервью.

Следует отметить, что употребление ПФ является ретрансляцией таких речевых ходов, как прагматическая пресуппозиция, которая касается «знаний и убеждений говорящих» [Арутюнова, Падучева 1985: 38–39], и приведение примера. В прагматические пресуппозиции включаются и прецедентные феномены, источниками которых являются произведения устного народного творчества и художественной литературы, литературно-критические статьи, художественные фильмы, исторические события, песни, лозунги,

рекламные слоганы и т. п., которые, как правило, демонстрируют то, что точка зрения адресанта основана «на конкретных фактах (опыте)» [Дейк 1989: 297]. Использование ПФ – это одна из разновидностей «трансфера знаний», который «лежит в основе небуквального употребления языковых выражений» [Демьянков 2016: 29].

Речевой ход обобщения использован Ю. Башметом для того, чтобы охарактеризовать основные особенности творческой личности: романтизм, идеализация действительности, стремление к достижению наивысшего результата, способность к реализации творческого потенциала: «Настоящий художник в любом возрасте должен быть немножко Грэм... Для тех, кто не поднял паруса или вообще не вышел в море, не бывает попутного ветра. А уж наличие трехмачтового галиота «Секрет», цвет ветрил, погода – дело случая» [Терентьев 2023]. Показательными для осознания смысла прецедентного имени (ПИ) *Грэй* являются наблюдения О. А. Васильевой: «Грэй выступает как творец, художник жизни, воплощая сказку об алых парусах... Созидание Грэм алых парусов сродни акту поэтического творчества, где соединяются чистое созерцание и воссоздание мира, рожденного силой воображения» [Васильева 2016: 107].

Такой речевой ход, как уступка, дает возможность Ю. Башмету пояснить смысл прецедентного наименования «Не покидай свою планету», атрибутированного в контексте интервью журналистом, который спросил, почему «фестивальную программу... решили завершить постановкой «Не покидай свою планету» по повести-сказке Экзюпери: «Да, но призыв не покидать свою планету у нас сродни тезису: дерево растет корнями в землю, хоть и тянется ветками к небу» [Терентьев 2023].

Речевой ход усиления достигается Ю. Башметом путем использования формулы ‘успех – закономерность’ и вопросно-ответного единства: «Успех «Бориса Годунова» – закономерность. Знаете, чем аксиома отличается от теоремы? Аксиому не нужно доказывать!» [Терентьев 2023] (речь идет об успехе постановки оперы М. Мусоргского «Борис Годунов», которой открылся новый сезон театра «Ла Скала» 7 декабря 2022 г.).

Импликация как речевой ход, образующий высказывание условного характера (предложение с союзом *как только*, имеющем значение непосредственного следования, осложнено значением обусловленности, являющимся в смысловом плане доминирующим), необходима Ю. Башмету для характеристики дающего возможность различного истолкования понятия «загадочная русская душа» и перехода к пояснению и обобщению: «Как только у «загадочной русской души» появляется официальный флагман, она утрачивает загадочность... Русская культура – это всегда большое поле, где одновременно существовали Рихтер и Гилельс, Ойстрах

и Коган, Прокофьев и Шостакович, Толстой и Достоевский... И все они были разные, с разными взглядами на жизнь, на искусство, оставаясь бесконечно русскими по сути» [Терентьев 2023]. К. В. Душенко считает, что прецедентное высказывание (ПВ) *загадочная русская душа* «возникло во Франции и Англии на рубеже XIX–XX вв., прежде всего под влиянием А. Леруа-Болье и Э. де Вогиюэ» [Душенко 2019: 120]. ПИ музыкантов и писателей, выдающихся творческих личностей, употребляются символически для характеристики неоднозначности понятия «загадочная русская душа».

Предположение как речевой ход дает возможность Е. Водолазкину частично дистанцироваться от приведенного вывода (этому способствует использование глагола *казаться* со значением предположения): «В романе известного немецкого писателя Даниэля Кельмана “Измеряя мир” – о двух выдающихся немцах, Гауссе и Гумбольдте – есть диалог героев, который мне кажется символом наших отношений с Западом. Абсолютно монологически настроенные собеседники говорят какие-то фразы в пустоту» [Яковлева 2022].

Поправка как речевой ход в анализируемом контексте направлена на существенное смысловое дополнение прецедентного высказывания: «Как говорил в свое время Лесков: “Всякий человек в своем расчислении у Господа”. И каждая страна тоже. Но чтобы понимать свой путь, нужно знать свою историю – и хорошее в ней, и дурное» (Е. Водолазкин) [Яковлева 2022].

Усиление как речевой ход достигается использованием Е. Водолазкиным восклицательного предложения: «В последние месяцы я много перечитывал Достоевского. Насколько же он был европейски ориентированным человеком! Чего стоит его знаменитая фраза: “О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!”» [Яковлева 2022].

Поправка как речевой ход направлена на исключение «нежелательной интерпретации» и оценки «слушающим глубинных импликаций или ассоциаций» [Дейк 1989: 297], связанных с причинами раскола общества в период Октябрьской революции 1917 г.: «Разговор о расколе применительно к России требует серьезного экскурса в историю. Это же не в октябре 1917-го началось. Был церковный раскол, результатом которого стал в том числе и стрелецкий бунт 1682-го. И разрыв в обществе, случившийся во время правления Петра I, который, как писал русский мыслитель Михаил Гершензон, “накрыл Россию тонким плащом европейской цивилизации”» [Шигарева 2022].

Речевой ход контраста необходим А. Кончаловскому для характеристики функций государства: «Бердяев же в свое время сказал: государство существует не для того, чтобы превращать земную жизнь в рай, а для того, чтобы

помешать ей окончательно превратиться в ад. И эта роль государства, на мой взгляд, будет только увеличиваться. Потому что либеральная идея сама себя уничтожает, мы это видим» [Шигарева 2022].

Повтор как речевой ход достигается в анализируемом примере использованием синонимов *воздействие* и *влияние*; аббревиатуры-наименования государства *США* и относительного прилагательного от неофициального названия государства: *американский* ← *Америка*: «Прежде всего, это воздействие США при помощи «мягкой силы». Американское влияние на Европу, которое продолжается уже полвека, теперь дошло и до нас [Шигарева 2022]. Под ПВ «Мягкая сила» понимают «невоенные методы воздействия на противоположную сторону» [Лебедева 2017: 213].

Итак, речевая стратегия положительной самопрезентации достигается интервьюируемыми в процессе использования различных речевых ходов, таких как обобщение, поправка, усиление, уступка, контраст, импликация, предположение, повтор. Основополагающими речевыми ходами, по нашим наблюдениям, являются пресуппозиция и приведение примера, которые и создают положительный образ героя интервью, т. к. в качестве репрезентантов знаний выступают прецедентные феномены, аккумулирующие квинтэссенцию смыслового наполнения контекста.

Литература

Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.

Васильева О. А. Мифопоэтика феерии А. Грина «Алые паруса» // Крымский архив. 2016. № 4. С. 101–109.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.

Демьянков В. З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 29–32.

Душенко К. В. Загадочная русская душа // Вестник культурологии. 2019. № 2. С. 120–124.

Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 212–223.

Терентьев В. Юрий Башмет: «Верю в чудо» // Литературная газета. 2023. № 3.

Шигарева Ю. Андрей Кончаловский: «Путин демонстрирует абсолютно героическую отвагу» // Аргументы и факты. 2022. № 33.

Яковлева Е. Водолазкин: «У власти должны быть люди, чей удел – ответственность за страну» // Российская газета. 2022. № 14.

*N. V. Nemirova (Syktyvkar, Russia)
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University*

**THE PRECEDENT
OF THE POSITIVE SELF-PRESENTATION STRATEGY
IN A NEWSPAPER INTERVIEW**

The article considers precedent phenomena as retranslants of speech moves of the pragmatic strategy of positive self-presentation in the response remarks of interviews by Y. Bashmet, E. Vodolazkin, A. Konchalovsky. The analysis of the material shows that the structuring speech moves are pragmatic presupposition and giving examples.

Key words: speech strategy, speech course, precedent phenomenon, presupposition, interview.

*T. A. Пивоварчик (Гродно, Беларусь)
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы
t.pivavarchyk@grsu.by*

**ИЗБЫТОЧНОСТЬ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ НОРМА
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО МЕДИАТЕКСТА
(на материале русских устойчивых сочетаний
с местоимением *свой*)**

Обсуждается вопрос о лексико-семантической избыточности в публицистическом медиатексте. Избыточность рассматривается как авторский прием для порождения имплицативных и интерпретативных компонентов, усиления воздействующего потенциала публицистического медиатекста. Рассматриваются характерные для русскоязычных медиатекстов градационные ряды вариативных устойчивых сочетаний с местоимением *свой*.

Ключевые слова: русский язык, когнитивная прагматика, публицистический медиатекст, прагматическая норма, избыточность, устойчивое сочетание, местоимение.

В основе когнитивной прагматики, сфокусированной на когнитивных аспектах истолкования значения в контексте [Cognitive 2012: 5], – представление о «деятельностном единстве языка, речевого общения и человека», об онтологической и эпистемической включенности языка в человеческую дестельность [Алефиренко 2011: 17]. Важность когнитивно-прагматического подхода при изучении медиадискурса выступает одним

из постулатов в идеологии трудов Т. А. ван Дейка: «структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений» [Дейк 1989: 123]. Объяснительная сила такого подхода к исследованию медиатекста заключается в особом внимании к «“внутренним мирам” участников коммуникативной ситуации, т. е. их энциклопедическим, фоновым и эпизодическим знаниям, их мнениям, верованиям и допущениям (когнитивной составляющей контекста)» [Актуализация 1997: 27], к «когнитивным структурам как основе развертывания дискурса для достижения его стратегической цели» [Кочетова 2015: 55].

Вопрос о когнитивно-прагматических нормах дискурсов – с точки зрения текстопорождения и текстовосприятия, прототипов концептуализации и категоризации, репрезентации и структурирования разных видов знания – представляет актуальный и почти неисчерпаемый в силу динамичности как самих дискурсов, так и их речевых узусов предмет размышлений. Особое место в системах норм занимают нормы информативности, информационной насыщенности, референциальной, ономаσιологической плотности текстов, а также формирующие их дискурсивно обусловленные представления о полноте / неполноте, недостаточности / избыточности информации. Постулаты количества Г. П. Грайса (высказывание должно содержать не меньше / не больше информации, чем требуется) обладают универсальным характером, но их соблюдение и нарушение специфичны для разных дискурсов. Так, имеющая конвенциональный характер информационная избыточность в научных текстах, правовых документах обусловлена требованиями однозначности и непротиворечивости передаваемого содержания. И. Н. Филиппова называет такую избыточность коммуникативно значимой и указывает, что она имеет несколько форм, которые служат «для реализации различных коммуникативных заданий в субстанционально и ситуативно детерминированных контекстах» и «коррелируют с функциональными стилями, жанрами и типами текста» [Филиппова 2011: 153]. Отметим, что избыточность в разных ее ипостасях неоднократно выступала объектом исследовательского внимания, в том числе избыточность как языковая универсалия (Н. Б. Мечковская, В. Б. Касевич, М. Д. Воейкова, И. Н. Филиппова), семиотическая избыточность в знаке, речи, тексте (В. Г. Гак, С. А. Крылов, В. Т. Садченко), грамматическая и лексическая избыточность в тексте как условие его связности, смысловой многослойности, адекватного восприятия читателями (Е. В. Грудева, Л. А. Исаева), прагматическая избыточность в общении (И. Р. Гальперин, Г. М. Сучкова, О. В. Куликова) и др.

В статье обсуждаются такие факты, когда лексико-семантическая избыточность в медиатексте становится основой для порождения имплицатуры, интерпретанты, контекстуальных смыслов. Под публицистическим дискурсом понимаем содержательно-жанровую разновидность медиадискурса, ключевыми признаками которой являются личностность, энергичная модальность, открытая тенденциозность, активное воздействие на аудиторию. Эти свойства выступают первым (интенциональным) фактором, ведущим к избыточности: степень достаточности информации в публицистическом медиатексте оценивается с точки зрения степени выполнения текстом его влияния на когнитивную и аксиологическую сферы аудитории. Второй фактор (контитивный) – это специфика познавательных процессов массовой аудитории, для которой требуется адаптация информации. Например, «для научно-популярной работы нужна значительно большая степень избыточности информации, введение различных поясняющих примеров и легко представляемых житейских ситуаций, чем для чисто научной разработки, предназначенной для узкого круга специалистов» [Лупандина 2009: 155]. Третий фактор можно назвать идиостилевым: речь идет об авторской манере и подвижности авторских установок. Хотя аудитория медиадискурса имеет неограниченный массовый характер, журналист при создании текста ориентируется на целевую аудиторию, ее фонд знаний, информационные потребности, готовность и способность «откликаться» на определенный вид информации и тип ее «упаковки».

Объектом рассмотрения в данной статье выступают характерные для публицистических медиатекстов варианты устойчивые сочетания с местоимением *свой* (*иметь свой взгляд* – *иметь свой собственный взгляд* – *иметь свой личный взгляд* и под.), при этом выделяются две степени смысловой избыточности. Первая степень – включение местоимения *свой* в такие конструкции, где оно является необязательным и даже излишним и в смысловом отношении, и с точки зрения традиционного для СМИ принципа экономии: *акцентировать свое внимание, преодолеть свою лень, сделать свой выбор*. Вторая степень – расширение устойчивого выражения за счет «усиления» местоимения *свой* семантически близкими прилагательными *личный* и *собственный*: *взять под свой личный контроль; вносить свой личный вклад; развиваться по своим собственным законам; транслировать свою собственную повестку*. В пособиях и справочниках такие сочетания, как правило, получают оценку как плеоназм, т. е. неоправданное с логической точки зрения дублирование одного и того же смысла несколькими словами, хотя и отмечается их стилистическая допустимость и целесообразность в некоторых случаях.

Когнитивно-прагматический взгляд на подобные сочетания позволяет обнаружить определенные закономерности в профессионально-творческой

деятельности журналиста и в медиатексте как ее результате. Благодаря постоянно действующей в естественном языке «тенденции к обеспечению избыточности» [Грудева 2010: 73] в распоряжении журналиста как носителя языка и участника медиакommunikации оказывается набор вариантных конструкций, которые семантически, функционально, стилистически близки и могут использоваться как взаимозаменяемые для описания одной и той же ситуации: *выразить гражданскую позицию – выразить свою гражданскую позицию – выразить свою личную гражданскую позицию – выразить свою собственную гражданскую позицию*. Оптимальный выбор одного из вариантов – важный показатель уровня прагматической компетенции журналиста, поскольку благодаря вариантности и «избыточности» конструкций происходит их смысловая нюансировка, появляются дополнительные, ориентированные на «ответность» позиции адресата смыслы ‘самостоятельность’, ‘ответственность’, ‘уникальность’ и др. Возвратно-притяжательное местоимение *свой* выполняет две первичные функции: реализует анафорическую связь через кореферентные отношения с другой единицей в высказывании и указывает на посессора, соотносимого с другим членом того же высказывания. При употреблении местоимения в публицистическом медиатексте мы можем наблюдать смысловые и функциональные сдвиги, ср.: *иметь свои собственные личные интересы* ‘эгоистичные, корыстные’. Благодаря включению прилагательных становятся более выпуклыми вторичные, непритяжательные значения местоимения, ценностные смыслы (а) противопоставления своего чужому и (б) оценки своего как в полной мере отвечающего установкам, убеждениям, взглядам того лица, по отношению к которому автор проявляет эмпатию: *трудиться, не жалея своего личного времени; достойную жизнь только через свой собственный труд; гражданам заботиться о своем собственном государстве*.

Избыточность в медиатексте имеет прагматический характер: ее появление обусловлено не столько предметом речи (его сложностью) или идиостилем автора (повышенной экспрессивностью), сколько направленностью текста на адресата, т. е. перлокутивную составляющую. Избыточность обусловлена тем, что для журналиста в ситуации публицистического диалога главным выступает намерение воздействия, а не информирования; иначе бы, как в новостных медиатекстах, соблюдалась норма информационной достаточности. Анализируемые в статье устойчивые выражения с местоимением *свой* – не единственный способ реализации смысловой избыточности в публицистическом медиатексте, которая проявляет себя и другими средствами, и на других уровнях текста: в регулярности лексических и синтаксических повторов, в расширенных цепочках корефе-

рентных номинаций, в длинных синонимических рядах, в содержательном дублировании основного корпуса текста и паратекста, например: *Сейчас как никогда молодежи очень важно прийти и отдать свой голос, обозначить свою позицию, сделать свой собственный выбор будущего страны, в которой нам жить*. В процессе наблюдений за функционированием сочетаний удалось обнаружить три условия, способствующих тому, что журналисты обращаются к данному приему. Во-первых, это актуальная, острая политическая или социальная тема, предполагающая высокую вовлеченность читателей, их мировоззренческий отклик. Во-вторых, это выраженный модус пропаганды или контрпропаганды. Во-вторых, это принадлежность текста к информационному полю так называемых местных (районных) СМИ.

Таким образом, смысловая избыточность в публицистическом медиатексте отражает прагматические нормы дискурса, особенности речевого узуса, используется журналистом как риторический прием для решения коммуникативных задач, коррекции когнитивных и аксиологических установок адресата, способствует появлению прагматического эффекта – привнесению дополнительных смыслов, усилению уже актуализированных в контексте значений, расстановке необходимых акцентов.

Литература

Актуализация предложения. Т. 1. Категории и механизмы / отв. ред.: А. В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997.

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. тр. М.: Флинта, 2011. С. 16–27.

Грудева Е. В. Избыточность языка и избыточность текста: некоторые размышления // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 73–89.

Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Кочетова Л. А., Кривобокова Г. А. Когнитивно-прагматический подход в диахроническом изучении способов обозначения лица в английском рекламном дискурсе // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 54–71.

Лунадина О. А. Оптимальная информационная избыточность в текстах нормативно-правовых актов // Известия ЮФУ. 2009. № 3 (92). С. 155–160.

Филитова И. Н. Классификация вербальной избыточности // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 150–155.

Cognitive pragmatics / ed. by Hans-Jörg Schmid. (Handbooks of pragmatics 4.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2012.

*T. A. Pivavarchyk (Grodno, Belarus)
Yanka Kupala State University of Grodno*

**REDUNDANCY AS A PRAGMATIC NORM
OF PUBLICISTIC MEDIA TEXT
(based on Russian collocations
with the pronoun *svoi*)**

The article discusses the problem of lexical-semantic redundancy in publicistic media text. Redundancy is considered as a technique for generating implicative and interpretive components, strengthening the influencing potential of a media text. The gradation series of variable stable combinations with the pronoun *svoi*, characteristic of Russian-language media texts, are analyzed.

Key words: Russian language, cognitive pragmatics, publicistic media text, pragmatic norm, redundancy, collocation, pronoun.

*Г. Е. Попова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный
технический университет
geropova@mail.ru*

**РЕЧЕКОГНИТИВНАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ
И ИНТЕГРАТИВНАЯ РЕЛЕВАНТНОСТЬ**

Процессы речекогнитивной интеракции вызывают большой интерес в плане моделирования и разработки понятийного аппарата их исследования. Но основе некоторых концептуальных пресуппозиций здесь предлагается некоторая модель описания основных концептуальных составляющих речекогнитивного взаимодействия.

Ключевые слова: речекогнитивная интенциональность, взаимопонимание, интерактивность и интеракциональность коммуникативной когниции.

Речекогнитивное взаимодействие имеет два внешненаправленных вектора: интерактивный (субъект-объектный) – деятельное познание природы, объективной действительности при воздействии окружающей среды на человека; и интеракциональный (субъект-субъектный) – активное взаимодействие с социумом, обмен информацией, применение знаний в социальной деятельности [Newcomb 1953].

Концептуальные структуры, состоящие из различных типов знаний, формируются в *интерактивных* (субъект-объектных) и *интеракционных* (субъект-субъектных) взаимодействиях. Но поскольку в процессе жизнедеятельности оба вектора переплетаются, процесс речемыследеятельности можно представить как систему *субъект-объект-субъектных* отношений – прототип всех когнитивно-коммуникативных процессов.

Речекогнитивная интеракция представляется при этом как взаимодействие **двух фундаментальных процессов: понимания и принятия знания** (согласия). Промежуточным этапом является *признание релевантности* (достоверности, уместности) получаемого в субъект-объект-субъектном взаимодействии знания, доверие к источнику информации (знания), вера в истинность / допущение истинности («принятие на веру») получаемой информации.

Данные речекогнитивные состояния асимметричны и находятся между собой в отношениях первичной и вторичной соотнесенности. Первичные соотнесенности отражают симметрию и причинно-следственную связь *знать – понимать – верить – соглашаться*. Асимметрия проявляется в соотношениях контрадикторности: *знать / понимать, но при этом не (хотеть) верить или не соглашаться; не знать, но при этом верить и соглашаться; соглашаться, но при этом не понимать и не верить* и т. д.

Чтобы достичь взаимопонимания субъекты интеракции (СИ) должны *разделять*, т. е. иметь, если не идентичные, то в целом совмещающиеся по инференциальному алгоритму (интерпретационной доминанте [Болдырев 2018]) *контекстуальные ментальные модели* (не конечный набор знаний, а именно модели, включающие интерпретационные схемы), составляющие “mutual cognitive environment” – **обоюдную когнитивную среду субъектов** интеракции (адресанта, адресата, возможной аудитории и т. д.).

Мы считаем возможным, опираясь на музыкальную метафору, представить, что коммуниканты образуют дуэт, и оба должны следовать определенному совместному и обоюдному алгоритму (вос)производства «звука»-смысла высказывания-произведения. Достижение консонанса («согласия») [Newcomb 1965] и резонанса («аддитивности») [Ирисханова 2014] в коммуникативных средах СИ возможно при совпадении их когнитивных (концептуальных) и коммуникативно-прагматических компетенций. Консонанс необходим для создания единой интенциональной перспективы (концептуальная адаптация) с целью достижения определенного перлокутивного (контекстуального) эффекта [Dijk 2008], будь то установление эмоционального контакта в беседе, или достижение конструктивной слаженности коллективного мышления для дальнейшего принятия решения.

Следуя когнитивной и социально-психологической «Теории коммуникативных актов» Т. М. Ньюкомба, можно сказать, что речевой интеракции свойственна трехчленная структура: А – В – О, где А – воспринимающий и коммуницирующий субъект, В – собеседник, т. е. такая же когнитивно-коммуникативная личность, с которой происходит (речевое) взаимодействие, О – объект, на который направлена перцептивно-интерпретативная активность А и В. Если восприятие А и отношение В к объекту О имеют сходство (ассонанс), то между ними возникает чувство приязни (консонанс). При несходстве интерпретаций формируется когнитивный и эмоционально-оценочный диссонанс. Допускается, что в последней ситуации возможно и изменение отношения к предмету, благодаря чему достигается сохранение консонанса с партнером по коммуникации [Newcomb 1965].

Однако коммуникативно-когнитивный **ассонанс / консонанс**, как и их высшая степень – **резонанс** [Ирисханова 2018], – это «категории», стремящиеся к «коммуникативному счастью» – идеальной речевой интеракции. В реальном речевом взаимодействии, в силу расхождений «внутренних релевантностей» коммуникантов, отсутствие релевантности или нарочитое, *интенциональное нарушение принципа кооперативности*, трактуемое нами как *иррелевантность* [Попова 2019], становится обыденной и даже институциональной практикой. Расхождение в ментальных моделях коммуникантов обусловлено, прежде всего, не расхождением в объеме «общих знаний», а диссонансом внутренних релевантностей (интенций и компетенций) субъектов интеракции, который вытекает из различного восприятия и интерпретации объекта (когнитивной репрезентации) [Johnson-Laird 2010].

Предметная релевантность [Шюц 2004] либо объединяет, либо разъединяет субъектов относительно объекта, наделяя предмет субъективной релевантностью (интерпретантой) как внутренним свойством быть воспринимаемым и интерпретируемым [Пирс 2000].

Поэтому можно говорить как минимум о двух типах когнитивно-интенциональной *установки* («set») субъекта:

- установки на взаимодействующий с модулем восприятия объект;
- установки на взаимодействующий субъект (собеседника).

Субъект-объектная интенциональность (А – О; Б – О), как правило, заключена внутри мыследеятельности субъекта: предмет восприятия и осмысления выступает как интерактивный объект (влияние свойств объекта на характеристики рецепции, концептуализацию, категоризацию и интерпретацию [Болдырев 2016; 2018]). Следовательно, когнитивно-интерпретативная функция языка представляется **интерактивной** как

своего рода взаимодействие субъекта с *отражаемым* когнитивными механизмами и средствами языка **объектным** (объективным и активным) **миром**. Релевантность объекта состоит в его *значимости* в фокусировании внимания коммуникантов, выражающегося затем на пропозициональном уровне [Ирисханова 2014]. Поэтому пропозиция в коммуникативном обмене по поводу референта содержит презумпцию своей оптимальной внутренней релевантности (субъективный выбор интерпретативных гипотез).

Субъект-субъектная интенциональность (А – В) интеракциональна, обусловлена конкордансом когниций субъектов в рамках коммуникативной интеракции [Алферов 2013]. Интерактивная функция речевого сознания связана преимущественно с **внутренней релевантностью** (релевантность отражения и понимания), а интеракциональная функция – с **внешней релевантностью** (релевантностью действия и взаимодействия) [Попова 2022].

Внешняя релевантность может быть навязанной [Шюц 2004], вынужденной, или, напротив, – ожидаемой, востребованной. Последний тип релевантности называют **пертинентностью**, которая в информатике определяется как соответствие полученной информации информационной потребности [Волкова 2014]. В свете интеракционно-интерактивной дифференциации в когнитивном трансфере присутствуют два вида ментального контекста: интерактивный (внутренний, рефлексивный) и интеракциональный (внешний, социально-интерперсональный). Оба симультанно и синкретично реализуются в речевой интеракции.

Таким образом, возникает одновременное слияние двух типов моделей ментального контекста (внутреннего и внешнего) – **интерактивной контекстуальной модели** и **интеракциональной контекстуальной модели**. Тогда обоюдная когнитивная среда коммуникантов [Sperber, Wilson 1995] коррелирует с внутренней интерактивной (динамической, инференциальной) моделью, а внешняя контекстуальная ментальная модель Т. ван Дейка [Dijk 2008] – с этосной (интерсубъективной) интеракциональной моделью. В соответствии с такой дихотомией мы окончательно выделяем данную оппозицию в типологии релевантности – **внутреннюю интерактивную релевантность** (инференция, понимание) и **внешнюю интеракциональную релевантность** (релевантность ситуации общения, этосной контекстуальной модели). Реализация моделей в речевом взаимодействии обуславливается их взаимовлиянием. В результате возникает **интегральная релевантность**, обуславливающая обоюдное принятие (акцептацию) когнитивно-речевого акта и когнитивно-речевого обмена (взаимопонимание).

Литература

Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 77–79.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (49). 2016. С. 10–20.

Болдырев Н. Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 37–42.

Волкова В. Н. Теория информационных систем. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Ирисханова О. К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334–344.

Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб.: «АЛТЕЙЯ», 2000.

Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019.

Попова Г. Е. Интеракциональная когниция: дискурсивная память и эффекты ожидания // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 549–553.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Dijk van T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Johnson-Laird P. N. Mental models and human reasoning // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA (PNAS). 2010. P. 18243–18250.

Newcomb T. M. Social psychology: the study of human interaction / T. M. Newcomb, R. H. Turner, P. E. Converse. London: Psychology Press, 1965.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford; Cambridge: MA, 1995.

G. Ye. Popova (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

SPEECH-COGNITIVE INTENTIONALITY AND INTEGRATIVE RELEVANCE

The processes of speech-cognitive interaction are of great interest in terms of modeling and developing the conceptual apparatus of their research. Based on some conceptual presuppositions, a model of describing the main conceptual components of speech-cognitive interaction is proposed here.

Key words: speech cognitive intentionality, mutual understanding, interactivity and interactivity of communicative cognition.

С. Г. Сабирова

(Душанбе, Республика Таджикистан)
Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Душанбе
ssanovbar@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ТАДЖИКСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье проанализированы когнитивно-прагматические особенности формирования и развития концептов ИҚТИСОДИ РАҚАМӢ, DIGITAL ECONOMY, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА. Были выделены лексико-семантические группы с адаптивным контентом, описана пирамидальная модель фрейма «знание → практика → опыт».

Ключевые слова: концепт, фрейм, прагматика, трансдисциплинарность, субдискурс, слот.

Изучение специфики функционирования дискурсообразующих терминосоответаний в когнитивно-прагматическом аспекте позволяет выделить когнитивные связи в дискурсе в контексте трансдисциплинарности. Относительно экономического дискурса прагматика предстает как «ключ интегрированного понимания жизни, поведения, когниции и процессов коммуникации в целом» [Givon 1989: 36]. Терминосоответания *иқтисоди рақамӣ*, *digital economy*, *цифровая экономика* отражают тенденции развития экономики нового формата и стоящей перед ней стратегической первоочередной государственной задачи. Цифровая трансформация находит свое отражение в дискурсе экономики, о чем свидетельствует неуклонный рост количества терминов. Данные терминологические сочетания являются средством репрезентации новой структуры знания, что согласуется с точкой зрения Е. С. Кубряковой о том, что «осмысление новой информации приводит к образованию концепта» [Кубрякова 1996: 93–94]. Разнородные толкования одного и того же понятия требуют создания интегральной и целостной модели в виде фреймовой структуры или же «когнитивной карты» [Кубрякова 1994: 38–39].

Проникновение данного термина наблюдается фактически во всех сферах человеческой жизнедеятельности – в политике, культуре и социальной жизни, что отражает сглаживание терминологических границ и обновление фрагмента профессиональной картины мира. Объективно данный процесс можно считать абсолютно экстралингвистическим для расширения общелитературного языка, в большей мере он связан с явным проявлением новых черт, сторон, признаков, тенденций и закономерностей в неоклассической

экономике. Термины данного пласта знаний формируют новый субдискурс и концептуальное пространство для описания современной объективной действительности мира экономики и объективизации языковой картины мира. На каждом этапе развития экономики субъекты экономического дискурса являются создателями не только новых терминов, но и создателями новых технологий, продуктов и сервисов. В результате прогресса, профессионального познания, восприятия, информационного потребления и рефлексии происходит появление «громких терминов», это подтверждается внедрением реалий, которые функционируют в сопоставляемых языках.

Различные аспекты знания, структурируемые концептами ИКТИСОДИ РАҚАМЇ, DIGITAL ECONOMY, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, подробно проанализированы геополитически, финансово-экономически и в управленческом ракурсах. По структуре двухкомпонентные терминосочетания *иктисоди рақамӣ*, *digital economy*, *цифровая экономика* отражают один из приоритетных концептов дискурса экономики и передают не только «пассивное, а живое, активное отражение, в контент которого входит человеческая практика, в частности профессиональная деятельность», но и концептуально ориентированную категорию [Голованова 2004: 21]. Будучи репрезентативными единицами глобальных концептов ИКТИСОДИЁТ, ECONOMY, ЭКОНОМИКА, терминосочетания *иктисоди рақамӣ*, *digital economy*, *цифровая экономика* объективируют фреймы со сложной структурой, которые передают профессиональные знания, стереотипные ситуации для обозначения различных способов и вариаций коммуникативно-познавательного отношения к объективной экономической действительности.

Выявленные связи между компонентами фрейма показывают, что структура знания моделируется вокруг глобального концепта, который «содержит самую существенную, типическую и потенциально важную информацию, ассоциированную с концептом» [Макаров 2003: 105]. Определение структурности как неотъемлемого атрибута фрейма встречается у многих когнитологов как отечественного, так и зарубежного языкознания. Подтверждение подобного структурирования фрейма мы находим у М. Л. Макарова [Макаров 2003: 106]. Ч. Филлмор трактует фрейм как «единую схематизацию опыта или некоторого знания», в нашем исследовании это группа терминов экономического дискурса, которые «структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта» [Филлмор 1988: 54]. При выборе рабочего определения термина *фрейм* мы придерживаемся постулатов Ч. Филлмора, относящего фрейм к когнитивным структурам, обеспечивающим возможность понимания типичных ситуаций. Классически по своей структуре фрейм состоит из вершины (темы), т. е. макропропозиции, слотов и терминалов, заполняемых пропозициями. Отметим еще одну

точку зрения исследователей на структуру фрейма: это многокомпонентная структура, «передающая объемное представление некоторой совокупности стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин 2007: 75].

Фреймы иктисоди РАҚАМЙ, DIGITAL ECONOMY, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА отличаются системообразующими особенностями, их компоненты прошли процесс исследовательского отбора, стандартизацию и упорядочение. Общая совокупность терминов с определениями характеризуют современное состояние цифровой экономики в синхронном срезе последних 30 лет. Было установлено также наличие принципа обратной связи между управляющими и управляемыми слотами и терминалами [Исенбаева 2008: 492]. Терминологические словосочетания отражают системное отношение субординации и координации между компонентами фрейма. В целом, терминсистема цифровой экономики в сопоставляемых языках представляет собой сегмент с институциональными особенностями, занимающий определенное место в экономическом дискурсе, предназначенный для выполнения ряда функций.

В результате анализа фреймов ИКТИСОДИ РАҚАМЙ, DIGITAL ECONOMY, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА были выделены следующие особенности, отражающие адаптивный контент: а) тренды неоклассической экономики; б) компетенции субъектов неоклассической экономики; в) тенденции развития неоклассической экономики.

Пристальное изучение и учет новых экономических проявлений посредством терминологических словосочетаний выделяет фрейм как относительно самостоятельное концептуальное пространство новой отрасли экономики. Трансотраслевую интегративность отражают междисциплинарные связи, направленные на формирование фрагмента экономической картины мира, создаваемые комплексом направлений на основе взаимодополнительности содержания, единства цели и требований к терминсистеме. Данный концепт подтверждает факт о высокой степени универсальности экономического дискурса с особой языковой средой, определенной функциональной лексикой, семантикой и прагматикой. Представленная модель фрейма пирамидально отражает такие аспекты, как «знание → практика → опыт» и позволяет рассмотреть все стороны данного конструкта с учетом средств его репрезентации.

Литература

Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33. С. 18–25.

Исенбаева Г. И. Основы теории построения концептуального научного объекта «язык». Орск: «БИБКОМ», 2008.

Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.

Макаров М. Л. Основы дискурс-анализа: монография. М.: ИТДКГ «Гнозис», 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Givon T. Mind, Code, and Context: essays in pragmatics. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1989.

S. G. Sabirova

(Dushanbe, Republic of Tajikistan)

*Lomonosov Moscow State University
in Dushanbe*

COGNITIVE-PRAGMATIC INTEGRATION IN THE ECONOMIC DISCOURSE IN TAJIK, ENGLISH AND RUSSIAN

The article analyzes the cognitive-pragmatic features of the formation and development of the concept DIGITAL ECONOMY. As a result of the concept structuring, lexico-semantic groups with adaptive content are identified, and the pyramidal model of the frame “knowledge → practice → experience” is described.

Key words: concept, frame, pragmatics, transdisciplinarity, subdiscourse, slot.

Т. П. Третьякова *(Санкт Петербург, Россия)*

*Санкт-Петербургский государственный университет
treyakova.tp.50@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ КОММЕНТИРУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ: ОТ КОММУНИКАТИВНОЙ ИДИОМЫ К ТЕКСТУ

В статье комментирующие высказывания, т. е. спонтанные вербальные реакции, отражающие отношение говорящего к тому или иному элементу коммуникативной ситуации, представлены как системное явление, когнитивной основой которого является процедурная семантическая модель. Особое внимание уделяется

реализации модели в рамках прагматических значений одобрения/ неодобрения как коммуникативной идиомы в разных типах дискурса, включая политический и рекламный.

Ключевые слова: прагматика высказывания, когнитивная модель, оценка, коммуникативная идиома, дискурсивные практики.

Прагматика комментирующих высказываний определяется операциями, связанными с оценкой говорящим сложившейся ситуации в целом или отдельных элементов ситуации и их интерпретацией [Болдырев 2018: 326–338]. Помимо логических оснований оценивания комментирование определяется по разным критериям, которые для разных субъектов связаны с категориями приемлемости /неприемлемости, желательности/нежелательности появления комментария, а в современном коммуникативном пространстве определяются также реализацией собственной идентичности.

Концептуализация реакции определяется повторяющимся модусом оценочного коммуникативного кода и диспозицией говорящего, связанных со знаковой интерпретацией высказывания. К ним относятся такие универсалии, как оценка, эмоции и экспрессия. Приоритет оценки над эмоцией создает у высказываний ценностно-ориентированные значения, эмоциональная доминанта определяет эмотивность высказывания, а приоритет экспрессивности связан с использованием фигуративного комментария, под которым понимается современный тип иронического комментария, включая мемы. Диспозициональная функция фиксирует предрасположенность субъекта мыслить вполне определенным способом под влиянием ценностно-оценочных соображений и наличия эмоционального опыта субъекта, и это особенно становится актуально в связи с развитием интернет-комментирования [Третьякова Спиридонова 2020].

Процедурно-ценностные характеристики высказываний реализуются в рамках взаимодействия двух типов интеракции: во-первых, это «затребованные» реакции, появление которых обусловлено удовлетворением реплики-стимула. Их можно отнести к ожидаемым комментариям (expected comment); во-вторых, – это «спонтанные» реакции, возникающие как выражение эмоционального состояния говорящего субъекта, его проявление. Таким образом, наиболее общим функциональным параметром описания стереотипных высказываний предпочтения является отношение к наличию/отсутствию реплики-стимула, иными словами, значения ожидаемой или не-ожидаемой реакции.

Среди комментирующих высказываний когнитивная модель может быть представлена в следующем в двух типах в зависимости от диспозиции говорящего. Первая модель – модель положительного комментария: [пре-

скрипция {запрос/ приказ/призыв/ предостережение/приглашение} + {положительная оценка > выражение предпочтения {согласие/подтверждение/ одобрение}}].

Вторая модель – модель отрицательного комментария – [прескрипция {запрос / приказ / призыв / предостережение / приглашение} + {положительная оценка > отрицательная реакция + оператор отрицания > несогласие / неодобрение / отказ / возражение}]. Каждый из элементов модели представлен прагматическим значением, которое отражено на презентации диспозиции, направленной также на возможность моделирования ответной реакции, что приводит к появлению повторяющихся стереотипных вербальных выражений, формирующих идиоматику коммуникативного взаимодействия.

Помимо ценностных высказываний в качестве субъективного комментария может появляться эмоциональный комментарий через высказывание радости или негодования. Процедурные преобразования выражений предпочтения определяются положительными или отрицательными эмоциями и их отражением в эмотивных высказываниях.

Сложность комментирующих высказываний заключается в сближении семантики и прагматики, поскольку создается устойчивый коммуникативный код для ориентации в ситуации непосредственного общения. При этом в качестве идентификации успешности используются понятия «свой – чужой», а также «субъективный – объективный» [Узланер 2021], применимые к разным дискурсам в процессе речевого взаимодействия. В частности, практики политического дискурса и контекста рекламного дискурса демонстрируют гибридные формы реализации комментирующих высказываний.

Таким образом, комментирующие высказывания как ориентационные знаки/коды позволяют в схеме стереотипных речевых поступков реализовать модусы положительной и отрицательной диспозиции говорящего в значениях, свидетельствующих о становлении «субъективной объективности».

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК. 2018.

Третьякова Т. П., Спиридонова В. А. Комментирование и англоязычный интернет-коммент // Современная англистика: языковая палитра культуры / под общ. ред. Т. И. Петуховой, Е. Г. Хомяковой. СПб.: Астерион, 2020. С. 108–125.

Узланер Д. Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта. М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.

*T. P. Tretyakova (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

**COGNITIVE FOUNDATIONS
OF COMMENTARY UTTERANCES:
FROM COMMUNICATIVE IDIOM TO TEXT**

The article concerns statements, i. e. spontaneous verbal reactions reflecting the speaker's attitude to a particular element of the communicative situation that are presented as a systemic phenomenon, the cognitive basis of which is a procedural semantic model. Particular attention is paid to the implementation of the model within the pragmatic meanings of approval / disapproval as a communicative idiom in different types of discourse, including political and advertising.

Key words: utterance pragmatics, cognitive model, commenting, evaluation, communicative idiom, pragmatic meaning.

*А. В. Трубочкин (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
nalugu@mail.ru*

**НЕЙРОСЕТЕВОЙ МЕТОД
В АНАЛИЗЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ
СИНСЕТОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ СОДЕРЖАНИЮ
ЗНАЧЕНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ
ФРАЗОВО-ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ X OUT**

В статье рассматриваются мотивационно-номинативные признаки фразово-глагольной конструкции X out с точки зрения когнитивной семантики. Триангуляция корпусного, диахронного, когнитивного и нейросетевого методов анализа позволяет установить прагматические признаки тождественности описываемых ситуаций значению конструкции, допускающие в ее состав новые единицы номинации или образование новых значений.

Ключевые слова: полисемия, конструкция, семантика, корпусный анализ, концептуальный прайминг, синсет, нейросеть.

Статья посвящена проблеме полисемии фразовых глаголов (ФГ) на материале фразово-глагольных конструкций (ФГК) X out в английском языке. Принимая во внимание словообразовательную активность

языковых конструкций, среди которых часто встречаются лексические единицы схожей типологии *X out*, такие как полисемичный *go out*, менее полисемичные *coax out*, *storm out*, *sally out*, можно предположить, что существует общая модель *X out*, обладающая потенциалом не только аналогического словообразования, но и полисемии. Отметим, что в процессе аналогии имеет место явление лексической аттракции [Голубкова, Трубочкин 2019: 604–609], приводящей к продуцированию новой номинативной единицы, значение которой мотивировано не только значением порождающей конструкции, но и облегчением референциального выбора. Это поднимает вопрос о границах расширения семантического объема конструкции, за пределами которых целостность ее семантического содержания начинает распадаться [Некипелова 2011: 36], приводя к возникновению эффекта полисемии.

Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем рассмотреть семантику ФГ через призму грамматики конструкций. Это позволяет взять в качестве универсального семантического примитива [Wierzbicka 1992: 3–27] общее значение модели ФГК *X out*. Опираясь на результаты предыдущих исследований, отметим, что устойчивость семантического ядра ФГК, связанного с общим значением, обеспечивается слотом конструкции, заполненным частицей из-за уровня ее аттракции к конструкции, существенно превышающего уровень аттракции лексических единиц к соответствующему глагольному слоту *X* [Golubkova, Trubochkin 2021: 277–288]. Поэтому общее значение *X out* соотносится с общим понятием направленности вектора из контейнера, которое с позиции когнитивной семантики может быть структурировано во фрейм с концептуальным основанием OUT. Кроме того, тестируемые лексические единицы, кластер из 45 глаголов слота *X* конструкции *X out*, продемонстрировали существенную дисперсию аттракции, объединяясь в группы по ее уровням внутри глагольного кластера. Дальнейшее сопоставление полученных значений аттракции с эмпирическими данными, собранными в результате эксперимента «S → R scheme» [Watson 1930], где S – стимул, R – реакция участника на стимул, при участии носителей языка по тестированию семантики указанных глаголов, позволило выявить такие семантические аспекты их значений, как Strain и Manner, которые показали сильную корреляцию со значениями аттракции. Обнаруженная зависимость подтверждается статистической значимостью $p=0.001<0,01$ и $p=0.024<0,05$ соответственно (рис. 1, стр. 304). Затем, выявленные семантические аспекты были соотнесены с одноименными слотами Strain и Manner фрейма с концептуальным основанием OUT, где Manner – манера совершения действия, Strain – количество затраченной энергии, необходимое актору для совершения действия, называемого глаголом. При этом значение на-

Correlation Matrix

		Semantic aspect 'Strain'	Semantic aspect 'Manner'
Semantic aspect 'Manner'	Pearson's r	0.269	—
	p-value	0.074	—
Attraction of verb	Pearson's r	0.464 **	0.337 *
	p-value	0.001	0.024
Attraction of particle	Pearson's r	0.422 **	0.353 *
	p-value	0.004	0.017

Note. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$

Рис. 1. Статистический тест

правленности действия из контейнера к его границам или за их пределы обеспечивается частицей *out* и сохраняется как концептуальное ядро, по причине существенного превышения аттракции частицы над аттракцией глаголов к соответствующим слотам ФГК, что также согласуется с типологией Талми английского языка как сателлит-ориентированного [Talmy 2000]. Это позволяет классифицировать слот конструкции *X out*, заполненный частицей, как закрытый или неизменяемый, в то время как слот *X* конструкции открыт для других единиц номинации с различным уровнем аттракции. Выявленная высокая дисперсия значений аттракции глаголов слота *X* конструкции *X out* подводит к предположению о том, что существуют факторы вне конструкции, влияющие на величину аттракции элементов слота *X*, а следовательно, и на семантику конструкции в целом. Назовем эти факторы прагматическими по отношению к конструкции *X out*. Для выявления их возможного соответствия концептуальному содержанию значения конструкции и оценки влияния на ее семантику, применим последовательно методы корпусного, диахронного, когнитивного анализ с последующим семантическим анализом, используя нейросеть. На первом этапе обратимся к корпусному анализу *X out* и исследуем контекстное окружение в окне 200 слов на некотором множестве употреблений одного варианта в слоте *X* – *sally*, глагола менее полисемичного и с максимальной аттракцией к слоту, с целью определения наиболее часто повторяющихся коллокатов вокруг варианта конструкции *sally out*. На первой итерации корпусного анализа был взят корпус СОНА для последующего анализа коллокатов в диахронии. Контекстное окно СОНА может содержать максимум 20 слов. В результате обработки корпусного запроса СОНА, был получен массив коллокатов конструкции *sally out* (рис. 2).

N°		FREQ	ALL	
1	MEET	9	82701	
2	ENEMY	8	39388	
3	QUEST	6	4956	
4	ATTACK	6	39371	
5	IMMEDIATELY	6	48884	
6	CAMP	5	37297	
7	ARRIVED	5	41121	
8	INHABITANTS	4	11918	
9	TOUR	4	14352	
10	BREAKFAST	4	26592	

Рис. 2. Массив СОНА коллокатов *sally out*

Чтобы выбрать частотные коллокаты, семантически соответствующие концептуальному содержанию значения конструкции, на втором этапе применялся метод концептуального прайминга, собирающий такие коллокаты в синсет концепта OUT: *meet, enemy, quest, attack, immediately, camp*. Для уточнения синсета был собран специальный миникорпус ФГ с контекстным окном в 200 слов и размечен на временные интервалы. Это позволило наблюдать в диахронии изменение состава коллокатов *sally out* внутри синсета, повторив первые два этапа анализа:

A. *fight, attack, enemy, camp, knight, sword* для периода 1847–1897 гг.,

B. *fight, attack, enemy, camp, fearless, astonishing* для 1919–1955 гг.,

C. *fight, attack, enemy, city, reinforce, strike, impetuous* для 1997–2020 гг. Выявленная разница в лексических составах синсетов подсказывает об активации процесса трансформации семантического значения варианта конструкции *sally out* на указанных периодах времени.

На третьем этапе, проведем семантический анализ составленных синсетов, используя нейросеть Midjourney, последовательно подавая синсеты на вход нейросети (рис. 3).

Выбор нейросети обусловлен глубиной обученности ее NLP-модели

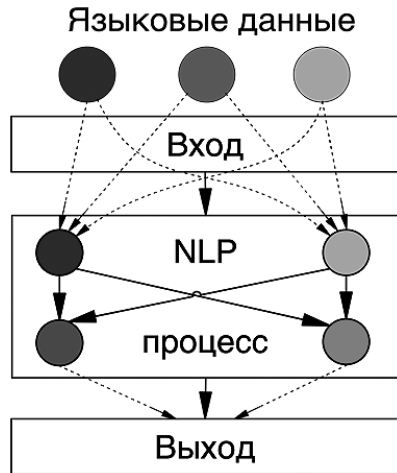

Рис. 3. Нейросеть

Рис. 4. Синсет А

Рис. 5. Синсет В

Рис. 6. Синсет С

на базе знаний обрабатывать входные языковые данные. Выходные данные обработки нейросетью синсетов А, В, С представлены на рис. 4–6.

Заметим, что проводится анализ содержания слота *Strain* фреймовой модели *X out*, построенной выше, проявивший сильную корреляцию с лексической аттракцией слота *X* конструкции *X out*, где $X = sally$.

Результат обработки синсета А (рис. 4) содержит схватку соперников, взявшихся за один и тот же меч, каждый из которых стремится склонить его от себя, прилагая максимально возможное усилие, сопровождающееся максимальным расходом энергии, необходимой для совершения действия. Аналогичную семантику отражает результат обработки синсета В (рис. 5), демонстрируя через напряжение рук соперников их максимально возможные энергозатраты. Результат обработки синсета С (рис. 6) содержит отличную от предыдущих случаев семантику, демонстрируя через нереальность образа метафорически сверхвысокую степень аккумуляции энергии, выходящую за рамки семантических значений синсетов А и В. Такое расширение семантического объема конструкции может указывать на достижение его границ или точки начала распада семантической целостности, мотивируя образование нового значения и сводящееся к возникновению полисемии. Действительно, дальнейшая проверка показала наличие в одном из словарей Collins дефиниции ‘go out in an energetic manner’ у *sally out*, что совпадает с полученным результатом, но не раскрывает продемонстрированной полноты семантического содержания, в границах которого могут продуцироваться аналогичные единицы номинации, например, *storm out*, а за пределами которого происходит активация полисемии. Для облегчения дальнейшего исследования, определим такое пограничное состояние как семантическая предельность аспекта или значения слота.

Таким образом, триангуляция корпусного, диахронного, когнитивного и нейросетевого методов анализа позволяет установить прагматические

мотивационно-номинативные признаки конструкции, допускающие создание новых значений по ее семантической модели или новых единиц номинации, облегчая задачу референциального выбора.

Литература

Голубкова Е. Е., Трубочкин А. В. Фразовые глаголы как грамматические конструкции (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 604–609.

Некпелова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 33–46.

Golubkova E., Trubochkin A. A Corpus-Based Model of the English Phrasal Verb Construction: Attraction // Computational Linguistics and Intellectual Technologies / ed. by V.P. Selegey. M.: Russian State University for the Humanities, 2021. P. 277–288. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2021/>.

Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 2. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

Watson J. *Behaviorism*. Chicago, USA: University of Chicago Press, 1930 (1924). URL: archive.org/details/behaviorism032636mbp/page/n259/mode/2up.

Wierzbicka A. Introduction // *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford: OUP, 1992. P. 3–27.

The Corpus of Historical American English (COHA). URL: english-corpora.org/coha/
The neural network Midjourney. Deep learning model. 2022. URL: midjourney.com/.

A. V. Trubochkin (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

NEURAL NETWORK METHOD IN THE PRAGMATIC APPROACH TO SYNSET STUDY OF THE CONCEPTUALIZED MEANING OF X OUT CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH

The article views motivational features of X out lexico-grammatical constructions from the viewpoint of cognitive semantics. The triangulation of the diachronic, cognitive, corpus and neural network analyses of corpus data allows us to identify pragmatic features of the described situations with the meaning of the construction, which facilitate and diversify the naming process with the speakers.

Key words: polysemy, construction, semantics, corpus analysis, conceptual priming, synset, NLP.

*А. С. Уженцева (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
engurra@mail.ru*

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
КОНЦЕПТА СЧАСТЬЕ
В РАКУРСЕ ЦЕННОСТНЫХ ДОМИНАНТ
РУССКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУР**

Ценностные доминанты русской и американской культур влияют на содержание универсального концепта СЧАСТЬЕ, наделяя его этнокультурной спецификой, а также определяют формат и модели актуализации имени концепта в русском языке и американском варианте английского языка.

Ключевые слова: сопоставительная прагматика, этнокультурная специфика концепта, ценностные доминанты культуры.

Мысль о том, что представители разных культур испытывают одинаковые эмоциональные состояния по-разному, не нова. Лингвистами давно отмечено, что каждая культурно-языковая общность по-своему концептуализирует и вербализирует их. Такими исследованиями занимались С. Г. Воркачев, М. В. Пименова, Ю. С. Степанов. Сопоставительная прагматика, являясь актуальным направлением современных лингвистических изысканий, задает новый вектор в изучении универсальных концептов через сопоставление функционирования их объективаций в разных языках и обуславливает важность выявления и понимания их этнокультурной специфики для эффективной кросс культурной коммуникации.

Исследуя концепт СЧАСТЬЕ в аспекте сопоставительной прагматики, мы следуем за мыслью Н. Н. Болдырева о том, что «за каждым словом в том или ином социуме, в той или иной культуре, стоят контексты, содержание которых во многом отмечено этнокультурной и национально-культурной спецификой» [Болдырев 2017: 6]. Так, концепт СЧАСТЬЕ, находя свою репрезентацию в русском языке и американском варианте английского языка, оказывается вплетенным с систему влияющих на его содержание ценностей американского и русского лингвокультурного сообществ. Эти во многом противопоставленные друг другу культуры имеют разные ценностные доминанты, поэтому счастье по-разному интерпретируется их представителями. В основе разделения американской и русской культур лежат разные культурные модели, отличные друг от друга ментальные программы или стандарты, «которые направляют наши мысли

и действия, в своей совокупности образуют национальную ментальность и проецируются в область языка» [Козлова 2021: 43]. Так, по параметру «отношение к окружающему миру» американская и русская культуры противопоставлены как культура деятельности (a doing culture) и культура бытия (a being culture) [Kluckholm, Strodbeck 1961]. Критерий «отношение человека к другим людям» позволяет охарактеризовать русскую культуру как коллективистскую, а американскую – как индивидуалистскую [Тер-Минасова 2003]. Тип культуры определяет набор ценностей, типичных для нее. Так, для американской культуры, ориентированной на индивидуума и деятельность, особое значение имеют свобода, личное пространство, демократия, личность, индивидуальность, а также работа, деятельность, успех, цель, результат, прогресс, долг, прагматизм. Традиционная русская культура, несмотря на стремительные изменения и огромное влияние Запада, ориентирована на бытие, веру в судьбу и удачу. Коллективизм как основополагающая характеристика русской культуры находит свою манифестацию в особой ценности для русского человека дружбы, общества, семьи, щедрости, гостеприимства. Различный подход к действительности отражается в отношении к счастью, как высшему фелицитарному благу, что находит свое выражение в языке.

Для выявления национально-культурной специфики концепта СЧАСТЬЕ мы обратились к поговоркам и авторским высказываниям о счастье, которые, вследствие их высокой цитируемости, стали неотъемлемой частью интеллектуального наследия американской и русской наций, отражающей базовые, апробированные временем ценностные установки общества.

В американской культуре как в типичной культуре деятельности смысло-жизненный или «телеономный» [Воркачев 2003: 5] концепт СЧАСТЬЕ обладает соответствующими характеристиками. Счастье является логичным результатом предпринятых усилий, и этот факт находит свое подтверждение в известной фразе Ф. Д. Рузвельта: *Happiness lies in the joy of achievement and the thrill of creative effort* (Franklin D. Roosevelt). Этот афоризм позволяет нам увидеть два вектора, характеризующих отношение к счастью представителей американской нации. С одной стороны, представление о счастье как о продукте демонстрирует весьма прагматичный, даже потребительский подход к этому высшему фелицитарному благу: *Happiness is not a goal; it is a by-product* (Eleanor Roosevelt). С другой стороны, по мнению американцев для достижения счастья необходимо совершать определенную значимую деятельность, приносящую радость: *You have to be doing something you enjoy. That is the definition of happiness* (Jackie Kennedy). Счастье может состоять в выполнении того, что должно: *Real happiness is found not in doing the things you like to do, but in liking the things you have to do*. В этом контексте

весьма показательна метафора Филлипа Брукса о том, что счастье является естественным цветком долга: *Happiness is the natural flower of duty* (Phillips Brooks), объединяющая идею счастья – результата и счастья – значимой деятельности, состоящей в том, чтобы исполнить свой долг. Деятельностный подход к счастью находит свою манифестацию в современном английском языке, где сочетания лексемы *happy* с глаголом *make* высокочастотны. Такие модели демонстрируют способность человека сделать себя или кого-либо счастливым: *It always makes you happy, darling, and it only makes me dizzy* (Ernest Hemingway). В таких структурах четко прослеживается характерная для культуры деятельности идея, что человек для достижения счастья должен создать его сам.

В русской культуре как в культуре бытия подход к счастью принципиально иной. Счастье воспринимается как экзистенциальная категория человеческого бытия. Оно не создается, оно просто есть: *Счастье есть, его не может не быть* (DJ Groove). Таким образом, в русском языке оформление высказываний, содержащих имя концепта и его производные, часто происходит с помощью глагола *быть*: *Если хочешь быть счастливым, будь им* (Козьма Прутков). Частая встречаемость такой конструкции в языке отражает важность бытийности как доминантного вектора русской культуры. Не являясь плодом усилий человека, счастье существует само по себе и появляется в его жизни самостоятельно: *Счастье подобно шару, который подкатывается: сегодня под одного, завтра под другого, послезавтра под третьего, потом под четвертого, пятого и т. д., соответственно числу и очереди счастливых людей* (Козьма Прутков). Такая пассивная роль человека в приобретении счастья прослеживается в русских пословицах и поговорках о счастье: *Счастье придет – и на печи найдет. Счастье – вольная птичка, где захотело, там и село*. Данные примеры демонстрируют, что счастье в русской культуре часто воспринимается как проявление благой судьбы или удачи. В авторских высказываниях о счастье этот смысл передается за счет специфического функционирования лексемы – имени концепта. Существительное *счастье* реализует данное значение, входя в состав вводных конструкций *к счастью, по счастью*: *Но к счастью для вас, читатель милый / Он не был одарен подобной силой* (М. Ю. Лермонтов). Оборот *на счастье* передает пожелание удачи: *Дай, Джим, на счастье лапу мне* (С. А. Есенин). Однако неверным будет вовсе нивелировать участие человека в приобретении счастья. В русской культуре человек может активно участвовать в его приобретении, хотя чаще не создает его, а ищет: *Нового счастья ищи, а старого не теряй*. В этом заключается принципиальная разница подхода к счастью в культуре деятельности и культуре бытия: в первой оно создается, а во второй – существует само по себе и часто даруется судьбой.

Американская и русская культуры противопоставлены как индивидуалистская и коллективистская, и это противопоставление влияет на восприятие счастья как личного, индивидуального блага или как общего, коллективного. В американском культурно-языковом пространстве счастье заключено в самом человеке, определяется его разумом, а не внешними событиями: *Happiness depends more upon the internal frame of a person's own mind than on the externals in the world* (George Washington). Для обретения счастья человеку не нужен никто, кроме него самого, и даже любовь как источник счастья может быть любовью к себе: *At the end of the day, you won't be happy until you love yourself* (Lady Gaga). Счастье не делится с другими, оно индивидуально и не может как одежда одного размера быть универсально для всех: *I refuse to accept other people's ideas of happiness for me. As if there's a "one-size-fits-all" standard for happiness* (Kanye West). В том, что счастье может зависеть от кого-то еще, усматривается определенная угроза: *If your happiness depends on what somebody else does, I guess you do have a problem* (Richard Bach), поэтому ключ от счастья, согласно часто цитируемой американской фразе, никогда не носится в чужом кармане: *Never put the key to your happiness into somebody else's pocket*.

Русский человек, как представитель культуры с другими ценностными установками, может быть полноценно счастлив только в обществе. Наличие счастья вне коллектива отрицается: *Счастье личности вне общества невозможно, как невозможно жизнь растения, выдернутого из земли и брошенного на бесплодный песок* (А. Н. Толстой). Как существо социальное человек испытывает потребность пережить это состояние как совместный опыт: *Не может же русский человек быть счастлив в одиночку, ему нужно участие окружающих, а без этого он не будет счастлив* (В. И. Даль). В русской культуре для полноты счастья человеку необходимо, чтобы счастливо было его окружение, что отражает идею зависимости эмоционального состояния личности, как части целого, от общего эмоционального фона общества: *Личное счастье невозможно без счастья других* (Н. Г. Чернышевский). Таким образом, счастье в американской культуре ориентированно на индивидуума и является его личным опытом, в то время как в традиционной русской культуре для полноты счастья человеку необходимо делить его с другими. Несмотря на то, что сегодняшний вектор развития русской культуры смещает приоритет на превалирование личных интересов над общими, мы считаем, что для русского человека коллектив продолжает играть важную роль в оценке своей жизни как счастливой. Современному носителю русского менталитета необходима рефлексия, отражение своей значимости в глазах других людей, ему необходимо продемонстрировать наличие счастья, похвастаться им перед своим окружением, ощущая таким образом его полноту. Нельзя также от-

рицать, что общественно-политические волнения в родной стране влияют на человека как на члена социума, не давая ему в полной мере погрузиться в состояние личного счастья. В этом мы видим проявление коллективизма как основополагающего фактора, формирующего русский менталитет и обуславливающего этноспецифичные характеристики такого универсального концепта, как СЧАСТЬЕ.

В заключение отметим, что ценностные установки русской и американской культур влияют на содержание универсального концепта СЧАСТЬЕ, наделяя его уникальными культурно специфичными признаками, а также определяют формат и модели актуализации имени концепта в русском и английском языках.

Литература

Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–24.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): Монография. Волгоград: Перемена, 2003.

Козлова Л. А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе: учебное пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2021.

Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: учебное пособие. М.: Слово/ Slovo, 2008.

Kluckholm F. R., Strodtbeck F. L. Variations in value orientations. New York: Row, Peterson, 1961.

A. Uzhentseva (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University

ETHNOCULTURAL SPECIFICS OF THE CONCEPT *HAPPINESS* HIGHLIGHTED BY VALUE DOMINANTS OF RUSSIAN AND AMERICAN CULTURES

Dominant values of Russian and American cultures predetermine the content of universal concept of *HAPPINESS* shared by all representatives of these two cultural and linguistic communities. These values highlight specific ethnocultural characteristics and modify the way the concept is verbalized in the Russian language and in American variant of the English language.

Key words: comparative pragmatics, concept ethnocultural characteristics, culture dominant values.

Фань Юйвэнь (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st082357@student.spbu.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «РАЗГОВОР ВЗРОСЛОГО С РЕБЕНКОМ»

Данная работа направлена на анализ когнитивных и прагматических особенностей речи собеседников в общении взрослого с ребенком в рассказах для детей Л. Толстого. С точки зрения когнитивной лингвистики выявляются фреймы и слоты, характерные для кодирования/декодирования информации в разговоре взрослого с ребенком, и соотносятся с используемыми речевыми тактиками и стратегиями. Цель работы – выявить типы фреймовых моделей в разговорах взрослого с ребенком и используемые в фреймах речевые стратегии и тактики.

Ключевые слова: когнитивная прагматика, фрейм, речевой жанр, разговор, рассказ Л. Толстого.

Традиционно исследователи изучают речевой жанр с опорой на прагмалингвистические исследования. В последнее время становится все актуальнее использование когнитивно-прагматического подхода в процессе анализа речевого жанра. Такие исследователи, как С. Е. Тупикова (2009), Е. В. Калачева (2018), О. А. Обдалова, О. В. Харапудченко (2019), С. Н. Семенова (2022) и др., уделяли внимание этому вопросу. Но большинство исследований ориентируются на анализ публицистического текста в связи с тем, что в нем достаточно ясно проявляются интенции адресанта и его замысел как автора текста, об использовании данного подхода при анализе художественного текста как материала для изучения речевого жанра говорят редко. В этой связи актуальным представляется исследование когнитивно-прагматических характеристик общения между взрослым и ребенком, опираясь на рассказы для детей Л. Толстого (тексты которого остаются актуальными в современном русскоязычном дискурсе).

Когнитивно-прагматический подход к исследованию разговора взрослого с ребенком – это комплексный эффективный способ анализа, т. к. этот подход предлагает вариант рассмотрения разговора не только с точки зрения интенции адресанта, но и с точки зрения его интерпретации адресатом. В настоящей работе сделана попытка определить типовые фреймовые модели в речевом жанре «разговор взрослого с ребенком» и выявить используемые речевые стратегии и тактики.

Анализ 54 рассказов для детей Л. Толстого показал, что только в 14 из них представлены разговоры взрослого с ребенком. В речевом жанре «разговор взрослого с ребенком» существуют такие фреймы, как фрейм «разговор ро-

дителей с детьми), фрейм «разговор учителей с учеником», фрейм «разговор прохожих с детьми», фрейм «разговор деда с внуком» и фрейм «разговор взрослого, находящегося в зависимом положении, и ребенка с более высоким социальным статусом». Из них фрейм «разговор родителей с детьми», занимающий 64%, чаще всего используется.

В фрейме «разговор родителей с детьми» выделяются два слота: «разговор отца с ребенком» и «разговор матери с ребенком». Используемые в каждом слоте речевые стратегии и тактики имеют общие и различающиеся черты. Общей в этом фрейме является стратегия обучения. Но в слоте «разговор матери с ребенком» адресант предпочитает использовать речевую стратегию уговора и обучения, а в слоте «разговор отца с ребенком» – речевую стратегию запугивания и обучения. Приведем примеры: слот «разговор отца с ребенком» из рассказа «Косточка»: *Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу. За обедом отец и говорит: – А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу? Все сказали: – Нет. Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже: – Нет, я не ел. Тогда отец сказал: – Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь. Ваня побледнел и сказал: – Нет, я косточку бросил за окошко. И все засмеялись, а Ваня заплакал.* В этом контексте используются стратегии запугивания и обучения, а тактики здесь – это вопрос, упрек, введение в заблуждение. Здесь отец хочет научить детей не врать. Второй пример: слот «разговор матери с ребенком» из рассказа «Птичка»: *...Обрадовался Сережа, прибежал к матери показать сетку. Мать говорит: – Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь? – Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить! ... Пошел Сережа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась, и под сеткой бьется птичка. Сережа обрадовался, поймал птичку и понес домой. – Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей! И как у него сердце бьется. Мать сказала: – Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти. – Нет, я его кормить и поить буду.* В этом слоте мы видим реализацию стратегий уговора и обучения. Мать хочет уговорить мальчика отпустить чижа и обучает его, что живое существо – это не игрушка, не надо его мучить. Использованные тактики адресанта – это упрек, вопрос, отрицание; тактики адресата – это вопрос, оправдание. Здесь мать использует недостаточно жесткое выражение и просит мальчика отпустить чижа, не используя тактик давления или принуждения.

По нашему мнению, причина различия использованных речевых стратегий состоит в том, что у мужчины и у женщин разные способы размышления и с целью достичь одну и ту же цель они традиционно по-разному оформляют свою речь: мужчина предпочитает рациональный способ, а женщина – эмо-

циональный. Поэтому во время разговора с ребенком женщина учитывает психологическое состояние ребенка и выбирает более мягкий способ.

Для представления фрейма 2 «Разговор учителей с учеником» посмотрим на отрывок из рассказа «Филипок»: *Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже и немножко читать умел. – Ну-ка, сложи своё имя. Филипок сказал: – Хве-и – хви, ле-и – ли, пе-ок – пок. Все засмеялись. – Молодец, – сказал учитель. – Кто же тебя учил читать? Филипок осмелелся и сказал: – Костюшка! Я бедовый, я сразу все понял. Я страсть какой ловкий! Учитель засмеялся и сказал: – Ты погоди хвалиться, а поучись. С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.* Со стороны учителя мы фиксируем использование стратегии обучение, тактик вопрос, похвала, повеление (учитель учил Филипку буквам); а со стороны ученика использовались стратегия создания личного имиджа и тактика самопрезентация (*Я бедовый, я сразу все понял. Я страсть какой ловкий*). Здесь Филипок хочет доказать учителю, что он может ходить в школу.

Фрейм 3 «Разговор прохожих с детьми» рассмотрим на примере из рассказа «Лучше всех»: *Народ спрашивает у нее: «Какая же твоя мама?» А девочка сквозь слезы говорит: «Разве вы не знаете? Моя мама та, что лучше всех».* В этом отрывке используемая стратегия – это стратегия присоединения. Прохожие хотят помочь девочке. Используемая тактика – это вопрос.

Фрейм 4 «Разговор деда с внуком» можно наблюдать в эпизоде из рассказа «На что нужны мыши»: *Мне живо жалко было смотреть на мои яблони, и я пошел домой, и рассказал деду свое горе, и как бы я побил всех мышей на свете, если бы моя сила была. А дед сказал мне: «Если бы твоя сила была побить мышей, ты знаешь, кто бы тебя пришел просить за них?». Я сказал: «Некому просить за них: они никому не нужны». А дед сказал: «Первые пришли бы кошки и стали бы просить за мышей. Они сказали бы: если ты сожжешь мышей, нам будет есть нечего. Потом пришли бы лисицы и тоже просили. Они сказали бы: без мышей нам надо будет красть кур и цыплят. После лисиц пришли бы тетерева и куропатки и тоже просили бы тебя не убивать мышей». Я удивился: зачем куропаткам и тетеревам мышей, но дед сказал: «Им мыши нужнее всего на свете. Они не едят их, но, если ты мышей погубишь, лисицам будет есть нечего, они разорят все куропачьи и тетеревиные гнезда. Все мы на свете друг другу нужны».* В этом эпизоде дед использует стратегию обучения и тактики вопрос, уговор. Дед хочет помочь внуку понять то, что все существующее на свете имеет свой смысл, и мы друг другу нужны. При этом не используются манипуляторные и подавляющие тактики.

Фрейм 5 «разговор взрослого, находящегося в зависимом положении, и ребенка с более высоким социальным статусом». Посмотрим на отрывок из рассказа «Как дядя рассказывал про то, как он ездил верхом»: *... Я старался*

бить ее в те места, где ей больнее, сломал хлыст и остатком хлыста стал бить по голове. Но Воронок все не хотел скакать. Тогда я поворотил назад, подъехал к дядьке и попросил хлыстика покрепче. Но дядька сказал мне: «Будет вам ездить, сударь, слезайте. Что лошадь мучить?» Я обиделся и сказал: «Как же, я совсем не ездил? Посмотри, как я сейчас проскачу! Дай, пожалуйста, мне хлыст покрепче. Я его разожгу». Тогда дядька покачал головой и сказал: «Ах, сударь, жалости в вас нет. Что его разжигать? Ведь ему 20 лет. Лошадь измучена, насилу дышит, да и стара. Ведь она такая старая! Все равно как Пимен Тимофеич. Вы бы сели на Тимофеича, да так-то чрез силу погоняли бы его хлыстом. Что же, вам не жалко бы было?» Я вспомнил про Пимена и послушал дядьки. Я слез с лошади, и, когда я посмотрел, как она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облезшим хвостиком, я понял, что лошади трудно было. А то я думал, что ей было так же весело, как мне. Мне так жалко стало Воронка, что я стал целовать его в потную шею и просить у него прощенья за то, что я его бил. В этом отрывке взрослый использует стратегию обучения и тактики вопрос, упрек, аналогия. Он хочет научить маленького хозяина, что нужно беречь животных и их любить, не надо их мучить.

Анализ материала показал, что в рассказе для детей Л. Толстого разговор взрослого с ребенком реализуется в таких фреймах: «разговор родителей с детьми», «разговор учителей с учеником», «разговор прохожих с детьми», «разговор деда с внуком» и «разговор взрослого, находящегося в зависимом положении, и ребенка с более высоким социальным статусом». Используемые в этих ситуациях речевые стратегии являются стратегиями обучения, присоединения, запугивания, уговора и патерналистской стратегией. Стратегия обучения особенно активно используется, в связи с тем, что рассказы Л. Толстого имеют воспитательное значение, автор хочет обучать детей различию между добром и злом, бережному отношению человека к природе. Собственно, рассказы великого русского писателя для детей в целом – это разговор взрослого с детьми, неудивительно, что интенции автора реализуются в указанных выше речевых стратегиях. Все это отражает индивидуально-авторские характеристики речевой коммуникации (и философию воспитания Л. Толстого), отраженные в рассказах для детей.

Литература

Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Актуализация фрейма в художественном нарративе (на материале современной русской прозы) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 223–227.

Коваленко Е. М. Когнитивный подход к проблеме текста // Манускрипт. 2016. № 11–1 (73).

Семенова С. Н. Когнитивно-прагматические характеристики художественного текста на материале рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Емеля-Охотник» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 280–293.

Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-v-kognitivnoy-perspektive>

*Fan Yuwen (Saint Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

**COGNITIVE-PRAGMATIC CHARACTERISTICS
OF THE SPEECH GENRE
“CONVERSATION OF AN ADULT WITH A CHILD”**

This work is aimed at analyzing the cognitive and pragmatic features of the interlocutors' speech in adult-child communication in stories for children by L. Tolstoy. From the point of view of cognitive linguistics, frames and slots are identified that are characteristic of encoding/decoding information in a conversation between an adult and a child, and correlate with the speech tactics and strategies used. The aim of the work is to identify the types of frame models in adult-child conversations and the speech strategies and tactics used in frames.

Key words: cognitive pragmatics, frame, speech genre, conversation, story by L. Tolstoy.

*И. Э. Федюнина, Р. Е. Богачёв
(Белгород, Россия)*

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru*

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, АКТУАЛИЗИРУЮЩИХ ЧУВСТВА
И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ
(на материале русского и английского языков)**

В работе анализируются особенности дискурсивного функционирования и когнитивно-прагматического воздействия фразеологических единиц, репрезентирующих эмоциональное состояние человека. Уделяется внимание специфике оценки эмоционального состояния и поведения носителями исследуемых языков в конкретной коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: фразеологизм, эмоциональное состояние, категоризация, оценочная коннотация, прагматический эффект, метафорическое расширение.

Статья посвящена исследованию фразеологических единиц (ФЕ) русского и английского языков, репрезентирующих чувства и эмоциональные состояния человека, в русле когнитивно-прагматического подхода. По убеждению специалистов-когнитологов, «во многих случаях именно эмоциональное состояние является ведущим фактором, мотивирующим и обуславливающим поведение субъекта» [Прохоров 2002: 190]. Когда же речь идет о языковой актуализации личностных характеристик и эмоционального состояния, ФЕ «в силу своей объемной структуры и семантики коммуникативно более значимы, информативны и самостоятельны, чем нейтральные лексемы, и несут более развернутую, детальную образно-оценочную нагрузку» [Красавский 2008: 89–90]. Отметим также, что в рамках когнитивно-прагматических исследований наиболее значимыми и ценными характеристиками ФЕ представляются, наряду с образностью и оценочностью, тесное взаимодействие с дискурсивной ситуацией, в которой они используются, и способность «демонстрировать в дискурсе различную степень гибкости» [Grangier, Meunier 2000: 35]. Эти свойства ФЕ согласуются с характеристиками самого процесса категоризации, которому присущи контекстуальная сензитивность, динамичность, изменчивость категорий и «возможность ситуативной актуализации тех или иных концептуальных признаков» [Marmaridou 2000: 78].

Когнитивно-прагматическая фразеология рассматривает ФЕ «в двух ипостасях – языковой и дискурсивной, стремясь изучать то, что не вмещается в рамки денотативной информации фраземного знака», фокусируя внимание на «окказиональном (индивидуальном, субъективном) смысле ФЕ» [Алефиренко 2008: 117–118], который возникает и реализуется только в конкретном дискурсе. Наши исследования также показали, что ФЕ, актуализирующие чувства и эмоциональные состояния, обладают высокой контекстуальной сензитивностью и достаточно часто подвергаются дискурсивным модификациям. Заметим, что окказиональные преобразования ФЕ не только являются «приемами концептуального механизма творческого использования языка» [Арсентьева 2006: 85], но и значительно расширяют их когнитивно-прагматические возможности. Именно таким ФЕ мы уделяли особое внимание.

Фразеологи подчеркивают важность сопоставительного когнитивно-прагматического межъязыкового изучения ФЕ как «этноязыковой матрицы концептуализации и семантизации окружающего мира», которое дает возможность «сравнить денотативно-прагматические ситуации, обозначаемые идиомами, поскольку... понимание этих ситуаций включается в систему духовно-практической деятельности носителей языка» [Алефиренко 2008: 181–182]. Применительно к нашей работе хотелось бы также отме-

тить, что сопоставительные исследования позволяют выявить специфику восприятия и оценочной категоризации носителями языка не только эмоциональных состояний и поведения, репрезентируемых посредством ФЕ, но и самих дискурсивных ситуаций, в которых эти состояния и поведение реализуются. Здесь мы проанализируем наиболее яркие и иллюстративные примеры.

• *Увы, ПОРЯДОК перестал подкидывать бонусы за редкий способ лова. Мысль о том, что кто-то выбивает больше добра... **въелась в душу, добравшись до спящей в ее глубинах жабы.** То, что есть, тоже неплохо, ведь другим такое изобилие в сладком сне не снилось. Однако моя жаба привыкла к роскоши, и жизнь для нее из цветной стала черно-белой* [Каменистый 2020: 34]. В этом примере использовано компонентное преобразование и метафорическое расширение ФЕ *жаба давит / душит*, обозначающей здесь зависть к чужому успеху и сильный психологический дискомфорт от невозможности достичь того же. Когнитивно-прагматическое воздействие ФЕ обеспечивается структурированием метафорического расширения: *жаба* (т. е. вышеописанное состояние) представлена самостоятельным существом, имеющим свои чувства и мироощущение и совершающим самостоятельные действия. Таким образом, мы можем проследить развитие эмоционального состояния субъекта: относительное спокойствие и комфорт в период преуспевания (*спящая жаба*), однако с импликацией угрозы, обусловленной избалованностью (*привыкла к роскоши*); пробуждение недовольства, раздражения, зависти, как только условия стали менее комфортными (*жизнь из цветной стала черно-белой*); нарастание этих чувств, их неотвязность (*въелась в душу*). В итоге имплицитруется перспектива неизбежного «удушения», хотя компонент *давить / душить* исходной ФЕ опущен. Отметим, что в ситуации прослеживается элемент самоиронии и потенциальной активности субъекта, благодаря чему негативная оценочная коннотация ФЕ несколько снижается.

• *К ней с самого начала отнеслись несерьезно. Баба – не человек, и в уголовном розыске ей делать нечего. Она очень старалась этого не замечать. Она искренне хотела помочь и ради этого готова была наступить на свое самолюбие. Но всему есть предел. Преодолев первую волну обиды и даже сумев продвинуться на ее гребне далеко вперед, она попала во вторую волну и в ней захлебнулась* [Маринина 1995: 344]. В данном контексте реакция субъекта на несправедливое предвзятое отношение метафорически представлена в виде плавания по штормящему морю. Здесь ФЕ *преодолеть волну, на гребне волны* также подверглись метафорическому расширению. Наблюдается следующее развитие эмоционального состояния и вытекающих из этого способов действия, поведения:

преодоление обиды, подавленности и желания все бросить; попытка позитивного трансформирования этих чувств в энтузиазм и активные успешные действия, прогресс; чувство бессилия в результате продолжения прежней политики руководства, прекращение борьбы и попыток изменить ситуацию. В итоге эмоциональное состояние субъекта можно охарактеризовать как фрустрацию, а ситуация в целом категоризируется как безнадежная. Однако специфика общего прагматического эффекта ФЕ в данном дискурсе заключается в том, что субъект не представлен как слабый неудачник, потерпевший поражение. Доминирующей при оценочной категоризации поведения является не негативная коннотация последней ФЕ (*захлебнулась во второй волне*), а позитивная коннотация первых двух: внимание реципиента ситуации фокусируется на мужестве, борьбе и изначальной нравственной правоте субъекта.

• *The whole thing is driving me mad. Like I am living on a barrel of gunpowder. This camelthorn in the ass – Harward – is pressing me, but I am broiling with impatience to go on with researching “Ultra”. More pressure like that – and I’ll end up in a nut hospital. – You know, broiling while living on a barrel of gunpowder is not the best idea* [Cook 2006: 268]. Данный дискурс интересен тем, что в нем использованы сразу несколько ФЕ, каждая из которых играет свою роль в создании общего когнитивно-прагматического эффекта, причем демонстрируется восприятие и оценка ситуации обоими участниками. Говорящим руководят нетерпение и страстное желание продолжить личную исследовательскую работу, которую к тому же необходимо завершить вовремя (*broiling with impatience*), а недовольство руководства университета его пренебрежением к основной работе он воспринимает как источник раздражения, досадную помеху, выводящую из равновесия (*driving me mad*). При этом изначальная форма ФЕ, характеризующей эту помеху (*pain in the neck*) вульгаризируется (*neck – ass*), повышая эмотивность и принося дополнительную сему враждебности, агрессии, а компонент *pain* заменяется на *camelthorn* (такая гиперболизация подчеркивает степень раздражения). Кроме того, введена сема потенциальной угрозы (*a barrel of gunpowder*). Таким образом, эмоциональное состояние говорящего репрезентировано как крайне напряженное, а сама ситуация – как некая довлеющая над ним сила, что имплицитно подразумевает опасность срыва и деструктивных последствий. Рациональный компонент оценки полностью отсутствует. Собеседник категоризирует поведение партнера и ситуацию по-иному. Использованная в его высказывании контаминация (*broiling while living on a barrel of gunpowder*) в сочетании с исключительно рациональным замечанием “not the best idea” приносит иронию, значительно снижая эмотивность всех ФЕ и представляя эмоциональное

состояние и поведение говорящего как результат недостатка здравого смысла и самоконтроля в ситуации, которая вполне поддается регулированию при должном подходе.

Кратко суммируем результаты нашего исследования. Прагматический эффект ФЕ, актуализирующих чувства и эмоциональные состояния, в высокой степени зависит от специфики коммуникативной ситуации, позиции ее участников и социокультурной приемлемости поведения, мотивируемого эмоциями. Когнитивно-прагматический потенциал ФЕ значительно возрастает под влиянием дискурсивных преобразований, в особенности метафорического расширения, которое может способствовать интенсификации оценочной коннотации или ее изменению с «плюса» на «минус» и наоборот. Особенно характерно это для ФЕ, репрезентирующих интенсивные или противоречивые эмоции и чувства. В том, что касается специфики оценочной категоризации эмоциональных состояний носителями языка, отметим следующие тенденции. В русском языке частотным и значимым элементом когнитивно-прагматического воздействия ФЕ является фокусирование внимания на самом процессе развития эмоционального состояния, его мотивах и нюансах. При этом важную роль играет нравственный аспект оценки. Дискурсивные ситуации английского языка достаточно часто демонстрируют критическое восприятие слишком интенсивного проявления эмоций и подчиненности им; оценочная категоризация нередко включает элемент иронии и осуждения.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и когнитивистика в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ООО Изд-во «Эллипс», 2008.
- Арсентьева Е. Ф.* Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 84–89.
- Каменистый А.* Набирая силу: Роман. М.: Альфа-Книга, 2020.
- Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008.
- Маринина А. Б.* Смерть ради смерти: Роман. М.: Эксмо, 1995.
- Прохоров А. О.* Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс, 2002.
- Cook R.* Acceptable Risk. London: Corgey Books, 2006.
- Grangier S., Meunier F.* Phraseology: An Interdisciplinary Perspective. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.
- Marmaridou S. A.* Pragmatic Meaning and Cognition. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2000.

I. E. Fedyunina, R. E. Bogachev (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

**COGNITIVE-PRAGMATIC POTENTIAL
OF ENGLISH AND RUSSIAN IDIOMS
FOR FEELINGS AND EMOTIONS**

The paper deals with the discourse functioning and cognitive-pragmatic impact of idioms for feelings and emotional states. The authors also focus on the ways native speakers perceive and evaluate emotional states and behavior in a particular communicative situation.

Key words: idiom, emotional state, categorisation, evaluative connotation, cognitive-pragmatic impact, metaphor extension.

С. С. Шимберг, А. М. Рахманина
(Санкт-Петербург, Россия)
*Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина*
angelina1503@mail.ru

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕАЛИЗАЦИИ КОМИЧЕСКОГО В ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ**

Статья посвящена особенностям реализации комического в интернет-мемах с точки зрения когнитивной прагматики. Рассматривается когнитивное и прагматическое влияние полимодальных интернет-мемов на реципиентов. Выявляются некоторые когнитивные модели реализации комического в мемах, которые включают в себя наложение фреймов друг на друга, наложение фреймов на топики, а также подмену компонентов фреймов.

Ключевые слова: когнитивная прагматика, комическое, интернет-мем, когнитивная модель, фрейм.

Категория комического – сложный эстетический феномен и неотъемлемая часть коммуникации. С распространением современных технологий категория комического как прагматический и когнитивный инструмент воздействия на индивидов приобрела новый жанр – мемы.

Первые упоминания термина «мем» встречаются в работе Ричарда Докинза «Эгоистичный ген». Р. Докинз проводит связь между мемом в культуре и геном в природе и указывает на их идентичность. Аналогично биологическим генам, мемы «зарождаются» в культуре – создаются; конку-

ируют за существование друг с другом, проходя естественный отбор – изменяются с течением времени, сменяют друг друга, имеют разные успехи в распространении в сознании носителей культуры; «умирают» – их распространение прекращается [Dawkins 2006: 192–197]. Сеть Интернет стала новым каналом распространения мемов, что привело к появлению такого явления, как «интернет-мемы».

С. В. Канашина выделяет пять функций интернет-мемов:

- аффективная – влияние на эмоциональное состояние реципиента;
- когнитивная – влияние на сознание реципиента и воздействие на его картину мира;
- манипулятивная – побуждение реципиента к совершению действий;
- образовательная – обучение реципиента чему-либо;
- развлекательная – интернет-мемы веселят и развлекают реципиента [Канашина 2016: 73].

Существуют интернет-мемы, которые не выполняют все пять функций. Так, многие мемы не побуждают индивида к каким-либо действиям и не дают ему новых знаний. Также не все мемы выполняют развлекательную функцию, поскольку существуют мемы, задачей которых не является развлечение реципиентов. Например, на платформе Reddit существует сообщество r/distressingmemes, в котором размещаются мемы, вызывающие у реципиентов чувства грусти, дискомфорта и страха. В данной статье рассматриваются интернет-мемы, выполняющие одновременно аффективную, когнитивную и развлекательную функции.

Существует несколько разновидностей интернет-мемов: текстовые мемы, состоящие исключительно из вербальной части; мемы-изображения, в которых присутствует только невербальная часть; медиамемы – видеосюжеты или анимированные картинки; полимодальные мемы – мемы, состоящие из вербальной и невербальной частей. В рамках данной статьи релевантным представляется изучение полимодальных интернет-мемов, поскольку для их восприятия реципиентом прилагается больше когнитивных усилий – реципиент, смотря на изображение и текст, проецирует фрейм (определенный пакет информации, связанный с невербальной частью) на топик (содержательный аспект, выраженный в вербальной части). При этом стоит отметить, что верная интерпретация основной идеи интернет-мема и выделение более конкретных фреймов происходит в том случае, если реципиенты уже видели изображение, на котором основан интернет-мем, т. е. они знакомы с данным шаблоном интернет-мема или с первоисточником (фильмом, книгой и т. д.), из которого было взято изображение [Нигматуллина 2022: 84].

В полимодальном интернет-меме сильным прагматическим эффектом обладает изображение, которое может быть правдоподобным, шокирующим или абсурдным. Оно привлекает внимание реципиента и вызывает у него

различные ассоциации и эмоции, при этом вызываемые эмоции субъективны и отличаются у каждого реципиента. Помимо этого, прагматический эффект оказывают такие вспомогательные средства, как шрифт или фон. Они формируют эмоциональную атмосферу, например, желтый цвет в интернет-меме способствует поднятию настроения, красный – вызывает раздражение. В текстовой части интернет-мемов встречается в основном общеупотребительная лексика, т. к. обычно они создаются для широкой аудитории. Для привлечения внимания реципиентов и создания эффекта повседневной речи в тексте может использоваться разговорно-фамильярная и бранная лексика, простые или короткие сложные предложения.

Комический эффект в интернет-меме может быть достигнут при наложении фреймов за счет эффекта обманутого ожидания, противоречия и непредсказуемости или при подмене компонентов фрейма. Существует несколько когнитивных моделей подмены фреймов комического, например, модели с подменой субъекта и с подменой объекта [Уткина 2006: 6–7].

1) Когнитивная модель с подменой субъекта

В качестве примера употребления когнитивной модели с подменой субъекта можно привести интернет-мем, посвященный навязчивым мыслям (рисунок 1, перевод надписей с английского языка: «Я размышляю. Мои навязчивые мысли. Мои навязчивые мысли»). На интернет-меме изображены два действующих лица: «Я» и «Навязчивые мысли».

Рис. 1

«Я» пытается отогнать от себя «Навязчивые мысли», и комическое реализуется за счет эффекта непредсказуемости. Попытки «Я» безуспешны – на последней части изображения персонаж «Навязчивые мысли» тут же вернулся, но «Я» еще не успел это осознать. В данном случае наблюдается подмена фрейма «живое/неживое», т. к. навязчивые мысли не обладают физическим телом, соответственно их нельзя выставить за дверь. При этом в данном интернет-меме отражается реальное свойство навязчивых мыслей – несмотря на попытки отогнать их, они всегда возвращаются. Таким образом, в данном интернет-меме присутствует подмена субъекта объектом, на которой, вместе с эффектом непредсказуемости, и строится комический эффект. Изображение интернет-мема

состоит из трех последовательных кадров. Оно взято из 13-го эпизода 17-го сезона популярного американского мультсериала «Симпсоны». Реципиентам необязательно быть знакомыми с первоисточником, чтобы понять смысл данного мема и сформировать фреймы «тревожность» или «навязчивость», но, обратившись к оригинальному эпизоду, можно также сформировать фрейм «настырность», т. к. персонаж в оранжевой рубашке возвращается таким же способом не один, а несколько раз.

2) Когнитивная модель с подменой объекта

Следующий интернет-мем (рисунок 2, перевод надписей с английского языка: «Список задач слишком большой? Возьмите самую большую задачу и поделите ее на более мелкие и легче игнорируемые задачи») имеет в своей основе эффект обманутого ожидания и подмену объекта. Фразу, обозначенную в вербальной части интернет-мема, часто можно увидеть среди мотивирующих цитат. Однако отличие заключается в том, что в оригинальной фразе вместо слова *ignorable* (легче игнорируемые) употребляется слово *manageable* (легче выполнимые), тем самым меняется оригинальная идея высказывания. Фрейм «мотивация», выражаемый в делении больших сложных задач, чтобы они были более выполнимыми, заменяется на фрейм «прокрастинация», т. е. большие задачи делаются так, чтобы их было легче игнорировать. Изображение в данном интернет-меме также обладает когнитивным и прагматическим эффектом – персонаж, поделив «большую задачу» в виде большой черной тучи, с довольной улыбкой отворачивается от маленьких

Рис. 2

задач, которые можно не делать, ведь они выглядят не так устрашающе. Тем самым, комический эффект строится за счет подмены фрейма «мотивация/прокрастинация» в связке с эффектом обманутого ожидания и прагматическим эффектом, достигаемым изображением.

Таким образом, комическое в интернет-мемах реализуется за счет их прагматического и когнитивного воздействия на реципиента. Данным воздействием обладают все части полимодального интернет-мема: вербальная и невербальная, а также вспомогательные средства оформления. Восприятие полимодальных интернет-мемов требует больших когнитивных усилий, включающих задействование таких когнитивных моделей, как наложение фреймов друг на друга, наложение фреймов на топики, а также подмену компонентов фреймов. Юмор в интернет-мемах построен на различных разновидностях нарушения, которые в сочетании с когнитивными моделями подмены фреймов усиливают комический эффект.

Литература

Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Нигматуллина С. А. Интернет-мем как поликодовый текст: когнитивный аспект // Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. С. 79–85.

Уткина А. В. Когнитивные модели комического и их репрезентации в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006.

Dawkins R. The selfish gene. Oxford: Oxford University Press, 2006.

S. S. Shimberg, A. M. Rakhmanina
(*Saint Petersburg, Russia*)
Pushkin Leningrad State University

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF COMIC EFFECT IN INTERNET MEMES

The research presented in this article deals with the comic effect of the Internet memes from the perspective of cognitive pragmatics. The authors demonstrate that the cognitive and pragmatic impact of the multimodal Internet memes on the recipients, including their comic effect, is created through both verbal and non-verbal components of the meme. The article proves that the realization of such effect requires significant cognitive efforts from the recipient, including such cognitive models as juxtaposition of frames, juxtaposition of frames and topics, and frames substitution.

Key words: cognitive pragmatics, comic effect, Internet meme, cognitive model, frame.

Е. Я. Шклярук (Санкт-Петербург Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
katrinash21051997@gmail.com

МАРКЕРЫ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ В РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ: ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

В статье рассматриваются признаки прагматических маркеров-ксенопоказателей (МК) русского устного дискурса, позволяющие их систематизировать: наличие дополнительной семы (изобразительности, неопределенности, предположительности), «грамматических атавизмов», возможность расширения структуры МК, связь с глаголом, а также возможность двойной интерпретации.

Ключевые слова: устный дискурс, прагматический маркер, ксенопоказатель, чужая речь.

В устной речи существуют особые функциональные единицы, практически лишенные как лексического, так и грамматического значения и выполняющие лишь те или иные функции. Их называют *прагматическими маркерами* (ПМ), и употребляются они говорящими по большей части неосознанно, на уровне речевого автоматизма [Богданова-Бегларян 2021: 23]. Одной из функций ПМ является ввод в повествование чужой речи (ЧР), функция *ксенопоказателя*. ЧР при этом понимается очень широко: это и своя собственная речь, сказанная ранее или только еще планируемая, собственные или чужие мысли, а также интерпретация поведения и даже молчания другого человека [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022].

Класс маркеров-ксенопоказателей (МК) в русском языке представлен зафиксированными в словарях единицами (просторечными частицами) *де дескать*, *мол* и *так и так (мол)* [МАС 1985: 374, 392; МАС 1986: 289; 1988: 333], но в устном дискурсе он активно пополняется за счет слов разных частей речи, попавших под действие процесса прагматикализации, и требует комплексного описания. Настоящее исследование – попытка выявления тех признаков, по которым можно было бы систематизировать русские МК. Источником материала для анализа послужили три речевых корпуса: корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Звуковой корпус... 2013], корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [Русский язык... 2016; <https://ord.spbu.ru/>] и устный подкорпус НКРЯ (УП). Можно, по-видимому, говорить о нескольких классифицирующих признаках в классе МК.

1. **Наличие дополнительной семы**, которые могут быть разными. Так, маркеры *такой* и *так* содержат дополнительную сему *изобразительности*: они не только вводят ЧР, но и стремятся передать, как именно эта речь произносится, ср. (ЧР во всех примерах подчеркнута; об особенностях орфографического представления материалов ОРД см. подробнее: [Русский язык... 2016: 242–243]):

1) *он так ласково разговаривает / **такой** / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // все хорошо* (ОРД);

2) *мамаша **такая о!** там **типа** Вольдемар%! это вы там!* (ОРД);

3) *здесь стоит прыц* и она **так** // прыц* ой *С ру-ру-ру-ру* (ОРД).

В примере (2) ЧР вводится сразу двумя маркерами: «изобразительным» МК *такая* и «неопределенным» МК *типа* (см. о нем ниже; о «магнетизме» русских ПМ см. [Богданова-Бегларян 2019а]; из «словарных» МК подобный магнетизм наблюдается в комбинации *так* и *так мол*). Видно также, что порой изобразительность поддерживается междометиями (*ой, о!*) или паралингвистическими элементами (*В – вздох, *С – смех). Зачастую такие МК маркируют не собственно ЧР, а лишь чужое *говорящее поведение*, ср.:

4) *ну да / женщина уже посмотрела на нас **так** / угу / с*ки* (ОРД).

МК *типа* и *вроде*, а также их структурные варианты содержат дополнительную сему *неопределенности*, неуверенности говорящего в том, что он правильно передает чужую речь. Это свидетельствует о полифункциональности данных МК, которые являются еще и *маркерами-аппроксиматорами* [ПМ 2021: 112–122, 396–404], ср.:

5) *По вооружению / когда наши начали поставки в Индию / заключать договора / Америке это не понравилось / она начала на Россию наезжать / что **вроде того** зачем вы это делаете* (УП);

6) *и тут з... звонок в дверь / и Вольдемар% заходит / **типа того что** кто такая?* (ОРД).

МК *видишь ли, мол, дескать*, якобы вносят сему *предположительности*: какой могла бы быть ЧР, по мнению говорящего, ср.:

7) *Вы пришли в булочную и Вас там у кассы облаяли / потому что **видите ли** у Вас крупная бумага / а у них сдачи нет* (УП);

8) *С Гоголем нет ничего общего / зря вы нам тут мозги пудрите / **дескать** / у того в прозе были фантастические элементы* (УП).

В таких «семантические отягощенных» контекстах МК не полностью десемантизируются, сохраняя ослабленное значение исходной формы.

2. **Наличие грамматических «атавизмов».** Утрата грамматической изменяемости и «консервация» определенной формы в качестве ПМ является одним из признаков прагматикализации. Однако некоторые МК сохраняют свои грамматические категории в качестве «атавизмов» [Богданова-Бегларян 2019б]. Так, МК *такой* изменяется по родам и числам, однако полностью утрачивает способность изменяться по падежам. МК *говорит* (как правило, в редуцированных формах *грю*, *grim* и под.) изменяется по лицам и числам, но утрачивает все остальные глагольные признаки, ср.:

9) *я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне* (ОРД);

10) *она говорит да ладно *Н и вот знаешь говорю / у меня уже собеседование говорю / знаешь как *Н критически так смотрю @ угу* (ОРД);

11) *а он меня(:) не то пощекотал / не то что-то говорит / а я хлеб маслом на(:)... мазывала говорит / я говорит и дернулась* (ОРД).

3. **Возможность расширения структуры МК** отмечается прежде всего у «неопределенных» маркеров *типа* и *вроде*, ср.:

12) *и тут же этот () вот этот () бухгалтер там / ну типа того что блин / (...) и рожать будешь / *П в Испании! *П а отдыхать будем / на Канарах\$ блин!* (ОРД);

13) *вот один из них спросил таким / *К *П так / это просто со странным немножко (...) отношением и взглядом / *П а зачем? *П ну вроде того что их интересует только живая / (...) музыка // живой фольклор* (ОРД).

Отдельную группу составляют МК, расширение структуры которых можно только предполагать, поскольку рядом с ними в контексте оказываются единицы (в примерах выделены), которые можно интерпретировать в равной мере как компонент и собственно маркера, и передаваемой ЧР, ср.:

14) *ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П типа того что БЛИН / *П *Х *П давайте общаться* (ОРД);

15) *я подошел к тренеру и говорю ему так и так ВОТ я занимался водным поло / энное количество лет / я хочу попасть в команду* (САТ);

16) *когда первый раз видишь белый гриб / все трясется внутри вот что-то кажется АХ вот АХ какое-то благоговение* (САТ);

17) *и она как на нас налетела! ВОТ там ты-ты-ты-ты-ты / да мы алкаши там / ну что-то там такое / я не помню* (ОРД);

18) *она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь? я говорю ТЫ ЗНАЕШЬ говорю / просто я сама сама говорю изменилась* (ОРД).

Такие потенциальные «расширители» могут стоять в любой позиции по отношению к МК; весьма употребительно в этой роли слово *вот*, которое и само может выступать в нашей речи как ПМ, причем наиболее частотный из всех как в диалогической (ОРД), так и в монологической (САТ) речи (см. частотный словарь прагматических маркеров: [ПМ 2021: 54]).

4. **Возможность двойной интерпретации** может быть свойственна и самим единицам из класса МК: они также могут рассматриваться и как самостоятельный маркер, и как начало передаваемой ЧР, ср.:

19) *Встречал его / да / в одном из салонов. Вот он там выступал с вступительным словом / в котором / я помню / он так там / что **вот** «Федор Тетерников / когда был учитель / учительшика / ходил в замызганном сюртуке...»* (УП);

20) *Париж / а потому что вот когда у нас все время плохо было / все время думали / за граница нам поможет. Думали / **ах** / Боже мой / вот в Париже!* (УП).

На «спорный» статус подобных единиц обращали внимание многие исследователи [Арутюнова 2000: 441; Левонтина 2010: 285]. Думается, что преодолеть эту двойственность невозможно, да и не нужно, поскольку она отражает саму специфику диффузной и зыбкой устной речи.

5. **Связь МК с глаголом** отчетливо делит весь класс МК на две группы, представленные уже и в наборе «словарных» маркеров: в группу с *мол, де, дескать* входят также *говорит* (во всех своих редуцированных формах), *видите ли* (7) и потенциальное *(ты) знаешь* (19); в группу с *так и так* – практически все остальные: *типа, вроде, такой, вот, так, там* и проч. (см. [ПМ 2021]). Продолжением анализа МК в этом аспекте может стать частеречная характеристика слова-прототипа для каждой единицы из класса ксенопоказателей.

6. Еще одним аспектом анализа (классифицирующим признаком) МК является **модель введения чужой речи**: по типу прямой или косвенной речи. В первом приближении этот аспект был рассмотрен в [Шклярчук, Богданова-Бегларян 2023], и это показало, что вопрос требует более глубокой проработки.

Однако уже и сказанного достаточно, чтобы увидеть в классе русских маркеров-ксенопоказателей, помимо общей функции, много дополнительных признаков, позволяющих их систематизировать с целью более полного описания.

Литература

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.

Богданова-Бегларян Н. В. Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019а. Вып. 7. С. 14–19.

Богданова-Бегларян Н. В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / ред. О. И. Глазунова и К. А. Рогова. М.: ЛЕНАНД, 2019б. С. 436–446.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

Корпус «Один речевой день». URL: <https://ord.spbu.ru/>.

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык. Том I. А–Й, 1985; Том II. К–О, 1986; Том IV. С–Я. 1988.

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

Bogdanova-Beglarian N. V., Ryko A. I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования: сб. статей / под ред. С. Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

*E. Ya. Shkliaruk (St. Petersburg Russia)
Saint Petersburg State University*

XENO-MARKERS IN RUSSIAN SPEECH: SYSTEMATIZATION EXPERIENCE

The article discusses the features of pragmatic xeno-markers (XM) of Russian oral discourse, which allow them to be systematized, such as the presence of an additional seme (figurativeness, uncertainty, presumptiveness), “grammatical atavisms”, the possibility of expanding the structure of XM, connection XM with the verb, as well as the possibility of double interpretation.

Key words: oral discourse, pragmatic marker, xeno-marker, someone else’s speech.

IV. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Н. А. Галактионова (Тюмень, Россия)

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
им. маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
nelli.galaktionova@yandex.ru*

Н. А. Никулина (Тюмень, Россия)

*Тюменский индустриальный университет
nadya-nika2006@yandex.ru*

СУДЬБА ЧИСТОПИСАНИЯ И КАЛЛИГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ КОГНИТИВИСТИКИ: ТРАДИЦИЯ, ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИЛИ СЕГРЕГАЦИЯ

В докладе анализируется тренд на использование печатных букв и отказ от каллиграфических норм, принятых в качестве атрибута «ручного письма». Авторы объясняют причины меняющегося отношения к чистописанию и каллиграфии не только развитием технологий, стремлением современных коммуникационных систем к экономии времени и ресурсов, но и сегрегационными социальными механизмами, определяющими жизнь современного человека в различных сферах. Важным является то, что выбор манеры письма обусловлен изменениями в когнитивной матрице обучающегося, влияет на такие процессы, как внимание, память, обработка информации, а соответственно может стать одной из причин трансформации личности и ее культурного кода.

Ключевые слова: письменность, манера письма, «ручное письмо», каллиграфия, когнитивные исследования письма, сегрегация, культурный код.

Технологии вытесняют необходимость навыка письменной записи, развитие умений постановки руки, ведь в повседневной коммуникации чаще используются навыки печатания, а не письма. Вероятно, этим объясняется отказ в ряде стран от изучения письменного варианта печатной графики. Так, например, в США письменные буквы изучаются в элитных платных школах, а большинство школьников и студентов пишут печатными или полупечатными буквами и не различают письменную речь. При этом многие

зарубежные педагоги понимают, что тенденция отказа от ручного письма требует поиска замены и компенсации утери упражнений, тренирующих взаимосвязь мозга и моторики.

Практика отказа от чистописания постепенно проникает и в отечественную лингводидактику, в частности, ускоренное обучение иностранным языкам почти повсеместно опирается на усвоение букв иностранного алфавита в их печатных образах. Каллиграфия превращается в атрибут элитарного образования и вариант досугово-развивающей деятельности, т. е. становится маркером процесса сегрегации, почти естественного для мировой системы образования.

Сегодня выбор манеры «ручного письма» воспринимается многими молодыми людьми как некомфортный фактор коммуникации, жизнеспособность которого объясняется уважением к традиции. Обучение «ручному письму» в российских школах остается базисным постулатом начального образования, а педагоги, хотя и связывают формирование навыков такого письма с развитием коммуникативных и когнитивных функций человека, не считают важным раскрывать и доказывать эти связи. Примечательно, что о влиянии письма на когнитивные способности человека современные исследователи почти не говорят, а объектом научного внимания чаще становится процесс перехода на электронные формы общения, на визуализацию форм обучения, на методический потенциал ИКТ в обучении на всех уровнях подготовки школьников, студентов и т. д.

Исследование манеры письма – междисциплинарная проблема, которая требует последовательного исследования и актуализируется в нескольких аспектах.

Первый аспект ориентирован на исследования русской (российской) семиосферы, на сохранение уникальности культурного кода. Напомним, что кириллическая традиция использования письменных букв уходит во вторую половину XVI в. Унификация форм букв привела в XIX в. к возникновению сегодняшнего рукописного шрифта. Каллиграфии уделялось много внимания в школе, манера письма изменилась после перехода на шариковые ручки после перьевых. В советской школе манере письма, постановке руки уделялось большое значение, вырабатывалась аккуратность почерка, что считалось важным навыком самодисциплины и самоорганизации. Отдельно можно говорить о феномене скорописи и стенографии как ее варианта, которые, с одной стороны, были ориентированы на полезность, но, с другой стороны, не выходили за рамки письма как вида деятельности.

В разговоре о «ручном письме» в русле культурной составляющей, нельзя пройти мимо аналогий, которые могут быть полезны в исследовании отечественных феноменов. Внимание лингвистов к иероглифическому письму часто продиктовано рефлексией относительно традиций письма

в родной стране. Общеизвестный факт – в Китае и Японии каллиграфия считается искусством, где написание буквы равнозначно постижению сущности явления или предмета. Сегрегация в этих культурах является характерной особенностью отношения к письму: входила в образовательный аристократический канон, являлась частью бусидо, кодекса самурая и т. д. [Галактионова 2022: 13]. Одновременно восточный опыт акцентирует внимание на том, что ручное прописывание сокровенных смыслов, содержащих ключевые концепты русской культуры, может иметь особый смысл личной причастности к знакам и их значениям: «Образ, реализованный письменно, при этом нередко перерастает в своеобразный «иероглиф» – в том смысле, как понимается иероглиф в обыденном языке, т. е. как нечто загадочное и даже инокультурное...» [Глаголев 2018: 106].

В процессе успешного усвоения письменной речи «развивается «чувство языка» и более высокая степень контроля – «чувствообразное осознание точности выражаемой мысли», что можно считать высшей степенью развития языковой способности личности» [Скрябина 2011: 198].

Второй аспект – культурологический, ибо каждая культурная эпоха характеризовалась своим каллиграфическим пластом [Груздева 2020: 53]. Убедителен ассоциативный шлейф, связанный с греческой вязью или готическим шрифтом, потому важно, чтобы наше время оставило подобный пласт потомкам. Индивидуальность почерковедческой манеры имеет глубокое культурологическое значение, на основании чего возникла графология – наука о почерке, наблюдения которой важны и для юридическо-правовой сферы, и для медицинской, где психофизиологический анализ почерка способствует исследованию мозговой деятельности.

Третий аспект – техника письма в русле собственно когнитивных исследований. Область популярного знания составляют представления о том, что каллиграфическое письмо влияет на различные зоны мозга и дает многостороннее качественное развитие, развивает концентрацию, терпение, усидчивость, внимание к деталям. Магниторезонансная томография помогла выяснить: процесс письма активизирует районы коры головного мозга, которые отвечают за память и усвоение новой информации. Письмо от руки способствует выстраиванию нейронных связей, необходимых для запоминания букв и развития навыка беглого чтения. В процессе письма тренируется мелкая моторика рук, развивается взаимодействие между зрением и двигательной активностью. Транслируя столь популярные факты, мы понимаем, что они могут стать своеобразным предисловием для комплексного изучения мозговой деятельности человека, занимающегося ручным письмом.

Четвертый аспект – образовательный, связанный с предыдущим, но реализованный в практике школьного обучения. В методике работы

с младшими учениками советская школа накопила значительный арсенал методик, позволяющий развивать навык письма и, соответственно, влиять на психофизиологическое развитие ребенка, его мыслительные и когнитивные процессы. Например, переписывание, при котором улучшается техника меморизации, запоминания, в процессе письма в мозгу стимулируется ретикулярная активизирующая система (РАС). Благодаря РАС, информация, которую ребенок записывает от руки, воспринимается мозгом как самая важная (Юань Пу), написанные собственноручно буквы и цифры запоминаются лучше электронных символов, поскольку мозг создает с их помощью когнитивные карты памяти. Это значит, что мозг вспоминает не эти знаки, а расположение информации в определенной части листа [Крекова 2021: 32]. Следует отметить, что современные когнитивисты не погружены в проблемы начального образования, а школьные методисты не посвящены в когнитивистику, что по факту делает исследования последних неубедительными и нарочито эмпирическими. А первые понимают, что в реальности «ручное письмо» оказывается на периферии навыков современного человека, за пределами школы замещается печатным. Именно в русле этого аспекта актуализируется выбор манеры письма – каллиграфия или имитация печатного шрифта. На практике выбор в пользу последнего поощряется школьными педагогами в старших классах, поскольку такое письмо разборчиво, способствует эффективной коммуникации.

Пятый аспект изучения манеры письма связан с развитием технологий, самый заметный в научном дискурсе. Многочисленные публикации фиксируют и анализируют современную ситуацию общения с помощью гаджетов, прогнозируют развитие визуальных каналов, отмечают важность выбора шрифта в дизайне текста и т. д. Косвенно некоторые наблюдения выходят на проблему «ручного письма». Например, в монографии Н. Н. Белозеровой письмо рассматривается как феномен реального бытия, противопоставленного виртуальному [Белозерова 2010: 53–55]. Некоторые частные проблемы актуализируются как глобальные и одновременно когнитивные. Одна из таких проблем – освоение чужого текста. В начале XXI в. традиционное для классического обучения конспектирование из способа сохранения знания (запись лекции или тезирование книги) переместилось в область методов проверки и контроля усвоения учебного материала.

От результатов исследований проблем письма, в том числе, в контексте актуальных проблем когнитивистики, может зависеть судьба не только чистописания и каллиграфии, но и отечественной культуры. Речь идет не о далеком, а о самом ближайшем будущем, поскольку сценарии оптимизации межкультурного общения уже запущены, а уважение к традиционному стирается под натиском новых культов, призывов к глобальному будущему и лапидарности.

Литература

Белозерова Н. Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2010.

Галактионова Н. А. Представление об идеальном человеке и его отражение в образовательной системе // XV Кирилло-Мефодиевские чтения: межвузовский сборник научно-методических статей / под ред. Г. В. Сильченко. Ишим: Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиала) ТюмГУ, 2022.

Глаголев В. С. Образные языки современной культуры: экранная реальность и «ручное письмо» в эпоху компьютерного шрифта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3(29). С. 105–112.

Груздева Н. В. Каллиграфия и прикладные аспекты обработки рукописного текста // Вестник современных цифровых технологий. 2020. № 4. С. 53–66.

Кекова О. А. Значение каллиграфии для формирования грамотного письма учащихся // Научное образование. 2021. № 4(13). С. 31–34.

Скрябина О. А. О значении письма как кода культуры // Наука и культура России: материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2011. С. 197–199.

Юань Пу. Каллиграфия и здоровье. URL: [http://calligraphy-expo.com/participants/Yuan_Pu/kalligrafiya-i-zdorov_e](http://calligraphy-expo.com/participants/Yuan_Pu/kalligrafiya-i-zdorovye).

H. A. Galaktionova (Tyumen, Russia)
*Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineers A. I. Proshlyakov*

H. A. Nikulina (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University

THE FATE OF PENMANSHIP AND CALLIGRAPHY IN THE CONTEXT OF ACTUAL PROBLEMS OF COGNITIVE SCIENCE: TRADITION, EXPEDIENCE OR SEGREGATION

The paper analyzes the trend towards the use of block letters and the rejection of calligraphic norms accepted as the attribute of “hand writing”. The authors explain the reasons of changing attitudes to handwriting and calligraphy not only by the development of technology, the intent of modern communication systems to save time and resources, but also by the segregational social mechanisms which define the life of modern man in different spheres. What is important is that the choice of a writing style is caused by changes in the cognitive matrix of the learner, affects such processes as attention, memory, information processing, and, consequently, may become one of the reasons for the transformation of personality and its cultural code.

Key words: writing, writing style, handwriting, calligraphy, cognitive research of writing, segregation, cultural code.

А. В. Горбылева (Москва, Россия)
Дипломатическая академия МИД России
nastyagorbyleva@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ДИАЛОГЕ

Работа представляет собой аналитический обзор исследований речевой аккомодации. Отмечаются когнитивная и эмоциональная функции речевой согласованности собеседников. В статье рассматривается просодический аспект взаимной адаптации в диалоге посредством конвергенции динамических показателей. Когнитивный аспект взаимодействия отражен в лексическом единстве диалога, а также в сближении по уровню громкости.

Ключевые слова: диалог, взаимодействие, аккомодация, конвергенция, дивергенция, просодия.

Взаимовлияние собеседников вызывает большой интерес в современных исследованиях коммуникации и психологии. Одна из основополагающих теорий в данной области была предложена в конце XX в. профессором Калифорнийского университета, специалистом по теории коммуникации, Г. Джэйлзом [Giles, Smith 1979]. Разработанная им социально-психолингвистическая теория объясняла место и роль когнитивных и эмоциональных процессов и явлений в социальной коммуникации и получила название *теории речевой аккомодации*, ТРА (*Speech Accommodation Theory*). Целью теории было объяснить причины изменений в речевом поведении людей в процессе социального взаимодействия с учетом социальных и когнитивных факторов.

Согласно теории, в ходе беседы собеседники изменяют свое речевое поведение (*аккомодация*), используя разные коммуникативные стратегии. Они могут «подстраивать» свое речевое поведение под манеру речи собеседника (*конвергенция*) или, напротив, подчеркивать различия между собой и собеседником (*дивергенция*). В рамках речевого поведения конвергенция была изучена во многих аспектах, среди которых выделяются лексическое и синтаксическое сходство [Pickering, Garrod 2004], время включения голоса после паузы [Nielsen 2008] и качество гласных звуков [Babel 2009]. Согласно теории аккомодации, адаптация на просодическом уровне в процессе общения способствует достижению согласия, избеганию конфликтов и эффективности коммуникации.

Первые основания ТКА отражены в работе Р. Стрита и Г. Джэйлза [Street, Giles 1982] и рассматривают причины, по которым говорящий прибегают

к стратегиям конвергенции/дивергенции, и как это воспринимает его собеседник. Оказывается, что люди с большей долей вероятности прибегают к конвергенции, приближая свою речь к речевым характеристикам собеседника, когда они ищут социального одобрения с его стороны. Дивергенция же проявляется, когда говорящий стремится дистанцироваться от собеседника, а также в тех в тех случаях, когда взаимодействие оценивается не как межличностное, а как межгрупповое, с целью поддержать положительный имидж своей социальной группы [Горбылева 2021].

Позже стратегии приближения/отдаления речевых характеристик приобрели функциональное обоснование [Thakerar 1982], выделяющее когнитивную и эмоциональную составляющую социального взаимодействия. С когнитивной точки зрения, говорящий приближает свою манеру речи к характеристикам речи собеседника с целью улучшить взаимопонимание. При дивергенции говорящий отдаляется от речевых характеристик собеседника для того, чтобы подчеркнуть их принадлежность к разным социальным группам и таким образом предотвратить присвоение несвойственных групповых черт. С точки зрения эмоциональной составляющей, приближение манеры речи говорящего к речевым характеристикам собеседника позволяет ему стать более похожим на собеседника, а следовательно, более привлекательным. Эмоциональная функция дивергенции заключается в том, что говорящий выделяет свои отличительные черты, таким образом подчеркивая свою индивидуальность.

Итак, социальное одобрение обусловлено тем, что нам нравятся люди, подобные нам. В ходе общения мы оцениваем речевое поведение людей, и чем больше оно похоже на наше, тем выше мы оцениваем собеседника по тем или иным критериям. Одним из таких критериев выступает громкость голоса. Для эксперимента по моделированию голосовой конвергенции и дивергенции были отобраны студенты колледжа, половина из которых имела тихие голоса, а другая – громкие [Kelly, Toshiyuki 1993]. Им было предложено прослушать аудиозаписи с громкими и тихими голосами и отметить в заранее подготовленном перечне прилагательных те, которые характеризуют услышанный голос. Выяснилось, что информанты испытывали более положительные эмоции по отношению к говорящим со схожей громкостью голоса, их оценили как «искренние», «заслуживающие доверия», а более громкие или, наоборот, тихие голоса – как «неприятные».

Дополняет данные результаты эксперимент, выполненный автором в рамках исследования просодических признаков аккомодации в спонтанном диалоге. Предметом исследования является изменение уровня интенсивности (дБ) – акустического коррелята громкости – под влиянием речевой манеры собеседника.

Материалом исследования послужили записи диалогов Корпуса разговорной американской речи университета Санта-Барбара (Santa Barbara Corpus of Spoken American Speech). Для анализа были отобраны 12 диалогов по 20 минут (всего 24 участника), сбалансированные по гендерной принадлежности. Общая длительность звучащего материала составила 4 часа. Все говорящие являются носителями американского варианта английского языка, представляющими разные регионы США, преимущественно западное побережье (Калифорния). Средний возраст – 33 года.

Первым этапом эксперимента стал вербальный анализ транскрипций диалогов с целью поиска слов-подхватов – лексем первого собеседника, повторяющихся в ответных репликах второго участника диалога [Горбылева 2019]. В каждом диалоге было отобрано от 8 до 11 повторяющихся слов, в сумме 107 слов-подхватов.

Основополагающим методом исследования стал электронно-акустический анализ параметра средней интенсивности слов-подхватов. Анализ был осуществлен с помощью компьютерной программы PRAAT.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в большинстве диалогов собеседники подстраиваются друг под друга в процессе диалога. Больше половины пар (восемь из 12) продемонстрировали максимальную гармонизацию в динамике уровня интенсивности в процессе взаимодействия, т. е. подъемы и спады показателя интенсивности совершаются обоими участниками одновременно, линии уровня параметра движутся синхронизировано. Для наглядности на Рисунке 1 отображена траектория развития беседы по линии аккомодации в одном из рассматриваемых диалогов.

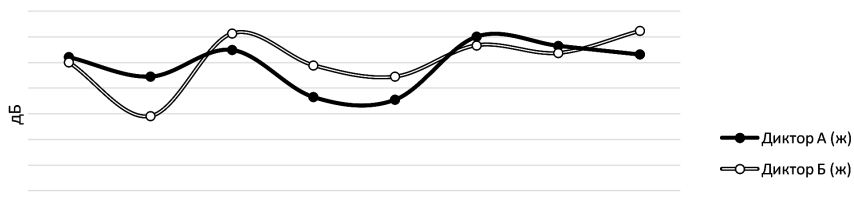

Рис. 1. Динамика изменения интенсивности в словах-подхватах в диалоге 3 (ж-ж)

Средние показатели модуля разности между собеседниками, высчитанные для начала, середины и конца каждого диалога, подтверждают данные наблюдения. Средняя дельта между уровнями интенсивности собеседников от начала к середине и к концу беседы составляет 4,12 дБ → 3,62 дБ → 2,45 дБ.

Результаты расчета критерия Манна – Уитни – Уилкоксона подтверждают данные выводы и свидетельствуют о статистически значимых отличиях показателей разности по уровням интенсивности в начале и конце диалога ($p=.039$). Это свидетельствует о том, что в среднем есть тенденция к сближению средних динамических показателей на словах-подхватах в середине и конце беседы.

Таким образом, в данном исследовании раскрывается механизм социального взаимодействия, обладающего лексическими и просодическими сигналами. Когнитивный аспект кооперативного взаимодействия проявляется в том, что успешная коммуникация обеспечивается согласованным действием обеих сторон, которая достигается благодаря целому кластеру сигналов, посылаемых каждой стороной и принимаемых с соответствующей интерпретацией другой стороной. В данном материале такими сигналами оказались лексические подхваты слов, а также сближение по уровню громкости на этих словах. Это способствовало бесконфликтному обсуждению тематики беседы, предложенной одним собеседником и развиваемой двумя собеседниками поочередно.

Особую важность результаты данного исследования могут представлять для когнитивно-фонетического направления, в рамках которого изучаются способы речевого взаимодействия человека и компьютера (*human – machine*).

Литература

Горбылева А. В. Коммуникативная аккомодация в области межкультурной коммуникации // Новый мир. Новый язык. Новое мышление: сборник материалов IV международной научно-практической конференции. Вып. IV. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2021. С. 28–34.

Горбылева А. В. Просодическая конвергенция как результат взаимодействия собеседников в спонтанном диалоге // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5 (3). С. 41–51.

Babel M. Phonetic and Social Selectivity in Speech Accommodation: Doctoral dissertation. University of California. Berkeley, 2009.

Du Bois J. W. et al. Santa Barbara corpus of spoken American English. Philadelphia: Linguistic Data Consortium, 2000. URL: www.linguistics.ucsb.edu/research/santabarbaracorpus.

Giles H., Smith P. Accommodation Theory: Optimal Levels of Convergence // Language and Social Psychology / ed. by H. Giles, H. St. Clair. Oxford: Basil Blackwell, 1979. P. 45–65.

Kelly A., Toshiyuki K. Effects of Language intensity similarity on perceptions of credibility, relational attributions, and persuasion // Journal of Language and Social Psychology. 1993. Vol. 12, № 3. P. 224–238.

Nielsen K. Y. Word level and feature level effects in phonetic imitation: Doctoral Dissertation. University of California. Los Angeles, 2008.

Pickering M.J., Garrod S. Toward a mechanistic psychology of dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2004. Vol. 27. P. 169–226.

Street R. Jr., Giles H. Speech Accommodation Theory: A social cognitive approach to language and speech behavior // Social Cognition and Communication / ed. by M. Roloff, C. Berger. Beverly Hills: Sage Publications, 1982. P. 193–226.

Thakerar J.N., Giles H., Cheshire J. Psychological and linguistic parameters of speech accommodation theory // Advances in the social psychology of language, 1982. Vol. 205. P. 205–255.

A. V. Gorbyleva (*Moscow, Russia*)
*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation*

COGNITIVE AND AFFECTIVE ASPECTS OF SOCIAL INTERACTION IN A DIALOGUE

The article contains an analytical review of the research papers on speech accommodation. Special reference is made to the cognitive and affective functions of interlocutors' speech shifts. The study is concerned with prosodic aspect of speakers' mutual adaptation in a two-party conversation by means of intensity convergence. Cognitive aspect of interaction is reflected in the lexical unity of a dialogue and concordance of interlocutors' intensity patterns.

Key words: dialogue, interaction, accommodation, convergence, divergence, prosody.

T. В. Дроздова (*Астрахань, Россия*)
*Астраханский государственный
технический университет
drozdova_astu@mail.ru*

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИУМА В ДИСКУРСАХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ: ИНТЕГРАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКСПЕРТНОЙ КАРТИН МИРА

В статье рассматриваются общие основания изменений социальной и экспертных картин мира и их интеграции на современном этапе развития общества. Данный процесс иллюстрируется посредством цитат из научной статьи по маркетингу, содержащих языковые единицы, обозначающие новые реалии современного социума,

и термины, заимствованные в повседневный английский язык из научно-практических областей знания.

Ключевые слова: картина мира, социальный, экспертный, научный дискурс, современные реалии, интеграция.

Говоря о том, что знания о действительности человек получает в различных типах предметно-познавательной и практической деятельности, в процессах научно-теоретического познания мира, Е. С. Кубрякова подчеркивает, что «подавляющая масса знаний приходит к человеку через освоенные знания, т. е. через язык» [Кубрякова 2004: 11]. Экспертные знания, очевидно, формируются как разделенные, оформляются и получают языковую привязку в соответствующих типах дискурсов, включая дискурсы научно-практических областей, которые в своем большинстве оказываются социально-ориентированными, т. е. непосредственно связанными с жизнедеятельностью социума (экономические области знания, педагогические, медицинские, юридические, область информационных технологий и др.). Отмечая, что «всякому знанию предшествует онтологическая реальность, хотя и преобразованная человеческим мозгом» [Кубрякова 2008: 11], указанный автор призывает не забывать о том, что условия жизнедеятельности человека постоянно меняются. Это, соответственно, обуславливает постоянное изменение поступающей к человеку информации, а следовательно – изменение существующей на уровнях индивидуального и коллективного сознания экспертного сообщества базы знания и, в определенной степени, репертуара языковых средств его объективации.

Нельзя не согласиться с тем, что «сегодня наука и техника во многом определяет образ мира, в котором мы существуем» [Касавин 2014: 9], формируя новые формы социальности, приводя к частичному отождествлению социальности и техники, социальности и компьютерной коммуникации, техники и знания. При этом, как констатирует цитируемый автор, предметы, созданные человеком для реализации своих целей, могут проявлять незапланированные свойства и даже оказаться враждебными своему творцу.

Изменения концептосфер научно-практических областей, иницирующих, производящих, внедряющих или просто использующих технические/технологические инновации, как и изменения соответствующих картин мира, не только обуславливают симультанное появление новых элементов (понятий, категорий) в социальной картине мира, но, вполне логично, обогащают социальный опыт членов социума в аспекте социального взаимодействия, формирования социальных стереотипов, увеличения словарного состава языка повседневного общения за счет терминологи-

ческих номинаций новых артефактов, явлений, действий и т. п. Следует учитывать, тем не менее, что формирующееся знание во всех областях деятельности не является абсолютно новым, поскольку происходит на базе уже существующих «за счет их сужения, расширения, развития или различного конфигурирования с помощью определенных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, концептуального сравнения, концептуальной метафоры или метонимии, эвфемизации и др.» [Болдырев 2020: 37].

Основываясь на принципе обратной связи (*feedback*), в рамках научно-практических областей анализируются результаты внедрения инноваций как в сами экспертные области, так и в повседневную жизнедеятельность социума, которые затем становятся предметом обсуждения в экспертном сообществе. Данный аспект научно-практической деятельности, как и тот факт, что субъект этой деятельности одновременно является субъектом социальным, позволяет сделать умозаключение, что знания профессионального и социального характера дополняют друг друга в концептуальной системе субъекта, причем социальные понятия и категории могут подводиться под понятия и категории экспертной концептосферы или соотноситься с ними. Такая взаимосвязь рассматривается нами как свидетельство интеграции экспертной и социальной картин мира, которая находит отражение также на вербальном уровне экспертного (или профессионального) дискурса (и текста).

Ставя целью данной статьи подтвердить на эмпирическом материале сказанное выше, мы выбрали для анализа американский текст – научную статью [Olson et al. 2021], в которой рассматривается внедрение информационных/цифровых технологий в практическую область маркетинга с целью взаимодействия с социумом. (Интегрирование понятий одной экспертной области в другую подразумевается.) Доминантной темой данного научного текста является анализ типичных ситуаций использования субъектами профессиональной деятельности электронных средств и цифровых технологий как средства и способа взаимодействия с целью передачи социальным субъектам релевантной информации (наличие или отсутствие у субъектов профессионального знания информационных технологий нами не учитывалось). Таким образом, мы рассматриваем вербальную объективацию когнитивной структуры/формата хранения знания о стереотипной ситуации социального взаимодействия. Мы считаем эту структуру комплексным концептом и условно обозначаем как ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СУБЪЕКТОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ СРЕДСТВ И ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ С ЦЕЛЬЮ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ.

Данный концепт можно подвести под концепт более высоко уровня абстракции **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**. Его содержание «предполагает наличие субъекта и объекта, действия, которое направлено субъектом на объект, инструмента или средства, с помощью которого достигается результат» [Позднякова 2017: 93], а также цель и сам результат (или эффект). Каждый из этих элементов содержания рассматривается нами как концептуальный признак, т. е. отдельный концепт. Структура концепта **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**, как и рассматриваемой нами когнитивной структуры, может быть преобразована в формат фрейма, взаимосвязи между отдельными слотами которого будут репрезентироваться пропозициями. В отдельной научно-практической области каждый концептуальный признак/концепт конкретизируется, подводится под определенное имя и сопоставляется/сличается с элементами социальной картины мира, для обозначения которых при анализе вербальных структур обычно используют названия семантических падежей (Ч. Филлмор).

Деятельность социальных субъектов рассматривается в рамках научно-практических областей с позиции стороннего наблюдателя, а социальная категоризация осуществляется посредством профилирования семантических ролей субъектов в типовой ситуации использования информационных технологий, которая может характеризоваться как определенное событие (подробно о концептуализации событий и способах их описания см., например, [Заботкина 2017; Позднякова 2017] и др.).

Так, в сфере маркетинга социальный субъект или социальная группа, профессиональная деятельность которых направлена на распространение релевантной информации, категоризируются как *агенси*. В концептосфере рассматриваемой экспертной области эта категория может соотноситься с такими категориями и одноименными концептами, как **МАРКЕТОЛОГ (MARKETER)**, **ДИСТРИБЬЮТОР (DISTRIBUTOR)**, **ПРОИЗВОДИТЕЛЬ (PRODUCER/MANUFACTURER)**. Коррелятом *агенса* выступает субъект-получатель информации – *паиенс* или *бенефактив* (с учетом эффекта), соотносимый с экспертной категорией (концептом) **ПОТРЕБИТЕЛЬ (CONSUMER/CUSTOMER)**. Информация может рассматриваться, в зависимости от перспективы, и как *объект*, и как *результат*, а электронные средства ее передачи и используемые цифровые технологии – как *инструмент* (осуществления действия), причем одноименные категории и концепты присутствуют и в экспертной, и в социальной картинах мира. Тем не менее, использование в тексте при определении отдельных видов деятельности маркетинга по распространению информации вошедших в повседневный лексикон терминологических лексических единиц области информационных технологий, а также обозначений реалий социальной среды, конкретизирующих содержание экспертных категорий

и формирующих экстенционал понятий маркетинга, указывают на включение элементов социальной картины мира в экспертную картину (ниже выделено нами):

– **Search and social ads**: the action of **placing ads** so that they appear at the top of search listings or within a sidebar on a search results page.

– **Social media advertising**: any advertising where you pay a social media company to display your content (e. g. Facebook, Instagram, Twitter, Pinterest, LinkedIn, Snapchat).

– **E-mail marketing**: the action of sending emails directly to prospect and customers with **timely and relevant information**.

Заметим, что предикатная лексика, используемая авторами для обозначения действия по передаче информации или определенных параметров этого действия, также может характеризоваться как относящаяся к области повседневной коммуникации. В завершение считаем необходимым подчеркнуть, что содержание приведенных выше фрагментов специализированного текста не только свидетельствует об интегрировании экспертной и социальной картин мира, но и имплицитно социальное знание, содействует его активации в ментальном пространстве адресата текста.

Литература

Болдырев Н. Н. Взаимодействие мыслительных и языковых структур как фактор динамики языковой картины мира // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 3 (42). С. 35–41.

Заботкина В. И. Интегративный подход к репрезентации событий в контексте когнитивной науки // Диалог со временем: электронное издание. 2016. Вып. 57. С. 154–160. URL: <https://roii.ru/r/1/57.11>.

Касавин И. Т. Междисциплинарные исследования и социальная картина мира // Философия науки и техники: электронное издание. 2014. Том 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. С. 9–26. URL: <https://pst.iphras.ru/article/view/1670>.

Кубрякова Е. С. Предисловие // Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 11–24.

Позднякова Е. М. Событие как когнитивная структура // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук. М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. С. 93–111.

Olson E. M., Olson K. M., Czaplewski F. J., Key Th. M. Business strategy and the management of digital marketing // Business Horizons. 2021. Vol. 64. Pp. 285–293.

T. V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

**VERBAL REPRESENTATION
OF SOCIAL LIFE CURRENT REALITIES
IN THE DISCOURSE OF SCIENTIFIC
AND PRACTICAL FIELDS:
INTEGRATION OF SOCIAL AND EXPERT WORLDVIEWS**

The paper considers common causes of changes in social and expert world images and of their integration. English names of social agencies and words of every-day communication found in the scientific text on marketing are included in the paper to support the author's point of view.

Key words: world image, social, expert, scientific discourse, current realities, integration.

E. M. Дубровская (Новосибирск, Россия)
*Новосибирский государственный
технический университет
schitat.do.sta@gmail.com*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «СКАЗОЧНИК»:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье приводится понятийная характеристика лингвокультурного типажа «сказочник», основанная на материале лексикографических источников и данных, представленных в Национальном корпусе русского языка, выявляется аксиологическая неоднозначность рассматриваемого типажа, существующая в сознании современных носителей русского языка.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, национальная картина мира, ментальность, концепт, лингвокультурология.

В русле изучения лингвокультурных типажей существует множество подходов к пониманию природы самого лингвокультурного типажа. По определению В. И. Карасика, лингвокультурный типаж – это обобщенный образ представителя определенной социальной группы в рамках конкретной культуры, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик 2007: 33].

О. А. Дмитриева отмечает, что лингвокультурный типаж «характеризуется двойственной природой: с одной стороны, он представляет собой концепт, с другой стороны – языковую личность» [Дмитриева 2007: 18]. Усматривая типаж как разновидность концепта, считаем возможным говорить о существовании лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов.

Лингвокогнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие окружающую действительность, а лингвокультурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры. С позиций когнитивной лингвистики мы движемся от человека к культуре, с позиций лингвокультурологии – от культуры к человеку.

В данной статье предпринимается обращение к понятийной характеристике лингвокультурного типажа «сказочник» на материале лексикографических источников и данных Национального корпуса русского языка [guscorpora.ru], ранее не подвергавшегося лингвокультурологическому осмыслению.

Сам типаж «сказочник» является значимым для русской культуры и ментальности, почитаемым на Руси с давних времен. Сказочник в русской культуре – это и собиратель фольклорных произведений (как А. Н. Афанасьев), так и их создатель (П. П. Бажов) или ретранслятор (А. С. Пушкин). Сама сказка, согласно «Словарю русской ментальности», – это «вымышленная повесть, которая забавляя – поучает, развлекая – ободряет, обличая – очищает и наставляет в предстоящем возможном деле» [СРМ]. Именно сказочные тексты формируют представления о мире, о морали, о ценностях у детей, позволяя в доступной и наглядной форме отразить ключевые компоненты ментальности и дать объяснение различным сферам жизни. Однако с 90-х гг. в лексикон носителей русского языка входит представление о сказочнике как об ироничной номинации вруна, лжеца, человека, склонного приукрашивать реальную действительность.

Перейдем к анализу понятийной составляющей лингвокультурного типажа, основываясь на данных словарей.

Согласно «Большому толковому словарю русского языка», *сказочник* – «Рассказчик, сочинитель сказок. *Великий датский с.* / О художнике, композиторе, режиссере, создающем произведения по преимуществу на сказочные сюжеты. *Замечательный русский с.* Билибин. *На полотнах сказочника Васнецова оживают грустная Аленушка и Иван-царевич. С. Римский-Корсаков воплотил в музыке образы пушкинских сказок*» [БТСРЯ].

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой *сказочник* – «Рассказчик сказок» [МАС].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *сказочник* представлен как «Сочинитель или рассказчик сказок» [СОШ].

В «Словаре русского арго» *СКАЗОЧНИК, -а, м.* «Врун, обманщик. Великий сказочник (о Ленине). Добрый дядя сказочник (о члене правительства)» [СРА].

Таким образом, наиболее релевантными признаками для сказочника являются следующие характеристики: ‘рассказчик’, ‘сочинитель’, имплицитно представленное значение – «врун».

Обратимся к данным Национального корпуса русского языка, чтобы проследить воплощение рассматриваемого типажа на материале текстов.

В Национальном корпусе русского языка обнаружено 297 упоминаний лексемы *сказочник* в 146 текстах.

Корпус предоставляет информацию о частотности появления лексической единицы за определенный промежуток времени – наибольшее количество упоминаний приходится на 1938 г., но связано это с выходом пьесы «Снежная королева» Е. Шварца, в тексте которой 104 раза упоминается персонаж Сказочник.

Также удалось обнаружить ряд устойчивых единиц со словом *сказочник*, представленных в корпусе: *добрый сказочник, сказочник Андерсен, датский сказочник, старый сказочник, знаменитый сказочник, гениальный сказочник*, что позволяет нам сделать вывод, что значение лексемы *сочинитель* или *рассказчик сказок* реализуется наиболее регулярно.

Рассмотрим подробнее контекстуальные сочетания с лексемой *сказочник* представленные в корпусе:

Пример	Комментарий	Дефиниция
<i>А хозяином там я — белобородый кудесник-сказочник, властелин вьюг-метелей, снегов колючих да морозов трескучих – Российский Дед Мороз (С Новым годом! // «Мурзилка», 2002)</i>	Конкретная мифологическая персона – Дед Мороз	Искусный рассказчик
<i>Добрый сказочник Дисней тоже стал частью американской легенды (Алексей Филиппов. Отец героя. Уолт Дисней и его Мышь // «Известия», 2001.12.04)</i>		
<i>Странный человек Пенперштейн – сказочник, мыслящий образами культурной экспансии, психонавт, визионер, знакомый с механизмами разворачивания коллективного галлюциноза (Л. А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016))</i>		

Пример	Комментарий	Дефиниция
<p>[mirage76 (?)] <i>Приезжайте к нам и наблюдайте за стройкой!</i> p.s. <i>ох уж этот сказочник</i> [: -] [evil pp (муж)] [Алексей Лагунцов (глава отдела сторожей фонда РЖС)] <i>Это что за должность?!!</i> (КП «Монте-Кристо». Новости (04.2015))</p>		Обманщик, лжец
<p><i>У меня в записи ничего не вышло, а рассказывал он, как сказочник, с поразительными деталями, заставляя все видеть</i> (Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001))</p>		Искусный рассказчик
<p><i>Будучи сыном весьма обеспеченных родителей, юный сказочник полагал, что ему все будет сходить с рук, и поэтому сегодня врал особенно вдохновенно и нагло</i> (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000))</p>		Обманщик
<p><i>... Когда-то у В. В. был сосед, по социальному положению член Союза писателей СССР и по профессии сказочник</i> (Владимир Войнович. Замысел (1999))</p>	Профессиональная принадлежность	Автор текстов
<p><i>Он навлекал на себя обвинения в уходе от реальности и в аполитичности. Говорили, что он «сказочник». Одни находили в этом оправдание, так как ведь и сказки нужны людям</i> (Э. М. Арнольди. «Беллетрист Грин...» (1972))</p>	Образ мысли	Автор текстов
<p><i>Уж очень тесно живем. – Избушку на курьих ножках? – спросил Михаська, думая, что отец смеется. – Эх ты, сказочник! – Отец обнял Михаську за плечи. – Нет, настоящую избушку. Пусть небольшую, да свою</i> (Альберт Лиханов. Чистые камушки (1967))</p>	Любитель сказок, фантазер	Фантазер
<p><i>Здесь сказочник не знает, что заставляет Водяного задавать задачи</i> (В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946))</p>		Рассказчик, сказитель
<p><i>А ну-ка, садись, товарищ Валаева, записывай каждый его ответ, чтоб он сказки не рассказывал. Ты, я вижу, дед, сказочник? – А чего ты ко мне пристал?</i> (Николай Богданов. Враг (1929–1930))</p>		Обманщик

Пример	Комментарий	Дефиниция
<i>Потом прилег на диван и вдруг начал рассказывать тихонько, но внятно и складно, точно сказочник</i> (Максим Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910))		Искусный рассказчик
<i>Сказочник говорит какую-то сказку про раду-гу; – и над нами уже потолок из снега и радуга</i> (Л. Н. Толстой. Метель (1856))		Искусный рассказчик

Проанализировав контекстные упоминания, встречающиеся в Национальном корпусе русского языка (не учитывая ситуации, где в качестве сказочников упоминаются конкретные авторы), к составленным на основе словарных дефиниций характеристикам мы можем добавить следующие дополнения: 'искусный рассказчик' и 'фантазер', а также отметить, что значение «врун, обманщик», не зафиксированное в современных словарях (кроме специализированных изданий, таких как «Словарь русского арго») встречается с той же регулярностью и периодичностью, как и зафиксированное значение «Рассказчик/сочинитель».

Вышесказанное позволяет нам сделать выводы о том, что у лингвокультурного типажа «сказочник» есть имплицитное аксиологическое значение (при чем выражающее как негативную оценку – «врун», так и вполне положительную реакцию – «фантазер»), не до конца осмысленное в лингвокультурологическом ключе, но требующее дальнейшего осмысления и обращения к языковому сознанию современных носителей русского языка.

Литература

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
- Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
- МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. (Малый академический словарь, МАС) / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.
- СОШ – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азъ, 1994.
- СРА – Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). М.: Азбуковник: Русские словари, 2000.
- СРМ – Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2. П–Я. СПб.: Златоуст, 2014.

E. M. Dubrovskaya (*Novosibirsk, Russia*)
Novosibirsk State Technical University

THE LINGUOCULTURAL TYPE “STORYTELLER”: THE AXIOLOGICAL ASPECT

The article provides a conceptual characteristic of linguocultural type of “storyteller”, based on lexicographic sources and data presented in the National Corpus of the Russian language, reveals axiological ambiguity of the type, which exists in the minds of modern speakers of the Russian language.

Key words: linguocultural type, national picture of the world, mentality, concept, linguoculturology.

О. Н. Ковалёва (*Челябинск, Россия*)
Челябинский государственный университет
babushkina_on@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЗЕ АЛЕКСЕЯ ВАРЛАМОВА

В статье рассматривается понятие социализации, сферы и этапы социализации. На материале рассказов Алексея Варламова устанавливаются актуальные характеристики социума, предъявляемые им социальные нормы и культурные ценности профессиональной и непрофессиональной деятельности как сферы социализации.

Ключевые слова: социализация, аксиологический параметр, норма, ценность, деятельность, самосознание, художественный текст.

Социализация является сложным процессом взаимодействия человека и общества. Важным представляется выявление на материале современного художественного текста, отражающего актуальные характеристики описываемого социума, аксиологических параметров процесса социализации, установление социальных норм, культурных ценностей и стереотипов, определяющих текущий человеческий опыт. Материалом исследования послужили рассказы Алексея Варламова «Сплав», «Запах страха», «Тайга», «Ленка», опубликованные в сборнике рассказов «Все люди умеют плавать» [Варламов 2011].

Термин *социализация* используется в обозначении процесса становления и развития личности в трудах отечественных и зарубежных ученых с конца XIX в. Социализация рассматривается как процесс интернациона-

лизации норм через социальное взаимодействие по принципу подражания [Тард 1899], как процесс интериоризации индивидом общепринятых норм [Парсонс 1951], как процесс приобщения индивида к системе объективных правил поведения, общественной морали [Дюркгейм 1996]. Г. М. Андреевой выделены три основные сферы, в которых осуществляется социализация: деятельность, общение и самосознание, а также определены этапы социализации (дотрудовая (ранняя стадия и период обучения), трудовая и послетрудовая) [Андреева 1980]. И. С. Кон выделяет две фазы социализации: социальная адаптация (приспособление индивида к социальным нормам) и интериоризация (интернализация) (включение социальных норм и ценностей во внутренний мир индивида) [Кон 1989].

Процесс социализации предполагает освоение человеком определенных тем или иным социокультурным контекстом ценностей, норм, стереотипов, социальных ролей, активное включение человека в различные виды деятельности и группы общества. В сборнике рассказов Алексея Варламова «Все люди умеют плавать» мы выявили следующие виды деятельности как сферы социализации: получение высшего образования (его доступность в условиях социального неравенства и роль в личностном и профессиональном становлении), бизнес (в том числе опыт ведения бизнеса в России и за рубежом), управление (стремление к власти, сохранение или потеря нравственных качеств человеком у власти).

В рассказе Алексея Варламова «Сплав» описывается трудовой этап социализации человека с привлечением метафорических образов «жизнь – дом», «жизнь – лестница». Успех в жизни зависит от самодисциплины, терпения, целеустремленности, ежедневного труда. Это типичное, стереотипное представление о становлении человека в жизни является одной из основополагающих ценностей русской культуры:

«Но поражения нужны человеку больше, чем победы... Вот тогда, с этой точки, он начал *строить жизнь*. Он строил ее, как строят дом, по кирпичику, по венцу выкладывал, любовно измерял и не делал ни одной ошибки – он знал наверняка, что, если бы не просыпался каждый день независимо от того, когда ляжет, в семь часов, не принимал холодный душ и не делал зарядку даже после самого жуткого похмелья, когда страшно не то что пошевелить пальцем, но об этом шевелении подумать, – если бы хоть раз смалодушничал и уступил тому беззлобному и безвредному кайфу, в который все вокруг в последние годы его молодости были погружены, из него ничего не получилось бы. *Вся его жизнь была цепью последовательных поступков, восхождений с одной ступеньки на другую*, но без нее он бы не смог шагу ступить, и всем, что с ним произошло, он был обязан этой, в сущности, заурядной женщине, не совладавшей с тем даром, который был ей дан» [Варламов 2011: 41–42].

Рассказ «Запах страха» описывает дотрудовой этап социализации человека, отражает стереотипное представление людей о степени доступности высшего образования в зависимости от социального происхождения. Главный герой рассказа осознает свой низкий социальный статус, в его речи встречается трансформированное фразеологическое выражение *неча с суконным рылом в калашный ряд лезть* для оценочного самообозначения, как занимающего неподобающее ему место. Тем не менее, он стремится к получению высшего образования как значимого и необходимого этапа успешной жизни.

«...мне хотелось выть от несправедливости: ну за что же мне такое несчастье, чем я виноват, что моя мать не может нанять мне репетиторов. Тут, наверное, все просто объяснялось: неча с суконным рылом в калашный ряд лезть, но уж больно мне мечталось в университете учиться. Я саму мысль эту полюбил – учиться в университете. Он стоял, возвышаясь над Москвой-рекой, окруженный садами, с золотым шпилем, там были удивительные люди, и вот теперь у меня появилась возможность стать одним из этих людей...» [Варламов 2011: 55–56].

«Ты нас не сравнивай, Миня. Вы из хороших семей, вас для университетов растили, в музеи водили, умные книжки вы читали, умные разговоры разговаривали, для вас университет – это нечто само собой разумеющееся, вы его и оценить-то по-настоящему не могли. А я, Минька, плебей, неуч, голь, и вдруг вот этот дворовый, кому место в ПТУ, поступает в Московский университет. Ну ты попробуй представить, что это для меня значило?» [Варламов 2011: 56].

Проблема социального неравенства поднята и в рассказе «Тайга». Жители столицы и жители провинции часто воспринимаются как жители разных планет, как люди разных способностей и возможностей.

«Пассажиры – московских журналистов – было двое. Старший, по фамилии Алтухов, был в этих местах не в первый раз, ездил он обычно со своим приятелем фотокором, но в это лето приятель поехать не смог, и в последний момент Алтухову подвернулся молоденький паренек, только год работавший в редакции, – Миша Родионов. Алтухов некоторое время сомневался, стоит ли брать новичка, но парень казался старательным, неглупым, отзывались о нем неплохо, и Алтухов рискнул» [Варламов 2011: 139].

«– Ладно, брось. Знаю я эту вашу московскую спесь. Куда ни приедут, везде себя пупом считают» [Варламов 2011: 142].

В рассказе «Ленка» жители столицы представляются читателю эгоистичными и привыкшими к хорошей жизни:

«– Ты, подруга, с глузду съехала. Жизни не знаешь, вот и бесишься с жиру. И все вы, москвички, такие, на всем готовеньком выросли. А как выросли, до свидания, мамо и батько, я зараз самостийная» [Варламов 2011: 182].

В этом же рассказе описывается история генеральской семьи, где жена генерала, чей жизненный путь обычно видится безоблачным, вынуждена терпеть постоянные переезды по службе мужа, самостоятельно вести хозяйство и воспитывать детей:

«– Леночка, голубушка, мы люди простые, если тебя чем обидели, прости нас. Тебе трудно, а мне, думаешь, легко было? Пока в Москву перебрались, дослужились, сколько мыкались, таскались, глухомань, муж на службе, пойти некуда. И только к одному месту привыкнешь, сразу на новое. На Дальнем Востоке, на Урале, в Казахстане... Я ведь тоже думала: брошу все, уеду, не могу так больше. Это ничего, Леночка, это так надо, ты поживи тут чуть-чуть и возвращайся. Потерпи, Леночка, ради себя не можешь, ради Мити потерпи. Что поделаешь, бабья доля такая: мужик в делах, потом дома, а у нас целый день служба, и никто этого не понимает, ни один мужик.

Генеральша была высокопарна, но искренна. Ленка слушала ее внимательно, хотя злилась на себя за эту внимательность» [Варламов 2011: 195].

Таким образом, социализация – это процесс усвоения человеком социальных норм, культурных ценностей, правил поведения, позволяющих ему функционировать в данном обществе. «Общество выставляет эталоны социализации и задает индивидам типические социальные черты (язык, ценности, информация, картины мира, способы поведения и т. д.), ориентируя на обретение одобряемых качеств личности и моделей поведения» [Ковалева 2004: 131; 142]. Основные сферы социализации, а именно деятельность, общение и самосознание, находятся в тесной взаимосвязи и определяют становление личности, углубленное понимание себя и других, формирование социальной позиции и моральной ориентации человека. Рассказы Алексея Варламова транслируют социальные нормы дотрудовой и трудовой деятельности, психологические установки и образцы поведения, характерные для определенного места жительства и социального статуса. Освоение данных аксиологических параметров социализации через художественное слово помогает человеку адаптироваться к предъявляемой социумом системе норм и ценностей профессиональной и непрофессиональной деятельности.

Литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. М.: МГУ, 1980.
- Болдырев Н. Н.* Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 33–39.
- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3(044). С. 14–25.

Варламов А. Н. Все люди умеют плавать: сборник. М.: Астрель: АСТ, 2011.

Дюркгейм Э. Социология образования / пер. с фр. Т. Г. Астаховой; под ред. В. С. Собкина, В. Я. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996.

Ковалева А. И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 139–143.

Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.

Тард Г. Законы подражания. СПб., 1899.

Parsons T. The Social System. Glencoe, IL: The Free Press, 1951.

О. Н. Ковалева (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

AXIOLOGICAL PARAMETRES OF HUMAN SOCIALIZATION IN ALEXEY VARLAMOV'S PROSE

The article views the concept of socialization, spheres and stages of socialization. Based on the material of Alexey Varlamov's stories, the actual characteristics of society, the social norms and cultural values of professional and non-professional activity as a sphere of socialization are established.

Key words: socialization, axiological parameter, norm, value, activity, self-consciousness, literary text.

К. О. Косова, О. И. Александрова (Москва, Россия)
Российский Университет Дружбы Народов
kosova.ksenia.olegovna@gmail.com;
alexandrova-oi@rudn.ru

НОМИНАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ДИСКУРСЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются способы номинации учеников с ограниченными возможностями здоровья в научном дискурсе инклюзивного образования, связанном с организацией инклюзивного образования. В центре проблематики работы было отношение субъектов дискурса к ученикам с ограниченными возможностями здоровья в России и Франции.

Ключевые слова: дискурс, инклюзивное образование, ученики с ограниченными возможностями здоровья, номинация, метафора.

1. Введение. Согласно ЮНЕСКО, инклюзия – это процесс интеграции детей в общеобразовательный процесс независимо от их половой, этнической, религиозной принадлежности и других различий. Инклюзивное образование предполагает совместное обучение и доступность качественного образования для всех на основе создания образовательного пространства, соответствующего различным потребностям всех детей без ограничений. Целью нашего исследования был анализ стратегий взаимодействия субъектов и объектов, в первую очередь тип номинации участников образовательного процесса, в современном дискурсе инклюзивного образования в России и Франции. Актуальность работы определяется активным развитием инклюзивного образования в России после принятия Федерального Закона об образовании 2013 г., оживленной полемикой вокруг этого вопроса и необходимостью сравнить опыт становления российской инклюзивной практики с системой инклюзивного образования в других странах, в нашем случае – с инклюзивным образованием во Франции. Инклюзивное образование – это новое явление, и в российском образовании накоплено меньше опыта по его реализации по сравнению с французской системой образования. Также стоит отметить, что наш интерес к данной теме исследования был вызван личным активным взаимодействием с людьми с синдромом Дауна и их родителями в некоммерческой организации «Театр Простодушных», где актеры – это люди с синдромом Дауна и другими особенностями. В ходе исследовательских интервью было высказано мнение, что в России существует проблема отношения к людям с синдромом Дауна, к их образованию в частности и к инклюзивному образованию в целом.

2. Материалы и методы. В данной статье исследуется дискурсивное поле инклюзивного образования и стратегий взаимодействий в нем на основе корпуса, состоящего из 9 французских и 11 российских научных статей, посвященных организации инклюзивного образования. Материал исследования отбирался из научных журналов и сборников конференций, опубликованных на научных порталах cyberleninka.ru и scim.info. Принципом отбора материала для исследования стали дата публикации, с 2015 по 2021 гг., и наличие таких ключевых слов в аннотации, как *инклюзия*, *инклюзивное образование*, *обучение детей с ОВЗ* для российских статей и *éducation inclusive*, *inclusion*, *scolarisation des personnes handicapées*, *scolarisation en milieu ordinaire* – для французских. Методологическая база статьи представлена такими практическими методами, как сплошная выборка из корпуса номинаций детей с ОВ, структурно-семантический анализ и анализ преобладающего типа метафоры.

3. Дискурс инклюзивного образования. Понятие дискурса является достаточно широким и имеющим множество трактовок. Так, описывая дискурс, Е. С. Кубрякова говорит о том, что за ним можно увидеть особый фрагмент

ментального мира и восстановить его специфические особенности [Кубрякова 2000: 9]. Обращаясь к пониманию дискурса во французской традиции, упомянем Д. Мэнгено, который определяет дискурс как систему правил, управляющих производством неограниченного количества высказываний, в которых выражается идеологическая позиция, либо свойственная той или иной категории говорящих, либо отражающая определенную функцию языка [Maingueneau 1995: 113]. В нашем исследовании мы придерживаемся определения В.И. Тюпы, где дискурс понимается как 1) монотекстовое коммуникативное событие, которое обладает инвариантной жанровой структурой текстопорождения, 2) разножанровое интертекстуальное коммуникативное пространство, ограниченное регулятивными границами социокультурных практик [Тюпа 2011: 40]. Для нас актуально второе значение дискурса, предложенное Тюпой.

3.1. Определение дискурса инклюзивного образования. Одной из тем научного дискурса инклюзивного образования является отношение участников образовательного процесса к недугам и болезням детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ). Такая трактовка позволяет нам выделить субъекты и объекты характерные для дискурса инклюзивного образования, а также повествовательные стратегии, композиционные и стилистические приемы. В рамках данной статьи тематическая область дискурса инклюзивного образования ограничивается обсуждением вопроса о необходимости инклюзивного образования для учеников с ОВЗ и проблем, с которыми сталкиваются участники образовательного процесса.

3.2. Номинации целевой аудитории в дискурсе инклюзивного образования. Субъектами дискурса инклюзивного образования становятся участники обсуждения вопроса о необходимости инклюзивного образования и его проблем, а объектом обсуждения – ученики с ОВЗ и их родители.

Наше исследование показало, что французские научные статьи по данной проблематике опираются на анализ интервью с сотрудниками инклюзивных детских садов и яслей, сотрудниками инклюзивных классов общеобразовательных учреждений, учениками с ОВЗ и их родителями, будущими преподавателями, которые прошли практику в инклюзивных классах общеобразовательных школ. В то же время только один автор российского исследования опросил учителей, детей с ОВЗ и их родителей о современном устройстве инклюзивных классов общеобразовательных учреждений. В остальных российских статьях субъекты дискурса инклюзивного образования обезличены и представлены в виде данных в статистических таблицах. Таким образом, работы французских ученых вписываются в парадигму интерпретивизма, для которой характерно использование качественных методов исследования, а не только количественных, как это происходит в российских статьях. Так, метод интервью считается одним из самых продуктивных в исследова-

нии социально-психических феноменов, т. к. в таком случае люди активно включены в порождение смыслов [Москвичева 2018: 279].

Также стоит упомянуть, что российские исследования, если и используют метод интервью, то преимущественно ориентированы на опрос нормотипических здоровых детей, их родителей и учителей, не работающих в инклюзивных классах, что их отличает от французских научных статей.

И во французском, и в русском полях дискурса инклюзивного образования авторы используют устоявшиеся нейтральные термины для номинации учеников с ОВЗ: *enfants handicapés* [Thouroude 2017: 26], *élèves à besoins spécifiques* [Guirimand 2016: 48], *élèves en difficulté* [Kohout-Diaz 2017: 77] – для французского пространства; *дети с ограниченными возможностями здоровья* [Лубовский 2016: 79], *дети с инвалидностью* [Мухамадиярова 2015: 46], *ученики с особенностями развития* [Горайнова 2019: 561] – для российского пространства. Однако для французских авторов характерно использование метафоры с семантическим полем «ношения» инвалидности или «нахождения в ситуации» инвалидности, которые помогают разграничить ребенка и его инвалидность, не ассоциируя одно с другим: *enfants en situation de handicap* [Suau 2016: 155], *enfant présente une anomalie* [Thouroude 2011: 39], *enfant est porteur d'une différence* [Thouroude 2017: 26]. Также стоит отметить, что во французском пространстве дискурса инклюзивного образования для описания детей с ОВЗ используются эпитеты с семантическим полем хрупкости, уязвимости, зависимости: *personnes vulnérables* [Kohout-Diaz 2017: 83]. В российских исследованиях, в свою очередь, подобных эпитетов не наблюдается, а метафоры, которые используют авторы, не позволяют добиться такого же эффекта, как во французском дискурсе инклюзивного образования.

Общей является тенденция дистанцирования и выведения детей с ОВЗ за пределы коммуникативного пространства в акте коммуникации, для чего используются местоимения 3 лица. Учителя, чьи цитаты приведены во французских исследованиях, и обычные дети, чьи цитаты приведены в российских исследованиях стараются избежать любого описания ребенка с ОВЗ, делают его размытым и общим, что достигается использованием указательных местоимений для номинации детей с ОВЗ: *ces enfants-là* [Guirimand 2016: 54], *celui-la* [Suau 2016: 164], *один – другой* [Хуснутдинова 2017: 38]. Такой подход позволяет субъектам дискурса избежать сложностей номинации и дистанцироваться от темы, которая, возможно, кажется им непривычной, неудобной или страшной.

Отдельного упоминания стоит процесс номинации и описания родителей детей с инвалидностью во французском дискурсе инклюзивного образования. Так, во французских статьях метафора поля «родители детей с ОВЗ» – это метафора ведения сражения, борьбы, ранений: *la mère mène*

un véritable combat contre l'école [Thouroude 2011: 31], *ces parents se battent* [Galle 2017: 82].

Выводы. Авторы французских научных статей корпуса нашего исследования стремятся дать слово субъектам дискурса инклюзивного образования, собрать и процитировать их мнения по вопросам инклюзивного образования, в отличие от авторов российских исследований, которые чаще пользуются анкетированием, позволяющим собрать только статистические данные, а не конкретные мнения участников образовательного процесса. Так же российские работы опираются на опросы обычных детей, их родителей и учителей, которые не работают в инклюзивных учреждениях, поэтому, зачастую, вопрос о работе системы инклюзивного образования остается нераскрытым в российских академических статьях.

Во французских статьях корпуса нашего исследования используются метафоры по отношению к детям с ОВЗ и их родителям, что говорит о повышенном уровне эмотивной окрашенности высказываний, выражающих симпатию и сочувствие, по отношению к детям с ОВЗ и их родителям во Франции, чего в России не наблюдается.

Литература

Горайнова А. Р. «Место под солнцем»: уровни формирования школьной инклюзии // ЖИСП. 2019. № 4. С. 555–570.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / ред. кол.: Ромашко С. А., отв. ред. и др. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–13.

Лубовский В. И. Инклюзия – тупиковый путь для обучения детей с ограниченными возможностями // Журнал: Специальное образование. 2016. № 4. С. 77–87.

Москвичева С. А., Сафина Л. М. Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2018. Т. XIV. Ч. 3. С. 275–299.

Мухамадиярова Г. Ф., Усманова С. Г. Инклюзивное образование: содержание и практика // МНКО. 2015. № 1 (50). С. 45–47.

Тюпа В. И. Жанр и дискурс Тюпа // Журнал: Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.

Хуснутдинова М. Р. Риски инклюзивного образования // Журнал: Образование и наука. 2017. № 3. С. 26–46.

Galle P. Ce que disent des collégiens sourds ou malentendants et leurs parents sur le déroulement de la scolarité // Spirale – Revue de recherches en éducation. 2017. P. 79–91.

Guirimand N., Mazereau P. Inclusion scolaire et professionnalités enseignantes entre attentes et contradictions // Carrefours de l'éducation. 2016. № 42. P. 47–60.

Kohout-Diaz M. Incertitudes de l'éducation inclusive. Obstacles ou moteurs pour la formation des enseignants? // Revue de recherches en éducation. 2017. № 2. P. 71–87.

Suau G., Assude T. Pratiques inclusives en milieu ordinaire: accessibilité didactique et régulations // Carrefours de l'éducation. 2016. № 2. P. 155–169.

Thouroude L. Les conditions du lien d'identification mère-enseignante dans les situations de handicap de l'enfant // Carrefours de l'éducation. 2017. № 1. P. 26–41.

K. O. Kosova, O. I. Aleksandrova (Moscow, Russia)
People's Friendship University of Russia

NOMINATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE DISCOURSE OF INCLUSIVE EDUCATION IN RUSSIA AND FRANCE

The article examines the ways of nominating children with disabilities in the discourse of inclusive education based on scientific articles devoted to the organization of inclusive education. In the article the attitude of the subjects of discourse to students with disabilities in Russia and France is identified.

Key words: discourse, inclusive education, students with disabilities, nomination, metaphor.

M. A. Курочкина (Челябинск, Россия)
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
kma1974@yandex.ru*

С. Л. Кушнерук (Челябинск, Россия)
*Челябинский государственный университет
Svetlana_kush@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МАРКЕРЫ ПОТЕРИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Статья рассматривает лингвистические маркеры отражения трансформации личности в эпоху социальных сетей в художественном дискурсе британского автора Эммы Ансуорт, которая умело подбирает лексику с семантикой театральности, зависимости от общественного мнения, гаджетов. Синтаксические конструкции также создают определенный когнитивный фон.

Ключевые слова: когнитивная социолингвистика, когнитивные маркеры, лексико-семантическое поле, аллюзия, языковая личность.

Представленная работа находится в русле когнитивной социолингвистики. Согласно У. Лабову, лингвистические проблемы напрямую связаны с анализом социального поведения [Labov 2006: 3]. В нашем случае специфика употребления языка определяется влиянием научно-технического прогресса.

Мы согласны с мнением О. К. Ирисхановой о том, что лингвистическая когнитология ориентирована на анализ социокультурной проблематики: социальное варьирование общения, социальная категоризация мира, связь языка и культуры, языка и идеологии [Ирисханова 2014]. Этот круг проблем находит свое отражение в работах отечественных и зарубежных лингвистов, таких как Т. ван Дейк [Dijk Van 2008], М. Тернер [Turner 2001], П. Чилтон [Chilton 2013], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2008], Н. Н. Болдырев [Болдырев 2002], В. И. Карасик [Карасик 2004]. Понятия и методы социолингвистики изложены в работах В. И. Беликова и Л. П. Крысина [Беликов, Крысин 2001], В. Холмана [Hollmann 2017], В. М. Алпатов [Алпатов 2020].

Исследование выполнено на основе романа современной британской писательницы Эммы Ансуорт «Взрослые» [Unsworth 2020].

Цель исследования: установить влияние новых технологий общения (социальных сетей) на культурную, психологическую и языковую трансформацию личности через выявление лингвокогнитивных маркеров этих процессов.

В ходе анализа текста романа нами были выявлены следующие показатели.

1. Создание параллельной искусственной, контролируемой реальности, имитирующей реальный мир, но с другими ценностями: e. g. *I have applied the Clarendon filter to accentuate the photo's ridges and depths, making the light bits lighter and the darker bits darker. I added a white frame for art. The picture looks – as much as pastry can – transcendental. / Because she just started following me back (two days ago! I've been following her for years), so it feels as though we are now connected.* Лингвокогнитивными маркерами создания искусственной реальности выступают лексические единицы семантического поля ТЕАТР, СОЗДАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: e. g. *filters, choose from 6 options, it feels as though, looks like, stage, art, puppetmaster.* Здесь важен образ безупречности: e. g. *This morning, Suzy Brambles has been kicking up leaves in Dulwich. She is such a playful thing! I have watched the video five times already. Suzy Brambles only posts in black and white. This is because she has real integrity. Each time I watch it, I find something new to admire in her choice of composition, angle and filter.*

2. Зависимость от мнения других: e. g. *It's so important to get all this right. I want people to know instantly, at a glance, that this post is about pastries*

*in their purest form. This is Platonic Pastry. / Exclamation marks are the people-pleaser's punctuation of choice. It makes us seem eager and pliable. / Sometimes you just need a second opinion, you know? What are friends for? / If you put something on social media and no one likes it, do you even exist? / I used to do things for their own sake, but now grammability is a defining factor. Лингвокогнитивными маркерами желания угодить другим выступают такие глаголы, как *comment, like, impress, say, seem*, и существительные сходной семантики: *people-pleaser's, grammability, comments, likes, opinion, added value*.*

3. Стремление быть как кто-то, примерять чужие роли, сравнивать себя с другими: e. g. *You said that we 'grew up together' in a post the other day. We were 22 when we met. It made a better story! Anyway we almost did, in that we both grew up in the North! WTF Charlie Chaplin once lost a Charlie Chaplin lookalike competition. DOUBLE WTF Well we inevitably put a filter on ourselves, don't we? Even as honest people moving through society. Stop intellectualising your problem. Life is not a lookalike competition. На лингвистическом уровне это проявляется в использовании аллюзий на известных личностей, их внешность и поведение.*

4. Преобладание визуальной информации в виде картинок и фотографий над текстовой, эмоции выше рационального: e. g. *I stare at my phone. I am happy enough with the photo. PASTRIES, WOO! # PASTRIES Is this the absolute best depiction of my present experience? I cross out the WOO, and the comma.* Маркерами данного процесса выступают лексические единицы семантического поля чувства и эмоции: *favourite, happy, charming* etc.

5. Потеря здравого смысла и коммуникативной ценности общения: e. g. *I am creating a social media post about a croissant that I am pretty sure will define me as a human. / Ugh, this woman with the self-care haikus is awful. Her podcast is no. 2 in the charts. I should do a podcast. But what would my podcast be about? Maybe politics. Maybe politics for people who know nothing about politics. Like me. I am A WOMAN OF THE PEOPLE. I just need to find the time.* Мы наблюдаем семантическое рассогласование между обыденностью тематики и той важностью, которую она получает, являясь средством привлечения внимания.

6. Потеря чувства времени и чувства реальности, выпадание из контекста реального мира и событий: e. g. *I look at the time. It is almost 11 a. m. How did that – / 'Even when you're here it's like you're not here. It's like half your head is somewhere else.' / 'I feel as though this constant interfacing has become a wall between us.' / He said: 'It's like I can't get to you when you're there. Your eyes are all wide and you're plugged in like a happy little robot.' Данный маркер актуализируется наречиями отдаления.*

7. Мнительность, гиперчувствительность, повышенное внимание к мелочам, придирчивость: e. g. *Full stop or no full stop? A full stop always looks decisive and commanding, but it can also look more cool and casual if you just leave the sentence hanging there, like, Oh I'm so busy in my dazzling life I don't even have time to punctuate. The squalid truth is I over-punctuate when I'm stressed/excited.*

8. Неуверенность, сомнения: e. g. *In a way, it's perfect. Factual. But I'm still not 100 per cent. I recall something Suzy Brambles once said in her 'Incontrovertible Gram Tips'. She said: 'Go with your first draft.' Change the words back to: PASTRIES, WOO! #PASTRIES. Right. I feel almost ready to go on this. As a final check, I text Kelly. Kelly is my oldest friend and most trusted social media editor. Pls will you check one thing for me before I post. No no I said no more of this. Please. No, you're driving me mad with this daily bombardment.* Важная роль повторов.

9. Зависимость от общения в социальных сетях: e. g. *'That thing is the first thing you look at in the morning and the last thing you look at night.'* / *I used to do things for their own sake, but now grammability is a defining factor. / It's a commitment, liking comments. / Really it's best not to start, plus it looks less obsessive, less like you're monitoring things. / The first post that ensnared me.* Этот маркер представлен семантическим полем ПРИСТРАСТИЕ.

10. Повышенный интеллектуализм, желание все анализировать и объяснять: e. g. *I interrogate myself. That's what the mid-thirties should be about, after all: constant self-interrogation. Acquiring the courage to change what you can, and the therapist to accept what you can't. What is it I really want to say about pastries? How do pastries truly make me feel? Why is it important right now that I share this?*

11. Стремление все контролировать, особенно проявления чувств и эмоций: e. g. *The truth is, I like every fifth or sixth thing Mia posts – not always because I like them, but to sort of say hi and remind her of my existence. I don't want to look rabid. I thought I was managing my affection well. Evidently not.* В выражении *manage affection* наблюдаем нарушение сочетаемости слов, когда слово из сферы бизнеса объединяется во фразу со словом из области чувств.

Выполненное исследование показало прямую связь между языковой и социальной компетенциями. Под влиянием общения в социальных сетях у личности вырабатывается стремление соответствовать ожиданиям общества как в социальном, так и в языковом поведении. В этой связи развивается постоянная неуверенность, навязчивые вопросы, стремление все анализировать, язык общения в социальных сетях упрощается в поль-

зу визуальных образов и слов с семантикой эмоций и чувств. В итоге человек теряет связь с реальностью, рушится эмоциональный контакт с реальными людьми, теряется смысл общения, и оно превращается в социальную функцию. На лингвистическом уровне маркерами потери идентичности личности выступают лексика семантических полей ТЕАТР, СОЗДАНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОДОБРЕНИЕ, ВЫРАЖЕНИЕ МНЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ, ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ. Широкое использование аллюзий указывает на стремление личности выполнять уже известную роль. Семантическое рассогласование текста и повышенная детализированность указывают на потерю смысла жизни и общения. Синтаксический уровень содержит множество вопросительных и восклицательных предложений, что говорит о чрезмерном интеллектуализме, с одной стороны, и повышенной эмоциональности, с другой.

Литература

- Алпатов В. М.* Социолингвистика и другие лингвистические дисциплины // Социолингвистика. 2020. № 1. С. 9–16.
- Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
- Болдырев Н. Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Виноградов. М.; Воронеж: Ин-т языкознания РАН; Воронежский государственный ун-т, 2002. С. 103–114.
- Ирисханова О. К.* Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4 (041). С. 5–17.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: URSS, 2004.
- Кубрякова Е. С.* К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2. С. 5–11.
- Chilton P.* Cognitive linguistics // Oxford Handbook of Social Cognition / ed. by W. Brekhus. Oxford University Press, 2013.
- Dijk T. van* Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press, 2008.
- Hollmann W.* Cognitive Sociolinguistics // The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by B. Dancygier. Cambridge University Press, 2017.
- Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Religion, language and the human mind / ed. by Chilton P., Kopytowska M. Oxford University Press, 2018.
- Turner M.* Cognitive dimensions of social science: The way we think about politics, economics, law and society. Oxford University Press, 2001.
- Unsworth E.* Adults. London: Harper Collins Publishers, 2020.

M. A. Kurochkina (*Chelyabinsk, Russia*)
South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University

S. L. Kushneruk (*Chelyabinsk, Russia*)
Chelyabinsk State University

LINGUOCOGNITIVE MARKERS OF THE LOSS OF PERSONAL IDENTITY IN THE ERA OF SOCIAL NETWORKS

The article examines linguistic markers that reflect personality transformation in the era of social networks in the artistic discourse of the British author Emma Unsworth, who skillfully selects vocabulary with the semantics of theatricality, dependence on public opinion and gadgets. Syntactic constructions also contribute to a certain cognitive background.

Key words: cognitive sociolinguistics, cognitive markers, lexicosemantic field, allusion, linguistic personality.

О. П. Малышева, Н. А. Рябченко
(*Краснодар, Россия*)
Кубанский государственный университет
malysheva_op@mail.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ДЕКОНСТРУИРОВАНИЕ МНЕНИЙ В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В докладе описывается авторская методология конструирования и деконструирования мнений, основанная на моделировании и комплексном анализе дискурсивных полей. Выявление триггерных объектов, обуславливающих повышенную активность в дискурсивном поле, позволяет выстраивать стратегию дискурсивного управления мнениями в онлайн-пространстве.

Ключевые слова: сетевые лингвистические данные, дискурсивное поле, сетевой анализ, социальный граф, укладка Network Splitter 3D, автоматическая обработка текста, лингвопрагматический паттерн социального действия.

Глобальные кризисы показали, что только своевременный анализ социально-политической повестки дня и эффективное реагирование на деструктивные социальные тенденции может давать положительные результаты и обеспечивать стабильность социально-политической системы.

Интернет-пространство – глобальная площадка формирования мнений и накопления социально-политического капитала, объективированного в виде креализованного социально-политического контента. Исследования показывают [Paiaetal. 2020; Baum, Potter 2019], что потребление и воспроизводство подобного контента приводит к сплочению граждан и формированию социального действия за счет выработки единого мнения и распространения в онлайн-пространстве – внутри сетевого сообщества, сообществ платформы и кроссплатформенно – определенных общественных настроений.

Потребляемый и воспроизводимый пользователями сетевых сообществ креализованный социально-политический контент, обладающий достаточным набором когнитивно-прагматических характеристик, детерминирует поведение пользователей онлайн-пространства – участников дискурсивного взаимодействия [Мальшева, Рябченко 2020]. Дискурсивное взаимодействие участников сетевых сообществ формирует асинхронные мультимодальные дискурсивные поля, при этом синхронизация дискурсивного поведения группы, проявляющаяся в индуктивности мышления и конформизме, приводит к появлению информационных каскадов [Zhang et al. 2020] и повышает вероятность распространения фейковых новостей и дезинформации. Подобное явление объясняется тем, что асинхронные мультимодальные дискурсивные поля обладают собственным интеллектуальным потоком и способны влиять на формирование и воспроизводство дискурсивного взаимодействия [Ильин 2007; Некрасов 2014] посредством формирования устойчивого лингвопрагматического паттерна социального действия, который имеет как конструктивный, так и деструктивный потенциал трансформации социально-политических систем [Катермина и др. 2021]. Лингвопрагматический паттерн определяется нами как многомерный социо-психокогнитивный конструкт с высоким прагматическим потенциалом, формирующийся в сознании индивида в результате потребления определенного триггерного объекта, которым могут являться лингвосемиотические единицы разных уровней, способный вызывать социальное действие конструктивного или деструктивного потенциала. Перлокутивный эффект потребления лингвопрагматических паттернов заключается в формировании устойчивых когнитивно-поведенческих моделей, определяющих дальнейшие решения индивида [Гужавина 2020].

Исследования подтверждают [Tam et al. 2021], что правильно организованная коммуникационная стратегия, предполагающая свободный доступ к адекватной информации и знаниями о значимом явлении социально-политической жизни препятствует распространению панических настроений и дезинформации, позволяет снижать уровень тревожности у населения

и формировать конструктивные когнитивно-поведенческие модели, обеспечивая стабильность социально-политической системы.

В свою очередь эффективная коммуникативная стратегия, основанная на конструировании и деконструировании мнений, позволяет трансформировать вектор социального действия за счет дискурсивного управления.

Конструирование и деконструирование мнений пользователей в онлайн-пространстве определяется нами, с одной стороны, как направленное моделирование многоуровневой семантической карты существующих мнений, с другой – разработка стратегии по формированию альтернативного мнения, усилению конструктивных и нивелированию негативных социальных практик через дискурсивное управление мнениями.

Конструирование и деконструирование мнений пользователей подразумевает сбор, структурирование и визуализацию сетевых лингвистических данных как направленного или ненаправленного социального графа с целью выявления областей аномальной дискурсивной активности (кластеров, хабов, лидеров мнений) и детального анализа триггерных объектов.

Исследования, применяющие классические аналитические методы, включающие статистический анализ, экспериментальный или интегрально-экспертный метод [Кузнецова 2021], основаны на обработке конечного количества субъективированных данных и нацелены на разработку контрольного списка лингвистических маркеров, позволяющих фиксировать наличие или отсутствие «угроз» в массиве текстовых данных.

Однако анализ лингвистических данных, функционирующих в формате больших данных, основанный на конечном списке индикаторов, невозможен ввиду подвижности экосистемы дискурсивного поля особенно в период социальной турбулентности. Экстралингвистические факторы и произвольно возникающие элементы, не учтенные при разработке такого списка, делают результаты анализа, проведенного таким методом, непоказательными/ необоснованными и дают искаженное представление о тенденции.

Современные реалии и функционирование общества в контексте больших данных предполагает многоформатность данных и многомерность их анализа.

Эффективным способом, позволяющим проводить качественный и количественный анализ крупных массивов лингвистических данных, является метод графовой визуализации многослойной модели дискурсивного поля, которая включает «Сеть сообщений» или «Сеть комментариев», «Сеть частотных слов» или «Сеть частотных сочетаний», «Сеть хештегов», а также «Сеть пользователей». Остановимся на способах визуализации «Сети частотных слов (сочетаний)» и «Сети хештегов».

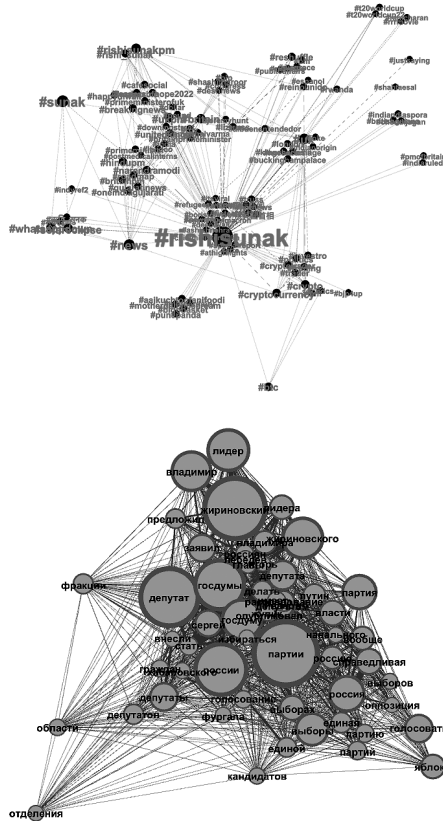

Рис. 1. Пример ненаправленного графа.
 Визуализация слоя «Сеть хештегов» и «Сеть частотных слов»

Одним из способов визуализации может быть ненаправленный социальный граф (см. рис. 1). За счет пространственной визуализации элементов граф позволяет оценить тематическую близость изображаемых объектов (например, степень отдаленности узлов, диаметрально противоположное расположение в пространстве), степень значимости в дискурсивном поле (диаметр узла), а также установить наличие взаимосвязи с другими объектами.

Визуализация лингвистических данных посредством направленного графа (см. рис. 2), демонстрирующего направление влияния объектов друг на друга, позволяет, помимо выявления доминирующих тематик, оценить характер пре-

пользователя и раскрывают механизмы, детерминирующие интерпретацию действительности пользователями дискурсивного поля. Z-слой используются в процедурах ранжирования для отражения значимости слоя с точки зрения его прагматического потенциала.

Заключение

Моделирование дискурсивных полей с помощью графового метода является эффективным средством выявления релевантных областей дискурсивной активности, анализ которых позволяет определять социально-значимые социально-политические тенденции, когнитивные механизмы концептуализации действительности и лингвистические триггеры инициации социального действия.

Литература

Гужавина Т. А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 13(1). С. 191–203.

Ильин В. И. Потребление как дискурс // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 10. С. 3–26.

Катермина В. В., Рябченко Н. А., Малышева О. П., Гнедаш А. А. Вестник российского фонда фундаментальных исследований. гуманитарные и общественные науки // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. гуманитарные и общественные науки учредители: российский фонд фундаментальных исследований. 2021. № 4. С. 87–100.

Кузнецова И. В. Методики оценки эффективности применения цифровых технологий в системе государственного управления // Новые технологии. 2021. № 17(2). С. 93–100.

Малышева О. П., Рябченко Н. А. Рекуррентные сообщения как способ формирования социокогнитивных установок пользователей online-пространства // Вызовы и тренды мировой лингвистики: труды и материалы. Т. 2. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021. С. 75–78.

Некрасов С. Ф. Воспроизводство общественного мнения как социально-политический процесс // Фундаментальные исследования. 2014. № 5(4). С. 881–884.

Рябченко Н. А., Малышева О. П. Кросс-региональный анализ настроений пользователей сетевых сообществ ВКонтакте «Типичный Краснодар» и «Типичный Кемерово» // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. № 4. С. 215–220.

Baum M. A., Potter P. B. Media, public opinion, and foreign policy in the age of social media // The Journal of Politics. 2019. № 81(2). P. 747–756.

Pai S., Bagri V., Butala S., Bide P. Survey of sentiment analysis of political content on twitter // Innovation in Electrical Power Engineering, Communication, and Computing Technology: Proceedings of IEPCCCT 2019. Singapore: Springer Singapore. 2019. P. 169–180.

Tam L. T., Ho H. X., Nguyen D. P., Elias A., Le A. N. H. Receptivity of governmental communication and its effectiveness during COVID-19 pandemic emergency in Vietnam:

A qualitative study // *Global Journal of Flexible Systems Management* 22.1. 2021. P. 45–64.

Zhang L., Manman L., Boncella R.J. Product information diffusion in a social network // *Electronic Commerce Research* 20. 2020. P. 3–19.

Sela A., Milo O., Kagan E., Ben-Gal I. Improving information spread by spreading groups // *Online Information Review*. 2020. № 44(1). P. 24–42.

Ramos E. Network Splitter 3D. Update plugins to 0.9.2. URL: <https://gitlab.fhnw.ch/marco.romanutti/gephi-plugins/-/tree/2be72d1f41d82bf0001166be40a9d41272f1ee1f/modules/NetworkSplitter3D>.

O. P. Malysheva, N. A. Ryabchenko
(Krasnodar, Russia)
Kuban State University

CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION OF OPINIONS IN THE ONLINE SPACE: NEW METHODS OF COGNITIVE SOCIOLINGUISTICS

The report describes the author's methodology for constructing and deconstructing opinions, based on modeling and comprehensive analysis of discursive fields. Identification of trigger objects that cause abnormal activity in the discursive field makes it possible to build a strategy for discursive management of opinions in the online space.

Key words: network linguistic data, discursive field, network analysis, social graph, Network Splitter 3D layout, automatic text processing, linguo-pragmatic pattern of social action.

Н. В. Мамонова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
nat2.mv@gmail.com

КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНАЯ МАТРИЦА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной статье исследуется феномен перестройки языкового сознания под действием медиадискурса. Обсуждается термин культурно-ценностная матрица. Особое внимание уделяется влиянию глобальных культурно-ценностных установок на национальную культурно-ценностную матрицу и ее роли в формировании глобального языкового сознания.

Ключевые слова: языковое сознание, медиадискурс, глобализация, концепт, культурно-ценностная матрица, СМИ.

Глобализация в совокупности с технологическим прогрессом сделала доступным передвижение, непосредственно физическое и опосредованное технологическое. В дискурсивных практиках информационные технологии стали применяться «одним обществом, чтобы изменить другое», как своего рода «тип агрессии, который мы применяем к своей молодежи и называем “образованием”», где молодые люди просто заключаются в модели, которые считаются «удобными для себя и согласующимися с доступными технологиями» [Маклюэн, Фиоре 2012: 170]. С помощью технологии транслирования определенного типа информации можно сделать многое: изменить ценностные ориентиры, правила поведения, концептуальную матрицу языкового сознания.

В своих исследованиях Н. Н. Болдырев указывает на структурированность языкового сознания: «формирование когнитивных доминант и ориентиров как определенных точек отсчета (когнитивных точек референции) при восприятии и осмыслении информации обусловлено унификацией форматов ее репрезентации, в том числе языковых форматов» [Болдырев 2014, 2015; Болдырев 2016: 47]. Формирование когнитивных доминант и ориентиров практикуется именно в медиадискурсе, как в информационном поле, доступ к которому имеют миллиарды реципиентов.

Перестройка языкового сознания под действием медиадискурса позволяет корректировать массовое сознание и мировоззрение при помощи информационных и медийных технологий. Размывание институциональности, при невероятном обилии информационных потоков коммуникативное «сжатие мира», «нивелирование различий устной и письменной речи», «вульгаризация» особенно ясно представлены в современных медиа [Желтухина 2016; Карасик, Слышкин 2021: 23].

В работе К. В. Воденко, Д. Л. Овчаренко, Е. В. Стукаловой используется термин *ценностно-культурная матрица*, под культурно-бытовой составляющей которой понимаются «общепринятые традиции поведения, этики, морали, семейных и деловых взаимоотношений, воспитания, бытовые и национально-культурные особенности» и «праздничные традиции общества» [Воденко, Овчаренко, Стукалова 2017: 81]. Ценно-культурная матрица имеет территориальную привязку, по мнению исследователей, и представляет собой аксиологическую основу «общепринятой традиции существования конкретного социума в конкретный период времени в конкретном регионе» [Воденко, Овчаренко, Стукалова 2017: 81]. Однако с развитием технологий территориальный фактор все меньше имеет значение.

Как отмечает Т. Ю. Сидорина, «определяя горизонты технократии «духовные и жизненные ценности технологической цивилизации включают в себя понимание человека как деятельного существа, противостоящего миру и призванного преобразовывать и подчинять его своей власти; понимание деятельности как инновационного процесса; отношение к природе как внешней

упорядоченной среде, предназначение которой – служить материалом и ресурсами для человеческой деятельности» [Сидорина 2002: 175]. В XXI в. получили развитие процессы «рестратификации в мировом масштабе, в ходе которого формируется новая социокультурная иерархия, всемирная общественная лестница» [Бауман 2004: 100]. Другими словами, обновленная культурно-ценностная матрица способствует стремительному развитию технологических обществ, что, в свою очередь, вызывает цепную реакцию, выразившуюся в перегруппировке лиц, обладающих привилегиями и находящихся в состоянии депривации.

Опыт решения подобных социальных проблем нашел свое отражение в теории «плавильного котла» (США). Нескончаемый поток иммигрантов из всех уголков мира принес в американскую жизнь разные языки и традиции. Теория «плавильного котла» должна была придать «определенную степень единообразия и приверженность общим ценностям», где важная роль отводилась государственным школам, благодаря которым «английский сделался общим языком» [Фридман 2006: 121]. На смену идеи «плавильного котла» пришла идея западного мультикультурализма. В первом случае целью стратегии было формирование единой американской идентичности, однако сильно выраженная этническая доминанта в самовосприятии носителей англо-протестантской культуры не позволила решить задачу рождения единой американской нации. Во втором случае эту же задачу попытались решить при помощи концепции «миски с салатом» (*salad pot*), где каждый остается со своим языком и культурными ценностями в равной позиции с другими. Попытка перемешать порой несовместимые ценности претерпела неудачу. Западный мультикультурализм считается ложной идеологией, «которая подавляет духовное начало нации с целью создания новой наднациональной модели социума, где место определенного мировоззрения и ценностных ориентиров занимает культурный нейтралитет» [Мартин-Иогансон 2021: 90].

Глобализация языкового сознания, смешение ценностных ориентиров и культурный нейтралитет приводит к упрощению жизни: «примитивизируется экономика, политика, культура, вообще духовное творчество представляются не как сложный, ответственный и кропотливый труд, а как нечто такое, чем все могут заниматься» [Гобозов 2015: 14]. По мнению Э. Мартина-Иогансона, «такой социум обречен стать примитивным обществом потребителей, которых уже не объединяет никакая национальная идея, никакие культурные ценности, потому что принцип относительности уничтожает критерии ценности и красоты» [Мартин-Иогансон 2021: 90]. И. А. Гобозов также отмечает, что «трагедия нынешнего общества заключается в том, что <...> оно не хочет рефлексировать над смыслом жизни, над собственным бытием и бытием окружающей природной и социальной действительности» [Гобозов 2015: 14].

Анализируя кризис ценностных ориентаций, П. С. Гуревич делает вывод, что «процесс смены ценностей, как правило, длителен» и изменения начи-

наются «глубинных недрах жизни» [Гуревич 2008: 144, 137]. Мозаичность медиадискурса и доступность современных технологий в разы ускоряют процессы, ранее длившиеся десятилетиями или столетиями. За одно поколение стало возможным изменить ценностную парадигму и перекодировать языковое сознание целых социальных групп, наций. Находясь в зоне турбулентности и информационной нестабильности, человек находится в постоянном поиске новых нравственных ориентиров, которые смогут обеспечить некое социальное равновесие. Отказ от своей «национальной культурно-ценностной матрицы и принятие англоязычных ориентиров ведет к формированию глобального языкового сознания, обедняет национальное языковое сознание и может привести, в конечном счете, к его ликвидации» [Мамонова 2021: 307].

Глобализация «проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов» [Бек 2004: 71]. Традиции и обычаи приобретают новое глобальное / глокальное звучание или исчезают в небытии. Глобальная сеть продуцирует новую глобальную реальность и видоизменяет языковое сознание каждого пользователя глобальной сети, формирует новые смысловые структуры, новые алгоритмы поведения людей. Один и тот же смысловой конструкт может быть интерпретирован в разных, порой противоположных ракурсах представления информации.

Глобальная сеть способствует фрагментированности мира в целом и фрагментированности языкового сознания в частности. З. Бауман называет нарождающееся глобальное общество «индивидуализированным» [Бауман 2004: 57]. Фрагментированность языкового сознания позволяет легче принимать установки, транслируемые в глобальной сети Интернет. Большой объем информации и его разрозненность, наряду с высокой скоростью обмена данными, формируют недостаточное развитие критического мышления у большей части пользователей глобальной сети.

Таким образом, под термином *культурно-ценностная матрица* мы понимаем систему культурно-ценностных концептов, доминирующих в языковом сознании исследуемого сообщества, и необходимых для создания эффективных алгоритмов решения тех или иных общественно значимых задач. При помощи *культурно-ценностной матрицы* реализуется оценочная категоризация в языковом сознании новых членов общества (например, мигрантов или любых других), как правило, через медиадискурс.

Литература

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

Бек У. Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста / составитель А. Ю. Ашкерв. М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПФ «Ермак», 2004.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5–12.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 118–122.

Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35–48.

Воденко К. В., Овчаренко Д. Л., Стукалова Е. В. Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 78–86.

Гобозов И. А. Постмодернизм – эпоха медиократов // Вопросы философии. 2015. Т. 9. № 12. С. 41–53.

Гуревич П. С. Кризис ценностных ориентаций // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5–6(44–45). С. 135–149.

Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. Т. 14. № 3–4. С. 292–296.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 14–31.

Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / пер. с англ. И. Летберга. М.: АСТ: Астрель, 2012.

Мамонова Н. В. Англицизмы в молодежном медиадискурсе Челябинской области // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 304–307.

Мартин-Йогансон Э. Западный мультикультурализм. Провальная идеология «правильного котла» // Свободная мысль. 2021. № 4(1688). С. 79–92.

Сидорина Т. Ю. Парадоксы кризисного сознания. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2002.

Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2006.

N. V. Mamonova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

CULTURAL–VALUE MATRIX AS A TOOL FOR THE FORMATION OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE MEDIA DISCOURSE

This article examines the phenomenon of the restructuring of linguistic consciousness under the influence of media discourse. The term cultural-value semantic matrix is discussed. Special attention is paid to the influence of global cultural and value attitudes on the national cultural and value semantic matrix and its role in the formation of global linguistic consciousness.

Key words: linguistic consciousness, media discourse, globalization, concept, cultural and value semantic matrix, mass media.

*Д. М. Миронова (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
mir-lina@yandex.ru*

**«МОЙ ЯЗЫК В СЛАДКИХ ТОНАХ И ТОНКОСТЯХ»:
ЯЗЫКОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ ИСПАНИИ
В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОГНИЦИИ
ПОЭТОВ ЗОЛОТОГО ВЕКА**

В статье на примере концептов LENGUA LATINA и LENGUA CASTELLANA исследуются способы вторичной поэтической интерпретации феномена «естественный язык» в период испанского Возрождения. Выделяются концептуальные признаки, входящие в авторскую перспективу, устанавливаются когнитивные и языковые механизмы вторичного осмысления каждого признака, выявляется их репрезентативность.

Ключевые слова: вторичная концептуализация, испанское Возрождение, когнитивные механизмы, концепт *lengua latina*, концепт *lengua castellana*, поэзия Золотого века, поэтический дискурс, языковые механизмы.

Моделирование языковой когниции в опоре на ключевые концепты и категории остается одной из характерных черт когнитивных исследований в лингвистике. Задача максимально полного постижения ЯКМ в контексте истории общества (как и самой истории общества через «менталитет» эпохи) дает основание считать привлекательными для исследования и такие концепты, которые на определенном этапе жизни языкового коллектива передают доминанты его идеологии, определяют культурозначимые векторы его поведения и развития. Моделирование этих единиц имеет выход в сферу социокультурных параметров и, таким образом, представляет ценность не только для синхронической, но и для диахронической концептологии.

В свете вышесказанного предметом изучения в данной статье мы избрали способы концептуализации языковой реальности, как они представлены в испанской поэзии эпохи Возрождения XVI–XVII вв. (*El Renacimiento*, *El Siglo de Oro* («Золотой век»)), включая анонимных авторов. Учитывая прагматическую специфику нашего объекта, а именно отображение в нем итогов субъективно-образного миромоделирования, специальное внимание в работе мы уделяли фактам вторичной языковой интерпретации историко-лингвистических реалий.

Наряду с известной общечеловеческой значимостью концепта *LENGUAJE NATURAL*, в рассматриваемый период становления Испании он приобретает особую роль, являясь частью идеологической компоненты, характерной для Испанского Ренессанса. Данная компонента определяется

комплексом лингвистически релевантных внешних факторов, сопровождающих переход к национальному периоду истории испанского языка. Отметим такие из них, как 1) активизация Реконксты, 2) победа тенденций к политической централизации, 3) усилившееся осознание единства на христианской и языковой почве; 4) открытие экономически перспективных земель в Америке, 5) овладение частью итальянской территории и, как следствие, близкое знакомство с ее культурой [Шишмарёв 1941]. Все это привело к росту национального самосознания испанских граждан, поддержало курс на укрепление культурно-политического единства нации, на утверждение национальной идентичности и собственной, испанской, разновидности романсе, которая начиная с XIV в. уже активно использовалась в деловых документах [Там же]. Из этого исторического фона выводимы конкретные социокультурные доминанты как та система координат, относительно которой выстраивается когнитивная перспектива поэтической интерпретации концепта LENGUAJE NATURAL на супер- или субординатном уровнях.

Как показал анализ материала, извлеченного из исторического корпуса “Corpus del Diccionario histórico de la lengua española” (CDH), среди субконцептов наиболее часто художественной рефлексии подвергаются концепты LENGUA LATINA и LENGUA CASTELLANA. В случае первого из них языковой концептуализации подвергаются статусные знания о латинском языке (~18% общей выборки), которые передаются характеристиками ‘проводник в античное наследие предков’ (~41%), ‘средство приобщения к высокой культуре’ (~32% частной выборки), ‘язык богослужения и сопричастности Богу’ (~20%), ‘залог единства нации’ (~7%). В XVI–XVII вв. указанные признаки концепта LENGUA LATINA соответствуют актуальным доминантам картины мира испанцев, наиболее тесно связанным, как представляется, с факторами 1, 3 и 5. На основе этих признаков конструируется ракурс художественной перспективы в осмыслении социокультурной значимости латинского языка. Интерпретация первых двух характеристик складывается на основе когнитивных механизмов профилирования признаков и прототипов, сравнения, концептуальной интеграции (особенно в сфере онтологической и ориентационной метафоризации), отрицания, а также выбора временной и эмпатической точек обзора [Петрова 2017]. Актуализация ее итогов в поэтическом тексте достигается благодаря языковым механизмам номинации, метафоризации (~29%) (*l’alta gloria de la latina lengua, alcance mi cítara latina, la lengua latina (fundamento / de todas quantas ciencias... y grados)*, *Honrays la latinidad / por arte tan soberana, Deja el latinizar, que ya no vive...*), развернутого сравнения (~17%) (*gran humanista... tiene por más suya / la lengua latina, / que los alemanes / la persa o la egipcia*), оценки (~47%), прямой и косвенной (этической): *padre... de la latina / lengua el rostro, que el tiempo reverencia; la lengua latina... / enseñan siempre con piadoso intento; / que bayan*

en virtudes mejorados / sus discípulos...; интеллектуальной: *diestro canto de Marón y Ovidio, / como alcance mi cítara latina...*; Y aspiración tuvieron *divina, / pues fueron principio de toda prudencia, / porque... Nicostrata [hallara] la lengua latina*, отрицания (*Deja el latinizar, que ya no vive; jamás invidio / el diestro canto de Marón y Ovidio*), актуализации прецедентных ситуаций / имен в реминисценциях (~26%) (*el diestro canto de Marón y Ovidio; Fueron principio de toda prudencia, / porque Minerva hallara la ciencia / y Nicostrata la lengua latina//*) и перифраз (~11%) (*padre de la latina lengua*). Интерпретирующие смыслы, сконцентрированные на связи латинского языка с античностью, обнаружались преимущественно у представителей реализма и барокко в текстах начала XVII в., тогда как его отношение к образовой культуре, видимо, под влиянием итальянских традиций той поры, чаще представлено в творчестве выдающихся личностей XVI в. (Кристобаль де Кастильехо, Гарсиласо де ла Вега, Родриго де ла Пуэбла и нек. др.).

В ракурсе интеллектуальной и этической оценок преимущественно интерпретируется концептуальный признак 'язык богослужения и сопричастности Богу': *por las muestras que veo / os dé ser casi divino... De zierito yo no lo sé, / que no alcanza mi talento / perfecciones tan sin cuento; aquella santa, aquella casta y pura / lengua de mi piadosa engendradora*. Весьма показательно авторскую эмпатическую перспективу передают речевые акты благодарности, в которой язык латинян осмысливается как дар божий: *Ex munere gratiae tuae presentes docet lingua mea apostolica scripta tua, in conspectu aduentantium omnium enarraui in ore meo*. В свою очередь, объединяющее нацию начало, заключенное в латинском языке, фиксируется в нашей выборке единожды с помощью ориентационной метафоры: *...casi entrambos una cosa anuncian / Si en la lengua latina se pronuncian*.

Актуализация концепта LENGUA CASTELLANA представлена более широко (~65% в общей выборке) и охватывает главным образом поэзию первой половины XVII в. В этом блоке частью концептуальной перспективы становится профилирование пяти характеристик, созвучное актуальным социокультурным доминантам становящегося государства (см. исторические факторы 1, 2, 3). Как и в случае с предыдущим концептом, поэтическая «разработка» концепта LENGUA CASTELLANA закономерно опирается на механизмы вторичной его интерпретации.

Наибольшей частотностью (~45% частной выборки) отмечена интерпретация признака '**естественное средство общения**', наиболее близкое народу. Около 62% относящейся к нему выборки основывается на его интеграции с категорией оценки (нормативной: *adulterarla [la lengua propia] es bárbaro defeto; Sopla el rústico labio dulcemente /...y burla de la lira / que adquiere en la fatiga lo elocuente; Que a sola España concedió Castalia / por natural, cantar en su idioma; ... La lengua castellana sonetos... / Fácilmente los*

hiciera, / Pues los hice en la romana; этической: ...en lengua Castellana, / este libro a tus ojos se presenta / sin presunciones de *arrogancia vana*; La madre, a cuyos pechos se alimenta, / le enseñó sus *castizas* locuciones; Decir lo que otro dijo es cosa *fea* / en el propio idioma...; интеллектуальной, эстетической, этической: la castellana lengua / enriqueció [al orbe de Luis de Góngora] con su *ingenio / frasis, dulzura, agudeza; culta* lengua castellana; La imitación en tiempo conveniente / es lícita... Del *hurtar*, sin que usemos de razones / ...están claras). В ~25% иллюстраций данный признак интерпретируется на основе аналогии, вербализованной антропоморфной метафорой (Sin andar a buscar para cada verso tantas metáforas..., y *enflaqueciendo el alma con el / peso de tan excesivo cuerpo*...; En coplas tan altaneras, / Escritas siempre de veras, / Que *corren con pies de plomo, / Muy pesadas de caderas*), сравнительной конструкцией в сочетании с метафорой, образно восходящей к символу косности (*Más retóricamente numerosa / discurre en lengua natural la fuente / que en cítaras de piedra artificiosa*), метонимии (cese este lenguaje; / *cierra tu boca y más aquí no la abras*). Отмеченные когнитивные и языковые механизмы часто «вписаны» в конструирование гиперсобытия, поскольку естественное развитие кастильского идиoma осмысляется авторами как явление, противостоящее латинизации и выступающее некой фигурой на этом фоне. Различные аспекты этих «полюсов» детализируются и интегрируются при синтаксическом развертывании пропозициональных комплексов, что дает возможность отразить взаимозависимость или параллельность историко-лингвистических фактов, используя фигуральные языковые средства или, как в следующих примерах, обходясь без них: *Si cumplo con la lengua castellana, / resolución diciendo, ¿qué conceto / es llamarla analisis, o a qué efeto, / tópica a la invención...?; fue leído / con general aplauso, y después que se pasó al culteranismo lo perdió todo; ...que poeta insigne que escribiendo en sus fuerzas / naturales y lengua propia, nacida en ciudad que por las leyes de la patria es juez árbitro.*

Характеристика **‘кастильский как часть самосознания испанского этноса’** (~20%) интерпретируется на уровне оценочной концептуализации (~43%) (Si os preciáis... / *valerosos españoles, / como lo dicen... / lengua hermosa* y rostros nobles; ... La lengua castellana, / *Tan cumplida y singular*...; ¿Cómo hablas el idioma / que España por sus minas *ferió* a Roma? / ¿Quién te enseñó el estilo / de la *elocuente* lengua castellana?; el Dotissimo Ambrosio de Morales, / que a su fama [nuestro idioma Castellano] dió nombre *soberano*), установления аналогий (~42%) и отношений принадлежности (~57%) (La propia lengua *que la sangre mueue*; Autores de la historia, / que conseruan del tiempo la memoria, / ...pero de *nuestro idioma Castellano; basto a boluelle amargo, / aunque esta dulce en tu lengua*), императивности (~43%) (Y, si en lengua vulgar se llama mío, / *que lo suyo a su dueño esté sujeto / en justicia y razón*

se compadece; ...Te conjuro, cultero inexorable, / que le des libertad para que hable / en su nativo idioma castellano). В своей совокупности эти механизмы реализуют характерную для своего времени тенденцию к личностному приращению и прославлению художниками слова своего родного языка.

Ориентация на повседневное общение и, как следствие, **меньшее по сравнению с латинским стилистическое богатство кастильского романсе**, ощущаемое как в стихосложении, так и при переводе (~23%), нашли яркое выражение в корпусе таких вторичных интерпретаций, которые основаны на сопряжении данной характеристики концепта LENGUA CASTELLANA с бинарными концептами НАЛИЧИЕ / ОТСУТСТВИЕ (~60%): *por nuestra lengua falta / en alabança tan alta / no puede ser acogido; prueve primero qué cosa es traducir poesías / elegantes de una lengua extraña a la suya... con guardar quanto es posible las figuras del original y su donaire, y hazer que hablen / en castellano... como... naturales; Ya que la propiedad antigua imitas, / ...en verso regalado, / y en la materna lengua resucitas / del latino el concepto más cendrado, / extiende el claro ingenio.* С позиции ценностного отношения эта диалектная черта характеризуется посредством прилагательных интеллектуальной и нормативной оценок (~50%): *torpe; plebeyo, impropio.* В одном из произведений Лопе де Веги она концептуально разрабатывается на уровне развернутой метафоры с одновременной актуализацией ряда прецедентных имен выдающихся испанских поэтов Итальянской и Севильской школ: *Pues, ¿qué, si hablara acaso / de la lengua vulgar entre españoles, nubes en quien los otros fueran soles, / Boscán, Mendoza, Herrera y Garcilaso, / sin otros de menores jerarquías?*

Вместе с тем, исходно служа средством обыденной коммуникации и проникая во все новые сферы жизни, испанский язык осмысливался как **язык более понятный** (~6%), о чем свидетельствует и поэтический дискурс в рамках актуализации гиперсобытия: *Por entre la gente entraba... / Y por ser mas entendido / Habló en lengua castellana.* Одновременно **отсутствие общего признания и четкой кодификации** (~3%), характерное для национального языка в период становления нового государства, порождало субъективные интерпретации его как явления «беззащитного» (утилитарная оценка): *tambien cultitizaua / la brida y la gineta, / como los de su seta / a la indefensa lengua Castellana.*

Обобщая результаты проведенного анализа, отметим более широкий интерпретирующий потенциал концепта LENGUA CASTELLANA, охватывающий по сравнению с концептом LENGUA LATINA большее число интерпретируемых рациональных характеристик, созвучных актуальным социокультурным доминантам. При этом в поле вторичного осмысления чаще оказываются, актуальность, «самоидентичность» кастильского идиома,

а также связь латинского языка с истоками романского мира и образцовой культурой. Слова оценки, метафоры и сравнительные конструкции выступают ведущими языковыми механизмами, формирующими и передающими авторскую позицию в условиях патриотического подъема возрожденной Испании.

Литература

Шиммарёв В. Ф. Очерки по истории языков Испании. Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
Corpus del Diccionario histórico de la lengua española. URL: <https://apps.rae.es/CNDHE/view/inicioExterno.view;jsessionid=78E1E8BA6A5006333ABC0FBF2D5AA559>.

D. M. Mironova (Kursk, Russia)
Southwest State University

“MY LANGUAGE IN SWEET TONES AND SUBTLETIES”: THE LINGUISTIC IDENTITY OF SPAIN IN THE MIRROR OF THE ARTISTIC COGNITION OF THE GOLDEN AGE POETS

The paper reveals the ways of secondary poetic interpretation of the phenomenon of “natural language” during the Spanish Renaissance. Using the material of the concepts of LENGUA LATINA and LENGUA CASTELLANA this research educes the conceptual features included in the author’s perspective, highlights the cognitive and linguistic mechanisms of secondary comprehension of each feature and notes their representativeness.

Key words: secondary conceptualization, Spanish Renaissance, cognitive mechanisms, the concept of lengua latina, the concept of lengua castellana, poetry of the Golden Age, poetic discourse, language mechanisms.

C. A. Ростовцева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
rostovs79@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ВРАЧ-ХИРУРГ»

Рассмотрены особенности понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург» в рамках диахронического и синхронического подходов. Проанализирована репрезентация лексемы *хирург* в русском языковом сознании на материале отзывов пациентов.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, врач-хирург, языковая картина мира, понятийная составляющая.

Образ профессионала является предметом многих исследований антропоцентрической лингвистики, при этом некоторые посвящены изучению реализации лингвокультурного типажа «врач» в литературных произведениях А. П. Чехова [Щербаева 2012], М. А. Булгакова [Степанова 2021] и в современных СМИ [Чигринова 2018]. В последние годы, прежде всего, вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции отмечается повышенное внимание к медицинской сфере, а также смена «неоднозначного, скорее отрицательного отношения к медицинским работникам в докризисный период» на «осознание их общественной значимости в настоящее время, реализующееся в героизации» [Таскаева 2020: 142]. При этом важно понимать, что современный уровень развития медицины предполагает большое разнообразие специализаций и, как следствие, сформированные в обывательской картине мира образы хирурга, терапевта, стоматолога, анестезиолога, хоть и объединенные гиперонимом «врач», будут различаться. Нам представляется значимым исследование лингвокультурного типажа «врач-хирург» как представителя социально значимой профессии в современном обществе.

Целью настоящей работы является исследование понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург». Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1. В рамках диахронического подхода проанализировать становление лексемы *хирург* в русском языке; 2. В рамках синхронического подхода рассмотреть дефиниционно-понятийную составляющую лексемы *хирург* на современном этапе; 3. Проанализировать репрезентацию лексемы *хирург* в русском языковом сознании на материале отзывов пациентов.

Согласно данным этимологических словарей слово *хирург* восходит к древнегреческому «действующий руками» (греч. *cheir* рука + *ergon* работа, действие) [словарь Шапошникова 2010: 491]. Изначально в языке существовали две лексемы *хирург* и *цирюльник*, имеющие синонимическое значение, однако уже с конца XVIII в. значения расходятся, и *цирюльник* начинает обозначать «ремесленника, упражняющегося в брадобрении и кровопускании» [словарь Академии Российской 1794: 632].

Конкретизация значения лексемы *хирург* связана с историческим контекстом – развитием медицинской науки в целом и хирургии как ее составляющей. В XVIII в. значение слова *хирург* раскрывается тождественным словом-синонимом *лекарь* и представляется как «тот, кто лечит с помощью лекарства, практикующий в различных науках (патологоанатомии) и непосредственно занимающийся оперативным вмешательством» [Словарь Академии Российской 1794: 534].

В XIX в. происходит активное становление науки хирургии и, как следствие, складывается и фиксируется основа понятия, которая будет оставаться неиз-

менной в XX в. Тождественным словом-синонимом выступает *врач*, появляется лексема *операция* как основной вид хирургической помощи [Словарь Даля 1903].

На протяжении XX в. толкование лексемы *хирург* остается неизменным: «врач, специалист по хирургии» / «в области хирургии» [Ожегов 1999]. Во всех вышеперечисленных словарях семантизация осуществляется через тождественное слово *врач*. Дефиниция лексемы *врач* обязательно включает «высшее медицинское образование», а в словаре Л. С. Ковтун дополняется «правом лечить больных», а также синонимическим рядом *лекарь* и *доктор* (последнее с пометой – просторечие). В Энциклопедическом медицинском словаре конкретизируется сфера деятельности врача хирурга: «получивший подготовку по методам диагностики и хирургического лечения», а также область применения: «болезни и травмы» [Энциклопедический медицинский словарь 1982]. Также важно отметить, что фиксируется более узкая специализация, например, *хирург-онколог*, *детский хирург* [Ожегов 1999].

С целью исследования репрезентации лексемы *хирург* в русском языковом сознании нами были рассмотрены отзывы пациентов и их родственников (источником послужил сайт <https://prodoctorov.ru>). Всего было проанализировано 235 отзывов, что эквивалентно 159 000 печатных знаков. Нами были рассмотрены три группы специалистов: нейрохирурги, кардиохирурги и группа, обозначенная как «хирурги» и включающая специалистов различных профилей. В результате анализа отзывов был выделен синонимический ряд *хирург – врач – доктор – специалист – профессионал*, причем наиболее часто употребляемыми оказались лексемы *врач* и *доктор*, которые реализуют следующие смысловые признаки: денотативный статус, наименование профессии, выступление в функции обращения [Словарь синонимов Д. А. Апресяна 2004]. В редких случаях наблюдается оценочность, реализуемая при противопоставлении языковых единиц. Например: *Доктор нам помогла, в отличие от тех врачей, у которых мы были* (сохранены орфография и пунктуация автора). В контексте данного комментария происходит коннотативно-оценочное разделение лексем *врач* и *доктор*, для второй лексемы характерно персонализированное использование, в то время как *врачи* ассоциируются с негативным опытом пациента.

Следует отметить, что лексема *хирург* употребляется в проанализированных отзывах 79 раз и реализует прежде всего функцию наименования профессии. Как правило, используется в контексте комментария один раз и в дальнейшем заменяется словами из синонимического ряда. Примечательно, что предпочтительно используются гипонимы к слову *хирург*, указывающие на специализацию: *нейрохирург*, *кардиохирург*, *отоларинголог-хирург*, *хирург-онколог* и др. (28 против 55 использований).

Примерно одну шестую (93 раза) составляет употребление синонима *специалист*, используемого при определении значения слова *хирург* в со-

временных толковых словарях. Номинация *специалист* не имеет ярко выраженного оценочного значения и используется как нейтральная. Наиболее редко (в 35 случаях) употребляется слово *профессионал*, которое, как правило, используется для выражения высокой оценки хирургической деятельности.

Таким образом, на основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что лексема *хирург* активно используется, однако уступает по частоте употребления словам синонимического ряда *врач* и *доктор*.

В заключении стоит отметить, что формирование понятийной составляющей лингвокультурного типажа «врач-хирург» происходило постепенно и следовало за становлением хирургии как отдельной области медицинской науки. На современном этапе основой понятия «хирург» является представление о специалисте с высшим медицинским образованием, осуществляющим хирургическую деятельность (операции).

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Тт. 1–4. Санкт-Петербург; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903. URL: <http://www.slovorod.ru/dic-dal/index.html>.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. URL: https://ruslang.ru/text_noss2_title.

Степанова Е. С. Лингвокультурный типаж «земский врач» в медицинских мифах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 234–243.

Словарь Академии Российской. Т. VI. СПб: Императорская Академия наук, 1794. URL: https://imwerden.de/pdf/slovar_akademii_rossijskoj_tom6_1794.pdf.

Таскаева А. В., Питина С. А. Героическая лингвистика: монография. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2020.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>.

Чиринова Е. А. Особенности объективации образа-стереотипа «хороший врач» в русскоязычных СМИ // МНКО. 2018. № 5 (72). С. 493–496.

Щербачева А. А. Лингвокультурные типажы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А. П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2010.

Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Советская энциклопедия. 1982–1984 гг. URL: https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=65.

Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. Т. II. (Н–Я). М.: Флинта: Наука, 2010. URL: <http://www.slovorod.ru/etym-shaposhnikov/index.html>.

*S. A. Rostovtseva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

**REVISITING THE CONCEPTUAL COMPONENT
OF A LINGUOCULTURAL TYPE “DOCTOR-SURGEON”**

The article deals with the peculiarities of conceptual component of linguocultural type “doctor-surgeon” within the frames of diachronic and synchronic approaches. It also presents the analysis of *surgeon* lexical item as exemplified in patients’ feedbacks.

Key words: linguocultural type, doctor-surgeon, linguistic world image, conceptual component.

*Ц. Чжао (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozeli@mail.ru*

**СПОНТАННЫЕ МОНОЛОГИ-РАССКАЗЫ
НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ
В ЗЕРКАЛЕ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ
(на материале речи китайцев)**

В статье анализируются в сопоставлении особенности основной части монолога-рассказа одних и тех же информантов-китайцев на родном и неродном языке, а также устанавливаются корреляции между этими особенностями и индивидуальными характеристиками говорящих.

Ключевые слова: монолог-рассказ, речевой корпус, основная часть, речевой коннектор, социолингвистика, психолингвистика.

Монолог – одна из основных форм устной речи. В отличие от диалога, основанного на обмене репликами, монолог обращен говорящим к самому себе и не рассчитан на обязательную словесную реакцию другого лица [Розенталь, Теленкова 1985: 120]. Для него характерны значительные по размеру отрезки текста, состоящие из структурно и содержательно связанных между собой высказываний, имеющие индивидуальную композиционную стройность и относительную смысловую завершенность [Винокур 1990: 310]. В результате композиционная структура и содержание монолога обычно гораздо сложнее, чем диалога, и, поскольку в монологе говорящему не нужно обращать внимание на собеседника и подстраиваться под него, его личные характеристики выражаются в наиболее естественной форме,

что делает монолог наиболее интересным для изучения характеристик говорящего.

Структура монолога предполагает три части: зачин, основная часть и концовка. Анализ рассказов китайцев из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см. о нем: [Звуковой корпус... 2013]) показал, что такая полная структура встречается далеко не всегда: 45% текстов на неродном языке структурно неполны, не имеют либо зачина, либо концовки. Несколько лучше ситуация в текстах на родном китайском языке, где почти половина (44,5%) текстов имеют и зачин, и концовку. Но наиболее распространены на обоих языках все же монологи неполной структуры [Чжао Цзэли 2022: 43]. Не случайно основная часть, как единственная обязательная часть структуры всех монологов, особенно интересна для исследования.

Материалом для анализа в настоящей работе стали 29 монологов-рассказов на тему «Как Вы проводите время на каникулах?» из корпуса САТ, записанных от 20 китайских информантов, учащихся разных Петербургских вузов, в возрасте 23–28 лет (20 на русском языке и 9 на китайском). Рассказ на заданную тему – это тип спонтанного монолога, обладающий наименьшей степенью лингвистической мотивированности и наибольшей степенью спонтанности [Звуковой корпус... 2013: 87]. Использование такого материала позволяет не только получить достоверные языковые данные, но и раскрыть наиболее полно уровень речевой компетенции говорящего. Состав информантов был сбалансирован по полу (10 юношей и 10 девушек) и уровню владения русским языком (ТРКИ) (10 человек с более высоким уровнем С1 и 10 – с более низким уровнем В2). Все информанты прошли также психологический тест Г. Айзенка, который выявил в их составе 9 интровертов (И), 6 амбивертов (А) и 5 экстравертов (Э).

Анализ материала показал, что монологи китайцев имеют три преобладающих временных плана:

1) о настоящем (как я провожу каникулы):

• рус.: *в свободное время / я [н-н а а я люблю н-н с друзьями [н-н в-в-встретаться / и-и люблю [я люблю гулять в цен... в торговном центре «Галерея» / сл ы-н [или мп иногда я [ы-н люблю спать / сл ы-н часто со ы-н [мужем [ы в кафе [разго... вариваем / н-н [(3s) и иногда погуляем ы-н [ы-н и иногда посещаю сл ы-н [Эрмитаж / в ы-н в-в очень люблю Русский музей (И18, дев., С1, Э);*

• кит. (тексты приводятся в переводе на русский): *обычно [я предпочитаю [поболтать со своими друзьями чтобы расслабиться / <вдох> или [иногда выхожу поесть и выпить без удержу со [своими друзьями / но иногда / я предпочитаю путешествовать один / потому что [я чувствую себя более свободным и <со вдохом> безудержным (И8, юн., С1, А);*

2) о будущем (как я проведу каникулы):

• рус.: *мн* *ы-ы* это зависит от [*ы* время / допустим зимние каникулы если я не **вернуся** домой / наверное я бы поехал куда-нибудь / сл если я **останусь** в России / допустим / я бы поехал в Мурманск за северное сияние / потому что это моя мечта... (И12, дев., С1, А);

• кит.: *ы-н* этим летом / во-первых *ы-н* [*если я закончу* учебу / после окончания учебы **возьму** немного / *ы-н* **пройду** некоторые выпускные [*процедуры* / потом **сделаю** [*самым важным* летом [*может быть* сначала [*сначала* [*найти* работу / потом <вдох> потом после поиска / днем я **буду** искать работу / а вечером [*вероятно* **буду** делать [*сл что-то* дома для [*собственного* развлечения... (И9, юн., В2, И);

3) о прошлом (как я провел(а) каникулы):

• рус.: *во* время летних каникула / сначала ко мне **приездили** *моё* [*э-ы* [*в* Россию *мои-и* [*родители* и мы вместе **путешествовал** по России / в Петербурге и в Москве / а потом / а-а [*мы* вместе **вернулись** в Китай / в Китае я сначала я **пытался-я** [*учить* / как водить машину (И2, юн., С1, И);

• кит.: *летом* [*во* время летних каникул / я **ходил** в Эрмитаж / после этого я **поиёл** в Летний дворец / **посетил** много известных мест в Санкт-Петербурге / также **был** в Москве / и **ездил** за границу в Италию (И10, юн., С1, Э).

В ситуации неподготовленности речь информантов неизбежно изобилует хезитативными элементами (*л, ll, н-н, ы-н, э-ы*), но видно, что в монологах на неродном языке таких явлений значительно больше, чем на родном, даже в речи информантов с высоким уровнем ТРКИ С1.

Как на родном, так и на неродном языке наиболее распространены монологи о настоящем (66,7 и 70% соответственно), далее следуют монологи о будущем (22,2 и 20,0%) и монологи о прошлом (11,1 и 10,0%). При этом содержание китайских монологов о прошлом и будущем фактически не соответствует теме монолога. Это может быть связано со способом выражения категории времени в китайском языке, где, в отличие от русского, нет морфологической категории спряжения и время выражается с помощью наречий (*обычно*), вспомогательных слов (*过, 了*, близких по значению к суффиксам глаголов прошедшего времени), временных существительных и т.д. В результате, когда время в вопросе выражается только через спряжение глагола, китайцы легко его игнорируют. Но это явно неправильно, и на это китайцам нужно обращать особое внимание при использовании русского языка.

Далее в работе была сделана попытка установить связь между особенностями основной части в монологах на разных языках и характеристиками информанта. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Доля временных планов в рассказах информантов на неродном языке (в %)

Временной план	ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАНТОВ						
	ГЕНДЕР		ТРКИ		ПСИХОТИП		
	Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Наст.	70.0	70.0	80.0	60.0	80.0	55.6	83.3
Буд.	20.0	20.0	10.0	30.0	20.0	22.2	16.7
Прош.	10.0	10.0	10.0	10.0		22.2	

Таблица 2

Доля временных планов в рассказах информантов на родном языке (в %)

Временной план	ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАНТОВ				
	ГЕНДЕР		ПСИХОТИП		
	Дев.	Юн.	Э	И	А
Наст.	100.0	40.0	50.0	60.0	100.0
Буд.		20.0		20.0	
Прош.		40.0	50.0	20.0	

Видно, что на неродном языке монологи о настоящем встретились больше в речи амбивертов и информантов с уровнем В2. Монологи о будущем – чаще в речи интровертов и информантов с уровнем С1. Монологи о прошлом встретились только в речи интровертов, причем на их появление не влияют ни гендер, ни уровень ТРКИ. И можно видеть, что гендер информанта не влияет на выбор временного плана монолога. А на родном языке монологи о настоящем – чаще в речи девушек и амбивертов. Монолог о будущем появился только в речи юношей и интровертов. Монологи о прошлом – чаще в речи юношей и экстравертов. Из таблиц видно также, что девушки, интроверты и амбиверты более склонны говорить о настоящем на родном языке, чем на неродном, а юноши и экстраверты более охотно говорят о прошлом. Следует отметить, что в проанализированном материале не было обнаружено фиксированного порядка повествования для монологов о настоящем и будущем, в то время как монологи о прошлом разворачиваются

в хронологическом порядке. Это означает, что рассказ о прошлом требует от говорящего большей концентрации, потому что нужно не только думать о содержании, но и рассказывать о событиях в том порядке, в каком они происходили. С этой точки зрения, юноши и экстраверты, в отличие от девушек, интровертов и амбивертов, легче решают сложные задачи в знакомых ситуациях, чем в незнакомых.

Дальнейший анализ выявил еще одно интересное явление: китайцы часто используют в своих русских монологах речевой коннектор *кроме того* – для введения новой информации или переключения между микротемами, но почти не используют его эквиваленты (另外, 此外 или 除此之外) в монологах на родном языке. Важно отметить, что конструкция *кроме того* не часто используется в русской разговорной речи (по данным НКРЯ, эта единица чаще встречается в текстах СМИ, научных и художественных), поэтому предполагаем, что ее использование обусловлено рядом факторов: 1) информантам-учащимся приходится писать научные работы, что заставляет их подсознательно переносить навыки научной речи – в устную; 2) использование *кроме того* не требует грамматических связей с другими членами предложения, что удобно и менее подвержено ошибкам; 3) эта единица полифункциональна, что также делает ее удобным способом для оттяжки времени в неподготовленных ситуациях. Первый из приведенных факторов нуждается, впрочем, в проверке с помощью лингвистического опроса.

В целом китайские информанты действительно по-разному строили монологи на родном и неродном языке, причем на способ такого построения определенным образом влияют и их собственные социально-психологические характеристики. Результаты анализа могут быть полезны для исследования первичной и вторичной языковой личности, а также для преподавания русского языка как иностранного.

Литература

Винокур Т. Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.

Чжао Цзэли Особенности построения устного монолога-рассказа на родном и неродном языке: конец текста (на материале речи китайцев) // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. Вып. 10. С. 42–46.

Zeli Zhao (*St. Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

**SPONTANEOUS MONOLOGUES-STORIES
IN NATIVE AND NON-NATIVE LANGUAGES
IN THE MIRROR OF SOCIO- AND PSYCHOLINGUISTICS
(based on Chinese speech)**

The article analyzes in comparison the features of the main part of the monologue-story of the same Chinese informants in their native and non-native languages, and also establishes the correlation between these features and the individual characteristics of the speakers.

Key words: monologue-story, speech corpus, main part, speech connector, sociolinguistics; psycholinguistics.

T.A. Shiryayeva (*Pyatigorsk, Russia*)
Pyatigorsk State University
shiryayevat@list.ru

**ADVERTISING SLOGAN
AS A REFLECTION OF SOCIO-CULTURAL REALITY:
SOCIOCOGNITIVE PERSPECTIVES**

The necessity of sociocognitive and pragmatic study is determined by the extreme importance and specific role of advertising discourse which defines the “mode of life” of the individual and of various social groups in modern society, on the one hand, and rapidly growing research interests in socio-cultural realities’ manifestations in discourse, on the other hand. The article deals with the results of the semantic and pragmatic analysis of slogans in travelling industry, discusses linguistic aspects of implication and presupposition in the advertising discourse in accordance with the company’s main aim and target audience’s expectations.

Key words: advertising, slogan, social cognition, implication, presupposition, simile, comparison, explicit expression, implicit information, knowledge.

It is obvious that advertising today is an integral part of a person’s life and a necessity of any company. Being so significant in modern society, advertising has a never increasing influence. The effectiveness of any advertising campaign depends on its language design. As the text is an essential part of any advertising campaign we’ll focus on its peculiarities.

The central place in the advertising text structure is occupied by an advertising slogan, which is a brief, catchy phrase that conveys the basic idea of any advertising

campaign in a bright imaginative form. Effective advertising slogans help to create the meaningful, picturesque concepts and increase the impact of the advertising text on the target consumer.

The concept of “slogan” dates back to the Gallic language and means the “battle cry”. In the contemporary sense this concept was used in 1880. As M. Blinkin-Miller put “a slogan is the second name of the product, the basis of advertising communication, a kind of motto that expresses the basic idea of the manufacture’s offer” [Blinkin-Miller 2003: 24].

Talking about slogan features, it is important to draw attention to its outcome influencing public mass awareness and development of interactive abilities of the addressee. On one level, the slogan can be viewed as a remarkable “mirror” of culture representing the society. The slogan of the U. S. state of Connecticut, “Better yet. CONNECTicut” is a clear confirmation of this statement. Using the word *CONNECTicut* the author does not simply call a state in America which is advertised in the slogan, but emphasizes the historical and cultural value of this area. Connecticut is one of the first settlements in New England, which subsequently merged a number of other settlements in the colony of Connecticut [Longman 2005]. The author choosing a word *connect* (to link or be linked together; join; fasten) [Longman 2005] which is consonant with the advertised state underlines the state’s important role in economic and political life of America. This skillful word selection shows the slogan distinctiveness as a socio-cultural phenomenon, as any slogan reflects the cultural and social reality of a nation. One of the distinguishing features of slogans is the author’s desire “to talk the same language with the target customer, be clear and close to the audience to which they are addressed” [Zimnyaya 2001: 95].

The language of advertising slogans spoken by the user is not abstract. The paradox is that the ads are read by thousands of different people. D. Ogilvy in his works repeatedly stressed “If you’re trying to convince people to do something or buy something, you must speak their language, the language they speak every day, the language they think” [Ogilvy 1983].

The ads corpus we analyzed shows that advertising slogans aimed at a specific target audience and written in the language that is clear for these buyers whether they are housewives, educated inhabitants, theater-goers, hackers, businessmen, farmers, doctors and so on. Alternatively, the slogan can be categorized as a means of achieving a specific, pragmatic goal which results in control and power over target consumers, sales growth and financial benefits to both manufactures and advertisers. Therefore, it must “establish the motives of the target audience” [Myagkova 1998: 84].

For example, the copywriters of the slogan *Huge of pleasure. Turkey* believe the main motive to travel nowadays is the desire to get as much pleasure

as everybody can. It's difficult to contradict them. While promising customers "great pleasure", the author of the slogan accomplishes the tasks of advertising. That means appealing to the customers' needs the copy-writer emphasizes the necessity to choose this country to relax.

The duality of advertising slogans determines the exclusiveness of their use. The cyclical nature of this process involves the willingness to increase the powerful effect on the recipient which influencing the choice and compatibility of language tools used in advertising slogans, and the constant demonstration of ads through mass communication is the culture of the society as a whole. Effective and forceful advertising messages are characteristic features of modern civilization – "penetrate in the customers' language" [Kohtev 1997: 75].

When the Journal "Budget Travel" conducted an American population survey to find out the most successful slogans, the slogan of Virginia *Virginia is for Lovers* representing this famous town in America became one of the top ten.

In highly competitive surroundings a slogan is an important component of corporate identity and advertising policy of any company. According to scholars, a slogan is "a percussion instrument of advertising" [Romanov 2000: 14]. This effective tool should promote the general idea of the advertised goods and speak up something new about them. But the most important thing is that the slogan is not only the key idea of the advertising campaign, but it expresses the marketing policy of the company. It should be emphasized that a number of substantive requirements for the slogan are formed on the basis of specific advertising attitudes. The same slogan of a company is reproduced using various channels. An effective slogan becomes a logo of the advertised goods and a kind of company "identification mark". Also, the slogan can reflect "the uniqueness of the product and manufacturer' offer, giving a key manufacturer message and introducing the manufacturer marketing concept" [Mokshantsev 2000: 23].

Effective and catchy slogans fully correspond to the marketing tasks. B. Kevorkov wrote that the "effective slogan encourages the consumer to fulfill the desired action and / or active brand loyalty. A successful slogan has become a key element of the campaign brand. It maintains the motivating idea which was founded in the brand in the minds of the target consumers" [Kevorkov 1996: 64].

As advertising texts simply must be "seductive", and the slogan is a central component of any advertising message, we must specify its basic characteristics. One of the slogan's requirements is its organic integrity to the overall corporate identity. The motto is able "to contribute not only to the company budget, but to a general image of the company, on condition that it is easily-recognizable" [Mokshantsev 2000: 123].

Another important feature is brevity, which is a sister of wit. Take, for example, the slogan of the American tourist company *love New York*. Obviously in creating

an unforgettable image brevity is of great help. Many psychologists claim that the slogan length is inversely proportional to its memorization. “The shorter the slogan, the better it is remembered and the greater impression it leaves on the client [Ogilvy 1983: 156]. An author of advertising texts should be able to invent a minute speech which must encompass a great amount of information.

Implication is one more important advertising slogan characteristic which promotes efficiency. Slogan for a trip to Las Vegas *What Happens here, Stays here* contains the knowledge of the particular trip to Las Vegas. The author wants to assure the client of the travel company confidentiality. But implicating any information the author shouldn't forget about accuracy, in other words a slogan must match the task at hand. The target audience of any advertising slogan is not an individual, not a client, but a large number of recipients. So, advertisements' copywriters must create everything that excites consumers. To satisfy the consumers' needs and desires, a slogan must reflect some socio-cultural identity, cultural beliefs and stereotypes.

Simile and comparison based on semantic and pragmatic presuppositions play an important role in recognizing cultural values and creating effective slogans. Implicit comparisons are very effective means of speech effect, because “they allow the consumer to take an active part in decoding the message” [Vannikov 1984: 15].

In addition, they help to avoid a typical advertising discourse, giving it the brightness and coolness, which can highlight the advertised product among competitors. The data analyses shows that advertising slogans simile is usually based on a semantic presupposition (73%), identified as meaningful logical statement which truthfulness is required in order this statement not to be semantically anomalous. This technique can be illustrated by the Turkey travel agency advertising slogan *Call us before things go wrong*. The pragmatic goal of this message is to inform the recipient about the fact that this is the only travel agency that can meet any client's needs, without irritation. The clause *before things go wrong* is an obvious presupposition showing, that the clients of the travel agency are always cared about.

Another usage of semantic presupposition that creates indirect comparison is based on the so-called model “If A, then B”. As in the advertising slogan of Greece *If you travel with us, it is the best holiday in your life* by denying both parts of the judgment's presupposition remains the same – “If you don't travel through our agency, it will not be the most exciting journey in your life”.

Pragmatic presuppositions concern the addresser's and addressee's knowledge and beliefs. Most often pragmatic presuppositions are realized through allusions. By allusion we understand a stylistic device, that is a hint of the real well-known, political, historical or literary fact. “Allusions usually belong to the religious sphere, ancient themes, folk art, art and science” [Kolshansky 1974: 61]. A vivid

proof of allusion expansion in slogans is a large tour operator slogan *So relaxed just Gods*, which belongs to a tourism giant “Zeus Travel” in Cyprus. This example is an allusion to classical mythology. The author aiming at providing an exclusive offer appeals to the feelings of the consumer, trying to cause a desire to plunge into the luxury emphasizing that this trip is not for everyone. And the allusion really works in the text.

Comparison through “the explicit expression of evident and well-known truths” in advertising slogans is another effective way to build pragmatic presuppositions. In the slogan *Choice instead of illusion* the company offers a wide range of travel services without illusions. It can be taken for granted that the travel agency guarantees the quality of its services, does not deceive its customers and is responsible for the advertised tourism product. However, this slogan hints at the other travel agents incompetency. Communicative situation created by the advertiser allows to highlight the advertised product implicitly and discredit competitors indirectly. In the mentioned above slogan two tasks are solved at once – on the one hand, the slogan represents the advertised travel company as a qualified agent with a wide range of products. On the other hand, this text damages competitors. As the implication of this ad text may be similar to the following statement “The other tourist agencies do not understand their work and are not responsible for any unforeseen circumstances”. The factual data analysis shows that the most frequent comparison is based on the establishment of communicative conditions (20% of tourist slogans), pragmatic presuppositions are used not so often (8% of the analyzed slogans), the rarest type of comparison is the comparison through semantic presupposition (5%).

Thus, constantly replenished bank of ads allows to reveal many linguistic features which till today did not get to “research focus” of linguistics, gives the chance in a new way to study regularities common for a modern advertising discourse, to analyze the main language characteristics, to reveal linguistic innovations including simile and comparison which are used as socio-cultural means to achieve customers’ loyalty. Despite the vast amount of specialized literature in the area of the linguistic peculiarities of advertising, there are only a small number of the many questions that still await satisfactory answers.

Литература

- Блинкина-Мельник М. М. Рекламный текст. Задачи копирайтера. М.: ОГИ, 2003.
Береснев С. Д. Немецкий научно-технический текст с позиции русского реципиента. Ульяновск: Ульян. ГПИ, 1979.
Ванников Ю. В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. М.: ВЦП, 1984.

- Зимняя И. А.* Лингвopsихология речевой деятельности. М.: Наука, 2001.
- Кеворков В.* Слоган? Слоган! Слоган... М.: РИП-холдинг, 1996.
- Кохтев Н. Н.* Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. М.: Изд-во Московского университета, 1997.
- Мокишанцев Р. И.* Психология рекламы. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: Сибирское соглашение, 2003.
- Мяжкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова. Воронеж: ВГУ, 1998.
- Романова Т. Н.* Слоганы в языке современной рекламы // Лингвистика. 2001. № 3. С. 119–125.
- Longman Dictionary of Contemporary English / L. Quirk, D. Crystal, D. Biber. Harlow (Essex): Longman, 2005.
- Ogilvy D.* On advertising. London: Prion Books Ltd, 1983.

Т. А. Ширяева (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОКОГНИТИВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Необходимость социопознавательного и прагматического изучения слоганов определяется чрезвычайной важностью и специфической ролью рекламного дискурса, во многом определяющего «уклад жизни» личности и различных социальных групп в современном обществе, с одной стороны, и быстро растущими исследовательскими интересами к репрезентации социокультурных реалий в дискурсе, с другой. В статье представлены результаты семантико-прагматического анализа слоганов в сфере туризма, рассматриваются лингвистические аспекты импликации и пресуппозиции в рекламном дискурсе в соответствии с основной целью компании и ожиданиями целевой аудитории.

Ключевые слова: реклама, слоган, социальное познание, импликация, пресуппозиция, сравнение, эксплицитное выражение, имплицитная информация, знание.

V. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Б. А. Алтынбекова, С. А. Москвичева
(Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
altynbek0810@gmail.com, moskvitcheva@mail.ru*

СТРУКТУРНЫЕ ПРИЧИНЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА ПРИ ВЫРАЖЕНИИ АФФЕКТИВНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье выдвигается гипотеза о том, что ввиду ограничений структурной, прагматической и стилистической природы киргизская молодежь в речи на киргизском языке использует уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка в сочетании с киргизскими словами или же целиком заимствованные лексемы, что ставит вопрос о природе данных единиц в рамках проблематики переключения кода.

Ключевые слова: языковые контакты, киргизский язык, русский язык, переключение кода, уменьшительно-ласкательные суффиксы, аффективный компонент.

Введение. Подход к языку, берущий начало в трудах В. фон Гумбольдта и развитый российском/советском языкознании в трудах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, «рассматривает язык в конкретно-исторических формах, что позволяет говорить о принципиальной изменчивости, вариативности на всех уровнях его структуры, и, главное, рассматривать язык в единстве с человеком и обществом. Вероятностный характер языковой системы, а также ее связь с конкретным коллективом в конкретной исторической обстановке позволяет стратифицировать языковой континуум. На пересечении лингвистического и социального, исторического и культурных векторов актуализируются такие понятия, как язык, диалект, койне [Москвичева 2015]. В рамках данной широкой парадигмы удобно анализировать ситуации языковых контактов и здесь же стоит искать причины переключения кода и заимствований разной природы.

В данной статье мы рассмотрим, при помощи каких языковых средств в киргизском языке выражаются аффективные смыслы, и какое влияние оказывает на это культура киргизов.

2. Методология исследования. В статье использован метод сплошной выборки с последующим анализом искомых единиц из предварительно составленного корпуса, материалом к которому послужили тексты комментариев на платформе Ютуб к популярному киргизскому сериалу «Баарыбиртууган».

3. Обсуждения результатов

3.1. Способы образования ласкательных слов в киргизском языке

В традиционной киргизской культуре не принято публичное проявление чувства ласки или нежности [Тагаев 2017]. Так, например, супруги не должны демонстрировать свои чувства друг к другу при старших, родителях, также в присутствии старших или родителей порицается ласкать своих детей. Кроме того, ласкательные обращения и слова могут быть использованы только по отношению к близким людям.

Несмотря на перечисленные ограничения в киргизской лингвокультуре, в киргизском языке можно выделить два способа образования аффективных смыслов – морфологический и лексический. На морфологическом уровне выделяются суффиксы **-ке**, **-ке+** **-бай**, которые присоединяются к словам *ата* (отец) и *апа* (мать) и содержат в себе ласкательное значение: *атаке*, *апаке*, *атакебай*, *энекебай*. Выделяется также суффикс **-чек** [Уметов 2016: 112] с аналогичной семантикой, который прибавляется в основном к словам *ини* (младший брат) и *келин* (невестка): *иничек*, *келинчек*.

Имена собственные могут быть видоизменены или сокращены, и к измененным формам присоединяются суффиксы с уменьшительно-ласкательным значением **-ке** с различными фонетическими вариациями, **-тай** и **-и** [Ибраимова 2010: 117]: *Талке* (от имени Талант или Таалай), *Гүкү/Гүкүш* (от имени Гүлсүн или Гүлбайра, это могут быть любые имена, в которых есть корень *гүл*, в переводе *цветок*), *Нүкүтай* (от имен, в которых есть корень *нур*, в переводе *луч*).

Лексический способ для выражения аффективного компонента разнообразней. Эта группа ласкательных слов связана с менталитетом кыргызов кочевого периода. Для кочевников восприятие внешнего мира было связано с животным миром [Тагаев 2017: 161–162]. В связи с этим в обращениях к детям часто встречаются слова, номинирующие детенышей животных: *кулунум* (жеребеночек мой), *ботом* (верблюжонок мой). Кроме того, для выражения родительской ласки могут быть использованы различные слова со значением важности или ценности ребенка: *чырагым* (свет мой), *балам* (дитя мое), *жаным* (душа моя), *мурасым* (наследник мой), *кубатым* (сила моя), *күнүм* (солнце мое) и т. п.

Выделяется группа слов, которая определяет теплые родственные отношения. Необходимо отметить, что киргизы используют ласкательные об-

ращения только по отношению к родственникам, заслуживающим доверие и любовь. Здесь могут быть использованы такие слова, как *сулууларым* (красавицы мои), *бир боорлорум* (братья мои), *алтындарым* (золотые мои), *айланайын бир туугандарым* (мои дорогие родственники) и т. п.

Также можно выделить ласкательные обращения по отношению к супруге. Это может быть видоизмененное имя в сочетании с уменьшительно-ласкательными суффиксами или же различные эпитеты, словосочетания: *кызыл гүлүм* (мой красный цветок), *балдарымдын апасы* (мать моих детей), *перийшем* (ангел мой), *жаркыным* (свет мой), *алтыным* (золотце мое) и т. п.

Итак, как правило, слова с аффективным компонентом значения в киргизском языке могут быть использованы по отношению к родным и близким, (семантико-прагматическое ограничение), многие ласкательные обращения представляют собой длинные синтагмы (структурное ограничение) и характерны для художественных текстов (стилистическое ограничение).

3.2. Переключение кодов в речи киргизской молодежи

В силу отмеченных выше ограничений киргизская молодежь при выражении чувств испытывает определенные трудности, особенно в устной речи и разговорном стиле. В этих целях молодежь прибегает к уменьшительно-ласкательным суффиксам русского языка или же к заимствованным из русского словам с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Следовательно, мы можем говорить о переключении кодов на лексическом уровне, которое определяется как вкрапления. Присоединение суффиксов русского языка к словам киргизского языка условно можно назвать переключением кодов на морфологическом уровне.

Под переключением кодов в рамках данного исследования понимается «попеременное использование элементов двух или более языков в рамках одного коммуникативного акта более или менее двуязычным говорящим» [Проценко 2004: 123].

В неформальном общении молодежи наблюдается использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в сочетании с киргизскими

1) именами собственными: *Улик доске! Молодец!* (Ул-ик, дружище! Молодец); *Улук, Уланчик молодецы. Остальные актеры тоже супер играют. Мага өлгүдөй жакты.* (...Мне очень понравилось); *Сонун кино болуптур, Саматик азаматсын!* (Отличный фильм получился, Самат-ик молодец!); *Динканын кинодо ойногону жагат, вообще девушка позитив* (Нравится, как Динка играет в кино, вообще девушка позитив);

2) существительными: *Улук, молодец балдарики* (Улук, ребята молодецы); *Баары биртууганчики кимдерге жакты* (Все родственники [друг другу] кому понравился?); *Кыз абдан татынакай, мынча татынакайка* (Девушка очень симпатичная, такая симпатяшка); *Эжешика балалуу болуп калса экен* (вот бы

сбылась ее мечта стать мамой); *Менттин аялы, жеңешика пушка* (Жена мента – пушка); *Шумкар байке чёта будующий жеңешика эле окшойт Жооп берип койсоңор* (Шумкар, что-то кажется это будущая жена твоя. Ответьте).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка в составе киргизских имен можно объяснить тем, что аналогичные суффиксы киргизского языка сочетаются не со всеми именами и вместе с тем в таких сокращениях имен чувствуется больше оттенок шутовности, в то время как в киргизских именах с русскими суффиксами чувствуется больше дружелюбия. С другой стороны, может сказываться влияние культуры: ранее имена с уменьшительно-ласкательными суффиксами допускались только в определенных случаях: при обращении старших (как правило, это бабушки, дедушки, родители) к младшим или же это обращение между супругами.

Слова *балдарики* (мальчишки), также есть форма *кыздарики* (девчата), популярные среди молодежи, образованы по аналогии от названия детской команды квнщиков «Тамашарики». Эта команда состояла из детей от 7 до 10 лет. Они, в свою очередь, образовали название команды от названия мультфильма «Смешарики». Обращения *балдарики/кыздарики* используются для установления контакта или же в целях показать свое дружеское, доброжелательное отношение к компании.

Слова *эже* (сестра), *жеңе* (невестка) могут быть использованы только по отношению к родственницам. Но благодаря уменьшительно-ласкательным суффиксам русского языка киргизская молодежь выражает свое теплое отношение к людям, которые не имеют с ними родственной связи, но вызывают сочувствие или симпатию.

В речи молодежи на киргизском языке часто встречаются вкрапления из русского языка, среди которых можно выделить и сленговые слова, к примеру, *братишка*. Популярность этого выражения связана с тем, что, называя младшего по возрасту братишкой, парни подчеркивают отсутствие родственной связи, но вместе с тем дают понять, что младшие им не чужие:

Шумкар байке жоска жарат ээ Братишкалары тамак жазап жатат (Вот Шумкар дает, да? Братишки (в контексте соседские мальчишки) еду готовят); *Менин оюмча Сабинага гүлдү таланттын братишкалари берди* (По-моему, Сабине цветы подарили братишки Таланта).

Потребность выразить свое милое, теплое отношение осуществляется при помощи существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами:

Соонун парочка экен (прекрасная парочка); *кыз куколка экен* (девушка куколка).

Вкрапления могут быть объяснены и тем, что уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка могут быть использованы и с неодушевленными существительными.

Заклучение. В киргизском языке проявление ласки на языковом уровне осуществляется морфологическим и лексическим способами, которые имеют ограничения, наложенные прагматическим и структурным планами. В связи с этим киргизская молодежь прибегает к использованию единиц с аффективным компонентом из русского языка, который молодые люди адаптируют в речи, что позволяет выражать свое теплое, дружеское отношение.

Важным преимуществом слов с русскими уменьшительно-ласкательными суффиксами является возможность их использования и с неодушевленными существительными.

Литература

Ибраимова Г. О. Структурные и семантические особенности ласкательных слов в кыргызском языке // Вестник БГУ. 2010. № 1 (16). С. 116–118.

Москвичева С. А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. 5(42). URL: <http://psystudy.ru>.

Проценко А. П. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 123–127.

Уметов К. К. Краткий анализ словообразовательных аффиксов существительных в немецком и кыргызском языках // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 6 (48). С. 109–113.

Тагаев М. Д. Образ мира в языковом сознании киргизов через призму телесного кода культуры // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17. № 9. С. 161–169.

B. A. Altynbekova, S. A. Moskvicheva

(Moscow, Russia)

Peoples' Friendship University of Russia

CODE SWITCHING IN EXPRESSING THE AFFECTIVE COMPONENT OF MEANING IN KYRGYZ: STRUCTURAL REASONS

This article puts forward a hypothesis that, due to the limitations of the structural, pragmatic and stylistic nature, the Kyrgyz youth in speech in the Kyrgyz language uses diminutive suffixes of the Russian language in combination with Kyrgyz words or entirely borrowed lexemes, which raises the question of the nature of these units in within the scope of code switching.

Key words: language contacts, Kyrgyz language, Russian language, code switching, diminutive suffixes, affective component.

Н. С. Аракелян (Краснодар, Россия)
*Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина
nina605@rambler.ru*

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье кратко очерчена взаимосвязь лингвоэкологии как языковой среды, которую языковедение признает самостоятельной лингвистической дисциплиной, с такими дисциплинами, как социо- и этнолингвистика, лингвокультурология, риторика, история языка, а также ее взаимодействие с такими сферами, как психо- и биосферы.

Ключевые слова: эколингвистика, язык, психосфера, биосфера, интралингвальный, интерлингвальный, транслингвистический.

В последнее десятилетие в российской филологии созрела научная потребность для разработки нового направления в языковедении, обозначаемого терминами «лингвоэкология» или «эколингвистика», которые впервые были использованы Э. Хаугеном и др. в 1970 г. в работе «Экология языков». Новизна вопроса определялась взаимосвязью между языком и окружающей средой. Эта концепция объединила результаты исследований тревожной тенденции ослабления или деградации почти всех компонентов языковой культуры, представленных в работах Э. Хаугена. Взаимодействие языка и окружающей среды следует обобщенно понимать как двусторонний процесс: внешняя среда индивида и общества влияет на язык, а язык как центральный компонент психологической сферы человека влияет на общество в целом и в отдельности [Коровушкин 2011: 62].

Понятие психосферы, соотнесенное с биосферой, внесло определенный вклад в формирование новой лингвистической дисциплины. Если биосфера образует среду, которая обеспечивает физическое существование человека, то психосфера является такой же обязательной средой для человека. В психосфере протекает психологическая, интеллектуальная и духовная жизнь индивида. Человек, как уникальный живой организм, в равной степени ориентирован по своей структуре как на биосферу, так и на психосферу, и психосфера находит свое наиболее полное выражение в языке. Это связано с уникальной отражательной и выразительной способностью языка, с функцией языка как вместилища общественного сознания, охватывающего все, что получено человеческим сознанием, и только обладание этим кладом знаний обеспечивает социальное существование

человека. Все виды целенаправленной деятельности человека происходят с участием языка или посредством языка. Психосфера динамична, как и биосфера, и изменяется под воздействием сил, исходящих от человека [Гачев 1999: 368]. Перефразируя известную латинскую поговорку *Mens sana in corpore sano* (в здоровом теле здоровый дух), мы можем сказать: «В здоровом обществе здоровый (экологически чистый) язык». Это означает, что общество обязано защищать язык от разрушительных воздействий в той же степени, в какой оно защищает его биологическую среду обитания. Онтологический параллелизм биосферы и психосферы допускает как терминологический, так и структурный параллелизм. Таким образом, если экология в биологическом смысле уже приобрела множество подклассов видов, то в настоящее время в лингвистической экологии мы можем говорить о трех аспектах:

Первый аспект – является традиционным, связан с культурой речи, стилистикой, риторикой и предполагает изучение нарушений правильности, ясности, логики, выразительности и других коммуникативных свойств речи. В конечном счете, это усилия лингвистов по целенаправленному устранению или смягчению негативных тенденций в использовании языка. Целью этих усилий является предотвращение проникновения в систему негативного употребления, предотвращение регрессии языка в отношении истощения его выразительных ресурсов, выравнивание функциональных стилистических и аксиологических оппозиций. С точки зрения культуры речи, такие усилия – сбор и классификация речевых ошибок, работа со СМИ и образовательная деятельность – необходимы и не могут оставаться безрезультатными. Теоретически это проверка онтологической альтернативы: является ли язык саморазвивающимся и самоуправляемым или является развивающейся, управляемой системой. Этот первый аспект лингвистической экологии можно охарактеризовать как **интралингвальный**.

Второй аспект лингвистической экологии является **интерлингвальным** и относится к многоязычию как к среде обитания отдельного этнического языка и к проблеме исчезновения языков и, следовательно, уменьшению языкового разнообразия на Земле. Любой естественный человеческий язык – это своего рода форма реализации единого универсального естественного человеческого языка. Все языки мира образуют своего рода суперсистему, содержащую множество потенциалов и универсальных принципов организации того или иного языка. П. О. Якобсон писал, что языки мира на самом деле можно рассматривать как множество вариаций на единую и охватывающую весь мир тему – человеческий язык [Звегинцев 2007: 334]. Поэтому каждый язык является хранителем, как универсального исторического опыта, так и уникальной национальной культуры. Это связано с непреходящей культур-

ной и исторической ценностью каждого языка и в то же время с исторической миссией лингвистов: описать каждый язык, закрепить его в исторической памяти человечества, независимо от того, насколько малы его носители, независимо от того, насколько далеко он находился от настоящего, когда этот язык был средством связи.

Третий аспект лингвоэкологии можно охарактеризовать как **транслингвистический**. Он включает в себя использование единиц, средств, реалий одного языка, культуры в контексте и средств другого языка, принадлежащего другой культуре. Этот аспект применяется в художественной литературе, фольклоре, журналистике, при цитировании иностранных микротекстов, в практике перевода с одного языка на другой. Язык, как известно, служит средством передачи культуры, как на уровне поколений, диахронически, так и синхронно, в рамках одного и того же общества и между многоязычными обществами. Проблема взаимодействия лингвистических и социокультурных процессов, ориентированных на изучение взаимоотношения языка и культуры, входит в число первоочередных задач современного развития науки, имеющих большое теоретическое и практическое значение, особенно в условиях возрастающей внутриэтнической и межэтнической интеграции» [Ешич 2000: 311].

Различные формы интеграции, мирное сосуществование в целом в современном мире реальны и эффективны только при условии взаимного уважения и терпимости к «инаковости» партнера. Таким образом, термины *диалог культур* и *межкультурное общение* стали паролями международных отношений. И язык играет ключевую роль, потому что язык является выражением духа народа (по В. фон Гумбольдту), формой выражения народа, средством лингвистической концептуализации мира, создания национальной картины мира, мировоззрением, проявлением национального менталитета и т. д. Решение этой проблемы позволяет актуализировать уже приобретенные знания о слове, формировать новые, а также анализировать и оценивать состояние языковой культуры современного общества и выявлять в нем некоторые опасные процессы.

Литература

Коровушкин В. П. Основные атрибуты лингвоэкологии как автономной междисциплинарной отрасли языкознания // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 1. С. 60–64.

Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М.: Институт ДИ-ДИК. 1999.

Звегинцев В. А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: URSS, 2007.

Ешич М. Б. и др. Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000.

*N. S. Arakelyan (Krasnodar, Russia)
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin*

ECOLOGY OF THE LANGUAGE ENVIRONMENT AS A COMPONENT OF THE CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL LANGUAGE SPACE

The article briefly outlines the relationship of linguoecology as a linguistic environment, which linguistics recognizes as an independent linguistic discipline, with such disciplines as socio- and ethnolinguistics, linguoculturology, rhetoric, language history, as well as its interaction with such spheres as psycho- and biospheres.

Key words: ecolinguistics, language, psychosphere, biosphere, intralingual, interlingual, translinguistic.

*Л. А. Донскова (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина
donl67@mail.ru*

РАЗВИТИЕ ЭМПАТИИ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются значение и роль иностранного языка как одного из средств коммуникации обучающихся в процессе профессиональной подготовки. Особенное внимание уделяется развитию эмпатийных отношений в рамках коммуникации будущих специалистов. С развитием эмпатии средствами иностранного языка у обучающегося происходит формирование навыков и знаний в области интеллектуальных, культурных и нравственных, а также межличностных отношений в целом.

Ключевые слова: эмпатия, коммуникация, личность, социальные отношения.

Введение. Формирование и развитие личности в условиях современности в основном взаимосвязано с социальными и психологическими факторами. Одной из образовательных задач является развитие у обучающихся навыков социального общения, которые будут использованы ими в практической деятельности. Профессионал в любой профессиональной области должен обладать такими личностными качествами, как исполнительность, сдержанность

и объективность [Дмитриева 2021]. Помимо социальных, гуманистических и нравственных личностных характеристик важны коммуникативные навыки при общении с другими людьми.

Изложение основного материала статьи. Обучающиеся сталкиваются с различными представлениями о культурных направлениях, нравственных характеристиках, толерантности и уровнях социального развития общества. При этом получение качественных профессиональных знаний и навыков представляет собой сложный многоуровневый процесс, который помимо формирования предметных компетенций включает в себя достижение личностных результатов, направленных на развитие личности каждого студента и студенческого коллектива. Личностные результаты, достигаемые в процессе обучения, предполагают формирование коммуникативных навыков у обучающихся как будущих практиков в любом виде профессиональной деятельности.

Под коммуникативностью понимается свойство личности, представляющее собой систему положительных отношений между человеком и окружающим миром в целом. Совокупность психологических качеств личности можно оценить с учетом набора ее внутренних нравственных и культурных характеристик, прошлого опыта взаимодействия с людьми и окружающим миром, через ее поступки и отношение к миру в целом. Способность личности выстраивать положительную коммуникацию, то есть, способность общения и построения диалога, а также установления эмоционального контакта с другими людьми, реализуется вербально и невербально [Новикова 2019]. Одним из эффективных механизмов установления положительного коммуникативного контакта является эмпатия. Как нами отмечалось ранее, «успешные коммуникации не ограничиваются только языковыми компетенциями. Они заключаются в мобилизации всех способностей личности, подчиняя их требованиям современного социума. В вопросах коммуникации эмпатия заключается в том, чтобы понять, что хочет человек и каким образом следует выстроить уровень доверия. После того как собеседник поймет, что его слышат и вникают в суть его желаний, тогда появляется шанс, что разговор может выйти на другой уровень» [Донскова 2021].

Эмпатия представляет собой способ построения общения через психологический процесс понимания и переживания по отношению к чувствам другого человека, его внутреннему миру. Развитие и достижение эмпатийных отношений означает высокий профессиональный уровень, высокогуманные, культурно-нравственные, психоэмоциональные и социальные свойства личности. Рассмотрим потенциальные возможности развития эмпатии средствами иностранного языка как одного из факторов успешной коммуникации у обучающихся.

При изучении иностранного языка формируются навыки межкультурной коммуникации, применяются различные методы и тактики понимания настроения другого человека, его психоэмоционального состояния на основе анализа мимики и речи. Процесс формирования коммуникативной компетенции выполняет ряд важных функций в формировании эмпатии. В социальном аспекте, иностранный язык является способом приближения к ценностям и историческим особенностям конкретной культуры, а также освобождением от языковых барьеров с окружающим социумом. Культурная обусловленность процесса изучения иностранного языка делает его эффективным методом расширения границ знаний об окружающем мире. В личностном аспекте, иностранный язык выступает способом познания индивидуумом самого себя, своих интересов и нравственно-культурных ценностей [Му Дань 2022].

Таким образом, обучение иностранному языку в учебных заведениях является эффективным и необходимым средством развития внутренних духовных и моральных ценностей личности, расширения личностных границ и устранения барьеров, а также получения опыта использования языка в профессиональных отношениях и практической деятельности в ситуациях межкультурной коммуникации. Н. С. Аракелян считает, что «понимание коммуникации между людьми, ее осмысление – это основа существования человека, при таком невиданном смещении народов, языков и культур, возникла проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, именно этим вызван столь высокий интерес к вопросам межкультурной, международной коммуникации, и соответственно, к речевому этикету в различных сферах общения» [Аракелян 2008].

С помощью иностранного языка в процессе занятий устанавливаются коммуникативные отношения и развиваются коммуникативные навыки, в частности эмпатия между обучающимися. Основной задачей является научить обучающегося обращать внимание на чувства другого человека, понимать его эмоции и сопереживать ему, т. к. «при взаимодействии с иной культурой индивид выходит из привычной для него зоны комфорта и стабильности и пытается проникнуть в иной мир» [Непшекуева 2016]. Например, в процессе построения диалога, решения ситуационных задач, кейсов и ролевых игр коллектив или малая группа оказывают воздействие на личность. При этом человек может примерить на себя любую социальную роль в соответствии с условиями задания. Диалог является формой установления отношений, приемом развития навыков общения, обсуждения и формулирования выводов, исходя из коммуникативной ситуации.

Еще одним способом развития эмпатии через коммуникацию является решение ситуационных задач (кейсов). В такой форме обучающийся учится находить и формулировать профессиональную проблему, разработа-

тивать пути ее решения и предлагать возможный исход развития событий, в случае потенциального конфликта предусмотреть варианты поведения для его устранения с учетом эмоционального состояния своего оппонента. Отличительной особенностью этого способа является формирование стимула и интереса у обучающегося к анализу проблемной профессиональной ситуации и поиску ее решения. При решении кейсов варианты ответов носят открытый характер, поэтому поиск решений кейса является предметом спора и обсуждения между обучающимися или обучающимися и преподавателем, что также позволяет развить эмпатийные отношения. Моделирование коммуникативной ситуации и ролевые игры позволяют использовать иностранный язык как средство формирования навыков эмпатии в условиях воображаемой коммуникации.

Благодаря изложенным способам развития коммуникации будущие профессионалы получают навыки интерпретации коммуникативного контекста, социального статуса и поведения участников коммуникативной ситуации задания, проведения логической связи между происходящими событиями и чувствами персонажей, познания исторических культур и средств общения (путем иностранного языка), что в совокупности формирует нравственные и социальные характеристики личности [Селютин 2021].

Выводы. Таким образом, развитая эмпатия является показателем высокого уровня сформированности межличностных отношений и свидетельствует о качественной подготовке обучающихся, способных использовать свои коммуникативные умения и навыки, в том числе культурные и нравственные в профессиональной деятельности и жизни социума.

Литература

Аракелян Н. С. Политкорректность или языковой такт // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2008. № 41. С. 324–331.

Дмитриева А. Г., Лаврентьева Е. А. Анализ значимости эмпатии в педагогической деятельности преподавателя вуза // Концепт. 2021. № 6. С. 119–130.

Донскова Л. А. Эмпатия языковой личности в межкультурном пространстве // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сборник избранных статей. Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2021. С. 107–109.

Му Дань. Важность формирования эмпатии у иностранных учащихся, изучающих русский язык, для преодоления психологических барьеров в межкультурной коммуникации // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 55–59.

Нетишекуева Т. С. Обратный культурный шок // Язык, культура, общество: сборник статей. Краснодар: КубГАУ, 2016. С. 213–224.

Новикова Л. А., Акатьева И. С., Торхова Ю. В. Развитие межкультурной компетентности студентов бакалавриата при смешанной форме обучения деловой коммуникации на иностранном языке // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. № 4. С. 181–186.

Селютин Н. О. Формирование коммуникативной компетенции у подростков на уроках иностранного языка // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (52). С. 120–124.

L. A. Donskova (*Krasnodar, Russia*)
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin

DEVELOPMENT OF EMPATHY BY MEANS OF A FOREIGN LANGUAGE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL COMMUNICATION

The article examines the importance and the role of a foreign language as one of the communication factors of students in the process of professional training. Special attention is paid to the development of empathic relationships within the framework of communication of future specialists. With the development of empathy by means of a foreign language, the student develops skills and knowledge of intellectual, cultural and moral, as well as interpersonal relations in general.

Key words: empathy, communication, personality, social relations.

О. Г. Дубровская (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет*
o_dubrovskaya@inbox.ru

ПЕРЕВОД КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье перевод рассматривается как когнитивно-дискурсивная деятельность, что подразумевает теоретическое изучение знания как итога всей познавательной деятельности переводчика. Знанию отводится решающая роль в процессе принятия переводческого решения. Выясняется, что знание основано на разнообразных типах связи, которые и определяют результат перевода.

Ключевые слова: перевод, когнитивно-дискурсивный, антропоцентризм.

Как известно, научную мысль определяют научные парадигмы – воззрения, методологические принципы и приемы, принятые и разделяемые научным сообществом. В последнее время наблюдается активное изучение языковых явлений в парадигме, которая начала формироваться в конце XX в. и получила название «антропоцентрической». В отличие от сравнительно-исторической, психологической и структурной парадигм антропоцентрическая парадигма рассматривает человека (а не язык) как субъекта, конструирующего дискурс. Перевод как особый вид речевой деятельности по интерпретации мира и формированию дискурса не является исключением: все чаще внимание исследователей обращено к изучению переводческой деятельности как совокупности мыслительных операций, осуществляемых переводчиком (см. работы К. И. Леонтьевой, И. Н. Ремхе). Однако несмотря на пристальное внимание исследователей к переводческому процессу, происходящему в сознании переводчика, изучение взаимосвязи собственно содержательной и языковой составляющих процесса перевода, а также его зависимость от интерпретации описанных событий конкретным переводчиком остается одним из наименее разработанных разделов переводоведения. Изучению перевода с позиции когнитивно-дискурсивного подхода посвящена данная работа.

Среди разнообразия подходов к переводу и переводческой деятельности, а также определений перевода с помощью терминологических и нетерминологических описаний («как процесса преобразования речевого произведения» с языка на язык, «имитации оригинала», «искусства», «перевыражения», «посредничества», вида межкультурной коммуникации», «коммуникативном акте»), на наш взгляд, следует особо выделить понимание перевода как познавательной деятельности переводчика, которая осуществляется в системе четырех координат: двух концептуальных и двух языковых. Фокус исследовательского интереса на концептуальной и языковой картинах мира, в рамках которых работает переводчик, приводит к пониманию важной роли знания в переводческой деятельности.

Знание представляет собой «итог познавательной деятельности человека и результат осмысленного им предметного опыта», «набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему» [КСКТ 1996: 28–29] в виде экстралингвистических, фоновых, профессиональных и т. д. Знание возникает в процессе социализации в связи со способностью человека сравнивать, распознавать, идентифицировать объекты реальной действительности, выстраивать ассоциативные ряды и проводить аналогии. Признается, что знание хранится в виде таких структур, как фреймы, скрипты, пропозиции, образы и др. (см. [КСКТ 1996]). В работах последних лет предлагается терминосочетание *контексты знаний* – коллективные и индивидуальные когнитивные схемы, с помощью которых человек воспринимает и интерпретирует

мир. Полагают, что контексты знаний обеспечивают вторичное осмысление отдельных единиц в процессах интерпретации, концептуализации и категоризации. Иными словами, подчеркивается, что человек по-разному форматирует когнитивное содержание с помощью языка (см. [Болдырев 2019]).

О том, что различные языки предпочитают те или иные способы изображения предметных ситуаций, отмечалось достаточно давно (например, работы А. Д. Швейцера). Определенные концептуальные признаки, репрезентируемые той или иной языковой единицей, попадают в фокус внимания, а иные – дефокусируются. Так, например, известно, что английские глаголы *come, go, leave* дефокусируют признак «способ передвижения», тогда как русские глаголы *приходить* (пешком), *приезжать* (на транспорте), *уезжать* (покидать любым видом транспорта), *выходить* (покидать пространство пешком) фокусируют признаки «прийти/приехать, ходить/ехать, уйти/уехать» [Швейцер 1973: 56].

Следует обратить внимание на то, что интерпретация исходного текста (текста оригинала) должна рассматриваться как интерпретация культуры и всего концептуального содержания, в котором автор оригинала создает свое произведение. Иными словами, переводчик «распаковывает» замысел автора в контексте всей концептуальной системы как автора оригинала, так и носителей той или иной культуры, включая социальные группы, к которым автор может принадлежать. Интерпретация осуществляется посредством метаконцептов (см. наши ранние работы: [Дубровская 2014]) и представлена операциями селекции, классификации и оценки как составляющих интерпретации. Ср., например, разнообразные трактовки произведения В. Шекспира «Гамлет», которые приводят Л. И. Гришаева и Л. В. Цурикова, в связи с активацией метаконцептов ЦЕННОСТЬ, НОРМА, а также соответствующими операциями (интерпретантами) селекции, классификации и оценки: сильная волевая личность, любимец народа, идеальный монарх, переживающий конфликт между долгом и страстью (вторая половина XVIII в. в переводе А. Сумарокова); слабовольный человек (у М. П. Вронченко (1828)); немолодой, малоприметный обыкновенный человек без особого масштаба (в середине XIX в. в переводе М. А. Загуляева (1861)); сторонний наблюдатель исторических событий (к середине XX в. Гамлет в переводе Б. Л. Пастернака (1940))» [Гришаева, Цурикова 2007: 295].

Кроме того, важно заметить, что, как показывают наблюдения, мы воспринимаем мир сквозь систему сформированных связей. Человек познает мир, предметы, явления и выстраивает в своем сознании взаимосвязи, основанные на операциях сравнения, сопоставления, противопоставления. Перевод, с этой точки зрения, представляет собой активацию знания, основанную на причинно-следственных, сопоставительных и иных типах связи.

При этом в том или ином языке связь может быть выражена эксплицитно или имплицитно. Например: *Inflation has triggered off barter; the most primitive form of trade* и *Из-за ослабления рубля развился натуральный обмен между предприятиями, обозначился возврат к примитивной меновой торговле* (пример Е. В. Бреуса).

Таким образом, перевод – это процесс и результат мыслительной деятельности переводчика (субъекта переводческой деятельности) как когнитивной активности по интерпретации текста оригинала и репрезентации знания, извлеченного из текста оригинала, оптимальными, на взгляд переводчика, языковыми средствами. Как справедливо отмечает Е. С. Кубрякова, «в языке окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [Кубрякова 2012: 37]. Вероятно, учитывая этот факт, на протяжении многих лет метод «мышления вслух», который предполагает вербализацию мыслей переводчика в процессе осуществления своей профессиональной деятельности, выступал значимым источником сведений о переводческом процессе, происходящем в сознании переводчика.

В заключение необходимо подчеркнуть, что несмотря на то, что понятие «перевод» выступало предметом рассуждений с незапамятных времен, а проблемой «человеческого фактора» в переводе занимались издавна, каждая новая система взглядов предлагает новое содержание. Когнитивно-дискурсивное направление в отечественном языкознании и установка на антропоцентризм языка позволяют изучать перевод и переводческую деятельность как мыслительную операцию по активации знания как результата познавательной деятельности переводчика. Изучение природы, структуры знания в переводческом процессе позволяет, на наш взгляд, обосновать теорию о переводчике (в отличие от теории перевода) и, тем самым, приблизиться к пониманию процессов, происходящих в сознании переводчика.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2007.

Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Леонтьева К. И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2022.

Нефедова Л. А., Ремхе И. Н. К вопросу о психолингвистическом методе изучения переводческого процесса «мысли вслух» для выявления когнитивной составляющей перевода // Вестник ЧГПУ. 2013. № 12 (2). С. 259–266.

Ремхе И. Н. Когнитивно-матричный аспект моделирования переводческого процесса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2021.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод. М.: Воениздат, 1973.

O. G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

TRANSLATION AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE ACTIVITY

The article deals with translation as a cognitive and discursive activity, which implies a theoretical study of knowledge as a result of all cognitive activity of a translator. Knowledge is a key factor in the decision-making process. We find out that knowledge is based on different types of relations, which outline the result of translation.

Key words: translation, cognitive-discursive, anthropocentrism.

Ю. Ф. Карельская (Москва, Россия)
*Московский педагогический
государственный университет
uglf@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ «МЕЖДУНАРОДНОЕ СОГЛАШЕНИЕ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США С РАЗЛИЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

В докладе предлагается подход к описанию структуры когнитивной категории «Международное соглашение» Великобритании и США с различными государствами. Автор описывает действие прототипических эффектов неравенство и недискретность на интенциональном и референтном уровнях категории.

Ключевые слова: международное соглашение, когнитивная категория, прототипический эффект, референтный уровень, обыденное сознание.

Описание структуры категории «международное соглашение» Великобритании и США с разными государствами с помощью когнитивно-дискурсивного подхода предполагает выделение наиболее типичных представителей категории, т. е. прототипов.

В. З. Демьянков выделяет прототип как динамический концепт, состоящий из оптимальных представителей предметной области [Демьянков 1994: 39]. Н. Ф. Алефиренко полагает, что языковая картина мира представлена совокупностью концептов, в то время как совокупность прототипов образует этноязыковую картину мира, образ мира, который составляют языковые значения, единые для всего этнокультурного сообщества [Алефиренко 2022: 219, 133]. Для прототипа характерна легкость запоминания и воспроизведения, нейтральность контекста, частотность и ценность для культуры [Манерко 2000: 39]. Дж. Лакофф описывает прототипические эффекты как асимметрию в категории, когда одни члены рассматриваются как более типичные представители категории, чем другие [Лакофф 2011: 89].

Б. Левандовская составила двумерную классификацию прототипических эффектов, используя признак принадлежности характеристик к референтному или интенциональному уровню и признак неравенства или недискретности элементов внутри категории [Lewandowska 2007: 151].

Проявление прототипического эффекта неравенство подразумевает принадлежность международного документа к категории «международное соглашение» на основе выраженности у него признака «обязательность». Несомненно, центральным элементом категории «международное соглашение» Великобритании и США, которая представлена различными итоговыми документами переговоров представителей государств, является международный договор *Treaty*. Исследователь международного права А. Ост приводит определение международного договора: *Treaty is an international agreement concluded between states in written form and governed by international law, whether embodied in a single instrument or in two or more related instruments and whatever its particular designation* [Aust 2007: 52] «Договор – это международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, закреплено ли оно в одном документе или в двух или более связанных документах, независимо от его конкретного названия». Однако А. Гузман полагает, что международные соглашения могут принимать форму правового или декларативного документа [Guzman 2008: 121]. А. Хейвуд придерживается радикальной позиции, относя все международно-правовые документы к декларативным, неправовым документам [Heuwood 2011: 333]. В международно-правовом дискурсе США международные договора носят наименование MOU «Меморандум о взаимопонимании», которое характерно для декларативных

документов. Например, в феврале 2022 г. вступил в силу международный договор США с Албанией, именуемый *Memorandum of Understanding on Import Restrictions* «Меморандум о взаимопонимании по вопросам ограничения импорта» [<https://www.state.gov/albania-22–228>]. Серия важных международных документов, имеющих правовой статус, подписанных Великобританией и Аргентиной в 1989 г. по вопросу Фолклендских островов, носят названия, характерные для декларативных документов, *Joint Statements* «Совместные заявления» [Aust 2007: 29].

Таким образом, рассмотрение прототипического эффекта неравенство недостаточно, чтобы предложить комплексное описание структуры категории «международное соглашение».

Прототипический эффект недискретность, выявляющийся на уровне интенционалов, т. е. на базовом уровне, на котором отображаются отдельные характеристики предметов и явлений, относится к обыденному сознанию языковой личности. Категории базового, среднего уровня описывают картину мира, расчленяют действительность максимально информативно [Болдырев 2019: 129]. При этом категорию можно представить в виде совокупности признаков «семейных сходств», основные среди которых – известность и культурная значимость, из чего следует всеобъемлющий многосторонний характер, рассмотрение круга жизненно важных вопросов, упрощенная процедура вступления в силу, классическая форма, подразумевающая преамбулу, основную и финальные части.

Прототипические эффекты на уровне референтов, т. е. существующих международных соглашений, выявляются профессиональным сознанием языковой личности, причем категорию можно представить в виде радиального набора сгруппированных и перекрывающиеся признаков.

Среди данных признаков выделяем рассмотрение определенного круга вопросов, который не является ни очень специфическим, ни чрезвычайно широким. Государства редко заключают международные договора правового характера, которые подразумевают вопросы безопасности государства, где ставки высоки (*high-stake matters*) [Guzman 2008: 122]. Так, список зарегистрированных международных договоров на сайте государственного департамента США помимо договоров, касающихся вопросов помощи в военной сфере и обороны, включает договора по вопросам окружающей среды, налогообложения, торговли, транспорта, использования морских ресурсов, а также сотрудничества в таможенной, дипломатической, научно-технической и культурной областях [<https://www.state.gov/tias/>].

Следующий признак – двусторонний характер, что является отражением прецедентной системы права, в которой директивы формируются из отдельных кейсов. Согласно А. Гузману для двусторонних соглашений, более

чем для многосторонних действуют механизмы взаимности и ответного действия *Reciprocity and Retaliation* [Guzman 2008: 63–64]. Действительно международно-правовой дискурс Великобритании и США представлен множеством однотипных двусторонних соглашений с разными государствами. Например, в феврале 2021 г. Великобритания заключила три двусторонних соглашения с Новой Зеландией, Японией и США: *Agreement regarding Mutual Assistance in Customs Matters between their Customs Administrations* «Соглашение между таможенными администрациями о взаимопомощи в таможенных вопросах» [<https://www.gov.uk/government/collections/bilateral-and-multilateral-treaties-published-in-the-treaty-series-2018#treaty-series-2022>].

Текст договора характеризуется высокой степенью интертекстуальности, предполагая расширения и поправки. Знаменитый документ о продлении соглашения о контроле над наступательными вооружениями России и США характеризуется не классической структурой, а составлен в форме обмена нотами, подписанными президентами государств в январе 2021 г., и имеет простое название, не несущее информации о важном предмете соглашения: *Extension of the Treaty of April 8, 2010* «Продление Договора от 8 апреля 2010 г.» [https://www.state.gov/russian_federation-21-203].

Документ должен пройти сложные процедуры принятия и ратификации, чтобы стать частью правового дискурса государства. В Оксфордском словаре международный договор определяется как: *A formally concluded and ratified agreement between countries* «Договор – это официально заключенное и ратифицированное соглашение между странами» [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/treaty?q=treaty>]. Так 30 июня 2015 г. в Вашингтоне был подписан международный договор с Бразилией по вопросу социальной защиты, *Agreement signed at Washington June 30, 2015; entered into force October 1, 2018*. Договор вступил в силу 1 октября 2018 г. и был опубликован для широкой общественности [<https://www.state.gov/18-1001/>].

В заключение необходимо подчеркнуть, что категория «Международное соглашение» Великобритании и США с различными государствами является сложным когнитивным образованием, имеющим гибкую структуру и характеризующимся комплексным набором признаков, обусловленным особенностями обыденного или профессионального сознания языковой личности.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта, 2022.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2019.

Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке / отв. редактор Е. С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 32–86.

Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия: монография. Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000.

Aust A. Modern Treaty Law and Practice. Cambridge: University Press, 2007.

Guzman A. T. How International Law works: A rational choice theory. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Heywood A. Global politics. China: Palgrave Macmillan, 2011.

Lewandowska-Tomaszczyk B. Polysemy, Prototypes, and Radial Categories // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens. Oxford: University Press, 2007. P. 139–170.

Yu. F. Karelskaya (Moscow, Russia)
Moscow Pedagogical State University

CATEGORY FEATURES OF THE UK OR USA “INTERNATIONAL AGREEMENT”

The report suggests an approach to the structure description of the cognitive category the UK or USA “International Agreement” with various states. The author outlines the prototypical effects of non-equality and non-discreteness at the intensional and referential level of the category.

Key words: international agreement, cognitive category, prototypical effect, reference level, everyday consciousness.

Л. А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный
педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru

ПЕРЕХОД ОТ ЭТНОЦЕНТРИЗМА К ЭТНОРЕЛЯТИВИЗМУ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ БЕСКОНФЛИКТНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья относится к исследованиям в области теории межкультурной коммуникации и посвящена рассмотрению сущности этнорелятивизма как одного из условий успешной межкультурной коммуникации. Как показано в работе, в основе данного принципа лежит тезис о признании разнообразия культур и сти-

лей мышления, что находит свое отражение в специфике этностилей коммуникации и должно учитываться в практике коммуникации «поверх границ культур» и в обучении иностранным языкам, что позволит преодолеть коммуникативную интерференцию.

Ключевые слова: когниция, коммуникация, этноцентризм этнорелятивизм, концептуальное взаимодействие, коммуникативная интерференция.

Когнитивно-коммуникативная парадигма, занимающая центральное место в современной лингвистике, уже своим названием указывает на неразрывную связь когниции и коммуникации как основных функций языка. При этом, разделяя мнение о неразрывности этих функций, лингвисты нередко расходятся в вопросе о том, какая из них является приоритетной. Представители менталистского подхода считают когнитивную функцию первичной, а коммуникативную – вторичной, производной от нее. По их мнению, язык предназначен прежде всего для развития в человеке абстрактного и творческого мышления, что позволяет человеку создавать «возможные миры» в своем сознании, а уж затем делиться своими мыслями с другими. Коммуникация, по мнению Н. Хомского и Р. Бервика, – «это своего рода интрига, в ходе которой говорящий производит какие-то внешние события, а слушающий пытается как можно более удачно соотнести их со своими собственными внутренними ресурсами [Хомский 2018: 131–132]. Иная точка зрения, отдающая приоритет коммуникативной функции, находит свое подтверждение в современных исследованиях по социальной нейронауке (*social neuroscience*) и психологии развития, в частности, в исследованиях по т. н. зеркальным нейронам (*mirror neurons*) [Gallese 2007]. Согласно этим данным, человек изначально предрасположен к коммуникации (*fundamentally attuned to interpersonal interaction*), и понятие *другой* (*Other*) является первичным, а *Я* (*Self*) – производным от него [Gallagher 2008]. Как пишет Л. Брандт, настроенность на других лежит в основе языка (*attunement to others is at the core of language*) [Brandt 2009: 39]. Наблюдения за модуляциями голоса и жестами новорожденных привели психологов к мысли о том, что они представляют собой т. н. прото-коммуникацию, которая предшествует когниции [Trevarthen 1994: 230]. Для нас наиболее значимой в этом научном споре является мысль о тесной связи между коммуникацией и когницией и их постоянном взаимодействии, находящем свое проявление в том, что именно в процессе коммуникации происходит формирование и развитие наших когнитивных способностей. Как отмечает С. Галлахер, именно коммуникация и взаимодействие людей формируют наши когнитивные способности (*communication and interaction shape our cognitive abilities from the very beginning*) [Gallagher 2009: 47]. Мысль о тесной связи

и взаимовлиянии когниции и коммуникации нашла свое отражение и в таких терминах, как *communicative mind*, *interpersonal cognition*, используемых сегодня в трудах по когнитивной лингвистике и теории коммуникации [Brandt 2009; Enfield 2017].

По мнению Н. Н. Болдырева, основным условием достижения бесконфликтной коммуникации является концептуальное взаимодействие между ее участниками, эффективность которого во многом зависит от уровня владения коллективным знанием и языковым опытом с учетом их социокультурной и национальной специфики [Болдырев 2022: 32].

Формирование личности, ее когнитивных способностей и коммуникативных навыков происходит в разных географических, климатических, социальных, экономических и политических условиях, совокупность которых формирует определенную культуру, понимаемую в самом широком смысле как все то, что мы делаем и думаем. Таким образом, культура служит той средой, в которой формируются базовые концепты и этностили коммуникации, что делает нашу когницию культурно-обусловленной. Именно на этой основе язык определяется как результат взаимодействия трех основных факторов: когниции, коммуникации и культуры [Everett 2012: 35].

В условиях коммуникации между представителями одной культуры основной причиной конфликтов чаще всего выступают различия в точках зрения, объеме знаний, т. е. когнитивные и социокультурные различия, а в коммуникации «поверх границ культур» барьером для достижения бесконфликтного общения часто являются не только когнитивные различия, как, например, наличие/отсутствие концепта или их разное содержание во взаимодействующих культурах, но и различия в языковом оформлении речевых актов. Культурная обусловленная нашей когниции находит свое отражение в этностиле коммуникации, а различия в этностиле, т. е. в способах оформления мысли часто приводят к конфликтам или неудачам в коммуникации. Примечательно, что такие конфликты могут возникать даже между представителями культур, говорящими на одном языке. Приведем один пример общения между студентом американского университета и британским профессором. *At some point in their conversation Boon has begun calling Philip by his first name, using moreover the contraction he has always detested. Philip resents the familiarity, but can think of no way of stopping him, though he had declined the invitation to address Boon as 'Charles'* (David Lodge. Changing Places).

Как отмечает Н. Энфилд, *"When we talk, we do not drive the conversation machine. The conversation machine drives us"* (Enfield: URL), т. е. мы автоматически используем речевые образцы, закрепленные в нашей памяти.

Нередки случаи, когда причиной коммуникативных неудач является незнание участниками коммуникации закрепленных в коммуникативном ресурсе другого языка определенных клише, используемых в коммуникации, что приводит к коммуникативной интерференции, т. е. к переносу навыков, сформированных на основе родной культуры, в сферу межкультурной коммуникации. Приведу часто цитируемый пример. Прилетев в Японию, американка попросила дежурную в отеле разбудить ее, и когда утром, еще не избавившись от т. н. *jet-lag*, вместо привычного “*Madam, this is your wake-up call*” она услышала “*Madam, your time has come*”, она не могла не испытать культурного шока. Практика показывает, что в процессах межкультурного общения оплошности языкового характера воспринимаются гораздо менее болезненно, чем т. н. *cultural mistakes*, которые могут быть как вербальными, так и невербальными.

Следствием статуса английского языка как языка международного общения и геополитическим положением Великобритании и США в мире стало восприятие англоязычного стиля коммуникации как универсального, а следовательно, вследствие тесной взаимосвязи когниции и коммуникации, многие культурные ценности и концепты стали трактоваться также как универсальные, что усиленно поддерживалось на геополитическом уровне идеями глобализации, результатом чего явилось доминирование принципа этноцентризма в межкультурной коммуникации, что нередко служило причиной коммуникативных неудач. Сегодня, в изменившихся геополитических условиях, в стремлении народов к сохранению своей национальной идентичности, идеи самодостаточности любой культуры становятся особенно востребованными и находят свое отражение в повороте от принципа этноцентризма к принципу этнорелятивизма. Ключевым понятием в концепции этнорелятивизма является понятие *mindfulness*, т. е. способность и готовность интерпретировать события и способ их репрезентации в языке с позиций иной культуры и иного мировосприятия. Для формирования подобного качества необходимо научиться воспринимать непривычное коммуникативное поведение не как неприемлемое, а как необычное и новое, анализировать коммуникативное взаимодействие с разных точек зрения и аспектов, рассматривать коммуникативные ситуации и их участников холистически, выделять новые категории, необходимые для понимания сущности и причин необычного коммуникативного поведения [Ting-Toomey 2018: 12]. Как следует из анализа перечисленных характеристик, понятие *mindfulness* довольно близко по своему содержанию понятию эмпатии, которая означает «воображаемое интеллектуальное и эмоциональное участие в опыте другого человека» [Bennet 1998: 209–213].

Сегодня, несмотря на геополитические конфликты, продолжает развиваться международное сотрудничество: осуществляются совместные деловые и научные проекты, проводятся международные конкурсы. В этой связи на английский язык как язык международного общения и на обучение практике межкультурного общения возложена ответственная задача, состоящая в том, что при использовании его как языка-посредника необходимо знать особенности коммуникативного этностиля разных культур и учитывать их в процессе межкультурного общения. Естественным следствием такого подхода должна стать не только успешность межкультурной коммуникации, но и взаимное обогащение культур и стилей коммуникации, усвоения нового без утраты при этом собственной культурной идентичности.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 3(50). С. 31–36.

Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018.

Bennett M. J. Overcoming the Golden Rule: Sympathy and Empathy // Basic Concepts of Intercultural Communication. Selected Readings / ed. by M. J. Bennet. Yarmouth, ME: Intercultural Press, Inc., 1998. P. 191–214.

Brandt L. Metaphor and the Communicative Mind // Journal of Cognitive Semiotics. 2009. Vol. 1–2. P. 37–72. URL: <http://www.cognitivesemiotics.com>.

Enfield N. J. How We Talk. The Inner Workings of Conversations. URL: <https://www.hachettebookgroup.com/titles/n-j-enfield/how-we-talk/9780465059942/#module-whats-inside>.

Everett D. L. Language. The Cultural Tool. New York: Vintage Books, 2012.

Gallagher S. Neural simulation and social cognition // Mirror Neuron Systems: The Role of Mirroring Processes in Social Cognition / ed. by J. A. Pineda. Totowa, New Jersey: Humana Press, 2008. P. 355–371.

Gallagher S. Philosophical antecedents to situated cognition // Cambridge Handbook of Situated Cognition / ed. by P. Robbins, M. Aydede. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009. P. 35–51.

Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // Social Neuroscience. 2007. No. 3(3). P. 317–333.

Ting-Toomey S., Dorjee T. Communicating across Cultures. Second Edition. New York; London: The Guilford Press, 2018.

Trevarthen C. Infant semiosis // Origins of Semiosis / ed. by W. Noth. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 219–252.

*L. A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

**TRANSITION FROM ETHNOCENTRISM
TO ETHNORELATIVISM
AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL
INTERCULTURAL COMMUNICATION**

The article refers to the theory of intercultural communication and considers the significance of ethnorelativism for successful intercultural communication. As the author shows, the underlying thesis of ethnorelativism is the recognition of cultural diversity and cognitive styles which find manifestation in communicative ethnostyles and must be taken into consideration in the processes of communication ‘across cultures’ as well as in the process of teaching foreign languages which will help us to overcome communicative interference.

Key words: cognition, communication, ethnocentrism, ethnorelativism, conceptual interaction, communicative interference.

*Л. С. Комисарова, С. А. Песина
(Магнитогорск, Россия)*

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
lyudmila-komisarova@mail.ru; spesina@bk.ru*

**СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОР
В ПРОЦЕССЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ¹**

В статье представлены способы перевода метафор на материале англо-русских соответствий. Как следствие несовпадения двух концептуально-языковых картин мира большое число отсутствующих устойчивых метафорических соответствий требует особого мастерства от переводчика. В работе обоснована необходимость внимательного выбора способа передачи метафоры в процессе межкультурного взаимодействия, приводятся рекомендации для переводчиков.

Ключевые слова: метафора, перевод, межкультурная коммуникация, язык, культура.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

В соответствии с устоявшимися языковыми нормами представителей разных культур, каждый язык формирует собственную картину мира, отражающую уникальный способ мышления и восприятия окружающей действительности. В языке прослеживаются историческое развитие этноса, обычаи и традиции народа, которые подвергаются изменениям на каждом новом витке развития языковой общности. Лингвокультурные традиции каждого конкретного этноса, глубоко укоренившиеся в его культуре, находят непосредственное отражение в постоянно развивающейся концептосфере базовых метафор.

В любом языке метафора выполняет функцию «настройки сознания», и, являясь зачастую уникальным культурным кодом, заключает в себе наиболее значимую информацию о культуре народа. В межкультурной коммуникации метафора выполняет роль общечеловеческого бытийного базиса, свидетельствуя о высокой степени интеграции культур различных народов. Превращение метафоры в междисциплинарный объект исследований имеет следствием некоторое размывание границ понятия «метафора».

В контексте межкультурной коммуникации происходит контакт не только языковых систем и их речевых манифестаций, но также и соприкосновение разных культур. В этом отношении нельзя переоценить роль перевода метафор разной степени эквивалентности. Перевод является не только взаимодействием языков, но также и взаимодействием культур, поэтому процесс перевода пересекает не только границы языков, но и границы культур. Он предполагает сознательное установление соотношений между данными исходного языка (ИЯ) и переводного языка (ПЯ).

Поскольку метафора зачастую выполняет ключевые функции в тексте, переводчику следует внимательно подходить к выбору способа перевода метафоры. От перевода метафор зависит степень коммуникативного воздействия текста и в худшем случае может привести к созданию неверного представления о его авторе [Баранов 2007: 360].

Метафора переводится эквивалентными единицами, частично эквивалентными (аналогами), калькированием, опущением, описаниями и буквализмами. Представим ниже данные способы перевода на примере англо-русских метафорических соответствий:

✓ В процессе поиска метафоры-эквивалента создается идентичный образ с метафорой родного языка: *Everyone will think you a perfect swine* – Все будут считать вас порядочной свиньей. Эквивалентный перевод имеет место вследствие того, что под свиньей в обеих культурах подразумевают одно и то же: неопрятный или/и непорядочный человек. Контекстное окружение, а именно, использованный атрибут, подсказывает второе значение.

Эквивалентными являются выражения, типа *we sowed the wind* (мы посеяли ветер (раздора)), а также более привычные эквиваленты: *head of a flower* – головка цветка, *foot of a mountain* – подножье горы, *neck of a bottle* – горлышко бутылки, *knee of a pipe* – колено трубы и т. п.

✓ Использование метафоры-аналога предполагает создание похожего, но не точного образа: *black sheep* – паршивая овца, *black frost* – трескучий мороз, *hand of a clock* – стрелка часов, *root of a weld seam* – внутренний скрытый сварной шов, *ill deeds* – плохие деяния и др.

✓ Такой способ перевода, как калькирование подразумевает копирование структуры исходной метафоры средствами языка перевода: *Remember, that caution is the parent of safety.* – Помни, что осмотрительность – мать безопасности.

✓ Если мера подобия в двух языках различна, то используются добавление или опущение: *bubble* – мыльный пузырь, *давление* – blood pressure, *not to be a cheap skate* – не быть дешевой, *a control freak* – всегда все контролирующий.

В предложении *There were twinkle bells of sunshine in the room* авторская генитивная метафора *twinkle bells of sunshine* (мерцающие колокольчики света) переводится на русский язык устойчивым словарным сочетанием *солнечный зайчик*. В результате чего происходит полная потеря оригинальной образности и, как следствие, прагматический эффект метафоры сводится к нулю. Конструкция *there were* трансформируется в переводе в глагол действия *прыгать*. Таким образом, актуализируется сема движения и вскрывается внутренняя форма русской языковой метафоры (свет «прыгает», как зайчик). Однако подобная переводческая стратегия не соответствует исходному авторскому замыслу.

✓ При использовании техники демегафоризации метафора ИЯ заменяется на слово или словосочетание ПЯ, не являющееся фигурой речи. Например: *That is the heart of our mission in the world today.* – Такова суть нашей миссии в сегодняшнем мире (переводчик заменяет метафору *heart* на существительное *суть*, не являющееся метафорой, поскольку сочетание *сердце миссии* непривычно для носителей русского языка).

Опущение метафоры и демегафоризация обеспечивают сохранность когнитивной информации, однако это часто приводит к снижению эмоционального воздействия на реципиента. Рекомендуется компенсировать эту утрату другими средствами оказания речевого воздействия.

✓ При использовании техники контекстуальной замены метафора ПЯ, не совпадающая по денотативному значению с метафорой исходного языка, выполняет ту же функцию: *I wear their position as a badge of honor. Because it means I am fighting for real change, not just partisan*

change. – Их сопротивление играет мне на руку. Потому что это означает, что я борюсь за реальные изменения, а не слепо верю во все. В данном примере русскоязычная метафора *играть на руку* имеет значение «помогать, содействовать кому-либо (обычно противной стороне) в чем-либо» [Нарский 1992: 34].

✓ Описательный перевод имеет место, когда образные выражения ИЯ малопонятны или неизвестны в ПЯ. Так, всем известный Чеховский персонаж в рассказе «Человек в футляре» при переводе на английский язык требует толкования как окказионализм: *A man in a case – A person who shuns people and is afraid of any change as if he is sitting in a case*. – Человек, который сторонится людей и боится любых перемен. При таком толковании, это понятие означает то же, что и мизантроп. Как можно видеть, был использован описательный перевод совместно с калькированием.

В целом, при переводе индивидуально-авторских метафор лучше сделать выбор в пользу калькирования, поскольку этот способ перевода обеспечивает сохранность уникального авторского стиля. При этом следует убедиться, что полученное соответствие не нарушает норм языка перевода и является понятным для реципиента. Калькирование зачастую имеет место наряду с использованием добавления или опущения некоторых элементов, а также толкованием, как в приведенном выше примере.

В заключение отметим, что большой объем безэквивалентной в обоих языках лексики имеет место вследствие того, что две концептуально-языковые картины мира не совпадают, и английский язык в целом имеет более образный характер в силу обилия метафор и фразеологизмов [Песина et al 2021; Солончак, Песина 2021]. В этой связи использование буквализмов или описательного перевода может привести к частичным стилистическим потерям, что особенно нежелательно в художественной литературе.

Литература

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: ЛКИ, 2007.
- Нарский И. С. Диалектическое взаимодействие «рассудка» и «разума» в философии Гегеля // От «рассудка» к «разуму»: сб. статей. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 71–90.
- Песина С. А., Баклыкова Т. Ю., Козлова К. А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45–50.
- Солончак Т. Ю., Песина С. А. Механизмы перевода метафорических единиц // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 3(50). С. 692–696.

L. S. Komisarova, S. A. Pesina

(Magnitogorsk, Russia)

Nosov Magnitogorsk State Technical University

WAYS TO TRANSLATE METAPHORS IN THE PROCESS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article discusses the ways of translating metaphors in the process of intercultural communication into a translating language. The paper defines the metaphor, justifies the need for careful choice of the method of metaphor transmission in the process of intercultural interaction, describes the methods of translation, as well as recommendations for translators.

Key words: metaphor, translation, intercultural communication, language, culture.

A. E. Корякина, Е. Ю. Скороходова

(Москва, Россия)

*Российский государственный
социальный университет*

aniaxas@gmail.com; aentar@gmail.com

ПРЕОДОЛЕНИЕ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье проанализированы несколько вариантов перевода художественного произведения для того, чтобы понять, как переводчик пытался сгладить когнитивный диссонанс у читателя при встрече с метафорой, отображающей чужие реалии, и удалось ли переводчику вызвать у читателя ту же реакцию, которая была задумана автором.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, метафора, перевод, реалии, культура.

Человек ежедневно взаимодействует с окружающим миром, открыто или подсознательно вырабатывая реакции на каждый контакт. Состояние разума человека обуславливает эти реакции. Наиболее заметно это проявляется в состоянии знания, понимания, интерпретаций и верования. Процессы,

связанные со знанием и информацией, называются когнитивными, или когнициями. Когнитивизм – это направление в науке, объектами изучения которого являются человеческий разум, мышление и ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности [Маслова 2008: 3]. Данные понятия очень важны для переводчика художественной литературы, потому что практически в каждом процессе перевода, он сталкивается с когнитивным диссонансом – подсознательной реакцией на различия в реалиях переводящего языка и исходного языка.

Цель – проследить, как переводчик передает метафоры исходного языка в переводящем языке, стремясь избежать когнитивный диссонанс читателя художественных текстов. Анализ проводится на примере художественного произведения, написанного Люси Мод Монтгомери – “*Anne Of Green Gables*”. Теоретическая часть статьи строится с опорой на работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», Г. Д. Воскобойника, Е. А. Вебера «Когнитивный диссонанс в переводческом дискурсе» и другие.

Метафоры существуют повсеместно в нашей жизни, они используются и в устной, и в письменной речи. Из чего следует, что переводчики художественной литературы всегда сталкиваются с переводом метафор, а значит данную тему можно считать актуальной. Впрочем, большое количество теоретических работ по теме когнитивизма и когнитивного диссонанса написаны в конце XX в., а значит, какая-то информация может считаться устаревшей. Это, в свою очередь, доказывает важность создания научных работ по данной проблематике.

Таким образом, в данной работе мы проанализируем перевод метафор в художественных произведениях и попытаемся дать ответы на вопросы: смог ли переводчик сгладить когнитивный диссонанс читателя своим выбором перевода той или иной метафоры? Как маленькая фраза могла повлиять на перевод и восприятие текста читателем?

Метафора – специфическое изобразительно-выразительное средство, встречаемое в художественном тексте, при помощи которого автор может передать свое отношение, направить мысль читателя в то или иное русло, передать историю и реалии своей культуры. В когнитивной теории метафора рассматривается не столько как языковое явление, сколько как концептуальный результат взаимодействия различных структур знаний [Лакофф 2004: 1] Существует множество устоявшихся метафорических выражений, которые со временем стали межкультурными. Тем не менее, сохранились метафоры, отражающие культурную специфику, не зная которой читатели не смогут понять задумку автора. В своей работе переводчик художествен-

ной литературы постоянно встречается с проблемой перевода метафор. Встречая метафору, несвойственную для его лингвокультуры, переводчик может испытать когнитивный диссонанс – отраженное в произвольной форме знание переводчика о том, что между текстами переводящего языка и исходного языка имеются содержательные отличия и реакция на это знание [Воскобойник, Вебер 2012: 2]. При успешной работе переводчика читатель не столкнется с когнитивным диссонансом, т. к. выражение будет адаптировано под культурные реалии, в противном случае – читатель не сможет уловить идею, что в конечном итоге может негативно повлиять на его оценку произведения.

Далее, рассмотрим некоторые примеры метафор, встречающиеся в книге Люси Мод Монтгомери “Anne Of Green Gables”. Для работы возьмем следующие варианты перевода:

1. «Аня из зеленых мезонинов» в переводе М. Батищевой;
2. «Аня с фермы Зеленые Крыши» в переводе Н. Чернышовой-Мельник;
3. «История Энн Ширли» в переводе Р. Бобровой;
4. «Энн из зеленых крыш» в переводе А. Г. Свидиной.

В произведении Люси Мод Монтгомери просматриваются два основных концептуальных направления метафор: природа и рабочие инструменты.

Пейзаж играет важную роль в характеристике главной героини, что прослеживается с самого начала и до последних строк произведения. Природа отражает внутренний мир героини, ее переживания, мечты, ее внутреннее состояние, поэтому для переводчика очень важно сохранить эту связь, дабы полноценно передать задумку автора.

*I'm only just **pruned down and branched out*** [Монтгомери 2022: 8].

1 вариант перевода: отсутствует [Батищева 2022: 4]. 2 вариант перевода: *Просто меня, как молодое деревце, немного подстригли, и у меня выросли новые ветви...* [Чернышова-Мельник 2023: 5]. Метафора осталась практически неизменной. Идея понятна, прослеживается отсылка к природе, но подобные сравнения непривычны для русской культуры, и для англоговорящего читателя текст представляется более лаконичным. Тем не менее, подобный перевод следует считать оправданным, потому что сохраняется привлеченный для сравнения образ природы. 3 вариант перевода: *Просто меня, как молодое деревце, немного подстригли, и я закудрявилась новыми ветками* [Боброва 2000: 6]. Переводчик перевел метафору практически в неизменном виде, сохраняя отсылку к природе. 4 вариант перевода: *Я только выросла и поумнела* [Свидина 2015: 7]. Переводчик полностью исключил метафору из текста, тем самым исключив отсылку к природе. Это может привести к тому, что читатель не увидит параллели, существующей между развитием образа персонажа Энн и ее взглядов

на окружающую среду. Учитывая сказанное, наиболее успешным можно считать перевод № 2.

Метафора может отражать восприятие автором мира и окружающих его реалий. Известно, что произведение основывается на детских впечатлениях писательницы, заставшей период бурного развития Канады в XIX–XX вв. Можно предположить, что растущее количество представителей рабочего класса, развитие экономики и другие факторы повлияли на язык – в этот период появилось множество метафор, связанных с техникой, разными инструментами и ремеслом, что отразилось на восприятии окружающей реальности автором и привело к использованию большого количества метафор, связанных с этими темами, в тексте. Очень многие из них относятся к реалиям только английской и канадской культур и не имеют аналогов в русском языке.

Артефактная метафора, у которой нет аналога в русском языке – *rusty smile. Something like a reluctant smile, rather **rusty** from long disuse, mellowed Marilla's grim expression* [Монтгомери 2022: 8].

1 вариант перевода: *Что-то вроде невольной улыбки смягчило суровое выражение лица Мариллы* [Батищева 2022: 4]. Переводчик исключает эту часть предложения и не оставляет и малейшего намека на то, что Марилла давно не улыбалась, для нее это необычно. 2 вариант перевода: *На обычно суровом лице Мариллы появилось некое подобие улыбки* [Чернышова-Мельник 23: 5]. Переводчик никак не передает метафору, но компенсирует опущение добавлением *на обычно суровом*, и идея метафоры все же передается. 3 вариант перевода: *На суровом лице Мариллы мелькнула невольная улыбка* [Боброва 2000: 6]. Переводчик опустил метафору, тем самым исключив отсылку к описанию характера Мариллы. 4 вариант перевода: *Что-то вроде слабой улыбки, заржавевшей от длительного бездействия, смягчило мрачное выражение лица Мариллы* [Свидина 2015: 7]. Предложение передано дословно, но читатели могут столкнуться с когнитивным диссонансом. В данном случае, считаю лучшим вариантом перевода – № 2, потому что идея передана понятными для русского читателя словами.

Создание художественного произведения, в каком-то смысле, есть создание определенной реакции на слова, описывающие ту или иную реалию. В таком случае, задачей переводчика является передача исходного текста таким образом, чтобы вызвать у читателя произведения на переводящем языке ту же реакцию, что и у читателя на исходном языке, несмотря на возможные различия в культуре и реалиях. При этом важно не нарушать структуру произведения автора, его идею, важно максимально сохранить особенности языка писателя и всевозможные детали, которые являются не-

отъемлемой составляющей произведения. В подобных ситуациях особую трудность вызывают метафоры, которые сами по себе являются отражением реалий автора. Иногда реалии настолько различны, что при неудачном переводе, у читателя может возникнуть когнитивный диссонанс и частично или полностью утеряно понимание текста.

Литература

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Воскобойник Г. Д., Вебер Е. А. Когнитивный диссонанс в переводческом дискурсе // Актуальные вопросы преподавания иностранного языка, межкультурной коммуникации и переводческих дисциплин в вузе Екатеринбург: УрФУ, 2012. С. 165–168.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008.

Монтгомери Л. Аня из Зеленых Мезонинов / пер. с англ. М. Батищевой. М.: Издательство АСТ, 2022.

Монтгомери Л. Аня с фермы Зеленые Крыши / пер. с англ. Н. Д. Чернышовой-Мельник. СПб.: Издательство Качели, 2023.

Монтгомери Л. История Энн Ширли / пер. с англ. Р. Бобровой. М.: Издательство ТЕРРА, Книжный клуб, 2000.

Монтгомери Л. Энн из зеленых крыш / пер. с англ. А. Г. Свидиной. М.: Мульти-медийное из-во Стрельбицкого, 2015.

Монтгомери Л. Anne of Green Gables. М.: Издательство АСТ, 2022.

A. E. Koryakina, E. Yu. Skorokhodova

(Moscow, Russia)

Russian Social State University

MANAGING COGNITIVE DISSONANCE IN TRANSLATING METAPHORS IN A LITERARY TEXT

The article analyzes several versions of the translation of a novel, in order to understand how the translator tried to eliminate cognitive dissonance of the reader when encountering a metaphor reflecting foreign reality, and whether the translator managed to cause the same reaction from the reader that was intended by the author.

Key words: cognitive dissonance, metaphor, translation, realities, culture.

А. Е. Купцов, Е. Е. Милосердова

(Ярославль, Россия)

*Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского*

kursov.a@mail.ru

*Международная академия бизнеса
и новых технологий (МУБиНТ)*

miloserdova-elena@yandex.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ И ИДИОМАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена исследованию дискурсивных и идиоматических единиц как средств обеспечения межкультурной коммуникации в художественном дискурсе. В языке отражаются различные модели видения мира, характерные для человечества на протяжении его истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм.

Ключевые слова: дискурсивы, идиомы, семантика, смыслы культуры, коннотативные значения.

Как известно, для полноценного общения необходимо тщательное изучение мира носителей языка, их культуры и менталитета, т. к. мир представлен человеку через призму его языка и культуры. Следует отметить, что в языке отражаются различные модели видения мира, характерные для человечества на протяжении его истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм.

Необходимо отметить, что современные подходы к изучению дискурса и его единиц позволяют определить данный феномен как познавательный процесс и социальное действие человека, участвующего в вербальном взаимодействии (акте коммуникации). Таким образом, художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста. Согласно довольно распространенному мнению, художественный дискурс отражает все особенности национально-культурной специфики языка и мироощущения этноса. Так, осмысление этнокультурных различий и сходств в сопоставляемых разноструктурных языках дает возможность обнаружить взаимосвязанные смысловые линии в английской и русской лингвокультурах [Бабаян 2021; Шилова 2022а; Шилова 2022б; Miloserdova, Belyaeva 2019].

Каждый народ обладает культурно-национальными традициями и спецификой, которые, безусловно, отражаются в языке. Следует отметить, что в процессе коммуникации представители определенного лингвокультурного сообщества обозначают предметы и явления окружающего мира, выражают эмоции, а также сообщают информацию. Так, А. П. Садохин указывает на тот факт, что межкультурная коммуникация является совокупностью разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, которые принадлежат абсолютно к разным культурам [Садохин 2004]. Таким образом, межкультурная коммуникация – это взаимодействие между представителями разных наций, культур как на уровне личных контактов, так и на уровне опосредованных форм коммуникации (массовая коммуникация и письменность). Под культурой понимается совокупность форм человеческой деятельности в самых разных проявлениях, это набор кодов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями. Исходя из вышеприведенного определения можно сделать вывод о том, что культура способна меняться – в частности это возможно при контакте одной культуры с другой, что приводит к заимствованиям. В современной науке сформировалась точка зрения, что культуру нельзя рассматривать как единичный элемент – без культурного контекста других народов, цивилизаций. Культуры существуют благодаря созданию и сохранению общих систем символов, в которые участники общения вкладывают определенные значения и с помощью которых могут обмениваться информацией. Язык является средством, благодаря которому возможно взаимодействие между народами – межкультурная коммуникация. Таким образом, владение иностранными языками является способом для взаимодействия с представителями других культур. Для полноценного общения необходимо тщательное изучение мира носителей языка, их культуры и менталитета, т. к. мир представлен человеку через призму его языка и культуры. Следует отметить, что в языке отражаются различные модели видения мира, характерные для человечества на протяжении его истории, а тем самым и различные возможности формирования и развития языковых значений и форм. Согласно довольно распространенному мнению, художественный дискурс отражает все особенности национально-культурной специфики языка и мироощущения этноса. Так, осмысление этнокультурных различий и сходств в различных языках дает возможность обнаружить взаимосвязанные смысловые линии в лингвокультурах [Бабаян 2016; Купцов 2016].

Следовательно, межкультурная коммуникация невозможна без взаимодействия с помощью языков. Так, дискурсивные и идиоматические единицы подобно национальным словам отражают специфику культуры, историю

страны. Данные единицы языковой системы – это огромный пласт культуры, который отражает национальную специфику народа, они способны показать скрытые аспекты жизни. Необходимо отметить, для художественного стиля характерно употребление дискурсивов, которые способны фокусировать внимание реципиента/читателя (адресата) на последующей новой информации в высказывании, доносить до читателя (адресата) квалификативные смыслы высказывания, а также вносить в высказывание большую интенсивность. В разряд дискурсивных маркеров включены частицы, наречия, союзы, местоимения, выступающие в определенной речевой ситуации. Все они являются важными элементами в семантико-коммуникативном и коммуникативно-прагматическом аспектах, т. к. отражают стратегию ведения разговора и позицию говорящего по отношению к сообщаемым фактам [Купцов 2017].

Методом сплошной выборки были выбраны идиоматические и дискурсивные единицы в англоязычном художественном дискурсе. В английском языке множество идиом, которые можно квалифицировать с помощью разнообразных критериев, например, идиомы по значению (о погоде – *Indian summer* – бабье лето), (о настроении *in a black mood* – быть в плохом настроении), идиомы, в которых критерий – часть речи, например, идиомы с предлогом (*on the ball*) или идиомы с глаголом (*take five* – отдохнуть пару минут). В ходе исследования была выявлена классификация, в которой критерием выступает главное слово, отражающее смысл идиомы.

В английском языке внушительное количество изучаемых единиц, где главным словом является *tea* (чай). Данные идиомы неразрывно связаны с английской традицией – чаепитием. Этимология этих идиоматических выражений уходит корнями в историю. Так, например, *It's not my cup of tea* – это не в моем вкусе. История данной идиомы довольно интересная, изначально она использовалась в положительной форме – *It's my cup of tea* – мне это нравится, так говорили о человеке, который близок по духу. Частица *not* (которая преобразовывает конструкцию в отрицательную) добавилась после Второй Мировой войны, также это выражение стали использовать по отношению как к людям, так и неодушевленным предметам. *It's another cup of tea* – это совсем другое дело. Существует огромное количество видов чая, каждый из них уникален и не имеет ничего особо общего по вкусу с другим, следовательно, исходя из такой логики мы можем объяснить происхождение идиомы.

For all the tea in China – ни за что на свете. По одной из версий происхождения данной идиомы выражение появилось в XVIII–XIX вв., когда Китай славился производством своего чая, откуда он и поставлялся в Великобританию и ее колонии: *To take tea with smb* – иметь с кем-либо дело;

What does that have to do with the price of tea in China? – Как это относится к делу?; *Tea and sympathy* – сочувствие и сострадание; *Tea party* – что-то легкое, например, *the test was a real tea party* – тест был легким.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что межкультурная коммуникация – это понятие, которое включает в себя много аспектов, таких как язык (национальные слова, идиоматические дискурсивные единицы, грамматические конструкции и т. д.), история, традиции страны. Без данных составляющих невозможно понять культуру отдельного человека и народа в целом.

Подводя итог, можно сказать, что дискурсивные и идиоматические единицы выполняют важную функцию в межкультурной коммуникации: позволяют более детально понять мысль автора; служат эквивалентом для резких и щепетильных высказываний, слов; демонстрируют причастность автора художественного текста к происходящему, отражая его миропонимание и привнося в высказывание дополнительную композиционно-смысловую нагрузку.

Литература

Бабаян В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 4. С. 127–129.

Бабаян В. Н. О «переключении языкового кода» и смене темы разговора в диалогическом дискурсе терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2(57). С. 68–78.

Купцов А. Е. Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 139–142.

Купцов А. Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском языке // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 438–441.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2004.

Шилова Н. В. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022а. Вып. 3(50). С. 269–273.

Шилова Н. В. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект // Язык и общество. Диалог культур и традиций. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022б. С. 223–232.

Miloserdova E. E., Belyaeva N. G. Microlearning: a way to study online // Functional aspects of intercultural communication. Translation and interpreting issues. 2019. Vol. 6. P. 499–509.

A. E. Kuptsov, E. E. Miloserdova

(Yaroslavl, Russia)

Yaroslavl State Pedagogical University

named after K. D. Ushinsky

International Academy of Business

and New Technologies (MUBINT)

DISCOURSE AND IDIOMATIC UNITS AS MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN FICTIONAL DISCOURSE

This article is devoted to the study of discourse and idiomatic units as means of ensuring intercultural communication in fictional discourse. The language reflects various models of world vision characteristic of humanity throughout its history, and thus various possibilities for the formation and development of linguistic meanings and forms.

Key words: discourse markers, idioms, semantics, cultural meanings, connotative meanings.

Д. В. Накисбаев, Ли Сюэ (Москва, Россия)

Российский Университет Дружбы Народов

evelynlee@mail.ru; nakisbaev-dv@rudn.ru

ТЕРМИН «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА» В КИТАЙСКОМ И ЗАПАДНОМ КОНТЕКСТЕ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В современном обществе возрастает роль языковой политики и языкового планирования. Не менее значимым становится значение теоретических работ, в том числе сравнительного характера, по данной проблематике. Трудность анализа термина «языковая политика» состоит в различиях его понимания в разных регионах мира, в том числе по причине дискурсивной природы данного термина. В статье анализируются отличия семантики данного термина в контексте китайской и западной научных традиций.

Ключевые слова: языковая политика, западные научные традиции, китайский контекст, сематический анализ, путунхуа, этнические языки.

Введение. Как эмпирический объект и область исследований языковая политика и языковое планирование появились сравнительно недавно. Первый большой опыт языкового строительства был в СССР в 20–30-е гг.

[Алпатов 2000], затем данная область исследований на иной идеологической основе была концептуализована западной, в первую очередь англо-саксонской лингвистической традицией в конце 50-х начале 60-х гг. История вопроса дана в работе [Москвичева 2013]. К настоящему времени в западной науке в этой области достигнуты существенные успехи, широко применяется междисциплинарный подход, объединяющий достижения в области философии, антропологии, социологии, истории, политологии, коммуникации и экономики [Li Yuming 2011: 4]. В то же время сами объекты исследований, связанные с языковой политикой и языковым планированием, также становятся все более разнообразными, поскольку зависят от географических, политических, социальных, исторических условий существования стран и регионов. Помимо объективных факторов большую, если не определяющую роль в становлении семантики термина *языковая политика* играет факт его дискурсивной, а не онтологической природы. «Что касается категориального членения языкового пространства в социо-функциональном аспекте, то полученные единицы являются преимущественно производными от различных дискурсов. Рассматриваемая нами терминология не просто связана с различными дискурсивными практиками, а, подчеркнем, производна от них. Все поле социально-функциональной категоризации языков есть не что иное как пересечение множества дискурсов, поэтому означающее практически любой исследованной номинации представляет собой мерцающую структуру, разные грани которой отсылают к смыслам разных эпох, разных акторов, разных ситуаций» [Москвичева 2017: 50]. Дискурсивная природа концептов [Болдырев 2000] языковая политика и языковое планирование делает их полисемичными иногда в пределах одной культуры, поскольку они могут быть объектами исследований в разных идеологических парадигмах [Москвичева 2015].

«Языковая политика» и «языковое планирование» в контексте китайской культуры. В Китае начало мероприятий, связанных с языковой политикой и корпусным планированием датируется реформой 车同文 ‘шу тунвэнь’ (письмена стали из одинаковых элементов), связанной с унификацией письменности при династии Цинь (221 г. до н. э.). Большое место языковая политика и планирование занимали в эпоху 白话文运动 «Народного движения» (движение за сближение и объединение письменного и устного стилей китайского языка) в 1840–1949 гг., а также после основания Китайской Народной Республики, для которой главным вопросом в этой области было распространение путунхуа 推广普通话 (общий язык). Несмотря на существование фактических традиций, специальные исследования по теории и практике языковой политики появились относительно недавно. Значение термина *языковая политика* в китайском

контексте подверглось изменениям со сменой идеологических установок и развитием исследований в этой области. В настоящее время семантика китайского понятия «языковая политика» приближается к западному «*language policy*», сохраняя при этом собственно китайскую специфику в семантике и прагматике.

Концепт ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА в китайском контексте.

Китайские термины 语言政策. ‘*yuyan zhengce*’ (юйянь чжэнцэ – языковая политика), как и 语言规划 ‘*yuyan guihua*’ (юйянь гуйхуа – языковое планирование) являются заимствованными. Несмотря на то, что соответствующие китайские иероглифы существуют давно, их семантика существенно изменилась под влиянием зарубежных исследований. Слово 政策 ‘*zhengce*’ ‘чжэн цэ’ (политика) существовало уже в древнекитайском языке, но данные иероглифы употреблялись отдельно. Согласно толковому словарю 汉典. (Han dian 2004) в древнекитайском ‘чжэн’ и ‘цэ’ были связаны исключительно с императорской (законной) властью и обозначали тактики и правила управления страной и регулирования жизни людей. В современный китайский язык ‘чжэн цэ’ вошло в XIX в. как обратное заимствование из японского, при переводе японскими учеными английского слова *policy*. Первое использование данного термина в современном Китае отмечено в статье Лян Цичао «Записки Реформа года у-суй» в 1899 г. [Liang Qichao 2010: 156]. Термин 语言政策 ‘языковая политика’ еще более современный, его первое употребление относится к 1960 г. Однако в тот период его семантика и поле приложения существенно отличались от его западного аналога. Это была языковая политика в особом, специфическом китайском понимании, что обусловлено особенностями исторической и политической ситуации и формами идеологического дискурса. В период с 1949 г. (основание КНР) по 1988 г. приоритетной задачей, стоявшей перед китайским правительством, было создание условий для овладения этническими меньшинствами путунхуа (普通话. ‘*putonghua*’ (общий и стандартный язык Китая)), однако при соблюдении их прав на сохранение культурного наследия, родного языка и идентичности в рамках региональной автономии. В целях помощи этническим меньшинствам в овладении путунхуа, в школах автономных районов этнических меньшинств были организованы курсы китайского языка для ускорения распространения путунхуа в этнических районах. Согласно статье 3 «Конституции КНР (1954)», постулирующей, что «все этнические группы имеют свободу использовать и развивать свой этнический язык, как письменный, так и устный» [Xian Fa 1954], правительство решило ряд задач в области языков и письменностей этнических меньшинств, направленных на содействие развитию и защите языков и письменностей этнических меньшинств. К таким задачам относились перепись языков и письменностей

этнических меньшинств, создание и реформа вариантов письменностей для меньшинств, а также создание исследовательских институтов и рабочих учреждений по изучению языков меньшинств [Москвичева, Ли Сюэ 2018]. Однако первоочередной задачей для всех этих учреждений в первые десятилетия существования КНР была помощь в освоении и распространении путунхуа. Традиционно высокая роль государства при формулировании задач и мер, проводимых в рамках языковой политики, исторический опыт КНР и семантическое наследие иероглифа 政策 ‘политика’ привели к формированию понимания языковой политики как мер и мероприятий, проводимых исключительно уполномоченными государственными структурами.

Формирование новой семантики понятия «языковая политика» началось в конце 80-е гг. В 1988 г. появились оригинальные и переводные работы о языковой политике Австралии (Loubi Anke 1988), Франции (Feng Zhiwei 1988), Ганы (Shevyakov, Chang Zhonglie 1988) и других стран, что стало началом сближения китайской и западной научных традиции в этой области, а китайский термин *языковая политика* стал сближаться с семантикой *language policy* Запада.

Заключение. Таким образом, термин *языковая политика* применительно к китайскому контексту требует особых комментариев при его переводе на другие языки. Подобная ситуация характерна и для советского/российского термина *языковое строительство*, который, на наш взгляд, не является синонимичным понятиям «языковая политика» или «языковое планирование», что еще раз подтверждает дискурсивную идеологическую природу данных концептов. Китайский термин *yuyan zhengce* и *language policy* (языковая политика) также не являются полными синонимами. Термин *language policy* имеет более широкий объем понятия, чем китайский *yuyan zhengce* (языковая политика), который на данном этапе в большей степени применим к официальной (институциональной) политике, стратегиям, мерам и методам. Это крупномасштабная национальная политика, которая обычно осуществляется правительственными ведомствами и призвана повлиять на дискурс и культурную практику всего общества.

Литература

- Алтанов В. М. 150 языков и языковая политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт, 2000.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000.
- Москвичева С. А. Языковая политика. Языковое планирование. Языковая идеология // Типология языковых ситуаций и языковая политика в России и мире / под ред. Н. Ф. Михеевой и др. М.: РУДН, 2013. С. 82–116.

Москвичева С. А. Синхронические и диахронические модели языковой нормы: миноритарный язык между «кодифицированным вариантом» и «литературным языком» // Психологические исследования. 2015. 5(42). URL: <http://psystudy.ru>

Москвичева С. А. Терминология в области социолингвистических категоризаций языков: поиск идеала или точки зрения? // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 4. С. 45–62.

Москвичева С. А., Лу Сюэ Категоризация номинаций языков в социолингвистическом пространстве китайской народной республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 8. № 3. С. 684–700.

Feng Zhiwei 冯志伟. 法国的语言政策. 语文建设. 198. 第6期. P. 22–23 [Фэн Чживэй Языковая политика Франции. Языковое планирование. 1988. Вып. 6. С. 22–23].

Han Dian 汉典 [Словарь китайского языка]. 2004. URL: <https://www.zdic.net/hans/政>.

Liang Qichao. 梁启超. 戊戌政变记. 广西: 广西师范大学出版社. 2010. P. 156. [Лян Цичао Записки Реформ года у-суй. Гуанси: Издательство педагогического университета Гуанси, 2010. С. 156].

Loubi Anke 楼必安可. 澳大利亚的国家语言政策. 语文建设. 1988. 第5期. P. 55–57 [Лоуби Анкэ Национальная языковая политика Австралии // Языковое планирование. 1988. Вып. 6. С. 55–57].

Shevyakov M. B., Chang Zhonglie М·Б·Шевьяков, 常忠烈. 论加纳的语言政策. 民族译丛, 第6期. 1988. P. 31–33. [Шевьяков М. Б., Чан Чжунли. О языковой политике Ганы // Этнические переводы. 1988. Вып. 6. С. 31–33].

Xian Fa 五四宪法 1954 [Конституция КНР (1954)]. URL: https://baike.baidu.com/item/五四宪法?fromModule=lemma_inlink.

*Nakisbaev B. M., Lee Xue (Moscow, Russia)
People's Friendship University of Russia*

THE TERM “LANGUAGE POLICY” IN THE CHINESE AND WESTERN CONTEXT: A COGNITIVE APPROACH

In modern society, the role of language policy and language planning is increasing. No less significant is the importance of theoretical works, including those of a comparative nature, on this issue. The difficulty of analysing the term *language policy* lies in the differences in its understanding in different regions of the world, including due to the discursive nature of this term. The article analyses the differences in the semantics of this term in the context of Chinese and Western scientific traditions.

Key words: language policy, Western scientific traditions, Chinese context, semantic analysis, Mandarin Chinese, ethnic languages.

М. М. Патиева (Тюмень, Россия)

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище
имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова
mpatieva@bk.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ИНГУШСКОГО ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА ИДРИСА БАЗОРКИНА

В статье рассматривается концептуализация ценностей в языковой картине мира билингва. Говоря о билингвизме как о многогранном явлении, представляющем интерес с позиции лингвистики, философии, психологии и, прежде всего, лингвокультурологии, следует отметить, что высокий интерес у исследователей вызывает уникальность билингвального мышления, особенно у писателей-билингвов.

Ключевые слова: билингвы, концептуализация ценностей, языковая картина мира, языкознание, лингвокультурология, языковая личность.

Концептология – развивающаяся наука. Данный термин заимствован лингвистами из математической логики и нашел свое применение после появления работы С. А. Аскольдова-Алексеева «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь».

В начале XX в. термин обретает популярность благодаря Д. С. Лихачеву и Ю. С. Степанову, которые наделили его самостоятельной интерпретацией. Употребление термина стало необходимым для описания когнитивных объектов, направленных на ассоциативную образную оценку.

Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Базоркинская энциклопедия 2017: 260].

В. И. Карасик рассматривает языковую личность как коммуникативную личность, в структуре которой можно выделить ценностный, познавательный и поведенческий планы этого понятия.

Под языковой личностью В. И. Карасик понимает личность коммуникативную – «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций».

Современное языкознание рассматривает язык не только как многогранный и сложный конструкт, а как «организм», который является частью

культуры, а культура, в свою очередь, является частью самого языка. Язык обеспечивает образующуюся концептосферу словесными знаками как именами концептов, при этом осмысленная речь формирует знаковые смыслы. Данное утверждение относится и к билингвизму [Баринова 2015: 26].

Говоря о билингвизме как о многогранном явлении, представляющем интерес с позиции лингвистики, философии, психологии и, прежде всего, лингвокультурологии, следует отметить, что высокий интерес у исследователей вызывает уникальность билингвального мышления, особенно у писателей-билингвов.

В индивидуально-авторской картине мира Идриса Базоркина вербализируется концепт СЕМЬЯ: его актуализация в этнокультурной среде семиотически обеспечивается *знаками-регулятивами*, репрезентированными традициями, обычаями, социальными, религиозными, экономическими и прочими установлениями, наличествующими в месте обитания того этноса, который ими руководствуется.

Семиотика этого свода правил представляет собой кластер этических знаков, в который включены эхь – добросовестность, бехк – порядочность, почтительность; юхь – достоинство, гулакх – добродетельность, яхь – стремление быть лучше, сий – честь; денал – смелость, сила духа, сабар – терпимость; К1ахетам – великодушие.

Актуализация семейных ингушских ценностей согласно кодексу Эздел предполагает исполнение неписанных установлений или максим, таких, как, например, младшим следует вставать, когда в помещение входит старший по возрасту; младшие всегда здороваются первыми; младшие обязаны проявлять уважение в отношении старших, выражать готовность помочь.

В народном сознании ингушей на протяжении веков формировались традиции дружеских добрососедских отношений с другими народами.

В семиотике социальных взаимоотношений ингушей отмечены также знаки-фратриативы (вежарал – побратимство) и знаки-амициативы (доттаг1ал – дружба, дружество), которые семиотизировали заключение братских и дружественных союзов как между представителями одного народа, так и представителями разных национальностей.

Обычаи вежарал и доттаг1ал помогали решать миром возникавшие конфликтные ситуации и проблемы как внутри общества, так и за его пределами. Эти же идеи отражал и кавказский обычай куначества, который в свою очередь сыграл немаловажную роль в укреплении дружеских отношений между народами.

В то же время народам Кавказа свойственна кровная месть, семиотизирующая основную идею – идею справедливости, которая эксплицируется

знаком-вендиктивом нийсал и направлена на стремление выработать в каждом члене ингушского общества мысль о том, что нельзя пренебрегать другой жизнью, другой честью [Патиева 2016: 157–159].

Концепт СЕМЬЯ в ингушской лингвокультуре настолько аксиологически важен, что его можно расценивать как отдельную концептосферу, поскольку в его структуре обнаруживаются этносоциально релевантные субконцепты МАТЕРИНСТВО (НАЪНА); ОТЦОВСТВО (ДОАЛ); СВАДЬБА (представлен четырьмя номинациями – МАБРЕ ЯХАР, САГ ЙОАЛАЯР, ЦИГА ДЕШ ДОЛА ТОЙ И ХЪОАЛЧАГИА); ПОХОРОНЫ (представлен двумя номинациями – ВЕННА САГ ДЬАВОЛЛАР и ТАЪЗЕТ); парный субконцепт МУЖ – ЖЕНА (СУПРУГА) (МАР – СЕСАГ); ПОЧИТАНИЕ СТАРШИХ (ЮХЬЯ ВОККХА САГ), ДОМ (представлен тремя номинациями – ФУСАМ, ЦИА И ЦЕНОШ); ОЧАГ (КХУВРЧ), ПИЩА (представлен двумя номинациями – ДААР и КХАЧА) и ряд других.

Семейные ценности ингушей занимают особое место в художественном пространстве романа-эпопеи И. М. Базоркина «Из тьмы веков».

Национальная специфика проявляется в следующем: семья понимается не как союз двух людей, а как группа близких родственников, живущих под одной крышей.

Положительно оценивается духовное благополучие семьи, отсутствие ссор. Несмотря на отсутствие большого материального достатка, это счастливая семья [Патиева 2010: 305].

Таким образом, семья занимает особую роль среди культурных ценностей ингушского народа. Именно в семье происходит социализация человека и его приобщение к этнокультурным ценностям предыдущих поколений. В семье формируются социально-правовые установки и мировоззрение личности.

Литература

Базоркинская энциклопедия / авт.-сост. Я. С. Патиев. Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2017.

Барина И. А., Нестерова О. А. О некоторых особенностях языковой личности билингва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1 (46). С. 26–29.

Патиева М. М. Концепт «свой – чужой» в романе Идриса Базоркина «Из тьмы веков» // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 157–159.

Патиева М. М. Ингушская антропонимия: особенности и традиции именования // Русский язык как фактор стабильности государства и нравственного здоровья нации: в 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Мандра и Ка, 2010. С. 305–308.

M. M. Patieva (Tyumen, Russia)
*Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov*

**CONCEPTUALIZATION OF VALUES
IN THE LINGUISTIC WORLDVIEW
OF INGUSH BILINGUAL AUTHOR IDRIS BAZORKIN**

The article deals with the conceptualization of values in the linguistic picture of the bilingual world. Speaking about bilingualism as a multifaceted phenomenon that is of interest from the standpoint of linguistics, philosophy, psychology and, above all, culture studies, it should be noted that the uniqueness of bilingual thinking, especially bilingual writers, is of great interest to researchers.

Key words: bilinguals, conceptualization of values, language worldview, linguistics, culture studies, linguistic personality.

Е. Б. Рябых, Е. А. Кузьмина
(Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина
ekaterina_ryabikh@mail.ru; kelena_an@mail.ru*

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
КАК МАРКЕРЫ СТЕРЕОТИПОВ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ¹**

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования национальных метафор в качестве маркеров стереотипных представлений этноса о различных аспектах окружающей действительности. Стереотипы этнокультурного сознания находят свое отражение в метафорах, представляющих собой когнитивный механизм познания и интерпретации реального мира, а также выполняющих две основные функции – эмоциональное воздействие и моделирование действительности.

Ключевые слова: метафора, этнокультурное сознание, стереотип, язык, когнитивная лингвистика.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина (проект № 20-18-00372).

Взаимосвязь языка, менталитета и этнокультурного сознания является предметом исследования ученых разных направлений с давних времен. Известные американские этнолингвисты Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф конкретизировали и четко сформулировали данную проблему в своих работах. Согласно гипотезе лингвистической относительности, родной язык порождает миропонимание говорящего на нем человека, принимает самое непосредственное участие в формировании и развитии национальной картины мира, детерминируя при этом особенности восприятия индивидом окружающей его реальности. Интересна мысль Луи Ельмслева о том, что «язык настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы иногда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но и их воплощением – тем семенем, из которого они выросли» [Ельмслев 1960: 265]. Таким образом, допускается возможность того, что родной язык через свои грамматические структуры, особенности словообразования и оригинальность своей лексики побуждает представителей различных лингвокультурных сообществ по-разному мыслить, определяет различия в концептуализации и категоризации действительности.

Н. Н. Болдырев совершенно справедливо отмечает, что «лексические категории отражают онтологию мира и результаты его познания человеком: знания конкретных предметов, явлений, их характеристик и категорий, т. е. категоризацию естественных объектов» [Болдырев 2007: 23]. Далее он пишет о том, что индивидуальное познание человеком окружающего мира и формирование собственного опыта познания, тем не менее, базируется на знании коллективном, поскольку «языковое общение предполагает тот или иной уровень стандартизации знаний, определенную степень овладения ими со стороны всех участников коммуникации как членов культурной, национальной, территориальной, социальной, профессиональной и другой общности людей, т. е. коллективность знаний. Другими словами, языковое знание – всегда разделенное знание, знание коллективное» [Болдырев 2007: 15–16]. Язык вбирает в себя и отражает затем все события, происходящие в мире и являющиеся релевантными для представителей его этноса, причем он делает это через призму этнокультурного сознания.

Вслед за Н. Ф. Алефиренко, мы интерпретируем этнокультурное сознание как «результат отражения и восприятия образа мира в соответствии с особой сеткой ценностно-смысловых координат, представляющих содержательные контуры той или иной национальной культуры» [Алефиренко 2010: 144–145].

В языке, в том числе, находят свое отражение различные стереотипы, сформированные в глубинах этнокультурного сознания. Термин *стереотип* впервые появился в 1922 г. в работе журналиста и политолога У. Липпмана и с тех пор получил дальнейшее осмысление в работах лингвистов, психо-

логов, этнолингвистов. Данное явление можно определить как «стабильно повторяющиеся цепочки (шаблоны) мыслей, чувств и поступков», как «привычные для нас способы восприятия и реагирования на ту или иную ситуацию» [Го Лицзюнь 2014: 62].

В современных исследованиях стереотипы подразделяются на этнические и культурные, причем предполагается, что первые не осознаются представителями этноса и «являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать», в то время как культурные стереотипы «доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного сознания, им уже можно обучать» [Уфимцева 1995: 62].

Этнокультурные стереотипы содержат оценочные мнения о различных аспектах действительности, предрассудки и предубеждения. Нередко стереотипы этнокультурного сознания находят свое отражение в метафорах, представляющих собой когнитивный механизм познания и интерпретации реального мира и выполняющих две основные функции – эмоциональное воздействие и моделирование действительности.

Метафоры образуются за счет активации связей между интерпретируемым и интерпретирующим концептами – областью-целью и областью-источником метафорического осмысления действительности. В результате проведенного исследования были выявлены наиболее частотные и доминантные в рамках различных условно выделенных тематических групп области-мишени метафорического осмысления действительности, представленные далее. Тематические группы: а) отношения: Ehe, Frauen, Freund, Freundschaft, Männer, Kinder, Mutter, Vater; б) знание, познание, образование: Wort, Kunst, Lernen, Bücher, Musik, Sprache, Bildung, Lesen, Schreiben, Schriftsteller, Wissen, Wissenschaft, Geschichte, Weisheit, Philosophie, Medizin; в) качества: Tugend, Schönheit, Geduld; г) чувства и желания: Liebe, Herz, Freude, Gefühl, Mut, Angst, Schmerz, Hass, Leidenschaft, Furcht, Neid, Sehnsucht, Traum, Wunsch, Leid, Ruhe; д) мыслительные процессы: Denken, Gedanken, Meinung, Erinnerung, Erkenntnis, Idee, Bewusstsein; е) материальные ценности: Geld, Reichtum, Wirtschaft, Armut; ж) событийные процессы: Ende, Anfang, Geburt, Abschied, Hochzeit, Erfahrung, Problem; з) состояние: Leben, Glück, Tod, Alter, Jugend, Sterben, Krankheit, Gesundheit, Einsamkeit; и) общество: Recht, Gesellschaft, Staat, Heimat, Deutschland, Stadt, Gesetz, Politik, Demokratie, Gerechtigkeit, Regierung, Volk, Revolution, Macht; к) конфликт: Krieg, Frieden, Feind, Kraft; Gewalt, Sieg, Kampf, Kritik, Rache, Streit; л) природа и природные явления: Natur, Erde, Himmel, Sonne, Sterne, Mond, Wasser, Meer, Blumen, Frühling, Herbst, Sommer, Winter, Tiere; м) духовные ценности: Geist, Wahrheit, Lüge, Freiheit; н) религия: Gott, Glauben, Seele, Religion, Schuld, Sünde; о) время: Zeit, Zukunft, Gegenwart, Vergangenheit, Jahr,

Augenblick, Ewigkeit, Tag, Nacht; п) цель: Ziel, Erfolg, Möglichkeit, Fortschritt, Fehler, Irrtum, Phantasie, Hoffnung, Chance.

Стереотипное осмысление данных частотных и доминантных областей-мишеней – своего рода маркер этнокультурного сознания, примером чего являются следующие концептуальные метафоры: MENSCH – BLATT (PAPIER), MENSCH – GEWOHNHEITSTIER (например, *Der Mensch ist ein Gewohnheitstier, sagte Frau Elste* (Christa Wolf. Kindheitsmuster)), однако их вербальные репрезентации свидетельствуют о возможных вариантах метафорического осмысления данной области-мишени в зависимости от индивидуального авторского замысла, как в следующих примерах, где одаренный молодой человек – это не чистый лист бумаги, а скорее лист бумаги, на котором симпатическими чернилами уже написано и хорошее, и плохое (1). Кроме того, человек – вовсе не лист, который летит на ветру или плывет по реке и его уносит течение. Он свободен в своем выборе (2).

(1) *Der begabte junge Mensch ist kein unbeschriebenes Blatt, er ist vielmehr ein Blatt, auf dem gleichsam mit sympathetischer Tinte alles schon geschrieben steht, das Rechte wie das Schlechte, und Sache des Erziehers ist es, das Rechte entschieden zu entwickeln, das Falsche aber, das hervortreten will, durch das sachgemäße Einwirkung auf immer auszulöschen* (Thomas Mann. Der Zauberberg).

(2) *Der Mensch ist kein Blatt. Er kann hin, wohin er will. Er kann auch zurück* (Anna Seghers. Transit).

Исследовательский интерес представляют примеры, которые свидетельствуют о потенциально возможной преемственности заимствования областей-источников, что с течением времени приводит к стереотипам этнокультурного сознания. К примеру, в произведении «*Steppenwolf*» Г. Гессе автор пытается подчеркнуть людское многообразие за счет метафор *человек – луковица, состоящая из сотни кожц, ткань, состоящая из множества нитей* (*der Mensch ist eine aus hundert Schalen bestehende Zwiebel, ein aus vielen Fäden bestehendes Gewebe* (Hermann Hesse. *Steppenwolf*)). К похожей метафоре позже прибегает и Н. Харатишвили в своем произведении «*Das achte Leben (für Brilka)*»: *Du bist ein Faden, ich bin ein Faden, zusammen ergeben wir eine kleine Verzierung, mit vielen anderen Fäden zusammen ergeben wir ein Muster. Die Fäden sind alle verschieden, verschieden dick oder dünn, in verschiedenen Farben gehalten* (Haratischwili. *Das achte Leben (für Brilka)*).

Такими образом, изучение когнитивных основ национальных и связанных с ними индивидуальных метафор позволяет не только рассматривать их как маркеры стереотипов этнокультурного сознания, но и исследовать работу повседневного сознания, а также реконструировать мировоззренческие особенности и доминанты того или иного этноса. Следует, однако, отметить, что интенсификация процессов обмена информацией может вызвать пересмотр

понятий «общечеловеческое», «национальное», «индивидуальное», что, без всякого сомнения, со временем найдет отражение в палитре метафорической интерпретации мира. Изучение национальных метафор как маркеров стереотипов этнокультурного сознания, а также индивидуальных метафор в связи с большой вариативностью авторских решений, несомненно, значимо, поскольку метафора позволяет проникнуть в процессы мышления, мировоззрения и понять взаимосвязь национального и индивидуального, а также специфику их взаимного влияния в процессе метафорической интерпретации мира.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие. М.: Наука, 2010.

Болдырев Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2007. С. 12–28.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Го Лицзюнь. Роль этнокультурных стереотипов в межкультурном общении // Язык и культура. Новосибирск: ЦРНС, 2014. С. 62–67.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 264–389.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пос. М.: Издат. центр «Академия», 2001.

Уфимцева Н. В. Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54. № 3. С. 55–62.

Е. В. Ryabykh, E. A. Kuzmina

(Tambov, Russia)

Derzhavin Tambov State University

NATIONAL METAPHORS AS MARKERS OF STEREOTYPES OF ETHNOCULTURAL CONSCIOUSNESS

This article is devoted to the consideration of the peculiarities of the functioning of national metaphors as markers of stereotypical representations of an ethnic group about various aspects of the surrounding reality. Stereotypes of ethno-cultural consciousness are reflected in metaphors that represent a cognitive mechanism of cognition and interpretation of the real world, as well as performing two main functions – emotional impact and modeling of reality.

Key words: metaphor, ethno-cultural consciousness, stereotype, language, cognitive linguistics.

А. М. Секамова (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SekamovaAM@mgpu.ru

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ *ЛИЧНЫЙ* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с изучением семантики лексической единицы *личный* в русском и английском языке, различия в их значениях и особенности употребления в речи, определяемые этими различиями. Объектом анализа является категория посессивности, а также характер ее концептуализации в русской и английской языковой картине мира. Эмпирическую базу исследования составили 348 предложений, в которых русское прилагательное *личный* переводилось на английский язык. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что рассматриваемое русское прилагательное *личный* может быть переведено на английский язык несколькими способами: при помощи английских прилагательных *private, personal, individual, own* + местоимение, а также опускаться при переводе и метонимически переноситься в сферу субъекта. При этом переводческие трансформации всегда обусловлены семантикой лексем ИЯ и ПЯ, а также окружающим контекстом.

Ключевые слова: семантика, категория посессивности, семантический эксперимент, корпусный анализ.

Введение. Семиосфера внутреннего мира человека и феномен языковой личности неоднократно освещались в отечественной лингвистике [Богданова 2017: 50; Ларина 2013: 54; Ращупкина 2014: 123]. Критический лингвистический анализ выявил два подхода к пониманию термина *посессивность*: «широкое» и «узкое» [Селиверстова 2004: 577]. Согласно первому, под этим термином понимается непосредственно принадлежность. Согласно второму – более широкий спектр отношений между объектами, в особенности – отношения между предметом и характеризующим его признаком [Селиверстова 2004: 577]. Проблема языковой личности и интерпретация категории «посессивность» до сих пор находится в фокусе внимания современной лингвистической науки.

Методология. В качестве первоисточника лингвистических данных использовался НКРЯ; в строку поиска заносилась лексема *личный* (без логического оператора «»), чтобы вывести результаты с различными словоформами, н-р: *личный, лично, лично, лично*). Все исходные предложения и их переводы являются примерами художественной литературы и публицистики. (см. рисунок 1, стр. 448).

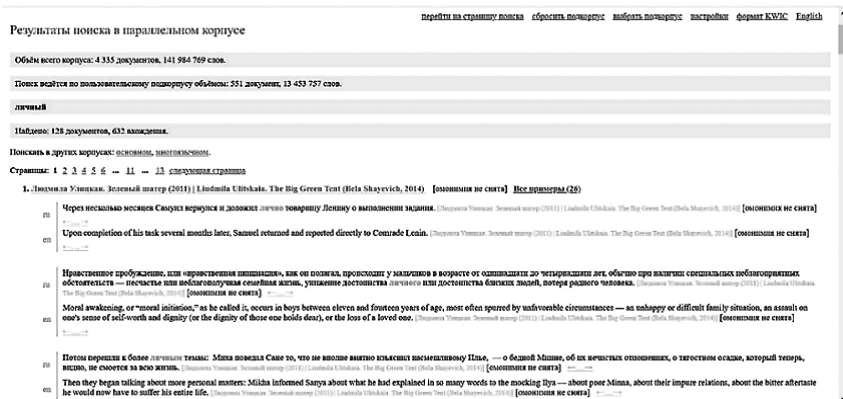

Рис. 1. Результат поиска в НКРЯ с лексемой *личный*

Экспериментальная методика в современных семантических исследованиях предполагает как наличие информанта, так и возможность применения поисковых технологий Big Data, позволяющих использовать данные базы в качестве «коллективного информанта». Выбор релевантной поисковой системы зависит от языка материала исследования. Так, система Яндекс используется для обработки запросов на русском языке, тогда как система Google (в большинстве случаев) – на английском [Сулейманова 2020: 394].

Полученные результаты выводились в таблицы, иллюстрирующие стратегию перевода словосочетаний, в которых употребляется русское прилагательное *личный*.

Обсуждения результатов. Исследование позволило выявить следующие переводческие решения, а именно:

- а) Опускание прилагательного в переводе:
 - *личная встреча* – *a meeting*;
 - *милость его личной судьбы* – *a special favor of fate*;
 - *личный состав* – *headquarters personnel* (термин).

Переводческое решение об опущении прилагательного может быть связано с тенденцией к экономии лексических средств в английском языке, а также окружающим контекстом, не требующим вносить дополнительную информацию в виде уточняющего прилагательного *personal*.

- б) Метонимический перенос (перегруппировка семантических компонентов):

- *получение личной выгоды от президентской должности* – *his profiting from the presidency*;

- *благодаря своему личному обаянию* – **he could charm**;
- *владельцы личных подсобных хозяйств* – **household-plot owners**.

В словарном описании глагола *profit* указана идея получения выгоды от чего-либо, при этом ее принадлежность не закреплена за человеком, в данном случае идея метонимически переносится на субъект (*он – his*).

в) Использование прилагательного *own* с добавлением притяжательного местоимения:

- *личная жизнь* – **her own life**;
- *личную интонацию* – **her own sound, her own tone**;
- *своя личная тайна* – **her own secrets**.

Переводческое решение об использовании прилагательного *own* с использованием притяжательного местоимения может быть обусловлено семантической структурой прилагательного *личный*, в котором сфера possessивности X-а затронута непосредственно и часто сопровождается именем деятеля. Более того, данное переводческое решение может быть связано с применением лексического повтора как литературного приема, служащего для придания большей экспрессивности высказыванию.

г) Использование прилагательного *private*:

- *личное добро* – **private property**;
- *личном транспорте* – **private cars**;
- *личном дневнике* – **private journal**.

В данном случае выбор в пользу прилагательного *private* обусловлен тем, что возникает необходимость подчеркнуть юридическое закрепление права собственности за индивидом. Действительно, прилагательное *private* используется для разграничения сферы частного и общественного (государственного) владения. Таким образом, объект, характеризующийся при помощи прилагательного *private*, относится к личному владению, деятельности или хозяйству и принадлежит отдельному физическому или юридическому лицу/лицам (не обществу и не государству). Между деятелем X и упоминаемым объектом Y установлены possessивные отношения «владелец ↔ его собственность» (*private – I*) [Секамова 2021: 204].

Отдельного рассмотрения требуют следующие словосочетания: *личный дневник* – **private journal** и *личное дело* – **private matter**. Здесь выбор в пользу прилагательного *private* обусловлен иными причинами. Второе значение прилагательного *private* предполагает его использование при характеристике личной жизни индивида или сообщества (семья, дом, сфера деятельности, мировоззрения и т. д.). При этом в высказывании привносится представление о том, что X стремится сохранить определенную степень конфиденциальности, закрытости или сохранить определенную информацию в тайне от посторонних (*private – 2*) [Секамова 2021: 205].

д) Использование прилагательного *individual*:

- **личные** вкусы – **individual quirks**;
- **личная** свобода – **individual autonomy**;
- **личную** судьбу – **individual fate**.

В данном случае выбор в пользу прилагательного *individual* может быть обусловлен тем, что речь идет о вкусах, свободе, делах и судьбе конкретного человека (*an individual*).

е) Использование прилагательного *personal*:

- **личный** вкус – **personal taste**;
- **личная** проблема – **personal problem**;
- **личная** мотивация – **personal motivation**.

Выбор переводчиком в пользу прилагательного *personal* обусловлен тем, что оно концептуализирует описываемые объекты как неотъемлемые составляющие пространства посессивности индивида, позволяющие представить личностную характеристику X-а.

Заключение. Таким образом, русское прилагательное *личный* может быть переведено английскими прилагательными *private*, *personal*, *individual*, *own* + местоимение, опускаться при переводе и метонимически переноситься в сферу субъекта. Приведенные переводческие трансформации всегда обусловлены семантикой лексем ИЯ и ПЯ, а также окружающим контекстом.

Литература

Богданова Л. И. Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 1 (25). С. 50–58.

Ларина Т. В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.

Рацупкина К. С. Privacy в англоязычной коммуникативной культуре // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 3. С. 122–130.

Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Джиоева А. А. Английский менталитет сквозь призму языка: концепт «privacy» // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 41–59.

Сулейманова О. А. Использование эксперимента на основе больших данных в когнитивном и лингвокультурологическом исследовании русского и английского языка // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. № 13 (3). P. 392–400.

Секамова А. М. Концептуализация личного пространства индивида в естественном языке // В многомерном пространстве современной лингвистики. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2019. С. 268–280.

Секамова А. М. Концептуализация личного пространства индивида в естественном языке // В многомерном пространстве современной лингвистики / отв. ред. О. А. Сулейманова, сост. К. С. Карданова-Бирюкова. М.: Общество с ограниченной ответственностью «ПРИНТИКА», 2021. С. 200–206.

A. M. Sekamova (Moscow, Russia)
Moscow City University

COMPARING SEMANTICS OF RUSSIAN AND ENGLISH ADJECTIVES DENOTING PERSONAL SPACE

The paper covers the semantics of the Russian and English adjectives conveying personal space, the differences in their meanings and their occurrence in speech. The goal is to offer a cognitive model of the personal space in the English and Russian languages. The author researched 348 Russian to English samples of written text with the adjective *личный*. The author arrives at the conclusion that the adjective *личный* can be translated into English in 6 different ways (using adjectives *private, personal, individual*, possessive pronoun + adjective *own*, omitting the word and using the metonymic approach).

Key words: semantics, possessiveness, personal, individual, private, concept, semantic experiment, corpus analysis.

Н. В. Сизарева
(Санкт-Петербург, Россия)
РГПУ им. А. И. Герцена
sig_nat_2004@mail.ru

ОЛЬФАКТОРНАЯ МЕТАФОРА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Исследование связи между восприятием информации органами чувств и механизмом ее логического осмысления, которое отражается в языке и представляет собой часть национальной культуры является одной из составляющих в анализе процессов межкультурной коммуникации. В статье предпринимается попытка проследить особенности перцепции запаха, сформированные в сознании носителей английского и русского языков, дать осмысление когнитивных сдвигов, проанализировать прагматический потенциал ольфакторной образности при переводе рекламы парфюмерии.

Ключевые слова: одоронимы, ольфакторная метафора, транскреация, синестезия.

В русле современной антропоориентированной парадигмы, отвечающей современным вызовам теории перевода, исследование связи между восприятием информации органами чувств и механизмом ее логического осмысления, которое отражается в языке и представляет собой часть национальной культуры, является существенной проблемой в рамках межкультурной коммуникации. В этой связи интересным представляется исследование явления синестезии с точки зрения наблюдаемой диспропорции в репрезентации феномена запаха в языковой картине мира и сознании носителей английского и русского языков. В русско- и англоязычном маркетинговом пространстве когнитивные механизмы, лежащие в основе перцепции, представляют собой проблему в отношении определения прагматического потенциала рекламных текстов парфюмерной продукции. Культурная специфичность данных текстов, особенности рекламы парфюмерной продукции как поликодового культурно ориентированного текста, определяет и особые подходы к передаче информации при переводе рекламы с английского языка на русский. Указанные факторы влияют на выбор переводческой стратегии для воссоздания необходимого канала вербальной коммуникации между покупателем и создателем рекламного текста с целью достижения искомого манипулятивного воздействия. В процессе межкультурного взаимодействия, заложенные в тексте оригинала когнитивные значения и прагматические смыслы интерпретируются переводчиком таким образом, чтобы выбор коммуникативной стратегии и вербализующих ее единиц позволил воссоздать искомые значения и смыслы. Передача (интерпретация) заложенных в тексте смыслов может быть обусловлена релевантными, значимыми факторами того фона коммуникативной ситуации, который описывает определенное перцептивное восприятие. Как показывает материал исследования, полимодальность созданного одорического образа парфюмерной продукции, для описания уникального запаха, переосмысливается в тексте перевода таким образом, что приводит к созданию продукта переводческой деятельности, который может рассматриваться как новый текст, интегрированный в принимающую культуру. Е. Д. Маленова высказывает мнение, что подобный подход в современном переводческом процессе, который она называет «транскреационным поворотом», представляет собой развивающуюся тенденцию к активному использованию современных креативных практик для преодоления «культурной дистанции», которые выходят за рамки собственно перевода [Маленова 2018: 54]. В. В. Сдобников возражает против такой трактовки, считая, что речь идет лишь о степени трансформированности результата перевода, потребность в которой неизбежно возникает в связи с прагматической адаптацией текста и не выводит транскреацию за рамки собственно перевода [Сдобников 2018: 77]. Тем более это становится актуальным для передачи коммуникативной ситуации, описы-

вающей ольфакторное восприятие как эмоционально-субъективный процесс, который, в свою очередь, связан с особым культурным дистанцированием в потребностях англоязычного и русскоязычного реципиентов рекламного текста, где фактор культуры «встроен» в сам текст.

Так, для вербализации различных запахов, описания качества аромата, создания одорического образа реклама использует различные лингвистические приемы. Однако лексико-семантические поле «запах» в англоязычной и русскоязычной картине мира не совпадают. На связь между восприятием информации органами чувств и ее логическом осмыслением, которое отражается в языке и представляет собой часть национальной культуры указывает исследователь А. В. Халльштайн. Интересным представляется предложение автора рассматривать процесс ольфакторного восприятия, не ограничиваясь лишь учетом собственно чувственного восприятия запаха субъектом перцепции, а как *ситуацию*, в которую включаются не только субъект, но и различные сопутствующие явления и объекты, описывающие такие элементы ситуации, как, например, источник запаха или его свойства [Халльштайн 2015: 37]. Таким образом в тексте рекламы создается некое ольфакторное пространство, в котором смоделирована сложная языковая ситуация, включающая ольфакторные единицы с семей «запах» и другие лексико-грамматические явления, репрезентирующие подобное пространство. В свою очередь, возникает необходимость анализа мыслительной структуры восприятия запахов, представляющих собой эмоционально обусловленный процесс, отражающий особую картину мира носителей английского и русского языков.

Тексты рекламы парфюмерной продукции характеризуются уникальным взаимодействием образов, основанных на явлении синестезии. При создании образа парфюмерного продукта, автор рекламного текста реализует основную маркетинговую функцию, воздействуя на реципиента, используя сразу несколько уровней восприятия. Материал исследования позволяет выявить некоторые типы перцепции, которые используются при описании аромата. Так, ольфакторное пространство, а именно, ольфакторная метафора в рекламе, создается, в том числе, через восприятие запаха как вкусового, зрительного или звукового образа. Поэтому выбор стратегии при переводе текстов, рекламирующих парфюмерную продукцию, связан с задачей обеспечения адекватного восприятия полимодального одорического образа в принимающей культуре.

Интересно проследить способы передачи манипулятивного воздействия на примере ольфакторной метафоры. Приведем фрагмент описания аромата парфюмерного продукта и его передачу, которая может трактоваться как свободное переложение информации о продукте и рассматриваться за рамками собственно перевода (так называемая транскреация): *Venture into the woods with a spritz of this wild and fresh fragrance filled with bracing*

fir needle absolute and a hint of benzoin resinoid. Revitalizing Siberian fir needle and tagetes oils mingle in every mist to surround you with the heady, invigorating scent of nature. If any perfume can embody the freshest of winter forests with twigs snapping underfoot and the light crunch of newly-fallen snow, it's this one. You'll be feeling as fresh as anything in no time. – Восстанавливающие ноты пихты и масло бархатцев смешиваются, чтобы окружить вас бодрящей притягательностью природы. Если какой-либо аромат и может воплотить в себе свежайший лесной воздух, хрустящие под ногами ветки и тепло уютного шарфа, то это именно он.

В тексте оригинала ноты парфюмерной продукции сравниваются, в том числе, со снежными сибирскими лесами, однако переводчик опускает эту деталь (русскоязычный реципиент легко может выстроить данный ассоциативный ряд, опираясь на другие маркеры образа). На первый план в развертывании метафоры в переводе выходит воздействие на другие органы восприятия: органы слуха через хруст веток и на тактильные ощущения через описание теплоты и уюта. Данный маркетинговый ход не снижает воздействующую функцию, реципиент воспринимает образ данного одорического компонента как свежего, хвойного, сибирского аромата.

Процесс когнитивного взаимодействия обеспечивается в ходе языковой деятельности как реакция на сигнал (акустический, тактильный, ольфакторный), который активизирует сознание и дает соответствующую интерпретацию образа. Однако необходимо соотносить языковые средства объективации запаха, если они рассматриваются как системные для лингвокультуры в целом, с субъективными особенностями обонятельной перцепции индивидуума. В связи с этим создается возможность дальнейшего анализа сопутствующих языковых единиц, описывающих ольфакторное пространство, что позволит расширить возможности моделирования сложной мыслительной структуры, отражающей содержание концептосферы ОЛЬФАКТОРНОЕ ПРОСТРАНСТВО.

Литература

Малёнова Е. Д. Креативные практики в переводе // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние. Вологда: ВоГУ; Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С. 53–55.

Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестник молодых ученых. 2018. № 4(7). С. 72–79.

Халльштайн А. В. Представление ольфакторного пространства в языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2015.

LUSH “Fresh as” (перевод на русский язык). URL: https://www.lushrussia.ru/catalog/aromas/parfyumernaya_biblioteka/fresh-as.html.

LUSH Perfume “Fresh as”. URL: <https://www.lushusa.com/fragrances/perfume-library/fresh-as/9999901804.html>.

*N. Sigareva (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

OLFACTORY METAPHOR IN CROSS-CULTURAL DOMAIN

The article explores the phenomenon of synesthesia concerned with the problems of marketing text translation. Special focus is laid on the analysis of olfactory perception in description of perfumery products in different cultures. An olfactory metaphor is a significant linguistic factor of the English perfume discourse presenting a variety of challenges to comprehensively reconstruct the concept in Russian translation.

Key words: odor characteristics, olfactory metaphor, transcreation, synesthesia.

*Е. А. Сидельникова, Е. В. Яковлева
(Ставрополь, Россия)
Северо-Кавказский федеральный университет
e.sidelnikova_7@mail.ru;
evgeniyaviktorovnast@yandex.com*

ФОРМЫ РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРООБУСЛОВЛЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МАССМЕДИА

В статье описываются ценности различных мировоззрений, влияющих на культуру российского общества: православия, коммунизма и индивидуализма. На примерах текстов информационных платформ раскрыты особенности вербализации и номинации данных концептов, также раскрыты функции использования тех или иных способов репрезентации указанных доминант в современном медиадискурсе.

Ключевые слова: менталитет, концепт, культура, культурные ценности, языковая репрезентация.

Мир – как полотно из множества цветов и рисунков.
Мудрый правитель не станет расплетать его.

Принц Сулейман I Кауни

Языковая и этнокультурная ситуация на Северном Кавказе характеризуется мультикультурализмом, полиэтнизмом, поликонфессионализмом, при которых поддерживаются и развиваются культурные различия в отдельно взятой стране, как части одной мозаики. Человек наиболее четко осознает свою этническую принадлежность в процессе межэтнического общения

на родном языке, следуя религиозным воззрениям своего народа, сохраняя историческую память, национальный характер и отношения к культурным ценностям. Однако русский язык в данном регионе остается важным средством приобщения к русской и мировой культуре, что обеспечило его относительно высокий престиж, несмотря на официальные изменения языковых приоритетов.

Рамзан Кадыров в 2001 г. на совещании по развитию культуры выступил с призывом не допустить утраты национальной идентичности. *«Считаю стратегической задачей не допустить потерю национальной идентичности, сохранить и приумножить культурные ценности народа»*, – заявил глава Чеченской Республики. Он призвал тех, кто отвечает за развитие местной культуры, *«активнее включиться в работу, направленную на укрепление морально-этических и традиционных ценностей»* народа, в то время как Европа и Запад пытаются распространять свою собственную культуру [Новостной портал МК.RU, 16.11.2021].

Передаваемые из поколения в поколение фундаментальные установки и стереотипы общественного сознания формируют наш менталитет, единицей которого признается концепт данной культуры. Лингвокультурологический концепт транслирует культуру через язык и мышление, выражает бессознательное поведение человека, фиксирует в себе ценностную установку, воздействует на эмоционально-психическую сферу человека, формирует отношение к объекту и корректирует поведение индивида. Различие культуры и языка Сепир сформулировал так: культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думают [Сепир 1993: 193].

В основу ценностных ориентиров российского общества и, соответственно, его культурных ценностей легло три направления мировоззрения:

1) вера, несущая в себе такие концепты, как: честь, верность, соборность, самоотверженность, служение, любовь;

2) ментальность советского периода с соотношением себя как части всего советского народа и ориентацией на коллективные ценности, в том числе народовластие и социальное равенство;

3) ориентация на индивидуализм и персонализацию (как отголосок процесса интеграции с Европой).

Непосредственное участие в формировании, репрезентации и принятии определенными кластерами общества представлений о ценностной матрице принимают современные массмедиа [Луман 2005: 152]. Именно под их влиянием устанавливаются неразрывно связанные с темой культурных ценностей нормы поведения. При этом не следует забывать и о процессе актуализации одних компонентов определенных детерминант и дезактуализации других,

добавлении нового содержания в структуру концепта и смещении ранее центральных.

Целью данного исследования является определить способы представления культурных концептов в современном дискурсе медиапространства. Исходя из положения, что концепты в определенном речевом контексте могут быть вербализуемыми, попытаемся охарактеризовать некоторые способы их языковой репрезентации, среди которых выделяют:

- 1) с помощью слов, номинирующих различные концепты;
- 2) с помощью слов, описывающих данные концепты;
- 3) с помощью эмотивных средств (например, тропов) [Ежова 2003: 13].

Так, первый способ предполагает непременно номинацию концепта посредством языковых единиц, которые, в свою очередь, выстраиваются в лексико-семантические поля с ядром и обширной периферией, в их парадигматических отношениях. Рассмотрим данный способ на следующих примерах из статей электронного онлайн-корпуса русских текстов, а также международных информационных агентств:

- *Если же он проявляет настойчивость, то стоит ответить: «Я не свободна, у меня **любовь** – и вам того же желаю* (Национальный корпус русского языка);

- *В России всегда была большая патриархальная такая **семья**, семья, в которой было много детей, и это было большим счастьем* (Национальный корпус русского языка);

- *А Телегин, заявляют инсайдеры, долго держался и хранил **верность**, но терпению пришел конец* (Национальный корпус русского языка).

В издании республиканской общественно-политической газеты «Ингушетия» неоднократно были напечатаны статьи о кавказском обычае уважения и почитания старших, который «носит характер общечеловеческий».

- ***Бережное отношение** к старшему поколению, **воспитание** чувства уважения – это подлинная **гуманность**, то есть **человеколюбие, истинная общечеловеческая ценность** [https://gazetaingush.ru/kultura/obychay-uvazheniya-i-pochitaniya-starshih].*

Пример, иллюстрирующий, как представление об идеальном муже чеченского народа, так и о противоположных качествах человека, можно увидеть в статье региональной газеты «Вести Республики»:

- *Я много раз встречался с Ахматом-Хаджи Кадыровым. **Великое терпение, милосердие, доблесть** – эти качества ярко характеризовали его личность. Их не выносили его явные и скрытые враги. Вскоре они и обнаружили всю свою **звериную ненависть** к Къонаху совершением против него (**трусливо, мерзко, исподтишка**) **террористического акта** [http://vesti95.ru/2020/12/slovo-o-konahe/].*

В статье «Овцеводство по наследству» мы видим концепты счастливой, достойной жизни:

• *Вот в эти благословенные времена и приехал в Чернойарский район Амирхан Эльдаров и стал основателем целой династии овцеводов. Конечно, не все дети, а теперь уже и внуки, пошли по его стопам, но сын Багаудин принял эстафету и впоследствии организовал КФХ. Он учился уже здесь, помогал отцу и поначалу трудился в колхозе. Даже получил почетное звание «Лучший чабан», а вновь созданное хозяйство сначала возлავила его супруга Хамис* [<https://astravolga.ru/ovcevodstvo-po-nasledstvu/>].

В интернет-газете Sputnik Абхазия мы обнаружили следующие культурные концепты:

Зачем жить, если нет аламыса и апату (совести и чести – прим.)? – ... – Где вырастаешь, там и набираешься. Мне повезло, что я рос в Абхазии [<https://sputnik-abkhazia.ru/20200816/Ot-Bokhuma-do-Lykhny-kak-Abkhaziya-stala-domom-dlya-semi-Probst-1030748394.html>].

В вышеуказанных примерах можно наблюдать широкое лексико-семантическое поле, построенное на основных бытующих в сознании концептах православия / ислама как основ мировоззрения российского общества.

В постах известного журналиста Ильи Варламова нередко можно встретить яркие описания понятия «индивидуализма» как культуурообусловленной концепции российского общества постсоветского периода (второй способ языковой вербализации концептов в рамках медиадискурсов): «**преувеличенный и плохо направленный индивидуализм**», «**эгоистичный индивидуализм**», «**моральная анархия или безудержный индивидуализм**».

Речевое описание другого концепта – **коллективизма** – видим в постах блогера Яна Топлес: «**совковый коллективизм**», «**безликий коллективизм**». В интернет-издании «Коммерсант» нами был обнаружен оборот: «**выборочная демократия**».

Контексты из нашего эмпирического материала, извлеченные методом сплошной выборки, демонстрируют в большей степени отрицательную коннотацию представленных описательным способом концептов, что отражает факт их противоборства и скорее насильственного внедрения в матрицу общества.

Перевыражение культуурообусловленных концептов в переносное значение с целью достижения большей выразительности (третий способ языковой репрезентации) является результатом процесса оценивания, другими словами, в данном случае, ценность сопряжена с оценкой. Понятие «оценка» лингвисты трактуют как «общественно закрепленное отношение

носителей языка («хороший» – «плохой», «хорошо» – «плохо») к внеязыковому объекту, к фактам языка и речи [Хидекель 1981: 7]. Так, категория оценки в языковой системе является основным способом отражения моральных ценностей в языке. В таком случае обращение к контексту помогает нам отразить стилистическую окраску выражений, обладающих национально-культурной маркированностью: неодобрение – одобрение, презрение – похвалу, иронию – высмеивание.

Обратимся к текстам статей новостного интернет-издания *lenta.ru*:

• *«Если бы он вдруг оказался должителем, то мог бы дотянуть до новой общественной перестройки и увидел бы, как вновь щеголяет свобода в платье голого короля»;*

• *«Бешеные деньги, которые там крутились, никому добра не принесли»;*

• *«Смотрите, чтобы ваша демократия вас же не похоронила»*

Данный способ особенно эффективен при формировании определенного отношения к описываемым концептам среди социума, т. к. благодаря своей выразительности он максимально закрепляется в моделях поведения и трансляции на окружающую общество реальность.

Таким образом, проанализировав функционирование различных форм репрезентации культурообусловленных ценностей (значение которых так неизменно во времени!) в дискурсе современных массмедиа, назначением которых является формирование в обществе определенного ориентира поведения и отношения к реальности, мы можем сделать следующий вывод: представленные формы языковой детерминации раскрывают содержание концептов описанных мировоззрений, сформировавших российское общество, с целью вывода их на более высокий уровень, который бы фиксировал определенный стереотип поведения, что полностью соотносится с главной задачей массмедиа.

Литература

Ежова Н. Ф. Способы языковой репрезентации эмоциональных концептов в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 2. С. 10–21.

Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.

Хидекель С. С., Кошель Г. Г. Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. 1981. № 4. С. 7–10.

E. A. Sidelnikova, E. V. Yakovleva

(Stavropol, Russia)

North-Caucasus Federal University

FORMS OF SPEECH REPRESENTATION OF CULTURALLY CONDITIONED VALUES IN MASS MEDIA

The article describes the values of various worldviews that influence the culture of the Russian society: Orthodoxy, communism and individualism. The features of verbalization and nomination of these concepts are revealed using the examples of information platform texts. The functions of using certain ways of representing these dominants in the modern media discourse are also revealed.

Key words: way of thinking, concept, culture, cultural values, linguistic representation.

Э. О. Тимофеева, А. С. Борисова

(Москва, Россия)

*Российский Университет Дружбы Народов
et@ovel.ru; borissova_a_anna@mail.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ (МИКРОКОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье приводятся результаты анализа микрокорпуса текстов на английском языке аборигенов Австралии с целью выявления лингвистических черт, отличающих его от стандартного австралийского английского и демонстрирующих особенности категоризации мира носителями английского языка аборигенов Австралии.

Ключевые слова: языковая картина мира, категоризация мира, английский язык, стандартный язык, английский язык аборигенов Австралии.

Введение. В Австралии насчитывается примерно 250 языков коренных народов, однако только 12% австралийских аборигенов говорят хотя бы на одном из них [Butcher 2008: 625]. При этом большинство из них владеет английским языком, но он отличается от того, который используется англоавстралийцами в печати, преподается в школе, изучается большинством не носителей языка и считается стандартным. Как отмечено в работе [Eades 2013: 88], понимание того, как аборигены используют английский,

важно для межкультурного общения между коренными и некоренными австралийцами. Эти две категории австралийского населения нередко по-разному используют английскую лексику и синтаксические конструкции, что может приводить к разночтениям. Но если отсутствие взаимопонимания существует, то это может говорить о разных способах категоризации и концептуализации мира у носителей стандартного австралийского английского и варианта этого языка, который используется аборигенами. Целью нашей работы стало описание черт английского языка аборигенов Австралии, демонстрирующих некоторые особенности категоризации мира в их лингвокультуре.

Методология исследования. Исследование опиралось на принципы эмпирио-индуктивной методологии и классические методы описания миноритарных языковых ситуаций, подробно описанных в [Moskvitcheva, Viaut 2019; Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022]. Для достижения поставленной цели мы составили собственный микрокорпус текстов на английском языке аборигенов Австралии, созданных разными авторами с разными задачами. В подборку вошли статьи с государственных сайтов, написанные для аборигенов при их участии, интервью с музыкантами, художниками, старейшинами, отрывки из записанных повседневных разговоров и даже авторские песни. Мы специально взяли тексты разных жанров, чтобы доказать, что общие черты можно проследить во всех текстах, независимо от их жанровой принадлежности. Затем были проанализированы и описаны нетривиальные лингвистические черты этой разновидности английского в сопоставлении со стандартным австралийским английским. При этом особое внимание уделялось тем явлениям, которые указывают на особенности категоризации мира в языковом сознании аборигенов Австралии.

Обсуждение результатов. 1. *Семантические различия.* В результате анализа выяснилось, что носители исследуемой разновидности английского придают некоторым английским словам значения, отличающиеся от прописанного в словарях (Cambridge Dictionary, LDOCE, словаре стандартного австралийского английского Macquarie Dictionary) и нехарактерные для стандартного австралийского английского, что во многих случаях может объясняться особенностями упорядочения знаний о мире. Обратим внимание на следующий пример:

(1) There are salt water people, billabong people, plain country people that all belong to a certain type of land.

Такой оборот может использоваться вместо названия этнической группы, к которой принадлежит человек. Это характерно именно для английского

аборигена, а не для стандартного. Использование подобных формулировок может быть показателем того, что этническое самосознание и понятие о происхождении связаны с природой.

Примечательно также встретившееся в этом предложении слово *country*. В стандартном австралийском английском (согласно Macquarie Dictionary) основное значение этого слова – «область, отделенная от других, обычно имеющая собственное правительство». Однако в том же словаре отмечено, что именно в английском языке аборигенов это слово означает «исконные земли, имеющие культурную значимость». Основываясь на собранных нами текстах, значение этого слова можно сформулировать как «земля предков, дом, природа».

2. *Грамматические различия.* Анализ подборки текстов показал, что если слово *country* употребляется аборигенами в вышеупомянутом значении, то стоит без артикля. Например, церемония, проводимая старейшиной с целью одобрить значимые события, происходящие на земле его племени (например, прибытие гостей), называется *Welcome to Country*. Примером может послужить и следующее предложение:

(2) This could be connecting through art or having family send you something from country if you can't be there.

Хотя опущение артикля уже было обнаружено лингвистами в английском аборигенов [Malcolm 2013: 273] и не раз встретилось в нашей подборке, в разных предложениях одного и того же текста наблюдалось как опущение, так и наличие артикля:

(3) For Yolju, home is both Ø land and Ø sea.

(4) It is a place where my children can grow up healthily. Eating the good food from the land and the sea, ...

Однако слово *country* употреблялось исключительно без артикля. Возможно, это говорит о том, что, в отличие от англоавстралийцев, аборигены воспринимают землю, страну не как территорию, имеющую четкие границы и отделенную от других территорий (определенных или неопределенных, откуда вытекает употребление артиклей), а как некое неисчисляемое понятие, сопоставимое с понятием «Мать-Земля».

3. *Прагматические различия. Эксплицитное/имплицитное.* Подобные различия в интерпретации языковых единиц носителями стандартного и аборигенного австралийского английского распространяются и на предложения. Рассмотрим следующий пример:

(5) Michelle: 'Oh cool. I didn't know that you came here for lunch.'

Kylie: 'Yeah, yeah. I normally come in here for lunch. I keep asking you to come with me but ...'

Michelle: 'When did you ask me?'

Kylie: 'All the time. I say **I'm going for lunch now.**'

Michelle: 'I never realised you were asking me. I just thought you were just telling me that you were going.'

Наблюдается непонимание между говорящим на английском аборигенов Австралии (Кайли) и говорящим на стандартном австралийском английском (Мишель). Мишель воспринимает предложение *I'm going to lunch now* как простое утверждение о реальном ходе событий. Но Кайли вкладывает в предложение другой смысл, не вытекающий из значений слов этого предложения – приглашает второго собеседника на обед. Кайли могла бы сказать *I'm going for lunch now. Would you like to come with me?*, но опустила вопросительное предложение, выразив свое намерение косвенно.

Склонность к непрямолинейности в английской речи аборигенов Австралии отмечена в нескольких работах. Например, в работе [Eades 2013: 66] упоминается, что в традиционном обществе аборигенов принято избегать излишней прямолинейности в речи, что часто связано с уважением личных границ собеседника. Там же отмечено, что косвенность в изложении мыслей характерна для поиска и предоставления информации, для формулировки и отклонения просьб и для нахождения и объяснения причин чего-либо [Eades 2013: 67]. Кроме того, в этой работе есть к отсылки аналогичным выводам в других исследованиях: [Von Sturmer 1981]. В статье [Louro, Collard 2021] отмечено, что эта особенность речи австралийских аборигенов повлияла на выбор методологии исследования: поскольку в обществе аборигенов Австралии использование прямых вопросов для получения информации неприемлемо с культурной точки зрения, вместо социолингвистического опроса исследователям пришлось прибегнуть к собиранию необходимых данных через диалог с носителями, в котором последние рассказывали социолингвистам о жизни в своей общине. Так через языковые явления проявляется разница в разграничении понятий «вежливо» и «невежливо» в аборигенной и англоавстралийской лингвокультурах.

Выводы. Анализ семантических, грамматических и прагматических особенностей английского языка аборигенов Австралии на основе микрокорпуса текстов позволяет сделать вывод, что эти особенности связаны с различиями в способах категоризации и концептуализации мира у говорящих на вари-

ции английского, используемой аборигенами Австралии, и на стандартном австралийском английском, что проявляется в разных интерпретациях одних и тех же языковых единиц. Причиной такого положения является особая социолингвистическая конфигурация диглоссного типа автохтонных миноритарных идиом и вариантов мажоритарного языка.

Литература

Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н. Фольклорные культурымы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182.

Butcher A. Linguistic Aspects of Australian Aboriginal English // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2008. Vol. 22. № 8. P. 625–642.

Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>.

Eades D. Aboriginal Ways of Using English. Canberra: Aboriginal Studies Press, 2013.

Louro C. R., Collard G. Australian Aboriginal English: linguistic and sociolinguistic perspectives // *Language and Linguistics Compass*. 2021. Vol. 15. № 5.

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/>.

Macquarie Dictionary. URL: <https://www.macquariedictionary.com.au/>.

Malcolm I. G. Aboriginal English: Some grammatical features and their implications // *Australian Review of Applied Linguistics*. 2013. Vol. 36. № 3. P. 267–284.

Minority Languages from Western Europe and Russia. Comparative Approaches and Categorical Configurations / ed. by *Moskvitcheva S., Viaut A.* Cham: Springer, 2019.

Von Sturmer J. Talking with Aborigines. Casuarina: Nungalinga College, 1981.

E. O. Timofeeva, A. S. Borisova

(Moscow, Russia)

People's Friendship University of Russia

LINGUISTIC CATEGORIZATION IN AUSTRALIAN ABORIGINAL ENGLISH (A MICROCORPUS STUDY)

The article examines some linguistic features of Australian Aboriginal English detected in a microcorpus of texts in this dialect which distinguish it from Standard Australian English and demonstrate certain linguistic categorisation aspects in the Australian Aboriginal variant of English.

Key words: linguistic worldview, linguistic categorisation, English, standard English, Australian Aboriginal English.

Ц. Чжао (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozhong@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ВЕЖЛИВОСТИ

В статье обсуждается возможность установления универсальной модели вежливости. Путем сравнения результатов ассоциативных экспериментов концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в русском, английском и китайском языках подтверждается, что нет существенного различия в понимании вежливости между тремя языковыми сообществами, однако компоненты концепта ВЕЖЛИВОСТЬ имеют в них разный приоритет.

Ключевые слова: концепт ВЕЖЛИВОСТЬ, универсальная модель вежливости, нежесткая методика, ассоциативный эксперимент, культурная ценность.

Вежливость как центральная коммуникативная категория существует в различных языковых сообществах, ее исследование особенно важно для межкультурной коммуникации не только потому, что вежливостью является средством избегания конфликтов и способствует оптимальному общению, но и потому, что она культурно обусловлена и разными народами воспринимается неодинаково. И несмотря на то, что объективное описание концепта ВЕЖЛИВОСТЬ должно в каждом отдельном случае учитывать особенности той или иной культуры, потребности межкультурного общения постоянно порождают стремление к универсальной модели вежливости. Сложность концепта ВЕЖЛИВОСТЬ привела к тому, что его определение и установление общей модели вежливости являются весьма трудной задачей и сопровождаются непрекращающимися дискуссиями [Liu, Allen 2014: 652]. В настоящее время при описании вежливости чаще всего используются модель вежливости П. Браун и С. Левинсона и расширяющий ее принцип вежливости Дж. Лича. Критика их теории обращена главным образом на заявленный принцип ее универсальности, поскольку теоретические модели названных исследователей основаны на западных ценностях и не применимы ко всем мировым культурам. Ученые стран Востока считают, что их культура существенно отличается от западной тем, что в западной культуре в первую очередь учитываются индивидуальные потребности человека, тогда как в восточной культуре люди больше внимания уделяют коллективности и общественному признанию (см. [Гу Югуо 1992; Ван Цзяньхуа 2005; Мао 1994; Matsumoto 1988]). Следовательно, при обращении к жизни восточных социумов модель вежливости Браун – Левинсона и принцип вежливости Джеффри Н. Лича не могут достоверно описать феномен вежливости. Недостатки классической

теории постоянно побуждают исследователей искать новые перспективы или улучшать существующие модели, но, к сожалению, до сих пор ученые не достигли консенсуса в определении вежливости, и не существует работающей модели вежливости для дальнейших исследований и анализа. Некоторые исследователи считают, что невозможно создать универсальную модель вежливости, применимую к разным культурам. Утверждение универсальности – это упрощение объективной реальности, результат принесения в жертву переменных факторов [Се Чаоцзюнь 2011: 132]. Хотя существующая модель вежливости действительно имеет указанные проблемы, на наш взгляд, это связано с отсутствием опыта и практических результатов, что до сих пор не позволило исследователям хорошо описать вежливость.

Ввиду сложности самого понятия «вежливость» простое его обобщение неизбежно приведет к недостаточной практичности модели, поэтому, во избежание упущения некоторых деталей феномена вежливости, нам кажется, что на данном этапе можно полагаться на нежесткую методiku описания и дополнять модель результатами практики с конкретным языковым материалом. По мысли Дж. Лича, если «экспансионистский» подход в достаточной степени расширяет территорию того, что должна объяснить теория, то это вполне разумно и приемлемо [Leech 2014: 86]. Мы разделяем эту точку зрения, но это отнюдь не означает, будто мы думаем, что никогда не сможем получить четкую и понятную теоретическую модель. Такая модель вполне может быть создана на базе исследования многочисленных результатов языковой практики, и сейчас мы как раз находимся в стадии накопления и изучения обширного языкового материала.

Что касается проблемы культурных ценностей в классической теории, то она, на наш взгляд, не влияет на создание универсальной модели вежливости. Между культурами нет больших различий в понимании вежливости, и, хотя ранее мы упоминали, что восточные исследователи ставили под сомнение универсальность западных моделей вежливости, на самом деле многие ученые Востока используют модель вежливости П. Браун и С. Левинсона и принцип вежливости Дж. Лича. Данный факт можно объяснить тем, что модель не полностью неспособна функционировать в восточной культуре, но просто плохо здесь работает.

Если мы рассмотрим в качестве примера модель вежливости Браун – Левинсона, то увидим, что хотя представление о «лице» в восточной культуре совершенно иное, чем на Западе, а то, что вежливость является стратегическим средством предотвращения конфликта, подвергается здесь сомнению, все же использовать эту модель в восточной культуре представляется вполне возможным. И точно так же взгляд на вежливость как на социальную индексацию, который в основном подчеркивают представители Востока, не является неприемлемым в западной культуре. Таким образом, две точки зрения на стратегию и социальную индексацию не противоречат одна другой, а дополняют друг

друга. Очевидно, это связано с тем, что вежливость предполагает использование собеседниками, с одной стороны, намеренных стратегий, а с другой – соблюдение ожидаемых и предписанных норм речи [Dimitrova-Galaczi 2002: 11].

В данной работе мы рассматриваем возможность выведения универсальной модели вежливости по результатам ассоциативных экспериментов со словом *вежливость*. В понимании термина *концепт* мы следуем Е.С. Кубряковой, которая определяет его так: «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. В ходе предшествующих исследований концепта ВЕЖЛИВОСТЬ были накоплены некоторые результаты, в данной работе дается их обобщение и проводится их сравнение с результатами ассоциативного эксперимента, проведенного нами на базе китайского языка. Суть концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в русском и английском языках выявлялась нашими предшественниками в результате свободного ассоциативного эксперимента. Свободным ассоциативным экспериментом является анализ моментальной реакции на слово-стимул [Митяева, Щитова 2016: 53]. Содержание нашего ассоциативного эксперимента, проведенного на базе китайского языка, заключалось в том, чтобы записать любую личную ассоциацию со словом *вежливый*, возникшую в течение четырех минут. Мы собрали ответы 122 информантов в возрасте от 21 до 69 лет, доля мужчин среди которых составляет 45%, а доля женщин – 55%. В ходе эксперимента были получены 924 выражения, связанных с вежливостью, среди которых представлено 109 различных высказываний. Результаты ассоциативных экспериментов, исследующих концепт ВЕЖЛИВОСТЬ в русском, английском и китайском языках, описаны далее.

Эксперименты, проведенные среди носителей русского языка, позволили выделить нечто общее: концепт вежливость включает в себя такие составляющие, как «воспитанность, уважение, культура, учтивость, корректность, доброта, внимательность, тактичность, доброжелательность, душевность, заботливость, искренность, порядочность, уважительное отношение к старшим, этикет. При этом воспитанность, уважение и культура были тремя наиболее часто упоминаемыми; кроме того, в качестве дополнительных частей концепта именуются некоторые периферийные, такие как: женщина, чуткость, качество человека, скромность, толерантность, галантность, ум, мягкость, образование, знание правил хорошего тона, возможность найти компромисс, способность людей уважительно относиться друг к другу и выслушивать противоположную точку зрения, помощь и поддержание семьи, помощь друзьям, делать другим приятное, забота о том, чтобы окружающие чувствовали себя комфортно и т.д.» [Чжао Цзэхун 2022: 772] (см. [Ларина 2003; Богданова 2009; Степыкин 2011; Остякова 2020]).

Среди результатов исследования концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в английском языке, полученных в ходе ассоциативных экспериментов, выделяется

нечто общее: частое употребление слов *please* и *thank you*, хорошие манеры, уважение к другим людям, демонстрация внимания к людям, доброта, быть дружелюбным, позволить человеку чувствовать себя легко / непринужденно, быть готовым помочь, воспитанность, улыбка, простите, приветствие, внимательный, этикет, пожимать руку, открывать двери перед людьми, уступать место старшим, самое лучшее образование и т. д. Три наиболее часто упоминаемых – это уважение и внимание к другим, использование слов *please* и *thank you*, хорошие манеры (см. [Ларина 2003; Алтунин 2009; Степыкин 2011]).

Результаты ассоциативного эксперимента в китайском языке: уважение, скромность, благовоспитанный, извинение, приветствие, уважительная форма, спасибо, приличие, доброжелательность, дружественный, пожалуйста, мягкий, лобезность, воспитанность, дружеский, почтение, великодушие, понимание, культура, толерантность, прощение, тактичность, благодарность, улыбка, этикет, заботливость, внимательно слушать, образование, искренность и т. д. Три наиболее часто упоминаемых: уважение, скромность, благовоспитанный.

В целом по приведенным выше результатам можно обнаружить, что хотя существуют различия в понимании вежливости у людей в трех языковых сообществах, эти различия незначительны, они возникают в основном из-за разной приоритетности компонентов в изучаемом концепте. Почти все основные компоненты концепта ВЕЖЛИВОСТЬ можно найти во всех трех языках, при этом понимание вежливости в английском и китайском языках в большей степени ориентировано на практические аспекты вежливости, чем в русском, но это не означает, что данные формы выражения вежливости не существуют в русском ее понимании. Скромность как основной компонент китайского концепта вежливость (и периферийный русского концепта) не была обнаружена среди результатов английских ассоциативных экспериментов, что связано с низким приоритетом этого компонента в англоязычной культуре. Таким образом, мы с оптимизмом смотрим на возможность установления универсальной модели вежливости. По мере углубления исследований и накопления языкового материала мы надеемся получить четкую универсальную модель, пригодную для дальнейшего изучения межкультурной коммуникации.

Литература

- КСКТ* – Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.
- Митяева А. П., Щитова О. Г. Языковая объективация концепта «бизнес» в русской и английской лингвокультурах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (168). С. 53–58.
- Чжао Цзэхун. Гендерный аспект концепта «вежливость» // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 3 (50). С. 771–775.

Се Чаоюнь. Вежливость и мемы: философское размышление о прагматике. Народное издательство Фуцзянь, 2011. (谢朝群. 礼貌与模因: 语用学哲学思考. 福建人民出版社. 2011年.)

Dimitrova-Galaczi E. Issues in the Definition and Conceptualization of Politeness // Studies in Applied Linguistics and TESOL. 2002. 2(1). P. 1–20.

Leech G. The pragmatics of politeness. New York: Oxford studies in sociolinguistics, 2014.

Liu X., Allen T.J. A study of linguistic politeness in Japanese // Open Journal of Modern Linguistics. 2014. № 4. P. 651–663.

Zehong Zhao (*St. Petersburg, Russia*)
Saint Petersburg State University

THE POSSIBILITY OF ESTABLISHING A UNIVERSAL MODEL OF POLITENESS

The article discusses the possibility of establishing a universal model of politeness. By comparing the results of associative experiments of the concept politeness in Russian, English and Chinese, it is confirmed that there is no significant difference in the understanding of politeness between the three language communities, however, the components of the concept politeness have different priorities in them.

Key words: the concept of politeness, universal model of politeness, non-rigid methodology, association experiment, cultural value.

Юйфэй Цуй (*Москва, Россия*)
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
victoria-yufei@mail.ru*

КАТЕГОРИЯ КИТАЙСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН БОЖЕСТВ БОГАТСТВА (ЦАЙШЭНЬ) И ПОНИМАНИЕ ИХ ХАРАКТЕРИСТИК В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена изучению происхождения и причин формирования категории китайских Божеств богатства, чьи имена уже стали прецедентными именами. Эти имена были созданы китайским народом на основе исторической и художественной информации. Характеристики данных имен были выявлены для того, чтобы понять, как оформляется категория китайских прецедентных имен Божеств богатства в китайской культуре и ментальности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категория, прецедентные имена, Божество богатства, ментальность.

Почти все люди в обществе, хотя больше зарабатывать, чтобы жить лучше. В Китае люди молятся Божеству богатства (Цайшэнь 财神 Cáishén) и просят его помочь получать больше денег. В стране пятое января по лунному календарю считается днем встречи с Божеством богатства. В этот день по традиции запускаются петарды, люди едят пельмени и выбрасывают мусор – эти действия отгоняют беду и плохого человека.

Следует отметить, что Божество богатства – это не один человек, а общее название целой категории лиц, которые называются прецедентными именами. Д. Б. Гудков относит к прецедентным именам индивидуальные имена, имена-символы, указывающие на некоторую эталонную совокупность определенных качеств, относящихся к конкретной исторической личности, например, *Моцарт* или *Ломоносов* [Гудков 2003: 108]. Еще немецкий ученый И. Кант указывал: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий, а также познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью соответствующих категорий» [Кант 1994: 117]. Н. Н. Болдырев считает, что «категория – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [Болдырев 2006: 6]. Но такая категория, по мнению Л. А. Манерко, «дискретна и основана на свойствах, внутренне присущих (ингерентных) признаках соответствующих категорий» [Манерко 2000: 38].

Источники легенд о Божествах богатства в китайской культуре достаточно сложны и существуют их разные версии. Попробуем разобраться в нашем исследовании с оформлением двух основных категорий.

1. Выделение Божеств богатства по их происхождению, сюда относятся гражданские чиновники, генералы, рыцари и богатые люди, реально существовавшие личности [Чэнь Фан 2012: 6]. Эти имена поделены на следующие группы:

А) Главные Божества богатства (正财神), которые помогают людям больше зарабатывать. В этой группе главных Божеств богатства фиксируются: гражданские и военные Божества богатства, в частности, 1) *Гражданские Божества богатства: Ван Хэ (王亥 Wáng Hài), Би Гань (比干 Bǐ Gān), Фань Ли (范蠡 Fàn Lǐ), Ли Гуйзу (李诡祖 Lǐ Guǐzǔ)* и т. д.; 2) *Военные Божества богатства: Гуань Юй (关羽 Guān Yǔ), Чжао Гунмин (赵公明 Zhào Gōngmíng)* и др.

Стоит отметить, что прецедентные имена группы А) являются самой многочисленной группой, они реально существовали в истории и стали известны благодаря своим действиям, участию в разнообразных событиях, позволившим оказать пользу своему государству.

Одним из известных главных Божеств богатства в группе А) является конкретный человек по имени *Ван Хэ*. Он был первым торговцем в сфере животноводства, а также транспорта в истории Китая. Он жил во время

правления Ся (примерно 2070–1600 до н. э.) и был главой Царства Шан, за что получил прозвище *человек Шан* (商人 *shāng rén*).

Помимо него к божествам богатства также относятся *Би Гань*, который жил в конце династии Шан (примерно 1600–1046 до н. э.). Хранящаяся в памяти китайского народа легенда гласит, что он пытался поведать правду королю Синь (辛 *Xīn*), который был последним, известным тираном династии Шан, прозванным *жестоким* – (紂 *Zhòu*). Королю Синь не понравилась правдивая речь Би Ганя, жестокий король отдал приказ вырвать сердце Би Ганя. В китайской культуре считается, что торговцы хитрые, а у Би Ганя нет сердца, поэтому он, как Бог богатства, справедлив в суждениях.

Интересны истории других носителей прецедентных имен, которые сохранились в китайской культуре. Фань Ли жил во время последнего периода эпохи «Вёсен осеней» (770–476 до н. э.) и был чиновником царства Юэ, когда царство У завоевало царство Юэ, Фань Ли отправил Си Ши (известную красавицу) в царство У собрать информацию, чтобы царство Юэ смогла одержать победу над царством У [Цуй Юйфэй 2022: 818]. После победы он уехал из царства Юэ на север, занялся бизнесом и стал богатым человеком, затем растрачивал свое богатство, помогая бедным людям.

Имя *Гуань Юй* связано с его смелостью и решительностью, он был верным, преданным своим друзьям человеком [Ло Гуаньчжун 1968]. Он жил во время троецарствия (220–280). После смерти он постепенно стал обожествляться, Гуань Юя стали считать защитником богатства.

Имя *Чжао Гунмина* стало популярным после выхода знаменитого романа «Предание о незапечатанном божестве» (《封神演义》). Его имя стало связываться с богатством, он был назван богом и стал отвечать за контроль над всем золотом, серебром и сокровищами в мире [Сюй Чжунлинь 2009: 683]. Люди считают, что его можно назвать самым всемогущим Богом богатства.

Б) Случайные Божества богатства (偏财神) защищают появление дополнительного дохода, дохода от лотерей и многого другого.

В) Божества богатства исполнения обязанностей (准财神). Люди считают, что такое божество должно быть божеством богатства, и просят его помочь: например, *Лю Хэчань* (刘海蟾 *Lǐu Hǎichán*).

Г) Живые люди Божества богатства (活财神), такие как человек *Шэнь Ваньсань* (沈万三 *Shěn Wànsān*), который умеет зарабатывать.

Эти прецедентные имена Божеств богатства становятся категорией и представляются на рисунке 1 (стр. 472).

В группах Б) и В) такие имена были менее знамениты по сравнению с главными Богами богатства, они были связаны с именами рыцарей, которые помогают людям в приобретении богатства, или именами тех, кто способен поощрить за добро или наказывать за зло [Чэнь Фан 2012: 6].

Рис. 1. Категория Божеств богатства

Все эти носители имен Богов богатства имеют общие характеристики: они служили государству или китайскому народу, а также были верными и мудрыми людьми.

2. Разделение по владению сторон света Божествами богатства включает два варианта, которые высоко признаны среди людей, что представлено в таблице:

Стороны	Вариант А	Вариант Б
Середина	王 亥 (Ван Хэ-Wáng Hài)	王 亥
Восток	关 羽 (Гуань Юй-Guān Yǔ)	关 羽
Юг	柴 荣 (Чай Жун-Chái Róng)	范 蠡
Запада	比 干 (Би Гань-Bǐ Gān)	比 干
Север	赵公明 (Чжао Гунмин-Zhào Gōngmíng)	赵公明
Северо-восток	李诡祖 (Ли Гуйзу-Lǐ Guǐzǔ)	李诡祖
Северо-запада	刘海蟾 (Лю Хэчань-Liú Hǎichán)	白 圭 (Бай Гуй-Bái Guī)
Юго-восток	范 蠡 (Фань Ли-Fàn Lí)	管 仲 (Гуань Чжун-Guǎn Zhòng)
Юго-запада	端木赐 (Дуаньму Ци-Duānmù Cì)	端木赐

На рисунке 2 показываются стороны, за которые отвечают упомянутые Божества богатства:

Кроме тех имен, которые были упомянуты в первом разделе, здесь добавлены новые прецедентные имена. Чай Жун (柴荣) был императором 1000 лет назад, который относился к простым людям как к своим сыновьям. Он считался Богом богатства, отвечающим за продвижение по службе, а также защитником шахтеров, гончаров и строителей. В него особенно верили люди в династиях Сун (960–1279) и Юань (1271–1368). Ли Гуйзу (李诡祖) был довольно попу-

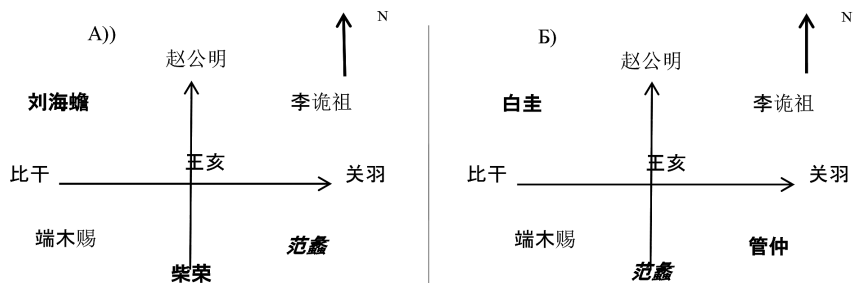

Рис. 2. Категория по владению сторонами Божеств богатства

лярным Божеством богатства в династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), он помогал привлекать богатство и обладать сокровищами, но в современное время его мало знают. Дуаньму Ци (端木赐) – ученик Конфуция, родоначальник бизнеса, руководствующийся нормами конфуцианского этикета (儒商). Стоит отметить, что Фань Ли в группе А отвечал за юго-восток, в группе Б – за юг, в него верят торговцы Чжэцзян (浙商). В Бай Гуй (白圭) верят торговцы Шаньси (晋商), а в Гуань Чжун (管仲) – торговцы Аньхуэй (徽商).

В таблице и на картинках представлена разница, которую признают люди (жирные и курсивные иероглифы). Все вышеуказанные прецедентные имена по-разному возникли в истории или в художественных произведениях в разные временные периоды, их носители были выдающимися людьми, прекрасно занимались своими делами, оказали большую пользу обществу и обычным людям, что отражено в истории или легендах. Поэтому в сознании простых людей эти имена уже стали категорией символов Божеств богатства. Все эти Божества, чьи имена стали прецедентными, позволяют получить богатство добрыми способами, и люди просят их защищать себя, даровать им счастье.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006 № 2. С. 5–22.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК: Гнозис, 2003.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

Манерко Л. А. Язык современной техники: ядро и периферия: монография. Рязань: РГПУ им. С. А. Есенина, 2000.

Цуй Юйфэй. Характеристики для понимания структуры категории прецедентных женских имен в китайской картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. № 4(51). С. 816–820.

- 陈芳. 中国财神传说研究[D]. 华中师范大学, 2012. (Чэнь Фан Исследование легенды о китайских Богах богатства: дис. ... Центрально-Китайский педагог. университет, 2012.)
- 许仲琳. 封神演义. 中华书局. 2009. (Сюй Чжунлинь Предание о незапечатанном божестве. Книжный магазин Чжунхуа. 2009.)
- 罗贯中, 三国演义. 吉林: 延边人民出版社. 2003. (Ло Гуаньчжун Троецарствие. Цзи Линь: Народное издательство в Янь Бянь, 2003).

Yufei Cui (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

**THE CATEGORY OF CHINESE PRECEDENT NAMES
OF WEALTH DEITIES (CAI SHEN)
AND UNDERSTANDING THEIR CHARACTERISTICS
IN CHINESE CULTURE**

The article is devoted to the origin and reasons for the formation of the category of Chinese Wealth Deities, which have already become precedent names. These names were created by the Chinese people based on historical and artistic information. The characteristics of these names were revealed in order to understand how the category of Chinese precedent names of Wealth Deities is formed in Chinese culture and mentality.

Key words: cognitive linguistics, category, precedent names, wealth Deity, mentality.

В. И. Яременко (Москва, Россия)
Научно исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

О. Г. Чупрына (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
ochupryna@yandex.ru

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
БУДУЩЕГО ЛИНГВИСТА ПЕРЕВОДЧИКА**

Кратко описывается роль курса страноведения с точки зрения его лингвистической составляющей и знаний об историко-культурологических особенностях общества носителей языка. Приводятся примеры заданий для формирования общекультурного и страноведческого мировоззрения будущих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: лингвистика, страноведение, культурно-маркированная лексика, переводческие навыки и умения, лингвокультурная компетенция.

Процесс подготовки профессиональных переводчиков строится на освоении множества дисциплин, обеспечивающих как собственно овладение коммуникативными навыками в результате системного практического курса английского языка, так и расширение фоновых знаний, связанных с совокупностью всех культурологических особенностей общества носителей языка. Одной из таких дисциплин является курс страноведения, в котором лингвистическая составляющая о духовной, культурной и общественной жизни народа и знания из области географии, экономики, обществоведения, этнографии и др. обеспечивают полноту раскрытия значений лингвистических единиц со всеми тонкостями для их адекватного восприятия в актах межкультурной коммуникации.

Такое сочетание лингвистики и ряда научных дисциплин, отражающих национальные особенности культуры народа-носителя языка и среды его существования, образует комплексную дисциплину – лингвострановедение, которую Г. Д. Томахин описывал как науку, ставящую своей целью выявление и исследование культурно-исторических языковых единиц с ярко выраженной национальной семантикой, вскрывая национальное своеобразие значений единиц одного языка, противопоставляя их в процессе перевода единицам другого, добавляя при этом смысловые оттенки, обусловленные национальным видением мира или культурно историческим развитием народа-носителя [Томахин 1986].

Учитывая вышесказанное, но не ограничиваясь только этими положениями, можно предположить роль и значимость дисциплины, сочетающей в себе лингвистический аспект и страноведческие знания, т. е. лингвострановедения, в подготовке переводчиков в сфере межкультурной коммуникации, особенно на современном этапе международных отношений, когда от уровня профессиональной подготовки переводчика в процессе интерпретации стремительно меняющихся текстовых, социальных и культурных условий может зависеть эффективное взаимодействие между представителями разных культур.

Теоретические основы лингвострановедения как науки описаны в работах многих ученых последних десятилетий настолько широко, что в методической литературе применительно к обучению профессиональных переводчиков о ней говорят как о лингвострановедческой компетенции переводчика, способного учитывать изменения в языке и реагировать на важные изменения в жизни общества на фоне быстро меняющихся событий в современном поликультурном мире. Последовательное формирование в процессе подготовки будущих лингвистов-переводчиков навыков и умений, отвечающих высоким требованиям к уровню профессиональной компетенции и языковой подготовки, проходит через освоение ряда специальных дисциплин, утвержденных ФГОС. В данной статье мы рассмотрим конкретные примеры, когда

на пути достижения эквивалентного перевода выступают факторы историко-культурного характера, препятствующие восприятию текста на иностранном языке наравне с его носителем.

Многолетний опыт преподавания дисциплины «История и культура стран изучаемого языка (Великобритании и США)» позволяет утверждать, что она занимает важное место в системе предметов развивающего цикла. Студент учится разбираться в закономерностях исторических процессов, ориентироваться и критически осмысливать современные события и их влияние на ситуации в других странах и на других континентах. С точки зрения лингвистики эти знания не только расширяют словарный запас в результате изучающего чтения учебных текстов, развивают навык аудирования при просмотре тематических видео материалов и учат правильному употреблению усвоенных языковых средств при выполнении письменных заданий, но и способствуют, как уже говорилось выше, более глубокому пониманию особенностей речеупотребления, дополнительных смысловых нагрузок, политических, культурных, исторических и т. п. коннотаций слов, словосочетаний, высказываний. Накопленный банк примеров составил основу методического пособия, включающего в себя упражнения по работе с культурно-маркированными лексическими единицами, понимание которых обеспечивает выработку необходимых навыков и умений как в устном, так и письменном переводе в рамках дисциплины о специальных видах перевода на старших курсах. Рассмотрим некоторые примеры таких заданий.

Общий уровень культурной грамотности студентов можно проверить и расширить при работе с заданиями по сопоставлению собственных имен и связанных с ними определенных понятий, отрабатывая при этом и правильное произношение этих имен. Например, *1-Draconian 2-Oedipus 3-Trojan 4-sword of 5-Achilles' 6-Procrustian // a-complex b-horse c-bed d-measures, laws e-Damocles f-heel*. И продолжением этого типа задания может быть составление пар собственных имен с отработкой их произношения и комментариями о том, какие исторические или культурные ассоциации они вызывают: *1-Adam; 2-Antony; 3-Cain; 4-Scylla; ... //a-Abel; b-Eve; c-Cleopatra; d-Charybdis*. Некоторые знаменитые высказывания принадлежат известным из курса страноведения ученым, политическим деятелям, писателям и т. п. Студентам предлагается вспомнить, кому они принадлежат. Например, *1-All the world's a stage...! 2-England expects that every man will do his duty. 3-Ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country. // a-Admiral Nelson; b-John F. Kennedy; c-Shakespeare*.

Оживленный интерес у студентов вызывает упражнение с так называемыми словами-гибридами (*portmanteau words*), когда они узнают, что эти слова обозначают. Например, *Oxbridge, brunch, Chunnel, Swatch, Interpol*,

smog. Некоторые места в Лондоне ассоциируются с важными учреждениями, которые часто упоминаются в СМИ и в повседневных разговорах, например, 1-Whitehall, 2-10 Downing Street, 3-Scotland Yard, 4-Westminster и студентам предлагается найти им место в следующих предложениях: //a-There are likely to be late nights and angry arguments at when the new tax proposals are debated next week. b-After the prison escape, alerted all police forces to be on the look-out for the man. c-Although he's only just entered Parliament, he's already aiming at d-There have been growing complaints that bureaucracy in is slowing down the enforcement of government legislation. Такие задания вносят элемент разнообразия в процесс обсуждения важных страноведческих тем в соответствии с учебным планом, при этом количество подобных упражнений растет по мере того, как сами студенты находят новые примеры и активно делятся ими с другими студентами и преподавателем.

Очевидно, что приобретение страноведческих знаний и формирование навыков и умений распознавать лексику с ярко выраженной национально-культурной спецификой должно присутствовать на протяжении всей профессиональной подготовки переводчиков. При этом важную роль играет формирование привычки использовать иноязычные лингвострановедческие словари и справочники, в том числе информационно-справочные системы в электронной форме со словарными статьями, которые дают возможность понять все нюансы полноты и глубины смысла как слов и словосочетаний современного английского языка, так и тех, которые относятся к историзмам, и в этом случае их толкование обеспечивает ясный подтекст, когда из перевода он не вытекает. В качестве иллюстрации рассмотрим два примера, когда фоновые знания обеспечивают адекватный перевод значений или коннотаций – социальных, политических, иногда исторических – которые трудно понять или уловить, если язык для человека не родной.

В одной из газет Нью-Йорка в канун Нового 2020 года была напечатана статья под заголовком “Times Square Ball drops, Kremlin clock Tower rings in the New Year” и далее идет следующий текст: “While Americans gather around TV screens to watch a ball drop on Times Square to bring in the New Year, Russians gather around to watch an annual address before watching the Kremlin clock tower ring in the New Year.” При переводе данного фрагмента у носителя русского языка скорее всего возникнет проблема с интерпретацией первой половины текста, которая требует знания ежегодной новогодней традиции спуска хрустального шара по шпилью на крыше одного из небоскребов у главной площади Нью-Йорка – Таймс сквер.

Второй пример проиллюстрируем следующим фрагментом из романа Ивлин Во «Безоговорочная капитуляция»: – “...Это очень важно, если вам так действительно лучше. По-моему, вам необходимы тепловые процедуры.

Я пришлю санитару с лампой.” ... Однако перевоплощение флорентийского соловья не состоялось. Опухоль на икре и лодыжке слегка уменьшилась, а колено, наоборот, вспухло. ... Гай страдал от частых мучительных спазм, если поворачивался в кровати, но в целом эти боли для него были предпочтительнее. Когда читаешь этот текст, становится ясно, что переводчик не понял оригинал на английском языке либо по небрежности, либо по незнанию англоязычной культуры. В оригинале текст выглядел следующим образом: “... *Well, that's the important thing. I daresay a spot of heat might help. I'll send along a chap with a lamp.*” ... *This reincarnation of Florence Nightingale did not appear? The swelling of calf and ankle slightly subsided, the knee grew huge...*” Переводчик не затруднил себя тем, чтобы уточнить, что за именем Флоренс Найтингейл стоит национальная героиня Великобритании периода Крымской войны – создательница сестринского дела. Солдаты называли ее «Леди со светильником». Ее имя стало символом доброго и бескорыстного человека, которая в память о погибших солдатах, врачах и медсестрах поставила на свои деньги большой крест из белого мрамора в Крыму над Балаклавой.

Понимание и навыки перевода культурно-маркированных лексических единиц всегда требуют дополнительных страноведческих фоновых знаний и умения пользоваться лингвострановедческими словарями и справочной литературой, что не является сильной стороной современного студента, который не очень привык к глубокому сопоставительному анализу приводимых значений и выбирает первый попавшийся вариант, который не отражает в переводе имплицитный смысл высказывания, обусловленный национально-культурными особенностями оригинала. Систематическое включение примеров на повторение фоновых страноведческих знаний в темы текущих занятий по крайней мере побуждают студента прилагать дополнительные когнитивные усилия для самосовершенствования своих будущих профессиональных навыков. Приведем некоторые примеры из упражнений на распознавание культурно-маркированных единиц и их страноведческого анализа.

1. *I'm afraid the school has had a reputation as a WASP stronghold for so many years that it's going to take time to change its image.*
2. *Above him the glorious colors of the Stars and Stripes brightened the dull gray wall.*
3. *The eighteen thousand students of Oxbridge make up one of the most elite elites in the world.*
4. *“England expects that every man will do his duty.”*

В связи с противоречивыми тенденциями развития современного мультикультурного общества, возникает необходимость привлекать внимание студентов к понятию «политкорректность» как идеологии коммуникативной сдержанности, так и структурным особенностям языка политкорректности. Эти вопросы подробно освещаются, в частности, в статье В. В. Майбы

[Майба 2012]. Представляется уместным на уровне общего ознакомления затрагивать вопрос об особенностях данного языкового феномена в рамках изучения таких страноведческих тем, как «СМИ», «Деловой мир», «Жизненные ценности» и т. п. хотя бы потому, что создаются целые Словари языка политкорректности со следующими словарными единицами: *Afro-American* (вместо *black* и ни в коем случае не *Negro* и не *colored*); *Caucasian* (вместо *white*); *Native American* вместо *American Indian*; не *poor people* и *old people*, а *disadvantaged and seniors*. *Drug addict* превратился в *substance abuser*, а об умственно отсталых людях принято говорить *mentally/developmentally-challenged* и т. д. Также эта проблема может стать темой проектного задания, устной презентации или постерного доклада в рамках самостоятельной работы студента. Осваивать эти выражения необходимо, чтобы не оказаться в неловком положении в обществе носителей языка или неудачно проявить свои профессиональные качества переводчика.

Из всех видов стилистических особенностей перевода самую большую проблему представляют фразеологизмы, пословицы, поговорки и подобные формы народного творчества, к которым нередко прибегают современные политические и общественные деятели, но аллюзия принимает на себя большую часть стилистической нагрузки как прием для добавления тексту дополнительного смысла. Распознавание аллюзий представляет для переводчика непростую задачу, т. к. зачастую правильная передача ее смысла требует широкой общей эрудиции и приобретенных в том числе страноведческих знаний, чтобы выявить наличие этого стилистического приема в тексте. Если человек предварительно знает о каком-либо историческом или современном событии, литературном произведении, известной личности и т. п., ему будет гораздо легче самостоятельно и, что важно, адекватно декодировать полученное сообщение. Этот раздел упражнений в методическом пособии представлен обширным количеством примеров, в подборке которых активное участие принимали студенты, что служит подтверждением мотивации в процессе освоения общекультурных и общепрофессиональных компетенций переводчика. Приведем несколько примеров. *Megxit* (о выходе английского принца Гарри с его женой Меган из членства в королевской семье) как аллюзия на *Brexit* (о выходе Британии из членства в Европейском союзе); *Partygate* (о скандальных вечеринках на Downing Street в период разгара пандемии) как аллюзия на политический скандал периода президента Р. Никсона, который в СМИ получил название *Watergate*; заголовок в газете *Eat the rich! or Why millenials and generation Z have turned their backs on capitalism* в котором слоган противников капитализма 1980-х «Ешь богатых!» соотносится с растущей популярностью среди представителей нового поколения в связи с темой нарастающего социального неравенства.

В качестве заключения подчеркнем еще раз важность формирования у будущих переводчиков широкого общего мировоззрения, страноведческого кругозора, способности критически анализировать события современного исторического этапа и умения анализировать экстралингвистический контекст. Такой комплекс необходимых навыков и умений позволит подготовить успешного переводчика в сфере профессиональной коммуникации.

Литература

Томахин Г. Д. Лингвистические аспекты лингвострановедения // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 113–118.

Майба В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 102–108.

V. I. Yaremenko (Moscow, Russia)
National Research University MIET

O. G. Chupryna (Moscow, Russia)
Moscow city pedagogical university

COUNTRY-ORIENTED LANGUAGE STUDIES AS AN INTEGRAL COGNITIVE ASPECT IN THE FORMATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE OF TRANSLATORS/INTERPRETERS

The paper briefly describes the role of country-oriented language studies in training would-be translators/interpreters. Examples of practical tasks presented are aimed to develop both general scope and linguistic-cultural competence of students.

Key words: linguistics, country studies, culture-loaded vocabulary, translation skills, country-oriented language studies.

VI. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Абросимова (Омск, Россия)
Омский государственный аграрный университет
им. П. А. Столыпина
abrosimova@inbox.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ВЕТЕРИНАРНОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ **(на примере прилагательных, указывающих на расположение частей тела)**

В статье рассматриваются специфические особенности терминов, обозначающих пространственные ориентиры в ветеринарной анатомии. Анализируется семантика и употребление прилагательных *дорсальный*, *вентральный*, *краниальный* и *каудальный* при описании структур организма животных. Делаются выводы о различиях при концептуализации пространства в человеческой медицине и ветеринарии.

Ключевые слова: ветеринарная терминология, анатомическая терминология, пространство, концептуализация.

Пространство является основополагающей категорией языковой картины мира: «восприятие и концептуализация любой материальной сущности невозможны без определения ее пространственной природы как необходимого условия бытийности» [Кравченко 2004: 35]. Обозначения пространственных ориентиров, играющие важнейшую роль в анатомической терминологии, представляют собой систему равноуровневых языковых средств, которые позволяют точно указать взаимоположение структур различных организмов (человека, животных). Исследователи отмечают, что при концептуализации пространства основным принципом становится антропоморфизм, подчиняющий себе конструктивную ориентацию объекта [Кравченко 2004]; при этом в анатомической терминологии воплощается как наглядно-чувственный, так и логический взгляд на мир [Ельцова 2000].

Несмотря на то, что ветеринарные и медицинские терминосистемы исторически формировались в постоянной взаимосвязи, концептуализация

категории пространства при описании тел животного и человека происходит по-разному. Между тем, большинство лингвистических исследований анатомической терминологии выполнены на материале номинаций структур человеческого организма. Исследователи, как правило, акцентируют внимание на состав, особенности словообразования и синтаксической функции терминологических единиц [Ельцова 2000; Князькина 2012]; при этом в работах, выполненных на материале ветеринарной терминологии, оказывается не выявленной ее специфика по сравнению с медицинской [Сиротина 2020; Хакимова 2021 и др.].

Цель данной статьи – определить особенности функционирования ветеринарных анатомических терминов, обозначающих пространственные отношения. Акцент в работе сделан на четырех терминах-прилагательных, указывающих на взаиморасположение структур организма: *краниальный – каудальный, дорсальный – вентральный*, так как именно эти номинации имеют явные отличительные черты в ветеринарной анатомии (безусловно, таких терминов-ориентиров гораздо больше, и особенности их функционирования также представляют интерес при анализе категории пространства).

В 19 в. английским зоологом Р. Оуэном и немецким анатомом Ф. Г. Я. Генле была создана единая для организмов человека и животных система обозначений, позволяющих называть плоскости и оси тела в любом его положении: *дорсальный* (лат. dorsalis) – направленный к спине; *вентральный* (ventralis) – к брюшной плоскости, *медиальный* (medialis) – направленный к срединной плоскости, *латеральный* (lateralis) – расположенный в стороне от срединной плоскости. Такая система является отражением взгляда на живое существо вне зависимости от его «канонической» позы. Далее последовали варианты номенклатур, основанные на определенном положении тела в пространстве: вертикальном или горизонтальном, что постепенно привело к разделению ветеринарной и медицинской терминологий. Так, принятая в 1895 г. Базельская анатомическая номенклатура оказалась неприменимой к организму животного во многом из-за основанности на вертикальном положении тела: термины верхний (superior), нижний (inferior), передний (anterior), задний (posterior) по отношению к стоящему на двух ногах человеку и четвероногому животному относятся к совершенно разным понятиям. В 1923 г. Американская ассоциация ветеринарной медицины под председательством С. Сиссона опубликовала Ветеринарную анатомическую терминологию, которая не получила международного признания, но тем не менее стала использоваться в ветеринарной практике. С. Сиссон акцентирует внимание на позе животного: описательные (англ. descriptive) термины, необходимые для указания точного положения и на-

правления частей тела, «применяются к четвероногим, таким, как лошадь, в обычном положении стоя» [Sisson 1930: 18, перевод наш – Е. А.]. Однако на этой же странице автор отмечает, что предпочтительно «использовать термины, которые, насколько это возможно, не зависят от положения тела в пространстве» [там же]. Исследователь предлагает использовать по отношению к структурам головы, шеи и туловища животного определения *dorsalis* (к спине), *ventralis* (к животу), *cranialis* и *oralis* (к черепу и ко рту), *caudalis* и *aboralis* (к хвосту и ото рта) вместо *superior* (верхний), *inferior* (нижний), *anterior* (передний), *posterior* (задний), характерных для медицинской терминологии. При этом С. Сиссон дает этим терминам определения, все же связанные с горизонтальным положением тела животного. Так, вентральная поверхность – поверхность, обращенная к плоскости опоры (земле), а не просто брюшная поверхность; дорсальная – противоположная вентральной, а не только собственно спинная, находящаяся на одной плоскости со спиной. Кроме того, дорсальной предлагается также называть переднюю поверхность конечностей, а противоположную поверхность – *volaris* – ладонной (для грудных конечностей) и *plantaris* – подошвенной (для тазовых конечностей). Таким образом, у С. Сиссона дорсальный – это 1) верхний 2) передний (по отношению к конечностям), а вентральный – нижний: термины становятся многозначными и образуют разные парадигматические ряды: дорсальный – вентральный (как верхний и нижний) и дорсальный – ладонный (подошвенный) (как передний и задний). Номинации «краниальный» и «каудальный» вступают в синонимические отношения с обозначениями «оральный» и «аборальный» – для структур головы.

В Йенской анатомической номенклатуре, опубликованной в 1936 г., термины направления тела оказались применимы ко всем позвоночным: и человек, и животные рассматриваются, с одной стороны, от черепного до хвостового края, а с другой – от спины до живота. Однако именно тот факт, что авторы номенклатуры исходили из положения тела, свойственного четвероногому животному, во многом и повлиял на отказ мировой общественности от нее. Уже в 1955 г. на VI Международном конгрессе анатомов была утверждена Парижская анатомическая номенклатура, которая не подходила для анатомического описания животного, так как в ней были использованы термины направления плоскостей тела, описывающие человека в положении стоя, с руками, повернутыми ладонями вперед. Поэтому ветеринарные анатомы были вынуждены разрабатывать собственную номенклатуру, и к настоящему времени ветеринарная и медицинская терминологии разошлись, в том числе в обозначениях направлений тела. Так, согласно Ветеринарной анатомической номенклатуре [Международная

ветеринарная анатомическая номенклатура 2013], прилагательные «краниальный – каудальный» (*cranialis – caudalis*) во многих случаях имеют переносное, пространственное значение – *передний* и *задний*, что приводит к внешне противоречивым сочетаниям типа *ramus laryngeus caudalis* – дословно *хвостовая гортанная ветвь*, *arteria epigastrica cranialis* – буквально *черепная надчревная артерия*; *глаза расположены каудально от носа*, *каудальный носовой гребень*. При этом рассматриваемые термины могут употребляться и в прямом значении: «относящийся к черепу» или «относящийся к хвосту» (*хвостовые позвонки – vertebrae caudales*, *черепные нервы – nervi craniales*). Определения «дорсальный – вентральный» (*dorsalis – ventralis*) получают значения «верхний – нижний» (в сторону спины или живота): *crista orbitalis ventralis – вентральный глазничный гребень*. Кроме того, термин «дорсальный» в некоторых случаях может обозначать «передний» (в случае с передней – дорсальной поверхностью конечности животного). В человеческой медицине для обозначения пространственных отношений, как правило, используются определения *anterior* (передний), *posterior* (задний), *inferior* (нижний), *superior* (верхний). В ветеринарии термины «каудальный» и «вентральный» могут употребляться по отношению к позе животного: *дорсальная или вентральная позиция животного*; применительно к людям же более типичны выражения *положение на спине* или *на животе*.

При этом и в ветеринарной, и в медицинской анатомии принято использовать термины «ростральный» (к кончику носа), «каудальный», «вентральный» и «дорсальный» по отношению к структурам головного мозга: дорсальная часть мозга – вверху, вентральная – внизу, ростральная спереди, а каудальная сзади, что естественно совпадает с горизонтальным расположением животного в пространстве [см., например, Solomon 2022]. Получается, что при пространственной ориентации головного мозга тело человека мысленно располагают по горизонтали, как четвероногое животное. Подобный взгляд на строение человеческого тела прослеживается и в некоторых других случаях, например, при рассмотрении желудочно-кишечного тракта, направление к концу которого обозначается как *каудальное*.

Таким образом, в настоящее время при анатомическом описании человеческого организма на первый план выходит понятие вертикали и горизонтали, тогда как в ветеринарии точкой отсчета, зафиксированной во внутренней форме терминов, становится определенная часть тела (хвост, череп, спина, живот). По-видимому, такое представление отражает наглядно-чувственное восприятие: человеческое тело имеет ярко выраженную вертикаль (верх и низ) и большую, по сравнению со стоящим на четырех конечностях животным, площадь передней и задней поверхности; тогда

как тело животного представляется как объект, расположенный буквально между головой и хвостом и между спиной и животом. Однако при описании отдельных органов и систем предметно-чувственное восприятие уступает логическому, абстрактному.

Литература

Ельцова Л. Ф. Концепты пространства в медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2000.

Князькина Л. Е. Характер системности в анатомической терминологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 1. С. 1540–1544.

Кравченко А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004 (2-е испр. издание).

Международная ветеринарная анатомическая номенклатура на латинском и русском языках. 5-я редакция: Справочник / под ред. Н. В. Зеленецкого. СПб.: Лань, 2013.

Сиротина Е. А. Категории пространства и времени в англоязычной терминологии ветеринарной медицины // Studia Humanitatis. 2020. № 3. URL: <http://st-hum.ru/node/952>.

Хакимова Г. А. Способы словообразования ветеринарной терминологии в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 183–192.

Sisson S. The anatomy of domestic animals. Philadelphia: W. B. Saunders Company, 1930.

Solomon N. Brain orientation difficulties. 2022. URL: <https://www.kenhub.com/en/library/anatomy/brain-orientation-difficulties>

E. A. Abrosimova (Omsk, Russia)
Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin

SPACE REFERENCES IN VETERINARY ANATOMICAL TERMINOLOGY (by the example of adjectives indicating the location of body parts)

The report discusses the specific features of terms denoting spatial marks in veterinary anatomy. The semantics and usage of adjectives dorsal, ventral, cranial and caudal in describing the structures of the animal body are analyzed. Conclusions about the difference in the conceptualization of space in human medicine and veterinary medicine are drawn.

Key words: veterinary terminology, anatomical terminology, space, conceptualization.

М. В. Аксенова, А. В. Мерзлякова
(Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
marina.v.aksenova@gmail.com, merzliakova@list.ru

ТРАВЕЛОГ: К ПРОБЛЕМЕ ТЕРМИНА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема названия жанра «травелог» в современной научной дискуссии. Русский термин был заимствован из английского языка и обозначает литературный жанр, имеющий свои отличительные особенности. Термин «травелог» в русскоязычной дискуссии вытеснил более широкое понятие «литература путешествий». Однако термин «travelogue» имеет значение, очень сильно отличающееся и порой противоречащее русскому «травелогу». В статье также рассматриваются случаи употребления слова *travelogue* в других значениях, не зафиксированных в словарях.

Ключевые слова: травелог, термин, литература путешествий, литературоведение, перевод.

Междисциплинарность современного научного знания, а также интенсивное общение и обмен опытом между учеными из разных областей и представителей разных стран порой приводит к необходимости прояснить некоторые термины, имеющие особое значение. При переводе с одного языка на другой важно сохранить специфику тех понятий, о которых идет речь и ясно их передать. Эта проблема существует во всех научных областях знаний, особенно гуманитарных (например, проблема философского понимания слов «идея» и “idea” освещена в статье С. Н. Кочерова [2]). В настоящей работе хотелось бы осветить проблему жанровой идентификации и номинации, которая существует в современном российском литературоведении и связана с литературой путешествий или с более современным понятием – травелогом.

Травелог – это особый жанр в литературе, который имеет несколько отличительных черт и одной из них является то, что рассказ о путешествии или поездке выступает сюжетообразующим элементом. Сейчас жанр травелога стал предметом научного интереса множества ученых, вопросу о месте этого жанра и его особенностям посвящены многочисленные научные статьи. Развитие имагологии – науки, изучающей образ «другого», тоже повлияло на интерес к травелогу, так как глобализационные процессы и вместе с тем желание отдельных культур сохранять свою идентичность побуждают к налаживанию культурного диалога, который возможен в том числе и через

познание «другого» с помощью изучения травелогов. Материалы для ималогического анализа приходят в том числе и из литературы. В частности, существует большой пласт литературы, где основным сюжетообразующим элементом является поездка автора или героя куда-либо, что приводит к его столкновению и взаимодействию с чужой для него культурой.

Ранее словари литературоведческих терминов объединяли путевые заметки, письма, путевые очерки и романы под объемным понятием «путешествие», все вышеперечисленное относилось к т. н. Литературе путешествий. Главный объединяющий элемент таких произведений – история о поездке. Термин «травелог», пришедший в русский язык не так давно, стал весьма популярным. В первую очередь потому, что, в отличие от Литературы путешествий с ее разнородным наполнением, подразумевает особый вид нарратива со своими отличительными признаками. В. М. Гуминский определяет термин «травелог» следующим образом: это жанр, «в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров» [Гуминский 2017]. Задачи и цели у путешественника при этом могут быть самые разные: политические, публицистические, философские.

Термин «травелог» довольно удобен и сейчас широко используется в российском литературоведении. Несмотря на то, что до сих пор филологи спорят об окончательном установлении границ травелога как жанра и присущих ему чертах, он довольно часто встречается в научном дискурсе. Травелогам называют как новые произведения, так и уже давно существующие. Трудности может вызвать использование при общении на английском такого, казалось бы, подходящего слова как “travelogue”. Ясная и совершенно понятная словообразовательная модель говорит о том, что это «рассказ о путешествии». Однако здесь есть нюансы. Автор термина Бертон Холмс, известный американский путешественник и фотограф, «травелогом» (“travelogue”) называл свои рассказы о поездках, на которых он также показывал фото и видео материалы, сделанные им лично. Эти выступления имели большой успех, Холмс имел специальный автобус с большой надписью travelogue на борту. “Travelogue” обозначает любую поездку и впечатления от нее, порой не имеющие никакой ценности в литературе, да и просто познавательной ценности. Бертон Холмс в юности был впечатлен рассказами другого известного путешественника и развил его идею, дав миру новое слово [Holmes 2006].

В английский язык слово вошло без литературного контекста. Оно подразумевает личные впечатления, дневники, видеофильм о путешествии. То, что русские исследователи сейчас называют «травелогом», в английском

языке имеет название “travel writing”, что очень похоже на существующий русский термин «литература путешествий».

Находим и такое определение “travel book”: A neglected and much varied genre of great antiquity to which many famous, more or less professional or ‘full-time’ writers have contributed, but which has also been enriched by a number of occasional writers. В эту категорию составитель словаря отнес как довольно рядовые сочинения, порой непрофессиональные, так и сочинения Карамзина [A Dictionary of Literary Terms 2013].

Ввиду уже сложившейся традиции в российском литературоведении использовать термин «травелог», являющийся емким и, несомненно, более удобным, чем довольно обтекаемая формулировка «литература путешествий», представляется логичным не оспаривать этот термин. Ведь английское слово *travelogue* не исключает литературной ценности произведения. Например, электронный ресурс Американского общества Poetry foundation называет «Путешествие Чайлд-Гарольда» Байрона именно *travelogue* [American poetry foundation]. В работе Элизабет Золд *Discomforting Narratives: Teaching Eighteenth-Century Women’s Travelogues* можно встретить как “travelogue”, так и “travel writing” [Zold]. Использование слова *travelogue* также можно встретить в научных статьях, для авторов которых английский язык не является родным. Проблема места травелога в жанровой системе волнует не только отечественных ученых [Wadapali Dr].

Travelogue можно встретить и в значении непосредственного распространения чего-либо: В статье, посвященной программированию, травелогом обозначена история тестирования программного обеспечения на протяжении 14 лет, с целью отбора лучших методов проверки. Таким образом, можно отметить, что он обозначает прежде всего фиксацию перемещения, поездки [Orso, Rothermel: 2014].

Таким образом, несмотря на то, что модель термина «травелог» очень похожа на такие слова как «монолог», «диалог», не вызывающие затруднений в международной научной дискуссии и практически являющиеся интернационалистами, термин «травелог» может оказаться ложным другом и ввести исследователя в заблуждение. Для лучшего понимания кажется уместным использовать при общении на английском языке понятие “travel literature”, а термин «травелог» оставить для русскоязычного общения и учитывать несоответствие терминологии.

Русский травелог подразумевает под собой особый жанр, представляя собой нечто большее, чем просто историю путешествия. Это культурный диалог, разговор с «чужим», активное взаимодействие. Это литературный жанр, произведения, которые в современной науке названы травелогами и имеют литературную ценность. В отличие от английского *travelogue*, русский травелог имеет литературную ценность. Таким, образом, указание

travelogue в качестве ключевого слова на английском языке для научных статей, посвященных трaвелогам, не будет ошибкой. Однако представляется уместным указывать также и travel literature.

Литература

Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2017.

Кочеров С. Н. В чем различие между философскими идеями и понятиями? // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 4. С. 6.

A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory / 5th ed. J. A. Cuddon. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013.

American poetry foundation. URL: <http://www.poetryfoundation.org> (дата обращения: 10.01.2023).

Burton Holmes Travelogues. The greatest traveler of his time, 1892–1952. Taschen, 2006.

Orso A., Rothermel G. Software testing: a research travelogue (2000–2014). FOSE'14, May 31-June 7, 2014, Hyderabad, India.

Reuel K. Wilson. The literary travelogue. A comparative study with special relevance to Russian literature from Fonvizin to Pushkin. Martinus Nijhoff, The Hague, 1973.

Wadapali Dr. Travelogue. Language in India. URL: <http://www.languageinindia.com/march2011/traveloguefinal.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Zold E. Discomforting narratives in Teaching Eighteenth-Century Womens Travelogues. URL: https://www.academia.edu/9943484/Discomforting_Narratives_Teaching_Eighteenth-Century_Womens_Travelogues (дата обращения: 10.01.2023).

M. V. Aksenova, A. V. Merzliakova

(Nizhny Novgorod, Russia)

*Minin State Pedagogical University
of Nizhny Novgorod*

TRAVELOGUE: THE PROBLEM OF THE TERM IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

The article considers the problem of the name of the genre of travelogue in modern scientific discussion. The Russian term was borrowed from the English language and denotes a literary genre having its specific features. The term “travelogue” in the Russian scientific discussion is used more often now than a vague notion “travel literature”. However, the term “travelogue” has a meaning which is different from and sometimes contradicting to the Russian term. The article also considers cases of usage of the word “travelogue” in other meanings which have not been fixed in dictionaries.

Key words: travelogue, term, travel literature, literature study, translation.

И. В. Беляева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

им. Г. Р. Державина

irin_1901@mail.ru

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ СПОРТСМЕНОВ¹

В статье рассматриваются интерпретирующие значения фразеологизмов с позиции бесконфликтного языкового общения спортсменов. В спортивной сфере эффективность коммуникативного взаимодействия зависит от владения специализированными знаниями и корректной языковой подачи информации. Понимание концептуальных основ формирования фразеологических значений обеспечивает успешное восприятие сообщения слушателем.

Ключевые слова: фразеологическая единица, языковая интерпретация, интерпретирующее значение, концептуальная основа, бесконфликтная коммуникация.

Фразеология представляет собой особый пласт языка, образующийся в результате переосмысления знаний о мире с позиции других категорий или концептуально-тематических областей. Способность фразеологических единиц (далее ФЕ) выражать с помощью одного знания другое и, следовательно, сочетать в своем значении информацию сразу о нескольких фрагментах мира, позволяет исследовать их в качестве средств вторичной языковой интерпретации. Под языковой интерпретацией понимается процесс получения нового знания на базе уже существующего и ранее вербализованного знания, т. е. языковая познавательная активность, раскрывающая в своих результатах субъективное понимание человеком объекта интерпретации или его отдельных характеристик [Болдырев 2019: 253]. Субъективность понимания при этом обуславливается индивидуальным и коллективным опытом взаимодействия с миром. В качестве факторов, влияющих на приобретенный опыт, выступают возраст (продолжительность взаимодействия с миром), характер и уровень образования, воспитания, круг общения, коллективные нормы, личные моральные установки, предпочтения, социальный статус и род деятельности. Последний фактор отличается следующей особенностью: чем больше человек увлечен своей деятельностью, тем сильнее она влияет на его концептуальную систему и, как следствие, на язык.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00067) в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина.

Примером наиболее преданных своему делу людей являются профессиональные спортсмены. Их концептуальные системы включают в себя такие концептуально-тематические области, как ТРЕНИРОВКА, СПОРТИВНЫЙ ИНВЕНТАРЬ, ДИЕТА, ВЫСТУПЛЕНИЕ, СОРЕВНОВАНИЕ, НАГРАДА, СПОРТИВНОЕ МАСТЕРСТВО, ТРАВМА. Данные области состоят не только из общеспортивных категорий (например, рус. Спортивный разряд, англ. Sports category, фр. Catégorie sportive; рус. Спортивная форма, англ. Sports uniform, фр. Tenue Sportive и т.п.) и концептов (рус. ФИНАЛ, англ. FINAL, фр. FINALE; рус. ЧЕМПИОНАТ, англ. CHAMPIONSHIP (S), фр. CHAMPIONNAT и др.), но и из узкопрофильных, свойственных лишь определенному виду спорта.

Иными словами, несмотря на структурное единообразие концептуально-тематических областей, входящих в концептуальные системы спортсменов, их содержание может различаться. В частности, питание тяжелоатлета состоит из калорийных продуктов, включающих большое количество животных белков для увеличения мышечной массы, т.е. его концептуально-тематическая область ДИЕТА представлена, прежде всего, концептуальной категорией Продукты животного происхождения, состоящей из таких концептов, как ЯЙЦО, МЯСО, МОЛОКО и пр. Художественная гимнастика, напротив, под спортивной диетой подразумевает низкокалорийный рацион, не позволяющий набирать вес, и оперирует в данном случае концептуальными категориями Фрукты, Овощи, включающими в себя соответствующие концепты. Таким образом, концептуально-тематическая область ДИЕТА присутствует у представителей обоих видов спорта, однако выявляется несовпадение входящих в нее категорий и, как следствие, концептов.

Различия обнаруживаются и в содержательном плане отдельных концептов. Так, в художественной гимнастике концепт ОСНОВНАЯ СТОЙКА предполагает позицию пятки вместе, носки врозь [Подробный курс сокольской гимнастики 1992], в тяжелой атлетике – широкую стойку ноги врозь, а у прыгунов в воду позиция перед упражнением различается не только по положению ног, но и по развороту корпуса к воде: *задняя стойка* или *передняя стойка* ‘положение спортсмена спиной или лицом к воде’. Следовательно, при абсолютном единообразии концептуально-тематических областей и категорий и структурном соответствии концептов, содержание последних не совпадает.

У представителей разных видов спорта возможно одновременное расхождение концептов и по структуре, и по содержанию. Например, если в женской спортивной гимнастике категория Спортивные снаряды, относящаяся к концептуально-тематической области СПОРТИВНЫЙ ИНВЕНТАРЬ,

включает такие концепты, как **ОПОРНЫЙ МОСТИК**, **БРУСЬЯ**, **БРЕВНО**, то в художественной гимнастике в нее входят **ОБРУЧ**, **ЛЕНТА**, **МЯЧ** и **БУЛАВЫ**.

Важное значение для результативности спортивной деятельности имеет успешность коммуникации, предполагающая, прежде всего, отсутствие деструктивных конфликтных ситуаций, снижающих эффективность труда. С точки зрения когниции, успешная коммуникация предполагает совпадение когнитивных структур и концептуального содержания у отправителя и получателя информации. В языковом плане бесконфликтное общение обеспечивается путем профилактики конфликтов, возникновение которых связано с непониманием значений единиц языка, в частности фразеологизмов. Иными словами, понимание интерпретирующего фразеологического значения подразумевает взаимное адекватное (с точки зрения эффективности и бесконфликтности общения) распознавание участниками коммуникации, заключенной в нем информации языкового и экстралингвистического характера [Болдырев, Беляева 2022: 928]. Таким образом, главным условием предотвращения языковых конфликтных ситуаций в спорте становится владение специализированным знанием и грамотная языковая передача сообщения.

Специфика спортивных знаний, заключенных в интерпретирующих значениях фразеологизмов, позволяет исследовать их в качестве фразеологизмов-профессионализмов, с одной стороны, и потенциально конфликтных средств языка – с другой. Рассмотрим фразеологизмы-профессионализмы, используемые представителями спортивной и художественной гимнастики, т. е. непосредственно спортсменами, тренерами, судьями.

Интерпретирующие значения фразеологизмов, используемых в профессиональной коммуникации спортсменов, формируются на базе аналогий, обнаруживаемых между объектами разных концептуально-тематических областей. Такие аналогии выступают как концептуальные основания фразеологических значений, а интерпретируемые знания разных форматов в качестве их концептуальных основ. В частности, за концептуальную основу значения фразеологизмов-профессионализмов художественных гимнасток может приниматься знание формата наблюдения о движениях, характерных для других видов спорта. Так, по аналогии с фехтованием проход рукой в рисунок, выполняемый предметом (например, лентой), получил фразеологическое название рус. *удар unaгой*. Английский фразеологизм *a gallop front/back*, определяющий один из видов гимнастического шага, образовался при установлении сходства шага гимнастики с движением лошади (верховая езда). Французская ФЕ *lancer a boumerang* ‘бросок ленты с обратным ее протягиванием обратно за конец’ заимствован из бумерандинга.

Заемствованные из других видов спорта словосочетания превращаются в образные в результате их интеграции в новую, не свойственную им сферу употребления, что становится неотъемлемой частью их фразеологизации. Например, фразеологизмы *a dive roll, un rouleau de plongée*, обозначающие проходящий прыжок, переходящий в кувырок, пришли в гимнастическую терминологию из водных видов спорта. Учитывая, что глагол *нырять* обозначает погружение с головой в воду, а гимнаст находится в спортивном зале на ковре и лишь имитирует погружение, свободное словосочетание приобретает переносный смысл и превращается в фразеологическое.

Знания о кинетических особенностях некоторых животных находят свое отражение в спортивной коммуникации в виде фразеологизмов с компонентом-зоонимом, определяющих движения гимнасток: рус. *львиный шаг, овечий прыжок, медвежий кувырок, прыжок в щучку, кошачий прыжок*; англ. *a fish jump, a sheep leap/jump, a cat leap, a stag leap/deer jump*; фр. *un saut de biche, un saut de chat, un saut de mouton, un saut de poisson, un saut de cheval*.

В качестве концептуальной основы формирования фразеологических значений используются не только знания кинетики живых существ, но и кинетические особенности некоторых артефактов: рус. *откидная створка* ‘вращение вперед или назад через опору для рук (в спортивной гимнастике)’, англ. *a helicopter walkover* ‘движение с вращением вокруг горизонтальной оси тела’, фр. *un saut ciseaux* ‘прыжок со сменой прямых ног в воздухе’.

В роли концептуальной основы интерпретирующих значений гимнастических ФЕ выступают также знания формата зрительной перцепции о форме некоторых объектов: рус. *лицевая восьмерка* ‘горизонтальные движения лентой в форме цифры восемь, выполняемые в лицевой плоскости’, англ. *a candle stand* ‘поднятие туловища и ног для формирования прямой линии из положения на лопатках?’, фр. *une croix de fer* ‘статическая фигура в спортивной гимнастике, выполняемая с перпендикулярно и горизонтально расположенными руками на кольцах’.

Помимо знаний о движениях и форме за концептуальную основу образования значений фразеологизмов принимаются знания формата функции: например, рус. *посадочная яма*, фр. *une fosse de réception* ‘оборудование, вкопанное в пол некоторых спортзалов, заполненное или покрытое мягкими материалами для поглощения падений’. Знания формата осязательной перцепции проецируются на кинетику спортсменов, характеризуя особенности шага или приземлений после прыжка: рус. *мягкое приземление, мягкий шаг*; англ. *an absorption landing/soft landing, a supple run*, фр. *une course douce*.

Структура и содержание концептуально-тематических областей, категорий и концептов спортсмена зависят от практикуемого им спорта и находят

свое отражение в языковых средствах, в том числе в ФЕ, используемых в процессе тренировок и соревнований. Таким образом, профессиональная дифференциация спортивных фразеологизмов определяется спецификой знаний представителей того или иного вида спорта. Анализ языкового материала показал, что интерпретирующие значения фразеологизмов-профессионализмов, применяемых в художественной и спортивной гимнастике, сформировались на базе знаний формата наблюдения, функции, зрительной и осязательной перцепции. Владение общими для спортсменов, тренеров и судей узкопрофильными знаниями, а также вербализующими их фразеологизмами, позволяет им быстро и точно понимать друг друга и, следовательно, осуществлять бесконфликтное языковое общение в процессе профессиональной деятельности.

Литература

Бобырева Н. Н. Терминология художественной гимнастики: Структурно-семантическое сопоставление в русском и английском языках. Казань: Казанский университет, 2013.

Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н., Беляева И. В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Vol. 13. № 4. С. 925–936.

Подробный курс сокольской гимнастики / пер. Н. В. Манохина. Изд. Всеобщуча Вятского Воен. Комиссариата, 1992.

I. V. Beliaeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN CONFLICT-FREE COMMUNICATION OF ATHLETES

The article deals with the interpretive meanings of phraseological units from the position of non-conflict linguistic communication of athletes. In the sports field, the effectiveness of communicative interaction depends on the possession of specialized knowledge and the correct linguistic presentation of information. Understanding the conceptual foundations of the formation of phraseological meanings ensures the successful perception of the message by the listener.

Key words: phraseological unit, language interpretation, interpretive meaning, conceptual basis, conflict-free communication.

Е. И. Голованова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
terminolog2011@rambler.ru

ЯЗЫКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ОБЪЕКТ

Рассматриваются теоретико-методологические вопросы, связанные с интерпретацией языков профессиональной коммуникации как полипарадигмального научного объекта.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, язык профессиональной коммуникации, термин, профессионализм, специальное знание.

Под языком профессиональной коммуникации мы понимаем особый конструкт, функциональную разновидность национального языка, используемую в определенной сфере профессиональной деятельности. Таких языков может быть множество – в соответствии с социальной дифференциацией и типами контактирующих субъектов (специалист – специалист, специалист – неспециалист и т. д.).

В одной и той же отрасли знания и деятельности может использоваться несколько языков. Так, например, в сфере медицины можно выделить язык профессиональной коммуникации ученых-медиков, язык коммуникации практических врачей, а также язык коммуникации фармакологов, хирургов и т. д. Уровень развития специальных областей медицины столь высок, что представители разных сфер медицинского знания общаются на своем собственном языке, что не исключает наличия единиц общемедицинского характера, известных всем медикам без исключения.

Применение термина «язык» в данном случае оправдано тем, что речь идет о комплексе языковых средств, обслуживающих определенную профессиональную область. Данный язык демонстрирует потребность своих носителей в «оязыковлении» специальной информации, полученной в ходе целенаправленной деятельности человека и отражающей особенности восприятия им объектов, их связей и отношений и специфику сложившейся системы коммуникации.

Ядром языка профессиональной коммуникации выступает терминология, которая представлена как общеотраслевыми (общенаучными) терминами, так и отраслевыми, узкоотраслевыми и узкоспециальными терминологическими единицами. Помимо терминологии, язык профессиональной коммуникации включает устную профессиональную лексику (профессионализмы, или

профессиональные коллоквиализмы), номенклатурные единицы и может включать профессиональные жаргонизмы. В отличие от профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, функционирующих на основе узуальных норм (часто носящих узкокорпоративный характер), термины кодифицированы в данном национальном языке, т. е. отражены в ГОСТах, словарях и справочниках профессионального и общелитературного характера.

Таким образом, язык профессиональной коммуникации неоднороден по своему составу, его единицы различаются степенью информационной содержательности и кодифицированности. Термины и профессионализмы объединяет то, что они выступают обозначениями обобщенных денотатов (предметов, явлений и отношений), в то время как профессиональные жаргонизмы могут обозначать также единичные предметы и явления. Номенклатурные единицы выступают знаками единичных или серийных (массовых) предметов и явлений, воспринимаемых как единичные.

Языки профессиональной коммуникации находятся в постоянном развитии. По мере углубления сведений о специальных объектах и возникновения новых подходов к их интерпретации увеличивается понятийный объем области, меняется конфигурация номинативных средств (например, отдельные профессионализмы могут войти в состав терминологии и, наоборот, устаревшие термины могут перейти в разряд профессионализмов). Из одного профессионального языка может выделиться в качестве самостоятельной системы специальных единиц новый (новые). Иначе говоря, языки профессиональной коммуникации представляют собой открытые динамические системы, реализуемые в профессиональной речи и способные к дальнейшему развитию вширь и вглубь.

У каждого языка профессиональной коммуникации присутствуют, помимо совокупности лексических средств, особая фразеология и устойчивые лексико-грамматические конструкции, а также специфическое словообразование (продуктивные модели образования номинативных единиц). Целесообразно также говорить о специфических жанрах профессиональной коммуникации, в которых используются составляющие указанного языка, и об особых дискурсах, где реализуются данные языки.

Наряду с жанрами, существующими в каждой профессиональной среде, например, такими, как устный профессиональный диалог [Голованова 2016], инструктаж или «разбор полетов», в профессиональной коммуникации существуют особые, характерные лишь для определенных видов деятельности жанры. Так, например, отличительную особенность военной коммуникации составляют жанры команд (они представлены также в сфере спорта, в строительстве, в морском деле и в некоторых других областях, не составляя, однако, их значимого отличия).

Разумеется, в каждой профессиональной сфере можно выделить теоретический и практический дискурс, на основе разграничения которых выделяются *термины*, отражающие рациональное знание, в совокупности представляющие логико-лингвистическую модель той или иной сферы деятельности, и *профессионализмы*, которые предназначены для обслуживания коммуникативных запросов в ходе практической деятельности специалистов.

Профессиональная коммуникация характеризуется наличием над-ситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Главное отличие профессиональной коммуникации от других разновидностей коммуникации заключается в том, что она включена в контекст профессиональной деятельности, поэтому ее характеристики определяются содержанием самой профессиональной деятельности [Голованова 2007].

Целесообразно различать профессиональную коммуникацию трех типов: обучающую, познавательную, деятельностьную (включенную в деятельность). Иначе говоря, важно разграничивать 1) коммуникацию в процессе трансляции профессиональных знаний (обучение профессии, переобучение, повышение квалификации); 2) коммуникацию между специалистами, направленную на решение профессиональных проблем когнитивного плана, т. е. связанных с прояснением и уточнением профессиональных объектов, их свойств и отношений; 3) коммуникацию, осуществляемую в процессе деятельности, связанную с решением собственно профессиональных задач.

Первый из указанных типов коммуникации чрезвычайно важен для понимания профессиональной коммуникации в целом. Институт ученичества (и соответственно наставничества) – это по сути процесс социализации индивида, связанный с освоением профессионального опыта через его языковые репрезентации, результатом которого является формирование профессионального сознания и профессиональной языковой личности.

Важнейшим условием овладения профессией является усвоение определенного количества информации о присущих данной области предметах, процессах и отношениях, однако для того, чтобы считать человека профессионалом, этого недостаточно. Высококвалифицированный специалист не только владеет необходимым набором знаний, но и умеет адекватно действовать в определенных условиях, т. е. обладает способностью контролировать ситуацию и управлять ею. Значимость специальных языковых единиц при этом чрезвычайно велика, так как специальное наименование как когнитивно-коммуникативная единица знаковой природы «задает программу деятельности и поведения» [Дридзе 1994: 35] участникам профессиональной

коммуникации. Таким образом, в специальном наименовании оказывается органично воплощена связь с профессиональным знанием и профессиональной деятельностью.

Если единицы общеупотребительного языка отражают в своем содержании множественность картин мира, бесконечное разнообразие интерпретаций реальных и виртуальных миров, то каждая профессиональная область, репрезентированная в языке, – это проекция мира, или взгляд на него в определенной перспективе.

Профессиональный опыт не передается генетически, не может быть воспринят бессознательно, автоматически. Этот опыт приобретает рефлексирующим сознанием в процессе целенаправленной деятельности индивидуума. Профессиональный опыт носит типизированный характер, поскольку ситуация, в которой он получен, является типичной для данной профессии. При этом стереотипность ситуации способствует созданию регулярных моделей номинации тех или иных объектов, процессов и отношений.

Люди, вступающие во взаимодействие на основе имеющегося у них опыта, вырабатывают единый «язык», состоящий из языковых репрезентаций известного им опыта. Таким образом, профессиональные языки предстают хранилищами профессиональной информации. «Ограниченность» такого языка связана с групповой посвященностью в него узкого круга специалистов на основе общего опыта. Именно опыт является источником определенного круга выработанных на его основе языковых репрезентаций [Успенский 2007].

Языки, обслуживающие различные области профессиональной деятельности, рассматриваются нами как особые когнитивно-коммуникативные пространства. В основе организации каждого такого пространства лежит комплекс значимых концептов, категорий и субкатегорий [Голованова 2009]. Поскольку термины составляют ядро языков профессиональной коммуникации, именно они служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов, служат одновременно ориентиром мышления и деятельности [Голованова 2004].

Исходя из предложенной интерпретации языков профессиональной коммуникации, они могут быть объектом изучения разных наук и научных направлений: социо- и психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвопрагматики, жаргонологии, социолектологии, жанроведения, коммуникативистики, терминоведения, терминографии, науковедения, антропологистики. Составляющие языков профессиональной коммуникации могут исследоваться с точки зрения лексикологии, семантики

и словообразования, ономазиологии, теории номинации, фразеологии и других областей лингвистического знания.

Компоненты языков профессиональной коммуникации описываются языковедами с позиций структурализма, прагмалингвистики и в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Все это свидетельствует о том, что данный научный объект, являясь целостным, многоуровневым и динамично развивающимся образованием в национальном языке, концентрирует в себе интересы целого ряда наук и научных направлений.

Литература

Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2004. № 33. С. 18–25.

Голованова Е. И. Теория профессиональной коммуникации в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания // Языки профессиональной коммуникации: сб. статей участников Третьей междунар. науч. конф. Челябинск: Энциклопедия, 2007. Т. 1. С. 29–34.

Голованова Е. И. Устный профессиональный диалог как комплексный речевой жанр // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 49–55.

Голованова Е. И. Эвристический потенциал когнитивных терминов и развитие терминоведения // Терминология и знание: материалы I Междунар. симпозиума. М.: Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. С. 51–64.

Дридзе Т. М. Прогнозное социальное проектирование как этап управленческого цикла: от жизненных ресурсов человека к социальным ресурсам общества // Прогнозное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994.

Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007.

E. I. Golovanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

LANGUAGES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION AS A POLYPARADIGMATIC SCIENTIFIC OBJECT

Theoretical and methodological issues related to the interpretation of professional communication languages as a polypadagimatic scientific object are considered.

Key words: professional communication, language of professional communication, term, professionalism, special knowledge.

Т. А. Жданова (Воронеж, Россия)

*Воронежский государственный
технический университет
zhdanovsilver@mail.ru*

**РОЛЬ МЕТАФОРЫ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ
В ФОРМИРОВАНИИ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
(на материале английского языка)**

Статья посвящена изучению процесса метафоризации в образовании политехнической терминологии, репрезентированной средствами английского языка. Рассмотрена такая область-источник заимствования лексических единиц, как «мир живой природы», используемая для образования политехнических терминов. Выявлены актуализируемые признаки лексических единиц. Делается вывод о том, что данная сфера-источник является одной из продуктивных областей метафорического образования в политехнической терминологии английского языка.

Ключевые слова: метафоры, когнитивные преобразования, политехническая терминология, животный мир.

Современная лингвистика признает весомый вклад метафорической номинации в создание отраслевой терминологии, которая является неотъемлемым компонентом терминологической системы любого языка. Так как метафоры, представленные в языке, соотносятся с метафорическими представлениями о действительности, то изучение метафорических выражений можно использовать для исследования когнитивной деятельности человека.

Когнитивная лингвистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет [Чудинов 2001: 8].

Статья посвящена изучению метафоры как когнитивного механизма создания нового термина, основанного на переосмыслении и интеграции знаний с учетом фоновой информации и новой области специального знания, ведь в «сфере терминообразования наиболее отчетливо проявляется когнитивно-познавательная функция языка» [Володина 1993: 7].

Цель настоящей статьи – выявление сферы «мир живой природы», к которой апеллируют носители английской речи при образовании политехнических терминов, а также экспликация актуализируемых признаков тех лексических единиц, которые были переосмыслены и использованы при их создании.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к роли метафоры и механизмам ее функционирования в научной и профессиональной коммуникации, а также интенсивным развитием политехнической терминологии в условиях технического прогресса.

Выбор сферы-источника связан с тем, что животный мир всегда играл большую роль в жизни людей, о нем накоплено много знаний. Для кого-то животные, птицы, рыбы служат пищей, для кого-то способом выжить, для кого-то просто друзья, так или иначе, человек чувствует себя частью животного мира, который окружает нас везде. Не случайно именно в мире живой природы человек искал образцы для осмысления различных технических изобретений. Так, А. Н. Баранов говорит о предпринятой попытке совмещения органистического способа мышления (представленного метафорами организма, растения, дерева, человека), которое имело глубокие корни в русском социуме, с механическим, рациональным мышлением, фиксированным в метафорах механизма, строительства, мотора и т. п. [Баранов, Караулов 1991: 186].

В процессе работы использовались следующие методы: метод лексикографического анализа, метод интроспекции, методика количественных подсчетов.

Материалом исследования послужили англоязычные словари политехнической терминологии. Методом сплошной выборки было выявлено порядка 40 терминов-метафор со сферой-источником «мир живой природы». Уточним, что к данной сфере мы причисляем животных, птиц и рыб. Проанализировав отобранные из словаря термины, мы пришли к выводу, что их можно подразделить на несколько групп в зависимости от сферы-источника.

В первую, наиболее многочисленную группу (21) входят метафоры, для создания которых используются образы животных. Преобладают образы широко распространенного животного «dog» – букв. собака. Наименование данного животного дало толчок к образованию различных терминов. Переосмыслению подвергается манера поведения собаки, ее типичные характеристики. Можно предположить, что причиной использования метафоры собаки стало представление об их сильных челюстях и стальном зажиме:

dog – это хомутик, кулак, кулачок, зажимные клещи, собачка, защелка.

dog block (собачья блокировка) – люнет на металлообрабатывающем станке;

dog coupling (собачье сцепление) – кулачковая муфта;

dog hook (собачий крючок) – захватывающий крюк;

dog iron (собачье железо) – соединительная скоба;

Можно встретить образы и конкретной породы. Представления о буль-дожьей хватке легло в основу следующих выражений:

bulldog spear (бульдожий гарпун) – простейшая труболовка;
bulldog wrench (бульдожий гаечный ключ) – аллигаторный ключ, трубный ключ;

Представлены образы и других широко распространенных животных:
horse (лошадь) – козлы, станок, рама, каркас;
ram (баран) – плашка;
rabbit (кролик) – скребок для чистки трубопровода;
pig (поросенок) – чушка, болванка;
squirrel cage rotor (ротор с «беличьей клеткой») – короткозамкнутый ротор.

При зооморфном описании приспособлений и устройств часто можно встретить наименования частей тела животных. Особенно привлекательной становится форма хвоста: dog bent tail (загнутый хвост собаки) – хомутик с отогнутым хвостом;

rat-tail burner (горелка хвоста крысы) – одноходовая горелка;
rat-tail file (напильник хвоста крысы) – круглый напильник малого диаметра;

tell-tail lamp (сигнальный хвост лампы) – сигнальная лампа;
fan-tail burner (горелка веерного хвоста) – веерообразная горелка;
tail shaft (хвостовой вал) – выступающая наружу часть вала;
tail rotor (хвостовой ротор) – хвостовой винт;
dog's leg (собачья лапа) – коленце;
cat-and-mouth station (букв. станция кота и рта) – курсовая и управляющая радиостанция

Отметим единичное использование образа хобота слона, экзотического для Англии животного: elephant-trunk spout (горлышко хобота слона) – рукав для подачи бетона к месту укладки.

Приведем примеры наименования «живущих в воде» (9), которые также могут быть основой для метафорического переосмысления. Технические приспособления сравниваются с рыбами, лягушками, змеями, крабами по сходству формы:

fish (рыба) – накладка;
fish-tail chisel (долото рыбьего хвоста) – долото типа рыбий хвост;
frog (лягушка) – крестовина;
frog switch (лягушачий переключатель) – стрелка с крестовиной;
frog cam (лягушачий кулачок) – дисковый кулачок;
derrick crab (крабовый деррик) – деррик кран на катках;
snake roll (змеевидный валик) – разгонный валик;
alligator (crocodile) shears – аллигаторные ножницы;
alligator (crocodile) wrench – аллигаторный гаечный ключ.

Менее продуктивна группа терминов, созданных при метафорическом переносе из области птиц (5), в основу которых положено знание характерной формы. Преимущественно встречается название гуся:

goose (гусь) – портновский утюг;

Части тела птиц даже в большей мере, чем сами птицы, являются источником образного переосмысления:

goose-neck (шея гуся) – предмет S образной формы: труба, скоба, патрубок;

goose-neck tool (инструмент шеи гуся), или swan-neck tool (инструмент шеи лебедя) – изогнутый резец, или резец «гусячья шейка»;

bird's eye (глаз птицы) – прожекторная лампа;

wing-headed bolt (крылатый болт) – болт с барашком.

Гусеницу и бабочку мы поместили в отдельную самую малочисленную группу «насекомых» (2). Причиной использования метафор данной сферы послужило подмеченное человеком сходство по внешнему виду, особенностям конфигурации:

butterfly (бабочка) – бабочка, передаточное устройство;

caterpillar tube (гусеничная труба) – гофрированная труба.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о достаточной продуктивности зоометафор в образовании технической терминологии, что позволяет говорить о наличии концептуализации технических приспособлений и устройств как части живой природы, вписанной в деятельность человека. При создании терминов-метафор человек, прежде всего, использует тех представителей животного мира, которые окружают его в повседневной жизни.

Группа метафор «животных» является преобладающей (21). Второй по численности можно считать группу, условно названную нами «живущие в воде» (9). К третьей группе относятся метафоры, связанные с областью «птиц» (5). В меньшей степени метафорическая номинация представлена в тематической области «насекомых» (2).

Можно говорить о том, что при уподоблении представителей животного мира техническим устройствам переосмыслению подвергаются не внутренние качества животных, которые так привлекают нас или порой пугают в живой природе. Человек не любит их верностью и отвагой, они не предстают как «братья наши меньшие», но, с другой стороны, и не концептуализируются как враждебные человеку, вызывающие различный дискомфорт, приносящие ущерб. В случае образования терминологии нельзя вести речь о продолжении фольклорной традиции, в которой свойства отдельных животных являются прототипическими. Отсутствует традиционное представление о мудрой змее, о собаке как о верном друге и т. п.

Из всех свойств мира живых существ, которые человек выделяет из их общего комплекса, наиболее релевантными для метафорического терминообразования отметим их внешний вид, преимущественно форму и характер расположения составляющих частей, а также подобие их действий и движений. Эти данные объективно присущи представителям живой природы, воспринимаются чувственно и могут быть названы перцептуальными.

Добавим, что зоометафоры технических устройств не имеют характерной для общеупотребительных метафор эмоциональной окраски, теряется оценочная коннотация живых существ.

Перспективу данной работы мы видим в дальнейшем изучении метафорического потенциала технической терминологии.

Литература

Англо-русский политехнический словарь / Под редакцией А. Е. Чернухина. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971.

Большой англо-русский политехнический словарь. В 2 томах. М. В. Адамчик. Издательство Харвест, 2004.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: материалы к словарю. М.: Ин-т русского языка РАН, 1991.

Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации: монография. М.: Издательство МГУ, 1993.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.

T. A. Zhdanova (Voronezh, Russia)
Voronezh State Technical University

THE ROLE OF WILDLIFE METAPHOR IN THE POLYTECHNICAL TERMINOLOGY FORMATION IN ENGLISH

The article deals with the study of metaphorical process in the formation of polytechnic terminology, represented by means of English language. The article considers such a source of lexical units borrowing as “the world of wildlife”, used for polytechnic terms formation. The actualized signs of lexical units are revealed. It is concluded that this source sphere is one of the productive areas of metaphorical creation in English polytechnic terminology.

Key words: metaphors, cognitive transformations, polytechnic terminology, the world of wildlife.

М. В. Зайцева (Москва, Россия)
Научно-исследовательский институт
изучения природы денег
Avenue122@ya.ru

О. С. Шварцман (Цуг, Швейцария)
Money Research Institute
info@institute.money

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК КАК ОБЪЕКТ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ (на примере составных терминов с компонентом *деньги*)

Пространственная категория «размер» классифицирует современные перцептивные номинации денег по параметрическому признаку, эксплицируя опыт зрительного восприятия окружающей действительности в языковом сознании человека. Исследование метафорической сочетаемости параметрических прилагательных со словом *деньги* позволило выявить развитие их первичного значения в русском языке. Установлены непространственные сферы, в которые пространственные прилагательные переносят параметрические признаки, выступая базовым объектом их вторичной номинации.

Ключевые слова: перцептивные номинации денег, параметрические прилагательные, категоризация, категория пространства, метафорическая сочетаемость.

Введение. Категоризация как одно из базовых понятий когнитивной лингвистики раскрывает общие принципы познавательного процесса в формировании фундаментальных знаний о мире. Объекты реального мира обнаруживают как сходства, так и различия между собой. Наличие общих и отличительных признаков окружающих предметов позволяет структурировать наши знания о мире определенным образом. В основе такого деления лежит первичное – *чувственное восприятие* окружающей нас действительности и мыслительная деятельность как вторичный – когнитивный процесс обработки наших знаний о мире. Э. С. Азнаурова, Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, И. Б. Левонтина, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева заключают, что «Первичная номинация возможна только тогда, когда появляется возможность с помощью какого-то элемента языка представить в сознании предмет в **пространстве**» (цит. по: [Багана, Кравец 2012: 126]).

Онтология мира отражена в нашем сознании в виде определенной категоризации как системы категорий [Болдырев 2021: 114]. Одной из важнейших базовых категорий является **категория пространства**, обладающая

«самой большой по своим масштабам, самой важной для восприятия мира» [Кубрякова 1997: 26] целостностью. Содержание категории пространства определяют следующим образом: «Протяженность. Объем. Форма. Место. Положение. Направление. Расположение предметов относительно друг друга. Удаленность. Ориентация. Членение пространства. Предел. Границы» (цит. по: [Канафина 2022: 53]). Язык пространственных отношений важен, так как принадлежит к первичным и основным: «Даже временное моделирование часто представляет собой вторичную надстройку над пространственным языком» [Лотман 1988: 292].

Постановка проблемы. Категория размера относится к семантически градуированным категориям: в основе ее формирования лежат параметрические (градулируемые) концепты, соотносимые с некоей мерной шкалой, «Размер концептуально существует вне времени, он является неотъемлемым признаком объекта, в отличие от таких физических характеристик, как, например, цвет, запах и других, которые могут варьироваться в зависимости от ситуации восприятия и характеризующих такую ситуацию ситуативных признаков» [Усманов 2011: 80]. Абстрактные концепты не всегда поддаются описанию: «Формирование наиболее полноценного знания возможно лишь в результате сочетания разных способов: и чувственного созерцания, и предметной деятельности, и осмысления, и языкового общения» [Болдырев 2021: 25]. А «чем выше уровень абстрактности, тем более выражена способность субъекта переступать пределы непосредственного и переходить в область более отдаленных временных, пространственных и семантических контекстов» [Холодная 2004: 191].

Физические параметры длины, высоты и ширины – линейные величины, составляющие понятие геометрического размера и определяющие, какое место в пространстве занимает тот или иной физический объект. Наличие или отсутствие определенных размерных признаков позволяет категорировать предметы по заданному параметру.

Характерные параметрические признаки качественных прилагательных: *длинный – короткий, широкий – узкий*, – в механизмах метафоризации концепта-категории «размер» претерпевают **мысленное реконструирование**, отражая перцептивный опыт человека, полученный в результате зрительного восприятия окружающей действительности.

Рыночные механизмы развития экономики и современного банковского сектора активизировали словоупотребление профессиональной денежной лексики, заимствованной в современный русский язык из англоязычной сферы. Адъективные номинации денег с семантическим компонентом параметрическим прилагательным, проникая из деловой коммуникации

в повседневную речь, зачастую требуют дополнительного качественного анализа – теоретического и лингвистического осмысления на более высоком абстрактном уровне, их когнитивной интерпретации в обыденном языковом сознании.

Методы и материал исследования. При лексикографическом анализе данных финансово-экономического, инвестиционного толковых словарей, нового экономического англо-русского словаря-справочника и Большого словаря русских поговорок применялись описательный и лексико-семантический методы исследования. Извлеченные семантические контексты затем были подвергнуты когнитивной интерпретации и интроспективному анализу.

Результаты исследования. *Узкие деньги* (narrow money) в современной экономике рыночного типа обозначают неформальное название показателя денежной массы в обращении M0, а иногда и M1, т.е. той части денег в обращении, которые могут непосредственно выполнять функцию средства обращения. *Широкими деньгами* (broad money) называют либо денежный агрегат M2, который включает в себя депозиты на счетах строительных обществ, либо денежный агрегат M3, включающий приносящие проценты банковские депозиты.

«Узкие» деньги или деньги для сделок включают наличные деньги и деньги на текущих счетах в банках. Это высоколиквидные активы, имеющие высокую скорость превращения в наличные деньги, – следовательно, их можно трактовать как *быстрые* деньги. «Широкие» деньги состоят из менее ликвидных активов: это деньги на срочных и сберегательных счетах в банках. Таким образом, «широкие» и «узкие» деньги можно интерпретировать как *медленные* и *быстрые* деньги в экономике рыночного типа.

«Длинные» деньги номинируют долгосрочные заимствования, инвестиции и кредиты, предоставляемые на длительный срок. В народе про длинные деньги говорят: *долгие*, – вербализуя их временную протяженность. «Короткие» деньги используют немедленно и (или) краткосрочно. Чем длиннее кредитный срок, тем дешевле обходятся длинные деньги экономике. *Длинные* деньги когнитивно интерпретируются в языковом сознании как дешёвые деньги, *короткие* – как дорогие деньги. «Дорогие» деньги ссужаются под высокий процент, «дешевые» – под низкий.

Термин *dear money* вербализует британский эквивалент термина *tight money* (жесткая кредитно-денежная политика). Таким образом, в данном случае имеет место перенос сразу нескольких непространственных категорий значения в ключевую пространственную сферу: *tight money* – *dear money* – *short money*.

Выводы. Метафорическая сочетаемость параметрических прилагательных со смысловым компонентом *деньги* образует профессиональные термины, заимствованные из англоязычного банковского дискурса, – вербализаторы финансовой концептосферы современной российской экономики рыночного типа. Произведенный анализ семантического контекста параметрических прилагательных со словом *деньги* эксплицировал развитие первичных значений параметрических признаков, – перенос пространственных значений в непространственные сферы качественной характеристики денег. Метафорические значения пространственных прилагательных переносят временные признаки *быстрых* и *медленных* денег в семантический контекст *узких* и *широких* денег (*narrow & broad money*), временной признак *долгих* денег – на *длинные* деньги. Дешевые и дорогие деньги (*dear & cheap money*) качественно характеризуют и категорируют *длинные* и *короткие* деньги (*long & short money*), составляя профессионально терминованную банковскую лексику, получившую широкое распространение в современном экономическом дискурсе.

Литература

Багана Ж., Кравец Я. Ю. Вторичная номинация тематической группы «Хлебобулочные изделия» (на материале немецкого и русского языков) // Вестник ИГЛУ. 2012. 2 (19). С. 116–120.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: ИД «Державинский», 2021.

Канафина А. Р. Репрезентация категории пространства в русском, башкирском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2022.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языков (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия Литература и язык. 1997. 3 (56). С. 22–31.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.

Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004.

Усманов Р. Ш. Параметрическая категоризация адъективной лексики: монография. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2011.

БСРП – Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп. 2007.

НАРСС – Новый англо-русский словарь-справочник. Экономика. М.: Флинта, Наука, 2010.

ФИТС – Финансово-инвестиционный толковый словарь. 2002.

ЭФТС – Экономика. Финансы. Толковый словарь / Б. Батлер, Б. Джонсон, Г. Сидуэл. М.: «ИНФРА-М», «Весь Мир», 2000.

M. V. Zaitseva (Moscow, Russia)
Money Research Institute

O. S. Schwartzman (Zug, Switzerland)
Money Research Institute

**PARAMETRIC ATTRIBUTE
AS AN OBJECT OF SECONDARY NOMINATION
(by the example of compound terms with the money component)**

The spatial category “size” classifies modern perceptual money nominations by means of a parametric attribute, explicating the visual perception experience of the surrounding reality in the linguistic consciousness of the person. The study of the parametric adjectives’ metaphorical context with the word *money* allowed us to identify the development of their primary meaning in the Russian language. Non-spatial spheres have been established into which spatial adjectives transfer parametric features, acting as the basic object of their secondary nomination.

Key words: perceptual money nominations, parametric adjectives, categorization, spatial category, metaphorical context.

A. С. Коваленко (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
kovalenko.wt@gmail.com

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ**

В статье рассматривается механизм профилирования, лежащий в основе эпонимических терминов из области клинических нейронаук (неврологии, психиатрии и клинической психологии) с ядром – литературным онимом. Профилироваться может прецедентное событие, яркая черта внешности или характера литературного персонажа.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, эпонимические термины, поэтонимы, неврология, психиатрия.

В настоящее время в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, отличительной чертой которой является антропоцентризм и признание ведущей роли человека в аккумуляции научного знания, активно развивается когнитивное терминоведение. Е. И. Голованова отмечает, что одной из главных задач

данного направления становится изучение соотношения терминологических единиц, входящих в состав языка для специальных целей, и стоящих за ними когнитивных структур [Голованова 2013: 14].

Ввиду исключительного значения Древнего Рима и Древней Греции в развитии науки основу терминологического аппарата языка медицины составляют лексические единицы латинского (*dementia, vertebrae*) и древнегреческого (*sclerosis, oligophrenia*) происхождения, являющиеся интернационализмами. Тем не менее, в медицинском дискурсе также используются лексемы из «родного языка врачей, например, английского или русского» [Глинская, Черезова 2019: 29]. Примерами таких терминов являются *blood, deaf, железа, отек*. Кроме того, ни одна из областей медицины не обходится без использования эпонимических терминов, содержащих в своем составе имя собственное или производное от него нарицательное имя (*Brooke-Spiegler syndrome, Hecht's pneumonia, hygiene, psychiatry*).

Несмотря на то, что в настоящее время в медицинском сообществе ведутся дискуссии о целесообразности использования терминов-эпонимов в дискурсе, изучение эпонимического компонента медицинского термина важно с точки зрения когнитивного терминоведения, поскольку, по замечанию Е. В. Варнавской, данный лексический слой «отражает этапы развития медицинского познания», «фиксирует эволюционные изменения языковых средств выражения концептуальной действительности, отражающих когнитивную картину мира», а также за счет реализации индивидуализирующей функции «приводит к многообразности профессиональной языковой картины мира» [Варнавская 2009: 5]. Коммеморативная и кумулятивная функции, реализующиеся в терминах с ономастическим компонентом, позволяют сохранять в языке значимую с культурной точки зрения информацию и передавать ее из поколения в поколение.

Эпонимическим ядром медицинского термина может стать антропоним (фамилия врача или врачей, исследовавших заболевание – *Pfeiffer syndrome, Charcot-Marie-Tooth disease*; фамилия или имя пациента – *Polle syndrome, Lou Gehrig disease*), топоним (*Nijmegen breakage syndrome, Havana syndrome*), а также литературный оним (*Alice in Wonderland syndrome, Baskerville effect*) [Коваленко 2021: 432–433].

Для обозначения литературных онимов в лингвистических исследованиях часто обращаются к термину «поэтоним». Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, поэтоним – «имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [Подольская 1988: 108]. В. М. Калинин отмечает, что главное отличие онима от поэтонима состоит в том, что последние используются для обозначения не реальных,

а существующих в «творящем сознании автора и <...> воспринимающем сознании читателей» образов как вымышленных, так и реальных объектов и личностей в рамках определенного художественного мира [Калинкин 2016: 22].

Объектом данного исследования стали составные термины из области психологии, неврологии и психиатрии с эпонимическим компонентом – поэтонимом. Предмет изучения – особенности реализации когнитивного механизма «профилирование».

Источником практического материала являются порталы *MedicineNet.com* и *American Psychological Association*; из онлайн-словарей, опубликованных на порталах, методом сплошной выборки было отобрано 170 эпонимических терминов из исследуемой области медицины с целью выявления поэтических онимов и изучения особенностей функционирования механизма профилирования в них.

Этимологический анализ терминологии показал, что абсолютное большинство терминов (142 термина, что составляет 83,5%) содержат в своем составе антропонимический компонент (*Pallister-Killian syndrome*, *Morton's neuroma*). 19 отобранных терминологических единиц (11,2%) содержат в основе литературное имя собственное (*Alice in Wonderland syndrome*, *Sleeping Beauty syndrome*). Эпонимическая часть данных терминов несет культурно-исторические коннотации, при этом, по замечанию В. В. Робустовой, интерпретационный потенциал онимов зависит от наличия или отсутствия фоновых знаний у реципиентов [Робустова 2018: 53].

Поэтонимы, находящиеся в составе изученных терминов, являются прецедентными. Прецедентным именем мы, вслед за И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и Д. В. Багаевой, называем ономастическую единицу, известную большинству представителей определенного сообщества и связанную с прецедентным текстом, в данном случае, художественным произведением [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных 1997: 83]. О. В. Салынова подчеркивает, что прецедентные имена, в отличие от индивидуальных, входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества. Кроме того, прецедентные имена обладают дифференциальными признаками, включающими в себя характеристику внешности или характера денотата, связанную с ним прецедентную ситуацию, а также набор атрибутов, вызывающих прямые ассоциации с носителем имени [Салынова 2022: 278–279].

В медицинской терминологии с ядром – литературным онимом – реализуется когнитивный механизм «профиль-база», являющийся одним из способов концептуализации объекта и описанный Р. Лэнкером. Л. В. Бабина указывает на способность человека концентрировать свое внимание на «определенном концептуальном содержании», фокусируясь на наиболее актуальных для конкретной ситуации характеристиках объекта [Бабина 2015: 102].

Рассмотрим примеры медицинских терминов с точки зрения реализации механизма профилирования.

Pollyanna syndrome – психологический феномен, в котором люди настроены чрезмерно оптимистично и смотрят на жизнь сквозь розовые очки. Поэтический антропоним, встречающийся в названии, Поллианна – героиня одноименной детской книги Элеонор Портер, девочка, придумавшая для себя веселую игру: находить положительные моменты даже в самых плохих ситуациях. В названии синдрома профилируется оптимистичный характер персонажа. К подобным терминам относятся *Peter Pan syndrome*, *Prince Charming syndrome*, *Othello syndrome*. В результате исследования 8 терминов (42,1%) были отнесены к данной категории.

Sleeping beauty syndrome – неврологическое расстройство, характеризующееся приступами чрезмерной сонливости. В названии синдрома профилируется прецедентное событие, описанное в сказке Шарля Перро: принцесса уколола палец веретеном и уснула на 100 лет. Другими примерами, в которых профилируются прецедентные события, произошедшие с персонажами художественной литературы, являются *Alice in Wonderland syndrome*, *Ophelia syndrome*, *Baskerville effect*. Всего было выделено 7 подобных терминов, что составляет 36,8%.

Самая малочисленная категория – термины, в которых профилируется внешность литературного героя. Одним из ярких примеров является *Rapunzel syndrome* – в образе героини сказки братьев Гримм присутствует яркая ассоциативная черта – ее длинные волосы, которая профилируется в названии заболевания, характеризующегося неконтролируемым поеданием большим собственными волос. Помимо *Rapunzel syndrome* к данной категории относятся еще 3 термина (21%): *Dorian Gray effect*, *Dorian Gray syndrome*, *Lilliputian hallucinations*.

Таким образом, в медицинских терминах с поэтонимом в качестве эпонимического ядра функционирует механизм профилирования, выделяющий яркие черты денотата. Если в концептуальной картине мира реципиента есть информация о прецедентном имени, заключенном в термине, то его значение будет актуализировано в сознании.

Литература

Бабина Л. В. Механизм профилирования при интерпретации поликодовых текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 1 (17). С. 100–105.

Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 1. 1997. С. 82–103.

Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009.

Глинская Н. П., Черезова Т. Л. Современная медицинская терминология в свете глобализации // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 28–33.

Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Наука, 2011.

Калинкин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология // Неофилология. 2016. № 4 (8). С. 24–27.

Коваленко А. С. Использование когнитивного механизма «профиль-база» в формировании терминов с ономастическим компонентом в клинических нейронауках // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 430–435.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.

Робустова В. В. Занимательная ономастика. М.: КДУ: Университетская книга, 2018.

Салынова О. В. Прецедентные имена в рекламных текстах (на материале рекламных текстов Калмыкии) // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции. Элиста, 2022. С. 277–281.

A. S. Kovalenko (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

FICTION AS A BASIS FOR THE FORMATION OF MEDICAL TERMINOLOGY

The article discusses the profiling mechanism which is used in the construction of eponymous terms with a literary onym as the core in the field of clinical neurosciences (neurology, psychiatry and clinical psychology). A precedent event, a striking feature of the appearance or character of a literary character, can be profiled.

Key words: cognitive terminology, eponymous terms, poetonyms, neurology, psychiatry.

E. A. Korobova (Moscow, Russia)

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

katherina00@mail.ru

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале судебного дискурса)

В статье рассматриваются концептуальные метафоры, функционирующие в рамках защитительных речей судебного дискурса. Цель данной статьи заключается в выявлении персуазивных и суггестивных особенностей когнитивных метафор в процессе профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, концептуальные метафоры, защитительные речи, судебный дискурс.

Исследование языка в рамках профессиональной коммуникации является одной из наиболее значимых тенденций в современной когнитологии. «Исследование когнитивных и языковых механизмов» [Болдырев, Федяева 2020: 5] одного профессионально-ориентированного дискурса позволяет выявить его особенности не только на уровне терминологии, но и его метафорического наполнения. Защитительные речи судебного дискурса не являются в этом смысле исключением.

Судебный дискурс представляет собой разновидность юридического дискурса, который, несмотря на то, что относится к одному из наиболее востребованных, требует детального анализа, поскольку многие вопросы остаются не до конца изученными. В настоящее время изучение судебного дискурса осуществляется с учетом достижений многочисленных наук, включая социолингвистику, лингвориторику, неориторику, судебную коммуникацию, правового дискурса и стилистики, что возводит его в ранг междисциплинарности.

В пространстве судебного дискурса, классифицирующегося на обвинительный и защитительный, последний является наиболее актуальным, но наименее изученным. Особенность его заключается в персуазивно-суггестивной специфике, позволяющей посредством когнитивных метафор убеждать без предоставления веских аргументов. Защитнику приходится не только обосновывать свою точку зрения в суде, но и оказывать воздействие на жюри присяжных, прокурора и судью для вынесения справедливого судебного решения, а также на всех присутствующих на судебном заседании и прессу для создания соответствующего общественного мнения. Этим можно объяснить повышенную эмоциональность защитительных речей судебного дискурса.

Эмоциональность защитительной речи является ее необходимым компонентом, поскольку в обязанности защитника входит не только четкое изложение доводов, приводящее к оправданию его подзащитного или смягчению его вины, но и необходимость вызвать сочувствие у всех слушающих его речь. При этом представляется, что беспристрастный прокурор не может оставаться равнодушным к эмоционально приведенным доводам, в которых не последняя роль отводится концептуальным метафорам. Следует отметить, что безаргументативная сила воздействия метафор была настолько высока, что в 1823 г. рекомендовано было ограничить их употребление в судебном дискурсе. Однако защитник не мог лишать свою речь гражданского пафоса, трансформировав ее в унылый доклад, перечисляющий причины совершенного его подзащитным проступка, перечислив его положительные качества, заверив, что подобное не повторится. Только эмоционально насыщенная защитительная речь

могла, оказав воздействие, выполнить свою общественную функцию. В таких случаях, роль когнитивных метафор является в высшей степени непревзойденной.

Несмотря на то, что метафору возродили Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] и официально вернули в судебную риторику в середине 60-х годов XX в., ее использование в защитительных речах продолжалось в конце XIX в. и XX века в английском судебном дискурсе. Как известно, концептуальные метафоры способствуют формированию смысла высказывания, передавая фактическую информацию в эмоциональной как эксплицитной, так и имплицитной формах, раскрываясь исключительно в дискурсе, который в совокупности с текстом и контекстом рассматривается как целостное единство. Метафоры относятся к области глубинных когнитивных структур [Миньяр-Белоручева 2022: 243], создающих новые образы посредством проецирования конкретных понятий домена-источника на абстрактные понятия домена-цели. Особенность концептуальных метафор заключается в том, что характеризующиеся персуазивностью и суггестией, они воздействуют как на сознание, так и подсознание [Chilton, Lakoff 1989], «ментально конструируя мир» [Болдырев 2018], необходимый адвокату защиты, чтобы создать благоприятное впечатление о его подзащитном. Концептуальные метафоры, базирующиеся на физическом опыте человека [Кубрякова et al. 1996], позволяют создавать новые образы, изменяющие представления о ценностях человеческого бытия. Функция судебной риторики изначально заключалась в искусстве убеждения посредством лексических единиц и стилистических приемов, включающих прежде всего метафоры, основываясь на традиционных моральных принципах, в которых добро и зло находятся на противоположных концах шкалы ценностей, окрашенные соответственно в белый и черный окрас.

При анализе речей адвокатов со стороны защиты, оправдывающих военные преступления, сложно понять и положительно оценить их убедительные речи. Военные преступления, как известно, не имеют срока давности, и судебные заседания, посвященные им, входят в учебники по юриспруденции.

Одним из таких нашумевших дел было преступление, совершенное пятьдесят четыре года тому назад, когда 16 марта 1968 г. рота «Чарли» из 23-й дивизии США, в деревне Май Лай общины Сонгми, расстреляла 567 женщин, стариков и детей. Тридцати трехлетний капитан Эрнест Медина, командовавший данной ротой, не понес за это преступление никакой ответственности, обвинив во всем Уильяма Кейли, который был признан виновным в убийстве 22 человек и был приговорен к пожизнен-

ным каторжным работам. Однако ему удалось выйти на свободу через три дня после приговора по особому распоряжению президента США Ричарда Никсона, а также было разрешено подать апелляцию с доказательством своей невиновности. Через три с половиной года Уильям Кейли был полностью оправдан и работал в ювелирном магазине своего свекра, не испытывая, при этом, никаких угрызений совести. Таким образом, мы являемся свидетелями двойного преступления. Первое связано с расстрелом мирных жителей Вьетнама, второе с сокрытием и безнаказанностью данного преступления. Тем не менее, суд состоялся, адвокаты защиты делали свое дело, убеждая суд в невиновности своего подзащитного. Один из веских аргументов заключался в том, что военные – люди, выполнявшие свой долг, подчинявшиеся высшему командованию, особенно во время военных действий, не имеют право оценивать правомерность приказов командования. Убедительным казалось метафорически выраженное заявление о том, что армия – это не школа, в которой приветствуются дебаты, иначе она не была бы боеспособной. В частности, защитник заявил: “If every subordinate office and soldier were at liberty to question the legality of the order of the commander, and obey them or not as they may consider them valid or invalid the camp would be turned into a debating school, where the precious moment for action would be wasted in worldly conflicts between the advocates of conflicting opinions” [Famous Trials, URL]. Таким образом, выбрав в качестве домена-источника метафоры “camp would be turned into a debating school” не только мирную жизнь, но и школу, в которой получают знания и ведутся научные споры, спроецировав и одновременно противопоставив ее армии, адвокат защиты показал разницу в поведении гражданских и военных, тем самым снимая с последних вину за любые их действия и поступки. Военные не свободны в своем выборе принятия решений и не имеют права не подчиняться командованию. Это не их вина. Это не школа, где возможно вольнодумство. При этом не были учтены законы военного времени, согласно которым сдавшиеся в плен как военные, так и гражданские лица не должны подвергаться пыткам и массовому уничтожению. В случае уничтожения сдавшегося в плен врага это рассматривается как убийство. Несомненно, несмотря на удачно использованную метафору, она не стала решающей в оправдании военных преступников, но позволила общественности по-иному взглянуть на проблему. Защитник своей речью вызвал даже сочувствие к военным преступникам, которые перестали рассматриваться как таковые в общественном мнении, оказавшись подневольными людьми. Метафорически сопоставив жизнь военных и гражданских, защитник, показав несвободу выбора первых, снял с них вину уже в суде.

Подводя итог, следует сказать, что метафора играет определяющую роль в судебном дискурсе. Эмоционально-экспрессивная специфика метафоры способствует формированию общественного мнения, направленного на создание положительного восприятия последующих политических решений. Метафоры характеризуются парадигмальной обусловленностью, выдвигая на первый план наиболее актуальные на конкретный период времени проблемы. Следует подчеркнуть, что сущность метафоры, несмотря на тысячелетия ее изучения, до сих пор не ясна, и многочисленные теории, стремящиеся раскрыть ее природную сущность, не могут дать развернутого однозначного объяснения данного феномена.

Литература

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики, 2020, № 3. С. 5–15.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Философ. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.

Миньяр-Белоручева А. П. Концептуальная метафора как средство репрезентации исторического прошлого в историческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022. Выпуск № 4 (51). С. 243–247.

Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // CRL Newsletter. 1989. Vol. 3. № 5. С. 5–19.

Famous Trials. URL: <https://famous-trials.com/mylaicourts/1634-myl-uscma> (accessed 25/01/2023)

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.

E. A. Korobova (Moscow, Russia)

*Nevsky Military University
of the Ministry of Defense*

THE ROLE OF CONCEPTUAL METAPHORS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION: A STUDY OF JUDICIAL DISCOURSE

The article deals with conceptual metaphors, which function in defensive speeches within judicial discourse. The purpose of this article is to identify the persuasive and suggestive features of cognitive metaphors in the process of professional communication.

Key words: professional communication, conceptual metaphors, defensive speeches, judicial discourse.

В. М. Лютянский (Архангельск, Россия)
Северный государственный медицинский университет
victorlut@gmail.com

М. М. Лютянская (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет
m.lyutyanskaya@narfu.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В АНАТОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале терминосистемы «Анатомия ЦНС»)

Настоящая статья посвящена рассмотрению гносеологической функции когнитивной метафоры и сопоставительному изучению метафорического способа образования терминов в области анатомии центральной нервной системы в латинском, английском и русском языках.

Ключевые слова: когнитивная метафора, анатомическая терминология, трансфер знаний, внутренняя форма термина, заимствование.

Метафора являлась объектом изучения разных областей гуманитарной науки на протяжении тысячелетий, но лишь в конце XX века исследователи увидели в метафоре не только языковую, но и мыслительную природу. Такой «когнитивный поворот» в изучении метафорических процессов позволил выявить особую гносеологическую функцию метафоры и исследовать особенности метафорического терминообразования в различных сферах научной коммуникации [Мишанкина 2012].

Гносеологическая функция метафоры реализуется в двух ипостасях: как способ фиксации нового знания и как способ трансфера знаний. Термин как любое новое слово образуется на основе существующих в языке способов словообразования, в том числе с помощью семантической деривации. В основе семантической деривации лежит концептуальная деривация, позволяющая переносить знание об объекте из одной области в другую, тем самым фиксируя новое знание. Терминологическая метафора является способом структурирования и объяснения окружающего мира, сопоставляя новые объекты познания с уже имеющимся опытом в концептуальной системе человека.

Второй важной составляющей процесса познания является передача накопленного знания от человека человеку. Несмотря на то, что терминологические метафоры являются по большей части стертыми, понимание внутренней формы термина облегчает человеку понимание того или иного

сложного научного явления, ведь семантика метафор прозрачна. Это особенно важно в обучении студентов или в интерпретации медицинских текстов неспециалистами, например при осуществлении перевода.

Анатомическая терминология английского и русского языков сложилась на базе древних языков – латинского и греческого, в которых терминообразование шло преимущественно метафорическим путем [Новодранова 2008: 16]. Изучение метафоры в медицинской терминологии древних языков представляет большой интерес, так как позволяет увидеть особенности мироощущения античных врачей. Исследователи отмечают, что фундаментальным свойством анатомической терминологии является статическое отображение исследуемых объектов. Это обусловлено тем, что первые знания о строении человеческого тела, устройстве органов и систем ученые получали, изучая недвижимое тело. «Динамическая составляющая, присущая живому организму, оставалась на «периферии» познания» [Озингин 2012: 11]. На начальном этапе формирования терминологии большое значение имеет субъективный человеческий опыт, влияние не научного, а обыденного восприятия мира. Вполне естественно, что в анатомических терминах-метафорах в качестве источника использовались предметы и явления, окружающие человека в его повседневной жизни, и, конечно, сам человек.

Для анализа в рамках настоящего исследования нами были отобраны терминологические единицы из раздела «Центральная нервная система» справочника по международной анатомической терминологии под редакцией Л. Л. Колесникова, в котором термины представлены на трех языках: латинском, английском и русском. Из общего числа рассмотренных терминологических единиц были отобраны термины-метафоры на латинском языке и их эквиваленты в английском и русском языках и проанализированы с точки зрения источника метафорического переноса. Среди наиболее многочисленных были выделены следующие группы:

Ландшафтная или пространственная метафора, в которых отражается представление человека об устройстве окружающего мира: лат. *tractus*, англ. *tract*, рус. *путь*; лат. *spatium*, англ. *space*, рус. *пространство*; лат. *anterior*, англ. *anterior*, рус. *передний*, лат. *posterior*, англ. *posterior*, рус. *задний*; лат. *fovea superior*, англ. *superior fovea*, рус. *верхняя ямка*; лат. *colliculus inferior*, англ. *inferior colliculus*, рус. *нижний холмик* и др.

Геометрическая метафора, построенная на аналогии с геометрической формой: лат. *conus medullaris*, англ. *medullary cone*, рус. *мозговой конус*; лат. *rhombencephalon*, англ. *rhombencephalon / hindbrain*, рус. *ромбовидный мозг*; лат. *trigonum lemnisci lateralis*, англ. *trigone of lateral lemniscus*, рус. *треугольник латеральной нитли* и др.

Архитектурная метафора, созданная на основе сопоставления анатомического органа с формой и функциями архитектурных элементов: лат. *canalis centralis*, англ. *central canal*, рус. *центральный канал*; лат. *columna*, англ. *column*, рус. *столб*; лат. *pons*, англ. *pons*, рус. *мост*; лат. *nucleus arcuatus*, англ. *arcuate nucleus*, рус. *дугообразное ядро*; лат. *tegmen ventriculi quarti*, англ. *roof of fourth ventricle*, рус. *крыша IV желудочка* и др.

Артефактная метафора, источником для которой служат артефакты – предметы, созданные человеком: лат. *cisterna*, англ. *cistern*, рус. *цистерна*; лат. *falx cerebri*, англ. *cerebral falx*, рус. *септ большого мозга*; лат. *lamina*, англ. *lamina*, рус. *пластинка*; лат. *funiculi medullae spinalis*, англ. *funiculi of spinal cord*, рус. *канатики спинного мозга*; лат. *obex*, англ. *obex*, рус. *задвигжка*; лат. *aticulum olivare*, англ. *aticulum of olive*, рус. *оливный плац*; лат. *velum medullare superius*, англ. *superior medullary velum*, рус. *верхний мозговой парус*; лат. *fastigium*, англ. *fastigium*, рус. *шапел* и др.

Зооморфная метафора, построенная на аналогии с формой тела животных: лат. *cornu*, англ. *horn*, рус. *рог*; лат. *pars caudalis*, англ. *caudal part*, рус. *каудальная часть*; лат. *nuclei cochleares*, англ. *cochlear nuclei*, рус. *улитковые ядра*; лат. *vermis cerebelli*, англ. *vermis of cerebellum*, рус. *червь мозжечка*; лат. *ala lobuli centralis*, англ. *wing of central lobule*, рус. *крыло центральной долики*, лат. *rostrum*, англ. *rostrum*, рус. *клюв* и др.

Фитоморфная метафора: лат. *truncus encephali*, англ. *brainstem*, рус. *ствол головного мозга*; лат. *bulbus*, англ. *bulb*, рус. *продолговатый мозг*; лат. *folia cerebelli*, англ. *folia of cerebellum*, рус. *листки мозжечка*; лат. *arbor vitae*, англ. *arbor vitae*, рус. *дерево жизни*, лат. *radix motoria*, англ. *motor root*, рус. *двигательный корешок* и др.

Антропоморфная метафора: лат. *caput*, англ. *head*, рус. *головка*; лат. *cervix*, англ. *neck*, рус. *шейка*; лат. *corpus restiforme*, англ. *restiform body*, рус. *веревчатое тело*; лат. *genu nervi facialis*, англ. *genu of facial nerve*, рус. *колени лицевого нерва*; лат. *pedunculus cerebri*, англ. *cerebral peduncle*, рус. *ножка мозга*; лат. *lingula cerebelli*, англ. *lingula*, рус. *язычок мозжечка* и др.

Из трех рассмотренных языков наиболее метафоричными являются латинский и русский языки. Причиной являются разные способы заимствования анатомических терминов в английский и русский языки из латинского. В медицинской терминологии английского языка слова англо-саксонского происхождения составляют только пять процентов [Nybakken 1959: 24]. При этом английский язык преимущественно шел по пути «истинных» заимствований (например, *pons*, *lamina*) или гибридации терминов, т. е. использования наряду с «неоклассическими» собственными морфемы (лат. *medullaris* – англ. *medullary*). В русском языке при создании анатомической терминологии в большей степени применялась калька – «заимство-

вание внутренней формы исходного языка, реализуемое фонетическими и морфологическими средствами заимствующего языка» [Иванов 2013]. По сути, в русской анатомической терминологии чаще происходит «перевод метафоры», заимствование образной основы переноса, реализуемое лексическими средствами русского языка.

Например, слово *falx* в латинском языке имеет значение «серб, коса». Образование в твердой оболочке головного мозга *falx cerebri* получило такое название, потому что имеет вид серповидной изогнутой пластинки. В русском языке данная метафора сохранена в отличие от английского языка, где для слова *falx* фиксируется только специальное значение: “a sickle-shaped part or structure: as *falx cerebri* – the larger of the two folds of *dura mater* separating the hemispheres of the brain that lies between the cerebral hemispheres and contains the *sagittal sinuses*” [Merriam-Webster].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассмотренной терминосистеме «Анатомия ЦНС» русскоязычные термины обладают большей прозрачностью внутренней формы, чем англоязычные термины. Это делает их более легкими для восприятия. При работе с анатомической терминологией английского языка необходимо обращение к латинским источникам для понимания мотивировки терминологического наименования.

Литература

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976.

Иванов А. В. Заимствования в терминосистемах фонетики и метрики германских языков (на материале английского и немецкого языков) // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIII. С. 864–874.

Латино-русский медицинский словарь / Сост. С. И. Вольфсон, под ред. А. Г. Лушников. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Медгиз, 1957.

Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4(20). С. 32–45.

Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. М.: Языки славянских культур, 2008.

Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>.

Nybakken O. E. Greek and Latin in Scientific Terminology. Ames: The Iowa State University Press, 1959.

Terminologia anatomica. Международная анатомическая терминология / Под ред. Л. Л. Колесникова. М.: Медицина, 2003.

*V. M. Lyutyansky (Arkhangelsk, Russia)
Northern State Medical University*

*M. M. Lyutyanskaya (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

**THE EPISTEMOLOGICAL FUNCTION
OF METAPHOR IN ANATOMICAL TERMINOLOGY
(based on the term system «Anatomy of CNS»)**

This article deals with the epistemological function of cognitive metaphor and a comparative study of metaphorical method for the formation of terms in the anatomy of the central nervous system in Latin, English and Russian.

Key words: cognitive metaphor, anatomical terminology, knowledge transfer, inner form of the term, borrowing.

*H. P. Маммадова (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России
ragim666@yandex.ru*

**ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОНЛАЙН-ДИСКУРСА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ОНЛАЙН:
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЭТАП УРОКА**

Данная статья посвящена изучению методов, используемых преподавателями английского языка как иностранного в онлайн-дискурсивной практике, в частности на каналах YouTube. В исследовании затрагиваются примеры речевого поведения преподавателя в рамках организационного этапа онлайн-занятия, при этом чётко прослеживается сдвиг в сторону менее формального стиля общения со студентами. Актуальность исследования определяется его сфокусированностью на изучении коммуникативно-прагматических характеристик дискурса преподавателей английского языка в рамках новых форматов обучения, а именно виртуальных образовательных платформ (Smrt English, в частности). Авторы используют такие методы дискурс-анализа, как коммуникативно-прагматический, культурный, когнитивный и экспериментальный.

Ключевые слова: онлайн-занятие, английский язык, социальные сети, профессиональный дискурс преподавателя.

В сплошную выборку этого исследования вошли видеоматериалы и транскрибированные версии уроков английского языка, проведённых преподавателями ресурса Smrt English и опубликованными на их YouTube канале в период с 2013 по 2021 год продолжительностью 60–94 минуты в количестве 43 занятий. Smrt English занимается разработкой передовых программ, совмещающих новейшие образовательные технологии и тренды в современном преподавании иностранных языков. Предоставляя полный набор обучающих техник и тактик учителям английского языка, платформа Smrt English стала опорой для 7785 учителей английского языка из 194 учебных заведений со всего мира. Представители Smrt English заявляют, что ресурс «разработан учителями для учителей».

Выбор материала уроков английского языка, опубликованных Smrt English, для настоящего исследования обусловлен современным подходом, профессиональным использованием технических ресурсов преподавателями и прозрачностью осуществления педагогической деятельности.

При анализе онлайн-занятий мы обратились к транскрибированным примерам речевого поведения преподавателей в рамках организационного этапа урока. Следует отметить существенные различия во времени интервала, отводимом преподавателями для данной цели в ходе онлайн-урока в сравнении с традиционным занятием в аудитории. С одной стороны, пролонгированный организационный этап объясним форматом и технической опосредованностью онлайн-урока: большинство занятий нашей выборки отличается относительно долгим организационным этапом (более 7 минут). С другой стороны, многие примеры употребления фраз для установления контакта с аудиторией могут как установить желанную связь преподаватель-студент, так и снизить общий настрой группы обучающихся на серьёзный учебный процесс.

Приведём несколько примеров. *Wow and there is a tiny bit of a delay* – при помощи этой фразы преподаватель заполняет неловкую паузу, вызванную отсутствием технической готовности какой-то из составляющих запланированного урока. Говоря о том, что наблюдается небольшое отставание в звуке или картинке, а возможно, и в самом начале урока, молодой преподаватель Канадского колледжа английского языка Джулия старается убрать неловкость, возникающую у нее как у преподавателя, работающего с группой впервые. Волнение усиливается за счет непривычного для нее формата, что подчеркивается последующим рядом фраз, указывающих на переживания молодого преподавателя и отдаляющих начало процесса двусторонней коммуникации: *They can see yes all right good day guys*. И тут же: *Hello, everyone!* – двойное приветствие в обращении Джулии к слушателям свидетельствует о волнении педагога, вступающего в контакт с новой группой студентов.

В продолжение данного организационного этапа педагог сообщает, что очень нервничает, объясняя это первым опытом ведения занятия в данном формате (стрим): *So my first ever stream, I'm very nervous. You might be able to tell I've never done this before, so we will see how it goes.* – Предлагая студентам вместе посмотреть, каким получится ее первый урок, Джулия сближает себя со своими новыми студентами, словно они действительно вместе становятся свидетелями какого-то действия.

Следует непременно отметить аспект волнения со стороны преподавателя. По нашим наблюдениям, данный аспект характеризует подавляющее большинство занятий в режиме онлайн, проявляясь как в ходе речевой практики преподавателя, для которого дистанционный урок является первым опытом, так и педагогов, отличающихся большим опытом проведения онлайн-занятий. Продолжая свою речь в рамках организационного этапа, лектор ещё неоднократно обращается к теме собственного волнения, произнося примерно те же фразы, которые использовала для рассказа о своём волнении минутой ранее: *This is my first time streaming, so a little bit nervous, but I'm excited to...* – К теме волнения добавляется выражение радости по поводу данной онлайн-встречи. После выражения радости от встречи и короткого знакомства с некоторыми представителями аудитории, а также после короткого комментария-удивления относительно того, каким интернациональным получается урок, лектор снова обращается к некоторым «трудностям»: *Oh, my goodness, I have to get used to this new keyboard...* – Преподаватель сообщает о том, что ему предстоит привыкнуть к использованию нового типа клавиатуры, показывая слушателям, что она одна из них и тоже встречается с некоторыми сложностями «привыкания» к рабочему процессу в новом формате.

Нередки извинения и пояснения некоторых заминок со стороны преподавателя в ходе налаживания контакта с аудиторией: *Sorry, everyone, just getting to know the ropes.* – При помощи данной фразы лектор объясняет, что ему самому предстоит поучиться, чтобы «познать азы» для поведения качественного онлайн-занятия, которого от него все ожидают.

Таким образом, урок в режиме онлайн может быть охарактеризован более выраженным волнением со стороны педагога, что проявляется в ходе дискурсивной практики последнего и отмечается в ходе организационного этапа занятий, входящего в большинство примеров нашей выборки. И если в традиционной аудитории преподаватель старается дистанцироваться от обучающихся, что чётко отражает его стратегию, то речевое поведение педагога, читающего свой курс онлайн, может быть охарактеризовано как осознанным, так и интуитивным «сближением» со слушателями. Это можно проследить в речевом поведении педагогов, обращая особое внимание на такие конструкции, как *we're gonna be reviewing, we have,* и в частности

на обилие форм множественного числа в их обращении к участникам группы: *we, is, our, us*.

Для начальной стадии онлайн-урока характерны более частые случаи проявления контактоустанавливающего поведения со стороны педагога. Обилие приветствий *hello, hi*, адресованных присоединяющимся к занятию слушателям характеризует первый этап занятия, проводимого онлайн. Интернациональные занятия характеризуются множеством одобрений обширной географии участников преподавателем. Обращение к культурным особенностям участников урока является отличительной чертой профессионального проведения многих преподавателей. По мере того, как участники из разных стран подключаются к уроку, преподаватель Колледжа английского языка в Канаде Шон комментирует их имена и старается прочитать их с акцентом, свойственным той лингвокультуре, представителем которой, по его мнению, является каждый участник. При этом он выражает заинтересованность в произношении и написании имён участников онлайн-занятия: *We got Arturo in Bogota, Colombia* – сначала Шон произносит данную фразу в свойственной ему манере, затем, во второй раз, он пытается угадать произношение имени и страны участника на родине Артуро: *Colombia rather, yeah?* Такое поведение призвано сблизить преподавателя и участников. Однако логичным кажется вопрос о том, все ли участники занятия испытывают удовольствие от такого поведения педагога, произносящего имена подобно тому, как, по его мнению, их могут произносить в той или иной лингвокультуре.

Культурная осведомленность учителя и демонстрация последней в ходе организационного этапа урока служит благоприятным условием для налаживания контакта преподаватель-аудитория: *Barcelona Barcelona Barcelona barthelona if you are in Spain, you say barthelona, right if you are in Barcelona you say Barcelona*. – В данной части онлайн-урока преподаватель делится своим знанием особенностей испанского произношения со слушателями, произнося слово *Barcelona* сначала по-английски, а потом, делая средний «с» межзубным подобно тому, как это делают жители Каталонии.

Важнейшим инструментом для установления и поддержания контакта с аудиторией в ходе онлайн-занятия является чат. Фразы преподавателя типа *“Let me know in the chat”*, *“If you have questions, ask your questions in the chat”* служат цели поддержания связи преподаватель-слушатель и способствуют установлению большего доверия со стороны обучающихся в силу интереса, проявляемого преподавателем к их предпочтениям, мнению, личности и жизни в целом.

Таким образом, проанализированные примеры позволяют утверждать, что онлайн-уроки отличаются от уроков в классе своей неформальностью. Преподаватели иногда невольно, а временами и специально переходят на полностью неофициальный формат общения.

Литература

Бажалкина Н. С. Жанровые особенности интернет-блога в педагогическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Вып. 1, 2016. С. 131–141.

Заварзин В. И. Трансфер знаний и технологий // Вестник Московского государственного университета им. Н. Э. Баумана: электронное издание, 2013. С. 15–17. URL: <http://engjournal.ru/articles/513/513.pdf>

Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.

Лутовинова О. В. Виртуальный дискурс: к определению понятия. URL: <http://www.lingvomaster.ru/files178.pdf> (дата обращения: 27.01.2023).

Ушакова И. А. Анализ онлайн-дискурсов традиции и перспективы (на материале немецких медиа) // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2015. № 1.

Cycle of silence: How the internet changed public discourse. URL: <https://www.deseret.com/2015/3/12/20560292/cycle-of-silence-how-the-internet-changed-public-discourse> (дата обращения: 28.01.2023).

N. R. Mammadova (Moscow, Russia)
Moscow State University of International Relations
(MGIMO University)

LINGO-PRAGMATIC FEATURES OF EFL TEACHERS ONLINE DISCOURSE: THE ORGANIZATIONAL STAGE OF THE LESSON

The article focuses on EFL teachers' communicational techniques and language patterns, primarily on YouTube channels. The research covers a number of differences as well as some similarities of EFL teaching online as it is opposed to the traditional teaching practice offline. The scope of the current article includes the organizational phase of the lesson and its colossal shift towards the use of more informal language and certain modifications of the communication style of EFL lecturers. The relevance of the research is defined by its connection to the communicative-pragmatic characteristics of EFL teachers' discourse within the framework of new teaching formats, particularly online learning. The methods of discourse analysis used by the authors include communicative-pragmatic, cultural, cognitive, and experimental methods. Specifically, the research of the EFL teachers' discourse working in the online environment is to be conducted as a pilot study with the view to collecting and analyzing samples of teachers' professional discourse on YouTube channels, Smrt English in particular.

Key words: online teaching, EFL teaching, new social media, teachers' professional discourse.

А. П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)

Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова

ostvera@mail.ru

ПОЛИКОДОВОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЗЕРКАЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В историческом дискурсе, характеризующимся комплексной структурой, наблюдается тесная взаимосвязь элементов разных семантических систем, способствующих осуществлению профессиональной коммуникации. Специфика поликодовости исторического дискурса заключается в единстве вербально-визуального ряда, направленного на передачу и получение знания о неперцептивном историческом прошлом.

Ключевые слова: поликодовость, исторический дискурс, ментальные пространства, профессиональная коммуникация.

В процессе профессиональной коммуникации происходит передача и получение знания. Неперцептивное историческое прошлое возрождается, получая новую форму существования посредством языка, способствующего осуществлению операций со структурами знания как особыми ментальными репрезентациями [Кубрякова 2004: 406], воплощаясь в историческом дискурсе, неотъемлемой составляющей которого является текст, создающийся и вырабатывающийся «путем нескончаемого плетения множества нитей» [Барт 1989: 515].

Язык, концептуальная жизнь которого протекает в пространстве дискурса, не только передает, но и задает восприятие определенного исторического события, «предопределяя пересмотр как прошлого, так и настоящего» [Spiegel 2007: 1]. В историческом дискурсе исторические события предстают в виде ментальных образований, которые, согласно Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкову, предшествуют их вербализации. В частности, ученые писали, что «постепенно завоевывает свои позиции тот взгляд, что до языка (в онтогенезе) у человека «предсуществует» некоторая система репрезентаций; а язык как система знаков образуется на основе и во взаимодействии с этой предсуществующей и далее развивающейся системой» [Кубрякова, Демьянков 2007: 13]. В профессиональной коммуникации в сфере истории развития человеческого общества репрезентация исторических событий происходит посредством обращения к разным семиотическим системам, создающим исторический конструкт, характеризующийся культурно-специфическими особенностями, с целью не только облегчения восприятия, удержания в памяти событий исторического прошлого реципиентом, но и оказания эффективного воздействия на него. Исторический дискурс относится к одному

из наиболее сложных поликодовых феноменов, обусловленных спецификой самого предмета исследования – историей. История понимается как «наука, изучающая прошлое, конкретные проявления и закономерности исторического процесса, развитие общества и деятельность людей во всём её многообразии» [БПЭ: URL]. История изучает процесс развития человеческого общества во всей его широте и многогранности, скрывая в себе множество смыслов. Исторический дискурс, характеризующийся высокой плотностью информации при высокой информативности, содержит большое количество цитат, выдержек из первоисточников, исторических топонимов, антропонимов, этнонимов, номенклатурных образований, идентифицирующих каждый народ в отдельно взятый отрезок его исторического развития, каждый из которых несет определенный культурный код, затрудняющих его восприятие, что требует своего декодирования. История, как и «любая наука сильна многообразием точек зрения, подходов, направлений, благодаря которым обеспечивается ее развитие, движение вперед, а не своим догматизмом» [Болдырев 2004: 18]. Лингвистический поворот, маркирующий новый подход в историческом исследовании, постулировал существование истории в языке [Heidegger 1984: 28], который, передавая идеи, чувства, ощущения, создает в ментальном пространстве реципиента события, некогда происходившие в исторической реальности. Считая, что грань между исторической реальностью и ее репрезентацией отсутствует, Х. Уайт отрицал существование различия между «реальным» историческим дискурсом и «виртуальным», переводя историю в область нарратологии [Уайт 2002: 8]. Исторические произведения, будучи синтезом науки и искусства, не только подчиняются требованиям поэтики и риторики, но сочетают в себе код естественного языка «с кодом иной семиотической системы» [Ейгер, Юхт 1974: 107], становясь поликодовыми. В немалой степени этому способствовало обращение к новым видам источников, включая иконические, что позволило говорить о визуальном повороте в историческом исследовании, к которому подходят как к продолжению лингвистического поворота, поскольку поворот к образу является следствием поворота к языку [Беззубова 2016: 17]. Следовательно, лингвистический поворот наряду с визуальным поворотом способствует рассмотрению исторического дискурса с позиций поликодовости, создающей целостную картину исторического развития человеческого общества, облегчая профессиональную коммуникацию. Однако поликодовость не сводится исключительно к базовым семиотическим системам, гетерогенность [Ирисханова 2010] которых позволяет реципиенту погрузиться в исторический дискурс для более глубокого восприятия исторических событий, развить эмпатию и чувство сопричастности к происходившему. В поликодовом историческом тексте вербальные и иконические знаки представляют собой не сумму семи-

отических разнородных единиц, а единое целое, интегрированные значения которых создают сложные образы в ментальном пространстве реципиента, придавая определенный смысл всему высказыванию. Формируя сообщение, историку необходимо учитывать интересы реципиента с целью наиболее эффективного воздействия на него. Исторический дискурс – это перекресток культурных кодов, совокупность множества миров, каждый из которых отличается по способу восприятия времени, пространства и событий. Более того, современные информационно-коммуникационные и цифровые технологии позволяют объединить в дигитальном формате исторический текст, географические, топографические, военные карты разных эпох, фотографии, рисунки, репродукции картин, схемы, графику, видеоизображения в речевом и музыкальном сопровождении, что выводит исторический дискурс на новый уровень поликодовости и мультимодальности, облегчая восприятие материала событийной истории. Посредством взаимодействия вербальных и иконических знаков, транслируемых информации в историческом дискурсе, создается достоверная картина исторического прошлого, и визуально подкрепленное языковое сообщение, приобретая «денотативный и коннотативный характер» [Барт 1994: 300], выполняет функции сообщения и воздействия. Разнообразные семиотические средства способствуют созданию более достоверной картины формирования исторического прошлого. Следует отметить, что в каждом социокультурном сообществе типизированные фрагменты исторического прошлого на вербальном уровне воспринимаются и визуализируются индивидуально. Когнитивная обработка информации, полученной посредством разных семиотических систем, оказывающих эффективное воздействие на реципиента, способствует возникновению коллективного ментального опыта восприятия исторической действительности. Поликодовость исторического текста, созданная в результате взаимодействия семиотически разнородных средств, образующих содержательно взаимосвязанную структуру, проецируется на исторический дискурс, придавая ему поликодовость. Соотношения вербальных и иконических элементов, обусловленных их референтной соотносительностью, были изучены и классифицированы С. Д. Зауэрбиром, выделившим параллельную, комплиментарную, субститутивную и интерпретативную корреляции [Sauerbier 1978]. В историческом дискурсе все означенные сочетания вербальных и иконических элементов, создающих семиотический ландшафт, также представлены. Однако, несмотря на то, что в профессиональной коммуникации в области истории иконические, а не вербальные элементы коммуникации привлекают внимание реципиента прежде всего, язык, а не образ играет первостепенную роль в передаче информации в историческом дискурсе. Повествуя о событиях, произошедших в 1177 до н. э., историк сначала создает вербальную картину «народов мо-

ря» – *Sea Peoples*, виновных в гибели цивилизаций конца Бронзового века, описывая их изображение, относящееся к эпохе Рамзеса III, отмечая, что одна группа была представлена “*with feathered headdresses, while another faction sported skull-caps; still others had horned helmets or went bareheaded. Some had short pointed beards and dressed in short kilts, either bare-chested or with a tunic; others had no facial hair and wore longer garments, almost like skirts*” [Cline 2021: 1–2], затем визуализирует ее, отзеркаливая язык иконическими знаками. Вербальные образы, подкрепленные визуальными, усиливают коммуникативный эффект профессионального сообщения.

В историческом дискурсе синтезировались язык и образ. Слияясь в единое целое в ментальном пространстве реципиента, они транслируют идеи необходимые для решения вопросов настоящего. Многообразие и разнообразие исторических событий в наиболее полной мере репрезентируется посредством поликодового подхода, создающего полифоничность исторического дискурса, в котором каждый век отмечен своими особенностями. Взаимосвязанные и взаимодополняемые язык и образ задают определенное видение исторических событий, необходимое для осуществления эффективной профессиональной коммуникации, направленной не только на оказание воздействия на реципиента, но и на управление его восприятием исторической реальности.

Литература

Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 297–318.

Беззубова О. В. Понятие «поворота» в современных исследованиях визуальной культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2016. № 4 (106). С. 14–17.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2004. С. 18–36.

Большая российская энциклопедия (БРЭ). URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2025855?ysclid=lbmsy1ox78508391974 (дата обращения: 12.12.2022).

Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. Ч. 1. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. С. 103–109.

Ирисханова О. К. О языковой гибридизации, лексических гибридах в фокусе внимания // Жизнь человека и этноса в языке: сб. науч. ст. М.: РЕМА, 2010. С. 27–44.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.

Vaïm X. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.

Cline E. 1177 BC: The Year Civilization Collapsed. Princeton: Princeton University Press, 2021.

Heidegger M. Piety of Thinking (Studies in Phenomenology and Existential Philosophy). Bloomington: Indiana University Press, 1984.

Sauerbier S. D. Wörter bildlich / Bilder wortlich. Schrift und Bild als Text: Probleme der Wort/Bild Korrelation // Die Einheit der semiotischen Dimensionen. Tübingen, 1978.

Spiegel G. M. Revising the Past / Revising the Present: How Change Happens in Historiography // History and Theory. 2007. Vol. 46. N4. P. 1–19.

A. P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

HISTORICAL DISCOURSE POLYCODE NATURE WITHIN PROFESSIONAL COMMUNICATION

Historical discourse, noted for its complexity and multidimensionality comprises elements of different semantic systems to foster professional communication. The particularity of the historical discourse polycode nature lies in the unity of verbal and non-verbal units aimed at transmitting and receiving knowledge concerning the illusive historical past.

Key words: polycode, historical discourse, mental spaces, professional communication.

С. А. Панкратова (Санкт-Петербург, Россия)
*Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения
svetpankrat@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются два когнитивных эффекта в дискурсе профессионалов рекламы на примере сценария фильма о рекламе «Семейка Джонсов»: эффект ограниченного выбора и эффект эмоционального опережения. На примерах подкрепляется положение о том, что чем выше образно-функциональная нагрузка рекламного подтекста в кинопроизведении, тем эффективнее психологическое воздействие рекламного послания, для компоновки которого оно применяется.

Ключевые слова: когниция, коммуникация, реклама, дискурс, эффект.

Профессиональная коммуникация рекламодателей протекает в русле новейших когнитивных открытий и базируется на оптимизации рекламного образа для повышения коммерческой эффективности. Эффективность есть неотъемлемое требование рекламы, переживающей период небывалого подъема в постсоветское время. Находясь в советский период в «дремотном» состоянии, в девяностые годы двадцатого века реклама стремительно «реанимировала» себя и стала вездесущей реальией постсоветского пространства. Она оказывает огромное влияние на сознание и подсознание россиян, учитывая то, что уровень образования существенно понижается, а доступная информация черпается из популярных, но не верифицированных научных источников.

Интерес профессионалов рекламы к когнитивным эффектам восприятия определяется необходимостью эффективных продаж. Профессиональная коммуникация рекламодателей базируется на человеческом стремлении жить лучше, а транслятором образа «красивой жизни» на широкую аудиторию выступают в первую очередь средства массовой коммуникации, в том числе и кинематограф. Графика, анимация, фото, видео и кино создают ту интегрированную информационную среду, которая оптимально благоприятствует продвижению рекламного продукта, работая на основе когнитивного принципа наглядности, согласно которому первичен образ, а знак вторичен. Благодаря этому преимуществом средств мультимедиа является возможность посредством образа создавать определенный эмоциональный фон, который позволяет повысить эффективность рекламного посыла.

Одна из проблем рекламы в ее прямолинейности: разработанная рекламными теоретиками формула «AIDA» (attention, interest, desire, action) не всегда в обязательном порядке гарантирует реальные покупки, а лишь создает предрасположенность. Требование эффективных продаж практически всегда (не считая мягкой социальной рекламы типа «Позвоните родителям») жестко предписывает произвести такие изменения в сознании реципиента, которые приведут к формированию предрасположенности к покупке и мощному покупательскому интересу. Однако по законам восприятия известно, что адресат не пожелает знакомиться с неинтересно подаваемым продуктом. Для рекламной коммуникации вопрос стоит жестко: либо творчество – либо прибыль.

Для достижения своих целей в рекламной коммуникации полным ходом идет упрощение информации, «педалируются» беспроектные темы удовольствий, растет броскость подачи приближенной к запросам самого невзыскательного читателя. «Сравнение образцов отечественной и зарубежной рекламы показывает, что в отечественной рекламной практике творческие решения в подавляющем большинстве не отличаются функциональностью,

и вместе с тем наблюдается стремление к излишней эстетизации рекламной продукции», свидетельствует И. Я. Рожков [Рожков 1994: 86].

Эстетизм неразрывно связан с понятием образа, который выступает на первое место в рекламе. Как отмечает В. В. Волкова, «от содержания, компоновки образов зависит, будет ли реклама воспринята, удастся ли ей вызвать устойчивый интерес и создать необходимый настрой» [Волкова 1994: 41]. Наилучшим действием рекламы может быть образное представление о пропагандируемом объекте, ненавязчиво внедряемое в сознание и оставляющее в нем след. Именно образ подает покупателю эстетизированный портрет товара, базирующийся на «фокусировании» привлекательных его качеств и, наоборот, «дефокусировании» незначительных, банальных качеств. Выдвинем идею о том, что образность есть то необходимое смягчающее обстоятельство, которое не дает рекламной атаке идти «в лоб» на потребителя. Оптимально подобранный образ решает проблему эффективности рекламного воздействия, снимая психологический «барьер» нежелания вникать в назойливые рекламные сообщения.

На когнитивных эффектах восприятия базируется печально известная своим цинизмом методика НЛП (нейролингвистическое программирование), применяющая такие методы воздействия, как убеждение, внушение, игнорирование, агрессия, заражение эмоциональным состоянием, подражание, формирование благосклонности, манипуляция и др. Путем многократно повторяющейся лексики, фраз, агнонимов и цифр ученым удалось закрепить в сознании адресата ложные мысли и факты. Весь пафос методики НЛП направлен, как представляется, на узкопрагматическую цель управления через «разрыв шаблона» – перепрограммирование целостной, повторяющейся составляющей поведения в момент hesitation оппонента [Бендлер, Гриндер 1999: 28]. Важным постулатом нейролингвистического программирования стало утверждение о том, что легче трансформировать ту модель мира, которая менее сформирована. Напротив, сложнее отказаться от той модели мира, которая глубоко укоренена. Выделяют три вида манипуляций с картиной мира адресата: подстройка под существующую систему, поломка существующей системы для формирования требующей снятия неопределенности и «...формирование новой системы ожиданий» [Журавлев, Журавлева 2015: 41].

Поговорим о двух когнитивных эффектах, которые задействуются в дискурсе профессионалов рекламы. Во-первых, это **эффект ограниченного выбора**. Психологи установили, что разнообразие не только замедляет принятие решения, но и делает людей несчастными из-за невозможности определиться. Страдает скорость принятия решения и итоговое эмоциональное состояние, а чтобы избежать этого, рекламщики заведомо ограничивают

выбор удобными им вариантами. Во-вторых, это **эффект эмоционального опережения**. Этот эффект объясняет, что исполнение долгожданной мечты не приносит нам радость потому, что эмоции опережают события. Здесь главное не дать эмоциям превратиться в рутину и достигнуть эмоционального пика слишком рано, не дать поверить, что цель легкодостижима. Максимум эмоций должен нарастать постепенно иначе реципиенты не увидят более смысла в достижении благ.

Для подтверждения идеи роли образности обратимся к анализу лексики сценария фильма “The Joneses” (Семейка Джонсов) (2009) режиссера Деррика Борте, в ролях: Дэвид Духовны и Деми Мур. Фильм повествует об образцово-показательной семье (мать Кейт, отец Стив и двое детей-старшекласников), которая поселяется в маленьком городке, становясь кумирами жителей. Все хотят быть на них похожими. На самом деле Джонсы не супруги, а их дети – не настоящие, а все они – сотрудники маркетинговой компании, нанятые, чтобы рекламировать нестандартными методами «идеальный» консюмеристский образ жизни с сотнями товаров или «топовых брендов».

В фильме «Семейка Джонсонов» мы обнаружили два примера единичных образных схем из сферы строительства и торговли (что неудивительно для тематики фильма) и пять примеров комплексной образности из сферы природы. Благодаря имплицитивности образов в рекламе хорошо работает эффект эмоционального опережения. Свернутые импликации, содержащиеся в образных схемах, повышает информативность сообщения, отсылая к целой ситуации или культурному сценарию, а дар к образной номинации есть одна из главных составляющих языковой способности [Панкратова 2022: 77–78].

Итак, образная схема “CAREER > BUILDING” иллюстрируется здесь: Mick: *I am an incredibly powerful salesperson, constantly **climbing the ladder of success*** [The Joneses: 4]. Образность, основанная на метафоре строения, довольно эксплицитна и характерна для европейского общества, нацеленного на достижение успеха. Такая образность не привносит новых карьеристских импликаций в сценарий, она может насторожить героев, не подозревающих, что на них нацелена скрытая рекламная компания. Именно поэтому в сценарии строительная образность единична, не акцентирована и неполна.

Далее, образная схема “SUCCSESS > SALE” проиллюстрирована примером: *To succeed here, you can't just sell things. You're here **to sell a lifestyle, an attitude*** [The Joneses: 15]. Здесь комментарии излишни, поскольку если говорить о продажах и торговле, то это основная цель рекламной деятельности. О ней нельзя говорить открыто перед клиентами, поэтому пример встречается в личной беседе рекламных агентов, цель которых – «продвинуть стиль жизни, отношение».

Наконец, обратимся к образной схеме “MAN > PART OF NATURE” насчитывающей пять примеров-метафор. Эта схема амплифицирована и насчитывает пять метафорических единиц: *appearance glow* (сияющий вид), *clear picture* (ясная картинка), *ripple effect* (цепная реакция), *go far* (далеко пойти), *killer instinct* (завоевательский инстинкт).

Jen: I know that with a big move in «conduction»... with a woman's naturally fluctuating hormones, it can leave your skin a wreck, but you'll find that the Aphrodite line... of beauty products can really give you a glow [The Joneses: 5].

Mick: Man, this system's great. Yeah, with the bundle of services, you get the clearest HD picture. All your personal media is just a click away [The Joneses: 22].

Kate: I mean, you're still selling to individuals and what you want to create... is a ripple effect where you get other people selling for you [The Joneses: 27–28].

Jen: How we go about that is our business. The question you have to ask yourself is how far are you willing to go to get what you want? It's called killer instinct [The Joneses: 17].

Проанализируем вложенные в образную схему “MAN > PART OF NATURE” импликации. В подавляющем большинстве случаев природная сфера как базовая когнитивная область содержит позитивные коннотации, что выгодно сотрудникам сферы. Чистота и сияние здорового человека (*glow*, *clear*) несут амелиоративные подтексты, весьма популярные в рассказе о важном рекламном продукте [Вяляк 2008], приятном всем людям, а предикат «далеко пойти» (*go far*) в рамках метафоры пути говорит о предвкушении открытий и достижений, что приятно и вдохновительно для любого из нас. Позитивные коннотации весьма частотны в текстах СМИ, работая за счет эффекта эмоционального опережения. Как отмечает Т. М. Белова, они передают адресату информацию о высоком социальном положении, активности, исключительных организаторских способностях индивидов [Белова 2007].

На основе психологического эффекта опережения мы всегда воспринимаем будущее как нечто позитивное, наполненное приятными обещаниями. Также примечательны смысловые оттенки рекламного термина «цепочечная реакция» (*ripple effect*), подразумевающего, что слава о товаре расходуется, как круги на воде, среди знакомых, благодаря чему она как бы работает сама на себя, достаточно запустить процесс. Последние два образа – «цепочечная реакция» (*ripple effect*) и «завоевательский инстинкт» (*killer instinct*) особенно удачны в силу непредсказуемости, нарушающей ожидания реципиента, что обеспечивает повышение экспрессивности сообщения.

Выводы по результатам анализа рекламной информации в кинофильме показывают, что она несет мощный персуазивный потенциал, актуализируе-

мый через образность и языковое творчество. Образная схема “MAN > PART OF NATURE” не дает рекламной атаке быть прямолинейной. Оптимально подобранный природный образ ненавязчив и приятен, он говорит о свежести, чистоте и больших перспективах, удачно решая проблему эффективности рекламного воздействия, снимая психологический «барьер» нежелания вникать в назойливые рекламные сообщения. Можно заключить, что благодаря своей наполненности амелиоративными образами фильм показывает беспринципные способы достижения материальных благ, в лице беспринципного маркетолога выступает Кей Си. Все мы становимся зависимы от благ цивилизации, гаджетов, для которых уже не хватает розеток. Элитное, последнее, новейшее, импортное становится синонимом качества и залогом счастья. Мораль фильма о том, что вещизм – не то, к чему нужно стремиться, а вещи оказываются ненужным хламом по сравнению с теплыми человеческими отношениями. Красивая жизнь становится мечтой многих, и реклама паразитирует на желании иметь то, что имеется у других. Торговые представители выступают в фильме страшными беспринципными циниками, которые анализируют человеческие привычки и инстинкты и манипулируют каждой мелочью.

Литература

- Белова Т. М.* Гендерная метафора как отражение культурного концепта «Маскулинность» во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук, Кемерово, 2007.
- Бендлер Р., Гриндер Д.* Шаблоны гипнотических техник Милтона Эриксона с точки зрения НЛП. Симферополь: Реноме, 1999.
- Волкова В. В.* Образ в информационной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. М., 1994. № 2. С. 38–44.
- Вяльк К. Э.* Синтаксические средства интенсификации эмфатических структур (на материале испанского языка) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 51–52.
- Журавлев И. В., Журавлева Ю. В.* Соотношение ритуала и мифа и механизмы коммуникативного воздействия // Вопросы психолингвистики. 2015. № 4 (26). Ярославль: Изд-во «Канцлер». С. 58–70.
- Панкратова С. А.* Исследование технической образности в современном зарубежном кинематографе / монография. Санкт-Петербург: СПбГИКиТ, 2022.
- Рожков И. Я.* Международное рекламное дело. М.: ЮНИТИ: Банки и биржи, 1994.
- Ткачева А. Н.* Вербальные приемы фасцинации во французских кинотекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 2. 2021. С. 470–474.
- The Joneses. URL: https://www.scripts.com/script/the_joneses_20556 (дата обращения: 23.01.2022).

S. A. Pankratova

(Saint-Petersburg, Russia)

*Saint-Petersburg State Institute
of Film and Television*

COGNITIVE EFFECTS OF PERCEPTION IN THE PROFESSIONAL ADVERTISING COMMUNICATION

The article deals with two cognitive effects in the advertising professionals' discourse on the example of a script of the film "The Joneses": the effect of the limited choice and the effect of the emotional preemption. On the examples from the script the author proves the thesis that the high level of emotive imagery of the advertising subtext of the film facilitates the effective psychological impact of the advertising message.

Key words: cognition, communication, advertising, discourse, effect.

M. M. Petrosian, Sh. Sharma

(Ufa, Russia)

*Bashkir state medical university
merryhappy2013@yandex.ru*

NOMINATION OF DISEASES IN MEDICAL DISCOURSE IN ENGLISH, RUSSIAN AND HINDI

The article deals with the lexico-semantic aspects of the use of language means in the nomination of diseases in English, Russian and Hindi. The author points out the similarities and differences in the names of diseases in the medical discourse of these languages. The article identifies classified groups of names according to eponymic, toponymic, idiomatic, symptomatic and lexicological methods of nomination.

Key words: diseases, nomination, naming, linguistics, comparative.

As a type of activity, medicine appeared centuries ago, as people were injured in fights against nature and needed to be healed. Medicine became a science thanks to Ancient Rome and Ancient Greece, and it is not for nothing that medical terminology is based on Greek and Latin. When it comes to disease (early 14th century, from old French – literally a lack of ease) science often moves faster than language, and the words we assign to the things which make us sick are often stranger – and more revealing – than we realize.

As soon as medicine developed and such organization as Healthcare appeared people started being in need of communication. The importance of communication skills was not quickly recognized, but as the science of medical care develops, the importance of the language abilities of doctors is becoming clear. Therefore linguists have started speaking about features of the new branch of linguistics called medical discourse. V.I. Karasik writes: «In relation to modern society, it seems that the following types of institutional discourse can be distinguished: political, diplomatic, administrative, legal, military, pedagogical, religious, mystical, medical, business, advertising, sports, scientific, scenic and mass media» [Karasik 2000: 7]. Many scientists after him engaged in research in the field of medical discourse (Linnik L. A., Alikaev R. S., Kudryavtseva Z. G.) Some of them studied the peculiarities of medical discourse in general [Linnik 2020: 197], some discussed term formation in medical discourse [Alikaev 2011: 180], others studied discourse from the point of view of strategies and tactics of speech influence [Kudryavtseva 2021: 106], but the relatively young science of medical discourse still remains insufficiently researched. We have found many papers related to medical linguistics in comparison with other languages but we could not find any related to etymology of disease nomination. The relevance of the article is due to the lack of articles comparing Russian, Hindi and English comparative studies of medical discourse.

Nomination is a linguistic process of naming things. Medical field with its terminology is obviously one of the most complicated sublanguages and it makes recognition of the terms difficult. However there are suffixes and prefixes which guide medical students and workers to identify the name of the disease. In this regard, we decided to consider the types of naming diseases. And since we study the medical language in both English and Russian, we needed to understand whether there are similarities and differences in the nomination of diseases in both languages. Further, it was decided to continue the comparative tactics of delimiting the nomination of diseases. To do this, we took Hindi along with English and Russian. Thus, we identified 5 groups of diseases' etymology.

The first group was named Eponymic. An eponym is a word that is derived from the proper name of a real or mythical person. For our paper we took random diseases in English and reviewed them in Russian and Hindi Medical dictionaries. In the list of words there were the following diseases: *Listeria*, *Alzheimer's disease*, *Down syndrome*, *Patau's Syndrome*, *Parkinson's disease*, *Crohn's disease*. All six selected diseases are equivalent to English in Russian and Hindi.

The second group nomination is based on the places where diseases were discovered. Therefore, we called it the Toponymic group. Here is a random selection of toponymic nomination, which we placed in the tables so that it will be more visual to check out.

English	Russian	Hindi
1. Mosquito-borne form of encephalitis, this was discovered in the West Nile District of Uganda in 1937 and has probably been around since antiquity.		
<i>West Nile Virus</i>	лихорадка Западного Нила (ЛЗН)	वेस्ट नील वायरस (west nile virus)
2. Flu-like disease first caused an outbreak in New South Wales, Australia, in 1928; the culprit was identified in 1959 in a mosquito collected on the Ross River.		
<i>Ross River Fever</i>	лихорадка Росс-Ривер	रॉस रिवर बुखार (ross river fever)
3. A severe tick-borne disease was first found in the 1940s in Omsk, Russia. Its primary hosts are the water vole and the muskrat, but ticks can transmit it to humans and other mammals.		
<i>Omsk Hemorrhagic Fever is</i>	омская геморрагическая лихорадка	ओम्स्क हेमोरेजिक बुखार (omsk hemorrhagic fever)

As we can observe the nominations of diseases in English and Hindi are identical. The only thing in which the Russian version differs from the English one is that the words are not just transliterated, but translated into their native language. Hence, fever in Hindi is not translated but just written in metagraphy and in Russian each word is translated – «Лихорадка Западного Нила».

The next group is the most common as it contains suffixes and prefixes we discussed in the introduction. These are nominations consisting of the name of the organ plus Greek or Latin prefixes and postfixes.

- -itis (Greek -ίτις (-otis) “inflammation”) – bronchitis / бронхит / श्वसनीशोथ (shwasnishoth – from Hindi “shwas” which means “breath” and “shoth” – “inflammation”), tonsillitis / тонзиллит / गलगुटकिशोथ (galgutikashoth – from Hindi “galgutika” which means “dumbling” and “shoth” – “inflammation”), otitis / отит / मध्यकर्णशोथ (madhyakarnshoth – from Hindi “madhyakarn” which means “hypotympanum” and “shoth” – “inflammation”), dermatitis / дерматит / त्वचाशोथ (twachashoth – from Hindi “twacha” which means “skin” and “shoth” – “inflammation”);

- -oma (Greek -μα (-ma) “tumor”) – sarcoma / саркома / सारकोम (sarcoma), glaucoma / глаукома / काला मोतियाबिंद (kala motiyabind – from Hindi “kala” which means “black” and “motiyabind” – “cloudiness”), teratoma / тератома / वरिपसंरचन (viroopsanrachna – from Hindi “viroop” which means “deformative” and “sanrachna” – “structure”), hematoma / гематома / रक्तगुल (raktgulum – from Hindi “rakt” which means “blood” and “gulum” – “tumour”), etc.

We have found it useful to classify diseases by linguistic aspect to distinguish them from many others, since knowing the logic behind the name of a disease helps medical students understand what symptoms these diseases will have.

So here is the *next group* we classified:

English	Russian	Hindi
1. Known as urticaria as well, is a kind of skin rash with red, raised, itchy bumps. Hives may burn or sting. Hives word came from bee hives since the skin appears very patchy like a bee hive.		
<i>Hives</i>	крапивница is a plant, in English hives.	शीतपित्ती (sheetpitti) “sheet” means “cold” and “pitti” means “raised bumps”.
2. It is a yellowish or greenish pigmentation of the skin and sclera due to high bilirubin levels.		
<i>Jaundice</i> from Old French jaunice, earlier jalnice, «yellowness».	желтуха from Russian word “жёлтый” which means yellow.	पीलिया (peeliya) means “yellowing/ becoming yellow”
3. One theory says that it’s named after the blisters that are seen during the illness. These red spots – which are about 1/5 inch to 2/5 inch (5mm to 10mm) wide – were once thought to look like chickpeas (garbanzo beans). Another theory is that the rash of chickenpox looks like the peck marks caused by a chicken.		
Chicken pox skin appears as a skin chicken and also flower name whose synonymous name is gul so it turned out to be quite iodmatic.	ветряная оспа (ветрянка) from Russian word “ветер” which means wind, so when wind appears and a person gets cold, goosebumps appear on the skin, this is what a chicken rash looks like.	चेचक (chechak) means smallpox which is taken from a proto-turkic word <i>cecek</i> which means chicken pox.

As we can see from the above words, in the languages chosen by the researchers, the words have the same meanings. Unlike other groups, there is no transliteration in English and Hindi, which means that this group of diseases still retains a self-identification. It is also interesting to note that of the randomly selected words, only one did not have the same origin – Rubella, which in Hindi is nominated not for a symptom, but for the place where it was found, all the rest have the same origin, referring to a specific symptom.

The next group of nominations is classified according to a common feature – idiomatic. Idioms are a type of figurative language, which means they are not always meant to be taken literally. Idioms express a certain feeling, but they do not literally mean what the individual words themselves mean.

English	Russian	Hindi
<i>Night blindness</i> (nyctalopia) is an inability to see well at night or in poor light such as in a restaurant or movie theater. It is often associated with an inability to quickly adapt from a well-illuminated to a poorly illuminated environment.	куриная слепота from Russian “chicken blindness”. The disease got this name because chickens and other daytime birds (sparrows, crows, pigeons and daytime predators) lack twilight vision.	रतौंधी (rataundhee) is derived from two words: <i>raat</i> means <i>night</i> and <i>andhee</i> means <i>blind</i> so by combining both words we get the name of the disease.
<i>Cancer</i> in Greek refer to a crab, most likely applied to the disease because the finger-like spreading projections from a cancer call to mind the shape of a crab.	рак from Russian also “cancer / crab”.	कर्कट रोग (karkat rog) the Hindi word <i>karkat</i> means “crab”.

Based on the material studied, we can say that, despite our expectations that medical discourse is so universal and popular all over the world, there are still more differences than similarities in these three languages that we compare. On the one hand, this is a negative conclusion due to the fact that it complicates the life of medical workers in the world. But, on the other hand, it has a huge positive result – despite all the globalization, we all have our own identity, and our languages are still unique after all the influences of Greek and Latin on medical terminology.

References

- Alikaev R. S., Alikaeva M. R.* Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. Ezhegodnyi zhurnal. Vyp. XIII. Vladikav kaz, 2011. S. 178–185.
- Dr. Ashwani Sharma.* Abhinav's Medical Dictionary. English-English-Hindi. – Meerut, 2019.
- Karasik V.I.* O tipakh diskursa. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. Sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. S. 5–20.
- Kudryavtseva Z. G.* Komponenty otsenki v meditsinskom diskurse media-prostranstva // Aktual'nye voprosy lingvistiki, mezhekul'turnoi kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov v vuze: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 25 maya 2021 goda / otv. redaktery L. G. Yusupova, Yu. M. Myasnikova. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi gornyi universitet, 2021. S. 105–108.

Linnik L. A. Meditsinskii diskurs v otechestvennom i zarubezhnom yazykoznanii // Doklady Bashkirskogo universiteta. 2020. T. 5. № 3. S. 194–199.

Murrei Dzh. P. Boksha I. S. Anglo-russkii meditsinskii slovar'-spravochnik «Angliiskii v meditsinskoi praktike». M.: Binom Press, 2019.

М. М. Петросян, Ш. Шарма

(Уфа, Россия)

*Башкирский государственный
медицинский университет*

НАИМЕНОВАНИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере названий заболеваний в английском, русском и хинди)

Статья посвящена лексико-семантическим аспектам использования языковых средств в номинации заболеваний в английском, русском и хинди. Автор указывает на сходства и различия в наименованиях болезней в медицинском дискурсе указанных языков. В статье выделены классифицированные группы имен по эпонимическим, топонимическим, идиоматическим, симптоматическим и лексикологическим способам номинации.

Ключевые слова: номинация, заболевание, наименование, лингвистика, компаративная.

Н. И. Проконина (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева
prokoninanatalie@mail.ru*

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЗМОВ (на примере грамматической модели Participle I + Noun)

Анализируя термины, образованные по модели Participle I + Noun, представленные в словаре М. Murphy “Longman Business English Dictionary”, невозможно не заметить образность и метафоричность некоторых из них. Известным способом переосмысления словосочетаний, который в итоге приводит к образованию фразеологизмов, в нашем случае терминологических, является метафорический и метонимический перенос.

Ключевые слова: метафора, метонимия, терминологизм, фразеологизация, концептуализация.

Идея уподобления одного предмета или явления другому по какому-либо признаку связана с феноменом метафоры, одним из самых многогранных явлений, которое изучается во многих науках, среди которых философия, филология, лингвистика, логика, риторика и ряд других. Еще с античных времен метафоре уделялось отдельное внимание: считается, что Аристотель одним из первых употребил термин «простая метафора», ограничивая последнюю рамками одного слова, и верно отмечал, что метафора – это не только украшение речи, но и способ познания окружающей действительности [Аристотель 1984: 669].

Каждая наука понимает метафору специфичным образом. Для философии, как уже было обозначено выше, метафора является одним из известных способов познания действительности; в литературоведении и стилистике метафора используется в качестве тропа; в психолингвистике и психологии она тесно коррелирует с ассоциативным мышлением человека; в лексикологии – это одно из возможных средств номинации существующих и возникающих явлений, в лингвокультурологии и концептологии – это способы воспроизведения представлений культуры, а также кодирования и оценки культурно-национальных символов и ключевых понятий. В результате действия механизма метафоры происходит «перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [Кубрякова 1996: 55].

По мнению лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, основателей теории концептуальной метафоры, метафора – это биологически и социально обусловленное явление. Жизненный опыт, особенности человеческого мыслепроизводства и поведения тесно взаимодействуют с метафорами различного типа [Lakoff, Johnson 1980, Лакофф 1990: 387]. Так, метафора – это способ называния и объяснения окружающих нас явлений и процессов, который способствует более емкому и яркому описанию и восприятию мира.

Согласно «теории концептуального слияния» – *Conceptual Blending Theory*, – метафора, также будучи концептуальным феноменом, наделяется большей свободой, творчеством и динамичностью, поскольку возникает в сознании продуцента в определенный момент времени с определенной психоэмоциональной составляющей [Fauconnier 1994, 1998, 2003]. По мнению основоположника данной теории Ж. Фоконье, человеку присуще осознавать какую-либо сферу через призму другой, таким образом осуществляя перенос из области-источника в область-цель, что после реализуется в языке и воспроизводится в речи [Fauconnier 1994: 24].

Исследуя и сопоставляя возможные определения метафоры, предложенные в русскоязычных и англоязычных словарях, можно остановиться на том, что метафора основывается на сравнении, уподоблении сущностей, в основе чего зачастую лежат определенные аналогии.

Очевидно, что метафора несет языковую нагрузку, которая, соответственно, украшает и обогащает любой дискурс, ведь при замене в речи метафоры простым словом речь может оказаться невыгодно прямолинейной и скучной. Метафора выполняет важнейшую роль «запечатления и передачи специфичных черт и оценок образа в национальной культуре» [Абакумова, Кирухина 2021: 186]. Необходимо обозначить функции, которые выполняет метафора. Среди них выделяют номинативную функцию, которая участвует в номинативной фиксации каких-либо сущностей и явлений; текстообразующую функцию, расширяющую возможности метафоры и текста, в котором она существует. Также различают конспирирующую функцию, которая может завуалировать вкладываемый смысл и сделать его не таким явным и агрессивным, каким он мог бы быть, и, наконец, игровую функцию, которая выступает в роли одной из возможных форм языковой игры [Дэвидсон 1990].

Разумеется, что посредством метафоры и ее разнообразных функций становится возможным моделирование выражения индивидуальной авторской позиции, а также ее смягчение или усиление. В преломлении к бизнес-терминологии, конечно, релевантно говорить о номинативной функции метафоры, однако не стоит упускать из виду то, что остальные функциональные особенности также могут присутствовать в названии определенных деловых отношений, должностей, сотрудников организации и т. д.

Приведем несколько примеров.

1) В основе номинации терминологизма *peckingorder* лежит симилиативная метафора, выполняющая помимо номинативной функции игровую. Данным ФЕ-термином обозначается такое понятие, как «порядок иерархии», т. е. способ ранжирования людей и компаний в порядке их значимости и приоритета [Murphy 2004: 328]. *Peckingorder* дословно переводится как «порядок клевания», что в форме языковой игры подчеркивает взаимоотношения между стоящими выше в иерархии организациями, их руководителями и их сотрудниками.

2) Партнер, который инвестирует в бизнес, не принимая в нем активного участия, именуется как *sleepingpartner* или *silentpartner* [Murphy 2004: 341, 452]. Снова на лицо языковая игра. *Sleepingpartner* – спящий партнер, *silentpartner* – молчаливый партнер, оба понятия снова основываются на метафорическом типе переноса. В данном случае метафора акцентирует суть инертных партнеров в мире бизнеса: пользы от них крайне мало или

вовсе нет, т. е. так же, как от людей, которые пребывают в состоянии сна или просто молчат, не высказывая своего мнения и никак себя не проявляя.

В сравнении с метафорой метонимический перенос не затрагивает глубинные пласты исходного значения. «Метонимия – это употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основании внешней или внутренней связи между ними» [Розенталь 1987: 117].

Метонимия представляет не меньший интерес к исследованию по сравнению с метафорой. Наряду с последней метонимия – одна из наиболее часто употребляемых единиц языка, и так же, как и метафора, метонимия дает возможность более широкой интерпретации происходящего, помогает полностью познать окружающий мир [Лакофф 1990: 37].

Рассмотрим ряд примеров.

1) *Accepting house/acceptance house* (досл. «принимающий дом») – это устаревшее наименование одного из банков Лондона, принимавшего векселя [Murphy 2004: 2, 224]. В данном случае метонимический перенос строится на смежности действий. В наши дни «банк» осуществляет определенные экономические операции, а в устаревшем обиходе в англоязычной культуре оказалось название «принимающего дома» по функции выполнения его действий. Однако в данном терминологизме можно заметить и метафорическое начало, поскольку «дом» в нем персонифицируется как принимающий субъект.

2) *Bargaining agent* или «агент по переговорам» – это название профсоюза США, который выбирается работниками в определенной организации [Murphy 2004: 12]. Здесь, как видим, происходит перенос с части на целое: под «агентом» подразумевается целое объединение граждан, что является частным случаем метонимии, которая именуется синекдохой.

3) Термин *working stiff* дословно в переводе на русский язык звучит как «рабочий мертвец» и означает простого человека, который зарабатывает лишь на то, чтобы прожить [Murphy 2004: 526]. В данном случае номинативный указатель «stiff» употребляется в значении «закоченевший, плохо действующий, напряженный» и означает свойство предмета (в данном случае человека), которое выступает в качестве самого предмета. Конечно, данный ФЕ-термин может быть переведен не дословно и, соответственно, более мягко – «рабочая лошадка», «работяга» или «трудыга». Но возвращаясь к буквальному смыслу, важно отметить, что такая стилистическая фигура, как оксюморон – намеренное противоречие понятий или сочетание несочетаемого – дополнила образ рассматриваемого терминологизма. Мертвец не может работать, и это парадокс, так же, как и парадоксально то, что люди старательно зарабатывают себе на жизнь тяжелым трудом, и возможно, из последних сил, при этом вероятность стать более обеспеченными и улучшить свой уровень жизни исключается.

Проводя параллели между метафорой и метонимией, можно сделать вывод о том, что главное отличие метафоры от метонимии состоит в большей степени образности и наличии аналогий, в то время как метонимия строится на некоторой понятной аудитории смежности. Более того, если метафора объединяет различные концептуальные и смысловые области, то метонимия соединяет оба своих конструкта, т. е. применяет и использует один элемент из определенной области для ссылки на другой, в действительности тесно связанный с ним элемент, тем самым указывая на ранее существовавшие связи между ними. И наконец, слова в метафорическом использовании обязательно принимают новое целостное значение, а в метонимии всегда есть связь, смежность с реально существующими предметами, которые играют вспомогательную роль в понимании и интерпретации смысла.

Литература

Абакумова О. Б., Кирюхина Н. В. Метафоры в пословицах с гендерным компонентом и образ женщины в русских и английских поговорках // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 186–190.

Аристотель. Собрание сочинений. Том 4. СПб.: Издательство «Азбука», 1984. М.: Издательство «Мысль».

Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 172–193. URL: http://linguistics-online.narod.ru/index/d_dehvidson_что_означают_метафоры_теория_метафоры_m_1990_s_172_193/0-767 (дата обращения: 07.01.2022).

Краткий словарь когнитивных терминов / авт. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры: сборник: пер. с англ. яз. М.: Прогресс, 1990.

Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/578/metafora.htm> (дата обращения: 07.01.2023).

Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. М.: Просвещение, 1987.

Словарь литературоведческих терминов. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/184-метафора> (дата обращения: 07.01.2023).

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/metaphor> (дата обращения: 07.01.2023).

Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Fauconnier G., Sweester E. Cognitive Links and Domains: Basic Aspects of Mental Space Theory. – Oxford: Oxford University Press, 1994.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133–187.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y.: Basic Books, 2003.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/metaphor> (дата обращения: 07.01.2023).

Murphy M. Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2004.

N. I. Prokonina (Orel, Russia)

Turgenev Orel State University

МЕТАФОР И МЕТОНИМИЯ КАК СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЗМОВ (на примере модели Participles I + Noun)

Analyzing the terms formed according to the Participles I + Noun model, presented in the M. Murphy Longman Business English Dictionary, it is impossible not to notice the figurativeness and metaphorical nature of some of them. A well-known way of re-thinking phrases, including terminological ones, which ultimately leads to the formation of phraseological units, in our case, terminological ones, is metaphorical and metonymic transfer.

Key words: metaphor, metonymy, terminology, phraseologisation, conceptualization.

I. V. Rogozina, N. Yu. Buhner

(Barnaul, Russia)

Алтайский государственный технический

университет им. И. И. Ползунова

irogozi@mail.ru, nbuhner@mail.ru

КОГНИЦИЯ И УРОВНИ АДАПТИВНОСТИ КОГНИТИВНЫХ СИСТЕМ ОБУЧАЕМЫХ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье предпринимается попытка экспериментального определения уровней адаптивности когнитивных систем обучаемых при получении нового знания. Выявленные посредством анализа ответов респондентов три уровня адаптивности – низкий, промежуточный и высокий – характеризуются принципиально различными механизмами взаимодействия старого и нового знания – нейтрализацией, встраиванием или заменой.

Ключевые слова: когнициция, стиль разрешения конфликта, уровень адаптивности когнитивной системы, поведенческая интенция, профессиональная коммуникация.

С развитием когнитивной науки в научный обиход был введен и стал использоваться термин «когниция», под которым в самом общем виде понимается процесс, или процессы усвоения, переработки и хранения человеком информации [Бодрова 2010, Демьянков 1994, Кубрякова 1994, Солодилова 2010, Neisser 1974]. Даже это краткое определение дает представление о сложности и комплексности когниции, о наличии в ней многочисленных сторон, стадий, этапов. У. Найсер считает, что когниция включает весь комплекс процессов, отвечающих за введение информации, придание ей форматов, необходимых не только для ее дальнейшего хранения, но и последующего извлечения и использования [Neisser 1974: 19]. Для нас представляющей научный интерес стороной (аспектом) этого процесса является результат преобразования поступающих в когнитивную систему обучаемых данных, которые в будущем могут использоваться как алгоритмы действия в профессиональной коммуникации.

Мы исходим из того, что поскольку когниция – это перманентный процесс, то вполне возможно получать представление об особенностях и закономерностях его протекания в виде «снятых» моментов. В качестве таких «снятых» моментов когниции, на наш взгляд, можно рассматривать зафиксированные вербально когнитивные структуры, формируемые, например, в ходе образовательного процесса и овнешненные обучаемыми на его различных этапах. В свете принципиальной невозможности охватить в отдельно взятом исследовании все стороны когниции, с нашей точки зрения, целесообразно сконцентрироваться на изучении того, как полученное знание взаимодействует с уже существующими когнитивными структурами.

В русле лингвокогнитивного подхода, который используется в настоящей работе, мы исходим из того, что «человек ... бесконечно адаптивен к новым формам мыслепроизводства» [Пищальникова 2018: 201]. Это утверждение подводит нас к цели данной работы как заключающейся в экспериментальном определении уровней адаптивности когнитивных систем обучаемых при взаимодействии с элементами новых познавательных структур, закрепляющих социально предпочтительные способы действия в процессе коммуникации. Актуальность достижения поставленной цели заключается в необходимости получения представления о динамике протекания когниции под воздействием обучения.

Для отслеживания подобной динамики авторами были выбраны три группы студентов (69 человек) Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, изучавших в течение одного семестра (32 час.) дисциплину «Конфликтология», основной целью которой является формирование позитивных стилей поведения в конфликтных ситуациях,

что имеет большое значение для успешности будущей профессиональной деятельности обучаемых. Двумя «снятыми» моментами, о которых шла речь выше, послужили отправной и конечный этапы обучения, когда обучаемым было предложено решить одну и ту же ситуационную задачу, описывающую конфликтную ситуацию в студенческой группе, где один самоуверенный студент указывает всем остальным, что они должны делать. Для получения данных о характере протекания когниции использовались открытые вопросы с несколько отличающейся формулировкой. Если на начальном этапе открытый вопрос звучал как «Какие действия вы обычно предпринимаете в отношении таких людей?», то по завершении обучения вопрос был поставлен следующим образом: «Как бы вы поступили в отношении этого человека?».

Полученные в результате ответы мы рассматривали как первоначально выведенные на табло сознания, а затем овнешненные посредством языка алгоритмы поведения в конфликтных ситуациях, которые были сформированы, как мы считаем, либо под воздействием житейского опыта, либо под влиянием обучения. Ответы, данные респондентами до и после обучения, стали объектом сопоставления на предмет выявления изменений поведенческих интенций, что и послужило источником данных о вариантах взаимодействия нового знания со старым. Причем всякий раз мы определяли выбранный каждым респондентом стиль разрешения конфликтной ситуации – соперничество, избегание, приспособление, компромисс, сотрудничество [Thomas 2008].

Сопоставительный анализ данных первого и второго этапов показал, что обучаемые по-разному реагируют на поступающие элементы нового знания, демонстрируя различные уровни адаптивности когнитивных систем. Под адаптивностью в исследовании понимается способность к усвоению и переработке нового знания, в рамках нашего исследования заключающаяся в изменении поведенческих интенций в конфликтной ситуации. Выявленные три уровня адаптивности когнитивных систем обучаемых – низкий, промежуточный и высокий – соотносятся с различной степенью выраженности когнитивных изменений. Оказалось, что характерным для большинства обучаемых (69,6%) является низкий уровень адаптивности, говорящий о ригидности когнитивных систем, нейтрализующих новое знание. Закономерно, что у этой части респондентов стиль разрешения конфликтной ситуации не претерпел изменений, а поведенческие интенции остались прежними (таблица 1, стр. 550).

Объяснение отчетливо продемонстрированного этой частью обучаемых нежелания или неспособности принимать новые знания, связанные с изменением алгоритма действия в конфликтной ситуации, требует отдельного

Таблица 1

Низкий уровень адаптивности:
нейтрализация знания о более продуктивных стилях
разрешения конфликта

НИК	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ДО ОБУЧЕНИЯ)	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ)
Друг	Я просто наблюдаю в стороне за действиями такого человека (избегание)	В первую очередь, я бы пытался игнорировать этого человека (избегание)
Луч	На какие-либо претензии отвечаю уверенно. Важно уметь заявить о себе, не дать сделать из себя жертву (соперничество)	Человеку необходимо уверенно заявить, что он не уполномочен брать на себя руководящую роль и вмешиваться в чужие дела (соперничество)
Орел	Никак не реагирую (избегание)	Я бы не стал ничего доказывать этому человеку. Постараюсь игнорировать (избегание)
Чел	Иногда не сдерживаюсь и высказываю свое мнение по этому поводу (соперничество)	Попытаться доходчиво объяснить человеку, что для окружающих людей неприемлемо его поведение (соперничество)

исследования. Однако можно высказать предположение о том, что в данном случае имеет место недостаточно сбалансированное соотношение когниции и эмоции. Являясь составными частями когнитивных процессов и представляя собой системы знаний, «эмоциональные категории хранят частично универсальные, врожденные образцы восприятия и поведения» и «частично социально программируемые и индивидуальные ценности» [Солодилова 2009: 1349], что могло стать своеобразным барьером для интериоризации нового знания. Кроме того, определенную роль в получении такого результата, возможно, сыграла недостаточная длительность обучения и небольшой объем дисциплины в часах.

На наш взгляд, наиболее интересным уровнем адаптивности когнитивных систем является промежуточный, зафиксированный 17,4% обучаемых, ответы которых наглядно продемонстрировали иной механизм взаимодействия нового знания с уже существующим. Он отчетливо проявил себя во встраивании элементов нового знания при сохранении исходного (таблица 2).

В ответах по окончании обучения отчетливо видны вербальные проявления другого, более конструктивного стиля разрешения конфликта, тем

Таблица 2

Промежуточный уровень адаптивности: встраивание элементов нового стиля
(курсивом выделены полученные в процессе обучения
конфликтологические знания)

НИК	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ДО ОБУЧЕНИЯ)	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ)
Белый	Я игнорирую таких людей (избегание)	<i>Попросил бы его так не делать</i> , если не поможет, то начал бы игнорировать (<i>сотрудничество</i> +избегание)
Геймер	Не поддаюсь его влиянию (соперничество)	<i>Объяснить позицию, найти компромисс, решить конфликт словами</i> . Но не нужно позволять человеку руководить собой (<i>компромисс</i> + соперничество)
Заря	Доказываю, что его поведение некорректно (соперничество)	<i>Попыталась бы выяснить его истинные желания, что им движет, когда он демонстрирует такое поведение</i> . Попыталась бы объяснить, что он не прав и другим людям также неприятно его поведение (<i>сотрудничество</i> + соперничество)
Барби	Иногда я иду на открытый конфликт, чтобы довести ситуацию до пика и навсегда ее решить (соперничество).	<i>Я бы попробовала наедине с этим человеком выяснить причину его поведения, решить проблему диалогом</i> . Если не выйдет, то стану открыто ему противостоять, вести себя как он (<i>сотрудничество</i> + соперничество)

не менее, сосуществующего с первоначальным, непродуктивным стилем. Интересно отметить вскрывшийся в ответах механизм встраивания, когда первым на табло сознания появляется новое знание, а затем «всплывают» прежние алгоритмы действий в конфликтной ситуации. На наш взгляд, эти данные убедительно подтверждают мысль Е. В. Бодровой о неправомерности трактовки знаний как готового состояния и необходимости рассматривать их в качестве динамических функциональных образований, являющихся продуктами переработки человеком своего вербального и невербального опыта «при сохранении их исходных корней» [Бодрова 2010: 102]. Представляется, что последующие более глубокие и существенные изменения структуры когниции начинаются именно с этого уровня.

Высокий уровень адаптивности оказался присущим наименьшему числу обучаемых (13%), ответы которых показали замену изначального стиля разрешения конфликта на более конструктивный (таблица 3).

Таблица 3

Высокий уровень адаптивности: замена старого стиля новым

НИК	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ДО ОБУЧЕНИЯ)	РЕАКЦИИ РЕСПОНДЕНТОВ НА СИТУАЦИОННУЮ ЗАДАЧУ (ПО ОКОНЧАНИИ ОБУЧЕНИЯ)
Сталь	Игнорирую, делаю вид, что не замечаю (избегание)	<i>Нужно с ним поговорить, выяснить причины его поведения. Нужно прийти к такому согласию, чтобы всех все устраивало (сотрудничество)</i>
Кубик	Пытаюсь не контактировать с таким человеком (избегание)	<i>Поговорить без негатива друг к другу. Думаю, что можно адекватно решить все проблемы (сотрудничество)</i>
Юла	Даю понять, что я самостоятельный человек и справлюсь без чьих-то указаний (соперничество)	<i>Конфликт подобного рода я бы решала не в споре и противостоянии, а с помощью более лояльных способов. В любом случае к человеку всегда нужно относиться уважительно (сотрудничество)</i>
Гиря	Если он начнет перегибать палку, то, в крайнем случае, может дойти и до драки (соперничество)	<i>Обсудил бы возникшую проблему с таким человеком и постарался бы найти причину и точки соприкосновения (сотрудничество)</i>

Из приведенных ответов видно, что респонденты, выразившие намерение придерживаться тактики избегания или соперничества для разрешения конфликтной ситуации на начальном этапе, сочли необходимым решать ее посредством сотрудничества на заключительном этапе, что свидетельствует о смене поведенческой интенции и готовности к более адекватному поведению. Понятно, что зафиксированная вербально поведенческая интенция не тождественна соответствующим действиям, однако исследования показывают, что «те индивиды, у которых есть интенция, например, к выполнению превентивного поведения, с большей вероятностью будут его выполнять, чем те, у кого она отсутствует» [Бовина 2007: 237].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает важность изучения ментальных процессов и состояний сквозь призму когниции. Анализ

речевых действий, предпринятых обучаемыми как на начальном, так и на заключительном этапах при решении ситуационной задачи, дает процедурный ключ к пониманию динамики протекания когниции под воздействием обучения. Проявляющая себя в различных механизмах взаимодействия когнитивных систем обучаемых с элементами нового знания, она позволяет определить принципиально отличные уровни адаптивности.

Литература

Бовина И. Б. Психология здоровья: от когниций к поведению или от поведения к когнициям? // Мир психологии. 2007. № 1. С. 234–239.

Бодрова Е. В. Когниции вербального самоопределения в дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведения». 2010. № 2. С. 102–104.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.

Солодилова И. А. К вопросу о соотношении понятий «эмоция» и «когниция» // Вестник Башкирского университета. 2009. № 4. С. 1348–1351.

Пищальникова В. А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 13 (807). С. 192–201.

Neiser U. Kognitive Psychologie. Stuttgart: Klett-Cotta, 1974.

Thomas K. Thomas-Kilmann conflict mode. TKI Profile and Interpretive Report 1–11. 2008.

I. V. Rogozina, N. Yu. Buhner

(Barnaul, Russia)

I. I. Polzunov Altai State Technical University

COGNITION AND LEVELS OF LEARNERS' COGNITIVE ADAPTABILITY: EXPERIMENTAL RESEARCH

The article attempts to experimentally determine the levels of learners' cognitive adaptability when acquiring new knowledge. The three levels of adaptability – low, intermediate, and high – identified through the analysis of the respondents' answers are characterized by fundamentally different mechanisms of interaction between old and new knowledge – neutralization, embedding, and substitution.

Key words: cognition, conflict resolution style, level of cognitive adaptability, behavioral intention, professional communication.

И. Ю. Рябова, Л. А. Соколова

(Екатеринбург, Россия)

Уральский государственный юридический
университет им. В. Ф. Яковлева

i.y.rjabova_3012@mail.ru;

larisaperevod@mail.ru

ПЕРЕВОД В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО МИРОВИДЕНИЯ

В фокусе внимания находится специфика переводческой деятельности, рассматриваемая в когнитивно-синергетическом ключе. Для создания точного в культурологическом плане переводного текста переводчик-медиатор использует механизм компенсации, нашедший отражение в приеме переводческого комментария.

Ключевые слова: социокультурная практика, гармоничный перевод, лингвокультурная адаптация смысла, переводчик-медиатор, модель культурологически точного перевода, когнитивно-синергетический подход.

Перевод как социокультурная практика представляет собой сложноорганизованный в когнитивном плане процесс (де)кодирования информации, (ре)конструирования «чужой» концептуальной картины мира, транспонирования знания из одной культуры в другую. С учетом лингвокультурологического компонента исходного текста и с позиции антропоцентрического подхода к переводческой деятельности, целесообразно говорить о переводе как об «акте интерпретирующего познания реальности, опредмеченной в матрице исходного текста» и о переводчике как «живом, мыслящем и чувствующем человеке, в сознании которого текст ... осмысливается и интерпретируется в интерактивном динамическом режиме» [Леонтьева 2016: 41–50].

Исследование специфики передачи лингвокультурологического знания в межъязыковом коммуникативном акте не утрачивает своей актуальности на протяжении долгого времени, особенно если данный аспект касается перевода текста правовой тематики, интегрирующего юридическую терминологию, репрезентирующую конкретные историко-культурные и правовые реалии (концепты). Работа выполняется в русле когнитивной лингвистики с привлечением достижений в области синергетики (Г. Хакен, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов и др.) и лингвосинергетики (Н. В. Дрожжих, Л. В. Кушнина, И. Н. Хайдарова и др.), позволяющих обратиться к когниции переводчика как самоорганизующейся, нелинейной, открытой системе, способной «осуществлять гармонизацию смыслов» в процессе межъязыковой коммуникации [Кушнина 2016: 85–95].

«Гармоничный» перевод сквозь призму когнитивно-синергетического подхода рассматривается широкомасштабно: он коррелирует с гармоничностью на прагматическом уровне (учесть «намерение» текста), эквивалентностью – на лексико-семантическом уровне (выбрать адекватные для контекста лексические единицы) и верностью – на лингвокультурологическом (*точно* транслировать знание, маркированное национально-культурной спецификой общества). Эффект солидарного взаимодействия выявленных компонентов на трех уровнях текстопорождения – гармоничности, верности и эквивалентности – обуславливает успешную лингвокультурную адаптацию смыслов в тексте (или отдельном высказывании) правовой тематики.

Когнитивные усилия переводчика в полном объеме (полноценно) транслировать прагматикон, культурообразующий компонент и семантику высказывания подчинены главной цели – избежать смысловых деформаций в переводном тексте, хотя языковое сознание медиатора (переводчика) в процессе переводческой деятельности неизбежно подвергается бифуркациям – «точкам ветвления решений» [Князева, Курдюмов 2002: 24]. Когнитивная способность переводчика систематизировать имеющееся знание о возможных переводческих решениях и селективно подойти к выбору релевантного языкового инструментария представляет собой особый способ мышления – синергетическое мировидение. Любой коммуникативный акт вовлекает в свое дискурсивное пространство его участников, определяет условия их взаимодействия и неизбежно предполагает преодоление коммуникативных барьеров и шумов.

Доминантами синергетического мировидения у переводчика в сфере профессиональной коммуникации, помимо развитых языковых и речевых навыков, являются лингвострановедческие знания, знание историко-культурных и правовых реалий, интеллектуальные и организационные волевые усилия, практический опыт, широкий кругозор и рефлексирующая деятельность над произведенным переводом. В процессе лингвокультурной адаптации смысла в тексте юридической тематики указанные компоненты взаимодействуют не на интуитивном, а на процессуально-технологическом уровне, в ходе чего формируется «здесь-и-сейчас» индивидуальное дискурсивное знание переводчика. С. В. Моташкова замечает следующее: «Синергетика – всегда позитивный результат умножения или интегрального счисления разнополюсных величин, с безграничным эффектом дополнительности и повышенной степенью функциональности теории и практики» [Моташкова 2015: 11–16].

Н. В. Дрожащих высказывает мысль о том, что «в процессе коммуникации мы постоянно сталкиваемся с вариантами языковых единиц, отклонениями от вариантов, из которых только немногие способны “выжить”... в ходе эволюции сохраняются только те структуры и варианты,

которые соответствуют всем требованиям языкового окружения» [Дрожжих 2012: 14]. Следуя за мыслью автора и принимая во внимание исследование деятельности переводчика сквозь призму синергетического мировидения, подчеркнем, что особой спецификой должен обладать потенциал переводчика представить знание в доступной для реципиента форме, т. е. культуuroобразующий компонент должен быть представлен в переводном тексте максимально явно.

Итак, с позиции *верного в лингвокультурологическом аспекте переводного текста, ориентированности переводчика-медиатора на передачу культуuroобразующего компонента в полном объеме и понятной для реципиента форме* целесообразно говорить о модели культурологически точного перевода. Под моделью культурологически точного перевода понимается конфигурация переводческих решений медиатора, приближающих реципиента к максимально точному пониманию и осознанию историко-культурных, правовых, политических или иных социально значимых реалий посредством тщательно отобранного языкового инструментария, языковых приемов и речеповеденческих тактик.

Одним из языковых приемов транспонирования культурологически точного знания в переводном тексте является переводческий комментарий. По замечаниям М. Б. Раренко, «переводческий комментарий – ... один из основных способов *компенсации* смысловых потерь при переводе... Обычно переводческий комментарий представляет собой описание особенностей культуры (поведения, праздников, ритуалов, одежды, ситуаций), необходимых для понимания текста, либо другие объяснения» [Раренко 2010: 127]. Об уточняющей роли переводческого комментария пишет Ю. К. Папулова: «Необходимость комментирования переводимого текста связана с несовпадением лингвокультурных пространств автора текста оригинала и читателя текста перевода, что приводит к сбою в межкультурной коммуникации и к появлению в переводимом тексте разного рода лакун, которые снимаются посредством введения в текст дополнительной пояснительной информации» [Папулова 2015: 38–44].

Так, для реципиентов, не имеющих основательных знаний о судебной системе Англии и Уэльса, юридический термин *Crown Court*, имеющий в тексте не только перевод «Суд Короны», но и комментарий-«расшифровку» – Суд по уголовным делам – снимает лишние когнитивные усилия реципиента. Оним *Crown Prosecution Service* (в качестве эрратологического прецедента выступает словосочетание «Королевская прокурорская служба»), сопровождаемый комментарием «Служба уголовного преследования», снимает сложность понимания сути адъективации посредством лексемы «*crown*». В качестве примеров можно также взять классификацию правонарушений

в законодательстве этих стран. С точки зрения процесса они делятся на три основные группы: 1. *summary offences* – мелкие правонарушения, рассматриваемые в порядке упрощенного производства (т. е. как правило, рассматриваемые одним магистратом без участия присяжных и только на основании представленных доказательств); 2. *indictable offences* – тяжкие преступления (т. е. рассмотрение которых происходит в вышестоящих судах с участием присяжных); 3. *triable 'either way' offences* – альтернативное судопроизводство (т. е. промежуточная категория правонарушений / преступлений, рассмотрение которых может осуществляться либо в порядке упрощенного судопроизводства, либо с участием присяжных; при этом решение о рассмотрении дела в том или ином порядке принимает *сам обвиняемый*). Таким образом, такого рода переводческий комментарий, когда он встречается в тексте, становится частным случаем метатекста, а демаркатором на текстовом (графическом) уровне являются скобки.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что синергетическое мировидение как особый способ мышления и реконструкции языковой и внеязыковой действительности в процессе переводческой деятельности позволяет интегрировать разнородное знание и находить механизмы для точной передачи в переводном тексте культурологически значимого компонента исходного текста. Механизм компенсации как частное проявление синергетического мировидения реализуется в приеме переводческого комментария. «Столкновение» культур в свете конкретных реалий (правовых, политических и др.) позволяет высветить уникальность каждой культуры. Когнитивно-синергетический подход к переводу позволяет модернизировать наше представление о нем как сложноорганизованном, прочувствованном и осмысленном ментальном процессе.

Литература

- Дрожащих Н. В. Введение в динамическую синергетику языка: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2012.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя. 2002.
- Кушнина Л. В., Криворучко А. И., Ушакова А. О. Когнитивные механизмы перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 85–95.
- Леонтьева К. И. Антропоцентрические координаты феномена перевода: субъектный принцип, интерпретация и «живое» знание // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 41–50.
- Моташкова С. В. Лингвосинергетика: в поисках универсального языка коммуникации // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и Межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 11–16.

Папулова Ю. К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 1. С. 38–45.

Раренко М. Б. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2010.

I. Y. Ryabova, L. A. Sokolova
(Yekaterinburg, Russia)
Ural State Law University
named after V F. Yakovlev

TRANSLATION IN TERMS OF SYNERGETIC WORLDVIEW

The authors focus on the specifics of translation activities considered in the cognitive-synergetic way. To create a culturally accurate translated text, the translator-mediator uses a mechanism of compensation, which is reflected in the translated text in the translation commentary.

Key words: socio-cultural practice, harmonious translation, linguocultural adaptation of sense, translator-mediator, culturologically accurate translation model, cognitive-synergetic approach.

П. И. Сергиенко (*Москва, Россия*)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
poserg@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ PR

Предлагаемое исследование посвящено вопросу изучения особенностей процесса смысловой интерпретации единиц терминологического поля межпредметной области по связям с общественностью (PR). Основные особенности заключаются в новизне сферы в целом и в непрекращающемся динамическом процессе пополнения словарного состава профессионального английского языка неологизмами, расширении значений существующих единиц, а также актуализации уже вышедших из употребления слов и выражений.

Ключевые слова: интерпретация, концептуальные структуры, терминология, связи с общественностью.

В рамках профессиональной коммуникации исследование языка PR проводится с позиции когнитивных исследований, поскольку новая институализированная деятельность по связям с общественностью переосмысливает единицы профессиональной терминологии различных областей знания и приспособливает их для решения профессиональных задач PR-специалистов. Другими словами, обосновывается положение о том, что при заимствовании терминологических единиц из других областей знания, в рамках PR-дискурса происходит перенос полноценных смыслов и концептуальных структур [Вишнякова 2015: 52].

Необходимость обращения к профессиональным терминам PR сферы обусловлена тем фактом, что в условиях постоянно увеличивающейся информации, составлении баз данных, системы обработки «больших данных» (BigData) возрастает роль специалистов, способных управлять потоками информации и направлять их в заданное русло, подчиняя корпоративному заказу и управлению репутацией компании. Исследователи дискурса, направленного на убеждение аудитории, отмечают, что язык в данном случае используется не просто для этой задачи, как утверждают теоретики PR, “PR is the practice of managing reputation” [Grunig, Hunt 1984], а в качестве средства удержания власти и управления поведением [Fairclough 1996; Van Dijk 2009].

В этой связи становится актуальным положение о том, что языковые средства, используемые в PR-дискурсе, направлены на осуществление определенных функций. Приоритетной задачей является побуждение к действию и убеждение слушателя в определённой точке зрения. При этом отмечается динамичный процесс пополнения профессионального словаря PR-специалистов, появление новых лексических единиц (как, например, counsellor – слово, выдуманное основателем PR Э. Бернейзом для обозначения своей деятельности – PRcounsellor), расширение значений существующих единиц (supervisor, performance, bench marking, reach, party plant, gate keeping etc.), а также новые обозначения для ранее существовавших концептов (traditional media, television broadcast, colour movie) и, безусловно, заимствования из смежных областей профессионального знания (accommodation, alliteration, consulting, lobby, briefing).

На концептуальном уровне новые единицы профессионального языка репрезентируют собой единицы ментальных и психических ресурсов нашего сознания [Кубрякова 2004] и информационной структуры, отражающей профессиональный опыт человека. Исследователи отмечают, что концептуальные структуры получают языковую реализацию в рамках определенного контекста, формулирующего определенное значение. Значения представляют собой когнитивные структуры, включенные в мо-

дели знания и мнения [Langacker 1991; Jackendoff 1995]. Таким образом, значение одной и той же концептуальной структуры может иметь разную реализацию в зависимости от языкового окружения, контекста и сферы использования. Данное утверждение оказывается важным для интерпретации терминологии PR, поскольку означенная область изобилует неологизмами и переосмысленными единицами, используемыми PR-специалистами для ведения профессиональной деятельности.

Накопление человеческого знания, развитие технологий и социополитические процессы в современном мире сопровождаются созданием лексических единиц для обозначения понятий, предметов, элементов, которые раньше не были доступны человеку. Основываясь на трудах Н. Н. Болдырева, можно утверждать, что сформированные знания о мире объединены в систему, состоящую из концептов разного уровня сложности и абстракции. [Болдырев 2000]. В этом смысле предлагаемые языковые структуры не просто отражают сложные концептуальные понятия, сложившиеся в сознании общества, но способствуют достижению нового знания.

Концептуализированной единицей, представляющей интерес для PR-дискурса, является слово *boilerplate*, которое в профессиональной коммуникации означает шаблонный раздел, содержащий информацию о компании, помещенный в конце пресс-релиза. В PR практике частотным является предоставление информации о миссии компании, наград или метрических сведений о количестве сотрудников и прибыли. В данном значении указанная единица языка, являясь коннотативно нейтральной, передает узкое профессиональное значение. Образованное от сочетания полнозначных единиц 'boiler' (паровой котел) и 'plate' (пластина), этимологически слово восходит к 1831 г., когда оно было перенесено в жаргонную речь журналистов для обозначения шаблонных фраз в публикации, по аналогии с «железом, раскатанным в большие плоские пластины для использования при изготовлении паровых котлов» [OED, URL]. В общем английском языке описываемая единица имеет значение посредственности и стиля письма или выражения мысли, которые не отличаются воображением и креативностью. С этой точки зрения слово 'boilerplate' обладает отрицательной коннотацией. Для связей с общественностью наиболее важным оказывается переосмысленное значение концепта, используемого в профессиональной коммуникации.

Другая концептуализированная структура в рамках исследуемого дискурса реализуется в языке посредством единицы *newsjacking*, образованной от сложения единиц 'news' (новости) и усеченного фразового глагола 'jackup smth' (поднять что-то тяжелое в воздух). Образованное по аналогии с *hijacking*, *newsjacking* (нюсджекинг), или реактивный PR,

означает способ, при помощи которого компания может извлечь выгоду из популярности новостного сюжета, быть упомянутой в средствах массовой информации для повышения узнаваемости бренда или увеличения продаж. Данная единица является коннотативно отрицательно окрашенной, поскольку означает целенаправленное желание увеличения популярности компании за счет «кражи» новостей. Примером из PR практики использования технологии *newsjacking* служит попытка авиакомпании AeroMexico стимулировать продажи билетов через опровержение заявлений бывшего президента США Дональда Трампа, ужесточившего позицию по вопросу иммиграции и пограничной политики с Мексикой. Новостное агентство авиакомпании AeroMexico news, воспользовавшись популярными новостными сообщениями о жесткой политике 45-го президента США, предлагала американцам скидки на авиабилеты в зависимости от степени мексиканского происхождения, уставляемого на основе тестов ДНК. Для верной интерпретации означенного концепта в рамках PR-дискурса необходимо изучение лингвистических единиц, репрезентирующих концептуальные характеристики, значимые для профессиональной коммуникации.

Важной концептуальной структурой в PR дискурсе является такой прием представления сведений аудитории как *storytelling* (сторителлинг), означающий способ сообщения аудитории информации о ценностях компании, осуществление влияния на аудиторию и создание мотиваций. Являясь по сути технологией рассказывания историй, *storytelling* отличается от простого обмена информацией отсылками к личному опыту, а также наличием запоминающихся моментов в эмоциональных сюжетах. Примерами успешного использования технологии *storytelling* в PR-дискурсе является использования различных семиотических систем и каналов предоставления информации, включающих цитаты, фотографии, видеосюжеты и музыкальные клипы, которые используются в практике компании WePresent для рассказа историй об артистах, с которыми они работают. Другим примером *storytelling* является коммерческая PR-кампания за использование велосипедов в качестве средства передвижения в Амстердаме, Нидерланды: производитель велосипедов *Veloretti* создал в Интернет серию видеороликов, посвященных роли велосипеда в городе. Избегая прямого указания на важность использования двухколесного транспортного средства, кампания красноречиво показывает преимущества планирования собственного времени, неожиданных встреч и теплых воспоминаний. Создавая эмоциональные видеосюжеты, яркие тексты, сопровождающие повествование в рамках *storytelling*, авторы PR-кампаний стремятся оказать воздействие на аудиторию и мотивировать на совершение действия. Рассмотренный концепт, предлагающий для восприятия особую технологию

рассказывания историй, интерпретируется в рамках PR-дискурса через призму профессиональной коммуникации и особых задач, стоящих перед специалистами данной области.

Рассмотренный лингвистический материал отражает акцентные характеристики процесса смысловой интерпретации терминологических единиц в рамках PR-дискурса. Непрерывные процессы, происходящие в терминологическом поле новой дисциплины по связям с общественностью, демонстрируют процессы формирования ментальных представлений о сути описываемых явления, получающих реализацию в языке. Подвергая терминологические единицы переосмыслению и создавая особые условия интерпретации многозначных единиц в рамках означенного дискурса, PR-специалисты приспособливают значение лингвистических единиц к выражению определенной концептуальной сущности.

Динамичные изменения, происходящие на уровне формирования профессиональной лексики PR-специалистов, отражают задачи специалистов по управлению потоками информации и формированию общественного мнения. Многообразие лингвистических форм выражения новых концептуальных структур предлагает материал для реализации языковых потенциалов английского языка. В рамках когнитивной лингвистики, данные явления раскрывают возможности изучить структурные единицы ментальных и психических ресурсов общественного сознания, отражающих информационную структуру всей англоязычной картины мира.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000.

Вишнякова О. Д. Языковой знак в референциальном поле культурной памяти социума // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 50–66.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Fairclough N. Language and power. Longman, 1996.

Grunig J. E., Hunt T. Managing public relations. Holt, Rinehart&Winston. 1984.

Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.

Langacker R. Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Online Etymological Dictionary (OED). URL: <https://www.etymonline.com/word/boilerplate>

Van Dijk T. A Society and discourse: how social contexts influence text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

P. I. Sergienko (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

FEATURES OF SEMANTIC INTERPRETATION OF PR TERMINOLOGY

The present research deals with the study of semantic interpretation of PR terminological units, employed by experts in this interdisciplinary sphere. The main features lie in the novelty of the sphere as a whole and in the ongoing dynamic process of replenishing the vocabulary of the professional English language with neologisms, expanding the meanings of existing units, as well as updating words and expressions that have already become obsolete.

Key words: interpretation, conceptual structure, terminology, public relations.

Д. С. Скнарев (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
sknar@list.ru

М. М. Русакова, Н. В. Маврина
(Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
медицинский университет
mmrusakova@yandex.ru
mavrinanv@mail.ru

ЦИФРОВАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СРЕДА. РЕЛИГИОНИМЫ

Статья посвящена описанию современных цифровых каналов коммуникации религиозных служителей и прихожан как пользователей цифровых технологий и инструментов, рассматриваемых на примере сайта Московского Сретенского монастыря. Авторы уделяют внимание языковому наполнению сайта с акцентом на наличие религиозных терминов (религионимов) в конфессиональных текстах.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая религия, коммуникация, религионим (религиозный термин), терминология.

Новые тенденции развития общества требуют от конфессиональных сообществ перехода на новый цифровой уровень развития, адаптации в условиях работы с новой техноматричной действительностью.

Для того чтобы приспособить жизнь конфессий к реалиям и нуждам современности, перейти на новые каналы коммуникации с аудиторией,

устранить массовый отток верующих, заговорить с людьми на понятном им языке, священнослужители активно осваивают особую коммуникативную социальную среду. В их руках Интернет становится инструментом «выражения религиозного сознания» [Городилова 2018: 4], информатизации и популяризации той или иной религии. «Борьба за свою паству заставляет духовенство осваивать современные технологии и переосмысливать роль церкви в цифровом пространстве» [Баранов 2022: 18].

В настоящей статье авторы обратились к исследованию контента сайта Московского Сретенского монастыря [МС] с целью выявления современных каналов коммуникации священнослужителей с аудиторией и анализа встречаемости в цифровой среде конфессиональных терминологических единиц.

Основным направлением перестройки всех процессов становится внедрение инновационных технологий, а именно современных информационных технологий через создание и использование открытых ресурсов, которые способствуют расширению и ускорению коммуникации церковных служащих как между собой, так и с приходом, и увеличению эффективности общения с целевой аудиторией (сайт, социальные сети, видеоблоги, мобильные приложения, платформы для проведения видеоконференций, сервисы для организации видеообщения и др.). Считается, что «предприятия, где успешно внедряются цифровые технологии, более конкурентоспособны, чем те, которые отстают в своей «цифровой зрелости» [Соколова, Шапошникова 2019: 11].

Так создание сайта церковного учреждения становится необходимым цифровым ресурсом. Формируется новая корпоративная церковная культура. Через новый онлайн-канал связи прихожане, граждане могут задавать вопросы священнику, духовнику, используя рубрику «Вопрос священнику», через отправку сообщений по электронной почте, участвуя в дискуссиях на форумах. Некоторые церкви становятся более узнаваемыми благодаря качественным открытым ресурсам, доступным для любого прихожанина или служителя в любое время, в любом месте.

По нашим наблюдениям, сайт конфессионального учреждения сопоставим с корпоративным сайтом любой компании. Структура сайтов таких учреждений выстраивается по удобным и логичным шаблонам. Обязательны «главная (домашняя) страница» и «лендинги» (целевые страницы). Так, на главной (домашней) странице Сретенского монастыря фиксируем информационные блоки: *Монастырь*; *Богослужение*; *Гостям*; *Проекты*; *Журнал*; *Новости обители*; *Анонсы*, где раскрывается информация о монастыре как компании.

Отметим, что сайт, который является цифровым каналом коммуникации, представляет большой набор эффективных современных цифровых инстру-

ментов, технологий. Пользователю, зашедшему на страницу сайта монастыря, открывается сервис трансляции богослужений на видеохостинге YouTube: «*Расписание трансляций богослужений на YouTube-канале Сретенского монастыря на неделю*» [МС].

Распространённым цифровым коммуникативным каналом являются социальные сети, которые представлены на сайте иконками сообществ *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Telegram*, *Яндекс-дзен*. Пользователи могут на сайте монастыря переходить по ссылкам на страницы молодежного хора Сретенского монастыря, просветительского центра, молодежного волонтерского проекта «Родная земля», паломнической службы на площадке сообщества *ВКонтакте*. По ссылке на воскресную школу посетители узнают расписание занятий, условия приема в школу и др.: «*Об изменениях в расписании можно узнавать в группе воскресной школы в социальной сети «ВКонтакте»: https://vk.com/sretenskaya_vs.*» [МС]. Эти платформы социальных сообществ, как связующие каналы, необходимы для вовлечения различной целевой аудитории, привлечения внимания и формирования определенного стиля поведения.

Посетители сайта монастыря имеют возможность использовать современные технические средства, представленные видеозаписями, аудиозаписями богослужений, по каналу обратной связи с прихожанами оставлять комментарии на представленные темы, заполнить online анкету-запрос о поминовении, о здравии и об упокоении в монастыре с указанием имен, длительности поминовения и названием службы, оплатив услугу также online, или заказать через группу в «ВКонтакте» экскурсии от Паломнического центра монастыря. Все представленные цифровые инструменты служат привлечению потенциальных и текущих посетителей, указывают на источник получения информации.

Считаем, что целью сайта является продвижение религиозных ценностей в цифровом пространстве массовой коммуникации, информирование прихожан о деятельности храма, его миссии, с последующим их привлечением в храм и вовлечением в эту деятельность.

«Сделав мир глобальным с помощью мгновенного доступа к сети Интернет и новой электронной форме коммуникации, Всемирная паутина создает постоянные изменения на языковом уровне, формируя множество новых слов, терминов и фраз и/или трансформируя прежние» [Русакова, Скнарв 2020: 651]. Исследуя языковое содержание сайта монастыря, авторы поставили цель изучить лингвистический состав текстового наполнения сайта и зафиксировать употребление конфессиональных терминологических единиц. Отметим, что детальному исследованию религиозных терминов (религионимов) в русском языке посвящена работа А. Н. Смолиной, в которой

указываются особенности употребления, типы и стилистические функции религионимов [Смолина 2022].

Поскольку потенциальной аудиторией в религиозной интернет-коммуникации выступают разнородные пользователи, в созданных текстах на практике используется общеупотребительная лексика, а также конфессиональная терминология. Установлено, что на анализируемом сайте терминология конфессионального характера используется продуктивно. При этом пользователи адекватно реагируют на терминологическую информацию. Приведем некоторые примеры со страниц сайта монастыря:

«26 марта 2005 года в Кафедральном Соборном Храме Христа Спасителя в Москве состоялась хиротония архимандрита Амвросия во епископа Прокопьевского, викария Кемеровской епархии. Богослужение возглавил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II» [МС].

«25 мая 2017 года мощи священномученика Илариона (Троицкого) были перенесены крестным ходом из нашего древнего собора в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери в новый храм монастыря, освященный в честь Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской. Под звон колоколов ковчег с мощами установили на камнях, привезенных с Соловков, где священномученик Иларион находился в заключении с 1924 по 1929 год» [МС].

Исследование позволило авторам распределить религионимы на тематические группы, среди которых:

наименования религиозных сооружений и учреждений: монастырь, обитель, храм, церковь, духовная академия, духовная семинария, пастырские курсы, воскресная школа, корпус Наместника, братские корпуса, трапезная или трапезная палата, паломнический центр;

наименования церковных таинств и обрядов: богослужение, божественная литургия, причащение, канонизация святых, проповедь, Всенощное бдение, пострижение (постриг) в монахи, рукоположение или хиротония епископская, иерейская, диаконская, послушание и др.;

названия должностей и духовных званий: митрополит, архимандрит, архиепископ, наместник монастыря, иерей, иеродиакон, иеромонах, игумен, монах, ктитор обители, регент хора, великие старцы и подвижники и др.;

наименования церковных облачений. Приведем примеры из текста с сайта «Одно из первых действий духовенства при подготовке к Божественной литургии – надеть особые одежды, именуемые **облачением**. Оно красиво украшается, и каждый священник надевает на себя одни и те же предметы: сначала **подризник**, длинный (до пят) **стихарь** из тонкой светлой ткани; затем **епитрахиль**, которая огибает шею и обоими концами спускается

на грудь, достигая голеней. Потом он надевает пояс и **поручи**, а в последнюю очередь – **фелонь**, длинную накидку без рукавов, которая спереди закрывает тело до пояса, а сзади опускается ниже колен» [МС];

наименования церковной утвари: киоты, ладан, лампы, кадила, кадильницы, пасха, ковчег. «Священники в нашем магазине могут приобрести всё необходимое для совершения Таинств: **потиры, копия, кадила, кропила, дарохранительницы, дароносицы и т. д.**» [МС];

святыни обители: мощи, рака с мощами святого и др.

Таким образом, можно говорить о терминологической маркированности содержания конфессионального сайта. Этим терминам, прежде всего, свойственна назывательная функция, поскольку они вербализуют различную по содержанию информацию, номинируют понятия, связанные с конфессиональной сферой. Также они выполняют коммуникативную функцию, транслируя определенную просвещенческую информацию. В результате проведенного изучения сайта Московского Сретенского монастыря установлено, что он является цифровым инструментом распространения религиозного знания и информатизации, привлечения внимания прихожан. Результаты данного исследования могут быть экстраполированы на цифровые инструменты и каналы других конфессий и соответствующие терминологические системы. Требуется дальнейшая регистрация, сравнение и анализ религиозных терминов в конфессиональных текстах для идентификации особенностей языковых явлений.

Литература

Баранов Н. А. Взаимоотношения РПЦ и государства в условиях пандемии COVID-19 в контексте смены политических парадигм и цифровизации // Управленческое консультирование. 2022. № 7 (163). С. 8–22.

Городилова Т. С. Исламская культура в цифровом измерении // Современный мусульманский мир. 2018. № 1. С. 2.

МС – Московский Сретенский монастырь. URL: <https://monastery.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).

Русакова М. М., Скнарев Д. С. Электронный язык в современном электронном обществе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 651–655.

Смолина А. Н. Религиозные термины в русских церковно-религиозных автодокументальных текстах: типология и стилистические функции // Филология: научные исследования. 2022. № 4. С. 1–15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37821 (дата обращения 15.01.2023).

Соколова О. А., Шапошникова В. В. К вопросу о необходимости адаптации населения к условиям цифровой экономики в России // Управление социально-экономическими системами. 2019. № 1. С. 10–14.

D. S. Sknarev (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

M. M. Rusakova, N. V. Mavrina
(Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Medical University

DIGITAL CONFESSIONAL MEDIA. RELIGIOUS TERMS

The article is devoted to the description of modern digital communication channels of religious ministers and parishioners as users of digital technologies and tools, considered on the example of the site of the Moscow Sretensky Monastery. The authors pay attention to the language content of the site with an emphasis on the presence of religious terms (religion names) in confessional texts.

Key words: digitalization, digital religion, communication, religion name (religious term), terminology.

О. В. Сухарева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
sukhareva-ov@yandex.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ В СОЗДАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

В статье анализируется роль прототипических структур, выступающих в качестве когнитивных доминант при формировании интерпретационной коннотативной семантики художественных онимов в составе терминологических номинаций. Рассматриваются различные деривационные процессы порождения терминов-эпонимов как проявление на языковом уровне когнитивных механизмов метафоризации и метонимизации.

Ключевые слова: когнитивные доминанты, прототипические структуры, термин-эпоним, художественный оним, коннотация.

Создание терминологических инноваций с коннотативным ономастическим компонентом является свидетельством динамичности и образности научной картины мира. Являясь мотивированными и имея целенаправленный характер появления, термины-эпонимы актуализируют прототипические структуры сознания и апеллируют к когнитивному пространству носителей языка и культуры. Успешная интерпретация формирующихся смыслов

предполагает наличие коллективных знаний и представлений, поскольку «в основе бесконфликтной языковой коммуникации лежит эффективное концептуальное взаимодействие, которое обеспечивается за счет обращения к формам языкового сознания (концептам и категориям), разделяемым в плане их структуры и содержания всеми участниками общения [Болдырев 2022: 29]. Другим условием формирования и адекватной первичной и вторичной интерпретации смыслов выступает общность когнитивных и языковых механизмов номинации.

Компактность, экономичность и емкость терминов-эпонимов достигаются за счёт использования ономастического компонента, который в нашем исследовании представлен англоязычными коннотативными художественными онимами (например, **Robin Hood Tax** – *налог на транзакции банков*; **Goldilocks fiscal consolidation** – *взвешенная бюджетная консолидация*; **Chewbacca Defense** – *вид защиты в суде, когда адвокат стремится запутать присяжных и приводит веские аргументы, не имеющие отношения к делу*). За данной категорией онимов стоит не только обширный объем знаний, включающий сюжет произведения, состав действующих лиц, внешность, характерные черты личности или поступки героев, но и совокупность ассоциативно-образных и оценочных представлений, выработанных в рамках определенной культуры. Таким образом, несмотря на свою универсальность и однозначность, термины оказываются не только экспрессивно и стилистически маркированными, но и представляют собой национально и культурно обусловленные языковые явления. Согласно О. А. Корнилову, «научная картина мира получает в каждом национальном языке национальную форму выражения и адаптирует универсальное знание к нуждам конкретного языкового сообщества» [Корнилов 2003: 12–13].

При исследовании в рамках когнитивного подхода эпонимические номинации рассматриваются как единицы, которые репрезентируют результаты концептуализации опыта и знаний лингвокультурной общности, структурированные посредством когнитивных доминант. Роль таких доминант в языковом сознании при создании однословных терминов-эпонимов или терминологических словосочетаний выполняют прототипические средства репрезентации знаний, которые выступают в качестве «точек внутриязыковой референции при поиске адекватных обозначений реалий и языковых форм передачи необходимого смысла» [Болдырев 2019: 45]. Таким образом, когнитивные доминанты обуславливают фокусировку определённых фрагментов концептуальной системы, требующих означивания, а также последующий выбор адекватных языковых средств номинации.

Имена персонажей произведений художественного творчества, художественные онимы, играют особую роль в организации языкового сознания,

поскольку концентрируют в себе черты национального характера, систему ценностных установок и важных стереотипов представителей той или иной лингвокультурной общности. Данные ономастические единицы выступают в роли символов в культуре, обобщений архетипического и прототипического в сознании народа. П. Флоренский определял художественный тип как «глубокое обобщение действительности», «подсознательные, но чрезвычайно общие и чрезвычайно точные наведения», а имена – как «средоточные ядра самих образов» [Флоренский 1998: 462, 463].

Прототипические структуры как когнитивные доминанты выступают определяющим фактором при вторичной интерпретации и формировании интерпретационной коннотативной семантики художественных онимов в составе терминологических номинаций. Анализ особенностей профилирования и фокусировки в сознании участников коммуникации тех или иных признаков и рассмотрение когнитивных механизмов метафоризации и метонимизации (как проявления концептуальной деривации) служат объяснительной базой для понимания процессов формирования коннотативных смыслов.

В ходе проведенного исследования нами были выявлены термины-эпонимы, образованные в результате различных деривационных процессов номинации.

а) **Семантические дериваты** составляют 3% от всего корпуса исследования. Так, эпоним **Big Brother** означает *a government, or ruler that has complete power and tries to control people's behaviour and thoughts and limit their freedom* [The Concise Oxford Dictionary of Politics], *правительство или руко-водитель государства, обладающий абсолютной властью и пытающийся контролировать поведение и мысли людей и ограничивать их свободу*. Термин образован от имени диктатора, героя романа Джорджа Оруэлла «1984».

"Bangkok's Big Brother is watching you. General Prayuth Chan-ocha is determined to make Thailand a happy place. He's doing this by throttling civil liberties" [The Guardian].

б) **Словообразовательные дериваты** занимают второе место и насчитывают 11,5% от корпуса исследования. Коннотативная семема актуализируется вследствие фокусировки определенного когнитивного признака и действия механизма когнитивной метонимизации. Например, суффиксальный дериват **malapropism**, который маркирован в словаре как литературоведческий термин, означает *the misuse of a word by confusion with one of similar sound, especially when creating a ridiculous effect* [Collins English Dictionary], *ошибочное использование созвучного слова*. В первичной номинации Mrs Malaprop – имя персонажа пьесы Р. Шеридана 'The Rivals', которая часто допускает подобные ошибки.

Метонимический перенос осуществляется по модели «человек – особенность речевого поведения» на основании признака «совершающий ошибки»: *"Specifically, the proportion of detected malapropisms for which the correct*

replacement was found ranged from 92% for scope = 1 to 97.4% for scope = max” [Cambridge English Corpus].

в) **Составные термины** являются наиболее многочисленной группой и составляют 85,5% от всего корпуса исследования. Они представляют собой двухкомпонентные образования, содержащие базовую и атрибутивную части. Рассмотрим терминологические словосочетания **Othello Psychosis**, **Othello Syndrome**, которые означают *a delusion of spousal infidelity, a form of psychotic paranoia that is primary or, more commonly, a symptom of organic ‘psychopathies’* [Segen’s Medical Dictionary], *Синдром Отелло, мания супружеской неверности, форма психотической паранойи, которая является первичной или чаще симптомом органических «психопатий»*. Объективация коннотативной семемы осуществляется в результате метафорического переноса на основании признака «ревнивый»: *“Othello syndrome (OS) is a psychiatric condition consisting of delusional jealousy, and irritability. It is often associated with psychiatric or neurological disorders. The most common are delusional disorder and dementia”* [European Psychiatry].

В заключение следует отметить, что рассмотрение эпонимических терминов в рамках культурологической направленности когнитивного подхода позволяет определить роль, которую когнитивные доминанты сознания играют в процессах первичной и вторичной языковой интерпретации явлений окружающего мира. Коннотативный компонент значения англоязычных художественных онимов при терминологизации не нивелируется, а фокусируется, объективируя прототипические структуры сознания и коллективно значимые ценности и установки.

Литература

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. LII. С. 25–30.

Болдырев Н. Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–53.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.

Флоренский П. А. Имена: сборник. М.; Харьков: ЭКСМО-Пресс: Фолио, 1998.

Cambridge English Corpus. URL: <https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/better-learning-insights/corpus>

Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

The Concise Oxford Dictionary of Politics. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199207800.001.0001/acref-9780199207800>

European Psychiatry. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/european-psychiatry>

The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com>

Segen’s Medical Dictionary. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com>

O. V. Sukhareva (*Voronezh, Russia*)
Voronezh State University

THE ROLE OF COGNITIVE DOMINANTS IN CREATING ENGLISH EPONIMOUS NOMINATIONS

The article analyzes the role of prototypical structures that act as cognitive dominants in the formation of interpretive connotative semantics of artistic onyms as part of terminological nominations. Various derivational processes of generating terms-eponyms are considered as a manifestation at the language level of the cognitive mechanisms of metaphorization and metonymization.

Key words: cognitive dominant structures, prototypical structures, term-eponym, artistic onym, connotation

И. В. Убоженко (*Москва, Россия*)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
МГИМО (университет) МИД РФ
iubojenko@hse.ru

СЕТЕВОЙ ПРОЕКТ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ КОГНИЦИИ В ТВОРЧЕСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предлагается эффективный формат сетевой профессиональной коммуникации, нацеленной на создание уникального командного творческого продукта (кейс: документотворчество), разработанный с учётом критического анализа решающих параметров успешности актуализации коллективной когниции. Творческая неконфликтогенная среда рассматривается в исследовании в качестве ключевого условия эффективности экспертной коммуникации.

Ключевые слова: коллективная когниция, сетевой проект, творческая профессиональная коммуникация.

Различные новые форматы удалённой и локально дифференцированной профессиональной коммуникации, активно внедряемые в глобальном масштабе в последние годы в связи с пандемией и её постпериодом, обнаружили целый ряд проблем в реализации данного вида распределённой командной

деятельности. Дополнительную сложность представляют собой групповые проекты, характеризующиеся творческой составляющей их ожидаемых результатов.

Целью проведённого исследования явилось изучение практического кейса коллективного документотворчества, связанного с разработкой возможных эффективных трэков дальнейшего развития проекта по внедрению профессионального стандарта специалиста в области перевода на территории России в её образовательном пространстве [Чистова 2022]. Внешние темпоральные ограничения в виде сроков действия недавно принятого в нашей стране документа, определённых Министерством труда и социальной защиты, обязывают участников проекта (как индивидуальных, так и коллективных, групповых) создать обновлённый интеллектуальный продукт в кратчайшие сроки (к 2026–2027 гг.). Следовательно, логично возникают конкретные задачи, которые требуется решить в максимально широком локальном аспекте (публичные слушания проекта должны охватить не менее половины всех регионов РФ), а именно: 1) необходимо осуществить аккумулирование ресурсов по апробации документа на едином сетевом портале, 2) затем критически проанализировать и обобщить опыт успешных и неуспешных практик применения профстандарта образовательными организациями, 3) чтобы в дальнейшем эмпирически выявить требующие доработки основные направления тестирования текущего документа.

Профессиональная коммуникация рассматривается в данном прикладном исследовании в терминах значимых параметров эффективности актуализации коллективной когниции в экокognитивной парадигме, позиционирующей когницию как полифункциональный процесс, выходящий за пределы индивидуального ментального пространства, организационно распределённый во времени, с точки зрения географии и представляющий собой творческое интеллектуальное лингвопрагматическое взаимодействие. [Колмогорова 2021].

Материалом исследования послужили видеозаписи (общей длительностью 330 минут) и протоколы выступлений участников трёх межрегиональных заседаний в формате онлайн круглого стола, посвящённых теме синергии лидерства в переводческой отрасли и размещённых в открытом доступе в сети Интернет (см.: Эмпирическая база исследования). Целью дискурсивного (аудиовизуального и письменного) анализа стали выявление и фиксация ключевых потенциально конфликтных точек, способных негативно повлиять на эффективное выполнение указанных выше проектных задач экспертной команды. Выводы качественного исследования также подкрепляются собранными автором (в качестве инициатора и участника проекта) методом включённого наблюдения иллюстративные примеры.

Таргетированная по принципу неудовлетворённости и/или отсутствия консенсуса по завершению командной онлайн или гибридной коммуникации селекция проблемных дискурсивных сегментов профессиональной коммуникации выявила острую необходимость в создании универсально приемлемой для всех потенциальных участников проекта модели профессиональной коммуникации, базовые принципы которой бы учитывали как их творческий потенциал, так и одновременно выстраивали бы для коллег благожелательную экосреду реализации равных возможностей, здоровой конкуренции при соблюдении этических норм и коллегиальности, самостоятельности и независимости. Перечисленные маркеры успешности, в свою очередь, выделены как характеристики условно гладкого коммуникативного процесса, гарантирующие относительное нивелирование возможных сбоев в актуализации коллективной когниции.

В результате исследования были сделаны следующие выводы. Для достижения эффективности творческой, с высокой степенью инноватики, профессиональной коммуникации (в данном случае для создания с чистого листа официального документа общероссийского применения) необходим и приемлем формат сетевого коллективного проекта как опорный скелет воплощения подобной коллективной когниции. Однако релевантность именно сетевой коммуникации, способствующая сведению к минимуму сбоев в таком экспертном взаимодействии, в данной ситуации возможна лишь при условии включённости определённых балансирующих ментальных пространств в противовес озвученным участниками потенциально конфликтогенным пространствам, мешающим, с их точки зрения, достижению общего успеха их деятельности, в том числе по работе над масштабным командным проектом.

Творческая среда в исследовании понимается как совокупность ментальных пространств в традиционной для когнитивистики логике мысленных движений в процессе решения определённых задач, когда поиск решения или идеи является отображением соответствующей проблемной ситуации [Turner 2014].

В итоге выявлены три значимых ментальных пространства актуализации коллективной когниции, способных обеспечить эффективную творческую коллективную коммуникацию профессионалов отечественной переводческой индустрии именно в рамках сетевого проекта.

1. Конструктивное ментальное пространство «Профессиональная этика» в противовес деструктивному ментальному пространству «Отсутствие коллегиальности и доверия» выведено из следующих и аналогичных вербальных репрезентаций: «однако желательно, чтобы сертификацию проводили не государственные вузы или образовательные учреждения,

а какой-то коллегиальный орган, в который входили бы представители различных структур и организаций»; «...личный опыт показывает, что пока все попытки наладить диалог внутри отрасли прекращаются исключительно из-за неготовности к диалогу»; «чтобы сотрудничать, нужна необходимая степень доверия, но другие полагают, что хорошие отношения между компаниями и переводчиками – редкость»; «ассоциация... рождалась в мучительных схватках столкновения амбиций, взаимной подозрительности, алчности».

2. Конструктивное ментальное пространство «Равноправное участие и объединение» (в том числе на уровне регионов) в противовес деструктивному ментальному пространству «Нездоровая конкуренция» иллюстрируется, к примеру, такими дискурсивными фрагментами: «проблему недобросовестных поставщиков и клиентов можно решить с помощью активного общения внутри отрасли, сплочения»; «чем отрасль решительнее – тем здоровее»; «рынок переводов – своего рода «пиратский», непрофессионализм отдельных игроков рынка накладывает негативный отпечаток на восприятие отрасли в целом»; «необходимо сотрудничество и... защита заказчиков от недобросовестных исполнителей» и др. .

3. Конструктивное ментальное пространство «Автономность и самостоятельность» в противовес деструктивному ментальному пространству «Единый лидер» демонстрируется в следующих репрезентативных примерах: «объединение структурное и «назначение лидера» не должно быть целью и не является в условиях современного рынка, в условиях именно расширяющегося разнообразия «ландшафта» переводческой профессии, мерилom зрелости»; «главная наша проблема состоит в том, что мы все вместе (и руководители компаний, т. е. работодатели, и переводчики разных форм занятости) себя отраслью (а точнее – самостоятельной профессией) считаем, а в глазах Правительства, государственных и административных структур разных уровней – самостоятельной отраслью не являемся»; «именно за отставание своего самостоятельного статуса нам надо сейчас всем вместе, прежде всего, выступать, его продвигать, добиваться».

Таким образом, сетевой проект может быть оправдан как эффективный творческий формат актуализации коллективной когниции в процессе профессиональной коммуникации путём создания определённых балансирующих конструктивных ментальных пространств в ходе реализации такого проекта и выравнивания потенциально высоко конфликтных групповых когнитивных сбоев через нивелирование ранее выявленных методами включённого наблюдения и дискурсивного анализа соответствующих деструктивных ментальных пространств. Именно сетевое профессиональное взаимодей-

ствие, характеризующееся высокой степенью прозрачности, доступности и скорости распространения информации и возможностей оперативного отклика на возникающие проблемы отвечает задачам создания спокойной и экологически благоприятной творческой интеллектуальной среды, где коллективная когниция может актуализироваться результативно и успешно при условии выстраивания обозначенных выше конструктивных ментальных пространств и соблюдения вытекающих из них поведенческих принципов участников профессиональной коммуникации.

Литература

Колмогорова А. В. Классификация экологических подходов к языку // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2021. № 63. С. 181–201.

Чистова Е. В., Убоженко И. В. Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2022.

Turner M. The Origin of Ideas: Blending, Creativity, and the Human Spark. Oxford University Press, 2014.

Эмпирическая база исследования

<https://tconference.ru/kruglyj-stol-vozmozhna-li-sinergiya-liderstva/>

О проекте | Внедрение профессионального стандарта «Специалист в области перевода» (profstandard-translator.ru) (дата обращения: 31.01.2023 г.).

I. V. Ubozhenko (*Moscow, Russia*)

National Research University

Higher School of Economics (HSE University),

MGIMO University

NETWORK PROJECT AS EFFECTIVE ACTUALIZATION OF COLLECTIVE COGNITION IN CREATIVE PROFESSIONAL COMMUNICATION

The paper proposes an effective format of network professional communication aimed at creating a unique team product (case: official document writing), based on the critical analysis of the key parameters for successful actualization of collective cognition. Creative non-conflict environment is considered in the study as a core condition for the effectiveness of expert communication.

Key words: collective cognition, network project, creative professional communication.

О. А. Хрущева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена проблеме заимствований в современном русском языке. На примере языка профессиональной коммуникации, а именно сферы образования и образовательных технологий, демонстрируется тенденция к использованию иноязычных заимствований в качестве терминов. Проводится параллель между поверхностным и глубинным типами заимствования и обосновывается специфика языковой ситуации в России XXI века.

Ключевые слова: языковая политика, профессиональная коммуникация, русский язык, английский язык, заимствования.

Вопрос о заимствованиях в языковой лексической системе является традиционным в сфере лингвистических исследований, провоцируя споры о позитивном и негативном воздействии иноязычных лексем, их статусе и степени ассимиляции, но, тем не менее, он не теряет своей актуальности в виду отнесенности к собственно языковым и гносеологическим аспектам научного знания.

Согласно определению, под заимствованием принято понимать «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [ЛЭС 1990: 158]. В норме заимствования проходят процесс полной или частичной ассимиляции в принимающем языке и становятся частью его словарного состава. Однако при определенных условиях (например, на начальных стадиях вхождения в язык или в угоду моде) иноязычные слова сохраняют особенности плана выражения и считаются варваризмами. Отношение к подобным лексемам со стороны носителей языка варьируется, что связано с их возрастом, социальным статусом, сферой деятельности, но в большинстве случаев характеризуется как негативное и провоцирует действия в сфере государственной языковой политики.

Так, в декабре 2022 года Государственная Дума Российской Федерации в первом чтении приняла законопроект о защите русского языка от иностранных заимствований. Пояснительная записка к данному законопроекту федерального закона гласит о недопустимости «использования иностранных слов, за исключением не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке, перечень которых содержится в нормативных словарях» [ПЗ 2022: 1]. По мнению авторов законопроекта: «указанная проектируемая норма направлена на защиту русского языка от чрезмерного употребления иностранных слов» [ПЗ 2022: 1].

Необходимо признать, что иноязычные лексемы в современном русском языке обретают все большее распространение и популярность, находят отражение в различных сферах жизнедеятельности российских граждан вне зависимости от уровня владения ими иностранным языком и без учета политико-экономической ситуации (антироссийские санкции, ограничение международных контактов), что во многом характеризует данную языковую ситуацию как парадоксальную на текущий момент.

С точки зрения лингвистической науки заимствование в национальном языке России XXI века также отличается рядом своеобразных черт. По мнению ученых, заимствование представляет собой «результат концептуального взаимодействия контактирующих культур» [Голованова 2013: 79] и существует в двух разновидностях: поверхностное и глубинное. «При поверхностном заимствовании для выражения уже существующего концепта заимствуется новая форма вербализации, отвечающая коммуникативным потребностям носителей языка реципиента (обладающая краткостью, интернациональным характером, и т. п.). Появление новой лексической единицы не влечет в этом случае серьезных изменений в системе языка и соответствующей концептосфере. Другой тип заимствования осуществляется на глубинном уровне и связан с формированием в принимающей культуре нового концепта (концептуальной структуры) или изменением содержания (структурирования) ранее сформированного концепта» [Голованова 2013: 79–80]. При анализе заимствований в современном русском языке формируется представление, что указанные разновидности пересекаются, так как при отсутствии формирования нового знания носители языка отдают предпочтение варваризмам, которые в большинстве случаев характеризуются неудобопроизносимой фонетической формой, нетрадиционной графикой и комплексным морфологическим составом.

В доказательство данного наблюдения рассмотрим примеры из сферы профессионального общения специалистов сферы образования.

- Педагогический *сторителлинг*: учимся конструировать учебные задачи.
- Элементы *коучинга* на уроках в начальной школе.
- Как учителю использовать *чат-фикшн*?
- *Саммари* и обзоры книг.
- *Лэпбук*: закрепляем пройденный материал.
- *Чек-лист* – помощник в изучении иностранного языка.
- Инструменты *геймификации*: как добавить FUN в обучение.
- *Подкастинг* в современном обучении.
- Как организовать работу над *лонгридом* с учениками.
- Обзор сервисов для создания красивых *таймлайнов* [источник примеров EduNeo].

Вышеприведенные образцы иноязычных лексем могут быть приняты за интернациональные слова, термины и отнесены к поверхностному типу заимствования. Однако очевидными являются изменения глубинного характера, модификация концептуальной структуры, которые привели к вхождению в язык лексем, имеющих исконные русскоязычные дублеты: *саммари* – краткое изложение содержания; *лэпбук* – книга-раскладушка, книга-панорама; *таймлайн* – хронология событий.

В сфере профессиональной коммуникации понимание является необходимым условием выполнения трудовых задач и достигается за счет единства терминологического аппарата. В ситуации, когда среди профессиональных терминов встречаются варваризмы, общение между специалистами затрудняется, так как понимание осуществляется на уровне контекстуальных предположений. Стоит признать, что решение правительства о контроле количества заимствований в языке в текущий момент и при данных обстоятельствах обосновано и необходимо.

Литература

Голованова Е. И. Когнитивные аспекты лексического заимствования // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1(21). С. 79–88.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь // под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

ПЗ – Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», 2022. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения 21.01.2023).

EduNeo. Актуальные методики преподавания, новые технологии и тренды в образовании, практический педагогический опыт. URL: <https://www.eduneo.ru/> (дата обращения 01.02.2023).

O. A. Khrushcheva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

FOREIGN WORDS IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The paper deals with the problem of foreign words in the present-day Russian language. The trend to use foreign words as terms is exemplified with cases from professional communication, namely education and education technologies. Surface and under-surface loaning types are juxtaposed that ensures the specific features of language situation in Russia in XXI century.

Key words: language policy, professional communication, the Russian language, the English language, foreign (loan) words.

Чжао Цихан (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st067961@student.spbu.ru

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ
(на примере терминов биомедицинской инженерии)**

Данное исследование посвящено описанию терминосистемы путем когнитивного анализа при составлении специальных словарей на примере терминов биомедицинской инженерии. Показывается системность анализируемых терминов с точки зрения теории фреймов, демонстрируется фрагмент словаря.

Ключевые слова: термин, терминосистема, когнитивный анализ, биомедицинская инженерия, специальный словарь.

В результате роста социальной роли науки, непрерывного увеличения объема и усложнения содержания научно-технической информации все более важное место занимает углубление и многоаспектное исследование научно-технической терминологии [Головин 1972: 49]. Принадлежность терминологической лексики к специальной сфере непрерывно связана с ее двойной системностью – лексической и логической системностью, так как термин – «это прежде всего элемент определенной научной области. Его план содержания – внеязыковая действительность, искусственно формируемая в данной научной системе, а план выражения – языковые элементы своего или чужого языка и искусственно отобранные терминологические элементы» [Суперанская, Подольская, Васильева 2002: 107]. Таким образом, считается логичной, актуальной и необходимой организация терминосистемы не только с лексической точки зрения, но и с когнитивной.

Структурирование и упорядочение терминосистемы какой-либо специальной области понимается как необходимый шаг к составлению терминологического словаря. По нашему мнению, при проектировании учебного однопрофильного терминологического словаря необходимо руководствоваться рядом принципов, среди которых необходимым представляется принцип двойной системности, соответственно которому в словаре нужно показать не только внутреннюю организацию на лексико-семантической основе, но и логическую взаимосвязь между терминологическими единицами как языковыми средствами научных концептов с помощью когнитивного анализа.

Когнитивный подход к изучению термина позволяет понимать его как вербализованное научное понятие [Лейчик 2009: 6], поэтому логическая системность лежит в научной понятийной области. Чтобы организовать

понятия, концепты, предлагается проводить фреймовое моделирование. Фрейм определяется как комплексный пакет знаний, как структурированная система концептов, которые организованы определенным способом [Fillmore 1982: 111]. При построении фреймовой модели в первую очередь выявляются базовые концепты с опорой на информацию экстралингвистического характера, и таким же образом выстраиваются субфреймы, подсубфреймы и т. п.

Проанализировав 21 термин тематической группы «Биологические волновые воздействия» как фрагмент терминосистемы биомедицинской инженерии, мы представляем две системы, которые иерархически организованы на лексико-семантическом основе и теории фрейма.

Как видно в первом рисунке (см. рис. 1.), анализируемые термины подразделяются на 3 ЛСГ: «Направления», «Технологии» и «Явления».

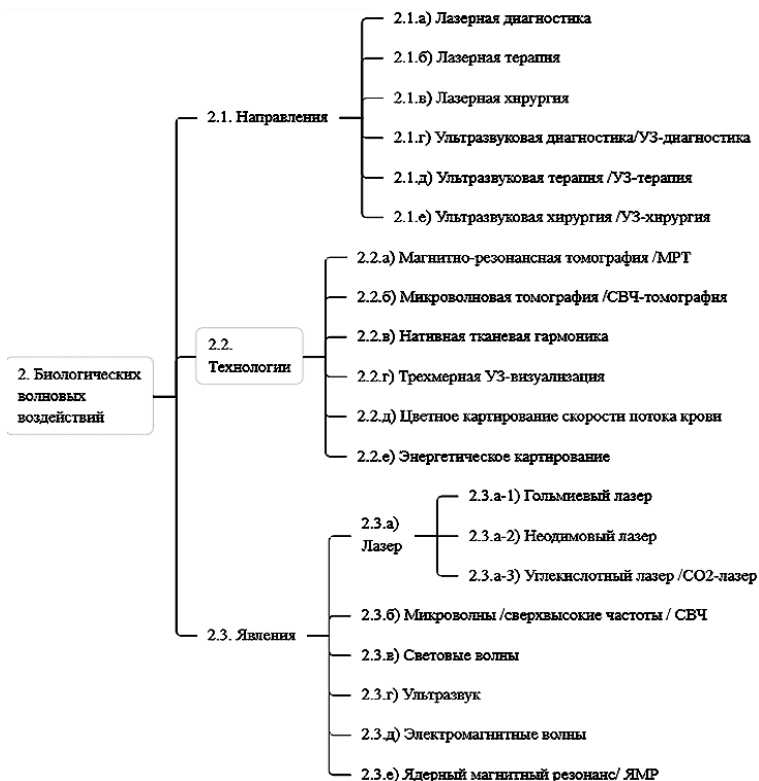

Рис. 1. Тематическая подгруппа «Биологические волновые воздействия»

В первую ЛСГ входят 6 терминов, имеющих общую сему «направление»: *лазерная диагностика, лазерная терапия* и др. ЛСГ «Технологии» включает в себя 6 терминов, которые называют какие-либо технологии: *магнитно-резонансная томография/ МРТ, нативная тканевая гармоника* и т. д. Третья ЛСГ «Явления» содержит в себе 9 терминов, называющих конкретные явления: *лазер, микроволны* и др.

Во фреймовой схеме (см. рис. 2) вокруг ядерного понятия «Биологические волновые воздействия» мы выделяем две базовые концепции:

1. Концепция *ультразвука*. Ультразвук употребляется как для *ультразвуковой диагностики* (напр. *нативной тканевой гармоники, трехмерной УЗ-визуализации* и т. д.), так и для *ультразвуковой терапии* (напр. *ультразвуковой хирургии*).

2. Концепция *электромагнитных волн*. Данный блок как субфрейм фрейма «Биологические волновые воздействия», в свою очередь, имеет такие подсубфреймы, как «*Микроволны*», «*Световые волны*», «*Ядерный магнитный резонанс/ЯМР*». В первый подсубфрейм входят концепт *СВЧ-томография*,

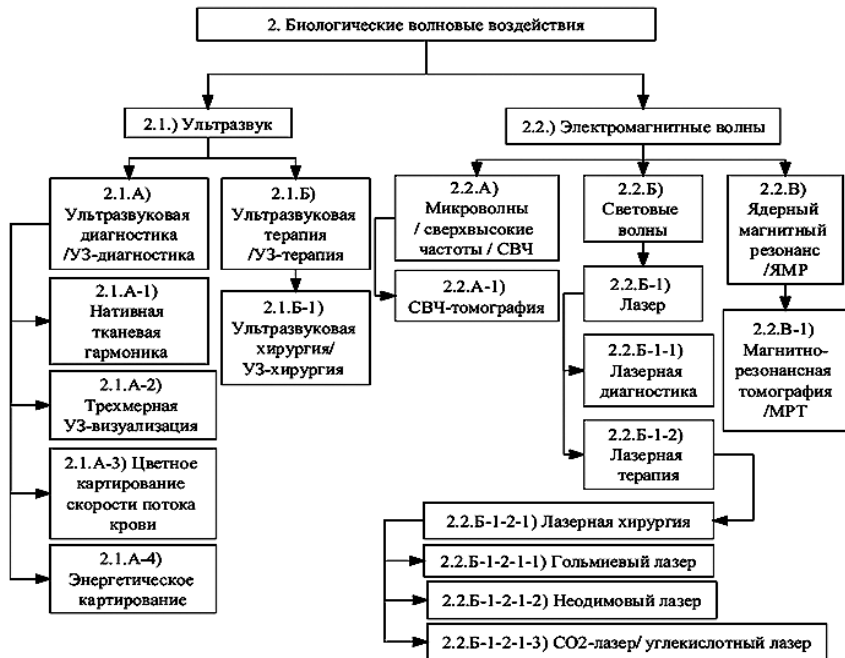

Рис. 2. Фреймовая схема «Биологические волновые воздействия»

Таблица 1
Список терминов в трех языках с индексификациями

Номер	Термин в русском языке	Термин в английском языке	Термин в китайском языке и его фонетическая транскрипция	Индексификация 1	Индексификация 2
1	Гольмиевый лазер	Holmium laser	钬激光 [Huǒ jīguāng]	2.3.a-1)	2.2.Б-1-2-1-1)
2	Лазер	Laser	激光 [Jīguāng]	2.3.a)	2.2.Б-1)
3	Лазерная диагностика	Laser diagnostics	激光诊断学 [Jīguāng zhěnduàn xué]	2.1.a)	2.2.Б-1-1)
4	Лазерная терапия	Laser therapy	激光治疗 [Jīguāng zhīliáo]	2.1.б)	2.2.Б-1-2)
5	Магнитно-резонансная томография / МРТ	Magnetic resonance imaging / MRI	磁共振成像 [Cí gòngzhèn chéngxiàng]	2.2.a)	2.2.Б-1)
6	Микроволны	Microwave	微波 [Wēibō]	2.3.б)	2.2.A)
7	Нативная тканевая гармоника	Tissue harmonic imaging / THI	自然组织谐波成像 [Zìrán zǔzhī xiébō chéngxiàng]	2.2.б)	2.1.A-1)
8	Неодимовый лазер	Neodymium laser	钕激光 [Nǐ jīguāng]	2.3.a-2)	2.2.Б-1-2-1-2)
9	Световые волны	Light wave	光波 [Guāng bō]	2.3.в)	2.2.Б)
10	СВЧ-томография	Microwave tomography / MWT	微波 CT [Wēibō CT]	2.2.в)	2.2.A-1)
11	СВЧ-радар	Microwave radar	微波雷达 [Wēibō léidá]	2.2.г)	2.2.A-2)

Продолжение таблицы 1

Номер	Термин в русском языке	Термин в английском языке	Термин в китайском языке и его фонетическая транскрипция	Индексификация 1	Индексификация 2
12	Трёхмерная УЗ-визуализация	Three-dimensional ultrasound imaging/ 3D ultrasound imaging	三维超声成像 [Sānwéi chāoshēng chéngxiàng]	2.2.д)	2.1.А-2)
13	СО ₂ -лазер	Carbon-dioxide laser/ CO2 laser	二氧化碳激光 / CO ₂ 激光 [èryānghuātàn jīguāng]	2.3.а-3)	2.2.В-1-2-1-3)
14	Ультразвук	Ultrasound	超声波 [Chāoshēng bō]	2.3.г)	2.1.)
15	Ультразвуковая диагностика / УЗ-диагностика	Ultrasound diagnostics	超声诊断学 [Chāoshēng zhěnduàn xué]	2.1.г)	2.1.А)
16	Ультразвуковая терапия / УЗ-терапия	Ultrasound therapy	超声治疗 [Chāoshēng zhīliáo]	2.1.д)	2.1.Б)
17	Ультразвуковая хирургия / УЗ-хирургия	Ultrasound surgery	超声手术 [Chāoshēng shǒushù]	2.1.е)	2.1.Б-1)
18	Цветное картирование скорости потока крови	Color Doppler flow imaging / CDFI	彩色多普勒血流成像 / 彩色多普勒血流显像 [Cǎisè duōpǔlè xuèliú chéngxiàng / Cǎisè duōpǔlè xuèliú xiǎnxiàng]	2.2.е)	2.1.А-3)
19	Электромагнитные волны	Electromagnetic waves	电磁波 [Diàncí bō]	2.3.д)	2.2.)
20	Энергетическое картирование	Colour Doppler energy imaging / CDE imaging / power Doppler imaging	彩色多普勒能量图 [Cǎisè duōpǔlè néngliáng tú]	2.2.ё)	2.1.А-4)
21	Ядерный магнитный резонанс / ядерно-магнитный резонанс / ЯМР	Nuclear magnetic resonance / NMR	核磁共振 [Hé cí gòngzhèn]	2.3.е)	2.2.В)

которым относится к применению микроволн в биомедицине; в блоке «Световые волны» главный концепт– *лазер*, который используется для именованных *лазерной диагностики* и *лазерной терапии* (напр. *лазерной хирургии*, при которой применяются *гольмиевый лазер*, *неодимовый лазер* и *СО₂-лазер*); третий подсубфрейм «*Ядерный магнитный резонанс/ЯМР*» содержит один концепт *магнитно-резонансная томография/МРТ*.

Следовательно, можем построить список терминов с индексификациями, указывающими их места в двух терминосистемах. Показываем фрагмент нашего терминологического словаря, который является трехязычным (см. таблицу 1, стр. 583–584).

Итак, на основе результата анализа полагаем, что в качестве необходимого компонента терминологического словаря выступает структура внутренней терминосистемы, организованная двумя способами – лексико-семантическим и когнитивным.

Литература

Головин Б. Н. О некоторых проблемах изучения терминов // Вестник Моск. ун-та. 1972. № 5. С. 49–59.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / Отв. ред. Т. Л. Канделаки. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2002.

Fillmore C. Frame Semantics // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. – Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.

Zhao Qihang (*Saint-Petersburg, Russia*)
Saint-Petersburg State University

COGNITIVE ASPECT OF STUDYING THE TERM SYSTEM WHEN COMPILING SPECIAL DICTIONARIES (based on biomedical engineering terms)

This study deals with the description of the terminological system by means of cognitive analysis when compiling special dictionaries using the terms of biomedical engineering as an example. The systematic nature of the analyzed terms from the point of view of the theory of frames is shown, a fragment of the dictionary is demonstrated.

Key words: term, term system, cognitive analysis, biomedical engineering, special dictionary.

Шевченко О. Г. (Новосибирск, Россия)
*Новосибирский государственный
технический университет
olga-ivleva@yandex.ru*

ПРЕДРЕДАКТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются вопросы предредактирования текстов для машинного перевода. Обосновывается необходимость предредактирования текстов для машинного перевода, обусловленные движением сознания переводчика от тождества к различиям и потребностью переводчика проявлять себя как субъекта эмпирического познания и субъекта понятийного осмысления.

Ключевые слова: предредактирование текстов, машинный перевод, лексико-грамматическая рекатегоризация, техники предредактирования, тождество.

Уже много лет системы машинного перевода помогают переводчикам осуществлять непростой переводческий процесс, обеспечивая коммуникацию между людьми. Качество машинного перевода стремительно улучшается, но никогда машина не сможет преодолеть разрыв между культурами, не освоит до конца системы языков и не распознает широкий контекст. В связи с этим возрастает потребность переводчика подготовить исходный текст (ИТ) к машинному переводу, сократив время на постредактирование. Предредактирование текста – это анализ ошибок, которые может сделать машина при переводе, их коррекция и (или) элиминация. По мнению исследователей, знание техник предредактирования помогает избежать большого количества ошибок, сокращает время и затраты переводчика [Коканова 2022: 25–29].

Считается, что основные препятствия в области технологий в переводческой деятельности не связаны с возможностями компьютера, а находятся в области непонимания переводческого процесса человеком. Поэтому переводчикам необходимы знания для создания полноценных программ, помогающих машине переводить текст [Проскурин 2021: 20; Алексеева 2022: 650]. Кроме того, всегда актуальны вопросы личностных особенностей переводческого процесса, тесно соприкасающиеся с организацией профессионального сознания и связанные с принятием переводческих решений [Леонтьева 2022: 15].

Цель исследования – объяснить необходимость предредактирования научных лингвистических текстов для подготовки их к нейронному машинному переводу (НМП) с точки зрения реализации переводческого стремления двигаться к тождеству, но преодолевая различия.

Тождество – своеобразный когнитивный вектор переводчика. Это принцип соответствия, к которому стремится переводчик. Различия исходят из специфики культуры, жанрового канона текста, личностного тезауруса переводчика. В условиях противоречия «тождество-различия» формируется переводческий дискурс, в котором действуют противоположные признаки. Такими признаками являются персональный или институциональный дискурс, объективные или субъективные принципы аргументации, симметричные переводческие решения или отклонения от последовательности ИТ при переводе [Воскобойник 2004: 5–6].

В институциональном дискурсе ключевое стремление переводчика – соответствовать структуре ИТ. В то же время, авторский замысел при переводе реализуется в соответствии с некой социокультурной целеустановкой. Эта целеустановка предписывает переводчику использовать жанровую модель, которую знает и ожидает от него адресат [Жолесникова 2016: 99]. Также требования соответствовать норме языка перевода (ПЯ) приводят к осознанию ограничения в выборе средств ПЯ.

Рассмотрим пример предложения, взятого из научного лингвистического текста, о роли перевода в постколониальном обществе. Авторы ИТ цитируют произведение, где уничижается роль английского языка.

(1) ИТ: *An alternative term for the stilted or standardizing **translationese** we discussed in Unit 2, **translationese** is viewed by Spivak as a 'a species of neo-colonialist construction of the non-western scene' since the dominant but characterless English that results (it is English that is the dominant TL) erases the speech patterns and differences of the huge range of 'third-world' feminist voices: 'In the act of wholesale translation into English there can be a betrayal of the democratic ideal into the law of the strongest' [Hatim 2004: 107].*

Рассмотрим перевод, выполненный системой нейронного машинного перевода Yandex. Translate:

(НМП 1): *Альтернативный термин для неестественного или стандартизированного, переводческого языка, который мы обсуждали в Блок 2, translationese рассматривается Спивак как «разновидность неокolonиалистского конструиования незападной сцены», поскольку доминирующий, но бесхарактерный английский, который получается в результате (именно английский является доминирующим языком), стирает речевые паттерны и многообразия голосов феминисток 'третьего мира': 'В акте массового перевода на английский язык может произойти предательство демократических идеалов в пользу закона сильнейшего'.*

В ситуации, когда ИТ представляет полипредикативное предложение, содержащее описание нескольких денотативных ситуаций, система НМП не справляется. Переводчик, принимая во внимание разницу в системах двух

языков, выполняет предредактирование, раскрывая связи между частями предложения и, тем самым, преодолевает различия, движется к тождеству.

В анализируемом предложении автор ИТ, как субъект понятийного осмысления и оценки, интерпретирует событие ОСУЖДЕНИЕ (вероятно, на основе гендерных моделей социальной категоризации) с помощью метафор: «измена», «стирать речевые шаблоны». Синтаксически предложение с вынесением объекта в препозицию перед подлежащим и сказуемым, не характерно для английского языка. Части сложного предложения связаны коннектором *since*, который может выполнять функцию выражения периода действия, а имплицитно в то же время выражать причинно-следственные отношения между частями предложения.

На этапе предредактирования переводчик учитывает разницу в жанровом каноне текста на ИЯ и ПЯ. Действительности –1 (на ИЯ) и –2 (на ПЯ) описываются по-разному, поскольку существует асимметрия жанров в языках, обусловленная разными требованиями к структуре и стилю текстов жанра научной статьи. Ожидается, что научный текст на русском языке будет менее живой, более нейтральный в выражениях оценочных суждений. Эта специфичность вынуждает переводчика при предредактировании нейтрализовать оценочные высказывания автора ИТ, производя сдвиг категоризации с абстрактного на более конкретный уровень.

Таким образом, придется прибегать к линейным отклонениям от последовательности текста ИЯ (объективная аргументация в данном случае диктует применить добавления). Как субъект понятийного осмысления, переводчик производит грамматическую рекатегоризацию: добавляет безличную конструкцию *there exists*. Возможные трансформации, которые переводчик может сделать при предредактировании – это произвести демегафоризацию, выбрать нейтральное слово, описывающее отношение автора к английскому языку (требование институционального дискурса и жанрового канона научного текста), членение предложения, замена средства когезии. Аббревиатуры расшифровываются, добавляются инициалы к имени собственному.

Рассмотрим пример анализируемого предложения после того, как переводчик выполнил предредактирование. Добавленные или замененные части предложения выделены полужирным курсивом:

(1.1) Предредактирование ИТ: ***There exists** an alternative term for the tilted or standardizing translationese we discussed in Unit 2. Translationese is viewed by G. Spivak as a 'a species of neo-colonialist construction of the non-western scene' because the dominant but **unimpressive** English that is used everywhere (it is English that is the dominant **target language**) erases the speech patterns and differences of the huge range of 'third-world' feminist voices: **In the***

situation of wholesale translation into English there can be a transformation of the democratic ideal into the law of the strongest'.

(НМП 1.1) После предредактирования: *Существует альтернативный термин для неестественного или стандартизированного языка перевода **translationese**, который мы обсуждали в разделе 2. Г. Спивак рассматривает **translatese** (переводческий язык, находящийся под влиянием иноязычных форм) как «разновидность неокOLONиалистской конструкции незападной сцены», потому что доминирующий, но не впечатляющий английский, который распространён везде (именно английский является доминирующим языком перевода), стирает речевые шаблоны и различия огромного диапазона феминистских голосов «третьего мира»: «В ситуации массового перевода на английский язык может произойти трансформация демократического идеала в закон сильнейшего».*

Описание терминов (*translationese* и *translatese*) мы добавили в скобки. В русском переводе необходимо оставлять термины в исходной графике.

Таким образом, анализ результатов НМП и предредактирования позволяет сделать несколько выводов:

1. Предредактирование является частью работы переводчика, облегчая постредакторскую работу и сокращая время на редактирование.

2. Переводчик выполняет предредактирование, которое служит когнитивным вектором при движении сознания от различий к тождеству.

3. Самыми распространенными техниками предредактирования научных текстов для машинного перевода с английского языка на русский являются членение предложения, добавление недостающих элементов предложения и нейтрализация оценочной лексики.

Литература

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Понятие переводящей личности в когнитивном переводоведении // Когнитивные исследования языка. 2022. № 3 (50). С. 649–652.

Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 15–16 сентября 2022 г. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. С. 649–652.

Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.

Колесникова Н. И., Ридная Ю. В. Жанровая модель научной статьи на русском и английском языках // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 98–105.

Леонтьева К. И. Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2022.

Проскурин С. Г. История перевода. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021.

Hatim B., J. Munday Translation. An advanced resource book. London and New York: Routledge, 2004.

Kokanova E. S., Berendyaev M. V., Kulikov N. Yu. Pre-editing English news texts for machine translation into Russian // *Language Studies and Modern Humanities*. 2022, vol. 4, no. 1, pp. 25–30. URL: <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-25-30>.

O. G. Shevchenko (*Novosibirsk, Russia*)
Novosibirsk State Technical University

TEXT PRE-EDITING FOR MACHINE TRANSLATION: A COGNITIVE APPROACH

The article deals with the issues of pre-editing of texts for machine translation. The necessity of pre-editing texts for machine translation is substantiated, due to the movement of the translator's consciousness from identity to differences and the translator's need to manifest himself as a subject of empirical knowledge and a subject of conceptual understanding.

Key words: pre-editing, machine translation, lexical and grammatical recategorization, pre-editing techniques, identity.

VII. КОГНИЦИЯ И ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

*О. Б. Абакумова (Орел, Россия)
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева*

ПОСЛОВИЦЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КИНОДИСКУРСА

Исследование имеет целью развитие теории и методов анализа роли пословиц среди вербальных и невербальных средств языка кинодискурса. В качестве материала анализируется экранизация романа А. Островского «Бесприданница», по мотивам которого поставлен фильм Э. Рязанова «Жестокий романс». Предлагается комплексный подход, который помогает описать взаимодействие образов внутренней формы пословиц с невербальными единицами языка кино для создания уникальной системы образов данного художественного произведения и передачи главного послания авторов фильма зрителю.

Ключевые слова: художественный дискурс, пословица, когнитивно-дискурсивное моделирование, система образов кинофильма.

В структуре художественного фильма пословицы реализуют свой экспрессивно-образный потенциал, а также приобретают новые коннотации, поскольку сопровождаются зрительными образами, жестами и мимикой персонажей, а в трансформированном виде становятся более экспрессивными, так как на поверхность выходит их внутренняя форма, оживляются стертые метафоры и клише, символы и стереотипы и возникают новые ассоциации, которые способствуют созданию уникальной системы образов, характерной для данного фильма. Процесс формирования системы образов фильма в совокупности с семантической макроструктурой художественного текста изучается нами посредством применения ряда методов: метода фреймовых семантик, лингвокультурологической реконструкции семантики вербальных и невербальных единиц языка кино, основанного на теории метафорических концептов Лакоффа и Джонсона, а также когнитивно-коммуникативного моделирования смысла пословицы в дискурсе (о специфике использования методов анализа разных типов дискурсов см., например: [Беляевская 2011, Болдырев 2021, Абакумова 2022]).

Исследование было проведено на основе фильма «Жестокий романс», поставленного по мотивам произведения А. Н. Островского «Бесприданница», и его перевода в виде субтитров на английском языке. Собранный материал (9 паремических единиц и их трансформов) демонстрирует разные образы и способы передачи главного послания автора зрителю. Для анализа смысла пословицы в дискурсе и подбора переводного эквивалента использовалась когнитивно-дискурсивная модель актуализации пословицы в дискурсе (КДМ). Мы понимаем пословицы как практические оценочные суждения, фразеологизмы с закрытой предикативной структурой, которые функционируют в тексте/дискурсе как косвенные речевые акты, служат тактическим средством реализации коммуникативного действия говорящего и способствуют передаче главного послания автора художественного произведения читателю/зрителю, поскольку входят в семантическую микро- и макроструктуру текста. Художественный фильм понимается в нашей работе как семиотическая система, объединяющая возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания, взятого в совокупности с невербальными средствами коммуникации.

Наибольшую коммуникативную нагрузку несет название художественного произведения, которое своей противоречивой сочетаемостью задает вектор системы образов. Фильм начинается образами золотых куполов русской православной церкви, которые то приближаются, то удаляются по ходу движения парохода и сопровождаются пейзажами русской природы по обеим сторонам реки, то синим, то серым, но постоянно меняющимся по цвету, покрытым облаками небом и волшебной романтической музыкой А. Петрова. Крики чаек на фоне грозного неба как будто предвещают несчастливый конец повествования. Среди этих образов возникает лицо главной героини, ведущей беседу с Карандышевым, который приглашает ее в театр, но получает отказ, поскольку она уже приглашена на этот спектакль более дорогим ее сердцу Паратовым. Главный герой появляется скачущим как сказочный рыцарь в белом плаще на белом коне и в самый последний момент вбегает на палубу уходящего парохода. Система невербальных единиц языка кино уже подготовила зрителя к романтическому восприятию событий, но на этом романтическом фоне по контрасту начинает развиваться жестокая жизненная драма, связанная с классовым расслоением общества, в котором бал вершат материальные ценности. Именно эта, материальная, сторона жизни героев представлена семантикой и образами внутренней формы паремических единиц, которыми так богат текст А. Островского и фильм Э. Рязанова. Перечислим основные фразеологические единицы, которые фиксируют ключевые моменты сюжетной линии и в своей совокупности передают главное послание автора зрителю.

Сюжетная линия фильма начинается шумной беседой в гостиной дома Огудаловых, когда обедневшая вдова отдает замуж среднюю дочь за иноверца. Невеста в слезах просит мать не отпускать ее в Тифлис, но судьба ее уже решена. Равнодушные к чужим несчастьям гости оживленно обсуждают городской фольклор, в котором в стихах рекомендуется брать взятки (*Бери всегда, бери везде, бери что можешь взять. На то и созданы нам руки, чтоб брать и брать*), а также посещение судебных учреждений, в которые *«войдешь одетым, а выйдешь раздетым и разутым»*. Разговор хорошо обеспеченных героев фильма, вершителю судеб жителей города, также связан с деньгами, но с других позиций. Они дают оценку людям, но сами не стремятся оказать помощь бескорыстно, ищут свою выгоду (*Всякому товару цена есть; На одном проиграем, на другом выиграем; На вкус да на цвет образца-то нет; У каждого свой вкус: один любит арбуз, а другой свиной хрящик*). Таким образом, в ряд предметов, которым назначается цена, попадает и героиня фильма. Оставленная неожиданно уехавшим возлюбленным, потом банкротом-женихом, которого забрали в тюрьму за растрату, Лариса решается выйти замуж за первого встречного, им становится Карандышев. Бедная девушка хочет поскорее уехать в деревню, но жених полон амбиций и больше думает о своем положении в обществе, чем о чувствах девушки: *«Венчание должно быть обязательно в городе, чтобы люди не думали, что я вам не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий»*. Во время обеда, который устраивает Карандышев перед свадьбой, Паратову легко удается напоить его, выставить в дурном свете и уговорить Ларису поехать со всей компанией на прогулку на пароходе. На пожелание приятелей о том, чтобы уговорить невесту незадачливого хозяина поехать с ними Паратов хвастливо отвечает: *«На свете нет ничего невозможного»*. Мокий Парфеныч, уходя со званого обеда голодным и трезвым говорит: *«Хорошего понемножку»*, указывая таким образом на приближение развязки. После трагических событий на корабле богатые поклонники решают судьбу девушки, одним броском монеты: *орел или решка*, продолжая при этом считать себя порядочными людьми, верными своим принципам и купеческому слову (*Давши слово, держись, а не давши – крепись*).

Рассмотрим пример реализации смысла пословицы в бытовом диалоге фильма с помощью модели КДМ.

Карандышев (еле удерживаясь на ногах и с трудом подбирая слова, делая длинные паузы): Вот вы, господа, сегодня все восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Но самый главный талан моей невесты – это тот, что она знает, что не все то золото, что блестит, и умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружали ее: но она мишурым

блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного... И я благодарен ей за оказанное предпочтение... (Э. Рязанов «Жестокий романс»).

Коммуникативная составляющая: говорящий использует социально-ориентированную коммуникативную стратегию, без учета интересов девушки, которую якобы любит. Упаковочный компонент высказывания соответствует выбранной стратегии. Оператор: желая убедить вас в своем превосходстве;

Когнитивная составляющая как развертывание пословичного сценария в результате наложения трех типов фреймов, основанных на семантике качественных предикатов *быть, блеснуть и отличать* (каллитатив высокой ценности).

Образный фрейм: описывается предмет высокой ценности, который отличается от других внешне и внутренне по своему качеству.

Окказиональный фрейм: в центре ситуации находится человек, который не имеет выдающихся внешних характеристик, но, по его мнению, обладает высокими внутренними качествами, которого можно описать как человека достойного.

Обобщенный фрейм: 4-я логико-семиотическая модель Г.Л. Пермякова: если две вещи связаны, и одна из них обладает каким-либо свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй. Если один человек обладает высокими моральными качествами, а другой нет, то первый в первую очередь достоин быть избранным.

Оператор: я говорю, что она умеет выбирать и выбрала меня.

Экспрессивная составляющая: говорящий выдает желаемое за действительное, когда выражает уверенность, что невеста выбрала его за его выдающиеся качества. Он положительно оценивает ситуацию, которая должна повысить его авторитет и репутацию в обществе, благодаря женитьбе на девушке из благородной, хотя и обедневшей, семьи. Оператор: я думаю вы понимаете, что это справедливо.

Нормативно-регулятивная составляющая: опираясь на этические нормы взаимодействия (нельзя быть неблагодарным, нужно помогать людям), он, тем не менее, нарушает нормы контакта (не следует быть высокомерным, нужно думать об интересах других людей) и нормы благоразумия (не следует принимать необдуманных решений) и всем окружающим, кроме него, ясно, что он терпит неудачу. Оператор: сделайте вывод: я достойный человек.

Литература

Абакумова О. Б. Пословицы и их окказиональные трансформы в семантической микро- и макроструктуре художественного текста // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики. Орел: «Картуш», 2022. С. 55–60.

Беляевская Е. Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. тр. к 100-летию И. И. Чернышевой. М.: ИПК МГЛУ: «Рема», 2011. С. 13–30.

Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 2 (45). С. 34–44.

О. В. Абакумова (*Oryol, Russia*)
Oryol State University named after I. S. Turgenev

PROVERBS IN THE SYSTEM OF ARTISTIC IMAGES IN FILM DISCOURSE

The research aims to develop the theory and methods of study of creative potential of proverbs among the verbal and non-verbal units of the semiotic system of the feature film. The adaptation of drama by A. N. Ostrovsky is analysed. The complex approach makes it possible to show the interaction of images in the inner form of proverbs with the non-verbal units in creating the unique semiotic system of the given feature film.

Key words: feature film discourse, proverb, cognition-discourse modelling, image system of the feature film.

И. В. Ваишунина (*Москва, Россия*)
*Российский университет Дружбы народов/
Московский государственный лингвистический университет*
vashunina@yandex.ru

М. В. Зимица (*Нижний Новгород, Россия*)
*Нижегородский государственный педагогический
университет имени К. Минина*
zimica2312@yandex.ru

ИЛЛЮСТРИРОВАНИЕ ТЕКСТА КАК СПОСОБ ИЗМЕНЕНИЯ ЕГО СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ

Статья представляет результаты эксперимента, проведенного с целью изучения смыслового восприятия креолизованных текстов. Материал исследования – вербальный текст и два креолизованных текста. Метод исследования – шкалирование. Установлено, что любая иллюстрация повышает оценки по шкалам *плохой – хороший, расслабленный – напряженный, чужой – родной, спокойный – тревожный*, понижает по шкалам *легкий – тяжелый, маленький – большой, простой – сложный*.

Ключевые слова: креолизованный текст, экспериментальное исследование, шкалирование, изменение смыслового восприятия текста, креолизация.

Полимодальное представление информации в последние десятилетия находится в фокусе внимания исследователей, так как развитие технологий сделало полимодальность практически неотъемлемой характеристикой текста в СМИ и Интернете. Десятилетия исследований утвердили ученых в понимании того факта, что иллюстрация не просто украшает вербальный текст, «развлекает» читателя и облегчает восприятие информации, но и определенным образом трансформирует смысл вербального текста. Основной проблемой является бесконечное многообразие изображений, обладающих различными формальными и содержательными параметрами, что осложняет формулировку теоретических положений, касающихся восприятия полимодальных феноменов. Решить эту проблему можно только путем практических исследований. В статье представлены результаты эксперимента, целью которого являлось обнаружение закономерностей изменения смыслового восприятия текста под воздействием входящей в его состав иллюстрации.

Материал исследования представлял собой три текста. Вербальный текст является сокращенной статьей с сайта ООН от 16 ноября 2022 года (<https://news.un.org/en/story/2022/11/1130677>). Он посвящен проблемам, которые несет с собой изменение климата: деградация окружающей среды и как следствие утрата биоразнообразия, угроза коралловым рифам и популяции белых медведей. Из этого вербального текста было создано два креолизованных текста (КТ): в одном из них изображение представляет собой фотографию кораллового рифа с голубой водой и красивыми яркими рыбками (мы условно обозначили это КТ мажорным), во втором иконическая часть – это фотография истощенного умирающего белого медведя на фоне растаявшей земли (условно КТ назван минорным).

В качестве метода исследования применялось шкалирование по 15-балльным 7-балльным (от -3 до +3) шкалам.

Анализ полученных результатов (они представлены в Таблице 1), показывает, что практически всегда наблюдается изменение оценки КТ по сравнению с вербальным текстом, что объясняется воздействием входящей в состав КТ иллюстрации.

Для некоторых шкал обнаружено однонаправленное изменение оценки при иллюстрировании: обе иллюстрации при добавлении к тексту или понижают, или повышают его оценку (хотя и в разной степени). В таких случаях мы будем считать, что сам факт иллюстрирования обладает воздействием потенциалом (хотя, конечно, не утверждаем, что любая иллюстрация будет воздействовать таким образом – это подлежит проверке).

Повышение оценок происходит по шкалам *плохой – хороший*, *расслабленный – напряженный*, *чужой – родной*, *спокойный – тревожный*. При этом

Таблица 1

Средние оценки вербального текста и креолизованных текстов

шкала	Вербальный текст	КТ с мажорной иллюстрацией	КТ с минорной иллюстрацией	шкала
лёгкий	0,95	-0,95	-0,25	тяжёлый
слабый	0,95	1,45	0,6	сильный
плохой	0,65	1,8	0,85	хороший
маленький	-0,5	-1,5	-1,45	большой
светлый	0,65	0,6	1,05	темный
пассивный	0,6	0,1	1	активный
противный	-0,4	0,15	-0,9	приятный
холодный	-0,7	-0,7	-1,5	горячий
простой	0,7	-0,55	-0,8	сложный
расслабленный	1,3	1,75	1,8	напряженный
чужой	-0,4	-0,2	-0,3	родной
медленный	0,55	0,9	0,55	быстрый
унылый	-1,35	-0,8	-1,75	жизнерадостный
глупый	1,9	1,9	1,45	умный
спокойный	1,35	2	1,8	тревожный

не наблюдается смены знака оценки вербального текста на противоположный: оценки обоих КТ остаются в той же области, что и оценки вербального текста, только в результате креолизации отрицательные оценки уменьшаются в абсолютной величине (то есть текст становится *менее...*), а положительные возрастают (то есть текст становится *более...*). КТ оцениваются как более *хорошие*, менее *чужие*, потому что тексты с иллюстрациями более удобны для восприятия, интереснее, в некотором смысле «лучше» и «ближе». Они более *напряженные* и *тревожные*, так как использование цветов создает некоторое зрительное напряжение, беспокоит. Мы считаем, что это воздействие именно цветовой гаммы, потому что КТ с изображением умирающего медведя (по содержанию картинки более тревожный) оценивается несколько

менее *тревожным*, чем КТ с фотографией кораллового рифа (которая гораздо более многоцветна).

Понижение оценок при креолизации происходит по шкалам *легкий – тяжелый, маленький – большой, простой – сложный*. Особый интерес представляют случаи изменения знака оценки: вербальный текст оценивался как *тяжелый и сложный*, а оба КТ как *легкие и простые*. В этом случае, вероятно, нужно также вести речь о повышении комфортности восприятия при добавлении картинки». Эти данные подтверждают эффективность использования иллюстраций для представления сложных текстов. Довольно неожиданной является оценка обоих КТ как более *маленьких*. Очевидно, реципиенты так ощущают некоторое «сужение» содержания вербального текста, которое всегда происходит при иллюстрировании: предлагая визуальное представление, автор блокирует возникновение собственных образов в сознании испытуемых (подробнее об этом см.: [Вашунина 2007]).

По остальным шкалам действие креолизации разнонаправленное: одна иллюстрация повышает оценку, а другая понижает. Это означает, что в таких случаях играет роль содержание и/ или формальная сторона изображений.

Сначала рассмотрим шкалы, по которым мажорная иллюстрация повышает абсолютную оценку текста, а минорная понижает ее. В отдельных случаях одна из иллюстраций не оказывает влияния на оценку текста. По шкале *слабый – сильный* все тексты оцениваются как *сильные*. Добавление мажорной иллюстрации делает текст более *сильным*, а добавление минорной иллюстрации – менее *сильным*. Здесь наблюдается воздействие содержания изображения: сила природы кораллового рифа и слабость умирающего медведя. По шкале *медленный – быстрый* все тексты оцениваются как *быстрые*, минорная иллюстрация не меняет оценку текста, а мажорная повышает ее почти вдвое, что объясняется содержанием иллюстрации: рыбки всегда видятся в довольно быстром движении. По шкале *унылый – жизнерадостный* все тексты *унылые*, мажорная («веселая») иллюстрация повышает оценку текста, а изображение умирающего медведя понижает ее. По шкале *глупый – умный* все тексты *умные*. Мажорная иллюстрация не влияет на оценку, а минорная иллюстрация ее понижает. Минорная иллюстрация неприятна реципиентам, описывает трагическую ситуацию, поэтому понижение оценки текста как менее *умного*, вероятно, связано с нежеланием читателей воспринимать неприятную информацию. Этот эффект был обнаружен в одной из серий экспериментов [Вашунина 2007]. На протяжении многих лет исследований подобные случаи повторялись, и на материале настоящего эксперимента наблюдается еще

один. Суть эффекта заключается в том, что если реципиентам неприятно содержание изображения, то происходит понижение оценок не только по фактору ОЦЕНКА (например, по шкале *хороший – плохой*, и т. п.), но и по фактору СОДЕРЖАНИЕ: понижается оценка текста как *умного, содержательного* и пр.

В следующей группе шкал к повышению абсолютных оценок приводит минорная иллюстрация, в то время как мажорная ее их понижает (или почти не влияет). По шкале *светлый – темный* все тексты темные, мажорная иллюстрация практически не влияет на оценку, а минорная приводит к оценке текста как более *темного*. В этом случае происходит оценка содержания вербального текста и изображения. Интересна динамика оценок по шкале *пассивный – активный* (все тексты *активные*): мажорная иллюстрация почти устраняет ощущение активности, а минорная, напротив, повышает его. Этой шкалой описана реакция на ситуацию: мажорная иллюстрация (позитивно оцениваемая ситуация) умиротворяет и не требует активности, а минорная (в общем-то, трагическая) как бы призывает что-то делать, как-то помочь. По шкале *холодный – теплый* все тексты холодные, мажорная иллюстрация не меняет оценку текста, а минорная ее понижает (возможно, потому что белый медведь ассоциируется с холодным климатом). По шкале *противный – приятный* мажорная иллюстрация меняет отрицательный знак оценки текста на положительный, а минорная иллюстрация делает текст еще более *противным*. Такие оценки объясняются содержанием вербального текста и изображений.

Обобщая результаты исследования, можно сделать несколько выводов. Во-первых, есть ряд шкал, оценку по которым может регулировать визуализация (любое иллюстрирование). Вероятно, этот вывод не универсален, можно предположить, что использование параметров иллюстрации с большим воздейственным потенциалом в определенном аспекте, может изменить результаты. Во-вторых, подтвердились выводы, сделанные в ходе предшествующих исследований, о возможности смены знака оценки текста по некоторым шкалам в результате креолизации. Это означает возможность глобального изменения смыслового восприятия текста в определенных аспектах. В-третьих, использование определенных содержательных и/или формальных параметров изображения может привести к изменению восприятия содержания текста.

Литература

Ващунина И. В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Нижний Новгород: НГПУ, 2007.

I. V. Vashunina (Moscow, Russia)

RUDN University/

Moscow State Linguistic University

M. V. Zimina (Nizhny Novgorod, Russia)

*Nizhny Novgorod State Pedagogical University
named after K. Minin*

ILLUSTRATING A TEXT AS A WAY TO CHANGE ITS SEMANTIC PERCEPTION

The article presents the results of an experiment conducted to study the semantic perception of creolized texts. The research material is a verbal text and two creolized texts. The research method is scaling. It has been established that any illustration increases grades on the scales of bad – good, relaxed – tense, alien – native, calm – anxious, lowers on the scales of light – heavy, small – large, simple – complex.

Key words: creolized text, experimental study, scaling, change of semantic perception of the text, creolization.

Е. Ю. Воякина, М. Н. Макеева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный технический университет
voyackina.elena@yandex.ru*

СРАВНЕНИЕ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (на материале интернет-мемов)

В статье рассматривается когнитивный механизм сравнения как один из базовых способов интерпретации современной действительности. Материалом для анализа послужили интернет-мемы, реализующие механизм сравнения посредством концептуальных оппозиций «свой» – «чужой» и «ожидание» – «реальность». Установлено, что исследуемые оппозиции участвуют в процессе структурирования индивидуальной и лингвокультурной картин мира.

Ключевые слова: интернет-мем, интерпретация, картина мира, когнитивный механизм, сравнение.

Восприятие и интерпретация окружающей действительности является сложным процессом, реализующимся с помощью различных когнитивных механизмов, которые репрезентируются в языке. Процесс интерпрета-

ции является базовым процессом познавательной деятельности человека и участвует в формировании языковой и лингвокультурной картин мира. Н. Н. Болдырев рассматривает понятие интерпретации в широком смысле как «любую мыслительную операцию, направленную на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня» и узком – как «языковую познавательную активность отдельного индивида, раскрывающую в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [Болдырев 2011: 11].

В качестве одного из важнейших механизмов, реализующих интерпретирующую функцию для выражения знаний об окружающем мире, выступает сравнение, основанное на сопоставлении интерпретируемого объекта или явления действительности с уже известным человеку объектом или явлением по общему признаку. В когнитивной лингвистике сравнение трактуется как вид познавательной деятельности, направленный на восприятие и интерпретацию информации на ментальном и эмоциональном уровнях [Денисова 2022; Langacker 2008; Talmy 2000].

Личный и коллективный опыт играет важную роль в выборе знаков сравнения, образного или буквального. Отбор знаков сравнения основывается на антропоцентрическом принципе, при котором все явления действительности рассматриваются сквозь призму человеческого сознания, преломляясь и видоизменяясь в зависимости от культурной принадлежности и ценностных установок, доминирующих в обществе в определенный период исторического развития.

В связи с тем, что современная коммуникация переместилась в интернет-пространство, процесс интерпретации человеком действительности осуществляется в том числе посредством обращения к различным формам интернет-коммуникации, включая креолизованные тексты, а именно интернет-мемы, в которых большую роль играет как текстовый компонент, так и визуальный контент. Когнитивный механизм сравнения нередко является основой создания интернет-мемов, в которых актуализируется весь накопленный опыт человека, его оценочная деятельность, зависящая как от индивидуальной концептуальной системы отдельного индивида, так и от концептуальной системы определенного лингвокультурного сообщества.

Продуктивными формами реализации когнитивного механизма сравнения являются концептуальные оппозиции «свой» – «чужой» и «ожидание» – «реальность», основанные на противопоставлении объектов или явлений действительности по определенному признаку. Бинарный характер данных оппозиций напрямую свидетельствует об их участии в процессе категоризации, при котором элементы из взаимоисключающих категорий являются логическими противоположностями, позволяющими интерпретировать новую реальность с использованием имеющегося опыта.

Интернет-мем как распространенная форма современной интернет-коммуникации является, с одной стороны, информационным продуктом, с другой стороны – средством выражения оценки и реализации прагматического воздействия на адресата. Мем в культурном пространстве интернета служит способом идентификации бинарной оппозиции «свой» – «чужой», отражающей возникающие в обществе мнения по поводу острых социальных, политических и экономических проблем. Л. И. Гришаева рассматривает оппозицию «свой» – «чужой» как базовую когнитивную рамку, сквозь которую фильтруются сведения для дальнейшей когнитивной обработки в процессе идентификации и формирования национальной идентичности [Гришаева 2007].

В связи с актуализацией инфоповода, связанного с политическими и экономическими событиями на российской и международной арене, в сегодняшних интернет-мемах ярко отражена оппозиция «свой» – «чужой». Авторы мемов описывают происходящее с позиций своих социокультурных традиций, стереотипов, ценностных ориентаций, в которых «свои» действия описываются с положительной стороны, а «чужие» – с отрицательной. Следующий мем, в котором Россия представлена в образе могучего медведя, пытающегося бороться с потоком санкций, наглядно демонстрирует санкционную политику Запада, направленного против России (рис. 1).

Рис. 1. Интернет-мем, демонстрирующий оппозицию «свой» – «чужой»
(источник: <https://diletant-ik.mirtesen.ru/blog/43534494962/Sanktsii-Davay-eschyo->)

Использование рассматриваемой оппозиции в интернет-мемах, противопоставление «своих» и «чужих» способствует внутренней мобилизации нации против внешней угрозы, при которой внутренние противоречия между «своими» становятся не столь значимыми по сравнению с противоречиями группы «чужих». При этом важную роль играет оценочный компонент сравнения, нацеленный на формирование определенного общественного мнения по поводу описываемой ситуации. Следует подчеркнуть, что адресат в первую очередь воспримет эмоциональную окраску, в том числе визуальный компонент мема, дополняющий текстовую часть, а иногда и доминирующий над ней в зависимости от степени креолизации.

Другим продуктивным приемом реализации когнитивного механизма сравнения в интернет-мемах является концептуальная оппозиция «ожидание» – «реальность». С точки зрения нейробиологии восприятие человека может объясняться через теорию «контролируемых галлюцинаций», которая предполагает, что процесс восприятия зависит не от информации, получаемой из сенсорных источников, а от сравнения реального опыта индивида и его смоделированных ожиданий. Таким образом, вместо получения и обработки сенсорной информации о реальном мире человеческий мозг строит гипотезы о том, как устроен мир, после чего использует

Рис. 2. Интернет-мем, демонстрирующий оппозицию «ожидание» – «реальность» (источник: <https://ucrazy.ru/pictures/1356060181-ozhidanie-vs-realnost.html>)

эти представления для интерпретации реального опыта и заполнения недостающих лакун.

«Ожидание» представляет собой сконструированный мысленный план в виде сценария будущих событий, в той или иной степени сопоставимых с объективной реальностью. Причем «ожидание» является идеализированным конструктом плана разворачивания событий в будущем, в то время как «реальность» создает эффект обманутого ожидания, которому свойственен иронический характер. В основе данной оппозиции лежит когнитивный механизм контрастного сопоставления. Интернет-мем, представленный на рис. 2 (стр. 604), демонстрирует эффект обманутого ожидания, выражаемый через оппозицию «ожидание» – «реальность». Эффект обманутого ожидания реализуется через фразу-установку об открытии собственного бизнеса, когда вместо ожидаемого результата стать богатым человеком (с ссылкой к известному миллиардеру Б. Гейтсу) предлагается изображение недовольного уличного торговца арбузами.

Анализ интернет-мемов показывает, что, с одной стороны, ожидания можно определить как способ вероятного (желаемого) развития событий, в то время как реальность отражает настоящее положение вещей. С другой стороны, восприятие и интерпретация ожидаемого и реального включает субъективный опыт человека, который может отличаться от опыта других людей в зависимости от их ценностных установок и индивидуального опыта.

Таким образом, когнитивный механизм сравнения, реализующийся в интернет-мемах посредством концептуальных оппозиций «свой» – «чужой» и «ожидание» – «реальность», выступает в качестве одного из базовых элементов когнитивной деятельности человека и демонстрирует его включенность в процесс формирования и структурирования индивидуальной и лингвокультурной картин мира. Механизм сравнения в интернет-мемах участвует в процессе интерпретации окружающей действительности путем заполнения недостающих пробелов в системе знаний человека о мире и формирования определенных ценностных ориентиров в рамках описываемых ситуаций.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2011. № 33 (248). С. 11–16.

Гришаева Л. И. Диспозиция «свой – чужой» и выбор языковых средств в коммуникации // Диспозиция «свой – чужой» в культуре: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. С. 176–190.

Денисова Г. Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: проекция на систему, высказывание и текст: монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2022.

Langacker R. W. Cognitive grammar: A basic introduction. N. Y.: Oxford University Press, 2008.

Talmy L. Toward a cognitive semantics: Concept structuring systems: in 2 vols. Cambridge (Mass.); L.: MIT Press, 2000. Vol. I.

E. Yu. Voyakina, M. N. Makeeva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

**COMPARISON AS A COGNITIVE MECHANISM
FOR INTERPRETING MODERN REALITY
(based on Internet memes)**

The paper considers the cognitive mechanism of comparison as one of the basic ways of modern reality interpretation. The analyzed material included Internet memes implementing the mechanism of comparison through conceptual oppositions “one’s own” – “alien” and “expectation” – “reality”. It has been established that the studied oppositions are involved in the process of structuring the individual and linguocultural pictures of the world.

Key words: Internet meme, interpretation, picture of the world, cognitive mechanism, comparison.

К. В. Голубина, Э. В. Кумуржи
(Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
k.golubina@linguanet.ru, k-evi@mail.ru

**ИКОНИЧНОСТЬ И МЕТАФОРИЗАЦИЯ
В ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ ВИЗУАЛЬНО-
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДАЛЬНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ДЛЯ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи между иконичностью и метафоризацией в жестовых языках. Краткий обзор литературы высвечивает основные перспективные направления исследований в этой области применительно к русскому жестовому языку (РЖЯ). Анализ жестов РЖЯ, обозначающих время и действие, раскрывает взаимосвязь иконичности и метафоризации и демонстрирует принцип ограничения двойной проекции в жестовых языках.

Ключевые слова: жестовые языки, русский жестовый язык, иконичность, метафорическое расширение, принцип ограничения двойной проекции.

В течение длительного времени иконичность жестовых языков представляла основной интерес для ученых и в итоге приобрела статус, граничащий с аксиомой. Вместе с тем, в лингвистических исследованиях жестовых языков во второй половине прошлого столетия роль иконичности в жестовых языках неоднократно подвергалась сомнению, причиной которого считалась как не вполне оправданная аналогия между жестом как единицей жестового языка и пантомимой, так и структуралистский подход в лингвистике, рассматривающий язык как автономную, самодостаточную систему.

С появлением функциональной и, далее, когнитивной лингвистики изменилась и парадигма исследования жестовых языков. Внимание лингвистов к вопросам иконичности в языке в целом (см. Хайман, Гивон), исследования концептуальных метафор [Lakoff and Johnson 1980], к взаимосвязи формы и значения на всех уровнях языковой структуры [Taub 2001] создали условия для более детального рассмотрения взаимосвязи иконичности и метафоризации в жестовых языках на рубеже 20-го века.

В исследованиях жестовых языков последних 40–45 лет фокус внимания ученых значительно расширился. Появились новые работы, посвященные взаимосвязи иконичности и метафоризации как в общем плане [Wilcox 2000; Taub 2001; Grote and Linz 2003; Meir and Cohen 2018], так и применительно к отдельным национальным жестовым языкам [Frishberg 1975; Woll 1985; Meir 2010], влиянию культуры и языковых контактов на выбор стратегий иконичности в жестовых языках, особенностям функционирования концептуальных метафор в языках визуально-пространственной модальности [Taub 2001], конкретным механизмам метафорического расширения для отдельных групп жестов [Кюсева, Киммельман 2019], иконичности модификаций жестов [Филимонова 2022], звуковым метафорам в русском жестовом языке [Кумуржи 2022].

Не умаляя достоинств указанных работ, многие считают ключевыми исследования Ф. Уилкокса [Wilcox 2000] и С. Тауб [Taub 2001]. Ф. Уилкокс обращает внимание на некоторую путаницу в понятиях иконичности, метафоры и метонимии в отношении жестовых языков, что часто приводит к ошибочной атрибуции жестов. Помимо этого, ее монография проливает свет на взаимоотношение метафоры и других стилистических приемов в американском жестовом языке, подготавливая таким образом почву для исследования Тауб, в котором предлагается концептуальная модель жестовой метафоры и раскрываются особенности метафоризации иконических жестов для передачи абстрактных понятий в американском жестовом языке.

И. Мейер рассматривает взаимосвязь иконичности и метафорической проекции на примере израильского жестового языка, американского жестового языка, иврита и английского языка и выдвигает концепцию ограни-

чения двойной проекции (Double Mapping Constraint) в жестовых языках. По мнению Мейер, иконические жесты и метафоры построены на переносе по сходству формы и содержания в первом случае и между областью-целью и областью-источником во втором. При этом при метафорическом расширении иконических жестов происходит двойная проекция по сходству, которая возможна только при условии сохранения соответствия структурных элементов в процессе установления иконического соответствия [Meir 2010].

Среди последних исследований на материале русского жестового языка необходимо выделить работы М. В. Кюсева и В. И. Киммельмана [Кюсева, Киммельман 2019], а также Е. В. Филимоновой [Филимонова 2022]. Изучая стратегии метафорических переносов в русском жестовом языке на примере жестов, обозначающих эмоции и ментальную деятельность, В. И. Киммельман и М. В. Кюсева выделили три вида модификаций жестов: 1) употребление жеста в составе компаунда; 2) фиксация локализации; 3) фиксация локализации и изменение формы руки [Кюсева, Киммельман 2019: 128]. Подводя итог своему исследованию, ученые определили телесность в качестве основы метафорического расширения. Однако, в отличие от звуковых языков, оперирующих теми же концептуальными метафорами (например, «ТЕЛО как КОНТЕЙНЕР ДЛЯ МЫСЛЕЙ/ЭМОЦИЙ»), в жестовых языках на примере РЖЯ «данное сопоставление участвует в словообразовании и тем самым вплетено в грамматику языка. Причина этому, по всей видимости, лежит в иконичности: жестовые языки функционируют в пространстве вокруг человека, а тело человека представляет собой очень удобный объект для того, чтобы на нем что-нибудь показывать» [Кюсева, Киммельман 2019: 132].

В исследовании Е. В. Филимоновой, посвященном иконичности модификаций жестов в русском жестовом языке, содержится важный вывод о зависимости степени иконичности модификации от того, является жест классификатором или ядерным жестом [Филимонова 2022].

При проведении анализа взаимосвязи иконичности и метафорического расширения на примере русского жестового языка мы обратились к двум различным тематическим группам жестов в исполнении носителей русского жестового языка. Для этого сначала был использован онлайн видео словарь жестовых языков Spreadthesign, затем в целях верификации данных эти же группы жестов были непосредственно предложены для демонстрации и предварительного анализа глухим носителям русского жестового языка. Первая группа включает жесты, обозначающие время («ВЧЕРА», «ПРОШЛОЕ», «ЗАВТРА», «БУДУЩЕЕ»). Во всех четырех жестах прослеживается сходство в направлении движения руки. Данные жесты построены на концептуальных метафорах «БУДУЩЕЕ ВПЕРЕДИ», «ПРОШЛОЕ СЗАДИ», в них используется перенос между двумя областями – время и пространство. Будущее

рассматривается как пространство перед референтной точкой, прошлое – как пространство позади нее. Область пространства представлена иконически в РЖЯ в виде направления движения руки во время исполнения жеста. Данное наблюдение подтверждает результаты подобного исследования в других жестовых языках и указывает на возможную универсальность данной модели.

При рассмотрении отдельных жестов, обозначающих действие («ЛЕТЕТЬ», «ЕСТЬ») обнаружилось, что иконические жесты «ЛЕТЕТЬ», «ЕСТЬ» не являются метафорическими, что накладывает ограничения при передаче метафор «ЕГО СЪЕДАЕТ ЗАВИСТЬ», «ВРЕМЯ ЛЕТИТ». Рассмотрим данную ситуацию на примере глагола «ЕСТЬ». Первое значение глагола – принимать пищу, употреблять в пищу, иначе говоря, принятие пищи является результатом события, что иконически не представлено в форме жеста «ЕСТЬ». Сходство по значению, представленное при метафорическом переносе в метафоре «ЕГО СЪЕДАЕТ ЗАВИСТЬ», не поддерживается на уровне иконичности жеста, в то время как при метафорическом переносе отсутствует важный элемент иконизации значения – наличие рта и произведение определенных действий с объектом (еда). В РЖЯ эквивалентом служит метафорический жест «ЗАВИСТЬ СИЛЬНЫЙ / ЗАВИСТЬ – ЗАВИСТЬ». При рассмотрении метафоры «ВРЕМЯ ЛЕТИТ» можно проследить подобное несоответствие в профилировании компонентов значения: при иконическом переносе акцентируется образ действия, а при метафоризации – скорость движения по воздуху или направлению.). В РЖЯ в этом случае употребляется метафорический жест «ВРЕМЯ МИМО».

Подводя итог вышесказанному, мы считаем, что в целях продуктивного исследования взаимосвязи иконичности и метафоризации в русском жестовом языке было бы желательно, среди прочего, сконцентрировать усилия на изучении особенностей представления концептуальных метафор русского языка в русском жестовом языке, определении концептуальных оснований метафоризации для различных типов и тематических групп жестов и более подробно рассмотреть действие принципа ограничения двойной проекции в отношении различных групп жестов.

Литература

- Кумуржи Э. В.* Звуковые метафоры в русском жестовом языке. // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сб. науч. статей Второй международной научно-практической конференции / отв. ред. К. В. Голубина. Москва: Из-во Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 119–126. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49056160_21075265.pdf
- Кюсева М. В., Киммельман В. И.* Метафоры в жестовых языках: глаголы эмоций и ментальной сферы в русском жестовом языке // Вопросы языкознания. 2019. № 5. С. 120–134.

Онлайн видеословарь жестовых языков Spreadthesign. URL: <https://www.spreadthesign.com/ru/ru/search/>

Толковый словарь русского языка онлайн. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/>
Филлимонова Е. В. Иконичность модификации жеста в русском жестовом языке // Когнитивные исследования языка. 2022. Выпуск № 4 (51). С. 418–422.

Frishberg N. Arbitrariness and iconicity: historical change in American sign Language // *Language* 1975. 51. P. 696–719.

Grote K., Linz E. The influence of sign language iconicity on semantic conceptualization // *From Sign to Signing: Iconicity in Language and Literature 3. Symposium on iconicity in language and literature (3rd: 2001: Jena, Germany)* / ed. by W. G. Müller and O. Fischer. Benjamins, 2003. P. 23–40.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Meir I. Iconicity and metaphor: Constraints on metaphorical extension of iconic forms // *Language*. 2010. Volume 86, Number 4, December. P. 865–896.

Meir I., Cohen A. Metaphor in sign languages // *Front. Psychol.* 9:1025. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01025

Taub S. *Language from the body: Iconicity and metaphor in American sign language.* Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Wilcox P. *Metaphor in American sign language.* Washington, D. C.: Gallaudet University Press, 2000.

Woll B. Visual imagery and metaphor in British sign language // *The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in Language and Thought* / ed. by W. Paprotté and R. Dirven. Benjamins, 1985. P. 601–628.

K. V. Golubina, E. V. Kumurzhi
(Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**ICONICITY AND METAPHORIZATION
IN NATURAL LANGUAGES
OF VISUAL-SPACIAL MODALITY:
IMPLICATIONS FOR THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE**

The interplay between iconicity and metaphorization in signed languages is the focus of the present study. A brief literature overview highlights the promising areas for research in the Russian Sign Language. Analysis of the signs denoting time and action in the Russian Sign Language brings out the interrelatedness of iconicity and metaphorization and demonstrates the Double Mapping Constraint principle with regard to signed languages.

Key words: signed languages, Russian Sign Language, iconicity, metaphoric extension, Double Mapping Constraint.

Е. Е. Голубкова (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
katemg@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ КАК ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

В статье демонстрируется возможность применения лингвокогнитивных понятий, таких как прототип и конструкция в отношении мультимодальных единиц коммуникации – интернет-мемов. Отмечаются особенности подобных конструкций: схематизация различной степени абстракции, типы вариативности элементов, фамильное сходство представителей.

Ключевые слова: интернет-мем, конструкция, прототип, мультимодальность, девиация, когнитивный диссонанс.

Understanding memes requires sophisticated ‘meme literacy’.
(Milner 2013)

За последние двадцать лет в когнитивных лингвистических исследованиях наметилась тенденция вовлечения в орбиту лингвокогнитивного анализа гибридных единиц коммуникации и применения к их описанию аппарата когнитивной лингвистики. Интернет-мемы (далее мемы) или в иных терминах демотиваторы (картинки в черной рамке), эдвайсы (картинки на различных цветных фонах) или *multimodal macros*, по образному выражению Л. Шифман, маленькие возмутители спокойствия (*troublemakers*), активно используются в т. н. *participatory media* [Piata 2020: 197], своеобразном медийном и сетевом диалоге пользователей. Возмутителями лингвистического спокойствия их делают установка на смешение разнородных элементов (вербального и визуального ряда), тенденция к контаминации и эклектике [Канашина 2019].

Мемы включают в себя различные виды информации: слова, символы, изображения, культурные аллюзии, ссылки на контекст, то есть все те элементы, которые в конечном счете обеспечивают т. н. *ambient affiliation* [Piata 2020] или ощущение принадлежности к онлайн сообществам посредством вирусного распространения идей, мнений и ценностей. В силу того, что они оформились в языковые знаки, служащие целям передачи смысла по определенным правилам, к которым относятся шаблонированность, репликаторность, интертекстуальность, гибридность и интерактивность [Канашина 2019], настало время поставить вопрос о том, возможно ли применить к мемам, разнообразным по содержанию и оформлению, понятия лингвокогнитивного анализа, такие как прототипичность и конструкционная

целостность. Положительный ответ на этот вопрос находим в целом ряде работ [Zenner, Geeraerts 2018; Dancygier and Vandelanotte 2017, A. Lou 2017, Piata 2019, Уханова 2020].

Анализируя общие требования, предъявляемые в Грамматике конструкций (ГК) к конструкциям, мы обнаруживаем, что мемы вполне укладываются в усредненное определение вербальной конструкции, но только в ее мультимодальном воплощении [Рахилина 2010]. Конструкция – это, по сути, матрица для заполнения новыми элементами. Она обладает общим концептуальным значением, которое не складывается из простой суммы значений элементов. При этом конструкции могут обладать различным уровнем схематизированности (обобщенности) [Zenner, Geeraerts 2018]. Например, мемы из сюжетной серии Страдающее средневековье или Арт мемы в самом общем схематичном плане отражают несовпадение хронотопа (древнее изображение против современной сопроводительной надписи). В более конкретной схеме они эксплуатируют т. н. мультимодальный стилистический юмор, затрагивающий такие явления, как нарциссизм, общечеловеческие ценности, сущность любви и дружбы, парадоксы современной жизни и проч. [Piata 2019, Уханова 2020], а в еще более конкретном воплощении могут быть ограничены вербальной составляющей, например, мемы, содержащие фразу *when-clause* ('when you are in situation X, you act or feel like Y') [Lou 2017].

Фактически, мемы – это вариации на заданную тему, которая порождается «первым пациентом», то есть мемом-прототипом, взятым за основу вариативности (это может быть высказывание, изображение, событие или концепт). При этом вариативность заполнения вербальных и визуальных слотов конструкции может проходить и в парадигматическом плане (например, одна картинка – различные вербальные заполнители или один текст, но различные изображения) и в плане стилизации под прототипический мем (то есть его модификации). Интернет-мемы, таким образом, сравнимы с вирусами – мутируют, но имеют связь с первоначальным «штаммом». В этом их прототипический характер (некое фамильное сходство), сказали бы мы в терминах когнитивной семантики.

Итак, мем – это мультимодальная конструкция определенной сюжетной серии с общим концептуальным значением, которое варьируется в зависимости от различного частного заполнения вербального и визуального слотов. В соответствии с требованиями ГК значение самой конструкции не является простой суммой значений ее элементов, то есть при создании мемов задействованы метафора, метонимия, метафтонимия, фокусировка и проч. когнитивные механизмы [Канашина 2019]. Как и вербальные лексико-грамматические конструкции, мемы обладают потенциалом креативного преобразования [Zenner, Geeraerts 2018]. Приведем пример часто эксплу-

Рис. 1

Рис. 2

атируемого мема, условно названного нами «1+2», в котором выражается гендерный стереотип «типичный парень», засматривающийся на симпатичных девушек при наличии подруги рядом.

Мем (рис. 1) подвергался большому количеству модификаций как вербального слота (прямая речь персонажей: 1. парень – *me*, его подруга – *doing important things*, конкурентка – *going on tumblr, obsessing over fandom*; 2. парень – *you*, его подруга – *everything in your fridge*, конкурентка – *Pizza Hut*; 3. парень – *я*, его подруга – *подготовка к экзамену*, конкурентка – *новостям*), так и изображений самих персонажей (девушка оглядывается на второго парня, имея друга). Наложение на картинку сопроводительной надписи «мужчина **не** ревнует» модифицирует ситуацию вторично (рис. 2).

Отметим высокую степень контекстуальности мемов, которую Л. Шифман сравнивает с шутками «для своих», понятными лишь для погруженных в цифровой культурный контекст [Shifman 2013], который, являясь внутригрупповым кодом, позволяет выразить и реконструировать точку зрения (*reconstrue viewpoint*) [Dancygier, Vandelanotte 2017] или переформулировать идею (*reframe* [Piata 2019]).

Следующий интересный вопрос касается того, каким образом задается меметическая конструкция. Конструкционная рамка может основываться на устойчивой фразе *keep calm and... , one does not simply ...*, героях/протагонистах (филологическая дева, Pepe the frog), теме (например, страдающее Средневековье, *socially awkward penguin*), то есть как на вербальных, так и невербальных средствах). Отсюда определенные ожидания реципиента в отношении правил восприятия мема.

Еще одно обязательное свойство меметической конструкции – наличие в ней девиации или рассогласования какого-либо типа (на разных уровнях). К девиациям относятся вербальная и семиотическая контаминация (*Corona Lisa* с изображением Моны Лизы в противогазе), смена языковых кодов

(*Keep calm and hasta la vista*) или использование multilingual wordplay (*Much ass grassy ass* (омонимично испанскому *muchas gracias*) – с изображением гавайских танцовщиц в юбках хула из травы [Zenner, Geeraerts 2018: 184]), создание смешанной метафоры (*терпеть сквозь пальцы*) [Голубкова, Таймур 2021] и проч. Их цель – вызвать когнитивный диссонанс (КД). Это обусловлено важнейшей функцией мемов – людической (игровой) – разрешение загадки посредством преодоления КД. Одним из ярких примеров серийных мультимодальных меметических конструкций стали уже упомянутые нами Арт мемы, заключающие в себе «игровой анахронизм слова и изображения» [Вешнякова 2016: 80]. Стилистическое рассогласование (*incongruity*) изображения и текста приводит к реконтекстуализации ситуации и ее перенесения в современность. Интересно, что в мемах этой серии, как отмечает А. Пиата, проявляется так часто упоминаемое в когнитивных трудах телесное воплощение (*embodiment*), так как реплики персонажей отражают эмоции, передаваемые выражением лиц или положением тела героев картины, не имея ничего общего с самим историческим сюжетом (см. рис. 3) [Piata 2019].

Рис. 3

Помимо девиации КД создается целым рядом других средств – символами, культурными ссылками, аллюзиями, т. д. В итоге, конструкции с неперменной девиацией и есть основное правило создания мема в вербально-визуальном пространстве, то есть мем становится мемом при условии модификации его контента пользователями. При этом сохраняется связь или ссылка на архетипический концепт, в чем и состоит прототипичность мема (некое фамильное сходство семьи мемов). Варианты стилизации под конструкцию могут быть различны: имитация, но с другими героями, иное заполнение слотов конструкции. В любом случае выполняется условие: модифицируй мем и создавай КД (т. н. *remix culture* [Zenner, Geeraerts 2018: 171]).

Проблема степени или уровня допустимой девиации или степени напряженности КД ожидает своего исследования. Только начинают изучаться способы измерения КД, «степень» мультимодальности мемов, межжанровая интертекстуальность (ассоциация мема с серией или конструкцией), объем необходимых фоновых знаний для расшифровки мема. Таким образом, ме-

мы в контексте когнитивной лингвосомиотики позволяют усмотреть общее в когнитивных процессах, опосредованных как языком, так и поликодовыми источниками, что отражает гибридный характер человеческого мышления – самой большой загадки когнитивных наук.

Литература

Вешнякова А. В. Языкотворческий аспект интернет-мемов: сб. статей к юбилею Л. В. Зубовой. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 78–83.

Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Теория концептуальной интеграции на службе моделирования значения малафор // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 138–146.

Канашина С. В. Интернет-мем как медиатекст // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 107–112.

Рахилина Е. В. Грамматика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Издательский центр «Азбуковник».

Уханова М. А. Анекдоты в цифровой среде (лингвокогнитивный анализ анекдотов в сети) // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 483–488.

Dancygier B., Vandelanotte L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive linguistics. 2017. V. 28. № 3. P. 565–598.

Lou A. Multimodal simile: The “when” meme in social media discourse // English Text Construction. 2017. № 10 (1). P. 106–131.

Piata A. Stylistic humor across modalities: The case of classical art memes // Internet Pragmatics. 2019. № 3 (3). P. 174–201.

Shifman L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication. 2013. № 18 (3). P. 362–377.

Zenner E., Geeraerts D. One does not simply process memes: Image macros as multimodal constructions // Cultures and traditions of wordplay and wordplay research. 2018. V. 6. № 167. 167–194.

E. E. Golubkova (Moscow, Russia)
Moscow state linguistic university

INTERNET-MEMES AS LINGUO-SEMIOTIC CONSTRUCTIONS

The article shows the possibility of using linguo-cognitive concepts such as prototype and construction in relation to multimodal units of communication – Internet memes. The features of such constructions are noted: schematization of various degrees of abstraction, types of variability of elements, family resemblance of representatives.

Key words: internet-meme, construction, multimodality, deviation, cognitive dissonance.

И. В. Зыкова (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

irina_zykova@iling-ran.ru

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: МЕТОД ПАРАМЕТРИЗАЦИИ¹

Исследование направлено на разработку метода параметризации для изучения креативных возможностей языка в полимодальном дискурсе. В статье представлен один из вариантов применения данного метода на материале фильма американского режиссера Чарли Кауфмана «Думаю, как все закончить».

Ключевые слова: лингвокреативность, метод параметризации, кинодискурс.

Несмотря на то, что теория лингвистической креативности имеет долгую историю развития, она продолжает сохранять передовые позиции в современной лингвистике, учитывающей стремительно меняющиеся условия жизнедеятельности социума. В самостоятельную линию лингвистических исследований постепенно оформляется проблематика, связанная с особенностями реализации креативного потенциала языка в полимодальной коммуникации. Это обусловлено, главным образом, тем, что развитие информационных технологий приводит к усложнению способов межличностного взаимодействия, усилению значимости разного рода невербальных средств передачи информации, что указывает на необходимость осмысления с новых теоретических позиций роли языка в различных технологически зависимых формах творческой, профессиональной и повседневной деятельности личности как актора культурных и цивилизационных процессов. В настоящее время особый интерес вызывают вопросы о механизмах создания языковых новаций или лингвокреатем, об их типологии, а также о принципах их функционирования в полимодальном дискурсе. К этим вопросам мы обращаемся в своем исследовании, проводимом на материале такой разновидности полимодального дискурса, как кинодискурс.

Особый статус слова в построении целостной структуры кинопроизведения признавали многие теоретики киноискусства еще на заре его становления (конец XIX века), переводя расхожее в то время мнение о кино как о «Великом немом» в новое смысловое измерение [Эйзенштейн 1964; Тынянов 2016 (1927)]. Кино – это синтетический или комплексный вид искусства, представляющий собой сложнейшую систему многомерных от-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ношений разнообразных кодовых систем и взаимодействующих на разных правах модальностей. Отправной точкой в изучении лингвокреативных процессов и явлений в кинодискурсе является его осмысление как особой сферы лингвокреативной практики, а также поиск новых методов, позволяющих учитывать те особые свойства, которые отличают кинодискурс от других типов дискурса и форм полимодальной коммуникации.

Для изучения механизмов и принципов реализации креативного потенциала языка в кинодискурсе мы используем комплекс современных методов, среди которых в качестве центрального выступает метод параметризации (или метод дискурсивно-параметрического анализа). В основе данного метода лежит трехуровневая система параметров лингвокреативности, выделенных нами в ходе исследования.

Первый уровень представляют макродискурсивные параметры (или макропараметры) лингвокреативности. Как показало исследование, выбор определенных языковых средств для построения вербальной системы фильма обусловлен такими макропараметрами, как «(под)тип дискурса», «возрастной рейтинг», «период/время создания», «тематика/сюжет» и «основные персонажи». Второй уровень составляют 51 микродискурсивный параметр (или микропараметр) лингвокреативности. Микропараметры сгруппированы по шести основным категориям и аннотируются в тексте фильма посредством присвоенных им числовых кодов: фонологические параметры, коды с <101> по <107> (например, «звуковой повтор» <102>), морфологические параметры, коды с <201> по <207> (например, «категориальная новация глагола» <204>), словообразовательные параметры, коды с <301> по <306> (например, «окказиональное словосложение» <302>), лексические параметры, коды с <401> по <413> (например, «имя собственное и его модификация» <411>), синтаксические параметры, коды с <501> по <511> (например, «автосемантия» <507>), (орфо)графические параметры, коды с <101> по <107> (например, «новация со знаками препинания» <602>). Третий уровень – это уровень интердискурсивных параметров (или интерпараметров), раскрывающих влияние разных дискурсов (поэтического, рекламного, научного и проч.) на лингвокреативность кинодискурса. Данные параметры размечаются в тексте кинопроизведения с помощью соответствующих буквенных кодов, например, <PD> – «поэтический дискурс», <AD> – «рекламный дискурс», <SD> – «научный дискурс». Для обработки корпусной разметки киноматериала по микро- и интерпараметрам лингвокреативности используется программа комплексного расчета параметров дискурса Heterostat [Киосе, Ефремов 2020].

В качестве демонстрации одного из вариантов применения метода параметризации приведем результаты анализа фильма американского режиссера Чарли Кауфмана «Думаю, как все закончить» (Charlie Kaufman “I’m thinking

of ending things”). Лингвистический интерес к данному кинопроизведению вызван рядом факторов. Представим наиболее важные из них, соотносящиеся с такими макропараметрами, как «(под)тип дискурса», «период создания», «возрастной рейтинг», «сюжет/тематика» и «основные персонажи».

Фильм «*I'm thinking of ending things*» вышел в 2020 году. Его выбор для изучения лингвокреативных явлений обусловлен, прежде всего, его отнесенностью к авторскому кинематографу и жанру сюрреалистической психологической драмы, отличительные черты которой комбинируются в нем с элементами триллера. Фильм основан на одноименном романе канадского писателя Иэна Рейда (Iain Reid), опубликованном в 2016 году, и по системе Американской киноассоциации МРАА имеет возрастной рейтинг «R» (restricted). Сюжет рассматриваемого кинопроизведения характеризуется смысловой многослойностью и концептуальной усложненностью. Повествование ведется от лица девушки, отправившей со своим молодым человеком Джейком на его машине в гости к его родителям на ферму. На протяжении всего путешествия молодые люди вспоминают определенные события из своей жизни, много рассуждают о смысле искусства и роли науки, о проблемах социального и экзистенциального порядка. Изображение действий главных киноперсонажей сопровождается врезками кадров, показывающих короткие фрагменты повседневной жизни пожилого мужчины, работающего уборщиком в одной из местных школ. В финале фильма становится понятно, что все, что происходит с Джейком и его девушкой является плодом воображения уборщика, т. е. является своего рода «материализацией» его фантазии, в которой соединяются в нарушенной хронологической последовательности отдельные моменты его прошлой жизни и его не осуществленные желания, инспирированные разными художественными образами из увиденных им театральных постановок, литературных произведений, фильмов и т. д. Вынесенная в название фильма фраза *I'm thinking of ending things* периодически повторяется во внутренней монологической речи героини (voice over) во время их пути на ферму и обратно. Поначалу эта фраза воспринимается как ее размышления о необходимости закончить отношения с Джейком. Однако, заключительная сцена фильма открывает иной ее смысл. Фраза *I'm thinking of ending things* понимается как преследующая уборщика мысль о том, как он хотел бы закончить свою жизнь. В своем воображении он видит себя ученым, получившим нобелевскую премию и по этому случаю выступающим с благодарственной и прощальной речью перед полным залом зрителей, среди которых его коллеги, любимая женщина и родители. Последние кадры кинокартины резко контрастируют с этим придуманным уборщиком финалом своего жизненного пути: в действительности он умирает от приступа в своем грузовике, припаркованном на школьной стоянке и покрытым толстым слоем снега, в полном одиночестве.

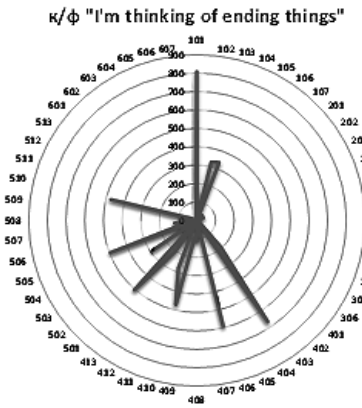

Рис. 1. Микродискурсивный корреляционный профиль

Согласно микродискурсивному профилю на рисунке 1, наибольшей частотой активности в кинокартине "I'm thinking of ending things" обладают фонологические параметры «фонетический эллипсис» <101> и «звуковой повтор (аллитерация, ассонанс и др.)» <104>; лексические параметры «смена профессионального кода» <403>, «лексический эмотив или экспрессив» <406> и «стилистический троп» <410>; синтаксические параметры «эллиптическая конструкция» <501>, «параллельная конструкция, однородные члены предложения» <505> и «служебные части речи» <510>. Малой частотой активности характеризуются морфологические, словообразовательные и (орфо)графические параметры, среди которых можно выделить такие, как «категориальная новация прилагательного» <201>, «окказиональное словосложение» <302> и «графическое акцентирование (курсивизация, зачеркивание и т. д.)» <604>. Помимо проведения количественной и статистической оценки данных осуществлялся и качественный анализ микропараметров, в ходе которого мы опирались на положение Ю. М. Лотмана о том, что любая единица текста имеет альтернативу «хотя бы в виде неупотребления ее самой, и, следовательно, появляется в тексте не автоматически, а сопряжена с некоторым значением» [Лотман 1973: 35], с творчески реализуемым намерением автора передать замысел и содержание кинопроизведения посредством определенного (индивидуально-авторского, оригинального) использования в нем вербальных средств. В результате были установлены два основных принципа активизации микропараметров лингвокреативности в фильме: 1) с целью художественно-дискурсивной стилизации; 2) с целью

Из сюжетной линии кинопроизведения следует, что основное место действия – это, по сути, сознание, которое является и главным действующим «персонажем». Зыбкость границ между реальностью и ирреальностью, между физическим и метафизическим, между прошлым и будущим – одна из главных тем анализируемого фильма.

В ходе анализа абсолютных показателей частоты активности 51 микропараметра лингвокреативности был сформирован микродискурсивный корреляционный профиль, отражающий специфику распределения их активности на разных уровнях вербальной системы кинопроизведения (см. рис. 1).

реализации основных эстетических установок и достижения ключевых прагматических задач. Первый принцип свидетельствует о введении в вербальную структуру фильма языковых средств, наиболее соответствующих ее базовому – повседневно-разговорному – дискурсу (с учетом тематики, сюжета и основных киногероев). Активизация микропараметров по такому принципу «стереотипизирует» конвенциональные свойства базового дискурса кинопроизведения и квалифицируется нами как *некреативная* активизация, например:

(1) #22 It's quiet around here. <101>

(2) #30 You wanna stop for a coffee? <101, 501, 504, 511>

(3) #106 I don't want to give you the wrong impression. <101, 104, 406, 413>

Второй принцип указывает на интегрирование в вербальную систему фильма разного рода средств, усиливающих художественно-эстетическую выразительность дискурса и/или способствующих драматизации действий киноперсонажей и событий, разворачивающихся в фильме. В этом случае активизация микропараметров определяется как *креативная*, например:

(4) #1 **i'm thinking of ending things** <411, 101, 104, 204, 604, 606, 607>

(5) #653 Oh, his team was called Brezhnev's Eyebrows. < 403, 403, 409, 411, 411, 510>

(6) #1369 I see, I can tell that they still carry that stuff around with them. <409, 410, 505, 510> #1370 Like a... black aura. Like a millstone. Like an oozing wound. <104, 410, 410, 410, 505, 501, 503>

В целом, согласно полученным данным, лингвокреативный потенциал анализируемого фильма определяется, главным образом, спецификой активизации морфологических, лексических и синтаксических параметров, имеющих преимущественно средние показатели активности. Среди креативно используемых вербальных средств можно выделить *парцеллированные конструкции, метафоры и эвфемизмы, эмотивную лексику, фразеологизмы, грамматические средства выражения модальности*.

Подводя итог, отметим, что разрабатываемый на киноматериале метод параметризации лингвокреативности может применяться для изучения креативных возможностей языка в других разновидностях полимодального дискурса, для выявления в них разного рода лингвокреатива и неологизмов, а также полимодальных новаций.

Литература

Киосе М. И., Ефремов А. А. HETEROSTAT. Программа HETEROSTAT комплексного расчёта параметров дискурса. Дата регистрации: 21.09.2020. Государственный номер регистрации: 2020661240.

- Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
Тынянов Ю. Н. Кино – слово – музыка // Поэтика кино. Теоретические работы 1920-х гг. М.: Академический проект: Альма Матер, 2016 (1927). С. 85–90.
Эйзенштейн С. М. Избранные произведения в шести томах. Т. 1. М.: Искусство, 1964.

I. V. Zyкова (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

LINGUISTIC CREATIVITY IN MULTIMODAL DISCOURSE: THE METHOD OF PARAMETERIZATION

The research is aimed at developing a parametrization method to study the ways of how the creative potential of language is realized in a multimodal discourse. The article presents the results of applying this method to analyzing the linguistic system of the American film “I’m thinking of ending things” directed by Charlie Kaufman.

Key words: linguistic creativity, parametrization method, cinematic discourse.

О. К. Ирисханова (Москва, Россия)
*Московский государственный лингвистический университет
Институт языкознания РАН
oiriskhanova@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ГЛАГОЛАХ И ЖЕСТАХ¹

В статье рассматривается проблема взаимосвязи процессуальности и предметности в социальных глаголах, указывающих на широкий спектр социальных взаимодействий. Доказывается гипотеза о том, что взаимосвязь двух базовых способов концептуализации событий – процессуального и предметного, прослеживается на полимодальном уровне. На материале устных нарративов на русском языке показано, что репрезентирующие и прагматические жесты, которые наиболее частотны с изучаемыми глаголами, обладают двоякой функцией – поддержки процессуальности глагола и реификации предметных сущностей (одушевленных и неодушевленных), участвующих в описываемых событиях.

Ключевые слова: социальные глаголы, процессуальность, предметность, реификация, нарратив, репрезентирующие жесты, прагматические жесты.

¹ Исследование выполнено в МГЛУ в рамках государственного задания Минобрнауки России (№ 0703-2020-0021; тема НИР АААА-А20-120071690041-3).

В истории отечественной когнитивной лингвистики имеется немало работ, которые оказали существенное влияние на развитие этой отрасли знания – как в России, так и за рубежом (см. обзор в [Болдырев 2004]). К таким трудам относятся работы тех ученых, которые стояли у истоков создания Российской ассоциации лингвистов-когнитологов и ее когнитивных школ – Тамбовской, Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Нижегородской, Челябинской, Екатеринбургской, Санкт-Петербургской, Московской и других школ, которые способствовали развитию концептологии, теории категоризации, когнитивно-дискурсивного анализа, когнитивного терминоведения и лексикографии, теории интерпретации, когнитивного мультимодального (полимодального) анализа коммуникации, социокогнитивных концепций языка (см. работы Н. Н. Болдырева, Н. А. Бесединой, Л. И. Гришаевой, Л. В. Пуриковой, Е. И. Головановой, Л. Г. Бабенко, Г. Г. Молчановой, В. Ф. Новодрановой, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, О. В. Александровой, А. А. Кибрика и др.).

Несмотря на различия в метаязыке и процедурах анализа, общность методологических установок способствует тому, что перечисленные направления не только находятся в отношениях взаимодополнения, но и подпитывают друг друга, позволяя возвращаться к когнитивным работам, ставшим «классикой», и решать поставленные в них задачи с новых позиций.

Одной из таких задач является определение концептуальных оснований частеречной принадлежности слова, которая была поставлена в известной книге Е. С. Кубряковой «Части речи с когнитивной точки зрения» (1997). В этой работе Елена Самойловна, отмечая, что части речи «как бы прокладывают своим концептуальным содержанием некие русла, по которым течет мощный поток человеческой мысли» [Кубрякова 1997: 5], пишет, что предметные и процессуальные «русла» не являются независимыми, и что «[в] значении глагола явно прослеживаются следы предметности, следы связанности данного движения или действия, процесса или состояния с объектами определенных типов» [Кубрякова 1997: 283].

В данной статье, продолжая тему конструирования фрагментов опыта с помощью разных частей речи, мы ставим вопрос о том, каким образом процессуальная концептуализация социально релевантного опыта с помощью глагола соотносится с тем, как этот опыт репрезентируется в жестах, сопровождающих соответствующие глаголы.

Опираясь на идею Е. С. Кубряковой о взаимосвязи процессуальности и предметности, мы полагаем, что жесты могут профилировать определенные свойства событий, локализуя их в физическом пространстве вокруг говорящего, очерчивая границы предметов и фиксируя их позицию [Cienki, Iriskhanova 2018]. Соответственно, жесты служат средством реификации различных аспектов событий, указывая на то, что связь между предметностью

и процессуальностью проявляется не только в языке, но и выходит за пределы одной модальности. Подобное взаимопроникновение двух базовых способов концептуализации мира и их «разложение» по разным модальностям согласуется с гипотезой Д. МакНила о существовании так называемых точек роста (growth points) – сиюминутных идеях или единицах вербального мышления (мышления-для-говорения), в которых образ объекта как бы настраивается на лингвистические категории. По метафорическому выражению Д. МакНила, точка роста – это образ, стоящий на пороге языка, или точка отсчета для мысли, которая готова выразиться в языке [McNeill, Duncan 2010]. Если же сегмент речи синхронизируется с жестом, то точка роста включает в себя и ту идею, которая лежит в основе употребления жеста. Таким образом точка роста становится единицей мышления-для-говорения-и-жестуляции.

Соответственно, реифицирующие свойства жеста, употребляемого с глагольной фразой, указывают на существование точек роста, настроенных на полимодальную коммуникацию, в которых процессуальность может быть не отделима от предметности. Например, говорящий произносит фразу *Я стала свидетелем того, как вагон быстро дернулся* и сопровождает глагол *дернулся* резким горизонтальным движением обеих рук справа налево. С одной стороны, жест усиливают динамику действия, профилируя направление и резкость толчка. С другой стороны, ладони, в соответствии с модусами репрезентации жестов у К. Мюллер [Müller 1998], служат способом представления самого объекта – вагона, который, как бы охваченный ладонями, приобретает условную форму и место в пространстве, масштабированное под телесные возможности говорящего.

В настоящем исследовании мы ставим вопрос о том, какие свойства событий реифицирует жест, если он синхронизируется с глаголами, указывающими не столько на физические действия объектов, как в приведенном выше примере, сколько на социальные действия и отношения. Полимодальный анализ позволил бы выявить, каким образом концептуализируются социально релевантные события (действия) в глаголах и какие аспекты этих событий получают реифицирующее усиление в жестах.

Под социальными глаголами, вслед за Б. де Раадом, Л. Г. Бабенко, А. М. Плотниковой, М. В. Фроловой, мы понимаем глаголы, опирающиеся на знания о социальном устройстве мира и указывающие на широкий спектр социальных взаимодействий – прямых или опосредованных интеракций, межличностных отношений, обусловленных социальными ролями, статусом и социально значимыми типами деятельности [De Raad 1985; Бабенко 1999; Плотникова 2007; Фролова 2008]. Этот класс глаголов представлен довольно разнородной группой лексем, и исследователи предлагают разные их классификации. Так, например, в словаре Л. Г. Бабенко представлены следующие семантические классы глаголов

социальной деятельности: глаголы социальной деятельности по достижению цели, глаголы общественно-политической деятельности, глаголы издательской деятельности и распространения информации, глаголы использования [Бабенко 1999]. В [De Raad 1985] экспериментальным путем выделяются такие группы глаголов социальный действия (*social acts verbs*), как глаголы вербальной агрессии, повседневного общения, установления авторитета, эмоционального запроса, любви, аргументации, защиты, сокрытия, реабилитации, физической агрессии, обучения, отстранения, повиновения, конкуренции, похвалы.

В нашем исследовании, выполненном на материале аннотированных в программе ELAN видеозаписей устных нарративных монологов о повседневных событиях на русском языке (18 участников; общий объем звучания около 1 часа 40 минут), глаголы отбирались эмпирически, поэтому было необходимо выработать семантические критерии для поиска и категоризации наблюдаемых нами социальных глаголов. Было установлено, что подобные глаголы (а) предполагают минимум двух участников разной степени агентивности; (б) выражают действия, контролируемые или нет, имеющие последствия для других людей; (в) могут выражать непосредственное и опосредованное взаимодействие между людьми, включая коммуникативное; (г) могут вызывать или предполагать ответную реакцию; (д) могут указывать на социальные роли и статус взаимодействующих людей, включенность в ту или иную социальную группу или исключенность из нее; (е) выражают взаимоотношения между людьми. К глаголам социальной деятельности не причислялись глаголы, выражающие внутренние состояния / события, не направленные на другого участника события (ср. *болеть* (плохо себя чувствовать) как внутреннее событие и *болеть за команду* как социальный глагол; *упасть* как физическое действие и *упасть на кого-то* как физическое действие, вовлекающее другого человека; *мигнуть* как физическая реакция и *подмигнуть кому-то* как коммуникативный акт). Мы также не принимали во внимание глаголы-связки, даже если они использовались с выражениями, указывающими на социальное взаимодействие. Подчеркнем, что предлагаемое ниже деление не рассматривается нами как классификация всех социальных глаголов; оно представляет собой семантическую систематизацию лишь тех глаголов, которые встретились нам в анализируемых нарративах.

Итак, в результате анализа устных нарративов нами было выявлено 156 случаев использования социальных глаголов. Интересующие нас лексемы были сгруппированы в следующие классы: **коммуникативных действий** (*сказать, говорить, спросить, поздравить, [мило] посидеть, общаться, извиниться, благодарить, разговаривать, рассказывать, промямлить, писать сообщения, строчить, постить, переводить, объяснять*); **установления контакта, встречи** (*встречать, видеть(ся), приехать, общаться, позво-*

нить, найти общий язык, знать [многих людей], собираться [вместе], объединяться, (по)знакомиться, собрать вместе); **совместной деятельности** (идти [за ручку]; подниматься с кем-то; подготовить [вместе сюрприз], заседать, играть, организовывать); **конкуренции, проигрыша и выигрыша** (разыгрывать [между собой место], проигрывать, победить, побеждать); **принадлежности и исключения** (не относить себя к [группе], разделить на группы, участвовать, разделяться); **содействия и препятствия** (заступить, помочь, спасти, совершить [добрый поступок], договориться, не двинуться [никуда]); **участия в стереотипных событиях социальной значимости** (написать жалобу, сдавать [документы], выдавать [чек], устроить/сделать сюрприз [на день рождения], сдавать экзамен, поздравить, преподнести подарок, столкнуться с волокитой, через многое пройти (о волоките), пойти к врачу, получить [на руки военный билет], давать [справку], заказать [еду], делать обход); **конфликта и его преодоления** (возникнуть [о конфликте], произойти [о стычке], начаться [о перепалке], прийти [к компромиссу], драться, кричать, сходиться, отреагировать, цепляться, поссориться, забыть, успокоиться); **физического воздействия** (дать, отдать, вытолкнуть, толкнуть, пострадать из-за кого-то, вытаскивать, трясти, протянуть [шарик]); **психологического воздействия** (унизить, напрягать); **отношения к кому-то** (думать о ком-то, оценить [наши старания]; болеть [за наших]); **следования правилам или нарушения правил** (не соблюдать, нарушать [правила]).

К наиболее частотным из них в изучаемых нарративах относятся глаголы коммуникативных действия, участия в социально релевантных стереотипных событиях, конфликта и связанных с ним глаголов физического взаимодействия.

Анализ распределения жестов, сопровождающих социальные глаголы, показал, что, во-первых, 85% глаголов (132 случая из 156) сопровождались жестами; во-вторых, наиболее частотными жестами оказались репрезентирующие жесты, копирующие те или иные свойства событий (43%, $N=57$, $N_{total}=132$) и прагматические жесты, указывающие на интенции говорящего (33%, $N=44$, $N_{total}=132$). Репрезентирующие жесты преобладали с глаголами конфликта, физического воздействия, а также с теми глаголами участия в стереотипных событиях, в которых фокусными микро-событиями были физические действия (выдача справки, указание на блюда в меню, совершение обхода, преподнесение подарка). Прагматические жесты преобладали с глаголами коммуникативных действий и с глаголами участия в стереотипных событиях в тех случаях, когда речь шла о событиях, в целом предполагающих коммуникацию между людьми: *сдавать экзамен, столкнуться с волокитой, через многое пройти (о волоките), пойти к врачу.*

Качественный анализ случаев совместного употребления социальных глаголов и репрезентирующих и прагматических жестов продемонстрировал, что репрезентирующие жесты служат для реификации глагольной процессуальности двояким образом. С одной стороны, такие жесты профилируют сами физические действия (напр., жест изображает протягивание шарика), поддерживая процессуальность как базовую частеречную характеристику глагола. С другой стороны, они могли одновременно фиксировать предметные сущности – участников события (например, агенса) в тех случаях, когда им становился говорящий, изображающий соответствующее действие (модус разыгрывания, по К. Мюллер [Müller 1998]). Так, на одной из видеозаписей говорящий, рассказывая о девочке, которая подарила воздушный шарик другому ребенку, протягивает вперед руку, как бы держа шарик, смещая тем самым точку зрения и превращаясь в эту девочку. Реификация через репрезентацию социального действия может осуществляться благодаря еще одному модусу репрезентации, который позволяет не только локализовать участника события в пространстве через имитацию его действия, но и зафиксировать свойства объектов, связанных с описываемым событием. Этот модус К. Мюллер называет собственно репрезентацией (representational mode): например, говорящий, предвзято рассказывая об аварии фразой *Кто-то нарушил правила*, ладонью изображает скольжение машины, чей водитель не соблюдает правила движения. В данном случае ладонь фиксирует неодушевленный объект – автомобиль, который конкретизирует вербальный компонент с более общей семантикой.

Анализ материала показал, что прагматические жесты также способны к реификации событийных сущностей, выраженных глаголами. Мы наблюдали следующие случаи:

(1) с глаголами коммуникативной деятельности нередко употребляются жесты, направленные на собеседника (например, открытая ладонь вверх сопровождает фразу *Ты слышала о Вероне?*), что, с одной стороны, подчеркивает процесс передачи информации, с другой стороны – метафорически реифицирует саму информацию как объект, лежащий на ладони;

(2) с глаголами выражения отношения и участия в стереотипных событиях могут употребляться прагматические жесты, выражающие интенции – но не самого говорящего, а того, о ком идет речь; в этом случае прагматические жесты становятся одновременно жестами копирующими, а значит – репрезентирующими. Такие жесты сближаются с репрезентирующими жестами, реализующими модус разыгрывания, и, подобно последним, реифицируют участника события через совмещение точек зрения говорящего и описываемого им человека.

Таким образом, полимодальный анализ социальных глаголов с жестами на материале нарративов на русском языке подтвердил предположение о том, что процессуальность и предметность взаимосвязаны не только в языке,

но и в жестах. Движения рук, сопровождающие глагольные фразы, способны одновременно профилировать процессуальность через сам факт физического действия, и предметность – через локализацию в пространстве одушевленных и неодушевленных участников событий и копирование их свойств. Это, в свою очередь, указывает на то, что точки роста как единицы событийного «мышления-для-говoreния-и-жестикуляции» содержат как «следы» процессуальности, так и «следы» предметности, которые в ходе коммуникации проявляют себя в вербальном и невербальном компонентах речи.

Литература

- Бабенко Л. Г.* Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс, 1999.
- Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 18–36.
- Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, Тамбов. гос. ун-т, 1997.
- Плотникова А. М.* Метафорическое моделирование семантической деривации глаголов социальных действий и отношений // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2007. № 13 (49). С. 212–222.
- Фролова М. В.* Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX века (на материале текстов А. П. Платонова и М. А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008.
- Cienki A., Iriskhanova O.* Aspectuality across languages: Event construal in speech and gestures. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2018.
- De Raad D.* The language of social acts // Journal of Semantics. 1985. № 4. P. 223–236.
- McNeill D., Duncan S.* Growth points in thinking-for-speaking // Language and Gesture / ed. D. McNeill. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 141–161.
- Müller C.* Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich, [Speech-accompanying gestures. Cultural history – theory – language comparison]. Berlin: Berlin Verlag, 1998.

O. K. Iriskhanova (Moscow, Russia)
*Moscow State Linguistic University,
Institute of Linguistics RAS*

CONCEPTUALIZING SOCIAL ACTS IN VERBS AND GESTURES

The paper investigates the interrelation of action-conceptualization and entities-conceptualization in social verbs viewed as words that refer to a variety of social interactions. The author verifies a hypothesis that the two basic ways of construal of events – via actions and entities, are closely intertwined, and it can be observed multimodally. The analysis

of Russian spoken narratives reveals that the most frequent gestures used with the social verbs are representational and pragmatic gestures. They play a twofold role in the narratives: supporting the action semantics of the verbs they are synchronized with, and reifying entities, both animate and inanimate, that participate in the events.

Key words: social verbs, action-conceptualization, entities-conceptualization, reification, narrative, representing gestures, pragmatic gestures.

С. В. Канашина (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
svetlanakanashina@yandex.ru

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-МЕМАХ: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматривается переключение кодов в интернет-мемах. Как показало исследование, переключение кодов – лингвосемиотический процесс, который строится на интеграции знаков, принадлежащих к разным семиотическим системам. С когнитивной точки зрения переключение кодов инициирует усложнение познавательных механизмов реципиента.

Ключевые слова: интернет-мем, переключение кодов, семиотическая гибридизация, полимодальность, лингвокультура, когнитивный диссонанс.

Переключение кодов представляет собой естественный процесс кодового взаимодействия, обусловленный межъязыковыми контактами и открытостью языковых систем [Маркелова 2010]. Традиционно переключение кодов научно рассматривалось в ситуациях билингвизма, если коммуникант имел возможность оперировать двумя вербальными системами [Головко 2001; Gardner-Chloros 2009]. Как справедливо отмечается в научных исследованиях, переключение кодов в речи коммуниканта служит маркером социокультурных характеристик и может указывать на этническую принадлежность, регион проживания и т. д. [Жиганова 2012; Myers-Scotton 2017]. В современной лингвистике наметился новый подход к изучению данного явления, который заключается в фокусировании на лингвосемиотических, когнитивных и лингвокреативных особенностях переключения кодов.

Актуальным лингвистическим направлением видится исследование переключения кодов на материале англоязычных интернет-мемов, поскольку интернет-мем – это гибридный лингвокомплекс, в котором наблюдается интеграция вербального и визуального компонентов. Таким образом, интернет-мем выступает единицей интернет-коммуникации, передающей информацию в полимодальной форме. Гибридизированная полимодальная форма данных знаков создает предпосылки для активизации переключения кодов, так как в мемах отмечается установка на смешение разнородных элементов, контаминации и эклектику.

Эмпирический материал, включающий 100 мемов, в которых наблюдается переключение кодов, свидетельствует о том, что в англоязычных интернет-мемах наиболее частотным является переключение кодов с участием лексем английского, испанского, немецкого и французского языков. Это обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как межкультурное взаимодействие, иммиграция, экспансия иноязычных культур в англосаксонском мире и т. д. Кроме того, необходимо отметить, что развитие компьютерно-опосредованной коммуникации также способствует диалогу культур и смешению разноязычных лексем. Очевидно, что продуктивным является переключение кодов, в котором языковые знаки принадлежат к родственным лингвокультурам, так как реципиенту требуется опираться на лингвокультурные связи для декодирования семантики мема.

На рис. 1 и 2 можно увидеть интернет-мемы, в которых наблюдается переключение кодов. В обоих случаях меммы принадлежат к серии *Keep Calm and Carry On*. При этом второй компонент сопроводительной надписи подвергается модификациям и варьируется в разных контекстах. Как показали вышеприведенные примеры, переключение кодов несет в себе значительный лингвокреативный потенциал и может рассматриваться как частный случай языковой игры, поскольку наблюдается творческая манипуляция с единицами разных языковых систем с целью создать оригинальный эффект. Переключение кодов можно отнести к игровым приемам, построенным на отклонении от языкового канона [Тихомирова 2017]. Обращение к разноязычным лексемам в контексте одного интернет-мема порождает «загадку» для реципиента и требует интеллектуальных усилий для декодирования семантики. Авторы мемов прибегают к данному приему как средству создания интеллектуальной игры, направленной на привлечение внимания реципиента.

Представленные на рис. 1 и 2 примеры демонстрируют, что при переключении кодов наблюдаются контаминации знаков различных языковых систем, что создает особый визуальный эффект за счет оригинального взаимодействия разноязычных графем. Возникает графический контраст, который запускает механизм когнитивного диссонанса. Несмотря на гибридный характер вербальных компонентов с переключением кодов, наблюдается оппозиция

Рис. 1. https://www.keepcalmandposters.com/poster/5712068_keep_calm_y_habla_espaol

Рис. 2. https://www.keepcalmandposters.com/poster/5975055_keep_calm_et_parlez_franais

знаков разных языковых систем. Графический контраст в сопроводительных надписях с переключением кодов несет в себе большой прагматический потенциал и способствует привлечению внимания реципиента.

Стилистический аспект переключения кодов в рассматриваемых примерах (рис. 1 и 2) реализуется также в ориентированности на алогизм. Дробление коммуникативного сообщения на синтагмы, выраженные единицами разных языков, создает эффект некогруэнтности и противоречия, порождает абсурдность. При этом, реципиент мема готов столкнуться с лингвокреативными, неконвенциональными, некогруэнтными вербальными компонентами в мемах, потому что жанр мема предполагает нарушение языковых и коммуникативных норм и лингвокреативные новации.

Исследование показало, что переключение кодов в англоязычных интернет-мемах может рассматриваться как лингвосемиотический прием, который реализуется с помощью знаков, принадлежащих к разным языковым системам. В основе переключения кодов лежит процесс семиотической гибридизации, которая понимается как взаимодействие знаков гетерогенной семиотической природы в рамках одного дискурсивного пространства. Семиотическая гибридизация запускает процесс взаимной адаптации семиотически разнородных знаков, поэтому переключение кодов в вербаль-

ном компоненте не нарушает целостности отдельной единицы. Напротив, при переключении кодов наблюдается связность вербальных элементов как на структурно-семантическом, так и когнитивном уровнях.

Предложенные примеры (рис. 1 и 2) указывают на то, что семантизация мемов, построенных на данном приеме, опирается на такие когнитивные механизмы, как преодоление когнитивного диссонанса, лингвистическая догадка, инференция и импликация, прецедентность и т.д. Очевидно, что переключение кодов усложняет не только стилистическое поле данных единиц, но и требует от реципиента применения комплексных когнитивных стратегий для «расшифровки» коммуникативного сообщения.

Представляется важным отметить лингвокультурный аспект переключения кодов. Интеграция иноязычных вкраплений в дискурсивное пространство мема способствует погружению в лингвокультурный колорит, таким образом, реципиенту необходимо декодировать знаки культурного кода, опираясь на экстралингвистический багаж и фоновые знания. Распространенным является обращение к общеизвестным иноязычным лингвокультурам, которые легко семантизируются в контексте.

Таким образом, переключение кодов в англоязычных интернет-мемах представляет собой сложный лингвосомиотический процесс, в основе которого лежит оперирование знаками, принадлежащими к разным вербальным системам, в рамках одного дискурсивного пространства. С когнитивной точки зрения отмечается установка на усложнение познавательных механизмов, с помощью которых реципиенту предлагается декодировать семантику мема, в котором задействуется переключение кодов.

Литература

Головки Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. 2001. № 1. С. 298–316.

Жиганова А. В. Переключение языкового кода как средство конструирования социальной идентичности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2012. № 18. С. 19–26.

Маркелова Т. И. Стилистический аспект переключения кода в англоязычном дискурсе СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 596. С. 187–199.

Тихомирова М. С. Переключения кодов в интернет-мемах как проявление лингвокреативности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 5 (80). С. 148–153.

Gardner-Chloros P. Code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
Myers-Scotton C. Code-switching // The Handbook of Sociolinguistics / ed. by F. Coulmas: Blackwell Publishing Ltd, 2017. P. 217–237.

S. V. Kanashina (Moscow, Russia)
*Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation*

CODE SWITCHING IN ENGLISH INTERNET MEMES: COGNITIVE AND LINGUOSEMIOTIC ASPECTS

The article focuses on code-switching in internet memes. The research shows that code-switching is a linguosemiotic process which is based on the integration of signs belonging to different semiotic systems. From the viewpoint of the cognitive approach code-switching leads to the complication of the recipient's cognitive mechanisms.

Key words: internet meme, code switching, semiotic hybridization, multimodality, linguoculture, cognitive dissonance.

М. И. Кюсе (Москва, Россия)
*Институт языкознания РАН,
Московский государственный
лингвистический университет, Москва
maria_kiose@mail.ru*

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ¹

В работе полимодальный анализ рассматривается как исследовательский метод, позволяющий с помощью методики косвенных измерений изучать особенности языкового конструирования. Значимость тех или иных феноменов языкового конструирования определяется при установлении «ответных реакций» на их изменения в изменениях сопряженной модальности – коммуникативной (например, в жестовом поведении) или семиотической (например, в глазодвигательном поведении при восприятии языкового материала). Описана процедура такого анализа, которая демонстрируется на материале двух экспериментов, иллюстрирующих два варианта реализации полимодального метода.

Ключевые слова: полимодальный метод анализа, языковое конструирование, жест, глазодвигательное поведение.

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Кинетические и вокальные аспекты коммуникации: параметры варьирования» (проект № FMNE-2022-0015) в Институте языкознания РАН.

Как известно, полимодальный анализ чаще всего используется с целью изучения сопряженности (совместной реализации) разных модальностей, коммуникативных или семиотических [Ирисханова 2021]. В этом случае основным исследовательским методом является когнитивно-дискурсивный метод, который позволяет изучать особенности полимодального мышления. Однако, как мы полагаем, этим не ограничивается исследовательский потенциал полимодального анализа – он может выступать и как самостоятельный метод изучения особенностей конструирования одной из сопряженных модальностей, в нашем случае языковой. Так, изменение жестового поведения (выбор функционального типа жеста, например, прагматического или репрезентирующего) при языковом конструировании объектов может доказать значимость разных образ-схем (например, FUNCTION и PART-WHOLE [Pustejovsky 2005]) для конструирования объектов с учетом их функций или внешних характеристик. Другой пример – зафиксированные изменения глазодвигательного поведения при чтении текстовых фрагментов, содержащих окказиональные метафоры в более и менее выделенных синтаксических позициях в предложении, которые позволяют подтвердить и уточнить роль синтаксической выделенности (как проявления когнитивного механизма фокусирования [Ирисханова 2014]) при языковом конструировании текстовых событий.

Приведенные примеры исследований, конечно, не умаляют значимости полимодального изучения синхронизации двух модальностей как стимулирующих наличием точек роста [McNeill 2005], определяющих согласование модальностей и определяющихся особенностями полимодального мышления. Полимодальный метод исследования языкового конструирования предполагает наличие иного объекта, предмета и процедуры анализа, а также особых условий его реализации. Так, объектом анализа является не столько жестовое и речевое поведение (или глазодвигательное поведение и текстовые образцы), сколько полученные в ходе экспериментов паттерны их совместного использования; предметом анализа – (значимые) изменения в характеристиках сопряженной модальности (коммуникативной или семиотической) под влиянием характеристик языковой (речевой, текстовой) модальности.

Необходимым условием реализации исследования является разработка дизайна эксперимента, позволяющего задавать или контролировать изменения в языковой модальности и отслеживать «ответные реакции» сопряженной модальности. При этом для установления значимости какого-либо феномена языкового конструирования, например, когнитивной модели или образ-схемы, присутствующей в одном стимульном образце и отсутствующей в другом, требуется либо нивелирование возможного влияния иных феноменов языкового конструирования (например, других образ-схем), либо их грамотный

учет в ходе эксперимента. Решение этого вопроса возможно при тщательном подборе стимульного материала и заключается в 1) разметке множества образцов стимулов для установления значимых различий в их языковом конструировании, 2) определении образцов, демонстрирующих сходные и отличающиеся характеристики, 3) предъявлении отличающихся стимулов или создании условий для использования разных коммуникативных ситуаций.

Опишем процедуру реализации полимодального метода исследования. На первом этапе осуществляется выбор тестируемых когнитивных феноменов (образ-схем, когнитивных механизмов, категорий, концептуальных моделей). На втором этапе проводится отбор стимула или коммуникативной ситуации, демонстрирующих вариативность в реализации когнитивных феноменов [Киосе, Прокофьева, Ржешевская, Харламова 2020]. Третий этап заключается в проведении полимодального эксперимента, в ходе которого определяются паттерны синхронизации двух модальностей. На четвертом этапе с помощью процедур статистического анализа устанавливаются (значимые) различия в показателях сопряженной модальности в ответ на изменения характеристик языкового конструирования. Обнаружение таких различий позволяет ранжировать значимость феноменов языкового конструирования. В качестве иллюстрации применения данного метода приведем краткое описание двух вариантов его реализации – использующих сопряженные коммуникативные модальности (здесь – речь и жест) и сопряженные семиотические модальности (здесь – визуальная и речевая).

В ходе первого эксперимента устанавливалась значимость образ-схем четырех типов (т. н. *ways of seeing*, или способов их видения, см. в [Pustejovsky 2005]), PART-WHOLE (часть-целое), KIND (тип), FUNCTION (использование) и LIFE-HISTORY (формирование, создание) для конструирования объектов. Для установления и ранжирования их значимости использовались показатели сопряженной коммуникативной модальности, здесь – жестовой. В эксперименте приняли участие 19 носителей русского языка (средний возраст – 20 лет), поясняющие различия между близкими синонимами (например, между словами *линия* и *черта*, *вой* и *рев*, *труп* и *мертвец*, *мгла* и *темнота* и др.) и применяющие эти образ-схемы для иллюстрации сходств и различий. Так, например, образ-схема PART-WHOLE (всего 204 примера) обнаружена в следующих речевых фрагментах: *а линия это как тетрадь в линейку / ну вой например только у каких-то собак / у кого вой.. м-м у волка*; образ-схема KIND (317 примеров) – в *может бесконечная какая-то там линия / а черта это что-то короткое / как будто линия это какое-то более протяжное не знаю / рев это наверно что-то более устрашающее / а вой как бы призыв к чему-то я не знаю*; образ-схема FUNCTION (379 примеров) – в *ну вой для меня.. это просто там собака.. воет.. во дворе / черта она как*

будто что-то ограждает / вот черта у меня какие-то сразу воспоминания из школы когда черта.. под чертой.. то есть подчеркнуть что-то / то есть в написании текста ты подчеркиваешь / то есть идет черта / ну вой когда просто кричат воят. Образ-схема LIFE-HISTORY (111 примеров) проявляется реже, например, *в а темнота в комнате когда ты выключил свет / что-то что разразилось / а-а мертвец может это тот кого уже закопали* и др. Говорящими были использованы жесты четырех функциональных групп, дейктические, репрезентирующие, прагматические и жесты-адаптеры; всего было зафиксировано использование 1011 жестов (из них 78 дейктических, 183 репрезентирующих, 333 прагматических и 417 адаптеров). В ходе аннотирования видеозаписей было установлено количество проявлений образ-схем указанных четырех типов, синхронизированных с каждым из типов жеста. Определено, что наблюдаемые различия в использовании образ-схем и типов жеста в целом по выборке являются значимыми при $F(3)=9.3$, $p=0.026$. Далее при статистическом анализе устанавливалось различие в использовании каждого типа образ-схемы с жестами. В ходе парных текстов различия обнаружены в реализации образ-схем PART-WHOLE и FUNCTION, а также во всех парах KIND и FUNCTION, KIND и LIFE-HISTORY, FUNCTION и LIFE-HISTORY; при этом наибольшие различия наблюдаются в использовании дейктических жестов. Полученные результаты свидетельствуют о том, что самые частотные образ-схемы конструирования объектов в рассмотренном типе дискурса – это схемы KIND и FUNCTION. Представим их подробнее. Образ-схема KIND (процентные доли дейктических, репрезентирующих, прагматических жестов и адаптеров – 5.36, 19.24, 32.18 и 43.22) чаще, чем иные схемы, сопровождается репрезентирующими жестами и адаптерами, что свидетельствует в пользу того, что схема используется для фокусирования некоторой характеристики (свойства), обнаруживаемой как у представляемого объекта, так и у иных объектов, и что этот процесс сопровождается большим сомнением и неуверенностью. Образ-схема FUNCTION (процентные доли – 7.12, 16.36, 34.83 и 41.69) чаще сопровождается прагматическими жестами (и реже – репрезентирующими), что свидетельствует о ее более высоком оценочном и эмоциональном потенциале, а также о ее роли в конструировании события самой коммуникативной ситуации (на это указывает использование прагматических жестов структурирования дискурса). При этом статистически значимые различия были обнаружены только в отношении одной группы жестов – дейктических. Их процентная доля в сопровождении образ-схемы PART-WHOLE самая высокая (13.73), что демонстрирует особый когнитивный потенциал схемы – конструирование объектов с помощью указания на них на фоне иных объектов как текущей коммуникативной ситуации, так и иных ситуаций вне коммуникации.

В ходе второго эксперимента устанавливалась значимость для метафорического конструирования объектов их синтаксической выделенности как одного из способов реализации когнитивного механизма фокусирования [Ирисханова 2014] в предложении. Как известно, объект, обозначенный окказиональной метафорой, становится менее доступен (согласно теории доступности, см. в [Siewerska 2004]), однако, предположительно, большая синтаксическая выделенность может повысить его доступность для читателя. Для ранжирования роли фокусирования при метафорическом конструировании объекта проведен окулографический эксперимент (оборудование айтрекер SMI Red-x), в ходе которого тестировалось глазодвигательное поведение 14 читателей в зонах (выделялись в программе BeGaze 3.0) однословных окказиональных метафор. Так, сниженную степень синтаксической выделенности можно наблюдать в контексте с метафорой *кольцо* в теме высказывания в *На другой стороне площади появилось много новых развязок и эстакад, и это бетонное кольцо грозило охватить весь город*; высокую степень выделенности – в контексте с метафорой *сеть* в реме высказывания в *Вот это застывшее лицо он сильно старался забыть, потому что память – это настоящая сеть, которую не следует чересчур напрягать, чтобы удерживать тяжелые грузы*. Установлено, что средние показатели первой фиксации в зонах с метафорой в теме высказывания выше, хотя различие статистически незначимо. В средней продолжительности фиксации в зоне метафор статистически значимых различий также обнаружено не было; при этом в целом их значения выше в зонах нахождения метафоры в реме. Таким образом, роль синтаксического фокусирования для чтения метафор не является однозначной. Мы далее предположили, что различия в глазодвигательных показателях обусловлены тем, что читатель должен не только прочесть, но и распознать метафору. Анализ успешности распознавания метафор показал, что метафоры в составе темы распознаются лучше (успешность распознавания составляет 79.6%), чем в реме (успешность распознавания – 59.5%), возможно, успешность обеспечивается увеличенной продолжительностью первой фиксации в зоне. Полученные результаты указывают на то, что присутствие прямого антецедента и метафоры в одной клаузе сдерживает распознавание идентифицирующего значения метафоры в реме. Это означает, что синтаксическое фокусирование действительно оказывается значимым для чтения окказиональных метафор; однако их более успешное распознавание связано с обеспечением их доступности, которая разрешает использование в синтаксически невыделенной позиции. Полученные выводы подтверждают необходимость изучения двух аспектов, доступности и фокусирования [Siewerska 2004], в рамках единого процесса конструирования информации в дискурсе.

Приведенные эксперименты демонстрируют эффективность разработанного метода полимодального анализа с применением второй модальности, коммуникативной (в первом эксперименте) и семиотической (во втором эксперименте) для анализа особенностей языкового конструирования. Как можно заметить, полученные результаты позволяют не только доказать значимость определенных когнитивных механизмов и категорий языкового конструирования, но и ранжировать их значимость, а также установить их соотношенность со смежными когнитивными феноменами.

Литература

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: ЯСК, 2014.

Ирисханова О. К. (ред.) Полимодальные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2021.

Киосе М. И., Прокофьева О. Н., Ржешевская А. А., Харламова Т. Г. Уникальность и типичность представителей гетеросемиотического единства: алгоритм и процедура анализа // Критика и семиотика. 2020. Вып. 2. С. 70–86.

Cienki A. Ten lectures on spoken language and gesture from perspective of cognitive linguistics. Issues of dynamicity and multimodality. Leiden: Brill, 2017.

McNeill D. Gesture and thought. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Pustejovsky J. The syntax of event structure / Mani I., Pustejovsky J., Gaizauskas R. J. (eds.) // The Language of Time: a Reader. Oxford, U. K.: Oxford University Press, 2005. P. 33–60.

Siewerska A. On the discourse basis of person agreement / Verhagen T. (ed.) // Approaches to Cognition through Text and Discourse. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 33–48.

M. I. Kiose (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics RAS,
Moscow State Linguistic University

MULTIMODAL ANALYSIS OF LINGUISTIC CONSTRUAL

The study develops the procedure of multimodal analysis to explore linguistic construal via indirect measurement. Linguistic construal phenomena are identified and their construal potential is ranged by means of response reactions to the changes in contingent modalities, communicative in gesture behavior and semiotic in gaze behavior. The work describes the research procedure in two experiments which allow to follow its both semiotic variants of realization.

Key words: multimodal analysis, linguistic construal, gesture, gaze behavior.

*Э. Т. Костоусова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный
лесотехнический университет
elvira.1868@mail.ru*

**МЕТАЯЗЫКОВОЕ ОПИСАНИЕ
НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
КАК ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
МНОГОЯЗЫЧИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир»)**

В статье рассматривается метаязыковое описание невербальных сигналов (взглядов) в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Установлено, что невербальное поведение персонажей, представленное в тексте через метаязыковые репрезентации, выступает формой проявления многоязычия. Выявлены номинативные единицы, семантика взглядов и их роль в коммуникации персонажей.

Ключевые слова: многоязычие, метаязыковой, невербальное поведение, описание взгляда.

Явление многоязычия художественного текста рассматривается нами не только как совокупность естественных языков, функционирующих в тексте, но и как присутствие в тексте «искусственных языков, параязыков, кинетических, языков культуры и др., а также смешения языков» [Чувакин, 2014: 8]. Границы многоязычия текста расширяются, если рассматривать язык художественного произведения как уровень метаописания представленных в нем действий, событий, невербальных сигналов персонажей [Кобозева 2009: 25–27]. Вслед за А. Л. Дроновой, мы полагаем, что «метаязык, в качестве которого в литературном художественном тексте выступает естественный язык, ничем не ограничен и способен описать любые внеязыковые явления, в том числе и невербальные сигналы, так как является частью языкового сознания человека» [Дронова 2014: 85].

На наш взгляд, одной из форм проявления многоязычия текста выступает невербальное поведение персонажей, представленное в художественном тексте через метаязыковые репрезентации. Невербальное поведение персонажей является частью коммуникации, которая передает более точную и верную информацию, чем вербальная ее составляющая. Восприятие невербального поведения в реальной коммуникации происходит неосознанно и подвергается анализу в процессе рефлексии. Интерпретация невербального поведения персонажей в художественном тексте содержится в авторском описании.

Целью данной статьи является рассмотрение метаязыкового описания невербального поведения, а именно взглядов в романе Л. Н. Толстого «Война и мир».

Взгляд обладает определенными характеристиками. В. А. Лабунская отмечает направленность, время фиксации, темп взгляда (динамические характеристики) и выражение глаз (качественная характеристика)» [Лабунская 2009: 274]. В. В. Ганина выделяет пять функций взгляда: «регулировка процесса коммуникации, проверка обратной связи, отражение когнитивной активности, выражение эмоций, выражение характера межличностных отношений» [Ганина 2006: 15]. Классификация взглядов М. Кранах, принятая в окулесике, приведена Г. Е. Крейдлиным: «односторонний взгляд» (взгляд одного человека на другого, но не на лицо); «взгляд в лицо»; «прямой взгляд» (в глаза); «совместный взгляд» (взгляд партнеров друг другу в лицо); «контакт глаз» или «визуальный контакт» (оба партнера осознанно смотрят друг другу в глаза); «избегание взгляда (один из участников диалога стремится избегать взгляда в глаза со стороны собеседника); «пропуск взгляда» [Крейдлин 2002: 384]. В. С. Корнилова и Е. А. Сошина отмечают, что визуальный контакт указывает на готовность собеседника «воспринимать информацию», а «процесс передачи вербальной и невербальной информации осуществляется при постоянном зрительном контакте» [Корнилова, Сошина 2020: 26].

Анализ контекстов с описанием взглядов в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» выявил номинативные единицы, указывающие на деление взглядов в зависимости от направления и выражения.

1. Направление взгляда.

1) прямой взгляд – *Наташа сидела вытянувшись, испытующе и прямо глядя то на отца, то на Пьера* [т. 5: 89].

Номинативные единицы, описывающие направление взгляда, сочетаются с лексемой «прямо», которая характеризует направление взгляда и уточняет его семантику. Значение прямого взгляда заключается в запрашивании информации, такой взгляд имеет непосредственное отношение к коммуникации.

2) взгляд вверх/вниз – *Monseigneur! – вскрикнул Пьер не обиженным, но умоляющим голосом. Даву поднял глаза и пристально посмотрел на Пьера* [т. 6: 42]; – *Отчего вы уезжаете? Отчего вы расстроены? Отчего?.. – спросила Пьера Наташа, вызываясь глядя ему в глаза. «Оттого, что я тебя люблю!» – хотел он сказать, но он не сказал этого, до слез покраснел и опустил глаза* [т. 5: 91].

В первом контексте наблюдается сочетание номинации «поднять глаза» и номинации «посмотреть». В свою очередь номинативная единица «посмо-

треть» соотносится с лексемой «пристально», уточняющей характер взгляда. Взгляд вверх выступает в роли реплики персонажа в диалоге. Вербализация взгляда отражает способ выполнения, однако контекст позволяет читателю интерпретировать его семантику. Во втором контексте номинативная единица «опустить глаза» также отражает коммуникативный характер движения глаз. Изменение цвета кожи персонажа (*до слез покраснел*) отражает сильную степень волнения говорящего, а движение глаз демонстрирует его нежелание обсуждать свое эмоциональное состояние.

3) взгляд в сторону – *Солдаты, не поворачивая головы, косились друг на друга, с любопытством высматривая впечатление товарища* [т. 3: 33]; *Он (старый князь) радостно из-под своих густых нависших бровей косился на сына* [там же: 276].

В данных примерах номинативные единицы, описывающие взгляд, сочетаются с лексемами, которые указывают на эмоции, которые испытывают персонажи (любопытство, радость).

4) взгляд назад – *Гувернантка беспокойно оглядывалась, как бы приоттавливаясь к отпору, ежели бы кто вздумал обидеть детей* [там же: 230].

Как видно из примера, героиня оглядывается, так как чувствует беспокойство или тревогу. Семантика эмоции, которую испытывает героиня, выражена лексемой «беспокойно».

2. Выражение взгляда. Выражение взгляда, как и выражение глаз, является способом отразить эмоциональное состояние человека. Например: *Лицо ее (княжны Марьи) просияло улыбкой; но в то же самое время она вздохнула, и тихая грусть выразилась в ее глубоком взгляде* [т. 6: 282]; *Денисов с испуганными глазами спрятал свои мохнатые ноги под одеяло, оглядываясь за помощью на товарища* [т. 4: 9].

Выражение глаз представлено номинативными единицами «глаза», «выразиться во взгляде», «смотреть». Лексемы «грусть», «испуганные» указывают на эмоции персонажей. Таким образом, выражение глаз – основной источник выражения разнообразных эмоций.

Однако понятия *глаза* и *взгляд* совпадают не полностью. Е. В. Урысон полагает, что «взгляд всегда предполагает объект, на который субъект смотрит, в отличие от глаз», взгляд обладает способностью «участвовать в описании ситуации не смотря, а видения» [НОССРЯ 1997: 27]. Взгляд имеет время фиксации (*мимолетный, долгий, пристальный, упорный*).

Визуальный контакт либо его избегание – неперенный атрибут коммуникации. Интерпретация визуального контакта или его избегания становится важной из авторского описания:

1) визуальный контакт – *Глаза генерала и солдата встретились. Генерал замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф* [т. 3: 296].

С помощью визуального диалога персонажи обмениваются информацией. Семантика данного обмена взглядов заключается в интерпретации взгляда каждым из участников визуального контакта. Лексема «сердито» указывает на эмоцию, которая возникла после обмена взглядами у одного из участников диалога.

2) избегание визуального контакта – *Балашев стоял, опустив глаза, глядя на движущиеся толстые ноги Наполеона, и старался избежать его взгляда* [т. 5: 31].

В рассмотренном контексте представлена номинативная единица «избегать взгляда». Анализируя невербальное поведение собеседника, герой «считывает» информацию и делает логические выводы.

Таким образом, метаязыковое описание движения глаз в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» является формой проявления многоязычия. Вербальное описание взгляда и глаз употребляется автором не только для характеристики эмоционального состояния персонажей, но и для сопровождения речи персонажей или ее замещения. Многоязычие художественного текста выступает комплексным явлением, через призму которого можно рассматривать характер взаимодействия вербальной и невербальной коммуникации.

Литература

Ганина В. В. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006.

Дронова А. Л. Метаязыковые механизмы описания взглядов и мимических движений (глаза и брови) как невербальных сигналов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 84–88.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Корнилова В. С., Сошина Е. А. Зрительный контакт как форма невербальной коммуникации: основные теоретические подходы // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. Вып. 11, № 4. С. 21–29.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Лабунская В. А. Не язык тела, а язык души! Психологи невербального выражения личности. Ростов н/Д: Феникс, 2009.

НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Первый выпуск / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 3–6. М.: Правда, 1987.

Чувакин А. А. Коммуникация в рассказах журнала «Новый мир»: Шукшин и современность // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 6–13.

*E. T. Kostousova (Yekaterinburg, Russia)
Ural State Forest Engineering University*

**METALINGUISTIC DESCRIPTION
OF NONVERBAL BEHAVIOR
AS A FORM OF MANIFESTATION
OF MULTILINGUALISM OF A LITERARY TEXT
(based on the material of L. Tolstoy's novel "War and Peace")**

The article deals with the metalanguage description of nonverbal signals (glances) in the novel "War and Peace" written by L. Tolstoy. It has been established that the nonverbal behavior of the characters, represented in the text through metalanguage representations, is a form of manifestation of multilingualism. Nominative units, the semantics of glances and their role in the communication of characters have been clarified.

Key words: multilingualism, metalanguage, nonverbal behavior, glance description.

*Л. В. Лаенко (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
lvlaenko@mail.ru*

**ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ
В ЦВЕТОВОМ ПОЛЕ СФЕРЫ FASHION**

В работе уточняется понятие лингвосемиотической креативности на материале поликодовых текстов рекламы модных цветов одежды, предлагаемых институтом цвета Pantone. Отмечаются особенности таких текстов, заключающиеся в использовании двух типов кодов – вербального (различные типы номинаций избираемых в качестве актуальных для каждого сезона модных цветовых оттенков) и невербального (использование числового кода и колористического образца, сопровождающих такие номинации). Делается вывод 1) об избирательности источников цветовой характеристики, влияющих на форму и семантическое содержание номинативных комплексов и призванных вызывать у потребителей программируемые ассоциации на основе актуализации соответствующих фоновых знаний, инспирируемых такими источниками, 2) об идентифицирующей функции числовых кодов и колористических образцов.

Ключевые слова: лингвосемиотическая креативность, поликодовый текст, цвет, номинация, шифр цветового оттенка, числовой код, колористический образец.

Процесс осмысления явления лингвокреативности (далее – ЛК) в силу убежденности в актуальности его изучения в науке о языке приобретает сегодня полиаспектный характер с результирующими эффектами представления линг-

вистами своего видения его сущности, каждое из которых вносит кванты нового и ценного в определение понятия «лингвокреативность», углубляя и уточняя его, в том числе и предложений относительно возможности размышлять над вопросом о целостности выделения разных видов ЛК, обусловленных различными типами дискурса в силу особенностей конструирования каждого из них (см. обзор определений ЛК и ее видов в [Линвокреативность 2021]).

Вызывает в связи с этим интерес предложенное рядом лингвистов понятие лингвосемиотической креативности (далее – ЛСК) как вида ЛК, которая, по мнению авторов, будучи также категорией когнитивной, «рефлектирует способность человека ментально освоить материальную действительность, обнаружить в ней объекты и феномены, нуждающиеся в усовершенствовании, или прогнозировать создание новых объектов / феноменов, отвечающих растущим потребностям человека, чтобы затем семиотизировать вообразенные объекты / феномены, воплотив их образы в вербальные и невербальные знаки» [Олянич 2016].

Авторы различают ЛК и ЛСК, отмечая, что «лингвистическая креативность связана с проявлением когнитивных и творческих возможностей человека в оперировании языком в прагматических целях, «работает» исключительно с языковыми знаками», в то время как ЛСК «также оперирует языковыми знаками, однако ее базовым отличием от креативности лингвистической является ее первоочередная способность оперировать ментальными сущностями (концептами) и в том числе знаками неязыковыми» [Рыльшикова 2016: 10]. Видится, что позиционирование ЛСК посредством такого её понимания авторами обусловлено объектом исследования – художественными произведениями научной фантастики, что объясняет референцию к объектам / феноменам воображаемым, однако в толковании понятия, с одной стороны, заслуживает одобрения акцентирование типов средств репрезентации таких образов (знаков не только вербальных, но и невербальных), что логично, с другой же, видится дискуссионным предлагаемое основание для отличия ЛСК от ЛК – «первоочередная способность оперировать ментальными сущностями (концептами)», т. к. ЛК также первоначально исходит из нетривиальных, уникальных концептов, требующих от человека изыскания новых языковых форм их означивания. В целом же, представляется, что ЛСК свойственна не только дискурсивному пространству научной фантастики, но и процессу конструирования иных типов дискурса, что зависит от исследовательского ракурса их рассмотрения, а потому, полагаем, оправдывает её позиционирование как вида ЛК, но требует соответствующей аргументации.

Рассмотрим проявление ЛСК в рекламном дискурсе, в частности, в рекламе ежегодных модных цветов одежды и цвета года, предлагаемых институтом цвета Pantone. Ношение одежды – одна из сфер жизни совре-

менного общества, обладающей явно выраженным семиотическим характером, транслирующей соответствующую информацию о человеке, который её носит, а «выраженная с помощью знаков, она всегда имеет знаковую природу» [Кубрякова 2007: 85], в том числе и её цвет как один из лидирующих критериев модного, если он означен специально созданными прагматически ориентированными колористическими номинациями. Важна в связи с этим мысль Е. С. Кубряковой о том, что «семиотически маркированные объекты представляют не только самих себя, не только некие реальные объекты (в их физической определенности), но и то, **знаниями о чем** они являются в данной культуре» (выделено нами. – Л. Л.) [Кубрякова 2007: 83].

При предложении цвета года и его цветовой палитры институт цвета руководствуется в процессе создания их номинаций рекламным правилом ориентированности на ассоциации потребителей, связанные с явлениями культуры, природы, истории, событиями текущего исторического периода (преимущественно 2018–2021 г.г.) и тем самым влияющие на восприятие цвета, а в последнее время (2022–2023 г.г.) – с фокусом на креативирование образных сложных названий цветовых оттенков, даже если они не очень понятны, но предположительно могут вызвать интерес у воспринимающих их, обещать коммерческий успех, должны быть эмоционально действенными и внушать мысль о том, что речь идёт о совершенно новом цвете, который нужно предпочитать в своей одежде, чтобы добиться социального престижа.

В результате создаются поликодовые типы текстов, включающие информацию о названии цветового оттенка, его социокультурной интерпретации (вербальный код), числового кода цветового оттенка и колористического образца (невербальный код).

Так, по решению Pantone, предложение цвета года 2022 PANTONE® 17–3938 Very Peri (динамический оттенок синего барвинка с живым фиолетово-красным подтоном) сопровождается информацией объяснительного характера относительно того, что данный цветовой оттенок символизирует то, как пандемия и переход на удаленную работу расширили границы реальности, когда физическая и цифровая жизни слились воедино [https://aif.ru/culture/art/chto_zhivaia_zhizn_very_peri_izbran_glavnym_cvetom_2022_goda_po_versii_pantone/].

Цветом 2023 года выбран Pantone 18–1750 *Viva Magenta* (яркий, насыщенный и жизнерадостный красный оттенок, вдохновленный природой – красным цветом кошенили (насекомого, из которого получают красный цвет). Гибридный цвет между красным и фиолетовым (карминовый), холодным и теплым, который без колебаний побуждает к экспериментам и самовыражению. Его ношение – это заявление и проявление бунта в неблагоприятные времена по мере выхода людей из изоляции [<http://marketing.by/novosti-rynka/huawei-i-pantone-color-institute-budut-vmeste-privodim-vyvat-tsveta-dlya-smartfonov/>].

Таблицы рекламируемых ежегодных цветовых оттенков также содержат как вербальные, так и невербальные знаки: их номинации, образованные по разным словообразовательным моделям (вербальный код), иллюстрирующие использование их лексических компонентов во вторичной семиотической функции (референция к когнитивному контексту потребителей, содержащему предполагаемые рекламоздателями фоновые знания), и колористические образцы, сопровождающие такие номинации и визуально демонстрирующие их семантическую идею (невербальный код).

Проиллюстрируем семиотическую игру в словообразовательных типах таких номинаций по материалам предлагаемой цветовой палитры на 2023 год. Вторичную семиотическую функцию *номинация цвета* реализуют создаваемые либо однословные наименования нового цветового оттенка на основе метафорического переноса (Macchiato – роскошный оттенок светло-коричневого восхитителен так же, как его ароматный итальянский тезка с легким слоем пены (от *macchiato* букв. «запятнанный») – кофейный напиток, изготавливаемый путем добавления к эспрессо минимального количества («пятнышка») молока, обычно взбитого), либо составные наименования метонимического или метафонимического типов (Love Bird – экзотический зеленый цвет с живым характером, зеленый оттенок Martini Olive одновременно соленый и пьянящий) с использованием имен из следующих наиболее востребованных институтом тематических групп денотатов в качестве лексических конститuentов таких комплексных знаков:

1) явления природы: Polar Night – вдохновленный космосом, открывает тайны новых горизонтов, Skylight – цвет прозрачной чистой воды, который олицетворяет безмятежность; 2) географические реалии экзотических стран: знойный желтый цвет Samoan Sun согревает и обещает много радости; 3) природные вещества, драгоценные и полудрагоценные камни, минералы: Grayed Jade – серый нефрит, Chiseled Stone – точеный камень; 4) реалии флоры (цветы, плоды и др.): Nosegay – розовый цвет, обволакивающий нас ароматом и нежностью цветов (от Пион Ноузгэй – ранний гибрид с простыми изящными цветками), Spring Crocus – весенний крокус: цветочно-фиолетовый цвет первым расцветает ранней весной, Blueberry – глубокий, темный цвет индиго дарит контраст и прочность этой модной палитре, Strawberry Cream – светло-розовый оттенок, сладкий и мягкий, Persimmon – медово-коралловый оттенок хурмы, сочный оранжевый Tangelo (танжело – фрукт, выведенный путем скрещивания танжерина и грейпфрута (или помело)), Oyster Mushroom – вешенка: непредполагаемый серый с тихой силой, красный Cherry Tomato привлекает внимание и соблазняет; 5) фауна: причудливый Orange Tiger – новый ярко-оранжевый оттенок, Arctic Wolf – мягкий белый цвет с молочным оттенком; 6) еда, напитки, специи, пряности, сладости: восхитительный коричневый оттенок Caramel Café соблазняет и окутывает

свои теплом, Базилик – сладкий и пикантный базилик излучает здоровье и хорошее самочувствие, Electric Blue Lemonade – электрический синий лимонад, пряная горчица Spicy Mustard остра и экзотична, Mocha Mousse – Мусс Мокко: мягкий, вкусный молочный шоколадный цвет.

Введение в таблицы колористических образцов как невербальных знаков – удачный прагматический ход в силу того, что они помогают потребителям идентифицировать цветовой образ, репрезентированный в разных типах создаваемых номинаций, которые характеризуются, с одной стороны, использованием системных словообразовательных ресурсов английского языка, а с другой – нетривиальным выбором объектов, онтологически имеющих признак цвета среди других их физических характеристик, с последующим творческим использованием имен таких объектов как лексических компонентов таких номинаций, формирующих мотивационную базу для активизации у потребителей соответствующих ассоциаций.

Литература

Кубрякова Е. С., Бондарчук Г. Г. Семиотические аспекты в изучении категории одежды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 532. С. 81–88.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности: коллективная монография. М.: Р. Валент, 2021.

Олянич А. В., Рьльщикова Л. М. Лингвосемиотическая креативность в дискурсивном пространстве научной фантастики: пролегомены к определению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskaya-kreativnost-v-diskursivnom-prostranstve-nauchnoy-fantastiki-prolegomeny-k-opredeleniyu> (дата обращения: 22.01.23).

Рьльщикова Л. М. Лингвосемиотическая креативность научно-фантастического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016.

L. V. Laenko (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

LINGUOSEMIOTIC CREATIVITY IN THE COLOR FIELD OF FASHION SPHERE

The paper clarifies the concept of linguo-semiotic creativity on the material of polycode texts for advertising fashionable clothing colors offered by the Pantone Color Institute. The features of such texts are noted, which consist in the use of two types of codes – verbal (different types of nominations chosen as fashionable color shades relevant for each season) and non-verbal (use of a numerical code and a color sample accompanying such

nominations). The conclusion is made 1) about the selectivity of the sources of color characteristics that affect the form and semantic content of nominative complexes and are designed to evoke programmable associations in consumers based on the actualization of the relevant background knowledge inspired by such sources, 2) about the identifying function of numerical codes and color samples.

Key words: linguosemiotic creativity, polycode text, colour, nomination, numerical code, color pattern.

М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева
(Пятигорск, Россия)

Пятигорский государственный университет
Laatuu@yandex.ru, jennifer1979@yandex.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ
КОГНИТИВНОЙ МАТРИЦЫ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»
В ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТАХ
КОНФЛИКТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ¹**

В настоящей работе анализируются особенности реализации дихотомии «Свой-Чужой» в поликодовых текстах конфликтной направленности, специфика формирования автором образов, соотносимых им с полюсами данной когнитивной матрицы, и используемые при этом трансформации в составе вербального и иконического компонентов.

Ключевые слова: поликодовый текст, когнитивная матрица, «Свой», «Чужой», «Иной», вербальный компонент, иконический компонент.

В глобализованном мире человек постоянно сталкивается с объектами и явлениями родной и чужих культур. Дихотомия «Свой-Чужой» отражает восприятие индивидом элементов окружающей среды, быта как свойственных или несвойственных его культуре, мировоззрению, традициям. Не вызывает сомнений, что данная когнитивная матрица может реализовываться в различных видах дискурса, например, в экстремистском, военном, политическом, журналистском, юридическом, спортивном, рекламном и др., что убедительно иллюстрируется в работах современных исследователей [Соломина 2014]. При этом также весьма очевидно и ожидаемо, что особенности ее реализации в них могут проявляться по-разному и отличаться, иногда существенно.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20091, <https://rscf.ru/project/22-18-20091/> в Пятигорском государственном университете.

В данном случае речь идет не только о характерной для конкретного дискурса системы понятий и средств их выражения, но также о степени полярности категорий «Свой» и «Чужой», характере и интенсивности проявления оценочности, различной интенциональности, реализуемых в текстах. Последнее способствовало возникновению необходимости в уточнении, выделению еще одного полюса (категории) «Другой» [Дубоссарская 2008]/ «Иной» [Кислякова, Соломина 2011]. Элементы и особенности другой культуры, социальных норм или поведения в зависимости от ситуации могут восприниматься нейтрально, игнорироваться, осознанно приниматься, вызывать интерес. В отличие от полюса «Чужой», который ассоциируется с выраженной негативной оценкой [Матвеева 2007], данный полюс предполагает в большей степени нейтральное восприятие элементов, которые не соотносятся с полюсом «Свой», а не их неприятие.

Данный факт способствовал формированию нескольких подходов. Так, ряд исследователей при анализе конкретного языкового материала отдельно рассматривает бинарные оппозиции «Свой-Иной/Другой» и «Свой-Чужой» [Селютин 2010]. В рамках другого подхода исследователи представляют рассматриваемую когнитивную матрицу как трехчленную оппозицию «Свой-Иной-Чужой» [Кислякова, Соломина 2011]. При этом также следует отметить, что в рамках бинарной оппозиции под полюсом «Чужой» исследователи могут подразумевать как нечто «иное», так и полностью «чуждое», в связи с чем последние могут рассматриваться как его подкатегории. Репрезентация полюса «Чужой» в понимании «чуждый» во многом является характерной для конфликтных текстов и взглядов крайнего толка. В этой связи значимым представляется рассмотрение реализации данной когнитивной матрицы в поликодовых текстах конфликтной направленности. В рамках настоящего исследования анализировались мемы и демотиваторы конфликтогенного содержания, носящие ксенофобский характер, а также посвященные «войне полов», которые представляют собой вербально-визуальное единство. Объем выборки составил 1150 поликодовых текстов.

Независимо от подхода реализация когнитивной матрицы «Свой-Чужой» с учетом существования полюса «Иной» представляется значимой для исследования поликодовых текстов разной конфликтной направленности как в аспекте специфики репрезентации знания, так и способов воздействия на адресата, особенностей и моделей их построения, реализуемых их авторами. В рассматриваемых конфликтогенных поликодовых текстах отдельные смысловые компоненты их содержания представляют собой элементы знания разного формата и репрезентируют ряд понятийных категорий, коррелирующих с часто актуализируемыми в данных текстах компонентах и составляющих ситуации. К таковым относятся: «субъект», «процесс» (действие),

«характеристика», «локация», «объект», «вещество», «феномен», «ситуация». При этом определенные смысловые компоненты данных категорий могут соотноситься автором текста с одним из полюсов когнитивной матрицы и находить выражение как в составе вербальной, так и невербальной его части посредством языковых средств и элементов изображения. Как показывает анализ, отдельные смысловые компоненты полюсов когнитивной матрицы, например, субъект полюса «Свой», субъект полюса «Чужой», характеристика полюса «Чужой» и т. д., выступают значимыми составляющими в структуре поликодовых текстов конфликтного содержания, паттернов построения, реализуемых их автором.

Одной из основных целей и интенций конфликтного текста, потенциально реализуемых его автором, является изменение отношения и восприятия адресатом определенных актуализируемых смысловых компонентов, которые потенциально соотносимы с полюсом «Иной», трансформация полюса «Иной» в полюс «Чужой» (в понимании «чуждый»), что может сопровождаться возвышением смысловых компонентов, соотносимых с полюсом «Свой», и создавать ситуацию противопоставления высокой степени полярности посредством использования особого языкового оформления, коммуникативных формул, моделей.

Используемые автором языковые и иконические средства, репрезентирующие смысловые компоненты, соотносимые с полюсом «Чужой» характеризуются отрицательной коннотацией, формируют у адресата негативное восприятие, а в отношении смысловых компонентов полюса «Свой» – положительное. Если понятия, соотносимые с полюсом «Иной» могут не вызывать негативной оценки, провоцировать интерес, способствовать расширению кругозора, то актуализация автором конфликтного текста полюса «Чужой» предполагает полное неприятие соотносимого с ним объекта или явления, восприятие его как потенциальной угрозы для представителей полюса «Свой», автор моделирует у реципиента эмоциональное напряжение, которое приводит к сужению угла восприятия, блокированию интереса к реалиям действительности, соотносимым с полюсом «Иной», любознательности, положительного нейтрального или положительного их восприятия.

В анализируемых текстах данная трансформация, как правило, реализуется в отношении смысловых компонентов категорий «субъект», «характеристика», «процесс», выступающих мишенью для автора текста. При этом она может осуществляться посредством соотношенности смысловых компонентов разных категорий, например, репрезентации смыслового компонента категории «субъект», соотносимого автором с полюсом «Чужой» и смысловых компонентов категории «характеристика», в частности, отрицательных качеств, приписываемых автором данному субъекту для поддержания или

формирования стереотипов; также актуализации действий негативного характера, приписываемых автором субъекту полюса «Чужой» и действий, направленных против него, в рамках конструируемых конфликтных ситуаций; репрезентации данных смысловых компонентов языковыми средствами с отрицательной коннотацией, например, бранной и табуированной лексики, представляющей собой номинации представителей определенной социальной группы, и элементами изображения, используемыми автором для формирования негативного образа; субъективной интерпретации понятий категорий «субъект», «характеристика» посредством толкований негативного содержания и отрицательных метафорических образов. Также в данных текстах используются обобщения, стереотипные высказывания, носящие выражено отрицательный, осуждающий характер в отношении представителей полюса «Чужой», при этом полностью отсутствует упоминание положительных качеств последних.

Таким образом, реализация когнитивной матрицы «Свой-Чужой» во многом определяет специфику и паттерны содержания поликодовых текстов конфликтной направленности, при этом трехчленная оппозиция позволяет рассмотреть механизмы, лежащие в основе трансформации автором полюса «Иной» в полюс «Чужой», которой нередко подвергаются смысловые компоненты категорий «субъект», «характеристика», «процесс». Реализация последней достигается посредством использования автором характеристик, стереотипных ситуаций, вербальных и невербальных средств, толкований и метафорических образов негативного содержания. Осуществляя данную трансформацию, автор конфликтного текста фокусирует внимание адресата на моделируемом им негативном образе, противопоставлении полюсов «Свой» и «Чужой» с использованием экспрессивных языковых средств, инвективной лексики. Трехчленная когнитивная матрица в связи с этим потенциально может использоваться для установления различий и разграничения конфликтных поликодовых текстов и обычных поликодовых текстов неконфликтного содержания.

Литература

Дубоссарская М. Л. Свой-Чужой-Другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 1. С. 167–174.

Кислякова Е. Ю., Соломина В. В. Концептуальная триада «Свой-Чужой-Иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 72–76.

Матвеева А. А. Роль оценки в выявлении многоуровневых отношений внутри категории «Свой-Чужой» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4–2. С. 134–139.

Селютин А. А. Оппозиции «Свой-Иной», «Свой-Чужой» в интернет-коммуникации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010. № 1. С. 63–67.

Соломина В. В. Особенности реализации оппозиции «Свой-Чужой» в различных видах дискурсов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 3. С. 176–182.

M. N. Latu, Y. R. Tagiltseva (Russia)

Pyatigorsk State University

«OWN-ALIEN» COGNITIVE MATRIX IN POLYCODE TEXTS OF CONFLICT NATURE

The paper analyzes the specificity of the implementation of the «Own-Alien» dichotomy in polycode texts of conflict nature, the peculiarities of the author's formation of images that he correlates with the poles of this cognitive matrix, and the transformations used in the composition of the verbal and iconic components.

Key words: polycode text, cognitive matrix, pole “Own”, pole “Alien”, pole “Other”, verbal component, iconic component.

В. Г. Моргун (Красноярск, Россия)

Сибирский федеральный университет, ИФУЯК

v.g.morgun@bk.ru

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ДЕНЬГАМ В КИТАЕ

В статье рассматриваются особенности поликодового текста как средства конструирования отношения к деньгам в Китае на примере сопроводительных иллюстраций к обучающей статье. В исследовании представлен анализ мотивационных поликодовых текстов в контексте речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: поликодовый текст, финансовое воспитание, социальное конструирование, концепт ДЕНЬГИ, лингвокультура Китая.

Современный этап развития китайской культуры характеризуется популяризацией идеи и научных работ о поликодовых текстах, которые являются неотъемлемой частью жизни населения разных возрастов и слоёв общества.

Поликодовый текст – это «текст, объединяющий различные по своей семантической природе, но предназначенный исключительно для зрительного восприятия составляющие» [цит. по: Сонин 2005: 82]. К основным компонен-

там таких текстов относят: 1) изображение + надпись, 2) серия изображений + сопровождающие надписи, 3) вербальный текст + изображение с надписью и без, а также основной вербальный текст + изображение с сопровождающей надписью [Анисимова 1992: 75]. Более того, Е. В. Мыслицкая, О. В. Серeda в своём исследовании выдвинули классификацию поликодовых текстов по их жанровой принадлежности: мемы (включающие в себя эдвайсы), демотиватор, комикс-стрип, карикатура [Мыслицкая, Серeda 2018: 88–89].

В данной статье рассматриваются особенности сочетания серии изображений с надписями, которые содержат ключевые правила грамотного распоряжения деньгами. Составители руководствовались несколькими параметрами прогнозируемого когнитивно-коммуникативного эффекта:

- легкое восприятие текста;
- сформулированная директива [Зинюк 2022: 27];
- возрастная категория;
- воспроизводимость в жизненных условиях.

Обучение по распоряжению своими финансами дети и взрослые получают как в домашних условиях, проговаривая ключевые аспекты в беседе, читая специальную литературу, разыгрывая возможные ситуации, так и на занятиях в школе, университете или на работе.

Следует отметить, что в Китае родители начинают учить детей пользоваться деньгами с раннего возраста, поскольку в связи с развитием экономики и высоким доходом родителей дети должны уметь распоряжаться достаточно крупными суммами денег. В качестве примера нами были взяты мотивационные интернет-картинки из китайских обучающих статей по распоряжению личным бюджетом. Основная аудитория – родитель + ребёнок.

Рассмотрим первый иллюстративный материал поликодового текста по конструированию отношения к деньгам (см. пример 1).

1. Яркое изображение призывает к повышенному вниманию реципиента.
2. Текст выделяется тёмным цветом для комфортного чтения.
3. Расположение текста не мешает зрительному восприятию, что позволяет коммуниканту заострить своё внимание на целостности картинки и графическом изображении.

Пример 1

4. Базовые упрощённые иероглифы, прочтение и написание которых изучается ещё в раннем детстве (в возрасте 3–4 лет).

5. Текстовое наполнение краткое, конструирующее позитивное отношение к деньгам и манипуляций с ними (управление финансами, накопление): *我要学会自己管钱* (букв.: «Я должен сам научиться управлять деньгами»), *培养孩子的理财观念* (букв.: «Воспитывайте детей согласно концепции управления финансами»).

6. Отсутствие орфографических ошибок.

7. Личный пример. В качестве участников были взяты герои разных возрастов: дети и мать. Своими действиями они побуждают детскую аудиторию учиться распоряжаться финансами, в то время как взрослому – подавать личный пример и участвовать в формировании финансово грамотной личности своего ребёнка.

Кроме того, данный пример соответствует основным требованиям поликодового текста, выдвинутым А. Г. Сониным: наличие вербальных компонентов внутри иллюстрации (текст – небольшие предложения, рассчитанные на детскую аудиторию в Китае); речевая деятельность, осуществляемая зрителем/читателем (чтение текста с родителем и последующее обсуждение); тип вербального текста (нарративный/информативный); возраст, соответствующий заданному материалу; соотношение между объёмом текста и иллюстрацией; форма контроля (в виде обсуждения с родителями и выполнения последующих действий) [Сонин 2005: 118].

Основной задачей второго примера является подготовка ребёнка к жизни в существующих социально-экономических условиях (см. пример 2).

На основе приведённых поликодовых текстов автор статьи совместно с заинтересованными родителями формируют у ребёнка убеждение, что экономические интересы семьи и общества едины, нужно рационально организовывать распределение семейного бюджета, прививать бережное отношение к карманным деньгам.

Пример 2

1. Краткий информативный и грамотно оформленный текст. Выделение тёмным цветом для комфортного чтения:

- 零花钱一周一次 (букв.: «карманные деньги будут выдаваться раз в неделю»),
- 买房 (букв.: «покупка квартиры»),
- 买车 (букв.: «покупка машины»),
- 旅游 (букв.: «путешествие»),
- 理财 (букв.: «финансы»),
- 经营资金 (букв.: «оборотные деньги»),
- 养老金 (букв.: «отчисления в пенсионный фонд»),
- 子女叫育资金 (букв.: «накопления для обучения детей»).

2. Яркий и многокомпонентный иллюстративный материал. Графическая составляющая позволяет с лёгкостью интерпретировать действия участников, например: доверие к ребёнку, воспитание осознанности и самостоятельности несовершеннолетнего, распределение бюджета на базовые (элементы вынесены на передний план) и возможные расходы (изображение мешков с деньгами на заднем плане).

3. Универсальный концепт воспитания финансовой грамотности, не имеющий двойственного толкования. То есть, после получения карманных денег дети должны составить план расходов и посчитать расходную статью (сумму, которую они могут потратить на себя в неделю), а также накопления на желаемый объект/действие.

Следовательно, целостный характер поликодового текста позволяет участникам коммуникации ознакомиться с понятием «деньги», описать действия родителей и детей (семейное обсуждение, личный пример, самостоятельное решение), сформировать положительные прескриптивные установки: воспитывается экономность, бережливость, рассудительность, хозяйственность и расчётливость.

Литература

Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71–78.

Мыслицкая Е. В., Серёда О. В. Поликодовые тексты: понятие и виды // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации: материалы круглого стола с международным участием. Минск: БГУ. 2018. С. 87–90.

Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005.

Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.

V. G. Morgun (*Krasnoyarsk, Russia*)
Siberian Federal University, IFIYAK

POLYCODE TEXTS AS A MEANS OF CONSTRUCTING ATTITUDE TO MONEY IN CHINA

The article discusses the features of polycode text as a means of constructing attitudes towards money in China on the example of the accompanying illustrations for the educational article. The study presents an analysis of motivational polycode texts in the context of speech-thinking activity.

Key words: polycode text, financial education, social construction, the concept of MONEY, Chinese linguoculture.

E. A. Нахимова (*Екатеринбург, Россия*)
*Уральский государственный
педагогический университет*
nakhimova@gmail.com

Е. Ю. Николаева (*Сургут, Россия*)
Сургутский государственный университет
nikolaeva-ey@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

Статья посвящена специфике репрезентации выдающегося премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер посредством визуальных метафор. Используются материалы русскоязычного и англоязычного неинституционального медиадискурса.

Ключевые слова: метафорический образ, Маргарет Тэтчер, Железная Леди, медиадискурс, неинституциональный дискурс, креолизованный текст.

На сегодняшний день наблюдается повышенный интерес к визуальной информации, который был спровоцирован определенными изменениями в обществе. Прагматический потенциал визуального сообщения намного выше вербального, поскольку адресат гораздо быстрее фиксирует в памяти зрительный образ, чем вербальную информацию. Однако, важно отметить, что исключительно «синтез вербальных и невербальных средств» образует информационную емкость и прагматический потенциал креолизованных текстов [Ворошилова 2013: 29].

Визуальные метафоры достаточно распространены в кино, телевидении, искусстве, политических карикатурах и многих других визуальных средствах. Они являются очень мощным инструментом, поскольку могут помочь передать важные значения с помощью одного или нескольких повторяющихся невербальных элементов [Бабикова 2020: 30].

Сфера применения визуальных метафор получила широкое распространение и в политической лингвистике. Исследование метафорического образа политических деятелей привлекло внимание многих авторитетных специалистов [Денисов 2009; Чижик 2015; Гайдаренко 2016; Катермина, Вульфвич 2019; Золотайко 2020; Михневич 2021 и др.]. Цель настоящей статьи заключается в выявлении метафорических моделей, формирующих метафорический образ Маргарет Тэтчер в российском и англоязычном медиадискурсе на невербальном уровне. Для достижения цели методом сплошной выборки было отобрано 576 графических файлов, иллюстрирующих политику выдающегося премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Необходимо отметить, что исследование проводилось посредством сопоставительного анализа метафор в рамках российского и англоязычного медиадискурса на основе креолизованных текстов.

Метафорический образ политического лидера Великобритании Маргарет Тэтчер состоит из 12 метафорических моделей в российском медиадискурсе и 15 моделей – в англоязычном. Количественного сходства показателей не наблюдается: в российском медиадискурсе не обнаружены метафорические модели с доменами «Еда», «Медицина» и «Спорт».

При осмыслении политических действий Маргарет Тэтчер востребованной является метафорическая модель «Политика – это предвыборная гонка» в обоих дискурсах. К числу доминантных следует отнести метафоры со сферой-источником «Политика». Их доля составляет 15% в российских медиопубликациях, 11% – в англоязычных.

Британский политический плакат (рис. 1, стр. 656) содержит прямой призыв «Голосуй». Вербальный компонент изображения, оформленный в нижней части плаката, призывает сделать выбор в пользу лидера Консервативной партии. Стоит отметить цветовую палитру, в которой выполнен плакат: белый цвет является цветом мира и согласия; синий – серьезный, монументальный цвет, созерцание которого вызывает у реципиента чувства спокойствия, доверия и преданности.

Однако, предвыборная агитация всегда являлась предметом критики. На рис. 2 и 3 (стр. 656) изображены умышленно испорченные плакаты. Метафорическая репрезентация политической нечестности выражена вербальным компонентом «Нет любви» и «Ненавидь её». Важно отметить умышленное изменение имени *Thatcher* на призыв *HateHer*. Аналогичным

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

значением обладает и рис. 3, на котором надпись гласит «Не голосуй за мир, безопасность и прогресс». Через повелительное наклонение «*Не голосуй*» автор призывает аудиторию не отдавать свой голос за Консервативную партию.

Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» наиболее распространены в российском медиадискурсе и составляют 12% от общего количества, в англоязычном – 8%. Важно отметить наличие в обоих типах медиадискурса группы изображений с апелляцией к металлу как олицетворению силы и несокрушимости британского премьер-министра. В креолизованных текстах фигурируют элементы различных орудий: молоток, топор и др.

Визуальные метафоры с исходной понятийной сферой «техника», заключенные в невербальном компоненте креолизованных текстов, воплощают в большинстве своем вышедший из строя механизм и свергнутую статую Железной Леди. Знаменитую «Железную Леди» регулярно критиковали и осуждали в годы её правления. В иллюстрации (рис. 4) присутствует антропоним “*Iron Lady*” как образ ненужной вещи, машины, механизма. Данное изображение содержит текст: *здесь покоится Железная Леди*. Невербальная часть преобладает над вербальной: небольшой объем вербальной части сопровождается изображением груды автомобилей, собранной на автомобильной свалке. Схожим смыслом обладает изображение, представленное на рис. 5.

Представленные метафорические переносы (рис. 4–6) профилируют негативные смыслы по отношению к железному характеру Маргарет Тэтчер, который помог ей провести непопулярные реформы, вернуть стране величие и получить прозвище «Железная Леди».

Исследование артефактных метафор показало, что в англоязычном медиадискурсе наиболее популярным является негативный образ жестокого человека, человеконенавистнической машиной. Так, на рис. 6 художник изобразил железную статую, олицетворяющую конец эпохи Железной Леди. Закат эпохи также актуализирован через изображение главного атрибута Тэтчер – чёрной сумки. Такая репрезентация позволяет достичь негативного эффекта и подчеркнуть неодобрение политических действий британского премьера. Надпись гласит: *Железная Леди. Ржавое Наследие*. Закат эпохи Маргарет Тэтчер художник охарактеризовал как конец социальным различиям, безудержному свободному рынку и спаду в обрабатывающей промышленности.

При анализе креолизованных текстов англоязычного медиадискурса, формирующих образ Железной Леди, был обнаружен ряд изображений, обличающих жестокость и беспринципность Маргарет Тэтчер. Особенно

наглядно данное явление отражено на рис. 7, на котором изображена Маргарет Тэтчер в процессе глажки, символизирующей борьбу с растущей безработицей в Великобритании.

Представленные метафоры подчеркивают неуважение и неодобрение данного политика со стороны населения. Подобные метафорические переносы реализуют иронические смыслы по отношению к политическим действиям Маргарет Тэтчер.

Особый интерес вызывает использование на визуальном уровне восприятия элементов загробного мира. Визуальные метафоры с тематикой загробного мира составляют 11% от общего количества анализируемых креолизованных текстов в российском медиадискурсе и 18% в англоязычном.

Визуальные метафоры в модели «БРИТАНСКИЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР – ЭТО ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗАГРОБНОГО МИРА» в разных контекстах актуализируют образы демона, зомби, умершего, грешника, восставшего из ада и др.

Так, уподобление Маргарет Тэтчер демону (рис. 9, 10) несет следующие прагматические смыслы: ненависть

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

к политику, чьи действия привели к ухудшению материального благополучия населения, стали основной причиной финансового кризиса в стране. Вербальный компонент способствует восприятию отрицательной коннотации изображения (рис. 6) «Демон».

Транслируемый в англоязычном медиадискурсе негативный образ британского премьер-министра, нашёл своё отражение в русскоязычных креолизованных текстах. Так, на рис. 8, Маргарет Тэтчер предстаёт в образе зомби. Вербальный компонент гласит: «Зомби экономика». Автор изображения прибегает к олицетворению зомбированного человека. Известно, что Тэтчер заполнилась миру как человек, одержимый экономикой.

Исследование метафорического образа Маргарет Тэтчер позволило выявить специфические черты репрезентации политического лидера Великобритании. Железная Леди изображается в качестве агрессора, беспринципного манипулятора, неудержимой силы, демона.

Метафорический образ политического лидера представляет совокупность метафорических моделей, отражающих различные аспекты окружающей действительности. Количественного сходства показателей метафорических моделей не наблюдается: в англоязычном медиадискурсе метафорический образ Маргарет Тэтчер состоит из 15 моделей, в российском – из 13.

Сопоставительный анализ метафорического образа Маргарет продемонстрировал, что доминантной метафорической моделью в российском медиадискурсе является метафора со сферой-источником «Политика», в англоязычном – «Религия». Политический лидер Великобритании представлен посредством различных образов, которые, в зависимости от контекста, могут профилировать различные смыслы – как негативные, так и положительные.

Идентичные показатели частотности употребления как в российском, так и в англоязычном медиадискурсе, демонстрируются в моделях со сферами-источниками «Армия» (8%) и «Игра» (5%); почти равные – в моделях со сферами-источниками «Физиология» (российский – 8%, англоязычный – 7%), «Преступность» (российский – 8%, англоязычный – 7%), «Животные» (российский – 7%, англоязычный – 6%).

Литература

- Бабикова М. Р. Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2020.
- Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013.

E. A. Nakhimova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University

E. Y. Nikolaeva (Surgut, Russia)
Surgut State University

VISUAL REPRESENTATION OF THE METAPHORICAL IMAGE OF MARGARET THATCHER

The article deals with the specifics of the representation of the outstanding British Prime Minister Margaret Thatcher through visual metaphors. The materials of the Russian-language and English-language non-institutional media discourse are used.

Key words: metaphorical image, Margaret Thatcher, Iron Lady, media discourse, non-institutional discourse, creolized text.

Н. И. Немкина (Москва, Россия)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
nemkinani@my.msu.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В ДИСКУРСЕ СМИ

В статье рассматривается мультимодальность в дискурсе СМИ на основе подхода когнитивной семиотики. Методика концептуального блендинга призвана вывести мультимодальность за рамки простого определения «текст + изображение», переместившись в область когнитивных исследований с учётом экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: мультимодальность, дискурс, код, коммуникация, когниция.

С оформлением антропоцентрической парадигмы лингвистического знания интерес лингвистов смещается с исследования собственно языка на исследование языка в его тесной связи с человеком – субъектом, познающим мир через осознание себя и своей деятельности. «В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык, и 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру» [Серебренников 1988: 9]. Влияние общества на язык может быть сознательным и целенаправленным и регулироваться при помощи языковой политики. В свою очередь, влияние языка на общество обусловлено стремлением к взаимопониманию, совершенствованию языковой способности членов различных социальных групп. Создание новых инструментов для общения с целью придания более

выраженного коммуникативного эффекта становится неизбежным явлением, обусловленным потребностью общества в эффективном взаимодействии. Тем не менее, следует выделить еще один, бессознательный фактор влияния общества на язык – неизбежное изменение дискурса в процессе эволюции общественного уклада и трансформации мировоззренческих моделей, господствующих в массовом сознании. «Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестаёт выполнять свою функцию» [Кронгауз 2012: 19].

Развитие современных электронных средств коммуникации привело к нивелированию стилистических различий устной и письменной речи, обусловленных тенденциями современного общения, а именно изменениями жанров и форматов устной и письменной речи – возникновением таких коммуникативных образований, которые передаются письменно, но содержательно включают в себя все характеристики устного общения (текстинг). Возможности смартфонов постепенно приводят к тому, что все чаще мы получаем не смс, а аудио- и видеозаписи. Все это связано с мультимодальностью общения, обусловленной поликодовостью передачи сообщения, доминированием визуального представления информации.

Мультимодальность понимается как описание общих законов и правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков [Крейдли 2014: 101], соединения различных кодов предъявления информации [Кресс 2009: 55]. Код как элемент базовой модели коммуникации, передающий смысл, может быть вербальным, паралингвистическим и экстралингвистическим. Вербальный представлен в виде устной и письменной речи, паралингвистический включает в себя темп, тембр, тон и интонацию, экстралингвистический представлен не связанными с языком и речью средствами.

С переходом значительной части коммуникации в интернет-пространство изменилось само понимание мультимодальности. Фокус исследования сместился с рассмотрения мультимодальности как соединения различных кодов предъявления информации (жеста, мимики, движения тела, слова, невербальных звуков) в единой субстанции на исследование феномена в аспекте интернет-коммуникаций. К числу текстов, в которых задействованы все характеристики мультимодального общения относится дискурс СМИ. Анализ дискурса СМИ не должен ограничиваться внутренними характеристиками текстов – они будут обусловлены характеристиками прагматическими. Любой акт коммуникации обусловлен прежде всего прагматикой – тем, с какой целью создаётся то или иное сообщение. Порождение речи преследует своей главной задачей достижение определённого коммуникативного эффекта, доведения информации до адресата. Главной особенностью данного типа дискурса является то, что опубликованная в СМИ информация должна выполнять свою основную функцию – заинтересовать целевую аудиторию. Для этого могут использоваться различные стилистические приемы, способные привлечь внимание реципиента.

Дискурс как неотъемлемая часть когнитивно-коммуникативного направления науки о языке уже давно вышел за рамки текста и предполагает участие различных процессов, задействованных в коммуникативном семиозисе, это «текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова 1988: 136]. Опираясь на идеи Чарльза Пирса, который различал не только внешние механизмы коммуникации, но и внутренние: исследование знаковых процессов, а также скрытых за этими знаками смыслов, мультимодальность может проявлять себя на когнитивном уровне, где в процессе коммуникации участвуют коды не только в форме знаков, но и в виде смысловых компонентов. Положения когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистического знания близки к методике концептуального блендинга, на основе которой объясняется природа значения у мультимодального знака в дискурсе.

Далее будут рассмотрены примеры так называемой игровой деривации, которая представляет многоплановое явление и выполняет одновременно номинативную и стимулирующую функцию. Под стимулом здесь подразумевается привлечение внимания реципиента посредством вызова когнитивного напряжения, преодолев которое, адресат усваивает идею в более интересной форме. «Являясь одним из основных видов языковой игры, игровая деривация объединяет достаточно разнородные явления, часть которых даже не может быть однозначно отнесена к словообразовательной сфере» [Дедова 2018: 59].

Мультимодальность на данном уровне может интерпретироваться с точки зрения формы репрезентации – вербально-графическая, т. е. «они призваны объединить образы, выраженные вербально с теми, которые представлены в виде визуальной и слуховой информации» [Манерко 2021: 182]. В одном из новостных агентств телеграмм-канала для описания погодных условий в заголовке написано следующее: «*Вечеринка у Зевса: сильный ливень с грозой ночью в Москве*». В качестве картинки использовалось изображение ярких вспышек молний на ночном небе, олицетворяющих огни от зеркального шара или светодиодных ламп в танцевальных ночных клубах. Данный пример мультимодальной метафоры показал, как метафорическая образность двух явлений сливается в единой субстанции. Вербально-графическая репрезентация может проявляться не только с помощью картинок, но и присутствовать непосредственно в написании слов. Примером вербально-графического слияния послужит заголовок новости, «*МАКСИМУМ ВЕЗЕНИЯ: певица вышла из комы и задышала сама, несмотря на жуткие прогнозы*». Всем известный псевдоним певицы МакСим с характерным графическим изображением интегрировали в слово «максимум».

Известно, что в процессе коммуникации в определённых условиях каждая языковая единица несёт в себе определённые знания о мире.

Мультимодальность сообщения может проявляться и в виде аллюзий. Например, в заголовке «А СУДЬИ КТО? В России недовольны судейством художественной гимнастики на Олимпиаде». Или «ВЕДЬ НЕ ДАРОМ? Парковки во дворах предлагают сделать платными». Степень усвоения идей зависит от личности индивида и других экстралингвистических факторов. Кроме того, ключевую роль играют фоновые знания реципиента.

Мультимодальность может быть также представлена в преднамеренной замене одной части конструкции другой, имеющей схожую структуру или звучание. Например, «ЗЕРНИСТЫЙ ПУТЬ: первый грузовой корабль с зерном отправился из Одессы». В англоязычных новостных агентствах также можно часто встретить приём преднамеренной замены слов (аллюзий). “*Katy Perry and Orlando Bloom’s relationship is still full of fireworks. While the couple has found a balance in their work schedule, a source tells ET they “would love to expand their family”. Swish Swish to the link in bio for more*”.

Способы передачи информации варьируются в зависимости от конкретной ситуации, социально-исторических условий, индивидуальных способностей реципиента (знания смысла составляющих выражение компонентов). Объём фоновых знаний отличается как у носителей и не носителей языка, так и у различных социальных групп одного языка, соответственно, превышение порога их допустимости может сказаться на результате акта коммуникации. Особенно ярко данное явление проявляется в использовании непрямых сообщений, в которых используются отсылки к культурным, социальным, историческим и иным реалиям языковой среды.

Таким образом, «способность создавать вариативные способы описания одного и того же – это неотъемлемое свойство языка, выходящее за рамки просто синонимии» [Кубрякова 2004: 17]. Гибкость и подвижность языковых форм, их динамические преобразования, способность приспосабливаться к нуждам коммуникации – все эти и другие языковые явления следует изучать в использовании – в тексте и дискурсе, а когнитивный подход должен выступать в качестве неотъемлемой части дискурсивного анализа и наблюдения за функционированием существующих форм и созданием новых. Дискурс СМИ мультимодален – в нем одновременно взаимодействуют различные семиотические системы, транслирующие информацию с учетом коммуникативных и когнитивных особенностей восприятия сообщения индивидом.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
Дедова О.В., Григорьева П.В. Игровое словообразование в современном русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 5. С. 49–64.

Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель, 2012.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Манерко Л. А. «Каскад» метафор и мультимодальная метафора в научном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 179–184.

Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

Kress G. What is mode? // A Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. L.-N. Y.: Routledge, 2009. P. 54–67.

N. I. Nemkina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

MULTIMODALITY IN MASS-MEDIA DISCOURSE

The article considers multimodality in mass-media discourse based on cognitive semiotics. The methodology of conceptual blending takes multimodality beyond the simple definition of “text + image”, moving into the field of cognitive research taking into account extralinguistic factors.

Key words: multimodality, discourse, code, communication, cognition.

Н. С. Оприщ (Москва, Россия)

Московский государственный институт

международных отношений (университет) МИД России

ms.oprish@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ

В данном исследовании мультимодальный текст англоязычной наружной рекламы рассматривается как вербальная и визуальная форма актуализации культурного опыта. Проведён анализ современной англоязычной наружной рекламы, её национально-культурных особенностей в вербальном и визуальном компонентах. Результаты исследования подтверждают, что только владея фоновыми знаниями, реципиент может корректно интерпретировать рекламное сообщение.

Ключевые слова: мультимодальный текст, реклама, культура, визуальный компонент, дискурс.

В современном мире реклама присутствует во всех сферах нашей жизни. Мультимодальный текст рекламы предстаёт интересным объектом лингвистических исследований. Как вербальная часть рекламного текста, так и его невербальные компоненты весьма подвижны, мгновенно реагируют на появление новых реалий и трендов в обществе, тем самым отражая культурные, социальные, политические и экономические особенности и изменения в мире.

Исследуя рекламный текст как вербальную и иконическую форму отражения и передачи культурного опыта страны, представляется возможным выявить способы выражения культурноспецифической информации, заложенной в рекламных текстах наружной рекламы. По мнению В. Н. Телия, язык является социальным феноменом, формой выражения национального сознания, отражения культуры и изображения картины мира. Язык воздействует на жизненную философию человека, а также на стратегии дискурсивных практик. Рекламное сообщение как единица массовой коммуникации фокусируется не на отдельном адресате, а на конкретной группе реципиентов, на целевой аудитории определённой страны и ставит своей целью обратиться к национальному сознанию той или иной культуры. Привлекательность рекламных текстов, их способность остановить на себе внимание адресата нередко основывается на использовании таких языковых единиц, для интерпретации которых необходимо наличие фоновых знаний (цитаты, аллюзии, игра слов, искажение идиом, иноязычные внесения) [Телия 2004: 681].

О. А. Ксензенко отмечает, что эффективность рекламной коммуникации зависит от соответствия характеристик сообщения ценностной картине мира целевой аудитории [Ксензенко 2011: 11].

Согласно Н. Н. Трошиной, национальный менталитет, ценности, стереотипы и языковое сознание непременно отражаются и актуализируются в текстах рекламы. В рекламном дискурсе содержится большое количество имплицитной информации, интерпретировать которую представляется практически невозможным без наличия у реципиента необходимых фоновых знаний. Взаимосвязь рекламного текста и культуры проявляется на разных уровнях (на уровне дискурса, на уровне предложения и на уровне слова) [Трошина 2000: 7].

В нашей статье мы рассмотрим некоторые особенности текста англоязычной наружной рекламы как уникального культурного, социолингвистического и когнитивного феномена.

Обратимся к первому примеру наружной рекламы Канады. Данный баннер находится в Торонто, а его слоган гласит *We remember* (рис. 1).

Настоящая социальная реклама посвящена Дню памяти павших, который ежегодно отмечается 11 ноября во всех странах Британского содружества наций и призван увековечить память солдат, погибших в конфликтах с участием Великобритании. Канада входит в состав Британского содружества

Рис. 1. Рекламный баннер в Торонто

наций, поэтому данная социальная реклама, размещённая в Торонто, является актуальной для этой страны.

В первую очередь рассмотрим визуальный элемент рекламного текста. Чтобы адресат мог верно интерпретировать смысл рекламы, создатели делают основной акцент на изображении. В качестве визуального компонента выступает изображение солдата, у которого в области сердца изображён кленовый лист. Это является первым иконическим элементом, на который реципиент обращает внимание. Лист сахарного клена более 150 лет считается национальным символом Канады, так как он произрастает на юго-востоке страны, где селились первые иммигранты из Европы: именно они стали производить и экспортировать кленовый сироп. Так появился новый символ страны. В настоящее время кленовый лист можно увидеть на флаге государства, на некоторых знаках военных званий канадских вооружённых сил.

Следующим визуальным элементом актуализации культурологически обусловленной информации является изображение красных маков. Данные цветы предстают официальным символом Дня памяти павших. Поэт и подполковник Джон Маккрей воспевал красный мак в своем стихотворении «На полях Фландрии». Мойна Майкл написала стихотворение «Надо помнить» и поклялась надевать красный мак в петлицу каждый год в дни памятных мероприятий. Обычай приносить маки распространился по всей Британской империи, и с 1921 года маки стали атрибутом Дня памяти павших.

Так, используя изображения как национальных символов Канады, так и символов, знакомых жителям многих стран Британского содружества, авторы локализируют культурную составляющую рекламы и сужают значение общей визуальной части, чтобы реципиент мог верно интерпретировать смысл данной социальной рекламы.

Вербальный компонент, в свою очередь, подкрепляет и подтверждает смысл, заложенный в визуальной части.

В слогане *We remember* прочитывается прямая отсылка к Remembrance Day. Более того, в слогане авторы используют местоимение *we*, подчёркивая тот факт, что общекультурный компонент памяти о погибших на полях сражений сохраняется в памяти людей разных наций, входящих в Британское содружество наций, в том числе и жителей Канады.

Следующий пример англоязычной наружной рекламы располагается в Лондоне (рис. 2, стр. 668).

Данная наружная реклама построена на превалировании текста над изображением: *The Tories are lying. Brexit would be bad for our NHS*. Настоящий баннер был подготовлен в рамках кампании против выхода Британии из Евросоюза.

Рассмотрим синтез вербального и визуального компонентов рекламного текста. Визуальный компонент реализован в очень крупном шрифте и, собственно, в изображении британского политика и лидера Палаты общин Джейкоба Рис-Могга. Политик изображён лёжа, что является отсылкой к его любимой расслабленной позе во время дебатов по вопросу выхода Британии из Евросоюза. Стоит отметить, данная поза вызвала немалое осуждение в обществе, что уже показывает неодобрительный тон составителей рекламы по отношению к сторонникам Брекзита. Более того, настоящее изображение находится непосредственно над текстовой частью, а именно глаголом *lie* (в слогане в значении *лгать*), в то же время глагол *lie* также означает *лежать*, что и совпадает с изображением, создавая комичный эффект и игру слов.

С помощью данного слогана авторы ставят под сомнение верность позиции сторонников Брекзита, которые утверждали, что правительство извлечет выгоду из выхода страны из Евросоюза, а именно 350 миллионов фунтов будут выведены для финансирования Национальной службы здравоохранения Англии (NHS). В рекламном сообщении, в свою очередь, утверждается, что данная информация является ложной и Брекзит негативно скажется на развитии системы здравоохранения страны (*Brexit would be bad for our HNS*).

Именно благодаря отсылке к одиозной политической фигуре (невербальный компонент), а также игре слов (вербальный компонент) авторам

Рис. 2. Рекламный баннер в рамках кампании против Брексита

удаётся сделать рекламу эффективной и запоминающейся. Тем не менее, данный рекламный текст возможно верно прочитает и интерпретирует только обладая информацией о происходящем в политической и экономической сферах страны. А поскольку Брекзит повлиял на все стороны жизни в Великобритании, мы можем утверждать, что культурный компонент также активирован в сознании реципиентов рекламы.

Таким образом, реклама как индикатор культуры может использовать различные языковые средства (игра слов, смысловые противопоставления, сравнения), а также иконические элементы (изображения, знаки, цвета, шрифты). Рекламный текст является вербально-знаковым воплощением культуры. С помощью подобных текстов адресат может выявить наиболее значимые компоненты, присущие той или иной культуре. В настоящее время значимость рекламы все больше возрастает, именно поэтому становится все более актуальным изучение средств подачи информации в рекламном дискурсе.

Литература

Ксензенко О. А. Рекламная коммуникация в поликультурном пространстве // Мир лингвистики и коммуникации. 2011. № 3(24).

Телия В. П. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Москва: Языки славян. культуры, 2004. С. 674–684.

Трошина Н. Н. Введение // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 5–7.

Outdoor ad companies that dominate the Toronto Billboard market. URL: <https://movia.media/moving-billboard-blog/outdoor-advertising-companies-in-toronto-that-offer-billboard-stands/> (дата обращения: 29.01.2023).

Get ready for Brexit satire: Led by Donkeys launches billboard contest. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/25/get-ready-for-brexit-satire-led-by-donkeys-launches-billboard-contest> (дата обращения: 29.01.2023).

N. S. Oprishch (*Moscow, Russia*)
Moscow State University of International Relations
(MGIMO-University)

CULTURAL COMPONENT IN THE MULTIMODAL TEXT OF ENGLISH OUTDOOR ADVERTISING

In the research the multimodal text of English outdoor advertising is viewed as verbal and visual forms of the actualization of cultural experience. The analysis of modern English outdoor advertising, its cultural peculiarities in verbal and visual components is conducted. The research findings confirm that the recipient can correctly interpret the advertising message only with the help of background knowledge.

Key words: multimodal text, advertising, culture, visual component, discourse.

М. И. Парамонова
(Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
paramonova_mi@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ЗАГОЛОВОЧНОМ КОМПЛЕКСЕ СЕТЕВОГО НОВОСТНОГО ТЕКСТА (на материале веб-версий англоязычных газет)

Статья посвящена рассмотрению особенностей смысловой интерпретации мультимодальных заголовочных комплексов сетевых новостных текстов. Материалом исследования послужили новостные статьи веб-версий издательств The Guardian и The Independent. Описаны наиболее распространенные виды динамики смысловой

интерпретации, в основе которых – особенности смысловой соотнесенности изобразительного и вербального компонентов комплекса.

Ключевые слова: сетевой новостной текст, мультимодальный заголовочный комплекс, мультимодальный хедлайн, титульный фотокомплекс, смысловая соотнесенность изобразительного и вербального компонентов.

В настоящее время в связи с интенсивным расширением информационного пространства в результате взаимодействия СМИ с интернет-средой наблюдаются значительные изменения в новостной индустрии, к числу которых относятся появление новых видов СМИ, новых форм и новых типов новостных текстов, изменения структурных, функциональных, языковых и речевых характеристик новостных материалов.

В сети Интернет новостной текст приобретает такие характерные для сетевого медиадискурса свойства, как гипертекстовость, мультимедийность, интерактивность, открытость и подвижность структуры [Калмыков, Коханова 2005]. Мультимедийные возможности представления информации в онлайн-среде в сочетании с запросом аудитории на ее визуализацию усилили стремление автора к использованию различных кодирующих систем, что в итоге привело к возникновению такой устойчивой характеристики медиатекста, в том числе и текста новостного типа, как модусная мультимодальность [Ильичева, Карпиевич 2019]. При этом значительно повысилась степень интеграции невербальных модусов смыслопорождения. В фокусе внимания исследователей – особенности взаимодействия изобразительного и словесного модусов в мультимодальном сообщении, способы привлечения внимания и оказания воздействия на аудиторию, используемые авторами таких материалов [Громова 2014; Тяжлов, Манохин, Кожемякин 2021].

В связи с изменениями принципов текстовой композиции и организации навигации в информационном потоке специфические черты приобрел заголовочный комплекс сетевого новостного текста, который, помимо прочих элементов, включает два мультимодальных компонента: мультимодальный хедлайн-гиперссылка на главной странице издания, состоящий из заголовка и титульного изображения новостного материала (фотография), и титульный фотокомплекс статьи, объединяющий тот же изобразительный элемент и комментарий к нему. Изображение, имеющее разнонаправленные смысловые связи, которые устанавливаются в процессе взаимодействия с указанными выше вербальными частями комплекса, выступает в качестве его структурной и смысловой скрепы. При этом разная смысловая соотнесенность с вербальными элементами приводит к изменению интерпретации смысла заголовочного комплекса

при активации гипертекстового перехода, что имеет существенное значение для привлечения внимания читателя на фоне усиления информативности с одновременным снижением экспрессивности заголовка, доминирования заголовков информативно-концептуального типа [Воротникова 2005]. Следует отметить, что, в отличие от заголовочного комплекса в традиционной печатной прессе, также сочетающего изобразительный и вербальный компоненты и функционирующего в рамках одного формально-текстового пространства, вычленение его части в сетевом формате задает траекторию ознакомления с информацией и, таким образом, предопределяет характер смысловой интерпретации, трансформацию смысла в процессе восприятия. В результате анализа заголовочных комплексов новостных статей электронных версий газет *The Guardian* и *The Independent* (опубликованы на одноименных сайтах www.guardian.co.uk, www.independent.co.uk) выделены несколько видов динамики смысловой интерпретации, в основе которых – особенности смысловой соотнесенности изобразительного и вербальных компонентов комплекса. В данной работе за основу взята предложенная И. В. Вашуниной классификация семантических отношений вербального и невербального компонентов, соотносящаяся с классификацией отношений между понятиями в логике (равнозначные отношения; отношения подчинения – объем одного из понятий составляет часть от объема другого; перекрещивания, когда в объеме понятий есть общие элементы, однако каждое содержит элементы, которые не входят в состав другого; противоречия, когда одно понятие включает признаки, не включенные в другое; соподчинения, противоположные отношения) [Вашунина 2009: 28]. Рассмотрим наиболее распространенные в указанных материалах модели интерпретации:

1. Не возникает трудностей в процессе интерпретации смысла мультимодального хедлайна (отношения подчинения между изображением и заголовком), смысловая интерпретация сохраняется при переходе к титульному фотокомплексу статьи (отношения равнозначности или подчинения между изображением и фотокомментарием), как в следующем примере: в хедлайне и фотокомментарии заголовочного комплекса, содержащего фотографию 1 (рис. 1), заголовок *Mike Davis, California's 'prophet of doom', on activism in a dying world* и комментарий *Mike Davis in his San Diego home* (The Guardian 31.08.2022) содержат основную информационную составляющую изображения (участник события), выраженную именем собственным (отношения подчинения между изобразительной и вербальными составляющими).

2. Возможности интерпретации содержания хедлайна снижены в результате наличия информационной лакуны – отсутствия языковой репре-

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Рис. 1. Фотографии, иллюстрирующие ряд публикаций в онлайн версиях газет *The Guardian* и *The Independent*

зентации части или всего содержания изображения, однако недостающие информационные компоненты сообщения достаточно легко восстанавливаются за счет ассоциативных связей (отношения перекрещивания между изобразительным и вербальным компонентами). В процессе гипертекстового перехода происходит уточнение, пояснение смысла хедлайна в комментарии к изображению, ведущей функцией которого является пояснение содержания изображения (отношения равнозначности или подчинения). Так, в хедлайнах [заголовок:] *Surge in China's military operations reflects 'new normal' under Xi Jinping* + фотография 2 (*The Guardian* 22.12.2022) и [заголовок:] *Tensions heighten in Taiwan Strait as China acts to extend military operations* + фотография 3 (*The Guardian* 15.07.2022) можно проследить связь между описываемым событием (*China's military operations*) и визуально представленными средствами ведения боевых действий. Уточнение содержания хедлайнов в комментариях к изображениям приводит к подтверждению смысла в первом случае (*Chinese fighter jets*) и его изменению во втором (представленные на фотографии средства ведения военных

действий не являются задействованными в операции боевыми единицами. *US military vessels in the Taiwan Strait in August 2021*).

3. Отсутствие возможности полного понимания смысла хедлайна, когда в содержании вербальной и изобразительной частей хедлайна нет общих информационно-компонентов (отношения противоречия между изображением и вербальной частью), как в следующем примере: [*заголовок:*] *Pledge aid or deprive Commonwealth's poorest in diseases fight* + *фотография* 4 (*The Independent* 11.10.2022). В данном случае идентификация человека, представленного на фотографии, как автора утверждения недостаточна для понимания содержания хедлайна. Отсутствующая информация представлена в поясняющей части комментария (подчеркнута): *Countries will face 'very acute and difficult trade-offs if we don't get the resources we need', said Peter Sands, the executive director of the Global Fund to Fight Aids, Tuberculosis and Malaria* (отношения подчинения между изображением и вербальной частью фотокомплекса).

Таким образом, появление особой организации мультимодального заголовочного комплекса в сетевом новостном тексте, обусловленное активным использованием гипертекстовых свойств интернет-дискурса в создании дизайна новостных сайтов, а также стремлением привлечь читателей к публикуемым материалам, задает способ получения информации и характер ее интерпретации в процессе ознакомления с данными материалами. Следует отметить, что наибольшей аттрактивностью обладают комплексы со снижением или отсутствием возможности смысловой интерпретации хедлайна, что мотивирует читателя к осуществлению гипертекстового перехода к тексту статьи.

Литература

Ващунина И. В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Воротникова Ю. С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Громова Н. С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8. С. 59–63.

Ильчева И. Л., Карпиевич М. Н. Модусная мультимодальность медиатекста // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*. 2019. № 1. С. 19–26.

Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. М.: Юнита-Дана, 2005.

Тяжлов Я. И., Манохин Д. К., Кожемякин Е. А. Мультимодальные ансамбли в медиатекстах остросоциальной проблематики // *Современный дискурс-анализ*. 2021. Вып. 1 (27). С. 54–79. URL: <http://www.discourseanalysis.ru/ada27/st316.shtml> (дата обращения: 15.12.2022).

*M. I. Paramonova (Saint-Petersburg, Russia)
The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University
of Telecommunications*

**TRANSFORMATION OF SEMANTIC INTERPRETATION
IN A MULTIMODAL TITLE COMPLEX
OF THE ONLINE NEWS TEXT
(based on web versions of English newspapers)**

The article considers the peculiarities of semantic interpretation of multimodal title complexes in online news texts. The research material includes news articles published in the web versions of the Guardian and the Independent editions. The most common types of the dynamics of semantic interpretation based on the specific features of the semantic relations between the pictorial and verbal components of the complex have been revealed.

Key words: online news text, multimodal title complex, multimodal headline, title photo complex, semantic correlation between the image and the verbal component.

*Т. И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru*

**ПРАГМА-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ВЕРБАЛЬНОГО КОДА В АВТОПОРТРЕТЕ**

В статье анализируется функционирование вербального кода в живописном изображении и его роль в трансляции художественного смысла и интенций мастера. Автопортрет английского художника У. Хогарта рассматривается как поликодовый текст, взаимодействие вербальных и невербальных знаков в котором обладает значимым прагма-коммуникативным потенциалом и актуализируется в англоязычном искусствоведческом дискурсе.

Ключевые слова: поликодовый текст, вербальный код, автопортрет, прагма-коммуникативный потенциал, англоязычный искусствоведческий дискурс.

Исследование текста с точки зрения взаимодействия в нем вербальных и невербальных компонентов представляется актуальным и перспективным в настоящее время, так как открывает перед учеными широкие перспективы в плане изучения многомерного и поликодового характера коммуникации. Взаимодействуя в поликодовом тексте вербальные и невербальные знаки могут вступать в отношения разного рода, дополняя и обогащая друг друга.

В данном исследовании мы исходим из того, что в рамках широкого философского культурно-семиотического подхода произведение живописи

можно рассматривать как текст, который передает знания, опыт и эмоции его создателя реципиенту. Как писал М. М. Бахтин, «если понимать текст широко – как всякий связный знаковый комплекс, то и искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства)» [Бахтин 1986: 297].

Произведение живописи представляет собой текст, который, несмотря на преобладание невербальных знаков, может иметь и вербальные знаки, которые, будучи инкорпорированными в его структуру художником, обладают значимым прагма-коммуникативным потенциалом. Принимая во внимание тот факт, что для живописного изображения наличие вербального кода является нетипичным, можно предположить, что он окажется в фокусе внимания реципиента, так как все необычное в искусстве неизменно становится объектом осмысления и интерпретации, особенно в том случае, если в качестве реципиента выступает профессионал в данной предметной области.

По мнению российского философа и культуролога В. М. Розина, произведение живописи представляет собой не одну художественную реальность, а сложно организованную совокупность реальностей, например, лица людей – одна реальность, их одежда – другая, пейзаж и обстановка – третья. Глаз подготовленного к эстетическому восприятию человека совершает сложное движение от более значимых реальностей к менее значимым [Розин 2016: 79]. На наш взгляд, можно говорить о том, что вербальный код в произведении живописи, являясь акцентированным компонентом поликодового текста, представляет собой значимую художественную реальность, которая участвует в конструировании смысла изображения, предлагая ключи к разгадке художественного замысла. Несомненный интерес для автора искусствоведческого текста представляет прагма-коммуникативный потенциал вербального кода в автопортрете.

Рассмотрим пример. На картине «Автопортрет с собакой», которая является по сути картиной в картине, английский художник Уильям Хогарт изображает свой автопортрет на стопке книг, надписи на корешках которых – Шекспир, Мильтон, Свифт – маркируют нравственный пьедестал хогартовского искусства. Вербальный код в данном произведении присутствует также в виде надписи “*The line of beauty and grace*”, тем самым репрезентируя то, о каких новых теоретических проблемах размышляет художник, известный своими сатирическими сериями. Эта надпись над извивающейся линией была непонятна для современников художника, который выступал как гонитель подражаний классикам, убежденный сторонник «изучения жизни» во всех ее проявлениях, раскрывающий в своем творчестве подчас неблагоприятные явления действительности своего времени.

В современном англоязычном искусствоведческом дискурсе взаимодействие вербального и невербального кода в автопортрете Хогарта интерпретируется следующим образом:

“...” it was Hogarth who created the idea of a British school, a British style. This entrepreneurial Londoner was colossally ambitious. In his self-portrait in the Tate he includes a depiction of the “serpentine line of beauty”, his own redefinition of beauty as something meandering and curving and alive, not rigid and classical [Jones 2014].

Британский искусствовед Джонатан Джоунс эксплицирует для зрителя поликодовый знак – изображенную на портрете извилистую линию и надпись над ней, интерпретируя заложенный художником смысл: красота не является чем-то застывшим, а представляет собой изменяющуюся сущность, находящуюся в вечном движении.

Искусствовед Сьюзан Бененсон классифицирует автопортрет Хогарта как художественный манифест, в котором его создатель транслирует зрителю свои новаторские воззрения на искусство:

The famous self-portrait of 1745, a year that marked, in many ways, the high point of Hogarth's career; was also an artistic manifesto. He mischievously juxtaposed his own blunt and intelligent features with those of his sturdy pug dog, Trump, and placed volumes of the great English writers William Shakespeare, John Milton, and Jonathan Swift beside a palette inscribed with the sinuous “line of beauty,” his shorthand symbol for the variety, intricacy, and expressiveness of Nature [Benenson 2019].

Слово *manifesto* очень точно характеризует эту работу Хогарта, так как, с одной стороны, художник репрезентирует то, во что он верит, а, с другой стороны, декларирует свои намерения, а именно, разработать и сформулировать теоретическое обоснование роли красоты в искусстве, что находит вербальное воплощение в его трактате «Анализ красоты», написанном через 8 лет после создания автопортрета.

Искусствовед Фрир Барнс, фокусируя внимание зрителя на символическом смысле вербальных и невербальных знаков на автопортрете Хогарта, также подчеркивает значимость их взаимодействия для формирования художественного смысла:

In his 1745 self-portrait, The Painter and His Pug – today on view at Tate Britain – William Hogarth included many symbolic aspects that were reflective of his inspirations as well as of his character and his artistic sensibility. On an unframed oval canvas, Hogarth portrays himself in casual attire as opposed to the wig and formal coat he initially conceived, which was revealed by an X-ray of the painting. Propping the oval canvas up are three volumes of authors who influenced him; Shakespeare, Swift and Milton appealed to Hogarth's dramatic and satirical leanings. Here, Hogarth parallels the art of painting with the art of words. An inscription upon his palette reads: ‘The Line of Beauty and Grace’, relating to his theories of art that he formalised by 1753 in The Analysis of Beauty [Barnes 2018].

В трактате «Анализ красоты» Хогарт репрезентирует свои теоретические воззрения на природу и ее красоту во всем ее разнообразии, формулируя но-

вавторские взгляды на искусство. Природу художник объявляет единственным образцом для подражания, считая ее непревзойденным создателем красоты, к которой художники только могут стремиться [Петухова 2020].

Подобно тому, как его линия красоты и изящества не была понята современниками, так и литературный труд художника не нашел признания и подвергся критике и осуждению со стороны его современников, вызвал горячие споры, позже неоднократно переиздавался и анализировался и в настоящее время продолжает интересовать экспертов в области искусства. Как отмечает академик М. П. Алексеев, трактат Хогарта о красоте не был «случайным эпизодом творческой биографии замечательного английского художника; он органически вырос из его творческих исканий и теснейшим образом связан с его живописным наследием» [Алексеев 1987: 8]. В предисловии к трактату сам художник ссылается на надпись *'The Line of Beauty and Grace'*, называя ее своеобразной приманкой, которую он бросил зрителю и своим соратникам по искусству ради любопытства, и которая побудила их обратиться к нему за разъяснениями:

I drew a serpentine line lying on a painter's pallet, with these words under it, the LINE OF BEAUTY. The bait soon took; and no Egyptian hieroglyphic ever amused more than it did for a time, painters and sculptors came to me to know the meaning of it, being as much puzzled with it as other people, till it came to have some explanation [Hogarth 2010: 23].

Таким образом, вербальный знак на автопортрете художника можно рассматривать не просто как некий элемент, выполняющий комплементарную функцию, а как значимый код, который получает расшифровку и подробную вербальную экспликацию в его трактате о красоте. Вербальный код автопортрета обладает значимым прагма-коммуникативным потенциалом, и его интерпретация в профессиональном искусствоведческом дискурсе играет важную роль в экспликации художественного смысла, заложенного мастером.

Литература

Алексеев М. П. Уильям Хогарт и его «Анализ красоты» (вступительная статья) // У. Хогарт. Анализ красоты. Ленинград: Искусство, 1987.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Петухова Т. И. Антропоцентричность и эмоциогенность концепта NATURE в искусствоведческом дискурсе // Текст и дискурс в зеркале антропоцентризма: сб. науч. статей, посвященных юбилею проф. Е. Г. Хомяковой. СПб.: Изд-во «Астерион», 2020. С. 55–61.

Розин В. М. Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Barnes F. William Hogarth's homage to his beloved pug, Trump. URL: <https://theculturetrip.com/europe/united-kingdom/england/london/articles/william-hogarthshomage-beloved-pug-trump/> (дата обращения: 15.01.2023).

Benenson S. William Hogarth. URL: <https://www.britannica.com/biography/William-Hogarth#ref288065> (дата обращения: 17.01.2023).

Jones J. Hogarth's anti-progress: how the father of British painting went missing from our galleries. URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2014/oct/24/william-hogarth-father-british-painting-missing-250th-anniversary> (дата обращения: 23.01.2023).

Hogarth W. The Analysis of Beauty. London. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/volltexte/2010/1217/urn:nbn:de:16-artdok-12176> (дата обращения 25.01.2023).

T. I. Petukhova (*St. Petersburg Russia*)
Saint Petersburg State University

PRAGMATIC AND COMMUNICATIVE POTENTIAL OF THE VERBAL CODE IN A SELF-PORTRAIT

The article deals with the functioning of the verbal code in an artwork and its role in the transmitting of artistic meaning and the artist's intentions. The self-portrait of the English artist W. Hogarth is considered as a polycode text, the interaction of verbal and non-verbal signs in which has a significant pragmatic and communicative potential and is objectivized in Anglophone art discourse.

Key words: polycode text, verbal code, self-portrait, pragma-communicative potential, Anglophone art discourse.

О. Д. Проскурнич (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский Государственный университет
им. Г. Р. Державина
olgaproskurnich@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИМИКИ ЛЮДЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИМИ ЭМОЦИЙ: ТРУДНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (на материале произведения Марка Хеддона «Загадочное ночное убийство собаки»)

В данной статье была предпринята попытка проанализировать когнитивную систему людей с РАС и их способности к восприятию, формированию и интерпретации невербальных средств коммуникации на материале произведения Марка Хеддона «Загадочное ночное убийство собаки» и других исследователей в области когнитивистики.

Ключевые слова: мимика, концепт, расстройства аутистического спектра, языковая картина мира, доминант.

В исследованиях некоторых психологов начала 20-го века было отмечено, что, в процессе коммуникации, когда один из ее участников видит выражение лица, мимику (определенную позу или жестовое движение) другого, наблюдающий, как правило, создает соответствующее ответное мимическое выражение или жест, тем самым, можно увидеть проявление максимально быстрой реакции на некоторые эмоциональные или физические проявления собеседника других участников коммуникации. Согласно современному когнитивному подходу к исследованию языка необходимо выявлять ментальный и языковой уровни представления знаний о мире и рассматривать их во взаимодействии при изучении процесса формирования смыслов. По мнению исследователей, на ментальном уровне знания о мире репрезентируются в виде осмысленных единиц – концептов, характеризующихся различной степенью сложности [Кибрик 2003].

Когнитивная система человека, его языковой опыт и знания о мире формируют его собственную языковую картину мира, в соответствии с его когнитивными способностями, передавая его специфическое восприятие объектов и явлений, определение тех или иных характеристик. Таким образом, человек в своем сознании создает свой собственный мир, при этом порождая новые интерпретирующие смыслы.

Одной из задач когнитивной лингвистики становится описание того, как человек, в частности с расстройствами аутистического спектра (далее РАС), способен осмысливать окружающую реальность и собственный внутренний мир посредством языка, а также воспринимать и передавать полученную информацию в ином неязыковом формате. В работах Н. Н. Болдырева указывается, что знания человека о мире систематизируются в виде языковой картины мира, и соотносятся с первичными формами (доминантами) их языкового представления [Болдырев 2007, 2019]. Данный принцип организации концептуальной системы человека включает единицы знания (концепты) и их объединения (категории) разного уровня сложности, приобретая конкретную структуру связей между ними, позволяя человеку адаптироваться к окружающей среде и нормально в ней развиваться. Неструктурированное в отношении доминант сознание людей с РАС не способно успешно усваивать поступающую извне информацию, как вербальную, так и невербальную, в связи с их неспособностью к ее форматированию и структурированию в их когнитивной системе, что приводит к непониманию людьми с РАС смысла тех или иных языковых и неязыковых средств. Концептуальная система человека с РАС в основном представляет собой индивидуально ориентированную систему неязыковой ориентации в мире, в котором он/она живет.

Отличительной чертой интерпретации невербальных средств коммуникации людьми с РАС является ее полная субъективность, зависимость от индивидуальной концептуальной системы конкретного человека, его психиче-

ского состояния. Ученые, занимающиеся исследованием аутизма, в контексте социально-эмоциональных сопутствующих факторов мимикрии, отмечают наличие социального и эмоционального дефицита у людей с РАС. Согласно Американской психиатрической ассоциации 1941 года, РАС частично характеризуется дефицитом социального восприятия, социального познания и задержкой речи, что значительно затрудняет процесс как вербальной, так и невербальной коммуникации [Липпс 1907; Макдугалл 2022; Маркданте 2021]. Для адекватной интерпретации и понимания мимики людей с расстройствами аутистического спектра, которые могут привести к прогрессу как в вербальном, так и невербальном понимании этой категории необходимо прежде всего:

- 1) понимать разницу между тем, что представляет собой мимика, и отличать ее от других форм межличностного соответствия, таких, как например, имитация (лат. *imitatio* – подражание) – преднамеренное подражание поведению кого-либо, связанное с потребностью в отождествлении себя с ним;
- 2) изучить общие сведения о мимике нормотипичного (нейротипичного) человека и тех невербальных, мимических дефицитах, которые наблюдаются у людей с расстройствами аутистического спектра, рассмотреть последствия этих дефицитов [McIntosh 1996].

Таким образом, изучение невербальных мимических движений как первичных эмоциональных процессов, связанных с обыденными коммуникативными обменами, а также вторичных процессов, включающих в себя более осознанную, когнитивно-опосредованную, преднамеренную систему имитации, является центральным вопросом в исследованиях концептуальной картины мира людей с РАС.

С учетом сказанного, предпринимается попытка рассмотреть языковые единицы, репрезентирующие концепт AUTISM/PAC, которые отражают те представления о мимическом движении, которые оказываются важными для участников коммуникации, у которых с точки зрения психофизиологии, мимические процессы и реакции, лежащие в основе социального и эмоционального взаимодействия, не всегда проявляются в достаточно высокой степени нервно-мышечной зрелости лица и способны реализовать широкий спектр выражений лица. Исследование проводится на материале романа Марка Хеддона «Загадочное ночное убийство собаки», в котором описано состояние сознания ребенка с РАС. Повествование ведется от лица главного героя, представляет его внутренний диалог с собой, что дает возможность автору отойти от прямой актуализации характеристик, отражающих информацию о перцептивном восприятии мимических движений, а также характеристик, отражающих информацию об интерпретации мимических движений как знаков эмоционального, физиологического состояния и коммуникации. Все это достигается автором за счет минимизации использования языковых

средств передачи социально-эмоциональных процессов в образе главного героя, а также практически полным отсутствием смоделированных автором невербальных ситуаций коммуникации. Поскольку на языковом уровне «блокируются» каналы невербального общения главного героя с другими персонажами книги, читателю с трудом удается понять, каким образом в результате взаимодействия вербальных и невербальных средств общения передается определённое отношение говорящего к адресату и предмету речи. В произведении практически отсутствуют равноуровневые языковые единицы: слова, словосочетания и фразеологизмы (например: *eyes, smile, frown* и т. д.), которые могут давать представления о мимических движениях и передавать знания о них. В книге автор ограничивается иллюстрациями в виде примитивных картинок с изображением лиц (смайлов), репрезентирующих различные настроения, в которые он изначально заложил однозначную интерпретацию для главного героя. Так, например, базовые смайлы улыбка/грусть, согласно автору, передают первичные значения “*sadness-happiness*” [Хеддон 2003].

Однако наибольший интерес вызывают проиллюстрированные автором размышления самого главного героя о наблюдаемых им невербальных сигналах:

1) *...But it was very difficult to decide which of the diagrams was most like the face they were making because people's faces move very quickly...* (Хеддон 2003: 7).

Данный пример говорит о том, что люди с РАС в процессе интерпретации мимических движений задействуют механизм «сопоставление», который работает в их перцептивном восприятии в более длительных временных масштабах и может основываться на более широком спектре когнитивных и аффективных процессов и материй. Например, когда кто-то имитирует набор действий, фраз или поз, вовлечение в разговор, желание и наличие определенного типа отношений с другим человеком может изменить процесс коммуникативного взаимодействия.

2) *The first main reason is that people do a lot of talking without using any words. Siobhan says that if you raise one eyebrow it can mean lots of different things. It can mean “I want to do sex with you” and it can also mean “I think that what you just said was very stupid.” Siobhan also says that if you close your mouth and breathe out loudly through your nose, it can mean that you are relaxed, or that you are bored, or that you are angry, and it all depends on how much air comes out of your nose and how fast and what shape your mouth is when you do it and how you are sitting and what you said just before and hundreds of other things which are too complicated to work out in a few seconds* (Хеддон 2003: 19).

Кроме того, в процессе интерпретации невербальных знаков могут быть задействованы исполнительные механизмы, которые позволяют людям с РАС понять значение мимики, жестов или тона, которые использует другой человек.

3) *At 2:07 a. m. I decided that I wanted a drink of orange squash before I brushed my teeth and got into bed, so I went downstairs to the kitchen. Father was sitting on the sofa watching snooker on the television and drinking scotch. There were tears coming out of his eyes. I asked, "Are you sad about Wellington?" He looked at me for a long time and sucked air in through his nose. Then he said, "Yes, Christopher, you could say that. You could very well say that." I decided to leave him alone because when I am sad I want to be left alone* (Хеддон 2003: 25).

Таким образом, рассмотрев небольшое количество языковых единиц, передающих знания о невербальной коммуникации и репрезентирующих концепт AUTISM/PAC в произведении М. Хеддона, можно сделать некоторые выводы о том, что когнитивные процессы интерпретации мимических движений как знаков у людей с PAC могут быть неаффективной двигательной реакцией, которая может привести к эмоциональным процессам или же стать проявлением аффективного состояния наблюдателя. Мимические проявления в подобных ситуациях коммуникации могут быть результатом как моторных, так и аффективных механизмов. Поскольку эти различные понимания процессов, лежащих в основе мимикрии, имеют различные последствия для аутизма, исследования, определяющие природу мимикрии, могут помочь прояснить природу PAC.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке: типы и форматы знаний: сб. науч. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 29–37.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–53.
- Болдырев Н. Н.* Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37–44.
- Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
- Линнс Т.* Это знают и другие люди // Психологические исследования (ред.). 1907. Т. 1. С. 694–722.
- Макдугалл У.* Введение в социальную психологию // *An Introduction to Social Psychology*. Boston: John. W. Luce and Co, 2022.
- Маркданте К.* Основы педиатрии по Нельсону: перевод с английского Е. В. Кокаревой. 8-е издание. Москва: Эксмо, 2021. (Медицинский атлас: культовый бестселлер).
- Хеддон М.* Загадочное ночное убийство собаки. М.: Like Book, 2003.
- McIntosh D. N.* Facial feedback hypothesizes: evidence implications and directions // *Motivation and Emotion*. 1996. 20(2). P. 27–147.
- Moody E. J., McIntosh D. N., Mann L. J. & Weisser K. R.* The influence of affect on rapid facial reactions to faces. Manuscript under review. 2006.

*O. D. Proskurnich (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

**REPRESENTATION OF FACIAL EXPRESSIONS
OF PEOPLE WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS
AND THE EXTRACTION OF EMOTIONS:
DIFFICULTIES IN INTERPRETATION
(based on Mark Haddon's work
"The Curious Incident of the Dog in the Night")**

In this article, an attempt was made to analyze the cognitive system of people with Autism Spectrum Disorders and their ability to perceive, form and interpret non-verbal means of communication based on the work of Mark Haddon's "The Curious Incident of the Dog in the Night" and other researchers in the field of cognitive science.

Key words: facial expressions, concept, Autism Spectrum Disorders, language worldview, non-verbal.

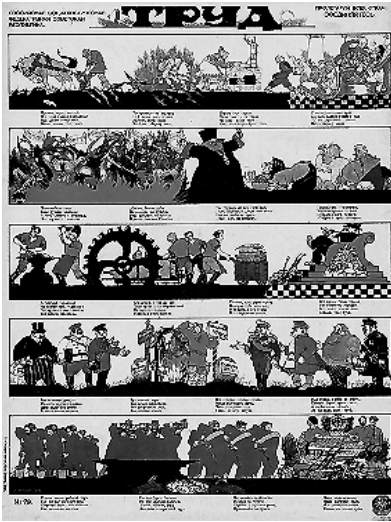
*E. B. Трощенкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru*

**ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
ЧЕРЕЗ МЕМЫ: МАРКСИСТСКИЕ МЕМЫ**

В статье рассматривается ирония в Интернет мемах, созданных для продвижения идеологических марксистских установок, позволяющая парадоксальным образом одновременно работать как на упрощение формы и содержания, так и на усложнение когнитивной обработки посылы сообщения со стороны адресата.

Ключевые слова: Интернет мем, идеология марксизма, ирония, контраст.

Интернет мемы часто в медиа осмысляются в рамках фрейма « *meme is a way to manipulate public opinion*» [Трощенкова 2021: 26–27] как оружие политической борьбы. Сквозь такую же призму на них иногда смотрят и исследователи, особенно те, кто обращает внимание на использование мемов радикальными движениями и группами, например, ультраправыми. Так, [Bogerts, Fielitz 2018: 138–140], анализируя продукцию одного из немецких правых проектов Reconquista Germanica, приходят к выводу, что несмотря на то, что внешне мемы могут выглядеть как юмористические, иногда

Пр. 1. Плакат «Труд» 1920,
Д. С. Моор

ал – 200 мемов марксистской тематики), значительную роль играли плакаты [Чаус 2010], которые (Пр. 1) в ряде черт совпадают с мемами: это также поликодовые информационные продукты, рассчитанные на широкую аудиторию. В этом смысле важным представляется вопрос о специфике такого материала, как мемы в продвижении идеологических установок. Наиболее очевидны аспекты, связанные с самой сущностью мема как продукта принципиально партиципаторной онлайн культуры, приобретающего соответствующий мемный статус только в случаях вирусного распространения [Трощенкова 2022: 75–76].

Однако здесь нас будет интересовать иной аспект, а именно ироничность и самоироничность, присущие значительной части мемов, в противовес плакатам, которые часто имеют остро сатирический, но не иронический характер. Ирония понимается как прием, основанный на способности адресата адекватно метарепрезентировать истинные представления автора об объекте, скрытые в тексте, где внешне демонстрируется ложная оценка объекта [Трощенкова 2015: 269].

Анализ формы иконического и вербального компонентов мемов в их взаимодействии и содержательного аспекта таких поликодовых продуктов показывает интересное сочетание двух противоположных тенденций –

глупые и абсурдные послания, через них, тем не менее, можно эффективно транслировать идеи расовой ненависти, этно-национализма, нетерпимости к мусульманам и иммигрантам и т.д.; привлекать на свою сторону новых сторонников и повышать градус фанатизма. Ссылаясь на идеи в [Sturken, Cartwright 2001], авторы отмечают, что политические акторы используют образы стратегически, чтобы распространять свою идеологию более или менее тонкими способами и убеждать других людей разделять или отвергать определенные взгляды и ценности. Впрочем, использование наглядной агитации для продвижения идеологии появилось задолго до возникновения феномена Интернет мемов, в частности в отношении марксистской идеологии, рассматриваемой в этой статье (материал – 200 мемов марксистской тематики), значительную роль играли плакаты [Чаус 2010], которые (Пр. 1) в ряде черт совпадают с мемами: это также поликодовые информационные продукты, рассчитанные на широкую аудиторию. В этом смысле важным представляется вопрос о специфике такого материала, как мемы в продвижении идеологических установок. Наиболее очевидны аспекты, связанные с самой сущностью мема как продукта принципиально партиципаторной онлайн культуры, приобретающего соответствующий мемный статус только в случаях вирусного распространения [Трощенкова 2022: 75–76].

LEFTIST THEORY

CONSERVATIVE CONSPIRACY THEORY

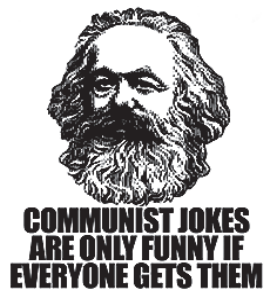
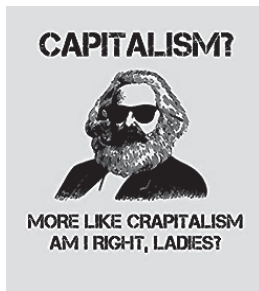

Пр. 2 Простота и доступность марксистской теории

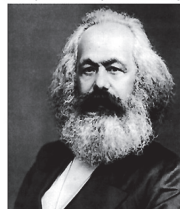
к упрощению и, одновременно, к усложнению. С одной стороны, малый объем текстов и их стремление к созданию внешнего эффекта несерьезности не позволяют подавать ключевые идеи идеологии марксизма в сколь-нибудь развернутом виде. На первый взгляд, это совпадает с тем, как работает агитационный плакат, отсекая детали, избегая противоречивых, неоднозначных моментов и концентрируясь на базовых, легкодоступных широкой аудитории смыслах.

Мемы также могут намеренно подавать пропагандируемую идеологию как простое и доступное объяснение общественных процессов: в визуальном компоненте пр. 2 простое и понятное объяснение марксистов противопоставлено намеренно запутанному, напускающему туману охранительскому, капиталистическому объяснению.

С другой стороны, ряд черт мемов связаны с намеренным усложнением когнитивной обработки. Например, нередки случаи использования игры слов для продвижения ключевых идеологических моментов (пр. 3–7, стр. 686): based on greed (основанный) – base commerce (низменный, подлый); class (урок/социальный класс); everyone gets (все понимают/все получают по-ровну); scrapitism (scrap + capitalism).

When You Complain that History Class is a Struggle, but Really all of History is a Class Struggle.

Пр. 3–7.
Игра на полисемии,
омонимии, блендах

Them: "If you're so smart, what's your solution?"
Me:

Them: You'll become more conservative
the older you get

Me approaching 30:

Пр. 8–11. Контраст примитивизированного фона
с серьезным содержательным посылом

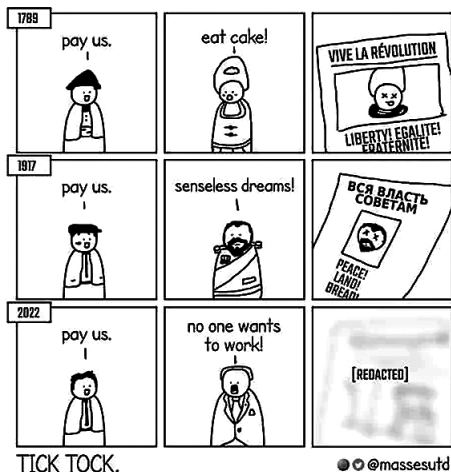
Пр. 12–13. Контраст примитивного противника марксизма и «человекоподобного» сторонника

Мемы, в отличие от плаката, часто выбирают подчеркнuto «несерьезные» фоновые изображения из популярных мультфильмов, манга и т. п., создавая впечатление обращенности исключительно к подростковой аудитории, хотя, на самом деле рассчитаны как на воспитание подрастающего поколения, так и на изменение взглядов взрослой целевой аудитории (пр. 8–11):

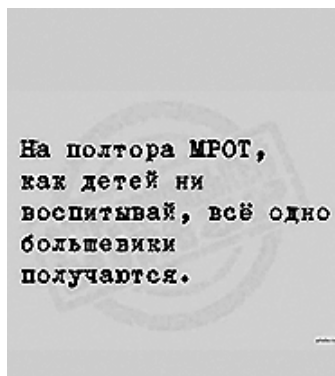
Также в пр. 12–13 видно, что зачастую визуальный компонент и реплики персонажей подчеркнuto противопоставляют уродливого, недалекого оппонента с примитивными высказываниями современному, тщательно прорисованному стороннику марксизма, ироничному, начитанному, способному порождать длинные, связные, логически выстроенные цепочки с отсылками к авторитетным источникам («*What do you mean utopia? We call it a scientific socialism. Utopian socialism ideology is starting with Saint-Simon, then proceeds to Fourier and Robert Owen. Scientific socialism derived itself from reality. It focuses on the materialist conception of history, which is based on an analysis over history, and concludes that communism naturally follows capitalism*»).

Упрощенность мемов, как в пр. 14–15, может еще быть способом через импликацию обойти опасность обвинений в экстремизме, не призывая открыто к формам борьбы, противоречащим существующим законам. Когнитивная нагрузка по додумыванию в этом случае снова ложится на адресата, и упрощенность формы оборачивается усложнением содержания.

Мемы, в отличие от плакатов, имеют тенденцию к парадоксальности, к игре с ожиданиями адресата (пр. 16–17), заставляя переосмыслять кажущееся простым и знакомым (например, уже известный шаблон мема), при этом обычно оставляют довольно обширное пространство для интерпретации. В отличие от плакатов, мемы, продвигающие идеологию, подчеркнuto недидактичны, приглашают адресата вступить в игру по расшифровке посланий, которые должны суггестивно закрепиться в его сознании,

Пр. 14–15. Redacted

Пр. 16–17. Обманутые ожидания в мемах

но подаются как «несерьезные». Мем как бы говорит «я всего лишь мем, созданный как незатейливый развлекательный контент», переключая основной труд по осмыслению идеологических установок на адресата, тем самым, в случае успешности такого осмысления, в силу самостоятельности сделанных выводов, обеспечивая большую психологическую привязку к ним.

Литература

Троценкова Е. В. Когнитивный механизм метарепрезентации как основа стилистического приема иронии // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 269–272.

Троценкова Е. В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 21–31.

Троценкова Е. В. Мемы как средство деконструкции манипулятивных медиа приемов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 74–86.

Чаус Н. В. Советские плакаты 1917–1920 гг. – основное средство пропаганды социалистической идеологии // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6 (22). С. 220–223.

Bogerts L., Fielitz M. “Do you want meme war?” Understanding the visual memes of the German far right // Post-Digital Cultures of the Far Right. Online Actions and Offline Consequences in Europe and the US. M. Fielitz, N. Thurston (Eds.). Bielefeld, Germany, 2018. P. 137–153.

Sturken M., Cartwright L. Practices of looking. An introduction to visual culture. Oxford: Oxford University Press, 2001.

E. V. Troshchenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

PROMOTING IDEOLOGICAL STANCES VIA MEMES: MARXIST MEMES

The article examines the irony of the Internet memes, created to promote the ideological Marxist attitudes, which allows paradoxically work both to simplify the form and content, and to complicate the cognitive processing of the message by the addressee.

Key words: Internet meme, Marxist ideology, irony, contrast.

Н. Б. Цибуля (Москва, Россия)
Московский государственный
лингвистический университет
cybnb@mail.ru

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Комплексный перцептивный (аудитивный и визуальный) метод анализа выявляет корреляцию разномодусных компонентов в реализации кинематографической метафоры в разных жанрах кинодискурса. Она осуществляется посредством монтажа разноплановых ракурсов кадров и поддерживается особенностями невербального

поведением персонажей и их интонацией. Кинометаформа может быть ограничена рамками одного эпизода или представлять собой сквозное действие.

Ключевые слова: кинематографическая метафора, монтажная метафора, невербальное поведение, интонация, когнитивная установка, когнитивный резонанс.

Как указывают исследователи кинематографической метафоры, данный термин выражает широкое понятие, которое можно определить и объяснить посредством целого ряда сопряженных терминов, например таких, как «монтажная метафора», «визуальная метафора», «изобразительная метафора», «кинетическая метафора», «звуковая метафора», «пластическая метафора», «аудиовизуальная метафора», «полимодальная метафора», «виртуальная метафора»». Некоторые из этих терминов употребляются синонимично [Зыкова 2022: 172–173].

С точки зрения природы кинематографа особую значимость имеет термин «монтажная метафора», возникший благодаря технологическому процессу, который определяет создание всего фильма.

Кадр (монтажный кадр) является основной монтажной и производственной единицей кинофильма и представляет собой определенный смысловой сегмент (момент действия). Весь снятый рабочий материал фильма состоит из таких кадров [Железняков 2001]. «Склеивание» этих отрезков не является чисто механическим процессом, но реализует когнитивные установки создателей фильма. Именно с помощью монтажа кадров оттеняется фон и выделяется главное, подчеркивается связь и динамика событий, раскрывается духовный мир персонажей, их мысли и чувства [Борев 2003].

Существующие классификации кинометафоры и методы ее исследования указывают на весьма сложный характер этого явления. В зависимости от жанра, времени создания фильма, когнитивной установки автора сценария и режиссера построение кинематографической метафоры осуществляется с помощью большого разнообразия изобразительных приемов, реализуемых посредством различных модусов – каналов передачи и восприятия информации.

Обратимся к примеру.

В одном из эпизодов английского художественного сериала “Jane Eyre” (1983) в дом к миссис Рид, тетке Джейн, приезжает главный попечитель интерната для сирот мистер Брокльхерст. Он считается «благодетелем» воспитанниц, но на самом деле известен своей скупостью, ханжеством и жестким характером. Ученицы этого благотворительного учреждения постоянно испытывают голод и страдают от холода и болезней.

Эпизод встречи Джейн с мистером Брокльхерстом начинается с крупного плана лица попечителя, при этом важным оказывается перспектива кадра – ракурс и угол зрения снизу, которые отражают восприятие девочки. Высоко

над собой она видит огромное, неподвижное, как у статуи, лицо с почти закрытыми глазами. Голова директора как бы нависает над Джейн, хотя расстояние между ней и Брокльхерстом составляет около двух метров, как мы затем видим на общем плане. Изменяя реальные проксемные ориентации в первом кадре, режиссер подчеркивает доминирование этого персонажа, общение с которым предвещает неприятности.

В течение эпизода кадры с крупным и общим планом постоянно сменяют друг друга, что реализует необходимый изобразительный акцент на важных составляющих данного отрывка.

Общий план высвечивает всю фигуру Брокльхерста – его неподвижная прямая поза вновь напоминает статую. Затем движением руки он молча указывает, чтобы Джейн подошла к нему. При этом он опять застывает, словно изваяние, на две секунды и затем возвращается в исходную неподвижную позу.

Что касается Джейн, то крупный план ее лица дается сверху, то есть так, как ее воспринимает попечитель и не только с высоты своего роста. Подобный ракурс также можно интерпретировать метафорически – он «смотрит на нее сверху вниз», то есть относится к ней свысока и пренебрежительно.

Смена плана и перспективы кадра передают два слоя восприятия. С одной стороны, крупный план и соответствующий ракурс выявляют модально-эмоциональную оценку персонажей друг друга. С другой стороны, эти приемы направлены на зрительскую аудиторию с целью вызвать у нее определенный когнитивный резонанс.

Как отмечают исследователи, основанием для построения кинометафоры обычно служат вербальные единицы, реализуемые посредством совокупности нескольких модусов. При этом различные типы генерирующих вербальных компонентов могут быть выражены эксплицитно и имплицитно [Зыкова 2022].

В анализируемом нами эпизоде в основе создания кинометафоры лежит невербальное поведение персонажа – мистера Брокльхерста. Его неподвижное лицо, почти закрытые глаза, прямая застывшая поза вызывают ассоциативные связи с концептом «статуя».

Подтверждение этому находим в русском и британском лингвистических корпусах, словарях, в художественной литературе, которые содержат многочисленные примеры, иллюстрирующие подобные отношения: *застыть как (словно) статуя; окаменеть, словно статуя; неподвижный как (словно) статуя; стоять вытянувшись, прямо, словно статуя; с затвердевшим, как у статуи, лицом; с неподвижным, как у статуи, глазами; условно видящие... глаза статуи; с закрытыми глазами, слепыми, как глаза статуи; как мертвые глаза статуи; глаза были настолько пусты, что походили на глаза статуи; точно бездушная статуя; как бездушная статуя [НКРЯ]; to stand as still as a statue; as still as a statue [Collins English Dictionary 2022]; her...*

face was like a statue's [Dickens 2000: 217]; *sit like a statue; to be like a statue; stand like a statue; stand rigid like a statue; with the face like a statue; his head looked like that of a statue* [BNC].

Обобщая приведенные примеры, можно констатировать, что человек, который похож на статую, обладает такими свойствами характера, как ригидность, узость мышления (слепота), бездушие, твердость характера. Персонаж Брокльхерст вбирает в себя все эти качества, и перед нами предстает образ жесткого, бесчувственного, бездушного человека, не способного понять внутренний мир ребенка.

В разговоре Брокльхерст не использует жестов рук, которые он постоянно держит за спиной, его поза остается прямой и неподвижной, а значимые слова подчеркиваются слабыми кивками головы. Его интонация характеризуется четким ритмом, в целом замедленным темпом, использованием стандартных мелодических моделей. Тембр голоса резко меняется, выражая возмущение, когда Джейн признается, что не любит читать псалмы.

Таким образом, в анализируемом эпизоде кинематографическая метафора реализуется, во-первых, посредством визуального ряда монтажа, разноплановых ракурсов и кадрирования. Во-вторых, она поддерживается собственно невербальным поведением персонажа и, в третьих, – его интонацией.

Следует отметить, что различные трансформации концепта «человек-статуя» издавна прослеживаются в произведениях литературы и искусства. Достаточно вспомнить ожившие статуи Командора и Медного Всадника в творениях А. С. Пушкина, древнегреческий миф о Пигмалионе, «Путешествие Нильса с дикими гусями», новеллу П. Мериме «Венера Ильская» и многие другие.

Рассмотрим еще один пример, обратившись к жанру комедии. В известном английском фильме “How to Steal a Million” (1966) на первый план выдвигается концепт «бумеранг». Слово, обозначающее метательное орудие австралийских аборигенов, гораздо чаще употребляется в переносном смысле и связано со свойством материального бумеранга всегда возвращаться к человеку, запустившему его. Поэтому, так называемый закон бумеранга лежит в основе идее о справедливом возмездии: зло возвращается злом, а добро – добром. Как видно, здесь также прослеживается связь причины и следствия – совершенный поступок обязательно будет иметь последствия в будущем.

В корпусах находим примеры, иллюстрирующие закон бумеранга: *a Commonwealth boomerang; to have a boomerang effect; a boomerang on the budget; like a boomerang; unlike a boomerang, it did not return; Eddie Murphy's Boomerang* [BNC]; *возвращаются автоматически, как бумеранг; во лбы туниц, которые ее осуждали; начинают бить, как бумеранг; опасны, как бумеранг; возвратится, как бумеранг; это как бумеранг* [НКРЯ].

В отличие от предыдущего примера из фильма “Jane Eyre”, где анализируемая кинометафора характерна лишь для одного эпизода, концепт бумеранга, как возмездие за нехорошие дела, красной нитью проходит через весь фильм “How to Steal a Million”. Однако реализация и восприятие этого концепта в кинофильме приобретает специфические черты, характерные для жанра комедии.

Николь, дочь талантливого художника Боннэ, в очередной раз продавшего на аукционе свою подделку как полотно Сезанна, старается уговорить любимого отца отказаться от подобных авантюр. Она пытается доказать ему, что подделка произведений искусства есть преступление и нарушение закона, за что он может понести справедливое наказание.

Однако Боннэ не внемлет уговорам, он входит во вкус затеянной им игры и выставляет в музей на всеобщее обозрение небольшую статую Венеры, выдавая ее за работу Бенвенуто Челлини. На самом деле, статуэтка была создана талантливым отцом художника, когда Боннэ был еще ребенком.

Однако эйфория быстро сходит на нет, когда художник и его дочь узнают о предстоящей экспертизе скульптуры с помощью методов, устанавливающих подлинность произведения искусства.

Пытаясь спасти своего отца от позора и тюрьмы, Николь уговаривает лже-грабителя Саймона выкрасть статуэтку из музея. В этот момент в игру вступает реальный бумеранг, который помогает Саймону вынудить охранников отключить сигнализацию вокруг статуи Венеры, в результате чего он и Николь выносят статуэтку из музея.

Фильм заканчивается тем, что Боннэ, едва оправившись от переживаний и дав слово больше не заниматься привычным авантюрным бизнесом, решает продать свою подделку картины Винсента ван Гога латиноамериканскому миллионеру.

Таким образом, благодаря комедийному жанру фильма и необычному переплетению разных событий идея возмездия смягчается и приобретает оттенок иронии. Наряду с рефреном о возможном наказании, в фильме появляется бумеранг как реальный предмет, который избавляет главного героя от наказания.

Литература

Борев Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. М.: АСТ, 2003.

Железняков В. Н. Цвет и контраст. Технология и творческий выбор. М.: ВГИК, 2001.

Зыкова И. В. Поэтика кинодискурса в полимодальном измерении // Полимодальные измерения дискурса. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru/>

BNC – British National Corpus. 1994–2023. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>
Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/submission/25152/as+still+as+a+statue>

Dickens Ch. Great Expectations. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Classics, 2000.

N. B. Tsibulya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

POLYMODAL CHARACTER OF CINEMATOGRAPHIC METAPHOR (cognitive aspect)

A complex perceptual (auditory and visual) method of analysis reveals the correlation of different-mode components in the implementation of cinematic metaphor in different genres of film discourse. It is carried out through the installation of diverse camera angles and is supported by the features of the non-verbal behavior of the characters and their intonation. The cinematic metaform can be limited to a single episode or represent a cross-cutting action.

Key words: cinematic metaphor, montage metaphor, non-verbal behavior, intonation, cognitive attitude, cognitive resonance.

A. O. Чупахина (Санкт-Петербург, Россия)
*Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова*
alexandra.chupakhina@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИМОДАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДЫ СЛАБОВИДЯЩИМ ХУДОЖНИКОМ

В настоящей статье анализируется языковая репрезентация восприятия, субъектом которого является слабовидящий художник. Исследуется вербализация перцептивного процесса, актуализирующегося с помощью альтернативных типов восприятия, и, как результат, являющегося основой для создаваемых художественных образов. В текстах, автором которых является сам художник, восприятие функционирует как доминантный концепт.

Ключевые слова: полимодальное восприятие, слабовидящие художники, эго-пространство художника, доминантный концепт, художественный образ.

Восприятие является процессом обработки сенсорной информации, в результате которой человек способен интерпретировать и понимать окружающий его мир как совокупность предметов и событий. Через восприятие мы имеем пусть субъективные, но адекватные образы реальности, соответствующие окружающей действительности в той степени, чтобы человек мог верно ориентироваться в мире [Дружина, Ушакова 2002].

При этом человеческой психике свойственно символьное описание окружающего мира, в результате чего человек воспринимает именно то, что входит в данное описание, понимая мир преимущественно таким, каким он его знает. Такое свойство восприятия называется феноменом проекции, при котором субъект переносит свои собственные представления на окружающий мир, приписывая ему смыслы и значения, которые являются содержанием его внутреннего мира [Шемакин 2009].

Несомненный интерес представляет специфика восприятия мира художником. Зрительное восприятие является значимой составляющей эго-пространства творческой личности и лежит в основе создания художественных образов. Вместе с тем, как показывает анализ вербальных текстов, в которых сами художники описывают процесс создания картин, в ряде случаев другие типы восприятия играют не менее важную роль. Представляется интересным обратить внимание на ситуацию восприятия, в которой субъектом выступает слепой художник, потерявший зрение уже в зрелом возрасте, а также на то, каким образом «воспринимаемое», или объект восприятия, репрезентируется художником на вербальном уровне.

Согласно А. Г. Литваку, в перцептивном процессе включаются несколько анализаторов. Во время выполнения различных видов деятельности тот или иной анализатор становится ведущим. Как правило, доминирующим является зрительный анализатор. Причем зрительный тип восприятия играет главенствующую роль даже у слабовидящих и частично зрячих, так как у них наблюдается зрительно-двигательно-слуховой тип восприятия. Только при очень сильном снижении остроты зрения и тотальной слепоте, когда визуально явления не воспринимаются, доминирующее положение занимают кожно-механический и двигательный анализаторы, относящиеся к осязательному восприятию [Литвак 1998].

Отмечается, что слуховой тип восприятия формируется у слепых так же, как и у нормально видящих, поскольку развитие слуха зависит от вида деятельности, в которой индивид принимает участие. Однако слуховое восприятие отражает материальный мир не полно, поэтому значимую роль может играть осязательное и кинестетическое восприятие, через которые слепой человек получает информацию о пространственных и физических свойствах объектов [Литвак 1998].

Анализ языковой репрезентации перцептивного процесса в вербальных текстах, написанных слабовидящими художниками, показывает, что восприятие является доминантным концептом и носит полимодальный характер. В качестве примера обратимся к статье британского художника Кита Сэлмона, который в 1999 году потерял зрение вследствие болезни. Объектом восприятия художника выступает природа, поскольку К. Сэлмон создает работы на основе своего опыта походов по горной местности Шотландии:

Prior to my sight loss I had always loved observational drawing, just going outside, sitting down and trying to record in line the scene before me. Suddenly I found that I couldn't really do this in the same way any longer [Salmon 2020].

В рассматриваемом фрагменте текста художник, описывая время, когда он мог видеть, выступает в качестве субъекта восприятия. На основе использования лексических единиц, репрезентирующих перцептивный процесс – *observational drawing*, можно заключить, что у художника доминирует зрительный тип восприятия. Используя лексические единицы *outside, the scene*, художник репрезентирует природу как объект перцепции, а сам перцептивный процесс маркируется глаголом с положительной эмотивной семантикой *loved*. Вместе с тем процесс восприятия имеет характеристику длительности, так как художник употребляет причастия, характеризующие длительность действия – *going, sitting, trying*. Таким образом, художник, преобладающим анализатором которого был зрительный, вербализует перцептивный процесс с такими характеристиками как эмоциональная маркированность и длительность.

Однако со временем, утрачивая способность видеть, художник при создании художественных образов все больше вынужден полагаться на другие типы восприятия:

I, perhaps rather selfishly, simply wanted to use sound to allow me to continue creating landscape art despite my failing sight [Salmon 2020].

С потерей зрения у художника меняется тип восприятия со зрительного на слуховой, о чем свидетельствует представленный фрагмент. Значимой когнитивной доминантой в процессе творческой обработки, полученной из внешнего мира информации, становятся также воспоминания:

Comprising a 30 minute long high quality stereo soundtrack and five 120 x 120 cm oil paintings, the work explores the magnificent landscape near Kylesku in Sutherland through the use of paint and sound. In May 2017, my wife Anita and I spent some time walking the track along the northern shores of Loch Glendhu near Kylesku. Over the course of the walk I capturing the changing conditions along with sounds of some of the birds and insects found in this wild and remote landscape <...>As the soundtrack came together, I started working on the five corresponding paintings. Based primarily on memories of the locations

where I recorded the sounds for each section, I have added to the range of marks by using oil sticks and trailed tile paint within the traditional oil colour to try and interpret the natural sounds [Salmon 2020].

В приведенном фрагменте текста субъект восприятия выражен эксплицитно личным местоимением *I*. Объектом восприятия выступает природа и звуки природы, репрезентированные в тексте эксплицитно: *landscape near Kylesku; the track along the northern shores; sounds of some of the birds and insects*. Объект восприятия маркируется художником прилагательным с положительно-оценочной семантикой *magnificent*.

Анализ написанных художником вербальных текстов показывает, что для слабовидящего мастера полимодальность восприятия имеет особое значение. У субъекта восприятия доминируют не только слуховые анализаторы, но и осязательные и кинестетические, о чем свидетельствует наличие в текстовом фрагменте словосочетания *capturing the changing conditions*. О доминировании кожно-механических анализаторов свидетельствует использование Participle 2 *trailed* для обозначения используемой краски *tile paint*, то есть художник, для создания своей работы, использует густую краску для плитки, которую можно «прощупать»: ощутить мазки, оставленные краской.

Процесс восприятия мира, который лежит в основе создания художественного образа, носит многоаспектный характер и репрезентирован в тексте как процесс, происходящий на двух основных уровнях. На первом уровне перцептивный процесс актуализируется при походе в горную местность, когда художник воспринимает окружающую действительность, чувствует природные явления и изменения, регистрируя их на звукозаписывающее устройство *made a series of sound recordings*. На втором уровне художник, вспоминая о походе *based on memories of the locations*, а также обращаясь к звуковым записям актуализирует перцептивный процесс, помогающий ему формировать художественные образы для создания своих произведений *try and interpret the natural sounds*.

Важно отметить, что полимодальность восприятия обуславливает полимодальность коммуникации, которая осуществляется посредством искусства. Арт-объект, созданный слабовидящим художником, состоит из картин, презентация которых сопровождается записанными звуками природы – *Comprising a 30 minute long high quality stereo soundtrack and five 120 x 120 cm oil paintings, the work explores*. Работа художника, представленная таким образом, воздействует на несколько перцептивных каналов реципиента, а именно на звуковые и зрительные анализаторы. В данном случае произведения живописи представляют собой «поликодовое» единство, совмещающее взаимодействие визуальных и звуковых систем, что способствует углублению перцепции и возникновению эмпатии со стороны зрителя.

Проведенный анализ позволяет заключить, что процесс восприятия природы слабовидящим незрячим художником носит полимодальный характер и в значительной степени актуализируется с помощью осязания и слуха. Благодаря слуховым и кожно-механическим анализаторам субъект восприятия взаимодействует с миром, формируя художественные образы. Перцептивный процесс, обладая такими характеристиками, как изменчивость, длительность, эмоциональность, осязаемость, является многоканальным и реализуется на двух уровнях – уровни прямого и косвенного взаимодействия с объектом восприятия. Как результат, воздействие, которое оказывается на реципиента во время взаимодействия с произведением искусства, является аудио-визуальным. В создаваемых слабовидящим художником вербальных текстах восприятие выступает как доминантный концепт, репрезентируемый лексическими единицами, свидетельствующими о полимодальном характере перцептивного процесса.

Литература

Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002.

Сергин В. Я. Субъективное восприятие окружающего мира: нейробиологические механизмы и смысл // Открытое образование. 2009. № 1. С. 33–44.

Литвак А. Г. Психология слепых и слабовидящих: учеб. Пособие / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ, 1998.

Salmon K. Adapting to the landscape – painting with sound. 2020. URL: <https://www.interaliomag.org/articles/keith-salmon-adapting-to-the-landscape-painting-with-sound/> (дата обращения: 15.01.2023).

A. O. Chupakhina (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE POLYMODAL PERCEPTION OF NATURE BY A VISUALLY IMPAIRED ARTIST

The article discusses the language representation of perception, the subject of which is a sightless artist. The verbalization of the perception process, being the basis for the created artistic images and actualized with the help of alternative types of perception, is considered. In texts written by a visually impaired artist, perception functions as a dominant concept.

Key words: polymodal perception, visually impaired artists, artist's ego-space, dominant concept, artistic image.

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

*А. С. Алёшин (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций
им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
alexis001@mail.ru*

ШВЕДСКИЕ КОМПАРАТИВНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ С РЯДОПОЛОЖЕННОСТЬЮ КОМПОНЕНТОВ (КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Статья представляет собой попытку когнитивного исследования компаративных пословиц шведского языка с формальной выраженностью компарации – синтаксической и логической рядоположенностью. В статье рассматривается корреляция между поверхностным и глубинным уровнями семантики данных пословиц.

Ключевые слова: когнитивная модель, внутренняя форма, фрейм, слот, когнитивная структура, шведские паремии, рядоположенность.

Фразеологические и паремиологические единицы рассматриваются в рамках когнитивной лингвистики как один из способов концептуализации и категоризации действительности. В рамках когнитивного подхода значение фразеологизма и паремии определяется как «многокомпонентная структура, включающая в себя различные блоки информации, как многомерный информационный комплекс» [Телия 1996: 103]. В центре когнитивно-прагматического описания находятся такие составляющие паремической семантики, как когнитивная модель, внутренняя форма, афористическое значение, событийный план, объективируемая в паремиях когнитивно-денотативная ситуация и выражаемый паремиями прагматический смысл [Семененко 2012: 8]. Кроме того, когнитивно-прагматическая методология ориентирована на решение спорных вопросов традиционной паремиологии, в частности, на выявление корреляций между семантическими и когнитивными категориями. В этом ракурсе особую актуальность приобретает рассмотрение скрытых механизмов взаимосвязи, существующей между вну-

тренней формой, значением, смыслом, мотивацией, коннотацией языковых единиц и их когнитивными корреляциями, объективирующими продукты познавательной деятельности человека [Там же: 9].

Фразеологизмы и поговорки шведского языка ещё никогда не становились объектами изучения с позиций когнитивной лингвистики. Данная статья представляет собой попытку когнитивного исследования компаративных пословиц шведского языка с формальной выраженностью компарации – синтаксической и логической рядоположенностью. Пословицы с рядоположенностью компонентов являются одним из наиболее объемных разрядов традиционных шведских компаративных пословиц, практически отсутствующих в русском языке. Этот разряд включает в себя 120 единиц, полученных методом сплошной выборки из словарей П. Хольма «3530 ordspråk och talesätt» и Ф. Стрёма «Svenska ordspråk».

Категория компаративности включает понятие равенства / неравенства, в анализируемых единицах акцент делается на равенстве, приравнении двух и более слотов фрейма поговорки, обозначающих субъектов (а в ряде случаев субъектов и выполняемых ими действий, или двух объектов), путем приложения к ним одного и того же акционального слота.

По грамматической структуре рассматриваемые пословицы можно свести к следующим основным моделям:

1) $[N1 - N2] = V$, где N – субъект, выраженный существительным, V – глагол.

В основе пословиц данного типа лежит когнитивная операция рядоположения двух субъектов, выполняющих одно и то же действие: *Vin och kvinnor gör mannen galen* ‘Вино и женщины сводят мужчину с ума’. Вино и женщины оказывают одинаковое воздействие на мужчину, поэтому подвергаются в языковом сознании операции сравнения по этому основанию.

В данной модели преобладают единицы с двумя субъектами сравнения, но встречаются пословицы с трёхчастной и даже четырёхчастной рядоположенностью компонентов: *Krig, pest och hungersnöd äro tre goda kamrater* ‘Война, чума и голод – три хороших товарища’; *Fyra ting är svåra att dölja: eld, hosta, skabb och kärlek* ‘Четыре вещи трудны для сокрытия: огонь, кашель, чесотка и любовь’.

2) $[aN1 - aN2] = V$, где a – определение, выраженное прилагательным.

В данной модели рядоположенные субъекты имеют при себе уточняющие определения: *Gammal kärlek och gamla bränder flammar lätt upp igen* ‘Старая любовь и старые пожары легко вспыхивают снова’; *Ett halt ben och en elak hustru gör tung färd* ‘Хромая нога и злая жена делают путь тяжёлым’. Определения при субъектах могут быть одинаковыми, а могут отличаться.

3) NV – [O1=O2], где O – объект.

Здесь рядоположенные объекты являются дополнениями: *Satan tycker om rika änkor och feta präster* ‘Сатана любит богатых вдов и толстых священников’; *Allting har en ända utom kvinnoarbete och helvetets pina* ‘Всё имеет конец, кроме женской работы и мук ада’. Богатые вдовы и толстые священники одинаковы грешны, потому и в равной мере любимы сатаной. Женская работа нескончаема так же, как муки грешников в аду.

4) [N1V1 – N2V2 – N3V3] = V.

В этой модели представлено рядоположение нескольких грамматических основ: *När hundarna halta, kvinnorna gråta och krämarna svärja, så har det inte så mycket att betyda* ‘Когда собаки хромают, женщины плачут и торговцы клянутся, это мало что значит’. Хромота собак, слезы женщин и клятвы торговцев одинаково притворны и поэтому рядопологаются.

Следует отметить, что в исследуемых шведских пословицах наблюдается двойная компарация, сравнительная семантика как бы «удваивается» за счет использования метафоры, эксплицитно выраженного сравнительного оборота с союзом *som* ‘как’ внутри пословичной единицы, использования сравнительной степени прилагательного или наречия, конструкции *mer... än*, например: *En försonad fiende och en köpt vän äro dåliga murstenar i fästningen* ‘Прощённый враг и купленный друг – плохие **камни в крепостной стене**’; *En jungfru utan friare, en marknad utan skriare, en luden päls utan löss, ett gammalt hus utan möss, en bock utan skägg* **sällsynt är som tuppeägg** ‘Девушка без жениха, рынок без глашатая, старая шуба без вшей, старый дом без мышей, козёл без бороды **редки как яйца пемуха**’; *Det finns icke stoltare djur på jorden än en häst och en kvinna* ‘Нет **более** гордых животных на свете, **чем** лошадь и женщина’; *Magra myggor och svultna flugor bita värst* ‘Худые комары и голодные мухи кусают **сильней** всего’.

Рядопологаемые единицы в рассматриваемых пословицах относятся к следующим денотативным сферам:

1) Конкретное – абстрактное существительное: *kvinna* (женщина) – *lycka* (счастье), *dygd* (добродетель) – *olja* (масло) и др.

2) Конкретное – конкретное существительное: *kyrka* (церковь) – *krog* (кабак), *flicka* (девушка) – *ättika* (уксус) и др.

3) Абстрактное – абстрактное существительное: *list* (хитрость) – *svek* (коварство), *fiendskap* (вражда) – *vänskap* (дружба) и др.

Внутри данных денотативных сфер можно выделить наиболее типичные сопоставляемые тематические группы: наименования лиц – наименования лиц (*advokat* ‘адвокат’ – *soldat* ‘солдат’, *lätting* ‘лентяй’ – *hora* ‘проститутка’ и др.), наименования лиц – наименования явлений природы (*kvinna* ‘женщина’ – *vårens snö* ‘весенний снег’, *kvinna* ‘женщина’ – *vind*

‘ветер’ и др.), зоонимы – наименования лиц (*gäst* ‘гость’ – *fisk* ‘рыба’, *kvinna* ‘женщина’ – *stork* ‘аист’ и др.).

Наиболее частотными объектами сравнения являются женщина, девушка, крестьянин, священник, лентяй и любовь. Женщина рассматривается сквозь призму сознания шведского мужчины-крестьянина позднего средневековья, его сознание рационально, поэтому женщина часто рядоположена предметам быта: *Kvinnan och kakelugnen höra till huset* ‘Женщина и изразцовая печь принадлежат дому’; *Kvinnor och linne skall ej köpas vid talgljus* ‘Женщин и ткань нельзя покупать при свете свечи’.

В средневековом сознании женщина глупа, мешает, приносит горе: *Tre ting gör ve i bondens hus: ond kvinna, rök och väggelus* ‘Три вещи приносят горе в дом крестьянина: злая женщина, дым и клопы’; *Kvinnan, skeppet och väderkvarnen fattas alltid något* ‘Женщине, кораблю и ветряной мельнице всегда чего-то не хватает’. В связи с этим женщина отрицательно маркирована в этом пословицном сегменте. Девушка предстает в пословицах как товар, который можно выгодно продать: *Rik mans dotter och fattig mans oxе får icke nog tid att växa* ‘Дочь богатого человека и бык бедняка не имеют достаточно времени, чтобы вырасти’. Любовь – чувство иррациональное, поэтому рядоположено хорошо знакомым предметам быта: *På hett järn och på kärlek kan man bränna sina fingrar* ‘На горячем железе и на любви можно обжечь пальцы’; *Halm i skorna, kärlek i hjärtat sticker ut överallt* ‘Солома в башмаках, любовь в сердце торчат везде’. Себя самого крестьянин рядопологает с зоонимами, близкими и знакомыми животными – быком – помощником в нелегком труде: *Bonden och hans tjur äro två djur* ‘Крестьянин и его бык – два животных’; лисой, волком. Священник маркирован исключительно отрицательно – он жадный, толстый, думает о земном, а не о высоком: *Gamla apor, unga präster och vilda djur skall man icke släppa in i en jungfrubur* ‘Старых обезьян, молодых священников и диких зверей нельзя впускать в спальню молодых девушек’; *Satan tycker om rika änkor och feta präster* ‘Сатана любит богатых вдов и толстых священников’.

В рассматриваемых пословицах представляет интерес часто используемая числовая составляющая: *Elva skator och en tattare gör tolv tjuvar* ‘Одиннадцать сорок и бродяга – двенадцать воров’; *Tolv bönder och en räv gör tretton jäklar* ‘Двенадцать крестьян и лиса – тринадцать дьяволов’ и др.

Таким образом, в рассматриваемых пословицах прослеживается корреляция между поверхностным и глубинным уровнями семантики. Хорошо знакомое служит эталоном для сравнения мало известного, до конца непонятого объекта. Отличительной чертой пословиц компаративной семантики с рядоположением компонентов является эксплицитно представленное основание сравнения, что сближает эти единицы с устойчивыми сравнениями.

Компаративность пословиц может усиливаться благодаря использованию других средств данной категории – метафор, сравнительных конструкций и устойчивых оборотов со сравнительным союзом.

Литература

Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремиологической семантики: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2012.

Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996.

A. S. Alyoshin (Saint Petersburg, Russia)
The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University
of Telecommunications

SWEDISH COMPARATIVE PROVERBS WITH EQUATED COMPONENTS (COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH)

The article is an attempt at a cognitive study of comparative proverbs in the Swedish language with a formal expression of comparison – syntactic and logical juxtaposition. The article deals with the correlation between the surface and deep levels of the semantics of these proverbs.

Keywords: cognitive model, internal form, frame, slot, cognitive structure, Swedish proverbs, juxtaposition.

А. Д. Бакина (Орёл, Россия)
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева,
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
heart-anna@yandex.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье освещаются вопросы, связанные с исследованием фразеологии библейского происхождения с позиции лингвокогнитивного подхода. Анализируются определения «концепта», уточняется специфика «библейского концепта» и его сходства и различия в сравнении с «культурным концептом». Выделяется понятие кон-

цептосферы библейской фразеологии как совокупности концептов, формирующих концептуальное библейское пространство. Делается вывод о том, что библейское пространство может быть представлено рядом концептов, образующих концептосферу, вербализованную фразеологизмами библейской этимологии.

Ключевые слова: когнитивные исследования фразеологии, библейская фразеология, концепт, библейская картина мира, библейская концептосфера.

Исследования фразеологических единиц библейского происхождения сегодня не только не утратили своей актуальности, но приобрели большую значимость и ценность в связи с неоднозначным отношением лингвистов к самой сущности и статусу этих единиц, специфичностью их структуры, семантики и этимологии, а также повысившейся частотностью их использования в разных типах дискурса [Федуленкова 2008; Fedulenkova 2003; Fiedler 2013]). Многовекторный характер исследований библейской фразеологии разных языков определяется развитием таких научных направлений, как сравнительно-сопоставительная лингвистика, коммуникативная лингвистика, функционально-коммуникативное, лингвокультурологическое, лингвокогнитивное направления.

Последние два десятилетия ознаменовали новый этап активного развития отечественной когнитивистики: сформирован четкий понятийный и терминологический аппарат, применяемый для лингвокогнитивных исследований, обозначены основные проблемы зоны, определены и упорядочены методологические основы когнитивной лингвистической науки. Популяризация лингвокогнитивных исследований позволила сфокусироваться на изучении различных аспектов фразеологии в рамках когнитивного и лингвокультурологического подходов (см. работы Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко 2010; Алефиренко 2016]; А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский 1990], И. В. Зыковой [Зыкова 2015], В. И. Карасика [Карасик 2002], В. Н. Телия [Телия 1996], В. В. Красных [Красных 2003], Ю. С. Степанова [Степанов 1997], R. W. Gibbs [Gibbs 1990], R. W. Langacker [Langacker 1988] и др.). В последнее время отмечается значительное расширение круга и повышение научного интереса к исследованиям, связанным с изучением семантики и прагматики библеизмов с учетом их лингвокультурологических особенностей, рассмотрением библейских концептов, описанием фреймовой специфики фразеологизмов библейского истока, восприятием и интерпретацией концептуальной картины Библии, взаимовлиянием общекультурных концептов с библейскими (см., например, работы [Орлова 2008; Мжельская 2008]).

В круг оперируемых нами понятий в ходе исследования библейской фразеологии с позиции лингвокогнитивного подхода входят следующие:

когниция, категоризация, концепт, константы культуры, концептосфера, скрипт, сценарий, фрейм, языковая картина мира.

Методами исследования послужили следующие: метод фразеологической идентификации, метод фразеологического анализа и описания [Кунин 1986], метод семантического анализа, дефиниционный метод, методы лингвокогнитивного анализа.

Материал исследования составили библейские фразеологические единицы, отобранные из словарей (Лепта библейской мудрости авт.-сост. Адамия З.К. и др., 2019; Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии Федуленковой и др., 2008), и актуализирующие библейские концепты.

Исследование показало, что выделение совокупности библейских концептов, отличающихся по своему наполнению от культурных концептов, возможно, и эта совокупность, или иначе, концептуальная ткань, сотканная из множества концептов, формирует единую концептосферу, способную отражать картину мира посредством использования библейских фразеологизмов, вербализующих эти концепты.

Применение лингвокогнитивного подхода расширяет понимание особенностей концептуализации фразеологического пространства. Фразеологические единицы в контексте когнитивных исследований воспринимаются как «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия 1996: 8].

Общекультурная концептосфера включает целый пласт библейских концептов, основная часть которых формирует самостоятельную концептосферу библейской фразеологии.

Ввиду специфичности объекта, а именно фразеологических единиц, восходящих к библейским текстам и сюжетам, определение границ концептуального поля, а также всего многообразия концептов библейской фразеологии выступает одной из первостепенных задач. Определение того, что есть концепт оказывается непростой задачей ввиду неоднозначной интерпретации данного термина и понятия различными лингвистами.

По мнению Ю. С. Степанова, концепт «неразрывно связан с миром культуры, так как представляет собой как бы сгусток культуры в сознании человека; способ представления культуры в ментальном мире человека...» [Степанов 1997: 45].

Согласно Н. Д. Арутюновой, концептам свойственно возникать «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция

и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей», при этом они способны формировать «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1998: 3].

Понимая концепт как «единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям)», Е. С. Кубрякова отмечает, что концепт непременно *маркирован* «лингвокультурной спецификой» [Кубрякова 1997: 102].

В. И. Карасик определяет культурный концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона» [Карасик 2002: 91].

Важным свойством концепта является высокая степень его абстрактности, на которое, в частности, указывает В. В. Красных, которая определяет его как «максимально абстрагированную идею *культурного предмета*, не имеющего визуального прототипического образа», «своего рода свернутый глубинный ‘смысл’ предмета» [Красных 2003: 272].

Концепт является составляющей культурного кода. Данный тезис достаточно развернуто поясняется в работе А. В. Папшевой. Автор указывает, что «система концептов лингвокультуры (концептосфера) представляется как лингвокультурный код; концепты, десигнируемые языковыми единицами, выступают как знаки – единицы лингвокультурного кода» [Папшева 2010: 492].

Таким образом, культурный концепт есть ментальное образование, которое образует тесную связь с национальной культурой, имеет лингвистическое выражение.

С учетом вышеизложенного поясним на примере рассмотрения концепта ХЛЕБ (*англ.* BREAD) в культуре и библейской концептосфере. Исследуемый концепт в библейских текстах имеет отличное от содержания общекультурного концепта значение. Для представителя русского культурного сообщества, например, «хлеб» является главным исконно русским предметом пищи, основным продуктом питания наряду со «щами» и «кашей», то что делает русского человека РУССКИМ. Ср. коммуникативные фразеологизмы: «*Хлеб всему голова*», «*Хлеб вскормит, а вода вспоит*», «*Там и рай, где хлеба край*», «*Хлеб – батюшка, кормилец*», «*Без хлеба куска везде тоска*», «*Хлебом люди не шутят*». Помимо прямого значения, у «хлеба» имеется переосмысленное значение, в котором слово употребляется подчас даже чаще, чем в прямом. «Хлеб» – символ гостеприимства (Ср. «встречать хлебом-солью»); заработок, достаток, добро. В английской лингвокультуре ‘bread’ – важнейший элемент бытия, который способен утолить голод; символ жизни, роста и богатства. К фразеологизмам, актуализирующим

концепт BREAD относим следующие: “*All bread is not baked in one oven*” (Не все хлеба из одной печи); “*Half a loaf is better than no bread*” (Лучше полбуханки, чем ничего); “*Hope is the poor man’s bread*” (Надежда – хлеб бедняка); “*To know on which side one’s bread is buttered*” (Знать, с какой стороны твой хлеб маслом намазан).

Библейский концепт ХЛЕБ включает такие когнитивные признаки, как «духовная пища», «дар», «наивысший дар с небес», символ «священного таинства». Лексема «хлеб» входит в состав фразеологических единиц, и самая частотная библейская идиома «хлеб насыщенный». Уже здесь мы наблюдаем взаимопересечение концептов, общекультурного и библейского.

Среди фразеологизмов библейского истока, вербализующих концепт ХЛЕБ/BREAD, отметим следующие:

1) *Хлеб [наш] насыщенный*. Обозначает «средство, крайне необходимое для существования, для жизни; нечто исключительно важное». Восходит к евангельскому выражению «*Хлеб наш насыщенный даждь нам днесь*» (Евангелие от Матфея 6, 11). Англ. [our] *daily bread* (a person’s means of subsistence, necessities of life). Source: Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day *our daily bread* (Mt 6, 9–13), (Lk 11, 2–4) [Адамия 2019: 196].

2) *Попросить хлеба, а получить камень*. В источнике: Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба подал бы ему камень (От Матфея 7:9). Англ. Ask for bread and be given a stone. Source: Or what man is there of you, whom if his *son ask bread, will he give him a stone?* (Matthew VII, 9).

3) *Отпускать хлеб по водам*. В источнике: Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его (Екклесиаст 11:1). Англ. cast one’s bread upon the waters. Source: Cast thy bread upon the waters: for thou shalt find after many days (Ecclesiastes XI, 1).

4) *Есть (горький) хлеб унижения*. Означает «хлебнуть горя». Англ. eat the bread of affliction (humiliation, sorrows). Source: It is vain for you to rise up early, to sit up late, to *eat the bread of sorrows*: for so he giveth his beloved sleep (Psalms CXXVII, 2).

5) *Даром есть хлеб*. Означает «вести праздную жизнь, лодырничать, бездельничать». Англ. eat the bread of idleness. Source: She looketh well to the ways of her household, and *eateth not the bread of idleness* (Proverbs XXXI, 27).

6) *Ни хлебом единым жив человек* (не о хлебе едином жив будет человек). Означает: человек должен думать не только о материальных благах, но и пище духовной. Англ. Man cannot live by bread alone; Man shall not live by bread alone (prov.). Source: And he humbled thee, and suffered thee

to hunger, and fed thee with manna, which thou knewest not, neither did thy fathers know; that he might make thee know that man doth not live by bread only, but by every word that proceedeth out of the mouth of the LORD doth man live (Deut 8, 3).

Таким образом, можно заключить, что концепты есть поликомпонентные ментальные структуры, они неоднородны и включают в себя концепты-представления, концепты-понятия, концепты-фреймы и т. п. Библийские концепты – это объективная информация и объективные знания, которые формируются в единое целое, то есть в единую концептосферу, вербализованную посредством библийской фразеологии.

Литература

Адамия З. К. Лепта библийской мудрости: русско-славянский словарь библийских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 288 с., Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019.

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Изд-во Флинта, 2010.

Алефиренко Н. Ф. Живое слово дороже мертвой буквы. Язык в свете лингвистического постмодернизма. Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород: Изд-во «Эпицентр», 2016. С. 31–38.

Артунова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Структуры знаний и их лингвистическая онтологизация в значении идиомы. Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1990. Вып. 903. С. 20–36.

Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Т., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак. МГУ, 1997.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986.

Мжельская О. К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований: на материале ономастических компонентов библийской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2008.

Орлова Н. М. Библийский текст как прецедентный феномен / под ред. Л. В. Балашовой. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2008.

Пашиева А. В. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 3 (2). С. 492–494.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Федуленкова Т. Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т. Н. Федуленкова и др.; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова», Северодв. фил. Архангельск: Поморский университет. 2008.

Fedulenkova T. N. Frequent Structural Patterns in Biblical Phraseology // Proceedings of the Second International Scientific Conference «Language and Culture. М.: Institute of Foreign Languages, 2003. P. 313–315.

Fiedler S. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German. Research on Phraseology Across Continents. Bialystok, University of Bialystok Publishing House, 2013. P. 228–247.

Gibbs R. W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity. Cognitive Linguistics, 1990. P. 417–451.

King James Bible Online: официальный сайт. URL: <https://www.kingjames-bibleonline.org> (дата обращения 08.01.2023).

Langacker R. W. A view of linguistic semantics. Topics in cognitive linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 1988. P. 49–90.

A. D. Bakina (Oryol, Russia)
Oryol State University named after I. S. Turgenev,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov

LINGUOCOGNITIVE ASPECTS OF BIBLICAL PHRASEOLOGY

The article highlights the issues related to the study of phraseology of biblical origin from the position of linguocognitive approach. The definitions of ‘concept’ are analyzed, the specifics of ‘biblical concept’ and its similarities and differences in comparison with ‘cultural concept’ are specified. The notion of the conceptsphere of biblical phraseology as a set of concepts which form the conceptual biblical space is distinguished. The conclusion is made that the biblical space can be represented by a number of concepts forming the conceptsphere verbalized by phraseological units of biblical etymology.

Key words: cognitive phraseological studies, biblical phraseology, concept, biblical world picture, biblical conceptsphere.

*М. А. Бредис (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
briedis@yandex.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СКУПОСТЬ В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ¹

Статья посвящена сопоставительному анализу образности пословиц, отражающих концепт СКУПОСТЬ, в 12 разноструктурных языках (флективных и агглютинативных). Материалом исследования послужили паремиографические сборники. Выявляются общие и этноспецифические образы пословиц, подтверждается общность ценностных установок разных народов, осуждающих скупость. Результаты исследования могут быть использованы при составлении двуязычных и многоязычных пословичных словарей.

Ключевые слова: паремия, концепт СКУПОСТЬ, компаративистика, образность, общее, этноспецифический компонент.

Система ценностей народа находит отражение в аксиологически маркированных пословицах, представляющих своего рода упаковку опыта, которые побуждают человека следовать заключённым в них ценностным установкам в зависимости от конкретных ситуаций [Бредис 2019: 70]. В пословицах самых разных языков содержится «семантика, объединяющая паремии как одного, так и нескольких языков, позволяющая выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [Ломакина 2021: 173]. При этом важна роль этнокультурно маркированных компонентов паремий, особенно когда наблюдается несоответствие «определённых фрагментов языковой картины мира и/или средств её выражения в силу разительного лингвокультурного отличия двух народов» [Бредис, Иванов 2022: 27].

Цель работы – сопоставительный лингвокультурологический анализ с использованием метода структурно-семантического моделирования пословиц 12 типологически разноструктурных языков для выявления ключевых пословичных образов, а также общих и этноспецифических особенностей репрезентации концепта СКУПОСТЬ в паремиях рассматриваемых языков.

Фактическим материалом для исследования послужили 178 пословиц, характеризующих скупость и скупцов, путём сплошной выборки отобранных из авторской картотеки, полученной из следующих авторитетных паремио-

¹ Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

графических сборников русских, польских, латышских, литовских, немецких, английских, алтайских, тувинских, бурятских, монгольских, калмыцких и японских паремий: «Алтайские пословицы и поговорки (Алтай кеп ле укаа сөстөр)» Н. Р. Ойноткиновой (2010); «Большой словарь русских пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (2010); «Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят» Б. Бальбуровой (2020); «Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий» И. В. Кульганек (2017); «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» Б. Х. Тодаевой (2007); «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2017) Б. К. Будупа (2020); «Японские пословицы и поговорки и их русские аналоги» Л. Ю. Хронополо (2021); “Deutsches Sprichwörter-Lexikon“ К. F. W. Wander (1867–1880); “Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich” S. Adalberg (1894); “Latviešu sakām vārdi un parunas” P. un M. Birkerti (1997); «Lietuvių patarlės ir priežodžiai» P. Sasnauskas (2006); “The Wordsworth Dictionary of Proverbs” (2008).

Сопоставительный лингвокультурологический анализ выявил несколько групп пословиц, объединённых структурно-семантическими моделями **Скупость – бедность**, **Скупой – бедный**, **Скупой – плохой**, **Скупой больше теряет** и др. Концепт СКУПОСТЬ является антиценностью, отрицательно оценивается в пословичном фонде всех рассматриваемых языков. В паремиях с семантикой **Скупость – бедность (Скупой – бедный)** *скупость* однозначно осуждается: рус. *Скупой богач беднее нищего*; польск. *Skąpiec dla drugiego zbiera, a sam głodem umiera* (Скупой для другого собирает, а сам с голоду умирает); латышск. *Skopums – vislielākā nabadzība* (Скупость – самая большая бедность); лит. *Šykštus didžturtis yra biednesnis už ubagą* (Скупой богач беднее нищего); нем. *Geiz ist die größte Armut* (Скупость – самая большая бедность); англ. *Covetous men live like drudges to die wretches* (Скупые люди живут, как чернорабочие, чтобы умереть в бедности). Немецкая и латышская пословицы аналогичны и по семантике, и по структуре, и по образности. Вероятно, латышская паремия представляет собой заимствование или контактную параллель немецкой. Японская пословица 金持ち金使わず (канэмоти канэцукавадзу, букв. Богатые денег не тратят) является частичным семантическим эквивалентом приведенных выше паремий, подчёркивая, что богатые живут скупко.

В пословицах ряда кочевых культур *скупость* сравнивается с путями, не дающими человеку нормально жить: тув. *Кара сеткил – чыда, / Харам сеткил – дужак* (Кварство – штык, / Скупость – путы); калм. *Харм седкл – чөдр, / Хату зөрг – жид, / Хар санан – хорн* (Скупость – путы, смелость – штык, черные помыслы – яд). В приведённых паремиях речь идёт о путях (тув. *дужак*, калм. *чөдр*) для стреноживания коня. Алтайская пословица

указывает на то, что скупец ходит в обносках, как бедняк, не желая тратить свои деньги: *Керик кижи кеден кийер* (Скупой человек холстину наденет).

Грань между разумной бережливостью и скупостью очень тонка. Порой чрезмерная бережливость приводит к тому, что вещи или продукты, которые долго жалел и берег скупец, приходят в негодность, и бережливость оборачивается скупостью. Этот факт констатирует группа пословиц с семантикой **Скупой больше теряет**: рус. *У скупого больше пропадает*; латышск. *Taūra, taūra – rēc ne siņāt, ne kaķāt* (Бережёт, бережёт – а потом ни псу, ни коту); алт. *Карамданган неме кара јерге тўјсер* (То, чем жадничаешь, зря на черную землю упадет); *Кысканганы – кызыл ийт*, / *Карамданганы – кара ийт* (Чем пожадничал – красной собаке [достанется], / Чем поскупился – черной собаке [достанется]); монг. *Харамласан юм хар нохойн аманд цэцэн* (Что пожалеешь, то чёрная собака съест); бурят. *Харамнаһан юмэн хара нохойн аманда* (То, что сильно жалели, попадает в рот черной собаки). Эти пословицы объединяет образ собаки, которая съедает испорченные продукты.

Данной модели соответствует и известная во многих лингвокультурах поговорка: рус. *Скупой платит дважды*; польск. *Skąpy dwa raza płaci*; лит. *Šykštus du kartus moka*; нем. *Der Geizige zahlt doppelt* и др. Семантический аналог паремий этой группы – русская поговорка *Ленивый три раза ходит, а скупой три раза платит*, которая расширяет семантику, сравнивая скупца с лентяем и увеличивая размер потери скупого. Английская паремия сравнивает скупого с щедрым *The covetous spends more than the liberal* (Скупой платит больше, чем щедрый). Модель **Скупой больше теряет** также включает группу пословиц с названиями денежных единиц, например: рус. *Жалеть алтына – отдать полтину*; нем. *Der Geizige erspart einen Pfennig und verliert einen Thaler* (Скупой экономит пфенниг, а теряет талер), японск. 一文惜しみの百知らず (Итимон осими но хяку сирадзу; Один мон жалеет, а о сотне не знает).

Анализ показал, что в пословицах народов с традиционными кочевыми культурами для репрезентации концепта СКУПОСТЬ крайне редко используется образ денег, поскольку концепт БОГАТСТВО исторически выражается в наличии скота и детей. Поэтому в пословицах ряда тюркских и монгольских языков «скупость или щедрость чаще всего проявляются в нежелании или готовности поделиться едой» [Ойноткинова 2012: 247]. Семантическая модель **Скупой – плохой** в таких лингвокультурах сопоставляет отрицательные образы лентяя и скупца: тув. *Чалгаа кижиниң өөнде чарган ыяш чок*, / *Чазый кижиниң өөнде аъш-чем чок* (У лентяя не ищи дров, / У скупого не ищи еды); бурят. *Залхуугай газаа зартагай модон байдаггүй, хомхойн гэртэ хоол эдээн байдаггүй* (У ленивого дров нет, у скупого дома еды нет); алт. *Кериктин казаны оттон чыкпас*, / *Кере*

түжине ажы бышпас (У скупого казан с огня не снимается, / Целый день еда его не поспеет). Семантический нюанс алтайской паремии состоит в том, что скупой не желает делиться едой под предлогом, что она ещё не готова. Близка по семантике к алтайской польская паремия *U skapego zawsze po obiedzie* (У скупого всегда после обеда), в которой ключевое понятие *после обеда*, говорит о том, что скупой никогда не угощает обедом. В русском аналоге *Приди по обед, а теперь хлеба нет* компонент *теперь* также относится ко времени после обеда, характеризуя скупца. Нежелание делиться едой в ряде пословиц выражается образом тупого ножа, которым невозможно резать хлеб или мясо, например: рус. *Ножик тупой, а хозяин скупой*; калм. *Хармч күүнэ утх мука* (У скупого человека и нож бывает тупым); бурят. *Харуу хүнэй хутага мохоо* (У скупого нож тупой).

Ряд паремий с моделью **Скупой – плохой**, утверждает, что у плохого человека нет друзей: тув. *Кадыг черге мал доктаавас, / Харам кижээ эш доктаавас* (На голой земле скот не пасётся, / У скупого друга не заведётся); монг. *Харанхуй шөнө газар хол, харамч хүнд нөхөр хол* (В тёмную ночь дорога далека, скупому человеку друзья далеки). Полные аналоги тувинской паремии *Харам кижээ эш ырак, Чоржаң аътка чер ырак* (Скупому друг далек, Ленивому коню путь далек) обнаруживаются также в бурятском и калмыцком языках. Общий образ скупца без друзей в сравнении с ленивым конём, объясняется контактными параллелями и тюрко-монгольской общностью языков. Сходную семантику несут русская и польская пословицы: рус. *У богатого скупого (скупова) нет (нест) ни друга, ни сродника*; польск. *Skapego nie obieraj sobie za przyjaciela prawego* (Скупого не принимай за настоящего друга).

Проведённый лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт СКУПОСТЬ в пословицах 12 типологически разнородных языков, относящихся к славянской, балтийской, германской (флективные), а также тюркской, монгольской и японо-рюкюской (агглютинативные) языковым группам, показал, что сходство и различие образности рассматриваемых пословиц не относятся к типу языка, а связаны с общностью и различием хозяйственного уклада, экономических реалий народов. Большую роль играет также общность морально-нравственных установок разных народов, осуждающих скупость. Этнокультурно маркированные компоненты во многом создают различия в образности. Пословицы ряда лингвокультур, в большинстве своём европейских, используют образы денежных единиц для репрезентации концепта СКУПОСТЬ, в то время как в паремиях народов с традиционными кочевыми культурами, преобладают образы, связанные со скотоводством. Результаты проведённого анализа могут быть использованы при составлении как двуязычных, так и многоязычных пословичных словарей.

Литература

Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.

Бредис М. А., Иванов Е. Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36.

Изотова Н. Н. Воплощение концепта «деньги» в японской паремиологии // *Litera*. 2017. № 1. С. 135–143.

Ломакина О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: монография / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск, 2012.

М. А. Bredis (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *COVETOUSNESS* IN PROVERBS OF TYPOLOGICALLY DIFFERENT LANGUAGES

The paper is devoted to a comparative analysis of the metaphors in proverbs reflecting the concept *COVETOUSNESS* in 12 typologically different languages (inflectional and agglutinative). Paremiographic collections served as the research material. Common and ethno-specific proverb metaphors are revealed, the commonality of values among different peoples, condemning covetousness, is confirmed. The results of the study can be used in compiling bilingual and multilingual proverb dictionaries.

Key words: proverb, concept *COVETOUSNESS*, comparative studies, metaphors, common components, ethno-specific components.

О. И. Быкова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
olga.bykova@rambler.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСПОЗИЦИИ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПРИЗНАКА «КОЛИЧЕСТВО»

Рассматривается категория «количество», её транспозиция в структуру образной составляющей фразеологизмов в процессе особого типа концептуальной деривации: фразеологизации при порождении новых смыслов, на основании интерпретации

взаимосвязанных однородных признаков фреймов в немецкоязычном национальном языковом сознании.

Ключевые слова: категория, концепт, концептуальная деривация, фразеологизация, фрейм, транспозиция, образная составляющая фразеологизма.

Категория «количество» трактуется в ряде смежных дисциплин: философии [Ильичёв 1983: 263], логике [Кондаков 1975: 252], психологии [ОТСП] и языкознании [Кругликова 1996; Галич 1999; Кузина 2014]. При этом указывается на тесную взаимосвязь с категорией «качество». Категория является особой формой познания и мышления человека, а категоризация – одно из самых фундаментальных понятий человеческой деятельности. На сложность этого понятия в широком смысле, как процесса «формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств» указывает Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 307].

В процессе познавательной деятельности человека, дискурсивной практике дискурс порождает новый контекст с механизмом набора признаков, новый когнитивный фон. Как указывает Н. Н. Болдырев: «<...> сам элемент в комплексе всех концептуальных характеристик представляет собой исходную концептуальную область или фон», «<...> интегрированное концептуальное пространство, порождающее новое качество, основанное на оценочной интеграции количественных параметров» [Болдырев 2019: 293]. Важно учитывать соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры: по определённому признаку меняется когнитивный контекст употребления, фигура.

Транспозиция (англ. transposition, нем. Transposition, Umstellung, перемещение, перестановка, перенос) «представляет собой **семантическую** операцию, операцию манипулирования знаками, их перемещением, их трансформацией, комбинаторикой» [Кубрякова 2004: 342]. Транспозиция, «<...> смысловая интеграция заключается во взаимодействии разнородных категориальных смыслов, соответствующем постоянно происходящему усложнению познавательных процессов и, в частности, пониманию того, что объекты, признаки и процессы могут быть интерпретированы не только по отдельности, но, напротив, в их тесной связи друг с другом, **реляционно**. Транспозиция и служит, собственно говоря, отражению этих связей в мире «как он есть», где всё взаимосвязано и взаимообусловлено» [Там же: 354].

Актуальность проблемы исследования заключается в необходимости описания способов презентации категории «количество» в составе фразеологизмов, а именно, в структуре их образной составляющей как отражении знаний и представлений в языковом сознании немецкой лингвокультурной

общности. На недостаточную изученность в области фразеологической системы указывают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [Баранов 2014: 20], т. к. значение фразеологизмов всегда является переосмысленным за счёт образности уникальных в них объектов действительности.

В рамках антропоцентрической парадигмы исследования фразеологического фонда немецкого языка лингвокогнитивный подход направлен на изучение окружающего мира, культуры через языковое сознание немецкоязычной культурной общности и нацелен на изучение способов номинации концептов в результате фразеологизации как процесса концептуальной деривации. Языковая модель изменения определённого концептуального содержания с целью формирования нового смысла лежит в основе определения концептуальной деривации [Кубрякова 2012: 42; Болдырев 2009: 48]. Особенно существенным моментом, на наш взгляд, для обнаружения транспозиции категориальных признаков является, как указывает Л. В. Бабина, то, что в процессе деривации «происходит объединение исходных концептов в концептуальные структуры, внутри которых исходные концепты выступают как согласованные по тем или иным характеристикам друг с другом» [Бабина 2007: 87].

Для описания способов презентации исследуемой категории мы считаем целесообразным использование фреймовой семантики, одного из важнейших методов когнитивной лингвистики, направленных на выявление и классификацию фреймов в сознании носителя языка. В «Кратком словаре когнитивных терминов» фреймовая семантика трактуется как «общее название для <...> разных типов формализованного описания деятельности человека в контексте ситуации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 189]. Н. Н. Болдырев определяет фреймовую семантику как один из методов исследования представленных в языковой форме знаний человека, основанный на их структурировании (схематизации) [Болдырев 2019: 373]. Иными словами, фреймовая семантика представляет собой один из важнейших методов исследования когнитивной лингвистики, направленный на выявление и классификацию фреймов в сознании носителя языка. Фрейм (frame) во фреймовой семантике – структура данных для представления стереотипных ситуаций. Формально фреймы представлены в виде структуры узлов и отношений. Вершинные узлы фреймов фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации. Ниже этих узлов, терминальные узлы или *слоты* (от *англ.* slot). **Слот** – это атрибут, связанный с узлом в модели, основанной на фреймах, и являющийся составляющей фрейма [Слот]. Мы полагаем, что категориальный признак «количество: большое/малое» находится в зоне слотов и именно они транспонируются в структуру образной составляющей фразеологизма.

При образовании новых концептов в сознании человека важнейшую роль играют различные механизмы фразеологизации. Наиболее существенными из них являются метафоризация, метонимизация [Баранов, Добровольский 2014: 183, 223], *гиперболизация*, поскольку они придают фразеологизмам наибольшую образность.

При актуализации концептов в сознании человека играют различные механизмы фразеологизации: метафоризации: *einen Scheffel Wünsche haben*, хотеть слишком многого; метонимизации: *unter vier Augen*, с глазу на глаз; гиперболизации: *j-n seit einer Ewigkeit nicht gesehen haben*, не видеть к-л. вечность.

Обратимся к результатам анализа групп фреймов, актуализируемых фразеологизмами с компонентом образной составляющей **«большое количество»**. Они обнаружили наибольшую продуктивность способов презентации: 59,3% от всего корпуса исследования (445 фразеологизмов):

– **«манера поведения человека»**: *Hans Dampf in allen Gassen*, наш пострел везде поспел; *auf seinen fünf (auch sieben, elf, achtzehn) Augen beharren (sitzenbleiben)*, упрямо настаивать на своём; *er hat eine lange Hand*, он может сделать многое, у него большая власть; *seine drei / fünf Heller überall dazugeben*, вмешиваться повсюду, встревать (*в разговор и т. п.*); *den Gernegroß spielen*, разг. напускать на себя солидность (или важный вид) хотеть казаться большим (о детях); *in sieben Sprachen sprechen (schweigen)*, шутол. молчать не высказываться, молча слушать;

– **«физическое состояние человека»**: *keine zehn Pferde können j-n von etw. abhalten*, никакие силы не могут удержать кого-либо от чего-либо; *klein, aber fein*, мал, да удал; *ein langes Elend sein*, быть высоченного роста; *viele Jahre auf dem Buckel haben*, быть преклонного возраста;

– **«умственные способности человека»**: *durch zehn Bretter sehen / der sieht durch drei (sechs, zehn usw.) Bretter* разг. видеть всё насквозь;

– **«финансовое положение человека»**: *er hat viele Bohnen im Sack*, быть зажиточным; *auf großem Fuße leben*, жить на широкую ногу; *etw. in vollen Scheffeln einheimsen*, разг. фам. получать уйму чего-л. (денег, подарков и т. п.).

Образная составляющая фразеологизмов с компонентом **«малое количество»** отражена в 40,7% от всего корпуса исследования. Среди фреймов, актуализованных фразеологизмами с образной составляющей «малое количество», наиболее продуктивными являются следующие фреймы:

– **«умственные способности»**: *nicht bis drei zählen können*, быть полным невеждой; *j-d hat nicht für 'n Groschen Verstand*, у кого-л. ума ни на грош; *lange Naare, kurzer Verstand*, волос долог, да ум короток; *nicht viel Grips im Kopf haben*, не блистать умом; *was versteht ein Bauer vom Gurkensalat*, он разбирается в этом как свинья в апельсинах; *ein Mensch sein, wie fünf auf ein Lot gehen*, самый заурядный человек;

– **«манера поведения человека»:** j-d hat keinen Funken (von) Ehrgefühl (im Leibe), в ком-л. нет ни капли порядочности; weder Scham noch Schande kennen, быть бессовестным;

– **«финансовое положение человека»:** nicht einen Deut haben, не иметь ни полушки, ни гроша; in arger Geldklemme sein, очень нуждаться в деньгах; dazu hat Buchholtz kein Geld, (берл. на это у кого-л. денег нет (букв. на это у Бухгольца денег нет);

– **«время, продолжительность протекания действия»:** in Zeit von Null Komma nichts, очень быстро; „Das dauert keine Leipziger Messe!“ (шутл. «Это же не продлиться бог знает сколько времени!»; alle Jubeljahre einmal, разг. раз в год по обещанию;

– **«важность, ценность, значимость чего-л.»:** etw. ist nur Schall und Rauch, что-л. совершенно бесполезно; von j-m, etw. gehen hundert auf ein Lot, грош цена кому-л., чему-л.; etw. ist keine gelöcherte (hohle) Haselnuß wert, что-л. не стоит выеденного яйца; es sind kleine Kartoffeln, это мелочи; einen Fingerhut voll, с напёрсток, очень мало;

– **«дружба»:** Freunde in der Not gehen Hundert auf ein Lot, в беде настоящих друзей остаётся мало; einer ist keiner, один в поле не воин;

– **«цена, стоимость»:** keinen Groschen kosten, не стоить ни копейки.

Говоря об оценочности, преобладающей во фразеологизмах с признаком «количество», следует отметить, что, согласно утверждению Н. Н. Болдырева, соответствие количественной оценки шкале *«хорошо-плохо»* и её непосредственное отношение к ней не являются обязательными [Болдырев 2018: 292]. Иными словами, большое количество не всегда может быть оценено положительно, а малое количество – отрицательно.

Таким образом, в результате проведённого исследования были выявлены следующие особенности функционирования категории «количество» во фразеологическом фонде немецкого языка: Её транспозиции: формирования и классификации фреймов происходят реляционно в процессе фразеологизации как результат взаимодействия признаков как на уровне однородного категориального смысла («большое /малое количество»), так и взаимосвязи разнородных смыслов при усложнении познавательного процесса интерпретирования отдельных взаимосвязанных признаков фрейма представителями немецкоязычной лингвокультурной общности.

Литература

Бабина Л. В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 86–91.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. (Studia philologica).

Баранов А. Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Галич Г. Г. Семантика и прагматика количественной оценки: на материале современного немецкого языка: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.04 / Г. Г. Галич. С.-петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 1999.

Ильичев Л. Ф., Федосеев П. Н., Ковалев С. М., Панов В. Г. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1983.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / АН СССР. Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Наука, 1975.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Кругликова Г. Г. Опыт лингвокогнитивного описания высказываний о количестве: [На материале нем. яз.]. Науч. изд. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Язык. Семиотика. Культура).

Кузина И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) // Magister Dixit. 2014. № 1. С. 108–117.

ОТСП – Оксфордский толковый словарь по психологии. URL: <https://809.slovaronline.com/2898-количество>

Слот – Слот: Семантический анализ и способы представления смысла текста в компьютерной лингвистике. URL: <http://www.swsys.ru/index.php?page=article&id=4215>.

O. I. Bykova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

PHRASEOLOGIZATION AS A RESULT OF THE TRANSPOSITION OF THE CATEGORICAL ATTRIBUTE “QUANTITY”

The category of “quantity” is considered, its transposition into the structure of the figurative component of phraseological units in the process of special type of conceptual derivation: phraseology during the generation of new meanings, on the basis of interconnected homogeneous features of frames in the German-language national linguistic consciousness.

Key words: category, conceptual derivation, phraseologization, frame, transposition, figurative component of phraseologism.

Е. В. Долгова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
lenochka5dol@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ О НЕРАЗУМНОСТИ: МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ И КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Исследование посвящено рассмотрению английских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами-наименованиями пищи, передающих знания о неразумном поведении человека. В ходе работы изучаются особенности формирования семантики ФЕ, исследуется возможность порождения ими конфликтных ситуаций вербального общения.

Ключевые слова: фразеологическая единица, норма, коммуникация, конфликтно-генный потенциал, метафора, сравнение.

Взаимодействуя с окружающим миром, человек стремится познать и оценить то, что оказывается в фокусе его внимания. Выстраивая свою антропоцентрическую картину мира, индивид ориентируется на некую концептуальную норму, которая служит исходной точкой при осмыслении и оценке действительности. Осознание нормы и соотнесение с ней всего окружающего пронизывает когнитивные и коммуникативные процессы, кроме того, представление о существовании разного рода норм ориентирует социальную и индивидуальную жизнь человека [Верхотурова, Дзюба 2015: 123]. При этом норма как таковая относительна и интерпретируется в зависимости от имеющегося контекста, который может быть обусловлен целым рядом факторов (объектом применения нормы, возрастом, культурой и т. д.). С помощью нормы человек закрепляет общие представления о наиболее желательном состоянии осмысляемых объектов. Норма как оценочная категория представляет собой случай рациональной оценки, которая зачастую используется для контраста с эмоциональной оценкой [Шадрина 2015: 197]. Исследователи обращают внимание на то, что норма чаще выступает фоном, служа для формирования подтекста, но не специального содержания высказывания; что отклонения от нормы, аномалии привлекают внимание и получают непосредственную вербализацию [Федяева 2009; Андреева 2016].

Таким образом, важно осознавать, что в корне понимания аномалий лежит понимание нормы, относительно которой они определяются.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Исследование сущности концептуальной нормы может открыть дальнейший путь к пониманию того, как эффективно организовать процесс коммуникации. Н. Н. Болдырев отмечает, что на современном этапе исследований важно обратиться к рассмотрению вербального общения в норме, переместив внимание с изучения конфликтов и их природы на бесконфликтную коммуникацию, в основе которой находится эффективное концептуальное взаимодействие между коммуникантами [Болдырев 2022].

Принятие нормы пронизывает организацию общения, включая выбор темы и подбор языковых средств, затрагивая особенности формирования семантики образных языковых единиц. Так, целый ряд ФЕ сосредоточен на описании сомнительного состояния рассудка как проявления неразумности человека. Применение таких фразеологизмов характерно для ситуаций, когда люди совершают нечто противоречащее здравому смыслу, и окружающие акцентируют внимание не столько на глупости, сколько на отсылке к ненормальности происходящего. Именно такого рода ФЕ, содержащие в своем составе наименования пищи, стали объектом данного исследования. Целью работы является изучение особенностей формирования семантики ФЕ, отсылающих к нарушению концептуальной нормы, а также рассмотрение их конфликтогенного потенциала. В данной работе применяются концептуально-дефиниционный и этимологический анализ, а также метод когнитивного моделирования.

Обратимся к языковому материалу. Иррациональное поведение человека описывает целый ряд ФЕ, в образной основе которых акцентируется недостаток некоего элемента: *(to be) a couple (of) fries short of a Happy Meal* (букв. «пары картофелин-фри не хватает в Хэппи Миле»), *(to be) one egg short of an omelet* (букв. «одного яйца не хватает в омлете»), *(to be) a few eggs short of a dozen* (букв. «нескольких яиц не хватает в дюжине»), *(to be) a/one beer short of a six-pack* (букв. «(одной) бутылки пива не хватает в упаковке»), *(to be) one banana short of a bunch* (букв. «одного банана не хватает в связке»), *(to be) one sandwich short of a picnic* (букв. «одного сэндвича не хватает для пикника»). Формирование их семантики осуществляется за счет метафорической когнитивной модели HUMAN BEING – FOOD за счет характеристики ‘*shortage*’ (‘нехватка’), т. е. недостаток некоторого элемента в осмысляемом множестве, ассоциируется с неполноценностью и нарушением нормы. Отметим, что ФЕ подобного рода могут основываться не только на образах, связанных с продуктами питания, например: *(to be) several bricks short of a load* (букв. «нескольких кирпичей не хватает до загрузки»), *(to be) one card short of a full deck* (букв. «одной карты не хватает до полной колоды»), а также *(to be) not the full shilling* (букв. «неполный шиллинг»).

Добавим пример, негативно характеризующий рассудительность человека: *(to be) a sandwich shy of a picnic* (букв. «сэндвич, стесняющийся

пикника»). В данном случае «стеснение», приписываемое продукту питания, отсылает к его неспособности выполнять свою прямую функцию. Отсылка к человеку производится в ходе метафорического проецирования по модели HUMAN BEING – FOOD за счет характеристики сходства ‘*malfunction*’ (‘неправильное функционирование’). Как и рассмотренные ранее, данная ФЕ может использоваться в контекстах типа ‘*The new manager is nice enough, but he’s a sandwich shy of a picnic, if you ask me*’ [TFD]. Отметим, что в дефинициях рассмотренных ФЕ изначально оговаривается уничижительность их значения. Очевидно, что использование этих выражений обладает высокой вероятностью порождения конфликта. Исключением могут стать ситуации, когда подобные ФЕ применяются либо в качестве шутки, либо в относительно «безопасном» контексте, например, как упрек человеку, напрасно угнетающему самого себя. Отметим, что конфликтогенный потенциал рассмотренных ФЕ обусловлен потенциальной конфликтностью самой ситуации, т. к. дается негативная оценка ментальных свойств человека. С другой стороны, можно обратить внимание, что данные ФЕ звучат, тем не менее, мягче, чем прямые наименования глупости и/или неразумности.

К странному поведению или сумасшествию человека отсылает ФЕ (*one’s*)/*the cheese slipped off (one’s)/the cracker* (букв. «сыр съехал с крекера»). Данное выражение способно породить конфронтацию в ходе коммуникации, как и любая нелестная отсылка о человеке, не нейтрализованная юмором или контекстом применения. Например, в предложении ‘*My aunt has always been a bit eccentric, but the cheese has really slipped off the cracker in recent years*’ восприятие данной ФЕ будет полностью обусловлено дальнейшей риторикой [TFD]. При формировании значения данной ФЕ используется метафорическая модель HUMAN BEING – FOOD, акцент делается на нарушении положения ингредиента в блюде. Так, сыр, съехавший с крекера, отсылает к ментальной нестабильности человека за счет характеристики ‘*disorder*’ (‘нарушение’).

Аналогичная характеристика сходства используется при формировании семантики ФЕ (*as*) *crazy as a soup sandwich* (букв. «безумный, как сэндвич из супа»), отсылающей к полному расстройству психики. Например, ‘*After seeing how she screamed at her students for the slightest infraction, everyone is starting to think she’s just crazy as a soup sandwich*’ [TFD]. Очевидно, что подобная характеристика может быть воспринята как оскорбление. Посредством когнитивной модели сравнения HUMAN BEING AS MENTAL QUALITY AS FOOD сумасшествие осмысляется за счет образа абсурдного блюда, в качестве характеристики сходства выступает ‘*irrationality*’ (‘иррациональность’).

Известно, что поведение человека, не вписывающееся в устоявшиеся представления о норме, зачастую приравнивается к глупости или сумасше-

ствию. Однако если подобное поведение не воспринимается негативно, то говорят об эксцентричности. Это можно проиллюстрировать с помощью ФЕ (*as nutty as a fruitcake* (букв. «ореховый как фруктовый пирог»), описывающей сумасшедшего или эксцентричного человека. В дефиниции ФЕ уточняется, что отсылка к состоянию рассудка носит юмористический характер. Отметим, что типичный фруктовый пирог содержит и орехи, причем, в немалом количестве, а прилагательное *'nutty'* в значении *'insane'* было отмечено еще в 1821 году. Вероятно, данное выражение, записанное в 1935 году, появилось в результате меткого каламбура: странностей у описываемого человека оказалось не меньше, чем орехов во фруктовом пироге [TFD]. Семантика данной ФЕ, вероятно, формируется за счет когнитивной модели сравнения HUMAN BEING AS CONCRETE QUALITY AS FOOD за счет характеристики *'abundance'* (*'обилие'*). Однако в данном случае отсылка к обилию орехов и, как следствие, обилию странностей не означает нарушения нормы. Возможно, именно поэтому эта ФЕ в своем изначальном значении не имеет уничижительной коннотации, в отличие от рассмотренных ранее примеров.

Подводя итоги, отметим, что концептуальная норма при формировании семантики ФЕ может раскрываться за счет характеристик сходства, используемых при привлечении метафорических когнитивных моделей и когнитивных моделей сравнения, а также за счет последующего эксплицитного обозначения аспектов того, как именно эта норма нарушается. В ходе исследования были выявлены такие аспекты нарушения концептуальной нормы, как *'shortage'* (*'нехватка'*), *'malfunction'* (*'неправильное функционирование'*), *'disorder'* (*'нарушение'*), *'irrationality'* (*'иррациональность'*). Использование нормы в качестве фона и фокусирование на негативных явлениях может объясняться более острой и эмоциональной реакцией людей на отрицательные явления. Конфликтотенный потенциал изученных ФЕ во многом обусловлен самой постановкой ситуации общения – негативной характеристикой разумности человека, а отсылка к нарушению определенной нормы усиливает производимый эффект.

Литература

Андреева М. С. Концептуальная оппозиция «норма-не норма» в формировании семантики фразеологических единиц английского языка с компонентом-соматизмом: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4(51). С. 25–30.

Верхотурова Т. Л., Дзюба А. Б. Природа и функция когнитивно-языкового феномена нормы (в картине мира английского языка) // Вестник Московского государ-

ственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 17(728). С. 120–132.

Федяева Н. Д. Норма vs. не-норма = ожидаемое vs. неожиданное // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 136–143.

Шадрин Н. А. Норма как компонент культурного кода личности // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты: материалы научной конференции. СПб., 2015. С. 196–198.

TFD – The Free Dictionary. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 03.01.2023).

E. V. Dolgova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

**ENGLISH PHRASEOLOGISMS
ABOUT UNREASONABLENESS:
MODELS OF FORMATION
AND CONFLICTOGENIC POTENTIAL**

The study is devoted to the consideration of English phraseological units (PU) with components-food names that convey knowledge about unreasonable human behavior. In the course of the work, the peculiarities of the formation of PU semantics are studied, the possibility of their generating conflict situations of verbal communication is investigated.

Key words: phraseological unit, norm, communication, conflictogenic potential, metaphor, comparison.

Н. Н. Зеркина (Магнитогорск, Россия)
*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
Agatik01@mail.ru*

**КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ:
ПЕРЕДАЧА СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Статья рассматривает когнитивный потенциал английских ФЕ с позиций перевода. Автор подчеркивает влияние фразеологического фонда на формирование концептосферы английского языка, национально-культурное своеобразие которой незаметно изнутри, но может быть выявлено через перевод.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантика, когнитивная лингвистика, перевод, концептосфера.

Поглощающий интерес к английской фразеологии проявляется как на всех уровнях образовательного пространства – от групп и сообществ в социальных сетях до докторских диссертаций и международных проектов, так и для разной аудитории – от иностранцев до носителей языка. Безусловно, цели у всех разные, а фразеологический материал один и тот же – и эта его особенность – (быть интересным всем) – обусловлена его колоссальным когнитивным потенциалом, который реализуется через разные уровни языка (лексический, грамматический, фонетический и др.) и в разных утилитарно-функциональных аспектах.

Фразеологический фонд английского языка заметным образом влияет на формирование концептосферы английского языка, отражающей богатство культуры нации. «Фразеологические единицы встраиваются в языковую картину мира, сформированную языковыми средствами различных уровней (лексическими, грамматическими, стилистическими), являясь ее немаловажной частью. Фразеологизмы того или иного языка отражают особенности национального менталитета, характера осознания реального мира носителем именно этого языка» [Мансурова 2006: 6]

Особое внимание при этом заслуживает рассмотрение функциональных возможностей ФЕ как знаков вторичной мотивированной номинации, также несущих информацию об особом, национальном способе видения мира англоязычным лингвокультурным сообществом.

«Одним из направлений познания мира человеком является идеология, которая описывает и объясняет данную реальность через призму интересов, потребностей, ценностей определенного социального общества» [Зеркина 2017: 461].

Национально-культурное своеобразие любой концептосферы незаметно изнутри, оно может быть выявлено только в процессе сопоставительного анализа, который может быть репрезентирован и объективирован такой языковой техникой, как перевод. Более того, критерий переводимости / непереводимости на другой язык использует лингвистами при выделении концептов, специфических и уникальных для какого-либо культурного сообщества [Нерознак 1998: 85].

Различия в структуре концептосфер, а, следовательно, и языковых картин мира народов, затрудняют и предопределяют выбор адекватной переводческой стратегии, даже свободное владение двумя языками не всегда позволяет справиться с переводом.

ФЕ относятся к единицам вторичной номинации, «изучение семантики языковых единиц вторичной номинации, как способа выражения мысли средствами языка, представляет собой особый интерес, поскольку это значительный пласт лексики, который обладает большим семантическим по-

тенциалом и развивается по своим законам, пронизывает все стили языка и дискурсы» [Зеркина, Костина 2014: 301] и представляет особый интерес как с позиций теории, так и практики перевода. Мы не будем рассматривать классический алгоритм перевода ФЕ, а остановимся на более сложных и интересных случаях.

Так, например, наличие в ФЕ компонента онима, реалии, метрической единицы и др. предполагает их пояснения и сопоставление с известными и понятными для носителей языка перевода понятиями.

В большинстве случаев перевода ФЕ языка перевода и языка оригинала имеет только частичное совпадение семантики, но образность аналогов-переводов позволяет компенсировать долю экспрессии, теряющуюся при переводе. Безусловно, в идеале «фразеологизм надо переводить фразеологизмом», но в определенном конкретном случае, в конкретном заданном контексте перевода, может быть адекватен любой и даже не фразеологический способ перевода, но для «знакомства» с ФЕ предпочтителен аналог или эквивалент.

Приведем примеры некоторых возможных стратегий перевода ФЕ с компонентом онимом, реалией, метрической единицей для понимания ФЕ и передачи её образности:

– при наличии компонента онима, топонима в составе ФЕ в идеале подбирается ФЕ в языке перевода с онимом:

What Manchester says today, the rest of England says tomorrow
~ Знал бы прикуп, жил бы в Сочи
Every Tom, Dick and Harry – «первый встречный-поперечный»
~ Иванов, Петров, Сидоров;

– при наличии компонента, обозначающего метрическую единицу в составе ФЕ методом подбора, выявляются соответствующие единицы в языке перевода:

Take care of the pence and the ponds will take care of themselves
~ Копейка рубль бережет
Not a hundred miles away ~ в шаговой доступности;

– при наличии реалии, лексемы, обозначающей предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, исторические факты или процессы и не имеющей лексических эквивалентов, в составе ФЕ требуется лингво-культурологический анализ и «растворение» данной информации в переводе:

Fortunatus's purse ~ бездонная бочка

Fortunatus's purse – «неистощимы кошелек», *Fortunatus* – имя сказочного персонажа, которое не раскрывает значения ФЕ, но может быть передано через сравнение с понятием «бездонная бочка».

Таким образом, сложный творческий процесс перевода способен не только передать информацию, но и служить инструментом сопоставительного анализа при раскрытии концептов, специфических и уникальных для англоязычного культурного сообщества. Данный подход предполагает предварительную разработку переводческих стратегий, которые могут быть полезными в развитии теории и практике перевода.

Литература

Мансурова Г. И. Когнитивный аспект перевода фразеологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.

Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. 1998. С. 80–85.

Зеркина Н. Н., Костина Н. Н. Методы изучения семантики языковых единиц вторичной номинации // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 301–305.

Зеркина Н. Н. Идеологический компонент в семантике английских фразеологизмов с прилагательным *red* // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 461–464.

N. N. Zerkina (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University

COGNITIVE POTENTIAL OF ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS: TRANSLATION INTO RUSSIAN

The article examines the cognitive capacity of English phraseological units through translation into Russian. The author emphasizes the influence of the phraseological stock on building the conceptual sphere of the English language, the national and cultural identity of which is invisible from the inside but can be revealed through translation technique.

Key words: phraseological units, semantics, cognitive linguistics, translation, conceptual sphere.

Е. И. Зиновьева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА СТЕРЕОТИПНЫХ ФОРМУЛ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВЕКОВ¹

В статье рассматриваются стереотипные формулы письменных памятников русского языка XVI–XVII вв. с точки зрения лингвокогнитивного подхода. Моделируются фреймы, формирующие отдельные концепты, выделены слоты, демонстрирующие пересечение концептов.

Ключевые слова: стереотипная формула, концепт, фрейм, слот, когнитивная структура.

В письменных памятниках начального периода формирования русского национального языка выделяется особый разряд устойчивых сочетаний, не получивших единого терминологического обозначения в научной литературе. Исследователи предлагают называть данный тип словесных комплексов «традиционные ситуативные формулы», «речевые штампы», «фразеологические историзмы», «словесные формулы», «формулы-синтагмы», «коллокации». В данной статье будем использовать термин «стереотипные формулы», как обладающий наиболее общим, на наш взгляд, значением и наиболее четко отражающий сущность анализируемых языковых единиц. Стереотипные формулы встречаются в разных по жанровой принадлежности текстах Московской Руси – в деловых документах (купчих, кабальных записях, челобитных и др.), в текстах дипломатического характера, в юридических актах, в частной переписке, в разговорниках. Это разной степени устойчивости языковые единицы, представляющие собой различной протяженности словесный комплекс, номинирующий общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие, и заменяющий собой развернутое информативное описание. Примерами таких стереотипных формул являются следующие: *на ком (у кого) что взять, кому что дать (отдать)* – формула урегулирования имущественных и финансовых отношений в духовных грамотах; *не дай(-те) кому умереть голодную смертью (вконец погнуть; на праве-*

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00038 «Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI–XVII веков».

же убить и вконец разорить) – конечная формула челобитных; *дела нет до кого-, чего-либо* – формула грамот со значением ‘нет имущественных претензий к кому-л. по поводу чего-л.’; *жадаю слышать о чем-л. (про чье-л.) здоровье* – этикетная формула частной переписки и др.

Существуют разные подходы к интерпретации понятия «когнитивные структуры». По мнению В. Б. Касевича, когнитивные структуры – это структуры, создаваемые человеком в процессе переработки информации [Касевич 1989: 8]. А. А. Кибрик рассматривает когнитивные структуры как структуры человеческого сознания, мышления и познания [Кибрик 1994: 126]. В данном исследовании, вслед за Е. В. Ивановой, будем понимать «когнитивную структуру» как схему репрезентации знания [Иванова 2002: 10]. Такое понимание представляется целесообразным при анализе языка далеко отстоящих по времени эпох во избежание опасности интерпретации единиц с точки зрения современного носителя языка. Среди когнитивных структур выделяют концепт, фрейм, сценарий, образ, схему и др. Для анализа исследуемого материала важны такие понятия, как «концепт» и «фрейм». Следует согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые дифференцируют данные понятия, так, О. Ю. Ромашина справедливо отмечает, что «между концептом и фреймом существует определенное и достаточно значимое различие: концепт может быть и структурной, и гештальтной (целостной), и минимальной (неделимой) единицей репрезентации базы знаний в значении единиц языкового уровня. Фрейм – всегда структурирован и по сути не может быть неделимым» [Ромашина 2008: 34].

Т. А. ван Дейк и В. Кинч определяют фрейм как «единицу знания, организованную вокруг некоторого концепта, содержащую основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [Дейк, Кинч 1988: 157]. Фрейм – это модель стереотипной ситуации, а фреймирование – когнитивный механизм ее представления [Самкова 2021: 160].

Проведем фреймирование стереотипных формул старорусского языка на примере единиц, вербализующих концепт НУЖДА.

Рассматриваемый концепт находит отражение в челобитных и служилых кабалах, он организован фреймом, в составе которого обнаруживаются следующие слоты:

1. Самохарактеристика субъекта (-ов), указывающая на крайнюю степень бедности – стереотипные формулы *наг(-и)* и *бос(-ы)*; *дать нечего и взять негде* и др. Слот находит яркое воплощение в традиционной парной формуле челобитных *наг(-и)* и *бос(-ы)*, выражающей смирение и самоуничижение челобитчика перед адресатом. Значение выражения ‘неимущий,

нищий, ожидающий сострадания и помощи'. В дискурсе челобитных часто наблюдается расширение данной формулы путем добавления прилагательных *голоден* и *холоден*, а также некоторых сочетаний, конкретизирующих бедственное положение челобитчика, что имеет целью произвести на адресата большее впечатление, мотивировать к оказанию финансовой помощи: *Не вели, государь, с нас халопей своих в Помесном приказе и в Печати пошлин взять, наги и боси и голодни все* (Ст. печ. пр., 1613 г., с. 51); *Аз есмь голоден и холоден, и наг и бос, и всем своим богатством недостаточен* (Азб. о гол. и небог., 30, XVII в.). Внутренняя форма слота представляет собой мыслительную картинку – образ раздетого человека без обуви. Этот же слот может быть вербализован формулой, описывающей материальное положение субъекта – *дать нечего кому*. Формула обозначает отсутствие средств на уплату, выплату чего-л. Другими формулами, характеризующими крайнюю степень бедности, являются *взять негде*, *продать нечего* и *дать нечего (и) взять негде*. Данные формулы ставят акцент на отсутствии потенциального источника финансов.

2. Слот каузации бедственного состояния субъекта вербализуется формулами, обозначающими доведение кем-либо челобитчика до нищеты – формулы *изволочить* и *изубытчить кого*, *испродать* и *изубытчить кого*, *сбить с двора* и др. Эти формулы также могут «усиливаться», интенсифицироваться за счет расширения, например, *изубытчить большим убытком*.

3. Слот обозначения образа жизни вербализуется формулами с общим значением ‘нищенствовать, просить подаяние, бродяжничать’: *кормиться (питаться) Христовым именем, кормиться по миру, жить (кормиться) по христоробцам, ходить по добрым людям, идти в мир* и др.

4. Слот отсутствия пристанища связывает концепт НУЖДА с концептом ДОМ и вербализуется формулами *шататься (таскаться, волочиться) меж двор(-ы), походя меж дворы бродить*, например: *Шатаюсь я, молодец, на чуждой стране меж двор, а никто меня не призрит* (Азб. о гол. и небог., сер. XVII в., с. 33).

5. Слот возможного исхода ситуации предполагает такие варианты, как побег субъекта, исчезновение без вести или смерть: *сойти безвестно; загинуть вконец, умереть голодной смертью* и др., и, соответственно, связывает концепт НУЖДА с концептами СМЕРТЬ и ИСЧЕЗНОВЕНИЕ.

Вершинными оказываются слоты 1 и 5, остальные слоты являются терминальными (факультативными).

Если формулы, описывающие нужду, можно представить в виде когнитивной структуры одного фрейма с различными слотами, то формулы определения границ земельных владений *что... исстари потягло(-ли) к чему; что... потягло исстарины к чему; что... исстаро потягло; куды*

ходил топор (плуг) и коса и соха; покаместа ходила коса и соха и топор исстари, вербализуют два различных фрейма, формирующих (в числе других фреймов) концепт ПРОСТРАНСТВО в языке XVI–XVII вв. Один фрейм определяет границы участка в тех рамках, что обязаны сложившейся практике землепользования, традиции. Этот фрейм включает слоты: субъект – территорию, земельный надел; его притяжение к недвижимости владельца – «потягло» и давность сложившегося порядка – наречие *исстари (исстарины)*. Второй фрейм представляет собой образную схему с использованием прототипических орудий крестьянского труда – коса, соха и топор. Он основан на конкретизации, измерении расстояния в пространстве, основанном на производимых работах на данной территории – вырубке леса, покосе травы, вспахивании почвы.

Таким образом, стереотипные формулы письменных памятников Московской Руси могут быть представлены в виде фреймов различным образом, что позволяет выявить стоящие за ними когнитивные структуры. Лингвокогнитивный подход к анализу этого разряда устойчивых единиц может найти практическое применение в лексикографии при разработке принципов словарного описания фразеологизмов в широком понимании в историческом дифференцированном словаре.

Литература

Азб. о гол. и небог. – Азбука о голом и небогатом человеке // Русская демократическая сатира XVII в. / Подг. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 30–36.

Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. С. 157–212.

Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: СПбГУ, 2002.

Касевич В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность / АН СССР, Ин-т языкознания; [Редкол.: Р. М. Фрумкина (отв. ред.) и др.]. М., 1989. С. 8–18.

Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–140.

Ромашина О. Ю. Фреймовый анализ семантики фразеологических единиц // Acta Linguistica. 2008. Vol. 2. Iss. 2. С. 33–38.

Самкова М. А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 157–167.

Ст. печ. пр. – Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: Столпы печатного приказа / Под ред. Л. М. Сухотина / Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4. Отд. 1 и 2. Приложение. С. 1–202.

E. I. Zinovieva (Saint Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

**COGNITIVE STRUCTURE
OF STEREOTYPICAL FORMULAS
IN RUSSIAN OF THE XVI–XVII CENTURIES**

The article deals with the stereotypical formulas of the written texts of the Russian language of the 16th–17th centuries from the point of view of the linguocognitive approach. Frames that form separate concepts are modeled, slots demonstrating the intersection of concepts are highlighted.

Key words: stereotypical formula, concept, frame, slot, cognitive structure.

В. И. Ильминская (Орёл, Россия)
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева
vera2455prue5@mail.ru

**ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ
И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Статья обращает внимание на проблемы, связанные с индивидуально-авторскими трансформациями пословиц в дискурсе, их влияние на трактовку общего содержания художественного текста и сложности перевода данных паремий в коммуникативных эпизодах.

Ключевые слова: художественный текст, пословица, трансформ, коммуникативный эпизод, перевод.

Авторы художественных произведений стремятся создать уникальный и неповторимый образ, который передал бы заложенную ими главную идею, и для этого прибегают к различным способам. Часто авторы текста добавляют в речь своих героев пословицы, которые способны отразить устоявшийся уклад и систему ценностей, но они редко используют паремии в их базовой форме и подвергают их различным трансформациям, создавая дополнительные сложности переводчику текста.

В данной статье пословица «понимается как языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями <...> в актуализованном режиме пословица с точки зрения теории речевых актов является потенци-

альным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [Абакумова 2013: 16, 25].

Исследование было проведено на основе романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», который насчитывает на своих страницах большое количество пословиц и их авторских трансформаций, которые используются для создания уникального образа мира Средиземья, мировидения и миропонимания правды жизни в сознании населяющих его народов, а также главного послания автора читателю. Для анализа смысла пословиц в дискурсе использовалась когнитивно-дискурсивная модель актуализации пословиц в дискурсе (КДМ) [Абакумова 2013].

Рассмотрим подробнее пример реализации авторской трансформации пословицы в диалоге в рамках романа.

*“Then,” said Glorfindel, “let us cast it into the deeps, and so make the lies of Saruman come true. For it is clear now that even at the Council his feet were already on a crooked path. He knew that the Ring was not lost forever, but wished us to think so; for he began to lust for it for himself. **Yet oft in lies truth is hidden: in the Sea it would be safe.**”* [Tolkien “Lord of the Rings”].

В данном коммуникативном эпизоде используется пословица, восходящая к реально существующей, которая звучит в оригинале, как «**Many a true word is spoken in jest**». Farlex Dictionary of Idioms даёт следующее определение: «*The things that one jokes about may in fact be true or become true*» [FDI]. The Penguin Dictionary of Proverbs предлагает ещё один вариант пословицы с трактовкой, от которой мог быть образован данный трансформ: «*Truth lies at the bottom of a well – That is, it is remote and inaccessible except to deep search*» [PDP 2000: 270].

В англо-русском словаре цитат, пословиц, поговорок и идиом находим русский аналог: «*Много правды говорится в шутку. Часто правда говорится в шуточной форме. Ср. В каждой шутке есть доля правды. В шуточках часто правда бывает*» [Англо-русский словарь цитат, пословиц, поговорок и идиом].

Коммуникативная ситуация представляет собой обсуждение эльфами действий волшебника Сарумана, который должен был бросить вызов главному антагонисту романа, но вместо этого поддался желанию получить как можно больше власти самому, поэтому солгал о кольце, но в его лжи была доля правды о способе, которым можно было бы избавиться от кольца.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая): говорящий использует пословицу, чтобы показать, что не все слова их бывшего сторонника на самом деле ложь, и тот всё же поделился с ними небольшой крупичей правды, чтобы не вызвать подозрений раньше времени. *Оператор: желая, чтобы вы увидели выход из сложной ситуации.*

Konstativa. Пропозиция высказывания выражена предикатами «is hidden». Логическая структура: What is hidden? Where is it hidden?

Семантический класс глагола: предикат действия. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: «hide – 1 [vn] to put or keep sb/sth in a place where they/it cannot be seen or found» [OALDCE2005: 731].

Образный фрейм: в центре ситуации находится правда, которая может предстать в виде предмета, который можно где-то спрятать (метафора объективации).

Окказиональный фрейм: Эльф видит затруднительное положение, в которое они попали из-за лжи волшебника, которому верили всё это время, но указывает на то, что стоит обратить внимание на его слова, потому что они содержат некоторую часть правды, которая дает подсказку на решение проблемы. Используя поговорку, он намекает, что слова Сарумана можно воплотить в жизнь и тем самым избавить их мир от опасности, нависшей над ними.

Обобщённый фрейм: Даже во лжи можно найти крупицу правды. По классификации Г. Л. Пермякова это первый класс поговорок: «Если вещь обладает каким-либо свойством, то она обладает и другим свойством» [Пермяков 1979]. *Оператор: я говорю, что если в чьих-то словах есть ложь, то в них может быть скрыта и правда.*

Representativa. Автор демонстрирует поведение волшебника, который пал жертвой собственных амбиций и желания власти настолько, что отвернулся от своих союзников и лгал им о кольце, желая забрать его себе для достижения собственных целей, однако его статус, как одного из самых могущественных волшебников, посланных сражаться со злом, не позволил ему умолчать о возможности уничтожить кольцо. Модальность высказывания аксиологическая (оценочная). Поведение и ложь волшебника оцениваются отрицательно, потому что он был не искренен в своём желании избавиться от кольца. Иллокутивная сила высказывания представляет собой констатив. Косвенный директив: нужно использовать его слова против него же. *Оператор: я думаю, вы понимаете, что это справедливо/действительно так.*

Regulativa. Автор делает акцент на том, что порой правду можно обнаружить там, где на первый взгляд кажется, что её быть не может. Деонтические нормы, которые передаются в результате речевого акта, это утилитарные нормы реализма: «Не следует (слишком) рано подводить итоги» [Карасик 2004: 28]. Перлокутивный эффект: другой волшебник соглашается, что таким образом они смогут избавиться от кольца, но это будет иметь временный эффект. *Оператор: сделай вывод: это выход из затруднительного положения, пусть и временный.*

Использованный вариант поговорки автором романа отличается от её привычного варианта. Скорее всего, он использовал трансформ поговорки, чтобы лучше изобразить образ персонажа Сарумана, который предстаёт на страницах как мудрый лидер волшебников, посланный устранить на-

высшую над миром угрозу, но его слова оказываются полны лжи во имя собственной выгоды. Кроме того, пословица способствует передаче главной идеи автора читателю о необходимости для человека стараться понять окружающую его действительность и выбрать честный, прямой путь к правде и справедливости, который не может быть связан со стремлением к личной власти над миром и другими людьми.

Обратим внимание на художественный перевод данной пословицы на русский язык профессиональными переводчиками. А. Кистяковский и В. Муравьева опускают пословицу в речи персонажа и не передают её:

«– Тогда надобно упокоить Кольцо в Морских Глубинах, – предложил Всеславур, – чтобы ложь Сарумана обернулась правдой. Ибо теперь совершенно ясно, что он солгал на прошлом Совете: его уже сжигала жажда всевластья, и, зная, что Вражье Кольцо нашлось, он намеренно ввел в заблуждение Мудрых. Но Морские Глубины – надёжная могила, там уж Кольцо упокоится навеки» [Перевод А. Кистяковского и В. Муравьева, 2001].

В. Волковский и Д. Афиногенова в своём варианте перевода прибегают к методу дословного перевода:

*«– Не за Море, так в Море, – предложил Глорфиндел. – Бросить его в морскую пучину, и пусть ложь Сарумана обернется правдой. Теперь ясно, он лукавил, убеждая Совет, будто Единое сгнуло навеки. Знал, что это не так, и уже тогда вождедел его для себя. **Но изо всякой лжи можно извлечь крупицу истины: на дне Моря Кольцо упокоится навсегда**»* [Перевод В. Волковского и Д. Афиногенова, 2003].

Анализ пословицы в дискурсе показал, что пословица может подвергаться индивидуально-авторской трансформации, где меняются её компоненты для создания полноценного образа персонажа в глазах читателя в рамках художественного текста. Тем не менее, это влечёт ряд трудностей для переводчиков, которым приходится иметь дело с изменённой структурой пословицы, аналога которой в изменённом варианте нет, что выливается в трудности адекватной передачи её структуры без искажения исходного смысла, поэтому им приходится прибегать к разным методам перевода, вплоть до полного исключения пословицы из текста, что влечёт за собой нарушение целостности образа и композиции повествования.

Литература

Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013.

Англо-русский словарь цитат, пословиц, поговорок и идиом. URL: <https://eng-rus-aphorisms-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 31.01.2023).

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. С. 28–29.

Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока // Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2005.

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 31.01.2023).

The Penguin Dictionary of Proverbs. London: Penguin Books, 2000.

V. I. Iliminskaya (Oryol, Russia)

*Oryol State University
named after I. S. Turgenyev*

TRANSFORMATIONS OF PROVERBS AND THEIR FUNCTIONING IN A LITERARY TEXT

The paper deals with the problems caused by the individual author's transformations of proverbs in discourse, their influence on the interpretation of the content and the difficulties of translating these versions of proverbs in communicative episodes.

Key words: literary text, proverb, transformation, communicative episode, translation.

С. Г. Карамышева (Краснодар, Россия)

*Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
karamysheva@hotmail.com*

КОНЦЕПТ ВОДА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматривается проблема языковой картины мира, понятие фразеологической картины мира. В центре внимания фразеологические единицы, связанные с природной стихией *воды*. Фразеологизмы являются яркими средствами выражения национально-культурного видения мира определенного народа и являются ярким маркером общественно-политических событий в государстве.

Ключевые слова: концепт ВОДА, языковая картина мира, фразеологические единицы.

Одним из фундаментальных понятий современной лингвистики является языковая картина мира. Каждый язык в неразрывном единстве с сознанием создает субъективный образ объективного мира, – идея анализа языка в единстве с сознанием была выдвинута немецким философом и дипломатом В. фон Гумбольдтом, понятие языковой картины было введено его последователем немецким языковедом Й. Л. Вайсгербером в работе «Родной язык и формирование духа»: «В качестве возможности языка в отношении языкового сообщества мы должны рассматривать, наряду с передачей одинаковых звуковых знаков, внешних средств общения, еще и то, что он передает членам языкового сообщества однородное духовное видение, и это следует распространить и на мышление вообще» [Вайсгербер 2004: 75]. «Из переживаемого создается, таким образом, картина, являющаяся основой дальнейшего формирования видения мира. Важно, что весь процесс этого развития оказывается под определяющим влиянием языкового окружения. [Вайсгербер 2004: 116].

Проблема языковой картины мира рассматривается в трудах отечественных философов Г. А. Брутяна, Р. И. Павлиниса и лингвистов Ю. Н. Караулова, Г. В. Колшанского, Н. И. Сукаленко, Е. С. Яковлевой, В. И. Постоваловой, Б. А. Серебренникова, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, Ю. Д. Апресяна, А. Вежицкой, В. В. Морковкина, Е. С. Кубряковой и др., которые различают концептуальную и языковую картины мира. Согласно научным взглядам Ю. Д. Апресяна, «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 38–39]. Е. С. Кубрякова высказывает мнение о встроенности языковой картины мира в концептуальную как части в целое: «КММ (концептуальная модель мира) шире и богаче ЯММ (языковой картины мира), и потому, определяя сферы их соприкосновения, мы изображаем сферу ЯММ как подчиненную КММ. [Кубрякова 1988: 145].

Итак, языковая картина мира, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, отражающая образ сознания посредством языка [Седова, Карамышева 2021: 88], – это вербальное воплощение системы представлений, знаний человека об окружающем мире, культурного опыта нации. Концепт, как носитель культурной информации народа с включением культурного, исторического и общественного аспектов, объединяет весь спектр концептуальных понятий и научных воззрений, и, как многомерное ментально-вербальное образование, обретает статус лингвистического анализа. Как отмечают Э. М. Селейдарян и Т. Е. Тапехина, «чем содержательнее

культурная составляющая народа, тем содержательнее концептосфера языка определенного этноса» [Селейдарян, Тапехина 2021: 65].

Подвидом языковой картины мира является фразеологическая картина мира, «в которой каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определенные функции в описании реалии окружающей действительности» [Белоусова 2020: 12]. Фразеология языка – «сокровищница» языка, хранящая в себе своеобразие истории, культуры и быта народа. Л. Б. Здановская говорит о «глубоко национальной окрашенности единиц фразеологии. Язык был бы скучен и однообразен, лишенный возможности подпитываться исконно национальными языковыми выражениями, составляющими основу фразеологии» [Здановская 2008: 73].

Согласно классификации Е. Ф. Арсентьевой для систематизации фразеологических единиц существует два типа ФЕ, имеющих соответствия в другом языке: 1) фразеологические эквиваленты (полные, частичные); 2) фразеологические аналоги (полные, частичные) [Арсентьева 2006: 172].

Целью настоящего исследования является поиск, определение, изучение и сравнение фразеологизмов русского и английского языков с лексемой «вода», поставлена задача выявить различия в понимании и употреблении ФЕ, выявить культурные ассоциации, возникающие у носителей разных языков, выделить и описать тематические группы фразеологических единиц с лексемой «вода». Актуальность исследования обусловлена значимостью прагматического потенциала и способа воздействия фразеологических единиц в русском и английском языках в общественно-политическом дискурсе. Ввиду фразеологического богатства английского и русского языков, проблематика требует изучения и поиска средств эффективного анализа и сравнения.

Материалом нашего исследования явились 280 русских и англоязычных ФЕ, извлечённых методом сплошной выборки из электронного словаря-справочника “The Free Dictionary” (Water Idioms) [TFD], онлайн словаря “Collins Dictionary” [CD], «Большого фразеологического словаря русского языка» [БФСРЯ], толковых словарей, статей из зарубежных журналов, специализированных периодических изданий и популярных СМИ, имеющих электронные версии. Поиск, фильтрация и подбор иллюстративного материала осуществлялся по теме «Выход Великобритании из Европейского Союза».

При изучении концепта ВОДА в сопоставительном аспекте на языковом материале двух национальных культур выявлены особенности миропонимания народов-носителей разных языков. Образ воды в русском и английском фразеологическом фонде совмещает в себе множество кон-

нотаций. Концепт ВОДА во ФЕ отражает самые разные стороны бытия человека, характер народа, его историю и психологию, выражает при этом этические и эстетические ценности и передает национально-культурные знания. Исследование подтверждает идею Й. Л. Вайсгербера, что в родном языке каждого народа заложено некое миропонимание в том виде, который оно приобрело сообразно судьбам этого языкового сообщества, его географическому положению и истории, его духовным и внешним условиям [Вайсгербер 2004: 107].

В процессе исследования были выявлены самые общие, универсальные тематические группы и специфические представления, связанные с данной реалией в русской и английской лингвокультурах. В результате исследования было выделено 12 тематических групп: 1. Вода – символ жизни, источник энергии. 2. Основной источник питания, существования. 3. Разрушительная сила. 4. Мистическое пространство. 5. Водное пространство, водная масса, крупное скопление такой жидкости. 6. Тяжелая непосильная ноша. 7. Время. 8. Ненужное, пустое. 9. Родственные и дружеские отношения. 10. Описание внешности, характера. 11. Сходство и различия. 12. Выражение осуждения, недоверия, сомнения. Следует отметить высокую частотность употребления ФЕ с концептом ВОДА в политическом дискурсе. Сложный и противоречивый переговорный процесс выхода Великобритании из ЕС наложил свой отпечаток на фразеологию английского языка. Фразеологизмы с лексемой ‘water’, как узуальные, так и трансформированные, вошли в заголовки статей, посвященных Брекзиту.

Анализ ФЕ наглядно показывает, что для носителей языка концепт ВОДА является не столько смысловой единицей, сколько образом, включающим в себя эмоции, оценки, ассоциации, присущие данной культуре, поскольку каждый этнос имеет собственную национальную картину мира, формирует свою лингвокультуру, которые, в свою очередь, отражают тип отношения человека к миру, к природе, к другим людям, к самому себе как к члену этого общества [Басте 2019: 20]. Погружение в национальный язык, проникновение в языковое сознание другого этноса позволяет познать национальную картину мира и понять мировоззрение народа, говорящего на этом языке.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 187.
- Арсентьева Е. Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань, 2006.

Басте З. Ю. Картина мира билингвальной языковой личности: лингвокогнитивные особенности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2019. № 1 (232). С. 17–22.

Белоусова А. В. Сходства и различия в репрезентации концепта «water» / «вода» в английской и русской фразеологических картинах мира // Дайджест-2019. Сборник статей по материалам выпускных квалификационных работ студентов факультета иностранных языков, посвящается 20-летию факультета иностранных языков и 45-летию ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2020. С. 10–14.

Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Здановская Л. Б. Концептуализация понятия «Construction/стройка в лексико-фразеологическом фонде английского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 73–77.

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль словообразования фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Седова В. Д., Карамышева С. Г. Язык как основа концептуализации мира // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации. Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ростов-на-Дону, 2021. С. 88–90.

Селейдарян Э. М., Татехина Т. Е. Национальная ментальность в концептосфере русского языка // Язык. Общество. Культура: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции / отв. за выпуск А. С. Усенко. 2021. С. 64–68.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

CD – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hewers-of-wood-and-drawers-of-water>

TFD – The Free Dictionary. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/water>

S. G. Karamysheva (*Krasnodar, Russia*)
Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin

THE CONCEPT *WATER* IN ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

The article deals with the problem of the language picture of the world, the concept of the phraseological picture of the world. The focus is on phraseological units associated with the natural element of water. Phraseological units are vivid means of expressing the national and cultural vision of the world of a certain people and are a vivid marker of socio-political events in the state.

Key words: concept WATER, language picture of the world, phraseological units.

С. В. Королев (Одинцово, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России (Одинцовский филиал)
sekor2004@list.ru

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНКИ АНГЛИЙСКИМИ УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВСОЧЕТАНИЯМИ С СОЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

В статье анализируются различные способы репрезентации и формирования оценочности в группе фразеологических единиц (ФЕ) английского языка с сочинительной связью – устойчивых словосочетаний с сочинительной связью. Демонстрируется определенная структурная обусловленность формирования оценки во ФЕ данной группы. Обсуждаются вопросы иррадиации и флуктуации оценочности, а также локализации оценки во фразеологизмах английского языка.

Ключевые слова: фразеология, устойчивые словосочетания с сочинительной связью, оценочность, иррадиация, флуктуация, локализация.

Вербализация знаний человеком происходит не только при помощи слов, но и устойчивых сверхсловных образований, которые традиционно называются фразеологизмами. ФЕ являются составной частью словарного состава языка. Особое семиотическое предназначение ФЕ определяется не столько в обозначении предметов мысли, сколько в выражении оценки и интеллектуально-чувственных переживаний человека [Алефиренко 2018: 111]. В этом кроется отличие фразеологического значения от лексического: превалирование коннотативного аспекта над денотативным [Иванова 2011: 215]. В коннотативный макрокомпонент значения ФЕ традиционно включаются четыре компонента: экспрессивный, эмотивный, оценочный и стилистический (функционально-стилистический) [Кунин 1996: 177–178]. В семантике ФЕ могут содержаться все четыре компонента коннотации в различных комбинациях или отсутствовать вовсе [Там же: 178] а их разграничение условно, так как только совокупность компонентов коннотации «формирует неповторимую семантику каждого фразеологизма» [Рыжкина 2003: 87].

По мнению М. В. Никитина, «способность к оценочной деятельности встроена в организм и встраивает его в мир органической частью», в связи с чем по методу и характеру знания мира мыслительная деятельность человека «в большей своей части совершается в форме оценок» [Никитин 2007: 690]. Данные положения приводят к закономерному выводу о том, что оценочность является центральным компонентом коннотации, а языковая оценка обусловлена

и формируется в результате работы сознания человека по отражению в вербальной форме своего отношения к окружающей действительности (о процессах обработки знания сознанием человека подробнее см.: [Фурс, Королев 2021]).

Оценочное знание представляет собой как суждение о ценности обозначаемого, так и выражение мнения о соответствии или несоответствии объекта оценки нормативному идеалу, эталону. Содержанием языковой оценки является положительная, отрицательная или нейтральная характеристика предмета высказывания с учетом отсутствия четких границ между обозначенными полюсами шкалы. Основными типами оценки являются ингерентная (содержится во фразеологическом значении и получает отражение в словарном определении ФЕ) и адгерентная (приобретается и/или создается за счет смысловой структуры контекста); эксплицитная («если хотя бы один компонент ФЕ является оценочным или ее внутренняя форма носит оценочный характер») и имплицитная («если все компоненты ФЕ являются безоценочными и ее внутренняя форма стерта» [Кунин 1996: 181]) оценки.

В данной статье предпринята попытка проанализировать структурную обусловленность формирования оценочности среди особого разряда ФЕ английского языка – устойчивых словосочетаниях с сочинительной связью (УССС). Рассматриваемые ФЕ представляют собой языковые единицы, типа *aid and abet, sink or swim, last but not least*, образованные путем соединения при помощи сочинительной синтаксической связи двух или более слов, репрезентирующих семантически соотносимые понятия.

Сочинительная связь определяется Р. Лэнкекером как «грамматическое выражение ментального сопоставления равнозначных структур» (“*grammatical manifestation of the mental juxtaposition of co-equal structures*”) [Langacker 2009: 353]. Ценность данного определения заключается в том числе в интерпретации слова *juxtaposition*, что в соответствии со словарной дефиницией предполагает одновременное сравнение и противопоставление обрабатываемых сознанием концептов (*juxtapose* – to place side by side, especially for comparison or contrast [AHDEL]). Развивая мысль в терминах когнитивной грамматики, ученый пишет, что у каждого компонента сочинительной конструкции имеется свой независимый профиль. При этом устойчивые сочетания, такие, например, как *toss and turn, tried and true*, профилируют эмерджентную структуру высшего порядка (*higher-order entity*). Такие структуры, по мнению ученого, имеют целостное значение, не складывающееся из значений их компонентов [Langacker 2009: 363]. Из сказанного можно заключить, что при таком взаимодействии компонентов сочинительного сочетания профилируется новая структура знаний.

Целостность формируемого смысла, а также структурно обусловленный характер оценочности сочетания можно проследить на примере следую-

щих УССС: *home and dry*, *high and dry*, *cut and dry/dried*, в которых на втором месте стоит слово – *dry*, изначально являющееся оценочно амбивалентным, так как отсутствие влаги в разных контекстах может быть как благом, так и сулить неприятности.

(1) *I'm pretty sure I did well on that last exam, so it looks like I'm **home and dry** for this semester* [FD].

(2) *The departure of several key employees has left the business **high and dry*** [FD].

(3) *Everything is **cut and dried** as far as Stella is concerned and there is no need for further discussion* [CollD].

(4) *I find your writing quite boring. It's too **cut and dried*** [AID].

Когнитивным механизмом формирования смысла данных УССС, а также источником оценочного знания, является когнитивная метафора. Первое слово в данных конструкциях задает когнитивный контекст для осмысления и интерпретации оценочности результирующих сочетаний.

В первом сочетании вербализация образа человека, находящегося в тепле и сухости, приводит к формированию положительно оценочного смысла 'to have successfully completed something' [FD]. Во втором случае реализуется образ судна, оставшегося на берегу после отлива, что формирует отрицательно оценочный смысл 'in a situation in which one has little chance of escaping or improving' [FD]. Интерпретация образа в следующих примерах связывают либо с заготовкой дров, либо со сбором и сушкой трав для продажи в аптеках или использования в кулинарии [CCID], что формирует значение 'clear and simple and removing any further uncertainty or difficulty' [CD], которое реализовано в третьем примере, и которое находится ближе к положительному полюсу оценочности. Дальнейшее развитие значения УССС по линии «заранее приготовленный – неизменяемый – скучный» привело к формированию отрицательно оценочного значения 'usual and uninteresting' [AID], представленному в четвертом примере. Таким образом, можно сказать, что оценочность первых двух УССС зафиксирована в словарных определениях и не демонстрирует возможность изменения, а оценочность УССС *cut and dry/dried* обладает как положительным, так и отрицательным типом оценки, реализуемым в зависимости от контекста, то есть подвержена изменению.

(5) *Three auditors were accused of **aiding and abetting** the men charged with fraud* [CD].

(6) *He was always putting on **airs and graces*** [CD].

Смысл данных УССС формируется путем соединения однотематических слов, общая негативная оценка которых складывается путем объединения компонентов с разнонаправленной оценкой. Действительно, *aid* (help or support [CD]) в целом безоценочно, *graces* (ways of behaving that are considered polite and pleasant [CD]) имеет положительную оценку,

а *abet* (to help or encourage someone to do something wrong or illegal [CD]) и *airs* (affected manners intended to impress others [CollID]) – отрицательную. Негативно оценочного компонент распространяет свое значение и оценку на значение и оценку всего УССС. В данном случае можно говорить об иррадиации оценочности. Правое и левое расположение компонентов с отрицательной оценкой говорит в пользу того, что для ФЕ, как целостных по смыслу языковых единиц, данный показатель не является решающим при линеаризации компонентов сочетания. Однако установление подобной локализации оценки может проводиться в исследовательских целях.

Таким образом, анализ оценочной составляющей исследуемых единиц в значительной мере структурно обусловлен. Принимая позицию Р. Лэнкера о независимости профилей в устойчивых сочетаниях с сочинением, в определенных случаях можно говорить о локализации и иррадиации оценочности (*aid and abet, airs and graces*). Двоякая интерпретация (амбивалентность оценки) компонента или всего сочетания проявляется при помощи различных видов контекста: внутреннего (*home and dry, high and dry*), либо внешнего, в том числе, в результате развития многозначности УССС (*cut and dry/dried*). В случаях, подобных последнему, можно говорить о флуктуации оценочности. Проведенное исследование показывает отсутствие жестких границ и тесной взаимосвязанности между выявленными ранее типами оценочности (ингерентной и адгерентной, имплицитной и эксплицитной), показывает динамический характер оценочности некоторых исследуемых единиц. Выявленные особенности репрезентации оценки в группе УССС свидетельствуют о необходимости дальнейших исследований данных комплексных языковых единиц в рамках когнитивной лингвистики.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.

Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.

Рыжкина Е. В. Фразеологическая окказиональность в английском языке: Когнитивно-коммуникативные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003.

Фурс Л. А., Королев С. В. Конструирование знания в языке: на что опирается сознание человека // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 1 (44). С. 375–381.

AHDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <https://ahdictionary.com>

AID – Спирер Р. А. Словарь американских идиом. М.: Рус. яз., 1991.

CCID – Collins COBUILD Idioms Dictionary. 4th ed. / Ed. by Penny Hands. HarperCollins Publishers Ltd., 2020.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

CollD – Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

FD – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com>

Langacker R. W. Investigations in Cognitive Grammar. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009.

S. V. Korolyov (*Odintsovo, Russia*)
MGIMO University (Odintsovo Branch)

SPECIFICS OF EVALUATION REPRESENTATION BY ENGLISH COORDINATING FIXED PHRASES

The article analyzes various ways of evaluation representation and construal in a special group of English phraseological units (idioms) – coordinating fixed phrases (binomials). It is shown that evaluation construal is to a certain degree structurally conditioned. The issues of irradiation and fluctuation of evaluation, as well as localization of evaluation in English binomials are discussed.

Key words: phraseology, coordinating fixed phrases, evaluation, irradiation, fluctuation, localization.

О. В. Ломакина (*г. Москва, Россия*)
Российский университет дружбы народов
rusoturisto07@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОГО МИРА: КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ¹

Статья посвящена описанию репрезентации ценностных констант русских: семья, Родина, труд, дружба – на фоне языков народов России. Материал исследования – паремии, извлечённые путём сплошной выборки из лексикографических сборников. Показана роль обозначенных ценностей в концептосфере русского народа на фоне других языков РФ.

Ключевые слова: паремия, ценностные константы, традиционные ценности.

¹ Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Паремиологический фонд языка представляет собой массив различных малых жанров фольклора (поговорок, примет, загадок, присловий и под.) – паремиологических единиц (ПЕ), кумулятивно заряженных в разной степени. Рассмотрение паремий в лингвоаксиологическом аспекте проводится в последние десятилетия на материале разных языков (например: [Бредис 2014; Иванова, Иванов, Мечковская 1998; Ломакина 2021, 2022; Ломакина, Мокиенко 2018; Нелюбова 2021]). Это способствует выявлению семантических доминант – общей семантики, «объединяющей паремии как одного, так и нескольких языков, позволяющей выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [Ломакина 2021: 173].

Наличие лингвоаксиологических маркёров, представленных в ПЕ как эксплицитно, так и имплицитно, позволяет говорить о наличии у ряда паремий лингвоаксиологического потенциала – репрезентации одной или нескольких ценностей, обеспечивающих «встроенность данной единицы в систему ценностных координат, под которой мы понимаем структуру иерархически организованных ценностей» [Ломакина 2020: 82]. Анализ лингвоаксиологического потенциала ПЕ даёт возможность представить ценностные константы – «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта» [Ломакина, Мокиенко 2018: 313].

Феномен русского мира как полиэтничного образования требует чёткой интерпретации и в лингвистической науке: это понятие вербализует не только русский язык, но и языки проживающих на территории России народов. Существует необходимость инвентаризации ценностных констант, нашедших отражение в паремиях отдельных лингвокультур для описания концептосферы русского мира. Цель данной статьи – номинировать ценностные константы русского мира **семья**, **Родина**, **труд**, **дружба**, средством репрезентации которых выступают русские паремии. В своем исследовании мы опираемся на перечень ценностей, полученный экспериментальным путём, который включает 38 ценностей и 30 антиценностей [Тарасов 2012].

Традиционную **семью** невозможно представить без детей, семья должна быть многодетной: *Семья без детей что часы без гирьки; Один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын* (ср.: тувин. *Чаңгыс уруг – уруг эвес, Ийи уруг – чартык уруг, Үш уруг – бүдүн уруг* – ‘Один ребёнок – не ребёнок, Два ребёнка – полребёнка, Три ребёнка – целый ребёнок’; кумык. *Бир къыз – ёкъ къыз, эки къыз – эрке къыз, уьч къыз – жут къыз* – ‘Одна дочь – нет дочери, две дочери – избалованные дочери, три дочери – пара дочерей’; карельск. *Ainovašta poijašta – eu poiğua, kahešta poijašta – puoli poiğua, vašta kolmešta*

poijašta – unnäh poiga ‘Единственный сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын’); отцу и матери отводится определённая роль: *He то отец, что вспоил, вскормил, а тот, кто воспитал; He та мать, которая родила, не та мать, которая вспоила-вскормила, а та мать, которая уму-разуму научила; Без матушки родной и цветы не цветно цветут; Лучшие матери друга не сыщешь*; семья должна быть полной, трудно ребёнку без родителей: *Без отца дитя – полсироты, без матери дитя – полная сирота* (ср.: тувин. *Ада чокта – чартык өскүс, Ава чокта – бүдүн өскүс* – ‘Без отца – полусирота, Без матери – круглый сирота’); бурят. *Туби дэлхэй дээрэ түрэхэн эхэһэ сэнтэй юумэн угы* ‘Нет ничего дороже, чем родная мать’; *Хубүүн эсэгэдээ туһалха, басаган эхээ хайрлаха* ‘Сын отцу поможет, дочь мать пожалеет’; калм. *Көвүн аавин уг теткдг, Куүкн йиртмэжин уг теткдг* – ‘Сын продолжает отцовский род, А дочь – человеческий’).

В одном из самых авторитетных паремиографических сборников – «Словаре пословиц и поговорок» В. И. Даля – тематическая группа «Русь – Родина» является одной из самых многочисленных, наряду с группами «Счастье – Удача», «Земледелие» [Комова, Ломакина 2019: 80]. Примером пословиц, выражающих отношение к Родине, являются следующие: *Всякому мила своя сторона; Мила та сторона, где пупок резан; Своя земля и в горсти мила*. Ряд пословиц построен на контрасте, который передаёт дихотомию «свой – чужой»: *Родная сторона – колыбель, чужая – дырявое решето; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха* (ср.: тувин. *Өскен чери – төрээн ие, Өскелерни – соңгу ие* – ‘Родная земля – мать, Чужая земля – мачеха’; калм. *Төрсн һазр төрл эк мет, Хэр һазр хөөт эк мет* – ‘Родина как мать родная, / А чужбина словно мачеха’; карельск. *Ота тиа манšikka, vieraš тиа – mussikka* ‘Родина – земляника, чужбина – черника’; *Omat муат mairehemmat, omat меčät mielusammat* – ‘Свои поля ласковее, свои леса милее’).

Труд в русской паремиологии представляется как амбивалентное понятие: с одной стороны, от труда зависят материальные блага и почёт: *Кто не трудится, тот и не обуюется; Какие труды, такие и плоды; Труда не терпев, в чести не будет*; с другой – не всякая работа достойно оплачивается: *От трудов праведных не стяжать палат каменных; От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь*. В пословицах показано соотношение понятий труд с важными для человека категориями *счастье, уважение, жизнь*: *Кто любит труд, того люди чтут; За труд не бьют, а награды дают* (ср.: тувин. *Ажылынга кызымак – Амыдыралга ынак* – ‘Кто любит труд, Тот любит жизнь’; бурят. *Ургасын ехэ – ажалһаа, ухаанай ехэ – эрдэмһээ* – ‘Богатый урожай – от трудов, большой ум – от учения’; вепск. *Paremba radad, paremba eläd* – ‘Лучше работаешь, лучше живёшь’; карельск. *Ruado inehmistä*

çotendau – ‘Работа человека красит’). Труд связан с антиценностью безделье / лень: *Труд человека кормит, а лень портит; Мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем*. Ср. калм. *Кишгтэ кун – кәдлмич, Кишва кун – аля* ‘Счастливый человек – трудолюбив, Несчастливый – праздный бездельник’; *Ажл кү асрдг, / Залху кү харһнадг* ‘Труд кормит человека, А лень – морит голодом’; вепск. *Ken kezan magadab, se tal’vel joksendeb* ‘Кто летом спит, тот зимой бегаёт’; карельск. *Ken ruadau varajau, a kedä i ruado* ‘Кто работы боится, а кого и работа’).

Дружба в русской лингвокультуре представлена рядом семантических доминант: старый друг надежнее нового: *Старый друг лучше семерых молодых; Старый друг лучше новых двух* (ср.: тувин. *Эштиң эргизи эки, Эштиң чаазы херек* – ‘Одежда хороша новая, А друг – старый’; калм. *Хуучн ур / Хойр шинэс деер* – ‘Старый друг Лучше новых друг’); дружба – мерило отношений между людьми: *Какову дружбу заведёшь, такову и жизнь проведёшь; Друг познается на рати да при беде* (ср.: *Кижги экизи – найыралда, Аът экизи – мунушта* – ‘Человек познаётся в дружбе, А конь – в пути’; бурят. *Ганда булагай һайн хэрэгтэй, гайда нүхэрэй һайн хэрэгтэй* – ‘В засуху нужен хороший родник, в беде нужен верный друг’; калм. *Эв меди уга күүнд эв заахин орнд Элсн деер нег суулһ ус асхсн деер* – ‘Чем учить человека, не умеющего ценить дружбу, Лучше вылить ведро воды в песок’; карельск. *Pitkäh matkah lähtijes ota huvä dovariššu* – ‘В далёкую дорогу бери надёжного друга’); дружба важнее материального благополучия: *Доброе братство дороже богатства; Друг рубля дороже; Не имей сто рублей, а имей сто друзей* (ср.: тувин. *Муң лаң орнуга Чүс эштиг чор* – ‘Не имей тысячи лан, А имей сто друзей’).

Гостеприимство в русской паремиологии амбивалентно: выражается положительное отношение к материальному положению гостя: *Богатому гостю – хорошее место*, представлены нормы поведения гостя, соблюдения им правил этикета: *Будьте как дома, но не забывайте, что в гостях; Хорош гость, когда редко ходит; Редкому гостю – двери настежь; Редкий гость никогда не в тягость* (ср.: тувин. *Хүннүң кээр аалчы хүндү чок* – ‘Частому гостю нет почёта’; вепск. *Kaks’ räiväd oled adiv, a eskai – iče etäg* – ‘Два дня гость, а дальше – сама хозяйка’; карельск. *Harvembi kävi, armahembi olet* – ‘Пореже приходи, милей будешь’; бурят. *Ороһон бороо арилха, ерэнэн айлиан хариха* – ‘Дождь закончится, гость уйдет’). Выделяется группа пословиц, в которых прописывается, каким должно быть отношение хозяина к гостю: *Гостю – почёт, хозяину – честь; Умел зазвать, умей и встречать; Гостя сперва накорми, а потом вестей спроси; Не гостям – хозяина, а хозяину гостей благодарить*. Отражается традиция преподносить гостю подарок: *Для доброго гостя и хозяин поживится* (ср.: тув. *Аалчы кижги*

алыксак, Анайлыг ошкү эдиген – ‘Гостю – подарок желанный, Козе – козлёнок лелеемый’; карельск. *Huvällä kalua keitetäh, a pahalda keitettygi peitetäh* – ‘Хорошему гостю рыбу сварят, от нежеланного и сваренную упрячут’). Хозяин показывает не только радушие по отношению к гостю, но и к его детям, домашним животным: *Кто гостю рад, тот и собачку его накормит* (ср.: тувин. *Ыт думчуу борбаңнатпа, Уруг караа кылаңнатпа* – ‘Собачонку накорми, Да ребёнка угости’).

Как показал проведённый анализ паремий, в системе ценностных координат русского мира ценностными константами являются такие традиционные ценности, как семья, Родина, труд, дружба, гостеприимство. Пословицы показывают, как воспринимаются данные понятие в системе координат русского мира – среди народов, проживающих на территории РФ.

Литература

Бредис М. А. Отражение ценностных ориентиров в паремиях (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского университета. 2014. № 77. С. 102–104.

Иванова С. Ф., Иваноў Я. Я., Мячкоўская Н. Б. Сацыякультурная прастора мовы. Мінск: Веды, 1998.

Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского госуд. педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. С. 78–86.

Ломакина О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

Ломакина О. В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. М.: РУДН, 2020. С. 81–86.

Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. URL: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Нелобова Н. Ю. Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремиологических словарей // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. № 3 (46). С. 387–391.

Тарасов Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. С. 8–17.

O. V. Lomakina (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

VALUE CONSTANTS OF THE RUSSIAN WORLD: COGNITIVE ANALYSIS OF PAREMIA

The article is devoted to the description of the representation of the value constants of Russians: family, homeland, work, friendship – against the background of the languages of the peoples of Russia. The research material is proverbs extracted from lexicographic collections by continuous sampling. The role of the designated values in the concept sphere of the Russian people is shown against the background of other languages of the Russian Federation.

Key words: proverb, value constants, traditional values.

A. Марабини (Белгород, Россия)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
marabini@bsu.edu.ru*

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ: К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

В последнее время лингвисты интересуются теми аспектами фразеологии, в ракурсе которых рассматриваются номинативные структуры фразеологизмов. Структура отношения наименования – это способ отнесенности имени к смыслу и смысла имени к обозначаемой действительности, называемой данным именем. Таким образом, номинативные структуры фразеологизмов связаны с когницией. В работе мы исследуем терминологические фразеологизмы русского языка, номинирующие специфические понятия, объекты и предметы экономической действительности.

Ключевые слова: номинация, структура, смысл, когниция, термины, экономика.

Номинация как свойство языковых единиц, передающих информацию об обозначаемом объекте или явлении, показывает то, каким образом человек закрепляет результаты своей познавательной деятельности и описывает мир через данные единицы. В этой перспективе мы рассматриваем когнитивные аспекты номинации терминов-фразеологизмов. В поле зрения нашего анализа

находится русский язык и его фразеологические единицы с экономическим терминологическим значением.

Вопрос о статусе терминов-фразеологизмов, их когнитивной специфике, а особенно их номинативной функции отрефлексирован как в терминоведении, так и в фразеологии. Учёные, работающие в данных сферах, например, С. В. Гринёв [Гринёв 1993], В. П. Даниленко [Даниленко 1977], Е. И. Голованова [Голованова 2013], В. А. Татаринев [Татаринев 2006], интересуются специальной номинацией посредством терминов-фразеологизмов, которая учитывает целостность познаваемого объекта или явления и комплекса его значимых характеристик.

В семантической структуре терминологических фразеологизмов обычно преобладает абстрактно-понятийная сема, определённая которой задаётся дефиницией термина [Седых 2021: 38]. Вместе с тем номинация экономических знаний в ряде случаев обусловлена метафорическим восприятием объектов, явлений и целых ситуаций экономической жизни.

Материалами работы являются примеры и термины, взятые из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ], «Терминологического словаря банковских и финансовых терминов» [Терминологический словарь банковских и финансовых терминов 2011], «Словаря финансово-экономических терминов» [Шаркова, Киячков, Маркина, Соляникова, Чалдаева 2015].

Основным методом исследования является выделение и описание поведения терминологических фразеологических единиц в дискурсе и наблюдение за их корреляцией с когнитивными процессами специалиста в области экономики – носителя русского языка. При анализе материала применяется также контекстологический метод.

В ракурсе нашего исследования находятся термины-фразеологизмы, в которых один из компонентов является переосмысленным.

Это, например, следующие наименования:

источник дохода (*доход* от глагола движения *доходить*, достигать какого-либо места, деньги метафорично «доходят» до человека; слово *источник* репрезентирует место или предмет, откуда или из чего «доход» денег оказывается возможным);

налоговой рай (*рай* – как место покоя для души человека, в экономике – место «убежища» для компании, в котором предусмотрен льготный режим налогообложения);

банковская паника (*паника* – страх, но в данном случае это массовое изъятие вкладчиками депозитов (из-за сомнений в финансовом положении банка)).

Образность вышеназванных экономических фразеологических терминов обусловлена реализацией механизма когнитивной метафоры. Метафоры

в данном случае формируются на основе обработки экономического и обыденного знания. При этом номинация как свойство терминологических единиц особенная, она «стремится» к точности обозначения необходимого знания.

В «Национальном корпусе русского языка» приводится следующий пример употребления терминологического фразеологизма *источник дохода*: «*Это тёплое место с прекрасной репутацией, где новый директор (например, родственник или знакомый какого-нибудь влиятельного в городе лица) сможет организовать приём нужных детей, превратив лицей из места, куда директор вбухивает собственные деньги, в неплохой источник дохода*». Оценивая данную ситуацию, если не применять фразеологический термин *источник дохода*, специалист в области экономики мог бы также использовать слово *прибыль*. Однако, на уровне сознания автора высказывания происходит поиск выхода из проблемной познавательной ситуации о том, как «упаковать» необходимую экономическую информацию, который завершается выбором фразеологического термина в силу того, что именно он передает более точный смысл.

Фразеологическая номинация в языке экономики является эффективным способом наименования экономических опыта и деятельности специалиста. Она также способствует пониманию экономического знания через метафоры, отсылающие к обыденному знанию. Фразеологическая терминосистема русского языка экономики состоит из терминов, которые репрезентируют единство и выражают вербальную объективацию специального знания. Специалист в области экономики активно применяет в своей деятельности фразеологические термины вследствие их большей доступности и усваиваемости.

Литература

- Гринёв С. В. Введение в терминоведение. М.: Моск. Лицей, 1993.
- Голованова Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 69–75.
- Даниленко В. П. Русская терминология. М.: Наука, 1977.
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorp.org.ru>
- Седых А. П. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки: учеб.-метод. пособие / А. П. Седых, А. Марабини. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021.
- Татаринов В. А. Общее терминоведение: Энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество *РоссТерм*. М.: Московский Лицей, 2006.
- Терминологический словарь банковских и финансовых терминов. 2011. URL: <https://dic.academic.ru>
- Шаркова А. В. Словарь финансово-экономических терминов / А. В. Шаркова, А. А. Киячков, Е. В. Маркина и др.; под общ. ред. д. э. н., проф. М. А. Эскиндарова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015.

*A. Marabini (Belgorod, Russia)
Belgorod State University*

**COGNITIVE ASPECTS OF NOMINATION:
TO THE RESEARCH OF THE ECONOMIC
PHRASEOLOGICAL TERMINOLOGICAL SYSTEM
OF RUSSIAN**

Recently, linguists have been interested in those aspects of phraseology, in the range of which the nominative structures of phraseological units are considered. The structure of the naming relation is a way of referring the name to the meaning and the meaning of the name to the designated reality, named by the given nomination. In this way, the nominative structures of phraseological units are associated with cognition. In this paper, we explore the terminological phraseological units of the Russian language, that name specific concepts, objects and subjects of the economic reality.

Key words: nomination, structure, meaning, cognition, terms, economics.

*Е. С. Милькевич (Ростов-на-Дону, Россия)
Южный федеральный университет
yelenamilkevich@yandex.ru*

**О КОГНИТИВНОМ ПОДХОДЕ
К ИЗУЧЕНИЮ ИДИМАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
(на примере идиомы со словом *mouth*)**

В статье рассматривается идиоматическое значение как сложный когнитивный конструктор, состоящий из когнитивной метафоры, когнитивной метонимии и эмпирического знания. На примере идиомы с лексемой *mouth* предложено поэтапное объяснение когнитивных механизмов формирования идиоматического значения, где также наглядно проявляется действие метафтонимии.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная метафора, когнитивная метонимия, идиоматическое значение, метафтонимия, когнитивный комплекс.

Со времен опубликования знаменитой работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live By” [Lakoff, Johnson 1980] проведено множество исследований лингвистических явлений с использованием принципов когнитивной лингвистики. Показано, что когнитивный подход дает более широкое и глубокое понимание структуры и семантики языковых единиц разных уровней, значительно расширяя объяснительные возможности традиционной

лингвистики. В основе когнитивного подхода лежат некоторые постулаты, которыми руководствуются когнитивные лингвисты при проведении научных исследований. В данной работе мы опираемся на следующие положения когнитивной лингвистики:

– язык отражает результаты познавательной деятельности человека, т. е. обладает когнитивной сущностью. Благодаря этому изучение языка позволяет проникнуть в механизмы человеческого восприятия мира, понять процессы человеческого мышления [Lakoff, Johnson 1980; Sinclair 1991: 4];

– когнитивная метафора и когнитивная метонимия являются формами мыслительной категоризации воспринимаемого мира, инструментами упорядочения нашего мышления. Они также выступают основными когнитивными механизмами формирования семантики языковых единиц, что отражается с одной стороны в когнитивных универсалиях и, с другой стороны, в социокультурной специфике различных языков [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2005: 8–9];

– в когнитивной лингвистике метафора понимается как взаимодействие, основанное на схожести, ментальных сущностей разных когнитивных пространств по модели A is B. Метонимия рассматривается как взаимодействие, основанное на смежности, двух ментальных сущностей, находящихся в едином когнитивном пространстве по модели B for A. Одни из ментальных сущностей выступают как концепты-источники или как концепты-средства доступа (концепты B) к другим ментальным конструктам, выступающим как концептуальные цели высказывания (концепты A). Выбор концепта-источника обусловлен действием определенных когнитивных и культурных принципов [Radden et al 1999];

– человеческое мышление телесно, т. е. наше восприятие мира мотивировано нашим телом, физическими и физиологическими особенностями взаимодействия человека с телом [Evans et al 2006: 44]. Особенно наглядно это видно на примере лексем, содержащих слова, называющие части тела человека [Perez-Sobrino 2016].

Несмотря на то, что когнитивная метафора и когнитивная метонимия являются двумя разными ментальными механизмами в нашей познавательной деятельности, ученые отмечают определенные трудности при их разграничении, что обусловлено их тесным взаимодействием. Такое концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии получило название метафтонимии, которая может быть трёх типов: а) метафора из метонимии, б) метонимия в метафоре и в) метафора в метонимии [Goossens 1990].

А. Барселона рассматривает эти два процесса как единый континуум познания, но не бинарную оппозицию, и выделяет метафтонимию на когнитивном уровне и на уровне текста [Barcelona 2000: 4–7].

Особенно наглядно тесное взаимодействие когнитивных механизмов метафоры и метонимии происходит при формировании идиоматического значения фразеологических единиц, содержащих лексемы, называющие части тела, так как такая лексика наиболее ярко проявляет принцип телесности мышления.

Цель данной работы показать эффективность применения когнитивного анализа к раскрытию семантики идиом, содержащих слова, называющие части тела человека. Для этого необходимо выделить когнитивные механизмы, мотивирующие это идиоматическое значение.

Идиомы – это устойчивые словосочетания, значение которых не складывается из значения составляющих его лексем [Кунин 1996: 24; Kövecses et al 1996: 326]. Традиционная лингвистика считает идиоматическое значение немотивированным. Однако когнитивная лингвистика позволяет определить когнитивную мотивацию идиоматического значения, построенную на эмпирическом знании, метафоре и/или метонимии. Идиомы представляют собой когнитивные комплексы, основанные на концептуальном взаимодействии различных механизмов, в том числе на метафтонимии.

Рассмотрим идиому «to be born with a silver spoon in your mouth», применяя когнитивный подход.

На первом этапе мы определяем концепты-источники или концепты-средства доступа к когнитивной цели идиоматического значения. Лексическое наполнение идиомы создает конкретный образ события и представляет собой единый сложный событийный концепт TO BE BORN WITH A SILVER SPOON IN ONE'S MOUTH. Однако в этой сложной структуре можно выделить отдельные концепты: TO BE BORN, A SILVER SPOON, A SPOON IN ONE'S MOUTH.

Далее необходимо провести когнитивный анализ словарного значения данной идиомы с целью выделения концепта или концептов-целей. Словарь Collins COBUILD English Language Dictionary дает следующее определение этой идиомы “someone has a lot of advantages because they have a rich or influential family” [Collins]. Как мы видим, цель высказывания более абстрактна и может быть представлена единым сложным концептом-целью TO HAVE A LOT OF ADVANTAGES BECAUSE ONE HAS A RICH OR INFLUENTIAL FAMILY, который далее разложим на более простые концепты-цели: TO HAVE A LOT OF ADVANTAGES, TO HAVE / BE BORN IN A RICH AND INFLUENTIAL FAMILY.

В результате проведения первых двух этапов мы приходим к некоторым промежуточным выводам: 1) метафора является основным механизмом формирования идиоматического значения, так как выражение абстрактного содержания идиомы (“advantages”, “rich/ influential”) достигается посред-

ством использования конкретных образов (“to be born”, “a silver spoon”, “in the mouth”); 2) концепт-источник и концепт-цель представляют собой сложные событийные когнитивные конструкторы, которые разложимы на более простые концепты.

На третьем этапе мы определяем типы взаимодействия концептов, как метафорические или метонимические. Мы выделяем следующие модели:

– метонимия “TO BE BORN WITH SOMETHING FOR TO HAVE SOMETHING ONE’S WHOLE LIFE”, представляющая частный случай метонимии «НАЧАЛО ПЕРИОДА ВМЕСТО ВСЕГО ПЕРИОДА», или более обобщенной модели метонимии «ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО». Наши эмпирические знания о мире и обществе говорят о том, что сам факт рождения в определенных условиях может давать преимущества в течение всей жизни;

– метонимия “WITH A SPOON IN ONE’S MOUTH FOR TO BE FED WITH A SPOON” как частный случай метонимии «ИНСТРУМЕНТ ВМЕСТО ПРОЦЕССА», так как имеется в виду не наличие предмета во рту, но использование его в процессе приема пищи / кормления;

– метонимия “MOUTH FOR EATING / FEEDING”, построенная на базовой модели «ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА ВМЕСТО ФУНКЦИИ ЭТОЙ ЧАСТИ ТЕЛА», так как описывается процесс потребления пищи, но не вместилище для ложки [Милькевич 2022: 45].

Концепт-источник A SILVER SPOON вступает в сложные типы взаимодействия, которые можно объяснить следующим образом:

– метафора “TO HAVE ADVANTAGES BY THE BIRTH RIGHT IS TO BE BORN WITH A SILVER SPOON IN ONE’S MOUTH”. Исходя из жизненного опыта, мы понимаем, что человек не может родиться с каким-либо предметом во рту, но может родиться с определенными привилегиями, которыми он (и его семья) обладает по праву рождения. За эти привилегии не надо бороться, их тебе «положат в рот» готовыми. Здесь конкретный концепт “a silver spoon in one’s mouth” олицетворяет абстрактный концепт ADVANTAGES BY THE BIRTH RIGHT;

– метафтонимия “TO HAVE A SILVER SPOON IS TO BE RICH IS TO HAVE ADVANTAGES”: метонимия “TO HAVE SILVER FOR BEING RICH” / “SILVER FOR WEALTH” как частный случай метонимии более высокого порядка «ВЕЩЕСТВО ВМЕСТО ЕГО ЦЕННОСТИ». Мы знаем, что серебро как вещество является ценным металлом, в истории человечества несколько веков являлось эквивалентом денег, представляло наследуемую ценность, предмет гордости. Только состоятельные семьи могли позволить себе утварь из серебра (в контексте анализируемой идиомы мы не затрагиваем другие функции или области применения серебра). Однако наши знания

о мире предполагают понимание того, что любое богатство, а не только серебряная утварь, дает преимущества в жизни, поэтому мы можем выделить метафору “TO HAVE ADVANTAGES IS TO HAVE A SILVER SPOON”;

– метонимия “TO BE RICH / INFLUENTIAL FOR TO HAVE ADVANTAGES”. Оба концепта RICH / INFLUENTIAL и ADVANTAGES связаны отношениями метонимии «причина – следствие», так как наши знания о мире подтверждают тот факт, что богатые семьи имеют влияние в обществе и это дает им определенные преимущества и привилегии в жизни.

Таким образом, идиоматические значения представляют собой когнитивные комплексы, состоящие из эмпирических знаний о мире, метафоры и / или метонимии. Идиомы, содержащие лексику, называющую части тела человека, подтверждают тезис о воплощенном познании (‘embodied mind’), и метонимически мотивированы. Метафорические и метонимические механизмы формирования идиоматического значения представляют единый когнитивный континуум, часто представленный явлением метафтонимии.

Литература

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996.

Милькевич Е. С. Когнитивный анализ семантики соматической лексики mouth в современном английском языке // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Том 26. № 4. С. 37–49.

Barcelona A. Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy // Metaphor and Metonymy at the Crossroads / Ed. by A. Barcelona. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2000. P 1–30.

Collins COBUILD English Language Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 20.10.2022).

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

Goossens L. Metaphonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Cognitive linguistics. 1990. Vol. 1. P. 323–340.

Kövecses Z., Szabo P. Idioms: A View from Cognitive Semantics // Applied Linguistics. 1996. Vol 17. No 3. P. 326–355.

Kövecses Z. Metaphor in Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Perez-Sobrino P. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising: a corpus-based account // Metaphor&Symbol. 2016. Vol. 31 (2). P. 1–18.

Radden G., Kövecses Z. Towards a Theory of Metonymy // Metonymy in Language and Thought / Ed. by Panther K-U et al. Amsterdam, Philadelphia, 1999. P. 17–61.

Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

*Ye. S. Milkevich (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University*

**ON THE COGNITIVE APPROACH
TO THE STUDY OF IDIOMATIC MEANING
(based on the idiom with the lexeme *mouth*)**

The article considers idiomatic meaning as a cognitive complex consisting of cognitive metaphor, cognitive metonymy and empirical knowledge. Using the example of an idiom with the lexeme *mouth*, the article studies cognitive mechanisms which form the idiomatic meaning, including the mechanism of metaphonymy.

Key words: cognitive linguistics, cognitive metaphor, cognitive metonymy, idiomatic meaning, metaphonymy, cognitive complex.

*Ш. В. Монгуш (Кызыл, Россия)
Тувинский государственный университет
shenne2242@mail.ru*

**РОЛЬ ПАРЕМИЙ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ОХОТА
В ТУВИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Статья посвящена анализу паремиологических репрезентантов концепта ОХОТА, важного для тувинской лингвокультуры. Проанализирована группа паремий (пословиц, загадок, примет), в которых находят отражение внешний вид парнокопытных диких животных, их повадки, нрав. Разноаспектный анализ рассматриваемого концепта направлен на представление одной из констант тувинской лингвокультуры.

Ключевые слова: паремия, пословица, загадка, примета, концепт ОХОТА, тувинский язык, тувинская лингвокультура.

Паремиологический фонд любого языка представляет «набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несёт информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира», которая отражает как «стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [Комова, Ломакина 2019: 79], так и традиции народа, его знания и представления о мире.

С давних времен охота была одним из наиболее распространенных видов традиционной хозяйственной деятельности различных народов, в том числе и тувинцев. Л. П. Потапов отмечает, что для тувинцев, как и для других

народов, населяющих Алтае-Саяно-Хангайское нагорье, охота на мясного и пушного зверя (верховая, пешая, зимняя на лыжах) была неотъемлемой частью натурального хозяйства [Потапов 1969: 82].

Многообразии представлений о зверях, птицах, о том или ином поведении охотника отразилось в тувинском фольклоре. Как в больших, так и в малых жанрах устного народного творчества тувинского народа находит отражение информация о традиционной охоте, связанных с ней обычаях и традициях, а также правила поведения охотника. По праву охотничья лексика и культура считаются неотъемлемой частью тувинской культуры [Сувандии, Куулар 2015].

Цель данного исследования – представить роль различных паремиологических единиц, связанных с наименованием парнокопытного дикого животного, в репрезентации концепта ОХОТА. Данная статья продолжает начатые нами исследования по изучению репрезентантов обозначенного концепта [Дамбаа 2022а; Дамбаа 2022б].

К семейству парнокопытных относится марал (тув. *сын*). Это одно из крупных млекопитающих, вес которого достигает до 400 кг, длина тела – до 2,5 метров. Марал имеет большие рога, с помощью отростков тувинцы определяют приблизительный возраст животного. В последние месяцы зимы маралы сбрасывают свои рога, а новые отрастают в середине весны. Способность марала терять рога отражается и в тувинских загадках. Поскольку тувинцы знают, что панты марала остаются в той местности, где отвалились, охотники часто уходят за рогами в тайгу, чтобы обменять их на продукты или деньги: *Халыыр-оол халып чорааш, хайыраан кара эгээзин кагган*. – букв. ‘Халыыр-оол, прыгая, свой дорогой чёрный напильник потерял’ (ответ: *сын мыйызының дүжери* – ‘падение рогов-пантов у марала’) [Тувинские загадки 2002: 37]; *Халыыр-оол халып чорааш, кадыг кара дүрбүүзүн каапкаш келген*. – букв. ‘Халыыр-оол, прыгая, свой твёрдый чёрный рашпиль оставив, пришел’ (ответ: *аң мыйызының дүжери* – ‘падение рогов-пантов у марала’) [Тувинские загадки 2002: 37]. Стоит отметить, что данный промысел и в настоящее время имеет бытовое значение. С рогами марала связаны тувинские приметы. Например, созревание крапивы указывало на окончание сезона охоты на маралов, поскольку рога животного к этому времени костенеют: *Сын мыйызын аңчылар шагар-оът-биле деңнеп билип алыр дижир болгай, ол оът ам тулдур үнүп келген, чамдыктары кижиден безин бедик* [Кудажы 1984: 150]. – букв. ‘Говорят, что охотники сравнивают маральи рога с крапивой, данное растение (крапива) сейчас созрело, некоторые даже выше ростом человека’.

Тувинские охотники считают, что маралы, имеющие отличительные черты (отсутствие одного из рогов, наличие какой-то метки на окрасе), мо-

гут быть хозяином тайги. В такого животного они не стреляют, поскольку, согласно древним поверьям, охотник, встретивший *ыдыктыг аң* – букв. ‘священный зверь’, будет счастлив, его ожидает удача. Особенности звуков, которые издают животные, используются при составлении загадок о них и связаны с возникновением примет. Так, схожие звонкие голоса марала и кукушки легли в основу загадок об этом животном. По контексту можно догадаться, что перифраза *бык с могучим голосом* – это марал, а с *шумящим голосом топор* – это кукушка: *Казыра дег боттуг, каң далай ыыттыг, сүге дег боттуг, сүт далай ыыттыг.* – букв. ‘Сам как двухгодовалый бычок, голос как у могучего моря. Сама как топор, с шумящим, как молочное озеро, голосом’ (ответ: *сыын, хек* – ‘марал, кукушка’) [Тувинские загадки 2002: 37]. По мнению предков тувинцев, возможность первым услышать голос ревушего марала сулит человеку счастье: *...кырган-авам хек үнү дыңнаар, сыын үнү дыңнаар деп чаңчылдыг улус. Оларны мурнап дыңнаан кижги узун назылаар, аас-кежиктиг болур дижир* [Кудажы 1984: 208]. – букв. ‘...у бабушек была такая привычка, слушать пение кукушки и голос марала. Говорят, кто первым услышит их, у того будет долгая и счастливая жизнь’.

В Туве часто охотятся на козулю (тув. *элик*) – представителя парнокопытных животных, представляющих семейство оленевых. Образ козули широко используется в тувинской фразеологии для описания человека. Устойчивое сравнение *Турлаг тыппаан элик ышкаш, дунчу тыппаан балык ышкаш* [Мудрость народа 1976: 67] – букв. ‘Как козуля, не нашедшая лежбища, как рыба, не нашедшая заводи’ – используется при характеристике человека, который не может найти себя в жизни и в результате оказывается на улице, не занятый ничем. В свою очередь пословица *Күзээр болза, хулбус-даа бичелей бээр, күзээр болза, хулчүк-даа улгады бээр* – букв. ‘Если захотеть, и козуля станет мальцом, а мошкара станет великаном’ [ППТН 2020: 110] – характеризует возможности человека, который при наличии желания сможет добиться всего, а пословица *Хулбус аткан черинден хуннүң аңнаар* [Мудрость народа 1976: 62] – букв. ‘Где раз застрелил козулю, каждый день туда ходит охотиться’ – имеет несколько значений. С одной стороны, она указывает на обычай охотников заниматься промыслом в тех местах, где однажды повезло с добычей, с другой – так говорится о стремлении людей возвращаться туда, где им было хорошо. Кроме того, отличительные черты внешнего вида козули ложатся в основу загадок о животном. Например, о внешнем отличии упоминается в следующих загадках: *Аргада ак хап чүктээн ашак кылаштап чор.* – букв. ‘В тайге с белым мешком на спине старик ходит’ (ответ: *элик* – ‘козуля самка’) [Тувинские загадки 2002: 36]; *«Коң-коң» («ког-ког») ыыттыг, кондаалайында саадактыг.* – букв. ‘С голосом «кон-кон» («ког-ког»), на крестце с сумкой’ (ответ: *элик, хулбус* – ‘самка и самец козули’)

[Тувинские загадки 2002: 36]. Привычку косули снимать кору с дерева отражает загадка *Чылдың-на шылбалаар, чаи шет шылбалаар, чаңгыс-даа чивес – чаңы ындыг кызаңай.* – букв. ‘Каждый год снимает кору, с молодого хвойного дерева. Ни разу не есть – такая привычка у молниеносного’ (ответ: *хулбус* – ‘косуля-самец’) [Тувинские загадки 2002: 36].

Одним из самых крупных парнокопытных животных, относящихся к семейству оленевых, является лось (тув. *буур*). Образ лося часто становится объектом загадок, которые строятся на приёме сравнения с внешним видом и повадками других животных. Часто нрав этого животного сопоставляется с лошадью, однако отмечается, что выше лошади: *Аътка дөмей чаңныг, аъттан бедик сынныг.* – букв. ‘Нрав как у лошади, стан выше лошадиного’ (ответ: *буур* – ‘лось’) [Тувинские загадки 2002: 37]. Схожесть с верблюдом (копыта, как у верблюда) и лошадью (нрав, как у лошади) отмечается в загадке *Тевезин мунган, деспизин дергилээн, аьдын айыткан, алагазын азынган.* – букв. ‘На своего верблюда сел, свое корытце приторочил, конем прикинулся, свой молоток повесил’ (ответ: *буур* – ‘лось’) [Тувинские загадки 2002: 37]. Подсказкой для ответа является и использование фразы *молоток повесил*, поскольку рога лося похожи на этот инструмент. В следующей загадке речь идет о том, что марала и лось отличается отсутствие хвоста и наличие красивых рогов, похожих на корень дерева. *Дадаазын дег кудуруун таңдызынга өргүккен дег, тайга дег бажын дазыл алдынче сүпкан дег.* – ‘Свой хвост, похожий на дадаазын, как будто тайге пожертвовал, свою голову, похожую на тайгу, как будто под корень сунул’ [Тувинские загадки 2002: 37] (ответ: *буур, сыын* – ‘лось, марал’).

На протяжении всего года в Тодже, одном из районов Тувы, охотятся на дикого козла / козерога (тув. *те* / лит. *чуңма*), который обитает в скалистых горах, отличается ловкостью и выносливостью. Образ горного козла встречается в тувинских приметах. Так, в паремии *Те, чуңма хүннүң-не эртен эрте ол-ла кужурлуг черлеринге кээр. А бир эвес олар эртен аңаа келбейн баар болза, чударар* [Кенин-Лопсан 2021: 141] – букв. ‘Горные козлы ежедневно по утрам приходят в те места, где есть солончаки. А если они утром туда не придут, то это к непогоде’ – в прогнозирующей части приметы содержится указание на место появления животного – солончаки, образующиеся при выветривании горных пород в условиях сухого климата – и времени суток *утром*, в прогнозе – следствие отсутствия там животного *к непогоде*.

Таким образом, концепт ОХОТА в тувинском языке раскрывают не только лексические единицы, но и паремии. Внешний вид парнокопытных диких животных, их повадки, нрав находят отражение в тувинском паремиологическом фонде, описание которого служит пониманию тувинской лингвокультуры в целом.

Литература

Дамба Ш. В. Лексические средства репрезентации концепта охота в тувинском языке // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 2 (49). С. 755–761.

Дамба Ш. В. Фразеологические средства репрезентации концепта охота в творчестве К.-Э. К. Кудажы // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 3 (50). С. 195–198.

Комова Д. Д., Ломакина О. В. Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). Ч. 1. С. 78–86.

Кудажы К.-Э. К. Танды кежии (Таежные дары). Кызыл: Тувин. книжное изд-во, 1984.

Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133–140.

Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингво-аксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мудрость народа: тувинские пословицы и поговорки / сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадахан; пер. с тув. С. В. Козловой; худож. И. Я. Кузнецов. 3-е изд., перераб. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1976.

ППТН – Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969.

Сувандии Н. Д., Куулар Е. М. Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. 2015. № 11. С. 191–193.

Тувинские загадки = Тывы тывызыкпар: сборник / [Сост. Г. Н. Курбатский]. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002.

Sh. V. Mongush (Kyzyl, Russia)
Tuvan State University

THE ROLE OF PROVERBS IN THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT *HUNTING* IN TUVA LINGUOCULTURE

The article is devoted to the analysis of paremiological representatives of the concept HUNTING which is important for the Tuvan linguistic culture. A group of proverbs (proverbs, riddles, signs) is analyzed, which reflect the appearance of artiodactyl wild animals, their habits, disposition. A multidimensional analysis of the concept under consideration makes it possible to present one of the constants of the Tuvan linguistic culture.

Key words: paremia, proverb, riddle, sign, concept HUNTING, Tuvan language, Tuvan linguistic culture.

У Нань (Санкт-Петербург Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st103099@student.spbu.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФОРМЫ-ИДИОМЫ В ПРИНЦИПЕ В РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ

В центре внимания статьи – форма-идиома *в принципе* в русской повседневной речи. Исследование проведено на материале корпуса «Один речевой день». Данная единица выступает либо в роли вводного слова со значением ‘на самом деле, вообще-то’, что соответствует словарным дефинициям, либо, оказавшись в хезитативном контексте, принимает на себя роль прагматического маркера-хезитатива, что словарями не замечено.

Ключевые слова: форма-идиома, прагматический маркер, речевой акт, когнитивный подход, корпусный подход.

В русском устном дискурсе функционирует большое количество «стабилизовавшихся построений» [Шведова 1960: 7], таких как *в принципе, до дури, по фиг, по барабану, без разницы* и под., которые являются неоднословными устойчивыми предложно-падежными словоформами. Вопрос об их идиоматичности давно и широко обсуждается в российской лингвистике, называют их также по-разному: *синтаксические фразеологизмы* [Шведова 1958], *лексикализованные словоформы* [Прокопович 1966; Виноградов 1972], *наречные обороты-фразеологизмы* [Молотков 1977: 43–47] и т. д. (см. обзор соответствующей литературы: [Лю Даян 2019]). П. А. Лекант называл их *формами-идиомами* (ФИд), «минимальными единицами фразеологии», в которых «нельзя выделить элементы значения, внесенные предлогом и существительным» [Лекант 1965: 41–43], что и дало ему основания рассматривать их как цельные устойчивые единицы. Именно такое понимание и такой термин принимается в настоящем исследовании.

В звуковом корпусе русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) [Русский язык... 2016; <https://ord.spbu.ru/>] обнаружилось большое количество такого рода устойчивых единиц, в том числе 166 употреблений весьма частотной ФИд *в принципе*. В настоящей работе эта единица рассматривается в семантическом, грамматическом и прагматическом аспектах.

Словарные дефиниции ФИд *в принципе* сводятся к двум значениям вводного выражения и члена предложения: 1) в основном, в общем; 2) в сущности говоря, по сути говоря [МАС 1984: 428; Михельсон 2008]. Эти значения широко представлены в русской повседневной речи, ср. (об особенностях орфографического представления материалов ОРД см. подробнее: [Русский язык... 2016: 242–243]):

1) ну **в принципе** трудно поспорить / потому что... # откуда она? # она (...) сама из Питера\$ / но она восемь лет прожила в Берлине\$ / а сейчас живёт в Лондоне\$;

2) **в принципе** суббота / десять утра / или сколько # не знаю / на лестнице *Н # вот я и дома-то позже встаю / когда раньше ложусь;

3) если пломбировка не помогает / () вот обычно **в принципе** хватает пломбировки / иногда пломбировки не помогают / тогда делают резекцию;

4) он () у нас **в принципе** золотые руки *Н / как человек работает! обалденно!

5) я **в принципе** (а) / могу взять им всем по упаковке / написать и расписать ситуацию по *Н ну **в принципе** (б).

Видно, что форма-идиома *в принципе* в устном дискурсе действительно выполняет прежде всего синтаксическую функцию вводного слова, в значении 'на самом деле, вообще-то', что совпадает с определением в словарях. Позиция ФИД в предложении-высказывании при этом может быть любая: начальная – (1), (2), (5а) (39,8% от всего массива пользовательского подкорпуса), – срединная – (3), (4) (54,2%), – или конечная (5б) (6%). Видно, что конечная позиция рассматриваемой ФИД встречается реже всего.

В начальной и конечной позиции формы *в принципе* может интерпретироваться еще и как разграничительный *прагматический маркер* – соответственно, *стартовый* или *финальный*, что отмечено в словаре прагматических маркеров (ПМ) русской речи [ПМ 2021: 66–68]. Значение вводного слова в этой позиции существенно ослабевает (здесь можно говорить о процессе *прагматикализации*, весьма активном в устном дискурсе [Günther, Mutz 2004]), и на первый план выступает прагматическое значение (функция) словоформы.

По данным проведенного анализа, почти половина употреблений ФИД *в принципе* (47,0%) функционирует в русской речи в качестве не только вводного слова, но и разграничительного прагматического маркера. Видно также, что эта ФИД часто выступает в комбинации с частицей *ну*: особенно в начальной (1) и финальной (5б) позициях. Ср. еще примеры такого типа:

6) *В **ну в принципе** завтра в универ не надо;

7) **ну в принципе** да / это неважно;

8) **ну в принципе** / он как бы сам.

Частотность таких употреблений (41,03% в пользовательском подкорпусе) даже ставит вопрос о структурной вариативности данного ПМ, способного «расширяться» за счет частицы *ну*.

Еще более явным действие процесса прагматикализации оказывается в тех употреблениях ФИД *в принципе*, когда она выступает в выраженном хезитационном контексте, в окружении или в соседстве (более или менее близком) с ПМ-хезитативами (в примерах подчеркнуты), ср.:

9) ну / здесь (э-э) максимально можно развернуться / да / потому что (э-э) в данном возрасте женщина уже скажем так (э) знает себе цену / как правило (э-э) ну **в принципе** уже () добилась того чего хотела / либо (э-э) на пути / да / то есть такой в... возраст уже / да / очень;

10) **вот то есть в принципе** можно отталкиваться (н-н) это вам тоже в помощь;

11) ты же приносил // # хотя / **в принципе** (:) () сейчас же идут () некоторые / вот я () вот не помню / вот эта стрелка?

От значения вводности в таких употреблении уже ничего не остается, их можно рассматривать как ПМ-хезитативы, и их доля в пользовательском подкорпусе составляет 10,8%.

Многие употребления рассматриваемой в настоящем исследовании ФИД, которые квалифицируются как вводные слова, формируют в устном дискурсе конкретный речевой акт (РА) (41,0% пользовательского подкорпуса). За основу в работе была принята классификация РА, которая была построена Т. Ю. Шерстиновой именно на материале корпуса ОРД [Шерстинова 2015]. Согласно данной классификации, ФИД *в принципе* в устном дискурсе способно формировать РА *вердиктива-суппозитива*, т. е. выражать мнение-предположение говорящего, ср.:

12) *поищите квитанцию за июнь* // *П так а где ж я её найду? *П она ж здесь должна быть // *П не знаю где // *П где-то **в принципе** была;

13) *едешь / спишь там* *Н // они такие безумные поездки *Н // *С если одним днём то / а так **в принципе**-то // там где-то и заночевать можно бывает;

14) ну так **в принципе** (?) можно *Н // @ и плюс я так понимаю / что () ну (...) буду разговаривать / то есть если едем втроем / то есть мы платим только за взрослых / ребёнок / как бонусом идёт.

Часто в таких контекстах личное мнение говорящего выражается не только с помощью ФИД *в принципе*, но и другими языковыми средствами, например, я думаю, я считаю, я имею в виду, слушай, давай, я хочу (в примерах подчеркнуты), ср.:

15) э / ну там она под углом / получается / идёт / поэтому тоже **в принципе** выступает / да // ну / меньше // я думаю / что эта (...) побольше размеры (э-э) // зас скажу // шестьдесят девять на шестьдесят девять // **в принципе** он узенький;

16) просто я имею в виду / это быстрее надо делать // потому что время-то уходит / ты сам говоришь / что там кто-то срочно продаёт эту машину // ну // сейчас рынок мёртвый поэтому (...) торопиться **в принципе** особо некуда;

17) (м-м) думаю / мало чем отличается / на самом деле / от обычного чемпионата // *П (н-н) думаю / что весьма будет отличаться // *П ну / если ты покуришь () (э-э) на чемпионате России / будет **в принципе** то же самое.

Наличие в одном небольшом контексте разных способов выражения мнения говорящего (одного и того же речевого акта) может свидетельствовать о важности для него (говорящего) данного коммуникативного намерения (иллюкуции), а также подтверждает тот факт, что *избыточность* – это необходимое свойство естественного языка как средства общения.

В целом употребление формы-идиомы *в принципе* в русском устном дискурсе отличаются большим разнообразием: к словарному значению вводного слова добавляются прагматикализованные употребления ФИД с ослабленным или отсутствующим референциальным значением, которые можно интерпретировать как прагматические маркеры: разграничительные (стартовые, навигационные или финальные) или маркеры-хезитативы. В роли вводного слова ФИД *в принципе* способно формировать в устной речи речевой акт вердиктива-суппозитива, выражающего мнение-предположение говорящего.

Детальное описание ФИД (как *в принципе*, так и других подобных) может быть важно в разных аспектах лингвистики: коллоквиалистика как теория разговорной речи, теория РА, а также лингводидактика.

Литература

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972.

Лекант П. А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.

Лю Даян. Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах. Том III. П–Р. Изд. второе, испр. и доп. / гл. ред. *А. П. Евгеньева*. М.: Русский язык, 1984.

Михельсон А. Д. Большой толково-фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс]: создан на основе 3-х томного издания. М: Си ЭТС: Бука, 2008.

ОРД – Корпус повседневной русской речи «Один речевой день». URL: <https://ogd.spbu.ru/>

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия *Н. В. Богданова-Бегларян*. СПб.: Нестор-История, 2021.

Прокопович Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М.: Просвещение, 1966.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: коллективная монография / отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960.
Шерстинова Т. Ю. Прагматическое аннотирование коммуникативных единиц в корпусе ОРД: микроэпизоды и речевые акты // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015» / отв. ред. В. П. Захаров, М. В. Хохлова. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 436–445.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiermer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin, 2004. P. 77–107.

Wu Nan (St. Petersburg Russia)
Saint Petersburg State University

THE FUNCTION OF FORM IDIOM *v printsipe* IN RUSSIAN ORAL DISCOURSE

The focus of the article is the form idiom (FI) *v printsipe* on the material of the corpus of Russian everyday speech “One speaker’s day”. This FI acts either as an introductory word with the meaning ‘actually’, which corresponds to dictionary definitions, or, being in a hesitant context, takes on the role of a pragmatic hesitant marker, which is not noticed by dictionaries.

Key words: form-idiom, pragmatic marker, speech act, cognitive approach, corpus approach.

Н. Ю. Нелубова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
nat.nelubova@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ЕДА В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье предложен анализ представления концепта ЕДА в русских и французских пословицах с точки зрения выявления их аксиологического смысла. Изучение функционирования ключевых лексем в совокупности со специфическими средствами выражения оценки позволило выявить связь с базовыми ценностями двух этносов.

Ключевые слова: лингвоаксиологический анализ, средства выражения оценки, концепт ЕДА, французские пословицы, русские пословицы.

Современные лингвоаксиологические исследования предполагают анализ языковой репрезентации ключевых концептов. «Изучая гастрономию как особую концептосферу, исследователи указывают на ее национально-специфический характер. Реалии гастрономической концептосферы, несомненно, являются культурно маркированными, так как имеют не только языковой, но и культурный смысл» [Дормидонтова 2011: 13], который отчетливо проявляется в паремиологическом фонде языка, обладающем ярко выраженным лингвокультурологическим и лингвоаксиологическим потенциалом [Ломакина 2022]. Пословицы, имеющие, как правило, назидательный и экспрессивный характер, отражают систему ценностей через ключевые лексемы, в том числе связанные с концептом ЕДА.

В данном ракурсе были исследованы пословицы русского и французского языков, представленные в паремиологических словарях [Мокиенко, Никитина 2011; Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006]. Выбор языков обусловлен не только их разноструктурным характером, но и различием во внимании и восприятии гастрономических традиций, что, согласно нашей гипотезе, будет определять особый вектор представления ценностей в пословичном материале.

Еще раз отметим, что «пища – это ярко выраженная этническая и национальная константа» [Павловская 2022: 285]. В частности, концепт ЕДА рассматривается исследователями как «один из базовых концептов французской лингвокультуры. <...> Прием пищи – это не только биологический, но еще и культурный процесс, в котором отражены многовековые традиции народа» [Абакарова, Омарова 2016: 68]. В 2006 году французскими кулинарами было предложено внести французскую кухню в список мирового наследия Юнеско, в 2008 году данная инициатива была поддержана президентом страны, где кулинария возведена в ранг научной дисциплины. «Во Франции был создан первый в мире гастрономический университет. Его цель – сохранить и приумножить традиции французской кухни, объявленной национальным достоянием» [Барилова 2011: 153].

Кулинарная традиция никогда не занимала настолько важного места в русской культуре. «Русская традиция исторически не слишком много внимания уделяла вопросам приготовления пищи, о чем свидетельствует и язык. Терминов в этой сфере у нас мало» [Павловская 2022: 14]. Так, «древняя, исконно русская кухня не отличалась особым разнообразием <...> Православие с его строгими и частыми постами оказало значительное влияние на формирование русской кухни: долгое время постный (растительно-рыбно-грибной) и скоромный (мясной) столы были разделены» [Там же]. Проследим проявление указанных тенденций в ракурсе анализа репрезентации концепта ЕДА в русских и французских пословицах.

В словаре русских пословиц [Мокиенко, Никитина 2011] отсутствует тематическая группа «Еда», но гастрономические компоненты встречаются в пословицах различной тематики. Остановимся на тематических группах, в которых пословицы о еде являются показательными в аксиологическом плане. В рубрике «Семья и брак» выявлено 90 единиц. Так, в пословицах *В семье и каша лучше естся; Как хорошая жена да жирные щи, так другого добра и не щипи; Замужем наживеешься как мёду напьешься; На костях мясо слаще, а под старость жена милее; Отцы ели клюкву, а у детей – оскомина на зубах; Мамонька родимая – свеча неугасимая, мамонька неродная – похлебочка холодная; Тёща ласкова – печёт блины маслены; С дурного куста и ягода пуста; Первые дети – ягодки; Не научишь детей работать, так и сухарика не принесут* выражена ценность **семьи**, а также дана оценка различных аспектов семейных отношений. В последнем примере отражена важность **труда** для воспитания детей.

Аксиологический смысл приведенных пословиц выражается и усиливается с помощью оценочных наречий и прилагательных в сравнительной степени (*лучше, слаще, милее*); единиц, несущих в данном контексте особую аксиологическую нагрузку: *жирные* – о *щях* (положительная оценка), *холодная* – о *похлебке* (отрицательная). *Мед* подразумевает сладость (положительная оценка), а *клюква* – кислоту (отрицательные последствия – *оскомина*). Часто оценочность выражена с помощью оппозиций (*родимая – неродная*). Метафоричность усиливается посредством конструкций с союзом *а*. Употребление краткой формы оценочных прилагательных (*ласкова, маслены, пуста*) и суффиксов субъективной оценки (*мамонька, похлебочка, ягодки, сухарик*) подчеркивает экспрессивность. Отметим, что в русских пословицах оценочность часто выражена через отрицание (*неродная, не научишь*).

Учитывая указанную выше роль православия в формировании русской культуры в целом и русской кухни в частности, закономерно наличие большого числа пословиц о еде в рубрике «Вера и религия» (65 единиц) с религиозными образами, в том числе библейскими: *Бог весть, что нам есть; Бог даст день, Бог даст и пищу; Бог дурака, похваля, кормит; Мы за пирог, а чёрт поперек; Снеси вас чёрт, а нас накорми Бог; Не с поста, а с обжорства мрут люди; Адам Еву послушал, да яблочко скушал*. В данном блоке примеров также наблюдаем оппозицию добра и зла, блага и вреда (*Бог – черт: пост – обжорство*). Оценка представлена с помощью конструкции с союзом *а*.

Отметим, что **вера** для русских является одной из ключевых ценностей, она «тесно связана с концептом «Бог». Это базовый концепт русской культуры, на основе которого формировалось сознание русского человека»

[Иванов, Маслова, Мокиенко 2022: 12]. Тем не менее ряд пословиц отражает ироничное отношение к служителям церкви: *Деревенский попок любит горячий пирожок; Монах не кот, молока не пьет, а вина только подавай; Монахи и куры никогда не бывают сыты; На чёрта только слава, а монах поросёнка съел*, отмечая их страсть к злоупотреблению пищей и спиртным. Важна функция суффиксов субъективной оценки (*попок, пирожок*), структур с союзом *а*, отрицательных форм (*не надо, не кот, не пьет, никогда не бывают*).

Важно упомянуть наличие большого количества пословиц о пристрастии к пьянству (240 единиц рубрики «Добродетели и пороки»), в большинстве единиц оно представлено как порок, лишаящий людей **ума**, являющегося бесспорной ценностью: *Водку пить – себя губить; Как хочешь зови, только водкой пои; Вино с разумом не ладит; Вино сперва веселит, а потом безумным творит; Вино уму не товарищ; Пиво добро, да мало ведро; Пей пива больше, так брюхо будет толще; Пить пиво – сидеть криво* и др.

Подробный анализ французских пословиц гастрономической тематики был представлен нами ранее [Нелюбова, Сёмина, Казлаускене 2020; Нелюбова 2023]. Остановимся на нескольких единицах, обладающих аксиологической семантикой и демонстрирующих восприятие **еды** и **трапезы** как отдельной ценности: *On ne vieillit point à table* – За столом не стареют; *Table vaut bien école* – Застолье стоит школы – где процесс принятия пищи обладает той же ценностью, что и **знания**. Интересен пример, содержащий типично французские гастрономические образы *Au fromage et jambon connaît-on voisin et compagnon* – По сыру и ветчине узнаются сосед и спутник, который построен по той же семантической модели, что и *Au besoin on connaît l'ami* – Друг познается в беде – о ценности **дружбы** и роли друзей в трудной ситуации.

Во французских пословицах также приветствуется умеренность в еде: *La gourmandise tue plus de gens que l'épée* – Больше людей умирают от обжорства, чем от шпаги, однако данные единицы не связаны с религиозным контекстом. То же предупреждение, но в более мягкой форме содержит пословица латинского происхождения, упоминаемая в комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой» [Montreynaud, Pierron, Suzzoni 2006: 83] *Il faut manger pour vivre et non vivre pour manger* – Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть. В данных примерах отражена ценность **жизни**. Умеренность рекомендуется также в потреблении вина несмотря на его важность и ценность для французов *Pain tant qu'il dure, mais vin à mesure* – Хлеб (ешь), сколько хочешь, а вино (пей) в меру.

Среди средств выражения оценки в представленных французских пословицах отметим конструкции *valoir bien* – стоить и неопределенно-личное

местоимение *on*, также *il faut* – нужно – для передачи долженствования; передачу аксиологического смысла (ценности **жизни**) через отрицание и антонимичные глаголы (*on ne vieillit point* – не стареют, *tuer* – убивать). Экспрессивность достигается и путем синтаксического приема хиазма, усиливающего антитезу в предпоследнем примере.

Проведенный анализ показал значительное количество как французских пословиц о еде, о которой можно говорить как об отдельной ценности ввиду сложившейся гастрономической традиции во французской культуре, так и русских, где она рассматривается в большей степени как жизненная необходимость. Гастрономические компоненты в двух языках отражают специфику национальных традиций и служат метафорической основой для отражения других базовых ценностей.

Литература

Абакарова М. А., Омарова Ф. Т. Концептуализация понятия еда во французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 3. С. 66–68.

Барилова Е. Э. «Еда» как фрагмент русской и французской языковой картины мира // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 13. С. 152–155.

Дормидонтова О. А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира: на материале русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011.

Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси: монография. М.: РУДН, 2022.

Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. URL: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Нелюбова Н. Ю., Сёмина П. С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок). Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. URL: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

Нелюбова Н. Ю. Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских поговорках: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2 (53). С. 458–465.

Павловская А. В. Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М.: Ломоносовъ. 2022.

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006.

*N. Yu. Nelyubova (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia*

**THE CONCEPT *FOOD*
IN RUSSIAN AND FRENCH PROVERBS:
LINGUO-AXIOLOGICAL ANALYSIS**

The article proposes an analysis of the concept *FOOD* in Russian and French proverbs in terms of identifying their axiological meaning. The study of key lexemes functioning combined with specific means of expressing evaluation make it possible to identify a connection with the basic values of the two ethnic groups.

Key words: linguo-axiological analysis, means of expressing evaluation, concept *FOOD*, French proverbs, Russian proverbs.

*M. H. Николаева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
marinik2@yandex.ru*

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ
С КОМПОНЕНТОМ «ОДЕЖДА»:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассматриваются итальянские пословицы, в структуре которых присутствует компонент, репрезентирующий концепт *ОДЕЖДА*, имеющий множественность форм его выражения в различных языковых образованиях. Анализ пословиц показывает специфику данного культурного компонента, обуславливающего амбивалентный характер восприятия и интерпретации пословиц, неоднозначность выражаемой в них оценки. Результаты исследования свидетельствуют о важном месте концепта *ОДЕЖДА* в ценностной картине и национальной культуре итальянцев.

Ключевые слова: концепт, пословица, оценка, ценность, культурный компонент, итальянский язык.

В каждой стране есть свои ценности, обычаи и традиции, позволяющие отличить одну нацию от другой. Известно «стереотипное восприятие итальянской нации как носителей прекрасного, как создателей стиля и эталона прекрасного во многих сферах жизни – искусстве и литературе, дизайне мебели, одежды и обуви, и в национальной кухне» [Николаева 2009: 79]. Одежда и мода – неотделимые понятия в Италии. Итальянские женщины

тратят на одежду и аксессуары немалую часть своего дохода. Слоган «Вы то – во что одеты, ваша одежда – знак вашего успеха» [Аббот 2006: 96–97] является непререкаемым кредо итальянцев.

Исследователи отмечают, что «одежда – это естественная и необходимая составляющая человеческого мира» [Юсупова 2020: 291], она отражает «становление и развитие национального сознания» [Ларина 2016: 35], «может стать символом значимого для общества явления» [Чупрына 2018: 150], является важным культурным компонентом в картине мира нации.

Культура любого народа проявляются в различных «формах» языка – лексических и фразеологических единицах, афоризмах, сентенциях, крылатых выражениях, формулах речевого этикета, невербальных средствах языка и т. д. До сих пор предметом исследований выступали фразеологические единицы, в которых понятие «одежда» было представлено с помощью слов-гипонимов – предметов одежды и их наименований, составляющих общий класс. Предметом данного исследования являются итальянские пословицы с компонентом, представляющим собой гиперонимическое понятие «одежда», получившее в итальянском языке множественное обозначение.

Итальянский онлайн-словарь-тезаурус “Treccani.it” и «Большой итальянско-русский словарь» (БИРС) предлагают ряд слов со значением «одежда», например, *abbigliamento, abito, indumento, veste, vestito, vestimento, vestiario*. Наряду с общим собирательным значением у этих слов имеются видовые значения.

Так, *abbigliamento* – 1) одежда, наряд; 2) [способ одеваться] ≈ мода, стиль; 3) предметы одежды ≈ одежда, гардероб, туалет; одежда – ассортимент, *negozio di abbigliamento* магазин одежды [Treccani.it; БИРС].

Abito – одежда, платье 1) а. [предмет одежды] ≈ одежда, одеяние; халат, платье, б. [одежда священнослужителей] ≈ ряса [Treccani.it].

Indumento – одежда, *indumenti sacri* церк. облачение; часто во мн. ч.: *indumenti intimi* – предметы туалета, нижнее бельё [БИРС]; *indumenti pesante* ≈ *abito*, предмет одежды [Treccani.it].

Vestito – 1) костюм, платье; во мн. ч. *vestiti* – любая одежда [БИРС].

Veste – 1) одежда, платье; одеяние, например, *veste da donna / da uomo* – женское / мужское платье; 2) (нижняя) юбка и др. [Там же].

Разнообразие слов, связанных с обозначением понятия «одежда», которые во многих случаях синонимичны, наличие устойчивых выражений с этими словами свидетельствуют о важности данного концепта в жизни и культуре итальянцев и о специфике концептуализации и категоризации мира, который их окружает. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «Мир репрезентирован, представлен в нашем сознании в виде определенных структур

знания, мнения и оценки мира» [Болдырев 2014: 23], при этом «человеку как познающему субъекту <...> приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц» [Там же: 33].

Эмпирическим материалом исследования послужили фразеологический словарь итальянского языка (ИРФС), словарь русских пословиц и поговорок и их итальянских аналогов И. Г. Константиновой (РПП) и словарь итальянских пословиц Карло Лапуччи (СИП). Были обнаружены пословицы с компонентом «одежда», представленные лексемами *abito* (25), *veste* (21), *vestito* (3) и *vestire* (1). Пословицы с лексемами *abbigliamento* и *indumento* не были обнаружены.

Пословицы с компонентом «одежда» отличаются разнообразием значения и передаваемого ими смысла, которые в некоторых случаях противоречат существующим стереотипам понимания роли одежды в жизни итальянцев. Нам удалось заметить, что комментарий и перевод итальянских пословиц русскими лексикографами отличается от интерпретации, которую предлагают носители итальянского языка.

В синонимичных пословицах (1) *L'abito non fa il monaco* ≈ l'apparenza inganna (не ряса делает монаха; не всяк монах, на ком клобук), (2) *Non si giudica il cavallo dalla sella* (о лошади не судят по ее седлу) [Treccani.it; ИРФС: 19] и (3) *La veste non fa il dottore* – хорошая одежда ума не прибавит [ИРФС: 1032] подчеркивается второстепенная (незначительная) роль одежды в жизни человека.

В других пословицах отмечается значимость одежды как составляющей части в жизни итальянцев. Так, в некоторых пословицах говорится о способности одежды спрятать недостатки, например, (4) *Bella veste nasconde gran difetto* – красивая одежда скрывает большие недостатки; или (5) *Con belle vesti si coprono brutti difetti* – красивой одеждой прикрывают уродливые недостатки [СИП: 1668–1669]. Эти пословицы часто используются в ироничном смысле с подтекстом: за красивой внешностью скрывается плохой характер, глупость и т. д. В русском языке им соответствуют пословицы *Без хвоста и ворона не красна*, *Наряди пенёк в вешний денёк, так и пенёк будет паренёк* [Буковская 1990: 88–89]. Мораль данных пословиц состоит в том, что внешний вид человека (его одежда) часто вводит в заблуждение. Пословицы можно воспринять как назидательный совет: обращай больше внимания на человека, а не на его красивую одежду. В русском языке эквивалентном этих пословиц является *По одежке встречают, по уму прощаются* [РПП: 327].

Другой интерпретацией данных пословиц может быть мысль о том, что красивая одежда придает человеку внушительный вид; богатство, демонстрируемое через одежду, позволяет забыть о непривлекательности человека.

В русском языке эквивалентом итальянской может быть пословица *Одежда красит человека* [Буковская 1990: 89]. В зависимости от внешних факторов (ситуации, отношение коммуникантов друг к другу и др.) смысл данных пословиц (4–5) будет различаться. Однако, ведущая роль одежды в жизни человека в данных пословицах отчетливо видна.

Пословицей, в которой роль одежды преувеличена, а оценка человека снижена, является (6) *È più bella la veste che la sposa* (букв. 'свадебный наряд невесты красивее ее самой'). В некоторых случаях эта пословица может передавать адекватную действительности оценку, например, когда роскошный наряд невесты затмевает ее саму. Отечественные лексикографы дают стилизованные под народную мудрость варианты перевода данной пословицы, передающие отрицательную оценку: «С личика яичко, а внутри – болтун»; «Видом пышный – нутром никудышный» [ИРФС: 1032; РПП: 327].

О значении внешнего вида одежды в формировании оценки о человеке говорится в пословице (7) *A veste logorata poca fede vien prestata* – рваному платью мало доверия, «бедный, запущенный внешний вид дисквалифицирует человека: нельзя считать, что человек представляет ценность, если он не чувствует, что одет так, как подобает его квалификации, его рангу» [СИП: 1669].

В пословице (8) *Chi fa onore agli abiti, gli abiti fanno onore a lui* [Там же: 5] речь идет о взаимовлиянии одежды и человека: – тот, кто оказывает честь одежде, одежда, в свою очередь, оказывает честь ему. Эта пословица может звучать иронично, когда говорят о том, кто плохо одет или, кто грубиян.

Во многих итальянских пословицах с компонентом «одежда» осуждаются отрицательные поступки и пороки людей, например, воровство как преступление и как грех: (9) *L'abito rubato non tiene caldo* – украденная одежда не сохраняет тепло (то, что происходит от незаконной деятельности, не приносит плодов, ими нельзя наслаждаться) [Там же: 5], (10) *Chi ruba la veste al povero, gela sotto le coperte* – тот, кто крадет одежду бедняка, замерзнет под одеялом; так как он совершает грех, то наказание обязательно настигнет его [Там же: 1237]; расточительность и праздный образ жизни: (11) *Fare la veste secondo il panno*; (12) *Ha poco panno, porti il vestito corto* – по одежке протягивай ножки (живи по средствам) [ИРФС: 717, 1032; РПП: 247]; (13) *Chi fa tutte la feste, povero si veste* – кто все праздники отмечает, у того на одежду не хватает [ИРФС: 399]; бедность (14) *Al mendico ogni veste s'adatta* – нищему любая одежда впору (его проблема в том, чтобы укрыться от холода, а не в том, чтобы быть элегантным). Эта пословица звучит иронично, когда говорят о человеке, который одевается несколько неуместно, без изыска и вкуса [СИП: 916–917].

В итальянском языке есть пословица (15) *Se è a rovescio il vestito va dritta la giornata* – одежда, вывернутая наизнанку приносит удачу на весь день [СИП: 1670]. В русском обыденном сознании существует противоположное мнение, что, если одежда надета наизнанку, то человек не избежит быть битым.

Таким образом, итальянские пословицы с компонентом «одежда» демонстрируют важность одноименного концепта в национальной культуре и жизни итальянцев, уникальность его репрезентации в языке. Понятие «одежда», которое часто выступает как культурный компонент в составе итальянских пословиц, обуславливает амбивалентный характер их восприятия, что влечет за собой их неоднозначную интерпретацию и оценку выражаемого в них смысла в картине мира и национальной культуре итальянцев.

Литература

- Аббот Чарльз*. Италия; пер. с англ. И. Сацевича. М.: АСТ: Астрель, 2006.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Буковская М. В., Вяльцева С. И., Дубинская З. И.* и др. Словарь употребительных английских пословиц. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990.
- Ларина Т. А.* Концепт «Одежда» в образных лексических единицах английского языка // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 2. С. 34–38.
- Николаева М. Н.* Бренд-эпоним как явление межкультурной коммуникации // Общество – язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке; редколлегия: Кирилина А. В. отв. ред. М.: Московский ин-т лингвистики, 2009. С. 75–87.
- Чупрына О. Г.* Язык моды как культурный код // Традиции и инновации в лингвистике и литературоведении: межфакультетский сборник научных статей. М.: Московский государственный областной университет, 2018. С. 148–155.
- Юсупова Л. Г., Кузьмина О. Д., Кузнецова И. И.* Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «одежда» в английском, немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Вып. 3. С. 290–294.
- БИРС* – Большой итальянско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-italian/dictionary-italian-russian-universal-term-69015.htm>
- ИРФС* – *Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. М.: Рус. яз., 1982.
- РПП* – *Константинова И. Г.* Русские пословицы и поговорки и их итальянские аналоги. СПб.: КАРО, 2010.
- СИП* – *Lapucci C.* Dizionario dei Proverbi Italiani. Milano Arnoldo Mondadori Editore S.p.A. 2007.
- Treccani.it. URL: <https://www.treccani.it/vocabolario>

*M. N. Nikolaeva (Moscow, Russia)
Moscow City University*

**ITALIAN PROVERBS
WITH THE COMPONENT “CLOTHES / CLOTHING”:
COGNITIVE ASPECT**

The article deals with Italian proverbs which contain in their structure a component, representing the concept CLOTHES / CLOTHING which has multiple forms of its expression in different language forms. The analysis of proverbs shows the specificity of this cultural component which determines the ambivalent nature of the perception and interpretation of proverbs, the ambiguity of the evaluation expressed in them. The results of the study indicate the important place of the concept CLOTHES / CLOTHING in the value picture and the national culture of the Italians.

Key words: concept, proverb, evaluation, value, cultural component, the Italian language.

*И. О. Онал (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
onal@corp.nstu.ru*

**КОНЦЕПТ ДРУГ В ТУРЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)**

В статье представлен анализ концепта ДРУГ в паремиологическом фрагменте турецкой языковой картины мира. Исследуемый концепт является одним из базовых концептов культуры, отражающих традиции и определяющих духовные и моральные ценности этноса. Цель работы заключается в выявлении содержательных признаков и ценностных составляющих концепта ДРУГ, вербализованных в турецких паремиях.

Ключевые слова: концепт, друг, турецкая паремиология, языковая картина мира.

Паремии предоставляют богатый материал для изучения культурного своеобразия базовых концептов, позволяя обнаружить лежащие в их основе образы и выявить присущие им доминантные оценки в той или иной культуре. Одним из таких базовых или ключевых концептов является концепт ДРУГ, занимающий важное место в языковом сознании этноса и отражающий свойственные данной культуре ценности, установки, поведенческие нормы. Значительное количество работ, посвященных изучению концепта ДРУГ в различных лингвокультурах (в т. ч. на паремиологическом материале), свидетельствует о ценности данного концепта и актуальности его исследования.

Согласно М. В. Пименовой, концепт – это «некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова 2004]. С точки зрения содержания концепт характеризуется как многомерное ментальное образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты [Карасик 2007: 27]. Характеризуя структуру концепта, ученые также говорят о наличии в ней общенациональных, групповых (принадлежащих определенной возрастной, социальной и т. п. группам), региональных/локализованных (отражающих специфику определенного региона) и индивидуальных составляющих [Болдырев 2021: 46]. Являясь единицами языка, вобравшими в себя многовековой опыт и народную мудрость, паремии репрезентируют содержание общенационального компонента исследуемого концепта; при этом в них в большей степени отражаются образно-эмоциональная и национально-специфическая стороны концепта.

Материалом исследования послужили более 100 паремиологических единиц (*atasözleri ve deyimler*), отобранных из турецких лексикографических источников и имеющих в своем составе или словарном толковании ключевые лексемы-репрезентанты исследуемого концепта (*dost, dostluk, arkadaş, arkadaşlık* и др.). Изучение данных паремий позволило выявить следующие составляющие концепта ДРУГ в языковом сознании турецкого народа: 1. Качества друга. 2. Ценность друга/дружбы. 3. Приобретение друзей. 4. Сохранение и поддержание дружбы. 5. Друг/дружба как обозначение ценности других объектов/ явлений.

1. Качества друга. Согласно данным, полученным в результате отбора и анализа эмпирического материала, истинному другу присущи такие качества, как честность, открытость, верность и самопожертвование. Друг не обманет, скажет правду, а если и причинит боль, то исключительно с добрыми намерениями: (1) *Dost yalan söylemez* (Друг не солжет); (2) *Dost dostun ayubını yüzüne söyler* (Друг говорит неприятные вещи в лицо). (3) *Dostun altığı taş baş yarmaz* (Поднятый другом камень не причинит вреда).

Готовность друга прийти на помощь объективируется с помощью паремий, в основе которых лежат как универсальные (4), так и национально-специфичные метафорические образы (5): (4) *Dost (iyi dost) kara günde belli olur* (Друг (хороший друг) познается в темный день); (5) *Dost dostun eğerlenmiş atıdır* (Друг – это оседланная лошадь).

Ценными качествами друга являются наличие ума (6) и добрый нрав (7): (6) *Delî dostun olacağına akıllı düşmanın olsun* (Лучше иметь умного врага, чем глупого друга). (7) *Kötü huylu dosttan, mert huylu düşman iyidir* (Добродушный враг лучше сварливого друга).

Особое внимание уделяется продолжительности дружеских отношений: чем «старее» друг, тем он ценнее: (8) *Her şeyin yenisi, dostun eskisi* (Пусть все будет новым, а друг старым); (9) *Taze bardağın suyu soğuk olur* (В новом стакане вода холодная). Более того, старый друг не может стать врагом: (10) *Eski düşman dost olmaz* (Старый друг не станет врагом), потому что дружба – это на всю жизнь: (11) *Arkadaşlık pazara kadar değil mezara kadardır* (досл. «Дружба не до базара, а до могилы»)).

2. Ценность друга в жизни человека объясняется, прежде всего, тем, что человек не может жить один: (12) *Can canın yoldaşdır* (Душа – спутник души); (13) *Sürüden ayrılanı kurt kapar* (Тот, кто покидает стадо, становится добычей волка). Если предстоит отправиться в путь, то не следует делать этого в одиночку, лучше отложить поездку и подождать, пока друг сможет к вам присоединиться: (14) *Yoldan kal, yoldaştan kalma* (Лучше отложить путешествие, чем отправиться в путь без друга/попутчика). Как и другие ценные вещи, друзья могут передаваться по наследству: (15) *Ata dostu oğla mirastır* (Друзья отца – наследство сыну). Аксиологическая составляющая концепта ДРУГ также эксплицируется через сопоставление с концептом РОДНЯ/РОДСТВЕННИК: (16) *Sadık dost akrabadan yeğdir* (Верный друг лучше родственника).

3. Приобретение друзей. В отличие от врагов, которые могут появиться в любой момент и отовсюду, завоевание друга – довольно длительный процесс: (17) *Bir dost kırk yılda kazanılır* (Пока друга найдёшь – 40 лет пройдёт). Народная мудрость предписывает соблюдение осторожности при выборе друга, чтобы избежать неприятностей в будущем: (18) *Her yüze güleni dost sanma* (Не думай, что каждый, кто тебе улыбается – друг). (19) *Karga ile dost olanın yeri çöplüktür* (Тому, кто дружит с вороной – место на свалке). (20) *Şeytanın dostluğu darağacına kadardır* (Дружба с чертом – путь к виселице).

Мысль о том, что о человеке можно судить по его выбору друзей, находит отражение в паремиях многих языков, включая турецкий: (21) *Arkadaşını söyle, kim olduğunu söyleyeyim* (Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты); (22) *Kaz kazla, daz dazla, kel tavuk kel (topal) horozla* (Гусь с гусем, плешивый с плешивым, лысая курица – с лысым (хромым) петухом).

4. Важной составляющей концепта ДРУГ является компонент «сохранение и поддержание дружбы». Содержание данного компонента носит прескрипционный характер, указывая на то, каких действий необходимо избегать, чтобы не испортить дружбу. Так, наибольшее количество паремий предписывают не навещать друга слишком часто (23) и не вступать с ним в торгово-денежные отношения (24): (23) *Dostuna sıkça giden bir gün ekşi yüz görür* (Тот, кто ходит к другу слишком часто, однажды увидит кислое лицо);

(24) *Dostluk başka, alışveriş başka* (Дружба – это одно, а торговля – другое). Если же торговля с другом неизбежна – не нужно называть заниженную цену товара: (25) *Utanna pazar, dostluğu bozar* (Не бойся торговаться, иначе испортишь дружбу). Также следует быть осторожным в высказываниях, не говорить того, что может обидеть друга, но и не хвалить его сверх меры: (26) *Dostunu överken biraz yerecek yerini bırak* (Хваля друга, оставляй место для критики).

Двоякую роль в поддержании дружеских отношений играет расстояние. С одной стороны, дружба на расстоянии рано или поздно может сойти на нет (27); с другой стороны, в отличие от стационарных объектов, люди могут встретиться и после долгой разлуки, как по собственному желанию, так и по велению судьбы (28): (27) *Gözden irak (uzak) olan gönülden de irak (uzak) olur* (То, что вне поля зрения (вдали), также вдали от сердца); (28) *Dağ dağa kavuşmaz, insan insana kavuşur* (Гора не встречается с горой, человек встречается с человеком). Если же вы замечаете, что близкий человек отдалается от вас – лучше всего прекратить дружбу: (29) *Baktın yarın yar değil, terkini kalmak az değil*.

5. Друг/дружба используется в турецких поговорках для экспликации ценности других объектов и явлений. Так, например, за лошадью надо ухаживать, как за другом (т.е. хорошо), а, оседлав ее, заставлять работать, как врага (т.е. безжалостно): (30) *Ata dost gibi bakmalı, düşman gibi binmeli*.

Несмотря на превалирующую положительную оценку друга и дружбы, присущих турецкой лингвокультуре, в ней имеются поговорки, содержащие прямо противоположную оценку данных явлений. Как отмечает О. А. Арапова, «в народной культуре оценка дружбы не однозначна, так как не всегда положительна» [Арапова 2004: 175]. Полагаем, можно говорить о наличии в структуре концепта ДРУГ подчиненных ему концептов ИДЕАЛЬНЫЙ (НАСТОЯЩИЙ) ДРУГ, РЕАЛЬНЫЙ ДРУГ и НЕНАСТОЯЩИЙ ДРУГ.

Так, у «реального» друга могут быть недостатки: (31) *Kusursuz dost arayan dostsuz kalır* (Тот, кто ищет идеального друга, сам останется без друга). «Реальному» другу не следует доверять тайны: (32) *Açma sırrını dostuna, o da söyler dostuna* (Не открывай тайну другу, он тоже расскажет своему другу). К характеристикам «ненастоящего» друга, в свою очередь, относятся: отсутствие преданности, меркантильность, временный характер дружеских отношений: (33) *Düşenin dostu olmaz* (У того, кто падает, нет друга); (34) *Fakir dost çabuk unutulur* (О бедном друге быстро забывают); (35) *Abdalın dostluğu köy görününceye kadar* (Дружба дервиша продолжается, пока не появится деревня).

Таким образом, когнитивная интерпретация содержания отобранных поговорок турецкого языка позволяет выделить следующие составляющие

концепта ДРУГ в турецкой паремиологической картине мира. Понятийно-ценностная сторона исследуемого концепта представляет собой сложный комплекс представлений о друге и дружбе, эксплицируемый номинациями характеристик друга, которые варьируются от однозначно положительных до неоднозначных и негативных. Можно говорить о разделении концепта ДРУГ в языковом сознании турецкого народа на концепты ИДЕАЛЬНЫЙ ДРУГ, РЕАЛЬНЫЙ ДРУГ и АНТИДРУГ. Вербализация соответствующих образов (образно-перцептивный компонент) производится в турецких паремиях либо средствами прямой номинации, либо с помощью метафорических выражений, как универсальных, так и отражающих национальную специфику.

Литература

Арапова О. А. Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: РГБ, 2005.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Курс лекций / Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.

Пименова, М. В. Дух и душа: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004.

Açıklamalı Türkçe Atasözleri Sözlüğü. URL: <https://www.dersimiz.com/atasozleri-sozlugu/> (дата обращения: 10.01.2023).

Aksoy Ö. A. Atasozleri ve Deyimler Sozlugu 2. İstanbul: İnkilap Kitabevi. 2013.

Atasözleri ve Anlamları. URL: <https://atasozleri.tembel.net/> (дата обращения: 10.01.2023).

I. O. Onal (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE CONCEPT *FRIEND* IN THE TURKISH LINGUISTIC CULTURE (BASED ON PAREMIAS)

The article presents an analysis of the concept FRIEND in the paremiological fragment of the Turkish language picture of the world. The concept under study is one of the basic concepts of culture, reflecting traditions and defining the spiritual and moral values of the ethnic community. The purpose of the work is to identify the meaningful features and value components of the concept FRIEND, verbalized in Turkish proverbs.

Key words: concept, friend, Turkish paremiology, language picture of the world.

О. Б. Полянчук (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
bollona@mail.ru,

Черникова А. Э. (Воронеж, Россия)
Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина
cherni-anna@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕДИНИЦ РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЕЙ

В статье рассматриваются сходные и отличительные черты процесса формирования комплексного знака средствами словообразования и фразеологии. Доказывается, что в основе формирования таких комплексных знаков лежат специфические аналогичные схемы взаимодействия соответствующих ментальных пространств. Также в статье указывается на отличительные черты изучаемых процессов концептуальной и семантической интеграции.

Ключевые слова: фразеологическая деривация, фразеологизация, производящая основа, словообразовательный формант, базовый компонент фразеологизма, формирующая часть фразеологизма, концептуальная интеграция.

Настоящее исследование связано с анализом закономерностей концептуальной и семантической интеграции, результатом которой является образование комплексного знака. В частности, в данной статье рассматриваются французские комплексные знаки (далее КЗ), представляющие собой фразеологические единицы и производные слова. Образование фразеологизмов (иначе фразеологизация) и словообразовательная деривация – это процессы, которые имеют много общего. Однако продуктивность указанных процессов, а также недостаточная изученность когнитивных факторов, определяющих их особенности, диктует необходимость более детального изучения общих и отличительных черт процессов словообразовательной и фразеологической деривации, что и определяет актуальность предпринятого исследования.

Целью настоящей статьи является выявление когнитивных и семантических закономерностей, объединяющих КЗ, полученные путем словообразовательной и фразеологической деривации, а также анализ специфических черт данных видов деривации. В соответствии с поставленной целью нам предстоит решить следующие задачи теоретического и практического

характера: а) систематизировать терминологический аппарат, связанный с фразеологической и словообразовательной деривацией; б) выявить общие закономерности и отличительные черты исследуемых процессов; в) раскрыть когнитивные факторы, лежащие в основе реализации закономерностей изучаемых процессов.

Проводя исследование в данном направлении, мы подчеркиваем, что термин «деривация» понимается нами в широком смысле – как процесс развития новой формы, смысла или понятия на основе другого. Таким образом, словообразовательная деривация определяется в традиционном понимании и подразумевает образование производного слова на базе производящего. Что касается фразеологической деривации, то на наш взгляд, возникает необходимость разграничения таких понятий, как фразеологическая деривация и фразеологизация. В этой связи термин «фразеологизация» следует понимать как результат процесса фразеологической деривации. Другими словами, фразеологизация – это приобретение комплексным знаком фразеологичности, т. е. невыводимости значения из смыслов составляющих, что приводит к образованию семантически цельноформленной *структуры*, а фразеологическая деривация – это *процесс* превращения самостоятельных лексических единиц в комплексный знак. Данный процесс требует специального изучения, как с когнитивной, так и с семантической точки зрения, поскольку именно такое направление анализа раскрывает причины ориентации фразеологизма по тому или иному пути (образование фразеологического сращения либо фразеологического единства). Таким образом, для КЗ, полученных путем словообразовательной деривации, для обозначения той или иной степени их опрощения мы используем термин «идиоматичность», а для КЗ-фразеологизмов применяется термин «фразеологичность». Перейдем к описанию системных закономерностей, объединяющих процессы фразеологической и словообразовательной деривации. Сопоставим производные слова разной степени идиоматичности и ФЕ с разной степенью фразеологичности, а именно, фразеологические единства и фразеологические сращения. В наших предыдущих исследованиях неоднократно указывалось на наличие двух степеней идиоматичности производных слов. Речь идет о многозначных дериватах, производные ЛСВ которых являются в той или иной степени идиоматичными. В этой связи нами были выявлены 1 и 2 типы развития полисемии [Полянчук 2013]. В частности, ориентация семемы, производной от КЗ-деривата по типу 1 или 2, как было доказано, определяется моделью концептуальной, а затем – семантической интеграции. Определяющую роль в данном случае играет ассоциативный фактор, а именно: при актуализации концептуального признака, соотносящегося с производящей основой, семантическая

интеграция проходит по типу 1. Особенностью таких семем является их относительная семантическая расчлененность, которая характеризуется частичной идиоматичностью, частичной мотивированностью, сохранением словообразовательного значения в измененном виде [Полянчук 2013]. При актуализации концептуального признака, являющегося следствием концептуальной интеграции, предполагающей «переплавку» признаков концептов, соответствующих на вербальном уровне производящей основе и словообразовательному форманту, семантическая интеграция проходит по типу 2. Особенностью таких интегрированных семем является их значительная степень идиоматичности, затемненность словообразовательной мотивации и имплицитность словообразовательного значения [Полянчук 2013]. Приведем несколько примеров типа 1 и типа 2.

Тип 1 развития полисемии. Глагол *détrôner* имеет два значения: 1. *Déposer de la souveraineté, du trône* – «свергнуть с престола», «удалить с трона»; 2. *Déposséder de sa prééminence, de son crédit* – «лишить превосходства, приоритета». При развитии полисемии актуализируется признак «превосходство», соотносящийся с производящей основой «трон». Производное значение существительного *grimpeur* – «альпинист». Исходное – «тот, кто ползает, карабкается». Признак концепта-аналога глагола *grimper* «карабкающийся по горам» соотносится с производящей основой, а в процессе вербализации агентивное значение суффикса не меняется.

Тип 2 развития полисемии. Глагол *empoisonner* имеет следующие значения: 1. *Faire mourir ou mettre en danger de mort en faisant absorber du poison* – «убить или подвергнуть смертельной опасности, подсыпав яд»; 5. *Fam. Ennuyer* – разг. «наскучить, т. е. отравить существование кому-либо». Ядерной семой модели семантической деривации является содержащийся в ЛСВ1 компонент «неприятные физические и психические ощущения», являющийся результатом переосмысления семантики компонентов. Безусловно, процессу семантической интеграции такого типа предшествует процесс концептуальной интеграции. Существительное *gazier* означает: 1. *Ouvrier dans une usine à gaz* – «рабочий газового завода»; 2. *Arg. Gars, homme* – «парень, мужчина». В данном примере основой метафорического переноса является семантический (и, соответственно, концептуальный признак «сила, мужественность»).

В результате проведенного анализа, предполагающего сопоставление моделей концептуальной и семантической деривации при фразеологической и словообразовательно – семантической деривации, мы выявили аналогии между этими процессами. Прежде всего, необходимо отметить, что компоненты фразеологизма имеют свои соответствия словообразовательным элементам. В данной статье мы пользуемся терминологией,

которая позволяет выделить в составе фразеологизма базовый компонент и формирующую часть (БК и ФЧ). БК отражает общее категориальное значение, как в плане семантики, так и в плане синтаксиса. Благодаря своим способностям к метафорической аттракции БК занимает семантически более сильную позицию по сравнению с другим «будущим» компонентом фразеологизма, является ономазиологическим базисом и аналогом производящей основы деривата. Аналогом словообразовательного форманта (ономазиологического признака) оказывается та часть фразеологизма, которая формирует его специфику (ФЧ) [Черникова 2018: 34]. Результаты исследования показали, что мы можем говорить о соответствии фразеологических единств типу 1 и фразеологических сращений типу 2. Другими словами, при концептуальной интеграции фразеологическое единство образуется, если задействован признак концепта – аналог БК, а фразеологическое сращение – если актуализируется признак концепта – результат интеграции признаков, соответствующих на вербальном уровне БК и ФЧ. Например, фразеологическими единствами в данных примерах выступают «*pluie de chien* – «сильный, проливной дождь» (БК – *de chien*), *recevoir une bourrasque de première ordre* – «получить хорошую забучку» (БК – *une bourrasque de première ordre*), а фразеологическими сращениями являются *une tempête sous un crâne* – «крайнее умственное возбуждение», *nuages noirs à l'horizon* – «нависшая опасность, угроза» (БК и ФЧ имплицитны, как и словообразовательное значение в аналогичном случае при словообразовательной деривации). Необходимо отметить, что все словообразовательно-семантические и фразеосемантические характеристики КЗ изучаемых уровней идентичны.

Несмотря на указанное сходство между описываемыми когнитивными и семантическими процессами, необходимо указать и на существенное отличие между ними. Так, при идиоматизации производного слова возможны два варианта: 1. Одновременный процесс словообразовательной и семантической деривации (*fumette* от *fumée* производное слово – «сигарета», производящее – «дым», *herminette* от *hermine* «тесло плотника, напоминающее мордочку горностаея»). 2. Последовательный процесс идиоматизации, предполагающий наличие исходного значения, в основе которого лежит концептуальная структура, открывающая простор для последующей актуализации различных признаков концепта, что на вербальном уровне приводит к многозначности. Что касается процесса фразеологической деривации, то он происходит исключительно по первой схеме. Другими словами, образование фразеологизма и процесс фразеологизации происходит одновременно, а последовательный вариант в ходе исследования фразеологизмов обнаружен не был.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, мы можем заключить следующее:

1. В основе процесса фразеологизации лексических единиц и идиоматизации производного слова лежат аналогичные когнитивные и семантические закономерности, связанные с соотносительностью ядерного признака модели концептуальной и семантической интеграции с элементами, структурирующими комплексный знак.

2. Идиоматичное производное слово и фразеологизм обладают аналогичными характеристиками: Дериваты типа 1 и фразеологические единства демонстрируют частичную идиоматичность и, соответственно, частичную фразеологичность, а дериваты типа 2 и фразеологические сращения – значительную идиоматичность и высокую степень фразеологичности.

3. Отличием между процессами идиоматизации исследуемых КЗ является отсутствие последовательной семантической деривации на базе фразеологической единицы.

Литература

Полянчук О. Б. Композиционная семантика многозначного производного слова: монография. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013.

Черникова А. Э. Особенности процесса фразеологизации на базе семантического компонента «природа» во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.

Polyanchuk O. B. (Voronezh, Russia)
Voronezh State University,

Chernikova A. E. (Voronezh, Russia)
N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy

SEMANTIC AND CONCEPTUAL INTEGRATION FEATURES OF UNITS OF DIFFERENT LEVELS

The article considers the similar and distinctive features of a complex sign forming process by means of word formation and phraseology. It is proved that the formation of such complex signs is based on similar specific schemes of the interaction of corresponding mental spaces. The article also points to the distinctive features of the studied processes of conceptual and semantic integration.

Key words: phraseological derivation, phraseologisation, derivating basis, derivational formant, phraseological unit basic component, phraseological unit forming part, conceptual integration.

Е. В. Рыжкина (Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет
phraseology@mail.ru

ДИНАМИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья рассматривает концептуальную метафору как инструмент формирования семантики синонимов в английской фразеологии. В работе показано, что внутренняя структура концептуальной метафоры подвижна и допускает разнообразные изменения, что обеспечивает динамизм метафорической модели и служит источником инноваций в языке.

Ключевые слова: английская фразеология, синонимы, концептуальная метафора, внутренняя структура метафоры, фокусировка.

Фразеологическая синонимия – явление довольно многогранное и неоднозначное, и, вероятно, поэтому она продолжает привлекать внимание исследователей на протяжении десятилетий. За это время многочисленные исследования пролили свет на природу синонимии фразеологических единиц (ФЕ), в том числе было предложено определение фразеологических синонимов, которое остается актуальным по сей день. Согласно этому определению, синонимами следует считать «кореферентные фразеологизмы, относящиеся к одному грамматическому классу, частично совпадающие или полностью не совпадающие по лексическому составу, имеющие общие и дифференциальные семантические компоненты и различающиеся или совпадающие в стилистическом отношении» [Кунин 1996: 130]. Тем не менее некоторые важные вопросы относительно синонимии фразеологизмов до сих пор остаются неясными.

К примеру, какая степень общности семантических компонентов является необходимой и достаточной для того, чтобы соотносимые ФЕ рассматривались как синонимы? Какие именно компоненты фразеологической семантики обеспечивают смысловую близость идиоматических выражений, учитывая всю сложность и своеобразие их семантической сферы. Скажем, можно ли считать синонимами ФЕ *to draw a long bow* (рассказывать байки, сильно приукрашивать собственные достижения) и *to make a mountain out of a molehill* (рус. *делать из мухи слона*, т. е. сильно преувеличивать возможные проблемы), если они соотносятся с одним и тем же понятием «exaggerate» (преувеличивать), но имеют разные образные основы и употребляются

в отношении совершенно несхожих речевых ситуаций? Несмотря на значительную общность семантических компонентов, эти два оборота не могут быть взаимозаменяемыми в контекстах своего употребления, т. к. различие на уровне глубинной семантики задает им разную прагматическую направленность и разные оттенки смысла.

То, что глубинные смысловые структуры (а не отдельные семантические компоненты) определяют специфику значения и функционирования идиом, многократно отмечалось в лингвистических работах когнитивного направления. Так, сопоставляя идиомы *to spill the beans* и *to let the cat out of the bag*, Реймонд Гиббс делает вывод об их идентичности, поскольку они имеют очень схожее образное основание и их значение «to reveal a secret» (раскрыть секрет) интерпретируется на основе одних и тех же метафорических моделей: КОНТЕЙНЕР (MIND IS A CONTAINER) и IDEAS ARE SUBSTANCES [Gibbs 1990]. Вместе с тем синонимичная идиома *to blow the lid off* (разоблачить, предать огласке), которая имеет иную образную основу, интерпретируется, как отмечает Р. Гиббс, по-другому [Там же]. Если первые две единицы предполагают раскрытие (обычно непреднамеренное) личных секретов, то третья идиома обычно используется в отношении разоблачений, имеющих общественный резонанс, например, коррупционных скандалов и т. п.

Это отличие ФЕ *to blow the lid off* можно объяснить тем, что контейнером в данном случае выступает не ум/разум (MIND) человека, владеющего секретом, а некий «коллективный разум», организация, представление о которой передается образом кипящего котла. Иначе говоря, вместилище секретной информации здесь существует вне или помимо человека, разоблачающего тайную деятельность. Скорее он играет роль активного наблюдателя, который срывает крышку с котла и заглядывает в него. Если рассмотреть с этой точки зрения первые две идиомы, то вырисовывается иная картина. ФЕ *to spill the beans* создает образ действий человека, который допустил оплошность и нечаянно проговорился. Смысл непредумышленного разглашения секрета реализуется главным образом через семантику глагола *to spill* – to pour **accidentally**, especially over the edge of a container [LDC]. Соответственно образное основание идиомы *to let the cat out of the bag* (букв. «выпустить/упустить кошку из сумки») передает идею о том, что раскрытие секрета может быть как намеренным (сознательно допустить утечку информации), так и следствием неосторожности или небрежности. Таким образом, в трех рассматриваемых случаях роль действующего лица представлена по-разному. Приведенные примеры указывают на важность не только самих метафорических моделей при семантизации и разграничении фразеологических синонимов, но и внутренней структуры концептуальной метафоры, которая формирует значение ФЕ.

Концептуальной метафорой (КМ) традиционно называют когнитивную модель, благодаря которой объект одной понятийной области можно осмысливать и интерпретировать в терминах другой области, например, представить абстрактное понятие в терминах чувственного опыта [Lakoff 1980]. Такую модель можно представить в виде формулы $X - \text{это } Y$. Как известно, КМ как модель обладает трехуровневой структурой, на первом уровне которой складывается общее представление о видении одной предметной области сквозь призму другой (метафорический концепт), на втором формируются конкретные метафорические проекции типа $X - \text{это } Y$, а на третьем «каждая проекция получает языковое воплощение, превращаясь в высказывание, причем каждая проекция допускает множественную языковую интерпретацию» [Беляевская 2018: 541–542]. Вместе с тем Е. Г. Беляевская указывает на существование и более глубокой структуры, нежели общая структура метафорической проекции [Там же]. Она, в частности, показывает, что концептуальная триада «пространство – время – позиция наблюдателя», соотносящаяся с КМ «контейнер», определяет пространственные параметры метафорической картины и ее динамику [Беляевская 2018: 543].

Позиции наблюдателя отводится особое значение при формировании концептуального основания метафорической проекции, поскольку данная концептуальная составляющая обеспечивает фокусировку и одновременно гибкость метафорической модели. Е. С. Кубрякова отмечает, что «изменение точки зрения на объект способно выявить новые его свойства, ввести в рассмотрение (или же вывести за его пределы) новые факты» [Кубрякова 2004: 485].

Представляется, однако, что изменение во внутренней структуре КМ по любому из параметров формирует новую единицу смысла, что получает выражение в семантике соответствующей языковой единицы. Это положение подтверждается семантическими расхождениями многих фразеологических синонимов. Например, близкие по смыслу, но основанные на разных образах, идиомы *to twist smb round one's little finger* (рус. *вить веревки из кого-л.*) и *to eat out of smb's hand* (рус. *плясать под чью-л. дудку*) метафорически передают идею полного подчинения одного человека (A_1) другим (A_2). Метафорическая картина, соотносящаяся с первой единицей, ориентирована относительно позиции действующего лица A_2 – имеющего влияние или власть над другим, таким образом, концептуальная структура сфокусирована на признаке «dominate» (подчинить своей воле). Напротив, во втором случае в центре внимания позиция лица A_1 – охотно подчиняющегося другому, так что значение ФЕ формируется вокруг признака «submit/be dominated» (подчиняться влиянию). То есть визуальные формы метафор, лежащих в основе данных идиом-синонимов, по сути, изображают одну и ту же ситуацию, только с разных ракурсов, что подтверждается их формальной взаимосвя-

меняемостью в контексте при условии трансформации предложения: *N can twist L round his little finger* = *L eats out of N's hand*. В итоге значение ФЕ *to twist smb round one's little finger* сосредоточено на идее привлекательности/влиятельности изображаемого человека, в то время как идиома *to eat out of smb's hand* означает готовность подчиняться, исполнять желания кого-л. (особенно возлюбленного).

Похожее смещение фокуса во внутренней концептуальной структуре можно наблюдать в паре ФЕ-синонимов *out of one's depth* и *above one's paygrade*. Обе идиомы передают общее значение «не по силам, за пределами чьих-л. возможностей», которое формируется на основе ориентационных метафор UP (вверх) и DOWN (вниз). ФЕ *out of one's depth* буквально означает глубину погружения (в воду), превышающую рост человека, что метафорически интерпретируется как область, в которой человек не силен. Метафорическая проекция здесь выстраивается и фокусируется относительно локализации субъекта: нахождение на большой глубине – неспособность справиться с задачей. Во втором случае метафорическая картина ориентируется относительно локализации объекта: *above one's paygrade* – **something** *above or beyond one's general skill, knowledge, ability, or willingness to participate* [FDF] – нечто (задача) находится за пределами (выше уровня) чьей-л. компетенции. Интересно, что, если обозначить уровень сложности некой области задач точкой на вертикальной оси, то в представленных метафорических картинах эта точка объективно не смещается. Но в случае идиомы *out of one's depth* она видится из положения снизу – иначе говоря, знания субъекта не дотягивают до нужного уровня. Выражение *above one's paygrade* предполагает другой ракурс: сфокусированная на объекте, метафорическая проекция представляет область задач как расположенную выше уровня компетенции человека. Такое переключение фокуса придает обороту эвфемистический характер.

Приведенные в данной работе примеры показывают, что внутренняя структура концептуальной метафоры по своей природе достаточно подвижна и допускает разнообразные изменения и перестройки, что обеспечивает динамизм метафорической модели как таковой и делает ее продуктивным номинативным средством, инструментом обновления лексико-фразеологической системы языка.

Литература

- Беляевская Е. Г. О внутренней структуре концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 540–548.
- Кубрякова Е. С. О концепте «контейнера» и формах его объективации в языке // Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 475–491.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд., переработ. М.: Высшая школа, Дубна: Феникс, 1996.

Gibbs R. W. Psycholinguistic Studies on the Conceptual Basis of Idiomaticity // Cognitive Linguistics. 1990. № 1–4.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.

FDF – The Free Dictionary by Farlex. URL: [https://idioms.thefreedictionary.com/above+\(one%27s\)+pay+grade](https://idioms.thefreedictionary.com/above+(one%27s)+pay+grade)

LDC – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group, 2000.

E. V. Ryzhkina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

DYNAMICS OF CONCEPTUAL METAPHOR AND FORMATION OF ENGLISH IDIOMATIC SYNONYMS

The article looks into the mechanism of conceptual metaphor involved in the formation of English idiomatic synonyms. The analysis shows that the inner cognitive structure of metaphor is flexible enough to allow restructuring and overall dynamism of the metaphorical model, which serves to replenish the nominative system of language.

Key words: conceptual metaphor, inner cognitive structure of metaphor, focus, English idioms, synonyms.

О. А. Сулейманова, А. Г. Галкина
(Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
souleimanova0a@mgpu.ru; vikulovaag@mgpu.ru

СЕМАНТИКА ИНФИНИТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В РУССКОМ ПОСЛОВИЧНОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются инфинитивные конструкции, используемые в пословичном дискурсе, анализируется вносимая ими информация: инфинитивные конструкции называют действие безотносительно к его протеканию во времени, субъекту, описываемое событие представлено как предельно обобщенное, вневременное. При этом речь идет о потенциально возможном событии, в которое на данный момент не вовлечен актер, и исход которого предопределен при условии несоблюдения некоего условия или в силу аналогии с иным событием.

Ключевые слова: пословицы, пословичный дискурс, инфинитив, инфинитивные конструкции.

Общий обзор

Пословичный дискурс как значимая часть национальной культурной матрицы неизменно находится в сфере интересов лингвистики: так, рассматриваются основные направления изучения пословиц в отечественной паремиологии [Иванова 2022], анализируется языковая картина мира на паремиологическом уровне языка [Котова, Раина 2020], явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства [Селиверстова 2010], исследуются направления моделирования фразеологических единиц [Иванова 2020], выявляются коммуникативно-прагматические установки русских пословиц и поговорок в художественном дискурсе [Горбань 2010], рассматриваются паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе [Натхо 2017], семантика английских фразеологизмов [Зыкова 2011] структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций [Ярыгина 2018], изучается лингвокультурная специфика паремиологического пространства [Ошева 2013; Александрова 2014], когнитивно-прагматическая парадигма паремиологической семантики [Семененко 2012] и др. Иными словами, в работах акцентируются в целом прагматические установки пословичного дискурса, тогда как культурно-национальные представления в области субъектно-объектной перспективы не получили к настоящему моменту исчерпывающего описания, что определяет **актуальность** представленного исследования. Пословичная матрица включает ряд типичных для русского пословичного дискурса структур, обобщающих национальный опыт с различной степенью и формой вовлеченности социума в описываемое событие. Это могут быть неопределенно-личные модели типа *Цыплят по осени считают*, вносящие информацию о вовлеченности некоторого социума в событие [Сулейманова 1999]; определенно / обобщенно-личные, представляющие событие как такое, умозаключение о котором выносятся на основании обобщения своего опыта *Что посеешь, то и пожнешь*; это могут быть предложения в форме повелительного наклонения, носящие характер рекомендации *Береги честь смолоду*, угрозы или предупреждения (в том числе с отрицанием) *Не рой другому яму*. Эти структуры эксплицитно обращены к адресату или же имплицитно – в неопределенно-личном предложении, например, – агенса.

В отличие от данных структур инфинитивные конструкции называют действие безотносительно к его протеканию во времени, субъекту, что позволяет представить описываемое событие как предельно обобщенное, вневременное.

В данной работе **предмет** исследования составляют пословичные речения, представленные инфинитивными конструкциями, **цель** исследования состоит в том, чтобы выявить их семантическое содержание, а также

зависимость репрезентации описываемого события от типа используемой инфинитивной конструкции.

Инфинитивные глагольные формы неизменно входят в сферу интересов лингвистов: ср., например, сопоставительный анализ инфинитивных конструкций в рутульском и английском языках [Джалилова 2017], или персональности в инфинитивных формах в якутском языке [Харабаева 2015]; исследование роли инфинитива в формировании языковой личности политика-алармиста и с целью дискредитации [Алексеев 2021]; его использования в английских конструкциях незавершённой предикации [Николаева 2019]. Рассматривается также структура, семантика и текстообразующие функции безлично-инфинитивных предложений [Шутун 2008; Сулейманова 2010], выделяются лексико-семантические группы глаголов в инфинитивных предложениях со значением нежелательности [Михайловская 2010]. Подчеркнем, однако, что инфинитив в паремиологическом пространстве не получает специального изучения.

Материал и методика исследования

Исследование основано на материале пословичных речений [Жуков 2000], в рамках которых выявлены различные инфинитивные конструкции, передающие различающуюся информацию. Инфинитивные конструкции составляют 5.5% от общего числа проанализированных пословиц.

Выявлялись синтаксические модели, в рамках которых инфинитив как «форма, только называющая действие и никак не обозначающая его отнесенности к лицу, числу, времени, реальности или ирреальности» [РГ 1980: 57], представляет событие как некую причинно-следственную совокупность действий, как противопоставление и сопоставление действий и т. д.

Результаты

Среди рассмотренных инфинитивных пословичных конструкций представляют соотношение / отождествление событий 25% примеров: *В камень стрелять – только стрелы терять, Дурака (дураков) учить, что мертвого лечить, В сиротстве жить – (только) слезы лить, Ждать да догонять – нет хуже, В камень стрелять – только стрелы терять, В сиротстве жить – (только) слезы лить, Борода – трава, скосить можно.*

Отрицательные структуры, созданные по модели *x – это не у*, устанавливают, напротив, нетождественность действий *Жизнь прожить (перезить) – не поле перейти, Чай пить – не дрова рубить.*

Это может быть противопоставление – уступительная конструкция: *(Хоть) есть нечего, да (зато, так) жить весело.*

Вторая по частотности инфинитивная конструкция устанавливает устойчивую причинно-следственную связь событий вида *если x, то y*, при этом часто имплицитруется условная связь и опускается союз *если*; *Казенного козла (хоть) за хвост подержать – можно шубу сшить (сыскать)*, *Волков (волка) бояться – в лес не ходить*, *Коготок увяз – всей птичке пропасть*. Особый тип причинно-следственной связи представлен в *Кто*-конструкциях: *Кто грамоте горазд, тому не пропасть*; может также имплицитроваться (при этом привносится представление о предопределенности отрицательного исхода) отсутствие выбора: *От трудов праведных не наживешь (не нажить) палат каменных*, *С волками жить – по-волчьи выть*, *Чему быть, того (тому) не миновать*, *Что за честь, коли нечего есть*, *Грех воровать, да нельзя миновать, Двух смертей не бывать (а одной не миновать)*.

Может, напротив, констатироваться необходимость выбора: *Либо рыбку съест, либо на мель сест*, или же задаваться предпочтительность выбора одного из вариантов: *Лучше один раз увидеть, чем сто (десять) раз услышать*. При этом в ряде случаев обозначено противопоставление *Потчевать можно, неволить грех*, *Что написано пером, того не вырубишь топором*.

Ср. тж. указание на невозможность реализации события *Аминем беса не избыть*, *Лбом стены (стену, стенку) не прошибешь*, его несвоевременность: *На охоту ехать – собак кормить*, тщетность усилий: *Как с быком ни биться, а все молока от него не добыться*.

Выводы

Инфинитивная конструкция представляет действие безотносительно к его субъекту, имеет высокую степень обобщения, поэтому часто речь о будущем потенциальном действии, не предполагающем актуально вовлеченного в событие субъекта: это либо предложение обобщенному адресату осуществить самостоятельный выбор из предложенных вариантов, причем может содержаться указание на более выгодный вариант; предложение выбора может «маскироваться» под видою вербализации причинно-следственной связи как предупреждение о заранее предопределенном неудачном выборе, или же отождествление событий, за которым также скрывается предупреждение о возможном неудачном течении события.

Иными словами, инфинитивные конструкции несут некий эсхатологический смысл, некое предупреждение о возможной неудаче, если человек примет неверное решение, и потому нужно отнестись к моменту выбора как можно более ответственно.

Перспективу исследования составит сопоставительный анализ инфинитивных моделей с прочими пословичными односоставными конструкциями.

Литература

Александрова Е. В. Понимание фразеологизма как национально-культурной метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 3. С. 53–58.

Алексеев А. Б. Особенности влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021.

Горбань И. В. Роль паремий в речевых актах: на материале языка русской художественной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.

Джалилова А. Б. Сопоставительный анализ основных грамматических классов и категорий в рутульском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2017.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000.

Зыкова И. В. Концептуальные основания семантики английских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 26–35.

Иванова Е. В. Об основных направлениях изучения пословиц в отечественной паремиологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 4. С. 875–892.

Ковалева Л. М. Модус восприятия и употребление видо-временных форм глагола и вербоидов в зависимых и независимых синтаксических единицах (категоризация воспринимаемого события) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2–3. С. 27–32.

Котова М. Ю., Раина О. В. О языковой картине мира на паремиологическом уровне языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 3. С. 487–504.

Михайловская И. Н. Синтаксико-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики независимого инфинитива в художественном дискурсе современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2010.

Мухина Н. Н. Аксиологический потенциал пословиц и поговорок в английском и русском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 1. С. 84–88.

Натхо О. И. Паремии в англоязычном научно-популярном деловом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017.

Николаева Т. Г. Семантически осложнённые предложения с атрибутивными вторично-предикативными структурами в современном английском языке: на материале произведений художественного и научного стилей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008.

Ошева Е. А. Лингвокультурная специфика паремиологического пространства: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.

РГ – Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

Селиверстова Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.

Семенов Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2012.

Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Сулейманова О. А. Особенности семантики безличных инфинитивных конструкций // Язык. Закономерности развития и функционирования. Сб. к юбилею Н. Н. Семенюк: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. С. Бабенко. М.: Изд-во Эйдос, 2010. С. 320–327.

Харабаева В. И. Функционально-семантическая категория персональности в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2015.

Шутун Е. В. Структура, семантика и текстообразующие функции безлично-инфинитивных предложений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008.

Ярыгина Е. С. Структура, семантика и синтаксические функции фразеологизированных конструкций в аргументативном дискурсе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4. С. 46–555.

O. A. Suleimanova, A. G. Galkina

(Moscow, Russia)

Moscow City University

RUSSIAN PROVERBS: SEMANTICS OF INFINITIVE STRUCTURES

The paper focuses on infinitive constructions in Russian proverbs. Proverbial discourse makes an essential part of national cultural matrix, and infinitive constructions, together with specifically Russian indefinite / impersonal constructions feature extensively in proverbial discourse. Infinitive constructions represent potential state of affairs and its outcome as a potential failure unless a potential doer meets the preconditions, often explicitly specified in the proverb, or implied.

Key words: proverbs, proverbial discourse, infinitive, infinitive constructions.

Bohao Сюэ (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

xuebohao1997@yandex.ru

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию фразеологизмов с компонентами, отражающими количество. Показано, что в китайской фразеологии количественный компонент важен при назывании непосредственно «счастливого» или «несчастливого» числа, в то время как в русской фразеологии числовой компонент усиливает коннотативное значение.

Ключевые слова: стереотип, китайские и русские фразеологические единицы с компонентами-нумеративами.

Фразеология любого языка во многом представляет национальную картину мира, воспроизводит этнокультурную информацию, в ней отражаются история, традиции, повседневные обычаи. Фразеологические единицы (ФЕ) сохраняют и воспроизводят стереотипы народного представления о мире, об окружающей действительности в обыденном и философском плане.

Изучение выражения количества во фразеологической системе представляет собой сложную проблему теории фразеологии. Числовая семантика имеет общечеловеческий характер, что распространяется на фразеологию и паремиологию [Бредис, Ломакина, Борисова, Лазарева 2022]. Необходимо при этом заметить, что границы фразеологии мы толкуем расширительно, включая помимо идиом, пословицы, поговорки, афоризмы.

Исследование ФЕ, выражающих количество, в китайском и русском языках дает возможность для анализа сходства и различия языковой и концептуальной картины мира любого носителя этих языков. Рассмотрение количественных фразеологизмов, отражающих стереотипы, показывает, насколько различны картины мира русского и китайского этносов, но в то же время фиксирует и сходства.

Количество во фразеологии, как и в лексическом составе языка в целом, выражается единицами с различной семантикой: конкретное количество (например, в русском языке: *шестое чувство, второе дыхание, с три короба*), (в китайском языке – *进退两难 – меж двух огней, 丢三落四 – пятое через десятое, 接二连三 – одно к одному*) и неопределенное количество (много, мало). Однако это не просто количество, во ФЕ присутствует соотносительность с конкретной жизненной ситуацией и ее оценка.

Изучению ФЕ с компонентом-нумеративом в русском и китайском языках посвящён ряд работ. Ди Яогуанг и Л. А. Киселева, рассмотрев ФЕ с компонентом *один*, показали, что в китайском языке их больше, чем в русском [Ди Яогуанг, Киселева 2016], при этом «внутренняя форма ФЕ в двух языках обнаруживает больше различий, чем сходств, что обусловлено этнокультурными факторами, прежде всего, спецификой символизации числового кода в ходе познания мира» [Ди Яогуанг, Киселева 2019: 195]. В работе Чу Цзы-чэн отмечается, что ФЕ с компонентом-числительным в русском и китайском языках «имеют общие типы коннотаций, функционирующие как семантический катализатор/инициатор образной метафоризации актуального значения фразеологизма в целом» [Чу Цзы-чэн 2016: 10]; в монографии Чжан Цзе, Чжан Хуньин «Числительное в пословицах и поговорках в русском, китайском и английском языках» утверждается, что наблюдается фразеологическая активность числительных в пословицах и поговорках [Чжан Цзе, Чжан Хуньин 2021].

Укажем, что ФЕ с количественным компонентом иллюстрирует стереотипы мировосприятия русского и китайского этносов. Так, в русском языке

усматривается отчетливая оценочность с положительной либо отрицательной коннотацией в ФЕ с компонентами *один, два, семь*. Подобных ФЕ в русском языке достаточно много. Например, ФЕ с компонентом *один*, отражающие начало действия (*первый шаг, первое слово, первое время*), отражающие сходство (*на одно лицо, один к одному, один в один*) и пр. В русской фразеологии ФЕ с компонентом *один* могут выражать также отношение к количеству выпитого спиртного (*ни в одном глазу*), отношение к смерти (*одной ногой в могиле*), отношение к отдельным качествам человека (суровости, например, *всыпать по первое число*) или выражение безразличия: *один конец* и пр. В целом, в русском языке насчитывается до ста ФЕ с компонентом-числительным *один/первый* совершенно различной семантики и стилистической коннотации.

В китайском языке ФЕ с компонентом *один/первый* могут быть различной грамматической формы (двухморфемные, трехморфемные и четырехморфемные единицы). ФЕ с компонентом *один* сложны семантически и парадоксальным образом сочетают в себе философское начало (единица символизирует центр вселенной, единство человека и Неба, первопричину всего сущего: 场空 *yī chǎng kōng* – *остаться ни с чем* («одно пространство пустоты»)), а также частные характеристики различных житейских ситуаций, например, единоначалие: 长制 *yī zhǎng zhì* – буквально «режим одного руководителя» или 人掌权 *yī rén zhǎng quán* – «единоличная власть», характеристики человеческой натуры (毛不拔 *yī mào bù bá* – быть крайне скупым имеет дословно значение «одного волоса не выдернет») [Лемешко, Кузнецова 2009].

Если рассматривать сложную символику китайской нумерологии, связанной с компонентом *один/первый*, следует подчеркнуть, что стереотипы восприятия *единицы* во фразеологии и китайском языке в целом связаны с основами древней китайской философии, которая трактует единицу амбивалентно.

Мы разделяем точку зрения Ю. Г. Лемешко, Ю. С. Кузнецова о том, что «в китайской лингвокультуре простые числа <в том числе *один* – *Бохэо Сюи*>, занимая особое место, являются своеобразными концептами национального мировоззрения. Магия числа, повлияв на языковое сознание, наиболее ярко отразилась на составе “нумерологических формул”, семантике фразеологических единиц» [Лемешко, Кузнецова 2009: 94].

В китайской фразеологии положительную коннотацию имеют ФЕ с компонентами-числительными *два, шесть*, поскольку в народном сознании эти цифры соотносятся с понятиями «пара, любовь» и «удача». Например, 双喜 – 囍 (двойное счастье). В то время как компонент *четыре* и как часть лексикологии, и как компонент ФЕ имеет отрицательную коннотацию, так как по произношению совпадает со словом *смерть*. Этот стереотип чрезвычайно устойчив в китайской национальной картине мира.

В русском языке таких стереотипов не наблюдается. Компонент четыре во фразеологии не частотен и имеет различную коннотацию, скорее положительную, либо нейтральную (*четвертая власть, в четырех стенах*). В русской фразеологии существуют ФЕ с компонентом *шесть*, их немного, в отличие от китайского языка, и они скорее нейтральные, либо с отрицательной коннотацией (*шестое чувство, ходить в шестерках*). В целом, в исследованиях по русской фразеологии указывается, что компоненты-числительные в составе ФЕ утрачивают значение точного количества, собственно число оказывается не столь важно, гораздо важнее качества или характеристики кого-, чего-либо.

Далее отметим, что в китайском и русском языкознании наблюдается активное развитие исследований ФЕ с компонентами, выражающими неопределенное количество.

Китайские ФЕ с компонентами *много, мало* употребляются в предложении целиком, имеют фиксированную форму и смысловое содержание. Большая их часть унаследована из древности. Эти ФЕ имеют довольно много общего с ФЕ русского языка с подобными компонентами.

Приведем ряд примеров:

Как сельди в бочке (много) – 水泄不通

Скопление большого количества людей в тесном помещении. В вагоне народу, **как сельдей в бочке**. 车厢里的人多的水泄不通。

成语水泄不通的意思是人多的像是连水也流不出去，形容人群拥挤或包围得非常严密。出自《景德传灯录》

Море людей (много) – 人山人海

Толпа, как гора, как море, описывает собрание многих людей. На митинге, где целое **море людей**, нужно быть готовым ко всему. 在人山人海的集会上，您需要做好一切准备

成语人山人海得意思是指人群如山似海，形容人聚集得非常多。出自《水浒传全传》

Раз два и обчёлся (мало) – 寥寥无几

Совсем небольшое количество; очень мало. Глубокая ночь. Прохожих на улице **раз, два и обчёлся**. 夜深了. 街上的行人寥寥无几。

寥寥无几的意思是形容稀少，没有几个。出自清·李宝嘉《文明小史》

Хоть шаром покати (мало) – 空空如也

Ничего нет, совершенно пусто где-н. В холодильнике – **хоть шаром покати**. 冰箱里空空如也。

空空如也形容一无所知，也用来形容一无所有。最早出自于春秋·孔子《论语·子罕》

В целом необходимо уточнить, что выявлены определенные закономерности в соотношении китайских и русских ФЕ с компонентами, выражаю-

щими неопределенное количество. В подобных случаях коннотации русской и китайской фразеологии во многом сходны.

Подводя предварительные итоги проведенной работы по исследованию ФЕ с компонентами-нумеративами, следует утверждать, что в китайской фразеологии количественный компонент важен при назывании непосредственно «счастливого» или «несчастливого» числа, в то время как в русской фразеологии числовой компонент усиливает коннотативное значение.

Литература

Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 276–293.

Ди Яогуанг, Киселева Л. А. Репрезентация символических смыслов числового кода культуры в русском и китайском языках (на материале фразеологизмов с компонентами два – 无, пять – 五) // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 22 (135). С. 195–199.

Ди Яогуанг, Киселева Л. А. Фразеологизмы с числовым компонентом в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–2 (60). С. 75–77.

Лемешко Ю. Г., Кузнецова Ю. С. Фразеологические единицы китайского языка, содержащие число «один», и особенности их перевода // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 46. С. 94–96.

Чжан Цзе, Чжан Хунъин. Числительное в пословицах и поговорках в русском, китайском и английском языках. Новосибирск: ООО СибАК, 2021.

Чу Цзы-чэн. Коннотативная семантика имен числительных во внутренней форме фразеологических единиц: на примерах русских слов *один, первый* и китайского слова «уї» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Серия 3. Вып. 4. С. 4–11.

Bohao Xue (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

STEREOTYPICAL REPRESENTATIONS OF QUANTITY IN CHINESE AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

The article is devoted to the study of phraseological units with components that reflect quantity. It is shown that in Chinese phraseology the quantitative component is important when naming a “lucky” or “unlucky” number directly, while in Russian phraseology the numerical component enhances the connotative meaning.

Key words: stereotype, Chinese and Russian phraseological units with numerative components.

*А. А. Хохлов (г. Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
bart.reutov@list.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ОБЩЕСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В СМИ

В статье проблема изучения репрезентации концепта рассмотрена в качестве одной из центральных в когнитивной лингвистике. Описаны способы репрезентации концепта ОБЩЕСТВО посредством крылатых единиц (КЕ) в современной публицистике. Репрезентация универсальных ценностных концептов посредством трансформации КЕ показана в качестве наиболее распространенной формы использования фразеологических средств в современных СМИ.

Ключевые слова: концепт ОБЩЕСТВО, когнитивная лингвистика, концептосфера, картина мира, языковая личность.

Современная языковая картина мира включает социально значимые понятия. Одним из наиболее часто репрезентируемых концептов, актуализирующих данные понятия, является концепт ОБЩЕСТВО. Проанализируем обозначенный концепт в контексте современной русской языковой картины мира, выявим его содержание и основные способы репрезентации в медиапространстве средствами крылатики – при помощи крылатых единиц (КЕ).

Исследование концепта ОБЩЕСТВО следует начать с представления словарных дефиниций его ключевой леммы-репрезентанта, поскольку чаще всего семантика ключевого слова отражает основную концептуальную информацию. Обратимся к одному из наиболее авторитетных толковых словарей – «Словарю русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. Согласно данному словарю, общество представляет собой: 1. Совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни. 2. Круг людей, объединенных общностью чего-л. (происхождения, положения, интересов и т. п.). 3. Группа людей, проводящих вместе время; компания. 4. Объединение людей, ставящих себе какие-л. общие задачи; организация. 5. *Устар.* Крестьянская община [МАС 2: 577].

Представленные словарные дефиниции дают возможность предположить, что ядро концепта составляют такие значения, как 1. «Совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями материальной жизни» и 4. «Объединение людей, ставящих себе какие-л. общие задачи; организация».

Н. И. Курганова, определяя концепт ОБЩЕСТВО как «один из важнейших социальных концептов любой культуры» [Курганова 2020: 29], дает следующую характеристику понятию *общество*: «определенный образ жизни, который задаётся социальной и профессиональной активностью граждан, направленной на гармонизацию отношений между разными социальными группами и культурами, на благоустройство города и среды, на обеспечение безопасности граждан, как дорожной, так и экологической» [Там же: 35]. Исследователь, характеризуя функционирование «в конкретных геополитических и экономических условиях», дает ему возможность сочетать в себе «информацию о сумме всех взаимодействий в определённой среде, а также о ценностных ориентациях культуры» [Там же].

Рассматривая структурную составляющую концепта ОБЩЕСТВО, Т. В. Романова предлагает его рассмотреть «в виде поля, где концептуальные признаки “объединение людей” и “субъект оценки” относятся к ядру концепта, а признаки “взаимодействие с государством, властью”, “иерархическая структура” и “развитие, стремление к идеалу” – к ближней периферии» [Романова 2019: 406].

Т. Ю. Передриенко, Е. С. Баландина, анализируя репрезентацию концептов ОБЩЕСТВО и SOCIETY в лексикографическом дискурсе, отмечают, что «ценностно-оценочный компонент концепта ОБЩЕСТВО имеет не только положительный / нейтральный, но и отрицательный оттенок значения» [Передриенко, Баландина 2020: 60], что позволяет, по мнению исследователей говорить о том, что «в языковой картине мира носителей российской культуры закреплён не только положительный и нейтральный образ общества» [Там же].

Ж. А. Никифорова, исследуя особенности репрезентации концепта ОБЩЕСТВО в российских периодических изданиях, приходит к следующему выводу: при репрезентации обозначенного концепта наиболее значимыми являются такие семантические поля, как *государство, политика, юриспруденция, общество, экономика, СМИ и культура* [Никифорова 2014: 65]. Исследователь подчеркивает, что «обозначаемые именно этими словами понятийные компоненты наиболее востребованы при толковании термина *общество*» [Там же].

Таким образом, репрезентация концепта ОБЩЕСТВО обусловлена широким ассоциативным полем, включающим оценочно-прагматические компоненты.

Одной из наиболее характерных черт современного газетного дискурса является серийность употребления KE. О. В. Ломакина связывает серийное использование KE при создании заголовков с «реализацией трансформационного потенциала KE, получением ими категории пословичности и вхожде-

нием в концентр – перечень наиболее употребительных единиц, служащих раскрытию интенции автора» [Ломакина 2020: 61]. Исследователь отмечает, что такое использование КЕ способно отразить в том числе систему ценностей автора текста.

Рассмотрим заголовки, являющиеся примером серийного употребления КЕ и средством репрезентации концепта ОБЩЕСТВО: «*От обстрела до заката*» («Коммерсантъ», 01.02.2023); «*От заката до контента*» («Коммерсантъ», 25.01.2023); «*От снаряда до рассвета*» («Коммерсантъ», 26.01.2022); Ср.: «*От заката до рассвета*» (Иносказательно: ночь, темное время суток) [ЭСКСВ].

В представленной серии заголовков актуализация содержания статьи посредством трансформации КЕ ограничивается лишь субституцией одного из ее компонентов. Преобразование компонентного состава основано не только на лексической замене (*заката – обстрела, снаряда; рассвета – контента*), но и на синтаксической трансформации исходной КЕ, что позволяет автору акцентировать внимание потенциального читателя на ключевой информации, содержащейся в статье и в определенных случаях придать иронический оттенок образованному трансформе. Таким образом, использование данных трансформов отражает способность к расширению семантики концепта ОБЩЕСТВО.

Обратимся к заголовкам, репрезентирующим исследуемый концепт посредством субституции – основного способа «трансформаций крылатки в современной публицистике» [Макарова 2017: 573]: «*Без обвинения виноватый*» («Коммерсантъ», 04.02.2023); Ср.: «*Без вины виноватые*» (Иносказательно: о людях, безосновательно обвиненных в чем-либо) [ЭСКСВ]. Статья посвящена скандальной ситуации, сложившейся вокруг клуба Английской премьер-лиги «Манчестер Юнайтед» и 21-летний форвардом Мейсоном Гринвудом. В представленном заголовке репрезентация концепта ОБЩЕСТВО реализуется за счет не связанной с исходным концептом лексемы.

«*Заграница нам не поможет*» («Коммерсантъ», 04.02.2023); Ср.: «*Заграница нам поможет*» (Иносказательно: иронический комментарий к позиции надеющихся не на свои в решении своих же проблем) [ЭСКСВ]. Используемый прием расширения компонентного состава посредством добавления отрицательной частицы позволяет актуализировать содержание статьи в заголовке, придав трансформе противоположный исходной КЕ смысл, при помощи которого происходит репрезентация рассматриваемого концепта. Автор статьи рассуждает о возможном решении стран ОПЕК+ не менять квоты по добыче нефти на два ближайших месяца.

«Не валяй дурака, правительство» («Коммерсантъ», 11.01.2023); Ср.: КЕ из синтетического вида искусства – песни группы «Любэ» *«Не валяй дурака, Америка!»*. Используемая субституция компонентов *Америка – правительство*, актуализируя содержание статьи, не только выражает авторские интенции уже на этапе ознакомления с заголовком, но и придает трансформу экспрессивность. Подобное преобразование делает заголовок ярким и запоминающимся. На примере рассмотрения данного заголовка прослеживается сопряженность исследуемого концепта с концептом ПОЛИТИКА.

Рассмотрим пример репрезентации исследуемого концепта, обусловленной двойной актуализацией исходной КЕ.

«Дорогой благих намерений» («Коммерсантъ», 06.02.2023). Ср.: *«Благими намерениями вымощена дорога в ад»* (Иносказательно: о добрых, но дурно исполненных намерениях, что обычно приводит к противоположному результату) [ЭСКСВ]. Задействуя прагматическую функцию заголовка, что позволяет предварительно ознакомить читателя с контекстом статьи, автор использует один из приемов трансформации КЕ, приводящей к двойной актуализации. Появившийся в результате преобразований трансформ актуализируется в контексте статьи, придавая заголовку экспрессию, отражающую авторские интенции уже в самом заголовке. Статья посвящена решению Госдумы утвердить план реализации президентских поручений по стратегическому развитию. Использование трансформ в составе данного заголовка позволяет читателю уже на этапе ознакомления со статьей понять не только ее тематику, но и авторское отношение к описываемым событиям. Использование данного трансформ КЕ в составе заголовка позволяет говорить о репрезентации концепта ОБЩЕСТВО посредством компонентов, изначально не связанных с обозначенным концептом.

В ходе проведенного анализа удалось установить определяющую роль компонентов, актуализирующих концептуальное содержание КЕ, в результате чего, используя актуализаторы, журналисту удастся осуществить свою первичную коммуникативную задачу – установление вербального контакта с читателем.

Таким образом, концепт ОБЩЕСТВО можно отнести к одному из наиболее важных социокультурных концептов, что подтверждается его растущей значимостью в современной русской языковой картине мира. Анализ показал, что исследуемый концепт тесно связан с такими концептами, как ПОЛИТИКА, СПОРТ, ВОЙНА – МИР. Данный факт позволяет отнести данный концепт к макроконцептам, а широкое использование и преобразование КЕ в составе современного заголовка дает возможность говорить о крылатике как о неотъемлемой части современного медийного дискурса.

Литература

Курганова Н. И. Концепт ОБЩЕСТВО через призму регионального газетного дискурса Канады // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию МАГУ, Мурманск, 27–29 ноября 2019 года. Мурманск: Мурманский арктический государственный университет, 2020. С. 28–36.

Ломакина О. В. Серийность как черта заголовка современной российской публицистики (на материале статей 2000–2020 гг.) // Филология и культура. 2020. № 2 (60). С. 60–64.

Макарова А. С. Роль крылатых выражений-галлицизмов в построении публицистических текстов // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 41–50.

МАС2 – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

Никифорова Ж. А. Особенности репрезентации концепта «общество» в российских периодических изданиях // Мировая наука и образование в условиях современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях, Москва, 30 октября 2014 года / ООО «АР-Консалт». Часть I. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «АР-Консалт», 2014. С. 64–65.

Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Репрезентация концептов «общество» и «society» в лексикографическом дискурсе // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 51–73.

Романова Т. В. Концепт 'Общество' по данным русскоязычных Интернет-форумов // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей III Международного симпозиума, в 2-х томах, Ялта, 08–12 июня 2019 года / Том 1. 2019. С. 401–406.

ЭСКСВ – Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: ООО Издательство «Локид-Пресс», 2005.

*A. A. Khokhlov (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT *SOCIETY* BY PHRASEOLOGICAL MEANS IN MASS MEDIA

In the article, the problem of studying concepts representation is viewed as one of the central ones in cognitive linguistics. The author describes the ways of representing the concept *SOCIETY* by means of winged units (WU) in modern journalism. The representation of universal value concepts through the transformation of WU is shown as the most common form of using phraseological means in modern media.

Key words: concept *SOCIETY*, cognitive linguistics, conceptual sphere, worldview, linguistic personality.

С. Чжао (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
251053385@qq.com

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОСЛОВИЦЫ: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье рассматривается двойное понимание когнитивной модели пословицы. В ходе анализа пословиц в рамках фреймового подхода выводится общая модель из частных моделей нескольких пословиц, а также выявляются частные модели одной пословицы в контекстах ее употребления.

Ключевые слова: когнитивная модель, пословица, фрейм, слот, дискурс.

Под когнитивной моделью Т. А. ван Дейк понимает когнитивный коррелят ситуации, представленной каким-либо дискурсом: это то, что происходит в уме человека, когда он является наблюдателем или участником ситуации, когда он слышит, или читает о ней. Следовательно, модель включает личное знание, которым люди располагают относительно подобной ситуации, и это знание представляет собой результат предыдущего опыта, накопленного в столкновениях с ситуациями такого рода [ван Дейк 1989: 68–69]. Рассматривая пословицу как минимальный дискурс, мы полагаем, что когнитивная модель каждой пословицы тоже коррелирует с определенной жизненной ситуацией, содержит в себе накопленный ранее опыт и вызывает определенные ассоциации у человека, знающего данную пословицу, при столкновении с подобной ситуацией.

По мнению Е. В. Ивановой, когнитивная модель пословицы включает в себя два уровня – внутреннюю форму и значение. Внутренняя форма отражает бытовые представления, выступает как своего рода «картинка» повседневной жизни. Значение содержит знание о принятых в социуме нормах морали, стереотипах поведения, об опыте существования в мире, накопленном поколениями [Иванова 2003: 11]. В свою очередь Т. А. ван Дейк различает частные и общие модели: первые отражают уникальную информацию о какой-либо одной ситуации, тогда как общие модели могут включать в себя информацию из нескольких частных моделей об одной и той же ситуации или же ситуации одного и того же типа [ван Дейк 1989: 164–165].

На наш взгляд, с одной стороны, к частным когнитивным моделям можно отнести внутреннюю форму пословицы, а к общим – значение пословиц, так как нередко бывает, что пословицы с разными внутренними формами имеют одно и то же значение в proverbialном пространстве, поскольку данное значение в силу своей важности повторяется и конкретизируется разными ситуациями повседневной жизни. Например, частные модели пословиц *Пожалел волк ко-*

быду: покинул хвост да гриву¹; Пожалел темени, так ударил в косицу²; Целовал ястреб курочку до последнего перышка³; Кормят вола, чтоб кожа была гладка⁴ и Жена мужа любила: в тюрьме место купила⁵ объединяет общая когнитивная модель **Лицемерный человек внешне сочувствует кому-то / любит кого-то, но фактически наносит этому человеку ощутимый вред**. Следует отметить, что в данной статье мы будем применять фреймовый подход для анализа когнитивных моделей пословиц, так как, рассматривая пословицу как стандартизированное для типичных жизненных ситуаций обобщение, мы полагаем, что фрейм является наиболее подходящим и наглядным способом представления структурированных знаний, образующих пропозицию пословиц.

Итак, выявленная выше общая когнитивная модель, по нашему мнению, состоит из следующих слотов: лицемерный человек (адресант действия), адресат действия, действие, вводящее в заблуждение, действие, обозначающее реальный результат.

	адресант действия	адресат действия	действие, вводящее в заблуждение	действие, обозначающее реальный результат
1	волк	кобыла	пожалеть	покинуть хвост да гриву
2	человек	темень	пожалеть	ударить в косицу
3	ястреб	курочка	целовать	*склевать до последнего перышка
4	человек	вол	кормить	заколоть и продать кожу
5	жена	муж	любить	посадить в тюрьму

С другой стороны, можно рассматривать инвариантное значение одной пословицы как общую модель, а ее вариативные смыслы в разных конкретных ситуациях как частные модели. В таком случае общая и частные когнитивные модели пословицы выявляются в контекстах ее употребления. В качестве примера для анализа приведем пословицу «*Мягко стелет, да жестко спат*», которая имеет больше 30 контекстов употребления в «Национальном корпусе русского языка».

Инвариант фрейма данной пословицы **Внешне кажущийся мягким человек может быть жестким по своей сущности**, на наш взгляд, состоит из четырех слотов: ① Субъект, производящий и мягкое, и жесткое впечатление; ② Объект, который испытывает соответствующие ощущения; ③ Поверхностный мягкий уровень субъекта, который обычно производит на объекта приятное впечатление; ④ Сущностный жесткий уровень субъекта, который обычно оставляет объекту неприятное ощущение.

Итак, инвариант фрейма отражает следующий пример:

1) *Вроде автор на самом деле жесткий человек, только кажется мягким, никому ничего не прощает, никем не восхищается. Так сказать, **мягко стелет – жестко сплет*** [НКРЯ А. Б. Гребнев. Дневник (1999)].

Инвариант фрейма также применяется для описания животных, совмещающих мягкую внешность и хищные повадки:

2) *И в Соловках, и в Пушкине, и на Урале я наблюдал с интересом жизнь соболей, и самое первое, на что я обратил свое внимание, была их внутренняя, страстно-хищная кровожадность и внешняя пушистость, гибкость и грация. Этот зверек вполне отвечает пословице: «**Мягко стелет – жестко сплет**»* [НКРЯ М. М. Пришвин. Звери-кормилицы (1939)].

Далее рассмотрим варианты данного фрейма.

Вариант 1. Человек, который внешне мягок, умеет расположить к себе людей, в деле справедливо требователен, при необходимости жесткий, не делающий уступок ради достижения цели в работе:

3) *Он был человек эмоциональный, где-то до сентиментальности. Шел на сопереживание, чувствовал чужую боль, никогда не был груб, не повышал голос. Но при всем при этом он был очень жестким политиком и твердым человеком. Из тех, кто **мягко стелет, да жестко сплет**. Он был обаятелен, но это шло не от мягкости. Обаяние, говорил он, в политике великая вещь. Так он располагал людей, убаюкивал их* [НКРЯ Налбандян Лиана. Леонид Ильич в маске доброго дедушки // Труд-7, 2006. 12].

В данной ситуации, в отличие от инварианта фрейма, субъект действия (первый слот) оценивается положительно. Иногда обаяние человека состоит не во внешней мягкости, а в его жесткости, требовательности и тем самым большой способности при работе.

Вариант 2. Человек дает обещания, чтобы достичь своих корыстных целей, но при этом не собирается их выполнять:

В данном случае третьим слотом являются обещания, данные субъектом объекту, а четвертым слотом – реальное действие субъекта, противоположное его обещаниям, например:

4) – *Про Элопа есть хорошая поговорка: **мягко стелет, да жестко сплет**. Он говорил то, что его собеседники хотели услышать – но собирался ли он выполнять свои обещания? Он говорил, что производство в Финляндии сохранится – оно было закрыто. Он вроде бы намеревался развивать мобильную платформу Meltemi, которая угрожала Windows Phone, но передумал...* [НКРЯ «Элоп не жалеет себя. Никогда. Он – машина» // Ведомости, 2013.09].

5) *Лопухин (юстиция) против объявления Петербурга на военном положении. Около Петербурга забастовало до 100 тыс. рабочих. Витте*

написал письмо к рабочим – приглашает их снова заняться работой, обещает им улучшить их положение. Ответ рабочих: «**Мягко стелет, жестко спать**» [НКРЯ А. И. Богданович. Дневник (1905)].

В примере № 5 объект действия (второй слот) разоблачил ложность обещания, в связи с чем цели субъекта, скорее всего, не будут достигнуты.

Вариант 3. Человек мягким образом совершает действия, которые могут привести к плохим последствиям или нанести ущерб другим:

б) – *Вот до чего мы дожили, Матвей Егорыч! – закричала она, кидая письмо, свернутое в комок, на стол, стоявший у кушетки. – Прочтите это письмо. Он **мягко стелет, да жестко спать**... И это наши дети, дети! – продолжала она громче и громче, смотря на дочь, – дети, на которых мы издерживали последние свои крохи, о которых думали день и ночь... Поди прочь с глаз моих, поди!* [НКРЯ И. И. Панаев. Прекрасный человек (1840)].

Из контекста фрагмента № 6 нам известно, что мать написала сыну письмо и попросила его одолжить ей сумму денег, в ответном письме сын очень мягким и деликатным образом отклонил ее просьбу, что очень раздражило и расстроило мать. Здесь важен не образ совершения действия (мягкий или жесткий), а само действие и его сопутствующие последствия.

Вариант 4. Происшествие не приносит положительного результата, как ожидалось, дело идет к худшему:

б) *У нас в народе есть очень хорошее выражение: **мягко стелет, но жестко спать кладет**. Вот это, мне кажется, вполне наш стиль. – Крым – это одно из ключевых событий 20-летия, по некоторым меркам вообще ключевое. Но вот приобрели Крым и потеряли практически Украину* [НКРЯ Конституция, преемник и стиль работы. Эксклюзивное интервью Владимира Путина // Vesti.ru, 2020.06].

Вариант 5. Действие, кажущееся простым и безопасным, но на самом деле являющееся сложным и опасным:

7) *Как ни странно – сложнее в техническом отношении именно спуск по линейным опорам. Конечно, на спуске, если и потеешь, то только от страха, а вот при подъеме от вас, порой, такой пар валит, что колодец застилает. И тем не менее, абсолютное большинство аварий в этой области приходится именно на спуск. Спуск, как говорится, **мягко стелет, да жестко спать*** [НКРЯ Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978–1996)].

Итак, в роли первого слота могут выступать человек, происшествие, действие и т. д. В большинстве контекстов употребления данная поговорка содержит отрицательную оценку, но в редких случаях оценка является положительной (см., например, вариант 1).

Таким образом, приемлемы оба варианта интерпретации когнитивной модели поговорки. Выбор зависит от материала и цели исследования.

Литература

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.

Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира: На материале английских и русских пословиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora/> (дата обращения: 04.01.2023).

S. Zhao (*Saint Petersburg, Russia*)
Saint-Petersburg State University

COGNITIVE MODEL OF THE PROVERB: APPROACHES TO INTERPRETATION

The article discusses a double understanding of the cognitive model of the proverb. During the analysis of proverbs, a general model from private models of several proverbs is displayed under the frame approach, as well as private models of one proverb are revealed in the contexts.

Key words: cognitive model, proverb, frame, slot, discourse.

О. В. Щербань (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет
olga_vs80@mail.ru*

КОНЦЕПТЫ РАССТОЯНИЕ И ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ИСТОЧНИК СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СФЕРЕ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются концепты РАССТОЯНИЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ как когнитивная основа семантической деривации в сфере английской фразеологии. Анализ материала показывает, что данные метафорические концепты нередко служат источником вторичной метафоризации при образовании новых значений ФЕ. В статье освещаются несколько моделей концептуальной метафоры, активно используемых для формирования новых фразеосемантических вариантов английских идиом.

Ключевые слова: фразеологическая единица, концепт, концептуальная метафора, метафорическая проекция, семантическая деривация.

Опосредованность абстрактного мышления нашим телесным опытом является предметом интереса многих исследователей. Концептуальная метафора, играющая значимую роль в языковой семантике, представляет обширный материал для изучения как с точки зрения своих функций, так и как отражение механизмов человеческого мышления. Коммуникативные функции метафоры, такие как компактность, яркость и выразительность [Gibbs 1994: 124], делают ее самым активно используемым средством образности (Гиббс приводит данные исследований, по которым в общении люди используют 1.80 живых и 4.80 стертых метафор в минуту). Однако именно концептуальные метафоры, которые мы используем неосознанно и усваиваем одновременно с родным языком, позволяют нам оценить, как человек осознает и категоризирует мир и себя в этом мире.

Если, согласно исследованиям, приведенным Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1999: 13], 95% мышления не осознается, и все наши знания и убеждения сформированы в рамках концептуальной системы, которая относится к когнитивному бессознательному, то изучение человеческого мышления не доступно интроспекции. Однако, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «так как язык сопровождает человека на протяжении всей его жизни, он формирует его сознание непрерывно, – через язык или с помощью языка человек знакомится постоянно с самой разнообразной информацией о мире» [Кубрякова 2012: 73]. Изучение языка как неотъемлемого посредника мышления дает доступ к процессам концептуализации и категоризации, к тому, как с их помощью мы познаем и осваиваем мир, а также служит «инструментом изучения способов представления внеязыкового знания в языке и в тексте» [Беляевская 2008: 84]. Здесь особый интерес представляет семантика единиц языка в синхронии и диахронии.

Семантика фразеологических единиц (ФЕ) характеризуется устойчивостью, однако и она подвержена изменениям, включая развитие многозначности, благодаря раздельнооформленности фразеологизма. «Основанная на словности компонентов и семантической двуплановости, – отмечает Е. В. Рыжкина, – она обуславливает структурную и семантическую вариативность фразеологизмов» [Рыжкина 2008: 61]. При этом одно из значимых отличий значения ФЕ от значения слова – это объем денотата. ФЕ соотносится не с отдельным объектом, а, как правило, с целой ситуацией. Фразеологическая семантика зачастую содержит оценочный и эмотивный компоненты, а также культурную составляющую. Анализ фразеологической семантики позволяет исследователю изучить не только особенности языка и культуры конкретного языкового сообщества, но и некоторые универсалии, как культурные, так и когнитивные. Так, по утверждению Гиббса [Gibbs 1994: 291], ФЕ существуют в языке не сами по себе, а отражают связанные

системы метафорических концептов, что подтверждается данными опросов, в которых респонденты последовательно называли схожие ментальные образы при описании ФЕ-синонимов. Имеющиеся фразеологические работы (см., например, [Рыжкина 2018]) демонстрируют, что в основе ФЕ-синонимов лежат аналогичные образные структуры. В данной статье мы рассмотрим некоторые метафорические концепты, часто активируемые в ходе семантической деривации ФЕ, а именно, концепты РАССТОЯНИЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ.

Одна из самых востребованных моделей концептуальной метафоры, лежащих в основе семантической деривации ФЕ – это образ-схема расстояния или путешествия как сферы-источника в последующем метафорическом переносе. Среди наиболее частотных можно назвать концептуальную метафору ВРЕМЯ – ЭТО РАССТОЯНИЕ, где достаточно абстрактное понятие времени представляется в терминах физического расстояния, непосредственно доступного оценке органами чувств. Рассмотрим для примера ФЕ *a long way off*. Первый фразеосемантический вариант (ФСВ-1) данного выражения имеет значение «далеко (отсюда или оттуда)» [значения ФЕ здесь и далее по БАРФС]. Образ значительного расстояния ложится в основу вторичной метафорической проекции, где большой отрезок времени уподобляется физическому удалению объекта в пространстве, образуя ФСВ-2 со значением «ещё не скоро, много времени пройдёт», например:

Wages growth *'a long way off'*, say top economists

[<https://www.smh.com.au/business/the-economy/wages-growth-a-long-way-off-say-top-economists-20190802-p52dau.html>].

Другими примерами реализации данной концептуальной метафоры при семантической деривации являются ФЕ *short (long) haul, a far cry, at hand, at length, in the offing* и др. Здесь разные способы измерения расстояния, связанные с тем или иным видом человеческой деятельности, (например, в ФЕ *short/long haul* это ж/д перевозки, а в *in the offing* – мореплавание), становятся мерой для оценки отрезка времени.

Образ-схема путешествия реализуется в ходе семантической деривации ФЕ на основе таких концептуальных метафор, как МЫШЛЕНИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ, ПОСТУПОК – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ.

Реализацию концептуальной метафоры МЫШЛЕНИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ можно рассмотреть на примере семантической деривации пары ФЕ-антонимов *find (get, take) one's bearings* (ФСВ-1 «осмотреться, ориентироваться (в обстановке), определить своё место, положение», ФСВ-2 «прійти в себя, разобраться в происходящем, понять, что к чему») и *lose (be out of)*

one's bearings (ФСВ-1 «потерять ориентировку, заблудиться, сбиться с пути», ФСВ-2 «растеряться, запутаться, стать в тупик»), например:

If we will maintain a direction of love by stepping up, join up, pay up, give up, and God up we will never lose our bearings (Don't Lose Your Bearings Sermon by Gerald Roberts, Romans 13:8–14 – SermonCentral.com).

Здесь ориентация в мире идей уподобляется ориентации в физическом пространстве. При этом устанавливаются метафорические проекции: «оценивание ситуации – это путь», «верные выводы – это цель путешествия», «способ оценки – это траектория путешествия» (верная траектория ведет к цели путешествия, ошибочная – не ведет). Характерно, что концепт верной траектории является ключевым и для вторичных значений многих других ФЕ, реализующих данную концептуальную метафору, например: *back and fill, be off the beam, jump the track* и др. Любопытен механистический компонент, присутствующий в значении ряда ФЕ данной группы.

Концепт путешествия применим как для описания ситуаций, где субъект является деятелем, так и для ситуаций, где субъект находится в страдательной позиции относительно происходящих событий. Так, в основе семантической деривации ФЕ *every which way* (ФСВ-1 «во всех направлениях, в разные стороны», ФСВ-2 «любым путём; во всех отношениях») и *fall into step* (ФСВ-1 «идти в ногу», ФСВ-2 «соглашаться, подстраиваться») лежит метафорический перенос из сферы-источника ПУТЕШЕСТВИЕ на сферу-мишень ПОСТУПОК. Здесь субъект является активным участником событий, именно он выбирает направление и манеру движения, например:

Falling into Step with Your Autumn Marketing (1) (<https://technologytherapy.com/falling-step-autumn-marketing/>).

But it's becoming clear that they're far from passively taking everything in – from the youngest age, infants are guiding those around them into showing them the ropes, causing our brains to fall into step with theirs. (2) (<https://www.sciencealert.com/playing-with-a-baby-can-make-your-brain-waves-sync-up-with-theirs>).

Every Which Way But Lose (3) (<https://www.international.tbs.com/>).

Если в примере (1) субъект – человек, то в примере (2) это неодушевленный объект, которому как бы приписывается воля действовать определенным образом, причем метафорический перенос зиждется на ассоциации между движением «в ногу» и согласованием иных процессов. В обоих случаях мотивирующим фактором служат импликации: «на траектории движения могут находиться несколько субъектов одновременно», «поведение субъектов, как и манера движения, может согласовываться».

Пример (3) строится на противительной конструкции, которая выводит на первый план проекции «существует много траекторий движения» и «сразу несколько траекторий могут быть верными, только одна является неверной».

В ФЕ *ups and downs*, в отличие от двух предыдущих выражений, субъект пассивно воспринимает происходящее. ФСВ-1 данной единицы имеет значение «подъёмы и спуски, неровности местности, ухабы», ФСВ-2 «превратности судьбы, удачи и неудачи, радость и горе, взлёты и падения»:

Ups and Downs: Sailing on Life's Billowing Ocean was an idea long before it was launched (<https://www.yourvismawebsite.com/magelungen-utveckling-ab/shop/product/ups-and-downs>).

Здесь мы видим наложение двух концептуальных метафор: ЖИЗНЬ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ и ВЕРХ – ЭТО УДАЧА, НИЗ – ЭТО НЕУДАЧА. Сочетание метафор создает следующие проекции: «жизнь имеет траекторию движения», «траектория может проходить через разные рельефы местности», при этом вторичное значение имеет элемент фатализма: взлеты и падения на траектории движения неизбежно сменяют друг друга, человек неизбежно испытывает эту регулярную смену, являющуюся неотъемлемой частью жизненного путешествия.

Анализ материала показывает большую роль концептуальной метафоры как одного из значимых механизмов семантической деривации в сфере фразеологии. Концепты РАССТОЯНИЕ и ПУТЕШЕСТВИЕ формируют языковые значения не только приведенных в данной статье единиц, но и многих других и входят в число самых богатых источников семантической деривации.

Литература

Беляевская Е. Г. Метафорические концепты как «инструмент» семантических исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика. Вып. 552. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2008. С. 83–92.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. М.: Знак, 2012.

Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь (БАРФС). 5-е изд., перераб. М.: Русский язык-Медиа, 2005.

Рыжкина Е. В. Усиление многозначности фразеологических единиц как тенденция развития английской фразеологии на современном этапе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Лингвистика. Вып. 544. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2008. С. 58–75.

Рыжкина Е. В. Методология исследования фразеологической окказиональности в условиях полипарадигмальности (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 115–131.

Gibbs Raymond W. *The Poetics of Mind*. Cambridge University Press, 1994.

Lakoff J., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. New York: Basic Books, 1999.

Lakoff J., Johnson M. *Metaphors we Live by*. London: The University of Chicago Press, 2003.

O. V. Shcherban (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

**CONCEPTS *DISTANCE* AND *TRAVEL*
AS A SOURCE OF SEMANTIC DERIVATION
IN THE SPHERE OF ENGLISH PHRASEOLOGY**

The article considers the concepts *DISTANCE* and *TRAVEL* as sources of the semantic derivation in the sphere of English phraseology. The analysis indicates that these concepts are actively used in metaphoric mapping that underlies the formation of new idiomatic meanings. The article analyzes several conceptual metaphors which are frequently used to form new phraseosemantic variants.

Key words: idiom, concept, conceptual metaphor, metaphoric mapping, semantic derivation.

16+

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (54)

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС: СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием

20–21 апреля 2023 года

Часть I

Главный редактор

Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска

Фурс Людмила Алексеевна

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-707-6

9 785000 787076 >

Подписано в печать 27.03.2023 г. Дата выхода в свет 18.04.2023 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 51,00. Тираж 500 экз. Заказ 2387. Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

